Записки ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества
по Отдѣленію Этнографіи.
Т. XXVII.

СМОЛЕНСКІЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ.

СОСТАВИЛЪ

В. Н. Добровольскій.

ЧАСТЬ IV.

МОСКВА.
Типографія А. В. Васильева Москва, Петровка, д. Обидиной.
1903.

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

XXVII томъ Записокъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Отдѣленію Этнографіи изданъ, по порученію Отдѣленія, подъ редакціей и наблюденіемъ Н. А. Янчука.

Глубокоуважаемому

Всеволоду Феодоровичу

Миллеру

настоящій свой трудъ

посвящаетъ

благодарный ученикъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Настоящимъ томомъ, заключающимъ въ себѣ болѣе 1.500 народныхъ пѣсенъ, закончено изданіе въ свѣтъ обширнаго Смоленскаго Этнографическаго Сборника, составленнаго неутомимымъ собирателемъ, Влад. Никол. Добровольскимъ, состоящимъ съ 1886 года членомъ-сотрудникомъ И. Р. Г. О-ва Этотъ капитальный трудъ, на который изслѣдователемъ потрачено около 20 лѣтъ, давно уже былъ готовъ къ печати, но печатаніе его, за недостаткомъ у Общества средствъ, очень затянулось. Первая часть его вышла въ свѣтъ въ 1891 г. („Записки И. Р. Г. О. по Отдѣленію Этнографіи", т. XX), вторая и третья—въ 1894 г. (тѣ-же „Записки", т. XXIII, вып. 1 и 2), и, наконецъ, четвертая и послѣдняя часть появляется въ свѣтъ только теперь, черезъ 12 лѣтъ послѣ того, какъ она была представлена въ Общество и одобрена для напечатанія въ его изданіяхъ. Такимъ образомъ многолѣтними трудами одного изслѣдователя охвачена почти вся духовная жизнь народа Смоленскаго края съ нѣкоторыми прилегающими областями: вѣрованія, обычаи и обряды, семейные нравы, весь годичный обиходъ въ пѣсняхъ, сказанія, игрища, пословицы, особенности говора и т. д.—все это цѣнный кладъ для науки, спасенный отъ гибели почтеннымъ труженикомъ. Медленность изданія въ свѣтъ собранныхъ матеріаловъ не охладила однако рвенія этого дѣятеля, отданнаго своему дѣлу всей своей идеальной душою, и онъ продолжалъ и въ послѣдующіе годы работать на этомъ поприщѣ и работаетъ до сихъ поръ, сосредоточивъ, въ послѣднее время, главное вниманіе на языкѣ, особенно на лексическимъ его составѣ. Результатомъ этихъ занятій явился словарь смоленскаго говора, который хотя и тѣсно примыкаетъ къ Смоленскому Этнографическому Сборнику, но будетъ изданъ отдѣльно Императорской Академіей Наукъ; читателямъ Сборника, конечно, придется неминуемо пользоваться этимъ словаремъ.

Для облегченія чтенія настоящаго 4-го выпуска Сборника мною приложенъ отдѣльный словарикъ менѣе понятныхъ словъ; большая часть изъ нихъ не помѣщены въ Бѣлорусскомъ Словарѣ Носовича, другія же представляются въ значительно отступающемъ отъ обычнаго употребленія видѣ. Въ остальномъ задача редакціи состояла въ нѣсколько болѣе систематичной группировкѣ матеріала, въ видоизмѣненіи и пополненіи передачи содержанія нѣ-

которыхъ пѣсенъ и въ сведеніи варіантовъ, при чемъ тождественные варіанты, хотя изъ разныхъ мѣстъ, съ согласія собирателя, были удалены, другіе напечатаны сокращенно, съ устраненіемъ длинныхъ повтореній, которыя однако каждый разъ отмѣчены соотвѣтственнымъ образомъ и легко возстановляются. Кое-гдѣ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ мною сдѣланы нѣкоторыя поясненія къ отдѣльнымъ словамъ и выраженіямъ, а нѣсколько словъ поставлены въ текстѣ съ вопросомъ, такъ какъ они остались непонятными, хотя и прочтены въ оригиналѣ вѣрно.

При распредѣленіи пѣсенъ по отдѣламъ, какъ извѣстно, всегда встрѣчаются немалыя затрудненія, и идеала въ этомъ отношеніи достигнуть невозможно. Какъ образованные люди при различныхъ обстоятельствахъ могутъ трактовать объ однихъ и тѣхъ же интересующихъ ихъ вопросахъ, такъ точно и народъ, выражая свои задушевныя мысли въ пѣснѣ, можетъ касаться излюбленныхъ темъ при самыхъ разнообразныхъ случаяхъ и условіяхъ жизни; поэтому нисколько не удивительно, если, напримѣръ, одни и тѣ же сюжеты, часто въ очень близкой обработкѣ, могутъ встрѣтиться и въ любовныхъ, и въ бесѣдныхъ, и, пожалуй, даже въ купальскихъ или петровочныхъ пѣсняхъ. Оставляя ихъ каждую на томъ мѣстѣ, гдѣ она, такъ сказать, захвачена собирателемъ, мы только способствуемъ болѣе точному отображенію подлинной картины народной жизни. Сравнительныя указанія, необходимыя въ этихъ случаяхъ, помогутъ оріентироваться въ матеріалѣ. Въ виду этого при нѣкоторыхъ пѣсняхъ, по мѣрѣ печатанія матеріала, мною были вставлены ссылки на предыдущія пѣсни, сходныя по содержанію, хотя и отнесенныя къ другимъ отдѣламъ,—ссылки, правда, случайныя и не полныя, но, можетъ быть, не безполезныя.

Въ правописаніи мною допущено, съ согласія собирателя, одно отступленіе отъ оригинала, именно звукъ *и* передъ ў (изъ *л* и *в*) вездѣ выраженъ знакомъ *и*, а не *і*, которое обыкновенно въ этихъ случаяхъ пишутъ безъ всякаго основанія; подобные случаи чаще всего бываютъ въ окончаніи прошедшаго времени и въ приставкахъ. Нѣкоторыя явныя описки оригинала исправлены мною.

Въ заключеніе считаю нужнымъ упомянуть о томъ, что къ очень многимъ пѣснямъ, содержащимся въ этой, а равно и въ предыдущихъ частяхъ Смоленскаго Сборника, по просьбѣ составителя, были въ свое время записаны артистомъ Имп. театровъ Н. Д. Беромъ музыкальные напѣвы, всего около 500 номеровъ. Эти записи предполагалось издать въ видѣ приложенія къ Сборнику, но онѣ, къ сожалѣнію, не были доставлены собирателемъ ихъ и вѣроятно будутъ изданы отдѣльно.

Н. Я.

ОТЪ СОСТАВИТЕЛЯ.

Заканчивая этимъ IV выпускомъ свой главный этнографифический трудъ, я считаю умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ онъ зарождался, при какихъ условіяхъ складывался. Пусть эта чистосердечная авторская исповѣдь будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ выраженіемъ искренней признательности всѣмъ тѣмъ, кто прямо или косвенно были виновниками моихъ этнографическихъ подвиговъ. Если мною кое-что сдѣлано для русской этнографіи, то сдѣлано это, главнымъ образомъ, благодаря тѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, которыя сумѣли заронить и согрѣть во мнѣ живую искру интереса къ этой наукѣ. О нихъ я не могу умолчать.

Начну воспоминаніемъ свѣтлаго періода—студенчества.

Когда я еще былъ студентомъ Московскаго университета 3-го курса филологическаго факультета, я бывалъ съ нѣкоторыми товарищами у проф. Всеволода Өеодоровича Миллера. По субботамъ или воскресеньямъ мы собирались въ его квартирѣ, въ Машковомъ переулкѣ, для этнографическихъ бесѣдъ. Кромѣ насъ, студентовъ, и самого руководителя нашихъ бесѣдъ В. Ѳ. Миллера, бывалъ еще проф. М. М. Ковалевскій, живо интересовавшійся этнографіей и, въ особенности, обычнымъ правомъ. Душою этого этнографическаго кружка былъ В. Ѳ. Миллеръ. Онъ воодушевлялъ нашъ кружокъ, давая намъ самыя разнообразныя темы для рефератовъ; темы иногда придумывали и мы. Матеріалы мы брали иногда изъ разныхъ этнографическихъ сборниковъ, изъ газетъ; съ этою цѣлью мы, студенты, ходили въ Румянцовскій музей, гдѣ подъ руками имѣлись груды такого матеріала, дѣлали разныя выписки, собирали библіографическія данныя по тому или другому вопросу. Разныя отрывочныя данныя и коротенькія замѣтки по одному какому-нибудь вопросу мы помѣщали обыкновенно на карточкахъ, потомъ эти карточки группировались по темамъ. Въ этихъ этнографическихъ бесѣдахъ и работахъ участвовали студенты, изъ которыхъ нѣкоторые тогда еще подавали блестящія надежды: Милюковъ, Ульяновъ.

Бесѣды велись запросто, семейно, за стаканомъ чая. Всеволодъ Ѳеодоровичъ вмѣстѣ съ М. М. Ковалевскимъ издавали „Критическое Обозрѣніе“—журналъ, весьма насъ интересовавшій. Заси-

дѣвшись поздно у В. Ѳ. Миллера, мы въ радужномъ настроеніи духа возвращались домой, ведя разговоръ на разныя этнографическія темы. Являлась мысль рѣшить нѣкоторые вопросы не на основаніи готовыхъ матеріаловъ, а собравъ матеріалы на мѣстѣ, у мѣстнаго населенія. Кто стоялъ близко къ народу, тотъ уже и тогда имѣлъ нѣкоторый запасъ народныхъ суевѣрій и этнографическихъ обычаевъ. Будучи студентомъ университета, я велъ жизнь одинокую, знакомыхъ у меня не было. Посѣщеніе этнографическихъ бесѣдъ въ домѣ В. Ѳ. Миллера было для меня свѣтлой точкой моей студенческой жизни, и съ этой поры я полюбилъ этнографію, пріобрѣлъ нѣкоторый опытъ въ собираніи матеріаловъ и заинтересовался нѣкоторыми этнографическими вопросами.

По окончаніи университета въ 1880 году, я два года прослужилъ преподавателемъ русскаго языка въ Смоленской женской гимназіи. Здоровье мое вслѣдствіе усиленныхъ трудовъ значительно разстроилось, и мнѣ доктора посовѣтовали выйти въ отставку и пожить нѣкоторое время въ деревнѣ, для укрѣпленія моего здоровья. Живя въ деревнѣ, я занялся этнографіей. Добывать матеріалы мнѣ помогало то обстоятельство, что моя мать близко стояла къ крестьянамъ. Принимая участіе въ ихъ нуждахъ, какъ мѣстная жительница, она всѣхъ знала, всѣми интересовалась. Страдая тяжелой нервной болѣзнью болѣе 30 лѣтъ, моя мать принимала особенно живое участіе въ больныхъ крестьянахъ и давала имъ лѣкарства и разные медицинскіе совѣты, поэтому крестьяне часто насъ посѣщали.

Бесѣды моей матери съ крестьянами и крестьянками вводили меня въ кругъ деревенской жизни, деревенскаго быта и деревенскихъ понятій. Съ дѣтства я любилъ деревенскую жизнь и природу. Эта старая любовь къ деревенской жизни возросла теперь съ новою силою. Здоровье мое начало поправляться. Въ матеріальномъ отношеніи мнѣ въ деревнѣ жилось очень трудно, но, заинтересовавшись этнографіей Смоленскаго края, я хотѣлъ трудъ свой довести до конца, и мнѣ не хотѣлось разстаться съ больною матерью, съ которою я и жилъ до послѣднихъ минутъ ея жизни.

Работалъ я такимъ образомъ на свои личныя средства въ теченіе десяти лѣтъ, съ 1882 года по 1892 годъ, и у меня накопился довольно значительный запасъ разнороднаго этнографическаго матеріала, преимущественно по части пѣсенъ и другихъ видовъ народной словесности, причемъ какъ мѣсто записей, такъ и названія лицъ, отъ которыхъ мнѣ приходилось что-либо записать при всякомъ удобномъ случаѣ, тщательно мною отмѣчались. Обычаи и народный бытъ я изучалъ на мѣстѣ. В. Ѳ. Миллеръ совѣтовалъ мнѣ найти сотрудника, который бы записывалъ музыкальныя мелодіи. Такой сотрудникъ нашелся по сосѣдству. Случайно я познакомился съ семействомъ сенатора Димитрія Борисовича Бера. Сынъ его Николай Димитріевичъ Беръ, въ настоящее время артистъ Имп. театровъ, кончалъ въ то время Петербургскую консерваторію, и, пріѣзжая на вакаціи къ себѣ въ деревню, заинтересо-

вался народными мелодіями. Этому, можетъ-быть, способствовали семейныя традиціи: дѣдъ его, знаменитый композиторъ М. И. Глинка, всегда интересовался народною пѣснею и между прочимъ отзывался съ похвалою о музыкальности крестьянъ деревни Сухого Починка, гдѣ у него неподалеку было родовое имѣніе [1]). Н. Д. Беръ сталъ ѣздить со мною по деревнямъ, и ему удалось записать болѣе 500 пѣсенныхъ мелодій къ собраннымъ мною текстамъ. Въ домѣ Беровъ я познакомился съ Павломъ Васильевичемъ Шейномъ, а также былъ представленъ проф. В. И. Ламанскому, товарищу Д. Б. Бера по гимназіи.

П. В. Шейнъ былъ у меня въ деревнѣ нѣсколько разъ. По просьбѣ его я созывалъ крестьянъ и крестьянокъ; пѣсни ихъ ему очень нравились; онъ самъ мастеръ былъ пѣть бѣлорусскія пѣсни, и нѣкоторыя изъ числа тѣхъ, которыя онъ пѣлъ, остались у меня въ памяти, именно: „Научить тебя, Ванюша, какъ ко мнѣ ходить: Ты не улицей иди—переулочкомъ, Ты не голосомъ кричи—соловьемъ свищи“ и др. Болѣе всѣхъ моихъ пѣвицъ ему понравилась Варвара Азарова, которая еще жива и въ настоящее время; она пѣла, напр.: „Вився хмелюшка“. Хорошо пѣла еще старушка Матрена Антонова, напр., пѣсню про ступку: „Поѣхала ступка съ конца въ конецъ маку толочь, маку толочь“. Варвара Азарова казалась П. В. Шейну воплощеніемъ бѣлорусскаго типа, и онъ просилъ у меня снять ея карточку, что я и исполнилъ. П. В. охотно бесѣдовалъ съ моими дѣтьми и училъ ихъ произносить звукоподражанія синицѣ, соловью и проч. Подъ впечатлѣніемъ этого у меня явилась мысль написать о звукоподражаніяхъ въ народномъ языкѣ и въ народной поэзіи (напеч. въ „Этногр. Обозрѣніи“, кн. XXII). Прочтя эту статью П. В. упрекнулъ меня за то, что я не упомянулъ объ обстоятельствѣ, натолкнувшемъ меня на мысль написать эту статью. Дѣйствительно, именно послѣ разговора съ П. В. Шейномъ у меня явилась мысль собрать народныя звукоподражанія, и съ моего голоса Н. Д. Беръ положилъ ихъ на музыку.

—„Довольно вамъ держать свои этнографическіе матеріалы дома, пора ихъ представить въ Географическое Общество“, сказалъ мнѣ однажды П. В. Шейнъ, что я въ скоромъ времени и исполнилъ.

Въ 1886 году, въ мартѣ мѣсяцѣ, по представленіи мною въ названное Общество собранныхъ матеріаловъ, я былъ избранъ его членомъ-сотрудникомъ, каковымъ состою и по настоящее время.

---

[1]) Нѣкоторыя свѣдѣнія о М. И. Глинкѣ я получилъ отъ его управителя, бывшаго крѣпостного и весьма близкаго ему человѣка, а впослѣдствіи монаха при часовнѣ Богоматерской церкви, въ Смоленскѣ. Этотъ монахъ выражался о знаменитомъ композиторѣ такъ; „Необыкновенно добрый былъ, только деньги у него не держались: кто что попроситъ, тому онъ и дастъ... Поживетъ въ деревнѣ, а потомъ начнетъ скучать: терпѣть не могу запаха этихъ конопляниковъ!..“ Не нравились ему еще здѣшнія вина: „еще за границей шампанское пить можно...“ Между прочимъ, монахъ этотъ имѣлъ своихъ почитателей въ Смоленскѣ и слылъ между ними даже за человѣка прозорливаго; онъ славился честностью, и ему поручена была постройка названной церкви.

Какъ теперь помню тѣ обстоятельства, при которыхъ я былъ избранъ въ члены-сотрудники И. Р. Г. Общества. Я пріѣхалъ въ Петербургъ въ половинѣ марта и тотчасъ опасно заболѣлъ брюшнымъ тифомъ; меня помѣстили въ Александровскую больницу, въ которой я лежалъ болѣе мѣсяца. Мнѣ все грезилась этнографія, а доктора Таубе и Морицъ, лѣчившіе меня, запрещали мнѣ брать въ руки какую-нибудь книгу, а тѣмъ болѣе рукопись. Въ маѣ мѣсяцѣ, по выходѣ изъ больницы, я читалъ рефератъ въ Филологическомъ Обществѣ. Этнографическій духъ мой приподняло то обстоятельство, что къ моему реферату отнеслись весьма сочувственно В. И. Ламанскій, Л. Н. Майковъ, А. Н. Пыпинъ и И. В. Ягичъ. Послѣдній удостоилъ мой рефератъ замѣткой въ „Archiv für Slavische Philologie“, а А. Н. Пыпинъ написалъ отзывъ о моихъ трудахъ въ „Вѣстникѣ Европы“ (декабрь, 1891). Отъ Географическаго Общества мнѣ дали на продолженіе моихъ занятій 300 рублей, которыми я подѣлился съ моимъ сотрудникомъ Н. Д. Беромъ.

Съ удовольствіемъ вспоминаю время, проведенное мною въ Петербургѣ: онъ мнѣ очень понравился; я часто бывалъ у В. И. Ламанскаго, который отнесся ко мнѣ съ теплымъ участіемъ; супруга его Александра Ивановна, о которой я храню благоговѣйное воспоминаніе, была чрезвычайно привѣтливая, отзывчивая и добродушная хозяйка. Вечера у В. И. Ламанскаго отличались простотой и разнообразіемъ научной бесѣды. Можно себѣ представить, какъ эти вечера были привлекательны для меня, деревенскаго жителя. Я тамъ встрѣчалъ людей ученыхъ, разныхъ общественныхъ дѣятелей. Обращеніе В. И. Ламанскаго и его супруги было простое и ровное, и со мною, деревенскимъ простакомъ, обходились съ одинаковою любезностію и искренностію, какъ съ людьми замѣчательными. Свѣтлыя петербургскія воспоминанія засѣли у меня въ памяти, и впослѣдствіи, хотя жилось трудно, я всегда переносился воспоминаніемъ въ Географическое Общество, въ Петербургъ, въ тотъ Петербургъ, который когда-то меня обласкалъ на первый разъ [1]).

Я перенесъ на время свою собирательскую дѣятельность въ сосѣднюю Орловскую губернію. По представленіи мною орловскихъ пѣсенъ Дмитровскаго уѣзда и костюмовъ Орловской и Смоленской губ., Географическое Общество удостоило меня малой серебряной медали. Къ тому времени въ 1891 г. въ „Запискахъ“ Общества былъ напечатанъ I томъ моего Смоленскаго Сборника, представленный мною въ рукописи въ 1886 г.; за него я получилъ отъ Географическаго Общества малую золотую медаль. Спустя три года вышелъ II томъ Смоленскаго Сборника, за ко-

[1]) Постоянно интересовались моими трудами и принимали близкое участіе во мнѣ: мой товарищъ по университету Сергѣй Васильевичъ Преображенскій и петербургскіе знакомые: Александра Петровна и Степанъ Петровичъ Шуйскіе, Гавріилъ Михайловичъ и Марья Петровна Князевы, Анна Гордѣевна Станкевичъ, а въ Смоленскѣ: Николай Яковл. Цапенко, Михаилъ Алексѣевичъ Дроздовъ и Николай Алексѣевичъ Хомяковъ.

торый еще въ рукописи я получилъ отъ Географическаго Общества вспомоществованіе 200 рублей; потомъ въ томъ же году вышелъ III томъ. Матеріалъ для IV тома, нынѣ выходящаго въ свѣтъ, я представилъ въ Географическое Общество еще въ 1890 г.

Въ ожиданіи его выхода въ свѣтъ я не сидѣлъ праздно. Желая найти какой-нибудь новый, свѣжій матеріалъ, я просилъ своего пріятеля, крестьянина Семена, съ которымъ я любилъ охотиться, чтобы онъ доставилъ мнѣ хорошихъ разсказчиковъ изъ цыганъ, что онъ сдѣлалъ весьма охотно. Сблизившись съ цыганами, я и самъ научился съ ними говорить по-цыгански. Языкъ ихъ оказался простой, словъ въ немъ мало, но меня особенно заинтересовали грамматическія формы языка и фонетическія особенности, всегда сопутствующія цыганскому языку во всѣхъ его нарѣчіяхъ и встрѣтившіяся и въ языкѣ Киселевскихъ цыганъ. Особенно мнѣ доставилъ много интересныхъ разсказовъ цыганъ Ивка. Это былъ старый цыганъ и весьма гордился тѣмъ, что онъ когда-то участвовалъ въ поимкѣ Бѣляцкаго, тоже замѣчательнаго человѣка. Бѣляцкій былъ разбойникъ, наводившій страхъ на Смоленскую губернію, нападавшій на дома богатыхъ помѣщиковъ и увозившій, по слухамъ, барынь и барышенъ; про Бѣляцкаго ходили самые необыкновенные слухи про его умъ, изворотливость и наглость. Слухи эти были не лишены романическаго оттѣнка. Бѣляцкій выставлялся необыкновеннымъ героемъ, въ родѣ капитана Копейкина. Ивка, цыганъ очень остроумный и словоохотливый, всегда сводилъ рѣчь къ тому, какъ онъ ловилъ Бѣляцкаго. На собираніе матеріаловъ о цыганахъ по Смоленской губ, я получилъ отъ Географическаго Общества, субсидію въ 200 рублей. Надо сознаться, что, когда я сталъ заниматься цыганскимъ языкомъ, это занятіе не способствовало увеличенію моего бюджета и моихъ деревенскихъ запасовъ. Давно я уже представилъ собранный матеріалъ въ Географическое Общество, а ко мнѣ по старой привычкѣ каждый годъ весною и осенью являются цыгане и просятъ коляды: хлѣба, картофелю на посѣвъ, овса кормить своихъ лошадокъ, и я имъ даю, какъ старымъ своимъ знакомымъ. Впрочемъ, они народъ не лишенный нѣкоторыхъ симпатичныхъ чертъ, напр., трогательной привязанности къ своимъ роднымъ. Придутъ они, бывало, большой компаніей, заговорятъ по-цыгански и просятъ меня показать портреты цыганъ, снятые съ этнографической цѣлью; нѣкоторые изъ этихъ портретовъ относятся къ лицамъ, умершимъ или сосланнымъ за преступленія въ дальнюю Сибирь,—какъ покажешь имъ эти портреты—цыгане давай плакать навзрыдъ; поплачутъ, поплачутъ, поблагодарятъ и пойдутъ себѣ домой.

Изучивъ цыганъ, я продолжалъ опять свои наблюденія надъ крестьянскимъ бытомъ. На собираніе разныхъ обычаевъ по Смоленской и сосѣднимъ губерніямъ Географическое Общество дало мнѣ 170 рублей. Нѣкоторыя изъ моихъ статей, относящихся къ этому времени (о домовомъ, разсказы изъ жизни Полѣхъ Жиздринскаго уѣзда, о самоубійцахъ, пословицы и

загадки, прозвища, Киселевскіе цыгане) помѣщены въ „Живой Старинѣ“. По представленіи своего цыганскаго матеріала въ Академію Наукъ, я съ 1896 г. сталъ получать поддержку отъ Академіи въ размѣрѣ 600 руб., благодаря ходатайству покойнаго Л. Н. Майкова. Эта поддержка была для меня весьма существенна: обстоятельства были стѣсненныя, жить было весьма и весьма трудно. Дѣти, мною дома подготовленныя, стали поступать одинъ за другимъ въ гимназію; задолженность росла, и заложенное имѣніе могло быть со дня на день продано Дворянскимъ банкомъ съ аукціона; мои хлопоты о поступленіи на службу не имѣли успѣха. Два года я получалъ означенную субсидію и это время употребилъ на работу для Академіи Наукъ. Я сталъ заниматься собираніемъ лексическаго матеріала для 2-го отдѣленія Академіи. Матеріалы мною были собираемы въ Смоленской, Калужской и Орловской губерніяхъ. Собранъ, кромѣ того, спеціальный матеріалъ для областного словаря Смоленской губерніи, который будетъ напечатанъ Академіей, равно какъ и мои цыганскіе матеріалы, которые уже давно печатаются подъ наблюденіемъ акад. Залемана. По представленіи моего лексическаго матеріала, И. Академія Наукъ рѣшила, въ виду моихъ стѣсненныхъ обстоятельствъ, выдавать мнѣ изъ суммъ Коммиссіи для оказанія помощи литераторамъ и ученымъ субсидію по 360 руб. ежегодно.

Не могу не выразить моей глубокой благодарности тѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, которыя не дали мнѣ заглохнуть въ провинціальной глуши и поддерживали во мнѣ энергію въ работѣ на излюбленномъ поприщѣ, и въ особенности изъ петербургскихъ ученыхъ—академикамъ: В. И. Ламанскому и А. А. Шахматову. При этомъ считаю долгомъ упомянуть, что, помимо Петербурга, я встрѣчалъ всегда теплое участіе и въ Москвѣ, въ томъ этнографическомъ кружкѣ, который впервые толкнулъ меня на этотъ путь. Состоя сначала съ 1887 года членомъ-сотрудникомъ, а потомъ дѣйствительнымъ и съ 1901 г. непремѣннымъ членомъ Имп. Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи при Московскомъ университетѣ, я не порывалъ старыхъ связей съ Москвой, переписывался съ московскими этнографами, читалъ доклады въ засѣданіяхъ Этнографическаго Отдѣла названнаго Общества, напечаталъ нѣкоторыя свои работы послѣдняго времени въ издаваемомъ при этомъ Отдѣлѣ „Этнографическомъ Обозрѣніи“, редакторъ котораго Н. А. Янчукъ принималъ постоянное близкое и непосредственное участіе во мнѣ и въ моей судьбѣ, и ему я обязанъ многими цѣнными и весьма полезными для меня указаніями и разнаго рода совѣтами. Попрежнему тепло и заботливо со всегдашнею готовностью помочь мнѣ словомъ и дѣломъ всегда относился ко мнѣ мой учитель, предсѣдатель этого Отдѣла, проф. Вс. Ѳед. Миллеръ которому я съ чувствомъ особенной благодарности посвящаю настоящій свой трудъ.

В. Добровольскій.

I. ИГРИЩА.

---

1. Злыдни.

(Сельцо Свалы, Смоленскаго уѣз.).

Здѣлали Злыдню: на дугу надѣли мущинскіи штаны, вуши здѣлали изъ двухъ ложикъ; — ета называитца кабыла. На кабылу садитца ахотникъ. Іонъ адяётца такъ: вусы сабѣ здѣлаить изъ черный сажи. Выѣжжаить іонъ у аднэй рубахи, поисъ у яго тиризъ плячо нахристь. Въижжаить іонъ у хату:—Здрастуйтя, гаспада мужики! Пазвольтя са свайго тёмныва лѣсу Злыдню выгнать! — Пайзвольтя спрасить, аткуда вы такія іость, съ какихъ памѣстиў вы находитесь сами? Ти іость у васъ удаставѣренія, што вамъ можна ганять ахоту? Прачитали удаставѣренія, дазволили яму са свайго темныга лѣса Злыдню выгнать. Закричалъ ахотникъ громкимъ голысымъ:—Разбяжитись-ка, сѣрыи сабаки; узнайтя, идѣ лихая Злыдня живеть. Дятишки у ахотника за сабакъ: тэй падъ лаўкый *вяху*, *вяху*! тэй тамъ падъ кутомъ; тэй тамъ на пячи; тэй тамъ на палу—уси вяхають. Затрубилъ ахотникъ сиряди свайго лѣсу, стаў сабакъ звать; пасабрались усѣ злыи сабаки къ яму. Стаў іонъ вокала сабачикъ лошать кармить, выбиўшись изъ духа. Вдругъ упала лошать яво са ўсѣхъ читырёхъ нохъ, выбиўшись изъ силъ.—Охъ, какой лѣсъ агромный! Ганялъ, ганялъ, лошади алишился, а Злыдни ня выгналъ .. Сталъ ў народи спрашивать, ти ня можить хто лошать выличить; выискался маладой паринь:—Я тибѣ лошать атживўлю: толька патрудитесь мнѣ съ темныва майво лѣса выгнать Злыдню. Онъ приступилъ къ сѣрый лошади, сталъ вокала лошади хадить. Сталъ ў вуши дуть—сталъ конь дыхать.—Вотъ, гаспада народы, я яму лошадь атживўлю, а іонъ мнѣ Злыдню наўрядъ выганить, толька какая есть—разсердить. Усхватилась яго сѣрая лошать: то была лиха, а то ящо палишѣла. Сѣў на сваю сѣрую лошать и затрубилъ ў сваю громкую трубу:—Ну-ка, мае сѣрыи сярдитыи сабаки, разбигайтись па ўсѣмъ па угламъ, тащитя Злыдню! Разыщитя лихую Злыдню! Раз-

сыпались собаки, стали каво за хвостъ, каво за нагу, тожа и самъ ахотникъ ни зиваить: кала плечъ народу задаеть.—Ну, што, гаспада, ти давольны, ти выгналъ я вамъ Злыдню?—Благадаримъ пакорна, што патрудились, гаспадинъ ахотникъ.—Ну, пращивайтя съ естымъ!

(Отъ Моисея Васильева).

2. Старцы.

(Сельцо Свалы, Смоленскаго уѣз.).

Дѣлались 12 старцыў, адивались уси ў разную адёжу, падѣлали сабѣ гарбы изъ сувалки, пастроили сабѣ кажинъ по двѣ сумки, назбирали сабѣ кажный па поўный сумки конскихъ мерзлыхъ каўтюховъ. Мизъ ихъ 12 быў адинъ видущій; уводить ихъ у хату:—Аткудыва вы такея старцы?—Ельнинскія. Какъ ба мы васъ ни пувизали.—Ня можитя вы насъ пувизать: у насъ дакуминты іость. Пашли яны мизъ народу прасить милыстыни, назбирали кажинъ по двѣ сумки, садятца сряди хаты, стали дялить милыстыню: тотъ сябѣ бярётъ, тотъ сябѣ бярётъ—астаетца адинъ кусокъ лишній милыстыни. Падняли зъ-за таго куска валку мизъ народу, такъ што друхъ друга убили. Глухой ни дрался; іонъ и шуму ня слышалъ. Усхватился іонъ туды и сюды посли сна таварищиў нѣту. Паглядить харашенька: лижать уси, какъ убитыя; іонъ стаў ихъ разбуживать. Стаў перва-на-перва нямова будить, — никакъ ни дабудитца: іонъ и къ галавѣ приляжить—кричить; іонъ и къ боку прилляжить—кричить; іонъ и къ нагамъ прилляжить—кричить. Усхватитца нямэй скорымъ абаротымъ и давай пальцами глухому талкавать, гдѣ наши товарищи. Глухой нямому талкаваў, што ўси паубиты; а у нямова на сбережнысти были ўсихъ 12 старцыў деньги, іонъ быў за атамана. Нямэй абрадываўся; сѣли пасряди хаты дялить вяликую казну. Ни успѣли раздялить—устаютъ тэя 10 старцыў и здѣлали турбацію. Народъ утишался, што старцы падрались. (Отъ него же).

3. Марьюшка.

(Сельцо Свалы, Смол. уѣз.).

Мущина адяеть женскую адёжу, сабираить ува ўсихъ шапки, забираить усѣ ў хвартукъ, дѣлаить сибѣ поўный животъ. Кладуть яго сряди хаты; накрываютъ глаза; падходить къ яму старый старичокъ благаслаўляитца «Марьюшки ручки атлажить». (Старый старичокъ етытъ у вываpачиный шуби, горбъ у яго зялёный съ пасканней, барада сы льну). Другей старичокъ (такимъ родымъ адѣтый) благаслаўляить:—Бохъ благаславить тябе къ Марьюшки падыйдить.—Благаславитя мнѣ Марьюшки ручки атлажить. — Бохъ благаслаўляить тибѣ ручки атлажить. Апять кричить, у пароги стоя:—Благаславитя

вакрухъ Марьюшки абпоўзть.—Бохъ благаслаўляить вакрухъ Марьюшки абпоўзть, и я тябе благаслаўляю —Благаславитя минѣ Марьюшку за ножку падиржать. — Бохъ благаслаўляить, и я благаслаўляю Марьюшку за ножку падиржать. Агонь пригасили. Удрухъ Марьюшка ускачила и съ памѣстья прапала. Дѣдъ нижній закричалъ на верхнига: —Марьюшка прапала!.. Злизаить дѣдъ съ печи и припадаить къ земли, нюхаить тыя миста, идѣ Марьюшка лижала; принюхиваить слѣдъ носымъ, ти даўно Марьюшка прапала. Закричали старики оба громкымъ голысымъ: — Каравулъ! Стали вушами прислухиватца, ти ня чуть, идѣ ея голысъ.—Марь-я, Марь-я! Ина громкымъ голысымъ:— У, у! Стали яны разбирать, у якимъ баку кричить. Талкують другъ съ другымъ:—У народи, какъ у темнымъ лѣси, ни найдёшъ. Стали яны кричать громкымъ голысымъ:—Марья, у! Нашли ў таўпѣ тую Марью; привяли, паставили мизъ народа ў кругу; стали распрашивать, идѣ шлялася, прападала етыя дни.—Идѣ ни шлялася, пришла ты къ намъ. Видимъ мы, што намъ крезьбины спраўлять. Съ кѣмъ ты зваляласе? Назаветь насильника. Каждый падбигаить къ Марьюшки и просить отдать шапку. Бизъ жгутовъ, ни'тдають, задають гарячихъ. Када хто баитца падайти, падносють яво шапку къ ыгню; яму жалка станить шапки, падъиўляитца и пулучаить жгуты.

4. Бычка пáстивить.—Аннушка-прялья-саматóка.

(Сельцо Свалы, Смоленскаго уѣзда).

Входить прялья са сваимъ грибянёмъ (пирнадѣтый у женьскую адёжу мущина), бяреть сваю прялку съ аграмаднымъ колесымъ, станавить сиряди хаты скамейку, станавитца ина «прясти и бычка пасти»: Пущаю свайго бычка на мірской лухъ. Хади, хади, мой бычокъ, па мірскомъ лужку! —Што жъ ты, Аннушка-прялья, што жъ ты за мірщину даси, што твой бычокъ нашу траву выидаить? — «Пряду, пряду тальку, пайду за Михалку. Буду пастивить бычка три года, ни выганитъ мине нихто съ карагода». Мужики радють раду сыгнать бычка съ лужка. Звили яны по три жгута прабирать Аннушку-прялью. Стали шутки шутить, по три жгуты пряльи атпускать за бычка третьичка. Видить Аннушка—дѣла худа: нада свой гребинь убирать, саматошную прялку.—«Тпрусь, тпрусь, мой бычокъ! Тпрусь, тпрусь, третьячокъ». Бычокъ: —Ми-и, ми-и!—«Ти питички хочишъ, ти ѣсьтички? Прабыли мы съ табою на мірскимъ лужку ни пиуши, ни ѣуши, платили мы аброкъ напрасна, ни дапиўши, ни даѣўши были». Стали мужики бить тога бычка, стали судить, каму што за бычка шить: маладымъ дѣўкамъ полуцапожки (по три жгута гарячихъ имъ уляпить), рибятамъ цапаги, такъ усимъ: каму сумку, каму цапаги, каму полуцапожки. Застаетца адинъ хвостъ — пряльлюшки Аннушки-сама-

токи.—«Охъ, ты, мой бычокъ-третьячокъ, пастивила тябе три года, ни дасталось мнѣ атъ тибе ничога—толька адинъ крутой хвостъ».

5. Старикъ, Кривой Цуцела.

(Село Шиловичи, Духовщинск. уѣз.).

Народъ сабираитца ў хату съ музыкантами; выбираитца такой атпѣтый чилавѣкъ, каторый адѣтца пряма у цуцельскую адёжу и выбираить маладцоў, штобъ ихъ ажанить. Женихи выбираютъ сабѣ нивѣстъ. Старикъ сядить рядымъ зъ ими. Съ за дваряей палзеть такой странный цуцела. Старикъ спузаитца и брасаитца бабамъ пряма падъ ноги, исцить сабѣ мѣста, гдѣ хуватца. Гаворить бабачкамъ: — Сховайте мяне! А кривой етытъ сядить рядымъ съ яво женихами и отбрасываить атъ сябе, будта яво воши заѣли. Старикъ етытъ адумаитца, што дарымъ спузаўся, и што да яво дѣла ни касаитца, и гаворить:—Бабачки, пуститя-ка вы мяне: я спрашу, хто іонъ. Падходить къ няму и глядить съ-падъ руки и спрашиваить:—Аткуль ты?— Съ-падъ абозу!—Што? съ-падъ навозу! У насъ падъ навозымъ ни такіе растуть.—Сядь-ка ты, старый, подли мяне: я табѣ, старый, сказку скажу. Ишли мы съ табою съ бани да бани, а ты тащишь мёрзлую сучку зубами. Старикъ выправляить свой атопыкъ и бьеть кривога по гарбу, и патомъ разганяить усю бясѣду. Всѣ пашли скакать. Паскакавши, старикъ пасодить ихъ пу мѣстамъ; патомъ гаворить:—Паслухайтя, дѣти: я вамъ бражки принёсъ. Памѣшавши квасы, падносить впяредъ кривому. Кривой говорить:—Падпраў накрѣпци! Старикъ намишалъ усякый дряни:—Пакушай, кривэй цортъ, какъ крѣпка! Кривэй хвалить квасъ и гаворить:—Ну, идитя ўси спать. Бабы хлапоцуть абъ вирятёнахъ, што прясть намъ не на шта. Удрухъ атыскиваитца чилавѣкъ:—Пагадитя, бабы: я вамъ натацу вирятёны. Загнеть палку на смыцокъ и гаворить па таварища: — Падвадитя бабъ, а я имъ буду тацить вирятены. Бабы уси цураютца: — А-я-яй! Ни хацу я вирятёнъ!—Ай, цортъ, пусти ты мяне! .- Нѣ, нѣ, пастой, пастой: я исце пратацу!.. Бабы просють: — Пиряйди ты ў другую дяреўню, патаци ты другимъ бабамъ!

6. Гусары.

(Сельцо Самохотовка. Село Даньково, Смоленскаго уѣзда).

Адинъ сядить за пана и гукаить:—«Вахтаръ!» Прибигаить вахтаръ.— Чаво изволитя?—«Падняси гусарамъ па рюмки вотки, да харошій». Вотъ іонъ приносить па палки ашмётыкъ, патомъ и давай ашмётымъ етымъ бить па нагахъ. Потэмъ ипять кричить: — «Вахтаръ!» Іонъ прибигаить и гаворить:—«Чаво изволитя?»—Дай гусарамъ па лошади! Вотъ іонъ и давай ставить каждаму па маладухи, потэмъ и атый-

дить къ печки. Во папъ ипять кричитъ:—«Вахтаръ!» Вахтаръ маўчить.—«Вахтаръ!» Маўчить.—«Идитя сичасъ и паймайтя яго: іонъ, даўжно быть, загуляў у кабакѣ!» Во яго пайдуть искать и вядуть подъ руки—іонъ валяитца; падводють къ пану. Вотъ іонъ яго па щакамъ, па щакамъ и гаворить:—Лодарь ты лодарь! Загуляўся, а дѣла пазабыў!—Ваша благародія, што вамъ угодна?—«Залажи лашадямъ па хунту сѣна и па гарцу аўса!» Во вахтарь и давай бить маладухъ па нагахъ асьметкымъ. Потэмъ ипять вахтаръ пубяжить.—Вахтаръ!» —Чаво изволитя?—«Налажи лашадямъ уздечки тясьменныи!» Іонъ и давай бить маладухъ асьметкымъ.—Штобъ была лошадямъ заложина по два хунта сѣна и по два гарца аўса! Вотъ іонъ и давй ипять маладухъ асьметкымъ бить. Потэмъ ипять вахтаръ пубягить къ парогу.—«Вахтаръ!»—Чаво изволитя, ваша благародія?—»Штоба были лошади падкованы, а падковы падложаны были харошія, гаки были бъ аглицкіи!» Вахтаръ бьеть маладухъ па нагамъ. Атыйдить панъ и ипять кричить:—«Вахтаръ!»—«Чаво изволитя?—«Штобъ лашадей напаиў и сабираўся ў дарогу!» Вотъ іонъ якъ крикнить на маладухъ:—«Но, пашли!» Во яны зарягочуть и пабягуть па хати.

7. Жораў.

Усодють чилавѣка ў дярюгу, дадуть яму туда палѣна и здѣлають яму носъ, аккуратъ жораў. Во іонъ ходить па хати, падыйдить къ чилавѣку и дяўбанетъ. (Тамъ-же).

8. Кавали.

Адинъ вазьмѐть малатокъ, другей вазьметь ножикъ, и станутъ подли палицы у роди кавалёў. Падводють имъ бабъ и мущинъ; павѣсиўши за ноги на палицу, кують, паразрѣжуть бабамъ бушмаки, мущинамъ цапаги. Ета называетца кавали. (Тамъ-же).

9. Бáхаря женють.

(Сельцо Самохотовка. Село Даньково, Смоленскаго уѣзда).

Адинъ мущина сядить на кутѣ ў роди батьки, патомъ ящо двоя ли троя. Падвядуть къ батьки мущину и бабу и заставють ихъ цулуватца. Самъ батька сымаить зъ ихъ шапки и кладеть ли сябе; Потэмъ падводють мальчикыў и дѣвычикъ и гаворють:—«Цалуйся!» А яны-то ў крикъ, —ни хатять цулуватца. Вотъ яны падымуть имъ адежинку на галаву и застаўляють цулувать у ж... Во тутъ ящо болій смѣху, а яны гудуть и бранютца. Потэмъ, ета жо пакончиўши, етытъ батька, каторый сядить на кутѣ, забираить еты жи шапки, каторыи пасняў, а чія тамъ шапка, тэй клади деньги. Сходютца ў кабакъ, выпьють вотки и расходютца дамой.

10 Мельница.

Паставють сиряди хаты скамейку, паложуть на яé ницъ чилавѣка, укрыють яго адежію, потэмъ вазьмуть нѣскальки чилавѣкъ жгуты и сякуть яго — іонъ и крутитца ў роди мельницы. Вазьмуть миску снѣга и падводють маладухъ и бабъ.— «Пакушайтика зъ нашій мельницы куляшу?» (Тамъ-же).

11. Пчолки.

Присагласять аднаво чилавѣка, паложуть яво на санки, накрыють чимъ-нибуть, увязуть у хату. Вотъ іонъ гудеть: Гу-у, гу-у! Патомъ принясуть вядро вады, да на яво и чибурахнуть. (Тамъ-же).

12. Кабакъ.

Паставють двухъ или трехъ мальчикыў, скинуть зъ ихъ далоў партки, паставють ра̀кымъ и гавдрють:—«Падхадитя: мы кабакъ аткрыли!» Пряма задяруть усё платьтя, такъ што ихъ крантики наружу. Падводють маладухъ и угащають ихъ бытца вотычкый. (Тамъ-же).

13. Блины.

Мущина надяéть бабскій андаракъ, бяреть мяшўлку и бытца блины пякéть: пóмазыимъ мажить па скавародки, ляпаить.

Падводють къ яму дѣвыкъ, бабъ, мальцыў; іонъ пярéть ихъ лупаткыю па ж...—блины пякеть. (Тамъ-же).

14. Гуси.

(Сельцо Свалы, Смоленскаго уѣзда).

Устраивали на игрищи маладэя хлопцы: узяли корабъ, насадили повинъ тотъ корабъ дробныхъ дятей, накрыли дярюгыю, увязали вокрухъ кораба вярёўкыю, станавили тотъ корабъ на санки, ввозють у хату. Спрашіютца маладэя хлопцы:—«Пазвольтя, штобъ на уруги ў васъ гуси пабыли!»—Удаставѣренія іость?—«Іость».—Пакажитя! Читають удаставѣренія. Разбили площать сряди хаты, становятца здѣсь са сваими гусями, спрашіють у гусей скрозь корабъ: — Ти ѣстички? —«Кагага!» — Ти питички?—«Кагага!» На ихъ сичасъ суды вады. Тутъ народъ низдивился— пазахахазали. Дѣти у карабѣ пазакричали:— «Паабманили насъ мужуки: сказывали, што ничога ня будить, а вадой аблили!»

15. Рыбалоў.

Адяютца маладэя рыбаловы: кажинъ у халщевый балахонъ; устраивають сябѣ быструю лотку абъ шасти вислахъ (вазьмуть карыта, нальютъ вады), зачаплють вярёўками, потэмъ пагрибаютца мяшул-

ками и тянуть карыта. Сами стыять побычъ карыта; дазваляютца: —«Гаспада христіяни, ти ня можна у васъ рыбы палаўливать?»— Покажитя удаставѣренія, што вамъ можна рыбу лавить. Прачитали удаставѣренія; пазволили имъ рыбу ловить. Садятца яны на сваю лехкую лотку, зажигають сваю жаркую казу. Начали вазить ихъ мизъ народу, стали яны баўтать сваими длинными баўтами.—«Отъ вилика лѣпна рыбу ловитя; очинь харашо; у васъ всякая рыба іость: щуки и вакуни». Такъ яны пастарались: чиста весь народъ пааблили. —«Благодаримъ пакорно, што ваши вазера харошія, многарыбныя!»

(Тамъ-же.)

16. Лось.

„Шутка калядная!"
(народная поговорка).

Дѣўки выпрасють на дяреўни хату, ў яѐ сабярутца и приводють мазуканта. Потэмъ маладэя рибяты устраивають якую-нибудь шутку. Прежди ўсяго сдѣлають лося. Вазьмуть аднаго чилавѣка, усодють у дярюгу или ў жупанъ. Потэмъ дадуть яму дугу, усодють канцами ў рукавы, паставють сиряди хаты. Дѣлають такого батьку ў роди старика: вывирнуть шубу и здѣлають бальшой горбъ, привяжуть бараду съ пасканней или съ хлопья, а патомъ ящо троя павывирнуть шубы и падѣлають гарбы: то батька, а тутъ яго сыны. Вотъ полѣзить етытъ батька на печку и ляжеть тамъ. Приходить одинъ сынъ и говорить: —«Батька, а батька, я лося абыйшоў!.. А іонъ тамъ гаворить:—«Ну, харашо спраўляйтись». Приходить другей сынъ:— «Батька, а батька, кабыла жирябила жирябёнка».—Ляжи на печки, а яво закинь за згародку: на чорта іонъ намъ?! Приходитъ третій сынъ и говорить:—«Батька, а батька, сучка щанилась».—Ну, слава Богу: ета идѐть на хазяйства—прибиряги ихъ, щинятыкъ, усади ў дарабочикъ. Етытъ сынъ уйдѐть, а большій подъявитца: — «Бать, а бать, будимъ лося ганять»! Вотъ іонъ гаворить: — «Ну, начинай бить!» Вотъ іонъ бяреть палѣна, ў роди ружжа, потэмъ уходить у хату и гаворить: — «Батька, а батька, благаслави лося бить!».. А іонъ и гаворить:—«Бохъ благаславить». Патомъ сынъ давай ружжо править и давай бить па нагамъ маладухъ, мальцыў, патомъ давай етыга лося бить: возьмить етымъ коликымъ запустить у двери, а самъ и пубягить за двери. Уходить другей сынъ и гаворить:— «Батька, а батька благаслави лося бить». А іонъ гаворить:—Бохъ благаславить. Вотъ етытъ тожа запустить коликъ у двери, а самъ пубягить. Уходить третій сынъ и гаворить:—«Батька, а батька, благаслави лося бить!»—Бохъ благаславить. Етытъ тожа коликъ запустить, а самъ пубягить. Сливаить съ печки батька етытъ самъ и гаворить:—«Дайти-ка я: вы, я вижу, стряльцы плахея, марцовыя». Бяреть колъ у роди ружжа, да какъ шпульнеть у лося (чилавѣка,

пасряди хаты, съ дугой): етытъ чилавѣкъ выскачить, жупанъ сбросить; батька радый такей, гагочить:—«Ого-го, ого-го!» Подымають сыны жупанъ, лосеву шкуру, и прадають па хати. Къ ребятамъ падносють и спрашіють:—«Што табѣ нада?»—Мнѣ нужны гужи. Вотъ яму вырызають гужи жгутымъ па спини. Хто гаворить: цапаги! Тому такая жъ честь. (Тамъ-же).

17. Воръ.

(Село Даньково, Смол. уѣз.)

У дярюгу содють чилавѣка, завяжуть яго вярёўкыю и падвѣсють пудъ палицу и усодють къ яму ў дярюгу лукошка. Патомъ вазьмуть палку, бьють па етыму лукошку и спрашіють: — «Воръ, воръ, за што ты павѣшинъ?»—За шыю.—«Да за якую жъ причину?—Я съ такею-то бабыю пиринуччуваў.—«Ахъ, ты безстыдникъ!..» Маладуху или дѣўку найдуть, падводють къ яму, страмять яѐ; а ина яго бранить. Во и смяютца.

18. Вирятёна.

(Село Даньково, Смол. у.)

Хто-нибудь сдѣлаить харошій жгутъ, станить на лаўку и спрадиўши руку ў штаны, кируить тамъ пальцами—точить вирятёна. Усихъ, хто іость у хати, падводють къ яму. Іонъ спрашіить:—«Што табѣ надоби»?—А юрочикъ. Вотъ іонъ яго и точить па спини.—Табѣ што?—«А мнѣ калодачки у сядѣлку». И таво точить па спини. А хто гаворить—ну, тамъ штоя ўздумаитца, то и гаворить... Такимъ родымъ шутка и идеть.

19. Смерть.

(Село Даньково. С. Свалы, Смол. у.)

Дѣлають смерть. Вазьмуть мущину, адяють у женскую адёжу: въ андаракъ синій либа красный, хвартукъ завязывають бѣлый, намётку кужельную бѣлую. На лицо накладають бѣлую бумагу, привязають длинныя, бѣлыя зубы изъ рѣдьки, ажно глядѣть ужасна, такея аграмённыя Глазы у смерти красныя, круглыя—изъ буракоў. У правый рукѣ смерть дяржить иголку, у лѣвый дяржить запалинную васковую свѣчку. Смерть лѣзить къ народу, пужаить дятей, бабъ, лѣзить къ имъ цулуватца, а то колить ихъ иголкыю—иншаго дитёнка или бабу да смерти выпужаить.

20. Каза.

Здѣлали казу: роги съ саломы, барада съ авчинки, са старый шубы. Стаў казу пастивить мужучокъ и съ парыю казлинятыкъ.—Ти пай-

зволитя, гаспада мужики, паствить на сваёмъ владѣніи?—«Аткудава жъ ты такей іость. мужучокъ? Ти іость ище у тибе удаставѣренія?» Взяли хлопцы маладэя яго удаставѣренія, стали читать: указали указныя мѣста, што можишъ са сваёй казой праживать. Съ большой дароги притамёмшись заснулъ мужучокъ. Аткудыва быўши наскачили ахотники. Стали ахоту падымать, падняли казу съ казлинятами; стали ганять, убили казу. Спросонья усхватиўся мужикъ. —Што за шумъ, Што такоя? Ни даютъ маей казѣ спакоя?—«Здрастуй, гаспадинъ мужучокъ! Аткудыва ты такей іость»! Спрашіють ахотники.— «Ти іость у тибе даставѣренія, што тибѣ паствить казу здѣсь?» Прачитали удаставѣренія, стали патриблять казу ахотники съ мужукомъ. Мужикъ спрашіить умѣсти съ ахотниками: —Гаспада, ти ня нужна вашиму маладому народу шить какую адёжу съ казиный шкуры»?— Нужна такой дѣўки шуба. Ей жгутымъ засыпаютъ раза три или пятокъ. Хлопцамъ тожъ такъ засыпаютъ. Пашіють такимъ манерымъ усю адёжу; тада пайдуть танцувать. (Тамъ-же).

21. Мядьвѣдь.

(Сельцо Свалы, Смол. у.).

Устроили изъ мущины мядьвѣдя: шубу выварачивали, ў сувалку яго укручивали, па ноги валинки адивали, устроили яго, какъ слѣдуить, увадили ў хату народу на удивленія. — «Ну-ка, Миша, прайди па хати, садись-ка за столъ вотку выпиiать»! Наливаютъ яму стаканъ вотки; бяреть іонъ свою ва ўсю лапу. Народъ ни здивился, какъ Мишка вотку пьєть. — «Ну-ка, Миша, выйди на хату, пройдика па хати, харашенька патанцуй, пакажи-ка намъ, какъ бабы хлѣбъ мѣсють»! Какъ сталъ мядьвѣдь задымъ крутить.—Ну-ка, Миша, пакажи намъ, какъ бабы на пригaнъ ходють! Идуть бабы на пригaнъ нага тиризъ нагу — чуть идуть, стануть да паслухаютъ.— Ну-ка, Миша, какъ бабы плачуть! Плачуть—ни ўлыбаютца, хвартукымъ завѣсиўши.—Ну-ка, Миша, какъ бабы жать ходють! Карманъ хлѣба набяреть, да цыбули нарветь, да у поля жать идеть.—Ну-ка, Миша, какъ бабы съ поля идуть! Съ поля идуть—на лошади ни нагонишъ. — Ну-ка, Миша, какъ бабы за столъ садятца! За столъ съ поля пришоўши садитца—чуть лѣзить.—Ну-ка, Миша, какъ вырабатаўши, бабы кушаютъ! Какъ-та вазьметь ложку. — Ну-ка, Миша, какъ бабы капусту идять! Какъ-та вазьметь ложку капусты.—Ну-ка, Миша, какъ бабы кашу идять! Кашу идять—поўну ложку чярпаить.— Ну-ка, Миша, поблагадари хазяину! Взвился на задніи лапы.—Какъ мущины на луга ходють? Какъ-то идеть. Какъ мущина касу нясеть? Узялъ на правыя плячо Миша.—Миша, прайди пакосъ! Сталъ Миша касить—нихто ни здивился. — Харашо Миша косить! Ну-ка, Миша, пуваратись харашенька, паслужи хазяину, паслушай, какъ на бара-

банъ бьють! Узвился Миша на дыбы: лѣвыя вуха приклалъ, правымъ слышить, какъ хазяинъ бьётъ у барабанъ.—Ну, Миша, опускайся на низъ! Публагодари всѣмъ хазяинамъ, да пайдёмъ дальши!

22. То-же.

(Приговоръ Медвѣдника).

(Село Даньково, Смоленскаго уѣзда).

Ну-ка, Мишенька,
Паскачъ харашенька—
Ета тибѣ не пчолыкъ драть,
Не воскымъ с..ть!—
Не слухай-ка папа священника,
Падмаря бяздѣльника,
А слушай нашего брата мядвѣдника,
Хто тебе кормить, поить,
Атъ лихихъ сабакъ абаранянить,
Путь-дарожку паказываить!...
Ну-ка ты, Мишенька,
Праси у хазяина миластинки,—
Аднимъ вочкымъ плачъ,
А другимъ дару праси:
—«Дай, батюшка,
Дай, матушка!»—
Ну-ка, разскажи-ка,
Какъ мужуки на пыля выижжали,
Луки туга натягывали.
—«Тихо-то, братъ,—
Не убей таварища!»—
Стрѣляў-то я ў варону,—
Ни пупаў у варону,
А пупаў у карову.
Стала мнѣ тая бида
Палтара рубля,—
Сутъ пересутъ—
Стала сорыкъ палтинъ.
Ну-ка, Мишенька,
Какъ дѣти ў гарохъ ходють,
Патпалзываютъ,
Назатъ пасматриваютъ,
Ти няйдётъ хто,
Ти ня гонитца.

23. То-же.

Праси, Мишка, каляды
За ўси гады,
Бальшей сала кусокъ,
Штобъ былъ вапёрь високъ.

(Мишенька однимъ глазомъ плачетъ, другимъ милостынки у хозяина проситъ; разсказываетъ, какъ мужики на поле выѣзжаютъ, луки туго натягиваютъ, какъ малые ребятишки въ горохъ попалзываютъ и подсматриваютъ, нѣтъ ли за ними погони и т. д.).

24. Вапёрь.

(Сельцо Свалы, Смоленскаго уѣзда).

Устраивали маладэя хлопцы на игрищи вапря; дѣлали саломинную даўбню и стали таво вапря манить,—паставили сряди хаты карыта. (Вапёрь дѣлаитца такъ: чилавѣка укрутили ў сувалку и заставили яго на карачкахъ паўзти да карыта). Манють: чухъ, чухъ! Маладецъ станить пóбычъ карыта изъ даўбнёй. Какъ толька прияоўзъ маладецъ къ карыту, мужикъ яво саломинный даўбнёй ў лобъ, усѣ глаза заляпилъ яму грязьзю, што іонъ ничога ня видить.—Гаспада, харашо вапря убилъ — сразу зъ ногъ звалилъ! — Начали на агонь вапря валочъ; стали агонь развадить, вапря палить, сувалку абпаливать. Выскачилъ іонъ изъ сувалки, ажно кожа засмалѣла. (Тамъ-же)

25. Кабыла.

(Сельцо Свалы, Смоленской уѣзда).

У дярюгу чилавѣкъ улѣзить, на колъ галаву усторпить кабылью, дярюгую яѐ абтянить, уши ей, галавѣ, здѣлаить саломинныя, абро́ть съ пайса́, вазьмѐть и пувядеть у хату, разнаму народу на дива.—«Тпру, мая кабыла, пастой: кала насъ народъ падивитца!..» Павёў яе па народу. Кажинъ па яе смотрить; у сярёдки у яе голысъ иржеть па лашадиныму.—«Тпру, тпру, мая кабыла, ни пущай народъ! Кабыла шутки притворяла, абмахнулась — упала, семъ дней пралижала... Люди добрыя, ти ня іость са старыхъ бабъ урачъ кабылу вылѣчить: или змія ѐя укусила, или чемирь пристала. Прашу я васъ, чтоба вы мнѣ кабылу вылѣчили. Падходить баба лѣтъ 70, стала маю кабылу лячить; выличила маю кабылку вочинь скора: въ адно вуха дунула, въ другои вѣтеръ дунулъ—кабылка ўстала.— Унжжай, мужикъ, на сваёй кабыли: а то у насъ нехарошій народъ, сглазіить яе—неўстанить кабыла... Іонъ валакеть кабылу, стараитца увалочъ паскарѣй, кала яво смяютца. Взялъ мужикъ кабылу за *зелёный* повадъ, сталъ тянуть изъ хаты вонъ, ударился абъ клѣть галавою — ни находютца яму дахтара. Кабыла падашла, въ адно вуха дунула—въ другоя кроў выскачила. Маладецъ узвился на сваѐ ноги и сталъ утикать изъ нищасный дяреўни, съ урочливыхъ глазъ.

(Тамъ-же).

26. Лялички.

Сиряди хаты становють скамейку, паложуть чилавѣка; на рукахъ у яго здѣланы лялички съ платочкыў: дѣвочка ў платочки, мальчикъ у свитки и ў шапычки.

Іонъ зативаить лялички (мальчика и дѣвочку) танцувать насупрати адной. Народъ кала ихъ утишаитца, што малыя дѣтки дѣлають приставленія харошія. Дѣтки цалуютца, цалуютца, патомъ стукнутца адинъ абъ аднаво и тонкимъ голысымъ завыють. Павыють, павыють, лягуть и памруть.

Іонъ завыить: «Дѣтычки мае дробныя, дарагея, какъ вы мине при старысти утишали и галубили!.. Куда жъ вы атъ мине типерь атлитантя и съ кѣмъ мине пакидантя? Никакъ сваихъ дѣтыкъ ни магу пазабыть. Ти найдется ли хто изъ малыхъ, ровныхъ или старыхъ урачъ якей маихъ дѣтыкъ падиять?...» Нашоўся старичища, саломинная бородища паднять маихъ дѣтыкъ; падышоў съ кружкыю зъ вадою, збрызнулъ маихъ дѣтыкъ. Дѣтки усхватились, за сваё старапились, стали у ладки плищать, у ладки плищать, народъ на ихъ глазы прадавать. Дивная ета вещь, штоба можна была изъ мяртво́ва живога сатварить! Во саломенный старикъ! Ти ня быўши яны ваў-

шебники — то привесть къ нимъ священника, прачитать надъ ими клятбу. Узялъ книжку, заслонку, и читаить: «нѣтъ, гаспада, ета народъ харошій!...» — Благадаримъ, гаспада добрыя люди, што за маихъ дѣтыкъ пуручились... (Тамъ-же).

27. Кстины.

Устроивали радиху съ чилавѣка, пряма зъ мущины, адивали ў женьскую адёжу, устроивали пуза съ чорныхъ пасканней, пувяли радиху на печь. Радиха на печи кричить. Адивались дахтара ў дахтарскўю адёжу: выварачивали шубу, палеты дѣлали съ саламянныхъ жгутовъ, бутылки дѣлали съ падстрѣшныхъ сусолыкъ. Адивалась такимъ же родымъ кушёрка у женьскую адёжу. Падхадили ўсѣ ўтраёмъ къ радихи. Дахтара и кушерка ничаво ни падѣлають радихи—приходитца худа нашій радихи. Злазить радиха съ печи далой, бярётца за пиряводину, закричала громкимъ голысымъ — ўжасна: народъ ни здивился. Радиха триханулась—радила. Нашлась дирявеньская бабка: дахтара и кушерки ничаво ни падѣлали, я дирявеньская баба пользу дала. Стали хрезьбины спраўлять, весь народъ угащать: то снигами махатца па народу, то каўтюхами каровьими и конскими. (Тамъ-же).

II. Колядныя пѣсни.

1.

а) (Село Даньково, сельцо Самохотовка и сельцо Шаталово, Смоленскаго у.).
Дѣвушка хоронитъ золотъ перстень.

Я съ куту пы лаўки иду,
Я золотъ перстинь хараню,
Я пы красныхъ па дѣвушкыхъ,
Пу малодыхъ пу малодушкахъ.
Гадай, гадай, красныя дѣўка!
Табѣ, дѣўка, ни 'тгыдать, ни 'тгыдать,
А мнѣ табѣ ни сказать, ни сказать!...
Чирязъ поля литучи, литучи,
Русу косу плитучи, плитучи,
Ина шоўкымъ пуплитаючи,
Ина золытымъ выливаючи.

(Отъ Матрены Антоненковой, Лукерьи Бѣляевой и Бобрычихи).

б)

Я съ куту пы лаўки иду,
Я залотъ перстинь хыраню,
Я пы красныхъ па дѣвушкахъ,
Пу молодыхъ пу малодушкахъ.
Гадай, гадай, красныя дѣўка!
Табѣ, дѣўка, ни'тгыдать, ни'тгыдать,
А мнѣ табѣ ни сказать, ни сказать!
Чирязъ поля литучи, литучи,
Русу косу плитучи, плитучи,
Ина шоўкымъ пуплитаючи,
Ина злотымъ выливаючи.

в) (С. Пречистое, Духовщинск. у.)

Я исъ коту па териму иду,
Я залотъ перстинь хараню,
Пахара́ниваю.
Каму золыта дастала,
Каму серебра дасталась,
Призаинивала.
Вы скажите—не утайтя,
Вы, пажалуйста, отдайтя.

г)

Я съ коту (!) па лаўки иду,
Я залотъ перстинь хараню,
Я па красныхъ па дѣвушкыхъ,
По малодыхъ малодушкахъ.
Гадай, гадай, красная, дѣўка!
Табѣ, дѣўка, ни'тгадать, ни'тгадать,
А мнѣ табѣ ни сказать, ни сказать!
Тирязъ поля литучи, литучи,
Русу косу плитучи, плитучи,
Ина шоўкымъ уплитаючи,
Ина златомъ вышиваючи.

д)

Ахъ, я съ куту па лаўки иду,
Я залотъ перстинь хараню,
Я па красныхъ па дѣвушкыхъ,
По малодыхъ пу малодушкахъ.
Гадай, гадай, дѣвушка,
Змяиныя племюшка!
Тибѣ, дѣўка, ни'тгадати.
А мнѣ табѣ ни сказати!
—Ахъ, вы, кумки, вы, галубки,
Вы скажитя—ни патойтя:
Мянѣ золыта прапала,
Яно порыхымъ запала.

е)

Я съ куту па териму хажу,
Я злотъ перстинь хыраню
Я ў матушкинъ тирямокъ,
Я ў батюшкинъ высакой.
Думай, гадай, дѣвица,
Чіи руки, бѣлица,
Сяребринай крылица,
Чирязъ поля лятучи,
Русу косу плятучи!
—Вы, кумки-галубки, атгадайтя!
Мяне мати хочить бити у три пруты,
Чатвёртый зимчужнэй.

ж)

(С. Тесово, Смоленскаго уѣзда).

А съ кута иду,
Залато́ хараню,
Пахараниваю;
Вы ищитя, баяра,
Ищитя, гаспада:
Минѣ золыта прапала—
Ано порахамъ запала,
Заивйнила,
Запаршйвинила.

Гадай, гадай, дѣвица,
Гадай, красная,
—Я ба рада гадала,
Я ба рада ўчила!
Черезъ поля по́лича,
Каса русу плетучй,
Золата увиваетца,
Шолкамъ уплитаетца.

Вы, кумушки,
Вы, галубушки,
Ни патайте мене:
Мине мать хочить бить
По три вутра, по́ чатыри,
По три прута́ залатыи.

з)

(Сельцо Радошково, Ельнинскаго уѣзда).

Я и съ кута иду,
Залато́ пахараниваю.
А ищитя, быяры,
А идѣ залато,
А идѣ серибра!
А у красный дявицы
На правый ручицы,
Да на мезинцу.

Гадай, гадай, красная дѣўка!
Табѣ, дѣўки, ни̂тгадати,
А мнѣ, дѣўки ни сказати.
А ў горыди за ключами,
За ясными за свѣчами,
А ударьтя ў ладони,
Штобъ шаты шумѣли,
Штобъ и перстни звинѣли!

Гадай, гадай, дѣвица,
Чія рука былица,
Зияиныя крылица,
Чирисъ поля литучи,
Русы косы плитучи,
Шолкымъ уплитаючи.

(Отъ старика Семена Григорьева Медвѣдя.)

(*Припѣвка*).

Пырхаў сылавей,
Пырхаў маладой.
Много насъ,
Не́йди дѣть!...

2.

(Село Каблуково, Краснинскаго уѣзда).

Колядки настають, дѣвки будують свѣтлый теремъ; на окошкѣ терема соловей заскабилъ пальчикъ—протекли ручьи кровавые.

Калядки настають,
Дѣўки теримъ будують
Съ тремя акнами,
  Ай лели, лели,
  Съ тремя акнами.
Прилятѣў салавейка,
Сѣў на акошка,
Заскабиў пальчикъ
На правый ножки:
Пратякли ручьи,
Усё крававыя.
Ты... святитель (?)
Первый святитель—
Иванъ Крястптель,
Втарой святититель—
Христова Ражаство,
Третій святитель—
Василій Щадрой.
Стыяли й святили
Мѣсицы чатыри:
Первый мѣсичикъ—
Иванъ Крястптель,
Другой мѣсичякъ—
Христова Ражаство,
Третій мѣсичикъ—
Василій Щадрой.

3.

(С. Даньково, Смоленскаго уѣзда).

Коляда ходитъ по деревнѣ съ конца въ конецъ; вездѣ дарятъ ее.

  Паѣхала Каляда съ канца ў канецъ,
  Каляда, Калядица жъ мыя!
Зашла Каляда къ Андрею на дворъ.
Паня Андрей, чимъ даруешь Каляду,
Каляду, Калядицу жъ маю:
А ти жонкыю, ти пшонкыю,
Ти молодыю Аўдоткыю?
  Паѣхала Каляда съ канца ў канецъ,
Заѣхала Каляда къ Устину па дворъ.
Паня Устинъ, чимъ даруешь Каляду,
Каляду, Калядицу жъ маю:
Ай, ти жонкыю, ти пшонкыю,
Ти молодыю Татьяныю?
  Паѣхала Каляда съ канца ў канецъ,
  Каляда, Калядица жъ мыя!..

4.

Ступка ѣдетъ съ конца въ конецъ по деревнѣ; вездѣ дарятъ ее одеждою, такъ что составляется для нея весь женскій уборъ.

Паѣхала ступка съ конца ў конецъ
Маку талочъ, маку талочъ, маку талочъ;
Заѣхала ступка ды къ Татянушки души;
А Татянушка душа ина рубашечку дала.

Паѣхала ступка съ канца ў канецъ
Маку талочъ, маку талочъ, маку талочъ;
Заѣхала ступка да къ Римки души;
А Римычка душа сарахванчикъ дала.
Паѣхала ступка съ канца ў канецъ
Маку талочъ, маку талочъ, маку талочъ;
Заѣхала ступка дый къ Дарычки души;
А Дарычка душа паясочикъ дала.
Паѣхала ступка съ канца ў канецъ
Маку талочъ, маку талочъ, маку талочъ;
Заѣхала ступка дый къ Зенки на дворъ;
А Зенычка душа платочикъ дала.
Паѣхала ступка съ канца ў канецъ
Маку талочъ, маку талочъ, маку талочъ;
Заѣхала ступка къ Праскути на дворъ;
Праскутычка душа хвартучекъ дала.
Паѣхала ступка съ канца ў канецъ
Маку талочъ, маку талочъ, маку талочъ;
Заѣхала ступка къ Матрёни на дворъ;
Матрёнычка душа чулочки дала.
Паѣхала ступка съ канца ў канецъ
Маку толочь, маку толочъ, маку талочъ;
Заѣхала ступка Христёни на дворъ;
Христёнычка душа подвязычки дала.
Паѣхала ступка изъ канца ў канецъ
Маку талочъ, маку талочъ, маку талочъ;
Заѣхала ступка къ Катички на дворъ;
Катичка душа сярёжички дала. (Тамъ-же).

5.

(Село Черепово, Рославльскаго уѣзда).

Рана питухи пѣли,
Раньши таго дѣўка ўставала,
Кавалёў будила:
—«Уставайтя, кавали,
Куйтя тапары,
Маститя масты,
Прибивайтя гвазды:
Будуть идить
Три праздпички:
Первый праздникъ—
Святоя Раждество,
Другой праздникъ—
Святога Василья,
Третій праздникъ—
Святоя Хрящення,
Съ Калядыми пращення».

6.

(Сельцо Самохотовка. Сельцо Дапьково, Смоленскаго уѣз).

Дѣвушкамъ погулять вдоволь у родного отца и матери; потомъ, какъ выйдутъ замужъ, минется ихъ веселье.

Пагуляйтя, дѣвычки, (2)
Лёли—лялё красныя,
Пагуляйтя у свайго батюшки,
У сваей родный матушки.
Пайдетя ў чужи люди—
Минетца гулянния (2)
Дявочча красування (2).

7.

(Сельцо Даньково Смоленскаго уѣзда.)

Дѣвушки собираются въ посидѣлки и дѣлають складчину; купили онѣ чорнаго быка за собранныя деньги и потомъ дѣлять его: на каждый дворъ достается какая-нибудь часть быка; дѣлежка сопровождается приговорами, заключающими по шутливому намеку на каждый дворъ.

Збиралися дѣўки да ўси ў пысядѣлки,—
  Дунай мой, Дунай, тихій, разлиўной.
Складалися дѣўки да ўси па капѣйки,
А купили дѣўки да чорныга быка.
Каму жъ быка вѐсьти, каму паганяти?
Андрею быка вѐсьти, Яхиму паганяти.
Каму жъ быка бити, каму што лупити?
А Ивану бити, Сяргѣю лупити.
Иванывымъ рожки,—живуть при ў дарожки;
Краўчонковымъ рёбры,- ихъ дѣтушки дробны;
Андреевымъ вока,—глядить ў чарку глубока;
Новику селязень,—яго жонка кавярзень;
Ягорывымъ трябухъ,—іонъ ў рѣчки пратухъ;
Антонывымъ кишки,—ихъ дворъ биз накрышки;
А Маркинымъ почки,—у яго гладки дочки;
А Галаўню капаты̀,—у яго уси клапаты;
Мирёнывымъ сукалѣна,—у ихъ дроў ни палѣна;
Ирашовымъ срака,—у ихъ кажинъ день драка,
Устину шкура,—яго Вася дура.

8.

Некому напасти овечку: мать стара, дочка мала, учится ткать.

Авечечка пухнатычка,
А хто тябе напасеть,
Мая матычка?
Матка стара,
Дачка мала;
А я, маладенька,
Кросны ткала—
То ў нить, то у нить,
То ў бердичка;
Прибивай, прибивай,
Маё сердичка.

(Тамъ-же).

9 а).

Дуня-тонкопряля прядеть, снуеть, тчеть, бѣлитъ холстъ. Мимо ѣдеть баринъ, кривой Аѳанасій, и осмѣиваетъ ея работу.

Пашла наша Дунюшка
На рынькъ гуляти,
  Дуня мая, Дуня,
Дуня-танкапрялья,
Дуня здѣлашница.
На рынькъ гуляти,

Куделю купляти.
  Якъ купила Дуня
Три фунта куделю,
Во якъ стала Дуня
Куделюшку прясти;
  Якъ напряла Дуня
Пачатычкыў девитъ,
Во якъ стала Дуня
Красенцы снувати;
Кросны аснувала,
Верстъ семъ абсвистала,
Берды ни дастала,
Во згароду ткала,
Калômъ прибивала.
  Якъ стала Дуня
Халстинку бялити,
Туды ѣхыў баринъ,
Кривой Ахванасій.
«Бохъ на помачъ, Дуня,
Рагожу бялити!»
—Крива твая рожа,
Эта ни рагожа:
Халстина билая!
  Во якъ стала Дуня
Халстину мачити,—
Семъ рѣкъ усушила,
Халста ни змачила;
  А якъ стала Дуня
Рубашичку рѣзать,—
Далатомъ настанить,
Кавалдыю ўдарить;
  Якъ стала Дуня
Рубашичку шити,—
Буравомъ прасверлить,
Канатымъ прадорнить;
  Якъ стала Дуня
Рубашичку мѣрить,—
У симярыхъ диржали,
У траихъ прибивали.
(Тамъ-же).

9 б).

Дуня мая, Дуня, семъ нядѣль пряла,
Семъ праснёў напряла,
Дуня мая, Дуня, танкапрядица была,
Семъ стѣнъ аснувала, ў згароду ткала,
У згароду ткала, калômъ прибивала.
Ѣхали баяри:—«Бохъ помачъ!»—сказали.
— «Бохъ помачъ»—сказали—«рагожу снувати!»
— Глупыя быяри, ниправду сказали:
Ета ни рагожа, ета рагазина!
Пайду къ сусѣду, пупрашу я лугу.
Спасиба сусѣду, што іонъ мнѣ даў лугу.
А я въ воду котымъ, а съ вады я лётымъ...

9 в).

(Лѣнивая пряля не напряла себѣ на сарафанъ; милый сшилъ ей сарафанъ изъ лопуху, овцы и козы обгрызли его).

Зарадилася наша Ариница прекрасна.
Часта Ариница на рыначикъ хадила,
За три денюжки куделицу купила, 2,
А за алтынецъ верятенецъ захватила, 2
Пришла двору на паличку палажила:
— «Ты ляжи, мая куделица, нядѣлю, 2
Ты—нядѣлю, ты—другую,

А што нонали куделицу тябе прясти:
Ай васкресеньe на вяселёчка хадила, 2
А ў панядѣльникъ я съ пахмелья пралижала, 2
У ва вторникъ буйну голаву чесала, 2
А въ середу да я банюшку тапила, 2
А въ чатвергъ да я въ банюшки помылася. 2
А въ пятницу я съ угару пралежала, 2
А въ суботу я буйну голаву чесала,
Ахъ, въ васкресенье на веселье-ка хадила,
А въ панедѣлыкъ ранешенька уставала,
Ахъ, три нитачки танёшенькихъ вывадила,
Ахъ, три мазоли-ка крававыхъ нащеўкала, 2
Пришла къ милому дружку и паказала. 2
— «Ни пряди, мая милая, не сбивайся.
Ахъ, придить праздникъ, святая нядѣля:
Па лясочкамъ всѣ красычки расцвитутца,
Па лугамъ, па лѣсамъ — лапушечикъ.
Я сарву тебѣ, милая, лапушечикъ,
Я сашью тебѣ, милая, сарахванчикъ,
Сарахванчикъ, раздуманчикъ, абарванчикъ.
Ни хади, мая милая, кала саду,
Ахъ, кала саду зяляного па трапинки:
Тамъ жа ходють пановы козы, ящо овцы.
Разарвали маей милый сарахванчикъ,
Сарахванчикъ, раздуманчикъ, абарванчикъ.
Якъ пашла наша Ариница па блонью,
Якъ пакрыла сваю мирёницу ладонью.

9 г).

(Село Лѣтошники, Рославльск. у).

Супругъ доволенъ самыми незначительными результами жениной пряжи, хочетъ, чтобъ жена не неволилась, вдобавокъ еще справляетъ ей нарядное платье.

Кулинушка па рынушку хадила,
На три денюжки куделюшку купила,
На алтынецъ веретенецъ заплатила:
— «Ты ляжи, мая куделя, усю нядѣлю!»..
Въ панидѣльникъ я банюшку тапила,
Ва уторэкъ я ў банюшку хадила,
У сериду я со ўгару пралижала,
У чатверьхъ буйну голаву чисала,
А ў пятницу добрыя жоны ни придали,
А ў суботу радителей паминала,
Въ васкряеенья на вясельи прагуляла,
Панядѣльникъ стала куделю прясти,—
Я напряла два клубочка, два маточка,

Я натерла два крававыхъ мазалёчка,
Паказала свайму милыму дружочку:
— «Пряди, мая милая, ни наволься!
Сашью тябѣ сарахванчикъ-размаханчикъ.
Ни хади, мая милая, кала тыну:
Какъ завидють паповы козы-воўцы,
Разарвуть сарахванчикъ-размаханчикъ на кусочки»...

10.

(Сельцо Шаталово, Смоленскаго уѣзда).

Молодуха, пеняя на судьбу свою, завидуетъ подружкамъ: у нихъ мужья молодые, а у нея мужъ—ревнивый старикъ, отъ котораго она тайкомъ принуждена уходить на игрища.

Ужъ вы, кумки, галубки мае, вы,
Вы ў каторую церькву къ обѣденки хадили,
Вы каторыму угоднику малебны служили?
Ужъ и ваши мужьё маладэя,
А мой—старый старичища,
Не пущаить мяне, молыду, на игрища.
Ужъ и я младешенька, тихошинька уходила,
Падъ палою твѣтна платьтя вынасила,
Падъ сараимъ твѣтна платьтя надѣвала
И съ дявочками на игрищи гуляла.

(Отъ Екатерины Семенковой).

11 а).

(С. Даньково, Смол. у).

Дѣвки угостили нелюба-гостя кулаками; домъ его не привлекаетъ: жена у него не по нраву и драчунья, съ попомъ бранится.

Звячоръ дѣўки
Пива варивали
Звали дѣўки
Нялюбъ-гостя къ сябѣ.
Стали дѣўки
Пиряшоптывати:
—«Ой, чимъ гостя
Чиступать будимъ?»
Съ избы гостя
На кулачикахъ нясуть,
Съ сянецъ гостя
На выспятычкыхъ катять,
Съ двыра гостя
Какъ мятёлычкый мятуть.

Якъ пашоў жа гость
Вдоль па улицы ў канецъ.
Въ канцы гребли
Нова кузинька стаить,
А ў тэй кузни
Маладэй кузняцы,
Куютъ, куютъ,
Дай насталиваютъ,
Чужихъ жонымъ
Дай пахваливають:
—Чужи жоны,
Якъ лябёдушки бялы,—
Мая шельма,
Якъ цыганачка черна;

Чужи жоны
Ихъ обѣденки идуть,
Чужи жоны
И на свѣчинки нясуть,
Мая шельма
Хварастинушку нясеть;
Чужи жоны
Богу молютца,
Мая шельма
Съ папомъ бронитца;
Чужи жоны
Исъ абѣденки идуть,
Мыя шельма
Папу кукиши даетъ.

11 б).

(С. Даньково, Смол. у).

Дѣвки недружелюбно встрѣтили незванаго гостя.

Заинька сѣреньвій,
А што у тябе 2
Принадушки нѣтъ?
Принадушка, принадушка,
Бярёзовый хворыстъ!
Пришоў къ дѣўкамъ
Да незванный гость;
Стали дѣўки
Яго потчивати:
Адна ў шею,
Другая жъ за валысы,
А третія ў повалочку.
Па горницѣ, 2
Якъ и вѣничкымъ мятуть,
Па надворью, 2
Якъ и сани валакуть.

12.

(Село Никола Ядреичъ, Духовщинск. у.)

Дѣвица стараго изъ хаты дымомъ выгоняла, изъ сѣней коромысломъ била, со двора собаками травила, по слѣду стараго камень покатила; дѣвица ровнаго виномъ напоила, изъ сѣней калачами кормила, со двора боярами проводила, по слѣлу его перстень покатила.

Твити, мая роза,
Твити, дарагая,
Са гарода у гародъ!
Старый прiнижжаить.
Я етыва старыва,
Я змалу ни знала, 2
Я змалыду ни любила:
Съ хаты я старыва
Дымымъ выгыняла,
Съ сяней старыва
Каромысломъ била,
Съ двора старыва
Сабаками затравила,
Па сляду старыва
Каминь пакатила:
—Катись, катись, каминь,
Старыму на груди!..
Китай, мая роза,
Китай, дарагая,
Са гарода у гародъ!
Роўный прiнижжаить.
Я етыва роўныва
Я змалу пазнала,
Змолыду палюбила,
Съ хаты я роўныва
Виномъ напаила,
Съ сяней роўныва
Калачами накармила,
Съ двора роўныва
Баярими правадила,
Па сляду роўныва
Перстинь пакатила:
—Катись, катись, перстинь,
Роўныму на ручку, 2
На мезинный на перстикъ!..

13.

(С. Данькова, Смол. у.)

Дѣвица совѣтуется съ подружками, какого дружка ей любить: ближняго или дальняго.

Охъ, вы, дѣвычки,
Вы, мае падруженьки!
Вы придитка,
Да вы пoглядитка,
Да мы пагаваримтя;
Вы пазюкайтя,
Да мы паслухаемтя,
Каторыга да мнѣ
Дружка любить:
О ти ближняга?
Охъ, и ближній жа іонъ
Часта ў гости йдеть,
Іонъ рѣдка
Гастинцы нясеть,—
Ахъ, и дальній жа іонъ
Рѣдко й ў гости йдеть,
Іонъ часта
Гастинцы нясеть!..

14.

(Сельцо Лѣтошники, Рославльск. у.)

Молодецъ уронилъ съ головы пуховую шляпу и проситъ немилую и неласковую жену подать ее, та не соглашается.
Соловей говоритъ, кому воля гулять: молодухамъ, или же краснымъ дѣвушкамъ.

Съ-падъ камушка
Быстра рѣчушка тякеть,
Па бережку добрый молодецъ идеть,
  Ай-ли, ай-ли, ай ли,
  Добрый молодецъ идеть,
Въ рукахъ ворона коня ведеть.
Іонъ садитца на вороныга коня,
Сарвиў іонъ шляпу съ галавы.
«Надай, мая нямилая жана,
Надай, шельма неласковая!»..
—А надать мнѣ не хочетца,
А наклоницца и на умѣ таго нѣтъ.
Я пайду, пайду у зелёный садъ гулять,
Я паймаю маладога салаўя,
Паймаўши, стану спрашивати:
Каму воля, каму воля,
Каму нѣтъ воли гулять?
Воля, воля краснымъ дѣвушкамъ,
А малодушкамъ минувалая гульба.
Нагуляйтя вы, дѣвушки,
Нагуляйтя вы, красныи,
У родимыга батюшки,
У гусударыни матушки:
Неравенъ деманъ навяжитца:

Либа воръ, либа пьяница,
Либа пьяница, праноица, дуракъ,
У кабакъ идеть—шатаитца,
Съ кабака идеть—валяитца.

15.

(Село Даньково, Смоленскаго уѣзда.)

Хорошо живется дѣвушкамъ въ родительскомъ домѣ по волѣ батюшкиной, по нѣгѣ матушкиной; не такая большею частію бываетъ жизнь замужней женщины за старымъ мужемъ, воромъ или пьяницей, за малымъ недоросточкомъ, за ровнымъ горькимъ пьяницей.

Вы гуляйтя, красны дѣвушки,
Вы на воли, воли батюшкиный,
Вы на`нѣги, нѣги матушкиный!..
Ня роўная дружка трапитца:
Кыда старый—либа воръ, либа плутъ,
Кыда малый—нидаростычикъ,
Кыда роўный—горькій пьяница,
Штобы яго разувать, абувать,
Часты пугыўки растягывать,
Зиляноэй кахтанъ распрятывать,
Я й ни'дна я у матушки была,
Штобы яго разувать, абувать,
Часты пугыўки растягывать,
Зиляноэй кахтанъ распрятывать.

16.

(С. Даньково, Смоленскаго уѣзда.)

Сборы на игрище. Молодецъ просить у отца ворона коня ѣхать на свадьбу.

Ахъ, и дай намъ Богъ, намъ Кылядъ даждать,
  Ай люли, люли, намъ Кылядъ дождать;
Мы пайдемъ, пайдемъ, мы найгрищика,
  Ай люли, люли, мы найгрищика.
Мы съ игрищикъ—на заручины,
А зъ заручинъкъ—ны вясельлика.
Я пайду, пайду къ свайму батюшки:
«А дай мнѣ, батюшка, вырына кыня!»
—Зы кыня, дитя, слова нѣтути,
—Паѣжжай, дитя, на вяселійка,
Ты гуляй, дитя, а якъ самъ знаишъ,
Ни удиўляй, дитя, ты добрыхъ людей.

17.

(Колядные блины больше никольскихъ.)

Ай калядныя
Блины ладныя,
Ни такоуськія,
Якъ Микольськія!

18.

(Село Даньково, Смоленскаго уѣзда.)

Елычка вялика росла,
Сасонычка павыши таго,
Зяленинькій явыръ—надъ усими.
У Андрея жонка хараша,
А у Митьки палуччи таго,
У пана у Минки,—надъ усими.

(Отъ крестьянки Матрены Антоненковой).

19.

Дѣвки грушу садили, подъ грушей дѣвушка скачетъ и пляшетъ; постепенное развитіе груши до созрѣванія на ней плодовъ.

Дѣўки йгрушу садили,
А я малада скачу, пляшу,
А я маладенька гуляю.
Дѣўки йгрушу паливали,
А я малада и пр.
А ужу йгруша принялась,
А я малада и пр.
А ужу йгруша затьвила,
А я малада и пр.
А ужу йгруша дазрѣла,
А я малада и пр.
А ужу йгрушу пара тресть;
А я малада и пр.
А ужу йгрушу пара ѣсть;
А я малада и пр.

20.

(Сельцо Лѣтошники, Рославльскаго уѣзда.)

Дѣвушка выростила василекъ въ своемъ саду и, сдѣлавъ изъ него вѣнокъ, пошла въ тонокъ, гдѣ ея милый другъ играетъ на гусляхъ.

Василій мой, василёчикъ,
Да пасадь мяне ў садочикъ!
Я ў пятницу садъ садила,
У суботу паливала;
Въ васкресный день заламала;
Заламёмши, вянокъ свила;
Свимши вянокъ, пашла ў танокъ;
А ў томъ танку мой милый друхъ
У гусли йграить.
Яго гусли званчастыи,
Яго струны шалковыи,
Яго смычки дубовыи.

21.

(Шаталово, Смоленскаго уѣзда.)

Всѣ цвѣты подлѣ розы, кромѣ багроваго василечка; дѣвица окружена всѣми подружками, нѣтъ съ ней одного жениха.

А што жъ ты, рожа,
Адна ў гароди,
Рожа, рожа, чарвоная?
—«Я, права, ни'дна,
Богъ видить, ни'дна:
Што ёсть красычки,
То ўси са мною,
Уси са мною,
Прида мною;
Адназо нѣту,
Багровыга васила;
Гдѣ іонъ ня будить,
Ка мнѣ прибудить,
Ка мнѣ прибудить,
Са мной цвисть будить!»
—Што жъ ты, Маланка,

Адна ў таночку,
Руса каса
Да паиса?
—«Я, права, ни'дна,
Богъ видить: ни'дна;
Што ёсть дѣвушки,
То ўси са мною,
То ўси са мною,
Перида мною;
Аднаво нѣту:—
Младова Михалки,—
Гдѣ іонъ ня будить,
Ка мнѣ прибудить,
Ка мнѣ прибудить,
Са мной жить будить!»
(Отъ Федосьи Абрамовой).

22.

(Село Шоптово, Бѣльск. уѣзда).

(Рождественская).

Не хочетъ въ чернушкахъ сидѣть, хочетъ по саду гулять, орѣшки щелкать...

Ни маё дѣла ў чарнушкахъ сидѣть,
А маё дѣла па саду гулять,
Арѣшки щаўкать.
Пасажу я висельца сваё.
Кала висельца пахаживаю,
Кала висельца пасматриваю.
Падыму я висельца свае,
Падарю жа я надружки сваёй.

23.

(Сельцо Лѣтошники, Рославльскаго уѣзда.)

(Во время святокъ.)

Сѣяла въ саду василёкъ. Зародился въ саду василёкъ, зародился въ домѣ сынъ бѣлъ дороденъ, благороденъ, великоденъ.

Ой, я хадила, ой, я хадила,
Д' я гуляла па садочку;
Ой, я хадила, ой, я хадила,
Д' я гуляла па зялёнымъ.
Я сѣила, я сѣила,
Д' разсивала василёчикъ:
—«Заради, заради,
Мой василёчикъ, ў садочку!
Заўрадися, заўродися,
Иванушка, бѣлъ дародинъ,
Бѣлъ дародинъ, Бѣлъ дародинъ,
Благародинъ, великодинъ!
Ой, іонъ ахочь былъ 2
Вичоринушки спраўляти,
Ой, іонъ ахочь былъ 2
Красныхъ дѣвыкъ зазывати!..»

24.

(Сельцо Даньково, Смоленскаго уѣзда.)

Брала бъ конопельку, да семейка мала; проситъ свою подружку пособить.

Брала бъ канапельку,
Брала бъ зиляненьку,—
Да када мыя сямейка маленька!

Ящо жъ бы я брала,
Ящо жъ бы я брала,
Да сямеюшка мала!
—«Ай, Дарычка Трахимыўна,
Пысаби канапельку брати,
Зъ нами танцувати!»—
—Брала бъ канапельку,
Брала бъ зиляненьку,—
Да када мыя сямейка маленька!
Ящо жъ бы я брала,
Ящо жъ бы я брала,
Да сямеюшка мала!

25.

(Сельцо Крутиловка, Ельнинскаго уѣзда.)

Въ загородкѣ четыре угла, въ каждомъ углу посѣяны сѣмена: въ одномъ свеколка, въ другомъ рѣдечка, въ третьемъ морковка, въ четвертомъ пастернакъ. Такъ называются холостые парни; они ѣдутъ жениться: одинъ краснѣетъ, другой бѣлѣетъ, третій моркочетъ, четвертый скоблится.

Згаражу я згародку,
—Ой да люли, люли згародку,
На чатыри вуглушки.
Я пасѣю симина:
Въ первымъ вугли—свёкылку,
Въ другомъ вугли рѣдичку,
Въ третьемъ вугли—моркывку,
Въ чатвёртымъ вугли—пастырнакъ.
Свёкылка—нашъ Микита:
Жанитца ѣдить—краснѣить;
Рѣдичка—нашъ Михалка:
Жанитца ѣдить—бялѣить;
Моркыўка—нашъ Хвёдырка:
Жанитца ѣдить—маркочить,
Іонъ жанитца ня хочить;
Пастырнакъ—нашъ Митрыхванъ:
Жанитца ѣдить—скоблитца.

26.

(С. Шоптово, Бѣльскаго уѣзда.)

(Карагодная пѣсня).

Сильный дождь льётъ на бѣлую капусту; въ саду молодецъ гуляетъ, себѣ пару выбираетъ.

Вичорна, капуста́,
Вичорна, била́я,
Сливной дождь поливаить,
Бѣлую, зеленую, лумаить.
Въ саду молодецъ гуляеть,
Сабѣ пару выбираить,

Па сагласію Настасью,
Па савѣту Лисавету,
Па сабору Митрадору.
Адна горка высока,
Другая низка;
Адна мила далика,
Другая близка.
Я дальнію милую
Дѐньгамъ подарую;
А ближнію милую.
Семъ разъ поцалую.

27.

(Сельцо Крутиловка, Ельнинскаго уѣзд.)

Хорошая доля любить холостого.—Жаль мужа—повѣсь его на лычкѣ на шею.

За рѣчкаю, за Дунаю,
Ахъ и люли, за Дунаю,
Парастала трава мята,
Ласкавата-кудрювата,
Сладкый водкый наливата.
Расхырошая дѣла,
Распригожая дѣла.
Хто халостыго любить,—
Распроклятыя дѣла,
Распастылыя дѣла,
Хто жинатыга любить;
Жина рана ўставала,
Скотъ на росу выганяла;
Съ кимъ ня стрѣпитца, каситца;
Ящо стрѣница, бранитца.—
Вохъ, ты, Дуня, харахоня,
Коли жаль табѣ мужа,—
Почани мужа на лычка,
Ты навѣсь яго на шейку,—
Ты наси яго да вѣку,
Слова голую калѣку.—
(Отъ Христёны Головнёвой).

28.

(Село Иньково, Порѣчск. уѣзда.)

Дѣвица допускаетъ, чтобы только дружокъ ея ходилъ около ея саду, топталъ пахучую мяту, ею посаженную, ею поливанную.

Ни хади, кудриватый,
Кала майво саду,
Ни тапчи-на, кудриватый,
Пахучую мяту.
Ни ли тибе я садила,
Ни ли тибе я поливала;
Ли таго я садила,
Каго я любила;
Ли таго я поливала,
Каго цалувала.

29.

(Село Иньково, Порѣчск. уѣзда.)

Мята поломана, связана въ пучки, брошена черезъ заборъ. Величаніе молодца.

Ай, у гароди мята,
А ўся пуламата,
Люлюшки люли, ўся пуламата.
У пуки пувизата,
Заборъ закидата.
А хто у насъ любчикъ,
Сизинькій галубчикъ?
Іонъ бодринька ходить,
Манерна ступаить,
Сапохъ ни скриўляить,
Чулокъ ни змараить;
На коню садитца,—
Коня шаращитца;
Іонъ пуженькый машить,

Падъ имъ коня пляшить,
Кала луга ѣдить—
Лужки зилянѣють;
Къ водѣ прііжжанть—
Водица лялѣить;
Къ садамъ прііжжанть—
Сады расцвитають;
Къ двору падъижжанть—
Дѣўка сустрикаить,
Падъ ручки хватаить.

30.

(Береснево, Духовщинск. уѣзда.)

Макъ въ огородѣ. Положитъ маковицу на полицу, сама пойдетъ на улицу съ казакомъ гулять.

А ў гароди макъ,
А падъ гарою такъ,
Палажу я макавицу,
Палажу а на палицу,
Сама пайду на вулицу,
Съ казакомъ гулять.
Ти паспѣў макъ?
Не ища, ляда пасѣкъ.

31.

(С. Даньково, Смоленск. уѣзда.)

Въ зеленой рощѣ дѣвка танокъ водила, вѣнокъ ронила; батюшка прошолъ, не нашолъ вѣнка, а милый нашолъ вѣнокъ дѣвицы.

Стой, мая роща,
Стой, зилиная;
Стой, мой карагодъ,
Ни рысхадися!
А ў томъ карагоди
Дѣўка гуляла, 2
Танокъ вадила,
Пиридъ батюшкый
Вянокъ ранила:
Батюшка, прайди,
Вяночикъ найди!
Батюшка прайшоў
Винка ни нашоў
Роднинькій прайшоў,
Винка ни нашоў.

Стой, мая роща,
Стой, зилиная;
Стой, мой карагодъ,
Ни рысхадися!
А ў томъ карагоди
Дѣўка гуляла 2
Танокъ вадила,
Пирядъ милинькимъ
Вянокъ ранила:
Милинькій, прайди,
Вяночка наищи!—
Милинькій прайшоў,
Вяночикъ нашоў.

32.

(Село Даньково, Смоленскаго уѣзда.)

Варитъ дѣвушка ячменную крупеню своимъ подругамъ и ребятамъ; въ крупеню подругамъ бросила воловье стегно—по мнѣнію матери, надо было и другое бросить; въ крупеню ребятамъ кинула комарово стегно—по мнѣнію матери, надо было половину кинуть. Журитъ—бьетъ мать недогадливую дочь.

Я ўзыйду, ўзыйду на круту гару,
Ай люли, люли на круту гару,
Я нажну, нажну ячменю жменю,
Наварю, наварю дѣўкамъ крупени,

Я ўкину, ўкину валова стягно́.
За то мяне матушка била—журила:
—«Було-бъ табѣ, к...вища, другоя ўкинуть!»
Я ўзыйду, ўзыйду на круту гару,
Я нажну, нажну ячменю жменю,
Наварю, наварю рибятамъ крупени,
Я ўкину, ўкину кымарова стягно.
За то мяне матушка била—журила:
—«Було-бъ табѣ, к...ища, палавинку ўкинуть!»

33.

(Село Даньково, Смоленскаго уѣзда.)

Деревцо расло высоко, корень пустило глубоко, листья широко, вѣтья высоко.

Дериў, диряўцо, 2,
Ды вялика расло—
Вотъ такъ, тыкаво,
Вотъ етакъ яно;
Коринь яго—
Вотъ такъ глубако,
Вотъ етакъ яно;
Лисьтя яго—
Вотъ такъ шурако,
Вотъ етакъ яно;
Вѣтьтя яго—
Вотъ такъ висако,
Вотъ етакъ яно.

34.

(Село Даньково, Смоленскаго уѣзда.)

Дѣтина навеселѣ; мать предлагаетъ ему въ жены дочь поповскую, онъ предпочитаетъ крестьянку.

Виўся, виўся хмелюшка,
Виўся пы тычинушки,
Люли, люли, люли,
Виўся пы тычинушки,
На самый вяршинушки,
Тирязъ тынъ на вулицу,
А ў мой зялёный садъ.
А ў маёмъ садику
Раздолья шурокыя, 2
Гуляння вясёлыя:
Гуляить дятинушка,
Горька сиратинушка,
Галовушка звязана
Платочкымъ шаўковенькимъ.
Увидала й матушка
Зъ висакога терима,
Зъ вакошка сяреднива,
Са стекла хруштальнага:
—«Што жъ ты, маё дѣтитка,
Нявесела гуляишъ,
Нерадыстна йграешъ?»
—Радимая матушка,
Якъ мнѣ висялому быти?
Всѣ маи таварищи,
А ўсѣ пажанилися,—
Адинъ я, добрый молыдицъ,
Холыстъ-нижинатъ хажу!..
—«Бяри, бяри, дѣтитка,
Бяри дочь папоўскую!»
—Радимая матушка,
То мнѣ ни жана будить, 2
Табѣ ни нявѣстушка,
Въ доми ни хазяюшка!..
—«Бяри, бяри, дѣтитка,
Бяри дочь христьянскую!»
—Радимая матушка,
Вотъ то мнѣ жана будить,
А табѣ нявѣстушка, 2
Въ доми ой хазяюшка!..

(Отъ старухи Матрены Антоненковой).

35.

(Село Черново, Рославльскаго уѣзда.)

Прибился къ дѣвушкѣ воробей; она даритъ его вѣнкомъ съ головы и перстнемъ съ пальца.

Виўся, виўся вирябей
То къ тымъ, то къ тымъ варатамъ;
Якъ прибиўся вирябей
Къ Михалиныымъ варатамъ.
—А, Дарычка малада,
Чимъ даруешъ вирябья?—
—«Съ буйнэй галоўки
Златъ вянокъ,
А съ мезинца
Пирстянекъ».—

36.

(Село Пречистое, Духовщинск. уѣзда.)

У воробья голова болитъ, сердце щемитъ.

А у виробьюшки
Галовушка балить, балить,
Сярдечушка щумить, щумить.
Ни пара тибѣ, виробьюшка,
Садитца на лужочикъ,
На кружочикъ,
На жолтинькамъ на пяскѣ?
Ни пара тибѣ, виробьюшка,
Устать и палитать,
Каво любишъ, цалувать?

37.

(Деревня Самохватовка, Смоленскаго уѣзда.)

Хмель не держится въ дубовой бочкѣ, молодецъ изъ родной семьи уходитъ на свиданіе съ дѣвицей.

За гумномъ, гумнищамъ
Дѣўки хмель садили,
Садючи гаварили:
«Расти, расти, хмеля,
Расти, прирастайся
Кареннимъ глубокимъ,
Листикамъ шурокимъ!
Гавариў жа хмеля:
«Кали мяне дѣўки ня полють,
'ны мяне не удержуть
Ни ў дубовыхъ бочкахъ,
Ни ў зялѣзныхъ абруччахъ:
По двару раскачуся,
Абручи палумаю,
Доски паскипаю.
Гавариў Змитрушка
Гавариў малодый:
Чаму мяне матка ня женитъ?
'на мяне ня удержить
Ни за тисовымъ столымъ,
Ни за мѣдными дзярьми:
Столичикъ аддвину,
Двери палумаю;
Якъ пайду я прочки
Супрати темный ночки
Я къ ласкавый тещи,
Къ красный жа дяўчонки:
Ласкавая теща
Вячерю згатуить,
Красная дяўчонка
Пастелю пастелить.

38 а).

(Село Даньково, Смоленскаго уѣзда.)

Чернецъ наварилъ пива безъ овса, безъ ячменя, безъ яраго хмеля; хмель вступилъ въ буйну головушку, въ „серединку“ и т. д..

На вулицы дива,
На широкій жа дива:
Навариў чарнецъ пива,
Навариў зилянога,
Бизъ аўса, бизъ ячменю,
Бизъ ярыга хмелю.
Уступила хмялинка
У мою буйну галоўку:
Вой нильзя мнѣ сагнутца,
Вой нильзя здриганутца,
Чарнецъ мой, чарнецъ,
Чарнецъ маладой!

На вулицы дива,
На широкій жа дива:
Навариў чарнецъ пива,
Навариў зилянога,
Бизъ аўса, бизъ ячменю,
Бизъ ярыга хмелю.
Уступила хмялинка
У маю сирядинку:
Вой нильзя мнѣ сагнутца,
Вой нильзя здриганутца,
Чарнецъ мой, чарнецъ,
Чернецъ маладой!

3 б).

(Село Пречистое, Духовщинскаго уѣзда.)

Наварилъ чернецъ пива.

Навариў чарнецъ пива,
Бизъ ауса, бизъ ячменю,
Чарнецъ мой чарнецъ,
Чарнецъ маладой,
Бизъ аўса, бизъ ячменю,
Бизъ ярыва хмелю.
Я хмель разливала,

Хмялину разлучала.
Ударила хмялинка
Мяне у сирединку,
Нильзя шивальнутца,
Нильзя здриганутца;
А я шивальнуся,
А я здригануся.

39.

(Село Даньково, Смоленскаго уѣзда.)

У перепелочки головка болитъ, серединка и т. п.

Пыскачъ, пупляшъ, пиряпелычка,
Пиряпелычка жъ ты мыя, ты сизешенькыя!
У пиряпелычки да галоўка балить.
Пыскачъ, пупляшъ, пиряпелычка,
Пиряпелычка жъ ты мыя, ты сизешенькыя!
У пиряпелычки сирядинка балить.
Пыскачъ, пыплашъ, пиряпелычка,
Пиряпелычка жъ ты мыя, ты сизешенькыя!
У пиряпелычки дай ножки былять.
Пыскачъ, пупляшъ, пиряпелычка,
Пиряпелычка жъ ты мыя, ты сизешенькыя!

40.

(Село Никола-Ядреичъ, Духовщинск. уѣздъ.)

Снигурюшѣ предлагаютъ жонъ изъ разныхъ сословій; онъ выбираетъ себѣ крестьянку.

**Ти ня полна, бялой сняжокъ,
На сырой земли лижать?
Ни пара ль тебѣ, снигурюша,
Жанитца выхадить?
Ты бяри сябѣ, снигурюша,
Дварянскую дочъ.
—«Я дварянскую дочъ
Я да смерти ин люблю».
Ти ня полна, бялой сняжокъ,
На сырой земли лижать,
Ни пара ль тябѣ, снигурюша,
Жанитца выходить?
Ты бяри сябѣ снигурюша,
Папоўскую дочъ.
—«Я папоўскую дочъ,
Я да смерти ни люблю».
Ти ня полна, бялой сняжокъ,
На сырой земли лижать?
Ни пара ль тябѣ, снигурюша,
Жанитца выходить?
Ты бяри сябѣ, снигурюша,
Цыганскую дочъ!
—«Я цыганскую дочъ
Я да смерти ни люблю»,
Ти ня полна, бялой сняжокъ,
На сырой земли лижать?
Ни пара ль тябѣ, снигурюша,
Жанитца выходить?
Ты бяри сябѣ, снигурюша,
Крестьянскую дочъ!
«Я крестьянскую дочъ
Я да смерти люблю,
Пацалую, абниму
И гулять зъ ей пайду!»**

41.

(Сельцо Радошково, Ельнинскаго уѣзда.)

Пора утицѣ садиться въ батюшкиномъ садочкѣ, на ракитовомъ кусточкѣ. Пора утицѣ взлетать съ ракитова кусточка.

**Ужъ пара тибѣ, вутица, садитца,
О садитца, о садитца,
Въ маемъ зеленымъ батюшкинымъ садочку,
О садочку, о садочку,
На ракитывымъ, вутица, кусточку,
Ужъ кусточку, ужъ кусточку!
Ужъ пара тибѣ, вутица, ўзлитати,
Ўзлитати, ўзлитати,
Да зъ ракитыва, вутица, кусточку,
Ужъ кусточку, ужъ кусточку,
Зъ майго зелена батюшкина садочку,
Ой садочку, ой садочку!**

(Отъ старухи крестьянки Прасковьи Сафоновой).

43.

(Сельцо Самохотовка, Смоленскаго уѣзда).

1) Уточка луговая ночевала у бережочка, на жолтенькомъ песочкѣ.
2) Солдаты выломали по хлудочку, сдѣлали по гудочку.
3) Гудки, не будите батюшку съ похмѣлья.
4) Мать за рѣкою гонитъ зелное вино, поитъ зятя.

—Да ты, вутушка,
Да ты лугувая, лугувая,
А идѣ ночиньку
Да ты э начувала, начувала?—
—Начувала ночку
Да я ў биряжочку, ў биряжочку,
Я на жоўтенькымъ
Да я на пясочку, на пясочку.
Туда ишли, прайшли
Салдатики маладэя, маладэя;
Яны выламили
Сябѣ па хлудочку, па хлудочку;
Яны выгадали
Сябѣ па гудочку, па гудочку.
—А вы, гудки,
Да вы не гудитя, не гудитя,
Майго батюшку
Да вы не будитя, не будитя!
Мой роднинькій
Спить са пахмелья, са пахмелья,
Са вяликыга роднинькій
Да іонъ пиряпою, пиряпою;
Мыя матушка
Живеть за рякою, за рякою;
Гонить родная вино,
Вино зиляноя, зиляноя;
Поить зятя,
Зятя маладога, маладога:
—«А ты пей, зятю,
Да ты ни спивайся, ни спивайся,
На мяне, маладу,
Да ты ни начайся, ни начайся!»

(Отъ старухи Лукерьи Бѣляёвой).

44.

(Село Даньково, Смоленскаго уѣзда).

Молодца садятъ противъ дѣвки и противъ вдовушки; различное впечатлѣніе, производимое на молодца видомъ дѣвушки и вдовы; дѣвушка исполняетъ его просьбу подать шапку.

Охъ, и ў поли Дунай,
У чистомъ поли Дунай.
Якъ зазвали малайца,
Якъ зазвали удальца
А-й уў пиръ пирувать
И ў кампанію гулять.
Пасадили малайца,
Пасадили удальца
Проти дѣўки на скамейки,
Проти ўдоўки на другой.
— Здрастуй, ўдоушка, чаломъ,
Съ малайца шляпа далой.
—Я ня слушаю тябе,
Ни падамъ шапку тябѣ.
— Здрастуй, дѣушка, чаломъ,
Съ малайца шляпа далоў.
—Я паслушаю тябе
Я падамъ шляпу тябѣ.

45.

(Село Данькоро, Смоленскаго уѣзда).

Дунай пошолъ играть на игрища, на святые вечера, уронилъ шапку и проситъ „дѣвку красную, слугу вѣрную", подать ему шапку, она отказывается.

Какъ пашоў жа Дунай
Іонъ на игрища гулять,
На святые вечера.
Какъ садиўся Дунай
Іонъ на лавычки, 2
На примостычки,
Ураниў шапку
Чорнабархатную, 2
Чорнаплисавую.
Передъ имъ ходить
Дѣўка красная, 2
Слуга вѣрная.
—«Ужъ, ты, дѣвушка-душа,
Чорнаброва-й хараша,
Ты паслушай-ка мяне, 2
Ты падай шапку маю!»
—Не слуга, сударь, твыя,
Я не слушаю тябе, 2
Не падамъ шапки тябѣ!
Какъ пашоў жа Дунай
Нерадастенъ, нивясёлъ:
Сударушки не нашоў.

46.

(Сельцо Шаталово, Смоленскаго уѣзда).

Па томъ баку Дунаю,
Э,э,э, ха, ха, ха,
Писарь гусей ганяитъ,
Сы дѣвушкый гуляитъ.
—А, дѣвушка, дѣвушка,
Скажи сваей паницы,
Што ў розовымъ платьтицы,
Пущай мяне ня ждеть,
Пущай замужъ идеть.
А я паринь маладой,
Ящо къ таму багатой,
Тройка коній варанызъ,
Тялѣжичка кована,
Зъ Масквы привязёная.
Якъ пайду я ў зелинъ садъ,
Накапаю каряшкоў
Съ падъ бѣлинькихъ камушкыў,
Я намыю на рякѣ,
Аттаплю я ў малакѣ.
Каряшокъ ни скипѣў,
Ка мнѣ милый прилятѣў.
—«Чаго, чаго, прилятѣў?
Ты мяне брать ни хатѣў!»
—Прасти, дѣўка, винаватъ:
Сказаў слова—самъ ни радъ!

(Отъ Ѳеклы Бобарычихи).

47.

(С. Данькоро, Смоленскаго уѣзда).

Глядитъ молода вдоль по улицѣ въ конецъ; на поповскомъ дворѣ хороши ребята.

Выйду, выйду мылыда
За навыя варыта, 2
Гляну, гляну мылада
Вдоль па улицы ў канецъ,
На папоўскій на дварецъ.
На папоўскимъ на дварцы
Хыраши рибяты,
Хыраши, пригажи,
Ахочи гуляти,
Ахочи гуляти,

Дѣвыкъ цулувати:
Харошую два рыза,
А худую худабу
Вакругъ яе абайду.
Я разъ пыцалую;
А худая худуба
Якъ рысхвастылася
И рысчаченилася.

48.

(С. Даньково, Смоленскаго уѣзда).

Черезъ печь въ комору къ писарю лѣзла... Не ходи-ка возлѣ рѣчки, не мочи-ка ногъ; не люби-ка чужихъ женъ: не поможетъ Богъ... и другіе мотивы.

Черезъ печь да ў камару ина къ писарю лѣзла.
Лянжитъ писарь на крывати, какъ бѣла папера,
А ина къ яму падхадила, какъ чарвона роза,
А іонъ яе правадилъ, какъ вялую мяту.
А хучъ вялая мята, такъ дорыга плата,
Хуть нямножка правадилъ, такъ дорга заплатилъ.
Не хади-ка кала рѣчки, не мачи-ка нохъ, нохъ,
Не люби-ка чужихъ жоныкъ: не паможитъ Бохъ, Бохъ!
А я Бога упрашу, штобъ приняў тваю душу!
Милъ на лавычки лянжитъ, какъ сабачка дрыжитъ,
А я вѣры ня няла: мазукантыў наняла.

49.

(С. Даньково, Смоленскаго уѣзда).

Парень измѣняетъ дѣвицѣ.

Тото Дарья, тото Марья
Рѣчи гаварила;
Ну йна рѣчи гаварила,
На рѣчушки стоя:
Натариў Ваня дарожку,
Кы майму акошку;
Натариўши дарожку,
Ня хочетъ хадить;
Іонъ, наклаўши худэй славы,
Ня хочетъ любить.
Выйду, выйду, младешенька,
На бальшую дарогу;
На бальшэй жа дарогѣ,
Ребята гуляютъ;
Тамъ ребятушки гуляютъ,
Надежду гукаютъ:
—Выйди, выйди, Надеждушка,
Съ нами прагуляйся!
—Не хачу я съ вами знатца,
Съ вами падлецами,—
Хочъ знатца мнѣ, не знатца
Съ добрыми малайцами!

50 а).

(С. Даньково, Смоленскаго уѣзда).

Разговоръ съ Ваней. Дунѣ послѣдовательно покупаютъ сарафанъ, фартукъ, чулки, башмаки, платокъ, весъ нарядъ крестьянки.

Ваня, пайдёмъ?
—«Куда?»
—На базаръ.
—«Чаго?»

—Купимъ Дуни рубашку.
—«За што?»
—А за то жъ мы Дуни купимъ,
Што мы яе вѣрна любимъ!
Ахъ, думы мое, мысли маладецкіе!..

Пѣсня продолжается дальше такимъ же образомъ, только рубаха послѣдовательно смѣняется „сарахваномъ, хвартукомъ, чулками, башмаками, платочкомъ“.

50 б).

(Разговоръ между кумой и кумомъ, спрашивающимъ про жену свою).

Здароў, кума!
—«Здароў».
—Идѣ ты была?
—«У городи, ў лаўки».
—Ти видила маю бабу?
— «Видила».
—Чимъ ина таргуить?
—«Всякими разными таварами».
—Што ина мнѣ шлеть?
—«Шила, да мыла,
А табѣ, мой мужъ, ражонъ у рыла».

50 в).

Васинька, душинька,
За што жъ ты жанушку бьешъ,
За што жъ ты яе дярешъ?
Ти ты ей рубашонку купилъ?
Купили ей шильники, мыльники,
Кушивары, мушивары,
Извощики, винирады,
Охъ и тые чернецы—
Маскоўскіе падляцы.

Потомъ въ пѣснѣ послѣдовательно спрашивается, почему Васенька бьетъ свою жену, хоть онъ ей и не купилъ платчонка, фартучонка, поясенка, кралей.

51.

(С. Даньково, Смоленскаго уѣзда).

Пріѣхали къ Дуни
Чатыри салдаты,
Пятый барабанщикъ.
Барабанщикъ играить,
Дуню спадманяить:
—Садись, Дуня, у сани,
Да паѣдимъ мы зъ нами!
Унашига папа
Усяго скоту многа:
Кабылка Маринка,
Канёчикъ Данилка,
Кароўка Зяноўка,
Бычокъ Змитрачокъ,
Авечка Вулянка,
Бараничка Иваничка,
Свиньчка Акулиньчка,
Вепрючокъ Гаўрилычка,
Гусычка Парашка,
Гусачокъ Панаська,
Индѣйка Сахвейка,
Индычокъ Питрачокъ,
Утычка Анютычка,
Силязенька Андрейка,
Курычка Хахлушка,
Питушокъ Паўлюшка».

52.

(Село Черепово, Рославльскаго уѣзда).

Халимонъ ѣдетъ жениться. Спрашиваютъ, есть ли у него шапка, поясъ и т. д.

—Куда ѣдешъ, Халимонъ,
Съ сваими добрыми хвйцарами,
Съ сваими низкими укломбами?
—«Жанитца ѣдешъ, Халимонъ,
Жанитца ѣдешъ, братицъ мой.»
—Шапки ни маишъ, Халимонъ,
—«А іость шапка, Халимонъ,
А іость шапка, братицъ мой».
Куда ѣдешъ, Халимонъ,
Съ сваими добрыми хвицарами.
Съ сваими низкими укломбами?
—«Жанитца ѣдешъ, Халимонъ,
Жанитца ѣдешъ, братицъ мой».
—Сукна ни маишъ, Халимонъ.
—«А іость сукна, Халимонъ,
А іость сукна, братицъ мой».
—Куда ѣдешъ, Халимонъ,
Съ сваими добрыми хвицарами,
Съ сваими низкими укломбами?
—«Жанитца ѣдешъ, Халимонъ,
Жанитца ѣдешъ, братицъ мой.»
—Дѣўки ни маишъ, Халимонъ.
—«А іость дѣўка, Халимонъ,
А іость дѣўка, братицъ мой».

53.

(Село Никола-Ядреичъ, Духовщинскаго уѣзда).

Мужъ пашетъ, жена пьетъ и заставляетъ его плясать передъ нею.

Арланъ (?) челавѣкъ
У поля пахати,
Яго жана малада
У карчму гуляти.
Арланъ челавѣкъ
Чатыри прагонцы,
Яго жина прапила
Чатыри чарвонцы.
Арланъ челавѣкъ
Изъ поля да дому,
Яго жина маладая
Дрыбить нагою:
—«Пасматритя, добры люди,
Какъ я свайго дурака
Заставила плисать гайдука.
Мужичища дурачища,
Хвали маю волю,
Паскачъ гайдука
Хучъ перида мнюю»!

54.

(Деревня Романовка, Рославльскаго уѣзда).

Ахъ, дѣўки, любитя мяне,
Маладухи, хвалитя мяне,
Стары бабы, паважайтя мяне!
—А хто тябе будить любить?
Сытана тябе будить хвалить,
Када ты нихарошъ, нипригожъ:
Тваё брюха велика.
Вялю брюха урѣзыть,
На пачопычки порѣзать,
Старымъ бабушкамъ атдать
Ды и гущу палать.
Ахъ, дѣўки, любитя мяне, и пр.
Твой носъ длинный...
Вялю носика урѣзать,
Да на трубычки падѣлать,
Да рибятушкамъ атдать,
Табакъ накладать,
Па вулицы идить,
Ды и трубычку курить.
Ахъ, дѣўки, любитя мяне, и пр.
У тябе тютька бальшей...
Вялю тютьку урѣзыть,
На таўкачики падѣлыть,
Ды хазяюшкамъ атдать,
Да картофель растаўкать.

55.

(Село Полуево Рославльскаго уѣзда,).

Воръ Максимъ
Удоль па улицы прайшоў.
Я млада малчу,
Яще замалчиваю.
Пусть Максимъ наиграитца,
Душа-серца яго натѣшитца.
Воръ Максимъ
Плутъ саўсимъ.
Максимушка
Добрый чилавѣкъ,
Максимушкинъ
Пріятный твой живатокъ.

56.

(Сельцо Самохотовка, Смоленскаго уѣзда).

Скакуха. Ловила рыбу не одна, мать узнала, затѣяла огородъ городить, капусту садить—полно на улицу ходить,

Кала рѣчушки гуляла малада,
Бѣлу рыбицу лавила, да ни 'дна.
Якъ увидили рибятушки,
Разсказали моей матушки;
Мая матушка ни лиха, ни дабра:
Якъ затѣила згароду гарадить,
Якъ затѣила капусту садить,
А купуста ня содитца,
А згарода ни гародитца;

Па капусти листя стелитца,
Адинъ любитъ, другей сердитца.
Польна, польна намъ на вулицу хадить,
Польна, польна шулудивыхъ любить.
Спулюблю я съ кучуривый галавой,
Ти ня буду я хазяйка яго.

57.

(Село Никола-Ядреичъ, Духовщинскаго уѣзда).

Дѣвушка чаруетъ всѣхъ своею наружностью.

Парадила мяне матушка
Счасливыю, таланливыю,
Чернабровыю, дагадливыю.
Какъ пайду я къ абѣдинки,
Всѣ папы заглидаютца,
Читать, писать забываютца.
Палюбиў мяне малоденькій папокъ,
Падариў мянѣ шалковенькій платокъ.
Какъ пайду я на рынычикъ,
Всѣ купцы заглидаютца,
Таргувать забуваютца.
Палюбиў мяне малоденькій купецъ,
Падариў мянѣ китаички канецъ.

58.

(Деревня Романовка, Рославльскаго уѣзда).

Ай, матушка, гулять хочитца,
Гоцъ, барыня моя,
Гоцъ, сударыня моя!
Балить, балить гылыва,
Дяўчина раскрасавица мыя.—
Ай, мой милый дрова рубить,
Печку топить (2), письма пишить;
А я млыда дагадалыся,
Съ памыйницы умувалыся,
Своей красы дивувалыся.

59.

(С. Даньково, Смоленск. уѣзда).

Всѣ дѣвки бѣлы, румяны, одна Татьяна басурманка-ниўмыванка; Митрофанъ ѣдетъ въ городъ, покупаетъ для нея мыло.

Какъ пойду я ўдоль па лаўки,
Удоль па лаўки, ўдоль па лаўки;
Какъ гляну я па дѣўкахъ, я па дѣўкахъ.
Увси дѣўки бѣлы румяны, бѣлы румяны,
Адна Татьяпа басурманка,
Басурманка-ниўмыванка.
Паѣжжай-ка, паѣжжай-ка, Митрыфанъ, ў гарадочикъ,
Закупи-ка, закупи-ка, Митрыфанъ, брусикъ мыла,
Штобъ была Татьяна, штобъ была Татьяна,
Бѣла румяна, бѣла румяна.

60.

(Село Даньково, Смоленскаго уѣзда).

Митрофанъ ѣдетъ жениться, съ нимъ его охота; назадъ возвращается съ женой и съ охотничьей добычей.

Ня стукъ стучить по масту,
По масту, по масту,
Ня грюкъ грючить по масту,
По масту, по масту.—
Митрыхванъ ѣдить жанитца,
Жанитца, жанитца,
Сыкала̀ вязеть на рукѣ,
На рукѣ, на рукѣ,
Хырта̀ вядеть на рямнѣ,
На рямнѣ, па рямнѣ.—
Сокылъ лятить—рябца нясеть,
Рябца нясеть, рябца нясеть;
Ай, хортъ бягить—зайца нясеть,
Зайца нясеть, зайца нясеть;
Митрыхванъ ѣдеть—дѣўку вязеть.
Дѣўку вязеть, дѣўку вязеть.
Зайцыва шуба тёплинька,
Тёплинька, тёплинька;
Рябцыва мяса смашнинька,
Смашнинька, смашнинька;
Митрыхванывa дѣўка краснинька,
Краснинька, краснинька.

(Отъ Матрёны Антоненковой).

61.

(С. Даньково, Смоленск. уѣзда).

Дѣтинка, веселая голова, выхваляется своимъ нарядомъ отъ „сударушки"; изсушила его „лапушка".

Охъ, и по масту, масту,
Па калинывыму,
Туды йшоў, прайшоў дятинка
Висилàя галава,
Ралубой на имъ кахтанъ,
А на шеюшки платокъ,
Слова ялинькій твятокъ,
А ў кармани другэй—
Итальянскій, галубэй.
Полы машутца,
Раздумаютца,
Іонъ калинывый тростычкый
Папираитца;
Іонъ бакитывый лентый
Выхваляитца:
—То-то лента, то-то лента,
То-то лентушка мыя,
А ли, ли, ли,
Мнѣ сударушка дала,
Ина пажалавала...
Якъ и выду на крыльцо,
Вижу лапушку ў лицо.
Пирядъ мòлыйцемъ дяўчонка,
Приўзадумаўшись, стаить,
Приўзадумаўшись, стаить,
Тайны рѣчи гаварить:
— „Здрастуй. здрастуй, малойчикъ,
Разудалый маладецъ!»...
—А шкелная, манерная,
Сударыня мыя,
А ссушила мяне,
Мыя лапушка,
А пустила сухату
Пы маимъ живату,
Пустила пичаль,
Пы маихъ ясныхъ вачахъ...

62.

(Село Шиловичи, Духовщинскаго уѣзда).

По калиновому мостику ѣдетъ на ворономъ конѣ добрый молодецъ: кудри, какъ жаръ, горятъ; шапка, какъ макъ цвѣтетъ. Приличнѣе для молодца ухаживать за дѣвицами, нежели за молодухами; любовь къ молодухѣ непрочна и оканчивается разрывомъ, любовь къ дѣвицѣ завершается законнымъ бракомъ.

По масту, масту, по калинывуму,
По примостоцку по малиновуму,
Тамъ бѣжалъ, бѣжалъ конь варонинькій,
На кани сядить добрый молыдицъ,
Добрый молыдицъ ды Иванюшка.
У яго кудри, какъ жаръ гарять,
У яго шапка, слова макъ твитить;
Грибенцомъ кудирицы прицосыны...
Ты-жъ ня стой, ня стой, добрый молыдицъ,
Ды Иванюшка зъ маладухами,
А пастой, а пастой съ красными дѣўками:
Атъ маладухъ атлешонъ будишъ,—
Съ красными дѣўками перевѣнцонъ будишъ.

63.

(Село Даньково, Смоленскаго уѣзда).

Молодецъ коня поилъ; дѣвица воду брала. Молодецъ приказываетъ дѣвицѣ беречь коня, собирается женится.

Што у нашихъ варотикахъ
Стаяла вазёрушка,
Вазёрушка поўненька,
Съ бирижками роўненька.
Што ў тымъ вазёрушки
Молыдицъ каня паиў, 2
Дяўчонка ваду брала;
Напаёмши коника,
Іонъ павёў да домика,
Стаў каня привязывать,
Дѣвушки приказывать:

—«Ты, дѣвушка красная,
Биряги майго каня,
Коника вароныга,
Груздила залотыя,
Сдалеча привезина,
Дорга заплочина!»
—Ты, молыдицъ, молыдицъ.
На каго ты надѣисься?
—«Надѣюсь на денюжки,
Жанюсь на дѣвушки,
На ближній сусѣдушки»...

(Отъ Аўдули Гуковой.)

64.

(Дунаево, Бѣльскаго уѣзда).

Величаніе дѣвушки.

Ты питакъ,
А я семъ капѣикъ,
Ты ў кабакъ,
А я за табою;

Ты ў трахтиръ,
А я чаю кушаю.
Двѣ капѣйки барыша—
Очень дѣўка хараша,

Шапачка бабровая,
Дѣўка чирнабровая,
Въ карагодъ пастаўлю,
Цалувать застаўлю.

(Любимое у старообрядцевъ).

65.

(Село Хотьково, Смоленскаго уѣзда).

Три узла въ платочкѣ молодца: маковъ цвѣтъ, василекъ, любовъ цвѣтъ.

Березничикъ листиватъ, листиватъ,
Эхъ, и листиватъ,
Ляксѣюшка халастой нижинатъ,
У Алексѣя шапачка, шапачка,
А у шапачки платочикъ,
А у платочки три узла:
Первый узелъ василёкъ,
Другой узелъ макыў цвѣтъ,
Третій узелъ любыў цвѣтъ.
Ево маминька спрашивала:
—«Дитичка Ликсѣюшка,
На што жъ табѣ милый цвѣтъ?»—
—Штобъ я, молыдицъ, красинъ былъ.
—«На што жъ тибѣ, дититка, василёкъ?»
—Штобъ я, младецъ, веселъ былъ.
—«На што жъ тибѣ макыў цвѣтъ?»
—Штобъ я, младецъ, красенъ былъ.
—«На што жъ тибѣ, младецъ, любыў цвѣтъ?»
—Штоба дѣвушки любили,
Малодушки хвалили,
Въ високъ теримъ вадили,
Чаимъ, медымъ паили,
Канфектами кармили.

66.

(Хотьково, Смоленскаго уѣзда).

Взаимная любовь. Наговоры дѣвушекъ. У милаго три сада—перечисляются качества любимой дѣвушки: 1) дѣвка напаглядъ, 2) невеличка, 3) молода.

Никадà наша Катюша
Ни загуливала,—
Какъ сяводнишній денёкъ,
Разабралъ Катю хмелёкъ;
Спалюбилъ дѣвку парнёкъ,

Спалюбилъ онъ её, спалюбилъ,
Взялъ за ручки падхватилъ,
На караблйкъ пасадилъ;
Нива рика ни примаить,
Къ бережку валной прибиваить,

Ка бережку, бережку,
Ка зелёныму лужку.
Я на етимъ на лужочки
Весь денечикъ гуляла̀,
Сибѣ милыва ждала̀.
Я ждала̀ его, ждала̀,
Насилушку даждала̀сь,
На шеюшку бросила̀сь,
Крухъ шеюшки, абвилась
И слизами залилась.
На Хотькаўскiй вулицы
Сидять дѣвки вумницы.
Анѣ баютъ—гаварять,
И ругають, и бранять, 2
Хатять съ милымъ разлучить.

Таму дѣлу и не быть,
Штобъ въ разлуки съ милымъ жить;
Таму дѣлу не сбыватца,
Штобъ намъ съ милымъ разставатца.

У майво милова
Три садики зилянова:
Первый садикъ—винаградъ,
Што я дѣўка напаглядъ; *)
Другой садикъ—земляничка,
Што я дѣўка нивяличка;
Третiй садикъ—либида,
Што я дѣўка малада.

67.

(Дунаево, Бѣльскаго уѣзда).

Собирается плясать паръ 8, 9 или 10. Раскольничья.

Казакъ въ походъ ѣдетъ, подруга хочетъ его сопровождать.

Падъ гарою калина,
Тамъ дѣвушки гуляли,
Твѣтъ калину лумали,
Во пучечики визали,
За рѣчку брасали.
Скора, скора, казачокъ,
Слышу, ѣдишъ у паходъ,
Вазьми мене съ сабою—
Я те буду слугою,
Твайво коня убяру,
Аўса, сѣна дамъ ему.
Авёсъ, сѣна—все маё,
Твайво нѣту ничаво,
Ящо луччи дагажу:
Тапоръ вазьму, въ лѣсъ пайду,
Въ лясу лѣсу нарублю,
Пилой тесу напилю,
Краватучку зграмащу,
Периначку застилю,
Згалоўица крутоя,
Мае житье худоя:
Куда ѣдишъ, ўсе спрасись.
Аткуль прiѣдишъ, ўсе скажись:
Галовушка балѣла,
Пивца—винца хатѣла.

68.

(Село Даньково, Смоленскаго уѣзда).

Дѣвица бросила прясть и глянула въ окно: ѣдетъ милый на конѣ; величанiе его.

Якъ сяду я падъ вакошечкымъ прясти,
Якъ кину я валаконца ў ваконца,
Якъ гляну я падъ жаркыя сонца:

---

*) *Дѣвка напаглядъ.* Въ народномъ разговорномъ языкѣ выраженiе „напаглядъ" большею частiю не встрѣчается отдѣльно въ качествѣ самостоятельнаго слова, скорѣе оно служитъ поясненiемъ. Въ данномъ, напр., случаѣ можно подразумѣвать „на поглядъ хороша, красива".

Вонъ мой милый на конику па-
 ижжаить;
На имъ сукно, якъ жаръ, разга-
 раить;
Падъ имъ коникъ, якъ ворынъ,
 литаить;
Самъ іонъ младецъ пѣсни распи-
 ваить.

(Отъ Аўдули Гуковой).

69.

(Село Пречистое, Духовщинск. уѣзда).

Молодцу, выпрашивающему у тестя свою суженую, выносятъ узду, выводятъ коня; но онъ не успокаивается до тѣхъ поръ, пока не вручаютъ ему его суженую и зарученную.

Воинъ на вайнѣ
 Ваюва́итца,
Иванъ въ варатахъ
 Сакланяитца:
Атдайти маю,
 Маю сужиную,
 Дый заручиную.
Вывили яму
 Дый воронывa каня.
—Ета мая ня сужиная,
 Ни заручиная!
Вынисли яму
 Да тисьменую узду.
—Ета мая ня сужиная,
 Ни заручиная!
Вывили яму
 Яго сужиную
И заручиную.
—Вотъ ета мая,
 Мая сужиная
И заручиная!

70.

(Село Шоптово, Бѣльск. уѣзда).

Ходитъ — гуляетъ, смотритъ—выбираетъ хорошую любушку, богатаго тестя, богатую тещу, хорошаго братчика, хорошую сестрицу и т. д., показываетъ добрымъ людямъ свою любушку.

Хажу я, гуляю,
Сматрю, выбираю
Харошую любушку.
Выбраў, выбраў, я знашоў
Харошую любушку.
 Хажу я, гуляю,
Сматрю, выбираю
Я багатава тестя.
Выбраў, выбраў, я знашоў
Багатыва тестя.
 Хажу я, гуляю,
Сматрю, выбираю
Багатую тёщу.
Выбраў, выбраў, я знашоў
Бытатую тещу.
 Хажу я, гуляю,
Сматрю, выбираю
Харошива братчика.
Выбраў, выбраў, я знашоў
Харошива братчика.
Пакажи-ка, зятюшка,
Харошую любушку.
Изволь, люди добрые,
Харошую любушку.

71.

(Село Егорье, Дорогобужскаго уѣзда).

Донской казакъ играетъ на скрипочкѣ, зоветъ дѣвушку замужъ; она спрашиваетъ мнѣніе сосѣдокъ и узнаетъ, что онъ воръ, плутъ и пьяница.

Съ-падъ лѣсику,
Съ-падъ темнага,
Трава либида.
  Ой-ли, ой-лешеньки.
На травушки-муравушки
Зямчужна раса.
Хадиў-гуляў Данской казакъ,
У скрипычку играў.
  Ой-ли, ой-лешеньки.
Дѣўку вызываў:
—Харошая, пригожая,
Пойдешъ за мяне?
—«Пайду спрашу къ сусѣдушки,
Какой челавѣкъ!»
—Сасѣдушка, галубушка,
Скажитя вы мнѣ,
Скажитя вы мнѣ, пажаласта,
Какой челавѣкъ!..
Іонъ воръ, іонъ плутъ,
Іонъ пьяница,
Іонъ прапьётъ тибе...
— «Спасиба вамъ, сасѣдушки!
Сказали вы мнѣ,
Сказали, пажаласта,
Какой челавѣкъ».

72 а)

(Село Даньково, Смоленскаго уѣзда).

Ходитъ Борисъ вокругъ хоровода, находитъ невѣсту, даритъ ее и тещу, но, узнавши, что теща лихая, а невѣста нечестная, отнимаетъ подарки и разстраиваетъ свадьбу.

Ходить Бариска ўкрухъ карагоду,
    Лелюшки лели, ўкрухъ карагоду.
Ищить Бариска харошига роду,
Харошига роду, харошій нявѣсты,
Харошій нявѣсты, милысливый тещи.
— Вы, добрые люди, прашу васъ на свадьбу,
Меду-вина пити, Бариса жанити.
На-ка тибѣ, теща, шáливый платочекъ,
А тебѣ, нявѣста, зылато калечка.
Сказали Барису, што теща лихая,
Што теща лихая, нявѣста брюхата.
—Давай-ка ты, теща, шáливый платочекъ,
Давай-ка, нявѣста, зылато калечка,
Вы, добрые люди, ня йдитя на свадьбу
Пива-меду пити, Бариса жанити.

72 б)

Ходитъ Борисъ по хороводу и ищетъ себѣ ласковой тещи, хорошей невѣсты; нашедши, зоветъ всѣхъ на свадьбу.

Садятся дѣвки и парни на лавкахъ или на стульяхъ, а одинъ парень, кого выберутъ, ходитъ подъ тактъ пѣсни или выплясываетъ русскую и дѣйствуетъ по содержанію пѣсни, а хоръ поетъ:

Хадиў Барисъ да па карагоду,
Да на дѣвичью, да па малодичью;
Искаў Барисъ ласкавый тёщи,
Привѣтливый нявѣсты.

Въ это время, по произволу выбравши этихъ лицъ, Борисъ съ припляскою приближается къ каждой и кланяется, а хоръ продолжаетъ пѣть:

Знайшоў Барисъ ласкаву тёщу,
Привѣтливу нявѣсту.
Добрыя люди, пожалуйтя на свадьбу,
Свадьбу играти, пива варити.
Пива маладоя, дѣла халастоя,
Будемъ пить, да ґулять,
Красныхъ дѣвыкъ цалувать,
Да Бариса паздраўлять,
Ай, Барисъ, Барисъ, Барисъ,
И съ Барисихый Барисъ!

Борисъ цѣлуется съ своею тещею и съ невѣстою и выбираютъ новаго Бориса. (Тамъ-же).

73.

Около города ходитъ, свою бабушку (намѣченную, нарумянистую) ищетъ, хочетъ ей головушку отрубить.

А я кала горыда хажу,
Ай я сваю бабушку ищу.
Мыя бабушка намѣчиная,
Мыя баба нарумянистая!
Якъ бы сваю бабушку нашоў,
Я бъ са вечера вароты расчиниў,
Я па плечушки бъ галовушку атрубиў!

(Тамъ-же. Отъ Матрены Антоненковой).

74 а)

Дѣвушка любитъ открыто, не боясь дурной славы.—Гусаръ просится изъ полка домой къ любимой дѣвушкѣ.

Вы, гусары, вы мае,
Вы, гусары, вы, гусары,
Вы, мае гусары,
Ни хадитя жъ вы, мае,
Вы, гусары, ни хадитя,
Вы, мае гусары,
Ни кладитя да вы
Худэй славы, ни кладитя
Да вы худэй славы!
Ахъ, я славы, славы ни баюся,
Худэй славы да я ни баюся,
Ахъ, я й славы!
Съ кимъ люблюся, сяду й абнимуся,
Сяду й абнимуся; съ кимъ люблюся,
Сяду й абнимуся;
Выду, выду, выду падиўлюся,
Выду падиўлюся, выду, выду,
Выду падиўлюся.
А хто тама па рынычку ходить,
Па рынычку ходить, а хто тама
Па рынычку ходить?
Панъ палкоўникъ парынычкуходить,
Па рынычку ходить, панъ палкоўникъ
Па рынычку ходить;

За имъ гусаръ сивай каня водить,
Сива й каня водить, за имъ гусаръ
Сива й каня водить;
Свайго пана палкоўничка просить,
Палкоўничка просить, свайго пана
Палкоўничка просить:
—«Пусти, паня, ты мяне да дому,
Ты мяне да дому, пусти, паня,
Ты мяне да дому:
Приўтамиўся сиў конь пада мною,
Сиў конь пада мною, приўтамиўся
Сиў конь пада мною.
Зажурилась дяўчоначка за мною,
Дяўчоначка зажурилась за мною,
Дяўчоначка й за мною!..»
— Вялю каню аўса сѣна дати,
Аўса сѣна дати, вялю каню
Аўса. сѣна дати;
Тябе, шельму, вялю прикувати,
Вялю прикувати, тябе, шельму,
Вялю прикувати!

(Тамъ-же).

74 б)

Вы, гусары, вы мае, гусары, 2
Не кладитя да вы худэй славы! 2
Ужъ я славы, славы ни баюся, 2
Съ кимъ люблюся, сяду, абнимуся 2
Охъ, и хто у насъ па рынку гу-
ляить? 2
Самъ палкоўникъ па рынку гуляить
За имъ гусаръ сива каня водить, 2
Свайго пана палкоўничка просить:
—«Пусти, паня, ты мяне да дому,
У мяне дома дѣўка заручона». 2

(Уграницы, Могилевской губ.).

75.

Дѣвушка ждетъ въ гости стараго и молодого; различный пріемъ тому и другому.

Сѣю я, сѣю я,
А ў гароди чарнушичку,
За гародымъ пятрушичку;
Жду ў гости, жду ў гости
Старыга—барадатыга
Маладога—нижинатыга;
Сустрѣну я, сустрѣну я
Старыга за варотыми,
Маладога въ чистомъ поли;
Пасажу, пасажу
Старыга падъ стоўпикымъ,
Маладога за столикымъ,
Дамъ ѣсть, дамъ ѣсть
Старыму качанъ капусты,
Маладому каплунъ лусты (?); *)
Напаю, напаю
Маладога зилянымъ виномъ,
А старыга халодный вадой;
Пастялю пастѐлю
Я старыму да камушичикъ,
Маладому падушичикъ;
Лягу спать, лягу спать
Я къ старыму рачкомъ-бачкомъ,
Къ маладому бѣлымъ личкымъ;
Пубужу, пубужу ихъ:
Старыга старцыми
Маладога мазукантыми;
Правожу, правожу
Старыга за вароты,
Маладога ў чиста поля.

---

*) Вмѣсто „тлусты"—жирный. *Н. Я.*

76.

(Село Даньково, Смоленскаго уѣзда).

Дѣвица различно будитъ стараго и ровню.

Въ поли берёзынка стыяла,
  Люли, люли, стыяла,
Въ поли кудрявая стыяла.
Пайду я ў поля, пагуляю,
Бѣлую бярёзу заломаю,
Вырѣжу я три пруточки,
Сдѣлаю я три гудочки,
Чатвертую балалайку.
Пайду я старага будити:
—Ўстань, старый чортъ, праснися,
На тебѣ памои—ты умойся,
На тебѣ рагожу—ты утрися,
На тебѣ заслонку—помалися,
На тебѣ сухарикъ—подавися!..
  Въ поли берёзынька... и проч.
Пайду я роўныга будити:
— Ўстань-ка ты, роўный мой, прасниси,
На тебѣ вадицы—ты умойся,
На тебѣ палатенца—ты утрися,
На тебѣ Николу—помалися,
На тебѣ калачикъ—закуси!

77.

Соловей рано по саду летаетъ, слышитъ, какъ дѣвица плачетъ, не желая итти замужъ за стараго и за малаго,—слышитъ онъ, какъ дѣвица скачетъ, выходя за ровнаго замужъ.

Салавей мой, сылавейка,
Саловьюшка малоденькій,
Рана по саду летаеть,
Къ терему прислушаеть.
Въ теремѣ дѣвица плачеть:
—«Ти ня душъ мыя рыгаить,
За старыга идить ня хочеть?
Старый лажитца на ручку,
Какъ дубовая калода,
И пахнеть, какъ балота».
  Салавей мой, и проч.
Въ теремѣ дѣвица плачеть:
—«Ти ня душъ мыя рыгаить,
За малыга идить ня хочеть?
Малый лажитца на ручку,
Іонъ халоденъ, какъ лягушка,
И пахнеть, какъ благушка».
  Салавей мой, и проч.
Въ теремѣ дѣвица скачеть:
—«Ти нядушъ мыя гуляить,
За роўныга идить хочеть?
А роўный лажитца на ручку,
Какъ кудрявая рябина,
И пахнеть, какъ малина» (Тамъ-же).

78.

Идетъ слава про дѣвушку, что любила стараго, малаго, равнаго; дѣйствительно, она спекла пирогъ каждому изъ нихъ, но не одинаковый: ровнѣ—лучше всѣхъ.

Па рякѣ, рякѣ галубушка плыветь,
Выши берига галовушку нясеть.
Пра мяне худа славушка идеть,
Будта молыда любила каго, —
Усей маей любжи было,
Што я старыму пирохъ спекла:

Калинична абгибычка,
Рѣдьковая начинычка,
Дегтёвая памазычка.
Па рякѣ, рякѣ галубушка плыветь, и т. д.
Усей маей любжи было,
Што я малыму пирохъ спекла:
Ржаная абгибычка,
Марковая начинычка,
Канапляная памазычка.
Па рякѣ, рякѣ галубушка плыветь, и т. д.
Усей маей любжи было,
Што я роўныму пирохъ спекла:
Пшаничная абгибычка,
Рисывая начинычка,
Мядовая памазычка. (Тамъ-же).

79.

Старый и ровный играютъ на гусляхъ; различное дѣйствіе оказываетъ на дѣвицу игра того и другого.

Пайду млада па Дунаю,
Па Дунаю пагуляю;
Зайду млада я ў бясѣду,
А ў бясѣди сядить старый,
Дяржить гусли на калѣнихъ,
На гусилькахъ струны,
Струны пасканныя;
Тэя струны заиграли,
Мае ноги падламились,
Мае руки апустились,
Мае бровы пасурмились.
Пайду млада я ў бясѣду,
А ў бясѣди сядить роўный,
Дяржить гусли на калѣнихъ,
На гусилькахъ струны,
Тэя струны шаўковыя.
Яго гусли заиграли,
Мае ноги заплисали,
Мае руки размахались,
Мае бровы размирьгались. (Тамъ-же).

80.

(С. Даньково, Смоленск. уѣзда).

Трудно калину щипать, труднѣе того жить за малымъ или старымъ мужемъ; легко малину щипать, легче того жить за ровнымъ мужемъ.

Якъ пайду я, пайду,
Да ў лугъ прагуляюсь,
Люлюшки, люли,
Да ў лугъ прагуляюсь;
Якъ сяду я съ грусти
Въ калинавамъ кусти,—
Буду жъ я, буду жъ я
Калиницу скусти.
Трудна мнѣ, трудна мнѣ
Калиницу скусти,—
Труднѣй таго й нѣту—
За стариньскимъ жити:
Старый сядить за пличами,
Маё тѣла щиплить,
А штобъ маё тѣла
Гулять ни хатѣла,
А штобъ мае груди
Ни хатѣли ў люди.
Якъ пайду я, пайду... и проч.
Труднѣй таго й нѣту—

За малинькимъ жити:
Малый сядить за пличами,
Маё тѣла дрогнить,
Штобъ маё тѣла
Гулять ни хатѣла,
Штобъ мае косьти
Ни хатѣли ў госьти.
Якъ пайду я, пайду... и проч.
Буду жъ я, буду
Калиницу скусти.
Лучій таго нѣту —
За роўнинькимъ жити:
Роўный сядить за пличами,
Маё тѣла дрочить,
Штобъ маё тѣла
Гулять захатѣла,
Штобъ мае косьти
Зыхатѣли ў госьти.

81.

(С. Даньково, Смоленск. уѣзда).

Разговоръ трехъ сестеръ, изъ коихъ одна за старымъ, другая за малымъ третья за равнымъ; послѣдней живется лучше всѣхъ.

Три рѣчушки стекалися,
Ой калина, ой малина, ой червоненькая!
Три сястрицы зъѣжжалися,
Й адна ў аднэй пыталися:
—«Икаво, систра, за старымъ жить?»
—Худа, систра, за старымъ жить:
На печь лѣзить кашляючи,
Съ печи лѣзить пирьхаючи.
Три рѣчушки стекалися... и проч.
—«Икаво, систра, за малымъ жить?»
—Худа, систра, за малымъ жить:
У клѣть идёть, якъ ракъ паўзеть,
Съ клѣти идеть, якъ мышъ паўзеть.
Три рѣчушки стекалися... и проч.
—«Икаво, систра, за роўнымъ жить?
Харашо, систра, за роўнымъ жить:
У лѣсъ ѣдить—пѣсни пяеть,
Зъ лѣсу ѣдить—ў гусли йграить;
А я, млада, якъ скокъ, дакъ скокъ!

82.

(С. Пречистое, Духовщинск. уѣзда).

Со старымъ—какъ медвѣдица въ берлогѣ пролежала, съ равнымъ—какъ соловьюшка щебетала.

Ужъ ты, бѣлая кудрявая бярёза,
Сыпрати вѣтру на холоди стыяла,
Гдѣ дачушка зъ матерью разсуждала,
Разсуждала, сударыня гаварила:
—Ни атдавай мяне, мати, за старова!

Я съ старинькимъ ночку начувала—
Какъ мядьвѣдица ў мярлоги пралижала.
Ты ватдай мяне, мати, за роўныга:
Ну, я зъ роўнинькимъ ночку начувала—
Какъ салоўюшка ў гняздечки щибитала.

83.

(С. Даньково, Смоленск. уѣзда).

Дѣвушка, ходя по зеленой муравѣ, выбираетъ себѣ дружка; предпочтеніе равнаго старому и малому.

Трава, мурава—
  Ты зялёная,
Ой да люли, люли,
  Ты зяленая!
Па тябе хажу—
  Я ня выхажу,
Па сябѣ дружка
  Я ня выбиру.
Выбрала дружка—
  Старъ-старёшиникъ,
Дивяноста лѣтъ,
  Зубоў ў роти нѣтъ.
Я пастелю слать—
  Іонъ на печку спать.
Трава лугова... и проч.

Выбрала дружка—
  Малъ-малёшиникъ.
Я пастелю слать—
  Іонъ падъ лаўку спать.
Трава мурыва,
  Ты зяленыя,
Па табѣ хажу—
  Я ўсё выхажу,
Па сабѣ дружка
  Я ўсё выбиру.
Выбрала дружка—
  Роўнъ-раўнёшиникъ:
Я пастелю слать,
  Юнъ са мною спать.
(Срв. № 86).

84 а)

(Село Даньково, Смоленскаго уѣзда).

Старый, малый, ровный заигрываютъ съ дѣвушкой; со старымъ и малымъ она обходится сурово, а съ ровнымъ ласково.

Я й на сѣни,
Я на новымъ,—
Старъ за мною,
За младою.
Права, старый,
Варатися,
Ты за мною,
За младою,
Ни ганися!
Спихну съ сѣни,
Спихну зъ новэй.
Я ў каменьня,
Я ў раженьня!

Старый звалиўся,
Старъ звалиўся,—
Не пахвалиўся:
— Што-за больна!
Што-за мулка!
  Яй на сѣни, и т. д.
Малъ за мною и проч.
Спихну съ сѣни.
Спихну зъ новэй,
Я ў крапиву,
Я ў жигучку!
Малый звалиўся,
Малъ звалиўся,

Не пахвалиўся:
—Што-за стрыкна!
Што-за стыдна!
Яй на сѣни... и т. д.
Роўнъ за мною, и проч.
Спихну съ сѣни
Спихну зъ новэй,
Я ў пярину,
Я ў пухову!
Роўный звалиўся,
Роўнъ звалиўся,
Пахвалиўся:
— Што-за мякка!
Што-за тёпла!

84 б)

(Село Иньково, Порѣчскаго уѣзда).

Погоня за дѣвицей стараго, малаго, ровнаго и различныя отношенія ея къ нимъ.

Яй па сѣнихъ,
Яй па новыхъ
Па яловыхъ:
За мной старый
У дагони.
Вярнись, старый,
Ни ганися,
Варатися:
Спихну съ сѣни,
Спихну зъ новый
Я ў камення,
Я ў карчеўя.

Во второй разъ за ней „малый у дагони", котораго она грозится спихнуть „у крапиву у стрыкливу". Наконецъ, въ третій разъ:

Яй па сѣнихъ, и пр.
За мной роўный
У дагони и т. д.
(ему такая угроза:)
Спихну съ сѣни,
Спихну зъ новый,
Я ў пярины,
Я ў пуховы.

85.

(Село Каблуково, Краснинскаго уѣзда).

Дѣвушка стелетъ постелю старому, малому, ровному и зоветъ ихъ на постель спать.

Дворъ мяту, паслушаю,
Што пра мяне мой батюшка гаварόть:
—«Атдамъ дачку за старыга»...
Якъ жа мнѣ, старыму пастелю слать?
Вотъ такъ-та старыму пастелю слать.
Какъ мнѣ старыга на пастелю звать?
Такъ жа, такъ жа, мнѣ старыга на пастелю звать:
—«Старый чортъ, хади на пастелю спать!»
Дворъ мяту, паслушаю,
Што пра мяне мой батюшка гаворить.
—«Атдамъ дачку, атдамъ за роўныга».
—Какъ жа мнѣ, какъ роўныму пастелю слать?
Вотъ такъ, вотъ такъ роўныму пастелю слать... *)

---

*) Въ записи, повидимому, пропущена строфа про „малаго" и не окончена послѣдняя строфа. *П. Я.*

86 а)

(Село Иньково, Порѣчскаго уѣзда).

Дѣвица ходитъ по улицѣ, выбираетъ ровнаго дружка предпочтительно передъ старымъ и малымъ, которые не идутъ спать къ ней на постель.

Свѣтъ мая улица,
Свѣтъ широкая.
Па табѣ хажу,
Я й ня выхажу,
Па сабѣ дружка
Я й ня выбиру.
Я ўсё выбиру
Сибѣ старыва:
Я пастельку слать,
Іонъ на печку спать.

Свѣтъ мая улица и т. д.
Я ўсё выбиру
Сибѣ малыва:
Я пастельку слать,
Іонъ на лаўки спать.
Свѣтъ мая улица... и т. д.
Я ўсё выбиру
Сибѣ роўныва:
Я пастельку слать—
Іонъ са мною спать. (Срв. № 83).

86 б)

(Село Пречистое, Духовщинскаго уѣзда).

Ужъ ты, улица,
Ты широкая,
Трава-мурава,
Ты зялёная!
Па табѣ хажу—
Я ня выхажу,
Па сибѣ дружка
Я ни выбиру,
Ну, я выбрала
Сибѣ малыва 2
Да й нираўныва:
Я пастелю слать—
Іонъ на лаўки спать.
Ужъ ты, улица... и проч.
Ну, я выбрала
Чорта старыва, 2
Да й ни роўныва:
Я пастелю слать—
Іонъ на печки спать.
Ужъ ты, улица... и проч.
Ну, я выбрала
Сибѣ роўныва:
Я пастельку слать —
Іонъ са мною спать.

87.

(Село Иньково, Порѣчскаго уѣзда).

Дѣвица стелетъ постелю старому—въ три ряда каменья, четвертый полѣнья, малому—въ три ряда каменья, четвертый асоту, ровному въ три ряда перины, четвертый – подушки.

Кала саду стежинька ляжить,
Па стежиньки дѣвица бяжить.
Тамъ стариинькій коника пасеть,
Тамъ дѣвица вадицу бяреть.
—«Здароў чаломъ, дѣвица мая!
Ти вѣдаить матушка твая,
Што ты будишь милая мая?»
— Вялѣла мать
Пастельку слать:
А ў три ряды каменни.
Чатвертый рядъ палѣння,
Тамъ старава спать палажить;

Тамъ старинькій Богу маливу:
—«Ай, дай, Божа, кароткую ночъ!
Пашоў ба я атъ дѣвицы прочъ...»
Кала саду стежинька ляжить и т. д.
Тамъ малый коника пасеть... и т. д.
(„Малому“ постель:)
А ў три ряды каменя,
Чатвертый асоту...
(И т. д., до конца).

Кала саду стежинька ляжить и т. д
Тамъ роўный коника пасеть... и т. д
(“Ровному“ постель:)
У три ряды пярины,
Чатвертый подушки и проч.
(Окончаніе:)
—«Ай, дай, Божа, доўгую ночъ—
Ни пошоўба я атъ дѣвицы прочъ!..»

88.

Дочка выкормила, выпоила ворона коня, подводитъ къ отцу родному.

Какъ у лози,
Ву зелёныхъ лугахъ,
Тамъ расла трава,
Трава шолкавая,
Шолкавая, полушолкавая,
Раствяли твяты,
Твяты розавыи.
Я па той травѣ,
Травѣ хаживала.
За сабою лошадь важивала.
Я ва той травѣ
Выкормлю каня,
Я выкармлю,
Я выпыю выня;
Да выкырмимши, выпыиўши,
Падвяду я каня батюшки,
Падвяду я каня родныму:
— Гасударь мой,
Гасударь батюшка,
Ты ўстрѣнь мене,
Ты ўстрѣнь мене, ласкаваю,
Ты прими 'тъ мене, 2
Ты прими 'тъ мене ворына каня!

89.

(Село Даньково, Смоленскаго уѣзда).

Дѣтинка постригся въ чернецы въ Казани, вышелъ гулять; различное впечатлѣніе производятъ на „чернеца“ старыя бабы, молодухи, дѣвки.

Кабы ў горыди было на Сказани,
Най, най, най, най, на Сказани:
Маладэй парень-дятинка пастрыгаўся,
Іонъ ў чорную ризу прибираўся.
Захатѣлысь чарняцу прагулятца
Вотъ за тыя за вароты за щитовы,
А за тыя за вереи за дубовы.
За варотами сядить тамъ бясѣда,
Охъ, и ў тэй жа бясѣди стары бабы.
Чарнецъ каблукъ насунуў,
Чарнецъ кастылёмъ падпёрся.
Кабы ў горыди было на Сказани... и т. д.
За варотами сядить тамъ бясѣда.
Охъ, и ў тэй жа бясѣди маладухи.
Чарнецъ каблукъ паправиў,

Чарнецъ кастыль падъ паху.
Кабы ў гөрыди было на Сказани... и т. д.
За варотами сидять красны дѣўки;
Чарнецъ каблукъ падъ лаўку,
Чарнецъ кастыль падъ грядки.

90.

(С. Лѣтошники, Раславльск. уѣзда).

Проситъ дочка отца построить ей горницу съ тремя красными окнами, съ видомъ на садъ, на озеро и на улицу; по улицѣ ходятъ парни сосѣдней деревни (насмѣшка надъ ними) и своей деревни (похвала имъ, ихъ костюму).

Ой, ня сѣни зыблютца,
Ой, ни стаўбы качаютца.
Ляли, лали, два-й лалой, лалой, лялешеньки.
Гасударь, ты, мой батюшка,
Ты пастрой мнѣ гориньку
Съ трёми красными вакнами:
Са пярвымъ на вулицу,
Са другимъ ў зялёный садъ,
Съ третимъ на возира.
Тамъ ходють-гуляють
Лагатинскіе халопы:
Усё дярюжныи камзолы,
Пяньковыи падпаясычки,
Бярешечныи шляпы.
Ой, ня сѣни зыблютца... и т. д.
Тамъ ходють-гуляють
Палхвамирывы халопы:
Усё бумажныи камзолы,
Падпаясычки шалковы.
Пуховыи шляпы.
Двароўки ўсё вароўки,
А лакеи ўсё зладѣи.

91.

(С. Даньково, Смоленск. уѣзда).

Невѣстка, несмотря на замѣчанія свекора, считаетъ себя въ правѣ носить дорогой нарядъ, не дорожа имъ: это подарокъ родного отца съ матерью.

Я ударю ў ладони,
Да люли, люли, ў ладони,
Въ залатыя перстяни.
Якъ зачуў мой свёкырька:
—«Ты патишы, нявѣстка.
Ни пабей-ка ладони,
Ни пулумай пирстяни!
—Ой, ня рмися, свёкырька!
Вой, ня ты мнѣ пуспрувляў,
Ой, ня сынъ твой пакупляў,—
Пуспраўляла матушка,
Пакупляў мнѣ батюшка—
Ли дявочій красаты,
Ли сваей жа пахвалы.

92a).

(Село Каблуково, Краснинскаго уѣзда).

Жалоба молодухи на ревниваго мужа и лихого свекора; украдкою выходитъ она изъ дома, въ дорогомъ нарядѣ, чтобъ не возбудить ихъ подозрѣнія, иначе ей угрожаютъ побои.

Я на сѣни иду, я на новыя,
На мнѣ шубынька сабалиная.
Падыму шубу сабалиную,

Штоба на мнѣ шубынька ни шумѣла,
Штобъ мае пугвицы ни брязнули,
Ни зачуў бы мой лихей свёкыръ,
Ни сказаў бы сваяму сыну,
Сваяму сыну—майму мужу.
А мой мужъ шугавéица:
Бьеть мяне молыду за бяздѣлицу.
Павизаў жа хлопъ на саломину,
Ня бьеть мяне ды па корыбу:
—«Ни хади, жана, ты на вулицы,
Ни гуляй, жана, ни зъ рибятыми,
Ни съ халостыми, ни зъ жинатыми,
А гуляй, жана, са дяўчонками!..»

92б).

Ахъ и дай Богъ намъ Ражства даждати,*)
Первыга вечира—день да вечира.
Я па сѣнямъ иду, я па новымъ,
Падыму шубу сабалиную,
Штобъ мая шубынька ни шамнула,
Залаты ключи да ни брязнули.
Штобъ ни заслышаў мой лихей свекыръ,
Штобъ ни сказаў сваяму сыну,
Сваяму сыну—маяму мужу.
А мой мужъ—шугавеица
Бьеть жану за бяздѣлицу:
—«Ни хади, шельма, ты на вулицу,
Ни гуляй, шельма, сы рабятами,
Ни съ халóстыми, ни съ жинатыми,
А гуляй, шельма, са дявицами,
Съ маладыми маладицами. (Тамъ-же).

92в).

Я й па сѣничкыхъ, я й па новинькыхъ;
Падыму шубу, шубу новую.
Кабъ мыя шубычка ды ни шамыла.
Кабъ мае ключики ды ни брязнули!
Кабъ ни зачуў мой лихей свёкыръ:
Іонъ скажить іонъ свайму сыну,
Іонъ майму мужу...
А мой мужикъ—шугавéица:
Бьётъ мяне молыду за бяздѣлицу.
Навизаўши хлопъ на саломинку:

*) *Варіантъ*: Ахъ и дай Богъ намъ Калядъ даждать .

Іонъ мнѣ молыдѣ кость пириламиў,
Кость пириламиў, ды рябро ссушиў:
—«Ни хади, шельма, ты на вулицу,
Ни гуляй, шельма, сы рибятыми,
Ни съ халостыми ни зъ жинатыми,
А гуляй, шельма, са дявицымы
Са малодыми маладицами!..»

(Ближе къ Могилевской губерніи. Отъ Мароы Якимовой).

93.

(Село Иньково, Порѣчскаго уѣзда).

Ревнивый мужъ жену бьетъ, она проситъ заступничества у свекра.

Маладость мая маладость,
Ды дявоччая красатость!
А па чомъ тябе маладость,
Па чомъ тябе, спуминать?
Спумяну тябе, маладость,
Па широкій улицы.
Ряўнивый мужъ жану бьеть,
А йна яму молитца,
Низка ў ноги клонитца:
—«Охъ, ты, свекырька, охъ, ты батюшка!
Ни вяли сыну больна бить,
А вяли пажурить!»

(Свекоръ):

—Ня бей жану пьяную,
Бей жану тверёзаю,
Бѣлаю бярёзаю.

(Мужъ):

—Бярёза бялешанька,
Мая жана малешанька;
Бярёза бялѣитца,
Мая жана милѣитца.

94.

(Село Черепово, Рославльскаго уѣзда).

Невѣстка просится у свекра погулять съ ребятами, свекоръ отсылаетъ ее къ свекрови, а та къ мужу, который „спускаетъ съ нея шкуру" за гулянье.

Кабы ў рощицы зялененькый,
Падъ ябланей кудрявый,
Тамъ мальчики валочутца,
А мнѣ, младѣ, гулять хочитца.
Пайду, млада, у свекара спрашуся:
—«Ты, свекырька, роденъ батюшка,
Пусти младу на вулицу гулять!»
—Хуть я пущу тябе, свякрова ня пустить.
Кабы ў рощицы... и т. д.
Пайду млада у свякроўки спрашуся:
—«Ты, свякроўка, родна матушка,
Пусти младу на вулицу гулять!»

—Хоть я пущу тябе, мужъ ня пустить.—
Кабы ў рощицы... и т. д.
Пайду млада у мужа спрашуся.

(Мужъ):

—«Я тоды тябе пущу, кали шкуру спущу».

(Жена):

—Шкура мая валочитца,
А мнѣ, младѣ, гулять хочитца;
Шкура атарвалася,
А я, млада, нагулялася.

95 а).

(С. Шоптово, Бѣльскаго уѣзда).

Молодецъ ѣдетъ гулять въ Китай-городъ и закупаетъ разные подарки для жены, но не можетъ ей угодить, пока не привозитъ ременную плеть—тогда жена посмотрѣла на него, полюбила и поцѣловала.

Я паѣду, маладецъ,
У Китай-горыдъ гулять.
Ты жана мая, жонушка,
Рявнивая сирдечка!
Во Китай-горыдъ гулять,
Я тавару закуплять;
Закупить жанѣ тавару,—
Я кисейны рукавы.
—Палучи, жана, падарыкъ
Да кисейны рукава.
—«Да ну тибе къ чорту
И съ тваимъ падаркымъ!»—
Я паѣду, маладецъ... и т. д.
Я куплю сваей жанѣ
Да шолку на платья.
—Палучи, жана, падарыкъ
Да шолку на платья!
—«Да ну тебе къ чорту
И съ тваимъ падаркымъ!..»
Я паѣду, маладецъ... и т. д.
Закуплю своей жанѣ
Да рименную плеть.
—Палучи, жана, падарыкъ
Да римениу плеть!—
Пасматрите, добры люди,
Какъ жина мине палюбить,
Ина палюбить мине, 2
Ина пасмотрить на мине,
Пацалуить мине.

95 б).

(Село Черепово, Рославльскаго уѣзда).

Паѣду, младецъ, я ў Китай-горыдъ гулять,
У Китай-горыдъ гулять и таварыў куплять.
Я куплю жанѣ шнуровычку:
— «На тебѣ, жанушка, памѣрій!»
— А ну тебя къ чорту и съ тваимъ падаркымъ!—

Потомъ послѣдовательно покупаются мужемъ для своей жены различные подарки: саянчикъ, платочекъ и др., но жена отвергаетъ ихъ.

Паѣду, младецъ, я ў Китай-горыдъ гулять,
У Китай-горыдъ гулять и таварыў куплять.

Якъ куплю, младецъ, вастрэй тапоръ
И насяку, младецъ, возъ дубья;
Якъ начну, младецъ, жану ахаживати,
А учить, научать, якъ пастелю слать,
Якъ мужа на пастельку класть:
Тады жана стала абнимать,
Милыга цалувать:
— «Прости, милый, замыслы упярёдашнiи!»..

95 в).

(С. Пречистое, Духовщинск. уѣзда).

Пасматрите, добры люди,
Какъ жена мужа ня любить,
  Да жена мая, жоначка,
  Ряўнивая сирдечка!
Она ня любить яво,
Она ня смотрить на яво.
Пасматрите, добры люди,
Какъ жена мужа палюбить.
  Я паѣду, маладецъ,
У Китай-горыдъ гулять,
Закуплю своёй жанѣ
Дарагой падарыкъ—
Ряменную плетку.
Пасматрите, добры люди,
Какъ жена мужа палюбить:
Ина палюбить яво,
Ина й пасмотрить на яво,
Ина пацалуить яво.

96.

(Сельцо Лѣтошники, Рославльскаго уѣзда).

Ревнивый мужъ, жена разгульная, деверь покрываетъ ея похожденiя.

На улицы гусли гудуть,
  Ой ляли, лелюшки,
  Гусли гудуть,
Мяне, младу, мысли бяруть!
Мине, младэй, мужъ ряўниў:
На улицу ни пустиў,
Хатя пустиў, пригразиў:
— Гуляй же пéдалга
Сы вечира нямнога!..
А я загулялася:
Заря занималася,
А я двору падымалася.
Пришла я къ варотичкамъ—
Варотички заперты
Нимецкыми ключами,
Гнилыми щаколдами.
Девирилъ ходить па двару,
Павѣсиўши галаву.
— «Девирилушка, мужнiй братъ,
Атапри мнѣ варотички,
Правади мяне ў каморку спать;
Правадёмши, часокъ постой, другой постой:
Ня скрипнули бъ дверушки,
Ня свиснули бъ плетушки,
Пу маемъ тѣлу бѣлымъ,
Па лицу румяныму!»

97.

(Село Егорье, Дорогобужск. уѣзда).

Жена-модница не ляжетъ спать, не побивши мужа; онъ же еще проситъ у нея прощенiя и угощаетъ пивомъ и медомъ.

Ни пайду я съ радуньки
  Гарѣлки ня пиўши;
Ни ляжу я спатиньки,
  Мужа ни пабиўши.

Била мужа дужа,
  Ящо буду бити,
Запрягу ў борыну,
  Буду скарадити,
Ухвачу за чупрынъ,
  Заброшу на лаўку:
—Ляжи, мой мужъ, тута,
  Даждесься прута!
Мой мужъ ни даждаўся,
  Падъ лаўку схуваўся.
Сяду, сяду на лавычки.
  Ножки падагнуўши;
Стаить, стаить мой милинькій,
  Да шапычку зняўши:
— «Прасти, прасти, мая мила,
  За што мине била!
Вотъ тибѣ стаканъ мёду,
  Яще чашку пива!
— Атъ мёду животъ балить,
  Атъ пива галоўка;
Када бъ рюмычка гарѣлки,
  То бъ мае здароўя!..

98 а).

(Сельцо Свалы, Смоленск. уѣзда).

Около кумова двора пріукатана снѣговая гора, пивомъ, медомъ полита; дѣвица поскользнулась, упала, глядятъ на нее люди нечужіе, всё ея товарищи.

Кала кумыва двыра
Привукочина гара,
Мёдымъ пивымъ вылита.
Каблуками выбита.
Я скокъ на лядокъ,
Падламиўся каблучокъ;
Я глядь, я паглядь:
Съ стараны люди гледять,
Люди гледять ни чужэя,
Ни чужэя—ўсё сваé,
Усё сваé, ўсё таварыщи маé.

98 б).

(С. Пречистое, Духовщинск. уѣзда).

Упала на горкѣ—некому поднять, подымаютъ солдаты.

Проти милыва двара
Падкачоныя гара,
Пивымъ-медымъ налита,
Кублучками набита,
Я ступила на кублучокъ,
Пувалилась на бачокъ.
Я туды-сюды глядь—
Мяне некаму паднять.
Ай, на горки, на пригорки
Стаить вармія салдатъ,
И Ванюшинька казакъ.
—А ты, салдатъ, падымай,
А ты, Ваня, падхватай!
—Я бы радъ паднять,—
Са стараны люди глядять:
К.... к.... падымаить,
Сударошкый называить.

99.

(Сельцо Самохотовка, Смоленскаго уѣзда)

Мужъ пашетъ, жена въ кабакѣ гуляетъ, не несетъ обѣдать.

Якъ и задумаў щамялёчикъ
  У суботу жанитца,—
Якъ узяў сабѣ щамялекъ
  Жонку любку.

Іонъ и любить, и галубить,
Якъ голубъ галубку.
Гопъ, гопъ, гопапа,
Гапапа, папа!
Ели, ели, гацаца!
Якъ паѣхаў щамялёчикъ
У поля пахати,
Якъ забыўся щамялёкъ
Хлѣба-соли ўзяти.
Три паласы ўспахаў,
А чатвертую начаў.
А ўси жъ то любушички
Абѣдать нясути,
А маей жа то любушички
Званія ня чути:
А мая жъ то любушичка
У кабакѣ гуляить,
Три рублика прапила,
А чатвертый начала.

100.

На што, Кастрамить?
Кабылёнку купить—
Пирявезть Кастраму
На сваю старану.
Горыдъ Кастрама—гукъ!
Кастромка мая—гукъ!
На што, Кастрамецъ,
Калясенки купиў?
Пирявéзь Кастраму
На сваю старану.
Горыдъ Кастрама—гукъ!
Кастромка мая—гукъ!
На што, Кастрамецъ,
Сядёлку купиў?
Пирявéзь Кастраму
На сваю старану.
Горыдъ Кастрама—гукъ!
Кастромка мая—гукъ!..

Потомъ Костромецъ покупаетъ уздечку, каточки, обротья.

(Оттуда же).

101.

(С. Даньково, Смоленск. уѣзда).

У барина жена хороша, у крестьянина еще лучше того; онъ не хочетъ съ бариномъ мѣняться женами.

Лятѣў голыбъ са чужой стараны,
Пытаў голыбъ, чіé жоны хараши.
А у барина ды жина хараша,
У кристьянина, да палучій яго.—
—«Кристьянинъ мой, пуминяимся съ табой!»
—А, баринъ мой, ни миняюсь я съ табой:
Вашу жану ў карети вязуть,
А мяне, мужа, да на 'бротки вядуть;
Вашу жану то на кутъ, то за столъ,
А мяне, мужа, то падъ печъ, то падъ столъ:
Вашу жану, то пивымъ, то мядóмъ,
А мяне, мужа, то кнутомъ, то прутомъ.

102 а).

(С. Даньково, с. Самохотовка, Смол. уѣзда).

Воевода, „царь господскій“, даетъ на полгода бабамъ волю надъ мужьями. Баба запрягаетъ мужа въ сани, сама кутитъ съ попами и поповичами.

Лятѣў голубъ черизъ горыдъ,
Іонъ нёсъ вѣски пра нявѣску,
За што Дуню больна били,
То-та больна пригаворна.
Вы, дѣвушки, вы, подружки,
Мы пайдёмтя къ выяводѣ:
—«Выявода, царь господскій,
Дай намъ воли на три годы,
На три годы надъ мужьями!»
—Ни дамъ воли на три годы,
Я дамъ волю на полгода.

—Запрягу я мужа ў сани,
Куплю сабѣ три кыня,
Три коника, три кыня,
Успашу я три пыля,
Три полика, три пыля;
Засѣю я житушка,
Жита, жита, житушка;
Наварю я пивушка,
Пива, пива, пивушка;
Зазаву я ўсихъ папоў,
Всихъ паповичій, папоў!

102 б).

Лятѣў голыбъ, 2
Лятѣў голыбъ черизъ горыдъ, 2
Іонъ нёсъ вѣсти,
Іонъ нёсъ вѣсти да нявѣсти:
— Вы, дѣвушки,
Вы, дѣвушки, вы, падружки,
Мы складёмся,
Мы складёмся по палтини,
По палтини, по халстини.
Мы пайдёмтя,
Мы пайдёмтя къ ваяводѣ:
-- Ваявода, ваявода,
Ваявода, царь гаспод'скій!
Ты дай воли,
Ты дай воли на три годы,
На три годы,
На три годы, надъ мужьями! —
— «Ни дамъ воли,
Ни дамъ воли на три годы,
На три годы, надъ мужьями,—
Я дамъ воли,
Я дамъ воли, на палгода,
На палгода,
На палгода, надъ мужьями!»
Запрягу я,
— Запрягу я мужа ў сани,
Я паѣду,
Я паѣду ў лѣсъ па дровы,
Но я буду,
Но я буду паганяти
Чипяльнищимъ,
Чипяльнищимъ па бяльмищимъ,
Памяльнищимъ па рябрищимъ,
Я палѣнымъ,
Я палѣнымъ па калѣну.

103.

(Село Даньково, Смоленскаго уѣзда).

Милый занемогъ, милая лѣчитъ его травами, привязывая ихъ къ головѣ, груди, животу.

Занямохъ мой миленькій, занямохъ,
Охъ, охъ, занямохъ [1]).
Ни гаворить мой миленькій, што балить,

---

[1]) Припѣвъ охъ, охъ, послѣ каждаго стиха съ повтореніемъ послѣднихъ словъ.

Балить майго милыга галава.
—«А идитя, ребятушки, ў машокъ,
Вы нарвитя, ребятушки, багуну,
Привяжитя милыму галаву.»
—Вотъ тяперь, мой миленькій, будь здароў!
Занямохъ... и т. д. (съ начала).
Балять майго милыга груди.
—«Вы идитя, ребятушки, ў лясокъ,
Вы нарвитя, ребятушки, муди,
Привяжитя милыму груди».
—Вотъ тяперь жа, мой миленькій, будь здароў!
Занямохъ... и т. д. (съ начала).
Балить майго милыга живатокъ.
—«Вы идитя, ребятушки, ў лясокъ,
Вы вырвитя, ребятушки, аряшокъ,
Привяжитя милыму живатокъ!»
—Вотъ тяперь жа, мой миленькій, будь здароў!
Занямохъ... и т. д. (съ начала).
Балить майго милыга пятки.
—«Вы идитя, ребятушки, ў садокъ,
Вы нарвитя, ребятушки, мятки,
Привяжитя милыму пятки,
—Вотъ тяперь жа, мой миленькій, будь здароў!
Охъ, охъ, будь здароў!

104.

(Сельцо Свалы, Красненскаго уѣзда).

Милый выбиваетъ у милой трепалкою ребра, гребенкою зубы; она ему выкалываетъ глаза веретеномъ.

Якъ пришоў ка мнѣ милый,
А я тряплю лёнъ;
Якъ удариў тряпышкыю—
Два рябры вонъ.
Якъ пришоў ка мнѣ милый,
А я мычу лёнъ;
Якъ удариў грябёнкыю —
Два зубы вонъ.
Якъ пришоў ка мнѣ милый,
А я пряду лёнъ;
Якъ ўдарила виритяномъ—
Два воки вонъ.

105.

Настёха, Листёха—раззадорила, распотѣшила молодца.

Настёхъ, Листёхъ,
Настёха, Листёха мыя,
Раззадоръ, раззадорила мене,
Разманега, разманежила мене,
Распатѣха, распатѣшила мене.
Прикажи, душа Настинька,
Въ винакурыю избу йдить
И двери атчинить!..
—Ты иди, иди, винакуръ маладой,
Ну не дѣлай худабы нада мной:
Какъ у насъ худа не водитца,
Съ худабы животъ заходитца.

(Тамъ же.)

106.

(С. Даньково, Смоленскаго уѣзда).

Въ пѣснѣ развиваются два мотива: 1) ступилъ комаръ на ногу и повредилъ... 2) жена мужа продала...

Якъ пайду я па лугу, 2
Па лугу, лугу,
Па лужиньку, па лугу, [1])
Ступиў камаръ на нагу,
На нагу, нагу,
На ноживьку, на нагу.
Іонъ ноженьку верядиў,
Верядиў, верядиў,
Веряденьки-верядиў,
Сустаўчики раздружиў,
Раздружиў, раздружиў,
Раздруженьки-раздружиў.
Ты дай, мати, касаря,
Касаря, касаря,
Касарика, касаря,
Ссяку-зрублю камара,
Камара, камара,
Камарика, камара,
Пакотитца галава,
Галава, галава,
Галовушка, галава,
За навыя варата,
Варата, варата,
Варотики, варата...
Жана мужа прадала,
Прадала, прадала,
Прадалики-прадала,
Яна недорга ўзяла,
Узяла, ўзяла,
Узялики,-ўзяла,
За питашный за калачъ,
За калачъ, за калачъ,
За калачикъ, за калачъ.
Пайду, мужа варачу,
Варачу, варачу,
Варотиньки-варачу.
Вазьму зъ мужа три рубля,
Три рубля, три рубля,
Три рублика, три рубля.

107.

(Дунаево, Бѣльск. уѣзда).

Козелъ пошелъ въ огородъ, приломалъ лукъ-чеснокъ.

Пашоў казёлъ и ў гародъ,
Приламалъ казелъ лукъ, часнокъ.
Вазьму казла за рага,
Пувяду казла у три тарга.
Даютъ за казла сто рублей.
Но я за ста ни прадамъ,—
Праминяю на таваръ.
Набилюсь я, нарумянюсь.
Падъ ту пару мужъ пришолъ.
—Атчаво, жана, красна?
—«Пирядъ пылымъ стаяла.»
—Атчаво, жана, бѣла?
—«Муку, сударь, сѣила».
—Атчаво, жана, броў чарна?
—«Сударь, трубы чистила».
—А идѣ, жана, бѣлъ казелъ?
—«Пашолъ казелъ падъ гару,
Зламалъ сибѣ галаву».

---

[1]) Варіантъ: Якъ пайду я па лугу 2,
Па зелёный траўки.

107.

(Радошково, Ельнинскаго уѣзда).

Царевъ сынъ, королевъ около города ходитъ, невѣстъ выбираетъ.

Царёў сынъ, каралёў 2
Кала горыда ходить,
Нявѣстъ выбираить.
Царёў сынъ, каралёў,
Вайди, сударь, въ горыдъ!
Царёў сынъ, каралёў,
Изволь прибадритца!
Царёў сынъ, каралёў,
Изволь приклянитца!
Царёў сынъ, каралёў,
Изволь цалуватца!

108 а).

(Сельцо Сухой Починокъ, Ельн. уѣзда).

Около города король гуляетъ, королевну выбираетъ.

Кругъ горыда цареўнага
Маладэй кароль гулянть,
Каралеўну выбираить.
Выбирай, кароль, любую,
Што любую, то милую,—
Ты вазьми яё за ручку,
Увязи яё кругъ гарадочка,—
Упихни яё ў таночекъ,
Пацалуйся, памилуйся!..

108 б).

(С. Даньково, Смол. уѣзда).

Царевна въ городѣ, царевичъ внѣ города: царевна по городу ходитъ, сіяетъ кольцомъ, прельщаетъ царевича. Царевичъ прорубаетъ ворота, входитъ къ царевнѣ, кланяется ей, беретъ за ручку, цѣлуетъ ее. Похвала царевичу и царевнѣ.

А ў горыди цареўна, цареўна,
А за горыдымъ царевичъ, царевичъ;
Усё па горыду хадила, хадила,
Залатымъ кальцомъ зіяла, зіяла,
Усё царевича прильщала, прильщала:
—«Праруби, сударь, вароты, вароты,
Праруби, сударь, другея, другея,
Праруби, сударь, третіи, третіи!
Ты вайди, сударь, къ цареўни, къ цареўни,
Пакланись, сударь, цареўни, цареўни,
Да яще жъ таго панижи, панижи,
Да яще жъ таго палаўчѣй, палаўчѣй!
Ты вазьми, сударь, цареўну, цареўну,
Да за правую за ручку, за ручку,
Да яще жъ таго пакрѣпчи, пакрѣпчи,

Да яще жъ таго памилѣй, памилѣй!
Пацалуй, сударь, цареўну, цареўну,
Да яще жъ таго пажарче, пажарче,
Да яще жъ таго сильнѣе, сильнѣе!
Хараша жъ наша цареўна, цареўна,
Ти харошъ жа нашъ царевичъ, царевичъ?»

108 в).

(Село Даньково, Смолен. уѣзда).

А ў горыди цареўна, цареўна,
А за горыдымъ царевичъ, царевичъ,
Всё па горыду хадила, хадила,
Залатымъ перстнимъ сіяла, сіяла,
Шелкавымъ платкомъ махала, махала,
Всё царевичу гаварила, гаварила:
—«Разруби, сударь, вароты, вароты,
Разруби, сударь, другея, другея,
Разруби, сударь, и третіи, третіи,
Ты ўвайди, сударь, ва горыдъ, ва горыдъ,
Падыйди, судырь, къ цареўни, къ цареўни,
Да яще жъ таво паближи, паближи,
Пакланись, судырь, цареўни, цареўни,
Да яще жъ таво панижи, панижи,
Ты вазьми, сударь, за ручку, за ручку,
Ты пажми, сударь, падужи, падужи,
Пацалуй, сударь, цареўну, цареўну,
Да яще жъ таво милѣе, милѣе!
Хараша наша цареўна, цареўна,
Харошъ же нашъ царевичъ, царевичъ!»

(Отъ дьячковны Марьи Парменовой).

108 г).

(Село Пречистое, Духовщинскаго уѣзда).

Й-а ў горади цареуна, цареўна,
А за горыдымъ царевичъ.
Праруби, сударь, вароты,
Праруби, сударь, другіи,
Праруби, сударь и третіи,
Праруби, сударь, царевичъ,
Падайди, сударь, паближи,
Склани голыву панижи,
Да ящо таво панижи,
Бяри, сударь, цареўну
Да за правую за ручку,
Цалуй, сударь, цареўну,
Да цалуй, сударь, милѣя,
Да ящо жъ таго милѣя!
Какова жъ наша цареўна?
Какоў жа нашъ царевичъ?
Хараша наша цареўна,
Да харошъ жа нашъ царевичъ.

109.

(С. Тесово, Смоленскаго уѣзда).

„Царéва“ и „бояры“ ѣздятъ одни къ другимъ невѣстъ смотрѣть.

— «Мы царéва, да мы ѣдимъ къ вамъ,
Маладыи, да мы ѣдимъ къ вамъ».
— «Вы, царевы, да зачѣмъ жа вы къ намъ?
— «Вы, баяры, мы дѣвицы сматрѣть».
— Наши дѣвычки маладыя нидаростычки.
— «Вы, баяры, па насъ вырысли,
Маладыи, па насъ вырысли».
— Вы, царевы, пакажи жаниха,
Маладыи, пакажи жаниха.
— «Вы, баяры, вотъ вамъ жанихъ,
Маладыи, вотъ вамъ жанихъ!»

— Мы баяры, да мы ѣдимъ къ вамъ.
— «Да, баяры, да зачѣмъ вы къ намъ?»
-- Вы, царевы, мы дѣвицъ сматрѣть.
— «Вы, баяры, наши дѣвычки
Маладыи—нидаростачки».
— Вы, царевы, вы па насъ павырысли,
Маладыи, па насъ павырысли;
— «Вы, баяры, пакажи жаниха,
Маладога пакажи жаниха».
— Вы, царевы, да вотъ вамъ жанихъ,
Маладыи, да вотъ вамъ жанихъ!

110 а).

(С. Данъково, Смоленскаго уѣзда).

Парень кладетъ дѣвицѣ цвѣтокъ на правое плечо, цѣлуетъ ее, удаляется отъ нея.

Са цвяткомъ я хажу,
Съ галубымъ я хажу;
Я ни знаю, куда цвѣтикъ палажить,
Я ни знаю, куда алый палажить,—
Палажу я цвятокъ,
Палажу я галубой
Красный дѣвицы на правыя плячо,
Раскрасавицы на правыя плячо.
Я кы дѣвицы иду,
Раскрасавицы иду,
Я иду, иду, иду, иду,
Пацалую, прочъ пайду.

110 б).

Село Пречистое, Духовщинскаго уѣзда).

Мой вяночикъ,
Мой твяточикъ,
Палажу я вяночикъ
Я ку молайцу
Я на правую руку.
Я ку молайцу иду, иду, иду,
Поцалую, прочъ пайду.

111.

Дѣвица вызывала молодца: признаніе ихъ во взаимной любви.

Зарѣчкый, за рякой, дѣвица гуляла,
Ина правыю рукой млайца вызывала:
— «Выйди, выйди, дарагой,
Са мной прагуляйся:
Мнѣ искучилысь адной
По саду гуляти!»
— Саша, твѣтикъ дарагой,
Што ты лицамѣришъ:
Я люблю тябе душой,
А ты мнѣ ня вѣришъ?
— «Вѣрю, вѣрю, дарагой.
Бросьтя рѣчъ пустую:
Я за ету за любоў
Семъ разъ пацалую!»

112.

(Сельцо Радошково, Ельнинскаго уѣзда).

Соловей любитъ летать на ракитовы кусты, парень—ходить къ дѣвушкамъ.

— Салавей мой, салавей,
Саловушка маладой, } 2
Ты куда, куда лятишъ,
Куда Бохъ тибе нясётъ? } 2
— «Я лячу, лячу, лячу
Въ свае гожіи мѣста, } 2
Въ свае гожіи мѣста,
На ракитывы куста } 2
Штобы кустичикъ ня милъ,
Сылавей гнѣзда ня вилъ. } 2
Када-бъ дѣвушки ня милы,
Рибятушки ни любили, } 2
Рибятушки ни любили,
Ни ходили па начи, } 2
Ни хадили па начи,
Ни сушили животы, } 2
Ня 'дну ночъ падъ акошкымъ,
Падъ акошкымъ стоючи, } 2
Ня 'динъ сапохъ растапталъ,
Всё по ныча ходючи. } 2

(Отъ старухи Прасковьи Сафоновой).

113.

(Село Даньково, Смоленскаго уѣзда).

У бабушки была, горѣлочку пила,—теперь съ похмѣлья лежитъ.

Я ў бабусиньки была, 2
Я гарѣлычку пила;
Я гарѣлычку пила, 2
Я съ пахмельлика ляжу,
Я съ пахмельлика ляжу, 2
Да галовушка балить,
Да галовушка балить, 2
А сярдечушка знибить.

III. ВАСИЛЬЕВЪ ВЕЧЕРЪ.

1.

(Сельцо Сухой Починокъ, Ельнинскаго уѣзда).

Закликаніе мороза и угрозы ему.

Маросъ, Маросъ Васильичъ, хади кутьти ѣсть!
Цѣпымъ галаву праламлю, мятлой вочи высику.
Маросъ, Маросъ, Васильичъ, хади кутьти ѣсть, а лѣтымъ ни бывай:
Цѣпымъ галаву праламлю, мятлой вочи высику!

2 а).

Гаданья подъ Новый годъ, съ различными припѣвками, пѣснями-присказками.

а) (Сельцо Крутиловка, Ельнинскаго уѣзда).

1) А святой вечеръ да й Василійка,
Мы каму спяемъ, да й таму дабро,
Ой люли, люли, да й таму дабро.
Чія шапычка, таго й пѣсинька
А святой вечеръ да й Василійка,
Мы каму спяемъ, да й таму дабро.
А чей перстничекъ, таму й пѣсинька.

———

2) А сядить сава перидъ сапухый,
Прилятѣў саколъ, іонъ сарваў хахолъ.

———

3) Ходить котикъ па лавычки,
Водить кошку за лапычки.

———

4) А йшоў быкъ драстунъ да по улицы,
А за имъ свиньи виряницыю.

———

5) А й шла карова по рѣпищу,
Набила трябухъ ина натиную.

2 б).

(Село Тесово, Смоленскаго уѣзда).

6) За рякою хамутъ, Быть тэй дугѣ } къ замужеству.
За другей дуга: На томъ хамутѣ }

7) Санычки пашавенички,
Сѣсть на ихъ, поѣхать, млада.
Каму паемъ, таму дабро,
Правда сбудитца, ни минуетца, млада } къ замужеству.

8) Маладой кузнецъ,
Скуй мнѣ вѣнецъ—
Ѣхать, млада, подъ вѣнецъ.
На етымъ вѣнцѣ я обвинчаюся,
Й-а на етымъ кальцѣ я обручаюся, млада } къ замужеству.

9) Сидить варабей на тычининкѣ,
Клонить галаву на чужу сторону } къ переселенію.

10) Шубычка-кажавурачка
Подъ подлавиццимъ валяитца,
На куть-теримъ узбираитца } дѣвушкѣ—вѣковухой быть, женщинѣ—къ богатству.

11) Бѣгить мышка по завалинки
Несеть пиражокъ гасударынки } хозяйкой быть.

12) Я за бочкуй сяжу,
Я за атворку дяржу;
Ящо пасижу, ящо падяржу } къ женитьбѣ.

13) Стаить карыта
Да другимъ накрыта } къ смерти.

14) Сынъ батьку спихнулъ
И галаву свихнулъ. } къ делёжкѣ.

15) Сидитъ сироточка
На загнѣточки.
Ина сидить,
Да й ў печку глядить } стряпухой хозяйкой быть.

16) Да бягить волкъ косматый жа,
Откинулъ хвостъ
На двинадцать верстъ.
Ни стрѣтца бъ идѣ съ волкомъ } къ потерѣ невинности.

17) Идеть корова на сурѣпицу
Набивать пуза мякиницый } къ пользѣ.

18) Ходить Миколушка да по закраму, млада:
Гдѣ ни поўна, тамъ дапалниваить,
Идѣ ни роўна, тамъ зараўниваить } къ богатству.

19) Висять скатирти на папирти,
Хто ни идеть мима ихъ, тотъ обтираитца } къ смерти.

20) За рякой живутъ багатыи,
Грябутъ золыта лапатою } къ смерти.

21) Бяжить сабака махнатая,
Нясеть гавно суковатая } къ богатству.

22) Я на печи сяжу заплатки плачу,
Ящо пасижу, ящо паплачу, } вѣковухой быть.

23) Я за печкой сижу,
Асмину блохъ держу,—
Ящо пасижу, ящо падиржу } вѣковухой быть.

24) Клубокъ сини,
Клубокъ бѣли;
Яны котютпа—
Ни раскотютца,
И тростютца—
Ни растростютца } къ замужеству.

25) Растворю квашоначку—
Паўнымъ паўна,
Съ краими раўна } къ богатству.

26) Курачка да рябушичка
Грябеть сарокъ
Да на свой дварокъ. } Зятя въ домъ принять.

2 в).

(Село Шоптово, Бѣльскаго уѣзда).

27) Ишолъ дристунъ па вулицы,
За имъ свинни вараницыю,
Каму пяемъ, таму дабромъ;
Каму выдитца, таму луччи ўсяго.

28) Сидѣў вырябей па тычинки,
Глидѣў вырябей на чужу сторону } къ замужеству, къ солдатчинѣ, вообще—къ разлукѣ.

29) Хажу па гуменцу Ящо пахажу,
Стилю палатенца; Ящо пастялю. } къ смерти.

30) Хадила карова по рѣпищу,
Натыкала брюха па телища. } къ беременности.

31) Я за бочкай сяжу, Ящо пасижу,
Я за гвоздя дяржу; Ящо падяржу. } въ дѣвкахъ остаться.

32) Бѣгла кабылица изъ Нова-горада;
У ей хвостъ торчить, а подъ имъ ворчить } Много жениховъ, а толку мало, хоть находятся охотники свататься, но въ одно время: они только сбиваютъ съ толку невѣсту.

33) Пирякину дугу Аставайся хамутъ
На чужую старану; На своей старанѣ } къ солдатчинѣ.

34) Бѣгли санычки малюванычки—
Сѣсть ба на нихъ, да паѣхати } къ замужеству.

35) Зваў котъ кашурку
У пячурку спать }

2 г).

(Село Пречистое, Духовщинскаго уѣзда).

36) Ишоў быкъ дристунъ дай па вўлицы,
Святъ вячоръ!
А за нимъ свиньи виряницыю,
Святъ вячоръ!
Каму выдастца да таму дабро,
Святъ вячоръ!

37) Ниўки рѣденьки,
Снапы частеньки } къ урожаю.

38) Клѣтычка-кухавеичка,
За добромъ клѣтка ни 'тпираитца } къ богатью.

39) Санычки-малюванычки,
Тольки сѣсть яму да й паѣхати } къ женитьбѣ,

2 д).

(Радошково, Ельнинскаго уѣзда).

40) Сядить Сусъ Христосъ на варотикахъ,
Да и съ скатинкыю и съ животинкаю.
Каму ета пѣсня дастанитца,
Таму й дабро, таму й болози.
41) Сядить пятухъ на варотикахъ,
Голысъ дô неби, косы да земли.
Каму ета пѣсня дастанитца,
Таму й дабро, таму й болози.
42) Охъ, заветь котъ кошку ў пячуручку:
— Тутъ тёпλинька, тутъ и мякинька.
43) За рякой мужики багатыя,
Ой лялё, ой лялё, багатыя;
Грябуть золыта всё лапатаю.
44) Ой, щетычка-пуваляшичка,
По-падъ лавиччю ты валяишся.
45) Хадили каровы па рѣпищу,
Начинили трябухъ свой натиныю.
46) Пирякину дугу на чужую старану.
47) Висять рушнички на варотикахъ,
А хто идеть, тотъ ими утираитца.
48) Охъ, ты, клѣтычка-багатырычка,
За житьёмъ, за бытьёмъ, не атчиняешся.
49) Охъ, вы, саночки-малюванычки,
Толька сѣсть на васъ, да й паѣхати.
50) Ишли старцы виряницыю,
Ой, за ими воши плитяницыю.
51) О чія ета ивушка вузёшинька,
На ей снопики усё частёшиньки.
52) Учиню я дѣжучку нямножичка,
Падыйдеть мыя дѣжичка палнёшинька.
53) Ужъ ты, курычка-загрябушичка,
Загребай сарокъ ты на свой дварокъ.
54) Охъ, и бык дрястунъ вдоль па улицы.
55) Я на бочки сяжу, я мядокъ щекачу.
56) С...ь хмара черезъ сопиху.

2 е).

(Бочарово, Юхновскаго уѣзда).

57) Санычки-пашавенички
Сѣсть да паѣхать, ладу, ладу.
Каму выйдитца, правда сбудитца,
Таму дабро. } къ женитьбѣ.
58) Скинь партки, затыкай вершки.

59) За рякой живуть мужики багатыи, } къ смерти.
Грябуть золыта лапатами.

60) Сядить пятухъ надъ варотами, } къ пожару.
Голасъ на небесь, косы да земли.

61) Катилася зернышка па таку, } къ богатству.
Прикатилась къ вараху.

62) Вился клёнъ съ бирёзаю—ни развился. (прочное супружество).

63) Дѣжичка квашеничка малинька, } къ прибыли.
Утварю малешиньку—ўзыйдеть палнешинька

64) Манисты на закрами пависли. (ко вдовству).

65) Сидить варабеичка на тычининки, } къ солдатчинѣ.
Смотрить на чужую старонушку.

66) Сидять галубычки на пралубычки, } къ любви.
Мыютца—умываютца,
Палатенцымъ утираютца.

67) Сидить дѣўка ў клѣтки, } къ хорошему году.
Каса на павѣтки.

68) Бѣгла мышка па завалинки, } къ богатству.
Несла пиражокъ сударышки.

69) Сусъ Христосъ канапелькый абросъ. (То же).

70) Нива узешенька, } То же.
Снопики частешеньки.

71) Сидить сиротычка на загнѣтычки, } къ замужеству.
Пякеть пиряпечечки.

IV. МАСЛЯНИЦА.

1.

(Сельцо Лѣтошники, Рославльскаго уѣзда).

Дѣвица выходитъ въ „щиры боры“, выноситъ жаръ въ рукавѣ, зажигаетъ сыру сосну, или „сыръ въ соснѣ“, а въ соснѣ три угодья: яры пчелы, бѣлъ горностай, веселъ соколъ.

Выхадила дѣвушка въ щиры бары,
Вынасила дѣвушка жаръ въ рукавѣ,
Зажигала дѣвушка сыръ ў саснѣ,
У тэй ў сасонушки три угодья:
Первыя угодья—яры пчолы,
Другоя угодья—бѣлъ гарнастай,
Третія угодья—вясёлъ саколъ.
Журить-бранить дѣвушку яры пчолы,
Журить-бранить дѣвушку бѣлъ гарнастай,
Журить-бранить дѣвушку ясёнъ саколъ:
Штобъ тябе, дѣвушка, сватъ ни сваталъ,
Штобъ тябе, красная, попъ ни винчалъ,
Штобъ тябе, дѣвушка, мужъ ни любилъ!

2.

(Село Шоптово, Бѣльскаго уѣзда).

Встрѣча масляницы съ сыромъ и масломъ; катанье съ горъ; веселое настроеніе дѣвушекъ и молодухъ, ихъ красивые наряды; воркотливость старушекъ.

Мы маслиницу сустрикали,
Душа, сустрикали,
Мы сыръ съ масломъ пачинали,
Мы сырымъ горушку, душа, высыпали,
Масломъ горушку паливали.
Наша горушка катлива,
Наши дѣвушки гульливы,
Малодушки щегальливы,
Старыи бабушки варкатливы;
На гору гулять ни пущають.
На горѣ у насъ жо́рыў крутиўся,
А мая жана маладая—
Ина, какъ клюквинка амхавая,
Какъ брусничанька баравая.

3.

а) (Сельцо Лѣтошники, Рославльскаго уѣзда).

Масляница—полизуха, курносейка, кургузка.

Масленая пализуха—
Сыръ и масла пализала.
Масленая курнасейка,
Пакатай-ка насъ харашенька!
Масленая кургузка,
Бизъ тибе груска!

б) (Село Никола-Ядреичъ, Духовщинскаго уѣзда).

Масленица—пализуха:
Сыръ и масла пализала,
Никаму ни сказала—и ушла.

4.

(Село Даньково, Смоленскаго уѣзда, село Свалы и др.).

Жалобы на масляницу: дѣвкамъ отъ нея грузко, ихъ замужъ не берутъ, парнямъ жениться нельзя.

Масленка—кургузка,
Пришло дѣўкамъ грузка.
Ой лёли, лёли, маслиница!

Што замужъ ни бяруть.
А рибятамъ тошна,
Што жанитца ня можна.

5.

(Село Пречистое, Духовщинскаго уѣзда).

Масляница—обманщица: скрутила.

Курва Маслянца
Абманщица!
Скрутила, дѣўка, звила,
Падъ уголъ завила.

6.

(Село Пречистое, Духовщинск. уѣзда).

Масляница—обманщица; отъ нея соблазны, пьянство.

Ужъ ты, Маслинца,
Курва-обманщица,
Спадманула, спадвила
Маладога малайца,
Въ закаулыкъ завила,
Стаканъ вотки паднисла,
На закуску пиражка,
На забаўку дѣвушку.
Дѣвушка Дуняша,
Дуняша ни наша—
Ни нашива барина,
Сама шельма баила.

7.

(Село Даньково, Смоленскаго уѣзда).

Дни Масляницы.

Сива, сива середа,
Галубой четверьгъ,
Палавая пятинка,
Таўста.....я суботушка,
Вясёлыя маё воскрясеньинка,
Кабы лёгенькій мой панядѣльничокъ,
А будеть жа мой аўторничикъ.

8.

(Село Даньково, Смоленскаго уѣзда).

Была семь лѣтъ вдовою — „не чула земли подъ собою": жилось вдовѣ хорошо; потомъ она досталась поганому мужу и проклинаетъ она его вмѣстѣ съ богатыми подарочками, прельстившими выйти замужъ.

Якъ была я семъ лѣтъ ўдавою,
Ня чула зямли подъ сабою;
Дасталася паганыму мужу,
Лижать мое падарычки ў скрыни,
Вазьми тябе погибель и зъ ими.

9.

(Сельцо Лѣтошники, Рославльскаго уѣзда).

1) Не воръ былъ, не разбойничекъ,—былъ въ девяти клѣтяхъ, въ десятую глазомъ заглянулъ. 2) Въ десятой клѣти молодая вдова проситъ Бога послать ей добрую долю, равнаго дружка.

Й-а ни воръ я былъ, ни разбойничикъ,
Толька былъ я, былъ въ дивитёхъ клитяхъ,
А ў дисятыя глазымъ загляну:
Тамъ вobраза стыять, свѣчи теплютца,
Малада ўдава Богу молитца,
Спасу клонитца:
—«А саздай, Божа, долю добрую,
Роўню роўную!..»

10.

Колыбель на соснѣ, въ колыбели дитя; мать дитяти на боярскомъ дворѣ дѣвкою ходитъ.

У бору сосна, ў бору сосна,
Тонка, висока, листымъ широка.
Какъ на той на саснѣ калыбель висить;
У тэй калыбели мала дитятка.
Мала дитятка, гдѣ жъ твая матка?
Мая жъ та матка на баярскымъ на дворѣ,
Дѣўкыю ходить, голыву чешить,
Русу касу плететь, приговариваить:
—Расти, мая каса, да шалковыга паиса,
Да синій панёвѣ, да бумажныхъ чулокъ,
Да сахвянъ сапохъ! (Тамъ же).

11.

Мать не пускаетъ дочку гусель слушать за рѣчку, — боится, что дочку вѣкъ не увидитъ; а дочка обѣщается прійти къ матери съ краснымъ яйцомъ, милымъ дружкомъ, и съ ребенкомъ.

За рѣчкою, матушка, гусли гудуть;
Мяне, матушка, мысли бяруть.
—Пусти, матушка, гусиль слушать!
— «Пустить тябе, дѣтитка,—вѣкъ ни видать!.»
—Приду, приду, матушка, на Вяликъ день,
Съ краснымъ яечкымъ,
Съ миленькимъ дружочкамъ,
Са малыю дитёю... (Тамъ же).

12.

Мѣсяцъ со звѣздами, молодецъ со своими товарищами-солдатами,— только нѣтъ съ нимъ его милой подружки.

—Што ты, мѣсицъ, одинъ на неби?
—«Я, права, ня 'динъ! Бохъ видить мине;
Што ни іость звѣздушикъ—уси са мною,
Пирида мною».
—Ну, што ты, Хвилипъ, адинъ на служби?
—«Я, права, ня 'динъ: царь видить мяне!
Што ни іость салдатыў—уси са мною,
Пирида мною.
Толька нѣтути Мархвуши маей.
Кали Бохъ судить—и Мархвуша будить.
Я коній найму, карету куплю,
За Мархвушію пашлю.
Кучарики свищуть, дароживьки ищуть;
А коники сапять, пирямѣнушки хатять». (Тамъ же).

13.

Дѣвица „пристояла ножки подъ елью, примахала ручки, приглядѣла глазки"—дожидала отца съ матерью, брата-соловейка, сестрицы-кукушки.

Ель мая, ель зеленая,
Я падъ табою стыяла:
Ножиньки пристыяла,
Ручушки примахала,
Глазыньки приглядѣла –
Батюшки дажидала.
Батюшка мой далеча,
Матушка ящо далій;
Братецъ мой—салавейка,
Сястрица мая да какушка.
Што жъ ты рана ни литаишъ,
Братицъ мой, салавейка?
—«Я палетю—ты заплачишъ;
Я ў луги—а ты ў туги;
Я ў лозы—а ты ў слёзы;
Я ў лясы—а ты ў галасы».
(Тамъ же).

14.

Молодуха выходитъ въ чистое поле и смотритъ подъ зорю: Подъ зорею чернѣется медвѣдица — это свекровь и вся ея родня; подъ зорею краснѣется маковка—это родная матушка и другіе родственники молодухи.

Выйду я, выйду въ чистыя поля,
Гляну я, гляну падъ зарю,
Што падъ зарею чарнѣитца?
Чарнѣитца мядвѣдица.—
Я думала—мядвѣдица,
Айно ета люта свекра

Съ залоўками и съ калатоўками,
И съ деверьями съ дуруками.
Выйду я, выйду въ чистыя поля,
Гляну я, гляну падъ зарю,
Што падъ зарею краснѣитца?
Краснѣитца красна макаўка,
Красна макаўка съ мыкынятками.
Я думала—красная макаўка,
Ажно ета родная матушка,
Съ сястричками, и съ любимыми,
И съ братцами, съ родными. (Тамъ же).

15.

(С. Даньково, Смоленск. уѣзда).

Чинная бесѣда во время крестьянскаго праздника.

А да коба у нашига была у сасѣда
Висила была бесѣда:
Сидять гости са гастями 2
Сидять гости гости са гастями,
Маладухи са парнями,
Маладухи, яны са парнями,
Стары бабы съ стариками,
Удовушки со ўдоўцами,
Удовушки, яны со ўдаўцами.

16.

Пташка-соловьянка слышитъ, какъ дѣвушка плачетъ, идучи замужъ за стараго; радуется она, идучи замужъ за равнаго.

Пташка салоўянка
Часта па садику литала, 2
Къ териму припадала:
Въ терими дяўчиница плачить,
Што за старыга идити.
Старый на ручиньку лажитца,
Якъ гнилая калода, 2
Ну, іонъ пахнить, якъ балота.
Пташка салоўянка
Часта па садику литала, 2
Къ-и териму припадала:
Въ терими дяўчиница висялитца,
Што за раўныга идити.
Раўный на ручиньку лажитца,
Якъ кудрявая рябина. 2
Ну, іонъ пахнить, якъ малина. (Тамъ же).

17.

(Село Егорье, Духовщинскаго уѣзда).

А быль жа мой, быль, чорный чернабыль.
Паѣхаў жа Ликсандрушка у новый гарадокъ.
Какъ ѣдить жа Ликсандрушка зъ нова города:
—«Сустрѣнь, сустрѣнь, Натальюшка,
Свайго сакала сиряди двара,
Цалуй, милый, ў сахарны уста!

18.

(Село Лѣтошники, Рославльскаго уѣзда).

Милый дѣлится досадой, скорбію не съ матушкой и не съ батюшкой, а съ подружкой своей потайной).

На праходи, на праѣзди веселые дни,
Наступають слезавыи наши времена.
Слышу, вижу, милъ, дасаду въ доми надъ сабой.
Я пра ету, пра дасаду, въ доми ни скажу:
Я ни матушки, ни батюшки, ни сваей радной,—
Я скажу, скажу падружки, сваей патайной:
Ты, падружунька, галубушка,
Ти жаланна маё серца да тябе?..

19.

(Село Шоптово, Бѣльск. уѣзда).

Масляница прошла незамѣтно и на Великій постъ посадила.

А мы Маслинцу прокатали,
А мы ў глазы ни видали,
Мы думали: Маслинца семъ нидѣль,
Ажно Маслинца семъ динёчкыў;
Маслинца спадманила,
Вяликій постъ пасадила,
И на хрѣнъ жа, на рѣдьку,
На бѣлую капусту.

По окончаніи Масляницы вывозятъ бочку на высокое мѣсто, воткнутъ ее на рогатину и начинаютъ зажигать. Какъ сгоритъ бочка, то говорятъ: „сгорѣла Масляница!“..

V. ВОЗКА НАВОЗА.

(Красненскій уѣздъ).

Навозъ часто вывозится толокой. Послѣдній возъ навоза называется *«подскребышъ»*, а возница *«телепою»*; надъ *«телепой»* всѣ смѣются и отпускаютъ по адресу его шуточки циничнаго характера. Обязанность телёпы—украсть кашу во время обѣда, который варится для этой цѣли особо на каждой толокѣ.

Къ общему удовольствію присутствующихъ *телепа* или *зателепа* открадываетъ кашу, а толпа ребятишекъ обыкновенно устремляется ловить вора. Послѣдній стремится попасть на тотъ хлѣвъ, гдѣ копали навозъ. Тамъ при общемъ смѣхѣ вся толпа наперерывъ расхватываетъ кашу, а горшокъ разбиваютъ.

VI. ВЕСНЯНКИ.

Весеннее оживленіе природы сказывается прежде всего на животномъ царствѣ, особенно въ мірѣ пѣвцовъ весны—птицъ.

Появленіе животныхъ въ извѣстное время года имѣетъ для крестьянина знаменательное значеніе; онъ по-своему толкуетъ голоса ихъ и обращается къ нимъ съ пѣснями, особенными поэтическими присловьями. Самыя клички и названія животныхъ часто представляютъ собою имена звукоподражательныя и стоятъ въ связи съ звуками, издаваемыми животными [1]).

При наступленіи весны появляются перелетныя птицы (выріи), преимущественно пѣвчія, которыя обращаютъ на себя вниманіе своимъ гармоническимъ пѣньемъ; да и тѣ птицы, которыя остаются у насъ на зиму, «выріютъ», смѣлѣютъ, начинаютъ пѣть весенними голосами, исполненными любви и поэзіи (овсянка, синица [2]). И весною, и лѣтомъ, передъ молодомъ и тепломъ, одна и та же птица измѣняетъ свой голосъ (зябликъ, канюкъ).

Въ февралѣ мѣсяцѣ *синица* начинаетъ пѣть протяжно, жалуется на безкормицу:

1 а) Въ пунѣ свѣтитца, въ пунѣ свѣтитца.

---

[1]) См. мою статью о звукоподражаніяхъ въ „Этнографич. Обозрѣніи“, XXII, 81—96. *Авт.*

[2]) О словѣ *вырій (ирей)* см. замѣч. *Потебни* въ Рус. Фил. Вѣстн. 1881, № 3, стр. 143. *Ред.*

Въ яркую солнечную погоду *овсянки* садятся на макушкахъ деревьевъ—елокъ и березокъ; желтенькіе, золотистые самчики, вторя жалобѣ синицы, что «въ пунѣ свѣтится», поютъ:

1 а).

А ты, мужикъ, сѣна наси, да ни труси!

Или: Пуня свѣтитца, пуня свѣтитца:

Няси, мужикъ, сѣна, да ни труси! (Данково, Смол. у.).

Въ мартѣ, когда настанетъ дружная весна, когда начнутся сильные угрѣвы, какъ въ три молота стучитъ синица: *Куй, кузнецъ, лимяши!* А то синица бранитъ мужика-неряху за неумѣлое обращеніе съ кормомъ: *Тилялюй, тилялюй!*

Въ томъ же мѣсяцѣ бѣловато-сѣрая *плисица* (Motacilla alba) споритъ съ *вороной*. Плисица горячится, подпрыгиваетъ, то поднимаетъ, то опускаетъ хвостикъ, и тоненько тиликаетъ: *Тысяча, тысяча!* А ворона въ отвѣтъ ей, хриповато, во все горло оретъ по весеннему: *Нѣтъ, капейка... капейка*!

Милліоны *жаворонковъ* въ мартѣ мѣсяцѣ поднимаются въ голубую высь съ кочекъ, съ полей и проталинокъ и медленно, медленно, распластавъ крылья, съ томнымъ и страстнымъ урчаньемъ садятся на землю. По народному представленію, летитъ жаворонокъ кверху гордо и небрежно; но, пораженный величіемъ Господа, въ глубокомъ благоговѣніи падаетъ внизъ.

Пѣсни жаворонка толкуются такимъ образомъ:

(Даньково, Смол.).

2 а).

Повышеніе:

Палячу на нёбу, на нёбу,
Схвачу Бога за бóрыду, бóрыду...

Пониженіе:

А Бохъ мине
Кіимъ,
Кіимъ...
Тры, тры, тры!..

2 б).

Повышеніе:

Палячу Бога
Кіимъ бить,
Кіимъ бить.

Пониженіе:

Кій уранiў,
Кій уранiў...
Тры, тры, тры!..

(Звукъ ударовъ Божія кія по жаворонку).

За пѣсней жаворонка мало обращаетъ на себя вниманіе сливающееся въ общемъ хорѣ съ пѣсней овсянки и синицы, а позже съ пѣсней пѣночки и горихвостки, пѣнье *зяблика*, впрочемъ, довольно гармоничное и очень пріятное. Зато чириканье зяблика («свирочка») народъ считаетъ знаменательнымъ предвѣстникомъ непогоды:—«свирочикъ сверлитъ къ ненастью, къ холоду: *Крю, крю*!»...

Вятютинь, самый крупный голубь изъ нашихъ дикихъ голубей, давно уже прилетѣлъ, а въ апрѣлѣ мѣсяцѣ начинаетъ уже ворковать на гнѣздѣ подлѣ своей супруги, охать, стонать плаксивымъ обидчивымъ протяжнымъ басомъ.

Лучше всего подражаютъ голосу вятютня дѣти, сложивъ трубочкой свои губки, какъ бы для свиста, при чемъ протяжно, на низкихъ нотахъ, поютъ глухимъ голосомъ, выговаривая слѣдующія слова:

3.

На дууби сижу, вятюютинь!
Дѣўка идеть,
Вёдра несеть...
На дуби сижу, вятютинь!

Гормінка по-бѣлорусски называется «турлышкомъ»; она «турлычить»: *тур... тур...:*

По утрамъ и вечерамъ на зелень вылетаетъ черный *тетеревъ*, *косачъ;* онъ болмочетъ страстно, торопливо, захлебываясь, стараясь залпомъ выразить накопившіяся чувства. Нѣмое болмотанье тетерева по временамъ прерывается, — отъ того ли что тетеревъ испугается или захочетъ летѣть навстрѣчу тетеркѣ, нѣмо кудахчущей и издающей мычанье,—отъ того ли, что просто тетеревъ устанетъ и захочетъ отдохнуть. Тетеревъ болмочетъ:

4 а).

Прадамъ шубу, прадамъ шубу,—куплю балахонъ.
Осенью тотъ—же тетеревъ болмочетъ:
Прадамъ балахонъ, прадамъ балахонъ,—куплю шубу.

4 б).

Прадамъ шубу, прадамъ шубу,—куплю кахтанъ.
Осенью, наоборотъ:
Прадамъ кахтанъ, прадамъ кахтанъ,—куплю шубу.

5.

Повышеніе: Пайду, пайду въ бани парица.
(Слѣдуетъ пауза).
Пониженіе: Баюсь, баюсь—дѣўки будутъ сварица.

Весною появляется множество болотныхъ птицъ.

Высоко «блеетъ» *барашекъ* (*бекасъ*): *бэé... бэé!* Какъ сердце, усиленно бьющееся, когда человѣкъ прислушивается къ его тонамъ,

вторитъ бекасу бекасиха, сидя внизу на кочечкѣ: *Тыхъ-тыхъ*!... *тыхъ-тыхъ!*

Чибисъ, или *пиголица*, жалобно кричитъ подлѣ излюбленнаго для гнѣзда мѣста и заботливо окрикиваетъ проходящихъ: *Чiи вы? Чiи вы?* За это чибисъ у воровъ и пользуется репутацiей безпокойной и недоброжелательной птицы. А то чибисъ презрительно и насмѣшливо бранится: *вшивикъ*, *вшивикъ!*

Бýхало (водяной быкъ, или *выпь*) громко и какъ-то глухо ревѣтъ въ болотѣ; непроходимое то мѣсто и опасная топь, гдѣ онъ реветъ.

Въ оставшихся отъ весеннихъ разливовъ лужинкахъ озеръ и рѣкъ, въ водѣ, еще неокончательно спавшей и согрѣтой солнцемъ, раздается лягушечiй гамъ. *Лягушки* то ругаются неприлично между собою, какъ торговки — «скверутца»: *Урахъ*! *урахъ! Стерва! стерва!* Или: *Войтъ*, *войтъ!*

«Лягушка квохчетъ, свой недугъ тѣшитъ» (поговорка Смоленской губернiи). То лягушки брешутъ по-собачьему, то поютъ уныло и меланхолично.

Жерлянка (Bombinator igneus) поетъ, другая ей вторитъ:

6.

Кумъ... Кума...
Гдѣ онъ?.. Гдѣ ана?..
Памёръ... Памёръ...
Памерла... Памерла...

Давай плакать (bis)
Па комъ?... Па комъ?
Па ёмъ... Па ёмъ...
Па ей... Па ей...

Общiй хоръ жерлянокъ: Ну... ну... ну... ну... ну!

Меланхолическiй крикъ лягушки сливается по вечерамъ съ крикомъ *медвѣдковъ*.

Народъ эксплуатируетъ и лягушку, и медвѣдка. Бабы идутъ на крикъ лягушекъ, собираютъ лягушечью икру и моются ею: она избавляетъ отъ веснушекъ, которыя рябятъ лицо; лягушечью икру прикладываютъ и къ опухоли: будто это помогаетъ отъ рожи. Мужики прислушиваются къ крику медвѣдка.

— «Слышь: *трр!... трр*!»... — «Слышь, пяéтъ!... во пяéтъ!... дакъ пяéтъ, — засипѣў, ажно зямелька ли (возлѣ) норки кверьху узымаитца»... Тихонько подходятъ къ норкѣ, откуда выходитъ крикъ, разрываютъ неглубокую норку, сжимаютъ «накасомое» (насѣкомое) мозолистыми перстами—и рогатыя медвѣжьи лапы не спасаютъ бѣдняжку. «Медвѣдка, спинка котораго почернѣй, давай коню темной масти; рыжаго — рыжымъ конямъ, а полóвинькаго — половинькимъ: кони здоровы будутъ—и силу почуютъ». Медвѣдковъ сушатъ и даютъ съ овсомъ и сѣномъ конямъ. «Медвѣдки закричали— сѣй пышаницу!»—примѣчаютъ крестьяне. Равнымъ образомъ и лягушка играетъ большую роль въ народномъ календарѣ. «Лягушки

кричать—пора расаду сѣять». «Лягушки раскричались—дождь будетъ». Утромъ было безоблачно, а къ вечеру дождь пошелъ. «Ти ни мальцы ета наши нойды (иногда, на тотъ случай) падшутили—люгашку забили!»... Дождя нѣтъ, и лягушки не кричатъ—дождя не предвидится. Чтобы дождь пошелъ, бьютъ лягушекъ и ловятъ блохъ. Прыгающихъ животныхъ и насѣкомыхъ нижутъ на нитку и вывѣшиваютъ на кустикѣ, приговаривая: «какъ эти блохи или лягушки повисли, чтобы тучи повисли».

Въ сумерки, чуть солнце скроется за горизонтомъ, на опушкѣ болотистаго лѣса пролетаетъ *вальдшнепъ* (лѣсной куликъ, или слука). Летитъ онъ быстро и плавно, крича какъ-то таинственно, хриповато, и въ то-же время припискиваетъ: *Ваасьха, Ваасъ... Васька!* (хриповато съ нажимомъ). *Пуусъ-ти* (пискливо). Или: *крыхъ, крыхъ... пытикъ!*

Ласточка въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ Россіи появляется около половины апрѣля. Ко дню Св. Егорія (23 апрѣля) ласточка непремѣнно уже появляется. Мужики уже приготовились къ запашкѣ полей, вывезли и растрясли навозъ, исправили сохи, лошадей подкормили; жарятъ «яѣшню», выѣзжаютъ въ поле. Веселое щебетанье только-что прилетѣвшей ласточки привлекаетъ невольно вниманіе пахаря. Низко припадая къ землѣ и ловя комаровъ, «ластовка» жалуется выѣхавшимъ орать мужикамъ на оставшихся дома бабъ:

7.

Мужики ў пóля, мужики ў поля (скороговоркою),
А бабы яéшню пречь (жарить).

Или:

Мужики ў поля, мужики ў поля, а бабы за яешню...

Настоящая весна начинается, по мнѣнію крестьянъ, съ прилета *журавлей*. Хорошая, дружная весна бываетъ тогда, когда журавли прилетаютъ огромными стаями, точно кто ихъ изъ мѣшка вытряхнетъ. Дѣти дружнымъ хоромъ привѣтствуютъ прилетъ журавлей.

8.

Закрутились жиравы́, жиравы,
Калясóмъ, калясóмъ,
Ваши дѣти за лясóмъ, за лясóмъ,
На мяжи, на мяжи,
Парѣзались на нажи, на нажи...

На Святой недѣлѣ, во время прилета журавлей, дѣвки играютъ въ «журавля». Берутся «гужемъ» за руки, становятся въ одну линію. «Матка» стоитъ впереди всей компаніи.

9.

Матка. Жараў, жараў, што ты дѣлаишъ?

Журавль. Ямычки капаю.

Матка. На што тебѣ ямычки?

Журавль. Камушки собирать.

Матка. На што тебѣ камушки?

Журавль. Тваимъ дѣтямъ зубы и губы выбивать.

Матка. За што? Пра што?

Журавль. Яны маю капусту паѣли.

Матка. Атчаго-жъ ты з'гароду ни загарадилъ?

Журавль. Я гарадилъ, гарадилъ, зялѣзныю ступыю закатилъ—яны и то пирялѣзли.

Матка. Ну, ўрёшъ жа ты! Мая была маленькая з'гарода—и то ни пирялѣзли, а твоя была большая, якъ яны пирялѣзли? (Рукою показываетъ вышину загóроды).

Журавль. Ну, ўсё-таки я твоихъ дятей паѣмъ: *курлу!— мяса хачу... курлын... курлын... курлын*! (Кричитъ по-журавлиному).

«Журавль» начинаетъ ловить дѣтей и прятать ихъ. «Матка» допрашиваетъ «журавля», куда онъ дѣтей дѣлъ.

Матка. Идѣ ты (того-то) падѣлъ?

Журавль. У капусти зъѣлъ... Ищо таво мала.

Матка. А кабъ тябе разарвала!..

Перекравши дѣтей, журавль уходитъ, а всѣ дѣти гонятся за нимъ. Журавль взбирается на дерево. Журавля находятъ, стаскиваютъ долой, пальцами долбятъ по макушкѣ: не крадь дѣтей! Потомъ дѣти клюютъ матку, зачѣмъ она не сохранила ихъ отъ журавля.

Народная примѣта: «окружи журавлей ситкавымъ поисымъ, пасыпь ў крухъ солью: ўсихъ жиравоў либа паловишь, либа пиристриляишь». Прозвище журавля въ сказкахъ—«Курлынскій».

Пашетъ мужикъ, а конь его, изнуренный зимней безкормицей, плохо тащитъ плугъ, по временамъ пріостанавливается, «сылаўёў щитаитъ», а журавль, пролетая надъ пахаремъ, критикуетъ его работу.

10.

Мужикъ скривиў, мужикъ скривиў.

(Переходъ отъ высокаго тона къ болѣе низкому).

Въ апрѣлѣ много пѣвчихъ птицъ, много птицъ соловьиной породы. Пѣсня овсянки, зяблика, жаворонка смѣшивается съ пѣсней хохлатаго лѣсного жаворонка и пѣночки.

Необыкновенно пріятная вечерняя пѣсня малаго сѣраго пѣвчаго *дрозда* и насвистыванье чернаго начинается отъ заката солнца и продолжается до позднаго вечера. Пѣвчій дроздъ поетъ;

11.

Свинина, псина... досыть саланина...

По мнѣнію мужика, дроздъ, распѣвая свои пѣсни каждую весну, не одинаково размѣщается на елочкахъ: если годъ будетъ хорошій, дроздъ садится на самыхъ низкихъ сучкахъ; если цѣны на хлѣбъ будутъ среднія, дроздъ садится на рединѣ дерева; если цѣны на хлѣбъ будутъ высокія, дроздъ садится на макушкѣ елокъ,—«хлѣбъ ў двинацыть рублёў куль ўскочитъ—и самъ запяе́шь ты, и самъ заскуго́лишь ты жалостна, якъ дроздъ той».

Рысь и пѣвчій дроздъ будто друзья-пріятели *медвѣдя*. Рысь навѣщаетъ медвѣдя во время его зимней спячки, чтобъ узнать, живъ-ли, здоровъ Мишенька, а буде онъ мертвъ, такъ скушать и помянуть его. А пѣвчій дроздъ звуками: *цыцъ, цыцъ!* или *чуръ, чуръ!* предупреждаетъ Мишеньку объ опасности. Послѣ предостереженія дрозда, медвѣдь, и безъ того крайне чуткій и безъ того крайне осторожный, еще тише ступаетъ.

Пѣсня дрозда стушевывается передъ пѣсней *соловья*, отчего дроздъ называется «сылавьинымъ па́робкомъ», т.-е. батракомъ.

Соловей поетъ:

12 а).

Мужикъ... мужикъ (скоро)
Си-даръ, Си-даръ (протяжно)
Са-ла, са-ла (протяжно)
Пёкъ, пёкъ (перемѣна голоса, грубѣе),
Крутиў, крутиў...
Палиў, палиў...
Тякéть, тякéть...
Ѣшь, ѣшь (перемѣна голоса).
Гарячо, гарячо...

12 б).

Пёкъ сала,
Пёкъ, пёкъ...
Крутиў, крутиў...
Вяртѣў, вяртѣў...
Яно тякеть, тякеть,
Яно—ажно гарячо...

12 в).

Цыганъ... цыганъ...
Сала... сала...
Пёкъ, пёкъ, пёкъ...
Крутиў, крутиў, крутиў...
Вяртѣў, вяртѣў, вяртѣў...
Тяў, тяў, тяў...
Глыть!

Соловей пропѣлъ—вытрясайте рубашки: блохъ не будетъ.

Садовая горихвостка (Erithacus phoenicurus) хвастливо выкрикиваетъ по утреннимъ и вечернимъ зорямъ:

13.

Я ў Питири была, я ў Питири была...
Питиръ видѣла, Питиръ видѣла...

Коноплянка (Acanthis cannabina), сидя на изгороди, таинственно сообщаетъ новость: *Поросна свинка*!

Смородинка (Silvia hortensis), появляясь въ концѣ апрѣля, даетъ указаніе, что надо сѣять пшеницу: *Сѣйте пшеницу*! Сидя на макушкѣ дерева, смородинка спрашиваетъ нѣжнымъ голоскомъ: *Семъ, ти видиў? (бивэвэвю).*

Въ селеніи Витовкѣ Черниговской губерніи крестьяне ходятъ въ валяныхъ шляпахъ своей работы. А въ Почепѣ есть Долгій мостъ на рѣкѣ Опороти; около этого моста водятся птички сѣренкія (смородинки); онѣ произносятъ:

14.

Ти ты изъ Витыўки?
— «А на што тебѣ»?
— Да я, да я, что ты ў брыли.

Кукушка появляется въ половинѣ мая. Кукушка—птица загадочная, миѳологическая. Относительно ея происхожденія и происхожденія ея пѣнія и крика существуетъ множество разсказовъ. Оригинальность птицы и ея привычекъ—вотъ, по нашему мнѣнію, главная причина возникновенія различныхъ преданій о кукушкѣ.

Кукушка—птица насѣкомоядная, но она по наружности и по своему полету имѣетъ нѣкоторое сходство съ ястребомъ. Ласточки, при видѣ ея, приходятъ въ большой испугъ и гоняются съ крикомъ за нею, какъ за ястребомъ. Народъ думаетъ, что кукушка—оборотень, что одна и та же птица, по своему желанію, дѣлается ястребомъ и кукушкою. Въ поговоркѣ кукушка и ястребъ встрѣчаются вмѣстѣ: «Промѣнялъ кукушку на ястреба!»

Кукушка не вьетъ своего гнѣзда и кладетъ свои яйца въ гнѣзда другихъ птицъ, особенно любитъ она награждать ими ласточекъ и плисицъ.

Перелетая съ дерева на дерево въ то время, какъ прочія птицы сидятъ на яйцахъ, кукушка, точно бездомная скиталица, кого-то докликивается, по-человѣчески выговаривая слова:

15.

Куку.... куку!
Якубъ.... Якубъ!
Мартинъ... Мартинъ!
Купили.... купили...
Каптуръ... каптуръ!

По мнѣнію народа, кукушка кукуетъ, сколько кому лѣтъ жить. Къ кукушкѣ обращаются съ вопросомъ:

16.

Кукушка сѣра,
Загадуй смѣла:
Скольки лѣтъ жить,
Када памяреть?

Чтобы кукушка подолѣе посидѣла на деревѣ, надо, говорятъ, подкравшись къ дереву, перевязать его поясомъ. Когда кукушка въ первый разъ прокукуетъ, хорошо имѣть въ карманѣ деньги, хорошо быть въ веселомъ расположеніи духа,—цѣлый годъ будешь испытывать довольство, веселіе.

Неурожай бываетъ, когда кукушка закукуетъ на голый лѣсъ, не нарядившійся листьями. Когда кукушка и послѣ Петрова дня продолжаетъ куковать, плохой годъ будетъ,—и самъ закукуешь, какъ кукушка.

Кукушка поетъ нѣжно и трогательно, иногда точно смѣется сквозь слезы. Пѣсня кукушки бываетъ различная. Во-первыхъ, кукушка кукуетъ отрывисто: *куку... куку... каптур... каптур...*

Во-вторыхъ, кукушка кукуетъ плавно, точно повѣствуя о чемъ-то:

17.

Я-кубъ (или Мак-симъ), вяр-нись:
Клю-чи знай-шлись!

Въ-третьихъ, кукушка, перекликаясь съ другой кукушкой, начинаетъ куковать съ поспѣшностью, страстностью, передъ тѣмъ какъ она сбирается совѣмъ летѣть на зовъ другой кукушки или искусно кукующаго мальчика; слоги «ку-ку», произносимые учащенно, сливаются въ сплошной звукъ, который кажется не то плачемъ, не то рыданіемъ, не то смѣхомъ сквозь слезы: *Каптур, каптур... кап...* (послѣдняго слога второпяхъ кукушка не договариваетъ).—*Кха, кха, кха!* (кукушка смѣется или рыдаетъ).

Въ Карачевскомъ уѣздѣ Орловской губерніи, когда кукушка въ первый разъ закукуетъ, мальчики братаются между собою, цѣлуются и мѣняются крестами—«крестятъ кукушку».

Во время исполненія духовскихъ пѣсенъ и обрядовъ, крестьянскія дѣвушки Дмитровскаго уѣзда Орловской губерніи мѣняются серьгами, крестами и образами, цѣлуются чрезъ вѣнокъ, сплетенный изъ березокъ, воспѣваютъ «кукушку» и сами въ пѣснѣ перекликаются, какъ кукушки:

18.

Авле! кукушка ряба!..
Авле! да каму жъ ты кума?...

Какъ въ крестьянскихъ, такъ и въ цыганскихъ причитаніяхъ Смоленской губерніи, кукушка является оборотнемъ. Покойникъ принимаетъ образъ кукушки и слетаетъ съ неба на землю побесѣдовать со своими родными. Лицо, испытывающее горе, чтобъ подѣлиться печалью съ близкимъ его сердцу человѣкомъ, становится кукушкою и, прилетѣвъ къ родному, выкуковываетъ ему всю свою кручину. Въ причитаніяхъ австрійскихъ цыганъ родные покойника обращаются къ кукушкѣ съ слѣдующей просьбой: «Кукушка съ обросившимися ножками, неси покойника на спинѣ своей къ дверямъ рая!»

Легенды о происхожденіи кукушки и ея крика см. въ Смоленскомъ Этнографическомъ Сборникѣ. Часть I, №№ 39—41.

Сивогракъ (сивка-воронка) кричитъ: *трава, трава*! Онъ же издаетъ, по мнѣнію народа, звукъ довольства: *хав*, *хав*; въ сущности же «хырканьемъ» и хрипѣньемъ сивогракъ выражаетъ испугъ и подозрѣніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Рязанской губерніи сивогракъ называется звукоподражательнымъ именемъ «ракша» и употребляется въ пищу. Сивогракъ—добрый вѣщунъ: какъ скажетъ онъ «трава, трава»!—скотинка отвалится отъ рѣзи (соломы)—пойдетъ трава настоящая.

Сарычъ, или *канюкъ*, по-бѣлорусски *канюхъ*, какъ и сивогракъ, большой любитель лѣсныхъ опушекъ, отъемниковъ и луговъ, на которыхъ растутъ высокія деревья. Канюкъ передъ дождемъ кричитъ: *пить*, *пить*! *чаю*, *чаю*! «Канюкой» въ Смоленскомъ уѣздѣ называется неотступный и надоѣдливый проситель, попрошайка. «Канючить»—просить чего неотступно, «душу вынимать» просьбами.

Иволга появляется въ нашей мѣстности во время полнаго расцвѣта природы. Иволга или пріятно насвистываетъ, или «скварэтца», кричитъ дико и неблагозвучно, за что она и получила въ привеложскихъ губерніяхъ названіе «дикой кошки». Свистъ иволги сдается простому человѣку словами: *Ты видиў*, *видиў*? Тотъ же свистъ мужикъ понимаетъ иногда и передаетъ, какъ непристойную брань.

Удодъ—птица довольно популярная среди крестьянъ. Народныя примѣты: «якъ запяетъ удодъ, сѣй бобы»! «Удодъ пяетъ къ дождю». Деревенскіе мальчики примѣчаютъ: подержи въ рукахъ удода, эту красивую, но съ дурнымъ запахомъ птичку—конь тебѣ не дастся въ руки.

Баба франтоватая платокъ на лобъ надвинула: «Ишь», говорятъ, «нахохлилась — словно удодъ хохолъ свой развѣсилъ». Авдотками (А-ўдодками) называются бабы, которыя къ Вознесенью, въ самыхъ лучшихъ нарядахъ, стекаются въ Смоленскъ на богомолье. Гдѣ удодъ кричитъ, тамъ лѣшій, нечистая сила пребываетъ; тамъ селиться нехорошо и небезопасно. Крикъ удода—дурное знаменіе для переселенцевъ. Удодъ кричитъ такъ:

19.

Худо тутъ! худо тутъ!

Сова кричитъ: *Кумін, Кумін, Кумін*! Или смѣется какъ-то страшно: *Хо-хо-хо*! Или кричитъ, какъ ребенокъ: *Куга́, куга́*! Или точно въ ладоши хлопаетъ (сова стучитъ ночью крыльями, выпугивая сонныхъ птицъ изъ кустовъ). Сова, по всей вѣроятности, играла большую роль въ созданіи легендъ о лѣсовомъ, кнутомъ гоняющемъ зайцевъ и лисицъ,— о поляхѣ, плещущей съ горя руками. Крикъ совы предвѣщаетъ незаконное рожденіе: «вдова или дѣвушка родитъ». Такое же значеніе и встрѣчающейся въ подблюдной пѣснѣ: «А сидитъ сова пиридъ сопухымъ».

Когда *ястребъ* гоняется за домашнею птицею, дѣти машутъ на него платкомъ и кричатъ нараспѣвъ:

20.

Ястребъ лятитъ, трясцу схвататъ... Шуугу!

Рѣчная *скопа*, хватающая рыбу, а подчасъ зазѣвавшихся утятъ и цыплятъ, называется *кайсара*.

Когда ястребъ гонится за *воробьемъ*, воробей въ испугѣ, распростерши крылья, кричитъ: *царь, царь*! Спасшійся воробей кричитъ радостно: *живъ, еще живъ*! Или бранится: *жидъ, жидъ*! Когда Христа мучили, онъ-то и указалъ воинамъ на остатокъ жизни въ тѣлѣ почти усопшаго Страдальца: *Нѣтъ, живъ! нѣтъ, живъ*! Вслѣдствіе замѣчанія воробья воинъ копьемъ пронзилъ Христа въ ребро. Но подлетѣлъ *клёстъ* (loxia curviostra) и вынулъ изъ тѣла Христа гвоздикъ,—оттого клестъ не гніетъ и послѣ смерти не поддается тлѣнію: такъ ему ужъ Богъ даровалъ.

Красногрудый *снѣгирь*—картежникъ; онъ все кричитъ: *хлюстъ, хлюстъ*! (всѣ карты на рукахъ козыри).

Птицеловы знаютъ два вида *чижа*: чижъ березовикъ (сѣрый) и чижъ ольховикъ (зеленоватый). Чижъ поетъ:

21.

Чижикъ, чижикъ, сала, сала...
Крутиў, крутиў...

(Начальныя скрипучія ноты пѣсни чижа).

Ти-ись!

(Пискливо, конечная самая характерная нота).

Сойка допрашиваетъ: *Какъ? какъ?*. Сойка называется *карёзой*. Карёза—прозвище капризнаго человѣка, плаксиваго и непокойнаго ребенка. «Ахъ, карёза ты, карёза!»

Ворона кричитъ:

22 а).

Урода, урода! Капейка, капейка! Украли, украли!

Зимою ворона жалуется, сидя на навозномъ ковяшѣ:

22 б).

Калачъ, калачъ!.. Ни укалупишъ, ни укалупишъ!..

Маленькія дѣти играютъ въ «ворóну» такимъ образомъ: берутъ щипками другъ друга за ручки, потомъ разомъ встряхиваютъ ручки и кричатъ:

23.

Карр... карр... ворона...
Шуги!.. Шуги!
Хто дасть—тэй князь.
Хто ни дасть—тэй грязь.

(Бьютъ другъ друга по рукамъ).

Воронъ кричитъ: *кроў, кроў*! Или: *крыви крыви* (крови, крови)!

Воронъ рѣки проводитъ. Въ крестьянскомъ разсказѣ двѣ рѣки спорятъ за первенство. Одна изъ рѣкъ, обманутая крикомъ ворона, не добѣжавъ до моря, впала въ сосѣднюю рѣку и сдѣлалась притокомъ соперника. (Споръ Сожа и Днѣпра). Когда воронъ съ крикомъ летитъ чрезъ кладбище, предвѣщаетъ чью-либо скорую смерть.

Кавка—звукоподражательное названіе *галки*; ворона каркаетъ, а галка «кавкаетъ»: *каў, каў*!

Перепелъ кричитъ:

24.

Досыть, бабы, шить,—надо полоть!..
Подь палоть!.. Шить, палоть!.. Ва... ва!

По народнымъ примѣтамъ, не каждый годъ въ пѣснѣ перепела преобладаетъ звукъ: «Подь палоть... Шить, палоть». Иногда перепелъ больше, «вавакаетъ»,—тогда горе бабамъ: ленъ бываетъ плохой.

Коростель, дергачъ, по-смоленски «кряхтель», кричитъ:

25.

Дергъ—дергъ!.. кряхъ—кряхъ!..
Драть—драть!.. здѣсь—здѣсь!..
Тпрруська!.. тпруська!

Коростель—птица болотная, а отчасти и полевая: по уборкѣ луговъ онъ перелетаетъ на поля и дѣлается ближайшимъ сосѣдомъ перепела. Не мудрено, что въ одномъ малороссійскомъ разсказѣ Черниговской губерніи перепелъ и коростель сошлись вмѣстѣ; въ компанію къ нимъ попалъ и журавль,—какъ видно, дѣло было осенью. Хохла ловили съ уворованною имъ вещью; хохолъ спрятался въ рожь. Находившійся невдалекѣ перепелъ, по мнѣнію хохла, ему покровительствовалъ, давая благой совѣтъ спрятаться: *Сховайся... сховайся!.. Притулисъ!.. Притулисъ!..* А проклятый дергачъ, тотъ прямо указывалъ сыщикамъ вора: *Здњсь, здњсь! драть, драть!* По указанію дергача, и поймали хохла; на тотъ случай налетаетъ журавль и оретъ: *Крути хохла!* Дергачъ же продолжаетъ свою пѣсню: *драть, драть!* Хохолъ не на шутку обидѣлся на коростеля и журавля, а къ перепелу почувствовалъ сердечную признательность: «Бадай вамъ, дергачъ и журавль, здохнути, а перепелицы бодай здаровьица»!..

Кстати скажемъ тутъ-же и о другихъ птицахъ, хотя и не перелетныхъ, а также о нѣкоторыхъ животныхъ, поскольку дѣло касается звукоподражаній.

Курица кудахчетъ:

26.

Куд-кудакъ, куд-кудакъ!
Снесла яйцо съ кулакъ!

Пѣтушиный разговоръ:

27.

Били, били... Кого, кого?.. Тебя, тебя...

Окончательно побѣжденный въ бою пѣтухъ кричитъ: *карауль*! *карауль*! При этомъ вся пѣтушиная фигура выражаетъ испугъ.

Пѣтухъ куръ зоветъ, найдя зерно:

28.

Ухъ, ухъ! Сюда, сюда!
Нашолъ, нашолъ!

Мальчики любятъ дразнить *индѣйскихъ пѣтуховъ* (индюковъ). Показывая что-нибудь красное, они кричатъ:

29.

Индыкъ-шулдыкъ, спусти кишку, дамъ денежку!

— Здравія желаю!—отвѣчаетъ раздраженно индюкъ.

Индѣйка во время боя кричитъ вызывающимъ голосомъ: *Ѳёдырычъ, Ѳёдырычъ*! Подвигается она къ противнику бокомъ, выставивъ щитомъ крыло свое и спрятавъ подъ него свою голову. Когда индѣйки и индюки, сплотившись въ стадо, идутъ дружной стѣной на противника, пѣтуха или павлина, съ цѣлью подраться съ нимъ, народъ смѣется: «Во жиды идутъ кагáлымъ,—якéй гвалтъ злóдіи спрáвили»!.. «Индычка-шулдычка»—прозвище сварливой и задорной бабы.

Когда мужикъ гонитъ съ овса *гусей* хворостиной, гуси одинъ на другого жáлуются, другъ-друга допрашиваютъ:

30.

Га-га, га-га, хто ўвёў? хто ўвёў? ты ўвёў, ты ўвёў!..

Утиный разговоръ:

31.

Пойдемъ, пойдемъ! Болото, болото.
Мокро, мокро... Снаска... плиска...
Кря, кря!...

Быкъ, идя на бой съ другимъ быкомъ, нетерпѣливо и гнѣвно роетъ ногою землю и, пуская изо рта слюну, реветъ: *и-му! и-му*! (одолѣю, одолѣю!). Побѣжденный быкъ реветъ жалобно, *ня-б-бууду*! А побѣдитель реветъ грозно, агрессивность и въ голосѣ его и въ походкѣ: *Буудемъ, буудемъ*!

Теленокъ жалобно мычитъ *мя-не, мя-не*!

Овечка, побывавшая въ потравѣ, снова пробирается въ злачное мѣсто и блеетъ: *была, была*! Прочія овцы отвѣчаютъ заблудшей: *бу-удемъ, бу-демъ*!

Коза кричитъ: *шеламэх*! или *мекэке*! У еврея Шеламэха была козочка; ее поймалъ волкъ и сталъ душить. Казалось еврею, что передъ смертью козочка звала его по имени: Шеламэхъ, Шеламэхъ, Видитъ еврей, что ему не спасти своей козочки, постоялъ на порогѣ, потомъ въ хату вернулся. Жена спрашиваетъ:—Спасъ ты козочку?— «Нѣтъ».—Чтожъ ты дѣлалъ? – «Да я глядѣлъ, какая она разумная: всё меня кличетъ: Шеламэхъ, Шеламэхъ!»

Когда льетъ дождь, *свиньи* съ трудомъ остаются на одномъ мѣстѣ и бранятся съ пастухомъ, жалуясь на горькое положеніе. Плохо тутъ приходится пастуху, «хоть разорвись». Большія свиньи:

32.

Пусь-ти, сибирникъ! Сибирь тутъ! каторга, каторга!

Среднія свиньи:

Каторжникъ, пусти!

Подсвинки тоже грозятъ пастуху, собираются на него жалобу подать начальству: *губирнатырь, губирнатырь*!

Когда погода хорошая и не собирается портиться, то свиньи въ отличнѣйшемъ расположеніи духа и противъ пастуха ничего не имѣютъ, а напротивъ того, относятся къ нему дружелюбно, всё равно, валяются ли онѣ въ мягкой грязи, или слѣдуютъ впереди стада: *О фить, о фить! о другъ, о другъ*!

Заяцъ, пойманный собаками, плаксиво и жалобно кричитъ: *князь, князь*!

Котъ, пожирая сало или мясо, кричитъ: *мало, мало*!

Не только въ животномъ, но и въ растительномъ царствѣ весна своимъ волшебнымъ маніемъ производитъ коренныя перемѣны, приводя въ жизнь застывшую было природу. Неописуемая гармонія звуковъ отъ шума молодой листвы производитъ впечатлѣніе существа живого, ликующаго.

Такъ, относительно звука, производимаго *листьями деревьевъ* при сильномъ вѣтрѣ, существуетъ слѣдующее выраженіе: «Листья лапо́чуть» (лепечутъ); осина бьетъ листьями, — «какъ въ ладошки хлопаетъ». *Перепиръ, трипятиння*—это береста, колеблемая вѣтромъ и трепещущая, верхніе бѣлые лепестки на березовой корѣ, легко поддающіеся вліянію вѣтра и производящіе извѣстный звукъ. (Сравн. славянское *поропоръ*: надымался поропоръ, яко водный говоръ. «Къ исторіи звуковъ русскаго языка», А. Потебни, 134, 136 стр.). Въ народномъ заговорѣ употребляется такое выраженіе: «какъ перепиръ сей трясется, чтобъ врагъ мой трёсся.»

Характерно слѣдующее выраженіе относительно быстраго роста растеній: «Во даў Госпоть припаръ—паслаў Бохъ солнца и дождичикъ: трауќа такъ и дяреть съ зямли, ажно пищить.»

По животнымъ и растеніямъ крестьянинъ-бѣлоруссъ дѣлаетъ замѣчанія и выводы метеорологическіе. А вотъ еще средство узнать хорошую и дурную погоду лѣтомъ: послѣ дождя дѣти идутъ въ такое мѣсто, гдѣ раздается звучное *эхо*, и громко кричатъ:

33.

Гнилая калода, гнилая калода,
Ти будить заўтри пагода?
Када будить—отгукни-ись,
А ня будить—заикни-ись!

Если отголосокъ нѣмой, непогодь продолжится; звучное эхо предвѣщаетъ вёдро.

Пробрызнулъ дождикъ, дорога смочилась и сдѣлалась грязною, съ трудомъ конь везетъ *телѣгу*, и громко скрипятъ неподмазанные катки:

34.

Патерли, памяли... патерли, памяли...

Прогремѣлъ первый *громъ*. «Умывайте себѣ лицо, чтобы грома не бояться,» говорятъ бабы дѣтямъ. Испугавшись грома, земляной орѣхъ ушелъ глубоко въ землю. Слишкомъ слабы звуковыя средства человѣка, чтобы выразить звукоподражаніемъ громъ. Однако поэтическая мысль пытается истолковать значеніе громовыхъ раскатовъ. Богъ спорить съ сатаной, Богъ или Георгій Побѣдоносецъ поражаетъ сатану, Илья на колесницѣ ѣдетъ, Господь гнѣвается, — вотъ почему грѣшно смѣяться во время грозы, а надо благочестиво знаменать себя крестнымъ знаменіемъ.

Какъ растаетъ снѣгъ, покажутся сухія проталинки на улицѣ, пробьется первая травка, молодежь начинаетъ веселиться на улицѣ. Тутъ-то и наступаетъ пора пѣнія дѣвушками *веснянокъ*.

35.

(С. Даньково, Смоленскаго уѣзда.)

Недостатокъ корма: сѣна и соломы.

— Ой, весна красна, теплыя лѣтечка!—
Ой, весна красна, што ты вынисла?—
— «Ой, я вынисла семъ карабоў жита,
Ой, я вынисла, да павытрисла.»—

36 а).

(С. Даньково, Смол. уѣзда.)

Дары весны. Природа одѣвается зеленью, молодежь прибирается въ красивые наряды. Для всей природы наступаетъ пора любви, цвѣтенія; старость же, болѣзненная и вялая, тупо встрѣчаетъ весну. Впрочемъ и старушки покидаютъ весною домъ и съ кіечками въ рукахъ бредутъ на богомолье и за милостыней.

—Весна красна, теплыя лѣтичка,
Што жъ ты вынисла?
—«Крайчикъ хлѣбушку, карабокъ житушка,
Маленькимъ дѣтушкамъ па яечичку,
Старушичкамъ па дярюжички,
Краснымъ дѣвушкамъ пу платочку,
Маладушичкымъ па наметычки».

36 б).

(С. Береснево, Духовщинскаго уѣзда.)

Весна красна, теплая лѣта,
  Весна красна,
Ой, што жъ ты нама да ты вынисла,
  Ой, штожъ ты намъ?
Съ пуньки лялетку дай вытрисла,
  Съ пуньки лялетку,
Съ корабоў жита да ти выгрибла,
  Съ карабоў жита?
Ой краснымъ дѣўкамъ по вяноцку,
  Ой, дѣвушкамъ,
А рибятамъ па яечку,
  А рибятамъ,
А маладухамъ па люлицки,
  А маладухамъ,
Старымъ старухамъ па кіечичку,
  Старымъ старухамъ.

37 а).

(Сельцо Рудня, Ельнинскаго уѣзда.)

Пчолочка (пташечка-политашечка, пташечка залетная, ласточка, черная галочка) выноситъ золотые ключики, отмыкаетъ лѣто, затворяетъ зиму.

Ты, пчолычка ярыя, ты вылети съ за́мыря,
  Ой лялё, лялё, ты вылети съ за́мыря!

Ты вылети съ замыря, ты вынеси ключики,
Ты вынеси ключики, ключи золотыя,
Замкни зимуньку, атамкни лѣтичка,
Атамкни лѣтичка, лѣта тёплыя,
Лѣта тёплыя, зима студёная!...
Пчелка жужжитъ: «къ намъ, къ намъ, къ намъ!»

(Записана отъ старухи Ульяны Кузьминой.)

37 б).

Пташичка-палиташичка,
Ня ляти ў моря, ляти зá мыря,
Ты вазьми зылаты ключи,
Атамкнитя лѣта тёплыя,
Замкнитя зиму холодную! *)

37 в).

(Сельцо Никола-Ядреичъ, Духовщ. у.).

Ужъ ты, пташичка, ты, залётная,
Ты злетай на синё моря,
Ты вазьми ключи вясенныя,
Замкни зиму, атамкни лѣта!.....

37 г).

Ластыўка ключница, вылети съ зáмырья,
Ай люли, люли, вылети съ замырья,
Вынеси ключики, атамкни лѣтечка,—
Атамкни лѣтечка, замкни зимушку:
Лѣта тёплыя, зима халодная!
Ай люли, люли, зима халодная.

37 д).

(С. Самохотовка, Смол. уѣз.).

Маленькая пташка,
Висока литала,
Да ў Бога пытала;
— Атдай, Божа, ключи,
Атъ новинькій клѣти,
Зимушку заперти,
Лѣтичка й атперти.

(Запис. отъ старухи Лукерьи Бѣляевой).

---

*) „Атамкнитя"—во множ. числѣ. Переходъ отъ „ты" къ „вы", отъ единственнаго числа ко множественному въ народномъ языкѣ означаетъ ласку, нѣжность.

VII. БЛАГОВѢЩЕНЬЕ.

(Продолженіе веснянокъ).

38 а).

(Сельцо Злотово, Ельнинскаго уѣзда).

Закликанье весны. Просьба, чтобы Богъ зародилъ въ изобиліи колосистое, ядренистое жито и всякій хлѣбъ. Пречистая Мать благословляетъ пироги ломать, весну заклинать.

На горѣ церькуўка Благовѣщення!
Благаслави намъ, Госпыди, вясну кликыть,
Лѣта дажидать, а зиму справажать!
Ты вылети, вылети, чорныя галычка,
Ты вынеси, вынеси тёплыя лѣтичка
Старымъ бабушкамъ по кіёчичку,
А малымъ дѣтушкамъ па яечичку,
Краснымъ дѣвушкамъ па жанишочку!...

38 б).

(С. Данько‌во, Смол. у.).

Благаслови, мати, запѣти и зайграти!
Прячистая Мати даўно благаславила,
Якъ мать нарадила.
У чистинькымъ поли іонъ жито сѣилъ, іонъ Бога прасилъ:
— Заради, Божа, жита ў прежные годы—
Колысымъ каласиста, ядромъ идряниста:
Наша Марина мала, штобъ стоя жита жала,
Часта снапы визала:
У поли капами, ў гумнѣ стагами!..
Залатая наша пѣсня, серебряный голысъ,
Вясёлый нашъ поѣздъ:
Гдѣ сѣли, тамъ запѣли;
Гдѣ стали, тамъ зайграли.

38 в).

(С. Никола-Ядреичъ, Духовщ. у.).

Ой, басла *), Божа, да вясну красну кликати
На тёплыя лѣта, на густыя жита,
Да на яру пшаницу, да на зялёны канопли!

---

*) Сокращ.: благослови.

Ой зы густыга жита будимъ пива варить,
Съ зялёныхъ канопли будимъ масла бить,
Съ ярый пшаницы пираги будимъ печъ!

38 г).

Благаслави, Божа, на ўзгорычку сѣсти, вясну загукати,
Лѣтичка атмыкати, зиму замыкати:
Лѣтичка тяпленька, зима стюдёная;
Лѣтичка ў каточку, зима ў палазочку.

(Отъ ученицы Могилевской губ.)

38 д).

(С. Даньково, Смол. у.)

Благаслави, мати,
Вясну заклинати!
Прячистая Мати
Даўно благаславила.
А мала пташка
Висако литала,
У Бога пытала:
— Падай, Божа, ключи
Атъ новенькій клѣти —
Лѣтичка атперти,
Зимушку заперти!

38 е).

(С. Даньково, Смол. у.)

Благаслави, мати, вясну загукати,
Вясну загукати, пираги лумати.
Причистая Мати даўно благаславила,
Даўно благаславила,—якъ мати нарадила.

39 а).

(С. Береснево Духовщ. у.)

Князь Василій на войну ѣдетъ, за нимъ шлютъ пословъ.

Па полю дымъ, па дарожки пыль,
Па полю дымъ:
Князь Василій на войну ѣдить,
Князь Василій.
За имъ паслы по два, по три,
За имъ паслы,
По два, по три, по цатыри,
По два, по три.

39 б).

(С. Радошково, Ельнинск. уѣзда).

Рожденіе сына. Для рожденія сына (не дочери) князь Василій возвращается съ войны.

Благаслави, Божа, вясну заклинати!
Мать Прячистая даўно благаславила,
Даўно благаславила, сына парадила,
Сына парадила, за князимъ паслала:
— «Князь Василій, варатися двору!»
— Кали сынъ рожинъ,—варачуся двору;
Кали дочка,—ни вярнуся двору.
(Записана отъ кр—ки Аксиньи Александровой).

39 в).

(С. Каблуково, Красненск. уѣзда).

Для дочери (не для сына) князь возвращается съ войны.

Благаслави, мати, вясну загукати!
Прячистая Мати даўно благаславила.
Дымна ў поли, пыль па дароги.
А нашъ князь Василій даўно на вайну паѣхаў,
А за имъ паслы, па три, па чатыри:
— Вярнись, вярнись, князь Василій:
А твая княгиня, дачку парадила.
—«А я ли дачушки двору вярнуситка:
У мине дачушка въ двори гостичикъ.»
Благаслави, мати, и т. д.
—Вярнись, вярнись, князь Василій:
А твоя княгиня сына парадила!
—«А я ли сыночка двору ни вярнуся;
А у мине сыночикъ въ дворѣ гаспадарёчикъ!»..

40.

(Сельцо Злотово, Ельнинск. у.)

Рожденіе сына предпочтительнѣе, чѣмъ дочери.

Въ полѣ вѣтры ширмують,
Митрушка жану свою шануить:
—Кады сына родишъ, няньку найму;
Дачку родишъ, и съ дому сганю!...

41.

(С. Каблуково, Красн. уѣзда).

Молодецъ переѣзжаетъ чрезъ разлившійся Дунай со своей дружиной.

Разлиўся Дунай, разлиўся тихинькій,
Када нашъ Митрафанка жаниўся.
Некуда молайцу пиряѣхати,
Дружину сваю перевезть
На ворониныкымъ конику,
Въ малёваномъ вазочку,
Въ перловенькымъ вяночку.

42.

(С. Даньково, Смоленск. уѣзда).

Разливъ Дуная. Царевна ѣдетъ къ царю чрезъ тихій Дунай.

Разлиўся Дунаю, разлиўся тихенькій,
У-у-ухъ!
Пу мхамъ, пу балотамъ 2,
У-у-ухъ!
Па гнилымъ калодамъ.
Царь ѣдить жаницца,
Царевна листы пишить:
—«Ня ѣдь, царю, ка мнѣ,
Ня ѣдь, гасударю,
Сыма къ табѣ буду:
Я ў лѣти ў карети,
Зимою ў вазочку,
Вясною ў чаўночку,
На 'днымъ биряжочку!»

43 а).

(С. Даньково, Смол. уѣзда.)

Отецъ собирается въ гости къ дочери; лѣтомъ ему мѣшаетъ работа, зимою—снѣга, весною—разливъ воды.

Елычка-сасонка зиляненька,
Лялёшеньки, лёли, зиляненька,
А я у тябе, батюшка, маладенька.
—Чаму ка мнѣ, батюшка, ў госьти ни буваешъ?
—«Ты, дитя маё, дитя дарагоя,
Кали жъ къ табѣ мнѣ ў госьти бувати?
Лѣтнію парою—за работыю,
Зимою парою—за снигами,
Вясною парою—за вадою.
—А я жъ табѣ, батюшка, разгадаю:
Лѣтнію парою—пы скрысеньихъ,
Зимою парою—ў вазочку,
Вясною парою—ў чаўночку.

43 б).

(С. Радошково, Ельнинскаго уѣзда.)

Стаўбами, стаўбами дамы выхадили.
За тыми дамáми батюшки ня вижу,
Ни такъ жа за дамами, больши за слезами.
—«Батюшка салавейка, кали ка мнѣ ў гости прибудишъ?
«Матушка пиряпёлка, кали ка мнѣ ў гости прибудишъ?»—
—Дятё маё дарагоя, зимою за снигами,
Зимою за снигами, вясною за дажжами.
—«Батюшка салавей, матушка пиряпёлка,
Зимою ў вазочку, вясною ў чаўночку».

(Отъ крестьянки Аксиньи Александровой.)

43 в).

(д. Долгія Нивы, Красн. уѣзда.)

Траўка-мураўка зиляненька.
—«Батюшка ты мой, сылавейка,
Што ка мнѣ ў гости ня ходишъ?»
—Дочка мая, дарагая,
Вясной нильзя за вадами,
Лѣтымъ нильзя за дажжами,
Зимой нильзя за снигами.
—«Вясной пріѣдь ў чаўночку,
Лѣтымъ пріѣдь ў каляски,
Зимой пріѣдь ў вазочку.»

44 а).

(Духовщ. уѣзда, с. Никола-Ядреичъ.)

Отцы набиваются съ своими дочерями, просятъ взять ихъ замужъ, хвалятъ ихъ рукодѣльность, веселый нравъ и другія хорошія качества.

Па блонню вада разливаитца
Лаўренъ дачкой набиваитца:
—«Пріиджай, Маркелъ, пріиджай, душинька,
Пріиджай, душинька, бяри маю дачку;
Вотъ тябѣ задатку—мякины лупатку!»
Па блонню вада разливаитца,
Никалай дачкой набиваитца:
—«Пріиджай, Яшичка, пріиджай, душинька,
Пріиджай, душинька, бяри маю дачку;
Вотъ тябѣ задатку—серебра лупатку!»

44 б).

(С. Даньково, Смол. уѣзда.)

Па блонню вада разливаитца,
Ой люли, люли, разливаитца,

А Пятрокъ дачкой набиваитца:
—«Вазьми, Ягорька, да маю Катичку:
Што за дѣвычка, што за вумница:
И скыкать-плисать и красенцы ткать!
Дамъ табѣ причины семъ возъ лычины,
Дамъ табѣ выдатку суччую лупатку!»

44 в).

(с. Даньково, Смол. уѣзда).

Пу блонни вада разливаитца,
Аўсей дачкой набиваитца:
—Вазьми Ѳёдырька, Дарычку!
Што за дѣвица, што за умница:
И шить, и вышивать умѣить,
И красенцы ткать.

(Запис. отъ Кулины Исаковой).

45.

(С. Даньково, Смол. уѣзда).

Величанье мужиковъ своей деревни: богато они справляютъ свадьбы своихъ дѣтей.

Ли калодезя, ли стидёныга,
Тамъ купалися да три галубочка;
Пакупаўшись, да ўрозь пылятѣли
Но на тоя сяло да на Данькова.
Ахи тамъ мужуки да быгатыя,
Всё быгатыя, туруватыя:
Сыноў женють—пива варють,
А дачокъ отдають—мяды варють.

46 а).

(С. Даньково, Смол. уѣзда.)

Надъ селомъ свѣтятъ четыре мѣсяца (имена жениховъ); надъ селомъ свѣтятъ четыре зорьки (имена невѣстъ).

Надъ нашимъ сяломъ, ды надъ Даньковымъ,
Лёли, лёли, ды надъ Даньковымъ,
Стыяли, святили мѣсички чатыри:
Первый мѣсичикъ—маладэй Савычка,
Другой мѣсичикъ—маладэй Ѳёдырька.
Третій мѣсичикъ—маладэй Андрейка,
Чатвёртый мѣсичикъ—маладэй Микитка.
Надъ нашимъ сяломъ, ды надъ Даньковымъ,
Стыяли, святили зорьки чатыри:
Первая зоричка—маладая Катичка,
Другая зоричка—маладая Зенычка,

Третья зоричка—маладая Дарычка,
Чатвёртая зоричка—маладая Татьянка.
Савычка ѣдить, Катичку вязеть
На вароненькымъ канёчку,
Въ мулюваненькымъ вазочку,
Вясною парою.
Ѳёдырька ѣдить и т. д.

46 б).

(Д. Скотинино, Смол. у.)

Перечисляются парами всѣ женихи и невѣсты въ деревнѣ.

А кисель, кисель у дарабочку кипить,
Іонъ кипѣлъ, кипѣлъ, да кипучи й застылъ.
Охъ, сохнить, вянить, Федька за столымъ
Да на Дуньку гледѣ и т. д.

47.

(С. Никола-Ядреичъ, Духовщ. у.)

Подъ вербою три королевны: одна въ золотѣ, другая въ серебрѣ, третья въ разномъ шелку.

Стыяла верба надъ ручаёчкымъ.
Стой, верба, да ни калышися,
Зялёными вѣтьтями ни ламися!
Падъ тою вербыю три каралеўны:
Адна каралеўна ў золыти,
Другая каралеўна ў серебри,
Третія каралеўна ў разнымъ шалку;
Што ў золыти—то Марьичка,
Што ў серебри—то Катинька,
Што ў разнымъ шалку—то Вѣра.

48 а).

(С. Данькаво, Смол. у.)

Надъ рѣчкаю верба,
Падъ тою падъ вербый бархоўка сядѣла,
Дитя калыхала, калыша, пытала:
— «Скажи, дитя, праўду: а што ў таргу дорога?»
— Рибяты дороги—по три на капѣйку,
По три на капѣйку, чатвёртый ў придачу.
Надъ рѣчкаю верба,[2] и т. д.
—«Што ў таргу дяшова»?

— Дявочки дяшовы: па сто рублей дѣўка,
Па сто рублей дѣўка, па тысячи кыса́.

48 б).

Надъ рѣчкыю верба, надъ быстрыю верба.
Надъ тою вярбою, литаўка сядѣла,
Литаўка сядѣла, дятё калыхала.
Калышить—пытаить: што ў таргу дарожи?
— «Дарожи рибяты: па сто на цыбульку,
Па тысичи на гроши».—
Надъ рѣчкыю верба, и т. д.
— Што ў таргу дяшеви?
— «Дяшевій дявочки: па сто рублей дѣўка,
Па тысичи каса».

49.

(С. Никола-Ядреичъ, Духовщ. у.)

Въ колодезѣ воды, у молодца жены—нѣтъ.

— Виръ калодись, виръ глубокій,
Што у тябе, калодись, вадицы нѣту?
— «Када Божа судить, и вадица будить».
— Што у тябѣ, Никалайка́, жаны нѣту?
— «Када Божа судить, и жанушка будить».

50 а).

(С. Даньково, Смол. у.)

Въ колодезѣ воды нѣтъ: конь выпилъ и копытомъ выбилъ. У молодца жены нѣтъ; молодецъ ѣдетъ за женою въ дальнюю сторонку.

— Виръ, виръ, калодись, виръ, виръ, стюдёный, (вар.: глубокій),
Ахъ, люлюшки, люли, виръ, виръ, стюдёный,
А што у тябе, калодись, да вадицы нѣту?
— «Была у мяне вадица, да вароный конь выпиў,
А што ня выпиў, капытомъ павыбиў».
— А што у тябе, Мишенька, да жанушки нѣту?
— «Была у мине жанушка, да прочки пышла!...
Паѣду ў Маскву, привязу маскоўку;
Паѣду ў Литву, привязу литоўку!»...

50 б).

(Сельцо Плоское, Смол у.)

Вирь, вирь, калодись, вирь, вирь, стюдёный,
Што у тябе, калодись, вадицы нѣту?

Што у тябе, Ваничка, жанушки нѣту?
— «Была у мяне жанушка, быяры украли.
Паѣду ў Маскву, маскоўку вазьму,
Паѣду ў горыдъ, гарчанку вазьму,
Паѣду ў Литву, литоўку вазьму!
Литоўка, шельма, святи лучину,
Гарчанка, шельма, стяли пастелю,
Маскоўка жина, лажися са мной спать!»

(Отъ Матрены Михалевой).

51 а).

(С. Даньково, Смол. у.).

Три молодца по дѣвицу пріѣхали: одинъ клѣть отворилъ, другой дѣвку вывелъ, третій съ собою взялъ.

Ѣдуть, ѣдуть три вирхавыхъ,
Люли, люли, три вирхавыхъ:
Адинъ ѣдить ў золоти,
Другій ѣдить ў серибри.
У золыти клѣтку атчиниў,
У серибри дѣўку вывиў,
Разнашоўкавый съ сабой ўзяў.
Стала дѣўка сильна плакыть,
Сильна плакыть, причитывать:
— Ни батюшка мяне отдаеть,
Ни сястрицы сурижають,
Ни брахнинька праважаить.
— «Ни плачъ, дѣўка, ни плачъ, красна:
Атдаеть тябе тёмная ночка,
Сурижають ясны зори,
Праважаить ясенъ мѣсицъ».

51 б).

(Д. Плоское, Смоленск. у.).

А зрадница нявѣстка:
А зрадила залоўку:
— «Хади, залоўка, ў клѣть спать!»
Узъѣхали три на дворъ:
А ў червонымъ клѣть атпёръ,
А ў багровымъ атчиниў,
А ў зялёнымъ ўзяў.

А плакала дѣвушка,
Што ни батюшка атдаеть,
Што ни сястрицы сурижають:
—Сурижала мяне цёмна ночка,
Выдавала клѣтушка,
Праважаў мяне мѣсичикъ,
А зрадила нявѣстка.

(Отъ Матрены Михалевой).

52.

(С. Никола-Ядреичъ, Духовщ. у.).

Молодецъ измѣняетъ дѣвицѣ и ѣдетъ чрезъ темные лѣса, крутыя горы жениться на другой.

— «Маладой малойчикъ, куда ты паѣдишъ?“
— Паѣду жанитца.
— «Ни дай табѣ, Божа, ни пути, ни дароги,
А ўсё тёмныи лѣсы,
Тёмныи лѣсы, крутыи горы!»
— Ни грази, красная дяўчонка:
Я темными лѣсами—я съ сабаками-хартами,
На круты горы—на лошади ўзъижжаю.

53.

(С. Даньково, Смол. у.).

Три селезня плывутъ по озеру; просилась дѣвица у матушки погулять, на селезня посмотрѣть,—не на селезня, а на добра молодца.

Какъ у нашихъ у варотъ, какъ у нашихъ шуракихъ,
Улица шурака́, возира глубака́.
Па томъ па возиру три селязни плывуть,
Три селязни плывуть, три касастыя.
Завидила дѣвица съ висако́га терима,
Падъ вакошкамъ сѣдючи, шуринычку шіючи.
Прасилася дѣвица у матушки пагулять,
На селезня пасматрѣть.
— «Дочерь мыя умная, дочерь мыя разумная,
То ня сизы селезни, то добрыя молыйцы».

54.

(С. Даньково, Смол. у.).

Изъ стада утей селезень беретъ утицу, изъ танка дѣвушекъ молодецъ выбираетъ дѣвушку.

По мырю, морю синему,
Тамъ плыветь, плыветь утей стада,
На пяреди плыветь утка чирычка.
Аткуль ўзяўся сизый силязѐнь.
Іонъ ўзяў вутку за правыя крыльца,
За правыя крыльца, за быстрыя перья.
Што па улицы, а у насъ па широкей,
Тамъ идеть, идеть да дѣвыкъ танокъ,
На пяредъ идеть маладая Катичка.

Аткуль ўзяўся маладой Андрейка,
Іонъ ўзяў Катичку за правую ручку,
За правую ручку, за мязинный пальчикъ.
(Отъ Кулины Исаковой).

55 а).

(С. Иньково, Порѣч. у.).

Молодцы дерутся за дѣвицу, она миритъ ихъ.

Ай, на вулицы, дый на 'колицы,
Тамъ и дралися да три молыйцы
Да за красную дѣвушку.
—«Вы не бейтися, ни дяритися,
А па совѣсти разыйдитеся:
Яй дастануся аднаму каму:
Либа сельскаму, либа диряве́ньскаму.
Чимъ-ся сельскаму—лучче дяревеньскаму».

55 б).

Якъ зъ-за лѣсику, лѣсу темныга,
Выхадила тамъ туча грозная,
Ай люли, ай люли, туча грозная.
Тамъ шли, прашли да два молыйца,
Станавилися, за 'дну дѣвицу пубранилися.
Та дѣвица услыхала брань.
Выхадила къ имъ, гаварила имъ:
— Вы не ссорьтися, ни бранитися,
Вы па совѣсти разыйдитеся:
Яй дыстануся аднаму каму:
Или бѣлыму, бѣлакуруму,
Или жъ чорныму, чарнабровыму—
Яй дыстануся свѣтъ Митрыфанушки!

56.

(С. Даньково, Смол. у.).

Разлука селезня съ утицею, молодца съ дѣвицею.

— Чомъ, чомъ, силязѐнь, скушанъ, нивясёлъ?
— «Якъ мнѣ, силязню, вясёлыму быть:
Учора зъ-вячора утица была,
Сягодни зрання утицы нѣту.
А ужу утица убита ляжить,
Убита ляжить, падстрѣлиная.
— Чомъ, чомъ, Масейка, скушанъ, нивясёлъ?

— «Якъ мнѣ, молыйцу, вясёлыму быть:
Учора зъ-вячора Дарычка была,
Са мной сядѣла, рѣчь гыварила,—
Сяводни зрання Дарычки нѣту:
А ужу Дарычка заручоныя,
Заручоныя, згыварёныя!»..

57.

(С. Злотово, Ельнинск. у.).

Переходъ чрезъ рѣку по дубку съ дѣвушкою.

Кукареку, питушокъ, кукареку,
Завалися дубокъ чирязъ рѣку.
Хто тэя пириходы пиряходить?
Пиряходить Митрушка,
За правую ручку пиряводить Марьичку:
— «Стой, ни шатайся,
За правую ручиньку хватайся».

58.

(С. Даньково Смол. у.).

Переходъ по дубовой, ольховой кладочкѣ съ суженой.

Зоринька вячерняя,
Сонника вясеньнія
Висако усхадила,
Даляко прасвятила
Тирязъ тёмныя лясочки,
Тирязъ щирыя барочки,
Тирязъ мохъ, тирязъ поля,
Да на синія моря;
Тамъ лижали кладычки,
Дубовыя альховыя;
Туды ишолъ а хто-нибудь,
Пирявёў каво-нибудь;
Туды ишоў Масеичка,
Пирявёў да Дарычку;
Пирявёўши, цалуить;
Пирявёўши, милуить:
— Серца маё, дый Дарычка,
Серца маё ретивая,
Ты сама састарила
И мяне састарила:
Бизъ ума аставила,
Бизъ вяликыга розума».

59.

(С. Даньково, Смол. у.).

Молодецъ перевозитъ дѣвицу чрезъ рѣку въ челнѣ.

Рѣчушка мала берижку варвала,
Малода Катичка кала рѣчки гуляла,
Кала рѣчки гуляла, пирявозу гукала:
— «Малодый Фядорька, падай пирявозу!»

Фёдыръ за вясельца:—«Садись маё серца»!
Фёдыръ за чаўночикъ:—«Садись, мой дружочикъ!»

60.

(С. Даньково, Смол. у.).

Черезъ рѣчушку рябинушка лижала,
Чернабыль, мыя быль, ина лижала;
А никто чирязъ рѣчку ни пярейдить,
Ай кукареку питушокъ ни пярейдить.
Пiряшоў, пирѣхыў дай Ваничка.
Пирявёў, пирявёў дай Дуняшу;
Пиряйшоўши жъ, яны рѣчи гаварили:
— «А ради жъ ты мнѣ сына Кастянтина!»
— А ў каго жъ мой сыночекъ урадиўся:
Мизъ царёў мой сыночекъ—якъ царёчекъ;
Мизъ паноў мой сыночекъ—якъ паночекъ!

61.

(С. Даньково, Смол. у.).

Ранній восходъ солнышка. Женихъ взъѣзжаетъ на теремъ и возводитъ съ собою невѣсту, несмотря на запрещеніе отца.

— Ты взыйди, жарка сонійка, ранинька,
Ой люли, да лялёшиньки, раниньки!
— Ты ўзъѣдь, ты, Масеичка, на теримъ,
Узвяди дый Дарычку зы сабою!
— «Ни вялить да мнѣ батюшка ўзъижжать,
Ни вялить выраныхъ коній тарбувать!

62.

(С. Даньково, Смол. у.).

Дѣвушка сѣетъ изъ рукава сѣмечко. Молодецъ, не смотря на запрещеніе матери, возводитъ съ собою на высокій теремъ дѣвушку.

Па гарѣ да я, молыда, хадила,
Зъ рукавоў да я сѣмечка сѣяла.
— «Усхади, маё сѣмечка, частенька!...
Ты ўзъѣдь, Митрыфаничка, на терёмъ,
Узвяди да Лукерьючку за сабою!»
— Радъ бы на високъ теремъ ўзъѣхать,
Не вялѣла да мнѣ матушка ўзъѣжжать,
Не вялѣла вароныхъ коній тарбавать.
Я жъ таки сваей матушки ня слышаў,
Гасударыни ня слышаў,

Я жъ таки на високъ терёмъ ўзъѣхаў.
Охъ, матушка мыя, гасударыня, извиняйтя,
Што я на високъ терёмъ ўзъѣхаў!

63 а).

(Село Иньково, Порѣчск. у.).

Сѣрый селезень отлучаетъ отъ стада сѣру утицу и ведетъ съ собою, молодецъ уводитъ дѣвушку изъ танка за правую ручку.

Ай, па морю, морю, морю синиму,
Тамъ плавали вутки, тамъ плавали ширы
А во я, во я, во я, мадада.
А йдѣ ўзяўся шизый сялезенька,
Іонъ ўзяў утку за правыя крыло, за сизыя пяро.
Закрякали утки, закрякали шѣры.
—„Ни крякайтя, утки, ни крякайтя шѣры!
Кали Бохъ судить, и вамъ ета будить“.
Вой на улицы, улицы,
Тамъ гуляли дѣўки, тамъ гуляли красныи.
А идѣ жъ ўзяўся маладэй дятинка,
Іонъ ўзяў дѣўку за правую ручку,
За мезенъ пальчикъ, за золытъ перстинь.
Заплакали дѣўки, заплакали красны.
—„Вы ни плачьтя, дѣўки, вы ни плачьтя, красны!
Кали Бохъ судить, и вамъ ета будитъ“.

63 б).

(Село Данького, Смоленск. у.).

Пб морю, морю синиму,
Тамъ плыветь, плыветь утей стада,
Напярёдъ плыветь утка чирычка.
Аткуль ўзяўся сизый силяэѣнь;
Іонъ ўзяў вутку за правыя крыльца,
За правыя крыльца, за быстрыя перья.
Што па улицы, а у насъ па широкей,
Тамъ идеть, идеть да дѣвыкъ танокъ,
Наперёдъ идеть маладая Катичка.
Аткуль ўзяўся маладэй Андрейка,
Іонъ ўзяў Катичку за правую ручку,
За правую ручку, за мязинный пальчикъ.
(Зап. отъ кр. Акулины Исаковой).

64.

(С. Даньково, Смоленск. у.).

Дѣвица подъ вербой черпаетъ воду, молодецъ дѣвицу проситъ дать коню воды.

На гарѣ верба, падъ гарой вада,
Тамъ дѣвица-красавица вадицу брала.

Дѣўка за ваду, парень за вёдры:
—«Пастой, дѣўка-красавица, дай каню вады!»
—Не магу я стать, каню вады дать:
Земля рòса, дѣўка бòса,
Дѣўка бòса, ноженьки знибять.

65.

(С. Даньково, Смоленск. у.).

Свиданіе у воды; мать молодца побуждаетъ къ женитьбѣ.

Вулица широкая,
Вòзира глубокая,
Люли, люли, глубокыя.
Молыдицъ кыня паиў,
Дяўчонка ваду брала.
—«Ты, дѣўка, дяўчонка,
Напой майго коника,
Напой майго коника,
Коника вароныга,
Ни парви пòвыда,
Пòвыда шаўковыя,
Груздила золòтыя, 2
Сдалеча привезина, 2
Дорыга заплочина, 2
Ванюши падорина».
Завидила матушка
Зъ висакòго терима.
—«А што жа ты, Ванюшка,
Што жа ты ня женисься,
На каго надѣисься?»
—Надѣюсь на дѣвушку,
Ажанюсь на дѣвушки.

66.

(С. Даньково, Смоленск. у.).

Дѣвушка сѣетъ изъ рукава сѣмечко съ приговорами объ миломъ и немиломъ. Нелюбый тяжелъ на рукѣ, какъ камень; любый легокъ, какъ перо.

Па гарѣ да я, молыда, гуляла,
Ай да люли, ай да люли,
Зъ рукуўка да я сѣмечка сѣяла,
Сѣеўши, да я словичка мувила:
—«Не ўсхади, маё сѣмичка, частенька!
Не ў люби я зъ миленькимъ живала.
Ай тяжолъ бѣлый камень на вадѣ,—
Тижалѣй мой нялюбый на руцѣ!..»
Па гарѣ да я, молыда, гуляла, и т. д.
—«Узыйди, маё сѣмечка, частенька!
Ой ляхко бѣла пяро на вадѣ,
Ай лягчѣй мой миленькій на руцѣ!»

67.

(С. Даньково, Смоленск. у.).

Чижичекъ правду говоритъ о слезахъ дѣвицы, идущей замужъ за старого,—о радостяхъ дѣвицы, идущей замужъ за молодого.

А я жъ былъ ти ня чижичикъ,
Я жъ былъ ти ни маленькій?
Чижикъ, чижикъ, чижанька мой!
Палятѣў на мори,
Сѣлъ сабѣ на явòри,
Чижикъ, чижикъ, чижанька мой!
Іонъ сталъ щебетать,
Усю праўду казать,

Якъ дѣвица плачеть,
Я жъ былъ ти ни маленькій?
Якъ дѣвица скачеть,
За роўныга йдучи:
—„А ты съ маладостью,
А я съ красатостью!“

68.

(С. Даньково, Смол. у.).

Три сада: въ одномъ—соловей, въ другомъ—кукушка, въ третьемъ—дѣвица плачетъ, за стараго идучи.

Падуй, вѣтричикъ, тихенькій, тёплинькій,
Ой люли, люли, тихенькій, тёплинькій,
Тихенькій, тёплинькій—зъ маей стыраны!
У майго батюшки три сады зиляныхъ:
Въ первымъ садику какуша какуить,
Въ другомъ садику салавей щабечить,
Въ третьимъ садику дявица плачить.
Какуша какуить—ў щиръ боръ ня хочить,
Сылавей щабечить—да ў лугъ ня хочить,
Дявица плачеть—замужъ ня хочить,
Замужъ ня хочить за старага идить,
За старага идучи, на младога гледючи.

69.

(С. Инько̀во, Порѣчск. у.).

Пчела, летя черезъ три поля въ зеленые луга, слышала, какъ дѣвица плакала, идучи за стараго, и радовалась, идучи за ровнаго.

— Ты, пчала мая, мая пчолынька,
Пчала ярая, лятучая,
А дѣ ты, пчала, лётывала?
— «Я лётывала, палётывала
Черизъ три поля, ў зяленыи луги».
— Кабы што, пчала, слышивала?
— «А слышила, паслышила:
У тирямочку дѣўка плакала,
За старага замужъ идучи:
Старый мужъ — спагубитиль мой,
Спагубиў маю галовушку
Усё дявоччую красотушку,
Расплёў маю русу косыньку,
Разлиў мае гарючи слёзы
Па бѣлыму лицу, па бѣлыму, румяныму».
— Ты, пчала мая, и т. д.
— Кабы што, пчала, слышивала?
— « А слышила, паслышала:
У тирямочку дѣўка радалась
За роўныга замужъ идучи:
Роўный мужъ — звисялитиль мой,
Звисяліў маю галовушку,
Усё дявоччую красотушку,
Заплёў маю русу косыньку,
Іонъ утёръ гарючи слёзы
Па бѣлыму лицу, па бѣлыму румяныму».

70.

(С. Даньково, Смол. у.).

Вянетъ вѣнокъ на головѣ, ноетъ сердце при взглядѣ на нелюба.

Надъ рѣчкую кургонъ,
Надъ быструю кургонъ,
На кургони траўка, 2
На траўки тьвяточикъ.
Я тэй тьвятокъ, я тэй тьвятокъ сарву,
Сябѣ вянокъ саўю,
Ки'бѣдинки пайду,
Стану на притвори. 2
Гляну на прихожу:
Тамъ мой нялюбъ стаить,
Ва мнѣ серца ныить, 2
На мнѣ вянокъ вянить.

71.

(С. Даньково, Смоленск. у.).

Старый—нелюбъ, ровный—милый.

Якъ пайду я, мыя матушка, пу падъ лѣстю,
Щиплю, ламлю калиницу,
Сарву тьвятокъ лазорливый,
Савью вянокъ зъ разныхъ тьвятоў;
Звиўши вянокъ, на вулку иду.
На вулицы ўсё старыя.
Мой жа нялюбъ напѐриди,
Напѐриди ў кобзу йграить;
Яго кобза лубиная,
Яго смычокъ зъ долгыхъ лычокъ,
Яго струны мачульныя.
Якъ пайду я, мыя матушка, пу падъ лѣстю, и пр.
На вулицы ўсё роўныя.
Мой жа милой напѐриди,
Напѐриди ў гусли йграить;
Яго гусли мидянэя,
Яго струны шаўковыя,
Яго смычокъ вылысянэй.

72.

(С. Даньково, Смол. у.).

Насмѣшливое пожеланіе нелюбому, сожалѣніе объ утраченной молодости.

На дарогѣ, на шурокый сароки щякочуть,
Ай, тамъ маго нялюбыга сабаки валочать;
Валачили шкурутину, валачитя кости,—
Не сушитя, не крушитя маей мыладости!..
Какъ я была маладая, такъ я была рѣзва:
Наѣлыся агурцоў, три дни на печъ лѣзла.

73 а).

(Сельцо Крутиловка, Ельнинск. у.).

Дѣвки, молодухи не спятъ ночь, копаютъ колодезь, ищутъ „перебора" (серебра)—находятъ „калиновую вѣточку"; дѣвушка красотой превосходитъ находку.

Дѣўки, маладухи ўсю ночъ ни спали
Лёли, лёли, ўсю ночъ ни спали,

Усю ночъ ни спали, калодись капали,
Калодись капали, пирябору искали,
Нашли сирябро-калинывую вѣтычку.
Красна, хараша калинавая вѣтачка,
Краснѣй за таго Катька у матушки:
По двару ходить, ўвесь дворъ украшаить,
У сѣни ўвыйшла, ўсѣ сѣни зъявють,
У въ избу выйшла, быяри сидять,
Быяри сидять, на Катьку гледять,
Быяри паўстали, шапки сняли.

(Отъ Христёны Головнёвой).

73 б).

(С. Иньково, Порѣч. у.).

Дѣўки, мыладухи ўсяю ночъ ни спали,
  Охъ, люлюшки-люли, ўсяю ночъ ни спали,
Усяю ночъ ни спали, калодись капали,
Калодись капали, пирябору искали;
Нашли пиряборъ—калиную вѣтычку.
Красна, красненька калиная вѣтычка,
Краснѣй за таго Катька у батюшки:
На дворъ ўзыйшла, ўвесь дворъ украсила;
На ганки ўзыйшла, ганки зыблютца;
А ў святличку взышла, быяри дивютца;
Быяри паўстали, шапки паўсняли,
Шапки паўсняли, да пытати стали:
— «Дѣўка, дѣвица, ты якога роду?»
— Роду вяликыга, батьки багатуга.

73 в).

(С. Даньково, Смол. у.)

Дѣўки, мыладухи ўсю ночъ ни спали,
Усю ночъ ни спали, калодись кыпали,
Калодись кыпали, пирябору искали;
Нашли пиряборъ—калинывую квѣтычку.
Красна краска, калинава квѣтачка,
Краснѣй за таго дѣвушка у батьки.
На ганки ўзышла, ганки abламила,
А ў сѣнцы ўвыйшла, сѣнцы асвятила,
А ў въ избу ўвыйшла, быяриў ўзбудила:
Быяри ўстали, шапки пысняли,
Шапки пысняли, кубки наливали,
Кубки наливали, дѣвушку частували:
Дѣвица ня пьеть, батюшки атдаеть.

(Отъ Матрены Михалёвой, родомъ изъ с. Плоскаго, Смоленскаго уѣзда).

73 г).

(С. Иньково, Поречь. у.).

Ай, дѣўки, жонки пирякопъ капали,
Пирякопъ капали, пирябору искали;
Нашли пиряборъ—Аўдуську у батьки.
А ина бѣленька, якъ билянычка;
Ина бодринька, якъ паненычка;
Па двару идеть, якъ пава плыветь;
У сѣни ўлѣзла—сѣни скрасила;
На ганки ўлѣзла—ганки абламила;
А ў избу ўвыйшла—ўси баяри паўстали,
Шапки пасняли, паклоны атдали;
Адинъ дятинка съ лаўки ни ўсталъ,
Шапки ни снялъ и паклону ни'тдалъ.

74.

(С. Даньково, Смол. у.).

Князь Василій сорвалъ вѣночекъ съ дѣвушки и отдалъ его сосѣднимъ парнямъ; восхваленіе дѣвушекъ своего села, порицаніе—сосѣдняго.

Зы гарою громъ загримѣў
  Громъ загримѣў,
Надъ гарою дождикъ пашоў,
  Дождикъ пашоў.
Што ў дуброви 2
  Стучить, грючить? 2
Князь Василій 2
  Теримъ рубить. 2
Журлива мать 2
  Дочку журить: 2
— «Идѣ, к..ва дочъ, 2
  Вѣнчикъ дѣла?» 2
— Сырваў, мати, 2
  Князь Василій, 2
Атдаў, мати, 2
  Митюлёўскимъ. 2
Ихъ галовы, 2
  Якъ памёлы, 2
Ихъ рубашки 2
  Пасканнэя, 2
Ихъ платочки 2
  Пинькавэя. 2
За гарою громъ загримѣў, и т. д.
  — «Идѣ, к . . ва дочъ, 2
Вѣнчикъ дѣла?» 2
  — Сняў жа, мати, 2
Князь Василій, 2
  Атдаў дѣўкамъ 2
Даньныўскымъ. 2
  Ихъ галовы, 2
Якъ макаўки, 2
  Ихъ рубахи 2
Кужельныя, 2
  Ихъ платочки 2
Клянкорывы. 2

75.

(С. Даньково, Смол. уѣзда).

Старый и ровный уговариваютъ дѣвицу каждый за себя замужъ.

Туда и сюда ўсё крутая гара,
На тэй гарѣ ўсё шаўковая трава,

На тэй травѣ ходить конь варанэй.
Старый кыня сутриноживаить,
Красную дѣўку падгавариваить:
— «Красная дѣўка, ти пойдешъ за мяне?
Буду, дѣўка, пирагами кармить,
Буду, дѣўка, ўсё сытою паить!»
— Мнѣ тваихъ пирагоў якъ ня ѣсть, дакъ ня ѣсть,
Сыты твоей якъ ня пить, дакъ ня пить,
Мнѣ съ табою якъ ня жить, дакъ ня жить!
Туда и сюда ўсё крутая гара, и пр.
Роўный кыня сутриноживаить,
Красную дѣўку падгавариваить:
— «Красная дѣўка, ти пойдешъ за мяне?
Буду, дѣўка, чорнымъ хлѣбымъ кармить,
Буду, дѣўка, ўсё вадою паить!»
— Мнѣ твайго хлѣба якъ и ѣсть, дакъ и ѣсть,
Мнѣ тваю ваду якъ и пить, дакъ и пить,
За табою якъ и быть, дакъ и быть!

76.

(С. Данькова, Смоленск. уѣзда).

Старый, ровный, малый зовутъ дѣвицу подъ бѣлъ шатеръ шелковый.

За гарою громъ загримѣў,
На падоли дождикъ пашоў,
Змачиў дѣўку чернабрыўку.
Старый завѣть падъ свой шатёръ:
— «Хади, дѣўка, падъ мой шатёръ,
Падъ мой шатёръ, падъ шаўковый!
— Хуть я змякну, дыкъ ни пайду!
За гарою громъ загримѣў, и т. д.
Малый завѣть падъ свой шатёръ и пр.
— Хуть я змякну, дыкъ ни пайду!
За гарою громъ загримѣў, и т. д.
Роўный завѣть падъ свой шатёръ и пр.
— Вотъ я пайду падъ твой шатёръ,
Падъ твой шатёръ, падъ бѣлинькій!

77 а).

(С. Данькова, Смоленск. уѣзда).

Гуляла молода день до вечера и потеряла золоты ключи. Малый, ровный, старый ищутъ ключей, старый находитъ ихъ къ огорченію дѣвицы.

Гуляла я, молыда, день да вечира,
Ой лялё, лялё, день да ве...

Патиряла я, молыда, залаты ключи,
Ой лялё, лялё, залаты...
Залаты ключи, съ терима йдучи.
Ой лялё, лялё, съ терима...
Хто ключи знайдеть, за таго пайду.
Ой лялё, лялё, за таго...
Маленькій пашоў, ключоў ни знашоў,
Ой лялё, лялё, ключоў ни знашоў.
Роўнинькій пашоў, и той такъ пришоў,
Ой лялё, лялё, и той такъ...
Старинькій пашоў, ключики знашоў,
Ой лялё, лялё, ключики знашоў.
Ни хатѣлыся за старо̀га йдить,
Ой лялё, лялё, за старо̀...
Мнѣ хатѣлыся за раўнѣйшига,
Ой лялё, лялё, за раўнѣй...
За раўнѣйшига, за младѣйшига!

77 б).

(С. Даньково, Смоленск. уѣзда).

Та же тема, съ распространеніемъ: дѣвица старается уйти отъ стараго посредствомъ превращеній.

Гуляла я, молыда, день да вечира,
Ой лялё, лялё, день да вечира, и т. д.
Хто ключи найдеть, за таго пайду:
Маленькій найдеть, я й за малыга,
Старенькій найдеть, я й за старыга,
Роўненькій найдеть, я й за роўныга.
Маленькій пашоў, ключей ни нашоў,
Роўненькій пашоў, ключей ни нашоў,
Старенькій пашоў, ключики знашоў.
Мнѣ за старыга ни хатѣлыся,
Ни за старыга, ни за малыга,—
Мнѣ хатѣлыся йдить за роўныга.
Идѣ я ня буду, старыга збуду!
Скинуся я, молыда, ў поли краскыю,—
Старый за мною зъ вострыю касою;
Скинуся я, молыда, на́ мыри вуткыю,—
Старый за мною камянёмъ въ ваду.
Канень потанулъ, лодка выплыла.

78.

(С. Иньково, Порѣчск. у.).

Въ челнѣ, по быстрой рѣчкѣ, плыветъ дѣвица съ опасностью утонуть; ни отецъ ни мать ея не спасаютъ, а только милый.

Ай, па рѣченьки, рѣчки,
Да па быстренькій рѣчки,
Тамъ плыветь малюванъ чавенъ.
У томъ шаўнѣ дѣўка,

У томъ шаўнѣ красна.
Ина съ шаўномъ спиралася:
— «Ай, сукинъ сынъ чавенъ,
Ай, ня'тецкій сынъ чавенъ!
Каба ня то сельца,
Да ня Божія дреўца,
Пашла бъ я камянемъ на дно,
Пашла бъ я камяницыю!»
Мой батюшка чуить,
Мой родниинькій чуить,
Мине ни рятуить.
Ай, па рѣченьки, рѣчки, и т. д.
Мая матушка чуить,
Мая родная чуить,
Мине ни рятуить
Ай, па рѣченьки, рѣчки, и т. д.
Мой миленькій чуить,
Мине и рятуить.

79 а).

(С. Даньково, Смоленск. уѣзда).

Уточка-чирочка залетываетъ далеко, за темны боры, заноситъ вѣночекъ: дочка уходитъ тайкомъ отъ строгаго отца; зазвавъ молодушекъ и нанявъ скомороховъ, она гуляетъ въ веселой компаніи ночь до свѣта и до поздняго обѣда.—Тема можетъ и распространяться по вопросамъ: гдѣ кому спать? чѣмъ кого будить? съ выраженіемъ особаго предпочтенія дѣвушкамъ передъ стариками, старухами, молодками и парнями.

А ты, вутычка, чирычка, чирычка,
Да люли, люли, чирычка, чирычка,
Ни залётывай далёка, далёка,
Ты за щирыя барочки, барочки,
Ни за тёмныя лясочки, лясочки,
Ни занашивай вяночка, вяночка!
А мой батюшка грозинъ быў, грозинъ быў:
Ни пускаить мяне на вулку, на вулку,
Хатя жа пусьтить,—позниинька, позниинька:
Усѣ дѣвушки розниинька, розниинька,
Маладушички двору йдуть, двору йдуть,
Скамарошикыў ўсѣхъ вядуть, ўсѣхъ вядуть.
А я дѣвушикъ зазаву, зазаву,
Маладушичикъ запрашу, запрашу,
Скамарошикыў ўсѣхъ панайму, панайму,
Я буду гулять ўсю ночку, ўсю ночку,
Я да самыга да свѣту, да свѣту,
Я да позныга да 'бѣда, да 'бѣда!

79 б).

(С. Иньково, Порѣчск. у.).

А ты, вутычка-чирычка,
Ни залятывай далёка,
Ни занашивай вяночикъ:
Намъ вяночикъ надаби.
Наша Аўдуська малинька
Захатѣла замужъ раниинька.
Яе батька ни багатъ:
Ей вяночка ни купить
И на вулицу ня пустить;
Хуть и пустить—позниинька:

Уси дѣвычки розниньна,
А маладушки зъ вулки далоў.
А я дѣвушикъ запрашу,
Па капеичку заплачу;
Спаемъ пѣсни у расхотъ,
А йдѣ каму начувать?
Старымъ старикамъ падъ асеть,
Маладымъ малодкамъ ў клѣти,
А дитюкамъ на нашлегъ,
А дѣвычкамъ ў тирямѣ.
Чимъ каго прабужать?
Старыхъ старушикъ пумяломъ,
Старыхъ старикоў таўкачомъ,
Маладыхъ малодакъ карбачомъ,
А дитюкоў палѣнамъ,
А дѣвычки пусть паспять.

79 в).

(С. Самохотовка, Смол. у.).

Мы станимтя, дѣўки, ў карагодъ,
Мы спяемъ пѣсню ў расходъ,
А дѣ каму ночку начувать:
Краснымъ дѣўкамъ на тярёмъ, на тярёмъ,
А рибятушкамъ падъ тярёмъ, падъ тярёмъ,
Старымъ бабамъ на печи, на печи,
Маладушичкамъ у клѣти, у клѣти.

80 а).

(С. Самохотовка, Смол. у.).

Обращеніе ведеръ камнемъ, почопочекъ—леденемъ, жемчугомъ, коромыселъ—яворомъ, самой молодой—вербою, яблонью, чтобы не достаться старому.

Пайду, млада, пу ваду, пу ваду, пу ваду,
Кину вёдры падъ гару, падъ гару, падъ гару,
Станьтя вы, вёдры, камянёмъ, камянёмъ, камянёмъ,
А пачопычки лидянёмъ, лидянёмъ лидянёмъ,
Каромисилъ яварóмъ, яваромъ, яваромъ,
А сама млада вéрбаю, вербаю, вербаю
Надъ быстраю рякою, рякою, рякою,
Надъ шурокый дарогуй, дарогуй, дарогуй.
Туды ѣхали купцы-таргаўцы, таргаўцы, таргауцы,
Стали вербу сѣчъ-рубить, сѣчъ-рубить, сѣчъ-рубить,
Тонки гусли тисать, тисать, тисать.
Пойтя вы, гусли, жалысна, жалысна, жалысна,
Якъ дѣвица плакала, плакала, плакала,
За старóга идучи, идучи, идучи,
На роўныга гледючи, гледючи, глѣдючи.

80 б).

(С. Даньково, Смол. у.).

Пайду я, малада, по ваду,
Кину я вёдра подъ гару,
А каромысилъ на гару,
А пачопычки ў траву.

Станьтя вы, вёдры, камянёмъ,
А пачопычки яваромъ,
А каромысилъ зимчугомъ,
А сама малада вярбою
Надъ быстрыю рякою!
Пріѣхыли купцы-таргаўцы,
Стали тую вербу сѣчъ-рубить,
Тонкія доски тисати,
Звонкія гусли дѣлати.
Играйтя вы, гусли, жалыстна,
Якъ дѣвица плакала,
За старыга идучи,
На маладога гледючи;
А сукинъ сынъ маладэй
Любиў дѣўку, дый ни ўзяў,
Шаўковыя хвустки пупадраў,
Залотыя перстни пулумаў,
Мяне, маладу, за сябе ни ўзяў!

(Запис. отъ Агафьи Ивчинковой).

80 в).

(Шаталово, Смол. у.).

Пайду, млада, по ваду, по ваду, по ваду,
Кину вёдры падъ гару, падъ гару, падъ гару,
Каромысилъ на гару, на гару, на гару,
Пачопычки, ў траву, ў траву, ў траву.
Станьтя, мае вёдры, камянёмъ, камянёмъ, камянёмъ,
А пачопычки земчугóмъ, земчугомъ, земчугомъ,
А каромысилъ явырымъ, явырымъ, явырымъ,
А сама млада вéрбыю, вербыю, вербыю
Надъ быстрыю рякою, рякою, рякою!
Ѣхали купцы-таргаўцы, таргаўцы, таргаўцы,
Стали тую вербу сѣчъ-рубить, сѣчъ-рубить, сѣчъ-рубить,
Тонкія доски тисати, тисати, тисати,
Звонкія гусли дѣлати, дѣлати, дѣлати.
— Играйтя, мае гусли, жаластна, жаластна, жаластна,
Якъ дѣвица плакыла, плакыла, плакыла,
За старыва идучи, идучи, идучи,
Да на маладога гледючи, гледючи, гледючи!
А сукинъ сынъ маладэй, маладэй, маладэй,
Што любиў дѣўку, да ни ўзяў, да ни ўзяў, да ни ўзяў,
Бѣлыя руки полумаў, полумаў, полумаў,
Залатэя пярстни пасымаў, пасымаў, пасымаў,
Бѣлая лицо цѣлуваў, цѣлуваў, цѣлуваў,
Сарафванъ мой пупадраў, пупадраў, пупадраў!

(Отъ дѣвочки Федосьи Абрамовой).

80 г).

(Сельцо Лѣтошники, Рославльскаго уѣзда).

Пойду, млада, по ваду,
Ай люли, по ваду,
Кину ведры падъ гару,
Каромисилъ на ряку:
— Стань, маи ведры, каминимъ,
Каромисилъ — явырымъ,
Сама млада — ябланню,
А дѣтки маи — яблачки!
Ѣхали купцы съ-падъ Тимья,
Сѣкли яблань падъ карёнъ,

Танки доски калоли,
Званки гусли дѣлали...*)
Душка жанушка мыя,
Ради сына дли мяне,
А дочерь дли сябе;
Учи сына грамати,
А дочерь шолкымъ шить.
Мы думали: граматникъ,
А іонъ-то жа лапатникъ;
Мы думали: шолкамъ шьеть,
А ана—тыми нитками,
Суровыми, здаровыми.

81 а).

(С. Медвѣдовка, Смол. у.).

Плачъ матери, сестры и жены по молодцу.

Ни ляти, стрѣла, выши горыда,
Ня бей, стрѣла, добрыга мо́лайца:
Па добрыму молыйцу не каму плакати:
Мать стара, сестра мала,
Жена маладенька—плакать стыдненька.
Мать плакала вѣкъ до́ вѣку,
Сестра плакала годъ до̀ гаду,
Жена плакала день да вечира,
День да вечира—плакать нечига.
Идѣ мать плачить, тамъ калодись;
Идѣ сестра плачить, тамъ рика бягить;
Идѣ жина плачить, тамъ раса стаить,—
Сонца выблеснить—раса высыхнить.

(Запис. отъ кр. Агафьи Ефимовой.)

81 б).

(С. Никола-Ядреичъ, Духовщ. у.).

Ни стриляй, стрѣлка, черезъ вулицу,
Ты стряльни, стрѣлка, ў добрыга молыйца.
У добрыга молыйца некаму плакать:
Мать стариныка, жина малыда.
А идѣ мать плакала, тамъ рѣка бягить;
Идѣ систра плакала, тамъ калодиси;
Идѣ жина плакала, тамъ рыса стаить.
Тымъ рѣчушкамъ сбѣгу нѣту
И тымъ калодисямъ выбыру нѣту;
Сонца выблеснить—раса высыхнить.

---

*) Слѣдующій отрывокъ спѣтъ вмѣстѣ съ предыдущей пѣснею, какъ часть ея.

81 в).

(С. Иньково, Порѣч. у.).

Ни ляти, стрѣла, теризъ улицу,
Ни забей, стрила, добра молыйца.
Па добрыму молыйцу некаму плакати:
Матка старинька, систра малинька,
Систра малинька, жонка молыда.
Идѣ мать плачить, тамъ рика тякеть;
Идѣ систра плачить, тамъ ручей бягить;
Идѣ жонка плачить, тамъ рыса стаить,—
Сонца выблеснить—раса высыхнить;
Маросъ выскачить—ручей вымерзнить;
Быстры рѣчухны пирясохнуть:
Родный матушки пиристану нѣтъ.
Ли калодися тамъ ляжить тѣла бѣлая.
Ой, нихто къ тѣлу ни приступитца,—
Приступилися да три ластыўки,
Панясли тѣла у царьковычку:
Сами дверички расчинились,
Сами званы зазванились,
Сами свѣчи затяплились—
Тѣла бѣлая схаранилась.

81 г).

(С. Данькóво, Смол. у.).

Ли калодися, ли стидёныга,
Ай люли, люли, ли стидёныга,—
Тамъ ляжить тѣла, тѣла бѣлыя,
Тѣла бѣлыя маладецкыя.
Нихто къ таму тѣлечку ни приступитца.
А злятѣлися да три ластыўки:
Первая сѣла ў згаловьикахъ,
Другая сѣла проти сердичка,
Третія сѣла ў бялыхъ ныгахъ.
А ў згаловьикахъ—то родныя матушка,
Проти сердичка—то сястриченька,
А ў бялыхъ ныгахъ—то жина яго.
А мать плакала а вѣкъ дò вѣку,
Сестра плакала да годъ дò гаду,
Жана плакала день да вечира.
Идѣ мать плакала, тамъ рика тякеть,
Идѣ сестра плакала, тамъ калодеси,
Идѣ жина плакыла, тамъ рыса стаить,—
Сонца выблеснить—рыса высыхнеть.

82 а)

(С. Иньково, Поръч. у.)

Ласточка, сидя на крестѣ, на куполѣ церкви, видитъ что дѣлается въ сосѣднемъ селѣ. Осмѣяніе дѣвокъ сосѣдняго села за ихъ поведеніе.

На гарѣ царькоўка, золытъ хрёстъ;
На томъ хрястѣ макыўка,
А на макыўки ластушка;
А сядить жа ина висока,
А видить жа ина далёка,
У тую дяреўню, ў Чирняны,
А што ў Чирнянахъ дѣитца?
Девить дѣвыкъ пузатыхъ,
А дисятая радила,
У Барокъ пу бабу хадила,
У Рыкашъ за кумымъ,
У Инькава за кумою;
У Инькави хрястили.
А чимъ завуть? Хрястёна.
А йдѣ лякжить? Пыдъ лаўкый.
Чимъ накрыта? Каряўкый.

82 б).

(С. Даньково, Смол. у.).

А на гарѣ церькыўка, церькыўка,
А на церькыўки главынька, главынька,
А на главыньки золытъ крестъ, золытъ крестъ,
А на крестику ластыўка, ластыўка,
Сядить ина висока, висока,
Видить ина далёка, далёка,
Што ў горыди дѣитца, дѣитца:
Девить дѣвыкъ брюхатыхъ, брюхатыхъ,
Дисятыя радйла, радйла.

82 в).

(С. Даньково, Смол. у.).

Пташка съ церковнаго купола видитъ, что въ одной деревнѣ родины и крестины, въ другой играютъ свадьбы, въ третьей мѣсятъ поминальные пироги—похороны.

А на горушки церкыўка, церкыўка,
А на церкыўки золытъ хрёстъ, золытъ хрёстъ,
А на хрёстику пташичка, пташичка,
А йна сядить висока, висока,
А йна глядить далёка, далёка,
Што ў Данькыви дѣитца, дѣитца:
Девить дѣвыкъ радила, радила,
А дисятыя хрястила, хрястила.
А на горушки церкыўка и т. д.
Што ў Фицоўки дѣитца, дѣитца:

Девить дѣвыкъ хуваютъ, хуваютъ,
А дисятыя пумирла, пумирла.
  А на горушки церкыўка и т. д.
Што ў Самахотаўки дѣитца, дѣитца:
Девить свадибъ играють, играють,
А дисятыю канчають, канчають.
  А на горушки церкыўка и т. д.
Што ў Шаталови дѣитца, дѣитца:
Девить дѣжикъ учиняють, учиняють,
А дисятую мясили, мясили.

83 а).

(С. Береснево, Духовщ. у.).

Летѣло деревцо черезъ село, въ томъ деревцѣ четыре окошка, подъ окнами четыре парня, каждый изъ нихъ держитъ по дѣвушкѣ: одинъ—паню, другой—царевну, третій—королевну, четвертый—поповну.

Да лятѣла диряўцо скрось наша сяльцо,
  Да люли, люли, скрось наша сяльцо.
Каба ў томъ диряўцѣ да цатыри вакошки:
А ў первымъ вакну Иванка сядить;
Въ другомъ вакнѣ Кандрашка сядить;
Падъ третимъ вакномъ Андрейка сядить;
Падъ цатвертымъ вакномъ Змитрушка сядить.
Иванка сядить—сябѣ паню дяржить;
Кандрашка сядить—цареўну дяржить;
Андрейка сядить—каралеўну дяржить;
Змитрушка сядить—папоўну дяржить.

83 б).

(С. Иньково, Порѣч. у.).

Ай, чиризъ сянцо да ляжить бирвянцо,
А ў тымъ бирвянцы да чатыри вакошки:
У первымъ вакошки Пятрушка сядить .. *)
  Ай, чиризъ сянцо да ляжить бирвянцо.
А ў тымъ бирвянцы да чатыри вакошки:
У первымъ вакошки Домнычка сядить... *)
Атонька ѣдить, дѣўку вязеть;
Андрейка ѣдить, паненку вязеть;
Пятрушка ѣдить, цареўну вязеть;
Ванька ѣдить, старчоўку вязеть—
Крупы драныи, куски ломаныи.

---

*) Замѣчается пропускъ: очевидно, долженъ слѣдовать перечень именъ. *Н. Я.*

84.

(С. Береснево, Духовщ. у.).

Два голубочка пролетѣли чрезъ два села: въ одномъ селѣ—богатые мужики, богато справляютъ свадьбы и ѣдятъ хорошо; въ другомъ селѣ—наоборотъ.

Вылитали 2
Да два галубоцка вылитали;
Сѣли—пали, 2
На калодиси сѣли—пали;
Пили—ѣли, 2
Што хатѣли, пили—ѣли;
Пиўши—ѣўши, 2
Палятѣли, пиўши—ѣўши;
Палятѣли, 2
Куда захатѣли, палятѣли;
У тоя сяло, 2
Сяло Вѣжицо, у тоя сяло;
Тамъ мужуки, 2
Усё скупыи тамъ мужуки:
Ядуть хлѣба, 2
Усё пушныя ядуть хлѣба;
Сыноў женють, 2
Дёгать гонють, сыноў женють;
Дацокъ атдають, 2
Смалу топють, дацокъ атдають.
Вылитали, 2... и т. д.
У тоя сяло, 2
Сяло Бересниво, ў тоя сяло.
Тамъ мажуки 2
Усё багатыи, тамъ мажуки:
Ядуть хлѣбы 2
Усё цыстыи, ядуть хлѣбы;
Сыноў женють— 2
Пива варють, сыноў женють;
Дацокъ атдають— 2
Пираги пякуть, дацокъ атдають.

85.

(С. Пречистое, Духовщ. у.).

Береза выросла „при дождикѣ", раскидывалась „при солнышкѣ"; дѣвица росла у матушки, красовалась у батюшки.

Бярезанька кудрявая,
Ты кали расла, кали вырысла?
—«Я расла при дождику, я расла,
Раскидывалась при солнышку, раскидывалась».
—Машинька, йдѣ ты расла, Машинька?
—«Расла я у матушки, расла я,
Красувалась у батюшки, красувалась».

86 а).

(С. Даньково, Смол. у.).

Кудрявая яблонь переходитъ въ садъ, простоявъ два года на лугу; дѣвушка изъ отцовскаго дома переходитъ въ домъ жениха.

—Яблынь мыя кудрявая,
Польна тибѣ ў лузи стыять,
Пара табѣ ў садъ пиряйдить,
У садъ пиряйдить, листья пусьтить.
—Стаю я годъ, стаю я другéй,
На третій годъ ў садъ пиряйду,
У садъ пиряйду, листья пущу.
—Ты, Катичка малóдая,

Польна тибѣ у батюшки жить,
Пыра табѣ замужъ идить,
Замужъ идить за двырянина,
За двырянина за младога.
—Нашъ двырянинъ читать — писать,
А я, млада, скакать—плясать.
Живу я годъ, живу другѐй,
На третiй годъ замужъ иду.

86 б).

(С. Самохотовка, Смол. у.).

Яблынь мая, (2) кудрявыя, (2),
Польна тибѣ (2) ў лузи стыять, (2)
Пыра тибѣ и т. д.
—Ты Катичка и т. д.
Пыра тибѣ, (2) замужъ идить, (2)
За двырянина, (2) за младога, (2)
—Годъ я ня йду, (2) другѐй ня йду, (2)
На третiй годъ (2)
Замужъ пайду (2)
Зы двырянина, (2) зы младога, (2)
Мой двырянинъ (2)
Читать—писать, (2)
А я, млада, (2)
Скыкать—плясать (2).

87 а).

(Д. Долгiя Нивы, Краснинск. у.).

Старыя бабы, ребята, дѣвушки изъ своей деревни восхваляются, а изъ чужой порицаются.

Охъ, ты, Семушка, Симiонушка,
Ты стругай стружки, ты пущай на ваду,
Падъ тэя падъ Доўгiя Нивы.
Тамъ рибятычки — ўсё цыганятычки,
А дѣвычки—ўсё цыганычки,
Старыя бабы—ўсё табашнички.
Охъ, ты, Семушка и т. д.
Падъ тоя сяло падъ Куликова.
Тамъ дѣвычки—ўсё паненычки,
А рибятычки—ўсё панятычки,
Старыя бабы—ўсё пирожницы

87 б).

(С. Егорье, Дорогобуж. у.).

Семушка, Симiонушка,
Застругай чалнокъ, пусти на моря
Падъ тоя сяло падъ Михайлоўская,
А ў тое дяреўню ў Ягорьева.
Тамъ дѣвушки—ўсё красавушки,
Малодушки—лябёдушки

87 в).

(С. Даньково, Смол. у.)

Ты, Сёмычка, Симiоничка,
Стругай стружки, на ваду пускай
Падъ тоя сяло, падъ Шаталава:
Тама дѣвычки, якъ варонычки,

Ихъ галовычки, якъ баронычки,
Ихъ рибятушки ўсё разбойнички:
Забили крысу съ крысинятами.
Ты, Сёмычка, Симіоничка,
Стругай стружки,—на ваду пускай
Падъ тоя сяло, падъ Данькава:
Тама дѣвычки, якъ лябёдушки;
Ихъ галовычки, якъ маковычки;
Ихъ рибятушки ўсё ахотнички:
Забили лося съ ласинятыми,
Панясли яны къ свайму пану;
Охъ, и ихъ жа жъ то панъ пажалуваў
Па сто рублей и па тысячу.

88 а).

(С. Даньково, Смол. у.).

Въ своей деревнѣ дѣвки бѣлы и румяны—не нужны имъ красила; въ чужой деревнѣ дѣвки черны, а имъ купчихи везутъ чернила; у нихъ короста, имъ везутъ бересту.

За лѣсымъ, лѣсымъ сабаки брешуть;
Купчанки ѣдуть, бялила вязуть.
— Данькаўськія дѣвычки, бяритя бялила!
— «На што намъ бялила? мы и такъ бѣленьки!»

88 б).

За лѣсымъ, лѣсымъ сабаки брешуть;
Купчанки ѣдуть, бярёсту вязуть:
— Фицоўськія дѣвычки, бяритя бярёсту!
— «На што намъ бярёста? у насъ и такъ кароста!»

88 в).

(С. Каблуково, Красн. у.).

За лѣсымъ сабаки брешуть:
Купчихи ѣдуть, 2
Чарнила вязуть Далги-Ниўскимъ дѣўкамъ.
— На што имъ чарнила?—яны й такъ чорны!
За лѣсымъ сабаки брешуть:
Купчихи ѣдуть, 2
Красила вязуть Каблукоўскимъ дѣўкамъ.
— На што имъ красила?—аны й такъ красны

89.

(С. Хохлово, Смол. у.).

1) Дѣвица шубку, юбку продала, себѣ друга нажила. 2) Насмѣшка надъ плохимъ нарядомъ парней сосѣдней деревни.

Дуня, Дуня, Дуня, ягыда мыя,
Шубку й юбку прадала,
Сабѣ друга нажила,
И-Ванюшу щегаля.

Между дѣвыкъ, между бабъ
Стаить Ваня кудреватъ;
Іонъ рѣчи гаварить
Ни пра дѣвыкъ, ни пра бабъ,
Всё пра Ябланьскихъ ребятъ,
Што Яблоньскіе ребяты
Нагала щегали,
Кашелики пупляли,
Сами ў міръ пубряли
И-мякинки прасить,
Штобъ палегчи насить;
Яны торбами трёхъ,
А сабачки ў брёхъ;
Яны торбами тряхнуть,
А сабачки бряхнуть.

90 а).

(Сельцо Шаталово. Смол. у.).

Насмѣшки надъ женихами: большая голова—верхъ затыкать, широкая борода—полъ выметать, кривыя ноги—жаръ загребать, ясные глаза—въ потемкахъ свѣтить. Также: шелудивая голова, плѣшивая борода, рѣдкіе зубы (кисель цѣдить).

Присваталися къ Арини да пятира жинихоў:
А у первыга жиниха вяликыя галава;
А у другога жиниха шурокыя барада;
А у третьтига жиниха да рѣдкіе зубы;
А у чатвертыга жиниха да ясные глаза;
А у пятыга жиниха да кривэя ноги.
Вяликая галава—да то верхъ затыкать;
Широкыя барада—да то полъ вымитать;
А кривэя ноги—да то жаръ загрибать;
А ясные глазы—да ў патёмку святить.

(Отъ Ѳеклы Бабарычихи).

90 б).

(С. Даньково, Смол. у.).

Сваталися дѣўку да чатыри жынихи:
А у первыга жыниха шелудива галава,
А у другóга жыниха пляшывая барада,
А у третьига жыниха да рѣдкія зубы,
А у чатвёртыга жыниха да кривыя ноги.
Кривыя ноги—да то жаръ загрибать,
А рѣдкія зубы—то кисель цадить,
Пляшивая барада—да то печъ вымитать,
Шелудива галава—да то верьхъ затыкать.

(Отъ кр. Матрёны Михалёвой).

91.

(С. Даньково, Смол. у.).

Дочка къ матушкѣ собиралася, тремя мылами умывалася.

А ў бару сасна калыхалася.
Дачка къ матушки сабиралася,
Трёми мылами умувалася,
Каторыя мыличка бялѣй мытца,

Бялѣй мытца и румянитца:
Ти Смаленская, ти Яленская,
Ти Яленская, ти Драгабужская.

Смаленьская мыличка бялѣй мытца,
Бялѣй мытца и румянитца.

92.

(С. Даньково, Смол. у.).

Батюшка и милый тонутъ; батюшку дѣвушка желаетъ спасти, милаго нѣтъ.

Узыйду, ўзыйду на̀ гару,
Гляну, гляну по̀дъ зарю,
Гдѣ мой милый топитца.
Тапи, Божа, милога
На смаляный кабыли!
Утапи, Божа, милога,
Узвярни, Божа, кабылу!

Узыйду, узыйду на́ гару,
Гляну, гляну подъ зарю.
Гдѣ мой батька топитца,
На варанэй кабыли.
Тапи, Божа, кабылу,
Узвярни, Божа, батюшку!

93 а).

(С. Даньково, Смол. у.).

Къ умирающимъ свекру и свекрови молодка ѣдетъ на клячѣ, а къ роднымъ спѣшитъ на ретивомъ конѣ

А ўчора зъ-вязора мнѣ вѣсь перипала,
Люлюшки, люли, мнѣ вѣсь перипала:
Свёкырька здыхаить, свякрова ўмираить.
Падайтя мнѣ, падайтя лянивыга коня.
А што жъ бы мнѣ ѣхыть, ня скора даѣхыть,
А што жъ бы мнѣ плакыть, ня ўсё переплакыть,
А ўчора зъ-вячора мнѣ вѣсь перипала:
Батюшка ўмираить, матушка канаить.
Падайтя мнѣ, падайтя праворныга коня,
А што жъ бы мнѣ ѣхыть, скоринька даѣхыть,
А што жъ бы мнѣ плакать, ўсё периплакыть.

(Отъ старухи Лукерьи Бѣляёвой).

93 б).

(С. Радошково, Ельнинск. у.).

Рѣдкій бярезникъ, стюдёный калодись.
Пришли ка мнѣ вѣсти, вѣсти невесёлы:
Батюшка умираить, матушка канаить.
А дайтя мнѣ, дайтя вароныга коня,
Малюваный вазочикъ, ряменную плетку,
Шаўковыю хвустку,
Штобъ мнѣ, маладенькѣ, ѣхать и даѣхать,

Идить и дайдить, слязу уранить,
Хустычку смачить.
  Рѣдкій бярезникъ, и т. д.
Свёкырька здыхаить, свякрова акыливаить.
А дайтя мнѣ, дайтя лянивую клячу,
Тяжолыя сани, лышную плётку,
Штобъ мнѣ, маладеньки, ѣхать не даѣхать,
Идить, ни дайдить, слязы ни уранить,
Хустычки ни смачить.

94 а).

(Краснинскій уѣздъ).

Приходъ свекра смущаетъ невѣстку за кроснами, приходъ батюшки содѣйствуетъ успѣху ея работы.

Ни лялѣй, вада, окыла [1]) горыда,
А ў томъ горыди Марья Паўлоўна,
Марья Паўлоўна красенцы ткала,
Пасярёдъ вила круги зо́лыты,
Па краяхъ вила чорныя собыли. [2])
— Марья Паўлоўна, свёкырька ѣдить!
Марья Паўлоўна улякнулася:
Круги золыты пасмишалися,
Чорныя собыли разбижалися.
— Марья Паўлоўна, батюшка ѣдить!
Марья Паўлоўна зрадувалася:
Круги золыты разабралися,
Чорныя собыли вси сбижалися. *)

94 б).

(Сельцо Крутиловка, Ельнин. у.).

Ни лялѣй, выда, кругомъ горыда,
  Ой люли, люли, кругомъ горыда. [3])
А ў томъ горыди Марья Паўлоўна,
Марья Паўлоўна красенцы ткала.
— Марья Паўлоўна свёкырька идеть!
Марья Паўлоўна улякнулася,
Зылаты круги пумишалися.
  Ни лялѣй, выда, и т. д.
— Марья Паўлоўна, батюшка идеть!
Марья Паўлоўна ўзрадувалася,
Круги золыты напраўлялися.

(Отъ Христёны Головнёвой).

---

*) Варіанты с. Злотова Ельнинск. у.: [1]) кругомъ, [2]) па краямъ вила чорныхъ собылиў.

[3]) Припѣвъ „Ой люли, люли!..“ послѣ каждаго стиха.

94 в).

(С. Самохотовка, Смол. у.).

Домна Паўлоўна красенцы ткала:
На чапёлычкахъ—пиряпёлычки,
А на краюшкахъ—гарнастаюшки.
— Домна Паўлоўна, свёкырька ѣдеть!—
Пиряпёлычки разлятѣлися,
Гарнастаюшки паразбѣжалися.
Домна Паўлоўна красенцы ткала, и т. д.
— Домна Паўлоўна, батюшка ѣдеть!—
Пиряпёлычки паслятѣлися,
Гарнастаюшки пупасбѣглися.

94 г).

(С. Даньково, Смол. у.).

Марья Паўлоўна красенцы ткала,
Красенцы ткала, пригаваривала:
— «На чапёлычки—пиряпёлычки,
На набѣлки—гарнастаички,
На прашерстычки—зылаты круги!»
— Марья Паўлоўна, свёкырька ѣдить!
Марья Паўлоўна старапилася:
Пиряпёлычки паразлятѣлися,
Гарнастаички паразбѣглися,
Зылаты круги пасмѣшалися.
— Марья Паўлоўна, батюшка ѣдить!
Марья Паўлоўна зрадувалася:
Пиряпёлычки паслятѣлися,
Гарнастаички пупасбѣглися,
Зылаты круги разабралися.

95 а).

(С. Береснево, Духовщ. у.).

Свекоръ ѣдетъ, журить будетъ пріуснувшую за кужелемъ невѣстку.

Ня дрёмъ дрема 2
Задримала,
Я й кужилу 2
Ни псувала.
Падъ кужелимъ, 2
Падъ бѣленькамъ,
Ты жъ ба дрима 2
Ни дримала,
Вой кужалю 2
Ни псувала.
— Праснись, дрима: 2
Свекаръ ѣдить,
Журьба будить,
Выйдить була 2
Паглядѣти.

95 б).

(С. Даньково, Смол. у.).

Ня дрёмъ дрема задримала;
Я дримала, кужиль пряла.
Свёкыръ ѣдить, журьбу вязеть,
Журьба мая часавая,
Гульня мая вѣкавая:
Пупридаю й пугуляю.

95 в).

(С. Даньково, Смол. у.).

Ня дрёмъ дрима 2
Задримала,
Кужель пряла.
— Прашнись, дрема: 2
Свёкаръ ѣдить,
Журьбу вязеть!
— Пайду выйду я за двери,
Пайду выйду за навыя:
Нонечи люди неправўдивы:
Ня чуючи, яны чують;
Ня видаўши, яны видють.
Журьба мыя вѣкавая,
Гульня мыя часавая!
Ня дремъ дрима и пр.
Батюшка ѣдить, гульбу вязеть.
— Пайду выйду и пр.
Гульня мыя вѣкавая,
Журьба мыя часавая.

96.

(С. Даньково. Смол. у.).

Свекоръ рано будитъ невѣстку и упрекаетъ ее за недосмотръ въ хозяйствѣ.

Мнѣ спать ни дають } 2
И дримать ни велять, }
И тольки што мнѣ велять
Патихоничку ступать.
Охъ, и свёкырька па сѣнюшкахъ пахаживаеть,
Сваю мыладу нявѣстку пабуживаить:
— «Ты ўстань-ка, нявѣстка, нигыдяйка мыя!
Ой, куры канопли павыкливали,
Ай, козы кычаньня павыглыдали,
Бѣлый кужалёкъ да нипряденый ляжить,
Ой, малыя дитя перирвалыся крича».

97.

(Д. Рудня, Ельнин. у.).

Сладка малиновая ягодка, горька калиновая,—сладко житье у батюшки, горько у свекра.

Лятѣла сарока черизъ мохъ-балота,
Ой лёли, лёли, черизъ мохъ-балота,

Ой, сѣла сарока на калинымъ кусти,
Склювала сарока калинвую яго́дку.
Горька, горька калиная яго́дка,—
Худа нявѣстки у свёкыра жить:
Поздниниька ляжить, ина раниниька ўстанить.
—«Уставай, нявѣстка, ўставай, нигадяй!
Бѣлъ кужиль ни пряденъ, красенца не тканы».
Лятѣла сарока черезъ мохъ-балота,
Ой сѣла сарока на калинымъ (sic) кусти,
Склювала сарока малинвую яго́дку.
Сладка, сладка малинвая яго́дка,
Слаўна, слаўна мнѣ у батюшки жить:
Раниниька ляжить, ина позниниька ўстанить:
— «Спи, спи, дачушка, спи, спи, какушка!
Бѣлъ кужиль пупрядинъ, красёнцы патканы».
(Отъ старухи Устиньи Абрамовой).

98.

(С. Даньково, Смол. у.).

Перебранка свекора съ невѣсткою изъ-за ея наряда.

А у насъ на улицы, а у насъ на широкій
Скакала, плясала нявѣстка младая,
Нявѣстка младая, кашуля танкая,
Кашуля танкая, шубычка навая.
Якъ завидилъ свёкыръ, якъ завидилъ лютый:
— «Патишы, нявѣстка, патишы, младая!»
— Не дёргайся, свёкыръ, не сморгайся, лютый;
Не твой мнѣ сынъ купилъ, не твой расканалья!

(Срв. стр. 55, № 90).

99.

(С. Даньково, Смол. у.).

Свекоръ посылаетъ невѣстку въ ночь за водой. Невѣстка даетъ свекору „полуношной“ воды; несогласіе съ мужемъ изъ-за деверей.

Былъ у мяне, мыладѣ, свёкырька лихей:
Пасылаить мыладу скрозь ночъ по ваду;
А я, мылада, да адна баюся,
Што ни такъ баюся, а што лянюся.
На тую пару пятухъ не пяеть,
Пятухъ не пяеть и гусакъ ни кричить,
А мой миленькій на нашлеги ляжить,
На нашлеги ляжить, да ў скрипку йграить.
«Ня бось, милая, черпай вадицу,
Черпай вадицу, да няси свёкару!»

— Да на табѣ, свёкырька, пулуношный вады:
Да вады напьёсься, къ свѣту обадмесься!
Вотъ мой миленькій па гароду ходить,
Па гароду ходить, канапельки сѣить;
А я, мылыда, ў слѣдъ хадила,
У слѣдъ хадила, канапли лядила,
Канапли ляшила, гулубей манила:
— «Лятитя, гулубейки, на мае канапельки,
Штобъ мнѣ, мыладѣ, пасканней не брати,
Пасканней не брати, девярёў не одѣвати!»

100 а).

(С. Данькови, Смол. у.).

Лихая свекровь задаетъ невѣсткѣ въ воскресенье трудныя работы.

Да у мяне, мыладѣ, да свякроўка лиха,
  Люлюшки, люли, да свякроўка лиха:
Зативаить мяне, мыладу, ў васкрясенья жлуктити,
У васкрясенья жлуктити, да на мори мыти,
На мори мыти, на дуби сушити,
На дуби сушити, на нёби катати.
Ти жидовычка жъ я, што ў васкрясенья жлуктити,
Да ти вутычка я, што на мори мыти?
Да ти ластыўка жъ я, што на дуби сушити?
Да ти звѣздычка жъ я, што на нёби катати?

100 б).

(С. Иньково, Порѣч. у.).

Ай, горя, горя, што ня родная мати,
  Ай люли, люли, што ня родная мати,
Загадала матушка чатыри дѣли:
Первая дѣличка—нядѣличку мачить;
Другая дѣличка—пасярёдъ моря мыть;
Третія дѣличка—па нёби катать;
Чатвертая дѣличка—па дубу вѣшать.
Ти цаганочка жъ я, што нядѣльку мачить?
Ти утычка жъ я, што сярёдъ моря мыть?
Ти зязюличка жъ я, што па дубу вѣшать?
А ти ластыўка я, што на неби катать?

101 а).

(С. Данькови, Смол. у.).

Свекровь бранитъ невѣстку, хвалитъ родную дочь.

На улицы бабы сядѣли, сядѣли,
  Сядѣли, у-ухъ!
Кулакомъ зямлю прабили, прабили,
  Прабили, у-ухъ!

Пра нявѣстушикъ судили, судили,
Судили, у-ухъ!
—«А мыя нявѣстка—нигадяй, нигадяй,
Нигадяй, у-ухъ!
Кужиль пряла—дримала, дримала,
Дримала, у-ухъ!
Кросны ткала - ирвала, ирвала,
Ирвала, у-ухъ!
По ваду пышла—плакала, плакала,
Плакала, у-ухъ!
А мыя дачушка дасужа,
Дасужа, у-ухъ!
Кужиль пряла—звинѣла, звинѣла,
Звинѣла, у-ухъ!
Кросны ткала—гримѣла, гримѣла,
Гримѣла, у-ухъ!
По ваду пашла—скакала, скакала,
Скакала, у-ухъ!»—

(Отъ старухи Матрены Антоненковой).

101 б).

(С. Береснево Духовщ. у.)

Бабы судятъ своихъ невѣстушекъ, матки хвалятъ своихъ дочерей.

На гарѣ бабы сядѣли,
Кулакомъ зямлю прабили,
Пра нявѣстушикъ судили:
— «Наши нявѣсты дурниньки:
Рана спатьки лажатца,
Аны позниньки ўстають,
Яны толстиньки напрядуть,
Яны рѣдиньки вызкуть,
Суровиньки выбилють.»

На гарѣ матки сядѣли,
Пра дацусикъ гаварили:
— «Наши дацушки умниньки:
Позниньки лажатца,
Раниньки ўстають,
Тониньки напрядуть,
Ай, цастиньки ткуть,
Ай, бѣлиньки выбилють».

101 в).

(С. Егорье, Дорогоб. у.).

На гарѣ бабы сядѣли,
Кулакомъ землю далбили,
Пра нявѣстыкъ судили:
Мая нявѣстка дурища,
Ленъ пряла—дримала,
Красенцы ткала—арвала.

Примѣч. На Благовѣщенье здѣсь бабы садятся кружкомъ на мялье, запасшись пирожками, и пирожками закусываютъ, распѣвая весеннія пѣсни.

101 г).

(Долгія Нивы, Красн. у.).

На улицы бабы сядѣли,
Кулакомъ землю прабили,
Пра нявѣстушикъ судили,
Што мыя нявѣстка нигадяй,
А дочка праворна:
Што у Бога день—то прыстѣнь,
Што у Бога день—нитычка,
А ў нядѣлю мычичка.

101 д).

(С. Иньково, Поръч. у.).

На гарѣ бабы сядѣли,
Пра нявѣстушикъ судили,
А дачушичку хвалили:
— Мая дачушка дасужка,
Што у Бога день—то прастѣнь;
Што у Бога нядѣлька—то кудѣлька.
А нивѣстка нигадяй:
Два дни, три дни—прасня нѣту.

102.

(С. Даньково, Смол. у.).

Насмѣшка надъ старыми бабами.

Улица мала, карагодъ виликъ:
Некуда вѣтру прахаладицца:
А ўсё за бабами, а ўсё за старами.
— Нутетка, бабы, нутетка, стары,
Па двѣ, па три ў ямку, а ў счотъ па чатыри
А ў счотъ па чатыри, штобъ черьви стачили!

103.

(С. Даньково, Смол. у.).

Жуки бабу завалили.

У поли на далини
Жуки бабу завалили
И рубаху падняли,
Прачуханку дали.

104.

(С. Шаталово, Смол. у.).

Мать посылаетъ дочь одну спать въ горенку, она идетъ искать милаго.
(Пѣсня новѣйшаго склада).

Пасылаеть мяне мать
А ў горенку адну спать.
Ни пайду я адна спать,
Пайду милыга искать.
Охъ, мой милинькій адинъ
При кампаніи гаспадинъ,
Пухаву шляпу сымалъ,
Са мной здраставался.
— Здрастуй, Саша, здрастуй, Маша,
Здрастуй, душинька мыя, 2
Дома ль маминька твыя?—
— «Нѣтъ ни папы, нѣтъ ни мамы,
Нѣту дома никаво,
Пализай, хвицеръ, въ акно!»
Ахвицеръ ручку пратянулъ,
Лакей плёткый стиганулъ:
— Ни маіорская честь
У вакошка къ дѣўкѣ лѣзть,
Калитычка на то есть,
Есть и сѣни, есть и двери,
Есть и новы варата,
Калитычка атперта.
— «Лажись, милый, ў калѣни:
Буду ў голыви капать,
Буду ў голыви капать,

Буду кудерьки часать;
Расчашу я русы кудри
Па па бѣлымъ па плечамъ,
Па бѣлымъ па плечамъ,
Па кисейнымъ рукавамъ.
Научи-ка, другъ Ванюша,
Какъ къ милому падыйдить!»—

— Ты скажи-ка, душа Маша,
Што я ў лѣсику была, 2
Грибки, ягыдки брала, 2
На рынычикъ насила, 2
Рубъ, цалковый ўзяла, 2
У карманчикъ ўклала, 2
Са рынычку вонъ пашла.

(Отъ Ѳеклы Бобарычихи).

105.

(С. Плоское, Смол. у.).

Дѣвушка зоветъ куманька въ гости въ свою хату „изъ лебеды" и потчуетъ его рыбкой. (Малор. мотивъ).

— Добры вечиръ, дяўчина, йдѣ живешъ?
Чаму мяне ў гостики ни завешъ?
— Тады тябе ў гостики пазаву,
Якъ свѣжинькій рыбы налавлю.
А вотъ мыя хата дли вады
Съ високыга дереўца съ либяды,
А свѣжая рыбушка акунёкъ,
Гуляй, гуляй, гостичикъ-куманёкъ!

(Отъ Матрены Лаврентьевой).

106.

(С. Даньково, Смол. у.).

Мать не можетъ удержать сына отъ гулянья на улицѣ.

Не пущала й Ваню мать на улицу пагулять 2
— Радимая й мая й мать, а табѣ мяне не ўнять, 2
Када я пашоў гулять, красныхъ дѣвыкъ спадманять:
Якъ удариў парень дѣвицу па бѣлыму лицу, 2
Іонъ па бѣлыму лицу, па румяный па щакѣ, 2
Па румяный па щакѣ, па сяребреный сярьгѣ.
Перядъ молайцымъ дяўчоначка расплакалася,
Ина расплакалыся, разманежилася:
— «Якъ я у батюшки была, дакъ я нѣжилася,
Я безъ мёду ѣсть ни стану, бизъ калачика ня зъѣмъ,
Безъ милога спать ни лягу, бизъ надёжи не ўвасну,
Увасну ся, не ўвасну на високамъ тирямѣ,
Гдѣ мушаки ни кусають, камарики не звенять.

107.

(С. Даньково, Смол. у.).

Ревнивая жена гонитъ мужа домой съ пира.

Загоняла да й пташечка салавья,
Ой люли, да лялёшеньки, салавья:

— Да лугу ты, саловьюшка, да лугу!
Ты ня клюй да ты ярыя пшаницы,
Ты ня пей ты крынишныя вадицы!
Заганяла ды й Дуничка Валодю:
— «Да дому, ды Валодинька, да дому,
Да дому, Микылаевичъ, да дому!
Ни цалуй чужихъ жонықъ ў пиру,
Пацалуй ты сваю жану ў даму,
У даму, ў високымъ ў тиряму!

108 а).

(С. Даньково, Смол. у.).

Жена собираетъ мужа въ дорогу и не велитъ ухаживать за чужими женами, не пьянствовать.

Зашумѣла дубровушка зелиная,
Заплакала малодушка маладая,
Сабираўши свайго мужа, мужа ў дарогу:
— «Ты ня ѣдь-ка, мой миленькій, въ чужую старонку,
Ты ня пей-ка, мой миленькій, горьку гарѣлку,
Не люби-ка, мой миленькій, чужихъ жоныкъ!
— Якъ ѣздиў часта ў чужую старонку, ѣздить буду,
Якъ и пиў я горьку гарѣлку, пить я буду,
Якъ любиў я чужихъ жоныкъ, любить буду!

108 б).

(Сельцо Лѣтошники, Рославльск. у).

У поли крыничинька ключивая,
Зли крыничиньки бярёзынька стыяла,
Тамъ малодка ваду брала,
А у ей бѣлая брярезанька у малодушки пытала:
— «Пачаму ты, малодушка, стара стала?
— Какъ жа мнѣ, малодушки, старый ня быть?
У мяне, у малодушки, дятей многа,
Дятей многа, и мужъ запиваить.
Я свайго мужа у дарожиньку сабирала,
Я свайму милыму приказывала:
— «Поѣдишъ ты, милый, ў дарожиньку—
Пьяна ни ўпивайся, въ бальшей сонъ ни кидайся,
Въ чужихъ жоныкъ ни ўлюбляйся.
Чаи-самавары—усё бяздворья,
Бальшой сонъ—низдароўя,
Чужи жоны—бизгалоўя.

109 а).

(С. Хохлово, Смол. у.).

Ревнивый мужъ не пускаетъ жену на улицу.

Вишни мае, вишни,
Ти ўсѣ дѣўки вышли,
Ти ўсѣ маладухи?
Адной Ганни нѣту:
Мужикъ не пускаеть,
Вароты запираеть.

(Отъ кр. Анны Семеновой).

109 б).

(С. Бересневo, Духовщ. у.).

Вишни мае, вишни, вишни зиляныя,
Ти ўсѣ дѣўки вышли, ти ўсѣ маладухи?
А ўсѣ дѣўки вышли, а ўсѣ маладухи.
Адной Хрузки нѣту—мужикъ ни пущаить,
У городи гуляить, вишни паливаить,
Вянки развюваить, дѣтушикъ унимаить.

109 в).

(Д. Рудня, Ельнинск. у.).

Ти ўсѣ дѣўки вышли,
Ти ўсѣ маладухи?
Аднэй Марьи нѣту 2.
Зачѣмъ же нѣту?
Макаръ ни пускаить,
Замкомъ замыкаить.
О ина была рѣзва,
Чирязъ тынъ пирялѣзла,
Саянъ разадрала,
Фартукъ патиряла.
А ўсѣ люди пашуть,
А уси скародють;
Макаръ сабакъ лупить,
Марьѣ саянъ купить,
Іонъ волысымъ шіить,
Іонъ голысымъ выить.

(Отъ Ульяны Кузьминишевны, 60-лѣтней старухи).

110.

(С. Радошково, Ельнин. у.).

Ревность стараго мужа.

Па зарѣ, па зорюшки,
Мой миленькій ходить,
Іонъ ў дудычки йграить:
У адну калинувую,
А ў другую малинувую.
Ты пайграй, мой миленькій другъ,
Развесяли маладу жану.
А у мяне, у маладеньки,
Старый старичища-й,
Сѣдая б.... барадища,
Не пущаить на игрища,
Хуть жа пусьтить, пригрустить;
Спать лажитца, іонъ щиплетца;
Уставаить, іонъ кусаить,

Мяне, младу, прабужаить:
— Устань, млада, прабудися,
На мяне, млайца, ни сярдися!
— «А я на тябе, млайца, ни сярдита:
Люблю тябе, какъ Улита».

111.

(С. Даньково, Смол. у.).

Старый мужъ не пускаетъ молодую жену на улицу гулять.

Вы, кумушки, галубушки,
Выхадитя на вулицу,
Гаваритя пасловицу!
А чей мужичокъ старичища,
Широкая барадища,
Самъ на вулицу ня ходить
И мене, младу не пускаеть,
Не пускаеть маладеньку
На вулицу пагулять
А хуть пусьтить на часочекъ,
Я гуляю ўвесь дянёчекъ, 2
Приду двору вечарочекъ,
Стукну ў ведры—вады нѣту;
Пайду млада за вадою,
Старъ гонитца вслѣдъ за мною.
—Права, старый, варатися,
Ты за мною ни ганися:
Впихну ў пролубъ галавою,
Сама астануся ўдавою,
Дѣти мае сиратою,
Распабѣдныю главою!

112.

(С. Иньково, Порѣч. у.).

Кудрявую вербу подмываетъ вода; молодуху угнетаетъ старый мужъ.

Кудрявая верба,
Ня стой надъ рякою:
Тябе вадой змыить,
Карення падмыить,
Листя обшарпаить.
Красная дяўчонка,
Ня йди за старыга замыжъ:
Старый будить битца,
—«Старый будить битца,
Я буду Богу малитца».

113.

(С. Плоское, Смол. у.).

Старый мужъ не пускаетъ молоду вечеромъ, она тайкомъ уходитъ, деверь прикрываетъ отъ брата ея похожденія

Прамизъ горъ въ варата,
Въ варотъ кустичикъ стаить
Дый арѣхавенькій,
А на арѣшинки арѣшики
Драбнёшенькія.
Хуть яны дробны,
Дыкъ ядрины.
А у мяне, у маладѣ,
Ды старенькій мужъ,
Ни пущаить маладу
Поздна вечера адну.
Ажо куры запѣли,
Я дамой ня йду,
А другея запѣли,
Я ня думала.
Чуть заря занялася,
А я двору паднялася.
Прихожу я ки двору,

Ходить девирь па двару.
—Охъ, девирь удалой,
Привяди мяне дамой!
—«А иди жъ ты, сныха,
Ты нябось никаго:
Старый жа спить,
Ды ня прошнетца,
Шурокая барада
Не варошнетца».

114 а).

(С. Даньково, Смол. у.).

Жена накинула мужу веревку и конецъ подала въ окно милому, который его задавилъ.

Прамезъ горъ въ варата, въ варотъ кустичикъ стаить, 2
Въ варотъ кустичикъ стаить, дый арѣхывенькій;
А на'рѣшинки арѣшики драбнёшенкія,
Хуть яны дробны, дыкъ ядрёны.
А у мяне, у мыладѣ, дыкъ старенькій мужъ:
Не пущаить мыладу поздна вечера адну.
Самапрялычку взяла, ў пасядѣлычки пашла.
Охъ, и куры папѣли, я дамой ня йду,
А другея папѣли, я ня думаю.
Чуть заря занялась, я дамой падняласъ;
Самапрялычку падъ лавычку, сама къ старыму.
—Ахъ, душка-жанушка, а идѣ жъ ты была?
—«Ужъ я рана ўстаю, хочу избу тапить,
Хачу избу тапить, круту кашицу варить,
Круту кашицу варить, тябе, старыга, кармить»!
Я на шеичку вярёвычку ўскидывала,
Й-а ў акошечка милому я канецъ падала:
—Ты тягни, тягни, милой, патихошиньку!
А пяньковый жа гужъ да ня порвитца,
У старыга шея пиряломитца,
Шуракая барада ни варохнитца,
Зубы выскалилъ, будта бъ смяетца,
Языкъ высулупилъ, будта бъ дражнитца.

114 б).

(С. Плоское, Смол. у.).

Прамезъ горъ въ варата, у варотъ кустичикъ стаить и т. д.
—«Ахъ, душка жанушка, а идѣ жъ ты была»?
—Старый ты чортъ, ты ва сну гаваришъ!..
Я рана ўстаю, хачу печицу тапить,
Хачу печицу тапить, круту кашицу варить.
Я на шейку вярёўку закидывала,
А въ вакошичка я милыму канецъ падала:

—Ты тягни, тягни, милинькій, патихошиньку!
Пяньковый жа гужъ ды ня порвитца.
Старый захрапѣў, слова спать захатѣў;
Зубы выскалиў, будта усмихаитца,
Глазы выпучиў. будта ўглядиўся ў каго,
Языкъ высалапиў, будто дражнить каго,
Нагами задрыбиў, будта чортъ задавиў.

(Отъ Матрёны Михалёвой).

115.

(С. Никола-Ядреичъ, Духовщ. у.).

Отношенія къ старому мужу, на мотивъ влр. „Во полѣ береза стояла".

Въ поли рябиница стыяла,
Въ поли кудрявая стыяла,
Ты рябиница мыя,
Раскудрявинькая,
  Раскудряў, кудряў, кудряў.
Пайду рябину залумаю,
Вырижу три пруточки,
Сдѣлаю три гудочка.

Вы, гудочки, пагудитя,
Старыга дѣда пабудитя:
—Ты ўстань, старый, спрашнися,
На-ка табѣ памойникъ—памыйся,
И заслонку—Богу пумалися,
Во тябѣ пумяло—ўватрися,
Во тябѣ сухарикъ—падавися!

116.

(С. Данькови, Смол. у.).

Жена мужа изсушила, заставила любить чужу-мужнюю жену, сама гуляла съ дворяниномъ.

Охъ, ты, зимушка зима, халадна очень была, 2
Всё крутила, ўсё мутила, ўсё мятелица мела,
Съ-падъ сырэй зямли кареньника павызныбила,
А харошая жана мужа высушила:
Расчисала кудри по буйнэй галавѣ,
Ина заставила хадить па чужой старанѣ,
Приняволила любитъ чужу-мужнію жану.
Чужая жана гасударыня была,
Свая шельма жана—палынь горькая трава,
Што палынь, што палынь, што й ў поли растеть.
А й ў поли, а иржи, ляжить мужъ на мяжи,
Іонъ лажить, іонъ лажить, іонъ никуды ни бяжить;
Тирязъ поля, поля, поля, пиряпелица лятить,
Ина лятить, ина лятить, пиряпырхиваеть.
Дварянъ, дварянинъ каравать гарадилъ,
Каравать гарадилъ, рукавицы позабылъ,
Рукавицы на палицы винакраденыя.
Са таго са вина салучалася бѣда,
Салучалася бѣда, загаралась слабада,
Загаралась слабада, саѣзжались гаспада;
Яны етыму пажару удиўлялися.

117.

(С. Даньково, Смол. у.).

Три невѣстушки звали золовушекъ ночь ночевать въ клѣточку орѣховую, на перину пуховую, подъ одѣяла шелковыя.

На улицы, на шурокій,
Ай люли, люли, на шурокій,
Јуляли три нявѣстушки,
Яны гукали заловушекъ:
—Заловушки, сястриченьки,
Хадитя къ намъ да начувать:
У насъ клѣтычка арѣхавая,
У насъ пярина пуховыя,
У насъ діяла шауковая!

118.

(С. Береснево, Духовщ. у.).

Краснымъ дѣвушкамъ вольно гулять, молодухамъ нѣтъ воли отъ мужа и дѣтей.

Вольна гулять, 2
Краснымъ дѣўкамъ вольна гулять;
Нѣту воли 2
Маладухамъ нѣту воли.
Маладухи 2
Да два маладёны, маладухи:
Первой маладёнъ 2
Ряўнивый мужъ, первай маладёнъ;
Другей маладёнъ 2
Да малыя дитя, другей маладёнъ;
Третій маладёнъ 2
Мужъ на кравати, третій маладенъ.
Мужъ на кравати 2
Вялить цалувати, мужъ на кравати;
Дитя мала 2
Нада калахати, дитя мала.

119 а).

(С. Даньково, Смол. у.).

Молодухѣ за работой нельзя погулять съ дѣвушками.

На вулки дѣўки гуляють и мяне гукають.
А у мяне, у маладѣ, да дѣличка многа:
Девить кароў да нядоиныхъ,
И дисятая приданка мыя
На вулки дѣўки гуляють и мяне гукають.
А у мяне, у маладѣ, да дѣличка многа:
Девить диварёў да ни разуваныхъ,
А дисятый жа да мой миленькій.

(Отъ Агафьи Ивчинковой).

119 б).

(С. Даньково, Смол. у.).

А съ-падъ вишенья да ручей тякеть.
А на улицы дѣўки гуляють

И мяне, младу, гукають.
А у мяне, младѣ, да дѣличка многа:
Девить дѣжикъ да ня мѣшиныхъ,
А десятая пшанишная;
Девить дивярёў да ни разувана,
А дисятый—мой миленькій.

120 а).

(С. Даньково, Смол. у.).

Дубьё виловато, братья виноваты: сами не навѣстятъ сестру въ чужихъ людяхъ, прислали только меньшого брата—несмысляя.

На гарѣ дубья вилуватыя,
  Ой лялё, лялё, вилуватыя,
Мае брахниньки винуватыя:
Атдали сястру ў чужея люди:
Атдаўши сястру, дый ня'твѣдають.
Прислали брахниньку самыга малыга,—
Ни яму сказать, ни у яго спрасить.

120 б).

(С. Даньково, Смол. у.).

Прежній мотивъ, съ распространеніемъ: жарко лицу предъ полымемъ, больно и трудно жить въ чужихъ людяхъ.

На гарѣ дубьё вилыватыя,
А у мяне братья виныватыя:
Атдали сястру ў чужея люди,
Атдаўши сястру, ды ни'твѣдають,
Прислали брата самыга малыга,—
Ни яму сказать, ни у яго спрасить.
— «Ты иди, братицъ, у тямны лясы,
Насяки, братицъ, три кастры дравóў,
Зыпали, братицъ, три кастры дравóў,
А ты стань, братицъ, ты къ агню лицомъ!
Икаво, братицъ, тваяму лицу,
Такаво, братицъ, у чужихъ людяхъ:
У чужихъ людяхъ нада жить умѣючи,
Жить умѣючи, разумѣючи,
Диржать голыву паклонную,
Ретиво серца пакорныя!»

121.

(С. Даньково, Смол. у.).

Сестра зоветъ брата въ гости.

А ў канцы гребли стаить верба зелина,
Люли, лёли, лялёшеньки, зелина.
Туды ѣхаў мой брахнинька роднинькій,
А я да свайго брахниньку прасила:
— «Заѣдь, заѣдь, мой брахнинька, ка мнѣ ў дворъ:
А іость у мяне стаканъ мёду, два вина!»
Ни заѣхаў мой брахнинька ка мнѣ ў дворъ.
Вячоръ были падружечки, гуляли,
И медъ, маю гарѣлычку пупили
И мнѣ, младѣ, назолушки задали.

122.

(С. Крутиловка, Ельнин. у.).

Отецъ въ гостяхъ у дочери.

Салавейка пташичка,
Салавейка пташичка, пташичка,
Ни литай ранинька, ранинька,
Ни литай ранинька,
Ни щибячи громкинька, громкинька,
Ни щибячи громкинька,
Ни буди-ка гостика, гостика,
Ни буди-ка гостика!
Въ мяне гостикъ дарагой, дарагой,
Въ мяне гостикъ дарагой,
Што батюшка родненькій, родненькій,
Што батюшка родненькій;
Вчора пришоў познинька, познинька,
Вчора пришоў познинька,
Сянни пойдеть ранинька, ранинька,
Сянни пойдеть ранинька,
Ня ждеть майго заўтрику, заўтрику,
Ня ждеть майго заўтрику,
Ни рянняга абѣду, абѣду,
Ни ранняга абѣду,—
Толька мой дворъ наслядиў, наслядиў,
Толька мой дворъ наслядиў,
Мяне, младу, разслязиў, разслязиў,
Мяне, младу, разслязиў.

(Отъ Христёны Головнёвой).

123 а).

(С. Шаталово, Смол. у.).

Перебранка тещи съ зятемъ; его укоры молодой женѣ за лѣность.

А хвалилася теща своимъ панымъ зятимъ,
Ай люли, ай лёшеньки, своимъ панымъ зятимъ.
— А у маго жъ то зятя ни уса, ни барады,

Ни вуса, ни барады, пи сахи, ни бараны.
Ахъ, и воўкъ саху нясеть, а мядвѣдь барану валакеть.
Якъ зачуў жа то зятька:—«Ахъ, ты, тещухна-матка,
Ни хвалися ты мною, пыхвалися дачкою!
А твыя жъ дачушка ина дасужа, прасужа:
Якъ пыставила крысна, такъ дивятыя висна;
Пынажи пыдъ лаўкыю, зарасли мураўкыю;
Охъ, и нитъ пыдъ загнетымъ, іонъ зацьвиў бѣлымъ тьвѣтымъ;
У ниту ни нитычки, а ў бярдѣ ни тростычки;
Чаўначёчикъ-гарюночикъ пирирваўся свищучи,
Пирирваўся свищучи, сабѣ утоку ищучи.»

123 б).

(С. Даньково, Смол. у.).

Выхвалялася теща сваимъ зятимъ и панымъ,
Люли, люли, лялёшеньки, сваимъ зятимъ и панымъ:
— «У майго жъ то зятя ни усоў, ни барады,
Ни усоў, ни барады, ни сахи, ни бараны.
Мядьвѣдь саху валакеть, а волъ *) барану валакеть».
— Ахъ, теща, ты, матка, ни хвалися ты мною,
Ни хвалися ты мною, пахвалися дачкою:
Да твая жъ то дачушка ина дужа дасужа:
Якъ паставила кросны—дивятыя висна;
А ў ниту ни нитычки, а ў бярдѣ ни тростычки;
Нитъ падъ загнетымъ, іонъ затьвилъ бѣлымъ тьвѣтымъ,
Панажи падъ лаўкыю зарасли мураўкую,
Чаўначокъ-гарюнокъ перервался кричучи,
Перервался кричучи, своей ткальли ищучи.

123 в).

(С. Радошково, Ельнин. у.).

Барывая ягыдка,
Што ў бару радилася,
На прибарычку расла.
Гарадская дѣвычка,
Што ў горыди радилася **) ..
Не ў пакрытую избу,
Не ў сагласную сямью;
Што ў тэй жа сямейки
Теща зятимъ вызвалялысь:
— «А у майго зятюшки
Ни вуса, да ни борыды,
Ни сахи, да ни борыны,
На дварѣ ни кадушички,
На сталѣ ни краюшички!»
— Ахъ, ты, теща, теща,
Ты, матушка мыя,
Ни хвалися ты мною,
Выхваляйся дачкою!
А дачушка дасужа
Да три стѣнычки напряла.
(Отъ Прасковьи Сафоновой).

*) Волкъ? *Н. Я.*
**) Дальше очевиденъ пропускъ. Срв. ниже стр. 162, № 1. *Н. Я.*

124.

(С. Пречистое, Духовщ. у.).

Лѣнивая пряха и беззаботная ткаля.

А я пряла три гады,
А напряла три цапы,
Я паставила красна—
И дивятая висна.
Мае бёрды й ня бердитца,
И мой токъ ни ўстаеть;
А ў маемъ жа ў ниточку
Курка гнѣздышка звила
И яечка нанисла,
Типлятъ высидила
И ўсѣхъ вывадила,
И ўсё питушочки.
Ай адинъ жа питушокъ
На стану сѣдя пяе́ть
И милыму спать ни даеть.
Вазьму жа я питушка
За правыя крылушка,
За лѣвыя ребрушка,
Ударю питушка
Абъ сыру зямельку.

125.

(С. Данькове, Смол. у.).

„Самодёрга" проситъ у кумы себѣ рубашку.

А йшоў Ванюшка гарою,
Іонъ нёсъ гусли падъ палою,
А ни ў шуби, ни ў жупани,
Тольна ў бѣлымъ балахони.
— Вы зайграйтя, мае гусли,
Взвеселитя самадёргу!
Самадёрги дома нѣтъ:
У сасѣда на ў бясѣди.
Кума къ кумѣ прихадила,
Рубашонычку прасила:
— «А дай, кума. рубашечку,
Хуть худую, ильяную!»
Кума кумѣ атказала:
— «Гуляй, кума, ни лянися,
Зъ ребятыми не вадися
Й на лавушки не лажися!»

Разыгравшаяся молодежь любитъ останавливаться въ пѣсняхъ на сатирическихъ темахъ, какъ это видно изъ многихъ предыдущихъ номеровъ. Отъ обычныхъ предметовъ осмѣянія: лѣни, неряшества, физическихъ свойствъ и т. д. молодежь нерѣдко переходитъ и къ другимъ, менѣе обычнымъ насмѣшкамъ, какъ напр. въ слѣдующихъ пѣсняхъ:

126 а).

(С. Плоское, Смол. у.).

Попъ и попадья.

Пастрою я хатчонку для бяды
Съ харошага дерева—съ лебяды.
Ну, не вырыстить выше лебяда,
Ну, не будить крашѣе попадья.
Счепянулся попъ — паподюшки нѣтъ!
Надѣваитъ попъ широкую рясу,

Идеть па улицы шукать патодюшку нашу.
Па улицахъ не знайшоў,
Зачапиўся рукавами, да й упаў.
Куда тябе, патодюшка, чортъ узяу?
За табою я ўсю рясу разадраў.
Приходить жа попъ у тэя начи,
Ляжить жа патодюшка на пячи.
(Отъ Ивана Мармоля).

126 б).

(С. Каблуково, Краснин. у.).

Какъ у нашига пупа
Пупыцьдя была лиха:
Пасылала йна пупа
У лѣсъ па драва,
А давала папу
Сякѣрушку тупу,
И сякѣрушку тупу,
И кабылушку ляниву:
Сякѣрушка ни сякеть,
Кабылушка ни вязеть,
Попъ галóсить и гудеть,
На сябе дровы вязеть.
Якъ у нашига пупа
Пупыцьдя была лиха:
Застаўляла пупа
И талочъ, и малоть,
И талочъ, и малоть,
Бизъ парткоў муку сѣить.
Попъ ж.... трясеть,
Муку на-розна нясеть;
Попъ ж.... виляить,
Муку ў кучу сабираить.

127.

(С. Данько̀во, Смол. у.).

Ѳома и Ярема.

А Ярёма да Хама
Радныя братя были,
Нука, нука, ну, ну ну,
Радныя братя были.
Какъ паѣдимъ, братъ Ярёма,
Мы ў горыдъ на базаръ.
А Ярёма купйў сучку,
А Хама кабиля.
Какъ паѣдимъ, братъ Ярёма,
Бѣлыхъ зайчикыў стрилять.
А Ярёма ни пупаў,
Хама коликымъ дастаў.
Какъ паѣдимъ, братъ Ярёма,
Бѣлу рыбицу лавить.
А Ярёма патануў,
А Хама за имъ балтунуў.

IX. СКАКУХИ, ИГРОВЫЯ И ДРУГІЯ ХОРОВОДНЫЯ ПѢСНИ.

(Продолженіе весеннихъ пѣсенъ).

Среди весеннихъ пѣсенъ къ излюбленнымъ принадлежатъ такъ называемыя «скакухи», хороводныя—съ изображеніемъ различныхъ фигуръ при вращеніи хоровода, съ представленіемъ въ лицахъ тѣхъ или другихъ дѣйствій или явленій изъ обыденной жизни, и вообще игровыя пѣсни. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ спеціальныя названія: «утушка», «лень», «селезень», «коршунъ», «воевода», «кривой танокъ», и проч.; другія представляютъ собою старинные мотивы: сѣяніе проса,

льна, отгадываніе загадокъ и т. д. Поются эти пѣсни преимущественно «святками», притомъ нѣкоторыя на двѣ артели.

128.

(С. Лѣтошники. Рославльск. у.).

„Утушка“, иначе „плетень“ Хороводная, игровая *). Дѣвушки становятся въ кругъ; съ противоположныхъ сторонъ къ этому кругу примыкаютъ два полукружія; дѣвушка, изображающая „утицу“, проводитъ своихъ „дѣтей“ изъ отверстія полукружія (ковратцы) въ отверстіе круга и изъ отверстія круга черезъ другой выходъ въ другое полукружіе. Тамъ утица и пляшетъ съ своими дѣтьми.

Ахъ, ты, вутушка сѣрая,
Правяди сваихъ дѣтушикъ
У амёти, ў патаки
Съ сахорный выстаки!

—

Заплятися, плятень, заплятися,
Ты завейся, труба мидяная,
Дагадайся, кума маладая!
Расплятися, плятень, расплятися,
Ты развейся, труба мидяная!..

129.

(С. Лѣтошники, Росл. у.).

„Утка, селезень и коршунъ“. Хороводная, игровая.—Дѣвушки составляютъ танцующій кружокъ; двѣ дѣвушки образуютъ воротцы, черезъ которыя проходитъ хороводъ; эти двѣ дѣвушки (селезень) отрываютъ по одной подругѣ; какъ останется одна „матка“, находящаяся въ центрѣ кружка, она прячется и ее дѣвушки ищутъ, дѣлая видъ, что матка украдена коршуномъ.

Утка ишла па берижку,
Сѣрая йшла па крутенькымъ,
Дѣтыкъ вела за сабою.
Падкрался силязень,
Ухватилъ два утёнка,
Ни бальшога, ни меньшóга,
Самыва сирядовова.

—

Вутень, вутень,
Да куды жъ намъ утечъ?

Кабы быстрая рѣка,
Залилась бы.

—

Вутень, вутень,
Да куды жъ ты 'тлиталъ:
Ти на топки балата,
Ти на вострый ножъ?

—

А, каршунъ, каршунъ,
Гдѣ наша, матка?..

130.

(С. Лѣтошники, Росл. у.).

„Лень“— игровая.— Въ правильномъ кругу становится дѣвушка —„лень“; „лéню“ подводятъ „старуху“ и „молодуху“; „лень“ отвергаетъ ихъ. „Леню“ подводятъ красную дѣвку; „лень“ схватываетъ ее за руку; тогда кругъ танцующихъ быстро суживается, и дѣвушки танцуютъ толпою, взявшись за руки; въ центрѣ толпы пляшетъ „лень“ съ дѣвкою.

Сядѣлъ та лень падъ коренемъ,
Сядѣлъ маладой падъ дубовымъ.
— Тяпло табѣ, лень, халадно маладому?
— «Ня'но тяпло, ня'но халадно.»—

---

*) Повидимому, здѣсь двѣ разныя игры. *Н. Я.*

— А, лень, хочешъ жанитца?—«Хачу».
— Вазьми старую старуху.—«На чорта мнѣ!»
— Маладую малодку?—«Въ воду сажать!»
— Красную дѣўку?—«Падай сюда!»

131.

(С. Лѣтошники, Росл. у.).

„Воевода“—игровая.—Молодухи и дѣвушки становятся въ два полукружія; оба полукружія отдѣляетъ небольшое разстояніе. Вмѣстѣ оба полукружія хоровода образуютъ фигуру. Содержаніе пѣсни срв. выше, стр. 62, № 101.

Па улицы (2) па широкей,
  Ой люли (2), па широкей,
Па мурави, па зяленый,
Сходилися тамъ малодки,
Малодушки маладыя,
Ихъ чолушки залатыя,
Гаварили ў адно слова:
— «Пайдемтя мы къ ваяводи»!
— Ваявода, сынъ гаспотскій!
Дай намъ воли надъ мужьями,
Штобъ бить мужьёў качирьгами,
Пасверьхъ таго памелами!

132.

(С. Лѣтошники, Росл. у.).

„Кривой танокъ“.—Три дѣвушки становятся на разстояніи одна отъ другой, образуя какъ бы три точки треугольника. Танцующіе сомкнутой цѣпью окружаютъ двухъ дѣвушекъ, стоящихъ въ точкахъ основанія этого треугольника, и движутся вокругъ, дѣлая изгибъ у третьей дѣвушки, стоящей внѣ цѣпи въ вершинѣ воображаемаго треугольника и называемой „столбикомъ“. Хороводъ при движеніи образуетъ фигуру подобную

Завяду, завяду,
  Ой лялё, ой лялё,
Кривой танокъ,
Растапчу (2) вязовы лапти,
Разазлю (2) пастылыга мужа.
Быть гастямъ, быть гастямъ—
Лѣташницкимъ мужикамъ.
А у ихъ кони (2) вараныи,
У ихъ шлеи (2) ременныи,
У ихъ узды (2) шалковыи.
  Завяду, завяду и т. д.
Быть гастямъ, быть гастямъ—
Рагнѣдинскимъ мужикамъ.
А у ихъ кони (2) шилудивыи,
У ихъ шлеи (2) ўсе пеньковыи,
У ихъ музды (2) мачульныи.

133.

(С. Лѣтошники, Росл. у.).

Князь Василій выбираетъ себѣ дѣвушку изъ хоровода на площади въ Кіевѣ.

У Кіеви (2) на площади,
  Ладо, Ладо, Ладо мае!
Тамъ дѣўки танки водють
У три палкй, ў чатыри.
Мима ѣхалъ князь Василій:
— «Бохъ вамъ помащъ, красныи дѣўки!»
Уси дѣўки атказали;
Ни 'тказала адна дѣўка,
Адна дѣўка—Праскутушка.
— «Добрыя дѣўка, добра красна!
Прижду дѣўку, прижду красну:
Быть за мною, слатямною!» (?)

134.

(С. Лѣтошники, Росл. у.).

Король гуляетъ около города и выбираетъ королевну.

Кала горада царева
Маладой кароль гуляить,
Каралеўню выбираить.
— Выбирай, кароль, иную,
Каралеўню маладую!

Растваритися, вароты,
Растваритися, широки:
Падыйди, кароль, панижи,
Пакланись, кароль, паближи,
Пацалуйся, памилуйся!

135.

(С. Даньково, Смол. у.).

Яночка (Ваня) принаряженный гуляетъ въ хороводѣ.

Да на улицы карагодъ, карагодъ,
  Да люли, люли, карагодъ, карагодъ,
А ў карагоди Янычка, Янычка,
А на Янычки шапычка, шапычка,
А ў шапычки платочекъ, платочекъ,
А ў платочку три узлы, три узлы:
Въ первымъ узлѣ бялила, бялила,
Въ другимъ узлѣ румяна, румяна,
Въ третьемъ узлу любила, любила,
Штобъ дѣвушки любили, любили,
А малодушки хвалили, хвалили,
А старыя бабы а учили, учили.

136 а).

(С. Даньково, Смол. у.).

Сѣяніе проса.

— Мы ляда прятали, прятали,
— Ой, мы ляда пахали, пахали,
— А мы проса сѣили, сѣили.
— Мы коній выпустимъ, выпустимъ.
— А мы коній паловимъ, паловимъ.
— А мы коній выкупимъ, выкупимъ.
— А што дадитя выкупу, выкупу?
— Дадимъ вамъ сто рублей, сто рублей.
— А не нада намъ сто рублей, сто рублей,
Ой, дайтя намъ тысичу, тысичу!

136 б).

(С. Береснево, Духовщ. у.).

То-же. Поется на двѣ артели.

А й мы ляда высикимъ,
Зеленая матя-дуброва,
Жоўтый твѣть!
А мы ляда вытирибимъ,
А мы ляда ўспряцымъ,
А мы ляда ўспашимъ,
А мы проса засѣимъ,
А наша проса ўзышла.
А мы каней успустимъ,
А мы каней паймаемъ,
А мы каней выкапимъ.
А што дастё выкапки?
А дадимъ мы вамъ вытапки.
Не нада намъ вытапки.
А дадимъ мы вамъ сто рублей.
Ни нада намъ сто рублей.
Дадимъ мы вамъ тысицу.
Ни нада намъ тысица.
Дадимъ мы вамъ дѣвушку.
Съ каторыга краюшку?
Съ правыга краюшку.
А мы пива варили,
А мы царя жанили,
Цареўну брали.
А вашъ жа царь курвяга,
А наша паня дурвяга.

136 в).

(Село Егорье, Дорогоб. у.).

— А мы ляда сѣчъ будимъ, сѣчъ будимъ,
Зиляно-й наша добрая,
— А мы ляда падбярёмъ,
— А мы ляда ўздярёмъ,
— А мы просу засѣимъ.
— А мы просу ўзрастимъ.
— А мы кони ўспустимъ.
— А мы кони загонимъ.
— А мы кони выкупимъ.
— А што жъ вы намъ дадитя?
— Мы дадимъ сто рублей.
-- Намъ сто рублей ни нада.
— Мы дадимъ тысичу.
— Намъ тысича ни нада.
— А мы дадимъ денюжку.
— Намъ денюжку ни нада.
— Мы дадимъ дѣвушку.
— Намъ дѣвушка нада.
У нашимъ палку прибыла.

137 а).

(С. Сухой Починокъ, Ельн. у.).

Молодецъ, иногда трое, загадываютъ дѣвицѣ три, четыре, пять, семь загадокъ.

Па траўки, па мураўки,
Шла дяўчонка;
За ею паринь ўдагонь:
— «Пастой, дѣўка, пастой, красна,
Загадаю пять загадыкъ:
Што жъ то растеть безъ кареньня,
Што жъ то цвитёть—цвѣту нѣту,

Што жъ то плыветь—слѣду нѣту,
Што жъ то лятить—ды бязъ крыльля,
Што жъ то шумить—ды бязъ вѣтру?»
— Каминь растеть бизъ кареньня,
Вада бягить—слѣду нѣту,
Сонца лятить—бязъ крыльля,
Салома шумить—бязъ вѣтру,
Мятлюхъ твитеть—твѣту нѣту.—
Красна дѣўка атгадала,
Парню глазы заплювала.

137 б).

(С. Иньково, Порѣч. у.).

Штобъ па траўки (3), па мураўки,
Ишла дѣўка (3) чернобрыўка;
За ей паринь (3) ўдагонь.
— «Пастой, дѣўка (3), варатися:
Загадаю все загадки, загадаю,
Загадаю семъ загадыкъ, загадаю!»
Дѣўка парню атказала:
— Атгадаю всѣ загадки, атгадаю,
Атгадаю семъ загадыкъ, атгадаю!
— «А што растеть бизъ карѐня?
А што бягить бязъ повада?
А што твитить бязъ твѣту?
А што чорна ни чарненая?
А што бѣла ни бяленая?
А што плачить—голыса нѣтъ?
А што жива—ни гаворить?»
— Каминь растеть бизъ кареня,
Вада бягить бязъ повада,
Пàпарить твитить бязъ твѣту.
Зимля чорна ни чарненая,
А снѣхъ бѣлый ни бяленый.
Конь плачить—голыса нѣтъ.
Рыба жива—ни гаворить.

137 в).

(С. Даньково, Смол. у.).

Гуляла я, молыда, кала горыда,
  Ой лёли, лёли, кала горыда,
Ай ў горыди мая матушка,
Мая матушка-парадитилка,
Парадила ина девятёхъ сыноў,
А десятую мянѐ, молыду.
Я, маладешенька, была разумнешенька:
Я пяти гадоў я избу мила,
Я шасти гадоў я ложки мыла,
Я сями гадоў по ваду пышла;
За мной молыдицъ, за мной бѣлинькій:
— Загадаю я да три загадки:
А што, што бягить дый бязъ повыда,
А што, што растеть дый бязъ кориня,
А што, што плачать дый бизъ слёзычикъ?
— «Вада бягить дый бязъ повыда,

Каминь растеть дый бязъ кориня,
Конь плачать дый бизъ слёзычикъ».

137 г).

(С. Даньково, Смол. у.).

Гуляла я, молыда, кала горыда,
Мыя матушка у горыди,
Парадила ина дивятёхъ сыноў,
А дисятую мяне, маладёшиньку.
А я, маладёшинька, дый умнёшинька:
Сями гадоў избу мила,
Девяти гадоў ложки мыла,
Десяти гадоў по ваду пашла.
На сустрѣчу ка мнѣ добрый молыдицъ,
Загадаў іонъ три загадычки:
— «Кали 'тгадаешь—замужъ вазьму,
Ни 'тгадаешь—галаву зрублю!
Первая загадка: бизъ павада̀ бягить,
Другая загадка: бизъ кариня́ растеть,
Третія загадка: бизъ галаса̀ кричить».
— Быстрая рѣчушка бизъ павада бягить,
Бѣлый камень бизъ кариня растеть,
Бизъ галаса кричить—варо̀ный конь.
— «Ну, вумница дѣвица—я замужъ вазьму!»

137 д).

(С. Самохотовка, Смол. у.).

При ў дарози (2) дяўчиница
Лянокъ брала, лянокъ брала,
Къ сыро̀й зямли (2) припадала (3).
— «Мать, сырая (2) ты зямелька (3),
Взила батьку (2), взила-й матку,
Вазьми-й мяне, мыладую,
Вазьми-й мяне (2), мыладую,
Якъ игрушу зиляную,
Якъ игрушу (2) зиляную,
Якъ яблыню салодкаю!»
  При ў дарози (2) дяўчиница
Пасеть кони, пасеть кони;
Пасеть кони (2), йна заснула (3);
Прашнулыся (2)—кони нѣту (3).
Пашла дѣўка (2) ў лѣсъ па дарожки,
У лѣсъ па широкій (2);
На сустрѣчу (2) три дварянины,

Три маладэя, три маладэя.
Загадали (2) три загадки,
Чатыри (sic) загадки (2),
«Атгадаишъ (2)—вазьмёмъ замужъ (3),
Вазьмёмъ замужъ, вазьмёмъ замужъ,—
Ни'тгадаишъ (2)—галаву снимемъ (3):
А што жъ ета (2) бизъ пувада йдеть (3)?
А што жъ ета (2) бизъ кариня растеть,
Бизъ кариня растеть, бизъ кариня ра...?
А што жъ ета (2) бязъ полъ гарить,
Бязъ полъ гарить, бязъ полъ га...?
А што жъ ета (2) бизъ галаса выить,
Бизъ галаса выить, бизъ галаса вы...?»
— Бизъ пувада йдеть (2) быстрая рѣчка (3);
Бизъ кариня растеть (2) бялой каминь (3);
Бязъ полъ гарить (2) ясная зорька (3);
Бизъ галаса выить (2) конь варо̀ный (3).
— «Атгадала (2) красная дѣўка,
Атгадала, атгадала!
Твае кони (2) на синёмъ мори (3),
Ядуть траўку (2) шаўкавую (3),
А пьють ваду (2) марявую (3)».

137 е).

(С. Пречистое, Духовщ. у.).

Ишла дѣўка симилѣтнія,
За ней парень ўдагони бяжить.
— «Пастой, дѣўка семилѣтнія,
Загадаю тебѣ пять загадыкъ:
А што жива—ни гаворить ничаво?
А што цвитить—цвѣту нѣтути?
А што плыветь—слѣду нѣтути?
А што растёть бизъ карешка?
— Каминь растеть бизъ карешка;
Рыба жива—нигаворить ничаво;
Лошидь плачить—ни ўзрыгаючи;
Лотка плыветь—слѣду нѣтути;
Митла цвитёть—цвѣту нѣтути.

137 ж).

(С. Никола-Ядреичъ, Духовщ. у.).

. . . .
Безъ кареня растеть бѣлъ каминь,
Безъ твита твитеть чорная папырыть.
. . . .
Уси загадычки па'дгадала,
Парню глазы запливала.

138.

(С. Даньково, Смол. у.).

Медуницу притоптали гуси съ гусенятами; молодуху тѣснитъ мужняя родня.

— Медуница (2) лугувая (2),
Чаму ни пахнишъ (2)
Па ўсихъ лугахъ, па балотахъ?
— «Якъ мнѣ пахнуть (2),
Па ўсихъ лугахъ, па балотахъ?
Мяне гуси (2) прещипали (2),
Гасюняты (2) притаптали» (2).
— Малодица (2) малодая (2),
Чаму ня ходишъ (2) на вулицу? (2)
— Якъ мнѣ хадить (2) на вулицу? (2)
Свёкыръ кажить (2): «Мядьвѣдица» (2),
Скярова кажить (2): «Люта змія» (2),
Деверь кажить (2): «Ласкатуха» (2),
Милый кажить (2): «Маладица» (2).
— Ти ты ня ўмѣишъ (2) атказатца? (2).

139.

(С. Даньково, Смол. у.).

Молодуху зовутъ въ хороводъ, мужняя родня не пускаетъ.

Па вулицы (3) шуракой, шуракой,
Па мурави зиляной, зиляной,—
Тамъ дѣвушки (3) гуляли, гуляли,
Малодушки плисали, плисали,
Мяне, младу (3), гукали, гукали,
Мяне, младу, гукали, гукали.
Пайду, младà (3), я у свёкыра спрашуся,
Пайду, младà, я у свёкыра спрашуся:
— «Ты, свёкырька, мужній батюшка,
Пусти мяне на вулицу гулять (2)».
— Хуть я пущу (3)—свякровушка ня пустить
Хуть я пущу—свякровушка ня пустить!
Пайду, млада (3), я у заловушки спрашуся,
Пайду, млада, я у заловушки спрашуся:
— «Заловушка, мужня сястрица,
Пусти мяне на вулицу гулять (2)».
— Хуть я пущу (3)—тябе милый ня пустить,
Хуть я пущу,—тябе милый ня пустить,
Пайду, млада (3), я у милога спрашуся,
Пайду, млада, я у милога спрашуся:
— «Ты, милинькій, чирнабрывенькій,
Пусти мяне на вулицу гулять (2)».
— Хуть я пущу (3), дыкъ я шкуру спущу,
Хуть я пущу, дыкъ я шкуру спущу!

140 а).

(С. Даньково, Смол. у.).

Дѣвушка, изображающая селезня, показываетъ послѣдовательно, какъ скачутъ дѣвки, молодухи, ребята, мужики.

Силязѐнь мой, сизый да касастый,
Сизъ касастый, кудревастый,
Поплыви-ка ўдоль па Дунаю,
Пасматри-ка сквозь винаградъ:
А якъ тама красны дѣўки скачуть?
— Вотъ и такъ жа, вотъ и етакъ!
Силязень мой... и т. д.
А якъ тама маладухи скачуть?—и проч.

140 б).

(С. Лѣтошники, Росл. у.).

Селязень, селязенька,
Селязень мой касастый!
  Ой люли, люли.
Скажи, селязеня,
Какъ дѣвушки скачуть?
— А во такъ, а во етакъ,
Ящо перяетакъ!

141.

(С. Потапово, Ельн. у.).

Сѣяли дѣвки ленъ; выросъ онъ—съ кѣмъ его брать?

Падъ лѣсымъ, лясочкымъ,
Падъ тёмнымъ зялёнымъ,
Сѣили, сѣили дѣўки лёнъ, лёнъ,
Сѣиўши, гаварили:
— «Зарадися, мой льнища,
И долыгъ, и тоныкъ,
Залатоя кареньня,
Сяребрена сѣмя!»
Стали гарювати:
Не съ кимъ ильну, ильну брати.
Мужъ гаворить:
— «Пайду жъ я съ табою,
Съ маладэю жаною».
— Какое жъ тваё браньня—
Весь день цалуваньня!

142.

(С. Потапово, Ельн. у.).

Посѣяли дѣвки ленъ, парень его притолокъ, на Дунай-рѣку сволокъ.

Пасѣили дѣўки лёнъ (2),
  Дѣўки лёнъ, пади права, дѣўки лёнъ.
Пасѣиўши, палоли,
Бялы руки калоли.
Какъ увадиўся парянёкъ
У дѣвичій ў лянокъ:
Увесь лянокъ приталокъ,
На Дунай-ряку пазвалокъ.
— Дунай-рѣчка, ни примай,
Къ-и берижку прибивай!

143.

(С. Каблуково, Красн. у.).

Дѣвица совѣтуется съ подружками о посѣвѣ, уборкѣ, обработкѣ льна.

Якъ пасѣю я лянку
У далини на клинку,
Лёнъ ты мой, лёнъ,
Лёнъ кудрявый, зиляной!
Зарадиўся мой лёнъ,
Іонъ и тоныкъ, и високъ,
Съ карниќ карянисть,
Съ макушички идрянисть.
Ахъ, вы, дѣвычки—красотки,
Вы скажитя, угадайтя,
Какъ мнѣ яго брать?
— Вотъ такъ, вотъ сякъ,
И во-етыкъ, и во-такъ!

Далѣе дѣвушка такимъ-же порядкомъ спрашиваетъ: «Какъ мнѣ малатить? Какъ мнѣ яго слать? Какъ мнѣ яго мять? Какъ мнѣ яго прясть? Якъ мнѣ яго снувать? Якъ мнѣ яго ткать? Какъ яго бялить? Какъ мнѣ яго шить?»

144.

(С. Даньково, Смол. у.).

Дѣвушка на лугу встрѣтила дворянина, пасущаго коня; онъ проситъ напоить коня и обѣщаетъ взять ее замужъ.

Якъ вывиду луку (2) на шаўковую траву,
Лука мыя, ты, зялёная (2), трава мая, шаўкòвая!
Ай па луцы (2) да па шаўкòвый траў...,
Да па шаўкòвый траўки (2) дварянинъ кыня па...,
Дварянинъ каня пасеть (2), дѣўка ваду ня...,
— «Ты, дѣўка, дявица (2), ты напой майго ка...,
Ты напой майго каня (2) сярёдъ синя мо...,
Штобъ коникъ напиўся (2), а капытъ не ўмачиўся!
Кали каня ни напоишъ (2), я тваи вёдры па...,
Я тваи вёдры пабью (2), тябе замужъ ва..,
Тябе замужъ вазьму».

145.

(С. Даньково, Смол. у.).

По мху дѣвка гуляла, въ рѣчку попала, рыбку поймала.

Па мху дѣвушка гуляла,
Па мху красная гуляла,
Па мху ль, па мху ль я;
Вольху дѣвушка лумала,
Вольху красная лумала,
Вольху ль, вольху ль я;
Въ рѣчку дѣвушка пупала,
Въ рѣчку красная пупала,
Въ рѣчку ль, въ рѣчку ль я;
Рыбку дѣвица паймала,
Рыбку красная паймала,
Рыбку ль, рыбку ль я;

Печку дѣвица тапила,
Печку красная тапила,
  Печку ль, печку ль я;
Рыбку дѣвица варила,
Рыбку красная варила,
  Рыбку ль, рыбку ль я.

(Отъ Матрены Антоненковой).

146.

(С. Даньково, Смол. у.).

Молодецъ-насильникъ „чорну куну стеребилъ".

Якъ пайду я па лугу,
Па зялёный траўки:
Якъ сустрѣўся двырянинъ
У зялёный шапки,
Хочеть мяне пувалить
На зялёну траўку;
А мнѣ мати приказала,
Штобъ я хо̀рыша гуляла,
Чорну куну прихувала
На палицу, подъ гарщокъ.
Якъ пришоў жа дварянинъ,
А ўси гаршки пирябиў,
Чорну куну стирябиў:
А што атрѣжить—то ў ратокъ,
Што выстанки—то ў платокъ.

(Отъ Матрёны Антоненковой).

147.

(С. Даньково, Смол. у.).

Жалоба дѣвушки на свое горе—„вѣночка не сносила".

Якъ выду я да на га̀нычки,
Якъ гляну я да на красычки:
А якъ маѐ краски йграють,
Ай, серца маё раздражають.
— «Грайтя, мае краски, йграйтя,
Серца маё да ни раздражайтя:
А мнѣ васъ ци парвать,
Да вяночки ня вити;
А я жъ, было, адинъ звила,
А и тотъ ни знасила!»

148.

(С. Иньково, Порѣч. у.).

Дѣвушки, водя всю весну хороводы, вытоптали всю траву.

Лука мая, лука,
Лука да зялёная,
Трава мая шалковая,
Чимъ, чаму да ни вырысла?
Ай, траўка-мураўка,
Чимъ, чаму ня вырысла?
— «Якъ мнѣ зилянѣти?
Дѣўки притаптали:
На вулицу выхадили,
Вясну васклюкали:
— Ай, дай, Божа, лѣтца,
Наради, Божа, житца!»

X. ЕГОРЬЕВЪ ДЕНЬ.—ВЫГОНЪ СКОТИНЫ ВЪ ПОЛЕ.—НАЧАЛО ПОЛЕВЫХЪ РАБОТЪ.

Въ день св. Георгія въ каждомъ домѣ передъ выгономъ скота хозяинъ съ хозяйкою зажигаютъ передъ иконами страстную свѣчу. Столъ накрываютъ чистою скатертью, кладутъ на него цѣлую круглую булку хлѣба, ставятъ полную солонку соли и молятся Богу. Потомъ хозяинъ беретъ икону св. Георгія, страстную свѣчу, а хозяйка хлѣбъ съ солью, и обходятъ на дворѣ кругомъ весь свой скотъ и приговариваютъ:

— «Св. Егорій, батюшка, сдаемъ на руки табѣ сваю скатинку и просимъ тябе: сахрани яе атъ звѣря лютыга, атъ чилавѣка лихова».

Затѣмъ кладутъ на землю въ воротахъ замокъ и ключъ, «штобъ пасть ваўчиная такъ крѣпка запиралась, якъ замокъ на ключъ запираитца». Икону ставятъ надъ воротами и выгоняютъ скотъ на улицу, гдѣ пастухъ уже снова обходитъ все стадо съ иконою Николая Чудотворца, также говоря:

— «Св. Никола, батюшка, сдаю табѣ на паруки ўсё стада и прашу тябе, сахрани яго атъ звѣря лютыга».

Послѣ этого всѣ гонятъ скотъ въ поле, имѣя въ рукахъ вербы. Тамъ хозяйки даютъ пастуху и подпаскамъ сало и яйца, изъ которыхъ они приготовляютъ тамъ же въ полѣ яичницу.

Когда яичница готова, пастухъ назначаетъ, кому изъ подпасковъ быть зайцемъ, кому—слѣпымъ, кому—хромымъ, кому—замкòмъ и кому—колодой, разставляетъ ихъ всѣхъ кругомъ стада; послѣ этого беретъ приготовленную яичницу и идетъ съ нею, прежде спрашивая у зайца:

— «Заяцъ, заяцъ, горька ли осина?»—Заяцъ отвѣчаетъ:

— Горька!

— «Дай Бохъ, штобы и наша скотинка для звѣря была горька!»

Потомъ пастухъ спрашиваетъ у слѣпого:

— «Сляпэй, а сляпэй, ти видишь ты?»—Слѣпой отвѣчаетъ:

— Ня вижу!

— «Дай Бохъ, штобы и нашу скатинку ни видала звяринка!»

Далѣе пастухъ спрашиваетъ у хромого:

— «Храмэй, а храмэй, ти дайдешь ты?»—Хромой отвѣчаетъ:

— Ни дайду!

— «Дай Бохъ, штобъ и звяринка ни дайшла да нашій скатинки!»

Затѣмъ пастухъ спрашиваетъ у замка:

— «Замокъ, а замокъ, ти разамкне́сься ты?»—Замокъ отвѣчаетъ:

— Нѣ, ни разамкнусь!

— «Дай Бохъ, штобъ у звѣря ни разамкнулись зубы ли нашій скатинки».

Наконецъ, пастухъ спрашиваетъ у колоды:

— «Калода, а калода, ти пувярнéсься ты?»—Колода отвѣчаетъ:

— Ни пувярнусь.

— «Дай Бохъ, штобъ и звѣрь къ нашій скатинки ни пувярнуўся!»

Такимъ порядкомъ пастухъ три раза обходитъ стадо. Послѣ этого всѣ дѣйствующія лица садятся и съѣдаютъ яичницу, а затѣмъ, немного погодя, но задолго до вечера, гонятъ скотъ обратно въ деревню, гдѣ уже на улицѣ начинается пляска, какъ на рàдапницу.

Какъ первый разъ скотину выгоняютъ въ поле, то поютъ:

1.

(С. Егорье, Дорогоб. у.).

Ня рòдный у мине былъ батюшка,
Ня родная была матушка,
Пасылала мяне, молыду,
Ни ў вяселую дяреўнюшку,
Ни ў саглаcную сямеюшку,
Толька свекыръ да свякровушка,
Да чатыри заловушки;
Сами сядуть, повячеріють,
Мине младу за вадой пашлють,
И разутую, и раздѣтую,
Лычкомъ падпаясаную.
Прихожу къ Дунай-рякѣ,
Налятѣли гуси-лебеди,
Узмутили воду свѣтлую,
А я млада дажидалася,
Пака вада састаялася.

Когда нужно запахивать землю, къ тому дню варятъ яйца. Какъ проѣдешь разъ по нивѣ, по коню однимъ яйцомъ погладишь, а по кобылѣ двумя; тѣ яйца объ лошадиныя головы разбиваешь, со словами: «Штобъ конь быў такей кругленькій, какъ ячка!»—«Зъясѝ ячка, станишь работать и пѣсни играть». Такъ, во время запашки поются, напр., слѣдующія пѣсни:

2.

(С. горье, Дорогоб. у.Е).

У мине да маладой
Да была мачиха, мачиха лиха,
Худа шельма, лиха,
Худамыслива была:
Пасылала маладу
У чисто поля,
У чисто поля рабатать,
Ина работу рабатать,
Чорну пашиньку пахать.
Я пашу, млада, пашу,
Я на солнышка гляжу:
Ти скора ясна солнца
За лѣсъ котитца,
Мнѣ, младой, двору хочитца.
Ужъ я ѣду двору—тараплюся:
Лихой мачихи баюся!

3.

Какъ за рѣчкыю за быстрыю,
За крутэю биряжистыю,
Ни камышъ трава шатаитца,
Расшатался добрый молыдицъ
На чужей дальній старонушки:
«Старана мая, старонушка,
Старана ль мая знакомая,
Знакомая падмаскоўская!

Я ни самъ, младецъ, сюда зашоў,
Ни вароный конь завёзъ,
А завела мяне няволюшка,
Няволюшка, нужда крайнія,
Нужда крайнія, служба царская,
Служба царская, гусударская».

(Тамъ же).

4.

Мима лѣса, мима темныва,
Захадила туча грозная,
А другая нипагодливая;
У тую пару, тоя ўремичка,
Дочка къ матки ў гости ѣхала,
На худэй тиляжонычки,
На старый кабылёнычки.
Тиляжонка развалилась,
Кабылёнка атстанавилась,
Каточки раскатились,
Къ-и-дубьюшку присланились.
На томъ на дубечку сядить салоўюшка.

— Ты ляти, ляти, салоўюшка,
На радимую старонушку,
Ты неси, неси, салоўюшка,
Майму батюшки низкой паклонъ,
А матушки челавѣческій.
Разскажи майму батюшки и маей матушки
Про мае житьё замужнія:
На пригонъ идемъ ранешенька,
Съ пригона идемъ позднешенька;
Гонють мала, гонють стара,
И разутыга, и раздѣтыга.

(Тамъ же).

Къ началу полевыхъ работъ относятся также нѣкоторыя изъ пѣсенъ, заключающихъ собственно звукоподражанія крику и пѣнію птицъ, напр., слѣдующая—подражаніе ласточкѣ (срв. выше, стр. 84—5, № 7, 10).

5.

(С. Даньково, Смол. у.).

Мущины ў поля, мущины ў поля,
А бабы за яѐ-е-шню.
Бабы ў поля, бабы ў поля,
А мущины за гарѣ-ѣ-лку,
Валакуть мѣ-ѣ-рку.

6.

(С. Береснево, Духовщ. у.).

Ожиданіе хорошихъ всходовъ и урожая. Илья по межамъ ходитъ, жито родитъ. (Поется и ранней весною, „какъ снѣгъ начнетъ тревожиться").

Святэй Альля
По мижамъ ходить,
Святэй Альля,
По мижамъ ходить,
Жита родить,
По мижамъ ходить,

По мижамъ ходить,
Дѣвакъ къ сабѣ просить,
По мижамъ ходить,

Ударьтя дѣўки 2
У ладошки,
Ударьтя дѣўки,

Штобъ ладошки
Засвярбѣли,
Штобъ ладошки,

Штобъ каласоцки
Зазвинѣли,
Штобъ каласоцки.

XI. ВЕЛИКЪ-ДЕНЬ.

а) Стихи, распѣваемые бабами на Святой недѣлѣ.

1.

(С. Плоское, Смол. у.).

Молитва къ Пречистой, къ Миколѣ, Егорью, Воскресенью и всѣмъ святымъ объ урожаѣ озимаго и ярового.

А святой жа Микола,
Сустрѣнь жа сваю Божжую Матирь,
А су ўсими су святыми,
А сы ярыю свячою,
Сы Прячистыю святою,
Съ аўсянымъ засѣвкымъ!
А святой жа Ягорья,
Сустрѣнь жа сваю Божжую Матирь,
А су ўсими су святыми,
А сы ярыю свячою,
Сы Прячистыю святою,
И съ шаўковыю травою
И съ зямчужныю расою!
А святоя Васкрясеньня,
Сустрѣнь сваю Божжую Матирь
А су ўсѣми са святыми,
А сы ярыю свячою,
Сы Прячистыю святою!
Хто Прячистую принимаить,
Таму Бохъ помагаить
И ў поли, и ў доми,
И ў густинькымъ жити,
И ў ярый пашаницы:
Охъ, и ў поли капами,
А ў гумнѣ стагами,
А ў жити закрамами,
А ў печи пирагами.
Хто Прячистую принимаить,
Таму Бохъ помагаить
И ў поли, и ў доми,
И ў добрымъ здароўи.

(Отъ Матрены Михалёвой).

2.

(С. Шаталово, Смол. у.).

Св. Воскресенье со всѣми святыми врѣчаетъ Пречистую; кто Ее принимаетъ, тому Богъ даетъ во всемъ изобиліе.

Хто Прячистую принимаить,
Тэй щаслиў у Бога буваить.
Христосъ васкреси да й на нибеси!
Яму Богъ пумыгаить
И ў поли, и ў доми,
И ў добрымъ здароўи,
И ў поли, и ў доми,
И ў густомъ жити,
И ў густинькымъ жити,

И ў ярый пшаницы:
А ў поли кыпами,
А ў гумни стыгами, 2
У въ ымбари кырыбами, 2
А ў доми пирыгами.
Ай, Святоя Васкрясеньня
Асвятила небу, землю,
А ўсю царскую зямельку.
А святэй Юрій-Ягорья
Сустрикаить Божжу Матирь
А са ўсѣми святыми,
А й сы ярыю свячою,
Сы Прячистыю святою,
А съ шаўковыю травою, 2,
И зъ зямчужныю расою.

3 а).

(С. Шаталово, Смол. у.).

Въ городѣ Іерусалимѣ стоитъ церковь, въ ней престолъ, на престолѣ дитя; съѣзжаются попы-дьяки и даютъ тому дитяти имя Іисусъ Христосъ, по желанію Дѣвы Маріи.

А ў гаради ў Русалими,
Ахъ, мой Божа, ў Русалими,
Стаить церква мулюваныя,
Ахъ, мой Божа, мулюваныя*),
Мулюваныя, муруваныя;
А ў тэй церкви пристолъ стаить,
На пристоли дитя ляжить,
Ли пристолу Дѣва Марія.
Сыѣзжалися папы, дяки,
Стали яны думать-гадать,
Ай, чимъ дитя имя пакласть:
— «Пыкладёмъ имя дый Ляксѣимъ»,
Мать Марія ни ўзлюбила,
Атъ пристолу атступила.
А ў гаради ў Русалими*),
Слава Богу, ў Русалими,
Стаить церква мулюваныя,
Мулюваныя, муруваныя,
А ў тэй церкви пристолъ стаить,
На пристоли дитя ляжить,
Сабиралися папы, дяки,
Стали яны думать-гадать,
Ай, чимъ дитя имя пакласть:
— «Пыкладемъ имя дай Сусъ Христосъ».
Дѣва Марія ўзрыдувалыся,
Ина къ пристолу приближалыся.

3 б).

Ды на горушки, на крутинькій,
Стаить церькыўка малюваныя,
Малюваныя, муруваныя;
А ў тэй церькыўки пристолъ стаить,
На пристоли дитя ляжить,
Паражоныя, нихрящоныя.
Суижжалыся ды й сорыкъ папоў,
Сорыкъ папоў-архиреиў;
Стали яны думать-гадать,
Чимъ дитяти имя дать:
— «Ну, дадимъ имя: Святэй Ильля!»
Мать Прячистыя атступилыся,
Ватступилыся атъ пристолу.
Во й ў горыди стаить церькыўка,
Малюваныя, муруваныя и т. д.
— «Ну, дадимъ имя: Самъ Исусъ Христосъ!»
Къ-и-пристолу Мать Прячистыя приступилыся.

---

*) Въ первой части послѣ каждаго стиха припѣвъ „Ахъ, мой Божа“, а во второй части „Слава Богу“.

4.

(С. Даньково, Смол. у.).

Встрѣча Божьей Матери съ тремя жидовами.

Ишла Мать Марея съ Божжига двыра,
Алилуя, алилуй, Госпыди памилуй!
На ўстрѣчу къ ей да три жидава.
— «Ахъ, вы, жидава нихрящоныя,
На што, жидава, Христа мучили?»
— Ня мы, Мать Марея, Христа мучили,—
Мучили Христа прадѣды наши!..
А йдѣ кроў канеть, тамъ церькыў станить;
А ў тэй церькыўки да три престолы:
На першимъ престоли ляжить самъ панъ Янъ,
На другимъ престоли—Дѣва Марія,
На третимъ престоли—самъ Исусъ Христосъ.
Пирядъ панымъ Янымъ свича гарѣла,
Пирядъ Дѣвый Маріій рожа растьвила,
Пирядъ Сусымъ Христомъ рѣчка пратикла;
А съ тэй рѣчушки якъ вылетилъ птахъ,—
Падняўся тэй птахъ да падъ нибиса;
Якъ стаў жа тэй птахъ напрати церьквы:
Сами званы зазванилися,
Сами дверюшки растварилися,
Сами свѣчички зажигалися,
Сами книжички зачиталися,
Стихи хирувимскіе распивалися.

5.

(С. Даньково, Смол. у.).

Дѣвка Бога обманула.

Ишоў Божа дарогыю,
Ишоў Божа шурокыю,
Зайшоў Божа къ калодисю,
А тамъ дѣўка ваду брала:
— «Ты дай, дѣўка, вады сваей!»
Дѣўка Бога абманила:
— «Ни дамъ, Божа, вады сваей:
Ета вада паганая:
Семъ сыночкыў парадила,
У ету ваду ўбросила!»
— «Ты йди, дѣўка, къ абѣдинки,
Ни станавись, дѣўка, сиряди церьквы,
Пирядъ чудными абразами,
Пиридъ царьскыми варатами:
Ты усихъ сваихъ сыноў увидишъ!»...
Дѣўка Бога нябслушила:
Пашла ина къ абѣдинки,
Стала ина сиряди церьквы,
А ўсихъ сваихъ сыноў увидила.
— «Па раждэнью ты мать была,
А па ращэнью дакъ люта змія!»...
Узяли яе патихошиньку,
Паднили яе висакошинька,
Убросили яе ў яму глубакошинька.

(Отъ старухи Лукерьи Бѣляёвой).

6.

(С. Шаталово, Смол. у.).

„Труждэ́никъ" и св. Пятница.—Перечень тяжкихъ грѣховъ.

А трудился труждэникъ сы трудами,
Сы гарючими труждэникъ сы слизами.
Ни владѣў жа труждэникъ ни руками,
Ни руками труждэникъ, ни ныгами,
Ни сваею буйнэю галавою.
Прихадила къ труждэничку сама свята,
Во сама жъ то и свята да и Пятинка;
Ой Пятинка прихадила сы свячою,
А рячила труждэнику рячою:
— «Падыми-тка, труждэникъ, буйную галоўку,
Абаприся-ка, труждэникъ, на бѣлыя руки,
Ты и стань-ка, труждэникъ, на свае ноги,
Ты иди-тка, труждэникъ, па ўсяму свѣту,
Ты рячи-тка, труждэникъ, всяму міру,
Штобъ жа міръ спакайонъ былъ, спакаиўся,
Атцоў сваихъ, матириў пачитали,
А братъ жа за брата поважали,
А дятей сваихъ хорыша научали,
А да Божея службы пасылали,
Во й Божіи литўры выслушали!
Ожъ и три жъ то душиньки Богу сыгряшили.
Во и первая дўша Богу сыгряшила:
Ина па чистинькымъ полюшку хадила,
А заломы й у житушку заламляла,
Во и споръ ў хлѣбушку атбирала,
А галодныхъ людей астанавляла,—
Во и тэй жа душиньки пращеньня ня будить,
А пращеньня ня будить, гряхоў атпущеньня.
А другая душинька Богу сыгряшила:
На Ягорья ранёшанька вставала,
У красуликъ малоки атбирала,
Што падъ бѣлую бярёзу валивала,—
Во и тэй жа душиньки пращеньня ня будить,
А пращеньня ня будить, гряхоў атпущеньня;
Во и третія дўша Богу сыгряшила:
А законы ина разрушала,
А гарючія слёзы праливала,—
Во и тэй жа душиньки пращеньня ня будить,
А пращеньня ня будить, гряхоў атпущеньня.

(Отъ старухи Лукерьи Бѣляёвой).

7.

(С. Шаталово, Смол. у.).

Арх. Михаилъ и грѣшникъ.

Ходить молыдицъ кыла вогнинный ряки,
Ищить молыдицъ броду мелкыга,
Броду мелкыга—къ раю свѣтламу.
На вустрѣчу къ яму Михаилъ Архангилъ.
— «Ты, Михайла Архангилъ, судья праведный,
Пиривяди жъ ты мяне черизъ быструю ряку,
Тирязъ быструю ряку, къ раю свѣтлыму».
— Добрый молыдицъ, пыкарися ў грихахъ!
— «А мае жъ то гряхи нивяликія были!»
Якъ ступиў мыладецъ ды па поисъ ў ваду,
У ваду, ў кипучію смалу.
  Ходить молыдицъ кыла вогнинный ряки,
Ищить молыдицъ броду мелкыга и т. д.
Якъ ступиў мыладецъ ды па шыю ў ваду,
У ваду, ў кипучую смалу.
  Ходить молыдицъ кыла вогнинный ряки и т. д.
Якъ ступиў мыладецъ, дыкъ и шапка пуплула,
У ваду, ў кипучую смалу.
— «А мае жъ то гряхи нивяликія были:
Охъ, и першій жа грѣхъ—атца-матирь ни пачитаў,
А другей жа то грѣхъ—я заломы заламляў,
А треттій грѣхъ—я законы разлучаў,
А чатьвертый жа грѣхъ—мылако у кароў 'тнимаў,
Охъ и пятый грѣхъ—я на чужомъ поли быў,
На чужомъ поли быў и зямлю я тамъ браў,
Зе́млю браў, споръ у хлѣба вынимаў,
А шостый грѣхъ—падъ мостичикъ скачиў,
Падъ мостичикъ скачиў, ды я купчика убиў».

(Отъ кр. Ѳеклы Бобарычихи).

8.

(С. Данькова, Смол. у.).

Плачъ матушки сырой земли, которая не можетъ сдержать на себѣ грѣшниковъ.

Якъ рысплачитца матушка сырая зимля,
Пирядъ Богамъ стоя, пирядъ Сусамъ Христомъ:
— «Ой, Божа мой, Божа, Спасъ миласердный,
Ни магу я содиржать прагряшенникыў,
За ихъ вяликыя утѣшенія,

За ихъ тяжкія прагряшенія».
— Притярпи-тка жъ ты, матушка сырая зимля:
Вой пусть жа рабы сопыкаютца,
А если жъ яны ни спыкаютца,
Ни минуть яны суду, суду страшныга,
За сваё яны вяликыя утѣшенія,
За сваё тяжкыя прагряшенія.

9 а).

(С. Даньково, Смол. у.).

Аниконъ плачетъ, что упустилъ въ море золотые ключи отъ рая и потерялъ золотую книгу; Господь его утѣшаетъ.

Дарóгую шурокыю
Туды йшоў, прайшоў мыладэй Аникынъ,
На сустрѣчу къ яму самъ Гасподь идеть:
— «Чаго плачишъ, маладэй Аникынъ?»
— Якъ мнѣ ни плакыти:
Упустиў я ў моря зылаты ключи,
Утиряў я зылатую книгу.
— «Ни плачъ, ни рыдай, мыладэй Аникынъ:
Зылату книгу сами выпишимъ,
Синё моря сами высушимъ,
Зылаты ключи самъ ты вазьмешъ,
Прикрасный рай самъ ты атапрешъ,
У прикрасный рай самъ увыйдешъ».

9 б).

(С. Шаталово, Смол. у.).

Тотъ же мотивъ съ прибавленіемъ поэтич. образа пустыни, куда старецъ приглашается для подвижничества.

Ва йшоў старицъ, старицъ па дароги,
Чорну грязьзю, грязьзю па шурокій;
На сустрѣчу къ старцу самъ Гасподь Бохъ:
— «Абъ чомъ, старицъ, абъ чомъ слезна плачишъ?»
— Вохъ и якъ-жа мнѣ, старцу, ни плакать? 2
Патиряў я сваю злату книгу,—
Бизъ духоўныга я бязъ пѣння.
Бизъ царькоўныга я бязъ причету.
— «Ты ни плачъ-ка, да ты, бѣдный старицъ:
Вохъ и я жъ табѣ книгу дастаўлю,
Во я самъ табѣ книгу прачитаю,
Вохъ и я жъ табѣ книгу прачитаю.
Ты иди-ка, старицъ, на пустыльню,—

Я пастрою табѣ тама кельню,
Во йдѣ люди, во йдѣ люди ня ходють,
Толька жъ тама птички пралетають:
То ня птички, то ня птички,
Да то самъ Гасподь Бохъ!»

10.

(С. Плоское, Смол. у.).

Голубиная книга.

Што зъ-за лѣсу, лѣсу темныга,
Нахадила туча грозная,
Выпущала галубиную книгу.
Нихто тую книгу ни пасмѣў паднять,
Ни пасмѣў паднять, на рукахъ садержать,
Па листу разабрать, яе прачитать.
Саѣжжалися туды сорыкъ папоў и паповичыў;
Нихто жъ тую книгу ни пасмѣў паднять,
Ни пасмѣў паднять, на рукахъ падержать,
Па листу разабрать, яе прачитать.
Саѣжжалися туды сорыкъ паноў и пановичыў;
Нихто жъ тую книгу ни пасмѣў паднять,
Ни пасмѣў паднять, на рукахъ падержать,
Па листу разабрать, яе прачитать.
Саѣжжалися туда сорыкъ царёў и царевичыў;
Якъ выбраўся охъ и царь Давыдъ да Васеевичъ,
Іонъ тае книгу, іонъ пасмѣў паднять,
Іонъ пасмѣў паднять, на рукахъ падержать,
Па листу разабрать, яе прачитать.
— А скажи жъ ты намъ, охъ и царь Давыдъ,
Атчаго жъ ета мѣсицъ на неби?
— «А скажу жъ я вамъ, маё братье:
Мѣсицъ на неби атъ Суса Христа».
— А скажи жъ ты намъ, охъ и царь Давыдъ,
Атчаго жъ ета сонца на неби?
— «А скажу жъ я вамъ, маё братье,
Я пу памити, я-й па грамыти:
Сонца на неби атъ Суса Христа,
Атъ Суса Христа, атъ лица Яго».
— Ты скажи жъ намъ, охъ и царь Давыдъ,
Атчаго жъ ета звѣзды на неби?
— «Й-а скажу жъ я вамъ, маё братье,
Я пу памити. якъ па грамыти:
Звѣзды на неби атъ Суса Христа,
Атъ Суса Христа, атъ глазъ Яво».
— А скажи жъ ты намъ, охъ и царь Давыдъ,

А каторая гара ўсимъ гарамъ мати?
— «А скажу жъ я вамъ, маё братье,
Я по памити, якъ па грамыти:
А Сіонъ гара ўсимъ гарамъ мати».
— Ты скажи жъ ты намъ, охъ и царь Давыдъ,
А каторая церква ўсимъ церквамъ мати?
— «А скажу жъ я вамъ, маё братье,
Я пу памити, якъ па грамати:
Саборъ церьква ўсимъ церьквамъ мати».
— Ты скажи жъ намъ, охъ и царь Давыдъ,
А каторая дряўё ўсимъ дривамъ мати?
— «А скажу я вамъ, маё братье,
Я по памяти, якъ па грамыти:
Купаресъ древа ўсимъ дривамъ мати».
— Ты скажи жъ ты намъ, охъ и царь Давыдъ,
А каторая трава ўсимъ травамъ мати?
— «А скажу жъ я вамъ, маё братье,
Я па памяти, якъ па грамыти:
Плакунъ трава ўсимъ травамъ мати».
— Ты скажи жъ ты намъ, охъ и царь Давыдъ,
А каторая рыба ўсимъ рыбамъ мати?
— «Китъ рыба ўсимъ рыбамъ мати».
— Ты скажи жъ ты намъ, охъ и царь Давыдъ,
А каторый звѣрь всимъ звирямъ мати?
— «Охъ, и леў жа звѣрь всимъ звирямъ мати».

(Отъ Матрены Михалёвой).

б) Пѣсни волочебниковъ.

11.

(С. Медвѣдовка, Смол. у.).

Прибытіе волочебниковъ въ домъ и дареніе ихъ: мѣхоноши, починальничка, пѣвцовъ.

Па улицы па широкый,
Па муравѣ па зялёный,
А йдуть, гудуть валачебнички,
Яны идуть, шатаютца,
Шатаютца, пытаютца
Таго села вяликаго,
Таго двара багатаго,
Таго хазяина туруватаго.
— «Па́ня хаз[illegible]», ти чуешъ ты,
Ти чуешъ ты, ти видишъ ты?
Пришли къ табѣ сянни гостики,
Сянни гостики, валачебнички,
Добры молодцы Мядвёдоўцы,
Ета свята святкуючи,
А другога дажидаючи,
Суса Христа звеличаючи.
Паня хозяинъ, ти чуешъ ты?
Паня хозяинъ, не вяли тамить,
Не вяли тамить, прикажи дарить!
Наши дары ня великіе:
Михоноши-й мѣрку жита,
Тую мѣрку, што двѣ ў чвертку;
На шпилечку кусокъ сала,
У лукошечка пару яецъ;

Пачиналникава горькая доля:
Горькая доля—гарнецъ гарѣлки,
Гарнецъ гарѣлки, пирогъ на тарелки;
Спѣвальничкамъ па поличку,
Кажному пявцу па красному яйцу.
Христосъ васкрёсъ, Сыне Божій!
Христосъ васкрёсъ!»

12.

(С. Медвѣдовка, Смол. у.).

Благодарность хозяевамъ, предложившимъ волочебникамъ дары.

Благадарю хазяину за хлѣбъ, за сыль,
За хлѣбъ, за сыль, за привѣтъ добрый:
Кармиў, паиў, харашо дариў!
Живи здароў са ўсимъ дабромъ,
И съ дѣтками, и зъ жаною,
Са сасѣдими, съ пріятилими!

13.

(С. Медвѣдовка, Смол. у.).

Гнѣвъ волочебниковъ на тѣхъ, кто отказалъ имъ въ подаркахъ.

Хто не дасть яйца,
Здохнетъ аўца;
Хто ни дасть кока,
Вырветь ока.
Живи здароў,
Лупи кароў;
Паживешъ болій,
Палупишъ и коній!

14.

(С. Медвѣдовка, Смол. у.).

Загадки, взаимно предлагаемыя встрѣчающимися на пути партіями волочебниковъ. (Срв. выше, стр. 153—156, № 137 а-ж.).

— А што ета за загадка:
А што ѣдеть бязъ повада?
— «Вотъ што ета за загадка:
Вада ѣдить бязъ повада».
— Вотъ што ета за загадка:
А што иржеть бязъ голыса?
— «Вотъ што ета за загадка:
Лошадь иржеть бязъ голыса».
— А што ета за загадка:
Поля лубяно, усходы зилянэя?
«Гусей содють въ дарабочку,
Дарабочикъ лубянэй биваить,
А усходы зялёныя бываютъ».

15.

(С. Медвѣдовка, Смол. у.).

Волочебники ищутъ двора.—Среди двора церковка, на церковкѣ золотой крестъ, на крестѣ сизый голубь—самъ апостолъ, посланный Богомъ зародить хлѣбъ хозяину.

Па улицы па широкей,
Па мурави па зялёный,
А ишли-бряли валачобныя,
Валачобныя люди добрыя.
Шаталися-пыталися
Таго села, таго двара,
Таго двара Якушовыга.
А чей ета дворъ на гарѣ стаить,
Сярёдъ двара стаить церькыўка,
На церькыўки золытъ хрестикъ,
На хрестику сизый голубъ.
Паня Якушъ по двару ходить,
По двару ходить, лукъ наводить,
Хочетъ убить сиза голубя.
— Паня Якушъ, ни стриляй въ мяне,
Ни стриляй мяне, сиза голубя:
Я ня сизъ голубъ—самъ апостылъ,
Саслалъ мяне Богъ съ неба на землю,
Па земли пахадить, хлѣба зарадить.
А и дай жа Богъ, заради Христосъ,
У поли ядромъ, ў дварѣ дабромъ!

16.

(Дунаево, Бѣльск. у.).

Величаніе хозяина и его двора.—Пчелы съ шумомъ на полетъ идутъ. На соснѣ сизый голубь—св. Егорій. Онъ животину въ поле гонитъ. св. Илья рожь зажинаетъ.—Подарки пѣвцамъ, дударю, мѣхоношимъ.

Ишли-брели валачебники,
Христосъ васкрёсъ сынъ Божій,
Шаталися-пыталися,
Къ свайму двару припыталися.
— Якей жа то багатый дворъ,
Богатый дворъ, жалѣзный тынъ,
Варотики тисовыи,
Вереики тачоныи,
Падваротница—рыбная рябро,
Защепычка—самъ рыбный зубъ.
Да ти дома панъ Сяменъ Сямёнычъ?
Хать и дома, да ни кажитца,
Ни кажитца, прибираитца:
Надѣваить куньнію шубу (2),
Сахвяныи сапаги, лисьсію шапку.
— Жана мая, дый милая,
И милая, любимая,
Да што жъ ета за шумъ шумить,
За шумъ шумить, за якъ ячить?
—«Сяменъ Сяменычъ, ярыи пчолы
Ярыи пчолы на палётъ идуть».
Сиредъ двара стаить сасна,

На той саснѣ сизой голубъ.
Сяменушка натягываить
Каляну стряду,
Іонъ хочить убить сизова галуба.
Сизой голубъ прагласиў яму:
— Сяменъ Сяменычъ, ня бей мине,
Сизыва галуба!
А я сижу ни сизой голыбъ,
А я сяжу святой Ягорья,
Святой Ягорья живатину
У поля гонить съ тихымъ вѣтрымъ,
Съ дробнымъ дожжимъ, съ красным сонцымъ.
Святой Ильля по̂ паля ходить,
Рожь зажинаить, копы щитаить.
Подарити-ка вы насъ пяўцоў:
Пачинальничку па дисятычку,
А нашимъ пиўцамъ па пяти, да па шасти,
А нашиму дударю кусокъ саланины,
Пальцы пумазать, дуду наладить,
А нашимъ михоношимъ пирохъ да калоши.
Ня хочишъ дарить, пайдёмъ зъ нами,
Начи каратать, грязи таптать!

17 а).

(С. Даньково, Смол. у.).

Святой Зосимъ посылаетъ обильные рои въ сады какого-либо изъ хозяевъ.

Зъ-за лѣсу чорнага,
Засылай Боже, святэй Зосимъ!
Зъ-за бору, зъ-за щирага,
Зъ-за моря, зъ-за синяга,
Выхадила туча тёмная,—
То ня туча, то й не аблачина.
Што у тэй тучи тиха гаварила,
Гаварила пчалиная мати:
— «Ахъ, вы, пчолы, пчолы ярыя,
Въ тую дяреўню, въ Мядьвёдыўку,
Куда идетё, куда пайдетё?»
— Мы идёмъ, пайдёмъ въ тую дяреўню,
Въ тэе сады Питраковы.
Паня Пётра Прахорывичъ,
Ти іость у тябе столька судёнъ?
— «Ахъ, вы, пчолы, пчолы ярыя
А іость у мяне столька судёнъ;,
Мае ульлейки панаперины,
Мае кошики понаужены,
Мае бордики поначищены.
Ахъ, вы, пчолы ярыя,
Лятите-ка па ульликахъ!
Палятѣли анѣ па ульликахъ,
Имъ ульликыў ня до̂стыла:
— «Ахъ, вы, пчолы, пчолы ярыя,
Лятите-ка па кошикахъ!»
Па кошикахъ ня усѣлися.
— «Ахъ, вы, пчолы, пчолы ярыя,
Лятите-ка па бордикахъ!»
Па бордикахъ усѣлися.
Што па ульликахъ—самаму яму,
Што па кошикахъ — то дятёмъ яго,
Што па бордикахъ — то на міръ Божій.
Засылай Боже, святэй Зосимъ!
Засылай Боже!

17 б).

(С. Даньково, Смол. у.).

А съ-за лѣсу, лѣсу тёмнага,
Выхадила туча грозная,
Што ў тэй тучи гаварила,
Гаварила пчалиная матка:
— «Ахъ, вы, пчолы, пчолы ярыя,
А куды жъ мы идёмъ, куды пайдёмъ?
Пайдёмъ жа мы ў тую вотчину,

Въ тую вотчину Швайкоўскую,
Въ тэе сады зялёные,
Въ тэе сады Ивановы!»
— «Пане Иванъ, ти іость у тябе,
Ти іость у тябе улій столька?»
А улейкыў да ни дыстала.
— Пчолы мае, пчолы ярыя,
Садитеся па кошикамъ!..—
А кошикыў да не дыстала.
— Пчолы мае, пчолы ярыя,
Садитеся па бордикамъ!..—
А бордикыў толька дыстала.
— Пчолы мае, пчолы ярыя,
Садитеся па старыхъ мѣстахъ!

18 а).

(С. Даньково, Смол. у).

Хозяинъ собирается въ Туреччину воеводою—суды судить.—Дары починальничку, запѣвальничкамъ, рожевничку, мѣхоношимъ.

Ишли-бряли валачобнички,
Шаталися, пыталися,
Што таго двыра да Якушовыга.
Хуть іонъ дома іость, да не кажитца,
А не кажетца—сурижаитца,
Сурижаитца во Туретчину,
А садитца іонъ да на коника,
Да на коника вараненькага.
Ай, ѣдить іонъ суды судить,
Ай будить іонъ ваяводыю.
А ў день іонъ бяреть по сту рублей,
А ў нядѣлюшку да па тысячи.
Паня хазяинъ, што чуишъ ты,
Какъ мы тибе звеличаемъ
И съ праздничкымъ паздраўляемъ?
А на тотъ же день на Великодня
Всѣ людюшки радовалися,
А патомъ таго Христосъ воскресъ.
Пане хазяинъ, не кажи тамить,
Прикажи дарить!
Наши дары невяликія,
Не лѣзить въ дверь—въ акно тащить:
Починальничку горькая доля—
Поликъ гарѣлки, пирогъ на тарелки,
Запѣвальничкамъ—по яечку,
Ражеўничку—кусокъ сала,
Мѣхоношимъ же—мѣрка жита!

18 б).

(С. Даньково, Смол. у.).

Поѣхалъ панъ хозяинъ въ новый городъ суды судить.

Па улицы па широкой,
Христосъ васкрёсъ, Сынъ Божій!
Идуть, гудуть валачобнички;
Яны идуть шатаютца,
Шатаютца, пытаютца
Таго села вяликага,
Таго двыра быгатыга,
Таго хазяина туруватыга.
— «Паня хазяинъ, ти чуешъ ты,
Ти чуешь ты, ти видишъ ты?»
— Пана хазяина дома нѣтути,—
Паѣхалъ іонъ ў новый горыдъ,
Въ новый горыдъ суды судить,
Суды судить не вяликіе,
Не вяликіе, не малые:
Съ паноў, съ паноў по ста рублёў,
А зъ мужика па капѣечки.
— «Паня хазяинъ, ти чуешъ ты,
Ти чуешъ ты, ти видишъ ты?
Пришли къ табѣ сянни гостики,
Сянни гостики, валачобнички,
Ета свята святкуючи,
А другога дажидаючи,
Суса Христа звеличаючи,

Тебе съ праздникымъ паздраў-ляючи.
Паня хазяинъ, не вяли тамить,
Не вели тамить, прикажи дарить!
Наши дары не вяликіе:
Мѣханоши—мѣрку жита,
На шпилечку кусокъ сала,
Въ лукошечка пару яецъ,
Христосъ васкрёсъ, Сыне Божій,
Христосъ васкрёсъ!»

18 в).

(С. Данькововo, Смол. у.).

Хозяинъ въ городѣ воеводою суды судитъ, пересудъ беретъ.—Дары начинальничку, успѣвальничкамъ, мѣхоношѣ, рожевничку, яешничку.

Па улици па широкей,
Па мурави па зялёный,
Ишли-бряли валачобные,
Шаталися, пыталися,
Таго села, таго двыра:
— «Чей ета дворъ--мѣдянэй заборъ?
Пане хазяинъ, ти дома ты?»
— Яго дома, дома нѣтути,
А ў горыди, горыди ваявода,
Ваяводыю суды судить,
Перясудъ береть по ста рублей,
А ў нядѣльку па тысячи,
А ў годъ жа іонъ милліонъ.
— «Паня хазяинъ, не вяли тамить,
Не вяли тамить, прикажи дарить!
Наши дары не вяликіе,
Не вяликіе и не малые:
Начинальничку—горькая доля,
Горькая доля,—полкъ гарѣлки,
А успивальничкамъ хоть па рюмычки,
Миханоши-й—мѣрку жита,
Ражеўничку—кусокъ сала,
Яешничку—карецъ яецъ».

19 а).

(С. Даньково, Смол. у.).

Хозяинъ съ семействомъ къ обѣднѣ идетъ; возвращается домой, садится обѣдать; въ домѣ у него довольство.

Па улицѣ, па широкей,
Па муравѣ, па зялёнай,
Ишли-брели валачобные;
Шаталися, пыталися
Таго села, таго двыра:
— «Чей ета дворъ, мѣдянэй заборъ?—
Паня хазяинъ, ти дома ты?»
Хоть іонъ дома, ни кажитца,—
Къ абѣдинки суряжаитца,
За имъ дѣти нясуть свѣчи,
Мылыда жана нясеть просвиру.
Пришоў же іонъ ў церькуўку,
Якъ стаў жа іонъ Богу малитца,
Богу малитца, Бога прасити:
— Ай, дай жа мнѣ Бохъ хлѣба-соли!
Пришоў жа іонъ съ обѣденки,
Якъ сѣў жа іонъ за столичекъ,
За столичекъ, за тесовенькій,
За скатерьти, за бялёвыя:
— Слава Богу Спасителю,
Слава Богу паслаўшага,
Слава Богу: ўсяго многа,
Всяго многа ўдостали,
Ни папить-паѣсть дятёмъ маимъ!

19 б).

Па улицы па широкей,
Па мурави па зялёный
Идуть, гудуть валачобнички;
Яны ишли, шаталися,
Шаталися, пыталися
Таго села, таго двыра,
Таго двыра пана Йвана.
— «Ти дома, дома паня Йванъ?»
Хоть іонъ дома, да не кажитца,
Къ абѣденки сабираетца,
Адѣваеть куньнію шубу.
Пашолъ іонъ къ абѣденки,
За имъ дѣтки нясуть свѣчки;
Пришолъ іонъ къ абѣденки.
Сталъ іонъ на притвори,
На притвори ў сабори,
Малиўся Богу вярнёшенька,
Пакланиўся низёшенька;
Пашолъ іонъ сабѣ ў дворыньку,
Іонъ сѣлъ сабѣ за столичикъ,
За столичикъ, за тисовенькій,
За скатерьсти за бялёвыя,
Паставилъ ножки на суножки,
Узлакотки на вакошки,
Перядъ имъ стаить три кубычки,
Три кубычки малюваныи,
Малюваныя, наливаныя.
У первымъ кубку зёляна вино,
У другимъ кубку пшонныя пива,
Въ третьимъ кубку салодкій медъ,
Въ чатвертымъ кубку тряскучія зелья.
Зеляна вино—самаму яму,
Пшонныя пива—то жанѣ яго,
Салодкій мёдъ—то дятёмъ яго,
Тряскучія зелья--то лихадѣю яго.
— «Паня Йванъ, не вяли тамить,
Не вяли тамить, прикажи дарить,
Прикажи дарить валачобничкуў:
Валачобнички не дакушнички:
Изъ года ў годъ разъ пабывають,
Разъ пабывають, Христа звеличають,
На Христоў день, на Великодня.
Наши дары не вяликіе:
Мѣханоши—мѣрку жита́,
Тую мѣрку, што двѣ ў чвертку,
На шпилечку—кусокъ сала,
Въ лукошечка—пару яецъ,
Пачинальникава горькая доля,
Горькая доля—поликъ гарѣлки,
Спѣвальничкамъ па чарычки.
Христосъ воскрёсъ, Сыне Божій!
Христосъ воскрёсъ!»

19 в).

Па улицы па широкій,
Па мурави па зялёный
А ишли-бряли валачобныя,
Валачобныя, люди добрыя;
Шаталися, пыталися
Таго сила, таго двыра,
Таго двыра Ахремывыга.
— «Пани Ахремъ, да ти дома жъ ты?»
Хуть іонъ дома, да ни кажитца,
Къ абѣдинки сабираитца;
Надиваў боты турецкый работы,
Іонъ шубычку бабровую,
Іонъ шапычку сакалиную;
Сабирамшися, сурядёмшися,
Пашоў жа іонъ къ абѣдинки,
Стаў сабѣ на крыласи,
Стаў Богу малитца, низка кланитца.
Пришоў жа іонъ съ абѣдонки,
Іонъ сѣлъ сабѣ за столикымъ,
Паставиў ножки на суножки,
А ўзлакотычки на вакошечки;
Передъ имъ стаять кубычки
Малюваныя, наливаныя:
Въ первымъ кубку зиляно̀ вино,
Въ другомъ кубку пшонныя пива,
Въ третьимъ кубку салодкій мёдъ,
Салодкій мёдъ—дятёмъ яго;
Въ чатвертымъ кубку трясвучее зелье,

Трескучее зелье—лихадѣю яго.
Благадарю хазяину за хлѣбъ, за сыль,
За хлѣбъ, за сыль, за привѣтъ добрый:
Кармиу, паиу, харашо дариу!
Живи здароў са ўсимъ дабромъ:
И зъ дѣтками, и зъ жаною,
Съ сасѣдями, съ пріятелями!

20.

(С. Иньково, Порѣч. у.).

Величаніе двора; пожеланія хозяину; дары: починальничку, скомороху и другимъ.

А йшли-бряли валачобники,
А йшли-бряли да пыталися,
Къ чыему двару пригрибалися:
— Чей жа дворъ на гарѣ стаить?
Иваныў -дворъ на гарѣ стаить,
Кругомъ двара зялѣзный тынъ,
Зялѣзный тынъ, мидяны вароты,
Падваротницы—падзалотницы,
Защепычки ўсё сяребреныи.
— Ты, хазяинушка, нашъ батюшка,
Ни тами многа, да дари скора:
Вазьми сита, ўнеси жита.
Ай, дай Божа сивыхъ вапрёў,
Сивыхъ вапрёў—тоўстыхъ хрябтоў,
Ты ўнаситка пилясину,
Пилясину ва ўсю спину.
А пачинальничку да капа яецъ;
А што за имъ пяеть, пу пяти бяреть;
Скамарохава горькая доля:
Чарка гарѣлки, сыръ на тарелки.
Хазяинушка, нашъ батюшка,
Ни тами многа, да дари скора,
А ня хочишъ дарить, хади съ нами хадить,
Грязи мясить.

21 а).

(С. Медвѣдовка, Смол. у.).

Величаніе двора и молодыхъ хозяевъ. Молодуха почерпнула ведромъ серебро и золото и на эти деньги они съ мужемъ соборъ воздвигаютъ, а въ немъ престолы: Іисусъ Христосъ, Мать Пречистая, св. Егорій (или Великъдень, Никола); Пречистая плачетъ о Сынѣ, св. Егорій утѣшаетъ.

А чей то дворъ на гарѣ стаить?
На гарѣ стаить дубовый тынъ,
Вяреюшка дубовая,
Варотики тисовыя.
Падваротница—рыбьбя костычка.
На тымъ дварѣ три калодези,
Три калодези, три калодычки.
Шла мыладичка за вадою;
Вядёрычки у яе новыя,
Новыя, тисовыя,
Пачопычки шалковыя;
Размахнула, пачарнкула:
Въ аднымъ вядрѣ чиста серебра,
Въ другимъ вядрѣ рыжа золыта.
Панесла ина ў святлицу,
Паставила на скамьицу,
Сама пашла мужа будить:
— «А ўстань, мужа, ня спи дужа!
Слава Богу на Вышняга:
Саздалъ намъ Богъ дабра многа!
Охъ, ты, мужъ мой, мужъ любимый,
Што мы будимъ зъ дабромъ дѣлать?»
— Жана мыя, жана милая,

Будимъ, жана, саборъ строить;
На тымъ сабори три престоли:
Первый престолъ—свѣтъ Ягорій,
Другой престолъ—Мать Прячиста,
Третій престолъ—самъ Сусъ Христосъ.
Мать Прячиста слезна плачеть,
Свѣтъ Ягорья унимаеть:
— «Ча ты плачешъ, Мать Прячиста?»
— Якъ не плакать, свѣтъ Ягорій?
Майго сына жиды ўзяли,
Жиды ўзяли, мучить стали,
Руки, ноги сукували,
Капьемъ груди прабивали,
Святую кроў разливали
На тэй гарѣ на Сіяни,
На тымъ древи купарэси!
— «Ня тужъ, ня плачъ, Мать Прячиста,
Твой Сусъ Христосъ на зямлѣ васкресъ!»—
Христосъ васкресъ!

21 б).

(Д. Романовка, Рославльск. у.).

Па вулицы па широкей,
Па мураву па зялёну
Ляжить брусьтя тисовая.
Па тымъ брусьтю идуть мужи,
Радють раду, раду добрую,
Раду добрую—валачобную:
Строй церькыў саборную,
А ў тэй церькви три престолы;
На престоли Пречистая Мать.
Пречистая Мать слезна плачить,
Святъ Ягорья унимаить:
— «Ни плачъ, ни плачъ, Прячистая Мать!»
— А ў какъ жа мнѣ ни плакаўши?
Аднаго чада нарадила,
Тэго чада жиды украли,
Жиды украли, мучить стали,
На крыжъ руки прибивали,
Въ руки, ў ножки па два гвазда,
Толька ня били проти сердичка:
Налятѣла чорная муха;
За то й муха й ни пагана,
Што Суса Христа сбиригала.

21 в).

(Сухой Починокъ, Ельн. у.).

Ишли-брели валачобнички,
Валачилися—намачалися,
Къ чиму двару прибивалися? 2
Прибивалися къ хазяйскыму.
А чей то дворъ на гарѣ стаить? 2
Шулы точиныя, падзалочиныя,
Мѣдяны вароты, защепы залóты;
Сиряди двара три калодися,
Три кладычки—малюванычки.
А чія жъ то жина па ваду пашла
Съ ведерцами тисовыми,
Съ пачопычками шалковыми.
Размахнула чиста серебра,
Пачарпнула чиста золыта,
Панесла вадичку ў святличку,
Паставила на скамеичку,
А сама пашла мужа будити:
— Мужъ мой, мужа, ня спи дужа,
Ня спи дужа, вставай рана,
Думай думу церькву строить,
Церькву строить багамольныю,
Багамольныю, пристольныю;
Въ тэй церкыўки Исусъ Христосъ,
Исусъ Христосъ васкресъ.
На великадня въ заутрени
Всѣ людишки взрадувалися,
Съ краснымъ яйцомъ цалувалися;

Синя моря скалыхнулась
И быстрая рыба стрипянулась.
Ну, хазяйнушка, нашъ батюшка,
Не вяли тамить, прикажи дарить!
Нашъ жа даръ нивяликъ и нималъ:
Десить яицъ на яешинку,
Сала кусокъ для падмазычки,
Пирыга канецъ на закусычку,
Рюмку гарѣлки для голысу.

21 г).

(С. Даньково, Смол. у.).

Па улицы па широкей,
Па муравы па зялёный
Ишли-бряли валачобные;
Шаталися, пыталися
Таго села, таго двыра:
— Чей ета дворъ — мѣдянэй заборъ,
Варотики щитовые,
Вяреюшки дубовэе,
Падваротница—рыббя костычка;
Серяди двыра—кипучій калодись,
Кипить, кипить рыжимъ золытымъ,
Рыжимъ золытымъ, чистымъ серебрымъ?
Туда ишла пани хазяйка,
Ина ишла су вядёрцами,
Су вядёрцами съ тесовыми;
Размахнула рыже золыта,
Пачарпнула чиста серебра,
Узнесла ина на бѣлы плечи,
Панесла ина на святлицы,
Паставила на скамейцы:
—Слава Богу, пане хазяинъ,
Слава Богу: дабра многа!
А што будемъ съ дабра чинить?
— Закупимъ мы три празнички,
Вясёлые, багамольные:
Первый празникъ—Святэй Великъ-день,
Другей празникъ—Юрій-Ягорья,
Третій празникъ—Святэй Никола;
Святэй Великъ-день съ красныымъ яйцомъ,
Юрій-Ягорья съ шаўковый травой,
Святэй Никола съ засѣвачкамъ.
Пане хазяинъ, не вяли тамить,
Не вяли тамить, прикажи дарить!
Наши дары невяликіе,
Невяликіе и немалые:
Начинальничку горькая доля
Горькая доля—поликъ гарѣлки,
А успѣвальничкамъ хуть па рюмычки,
Михаюши мѣрку жита,
А ражеўничку кусокъ сала,
Яешничку карецъ яецъ.
Пане хазяинъ, ти чуешъ ты,
Ти видишъ ты,
Якъ мы тебе звеличаемъ,
Па именню называемъ,
Па атечеству звеличаемъ,
И съ празничкымъ паздравляемъ?

21 д).

(Д Романовка, Рославльск. у.).

Взыйдемъ, взыйдемъ на горачку,
Глянимъ, глянимъ подъ зоричку:
Ти ни павушка тамъ литаить?
То ни павушка, а хазяюшка;
По двару ходить, хазяина будить:
— «Устань, мужа, ня спи дужа!
Слава Богу: дабра многа.
Што мы будимъ съ дóбрымъ дѣлать?»
— Што захочимъ, то й закупимъ:

Закупимъ мы три праздника:
Первый праздникъ—Вялика-дня,
Другій праздникъ—Ягорьюшка,
Третій праздникъ—Миколушка;
Ны Вялика-дня — съ краснымъ яйцомъ,
А Ягорьюшка—загонушка,
А Миколушка—съ засѣвушкамъ.

22 а).

(С. Медвѣдовка, Смол. у.).

Дѣвица пошла къ водѣ, сдѣлала вѣнокъ изъ павлиныхъ перьевъ, вѣтры снесли его на воду. Три рыболова достаютъ вѣнокъ: одному дѣвица отдаетъ золото колечко, другому шелковый платокъ, за третьяго замужъ идетъ.

Рана, рана пава литала,
  Згукнитя молыйца, згукнитя,
  Падайтя голысу, падайтя!
А ранши таго дѣўка ўставала,
Дѣўка ўставала, па ваду пашла,
Па ваду пашла, перья збирала,
Перья збирала, вяночикъ вила,
Вяночикъ вила, на галоўку ўзлажила.
Аткуль взялись буйные вѣтры,
Сарвали у дѣўки зъ галавы вянокъ,
Знясли павиный вянокъ на Дунай ряку.
Аткуль взялись три рыбалова.
— «Вы, рыбаловы, вы, малодэе,
Дастаньтя мой паўлиный вянокъ,
Я вамъ, рыбаловы, ўсѣмъ атплачу:
Первому плачу зылато кальцо,
Другому плачу шалкову хустку,
За третьтига сама млада йду замужъ!»

22 б).

(С. Медвѣдовка, Смол. у.).

А рана, рана пава литала.
  Згукнитя молыйца, згукнитя,
  Падайтя голысу, падайтя!
А раньши таго Татьяна ўставала.
Татьяна ўставала, перья збирала,
Перья збирала, ў рукавокъ клала,
У рукавокъ клала, ў вяночикъ вила;
Звиўши вяночикъ, на галоўку ўздѣла,
На голоўку ўздѣла, на Волгу пашла.
Аткуль ўзялись буйныя вѣтры,
Сырвали у яе пярловый вянокъ,
Пакатили яго а ў Дунай ряку.
Аткуль ўзялись три рыбаловы.
— «Вы, рыбаловы, вы, маладыя,
Дастаньтя жъ вы мой пярловый вянокъ!
Каторый дастанить, за таго жъ замужъ пайду!»
Первый жа скачиў—тотъ не схватиў,
А другей скачиў—дальшы патапиў,
А третій вскачиў—вяночикъ схватиў.
— «Во за етыга жъ я й замужъ иду!»

23.

(С. Инькова, Порѣч. у.).

Дѣвушка потеряла ласку молодца, сама гуляетъ на улицѣ съ „мальчишечкой“.

Вылитала сиза пава
  Съ чорными варлами,
Литаючи-гуляючи
  Въ чистымъ поли блудить.
Тошна, тошна жить на свѣти,
  А хто кого любить,
Ташнѣй таго дастаетца,
  Хто съ кимъ разстаетца.
Разставался сизый голубъ
  Съ маладой галубкой,
Во ящо жъ ба разставаўся
  Паринь са дяўчонкый.
Плуветь рыба, рыба щука,
  Плёсы разбивая,
Патиряла дяўчоначка
  Ватъ молайца ласку,
— Ящо 'бъ етымъ ни кручуся,
  Въ пичаль ни ўдаюся;
Выйду, выйду за вароты,
  Ватъ вѣтру валюся;
Выйду, выйду за навыи,
  Сама сяредъ стану,—
Ни ўдавай жа, мальчишичка,
  Мяне ў худу славу.
— Но сама жъ ты, дяўчоначка,
  Входишъ въ худу славу
И раненька-позненька
  Входишъ въ худу славу:
И раненька-позненька
  На улицу ходишъ,
Ну, й мяне жъ ты, мальчишичку,
  Къ любви производишъ.

24 а).

(С. Данькова, Смол. у.).

Хозяева, мужи честные, сидя на брусьяхъ, радятъ раду: кому запахивать, засѣвать съ счастливой рукой.

Нуте, братцы, таварищи,
Сабирайтеся да кучички;
Прайдёмтя ў тое сяло,
Праздравимъ ихъ съ празникымъ,
Ихъ съ праздникымъ, съ Христовымъ днёмъ,
Съ Христовымъ днёмъ краснымъ яйцомъ!
Въ тымъ сялѣ ляжить брусья,
Ляжить брусья тисовыя,
Тисовыя, дубовыя;
На тымъ брусьи сидять мужи,
Сидять мужи, мужи честные,
Радють раду, раду добрую:
— Нуте, братцы, таварищи,
Дажидаемся мы двухъ празникыў,
Двухъ празникыў вясёленькихъ:
Первый празникъ—свѣтъ Ягорій,
Другой празникъ—свѣтъ Никола;
Свѣтъ Ягорій съ шаўковый травой,
Свѣтъ Микола съ засѣвачкымъ,
Съ засѣвачкымъ су'вяниньким.
  Нуте, братцы, таварищи,
Сабирайтеся да кучечки,
Будемъ радить раду добрую:
Кому у насъ, братцы, запахывать,
Запахывать и засѣвать?
— Запахывать пану Ивану,
Засѣвать яго брату!
  Христосъ васкрёсъ, Сыне Божій!
  Христосъ васкрёсъ!

24 б).

(С. Даньково, Смол. у.).

На улицы на широкей,
На мурави на зелёный
А сидять то тамъ мужи честныя,
Мужи честныя, благочестныя,
Радють раду, раду добрую,
Раду добрую, хазяйскую:
—«Хто ў етимъ лѣти запахывать будить?»
— Запахывать будить паня Мильлянъ:
Яго кони вароныя,
Яго сохи дубовэя,
Лямешики булатныя.
— «Хто ў етимъ лѣти засивать будить?»
— Засивать будить пани Ахремъ:
Яго рука щасливая,
Щасливая, хлѣбародная.
Ай, дай жа Бохъ, заради Христосъ
А ў поли ядромъ, а ў двори дабромъ!

24 в).

(С. Радошково, Ельнин. у.).

На улицы на широкій,
На мурави на зялёный
Ляжить брусься ўсё тисовая,
Всё тисовая, ўсё дубовая;
Да на тымъ брусьси сидять мужье,
Сидять мужье, мужи чесныи,
Яны радють раду добрую,
Всё добрую, харошую:
— А хто жъ у насъ щасливый мужъ,
Щасливый мужъ, хазяйнушка?
Іонъ жа у насъ на запашичкахъ,
Іонъ у насъ на засѣвычкахъ.

25.

(Радошково, Ельн. у.).

Апостолы собираются на зеленой травкѣ, на улицѣ, думаютъ—гадаютъ, какъ чадо назвать; назвали Ильей. Желаніе урожая на колосистое, ядренистое жито.

На улицы на широкій,
На мурави на зялёный
Засланы каўры шалкокыи.
Сабралися ўсѣ апосталы,
Парадили сабѣ чаду.
Яны думать, яны гадать;
Нарякли имя Святой Илья,
Святой Илья у хазяина на кутѣ.
Дай жа Богъ, зашли Христосъ
Усё добрая, харошія:
Жита густыя, каласистыя,
Каласистыя, ядранистыя.
Хазяйнушка, нашъ батюшка,
Ты куй сярпы залатыи:
У тябе жнеи маладыи,—
Залатымъ сярпомъ падъ каряшочикъ,
А бѣлыми ручками на бяремичка.
Часты, ясны на небѣ звѣзды,
Чащей таво у хазяина копы;
Широкъ ясёнъ на неби мѣсицъ,
Шири таго у яво копы.

26.

(С. Даньково, Смол. у.).

Жито зоветъ хозяина жать его. Хозяинъ у кузнеца заказываетъ серпы, нанимаетъ молодыхъ жнеекъ.

А што ў поли рана гукала?
Рана гукала жита густоя:
—Паня хазяинъ, прійди ка мнѣ!
Прійди ка мнѣ, пагляди мяне!
—«Слава Богу на Вышняга!
Стой, пастой, маё житушка:
Пайду къ кавалю, нарублю сярпоў,
Найму жнеекъ, красныхъ дѣвыкъ,
Малоденькихъ, маладушекъ.»
Часты, густы звѣзды на неби,
Чащей таго копы на земли;
Широкъ, високъ мѣсикъ на неби,
Шири таго стажокъ на земли.
Слава Богу на Вышняга!
Саздалъ намъ Бохъ дабра многа:
Спѣвальничкамъ па поличку,
Кажныму пяўцу па краснымъ яйцу,
Христосъ васкрёсъ, Сыне Божій!
Христосъ васкрёсъ!

27.

(С. Даньково, Смол. у.).

Никто не поймаетъ вороного коня; только хозяинъ совладаетъ съ нимъ, засѣдлаетъ и поѣдетъ на охоту.

А што ў поли стучить-грючить?
Стучить-грючить вороная лошадь.
Нихто тую лошадь не паймаеть,
Тотъ же баринъ паймаеть;
Іонъ паймаеть, забратаеть,
Забратаеть, засѣдлаеть;
Засѣдлаўши, іонъ самъ сядить,
Самъ сядить, да й паѣдеть;
Іонъ паѣдеть въ чистыя поля, 2
Въ чистыя поля па ахотушки.
Па ахотушкѣ іонъ ѣжживалъ,
Дичинушку іонъ любливалъ,
Куньню шубу іонъ нашивалъ.
Христосъ васкрёсъ, Сынъ Божій!
Христосъ васкрёсъ!

XII. Зялёны святки.

Объсѣваніе овсомъ и хмелемъ.—Завиваніе вѣнковъ и обычай кумиться.—Русалки.—Осмотръ въ полѣ жита и пр.

1 а).

(С. Черепово, Росл. у.).

Дѣвушки просятъ бабушку очертить ихъ волшебнымъ кругомъ и обсыпать овсомъ и хмелемъ:

А ты, бабушка Купріяноўна,
Ты жъ обчарти насъ залатымъ нажомъ,
Ты жъ абсѣй насъ ярымъ аўсомъ!

1 б).

(С. Скотинино, Смол. у.).

Абсѣй-ка насъ ярымъ хмелемъ,
Абчарти насъ залатымъ нόжимъ!

1 в).

Бабка обводитъ чертою дѣвушекъ, находящихся въ кругу, со словами:

Хто ў чартѣ—то наши,
За чартою—то ни наши!

2 а).

(С. Шоптово, Бѣльск. у.).

Дѣвушки просятъ у праздника (Св. Духа и Троицы) позволенія завить вѣнки на круглый годъ.—Молодуха беретъ ягоды: спѣлыя на блюдо кладетъ для матери, зеленыя несетъ въ „хвартушкѣ"—для свекрови.

Святэй Духъ да Тройца!
Паизволь намъ пагуляти,
Вянкоў завювати.
Завьемъ мы вяночки
На круглый гадочикъ.
Кругла наша полячка
Кругла нивиличка,
Въ ёмъ ягыдъ многа,
Да ўсé зимлинички.
Хто йдеть, тотъ бирёть,
Ну, я йшла, брала,
На блюдичка клала:
Зрѣлки на тарелки,
Зиляпушки ў хвартушки:
Зрѣлки—родный матки,
Зиляпушки—свякрушки.

2 б).

(С. Шоптово, Бѣльск. у.).

То-же—отъ лица одной дѣвушки.

Святый Духъ Тройца!
Пазвольтя пагуляти,
Вянкоў завювати.
Завью я вяночикъ
На круглый гадочикъ
Круглый годъ нивиличакъ.
Кругла мая поля,
Кругла нивиличка.
У маемъ поли ягыдъ многа,
Да все зимлянички;
Зрѣлки на тарелки,
Зеляпушки ў хвартушки:
Зрѣлки—родной матки,
Зиляпушки—свякрови.

3.

(С. Даньково, Смол. у.).

Дѣвушки собираются вѣнки завивать на всю Духовскую недѣлю.

Мы заўём вянки—мы на ўси святки,
Мы на ўси святки, на ўси празднички,
На ўси празднички, на Духовыя,
На Духовыя, на вянковыя.

4.

(С. Даньково, Смол. у.).

Вѣнки завиваются на „страдные“ денечки. Послѣ завитія вѣнковъ молодухи закумляются, цѣлуются, мѣняются сережками.

Пайдёмъ, дявочки,
Во луги-лужочки, 2
Завивать вяночки.
Мы завьёмъ вяночки
На ўсѣ страдныя дянёчки;
Завиўши вяночки,
Мы закумимтись, падружки, 2
Поцалуимтись, 2
На сярёжечки пуминяемтись!

5.

(С. Пречистое, Духовщ. у.).

Дѣвушки завивають вѣнки и веселыя расходятся, исполнивъ обрядъ.

Мы пайдёмъ, дявочки,
Мы ў луги, ў лужочки,
Завювать вяночки;
Мы завьёмъ вяночки,
Мы завьёмъ зиляныи,
Мы пайдёмъ висялыи.

6.

(Д. Романовка, Рославльск. у.).

Угроза тѣмъ, кто не идетъ вѣнковъ завивать.

Хто ня йдеть вянкоў завивать,
Паложъ таго калодаю дубовыю,
Дятей яго курчижкыю сасновыю;
Хто вянкоў ня ўеть, таго матка умреть;
А хто вить будить, таго жить будить.

7.

(С. Никола-Ядреичъ, Духовщ. у.).

Примѣта: коли вѣнокъ зеленѣетъ цѣлую недѣлю, то завившая его будетъ весела цѣлый годъ.

Пайдёмъ, дявочки,
Завивать вяночки,
Завьемъ вяночки,
Завьемъ зяляныя.
Стой, мой вяночикъ,
Всю нядѣльку зялёнъ,
А я маладешинька
Увесь годъ висялешинька.

8.

(С. Шоптово, Бѣльск. у.).

Примѣта: вѣнокъ на головѣ дѣвушки не вянетъ,—дружокъ по ней не тужитъ.

Пайдёмъ, дѣўки, ў зиляну рощу,
Пайдемъ, дѣўки!
Саўёмъ, дѣўки, сибѣ по вяночку,
Саўёмъ, дѣўки!
На мнѣ вянокъ ни сохнить, ни вянить,
На мнѣ вянокъ,—
Па мнѣ дружокъ ни тужить, ни плачить,
Па мнѣ дружокъ.

9.

(С. Радошково, Ельн. у.).

Нелюбъ взглянетъ въ церкви на дѣвушку—вѣнокъ на ней вянетъ, милый взглянетъ—вѣнокъ сіяетъ.

Надъ рѣчкыю курганъ,
На томъ на кургани
Трава василёчикъ, 2
Багровый пятрочикъ.
Я тотъ тьвятокъ сарву,
Вянокъ сябѣ савью, 2
На галоўку ўзлажу, 2
Къ абѣденки пайду. 2
Стану на притвори, 2
Гляну на приходы:
Тамъ мой нялюбъ стаить,
На мяне ўзглядаить, 2
На мянѣ вянокъ вянеть.
Надъ рѣчкою курганъ,
На томъ на кургани
Трава василёчикъ, и т. д.
Тамъ мой милый стаить,
На мяне ўзглядаить, 2
На мянѣ вянокъ зіяить, 2
А у мяне сердца йграить.

10 а).

(С Данькобо, Смол. у.).

Вѣнокъ говоритъ дѣвушкѣ, быть ли ей за старымъ, или за малымъ, или за равнымъ.

Я лужкомъ ишла да й биряжинкыю,
Ой лялё, лялё, да й биряжинкыю,
Завидила красычку пыдъ лащинкыю.
А ты красычка синь-багровая!
Я сарву твятокъ и саўю вянокъ,
Я саўю вянокъ, пайду ў танокъ.
Скажи, вянокъ, за каго замужъ пайду:
Ти за старыга, ти за малыга,
Ай за роўныга?
Сказаў вяночикъ:
— Быть табѣ за старымъ мужимъ.

— Я тябе, вяночикъ, падъ нагами стапчу!—
  Я лужкомъ ишла и т. д.
Сказаў вяночикъ:
— Быть табѣ за малымъ мужимъ.
— Я тябе, вяночикъ, ў нагахъ стапчу!
  Я лужкомъ ишла и т. д.
Сказаў вяночикъ:
— Быть табѣ за роўнымъ мужимъ.
— Я тябе, вяночикъ, на галоўкѣ снашу.

10 б).

(С. Даньково, Смол. у.).

Вы, луги мае, вы, зялёныи,
На васъ красычки ўсё багровыи.
Я сарву твятокъ, я саўю вянокъ.
Скажи, вянокъ, за каго пайду:
Ти за старыга, ти за малыга,
Ти за малыга, ай за роўныга?
— Быть табѣ, дѣвица, за старымъ мужимъ!
— Я жъ тябе, вяночикъ, ў рукахъ сатру,
Падъ нагой стапчу, ни памѣрію
  Вы, луги мае, вы, зялёныи, и т. д.
— Быть табѣ, дѣвица, за малымъ мужимъ!
— Я жъ тябе, вяночикъ, ў рукахъ сатру,
Падъ нагой стапчу, ни памѣрію.
  Вы, луги мае, вы, зялёныи, и т. д.
— Быть табѣ, дѣвица, за роўнымъ мужимъ!
— Я жъ тябе, вяночикъ, памѣрію,
Я жъ тябе, вяночикъ, на галавѣ знашу!

11 а).

(С. Шаталово, Смол. у.).

Жалоба травы къ Богу: пусть Богъ разсудитъ дѣвушекъ и траву, потоптанную дѣвичьими хороводами. Красныхъ дѣвушекъ судить будетъ родной батюшка, родная матушка. Молодухи аукаются въ темныхъ лѣсахъ между собою, цѣлуются съ мужьями въ зеленыхъ лугахъ. Недовольство молодухъ, жалоба ихъ свекору на своихъ мужей, на грубое обращеніе.

Мы пайдёмъ, дѣўки, ў луги гулять,
  Ой лялё, лялё, ў луги гулять,
У луги гулять, мы травы таптать.
Какъ пашла трава къ Богу жалитца,
Къ Богу жалитца, къ Христу кланитца:
— О жъ ты, Сусъ Христосъ, разсуди ты насъ,
Разсуди ты насъ, красныхъ дѣвушикъ,
Красныхъ дѣвушикъ, Пылагеюшикъ!
— «Красны дѣвушки, я вамъ не суддя,

А разсудить васъ родный батюшка,
Родный батюшка, родная матушка».
— А куды съ горя краснымъ дѣўкамъ тить!
Красны дѣвушки сильна плакыли,
Сильна плакыли, горьками слязми:
— Мы пайдёмъ съ таски, мы ў тямны ляски,
Мы ў тямныхъ лѣсахъ пагукаимся;
Мы пайдёмъ съ туги ў зиляны луги
Въ зиляныхъ лугахъ пацалуимся,
Пыцалуимся съ сваямй мужий.
Ну, наши мужьй очинь мѣшкають,
Вочинь мѣшкають ў сваёмъ доми,
У сваимъ доми, съ сваими батьками,
Съ сваими батьками, съ родными матками!
Я пышла, мылада, ды заплакыла:

(Мыладуха):

— Ужъ ты, свёкырька, мужній батюшка,
Ты вучи сына ни'ддыхаючи
Ряменнэмъ кнутымъ, да ты плеткаю,
Да ты плеткаю, да ўсё кала бѣлыхъ плечъ!

(Свекыръ):

— Што съ дуракомъ да мнѣ дѣлати!
А какъ малъ быў, я жалѣлъ яго,
А какъ вяликъ стаў, съ нимъ ни справистя!

(Зять):

— А было учить, када малый быў,
Када малый быў, ничаво ни знаў,
А ума набраўся—пи баюсь тябе!

(Мыладуха):

— А што дурака на вѣкъ ажанилъ,
Завязалъ дѣўки на вѣкъ гылаву!
А у мяне, у младѣ, атецъ зъ матушкыю
Учили мяне, еще малёшаньку,
Учили мяне ины на вѣкъ хадить,
На вѣкъ ины хадить па чужихъ людяхъ:
— Ты расти, дитя, расти, милыя,
Набирайся, дитя, да ты розыму,
Пачитай, дитя, усѣхъ старенькихъ,
Усѣхъ старенькихъ, усѣхъ маленькихъ:
А ты старыму ни скаса клонься,
А ты съ маленькимъ паздароўкыйся!

(Отъ 18-лѣтней дѣвушки Өедосьи Абрамовой

11 б).

(С. Даньково, Смол. у.).

Въ споръ между травою и дѣвушками Богъ принялъ сторону дѣвушекъ: потолоченная трава подниметъ свой стебелекъ и отдохнетъ; а дѣвушки, разъ въ годъ, въ полномъ сборѣ, шумно справляющія свой праздникъ, разойдутся съ Ильина дня по чистому полю жать житушко.

У лугахъ трава паталочина
И съ каренья вонъ пуварочина.
Якъ пышла трава къ Богу жалитца,
Къ Богу жалитца, къ самому Христу:
— «Исусъ Христосъ, разсуди ты насъ,
Разсуди ты насъ съ красными дѣўками,
Съ красными дѣўками съ мыладухами,
Съ мыладухами маладенькыми!»
Ахъ, Богъ траву ни пыжалуваў,
Пыжалываў красныхъ дѣвушекъ:
— «Табѣ, трыва, заўсигда пырà,
Краснымъ дѣвушкамъ тольна 'дна пыра,
Адна пыра, адно времика:
А што Духъ съ Тройцый—да й зборъ дѣўкамъ,
А святой Ильля—то разгонъ дѣўкамъ:
Разыгнаў дѣвыкъ па чистóмъ полю,
Па чистомъ полю, па густомъ житу».

11 в).

(С. Даньково, Смол. у.).

У бару трава паталочина,
Съ кареньимъ вонъ пуварочина.
Якъ пышла трава Богу жалитца,
Къ Богу жалитца, Христу кланитца:
— «А ты, Сусъ Христосъ, разсуди ты насъ
Съ красными дѣўками, съ мыладухами!»
— Й а табѣ, трава, заўсигда пыра,—
Краснымъ дѣвушкамъ всё адна пыра,
Адна пыра, адно времика:
А што Духъ-Тройца—то саборъ дѣўкамъ, и т. д.

11 г).

(С. Никола-Ядреичъ, Духовщ. у.).

Дѣўки маладухи ў лугахъ гуляли,
  Траву притаптали.
Пашла жъ тая траўка да Госпыда Бога,

Да Госпыда Бога, да Духа Святога:
— Божа, Божа, мяне дѣўки стаптали,
Маладухи зламали!
— «Тярпи, травица, тярпи, зелиная:
Дѣўкамъ, маладухамъ адна пара гулять,
Адна пара гулять, вянки завивать,—
Табѣ, травица, ва ўсё лѣта рость!»

12.

(С. Пречистое, Духовщ. у.).

Значеніе для дѣвушекъ праздниковъ: св. Духа съ Троицей и Ильи.

Духъ да Троица—
Дѣўкамъ гулянья;
Придить Илья—
Минетца гульня.

13.

(С. Даньково, Смол. у.).

„Духъ съ Тройцымъ“ собрали дѣвушекъ въ лугъ гулять, вѣнки завивать, молодушекъ— разговоры разговаривать, а св. Илья народилъ жита и всѣхъ разогналъ по полю.

Пашли дѣўки ой въ апёнычки,
Мыладушечки ў гаварушечки.
Пашли дѣўки ў луги гулять,
У луги гулять, вянкоў завивать:
— «Завьёмъ вянки на ўси святки,
На ўси святки, на ўси празднички!»
Духъ съ Тройцымъ—то й сборъ дѣўкамъ.
А святэй Илья пу мижахъ хадиў,
Пу мижахъ хадиў, житушка радиў,
Разыгнаў дѣвыкъ па чистомъ полю,
Па чистомъ полю, па густомъ житу.
А Духъ съ Тройцымъ—то й зборъ дѣўкамъ,
А святэй Илья—то разгонъ дѣўкамъ!

14.

(Рудня, Ельн. у.).

Кукушкѣ куковать съ Христова дня до Петра, — дѣвушкѣ осталось лѣто перелѣтовать.

Ты какуй, какуй, ты, какушичка,
Ой лялё, лялё, ты, какушичка!
Нямножка табѣ какувать будить:
Съ Христовыга дня да Пятровыга.
Ты гуляй, гуляй, ты, Аринычка!

Нямнога табѣ пагулять будить:
Толька лѣтичка пирялѣтывать—
Съ вясны красны ды да восени.

15 а).

(Къ Могилевской губ.).

Связь клена или осины съ березой—взаимная любовь парня и дѣвушки, кумящихся между собою.

Сащапился клёнъ съ бярёзыю,
А слюбился Калина съ Макренаю:

15 б).

(С. Погорное, Ельн. у.).

Бярёзка съ асинкый—тёмный лясокъ,
Парень зъ дѣўкый—роўный дружокъ.

16 а).

(С. Алексино, Смол. у.).

Береза съ осинкой или съ клёномъ горда, такъ сказать, поощрена и озарена совершающимся подлѣ нея (не подлѣ сосны, ели, дубья-осинья, кленья-ясенья) торжествомъ дѣвушекъ и молодухъ, сопровождаемымъ игрою; присутствіе на весельѣ скомороховъ со скрипицею, выпивкою и закускою.

Охъ, не радуйся, сасёнка съ елинкыю,—
Ой, ты радуйся, бярёзка съ асинкыю:
Ой, идутъ къ тябѣ парни съ дявчонками,
Ой, идутъ къ тябѣ маладыя съ жонками,
Ой, нясуть тябѣ яешницу жаркую,
Яешницу жаркую, гарѣлычку горькую,
Гарѣлычку горькую, скрипку звонкую!

16 б).

(С. Егорье, Дорогобуж. у.).

Ты ни радуйся, ельный кустичикъ,—
Парадуйся, бѣлая бярёза:
Къ табѣ идуть красныя дѣвушки,
Табѣ нясуть яешни пышныи,
Яешни пышныи, пашанишныи.

16 в).

(С. Даньково, Смол. у.).

Ты не радуйся, дубья-асинья:
Ни къ табѣ идуть дѣўки красныя,
Ни табѣ нисуть яешню тёплую,
Яешню тёплую, гарѣлку горькую,
Гарѣлку горькую, скрипку звонкую;
А ты радайся, бѣлая бярёза:
А къ тябѣ идуть дѣўки красныя,
Тябѣ нясуть яешню тёплую
Яешню тёплую, гарѣлку горькую,
Гарѣлку горькую, скрипку звонкую.

17.

(С. Лѣтошники, Росл. у.).

Прежній мотивъ, съ распространеніемъ:

горитъ дуброва; ее можно потушить не рѣшетомъ, а кувшиномъ: въ рѣшетѣ воды нѣтъ, а въ кувшинѣ есть, у свекра правды нѣтъ, у отца есть.

Ни радуйся, сырой дубъ:
Ни къ табѣ идемъ вянкоў вить,
Ни къ табѣ завивать;
Парадайся, бѣлая бярёза:
Мы идемъ къ табѣ вянкоў вить,
Мы къ табѣ завивать.
Гарѣла поля, гарѣла дуброва,—
Я, млада, ишла тушить,
Ришатомъ ваду насить;
А ў томъ ришатѣ вады нѣтъ,
У майго свякрушки праўды нѣтъ.
Гарѣла поля, гарѣла дуброва,—
Я, млада, ишла тушить,
Кукшинымъ ваду насить;
А ў томъ кукшини вода іость,
У майго батюшки правда іость.

18.

(С. Даньково, Смол. у.).

Береза зоветъ дѣвушекъ къ себѣ на праздникъ, обѣщая нарядиться въ роскошное, зеленое, шелковое платье раньше дуба и клена.

Бярёза дѣвушкамъ приказывала,
Ой лялё, лялё, ўсё приказывала:
— «Придитя вы, дѣвушки, придитя вы, красныя:
Сыма я, бярёзынька, сыма я адѣнуся,
Надѣну платьика, ўсё зялёныя,
Усё зялёныя, ўсё шаўковыя:
Вѣтрикъ павѣить—ўсё шумѣть буду,
Дождичикъ пройдеть — лапатѣть буду,
Сонца выблеснить — зилянѣть буду!»
Ни радуйся ни кляньё-дубьё,
Тольки радуйся да бѣлыя бярёза,
Бѣлыя бярёза, горькыя асина:
Идутъ къ табѣ дѣўки красныя,
Дѣўки красныя, косы русыя,

Нясуть табѣ гарѣлку горькую,
Гарѣлку горькую, скрипку звонкую,
Скрипку звонкую, яешню смашную!

19 а).

(С. Данькова, Смол. у.).

Не бѣда дѣвушкамъ, гуляющимъ въ лугахъ, комары кусливые и „водни водливые“ (т.-е. надоѣдливые, вѣчно провожающіе, вар. „брыкливые)“.

Мы пайдёмъ, дявочки, ў луги гуляти,
Ой лялё, лялё, ў луги гуляти,
У луги гуляти, вянки завивати!
А ў лугахъ, дявочки, кымары кусливы,
Кымары кусливы, а вадни брыкливы.
Мы паѣдемъ, дявочки, да къ новому торгу,
Мы закупимъ, дявочки, на три рубля шолку,
На три рубля шолку, а на рубль полушолку:
Кымароў папутаемъ, а ваднёў помуздаемъ,
А мы сами, дявочки, ў лугахъ пагуляемъ,
У лугахъ пагуляемъ, вянкоў повиваемъ!

19 б).

(С. Злотово, Ельн. у.).

Пайдёмъ, дявочки,
У луги гуляти,
Луги падчищати.
У лугахъ, дявочки,
Камары кусливы,
А вадни вадливы.
Камароў папутаимъ,
Ваднёў памуздаимъ,
А сами ў лугахъ пагуляимъ.

20.

(С. Данькова, Смол. у.).

Мать сыну, просящему совѣта, рекомендуетъ брать въ жены не башмачницу и не саяницу, а андарачницу.

— Што я у тябе, матушка, халастой хажу,
Ой лялё, лё, халастой ха...,
Халастой хажу, ни жанёмшися,
Ой лялё лё, ни жанё....? *)
На вулицы, матушка, три танки дѣвыкъ:
Первый танокъ —всё саяницы,
Другой танокъ—всё башмашницы,
Третій таночекъ — андарашницы,—

*) Такимъ образомъ поется припѣвъ послѣ каждаго стиха.

Ты пазволь, мати, катору ўзяти:
Ти саяницу, ти бушмашницу?
Ти бушмашницу, ти андарашницу?
— «Ни бяри, сынокъ, ты саяницы,
Ни саяницы, ни бушмашницы,
А бяри, сынокъ, андарашницу:
А саяница — горька пьяница,
А бушмашница—падугольница,
Андарашница—то работница».

(Отъ Матрены Антоненковой).

21.

(С. Злотово, Ельн. у.).

Соловей говоритъ правду дѣвушкамъ, выйдутъ ли онѣ замужъ, и выставляетъ имъ различныя стороны дѣвичьей и замужней жизни.

Дѣўки, маладухи
Сылаўя падбивали,
Сылаўя пытали:
— Салавеюшка, братиць,
Скажи ўсяе праўду:
Ти ў дѣвушкахъ жити,
Ти замужъ идити?

— «У дѣвушкахъ жить,
Худу славушку тярпѣть;
За старага идити—
Сащипаный быти;
А за роўныга идити —
Пу пуваги жити».

22.

(С. Данькова, Смол. у.).

Селезень, плывущій по рѣкѣ, подаетъ вѣсть красной дѣвицѣ; она не хочетъ итти замужъ за стараго.

По рякѣ, рякѣ силязень плыветь,
Ой лялё, лялё, силязень плыветь,
Красный дѣвушки іонъ вѣсь падаеть:
— «Ти пойдешь, дѣўка, за мяне замужъ?»
— Мнѣ за старыга да й нехатѣлыся,
А хатѣлыся да й за маладѣйшага.

23.

(С. Рудня, Ельн. у.).

Касастая ласточка, рано летающая по застрѣшенью, обиваетъ крылья быстрыя; молодая дѣвушка, стремящаяся рано нравиться, срываетъ сердце молодецкое. Но дѣвушкѣ не настала еще пора любить, и ее не упрекаетъ совѣсть, если молодецъ страдаетъ: она пока обязана лишь своей роднѣ, ни до кого ей нѣтъ дѣла.

Ластаўка, ты, касастая,
Ой лялё, лялё, ты, касастая,
Ни литай рана па застрѣшинью,

Ни 'ббивай свайго крыльля быстрыга!
— Ты, Рипинычка, малодая,

Ни хади рана па навымъ синямъ,
Ни зрывай сердца маладецкыга:
Маладецъ, гледя, живаты парваў,
Живаты парваў, глàзы пулумаў.
— «Пускай глазы ирветь, пускай дёргаить:
Ни въ яго живу—у брахниньки,
Ни яго хлѣбъ ѣмъ — хлѣбъ ѣмъ брахниньки,
Ни яго нарядъ нашу—нарядъ матушки!»

24 а).

(С. Даньково, Смол. у.).

Въ полѣ, подлѣ дороги, стоитъ зеленый дубъ, на томъ дубѣ сизъ орелъ со взоромъ, устремленнымъ въ чисто поле.

Красна дѣвица пашетъ пашню (вар.: парень—паръ), красу сѣетъ, но ея красота „невсходимая“,—доля ея несчастливая, хотя и у родного батюшки.

У поли, ў поли, подли дароги, зелинъ дубъ стаить,
На томъ дуби сизъ арёлъ сядить,
Сизъ арёлъ сядить, даляко глядить ў чистó поля,
А ў чистóмъ поли красна дѣвушка,
Красна дѣвушка пашню пахала,
Пашню пахала, красу сѣила,
Красу сѣила, пригываривыла:
— «Ты ўзыйди, краса, хуть ў два часа,
Хуть ў два часа, дакъ ў три ряда!..
Знать мыя красычка ниўсхадимая
Знать я у батюшки нещасливая,
Нещасливая, чаду милая!

24 б).

(С. Даньково, Смол. у.).

То-же, съ дополненіемъ: дѣвица идетъ искать красоту въ свекровъ садъ, но тамъ находитъ одинъ холодъ, а у родного отца одна красота.

У чистóмъ поли зелинъ дубъ стаить,
  Ой ляле, лялё, зелинъ дубъ стаи..;
А й на томъ дубу сизъ арёлъ сядить,
Сизъ арёлъ сядить, дыляко глядить.
Красна дѣвушка парень пахала,
Парень пахала, красату сѣила:
— «Красата мыя ниўсхадимая!...
Пайду я, мóлыда, въ батькинъ садъ гулять,
Въ батькинъ садъ гулять, красаты искать:
Въ батькинымъ саду красаты многа,
Красаты многа, халадоў мала!»
  У чистóмъ поли зелинъ дубъ стаить, и проч.
Пайду я, молыда, въ свёкрыў садъ гулять,
Въ свёкрыў садъ гулять, халадоў искать:
Въ свёкрывымъ саду халадоў многа,
Халадоў многа, красаты мала!..

25.

(С. Даньково, Смол. у.).

„Снытычка - щибялитычка" выросла въ „щиромъ" бору, въ темномъ лѣсу,—дѣвица-красавица, выросла у своего отца и у своей матери.

— Снытычка-щибялитычка,
Идѣ расла, идѣ вырысла:
Ти ў щиромъ бару, ти ў тямномъ лясу?
— «Я расла, расла ў щиромъ бару,
У щиромъ бару, ў тямномъ лясу.»
— Охъ, ты, дѣвица, ты, красавица,
Ты идѣ расла, идѣ вырысла?
— «Я расла, расла у свайго батюшки,
У свайго батюшки, у сваей матушки».

26.

(С. Даньково, Смол. у.).

Дочь богатаго батька, красивая, гордится собой и всюду встрѣчаетъ почетъ.

Кала лѣсу йшла
Дѣўка красная, 2
Каса русая.
На луги взышла—
Трава стелитца;
На ганки взышла—
Ганки ломютца;
У сѣни взыйшла—
Сѣни зыблютца;
Въ святлицы выйшла—
Быяри встали, 2
Шапычки сняли, 2
Дый пытать стали:
— «Дѣўка, дявица,
Якога рода:
Ти паноўськага,
Ти папоўськыга?»
— Я роду вяликыга,
Батьки багатыга.

27.

(С. Даньково, Смол. у.).

Ненарядная, непричесанная дѣвушка одиноко стоитъ у вереи воротъ: она круглая сирота.

А у варотъ вярейки
Да чiя то дѣўка,
Нячёсана галоўка?
Знать, у етый дѣўки
Нѣту родный матки, 2
Нѣтъ родныга батьки!

28 а).

(С. Каблуково, Красн. у.).

Жалкое положенiе русалки: сидя на березѣ, она проситъ у дѣвокъ и молодухъ, для прикрытiя наготы, рубахи, хотя бы самой плохой.

У варотъ бярёза
Зялина стыяла, 2
Вѣтьтикымъ махала;
На тэй на бярёзи

Русалка сядѣла,
Рубахи прасила:
— «Дѣўки, маладухи,
Дайтя мнѣ рубахи:
Хуть худымъ-худеньку,
Дакъ бялымъ-бяленьку!..»

28 б).

(С. Скотинино, Смол. у.).

Русалка проситъ рубашки у сестры-русалки.

Русалка у русалки
Рубашечки просить:
— «Русалка, сястрица,
Ты дай мнѣ рубашку,
Хуть худую—альняную,
Касэя рукавы!»

29 а).

(С. Даньково Смол. у.).

Осмотръ вь полѣ жита: будетъ изъ чего пиво варить на свадьбѣ дѣтей: Илья по межамъ ходилъ, жита народилъ. Радость и благодарность Богу во время сыновней свадьбы; съ сокрушеніемъ выдаютъ замужъ дочерей изъ родительскаго дома.

Мы сы поля йдёмъ, мы сы чистыга,
Наглядѣлися жита густыга,
Жита густыга, кыласистыга,
Кыласистыга, идрянистыга.
А святэй Илья пу мижамъ хадиў,
Пу мижамъ хадиў, житушка радиў,
— «Заради, Божа, жита густыя,
Жита густыя, каласистыя,
Каласистыя, идрянистыя,
Штобъ была съ чаго пива варити,
Пива варити, сыноў жанити!»
Хто сыноў женить, тэй Богу молить;
Хто дачокъ атдаеть, тэй слезна плачить.

29 б).

(С. Даньково, Смол. у.).

Мы ў поли были, жита глядѣли,
Ой лялё, лялё, жита глядѣли:
Ти будить съ чаго пива варити,
Пива варити, сыноў жанити.
Хто сыноў женить, тэй Богу молить;
Хто дачокъ отдаеть, тэй сильно́ плачеть.

30 а).

(Къ Могилевской губ.).

Перестоявшаяся пшеница обращается съ просьбой къ хозяйкѣ: пора какъ нибудь рѣшить ея участь: тяжко ей держать соломенкой полновѣсный колосъ; дѣвушка проситъ матушку (вар. брата) поскорѣе выдать ее замужъ: надоѣла ей дѣвичья жизнь.

А ў поли пшаница
Пирястой стыяла,
Гаспадыню гукала:
— «Ни магу стыяти,
Каласа диржати:
Пашанишный колысъ тяжекъ,
Саломинку ломить;
Хуть мяне сажнитя,
Хуть стадкымъ стравитя.
А я толька магу стыяти
А ў поли капами,
А ў гумнѣ стагами,
А ў клѣти карабами,
А ў печи пирагами».
Ты, Татьяна, нябога,
Пабойся ты Бога!
—Хуть вы мяне примайтя,
Хуть за-мужъ атдайтя:
Не магу я хадити,
Красы насити:
Тярновый вяночикъ
Галоўку клонить,
Русая касица
Сярядинку ломить.

30 б).

(С. Злотово, Ельн. у.).

У поли пшаница
Пирястой стыяла,
Каласомъ махала,
Галасомъ гукала,
Гаваромъ гаварила:
— «Либа вы мяне жнитя,
Либа жнитя—каситя,
Либа скотъ пуститя:
Не магу стыяти,
Каласа диржати:
Колысъ ядрёнистъ
Къ сырой земли клонить, 2
Сукалѣна ломить».
Сястрица брату
Ина рѣчи гаворить:
— «Ты, мой братицъ.
Либа самъ жанись,
Либа мяне атдавай:
Не магу я хадити,
Русый касы насити:
Русая касица
Плечиньки абламила,
Дарагея крали
Шею атарвали,
Залатэя пярстёчки
Ручиньки атламали!»

30 в).

(С. Даньково, Смол. у.).

Въ поли пашаничка
Пирястой стыяла, 2
Кыласомъ мыхала,
Гаваромъ гаварила:
— «Дѣўки, мыладухи,
Хадитя вы мяне жнитя,
Либа жнитя—каситя,
Ня то скотъ пуститя:
Ни магу стыяти,
Кыласа держати,—
Кыласочикъ гнётца,
Сукалѣнца ломить!»

31.

(С. Даньково, Смол. у.).

Братъ не жалѣетъ брату коня, а жену ревнуетъ къ нему.

А ў синяхъ, синяхъ люди гаворють,
Ой лялё, лялё, люди гаворють,
Подъ сѣнюшками люди слухыють:
Братъ у брата дай кыня просить.
— «За каня, братицъ, слова нѣтути».—
А ў синяхъ, синяхъ, и проч.
Братъ у брата дай жаны просить.
— «За жану, братицъ, гылаву сниму!»

32.

(С. Даньково, Смол. у.).

Ради рожденія сына милый не соглашается остаться дома, ради дочери остается. (Срв. стр. 100, № 296, стр. 220, № 15).

Василёчикъ мой, синь-багровинькій,
Ой лялё, лялё синь-багровинькій,
Ты, мой миленькій, чарнабрывенькій,
Ни сидлай каня, ни зъижжай зъ двыра:
Твыя княгиня сына радила!
— «За сыночкымъ я ни вярнуситка:
Сынъ вырыстить—ни слуга будить,
Въ салдаты пойдеть—сухута будить».
Василёчикъ мой, и проч.
Твыя княгиня дачку радила!
— «За дачушкыю я вярнуситка:
Дочка вырыстить—мнѣ слуга будить,
Въ люди пойдеть—честь, хвала будить».

33.

(С. Даньково, Смол. у.).

Молодухи завидуютъ дѣвушкамъ, что имъ хорошо живется въ родительскомъ домѣ.

Бярёза лугу пазавидывала:
— «Дабро тябѣ, лугу, дабро зиляному:
Вясною ў падбори, а ў лѣтку ў пакоси!»
Мыладухи дѣўкамъ пазавидывали:
— «Дабро вамъ, дявочки, дабро вамъ, красныя,
У сваяго родныга батьки, у сваей родный матки:
А день у вяночку, нядѣлю ў таночку!»

34 а).

(С. Егорье, Дорогоб. у.).

Житье у свекра—горькая калина, у родного отца—сладкая малина.

Ай, горька, горька калину клювати,
 Ой, лели, лели, калину клювати,
Гарчѣй таго нѣту—у чужога батьки жити.
Што сладка, сладка малину клївати,
Слажи таго нѣту—у свайго батьки жити,
У свайго батьки жити да вяночки насити.

34 б).

(С. Даньково, Смол. у.).

Малина слаже калины; свои родные для молодухи милѣе родственниковъ мужа.

Ахъ, вы, дѣўки наши,
Уси загады ваши:
Пашли й у малину,
Наламали калины.
— Ти будить калина
Салажѣй малины?
— «Што ня быть калини
Салажѣй малины,
Што ня быть свекару
Луччи роднага батьки;
Што ня быть свякрови
Луччи раднэй матки;
Што ня быть дивярю
Луччи родныга брата;
Што ня быть залоўки
Луччи раднэй сястры!»

35 а).

(С. Шаталово, Смол. у.).

Горькая жизнь въ супружествѣ и сожалѣніе объ отцовскомъ домѣ.

Кабы я знала-вѣдыла сваю горькую долю, *)
Па вѣкъ бы я замужъ ни йшла,—
Жила бъ я у батюшки,
Красувалыся у матушки,
Часала бъ я галовушку
Да сивыга да волыса,
Плитала бъ я русу касу
Да шауковыга пояса!

(Отъ старухи Ѳеклы Бобарычихи).

35 б).

Въ с. Полуевѣ, Росл. у., предыдущая пѣсня продолжается слѣдующимъ образомъ:

...Якъ атдамъ я сваю красу
У чиста поля красычкымъ;
Атдамъ я свой чорный волысъ
Вараному каню ў гриву;

---

*) Варіантъ: Кабы знала да я, млада, вѣдала сваю долюшку худую.

Атдамъ я свое чорныя брови
Да чорныму ворану;
Якъ атдамъ свае ясныя глазы
Да ясныму сокалу:
Ты, красуйся, мыя крыса,
У чистымъ поли на красычкахъ;
Плятися, мыя русыя кыса,
У варопыга кыня ў гриви;
Намирьгайтись, мае чорны брови,
У чорныга ворына;
Насматритись, мае ясны глазы,
У ясныга сокыла;
Набялися, маё лицо,
У бѣлыга лебидя!

36.

(С. Даньково, Смол. у.).

Жалоба на несчастное супружество; бракъ съ постылымъ мужемъ, жизнь въ невеселомъ селѣ, въ несогласной семьѣ, вдали отъ родного дома.

Кала тына хажу, я рамонъ сажу,
Садючи рамонъ, пригаварію:
— „Ты расти, рамонъ, са тыномъ равёнъ,
Са тыномъ равёнъ, са згародыю,
Са згародыю, са високаю!»
Я у свайго батюшки нисчасливая:
Атдаў мяне батюшка далеча замужъ,
А ў тоя сяло ни ў вясёлыя,
А ў тую сямью не ў сыгласную,
Ни за милыга—за пастылыга.

37.

(С. Даньково, Смол. у.).

Свекоръ не замѣнитъ родного отца, свекровь—родную мать, деверюшки—родныхъ братьевъ, золовки—родныхъ сестеръ.

Па гароду хажу, рамонъ сѣю,
Рожиньку сажу, красу сѣю.
— „Усхади, рамонъ, сы тыномъ равёнъ;
А ты, рожинька, сы згародыю!»
Ня быть рамону съ тыномъ раўному,
А табѣ, рожинька, сы згародыю;
Ня быть свёкыру роднымъ батькыю,
Свякровушки—роднаю маткыю,
А деверюшкамъ — родными братцами,
А залоўкамъ—родными сестрàми!

38 а).

(С. Даньково, Смол. у.).

Свекровь съ золовками - колотовками уподобляется черной медвѣдицѣ съ медвѣжатами, а мать съ сестрами—лебедушкѣ съ лебедятами.

Пайду я, мылыда, за навыя вóрыты,
Гляну я, мылыда, я ў чистó поля,
Я ў чисто поля, я ў густó жита.
Ахъ, и што ў поли зачарнѣлася:
Ти мядьвѣдица зъ мидвинятыми?

То мыя свякрова и зъ залоўками,
И зъ залоўкыми, съ калатоўкыми!
Пайду я, мылыда, и проч.
Ахъ, и што ў поли забялѣлася:
А ти лябёдушка и зъ либидятыми?
То мыя матушка и съ сястричкыми,
И съ сястричкыми, и зъ брушничкыми!

38 б).

(С. Даньково, Смол. у.).

На дубу арёлъ, падъ дубомъ пава;
Павушка съ арломъ рѣчь гаварила:
— „Ты, арёлъ, арёлъ, висако сядишь:
Висако сядишь, дыляко глядишь:
Што тамъ падъ лѣсымъ зачарнѣлыся?
Ти ни мядвёдушка съ мидвидятыми?“
— То ни мядвёдушка съ мидвидятыми,
То мыя свякрова и съ залоўками.
На дубу арёлъ, и проч.
„Што тамъ падъ лѣсымъ забялѣлыся—
Ти ни лябёдушка съ либидинятыми?“
— То ни лябёдушка съ либидинятыми
То мыя матушка и съ сястрицыми.

39.

(С. Даньково, Смол у.).

Молодуха ходитъ-бродитъ по болоту и рветъ смородину: „чорную, буйную“—отцу, матери, чтобъ похвалиться; зеленую—свекору, свекрови, чтобы имъ подавиться.

Я хажу-бражу пу балотищу,
Я ирву-щиплю я смародину,
Чорную, буйнью—родныму батюшки,
Зиляпужечки—лютыму свёкыру:
Ѣшъ, мой батюшка, дый пыхвалися,
Ѣшъ, мой свёкырька, дый падавися!
Я хажу-бражу пу балотищу,
Я ирву-щиплю я смародину,
Чорную буйнью—роднэй матушки,
Зиляпужечки—лихёй свякрови:
Ѣшъ, мыя матушка, дый пыхвалися,
Лихая свякрова, хуть пыдавися!

40.

(С. Даньково, Смол. у.).

Молодая вдова, ходя около лѣса, рветъ каманицу на постель лютому свекру съ лютой свекровью.

Какуй, какуша, ў зиляной дуброви,
Ни давай зазнобы маладой удови!

Маладая ўдова кала лѣсу ходить,
Кала лѣсу хадила каманицу рвала,
Каманицу рвала, пастелюшку слала,
Пастелюшку слала, тижало вздыхала:
— „Мнѣ на етый крывати, маладѣ, ни спати,
А спати, ни спати лютыму свёкру,
Лютыму свёкру са лютэй свякровью!“

41 а).

(С. Даньково, Смол. у.).

Свекоръ для невѣстки грознѣй громовой тучи; для прiѣзда его строится непрочный мостъ, чтобы онъ убился, для батюшки—наоборотъ.

Ай, скушны, грузны грымавыя тучи,
Ай люли, люли, грымавыя тучи,
Ай, гразнѣй за тога мой свёкырька ѣдить.
Зыганю пригоны ўсё масты мастити:
Вы кладитя доски ўсё яловинькiя,
Забивайтя гвоздя—ўсё яловыя шишки,
Штоба мостъ абламиўся, свёкырька забиўся.
Ай скушны, грузны и проч.
Ай, радаснѣй за тога мой батюшка ѣдить.
Зыганю пригоны ўсё масты мастити:
Вы кладитя доски ўсё дубовинькiя,
Убивайтя гвоздя ўсе зялѣзнинькiя,
Штоба мостъ ни'бламиўся, батюшка ня убиўся.

41 б).

Гразна, гразна грамавая туча,
А гразнѣй тэй тучи лютый свёкаръ ѣдеть.
А я, маладенька, на пригонъ выгыняла,
На пригонъ выгыняла я масты масьтити:
— Кладитя шулья—ўсё гнилоя калодья,
Прибивайтя масьнички ўсё яловымъ гвозьдимъ,
Штобъ свёкырька ѣхыў—мастокъ абвалиўся,
Мастокъ абвалиўся, свёкырька залиўся!
Гразна, гразна грамавая туча,
Милысливiй тучи родный батюшка ѣдеть.
А я, маладенька, на пригонъ выгыняла,
На пригонъ выгыняла я масты масьтити:
— Масьтитя масточки ўсё дубовымъ калодьимъ,
Прибивайтя масточки ўсё зялѣзнымъ гвозьдимъ;
Будить батюшка и матушка ѣхать,
Штобъ мастокъ ни'бвалиўся
Матушка и батюшка штобъ ни залиўся! (Тамъ же).

42 а).

(С. Даньково, Смол. у.).

Старый мужъ сѣетъ конопелька, а молодая жена манитъ голубей и проситъ ихъ поклевать засѣянное: меньше работы будетъ на чужихъ дѣтей, на пасынковъ.

Старый старичекъ па гароду ходить,
Па гароду ходить, канапельки сѣить;
За имъ ходить малада жина,
Малада жина гулубей манить:
— «Лятитя вы, голубы, канапель клювать,
Штобъ мнѣ, мыладѣ, лягчѣй было брать,
Штобъ мнѣ на чужихъ дятей да на пасынкыў!»

42 б).

(С. Каблуково, Красн. у.).

Маладая ўдоўка па сѣнихъ хадила,
Па сѣнихъ хадила, гулубей манила:
— «Гули мае, гули, клюйтя канапельки,
Штобъ мнѣ, мыладеньки, пасканей ни брати,
Пасканей ни брати, свекру ни давати:
Свёкырь на палу, хвароба яму ў галаву».

43.

(С. Даньково, Смол. у.).

Зять ввалился въ погребъ и поѣлъ сметану, жена его за то била; онъ жалуется тещѣ, но не встрѣчаетъ сочувствія.

Охъ и тарнà, тарнà па застѣнкамъ дарожка,
  Ой, гаю, гаю, зилянному маю!
Ой, чаго йпа тóрненька, да зачѣмъ торненька?
Охъ, и зять жа къ тещи да й часта ў госьти ходить,
Часта ў госьти ходить, челабитья носить:
— «Ужъ ты, тещинька—матка, твыя дочъ мяне била!»
— А за што ина била, да за што бранила?
— «Увалиўся ў погрибъ, да паѣў смитану».
— Нада была бить, да нада бранить;
Ни валяйся ў погрибъ, да й ня ѣшъ смитаны!

44.

(С. Даньково, Смол. у.).

Кума звала куму въ гости киселю ѣсть.

Ай, кума куму ў госьти звала,
  Ай, лялё, лялё, ў госьти звала:
— «Ай, кума, кума, хади кисялю ѣсьти,
Ай тёплыга—са сметанкыю,
А халодныга—съ пастыялкыю!»

45.

(С. Лѣтошники, Росл. у.).

«На загвины» нарядятъ березу, навѣшавъ лентъ, платковъ, крестовъ. Потомъ, «наигравшись пѣсенъ» и вдоволь наплясавшись, разряживаютъ березу и сломанную макушку дерева кидаютъ въ рѣчку, со словами: «Бярези на стыяння,—намъ, дѣвкамъ, на здароўя!» При этой церемоніи поютъ:

Стань, бярёза, па старыму,
Какъ стыяла.
Тябѣ, бярёза, на стыяння.
А намъ на здароўя.

Когда цѣлуются, размѣниваясь вещицами, поютъ:

46.

(С. Лѣтошники, Росл. у.).

Вы кумитися, любитися
Ни на кароткій вѣкъ, а на доўгій!

47.

(С. Черепово, Росл. у.).

Развиваніе вѣнковъ и осмотръ жита въ полѣ.—Срв. выше, № 29.

Мы у пани были,
Вянки развили и жита глядѣли.
— «Заради, Божа, жита густыя
каласистыя,
Каласистыя, идрянистыя!»
А святэй Илья пу мижахъ ходить,
Да житушка родить;
Тоя житушка на пивушко, дачокъ атдавать,
Сыноў жанить и пива варить.

48.

(С. Даньково, Смол. у.).

Дѣвушки сплели вѣнки и несутъ ихъ для гаданія къ водѣ.

Мы въ лугахъ были,
Мы вянки вили.
Ой, гаю, гаю, зиляному маю!
Мы съ лугоў идёмъ,
Мы вянки нясёмъ,
Ой, гаю, гаю, зиляному маю!

Когда бросаютъ вѣнки въ воду, поютъ:

49.

(С. Лѣтошники. Росл. у.).

Всѣ вѣнки поверхъ воды, одинъ потонулъ, именно той дѣвицы, которой предстоитъ разлука съ дружкомъ.

Кумушки, галубушки,
Пайдёте вы ў вянки,
Вазьмите й мяне;
Сарвёте вы па цвѣтику,

Сарвите и мнѣ;
Саўёте вы па вяночку,
Савейте и мнѣ;
Пайдёте вы на Дунай рѣчку,
Вазьмите й мене;
Пакидайте на Дунай вяночки,
Киньте и мой.
Уси вянки паверьхъ вады,
А мой патанулъ;
Уси дружки съ Масквы пришли,
А майго й нѣтъ.

50.

(С. Даньково, Смол. у.).

Дѣвушки вьютъ вѣнки и пускаютъ ихъ на Дунай-рѣку; одинъ изъ нихъ потонулъ. Перенимаетъ вѣнокъ купеческій сынъ и самъ тонетъ; утопая, держитъ къ своему коню прощальную рѣчь.

По лугамъ, лугамъ, дявочки ишли,
Дявочки ишли, красычки нясли,
Красычки нясли, вяночки вили,
Вяночки вили, на Дунай пускали.
А ўси вянки паверьхъ вады, адинъ мой патанулъ.
Адна дѣўка рѣчъ гаворить:
— «Хто мой вянокъ пярейmить, за таго я замужъ пайду!»
Аткуль узяўся купеческій сынъ на вараномъ кани:
— Я твой, дѣўка, вянокъ пиряйму,
Я тябе, дѣўка, замужъ вазьму».
Привезалъ каня къ иницей лазѣ,
Ки иницей лазѣ, ки бѣлый бярёзи.
Первый разъ ступилъ па калѣна ў ваду,
Другей разъ ступилъ па бѣлы плечи,
Третій разъ ступилъ, шляпа поплыла.
Іонъ и рѣчъ гаворить:
— «Рвись, мой коня, рвись, вароный,
Атъ иницей лазѣ, атъ бѣлэй бярёзѣ,—
Бяги, мой коня, бяги, мой вароный,
Къ майму батюшки, къ маей матушки,
Ни кажи жъ ты, мой коня, што я залиўся,
А спомни, мой коня, што я жаниўся,—
Узяў за сябе быструю рѣчушку;
Сватовы мае—у мори начовья,
Свашечки мае—мелкія пташечки,
Изгаловье маё—крутэя бережки,
Пастеля мыя—жолтыя пески!»

51.

(С. Лѣтошники, Росл. у.).

Пава по двору ходила, роняла свои перья; дѣвушка тужила, ломала ручки по миломъ дружкѣ.—Пригожія родятся „на сѣняхъ", взрастаютъ на хоромахъ (въ господскомъ домѣ).

Ни павушка па двару литала,
Люли, люлишки, литала,
Ни павиныи перьицы тиряла,
Ина раняла, ина тиряла.

Ни дѣвушка па двару хадила,
Ина по милымъ ташнувала,
Бѣлы ручушки ламила,
Ина ламила, 2
Усе па милыму ташнувала.
— «Полна, дѣвушка, тужить,
Полна, красная, гарювать!»
А йдѣ харошiя радятца,
А йдѣ пригожiя ўзрастаютъ?
Радятца хорошiя на сѣнихъ,
Приўзрастаютъ пригожiи на харомахъ.

На Духовской недѣлѣ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ поются многiя пѣсни, утратившiя типическiй характеръ духовскихъ веснянокъ, такъ что нѣкоторыя изъ нихъ поются и въ другое время, напр. на святой недѣлѣ. Таковы слѣдующiя:

52 а).

(С. Лѣтошники, Росл. у.).

Дѣвушка кормитъ коня на лугу, подводитъ его къ отцу и проситъ не отдавать ее замужъ за стараго и за малаго—хочется ей итти за ровнаго мужа.

Я вылузю (2) зялёныя луга, (2)
А па тѣмъ лугамъ парасла трава шолкавая;
Я па той травѣ выкармлю каня,
Павяду каня къ батюшки:
— Гасударь мой, батюшка,
Прими мае слова ласковая:
Ни 'тдай мяне за старыга замужъ:
Я старыга на смерть ни люблю,
Я старыму угажу:
Я пастелюшку пастялю,—
Я ў три ряды каменья,
Чатвертый кирпичу,
Я съ имъ спать ни хачу.
Ты атдай мяне за роўнюшку,
За вясёлую галовушку:
Я съ роўнюшкый на улицу пайду,
Я роўню цѣлувать буду.

52 б).

(С. Даньково, Смол. у.).

Какъ у лози (2), ву зелёныхъ лугахъ,
Тамъ расла трава шолкавая,
Шолкавая (2), палушолкавая.
Раствили твяты (2) розавыи;
Я па той травѣ (2) хаживала,
За собою (2) каня важивала,
Я са той травѣ (2) выкармлю каня,
Я выкармлю (2), я выпаю каня.
Охъ, выкармиўши, выпаиўши,
Пудвяду я каня къ батюшки,
Пудвяду я каня къ родному:
— Гасударь мой, гасударь батюшка,
Ты ўстрѣнь мяне (2) ласкывыю
Ты прими 'тъ мяне (2) варона каня!

53.

(С. Лѣтошники, Росл. у.).

Пивоваръ пиво варилъ, зелено вино курилъ, чернобровую любилъ, журилъ молодую отецъ.

Ахъ, вы, гусли, гуселюшки маи,
Ай, ахъ, ахи-ха-а, охти мнѣ!
Разыграйтися, распотѣшьтя
Заўдалога малайца,
Што вадинъ сынъ у атца,
Иванюшею завуть,
Ящо Ванюшкыю—
Пивоварышкыю.
Пивуваръ пива варилъ,
Зиляно вино курилъ,
Чарнабровую любилъ,
Іонъ любить-та любилъ,—
Сталъ атказыватца:
— Я любить не люблю
И тказатца ни магу:
И палуччи тябе
Іость у мине
И палуччи, и пачище,
И павѣтлій тэй.
Ни адинъ башмакъ растапталъ,
За быструю ряку хадимши;
Ни одинъ кахтанъ разадраў,
Па заборамъ лазиўши;
Ни 'дну шляпушку згнаиў,
Падъ капелью стоиўши;
Ни адинъ ножичокъ сламиў—
Вакошичка атчиняў,
Тябе, мая сударушка,
У глаза ни видаў.
Стаў мине батюшка журить;
— Хто ў вакошичка гримить?
— У вакошичка—
Сѣра кошичка.
Брысь—правались!
На кравать ка мнѣвались,
Адіялымъ напрянись! *)

54.

(С. Лѣтошники, Росл. у.).

Молодка плясала, свекоръ удерживалъ ее, чтобы она не испортила своего наряда; она не слушаетъ: на ней наряды родительскіе. Срв. стр. 55, № 91.

А у насъ на улицы,
А у насъ на широкей,
Малодка скакала,
Младая плясала;
Завидиў жа свёкаръ,
Завидиў жа лютый:
— «Патиши, нявѣстка,
Патиши, младая,
Ня выбій, нявѣстка,
Съ пирстнёчка глазочка,
Съ бушмачка падкоўки!»
— Ня лопайся, свекоръ,
Ня лопайся, лютый!
Ня ты мнѣ купилъ,
Ня твой сынъ, бл.... сынъ,—
Купилъ ихъ батюшка,
Дала мнѣ матушка
Мнѣ на пакрасу,
Табѣ на честь—хвалу:
— Красуйся, дититка,
Красуйся, милыя!

---

*) Поется и на Святой недѣлѣ.

55.

(С. Клечетово, Росл. у.).

Подъѣхали бояре и спросили у дѣвушки, милы ли ей родители; ей милъ писарь изъ конторы.—(Повидимому, спутаны двѣ разныя пѣсни).

Падъѣхали быяри,
Ускликнула Варвара.
— Варварушка душечка,
Пади сюда—нябойся,
А што спросимъ—ня тойся:
Ти милъ табѣ батюшка,
Сударыня матушка?
— Какъ сяжу, такъ тужу;
На игру пайду—забуду;
Съ игры приду, скора ўмру,
Нигдѣ мѣста не найду:
Ни ў дяреўни, ни ў Масквѣ,
Ни ў гусударевый кантори.
Въ гусударевый кантори,
За дубовымъ за сталомъ,
Сядить писарь маладой,
Пишить, пишить въ два пера
Гусударевы дѣла.
Канторушка ни мила,
Сударушка ни была;
Канторушка растворилась,
Сударушка праявилась,
Всяму суду пакланилась,
А мнѣ, млайцу, ниже ўсихъ,
Садилася ближи ўсихъ,
Цалувала луччи ўсихъ,
Абнимала крѣпчи ўсихъ.

56.

(С. Лѣтошники, Росл. у.).

Между горъ вьется хмелинушка. Любовь парня и дѣвицы, осужденіе ихъ: среда, окружающіе люди говорятъ про нихъ.

А мизъ горъ-гары хмялинушка ни стелитца—ўетца,
Вой лели, лялешеньки, ни стелитца ўетца,—
Пра насъ съ табой, сударушка-жисть, вѣры няйметца.
Уси люди гаворють—пусть гаворють,
Пусть гаворють, авось перистануть,
А мы съ табой, сударушка, жить будимъ у мѣсти.
Батька въ Москву ни пущаитъ падаркыў купить:
Дарагой падарыкъ—кушакъ да китайка;
Кумачу я ни хачу, китайки ни нада,
Толька нада мнѣ залато калечка.

57.

(С. Лѣтошники, Росл. у.).

Соловей и чечотка; влюбленная чечотка возвращаетъ соловья, пролетающаго мимо зеленаго сада; безъ него она не пьетъ и не ѣстъ, и всѣмъ птицамъ скучно.

Мима мой зялёный садъ,
Мима мой зялёненькій
Пралиталъ салоўюшка,
Пралиталъ малоденькій.
А ў яго чачотычка,
Ина вумна, дагадлива,

Упяредъ залитала,
Салоўю варачала:
— «Варатись, салоўюшка,
Варатись, малоденькій:
Бизъ тябе, салоўюшка,
У саду нявесила:
Уси пташки прiўны...
Уси пташки пригарюниўшись;
Я жъ, чачотычка, я жъ ни пью,
ни ѣмъ.
Я тябе, салоўюшка, дажидаючи,
Съ путя жъ тебе зварачаючи!»

58.

(С. Лѣтошники, Росл. у.).

Дѣвица сдѣлала вѣнокъ изъ лазоревыхъ цвѣтовъ и положила на голову доброму молодцу. У молодца голова болитъ; лѣчить ее лентами алыми—свадебнымъ нарядомъ.

Я луги прашла, я зялёныи,
Ой ляли, ляли, я зялёныи,
Я твиты рвала я лазорливы;
Я вянокъ вила на галовушку
Добрыму молайцу свѣтъ Сергѣюшкѣ,
Свѣтъ Сергѣюшкѣ Памфимирычу.
У Сяргѣюшки галава балить.
Галава балить, свѣтъ галовушка.
Чимъ лячить яе, свѣтъ галовушку?
Алами лентами съ пазументами.

Слѣдующую пѣсню поютъ, бросая разубранную макушку березы въ воду:

59.

(С. Лѣтошники, Росл. у.).

Цвѣты рвала, вѣнокъ вила на свою веселую головушку. Старый мужъ пусть не показывается на улицу, не становится противъ молодой, не топчетъ ножекъ, сафьянныхъ сапожекъ, чулочекъ съ начосками.

А сильна, дробна пчила
На палетъ вылитала,
Ай лой лали, лали,
У лугахъ садилася,
Разныя цвяты—травы рвала,
Ина сабѣ вянокъ вила,
На сваю галовушку,
На сваю висёлую.
— Мой старый, старый мужъ,
Ни выхади на вулицу,
Ни станавись проти мине,
Ни 'ттапчи мнѣ ножиньки,
Сафьянныи сапожиньки,
Сапожки сафьянныи,
Чулочки съ начосками.

60.

(С. Лѣтошники, Росл. у.).

Дочь послѣдовательно спрашиваетъ у матери, какъ сѣять, пахать, скородить, полоть, выбирать ленъ.

— Какъ же мнѣ, матушка,
Какъ, гасударыня,
Скарадьбу скарадить?
—«Вотъ такъ, вотъ сякъ!» И т. д.

61 а).

(С. Лѣтошники, Росл. у.).

Зародился ленокъ, не съ кѣмъ его брать; свекоръ или нелюбъ напрасно предлагаютъ свои услуги.—Срв. вышед. стр. 158, № 141.

Сѣю, вѣю, (2) бѣлъ ляночикъ, (2)
Зарадился мой ляночикъ
Тонакъ, долагъ валакнистый,
Ленъ прядистый—гаривати!
Не съ кимъ ильну, ильну брати.

Свекоръ скажить:—я съ табою,
Я съ табою, съ маладою.
— «Чортъ, ни брання — гаривання!»

61 б).

(С. Каблуково, Красн. у.).

(Скакуха).

На гарѣ лёнъ, лёнъ, бѣлый кужиль.
Гарювати (2)—съ кѣмъ лёнъ брати.
Старый кажить (2):
— «Я съ табою, съ маладою».
— Чортъ, ни брання—гарювання!
Калива вырвить, два, три стопчить.

На гарѣ ленъ, ленъ, и т. д.
Малый кажить (2):
— «Я съ табою, съ маладою». —
— Чортъ, ни брання, и проч.
На гарѣ ленъ, ленъ, и т. д.
Роўный кажить (2):
— «Я съ табою съ маладою!»
— Красування—вотъ то брання!

62.

(С. Береснево, Духовщ. у.).

Дѣвица выхваляетъ свою долю: хорошо любить холостого парня, худая доля любить женатаго.

У саду, ў саду салавейка,
Усаду зелёнымъ литаить,—
Въ саду дѣвица гуляить,
Сваю долю выхваляить:
— Харошія таго доля,
Хто халостыга парня любить.
А халостая дятинка—
Слова ягада малинка:
А гдѣ ходить, гдѣ гуляить,
Вячоръ дамой паспиваить,
Въ яго матушка пытаить:
— «А гдѣ ходишъ - гуляишъ,
Каго любить нацинаишъ?“—

А худая таго доля,
Хто жината парня любить!
Во жинатая дятинка—
Слова горькая асинка:
Во йдѣ ходить—гуляить,
Къ нацы дамоў паспиваить,
На пастелю спать лажитца,
Къ жанѣ лицомъ варатитца,
Жонки праўду гаворить,
А йдѣ ходить—гуляить,
Во йдѣ ходить—гуляить,
Каво любить—патаить.

63.

(С. Пречистое, Духовщ. у.).

Въ зеленыхъ лугахъ зеленъ дубъ, на дубу орелъ съ далеко простертымъ взоромъ видитъ, какъ красная дѣвка просо сѣяла. Неурожай посѣяннаго—несчастливая доля за мужемъ—„метелицею“ (бездѣльникомъ). Срв. стр. 196, № 24.

А ў поли, ў поли, въ зиляныхъ лужкахъ,
Ой да люли, люли, зялёнъ дубъ стаить,
А на томъ дубу сизъ арёлъ сядить,
Сизъ арёлъ сядить, даляко сматрить,
Гдѣ красна дѣвица зямлю рыла,
Просу сѣила, слезна плакала:
Аи мыя зимля, ниўрадимая,
Ли мая проса ниўсхадимая,
А ти я дѣўка ни щасливая?—
Мая зимля ўрадимая,
Мая проса ўсхадимая,
И я дѣўка ўсё щасливая,—
А мой мужъ усе мятелица,
Бьётъ жану за бяздѣлицу:
Іонъ ударить па стянѣ, а скажить—па жанѣ.

64.

(Шоптово, Бѣльск. у.).

Дѣвица хочетъ итти (замужъ?) за высокую гору, въ веселое село, гдѣ она никогда не была.

За гарою за тэю высокою (2)
Тамъ стаяла село висялоя.
Я ў томъ силѣ зъ роду ни бывала,
Я тыхъ людей ни видала,
Я ў томъ силѣ хачу пувидати...

65.

(С. Шоптово, Бѣльск. у.).

1) Береза, стоящая надъ рѣкой, раскланивается съ дѣвушкой-сиротой, терпящей много отъ неродного отца и неродной матери.
2) Орелъ Божья птица, высоко летаетъ, у Бога бываетъ.

Бирёза кудрява,
Ня стой надъ рякою,
Паклонься са мною,
Са мной, съ сиратою.
А я, сиратинка,
Ни батьки, ни матки;
Есть батька—ня родный,
И матка чужая:
Рана пубужала,
Семъ дѣлъ нарижала.
Арёлъ, божжа птица,
Висока литаить,
У Бога бываить.

66.

(С. Побитое, Юхновск. у.).

Когда вѣнки водятъ.
Осмѣяніе одной деревни передъ другой.

Варабей мой, варабей,
Залётная пташичка.
Залятѣлъ мой вырабей
На чужую старану,

На Табарску слабаду.
Табарска слабада
Крапивый зарасла;
Тамъ некаму притаптать,
Некаму приламать:
Тамъ дѣвушки басыя,
Малодушки касыя.

Тутъ Бачаровска слабада
Малиныю зарасла;
Тамъ есть каму притаптать,
Есть каму приламать:
Тамъ дѣвушки въ башмачкахъ,
Малодушки въ сапажкахъ,
Стары бабы въ лапаткахъ.

67.

(С. Новоселье, Вязем. у.).

Выбралъ парень дѣвку въ хороводѣ и не велѣлъ ей гулять съ другими,— но хотя онъ и бьетъ ее, она его не боится, только батюшки родного.

Во лужкахъ, ахъ, была во лужечкахъ,
Во зелененькихъ лужкахъ,
Да въ зеленыхъ во лужкахъ,
Стыять дѣвушки въ кружкахъ,
Па другою стараною
Удалыя маладцы,
Удалыи, маладыи—
Нижинаты, халастыи.
Какъ пашли наши ребяты
Вдоль по кругу гулять,
Красныхъ дѣвыкъ выбирать.
Выбралъ, выбралъ парень дѣвку—
Нивиличка, да ростымъ нимала,
На ней шубушка й ала,
Душегрѣичка красна,
Въ касѣ лента ширака, 2

Въ карагодъ гулять пашла,
Маладцу сердца зажгла.
Какъ ударилъ парень дѣвцу
Всё па бѣлыму па лицу,
Да па румяный да па щакѣ,
Па зямчужной па сярьгѣ:
Какъ зямчужная сирёжичка разсыпалася,
Пирядъ молодцымъ дяўчоначка расплакалася:
— «Ты жъ ня бей, парень малодчикъ:
Да я теперача ни твыя,
Да радимыва батюшки.
Я гуляю, висялюся
Тибе, мой друхъ, ни баюся».

68.

(С. Егорье, Дорогоб. у.).

1) Дѣвушки, наплясавшись съ комаромъ, казнили его.
2) Жена мужа продала.

У лужкахъ дѣўки гуляли,
Съ камарушкымъ плисали.
Казнить, рубить камара:
Пакатилась галава
За заднія варата.
У насъ на улицѣ грамада.
Жена мужа прадала,
Задешива атдала,

Узила ина три рубля.
Купила ина три кыня,
Успахала ина три паля.
А за што ина яго прадала?
Плятеть лапти, кашали,
Аборы ўеть, какъ гужи;
Аборвитца—ни тужи,
Апослѣ скажи: надвяжи.

XIII. „КУПАЛА-НА-ЙВАНА“.

1 а).

(С. Данько́во, Смол. у.).

Черезъ село печь везена, въ ней девять „канашовъ“ (вар. конюховъ)— для всѣхъ дѣвицъ по одному, для одной—нѣтъ никого.

Купала на Йвана!
Купала на Йвана! (Припѣвъ).
Чиризъ сяло печъ везина,
У тэй печи девить канашоў:
Усимъ дѣўкымъ па канашечку,
Аўдотьи канаша нѣтути,—
Лучшій канаша—Николай душа,
Купала на Йвана!

1 б).

(С. Холощово, Краснинск. у.).

Чирясъ сяло печь висѣла,
Купала на Йвана! (Припѣвъ)
А ў тэй печи ўсё канюшочки.
А ўсѣмъ дѣўкамъ па канюшочку,
Аднэй Домни канюха нѣту,
Купала на Йвана!

2 а).

(С. Данько́во, Смол. у.).

Для тушенія огня дѣвица носитъ воду рѣшетомъ; въ рѣшетѣ воды нѣтъ— у свекра (батюшки, матушки) правды нѣтъ, и т. п.

Гарѣла Купала,
Купала на Йвана,
Я, молыда, тушила,
Рѣшетымъ ваду насила.
Якъ у рѣшети вады нѣтъ,
Такъ и у майго свёкра праўды нѣтъ.
Гарѣла Купала,
Я, молыда, тушила,
Кубычкымъ ваду насила.
Якъ у кубычку вада іость,
Такъ и у майго батюшки праўда іость.

2 б).

(С. Данько́во, Смол. у.).

Гарѣла поля, гярѣла,
Тушила Дуничка, тушила,
Въ рѣшетѣ ваду насила.
— Въ маёмъ рѣшетѣ вады нѣтъ,
У маего батюшки праўды нѣтъ:
Вчора абѣщали да й три шубки,
А сяводня не дають ни воднэй.
Гарѣла поля, гарѣла;
Тушила Дуничка, тушила,
Въ рѣшетѣ ваду насила.
— Въ маёмъ рѣшетѣ вады нѣтъ
У маей матушкѣ праўды нѣтъ:
Вчора обѣщали три юбки,
А сяводня не дають ни воднэй.

3 а).

(С. Каблуково, Краснинск. у.).

Гдѣ Купала ночевала? Что вечеряла? Даются разные отвѣты сатирическаго характера.

А Иванъ Марью звалъ на Купальню.
Купала на Йвана!
— Гдѣ Купала ночъ начувала?
— «Падъ асинкаю съ Максимкыю;
Падъ арѣшкаю съ Тярешкаю».—
— Што Купала вячиря́ла?—
— «А вареничкв съ цыбулію,
Кулажищу-неўважищу.

3 б).

Купалка, Купалка! Гдѣ Купалка ночъ начувала?
— У сурнычки, да и ў сувалкахъ,
А ў трастелкахъ—на качелкахъ. (Тамъ-же).

3 в).

(С. Холощово, Красн. у.).

Купала на Йвана!
— Што Купала вяче́рила?—
Купала на Йвана!
— «Капусту съ сокымъ,
П.... съ часнакомъ».
Купала на Йвана!

3 г).

Купала на Йвана!
Да за лупычку чарвей лубычку.
Купала на Йвана!
А на кончикъ чарвей корчикъ.
Купала на Йвана! (Тамъ же).

3 д).

(С. Иньково, Порѣч. у.).

Купалочка-русалоча
На дубъ лѣзла,
Кару грызла,
Зъ дубу звалилась:
На пень бокамъ,
На сукъ ж....

4.

(С. Холощово, Краснинск. у.).

Недолго кукушкѣ куковать—съ чистаго четверга до Петрова дня. Насмѣшка парней надъ дѣвками.

Ты кукуй, кукуй, кукушка,
Купала на Йвана!
Нямножка табѣ куковать—
Съ чистыга читвирга да Петра.

Ну перидъ Пятромъ пятымъ днёмъ
Купалися яйцы ў пастаяльцы.
А рибяты купали, дѣўки хлибали.
Купала на Ивана!

5.

(С. Пречистое, Духовщ. у.).

Иванъ Марью звалъ на Купальню.

Иванъ Марью зваў на купальню,
Иванъ Марью:
— Пайди, Марья, са мной на купальню,
Пайди Марья!
Саўю вянокъ, пайду ў танокъ,
Саўю вянокъ.

6.

(Леонпольск. вол., Дисненск. у., Виленск. г.).

Дѣвушки собираются на Купалу, молодушкамъ воли нѣтъ.

Хадиў чижикъ па улицы,
Збираў дѣвыкъ на Купальню:
— «Ну, дѣвки, на Купальню,
Нутя да вы, дѣўки, на Купальню!
Тамъ, дѣўки, свая волюшка,
Ажно жоначкамъ воли нѣту,
Нѣту воли а николи: (2)
Гаршочекъ кипить на загнѣти,
Дитя плачить ў кулюбели,
Свекыръ ляжить на пастели,
А свякроўка прыти печи,
А диверы каля столу,
А залоўки каля полу.
Пакуль млода прабралася,
И Купаленка минувалася.

7 а).

(С. Никола-Ядреичъ, Духовщ. у.).

Дѣвушки купались, парень покралъ рубашки и отказывается съ различными смѣшными пожеланіями себѣ.

Пашли дѣвушки купатца,
Паскидали ўсѣ рубашки;
Аткуль ўзяўся воръ Игнашка,
Украў Химину рубашку
Съ кужельными рукавами.
— «Ужъ ты, с. с., Игнашка,
Атдай Химину рубашку!»
А Игнашка пубажиўся,
Къ Николушки прилажиўся:
— Убей мяне, Божа, са палицы пирагами,
Затапи мяне, Божа, галавою у смитани,
Задуши мяне, Божа, у красный дѣўки падъ сиськами!

7 б).

(С. Сухой Починокъ, Ельнинск. у.).

Какъ на рѣчки на Казанки, 2,
Ахъ съ Дону, съ Дону маладыя,
Дѣўки брава удалэя.
На Казанки, 2,
Шли дяўчонки—запатѣли,
Пакупатца захатѣли,
Ахъ съ Дону и пр.
Паскидали рубашечки
Палажили на лужочку,
Ахъ, съ Дону, и проч.
Аткуль ўзяўся воръ Игнашка,
Пубраў дѣвиччи рубашки.
Но 'дна дѣўка пасмяленька:
Са вады йна вылизала,
За Игнашкой вслѣдъ бижала;
— «Ты, с. с., воръ Игнашка,
Ты 'тдай дѣвиччи рубашки!»
— Ну, ты, Лися, пастыдися:
Ты за мною ни ганися!

8.

(Леонпольской вол., Дисненск. у., Виленск. г.).

Св. Иванъ ляды палитъ—ячмень сѣять, пиво варить, сыновей женить, дочерей отдавать.

— Святэй Иванъ,
Што ты робишъ?
— «Ахъ, мой Божа,
Ляды палю».
— Святэй Иванъ,
На што ляды?
— «Ахъ, мой Божа,
Ячмень сѣить».
— Святэй Иванъ,
На што ячмень?
— «Ахъ, мой Божа,
Пива варить, 2
Сыноў жанить,
Дачокъ давать,
Пасагъ дѣлить».

9.

Купала кужели пряла, полотно ткала и бѣлила дочерямъ въ приданое.

— Да Купалинка,
Рано, рано. (Припѣвъ).
Гдѣ дасюль была,
— «За рякой была,
За быстрой была»,
— Што ты рабила?
— «Кужали пряла, 2
Ткала, бялила,
Замужъ дачокъ выдавала».
(Тамъ же).

10.

(С. Иньково, Порѣч. у.).

Купаленка — ночь маленька. Одобреніе трудолюбивой дѣвушкѣ и осмѣяніе беззаботнаго, непорядливаго парня сосѣда.

Купалинка—ночъ малинька.
Тёмная ночка, йдѣ твая дочка?
— У гароди, ў гароди
Гряды полить, руки колить,

Крапивыю стрыкливыю.
Чей жа лёнъ падъ балотымъ,
Ни по́латый,
Травой заросъ, макрицыю?

Пӑўливыў лёнъ падъ балотамъ,
Ни полатый,
Травой заросъ, макрицыю.

11.

(Леонпольск. вол., Дисненск. у., Виленской г.).

Похвала дѣвушкамъ своего села и хула чужимъ за ихъ лѣность къ работѣ

Ялушичка-зилянушичка,
То, то!
Ни станавися близка
Ля вёски, ли сила... [1])
Тамъ дѣўки лянивы—
Ня хочуть паливать.
Ялушичка—зилянушачка,
Станавися близка

Ля вёски, ли сила... [2])
Тамъ дѣўки дасужи:
Будуть рана ўставать,
Тябе паливать,—
Паліють тибе
Стюдёный вадой,
Пратопчуть чиравичками,
Прамятуть сукенками

12.

(С. Никола-Ядреичъ, Духовщ. у.).

Дѣвушка слушала игру на свирѣли, отецъ наказалъ ее прутомъ.

За рякой бурмище
На свирѣль играить,
А я, маладенька,
Была паслушенька.
А за тыя мяне паслушки

Батюшка биў лозовымъ прутищимъ;
Я съ тага пабою
Три нядѣли прахварала,
На чатвертую я ўстала.

Припѣвокъ: Ай, бай, гавари, галоўка.

13.

Дѣвушка любитъ парня, но не велитъ ему этого обнаруживать изъ боязни наговоровъ.

Ни ў трубу ли-я трубила,
Всё бъ са милымъ гаварила: 2
— Ужъ ты, Юшка, Юшка,

Ни садись проти мяне: 2
Скажуть люди, 2
Што ты любишъ мине.

(Тамъ-же).

---

[1]) Названіе сосѣдней деревни.—[2]) Назаваніе своей деревни.

14.

(Д. Даньково, Смол. у.).

На Купалу ребята и молодухи страдають животами.

За рѣчкаю агонь гарить,
Купала на Ивана, (Припѣвъ)
У нашихъ рибятъ животъ балить,
За рѣчкаю агонь тухнить,
У нашихъ маладухъ животъ пухнить.

15.

(Леонпольской вол., Дисненск. у., Виленской губерніи).

Панъ изъ-за рожденія дочери не хочетъ возвращаться домой.
(Срв. стр. 200 № 32).

Пàра па дуброви; пара па зялёный;
Тамъ да ѣхалъ вяликій панъ,
Рано, рано!
За панамъ у пагонъ слуги:
— «Пажжи, пастой, вяликій панъ:
Твая жана дачку мѣла».
— «Я ли дачки ни вярнуся:
Датцѣ маёнтыкъ атписаный,
Пасагъ атличоный».
Пара па дуброви и пр.
— «Твая жана сына мѣла».
— «Ля сына я вярнуся:
Сыну маёнтыкъ ни 'тписаный,
Яму деньги ни 'тличоны.

16.

(С. Пречистое, Духовщ. у.).

Батюшка пропиваетъ дочь за одну рюмочку вопреки ея просьбѣ.

Марья Ивану да й руку дала,
У тяремъ пувила за тисовый столъ.
А ў томъ тиряму мой батюшка пьеть.
— Пей ты, пей, батюшка, да мине ни прапей!
— «Дачушка родная, ты даўно прапита».
— Батюшка родниненькій, ти за многа прапилъ?
— «Дачушка Марьюшка, за'дну рюмачку».

17.

(Леонпольск. вол., Дисненск. у., Вил. г.).

Разговоръ двухъ сестеръ и двухъ ятровокъ о своей судьбѣ: первыя вмѣстѣ росли и разошлись врозь, вторыя—наоборотъ.

А за гумнищу, за ялищамъ
Двѣ ластовки щибитали.
Ни ластовки щибитали—
Двѣ сястрыцы размаўляли:
Умѣсти расли, да розна пашли.
За гумнищимъ, у ялищу
Двѣ ластовки ластовали.
Ни ластоўки ластовали—
Двѣ ятроўки размаўляли:
Яны розна расли, а ў мѣста сышли.

18.

(Дисненск. у., Леонпольск. вол., Виленск. г.).

Соколъ поймалъ чирочку и, ощипавъ ей крылья, пускаетъ къ стаду. Парень взялъ дѣвицу, расплелъ косу, надѣлъ чепчикъ и пустилъ къ подругамъ.

Зъ дуба, зъ дуба, да съ зеленыга,
 Ра́на, рано́ (послѣ кажд. стиха).
Да вылитиў, сокаля,
Паймаў чирычку, зылаты крылычки,
Ина у яго проситца, ина у яго молитца:
— «Пусти мине къ чирычкымъ,
Съ залатыми крылычками».
— Да ни пущу, ни пущу, пакуль тибе назначу:
Съ крылица пиранку вырву,
Тада пущу къ чирычкамъ
Къ чирычкамъ, залатымъ крылычкамъ,
Да выихаў Андрэйка, да выихаў маладэй,
Паймаў собѣ Аликсандринку, спаймаў сабѣ маладу,
Ина у яго проситца, ина у яго молитца:
— «Такей, сякей, Андрэйка, такей, сякей, малоденькій,
Пусти мине къ дѣвычкамъ, красным паненычкамъ!»
— Да ни пущу, ни пущу, пакуль тибе назначу:
Русу косу распляту, шалкоў чепчикъ надѣну,
Тада пущу къ дѣвачкамъ и красным паненычкамъ.

19.

(Виленск. губ., Дисн. у., Леонпольск. вол.).

Дѣвушки гадаютъ посредствомъ гороха, быть ли имъ замужемъ.

Якъ пойдимъ, сястрица, падъ ясну зарицу
У темну ночку Иванскую,
Принясёмъ, сястрица, жолтага пясочку,
Падсыпимъ, сястрица, падъ таткаву клѣтку:
Я знаю, я знаю, пясочикъ ня ўзойдить,
Мнѣ у татки ня быти, вяночкыў ня вити.
 Да пойдимъ, сястрица, падъ ясну зарицу,
У темну ночку Иванскую,
Принясемъ, сястрица, бѣлага гарошку,
Падсыпимъ, сястрица, падъ свёкрыву клѣтку:
А знаю я, знаю, гарошикъ узойдить—
И мнѣ у свекырьки быть.

20 а).

(С. Рудня, Ельн. у.).

Горька сорокѣ калина, сладка малина,—горчѣй того невѣсткѣ у свекра, сладще у отца.

Лятѣла сарока черезъ мохъ-балота,
 Ой лёли, лёли, черезъ мохъ-балота,

Ой сѣла сарока на калинывымъ кусти,
Склювала сарока калинывую ягодку.
Гарька мнѣ, гарька калинывая ягодка,—
Гарчѣй таго нявѣстки у свёкара жить:
Познинька ляжить, ина launinька ўстанить:
— «Уставай, нявѣстка, ўставай, нигодяй!
Бѣлъ кужиль ни пряденъ, красенцы не тканы!»
Лятѣла сарока черезъ мохъ-балота,
Ой лёли, лёли, черезъ мохъ-балота,
Ой сѣла сарока на малинывымъ кусти,
Склювала сарока малинывую ягодку.
Сладка мнѣ, сладка малинывая ягодка,—
Слажѣй таго мнѣ у батюшки жить:
Ранинька лякить, ина познинька ўстанить:
— «Ты, спи, спи, дачушка, ты спи, спи, какушка!
Бѣлъ кужиль пупрядинъ, красенцы патканы».
(Отъ старухи Устиньи Романовой).

20 б).

(Д. Долгія Нивы, Красн. у.).

Лятѣла сарока да черизъ балота,
Садилась сарока на ракитывый кустикъ,
Клювала сарока ягыду калину.
Горька мнѣ, горька калиницу кушать,—
Гарьчѣй тога нявѣстки съ свекрымъ жить:
Познинька паложить, ранинька узбудить:
— «Уставай, нявѣстка: ў печи горшки пирикипѣли,
Малыя дитя, пирирвалыся крича».
Лятѣла сарока да черизъ балота,
Садилась сарока на малинывый кустъ,
Клювала сарока ягыду малину.
Сладка мнѣ, сладка малиницу кушать,—
А луччи таго дачушки у батьки жить:
Ранинька паложить, познинька разбудить:
— «Уставай, дачушка, уставай, нябожа:
На улки дѣўки гуляють и тябе гукають».

21.

(С. Даньково, Смол. у.).

Сынъ прогоняетъ мать свою со двора; потомъ посылаетъ за нею погоню: его постигла кара Божья.

Гомынъ, гомынъ на улицы,
Пайдёмъ, братцы, паслушіимъ,
Што за гомынъ на вулицы?
Ай, сынъ зъ маткыю сваритца,
Іонъ сваритца, спинаитца:
— «А йди, мати, съ майго двара:

А ужу жъ ты мнѣ наскучила,
Дятей маихъ панудила,
Жану маю зажурила!»
Пашла мати заплакаўши,
Бѣлыя руки лумаючи.
— Иду поля и другоя,
На третія ўсхадёмши,
Станутка я, паслушію,
Ти ня стогнить дароженька,
Ти ня гонить пагонюшка,
Пагонюшка, родный сынокъ.
— «Вярнись, мати, ка мнѣ назадъ:
А ужу у мяне бида стала,
Мая жипа дочь приспала,
Вороный конь на стойли упалъ».
— За то жъ тябе Божа скараў,
Што ты мати зъ двара сагнаў...

22 а).

(С. Даньково, Смол. у.).

Братъ сестру губить везетъ, сестра проситъ не губить ее иначе, какъ подъ Ивановъ день, обсадить цвѣтами (вар. — „стрѣлками" цыбули): цвѣты будутъ рвать—ее вспоминать, а брата проклинать.

Гомынъ, гомынъ да й на дварѣ:
А братъ сястру губить вязеть.
Сестра у брата прасилася:
— А, брахненько да Иваничка,
Не губи жъ мяне падъ будень день,—
Сгуби мяне падъ святый день,
Падъ святый день, падъ Ивана,
Положъ мяне при ў дароги,
Абасодь мяне надгаткови,
Абсѣй мяне василёчками,
Пастяли мяне ўсё хусточками:
Дявочки йдуть, василёчки рвуть,
Малодки йдуть, наготки рвуть,
А рибяты йдуть, платочки сымають,
Мяне, младу, спаминають,
А брата Ивана праклинають.

22 б).

(С. Даньково, Смол. у.).

Туманъ, туманъ па далини,
Гомынъ, гомынъ на улицы:
Братъ сястру губить вязёть.
Сестра брату малилася:
— «А, брахнинька мой, Иваничка,
Не губи мяне ў будённый день.—
Загуби мяне падъ святэй день,
Падъ святэй день, падъ Ивана,
Паложъ мяне при ў дарози!
Дявочки йдуть, наготки рвуть,
Наготки рвуть, мяне, братицъ, вспуминають,
Мяне, братицъ, вспуминають,
Тябе, братицъ, праклинають.
Абсодь мяне ўсё цыбулею,
Абсѣй мяне ўсё василёчками!
Ребяты йдуть, стрѣлки лумають,
Стрѣлки лумають, мяне, братицъ, вспуминають,
Мяне, братицъ, вспуминають,
Тябе, братицъ, праклинають.

23.

(С. Плоское, Смол. у.).

Братъ съ сестрой переходятъ черезъ рѣчку по тесаному брусью; братъ перешелъ, сестра утонула. Сестра проситъ брата не ѣсть рыбы бѣлуги — тѣла ея, не пить изъ моря воды—крови ея, не ѣсть малины — губъ ея, не ѣсть смородины — глазъ ея, не оббивать жемчужной росы — слезъ ея, не топтать шелковой травы—косъ ея.

Тирязъ рѣчушку, тирязъ быструю,
Тамъ ляжить, ляжить брусья тёсаная.
Ой, туда йшоу братицъ съ сястрою,
Охи, братъ пиряшоў, систра утанула,
Рѣчъ прамовила:
— «Ты ня ѣшъ, братицъ, рыбы бялуги:
Рыба бялуга—да то тѣла маё;
Ня пей, братицъ, зъ моря воды:
А ў мори вада—да то кроў мыя;
Ты ня ѣшъ, братицъ, ты малиницы:
А малиница—да то губы мае;
Ты ня ѣшъ, братицъ, ты смародины:
А смародина—да то глазы мае;
Не 'ббивай, братицъ, зямчужный расы:
Зямчужная раса—да то слёзы мае;
Не тапчи, братицъ, шалковый травы:
Шалкова трава—то каса мыя!»

(Отъ Матрены Михалевой).

24 а).

(С. Даньково, Смол. у.).

1) Преимущество первой жены передъ второй. 2) Женитьба брата съ сестрою; происхожденіе цвѣтка „Иванъ да Марья“.

Налятѣли сакалы съ чужей далній стараны,
Сѣли, пали на ральли, прамижъ сабою гуркують:
— «Луччи тая скарадьба, чѣмъ ся тая наральля:
На скарадьбѣ пшаница, а на ральлѣ мятлица».
А ў горыди на таргу да два молайца идуть,
Да два молайца идуть, прамижъ сабой гаварять:
— «Луччи первыя жина, чимъ ся тая другая:
А я съ первыю жаной а я дѣтушикъ прижилъ,
Й а съ другею жаной я дѣтушикъ разагнаў!»
А што ў лѣсѣ свищеть?—Батька дѣтушекъ ищить:
— «Ахъ, вы, дѣтушки мае, сабирайтеся ка мнѣ!
Ти царю будитя служить, ти мачихи наравить?»
— Луччи царю служить, чѣмъ мачахи наравить:
Царю служомши—услужишъ, а мачихѣ не ўнаравишъ!
А ў горыди на таргу да два молыйцы идуть,
Прамижъ сабой гаварять:
— «Шанкарычка мылыда, прадай мёду фунты два!»
— А я меду ни прыдамъ, зы тябе дачку сваю атдамъ.
А ў скрысенья винчали, ў панядѣлыкъ спать клали.
Стаў пытати дятина, якога роду дяўчина.
— «Я съ Кіева вайтоўна, па батюшки Карпоўна!»
Стала пытати дяўчина, якога роду дятина.
— «Я съ Кіева вайтовичъ, па батюшки Карповичъ!»
— Ахъ, идѣ жъ таму было, штобъ систра за брата шла?
Систра за брата ня йдеть, а братъ сястру ни бяреть! *)

---

*) *Вар.*: Кабъ тэя мати прапала: брата съ сястрою звинчала (с. Медвѣдовка, Смол. у.).

Мы пайдёмъ у поля, мы скинимся травою,
27. Мы скинимся травою, а што братицъ съ сястрою.

(Запис. отъ Авдотьи Гучковой).

Примѣчаніе. Вторая тема (стихи 15—27) встрѣчается и въ видѣ отдѣльной пѣсни (С. Медвѣдовка, Смол. у.).

24 б).

(С. Слобода, Смол. у.).

Якъ у Слудску на рынку
Пьеть молыдицъ гарѣлку.
— «Шинкарычка мылыда,
Няси пива и вина,
Няси пива и вина—
Хуть на тысичу рубля!»
— А ти сапьешъ жа, молыдицъ,
А ти сапьешъ жа, бѣлинькій?
— «А хуть жа я ни сапью,
Усю глатву напаю,
А сапьеть мыя глытва—
Звисялитца гылыва».
— А кали ты еткій панъ,
Скидавай свой синь жупанъ?
— «На што табѣ мой жупанъ?
Іось у мяне деныхъ жбанъ!»
— А кали ты еткій панъ,
Я за тябе дачку 'тдамъ:
Мыя дачка Тытяна,
У каморн рожина,
У кастёли хрящона,
А ў церькыўки звянчона.
— Скажи, скажи, милинькій,
Галубчикъ мой сизинькій,
Аткуль жа ты рожиный?
— «Я съ Кіива вайтовичъ,
Пу батюшки Карповичъ.
Скажи, скажи, милинька,
Галубушка сизинька,
Аткуль жа ты рожина?»
— Я съ Кіива вайтоўна,
Пу батюшку Карпоўна.
— Багдай, мати, прапала:
Дачку съ сынымъ звинчала!
А пойдимъ мы абоя,
А пойдимъ мы ў поля,—
Пойдимъ мы съ табою,
Скинимся травою.
Будуть дѣўки траву рвать,
Насъ съ табою пуминать:
— «Ета тая травица,
Што братицъ-сястрица».

24 в).

(С. Медвѣдовка, Смол. у.).

А йдѣ тая травица, што братицъ-сястрица:
А брахнинька синій тьвѣтъ, а сястрица жоутый тьвѣтъ?
А йдѣ жъ тая Татьяна, што ў кастёли вѣнчана,
Што ў кастёли вѣнчана, у каморн спать клана?
— Скажи, скажи, Ванюшка, аткуля ты родиный?
— «Зъ горыду войтыў сынъ, пу батюшки Карпыў сынъ».
— Скажи, скажи, Танюшка, аткуля ты родиный?
— «Я съ горыду вайтоуна, пу батюшку Карпоўна».
— А ти Бохъ мяне забярёхъ, што съ сястрою спать ня лёхъ,
Прячистая й зберигла: сестра брата ни 'бнила.

(Отъ Настасьи Федоровой Абраменковой).

24 г).

(С. Медвѣдовка, Смол. у.).

На мори, на маряхъ
Кричить ворынъ па зарямъ,
На камушку сѣдя,
На Любушку гледя.
— «Съ первыю жаной
Дробныхъ дѣтушекъ нажилъ,
А съ другою сатаной
Дробныхъ дѣтыкъ разлучиў!»
Пашли дѣти паливать,
Родный матушки искать.
Родный матушки не знайшли,
У карчебиньку зайшли:
Карчебинька навая,
Карчебница малада.
У сабори винчалися,
У камору спать клали.
Спраси, молыдицъ, у дѣвицы родины!
— Скажи, дѣвица, хто у тябе родина?
— «А я роду папоўна,
А па атецку Карпоўна».
Спраси, дѣвица, у молыйца родины!
— «Скажи, молыдицъ, хто у тябе родина?»

(Конца не достаетъ).

24 д).

(С. Самохотовка, Смол. у.).

. . . .
— «Я па вотецку Карповичъ,
А па роду паповичъ.
Падай, сястра, вострый ножъ:
Я зарѣжу самъ сябе!»
— Пайдёмъ, братецъ, гарою,
Мы скинемся травою:
Ты будешъ алый тьвѣтъ,
А я буду жоўтый тьвѣтъ;
Ты будешъ Ваничка,
А я буду Марьюшка.
Бабы будуть грибы брать,
Ету травушку ирвать:
— Ета тая травушка,
Што братъ съ сястрою звиньчаўся!

(Ота Дарьи Тимофеевой).

24 е).

(С. Радошково, Ельн. у.).

. . . .
— Кали бъ ты быў добрый панъ,
Дыкъ у тябе синь жупанъ!
— «А на што мнѣ синь жупанъ,
Кали у мяне денихъ жбанъ!»
— Кали у тябе денихъ жбанъ,
Атдамъ дочку за тябе!—
А ў церькыўки винчалися,
А ў камори спать клалися,
Адинъ у 'днаго пыталися:
— Скажи, скажи, милая,
Аткелеча ты родиный?
— «Я съ Кіева вайтоўна,
Пу батюшки Карпоўна».
— Скажи, скажи, миленькій,
Галубочикъ сизинькій,
Аткелеча ты родиный?
— «Я съ Кіева вайтовичъ,
Пу батюшки Карповичъ».—
— А насъ Бохъ побярёхъ,

Што съ сястрою спать ня лёхъ!
— «Пайдёмъ, братицъ,
Скинимся ядиныю травицыю:
Ты будишъ, систра, жоўтый тьвѣтъ,
А я буду синій тьвѣтъ.
Будутъ дѣвушки идить
И насъ съ табою спуминать:
— Ета тая травища,
Што брахнинька-сястрица!

(Отъ старика Михаила Ильича Тюри).

24 ж).

(С. Никола-Ядреичъ, Дух. у.).

...Пайдёмъ, систрица, ў садочикъ,
И скинимся мы съ табою ў твяточикъ:
Ты будишъ синій василёчикъ,
А я буду жоўтый твяточикъ:
Хто будить ирвати
И вяночки спувивати,
И насъ, младыхъ, пуминати;
Я буду братицъ,
А ты будишъ сястрица;
Будимъ какувати—
Батьку съ маткыю гукати...

24 з).

(С. Злотово, Ельн. у.).

. . . .
Съ первый я жаной дробныхъ дѣтушикъ прижиў,
А съ другою жаной дробныхъ дѣтыкъ разлучиў,
Дробныхъ дѣтушекъ прижиў, въ чиста поля правадиў.
— «Сколька намъ, братицъ, ни хадить, радной матки ни найдить!
Зацвитимка мы, братецъ, съ табою красычками:
Ты синимъ цвѣтымъ, а я жоўтенькимъ,
Ты будешъ Иванымъ, а я Марьей!»

24 и).

(С. Николо-Ядреичъ, Духовищ. у.).

А ўдовушка, удава,
Пабѣдная галава.
Пашла ўдовушка ў кабакъ
Зилянова вина брать:
— Цѣлувальникъ маладой,
Аткрывай кабакъ навой,
Наливай палштофъ вина!
— «Удовушка, удава,
Клади кахтанъ падъ закладъ!»
— А на што намъ кахтанъ класть,
Када у насъ гроши есть?
У мяне ли гроши есть
И двѣ дочери есть:
Адна Катя, Катярина,
А другая Катинька.
— «Удовушка, удова,
Атдай Катю за мяне!»
Атдала ўдава Катю
За ўдалога малайца.
Стала Катя пастель слать,
Сталъ Ванюшинька пытать:
— «Ужъ ты, Катя, Катярина,
А йдѣ родвна была?»
— А родинымъ въ Кіеви,
Па прозвищу папоўна,
Пу батюшки Карпоўна.

Ужъ ты, Ваня, другъ,
Аткуль родиный вы?
— «А родинымъ у Кіеви,
Па прозвищу паповичъ,
Пу батюшку Карповичъ.
А Богъ мяне забярёгъ,
Што съ сястрою спать ня лёгъ!»
— А Прячистая зберигла,
Што я зъ братымъ ни лигла!
Ну, пайдёмъ, братицъ,
У зялёный садъ гулять;
Скинимся, братицъ,
Мы разными твитами:
Вы будитя сининькій,
А я жолтинькій.

25 а).

(С. Медвѣдовка, Смол. у.).

Вдова (или дѣвушка) родила двухъ сыновей и дочь и пустила сыновей на Дунай; спустя нѣкоторое время пошла за водой къ рѣкѣ, встрѣтила ихъ; не узнала и предложила сама выйти за одного, а дочь выдать за другого, сыновья укоряютъ ее (по вар., одинъ изъ нихъ снимаетъ ей голову съ плечъ).

Сядѣла ўдава поздна вечера адна,
Поздна вечера адна *),
Вси лычины припалила, вси агарычки прижгла.
Какъ пашла наша ўдава ина ў арѣшики адна,
Ина, пришоуши съ аряхоў, да й забременила.
Парадила ўдава двухъ сыноў сакалоў,
Двухъ сыноў сакалоў, третію дачку себѣ.
Парадёмши, ина сама бабою была,
Сама бабою была, ў китаичку спавила,
У китаичку спавила, на Дунай рѣчку знесла:
— «Ужъ ты, тихинькій Дунай, калыши маихъ дитей,
Ты, сырая мать-зямелька, ты карми маихъ дитей,
Ты, жаркыя сонца, угрѣвай маихъ дятей,
Ты, шалковая трава, адивай маихъ дятей,
Ты, рыба бялуга, ты лялѣй маихъ дятей,
Вы, дробныя дожжички, абмывайтя маихъ дятей!»
Ни хадила ўдава девить гадоў па ваду,
На дисятый годъ пашла ўдава па ваду;
Размахнула, пачарпнула, на плечки ўзила,
Ина на плечки ўзяла, на круту гару пашла
На круту гару пашла, ина пристоилася,
Ну за ею бигать два молыйцы хараши.
— «За 'днаго бъ я молыйца сама замужъ пашла,
За другога бъ молайца сваю бъ дачку атдала!»
— Сколька по свѣту ѣзживали,
А мы етакаи диковинки ня видывали,
Штобы мати за сына ина замужъ ишла,
Сваю родную дачку ина бъ за брата атдала!»

*) Повтореніе второй части каждаго стиха въ качествѣ припѣва.

Ужъ ты, мать мая радима, ты ня ўмѣла насъ кармить,
Ня ўмѣла насъ кармить, ты ня ўмѣла насъ паить:
Ни каровьимъ малакомъ, а ты свѣтлыю вадою,
Ты ни манною кашей, ты съ грячишныхъ крупъ;
Атдала ты насъ, мать, ты на синія моря,
Ускармила, ўспаила насъ сырая мать-зимля...
Па раждэнью, па труждэнью ты намъ родная мати,
Па ўскармленью, ўспаенью ты намъ лютая змія!
— «Не сярдитесь, мае дѣти, пайдёмъ вмѣстѣ съ вами жить,
Пайдёмъ вмѣстѣ съ вами жить, буду хлѣбымъ васъ кармить,
Буду хлѣбымъ васъ кармить, всё сытою васъ паить!»

(Отъ Федосьи Абрамовой, 17-лѣтней дѣвушки).

25 б).

(С. Радошково, Ельн. у.).

У багатага купца была дочка адна,
Была дочка адна, двухъ купчикыў любила,
Двухъ купчикыў любила, двухъ сыночкыў радила,
Двухъ сыночкыў радила, сама бабушкый была,
Сама бабушкый была, на тихинькій Дунай снисла.
— «Тихинькій Дунай, прими маихъ дятей,
Вы, крутыя биряжки, калыши маихъ дятей,
Вы, частыя звѣзды, присвѣчай маихъ дятей,
Ясный мисячокъ, пригрѣвай маихъ дятей!»
Ни хадила Катярина девить гадоў по ваду,
На дисятый гадочикъ дѣўка по ваду пашла,
Стала ваду дѣўка брать, стали берижки ўпадать,
Стали берижки ўпадать, карабличикъ приплавать.
На томъ жа карабли да два ўдалыхъ малайцы.
— «За 'днаго бъ я малайца сама замужъ пышла,
За другога бъ малайца сваю бъ дочку атдала!»
Яны 'динъ на 'днаго ўзглянулися,
Между сабой яны разсмяхнулися:
— Мы скраю на край моря выиздили,
Ну такей жа диковинки мы ня видывали,
Штобъ матка за сына замужъ шла,
И дочку за брата замужъ атдала!
Па раждэнью, па баленью ты намъ матушка радна,
А па паенью, па кармленью ты намъ лютая змія!

(Отъ старика Семена Григорьева Медвѣдя).

25 в).

(Рудня, Ельн. у.).

Парадила ўдовушка да й у-двухъ сыноў,
Слова ясныхъ сыкалоў.

— «Охъ, ты, тихинькій Дунай, ты прими маихъ сыноў,
Слова ясныхъ сыкалоў!
Охъ, ты, липушки,—то спавивушки,
Ухъ, бѣлыя бярёзы,—приўгаловьюшки!
Охъ, ты, рыба-платица, ты карми маихъ сыноў,
Слова ясныхъ сыкалоў!
Охъ, ты, тихинькій Дунай, калыши маихъ сыноў,
Слова ясныхъ сакалоў!»
Ни хадила ўдовушка о ина семъ годъ по ваду,
А ина семъ годъ по ваду,
А на восьмый годъ пашла ўдава по ваду.
Якъ плывуть, дакъ плывуть два караблички новыхъ,
А ў тыхъ жа караблячкыхъ два малойчики бялыхъ.
— Ахъ, ты, ўдовушка маладая, што за пирявозъ даси?
— «За 'днаго малойчика сама замужъ иду,
Сама ўдовушка пайду,
А за другога малойчика сваю дочерь атдаю!»
— Во жъ у нашей Расіи ни слыхать таго было,
Штобы родна матушка за сына пашла,
За другога за сына сваю дочерь атдала!
Па раждэньику свайму—буцца матушка радна,
Па скукобысти—слова лютая змія!

(Отъ старухи Ганны Пантелеевой).

25 г).

(С. Самохотовка, Смол. у.).

А якъ пышла наша ўдыва
Да ў варѣшики й адна,
Нащипала й ўдыва
Три мяхи варяхо́ў, 2
А чатвёртый шилухи;
А съ таго наша ўдыва
Да й забреминила.
Какъ радила ўдыва
Двухъ сыноў жа сакалоў;
Ни ўспаёмши, ни ўскармёмши,
На синё моря взнесла:
— «Охъ, ты, синія моря,
Ты лялѣй маихъ дятей;
А вы, дробныя дажди,
Абмывайтя маихъ дятей;
А вы, жаркія сонцы,
Абыгривайтя маихъ дятей;
А вы, буйныя вѣтры,
Калышитя маихъ дятей;
Вы, крутыя бирига,
Прибаюкивайтя!»
А ў нядѣльку, параненьку,
Пышла ўдыва по ваду.
Якъ плывуть ко ўдавѣ
Два грябцы малайцы.
— «За 'днаго бъ я малайца
Сама малада пышла,
За другога бъ малайца
Сваю бъ дочку я 'тдала!»
— Па раждэнью, па балѣнью —
Родна матушка бъ была,
Па кукобленью, па лялѣянью —
А ты лютая змѣя!

(Отъ старухи Лукерьи Бѣляёвой).

25 д).

(С. Хохлово, Смол. у.).

. . . .
А ў двѣнадцатымъ гаду
Шла ўдоўка пу ваду;
Да ну внизъ да па Дану,
Шла ўдоўка пу ваду;
Вдоўка стала ваду брать,
Къ ней караблинъ приплавать;
Въ томъ караблички
Да два молыйца сидять,
Пра жанитьбу гаварять,
Вдоўку замужъ брать хытять:
— «А, ўдовушка, ўдыва,
Пойдешъ замужъ за мяне,
За Ванюшу щегыля?»
— Ка мнѣ сватались сваты
Побыгаче за мяне,
Пакрасивѣй за тябе. —
За такую грубу рѣчъ
Снялъ галоўку ўдоўкѣ съ плечъ.

26.

(С. Самохотовка Смол. у.).

Трудно рыбѣ безъ воды, труднѣй вдовѣ безъ мужа: какъ ни живи, люди найдутъ, что сказать не въ твою пользу.

Лялѣить, лялѣить малёванъ човинъ на мори,
Въ тымъ чаўнѣ маладая ўдава танула,
Танучи, малёванъ човинъ звярнула.
Трудна мнѣ, бѣдна мнѣ, да рыбѣ щуки безъ вады,
Труднѣй жа, бяднѣй жа маладэй вдавѣ бязъ мужа.
Бѣла хадить ўдавѣ—люди скажуть: блядь вдава!
Чорна хадить вдавѣ—люди скажуть: нигадяй!
Буду хадить, буду хадить, буду хадить—
Буду хадить ни чорна, ни бѣла,
Буду любить, буду любить, буду любить—
Женатыхъ и халостыхъ буду любить!

27.

(С. Даньково, Смол. у.).

Дѣвица бѣлила полотна на Дунаѣ; казакъ ѣхалъ, сломалъ ей золотой вѣнокъ. Вдовушка-шинкарочка била дочку за потерю вѣнка.

Што ў поли при дарожки розна?
Ходить казакъ съ дяўчонычкый позна.
— Не хади-ка, казакъ, къ дяўчонычки позна:
Пра тябе жъ, казакъ, славушка худая!
— «А я славы не баюся:
Съ кимъ люблюся, сяду абаймуся;
Съ кимъ я знаюсь, съ тымъ я савѣнчаюсь;

Савѣнчавшись, пайду да шинкарки».
Шинкарычка шуринычку шила,
Вдовушка сваю дочку била,
А ина била, не нáхуда ўчила:
— «Гдѣ жъ ты, шельма, свой вянецъ зламила?
— Польна, мати, да мнѣ табѣ врати,—
Пара мнѣ, мати, всю праўду сказати:
На Дунаи я палотна бялила,
Туда ѣхалъ казакъ малоденькій,
Заламилъ мнѣ вянецъ залотенькій.

28.

(С. Буловицы, Смол. у.).

Дѣвица родила незаконно, нарекла сыну худую долю, отдала его въ солдаты за синее море.

Никакъ нивазможна ли
Бизъ пичали вѣкъ пражить.
Вздумаю я пра милыга,—
Ня милъ бѣлый свѣтъ,
Ня милъ мнѣ милёшаникъ
Ни мать, ни атецъ.
Я съ дасадушки
Бижала бъ я ў лѣсъ,—
Въ лѣсѣ пользы нѣтъ.
Въ лѣсѣ пользы нѣту ли:
Безъ вѣтру всё шумять,
Пра бярёзу гаварять:
– Бярёзанька бѣлая,
Бѣлая кудрявая,
На тябе, бярезанька,
Слиталися пташачки,
Салавей съ какушкыю.
Какуить какушица
Па тёплымъ лѣту,
Щабечить саловьюшка
Па сваёмъ гнязду.
Дяўчонка маладенькая
Ашибычку сдѣлала,
Ашибычку сдѣлала:
Сынка себѣ радила.
Худу долю нарикла,
Въ салдатушки атдала,
За синія за маря,
Въ чужея дальни гарада.

(Отъ солдата Бориса Демьянова).

29.

(С. Никола-Ядреичъ, Дух. у.).

Не лодочка, не весло, а чары привели молодца къ дѣвицѣ.

Арёлъ гусей ганяить,
Баринъ хлопца гукаить.
Заслышала дѣвица
Зъ висакога терима,
Накапала кариня
Съ-падъ бѣлыга каминя,
Натапила въ малакѣ,
Прастудила на рукѣ.
Адинъ паринь ни ўтапиўся,
Ка мнѣ милый прикрутиўся.
— Ти лотычка, ти вясло,
Чимъ тябе, милый, принясло?
— «Ни лотычка, ни вясло
Мяне, милыга, принясло:
Привёў мяне твой конь
Ки сударушки на ў пакой».

30.

(С. Даньково, Смол. у.).

Береза кудрявая потеряла вѣтья, дѣвица потеряла счастье: ея доля или въ морѣ потонула, или въ лѣсу заблудилась.

Бярёзынька й кудрявая,
Идѣ вѣтьтя дѣла?
Дяўчонычка малодая,
Идѣ щастя патиряла?
Ай, ти ў лѣси заблудила,
Ай, ти ў мори патанула?
Кали ў лѣси заблудила,
Выди на краёчикъ;
Кали ў мори патанула,
Плыви къ биряжочку!

31 а).

(С. Даньково, Смол. у.).

Братъ не бываетъ въ гости къ сестрѣ; проситъ она его скинуться цвѣткомъ: она бы его посадила въ своемъ саду, поливала бы сытою, жемчужною росою, горючею слезою.

Чомъ, чаму, братицъ,
Ка мнѣ ў госьти ни бываешъ?
Ти тябе, братицъ,
Дробны дѣтушки абсѣли,
Ти тябе, братицъ,
Млада жина ни пускаеть?
Скинься ты, братицъ,
Въ чистымъ поли красычкаю!
Я бъ тую краску
У сваимъ сади пасадила,
Я бъ тую краску
Всё бъ сытою паливала,
Сыты ни станить—
Всё бъ зямчужную расою,
Расы ни станить—
Всё гарючію слязою;
Я бъ тую краску
Сы корнемъ выкыпала!

(Отъ старухи Матрены Антоненковой).

31 б).

(С. Даньково, Смол. у.).

Ахъ, одинъ у мяне братецъ,—
И тэй въ госьти не бываеть!
Чомъ, чяму, братецъ,
Ка мнѣ въ госьти не бываешъ:
Ти тябе, братецъ,
Дробны дѣтушки асѣли,
Ти тябе, братецъ,
Жена млада не пускаеть?
Скинься ты, братецъ,
На юлузу красычкаю:
Я бъ тую краску
Въ сваёмъ садѣ пасадила,
Я бъ тую краску
Всё сытою паливала;
Сыты не стала бъ—
Всё зямчужныю расою;
Расы не стала,—
Всё гарючими слезами;
Я бъ сваего братца
Па вѣкъ вѣшный пыминала!

32.

(С. Самохотовка, Смол у.).

Братъ съ сестрою берутъ ягоды, кладутъ въ одно лукошко, идутъ на рынокъ, ищутъ той лавки, гдѣ продаютъ отца и мать,—не нашли...

У бару, пыдъ сасною,
Сядить братъ съ сястрою.
Ягодычки брали,
Въ адно судно клали,

Савѣнчавшись, пайду да шинкарки».
Шинкарычка шуринычку шила,
Вдовушка сваю дочку била,
А ина била, не нáхуда ўчила:
— «Гдѣ жъ ты, шельма, свой вянецъ зламила?
— Польна, мати, да мнѣ табѣ врати,—
Пара мнѣ, мати, всю праўду сказати:
На Дунаи я палотна бялила,
Туда ѣхалъ казакъ малоденькій,
Заламилъ мнѣ вянецъ залотенькій.

28.

(С. Буловицы, Смол. у.).

Дѣвица родила незаконно, нарекла сыну худую долю, отдала его въ солдаты за синее море.

Никакъ нивазможна ли
Бизъ пичали вѣкъ пражить.
Вздумаю я пра милыга,—
Ня милъ бѣлый свѣтъ,
Ня милъ мнѣ милёшаникъ
Ни мать, ни атецъ.
Я съ дасадушки
Бижала бъ я ў лѣсъ,—
Въ лѣсѣ пользы нѣтъ.
Въ лѣсѣ пользы нѣту ли:
Безъ вѣтру всё шумять,
Пра бярёзу гаварять:
– Бярёзанька бѣлая,
Бѣлая кудрявая,
На тябе, бярезанька,
Слиталися пташачки,
Салавей съ какушкыю.
Какуить какушица
Па тёплымъ лѣту,
Щабечить саловьюшка
Па сваёмъ гнязду.
Дяўчонка маладенькая
Ашибычку сдѣлала,
Ашибычку сдѣлала:
Сынка себѣ радила.
Худу долю нарикла,
Въ салдатушки атдала,
За синія за маря,
Въ чужея дальни гарада.

(Отъ солдата Бориса Демьянова).

29.

(С. Никола-Ядреичъ, Дух. у.).

Не лодочка, не весло, а чары привели молодца къ дѣвицѣ.

Арёлъ гусей ганяить,
Баринъ хлопца гукаить.
Заслышала дѣвица
Зъ висакога терима,
Накапала кариня
Съ-падъ бѣлыга каминя,
Натапила въ малакѣ,
Прастудила на рукѣ.
Адинъ паринь ни ўтапиўся,
Ка мнѣ милый прикрутиўся.
— Ти лотычка, ти вясло,
Чимъ тябе, милый, принясло?
— «Ни лотычка, ни вясло
Мяне, милыга, принясло:
Привёў мяне твой конь
Ки сударушки на ў пакой».

30.

(С. Даньково, Смол. у.).

Береза кудрявая потеряла вѣтья, дѣвица потеряла счастье: ея доля или въ морѣ потонула, или въ лѣсу заблудилась.

Бярёзынька й кудрявая,
Идѣ вѣтьтя дѣла?
Дяўчонычка малодая,
Идѣ щастя патиряла?
Ай, ти ў лѣси заблудила,
Ай, ти ў мори патанула?
Кали ў лѣси заблудила,
Выди на краёчикъ;
Кали ў мори патанула,
Плыви къ биряжочку!

31 а).

(С. Даньково, Смол. у.).

Братъ не бываетъ въ гости къ сестрѣ; проситъ она его скинуться цвѣткомъ: она бы его посадила въ своемъ саду, поливала бы сытою, жемчужною росою, горючею слезою.

Чомъ, чаму, братицъ,
Ка мнѣ ў госьти ни бываешъ?
Ти тябе, братицъ,
Дробны дѣтушки абсѣли,
Ти тябе, братицъ,
Млада жина ни пускаеть?
Скинься ты, братицъ,
Въ чистымъ поли красычкаю!
Я бъ тую краску
У сваимъ сади пасадила,
Я бъ тую краску
Всё бъ сытою паливала,
Сыты ни станить—
Всё бъ зямчужную расою,
Расы ни станить—
Всё гарючію слязою;
Я бъ тую краску
Сы корнемъ выкыпала!

(Отъ старухи Матрены Антоненковой).

31 б).

(С. Даньково, Смол. у.).

Ахъ, одинъ у мяне братецъ,—
И тэй въ госьти не бываеть!
Чомъ, чяму, братецъ,
Ка мнѣ въ госьти не бываешъ:
Ти тябе, братецъ,
Дробны дѣтушки асѣли,
Ти тябе, братецъ,
Жена млада не пускаеть?
Свинься ты, братецъ,
На юлузу красычкаю:
Я бъ тую краску
Въ сваёмъ садѣ пасадила,
Я бъ тую краску
Всё сытою паливала;
Сыты не стала бъ—
Всё зямчужныю расою;
Расы не стала,—
Всё гарючими слезами;
Я бъ сваего братца
Па вѣкъ вѣшный пыминала!

32.

(С. Самохотовка, Смол у.).

Братъ съ сестрою берутъ ягоды, кладутъ въ одно лукошко, идутъ на рынокъ, ищутъ той лавки, гдѣ продаютъ отца и мать,—не нашли...

У бару, пыдъ сасною,
Сядить братъ съ сястрою.
Ягóдычки брали,
Въ адно судно клали,

Въ адно судно клали,
На рынькъ насили;
Искали тэя крамки,
Идѣ прадають батьки;
Ягыдки прыдали,
А батьки ни купили.
У бару, пыдъ сасною,
Сядить братъ съ сястрою.
Ягодычки брали,
Въ адно судно клали, 2
На рынькъ насили;
Искали тэя крамки,
Идѣ прадають матки;
Ягыдки прыдали,
А матки ни купили,
Нѣту тэя крамки,
Идѣ прыдають матки.

(Отъ Лукерьи Бѣляёвой).

33 а).

(С. Самохотовка, Смол. у.).

У матери нѣсколько (12—9) сыновей и нѣсколько (4—1) дочерей; дочери въ лѣсу потеряли сестру, ея братья—охотники (разбойники) встрѣчаютъ ее въ лѣсу, и одинъ изъ нихъ собирается провести съ нею ночь, но по разспросамъ узнаетъ ее. (Срв. стр. 224 слѣд., № 24).

Было у маей матушки
Двинадцать сыночкыў, да ўсе Василёчки,
Чатыри дачушки—ўсё Катярушки.
Чатыри сыночки пашенюшку пашуть,
А ящо чатыри атца зъ матію кормють.
Чатыри дачушки пашли ягыдъ брати,
Ягыдъ не набрали, сястру патиряли.
Хадила, блудила па тёмнымъ лясочкамъ,
Па тёмнымъ лясочкамъ, па щирыхъ барочкахъ;
Хадила, блудила, краю не знайшла,
Приблудилась к'и торный дарожки.
К'и торный дарожки, к'и бѣлый бярёзки.
Побижають два сабачки,
Поѣзжають чатыри ахотнички,
Съ добрага каня слѣзають.
— «Здрастуй тобѣ, дѣўка здрастуй, красная!
Пайдёмъ, дѣўка красна, зъ нами!»
А ина идить ня хочеть, сильнёшенька плачеть.
Яны ўзяли дѣўку, съ сабой пувяли.
— «Ахъ, ты, дѣўка, ты, красная, тапи-ка ты хату!»
Ина хаты ня топить, сильнёшенька плачеть.
— «Ахъ, ты, дѣўка красная, вари-ка ты кашу!»
Каши ина не варить сильнёшенька плачеть,
— «Ахъ, дѣўка, ты, красная, садись-ка вячерить?»
Ина вячерить ня хочеть, сильнешенька плачеть,
— «Нуте-ка мы, братцы, на бирычку братца,
Каторыму брату съ дѣўкый спать лажитца!»
Якъ пришлося брату большему.

— «Ахъ, ты, дѣўка, ахъ, ты, красная, якога ты роду?»
Дѣўка ўздыхнула, силна заплакыла,
— «Ты, дѣўка-дявица, чаго силна плачешъ?
Ты, дѣўка-дявица, пазволь намъ спросити,
Якога ты роду, якога ты племя?»
— Я роду бальшога, батюшки раднога.
А у нашій жа матки двинадцыть сыночкыў,
Двинадцыть сыночкыў, чатыри дачушки.
Чатыри дачушки пашли ў ягыдки,
Ягыдъ не набрали, сястру пытиряли;
Чатыри сыночки пашеньку пашуть,
А ящо чатыри гусударю служуть,
А ящо чатыри за ахотую ходють.
— «Слава жъ тебѣ, Божа, што ў грѣхъ не ўступили,
Што ў грѣхъ не ўступили, сястру не згубили!
Ты жъ наша сястрица, ты жъ наша родная!»

33 б).

(С. Даньково, Смол. у.).

Було у маей матушки, двинадцыть сыночкыў,
Двинадцыть сыночкыў, чатыри дачушки.
Чатыри сыночки пашенички пашуть,
А яще чатыри гусударю служуть,
А яще чатыри за ахотую ходють.
Чатыри дачушки пашли ў ягыдки;
Ягыдъ ни набрали, сястру патиряли.
Хадила дяўчонка па тёмнымъ лясу,
Искала дяўчонка да торный дарожки,
Да торный дарожки, к'и бѣлый бярёзки.
Ахотнички свищуть, дяўчонучку ищуть.
— «А нуте-ка, братцы, шатры распинати,
Шатры распинати, агни раскладати!
А нука жъ ты, дѣўка, гатуй намъ вячерю,
Стяли намъ пастелю!.. Якога ты племя?»
— Я роду бальшога, племя дырагога,
— «А Богъ мяне побярёхъ, што съ сястрою спать ня лёхъ!»

33 в).

(С. Березовка, Дмитровск. у., Орловск. губ.).

Ишла, ишла дѣўка
У лѣсъ па калину,
Па сладкую малину.
Какъ на стрѣчу дѣвушки
Удалой добрый молыдицъ.
— «Здароў, здароў, дѣўка,
Здароў, здароў, красавица!
Садись, садись, дѣўка,
На ворына каня,
Дяржись, дяржись, дѣўка,
За молыдца плечи.
Адно поля ѣхали,

Да другоя ѣхали,
Да на третьимъ жа поли
Стали начувати,
Шатры распинати,
— «Ирви, ирви, дѣўка,
Шаўковыю траўку,
Стели, стели, дѣўка,
На мягкую пастелю.
Лажись, лажись, дѣўка,
Атъ чистыва полю,
А я, добрый молыдицъ,
Атъ тёмныва лѣсу.
Скажи, скажи, дѣўка,
Какова ты роду?»
— Да я умныва батюшки,
И разумный матушки.
Да мая жъ матушка
Ни родица была:
Девить сыноў парадила,
А дисятыю дочку,
Мяне, гарямыку!
— «Скажи-ка, скажи, дѣвица,
Скажи, красавица,
Идѣ жъ тваи братья?
— Чатыри-то браты
На рыбной-то ловли,
Ящо-то чатыри
Бѣлыму царю служуть,
А ящо-то братицъ
Па чистыму полю гуляить,
Разбой разбиваить.
— «Ты, красная дѣвица,
Будь мнѣ сястрица!»

34.

Одна изъ двѣнадцати дочерей вмѣсто отца дѣлается воиномъ; государь готовъ отдать за нее свою дочь.

Якъ сказали малайцу дай у службу йтить,
А ў таго жъ таго малайца
Нѣтъ ни матушки, ни 'тца,
Тольки ў таго малайца
Да двинадцать дачарей.
Во первая дочъ гаварить:
— Якъ идить, такъ идить!
А другая гаварить:
— Якъ служить, такъ служить!
А третія гаварить:
— Охъ, ты, батюшка радной,
Сизъ галубчикъ дарогой!
А справ́ жа мнѣ, батюшка,
Пухаву шляпу съ пяромъ,
Пирщатычки съ сирябромъ!—
Во якъ стаў жа молыдецъ
Въ первый роти на баку
Въ грынадерскымъ палку,
А якъ будить гасударь
Насъ асматривати:
— А што ета за такой
Бравый мальчикъ маладой, 2
Нижинатый, халастой?
За етыга жъ малайца
Сваю дочку бъ атдалъ!...

35.

(Леонпольск. вол., Дисн. у., Виленск. г.).

Молодка войны не боится, не такъ, какъ молодцы; шла въ походѣ, собирала ягоды—для матери на здоровье, для свекрови на погибель.

Што жъ то за малойцы,
Што вайны баялиси?
Якъ я маладенька,
Я вайны ни баюся!
Да семъ миль борымъ ишла,
Коника ў рукахъ вила
И ягóдачки брала,
На выборъ выбирала,
Беручи прамоўляла:
— «Ягóдки, ягóдки,

Каму жъ вы салодки,
А мнѣ, молыди, горьки.
На выборъ я васъ бяру,
Да не вѣдаю каму:
Кали мамульцы маей—
На здароўика жъ ей;
Кали свякровушки маей—
На пагибильлика жъ ей!»

XIV. ПЕТРОВКИ.

1.

(Леонпольск. вол., Дисненск. у., Виленск. г.).

Конь разыгрался передъ Петровымъ днемъ; свойства его—необыкновенны.

Пирядъ Пятромъ пятымъ днёмъ
Разаграўся Юрыў конь.
Капытомъ каминь разбилъ,
А хвастомъ зямлю пуписалъ,
А вушками далёка войска чуў,
А вочками звѣзды паличиў.

2 а).

(С. Даньково, Смол. у.).

Государевы ребята срубили три калиновыхъ куста, умостили три калиновыхъ моста; выгоняли три стада лошадей—провалились три стада лошадей и три калиновыхъ моста; жаль только одного коня вороного съ его дивными качествами.

Выхадили государевы ребяты,
Вынасили три сякурушки вастренькихъ,
Атрубили три калинывыхъ кусточки,
Умащали три калинывыхъ масточки,
Выгыняли трое стада лышадей;
Правалились три калинывыхъ масточки,
Правалились три стады лышадей.
Не жаль мнѣ трёхъ стадовъ лышадей,
Жаль мнѣ аднаго каня варанога:
Што за конь былъ, што за добрая лышадка!
Глазками конь всю Расею высматряеть,
Вушками конь всю Расею выслушаеть,
Губками конь синё море выпиваеть,
Капытычками бѣлый камень разбиваеть,
Хвостикымъ всю дарожку выметаеть.

2 б).

(С. Даньково, Смол. у.).

Выхадили 2
Гусударивы рибяты, 2
Вынасили 2
Три сѣкѣрицы вастренькыхъ, 2

Вымащали 2
Три калинавыхъ масточки, 2
Праганяли 2
Да три стады лашадей. 2
Абламились 2
Да три калинавыхъ масточки, 2
Правалились 2
Да три стады лашадей. 2
Што жаль жа мнѣ 2
Аднаго каня варанога: 2
Што за конь быў, 2
Што придобрая лашадка! 2

Зубками конь 2
Уси травы выидаить, 2
Губками конь 2
Уси воды выпиваить, 2
Ножками конь 2
Уси дароги выбигаить, 2
Хвостикамъ конь 2
Уси дароги вымитаить, 2
Капытомъ конь 2
Бѣлый каминь разсикаить, 2
Прамизъ ногъ конь 2
Уси дароги прапускаить. 2

(Отъ Егора Кублина).

3 а).

(С. Даньково, Смол. у.).

Молодуха не видитъ среди цвѣтовъ багроваго василечка: его сжали и взяли въ вѣнокъ. На торгу молодуха не видитъ своего милаго: взяли его татары и она радуется, что мужъ взятъ, и боится, что онъ вырвется.

Ужъ я по пылю хажу,
Я па чистинькимъ гуляю,
Што ня ўси тьвяты, гляжу,
Што хорыша растьвитаютца;
Аднаго я й ня вижу
Багровыга василёчка:
Ти яго жъ то рибяты
Да касами паскасили, 2
Да касами паскасили,
За шляпыми пазнасили?
Ти яго жъ то дявочки
Да сярпочками пажжали, 2
Да ў вяночки ўвивали, 2
На галовушку ўскладали, 2
Къ абѣдинки хадили?

Я по́ таргу хажу,
Я па рынычку гуляю,
Я усихъ людей вижу,
Што хорыша пьютъ-гуляють;
Аднаго я ня вижу
Свайго милыга дружочка:
Ти яго жъ то татары,
Да татарушки й узяли, 2
Яму ручиньки звизали, 2
Ножиньки скували?
Што ни жаль жа мнѣ,
Што татарушки узяли,
Толька жаль мнѣ таго,
Што ня крѣпка звизали:
А іонъ вырвитца, ўтякеть,
Мнѣ галовушку набьеть!

(Отъ старухи Матрены Григорьевой).

3 б).

(С. Полуёво, Росл. у.).

Я па полю хажу,
Я па чистыму гуляю,—
Я ўси цвяты вижу
Што хорыша расцвитаютца:
Аднаго ня вижу

Багровыга василька,
Багровыга василечка,
Што дявочки сырвали,
У вяночикъ сывивали,
На галовушку ўскладали.

Я па рыначку гуляю,
Я ўсихъ дружкоў вижу,—
Аднаго милыга ня вижу:
Ти татары узяли,
Руки, ноги звизали,
И ў салдатушки атдали?

4 а).

(С. Даньково, Смол. у.).

Думы крѣпкія молодца: жениться ли ему или коня купить.

Падумайтя, мае думушки, 2
Пагадайтя, мысли крѣпкія:
Ти жанитца добрыму молыйцу, 2
Ти за денюжки каня купить?
— Ни жанися, добрый молыдицъ, 2
Ты за денюжки каня купи:
Ни придасца твой вароный конь,—2
Ти прадаси, ти праминяешъ, 3
Ти таварышу пажалуешъ;
Ни придасца твая малыда жина,—2
Ни прадаси яе, ни праминяишъ, 3
Ни таварышу пажалуишъ.

(Отъ крестьянки Варвары Азаровой).

4 б).

(С. Даньково, Смол. у.).

Падумайтя, мае думушки, 2
Пагадайтя, мысли крѣпкія,
У—у—хъ!
Пагадайтя мысли крѣпкія: 2
Ти жанитца добрыму моладцу, 2
У—у—хъ!
Ти жанитца добрыму моладцу, 2
Ти за денежки каня купить?
У—у—хъ!
Падумали мае думушки, 2
Разгадали мысли крѣпкія,
У—у—хъ!
—Ни жанися, добрый молыдецъ, 2
А за денежки каня купи.
У—у—хъ!
Ни придастца мой вароный конь, 2
Ти прадамъ яго, ти праминяю,
У—у—хъ!
Ти прадамъ яго, ти праминяю, 2
Ти таварищу пажалую.
У—у—хъ!
Ни придастца малада жина,—2
Ни прадать яе, ни праминять,
У—у—хъ!
Ни прадать яе, ни праминять, 2
Ни таварищу пажалавать,
У—у—хъ!

5.

(С. Даньково, Смол. у.).

Объ упавшемъ съ коня молодцѣ заботится только его подружка.

Вохъ, и якъ жа мнѣ быть!
Ой, люли, ой люли.
Пачала дружка любить. 2
Пагодушка заўнялась,
Бѣлинькій сняжокъ напаў,
Милый съ койника упаў;
Іонъ, упаўши, ляжить,
Нихто къ яму не бяжить.
Яго вѣрныя сударушка
Ина пахаживала,
Ина частешенька ў вакошечка
Ина пасматривала,
Ина скарёшенька бѣжала,
За праву руку схватала:
— «Ты стой, милый, ни ляжи,
Сѣдлай коника, бяжи:
Ты паѣдешъ, милъ, гулять,
Заѣзжай ка мнѣ у садъ!»

6 а).

(С. Даньково и с. Плоское, Смол. у.).

Дѣвица, взятая въ полонъ, плачетъ: присватался къ ней самый набольшій изъ похитителей.

— Дунаю мой, Дунаю, Дунай тихинькій,
А што жъ ты, Дунаю, тихинька станшъ?
— Якъ жа мнѣ, Дунаю, тихыму й ня быть?
А на мнѣ, Дунаю, три роты салдатъ:
А ў первый жа роти коничекъ иржеть,
А ў другей роти шабелька блищить,
А ў третьей роти дѣвица плачеть.
А коничекъ иржеть, дарогу чуить,
А шабелька блищеть, галоўки литять,
А дѣвица плачеть, замужъ ня хочеть.
Присватыўся къ дѣвушки старшій набальшій:
— Ни плачъ, ни плачъ, дѣвица, ни плачъ, красная;
Слуги будуть пастелю слать, а са мною спать!

6 б).

(С Плоское, Смол. у.)

— Дунай мой, Дунаюшка, Дунай тихинькій,
Што жъ ты, Дунаюшка, смутёнъ-нивясёлъ?
— Якъ жа мнѣ, Дунаюшки, вясёлыму быти?
Нада мною, Дунаюшку, три роты салдатъ:
Первая ротычка Иваноўськая,
Другая ротычка Папасоўськая,
А третія ротычка Питянбурская.
У Иваноўськей ротычки коничекъ иржеть,
Коничекъ иржеть, иржеть, дарожку чуить;
У Папасоўськей роти дявица плачить,
Дявица тужить, плачить,—замужъ ня хочить.
Якъ пріѣхыў къ дявицы школьникъ-палкоўникъ:
— Ни плачъ, ни плачъ, дявица: я замуждъ вазьму,
Хуть я ни за сябе, за службу сваю:
Слугѣ будишъ пастелю слать, са мной будишъ спать,
Слугу будишъ й абнимать, мяне цулувать!
— Што жъ то ни за птица, што два гнязды ўеть,
Што жъ ни за дѣвушка, што два други ймѣть!
Въ Питянбурскій ротычки шабильки лещать-брещать,
Шабильки лещать-брещать, на вайну хочуть.

(Отъ Матрены Лаврентьевой).

7.

(С. Сухой Починокъ, Ельн. у.).

Около лѣса сиротки берутъ ягодки для чужихъ родителей. Чужой отецъ, какъ медвѣдь, помялъ ягоды и спасибо не сказалъ.

Кала лѣсу, лѣсу сиратинушки ходють,
Жаль-то мнѣ, жаль, ды нечига дѣлать.

Сиротушки ходють, ягадушки бяруть
Нятродныму батьки, няродный матки.
Чужей батька пажраў, якъ мядвѣдь пумяў,
Якъ мядвѣдь пумяў, іонъ спасиба ни сказаў.

8.

(С. Даньково, Смол. у.).

Малая сиротина ходитъ около лѣса и беретъ ягоды. Мачеха сѣкла сиротку крапивою стрыкливою.

Я, малая сиратина, кала лѣсу хадила,
Кала лѣсу хадила, ягыдычки сбирала.
Ай, ягыдки салодки, а ти тутъ ихъ ѣсти,
А ти тутъ ихъ ѣсти, ти дворушку нести?
У мяне ў дварѣ ни братушка,
Ни матушка, ни батюшка,
Толька іость лиха мачиха,
Сѣкла мяне крапивыю, крапивыю стрыкливыю.
Було маё тѣла бѣла, атъ крапивы патускнѣла.

(Отъ Матрены Антоненковой).

9.

(С. Шаталово, Смол. у.).

Горькая, безотрадная жизнь; нѣтъ ни въ чемъ счастья молодухѣ. Проситъ она своего отца, чтобы онъ побывалъ у нея, взялъ ея кручину, свезъ въ чистое поле, посѣялъ ни часто, ни рѣдко, чтобъ горе-кручина не всходило, не зацвѣтало синимъ цвѣтомъ, чтобы дѣвушки не рвали, въ вѣночки не ввивали, на головки не вздѣвали, на улицу не ходили, съ ребятами не гуляли.

Што ни даў мнѣ Богъ доли, 2
Што ни ў поли, што ни ў доми, 3
Што ни ў лѣтихъ, што ни ў дѣтихъ, 3
Што ни ў маёмъ милымъ дружочку, 3
Толька далъ мнѣ Богъ долю—3
Правяликую кручину.
Охъ, ты, татку мой, татку, 2
Пубывай въ маей хатки, 3
Пыгляди маей кручины, 3
Ты вазьми маю кручину, 3
Въ тонка-бѣлую халстину, 3
Увяжи маю кручину, 3
Въ выpaну каню ў гриву, 3
Ты вязи маю кручину, 3
На широкую далину, 3
Ты разсѣй маю кручину 3
Всё тупыми лемешами, 3
Заскародь маю кручину 3
Всё клицами, баранами;
А штобъ жа йна ни ўсхадила, 2
А ни часта, ни рѣдка, 3
А штобъ жа йна выцвитала, 3
Жоутымъ цвѣтымъ, пустацвѣтымъ, 3
Штобъ жа дѣвушки ни рвали, 3
На галоўку ни ўскладали, 3
У Божій крамъ ни ўсхадили!» *)

(Отъ Лукерьи Бѣляёвой).

---

*) Вар.: Штобъ дѣвушки ни рвали
И ў вяночки ни ўвивали,
На галоўку ни ўздивали,
На вулицу ни хадили,
Зъ рибятыми ни гуляли.

(Даньково, Смол. у.).

10.

(С. Даньково, Смол. у.).

Свекоръ—не чета батюшкѣ. Молодуха разсказываетъ отцу про свое горе: про жизнь съ лихимъ свекромъ и нелюбымъ мужемъ, отъ котораго она терпитъ жестокіе побои.

Кала садичку, садичку красычки твитуть,
А сиридѣ садику пташечки пяють,
А мнѣ маладешинькѣ зазнобы дають.
Въ мяне, мыладешиньки, свёкырька лихей:
Прадала бъ я свёкырьку за два шелига,
Купила бъ я батюшку ўтри-дарага;
Гаварила бъ я зъ батюшкую всю вясеньнію ночъ,
Разсказала бъ я батюшки пра горя сваё,
Якъ мы съ сваимъ милинькымъ ня ў люби живемъ:
Падъ нами пастелюшка якъ лёдъ халадна,
Шалковыя діялушка въ нагахъ лижала,
Пухавы падушички въ слизахъ танули;
Тисова краватушка ўсю ночъ скрипѣла
Ряменныя петельки ўсю ночъ звизжали,
Маё тѣла бѣлыя ўсю ночъ дрыжѣла.

11.

(С. Даньково, Смол. у.).

Показываетъ пляской, какъ съ чужаго поля итти, какъ свекору норовить.

Охъ-ти мнѣ, якъ-жа мнѣ
Да съ чужога поля двору йдить?
Охъ-ти мнѣ, якъ-жа мнѣ
Да чужому батьки наравить?

Вотъ такъ-жа, вотъ етакъ
Да съ чужога поля двору йдить;
Вотъ такъ-жа, вотъ етакъ
Да чужога батьку назаву!

12.

(Д. Алексино, Смол. у.).

Жалоба на плохое житье въ семьѣ мужа.

Я мала была, я съ атцомъ спала,
Я съ атцомъ спала, съ роднымъ батькаю;
Пиристала я спать, стала горя знать.
Якъ атдалъ мяне батька даляко замужъ,
А ў тую дяреўню, ни ў вяселую,
А ў тую сямью, ни ў сагласную,
За такого мужика за дурацкыга.
Якъ мы лstates спать--ни па людскаму,
Ни па людскаму, па дурацкыму:
Къ стянѣ вачми, въ избу плячми;
Прамизъ насъ ляжить во лютой жа змѣй

И лютая змія съ зміинятками.
Што лютой жа змѣй—во то свёкырька,
Што лютая змія—то свякровушка,
Зміинятычки—то заловушки,
Вужлинятычки—то диверьюшки.

13.

(С. Починокъ, Ельн. у.).

Дѣвица, далеко отданная замужъ въ незнакомую сторонку, уподобляется кукушкѣ, кукующей день и ночь; никто ее не навѣститъ.

Гарямышная наша какушка:
День и ночку какушка какуить,
Ина какуить, гнядзечка гатуить,
Ина грѣить, ничѣмъ ни нагрѣить.
Ва ўсемъ свѣти дѣўка параждона,
Ина далеча замужъ атдадёна:
За три новыхъ, новыхъ гарадочки,
За чатвёртый горыдъ незнакомый;
Нихто къ дѣўки ни йдеть, ни заѣдить,—
Залятѣла да три галубочки...

(Отъ крестьянки Ганны Семеновой).

14.

(С. Киселевка, Смол. у.).

Чужая сторона для молодки не то, что родная: полынью усѣяна, горчицею взошла.

Я засну, засну, забудуся,
Я прашнуся—мнѣ всё 'дно на умѣ,
Што я, млада, на чужей старанѣ.
На чужей дальній старонушки
Палыномъ поля усѣина,
А гарчицыю усхадила;
На маей жа старонушки
Всё пшаною поля усѣина, 2
А малиныю й усхадила,
А смародиный усожина.

(Отъ старухи крестьянки Екатерины Прохоровой).

15.

(С. Даньково, Смол. у.).

Горькое житье въ семьѣ мужа; сожалѣніе родителей.

Галовушка мыя горькая!
А у мяне матушка ня родная,
Сямеюшка ни сагласныя:
Сами сядуть, павечеріють,
Мяне, младу, пу ваду пашлють.
Ой, я, млада, и трясусь, баюсь.
Якъ пайду, млада младешенька,
Черезъ батькина падворьика,
Мой батюшка й у варотъ стаить,
А матушка у вакно глядить;
А майго батьки слёзы котютца,
А у матушки—якъ рѣка льютца.
— Не жалкуйся ты, дитятынька,
Ни на батьку, ни на матушку,
А жалкуйся, маё дѣтитка,
А жалкуйся, маё милоя,
На сваю буйну галовушку!

16.

(С. Даньково, Смол. у.).

Дочка къ матери въ гости ѣхала — не доѣхала и послала къ ней соловья съ поклономъ.

Изъ-за лѣсу, лѣсу тёмнага,
Што зъ-за садику зялёныга,
Нахадила туча грозная,
А другая нипагодливая;
Тую пару, тоя времечка,
Дачка къ матки ў гости ѣхала,
Ина ѣхала й не даѣхала,—
Сярёдъ лѣсу ина станавилася;
Кабылёнка притамилася;
Съ салаўями думу думала,
Съ салаўями раду радила:
— «Ты ляти, ляти, салоўюшка,
Ты ляти къ маей матушкѣ,
Ты няси, няси маей матушкѣ
Ты низкой паклонъ!»

17.

(С. Даньково, Смол. у.).

Родители не идутъ къ дочери на пирушку—не хотятъ бросать работы.

Якъ пайду я, пайду далинъ-далиною,
Ти найду я каго родныга свайго.
А тамъ жа мой батюшка да сѣнушка косить.
— «Ты кинь, ты брось, батюшка, ты сѣна касить:
Хади-ка, мой батюшка, мёду-вина пить!»
— Ня кину я, дѣтитка, я сѣна касить,
Ни пайду къ табѣ, дѣтитка, меду-вина пить!
Якъ пайду я, пайду далинъ-далиною шурокенькыю,
Ти найду каго родныга свайго.
А тамъ мая матушка да житушка жала:
— «Ты кинь, ты брось, матушка, ты житушка жать:
Хади ка мнѣ, матушка, мёду-вина пить!»
— Ни пакину, дѣтитка, я житушка жать,
Ни пайду къ табѣ, дѣтитка, меду-вина пить!

18.

(С. Даньково, Смол. у.).

Послѣ смерти отца прекратится связь молодухи съ роднымъ дворомъ, зарастетъ ея дорожка къ родному пепелищу.

Бярёзынька, ты, кудрявая,
Ня стой-ка ты ли дарожиньки:
Буду ѣхать къ батьки ў гостики,
Абабью табѣ каренника.
Ты, малодка, ты, малодая,
Галовушка пабѣдная,
Ни хвались-ка жъ ты загади:
Якъ памреть жа твой батюшка,
Зарастеть твыя дарожинька
Частымъ ельничкымъ-бярезничкымъ,
А ўсё горькымъ асинничкымъ.

19.

(С. Даньково, Смол. у.).

Полынка-злодѣйка сама сѣялась.

Ты, палынка (2), траўка й горькая,
Што ни я й тябе садила, ни я й сѣяла,—

Што сама ты, призладѣйка, въ сади зарадилыся,—
Занила ты, призладѣйка, зямлю й добрую,—
Зямлю й добрую, хлибародную!

20.

(С. Даньково, Смол. у.).

Крапива заняла всѣ дорожки, нѣтъ милому проходу; его конь плачетъ: негдѣ ночь ночевать.

Ты, крапивушка зялёная,
Зялёная, кучурявая,
А ўси полюшка прузяленивала,
Усѣ пути мае, дароженьки:
Нѣту милыму праходушки,
Ни пѣшему, ни на лошади.
Гонить милый табунокъ лашадей,
Напярёдъ идеть буланый конь,
Буйну голыву павѣсиўши,
Кары глазыньки заплаканы.
— «Охъ, конь мой, вароный конь,
Што, конь, тябѣ тижало:
Или тяжка табѣ запряжка мыя,
Или тяжела путь-дароженька?»
— А ни тяжка запряжка твыя,
Ни тижила путь-дароженька,—
Нидѣ на нычъ ни дапросисься,
Аўса, сѣна ни дакуписься!

21 а).

(Леонпольск. вол., Дисн. у., Виленск. г.).

Молодицѣ трудно жить съ „благимъ" (вар. старымъ) мужемъ; молодки совѣтуютъ ей извести мужа: напоивъ его до-пьяна, вывести въ поле, окрутить соломой и поджечь (или она сама догадывается это сдѣлать).

—Да бѣлая бярозачка,
Ти ня тяжинька жъ тибѣ
Въ тёмнымъ лѣси стаяти,
Въ чиста поля глядѣти?
Маладая маладица,
Ти ня тяжинька табѣ
За благимъ мужимъ жити,
На добрага глядѣти?..
—А жоначки, лябедачки,
Вы дайтя мнѣ радачку,
Да дайтя мнѣ радачку,
Якъ съ благимъ мужимъ жити?
—Маладыя маладица,
Да вазьми хмелю жменю,
Да другую ячменю,
Навари пива пьяна,
А упой мужа дужа.
Да вязи ў чиста поля,
Да палажи подо бярозой,
Абтягни яго саломкаю,
Да падпали лучинкаю,
Сама выйди на вулычку,
Крыкни, гокни ратунучку:
Здаетца, и дожъ ня быў,
Здаетца, и громъ ни гримѣў,—
Майго мужа пярунъ забиў,
Маланьёй подпалила.

21 б).

(С. Даньково, Смол. у.).

—Ты, рябиница кудрявая, 2
Ты чаго стаишъ ня зелина?
Ты, малодушка маладая, 2
Ты чаго сядишъ ня весила?
—Якъ пайду я ў зялёный садъ,
Нащиплю я хмелю ярыга,
Наварю я пива пьяныга,
Напаю я свайго старыга,
Вазьму, млада, куль саломушки,
Абгаражу я свайго старыга,
Запалю я куль саломушки,
А сама пайду на вулицу:
—«Ахъ, вы, кумушки—галубушки,
Ти ня чули вы, ти ня видили,
Што сяе начи граза была:
Майго старыга громъ забилъ,
Маладнёй глазы павыпикла!»

22.

(С. Радошково, Ельн. у.).

Бѣдовая баба: мужа со свѣту сбавила, кочергою зубы выбила, молоньей глаза выпекла.

Ты, Кулина, ты, Кулиница, 2
На што мужа съ свѣта сбавила,—
На што съ свѣту сбавила,
Качарьгою зубы выбила, 2
Маланьёю глазы выпикла?!

23 а).

(С. Даньково, Смол. у.).

Тоска по миломъ дружкѣ; работа на умъ не идетъ; заботы о его ребенкѣ.

Што нихто таго не вѣдаить,
Што на маёмъ серцы дѣитца:
Мнѣ ни пить, ни ѣсть ня хочитца,
Работушка на умъ не йдёть,—
Тольки милинькій съ ума не йдёть!

(Отъ Агриппины Ивановой).

23 б).

(С. Шаталово, Смол. у.).

Што нихто таго не вѣдаить, 2
Што на маёмъ сердцы дѣитца, 3
Мнѣ ни пить, ни ѣсть ня хочетца, 3
Мнѣ работушка на вумъ ня йдёть, 3
Да мой миленькій съ ума ня йдёть.
Якъ пайду жъ я на рынычикъ, 2
Якъ куплю я сабѣ люличку, 3
Люльку, люльку дарабчастую, 3
Я пачопычки пяньковыя, 3
Я пялёнычки бялёвыя, 3
Спавивуши шалковыя.

24.

(С. Даньково, Смол. у.).

Дѣвушка рѣшается любить одного дружка, по немъ плакать и тужить.

Ужъ вы, дѣвушки, мае падружки,
Вы придити-ка ка мнѣ,
Пасавѣтыйтя жъ вы мнѣ,
Да нищасный сиратѣ!
Пачаму жъ я, дѣвушка, сирата?
Нѣтъ ни матушки, ни'тца,
Нѣтъ раднога никаво, 2
Нѣту й милыга при мнѣ,—
Кручинушка велика.
Я кручину прочъ аткину,
Пастаянна буду жить,
Аднаго дружка й любить,
Па имъ плакыть и тужить!

25.

(С. Даньково, Смол. у.).

Голосъ голубка не доносится до голубки: его вѣтромъ разбиваетъ, и голубокъ не знаетъ о горѣ своей подружки.

Ужъ ты, голубъ, ты, мой галубочекъ,
Разнасизинькій, ты, мой гаркуночекъ,
Што жъ ты, голубъ мой, ка мнѣ ни литаишъ,
Што жъ ты, сизинькій, са мной ни гуркуишъ?
Галасочку жъ я тваяго й ня слышу:

Твой грамкой голысъ вѣтрикъ разбиваить.
Што ни ластушка по пылю литаить,
Ни касастыя къ зямли припадаить,—
Ти ты жъ, милый мой,
Горюшка майго ни знаишъ?!

(Отъ крестьянки Матрены Антоненковой).

26 а).

(С. Даньково, Смол. у.).

У милаго дружка умъ-разумъ — расхожій: подчиняясь вліянію постороннихъ людей, по ихъ навѣтамъ, измѣняетъ онъ своей подружкѣ. — Не взирая на осужденіе людей, дѣвица соглашается съ парнемъ любиться неизмѣнно. — Чужая сторонка — разлучница.

Заради, Божа, капусту, бѣлый качаночикъ,
О што бѣлый качаночикъ ли дружка милога!
О майго милога вумъ-разумъ расхожій:
Куды вѣтрикъ павѣить, туды лѣсъ паклонить,
А што люди пагаворють, а іонъ вѣры йметь.
Якъ пайду я, маладенька, а ў нову святличку,
Якъ сяду я, маладенька, падъ краснымъ вако...
Якъ гляну я, маладенька, а ў чистыя поля:
А па полю па чистенькимъ люди работáють.
Паслухай-ка, другъ любезный: аны насъ асуждають.
Пускай судють, пусть гаворють, авось перигаворють.
А мы съ табою, другъ любезный, люби наживёмся,
Люби наживёмся, другомъ наживёмся.
Што разлучить насъ нявoлька—чужая старонка,
Што чужая старонка—маскоўська дарожка.

26 б).

(С. Даньково, Смол. у.).

Заради, Божа, капусту,
Бѣлый качаночикъ, бѣлый качано...,
Ахи, бѣлый качаночикъ
Ли дружка милога, ли дружка мило....
Ну, ў майго жъ то любезныга
Умъ-разымъ расхожій, умъ-разымъ расхо...:
Куды вѣтрикъ повиваить,
Туда разымъ пойдеть, туда разымъ пой...

(Отъ Матрены Антоненковой).

27.

(С. Даньково, Смол. у.).

Измѣна молодца; подружка напоминаетъ ему, что онъ клялся не покидать ея.

Прамизъ горъ я, маладёшанька, гуляла,
Што я умъ, я свой разымъ патиряла:

Мнѣ хатѣлыся милога дружка увидить,
Галосичикъ разлюбезнай паслышить.
Напярёдъ свайго милыга забигала,
Я варонага канёчка садиржала.
Ахъ, мы ўсё пра ўсё зъ милымъ гаварили,
Пра днаё вѣрная славечушка забыли.
— Ну, ти помнишъ, друхъ любезный, ти забыўся,
Якъ мы съ табою ў зилянымъ саду гуляли,
Падъ зялёныю игрушiю сытяли?
Ужъ ты кляўся, друхъ, бажиўся, што й ня кину,
А теперя, друхъ любезный, пакидаишъ!

28.

(С. Шаталово, Смол. у.).

Измѣна дѣвицы, ссора съ милымъ дружкомъ; они возвращаютъ другъ другу подарки.

Гывариў мнѣ милинькiй, iонъ приказываў:
— «Пазьмирьнѣй живи, мыя милая!»
Охъ и я дружка ни паслухыла:
Сы инымъ, сы другимъ пувадилыся,
Пувадёмшися—разбранилыся,
— «Ты пыдай, с. с., зылато кальцо!»
— Ты атдай, шельма, шилкавэй платокъ!
(Отъ крестьянки Ѳеклы Бобарычихи).

29.

(С. Данькова, Смол. у.).

Ссора и „побраночка" съ милымъ дружкомъ.

Вы, сады мае, садочки, сады зилянэя,
Прiусохли, прiувяли, сады зилянэя.
Вы, дружки мае, дружочки, дружки дарагея,
А ўси жъ вы мае дружочки пазабыли.
Ужъ учора съ сваимъ милымъ побранилась,
Я не знаю, какъ мнѣ съ милинькымъ памиритца:
А самэй мнѣ пумиритца ни гадитца,
А людями наказати—люди будуть знати.

30.

(С. Данькова, Смол. у.).

1) Дождь туманъ,—худая слава объ молодцѣ, отчего онъ и припечалился.
2) Разлука дѣвицы съ молодцемъ, несчастная любовь: въ томъ мѣстѣ, гдѣ свыкались любовники, трава не растетъ, цвѣты не цвѣтутъ.

Ахъ, на улицы дробинъ дождь, дождь, а ў поли туманъ,
Во но ў поли туманъ, туманъ прiўтуманиўся;
Ахъ, ужу жъ то мой милый друхъ прiўпечалиўся:
Во сказали пра молайца худу славушку,

Во худу, худу славушку:
Во къ дѣвушкамъ хадилъ, дѣвушку любилъ.
—Атстрянь, атстрянь, милый друхъ, атъ дѣвушки прочъ!
Но знать мы съ табой, милый друхъ, во ня ў любви живёмъ:
Идѣ мы съ табою, милый друхъ, саглашалися,—
Ахъ, а ў чистенькымъ полюшкѣ, падъ бѣлый бярёзый,
И падъ тэю горькыю падъ асинкыю:
Падъ бѣлыю бярёзыю трава ни растеть,
А падъ горькую асинкаю тьвяты ня тьвитуть!

31.

(С. Даньково, Смол. у.).

Подъ бѣлою березою парень коситъ, дѣвица травку гребетъ; она упрекаетъ его со слезами за пьянство и расточительность.

Ты, бярёза мыя,
Бяреза кудрявая,... явая,
Ты, кудрявая!
На табѣ, бяреза,
Лисьтя ўсё бумажная, ...ажная,
Усё бумажная.
Падъ табой, бярёза,
Трава ўсё шалковая, ...овая,
Усё шалковая!...
Тамъ касиў траву,
Касиў добрый молыдицъ, молыдицъ,
Добрый молыдицъ.
Тамъ грибла траву
Грибла красная дѣвушка, ...ѣвушка,
Красная дѣвушка;
Грибучи траву,
Ина слезна плакыла, ... акыла,
Слезна плакыла:
— «Ты запой, запой,
Запой, добрый молыдицъ, молыдицъ,
Добрый молыдицъ!
Ты прапиў, прагуляў,
Всё маё житё—бытё, бытё,
Усё багатества!» *)

(Отъ Матрены Антоненковой).

32.

(С. Даньково, Смол. у.).

Комары мѣшаютъ погулять, вишни пощипать. Виноградъ безъ ума молодца сдѣлалъ.

Камарочки ў лясочку сильна урадились.
Нильзя, нильзя мнѣ, маладеньки, на улицу выйтить,
Выйдить на улицу, въ саду пагуляти,
Въ саду, въ саду пагуляти, вишенъ пащипати.
Винаградъ ты мой спѣлый, бизъ ума ты млайца сдѣлалъ,
Што й бязъ розыму ў саду; (2) пива пьяна д'на хаду, 2
Д'на салодкамъ мяду.

(Отъ Тимофея Григорьева Михалёва).

---

*) Иногда пѣсня продолжается такъ:

У кабакъ ты идёшъ,
Слова макъ твитёшъ,
Съ кабака идёшъ—
Голъ-галёшанекъ,
Слова липинка.

33.

(Д. Плоское, Смол. у.).

Жена въ отсутствіи мужа промѣняла хозяйское добро на наряды, и на подозрѣнія мужа отдѣлывается ловкими отвѣтами.

Паѣхыў мужъ у поля,
А я, млада, на пецъ спать.
Пріѣхали купчики
Съ бялилыми, съ румянами,
Съ шаўковыми саянами.
За бялила кабылу,
За румяна карову,
За саяникъ скирдъ аўса.
Пріѣхыў мужъ са поля.
— «А йдѣ, жина, кабыла?»
— Кабылушка ў табунѣ.
— «А йдѣ, жина, каровушка?»
— Каровушка у стади.
— «А йдѣ, жина, скирдъ аўса?»
— Якъ устали буйны вѣтры,
Разнасили скирдъ аўса.
— «Чаго, жина, бѣлинька?»
— Муку, сударь, сѣила.
— «Чаго, жина красниньва?»
— Кала печи хадила,
Бѣла лицо жарила,
Я ў печъ дровушки клала.

(Отъ Матрены Михалёвой).

34.

(С. Даньково, Смол. у.).

Молодецъ, идя мимо терема, въ гусельки играетъ; мать не пускаетъ дочку гулять, чтобы гусельки ее съ ума не свели.

Мима майго терима, кала саду зелина,
Пралигала стёжичка, торная дарожичка.
Туда йшелъ-прайшолъ молыдицъ,
У гусильки йграючи, пѣсинки спиваючи.
Завидѣла дѣвица зъ висакóга терима,
Прасилася ў батюшки, ў сударыни матушки:
— «Пусти, сударь батюшка, сударыня матушка,
На вулицу пагулять, гусиликъ паслухати,
Пѣсиныкъ пириняти!»
— Тыя жъ тябе гусильки, мыладеньку, съ ума звядуть;
Тыя тябе пѣсинки, мыладеньку, сыстаріють.

35.

(С. Даньково, Смол. у.).

Гульня довела дѣвушку до того, что она стала ни дѣвка ни вдова, качаетъ ребенка, а дружокъ забылъ о ней.

Ахъ, ты, Семушка, Симіонушка, ты мой!
Што жъ ты ходишъ, ни гаворишъ, друхъ, са мной,
Што ты мяне душой Машу ни завёшъ,
У каморушку гыласочикъ пыдаёшъ?
У каморушки крывать нова тисава,
На крыватушки пяринушки пухавы,
Подли Машиньки ўкыханыя дитя,
А йна яе правыю ручкыю абнила,
А йна яе гарючими слезми аблила.

— «Давилá гульня да вяликыга стыда:
Я тяперь стала ни дѣўка, ни ўдыва,
Я ни дѣвушка, ни замужнія жина;
Ня слушила ни матушки, ни 'тца,
Паслушила Симіона падлица!»

36.

(С. Даньково, Смол. у.).

Паденіе дѣвицы. Отъ несчастнаго дня рожденія (пятница) и отъ невниманія къ совѣтамъ матери водила компанію съ ребятами, за что и поплатилась

Парадила й мене матушка,
Парадила гасударыня
Въ нещасливый день, у пятинку,—у-ухъ!
Не вялѣла да мнѣ матушка,
Не вялѣла гасударыня,
Ни бялитца, ни румянитца,—у-ухъ!
Ни бялитца, ни румянитца, 2
Ни зъ ребятами ватажитца,—у-ухъ!
Ну, я матушки ня слухала,
Гасударыни ня слухала:
Набялилась, нарумянилась, — у-ухъ!
Набялалась, нарумянилась, 2
И зъ ребятыми ватажилась,—у-хъ!
Тады дѣўка схамянулася, [1]) 2
Якъ у пузи [2]) стрипянулася,—у-ухъ!
Тады дѣвушка заплакала, 2
Якъ на ручкахъ занугакыла,—у-ухъ!

37.

(Дер. Слобода, Смол. у.).

Вода затопила ремезово гнѣздо; ремеза взяли въ клѣтку, гдѣ онъ плачетъ въ неволѣ, хотя у него всего вдоволь.

Разливалась рика Волга
По махамъ, по балотамъ;
Патапила рика Волга
Уси махи и балоты,
И калину са малиный,
И чорну ягыду смароду,
Римизонцыва гняздечка.
Якъ затвилиў римизонца
Іонъ и громка, и звонка,
Іонъ и вельма жаласненька.
Заслышала злишна [3]) панна
Са хрустальныга вакошка:

— «Охъ, вы, слуги мае, слуги,
Вы идитя, привядитя
Вольну пташку римизонца,
Вы пасодьтя римизонца
У сяребрину ряшотку,
Вы пасыптя римизонцу
Ярыя шпаницы,
Вы пастаўтя римизонцу
Салажоный вадицы!»
Якъ затвилиў римизонца
Іонъ и громка, и звонка,
Іонъ и вельма жаласненька:

---

[1]) Вар.: счипянулася.—[2]) Вар.: у чреви.
[3]) Польск. śliczna—прекрасная. *Н. Я.*

—Луччій ба литаў па воли,
Чимъ сядѣть мнѣ ў няволи;
Вялѣў [1]) ба я клюваў калину,
Чимъ-ся ярыю пшаницу;
Луччій ба я пиў вадицу,
Чимъ саложину сытицу!

(Отъ Өедосьи Сиваёвой).

XV. ЖНИВНЫЯ ПѢСНИ.

Первые 30 нумеровъ записаны въ разныхъ мѣстахъ во время жатвы, именно, когда жнутъ рожь, хотя онѣ далеко не всѣ носятъ на себѣ типичныя черты жатвенныхъ пѣсенъ.

1 а).

(С. Шоптово, Бѣльск. у.).

Свое поле гремитъ, — работа на немъ кипитъ; чужое поле задремало: насмѣшка надъ лѣнивыми жнеями чужой полосы, считающими воронъ, лежа подъ межой.

Чіе жъ ета поля
Задримала стоя?
Архипыва поля
Загримѣла стоя,
А Ванькина поля
Задримала стоя.
Ванькины жнеи,
Жнеи льляныи,
Сярпы лубавыи.
Яны ни жали,
А падъ мяжой лижали,
Усё варонъ щитали.

1 б).

(С. Никола-Ядреичъ, Духовщ. у.).

Навушанская поля
Задримала стоя,
Каминская поля
Загримѣла скора:
Жнеи маладыи,
Сярпы залатыи,
А Навушанскея жнеи,
Какъ чорныя змѣи:
Жнеюшки старыя,
Сярпы лубяныи.

1 в).

(С. Каблуково, Красн. у.).

А чіе жъ то поля
Загримѣла стоя?
Вольгина поля
Загримѣла стоя.
Мы жита пажали,
Мы ў копы паклали.
А ў поли капами,
А ў гумни стагами.
Охъ и часты, часты ў поли копы,
Широкъ, вяликъ мѣсикъ на неби,
Ширши, больши стаги ў гумни.

2.

Укоръ хозяйкѣ за то, что не вышла жать; восхваленіе жней.

Зелина, зелина ў поли трава;
Молыда, молыда Иванына жина.
Атчаво ина молыда?
За то, што ў поли не была,
Жита не жала.
Запряги, мой милый, варана каня,—

---

[1]) Вм. валѣў, волѣў, польск. wolał., лучше желалъ, предпочелъ (бы). *Н. Я.*

Поѣдемъ у поля, прагуляемся,
Съ маладыми жнейками повидаемся;
Жнеи маладэя, сярпы залатэя.
(Тамъ-же),

3.

(Леонпольск. вол., Дисн. у., Вил. губ.).

Хозяйка вмѣсто себя выслала жать сыновей и дочерей, которыхъ сама угощаетъ на работѣ.

Да ти вышла да тёмная туча
Съ-падъ тёмныга лѣсу?
Да ня вышла тёмная туча,
Да ня вышла,
Да выслала да дробныга дожжу,
Да буйнога вѣтру.
Да ти вышла наша гасподынька
Раниньна на нивку,
Да ти вышла?
Да ня вышла наша гасподынька
Раниньна на нивку,
Да ня вышла,
Да выслала трехъ сынкоў-сакалкоў,
Дачокъ пирапёлыкъ,
Да выслала милыхъ жней:
—«Жнитя, жнитя, сынки-сакалки,
Дочки-пирапёлки,
Жнитя, жнитя, мае милы жнейки—
Вамъ прынясу гарэлки;
Жнитя, жнитя па халадочку —
Прынясу мядочку;
Жнитя, жнитя па широкій ниви—
Прынясу вамъ пива!»

4.

(С. Свалы, Красн. у.).

1. Укоръ ребятамъ, неумѣлымъ и непроворнымъ въ работѣ. 2. У молодца двѣ сударушки на примѣтѣ: ближняя—съ черными бровями, дальняя — съ волами да коровами.

Вѣтеръ вѣить, сонца грѣить,
Жита палавѣить,
А наши рибятушки рабатать ня ўмѣють.
Лятѣў голыбъ, лятѣў сизый
И низка й висока, —
Іость у мяне двѣ сударушки:
Адна близка, другая далёка;
Ву дальній сударушки валы да каровы,
А у ближній сударушки чорныя брови;
Тую далёкую людямъ падарую,
А ближнію самъ пацалую.

5.

(Леонпольской вол., Дисн. у., Вил. губ.).

Насмѣшка надъ свекровью, наблюдающею за работой невѣстки.

Узлѣзла свякроў на тынъ глядѣть,
Ти харашо нявѣста жнеть;
Звалилася свякроў съ тыну,
Паламала крапиву.
Ни жаль жа мнѣ свякровачки,
Да жаль мнѣ крапивачки:
Я садила, паливала,
А свякроўка паламала.

6.

(С. Шоптово, Бѣльск. у.).

У жней бѣлый, кудрявый пригонятый. Спорышень по полю ходитъ-гуляетъ, пригоняетъ молодыхъ жней; полетѣлъ къ хозяину на дворъ, за тесовый столъ; про него приготовлены на столѣ пиво, вино, меды.

А нашъ приганятый
Бѣлый, кудриватый,
По полю ходить,
Да жней приганяить.

Мы жали, радѣли—
Гарѣлки хатѣли.
Спасиба, спарышенчикъ,
Што пó палю ходиў, 2
Што пó пылю гуляў,
Маладыхъ жней приганяў.
Палитѣў спарышень
Къ Федыру Никалаичу на дворъ,
За тисовый за столъ.
Пра тибе, спарышенчикъ,
Пива, пива, пива вариныя,
Вино набраная,
Мяды сычиныи.

7.

(Городокъ, Бѣльск. у.).

Прославленіе усердныхъ жней и пожеланіе обильнаго сбора.

Чіе жъ ета поля
Задримала стоя?
Мы жали, радѣли —
Гарѣлки хатѣли.
А чіи ета жнеи,
Жнеи маладыи,
Сярпы у нихъ тупыи?
А мы жнеи маладыи,
Сярпы у насъ залатыи,
А нашъ пригалятый
Русый, кудриватый.
Мы ета поля
Узвисилили стоя;
Мы такъ жали,
Падъ мяжой ни лижали,
Мы жали, радѣли—
Гарѣлки хатѣли...
У поли капами,
А вó гумнѣ стагами,
А вў клѣти зирнáми!

8.

(С. Никола-Ядреичъ, Духовщ. у.).

Напрасно жней обвиняютъ въ лѣни.

Казали: мы ни жали,
Подъ мяжой лижали,
Ажнуть [1]) мы пажали,
И ў копы паслали:
У поли капами,
А ў гўмни [2]) стагами, 2
На сталѣ [3]) пирагами.

9.

(С. Николо-Ядревичъ, Духовщ. у.).

Широка полоса, трудна работа, утѣшеніе—въ угощеніи.

Видить мае вока,
Што край нидалёка,
Пастать ни широка.
Да краю дажнёмся,
Гарѣлки напьёмся.
Хазяинъ-салавейка,
Паизжай за гарѣлкый!
Хазяйка-хляптуха,
Ти гатова балтуха?

10 а).

(С. Шоптово, Бѣльск. у.).

Благодареніе Богу за урожай, ожиданіе угощенія, похвала жнеямъ.

Слава тибѣ, Божа,
Што мы ўсё пажали,
У копы паклали:
У поли капами,
На гумнѣ стагами,
Во клѣти чатвиртями,

---

[1]) Вар.: Ажно. [2]) Вар.: На гумнѣ. [3]) Вар.: А ў доми.

Въ печи пирагами.
Мы придимъ дамой жа—
Напечина пирагоў,
Наварина каши,
Набрана гарѣлки.
Каба чарка гарѣлки,
Пирохъ на тарелки!
Чіе жъ ета жнеи,
Жнеи малады,
Сярпы залатыи?
Сярпочки брязгочуть,
Гарѣлычки хочуть.
Мы жали, радѣли—
Гарѣлки хатѣли:
Мы жали, паспѣшали,
На край паглидали.
Жнеи маладыя,
Сярпы залатыя!

10 б).

(С. Шоптово, Бѣльск. у.).

Слава тебѣ, Боже нашъ... и т. д.
Въ печи пирагами.
Гривинскіи бабы
Да ня ўсё пажали,
Падъ мяжой лижали,
Да варонъ щитали.

11.

(С. Никола-Ядревичъ, Духовщ. у.).

До поздней ночи жнетъ невѣстка въ чистомъ полѣ, потомъ неохотно возвращается она къ свекору со свекровью, къ нелюбому мужу.

Дабранычъ да чистыму полю,
Шурокій пастати;
Вечеръ добрый свёкару, свякрови,
Да нялюбыму мужу.
Ой, пайдика, чужоя дитятя,
А наша нявѣстка,
У чистоя поля житушка жати!
— Ти ни быялысь въ чистымъ поли паливать,
Сярпомъ ваивать?
Ти ни быялысь лютага звѣря,
Злова челавѣка?
— «Не баялась звѣря, злога человѣка,
Тольна быялась да темниньнкій ночки,
Да сильныга дожжу».

12.

(Леонпольск. вол., Дисн. у., Вил. г.).

Невѣстку, возвращающуюся съ поля, дома ждетъ новая работа и лютая свекровь.

Пара, пара, дамоў итти:
Мнѣ дома ня родна матушка—
Мине ў дома свякровачка
Перыймаить у варотиткахъ
Съ чисовыми вядёрками,
Съ шалковыми пачопками,
Пасылаить у Дунай вады:
— «Нявѣстухна, дитятухна,
Схади у Дунай вады!»
Прынясу вады ў ночи:
Да залей, свякроўка, сабѣ вочи!
— «Нявѣстухна, дитятухна,
Нѣтъ на тибе пагибели:
Ни ваўка, ни мядьвѣдя,
Ни злога чилавѣка!»
— Свякроўка, мамухна,
Я мядьвѣдиў ни баюся,
Атъ ваўка атбаранюся,
Атъ чилавѣка атпрашуся!

13.

Уронила заря ключи около постати; кто ихъ найдетъ, тотъ женихъ,—только не старый дѣдъ.

Пара, пара дамоў итти.
Паранила зара ключи,
Кала пастати идучи.
— Хто мае ключи знайдеть,

За таго замужъ пайду.—
Атазваўся старый дѣдъ:
— «Я твае ключи знайду,
За сябе замужъ вазьму.»
— Прапади, мае ключи,
Чимъ за тябе замужъ итти!

(Тамъ-же).

14.

После жатвы мужъ женѣ въ банѣ паритъ „серединку".

Мае жита рэдинька,
Балить мая сирэдинка,
Да мой мужъ дагадливый:
Да вытапиў іонъ лазинку,
Да выламиў бярэзиньку,
Да пупариў сярэдинку. (Тамъ-же)

15.

Хозяинъ переймаетъ рой (жнецовъ) къ себѣ на дворъ и угощаетъ; прославленіе двора и угощенія.

Ишоў раёкъ дарогыю,
Ишоў раёкъ широкыю;
Нихто яго ни пираняў.
Во пирайми яго, панокъ, на свой дварокъ!
Вышоў панокъ, пираняу раёкъ.
Наши двары мятёныя,
Наши сталы тисовыя,
Наши убрусы шалковыя,
Наши хлябы ситковыя,
Наши траўки сахорныя.

(Тамъ-же).

16.

Величаніе щедраго пана-хозяина.

Да зялёнъ нашъ боръ, да зяленъ надъ усими барами,
Да славенъ нашъ панъ, да славенъ надъ усими панами:
Кали яго дварочку ўсё зялёныи садочки,
У тыхъ садочкахъ тякуть три ручаёчки:
Въ аднымъ ручаечки салодкій мядочикъ,
У другимъ ручаечки зиляно вино тичеть,
У третимъ ручаечку да пшанишныя пива:
Да салодки мядочки ля дѣтачикъ яго,
Зяленоя вино ли да самóга пана,
Пшанишныя пива ля служачикъ яго. (Тамъ-же).

17.

(С. Никола-Ядревичъ, Духовщ. у.).

Садъ хозяина обвитъ хмелемъ; вороной конь поломалъ колья, помялъ хмель.

Проти Сысоева двара стаить три сада,
Павырысли тычиння сяребреная,
Павиўся хмялёчикъ яръ-йиравой.
Аткель жа ўзяўся конь варанoй,
Палумаў тычиння сяребреная,
Пасавиў хмялёчикъ яръ-йиравой.

18.

(С. Каблуково, Красн. у.).

Хозяйка будитъ хозяина: оторвался конь отъ серебрянаго колечка и попортилъ садъ.

Выхадила баярыня
Свѣтъ Надежда Захарьевна,
Айли, ой лёшеньки,
Свѣтъ Надежда Захарьевна.

Ина хадила, пагуливала,
Свайго друга пагукивала:
— «Ты ўстань, мая вумница,
Прабудися, дый разумница!
Атарваўся вароный конь
Сы калечка сяребрина,
Уздечка залочена;
Іонъ пабѣгъ у зялёный садъ,
Паламаў ў саду вишиння,
Усю калину сы малиныю,
Чорную смародину».

19.

(С. Никола-Ядреичъ, Духовщ. у.).

Хозяинъ хвалится женой молодою и семьей веселою.

Заваливўся дубочикъ
Въ тёмнинькій лясочикъ.
Ѳомка жонкыю хвалиўся:
Даў мнѣ Богъ жану маладую,
Сямью висялую.

20.

(С. Никола-Ядреичъ, Духовщ. у.).

Немилая жена — что затемненная заря; если она родитъ сына и будетъ хороша съ мужемъ, то заслужитъ награду.

Ой, тёмна, нявидна съ-падъ свѣту заря;
Ой, нялюба, нямила Лазарю жина.
Када сына родишъ — шубыньку сашью;
Када дачку родишъ—и ету сыму;
Када будишъ дабрá, пашію съ бабра;
Када будишъ лиха, пашію зъ миха;
Пашію шубыньку съ сями сабалёў,
Абъершу я иршиньку съ двинацыть баброў.

21.

(С. Черепово, Росл. у.).

Голубъ голубку зоветъ въ гнѣздышко подъ крылышко,— парень дѣвицу— въ новыя хоромы, на мягкую и теплую постель,

Висако ў терими сяжу,
Даляко падъ зарю гляжу:
Висако саколъ литаить,
Якъ стрѣла па полю стрилянть.
Висако ў терими сяжу,
Даляко па зарѣ слышу,
Якъ голубъ галубку гукаить:
— «Лёть-палёть, галубачка, за мною:
А ў мяне гнязде́чка съ трыстечка,
Падъ крылычкымъ тяпленька».
Висако ў терими сяжу,
Даляко па зарѣ слышу,
Якъ Ванька Машу гукаить:
— «Подь-пади, Машинька, за мною:
А ў мяне харомы навэя,
Каморы патайнэя, каравати тисавэя,
Пярины пухавэя, адіялы тяплэя!»

22.

Одинокій парень—что заинька-горностаинька, безъ жены и дѣтей.

Заинька гарнастаинька
Между горъ бяжить и ни аглянитца.
Ти табѣ пёнушки —дробны дѣтушки,
Ти табѣ кургонушки — жонушки?

Ахъ, ты, миленькій, чернабры-
веенькій,
Ты спать лягишъ, къ стянѣ пи-
ряверниста:
Ти табѣ стѣна—мила жена,
Ти табѣ щелушки—дробны дѣ-
тушки? (Тамъ-же).

23.

(С. Даньково, Смол. у.).

Ильинъ день—не то, что Петровъ день. Сытое состояніе крестьянина передъ Ильинымъ днемъ, отсюда веселое настроеніе духа, выражающееся въ пѣсняхъ и пляскѣ; голодовка передъ Петровымъ днемъ „Петровками“. „Спа́сыўцы—ла́сыўцы, Пятроўцы—галадоўцы“.

Ахъ и дай, Божа, (2) два Илю-
шка ў гаду,
А Пятрушки хуть и ни водныга!
Ильюшка и накармиў,
И накармиў и напаиў,
А Пятрушка было съ голыду
умариў!

(Отъ Матрены Антоненковой).

24.

(Леонпольск. вол., Дисн. у., Вил. губ.).

Богато болото гусями-лебедями, а Настасьинъ дворъ—гостями-сватами.

Кругла-ма́ла (2) балотитка;
Хуть жа яно (2) кругла-мала,
Дакъ жа яно щасливыя:
Налéтила поўна гусей;
Ня 'дны гуси—іость лебиди.
Низка-мала Настасьичка;
Да хуть жа йна низка-мала,
Дакъ жа ина щасливая:
Наѣхали (2) повна дворъ гастей;
Ня 'дны гости (2)—іость сва́товья.

25.

Вѣтеръ и дождь вредятъ цвѣты,—сваты не даютъ покоя отцу съ матерью и разлучаютъ съ ними дочь.

—Да красуйся, красычка,
У гароди стоючи!—
—Якъ я маю красуватца,
У гароди стоючи?
На мине буенъ вѣтрыкъ,
На мине дробны дожжикъ.
—Красуйся, Ликсандрынка,
У свийго родныга татки!
—Якъ я маю красуватца
У свайго родныга татки?
Што день сваты наижжають,
Маму, татку дакучають;
Маму, татки дакушнички,
Мнѣ, молыди, разлушнички.

(Тамъ-же).

26.

(С. Черепово, Росл. у.).

Не зимовать ласточкѣ подъ стрѣхой, не лѣтовать дѣвушкѣ у родителей.

Ахъ, ты, ластыўка касастая,
Ня вей гнизда пу пастрѣщику:
Ня тутъ табѣ зиму зимувать,—
Зимувать зиму ў щиромъ бару.
Ахъ, ты, Маша, ўставай ранинька,
Чаши, чаши галоўку, пляти ко-
сыньку:
Ня тутъ табѣ лѣта лѣтавать, —
Лѣта лѣтавать у свекора и у
свякрови.

27.

(С. Шоптово, Бѣльск. у.).

Дѣвица набрала сухихъ дровъ охапочекъ на батькиной улицѣ и топитъ про ровнаго горницу, варитъ ему кашицу съ „стегно́мъ“ (ножкой) комара.
(Обжиночная, плясовая).

Пайду на батькину улицу,
Набяру сухихъ дроў ахапачикъ
И пратаплю пра роўницу горницу,
Наварю пра роўницу кашицы,
Укину камарова стёгнушка,
Пасматрю, жирна ль мая кашица.

28.

(Леонпольск. вол., Дисн. у., Вил. губ.).

(Сравн. выше, стр. 209, № 54 и др.).

Якъ пайду я (2) каля логу (2)
зялёныгу,
Кали саду вишнёвыга,
Тропну, лопну ладонечкый
Въ залатэя пярстёнычки.
Пачуў мой свёкырка:
—«Пумалу, нявѣстухну,
Ни пабій ладоничикъ,
Ни паламай пярстёнычкыў!»
—Свекырка, мой татухна,
Ни жалѣй маихъ ладоничкыў,
Залатыхъ пярстёнычкыў:
Ня ты мнѣ купляў, ня сынъ да-
раваў:
Спраўляў мнѣ татулька, дараваў
братитка.

29.

(С. Иньково, Порѣч. у.).

1. Разлука съ милымъ. 2. Нелюбая жена.

Здрастуй, мальчикъ, раскудряў-
чикъ, бѣлъ-харошъ,
Раскудрявая галовушка твая,
Распатѣшная гаворычка твая!
Куда ѣдишъ атъиждаишъ даляко?
Съ кимъ кидаишъ, съ кимъ бра-
саишъ мяне 'дну?
Съ кимъ мнѣ, съ кимъ мнѣ люту
зиму зимувать?
Съ кимъ мнѣ, съ кимъ мнѣ тепла
лѣта дажидать?
Съ кимъ мнѣ, съ кимъ мнѣ ра-
ботуньку рабата́ть?
Съ кимъ мнѣ, съ кимъ мнѣ ира-
воя жита жать?
Выду, выду за навыя варата,
Гляну, гляну на чатыри стараны:
Всѣ чужіи шельмы-жоны хараши.
Взяў ба, ўзяў ба заряжоныя ружжо,
Застрялиў ба я й нялюбую жану.
Я бъ узяў ба красну дѣўку за
сябе,
Суряди ў ба красну дѣўку ли сябе,
Штобъ ня стыдна ўдоль па улицы
прайдить,
Штобъ ня стыдна къ атцу зъ ма-
тій падыйдить,
Ни зниважить свайго бѣлага лица.

30.

На дворѣ дождь и туманъ, работать нельзя, остается пѣть пѣсни и веселиться.

Вохъ я й кала лѣсу йшла, лѣсу
тёмныга,
Вохъ я й кала садику, садику зя-
лёныга.
Зайду жъ я ў горинку, я ў но-
вую,
Вазьму балалаичку трехрублёвую,
Запяю жъ я пѣсинку развясёлую,

Гляну я въ акошичка: на дворѣ дробинъ дожъ,
Вой на дварѣ дробинъ дожъ, а ў поли синь туманъ.

(Тамъ-же).

Слѣдующія пѣсни поются въ означенныхъ мѣстностяхъ обыкновенно во время жатвы ярового хлѣба:

31.

(Леонпольск. вол., Дисн. у., Вил. губ.).

Воспоминаніе молодухи о привольномъ житьѣ у родного отца и нареканіе на жизнь въ домѣ свекра, полную заботъ.

Якъ пущу я паву пу Дунаёчку,
А сама пайду пу биражочку,
Да гляну я, гляну ў таткавы сѣни:
Таткавыхъ сяней ни пумитати,
Тисовыхъ сталоў ни застилати,
Залатыхъ кубкыў ни наливати,
Любыхъ гастей ни приглидати.
Якъ пущу я паву... и т. д.
Да гляну я, гляну ў свекрывы сѣни:
Свекрывы сѣни пумитати,
Тисовы сталы застилати,
Залатыя кубки наливати,
Нилюбыхъ гастей наприглидати.

32.

Орѣшки—для батюшки, чтобы поживился, а скорлупки—для свекра, чтобы подавился.

Иду, бягу дарогаю,
Иду, бягу широкаю,
Щиплю, лущу арэшачки:
Ядерачки ли татульки,
А шалупачки ли свёкарьки.
—Да ѣшъ, татка, паживися,
Ѣшъ, свекырька, удавися!

(Тамъ-же).

33.

Приволье въ лѣсу лѣтомъ для птицъ: обиліе ягодъ, въ родникахъ — студеная вода.

Да ў бару титарукъ балмочить,
Іонъ зъ бору лятѣть ня хочить:
Да ў бару ягодки салодки,
Да ў криницы вадица стюдёна.

(Тамъ-же).

34.

(С. Данькова, Смол. у.).

Когда дожинаютъ овесъ, баба беретъ послѣдній снопъ, съ нимъ катается по нивѣ и приговариваетъ:

Нивка, нивка,
Атдай маю силку!
Якъ я па табѣ хадила,
Силку ранила.

35.

(Леонпольск. вол., Дисн. у., Виленск. губ.).

(Срв. стр. 212, № 61).

Когда ленъ беруть, поють:

На гарэ лёнъ, рано рано,
Бѣлый кужиль.
Не съ кимъ стати
Лёну рвати.
Свёкыръ кажить:
—«Я съ табою,
Зъ маладою».
—Мнѣ съ табою
Да ни рвання—
Гарювання!
На гарэ лёнъ и т. д.
Свякроўка кажить:
—«Я съ табою...» и т. д.
На гарэ лёнъ... и т. д.
Милый кажить:
—«Я съ табою,
Съ маладою».
—Мнѣ съ табою
Да ни рвання,
Али милування.

Въ этотъ періодъ времени, какъ и въ другихъ случаяхъ, поются и другія пѣсни различныхъ категорій, причисляемыя къ жнивнымъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Таковы, напр., слѣдующія:

36.

(С. Лѣтошники, Росл. у.).

Не кавылъ-травка шатается,—зашатался молодецъ на чужой дальней сторонушкѣ; не вороной конь далеко занесъ молодца, — завела хмелинушка, еще красная дѣвчинушка.

Какъ за рѣчкаю, за быстраю,
За крутэю-биряжистыю,
Ни кавылъ-траўка шаталася,—
Зашатался добрый молыдицъ
На чужей дальней старонушки.
—Старана ль мая, старонушка,
Старана ль мая радимая,
Радимая справядливая!
Што ни самъ я на тибе зайшолъ,
Ни вароный мине конь занёсъ, —
Завела млайца хмялинушка,
Щигалинушка — красная дяўчинушка.

37.

(С. Пречистое, Дух. у.).

Посѣщеніе дѣвицы дружкомъ. Дѣвица обѣщается сама встать рано утромъ и безопасно проводить дружка за ворота.

Долга, поздна вечирамъ
Майво дружка долга нѣтъ.
Да пришолъ мой милый,
Да пришолъ радость дарагая;
Іонъ ни на многа пришолъ—
На ядиный на часокъ,
На мяжённый на дянёкъ [1]).
—Начуй, начуй у мине,
Начуй, радасть дарагая!
—«Я жъ ба радъ ба начувать—
Баюсь зориньку засплю,
Всю вячерніо праляжу».
—Ня бось, ня бось, мой милый,
Ня бось, ня бось, радасть дарагой,—
Я сама рана ўстану,
Тибе раньши ўзбужу, 2
За вароты правяду,
Путь-дарожку пакажу.

[1]) Поговорка: „жниво—мяженное время“.

38 а).

(С. Лѣтошники. Росл. у.).

Про дѣвицу и пастушка.

Ишла Маша па лужочку,
Несла ў рукахъ два вяночка,
Съ милымъ гаварила,
Къ себѣ прасила, звала на часокъ:
—«Ты, пастухъ мой, пастушочикъ,
Пастухъ, миленькій дружочикъ,
Приди начувать!»
Пастухъ ночку начувалъ,
Каровушку патирялъ;
Іонъ туды-сюды брасался,
За скатинкыю миталсл,
Дамой паспишалъ.

—«Ты, жана мая, жанчонка,
Жана, вѣрная служанка,
Ты стяли, жона, пастелю,
Лажись спать адна:
Мяне дѣвушки прасили,
Малодушки привичали
На ўсю ночъ гулять!».
Маша ночушку ни спала,
Па ласкутику збирала
Вани на кахтанъ:
—Наси, Ваня, ни скидай;
Люби мяне, друхъ любезный,
Люби, ни кидай!

38 б).

(С. Иньково, Порѣч. у.).

Ай, ишла Маша са лужочка,
Въ рукахъ нисла цвяточки
Пастушка 'бманить.
—«Пастухъ, пастухъ, пастушочикъ,
Ты, мой милинькій дружочикъ,
Ни спакинь мине!»
—Ни спакину сиратину
При ў широкый при ў далини,
Въ зялёныхъ лужкахъ!—
Ишоў милинькій да дому
На сударыню кричаў:
— Пара да двара!
Ахъ, ты, душка, ты, жанушка,
Слуга вѣрная,

Ты дми-тка ты лучину,
Стяли мяккую пастелю,
Лажись спать адна!
Мяне дѣвушки зазвали,
Малодушки запросили,
На ўсю ночъ гулять,
На ўсю ночку, да святочку,
Да бѣлыга дня.
—Прихади-ка, друхъ, пачащій
Принаси-тка, друхъ, пабольши
И мнѣ, и сабѣ!
Чорны сливы на пачини,
Сладкихъ пряничкыў на гриўну,
На рубъ кумачу.

XVI. ПИВНЫЯ ПѢСНИ.

1.

(С. Иньково, Порѣч. у.) [1]).

Приготовленіе пива; разгулъ мущинъ.

Наваримъ-ка, братцы, пива иравога,
Пива иравога, дива халастога.

Наваривши пива, мы пьяна напьемся,
А ў кучу сбяремся.

[1]) Остальныя пивныя пѣсни всѣ, кромѣ №№ 2, 4, 8, 10 б и 11, записаны тамъ-же, въ с. Иньковѣ.

Наваримъ-ка, братцы, пива ира- Мы пьяна напьемся,
вога... и т. д. А ўрозь разыйдемся.

2.

(Дунаево, Бѣльск. у.).

Полно, ребята, чужо пиво пить,—пора свое заводить. Хмель вился по тычинкѣ; тычинка обломилась, хмелекъ опустился. Трава съ поваликой, молодецъ съ дѣвчонкой свыкались; свыкались подъ березой, расходились подъ осиной. Переходъ пѣсни въ шутливый тонъ: у бабушки на воротахъ три вороны криворотыхъ...

Ти ня полна вамъ, рибяты, чужо пива пить,—
Ни пара ли вамъ, рибяты, свае завадить?
А у насъ соладъ на авини, а хмель на тычини,
На тычини, на тычини, на самый вяршини.
Тычининка гнетца, гнетца, хмелининка вьетца, вьетца;
Тычининка абламилась, хмелёкъ апустился.
Ни звивайся 2, трава съ повелицый,
Ни свыкайся 2, молыдицъ зъ дѣвчиной.
Харашо было звыкатца, тошна была разставатца.
Мы звыкались падъ бѣлыю бярёзай,
Развыкались падъ горькую асинай.
У бабушки на варотахъ три варони криваротыхъ,
Три кабыли кавурыхъ, три карови камезыхъ,
А ў пячурки три чурки, три чурки, три гуся,
Да три вутки, да три тетирива.

3.

(С. Пречистое, Дух. у.).

Ячмень не молоченъ, хмель не собранъ: вздумали варить пиво, когда матеріалъ для него еще не выработанъ.

А у насъ соладъ на авини,
Хмель на тычини;
Тычинушка абламилась,
Хмелекъ апустился.

4.

(Береснево, Дух. у.).

Разливала пиво и охмелѣла, пробуетъ скакать. (При пѣніи хлопаютъ въ ладоши).

Я пива зливала, хмялину разлуцала;
Ступила хмялинка да мнѣ ў сирядинку,—
Нильзя шивильнутца, нильзя здриганутца!
А вой скакнуся, а вой здригануся!

5.

1) Присутствіе на крестьянскихъ бесѣдахъ старыхъ бабъ со стариками, мужнихъ жонъ съ мужьями, красныхъ дѣвокъ съ парнями.
2) Дѣвушка натоптала парню ногу и топитъ баню, чтобы лѣчить больную ногу травою-муравою и багровыми василечками.

Каба ў нашива сусѣда
Начиналася съ вечира бясѣда.
Бясѣдушка нибальшая, а ўсе висялая

А ў бясѣди сядѣли сусѣди:
Стары бабы сидять съ стариками,
А мужни жоны сидять са мужьями,
Красны дѣўки сидять са парнями.
Въ однэй дѣўки парня нѣту.
Ина парню шутку зашутила:
На праву ножку ступила,—
Стала ў парня ножинька балѣть,
Стала парня дѣўка жалѣть,
Стала банюшку парню тапить,
Стала ножиньку лячить
Усе травою-муравою,
Всѣми разными цвитами,
Багровыми васильками.

6.

Похвала молодцу, щедро дарящему молодицъ и дѣвушекъ.

Ай, нѣту такова маладца,
Какъ Ивана Иванавича,
Што іонъ гривинка на гривинку ступалъ,
Палтинаю вароты запиралъ,
Пу пяти рублей малодушкамъ давалъ,
А дѣвычкамъ па дисятычкамъ.

7.

Подъ вліяніемъ хмеля, отъ „пивной-ивной ягоды", молодуха бросается па кровать къ деверю и свекору—и принимаетъ дурную славу; бросается къ мужу—и принимаетъ добрую славу.

Пайду я, малада, я ў зяленый садъ гулять,
Сарву я, малада, пиўну-иўну ягаду.
Стаплю я ягаду я ў салодинькымъ мяду.
Скушаю я ягаду я на блюди на сталѣ,
Съ тэй мине ягады пахмельлика разняла.
Скинуся, сброшуся я къ свекару на кравати.
Съ тыхъ поръ я, малада, худэй славы принила.
Зачимъ я принила? што съ свекырымъ спать лигла.
Пайду я, малада, и т. д.
Кинуся, брошуся я къ девирю на кравати.
Съ тыхъ поръ малада худэй славы принила.
Зачимъ я принила? што зъ деверимъ спать лигла.
Пайду я, малада, и т. д.
Кинуся—брушуся (sic) я къ милыму на кровати.
Съ тыхъ поръ я, малада, добрый славы принила.
За тымъ я принила, што съ милинькимъ спать лигла.

8.

(С. Лѣтошники, Росл. у.).

Мужъ приказываетъ женѣ гулять до поры, до вечерней зари. Вернувшись съ поздней прогулки, она встрѣчаетъ на дворѣ свекора и проситъ деверя проводить ее „въ клѣтку спать". Тамъ мужъ принимается плеткою бить жену. (Срв. стр. 59, № 96).

Какъ у нашихъ у варотъ
Стаить дѣвыкъ карагодъ,
Малодушикъ табунокъ.
А я къ дѣўкамъ ни пашолъ,
Къ малодушкамъ падыйшолъ,
Съ малодками пастыялъ,
Сваей жанѣ приказалъ:
—«Гуляй, гуляй, жана, да пары,
Да вечерній да зари!»
Зорюшка занилась,

А я двóру сабралась.
Прихажу я ка двару,
Ходить свекаръ па двару,
Расчесамши бараду,
Пригладимши галаву.
— «Да дяверюшка, братній братъ,
Правади мяне ў клѣтку спать!»
Караватушка скрипнула,
Па мнѣ плётка свиснула.

9.

Баба подъ хмелькомъ домой вернулась, зашаталась, за вереюшку ухватилась.

Я ў пиру была, я ў пирушички,
Я ни медъ пила, ня гарѣлычку—
Я пила, пила сы ўсяго видра,
Я ни кубычкымъ, ни стаканчикымъ.
Па бару ишла—ни шаталася;
Пу бару ишла—ни баялася;
Па полю ишла—ни шаталася;
Ка двару пришла—пашатилася,
За вяреюшку я хватилася.
—Вирія мыя, ты, вяреюшка,
Садяржи мяне, жану пьяную,
Дочъ атецкую, дочъ купецкую!

10 а).

Баба-гуляка; страсть у нея шататься по пирушкамъ до бѣла свѣта. Холостой деверь провожаетъ невѣстку съ пирушки и является ея заступникомъ предъ мужемъ. Невѣстка даритъ деверю дорогіе подарки своего рукодѣлья, а мужъ ревнуетъ брата къ женѣ: если бъ ему такіе подарки, молился бы онъ Богу за жену, и за себя, и за дѣтей.

Бида мине пубядила, што ряўнивый мужъ.
Іонъ самъ пивушка ни варить, у чужей пиръ ня йдеть.
Я сама млада-младешенька гульлива была:
У чужей пиръ пашла
Ай, за мною, за младою, девирь ўдагонь,
Девирь халастой.
— Нявѣстушка, ластушка, пара да двара!
— «Дивярёчикъ, сакалочикъ, ящо пасядимъ,
Ящо, ящо пасядимъ, дива паглядимъ!»
— Нявѣстушка, мая ластушка, тябе будуть бить.
—«Дивярёчикъ, сакалочикъ, а ты ни давай!»
— Нявѣстушка, мая ластушка, а ты утикай!
—«Дивярёчикъ, сакалочикъ, двери растваряй!»
Якъ дачуўся-даслышаўся мой ряўнивый мужъ.
—«Сшію, сшію рубашечку съ тонка палатна,
Я вышію ширинычку чистѣй серибра».
— Ти я бъ тую рубашичку самъ бы ни знасиў?
Ти я бъ тую ширинычку ў шляпку бъ ни ўлажиў?
Я ў шляпуньку ўлажиў, къ абѣдни схадиў,
Я й къ абѣдиньки схадиў, Богу пумалиў,
Я й за тибе, я й за сябе, за дробныхъ дятей.

10 б).

(С. Каблуково, Красн. у.).

Якъ пайду я, младёшенька, ў пиръ пирувать,
На игрища гулять;

За мною за младою малый дивярёкъ:
—«Нявѣстушка, галубушка, пайдёмъ дамой:
У тябе мужъ лихей, тябе будить бить!»
—Дивярёкъ, галубокъ, а ты заступись:
Сшію табѣ рубашичку съ тонкыга палатна,
Я вышію палатенца чищій сирибра.
Якъ пачуў мой урюмый мужикъ:
—«Забью шельму, расканалью, забью да смерти:
Ти я бъ тую рубашичку самъ ба ни снасиў?
Я бъ тую ширинычку ў шапку ўлажиў!»

11.

(С. Лѣтошники, Росл. у.),

Видѣли глазки дѣвушку въ темномъ лѣсу... Любовь дѣвицы къ скомороху, кончившаяся несчастьемъ для всей семьи.

Дремлютъ глазки: спать хотять.
Какъ видѣли глазки дѣўку ў темнымъ у лясу.
Какъ у томъ у лѣсику бярёзанька раствила;
Ка тэй ка бярёзаньки слиталися пташечки,
Горькія какушечки.
Первая какушичка по садику литала;
Красная дѣвушка скамароха любила,
Диковинку здѣлала: сына Ваньку радила.
Какъ зá та, за Иванюшку сядить батюшка ў тюрьмѣ,
А матушка ў Сибири, 2
А радимую сястрицу нихто замужъ ни бяреть.

12.

Разгулъ дѣвицы и замужней бабы. Батюшка, свёкоръ, деверьё, невѣстки, золовки не тѣснятъ разгульную, а потакаютъ ей; сама она хвастаетъ своими похожденіями.

Ай, у батюшки патѣшна была,
Ай я, ай я! (Припѣвъ).
Ай, у матушки панѣжна была.
А ў дѣвушкахъ траихъ радила,
А чатвертага выкинула,
А съ пятымъ замужъ зашла,
Да на первую ночъ радила.
Свякровушка цѣлую ночъ хадилá,
Свекоръ-батюшка люльку шилъ,
А дивярьё пачопки вили,
А нявѣстки пялёнки драли,
А залоўки тясёмки ткали.
Якъ павѣшу люличку
Сяредъ горинки на зыбачку,
Якъ стану дитё калыхать,
Якъ стану пріубайкивать:
— Баю, баю, мае дѣтитка,
Баю, баю, соракъ-батькавичъ!
У тибе, дитя, батьки нѣтъ,
У мине маладога мужа нѣтъ.
Ти ня то твой батюшка,
Што па улицы пахаживаить,
Тростычкый памахиваить?

13.

Подвыпившая компанія, впадаетъ въ цинизмъ.

Учинила дяжу на халодный на водѣ,
Паставила дяжу я висока на стаўбѣ.
Пирякисла дижа, на стаўбѣ стаючи;
Пирядрохъ мой милой, на мине гледючи,

А ни такъ на мине, якъ на маю п.... А ў мине на хрясцы хуть горохъ
А мая п.... сями сажъ ширины, малати.

14.

Съ бражки не напьешься до-пьяна, хмельна горѣлка. Отчаянная пляска въ ущербъ башмакамъ и разгулъ женщины. Несочувствіе угрюмому свекору, злорадство по случаю его болѣзни и желаніе ему смерти.

Скольки бражки ня пиўши,
То-та люли па-люли,
Съ бражки пьяныму ня быть
Кабъ чарычка гарѣлки,
Я бы пьяна напилася,
Вдоль па улицы прайшлася,
Тройку чаботъ растаптала,
Чатвёртыи чирявички,
Да яны малы—нивялички,
Тольки ў пору на ножку,
На вязеную панчошку,
На зяленую падвязку.
Кабы чубъ-чабаточикъ,
Здрастый, милинькій дружочикъ!
У маимъ доми низдарова:
Свекыръ съ печи звалиўся,
За карыта завалиўся,
Мякинами падавиўся.
Кабы вѣдала лясину,
Дакъ бы выши падмастила,
Штобы до смерти забила.

15.

Разгулъ женщины въ отсутствіи мужа, ушедшаго въ солдаты.

Ахъ, ты, починька мая, ночъ тимна́я, ночъ тимна́я,
Ты, сударыня мая, размила́я, размила́я!
Кабы дѣ жъ ты была-прабувала?
— А ў новыхъ я варотахъ прастаяла,
На чужихъ мужукоў заглидала:
Ай, чужіи мужуки пьють-гуляють,
Ай, майго жъ то мужука дома нѣту:
За границый, за границый мой милой,
При ў царицы, при ў царицы, царю служить.

16.

1) У мужа правды нѣтъ: чужой женѣ даритъ башмаки, своей женѣ лаптей нѣтъ. Въ отместку невѣрному мужу жена шьетъ ему рубашку изъ крапивнаго листочка. — 2) Кума у кумы рубашки проситъ.

А пасѣяли дѣўки лёнъ,
Ай и люли дѣўки лёнъ,
А пасѣиўши палоли,
У чіемъ ильнѣ травы нѣтъ?
У маемъ ильнѣ травы нѣтъ,
У майго мужа праўды нѣтъ:
Чужей жанѣ бушмачки,
Сваей жанѣ лаптей нѣтъ—
Аднѣ лапатки-растаплетки:
—«А наси, жана, публюдай,
Пу празничкахъ абувай,
А ў будинъ-день такъ хади!»
Вой я мужа сагражу:
Сшію яму рубашичку
Съ крапивныга листочку,
Штоба тѣла ни свярбѣла,
Часто ў баню ни хатѣла,
Рубашички ни прасила.
Кума къ кумѣ прихадила
Рубашички пупрасила:
—«Ты дай, кумо, рубашичку
Съ широкими рукавами,
Съ страчоными паляками!»
Кума кумѣ атказала:

—Вставай, кума, ранéшанька.
Пряди, кума, танешенька,
Ты тки, кума, частешанька,
Ты бяли, кума, бялешанька,
Ты сшей, кума, рубашичку
Съ шурокими рукавами,
Съ страчоными палякими!

17.

Супружеская невѣрность: своя шельма жена—полынъ-горькая трава.

Кабы ў садику садочку,
У садику, ў зялененькимъ,
Свищить, свищить салавейка,
Свищить—успиваить,
Охъ, іонъ свищить—васпиваить,
Рѣзва выгавариваить.
Любиў, любиў, паринь дѣўку,
Ахъ, іонъ мнагалѣтную,
Спалюбиўши паринь дѣўку,
Ахъ, іонъ выхваляўся—й
Жанѣ наругаўся:
—«Вы, чужіи шельмы жоны,
Усе жоны харошіи,
Вы, мая шельма жанушка,
Палынъ—горькая трава!
Каба йдѣжъ ты, палынъ траўка,
А йдѣ заraждалася?
Зарадилась палынъ траўка
У садику зялененькимъ,
А йна ў зеленымъ садочку,
А йдѣ ў чирнабыльничку.
Чирнабыль траўка пасохла—
Уся любоў скaнчалася,
А йна скaнчалась—распращалась,
Слезна плакала па ёмъ.

18.

Дѣвица у родителей выросла, какъ береза при дождикѣ. Нашелся полюбовничекъ и покинулъ ее, женившись на ея подругѣ.

—Ты, бярёза мая, ты, кудрявая,
А йдѣ жъ ты расла, а йдѣ вырысла?
—Я расла, я расла я при дожжичку,
Красувалася я при солнышку.
— Охъ, ты, дѣвица, раскрасавица,
Ты кали жъ ты расла, кали вырысла?
— Я расла при сваимъ батюшки,
Красувалася у сваей матушки.
Я сидѣла, млада, поздна вечира,
Зажигала свячу зъ воска ярыга,
Дажидала дружка разудалыга.
И стучить, и грючить у варотики.
— А ти плутъ, а ти воръ, ти разбойничикъ?
— Я й ни плутъ, я й ня воръ, ни разбойничикъ,
Я пришолъ я къ тибѣ палюбоўничикъ;
Я пришолъ я къ тибѣ ни любить я тибе,
Я пришелъ я къ тибѣ распрасить у тябе:
Ти пазволишъ, душа, ты жанитца мнѣ?
—«Ты жанись, 2, разбязсовѣстный,
Ты бяри, 2, у сасѣда дѣўку, маю падружку;
Аднэй школи были, паучалися,
Мы съ табою жа, мой друхъ, разлучалися.

19.

Жена мужа продала, сама закутила; соблазнители ее вывезли въ лѣсъ, гдѣ ее волки съѣли, (Срв. стр. 64, № 105 и стр. 214, № 68).

На улицы грамада, жина мужа прадала
Ды ня дорга узила: съ палтинаю два рубля.
Ина купила два вала, успахала два паля,
Ина сѣила жанжары, ина растила саладоў.

Наварила пивушка, ахъ, ахъ, пивушка,
Наварила три катла, зазвала три папа.
Папы пива пупили, хазяина убили,
Хазяюшку увязли у ширыи у бары,
Привизали ка яли, валки яе заѣли.

20.

Жена невѣрная и мотовка. (Срв. стр. 64, № 106 и стр. 251, № 33).

Мужъ былъ ни пахарь,
Ай я, ай я. (Припѣвъ).
Ай, я, млада, ни пряха.
Мужъ паѣхаў пахать,
А я ў полыхъ атдахать.
На то ўремя, на тотъ часъ
Пріѣхали таргаўцы
И съ красиламъ, и съ бялиламъ,
И съ чорниньким-румянымъ.
Каровушку прадала,
Красилушка купила;
Кабылиньку прадала,
Бялилушка купила;
Казёлиньку прадала,
Румянушку купила.
Якъ и идеть мужъ дамоў,
Съ плечъ галовушка далоў.
—«А, жонычка, барышня,
Што ты сянни бѣлинька?»
— Я мучицу сѣила,
На ситушки вѣила.
—«Што ты сянни красининька?»
— Ахъ, я банюшку тапила,
Кала жарушку хадила.
—«А йдѣ наша кабыла?»
—Пашла ина на расу,
Забиў мядьвѣдь на лясу.
— «А йдѣ наша карова?»
— Пашла ина на ваду,
Разадралась на ляду.
— «А йдѣ нашъ бѣлъ казёлъ?»
— Пашоў казёлъ падъ гару,
Зламиў сабѣ галаву.

21.

Свекоръ домой кличетъ невѣстку, она не откликается. Свекоръ скоса глядитъ на молодуху, она не боится его; милый прямо глядитъ, она боится.

Якъ пайду я ўдоль далиною,
Я зламлю я вербу съ калиною;
Ка мнѣ, младой, салдатъ на сустрѣчу.
— Скажи, скажи, малодушка, праўду,
Да куды жъ ета дарожка ляжить,
Ти ў лѣсъ, ти ў боръ, ти ў чистыя поля?
— Въ тёмнымъ лѣси то пень то калода;
У ширымъ бару красная ягода.
Въ чистымъ поли да ярая пашаница,
А ў тэй пшонки да ракитывый кустикъ;
У тымъ кусти саловьюшка свищить,
А мине, младу, свекаръ дамоў кличить.
Хуть кличъ, ня кличъ, а я табѣ ни 'тгукнуся,
Дамой приду, а я тябе ни баюся.
Свекаръ сядить, скоса глядить, а я яго ни баюся;
Милый сядить, пряма глядить, а я яго таранюся.

22.

Самоволка-дѣвица, избалованная въ отцовскомъ домѣ и не пріученная къ труду, выходитъ замужъ, не умѣетъ взяться за дѣло и причиняетъ не мало бѣдъ въ хозяйствѣ. Свекоръ со свекровью вооружаются противъ невѣстки, но она находитъ себѣ заступника въ мужѣ.

Якъ у свайго атца да па воли расла,
Самаволкый была,
У нову стаинку я ни хаживала,
Кароў-бурень я ни даивала,
Тилятъ-ласинятъ я ни паивала.
Якъ дасталася чужому батьки, чужей матки,
У нову стаинку стала хаживати,
Кароў-бурень стала даивати,
Тилятъ-ласинятъ стала паивати.
Майго свёкыра да бида за бядой:
Стайня распирта, кони ўвидяны,
Грузды ўнисяны.
А чія жъ бы бида, а чія сухата?
Ни мая бида, ни мая сухата,
Свекырыва бида, свякровина сухата.
А хто жъ у дѣли, а хто въ атвѣти?
Свёкыръ у дѣли, свякрова ў атвѣти.
— Иди-тка, сынокъ, у новую клѣть,
Няси-ка, сынокъ, ряменную плеть,
Паучи-тка, сынокъ, маладую жану!
Іонъ сѣкъ па падушки, а сказаў па жанушки;
Жанѣ ни набиў, матушку ўтяшиў.

23.

Молодецъ не исполняетъ желанія любовницы: не убиваетъ угрюмой жены. Угрюмая жена родила сына,—молодцу честь и хвала, хорошая слава.

Ня пью жъ я, ня пью зелина вина,
Пью жъ я мядочикъ все салодинькій,
Люблю дятинушку халостинькага,
— Душичка-ягыдка, добрый молыдицъ,
А убей, убей, молыдицъ, урюму жану,
Вазьми, вазьми, молыдицъ, мине маладу!
—«Глупа, глупа дѣвица, ниразумная!
Съ табой, съ красный дѣвицый, часикъ пастырть,
Са ўрюмой жанушичкый мнѣ вѣкъ вѣкувать,
Са дробными дѣтками падворьрика вадить.
А ўрюма жанушичка сына радила,
Во мнѣ, добрыму молыдцу, честь и хвала,
И честь, и честь, и хвала, слава хараша!»

24.

Молодые кузнецы дарятъ молодкѣ золотые ключи,—ей хочется ружья, чтобъ убить нелюбагo мужа.

На гарѣ, на гарушички,
Стаитъ кузня, кузня новая.
У той кузни маладыи кузняцы,
Куютъ, куютъ, дый наваливаютъ[1]),
Ка мнѣ, младѣ, пригавариваютъ,
Сулютъ-дорютъ мнѣ золыты ключи.

---

[1]) Насталиваютъ? навариваютъ?

Мнѣ етыхъ ключоў ни хатѣлыся,
А хатѣлыся заряжоныга ружжа—
Застрялить нялюбаго мужа.
Нялюбый мужъ—пагубитиль мой:
Пагубиў маю галовушку.

25.

Дѣвица подводитъ коня къ батюшкѣ и проситъ его не отдавать ее за стараго, а отдать за ровнаго мужа. (Срв. стр. 54, № 88 и стр. 208, № 52).

Вы, луги (2), вы, зялёненькiи!
Въ тыхъ лугахъ каня выкырмлю, я вылажу яго,
Падвяду каня я батюшки.
—«Охъ, ты, батюшка, радитель сударь мой,
Ты прими слóва ласкавыя,
Слóва ласкавыя, привѣтливыя,
Ты ни 'тдай мине за старага мужа!
Старый мужъ—спагубитель мой:
Спагубилъ маю галовушку,
Усё дявоччую красотушку!»
Вы луги 2, и т. д.
Ты атдай мине за роўныга мужа!
Роуный мужъ—звисялитель мой:
Звисялиў маю галовушку,
Дявоччую красотушку;
Iонъ утёръ гарючи слёзы па бѣлыму лицу.

26.

Млада по сѣнямъ ходила и сѣяла изъ рукава сѣмя. Невсходимое сѣмя, неуродимая (безплодная) земля,—несогласная семья. Не удается молодухѣ угодить своему мужу: не постелетъ она ему постелю по вкусу, не вѣритъ мужъ искренности ея поцѣлуевъ и объятiй. (Срв. стр. 213, № 63).

Па сѣнюшкахъ младешинька хадила,
Рукавую симяну сѣила.
Нивусхóжае мае сѣмина,
Ниўрадимая мая мать-зимля,
Ниўсавѣтная мая ўся симья.
Ни ў савѣти зъ милымъ другымъ я жила.!
Стялю, стялю пастелиньку—ни ўмякў,
Кладу узгалоўюшку—ни ўскруту,
Пацалую, абниму—ни люблю.

27.

Дѣвица выломала въ лугу калиновую вѣтку и бросаетъ ее въ быструю рѣку: если вѣтка тонетъ, то отецъ жалѣетъ дѣвицу; вѣтка не потонула,—отецъ не любитъ, не жалѣетъ дѣвицу.

Пайду ў логъ калину лумати, пайду ў логъ;
Вылымлю калиную вѣтку, вылымлю;
Я ўкину ў быструю рѣчку, я ўкину.
Ти тонить калиная вѣтка, ти тонить?
Ти жалѣить мине батюшка, ти жалѣить?
Ня тонить калиная вѣтка, ня тонить,
Ни жалѣить мине батюшка, ни жалѣить.

28.

Селезень спрашиваетъ у дѣвицы, кто для нея всѣхъ роднѣй; не батюшка, а молодецъ роднѣй, милѣй всѣхъ.

Па рѣчиньки силязень сплаўливаить,
Свае русы косыньки складываить,

Ва ў дѣвицы моладѣ спрашиваить:
—«Хто жъ табѣ, дѣвица, родъ параднѣй?»
—Раднѣй у мине батюшки нѣтъ никаво.
—«Ты нипраўду, дѣўка, кажишъ, ты ня рѣчъ гаваришъ,
Маё серца знабишъ!
Ты ня любишъ силизня, силязенюшку дружка.
А ў кахтани силязень, а ў жалети маладэй,
И ў бялыхъ чулкахъ, и ў чарзоныхъ башмачкахъ,
Чулки съ искырками вонъ павыскакали,—
Вотъ силязень, вотъ маладэй!

29.

Три паненки вили вѣнки и пускали ихъ на воду; молодецъ пошелъ за вѣнкомъ, сталъ тонуть—посылаетъ посланцомъ коня къ отцу-матери.
(Срв. стр. 207, № 50).

У саду, ў садочку, три паненки ў садѣ гуляли,
Цвяты ирвали, да вяночки вили,
Звиўши вяночки, ў рѣчку пускали:
—«Хто й мой вяночикъ да на мори паймаить,
За таво я, млада, я замыжъ пайду».
Иванька былъ смѣлъ: на коника сѣлъ,
За вяночкамъ пашолъ.
Першій разъ ступилъ—па калѣна ў ваду,
Другей разъ ступилъ—па плечи ў ваду,
Третій разъ ступилъ—шляпынька снилàсь,
Шляпынька сплыла—самъ іонъ залиўся.
—«Бяги, мой коня, бяги, вароный, къ батюшки на дворъ;
Ни кажи, мой коня, ни кажи, вароный, што я залиўся,—
Скажи, мой коня, скажи, вароный, што я жаниўся.
Была у мине сватоўя—зъ моря ракоўя;
Были у мине сватиньки—зъ моря щучиньки;
Были дружочки—зъ моря кунёчки;
Слали пастели на жолтымъ пяску;
Клали изгалоўя—бѣлая карення,
Тёплыя діяла—синёя моря.

30.

Похвала отцамъ и дѣвушкамъ своей деревни, порицаніе дѣвушкамъ сосѣдней деревни.

Ай, батюшка рыбалоў былъ:
Кала рѣчиньки хаживалъ,
Іонъ рыбыньку лавливалъ.
Налавилъ рыбки—всё краси,
Ины ўкусны дый харашн.
Мой батюшка рыбалоў былъ, и т.д.
Налавилъ рыбки—ўсё щучки,
Патанинскіи дѣўки—ўсё сучки.

31.

Дѣвки, бабы, ребята всѣмъ міромъ судятъ, кому дѣвицу отдать. Переборъ жениховъ.

Што за рѣчкой, за рякой,
Правадатель дарагой, правади мяне дамой,

Ни дарожкой—стараной, ящо рощай зилиной,
Ки Иванаму двару.
А ў въ Иванывымъ дварѣ многа дѣвыкъ, многа бабъ,
Многа малиньких рибятъ.
Яны судють-гаварять, каму Катиньку атдать:
Ти Ивану, ти Раману, ти Яхиму щигалю.
А ў Яхима щигаля свая шельма хараша,
А йна дома ни живеть: а йдѣ ночку, а йдѣ двѣ,
А йдѣ круглинькій гадокъ, а йдѣ бѣлинькій дянёкъ.

32.

1. Приглашеніе дѣвушекъ въ избу для посидѣлокъ. — 2. Солдатъ утащилъ рубашки у купающихся дѣвушекъ.

(Срв. стр. 217, № 7 а).

Ахъ, вы, дѣвычки, сястрицы,
Хадитя ў пасидѣлки!
Наша избачка прастора,
Сямеичка нивяличка;
Тольки свёкыръ да свякроўка,
Ящо девирь да залоўка;
Пасярёдъ избы люлька,
А ў тэй люльки три Вульки;
А на печи пялёнки,
А ў пялёнкахъ три Алёнки;
На загнѣти гарщокъ каши,
А ли каши три Лукаши;
А ў пароги мишалка,
Ли мишалки три Михалки.
Якъ пашли наши дявушки
На Дунай-ряку купатца,
Якъ паскидали дявушки
Свае бѣлыи рубашки,
Шалковыи падпаяски.
А йдѣ жъ узяўся салдатъ Яшка,
Іонъ пубраў тэя рубашки
И шалковыя падпаяски.
Къ яму дѣўки прихадили,
Рубашки спрасили:
— «Ты, салдатъ Яшка,
Ты атдай наши рубашки!»
Салдатъ Яшка пубажиўся,
Къ сырэй зямлѣ прилажиўся:
—Ты убей мине, Микола,
Выши печи пирагами;
Ты убей мине, Ягорья,
Вышій палйцы блинами!

33.

Лѣнивая тонкопрядица. (Срв. стр. 17—20, № 9 и стр. 147—148, №№ 123—124).

Ахъ, и я, малыда,
Танкапрядица была:
А ў сутычки три нитычки
Я уваживала,
Кабы ў три гадочки
Наматала три маточки;
За чатыри вясенцы
Паставила красенцы.
Паставила красна,
Да дивятая висна.
Мае кросны ня ткутца,
Мае нитки ня рвутца,
Мой нить ни нититца,
Мае берда ни бердитца,
Мой чаўнокъ са цѣўками
Пабижаў за дѣўками,
Калода са навоимъ
Зарасла муравою,
Панажи падъ лаўкыю
Зарасли мураўкыю.
Ай, и курка-самасадка
А ў ниту гняздо свила,

Дятей вывила, 2
А ўсё питушочки—
Красны грибушочки.
Ай, одинъ питушокъ,
Іонъ ранешенька ўстаеть,
Галасиста пяеть, 2
Съ милымъ спать ни даеть.
Якъ вазьму я питушка
За правыя крылушка,
Якъ ударю питушка
Абъ сырую мать-зимлю«
—А за то тибѣ, питушокъ—
За ўчирашній галасокъ!
Што ты рана ўстаешъ,
Галасиста пяешъ,
Съ милымъ спать ни даешъ.

34.

Дуня-тонкопрядица (Срв. стр. 18, № 9 б).

Пашла наша Дуня
На рынкъ гулять,
Дуня, Дуня, танкапрядица,
На рынкъ гулять,
Куделю куплять.
Купила кудельку,
Гуляла нядѣльку,
Семъ праснёў напряла,
Семъ стѣнъ аснувала,
Во й згароду ткала,
Колымъ прибивала,
Щитымъ павюрала.
Ѣхали баяри:
—«Бохъ помочъ!—сказали:—
Бохъ помочъ, Дуняша,
Рагожиньку ткати!»
—Ета ни рагожа—
Ета рагазина,
Чортава абразина,
Сынамъ на парточки,
Дачкамъ на платочки.

35.

Жена мужа зарѣзала; братья мужа открываютъ преступленіе.

Каба ў гаради Саратови
Праявилася праявинка,
Праявинка нивяликая,
Нивялика, дый нималая,
Што жина мужа спатребила,
Вострымъ ножичкымъ ина зарѣзала,
Ина ножичкымъ серца вынила,
Въ халаднэй погрибъ ина бросила,
Сама пашла ў нову горинку,
Ина умылася, урумянилась,
Ина сѣла падъ акошичка.
Прилитали два саколики,
Два саколики—браты родныи:
—«Ты, снаха наша, ты, нявѣстушка,
Во йдѣ жъ то нашъ большій жа братъ?»
—Вашъ бальшой братъ (2)
Бальшой быў ахотничекъ,
Іонъ за 'хотыю ў лѣсъ пашоў.
—«Ты, снаха наша, ты, нявѣстушка,
Нашъ старшій братъ быў ня 'хотничикъ,
Іонъ за 'хотыю ни хаживалъ.
Іонъ лисицъ, куницъ ни лаўливалъ!»
А ина имъ пакарилася,
На калѣначкахъ станавилася:
—«Вашъ большій братъ усё й у погреби!»

36.

На морѣ три корабля: въ одномъ — вдова, въ другомъ — солдатка, въ третьемъ—красна дѣвица. Дѣвица жалуется молодому дѣтинкѣ, что братья ушли отъ нея: старшій—за рыбой, средній — на охоту, младшаго въ солдаты взяли.

Ай, моря, моря, моря синёя!
Натымъ намори, натымъ на синимъ,
Да три карабли:
У першимъ карабли—ўдоўка, ўдава

У другимъ карабли — салдацка жина;
У третимъ карабли — красна дѣвица.
Удоўка ўдава пѣсиньки пяеть;
Салдацка жина пирщатки вязеть;
Красная дѣвица слязненька плачить.
А йдѣ жъ узяўся маладэй дятинка:
—Красна дявица, чаго ты плачишъ?
—«А якъ жа мнѣ, маладэй, ни плакать?
Была у мине три браты на раду:
Большинькій братицъ за рыбый пашоў;
Сярэдній братицъ въ ахоту пашолъ;
Маладога брата ў салдаты ўзяли».

37.

У Катюшки было три дочери: старшая попросила отца выдать ее замужъ за пахаря, средняя — за рыболова, младшая — за дударя; идутъ дочки въ гости къ отцу и несутъ ему подарки: старшая—пирогъ, средняя—рыбу, младшая—дуду.

А у нашій Катюшки
Были три дачушки,
А ўсе Катярюшки,
Ай я, ай я,
А ўсе Катярюшки.
Большія дачушка
Замужъ захатѣла,
Батьки гаварила:
—«А, батька, ты, батька,
Атдай мине замужъ,
Да за пахарёчка,
Да за маладога,
Парня халастога!»
А у нашій Катюшки... и т. д.
Сяреднія дачушка... и т. д.
«Атдай мине замужъ
Да за рабалова...» и т. д.
А у нашій Катюшки... и т. д.
Малая дачушка... и т. д.
—«Атдай мине замужъ
Да за дударечка...» и т. д.
Большая дачушка
Идеть батьки ў гости,
Несеть пирохъ падъ палою,
Во еткій ширинёю,
Во еткій далинёю.
Сяреднія дачушка
Идеть батьки ў гости,
Несеть рыбу падъ палою,
А ў едакій ширинёю,
А ў едакій даўжинёю.
Малая дачушка
Идеть батьки ў гости,
Несеть дуду падъ палою,
А ў едакій ширинёю,
А ў едакій далинёю.
—А, дѣти, вы, дѣти,
Будимъ пирохъ ѣсти,
И рыбицу кушать,
И дудычки слушать!

38.

Дѣвицу заручаютъ, отдаютъ замужъ въ незнакомую деревню, въ несогласную семью.

Пайду съ горя въ чисто поля.
Въ чистомъ поли шумъ да гомонъ:
Ай, тамъ Машу заручають,
Атдають Машу замыжъ
У низнакомую дяреўню,
Ни ў сагласную сямейку,—
Што й ни къ свёкру, ни къ свякроўки,
Што ни къ девирю, ни къ залоўки.

39.

Лѣнивая баба: не радуютъ ее достатокъ и богатство, если они сопряжены съ какимъ-либо трудомъ и заботою: лучше бы все хозяйство пропало.

Палятѣли галубьё на дубьё,—
Астались нидаростычки;
Ай люли, ай люли, ай люлюшеньки мае,

Астались нидаростычки,
Развихались мае костычки,
На чужихъ мужикоў гледя.
Ай, мой нидабёръ, нидабёръ:
Ни купиў мнѣ кавёръ,—
Закупиў каровушку,
Завизаў мнѣ галовушку
А каровушку падой, падой,
А тялёначка напой, напой,
А каровачку прагонь, прагонь
На теплую, на сильную расу.
Сустрѣўся мядьвѣдь на лѣсу.
Задяри маю каровушку,
Аслабани маю галовушку.
А каровычку ня дой, ня дой,
А тялёначка ня пой, ня пой,
А каровачку ня гонь, ня гонь!

40.

(С. Рудня, Ельн. у.).

Яблочки рвутъ Спасовками, дѣвокъ заручаютъ осенью.

Ѣхаў я (2) кала садику зиляно́га, 2.
Видѣў я (2) да яблычка садавоя, 2.
Хатѣў я (2) ды яблычка сащипнуть, 2.
Дажду (2) тэя пары Спасывыкъ, 2.
Тады яблычка сащипну (2), садовыя сащипну 2.
Ѣхаў я (2) кала терима высакога, 2.
Видѣў я (2) Аринычку маладую, 2.
Хатѣў я (2) Аринычку заручить, 2.
Даждусь (2) тэя пары восени, 2.
Тады Аринычку заручу (2), маладую заручу 2.

(Отъ кр. Ульяны Кузминишны).

XVII. ПИРУШЕЧНЫЯ (БЕСѢДНЫЯ).

1.

(С. Злотово, Ельн. у.).

Похвала хозяину, приготовившему Никольскую свѣчу; Никола ему благодаренъ,—послалъ урожай [1]).

Вы паслушiйтя, мiряни,
Што Никола гаварить:
— Я ў Петрыка гадуваў,
На коникыхъ паизжаў,
Па полюшку пахадиў,
Житы, пшоны зарадиў,
Ячменю на пива—
Усимъ людёмъ на дива.

2.

(С. Данькова, Смол. у.).

А й хвалиўся Микола
Честнымъ мужимъ Иванымъ:
— «Што я ў яго зимуваў,
Хлѣба-соли засылаў».

---

[1]) Объ обычаѣ празднованія „свѣчи“ см. нашу статью въ „Этнографическомъ Обозрѣніи“, кн. XLVII, стр. 35—51.

3.

(Къ Могилевской губерніи).

Пчелиная матка посылаетъ пчелокъ въ щирые боры по ярый воскъ и сладкій медъ для того хозяина, который отправляетъ молебны, поднимаетъ Божьи свѣчи; желаніе здоровья этому хозяину съ семейкой, успѣха въ земледѣліи и скотоводствѣ.

Хвалить табѣ Божа,
Што ў Черепави пригожа:
Малебны атпраўляють
Божжи свѣчи павышають.
Пчалиныя мати ўсю ночку ни спала:
А лятитя вы, пчолы, а ў щирыя бары,
Па ярыя васки, па салодкія мяды,
Няситя вы, пчолы, пану Пахому;
А іонъ сянни малебны атпраўляить;
Божжи свѣчи павышаить,
А павышъ жа яго, Божа,
И ў поли, и ў доми:
А ў поли пашенькыю,
А ў доми скатинкыю,
А ў хати сямейкыю.

4.

(С. Данькова, Смол. у.).

Веселая пирушка. Всѣ сидятъ чинно: гости съ гостями, молодухи съ мужьями, старыя бабы съ стариками, красныя дѣвки съ парнями,—одной дѣвкѣ дружка нѣтъ. (Срв. стр. 78, № 15).

Какъ бы у нашаго была сасѣда,
Висила была, братцы, бясѣда:
Сидять гости, гости сы гастями,
А маладухи сидять са мужьями,
Стары бабы сидять сы стариками,
Красны дѣўки сидять зъ малыйцами;
А адна дѣвушка была нищастна:
Ой, да зарадилася дѣвушка безъ парня!

5.

(С. Киселёвка, Смол. у.).

Приглашеніе выпить за здоровье хозяевъ, справляющихъ „свѣчу“.

Да ты выпій-ка
За Данилыўськыя,
За Кирилыўськыя!
Камышова трава
Разлигаитца,
Буйны голывы
Приклыдаютца.
Да ты выпій-ка,
Да ты выкушій-ка!
Наши чары залатыя,
Пивувары маладыя.
Да ты выпій-ка
За Данилыўськыя
За Кирилыўськыя:
Наши чары залатэя,
Пивувары маладэя.
Да ты выпій-ка
За Данилыўськая,
За Кирилыўськая!..

6.

(С. Даньково, Смол. у.).

Не такъ дорого угощеніе, какъ дорого вниманіе.

Веселѣить, веселѣить Машенька,
Ай да веселѣить, ай да веселѣить,
За ей ходить Николаюшка Николаевичъ,
За ей носить, за ей носить
На блюдечки да бѣлый сахаръ.
—«Изволь пакушать, изволь пакушать,
Да и матушка Арсентьевна, изволь пакушать!»
— А спасиба, а спасиба, да й Машенька,
Арсентьевна, да й спасиба!
Ни за сахаръ, ни за бѣлый—
За добрыя за славечка, ай спасиба!

7.

Довольно вина въ серебряной бочкѣ для всѣхъ гостей.

— Бочечка, ты, сяребреная,
Ти многа гарѣлки ў тябѣ?
— «А многа гарѣлки ва мнѣ:
Напьютца ўсѣ гости тваe».

8.

(С. Даньково, Смол. у.).

Про гостей припасено яровое пиво.

Пива маё, яравоя маё,
Іость каму пить, кабы была ў каго,—
У Осипа у Лавриновича,
У жанѣ яго Ульянѣ Осипавый.

9.

Хозяйка приготовила для гостей вечерю. Въ бочкѣ много горѣлки: хватитъ на всѣхъ гостей.

— Хозяйка, тятерька мыя,
Ти гатова вячерька твыя?
Бочечка, да ты, бочка мыя,
Ти многа гарѣлки ў табѣ:
Привеў я гастей на тябе?
— «Ай, многа гарѣлки ў ва мнѣ:
Угасти жъ ты гастей дли мяне!

(Тамъ-же).

10.

Просьба, чтобы гости подольше погостили: у хозяина и у хозяйки довольно всего.

Гости мае, пагуляйтя ў мяне,
Сусѣди мае, пубясѣдуйтя ў мяне!
Іость жа у каго, да іость на што:
У Михалки у Артемьича,
У Ганни Никалаевны.

(Тамъ-же).

11.

Пчелы ярыя не идутъ на полетъ въ пасмурную погоду и во время дождя: съежившись сидятъ въ бесѣдѣ гости и не вкушаютъ хлѣба-соли, если скученъ хозяинъ. Хозяйка выпытываетъ у мужа правду, чѣмъ онъ недоволенъ.

1. Ужъ вы, пчолки мае,
Пчолы ярыя мае,
Што вы сидитё,
На палётъ не йдитё:

Ти на дварѣ хмарненька,
Ти дождикъ идеть,
Ти мятелица мятеть?
Ахъ, вы, гостике мае,
Гости милыя мае,
Чаго жъ вы сидитё,
Хлѣба-соли ни ястё:
Ти мой хлѣбушка пушонъ,
Ти мой мужъ ни вясёлъ?
Када хлѣбушка пушонъ,
Хлѣбъ я выпылаю;
Када мужъ нивясёлъ,
Мужа пьяна напаю,
Праўды выпытаю: [1])
—«Ты скажи, скажи, милой,
Скажи праўду мнѣ!
Ти я табѣ нялюба,
Ти гости мае»?
—Ужъ и ты жъ, ты мнѣ люба,
И гости твае [2]). (Тамъ-же).

12.

(С. Радошково, Ельн. у.).

Величаніе хозяина дома.

Какъ и ѣхала кума
Кала кумыва двыра,
Ой ли, ой лели,
Кала кумыва двыра,
Какъ зламалася дуга,
Дуга вòльхавая,
Парвалися гужи,
Гужи шолкавыи.
Ти ня мой жа то милъ,
Ти ня мой гаспадинъ?
Іонъ за 'хотыю хадилъ,
Пиряпелычку стриляў,—
Ни стрялиў пиряпёлку,
Забиў сиза галуба̀.
Какъ пашоў жа лунёкъ,
Па зялёненькамъ па саду,
Па шалковый па травѣ.
Ты припань, ты припань, лунёкъ,
Прапой, сизый галубокъ,
Потихошиньку, цумалёшиньку!
Чорный, чернабровый,
Маладецъ харошій,
Коника братаить,
Коничикъ ўздыхаить;
Коника сѣдлаить,
Коничикъ играить;
На каня садитца,
Падъ имъ конь бадритца;
Къ лясу падъѣзжаить,
Лясочикъ тямнѣить;
Къ рѣчушки падъѣзжаить,
Рѣчушка ялѣить;
Къ саду падъѣзжаить,
Садъ мой зилянѣить;
Къ двару падъѣзжаить,
Дворъ мой висялѣить.

---

[1]) Вм. стиховъ 15—18 поютъ иногда такъ:

Я хлѣбу пригадаю,
Съ пуху выпылаю,
Я мужа напаю,
Праўды выпытаю.

[2]) Вм. стиховъ 19—24 пѣсню оканчиваютъ иногда такъ:

— „Ужъ ты, мужъ мой, мужанёкъ,
Маё сердечка!
Да ти я табѣ нялюба,
Да ти гости мае?
Када я табѣ нялюба,
Такъ пабей ты мяне;
Кали гости мае,
Такъ прагонь жи ты ихъ!
Я зъ двыра далой сыйду
И гастей совяду!“
— Я ни на тибе сярдитъ,
Ни на гостей на тваихъ,
А на тую на сусѣдушку:
Ина крутить и мутить,
И падкалачиваить.

13.

(С. Сухой Починокъ, Ельн. у.).

Охочъ былъ баринъ по улицѣ гулять, полтиною по городу шибать, сиротъ изъ неволи выкупать, рублемъ вороты отворять.

У насъ на горки, на горычки,
Сядѣли два голуба,
Два голуба сизыи,
Два братчика радимыи.
Яны сами сабѣ рѣчъ гаварять
Пра харошива барина,
Пра Митрій Степанывича.
Іонъ ахочъ былъ па улицы гулять,
Палтиныю па горыду шибать,
Рублёмъ варата атпирать,
Съ няволи сиротъ выкупать.
—«Вы, сироты, вы, сироты маи,
Помалитя Царю-Богу аба мнѣ,
Штобъ я, маладецъ, весилъ быў,
Весилъ, весилъ, висялёшеникъ!»

14.

(С. Даньково, Смол. у.).

Величаніе двора.—Хозяйскій сынъ по двору ходитъ съ ключами, отворяетъ ворота, зазываетъ гостей.

А чей ета дворъ,
Мѣдянэй заборъ,
Падваротница сяребреная?
А чей ета сынъ
Да по двыру ходить,—
Да ключики носить,
Вароты атымкаеть,
Гастей зазываить?

15.

(С. Крутиловка, Ельн. у.).

Подвыпившіе гости позволяютъ себѣ двусмысленности въ разговорахъ и пѣсняхъ.

У майго батюшки висить, дакъ висить,
Ой лёли, лёли, висить, дакъ висить,
У майго братчика стаить, дакъ стаить.
У батюшки висить катёлъ на сталѣ,
У братчика стаить кóня на стойлú.

(Отъ Христёны Головнёвой).

16.

(С. Злотово, Ельн. у.).

Встрѣча кумовьевъ на пирушкѣ. Величаніе хозяевъ.

Ты, кума мыя,
Ты, душа мыя,
Мы съ табой, кума,
Черезъ тынъ живёмъ,
Мы не знаемся,
Не витаемся,
Межда насъ, кума,
Пратикла рѣка,
Рѣчка быстрая,
Биряжистая.
Што па той рякѣ
Силязень плувёть, 2
Съ сѣрый вутицей.
Силязенюшка—то Ванюшечка,
Сѣра вутица—Аграфенушка.

17.

(С. Лѣтошники, Росл. у.).

Въ саду теремъ; тамъ, на богато убранномъ ложѣ, лежитъ дѣвица; молодецъ хочетъ взять ее замужъ и нарядить въ богатый нарядъ.

Кабы ў садику тирёмъ—Пабывать було ў ёмъ;
Кабы ў терими караватушка тисовенькая,
На краватушки пяринушки, пуховыя лижать;
На пяринушкахъ галоўя крутая лижить,
На згалоўи адіяла сабалиная ляжить,
Падъ діялцымъ дяўчонка хараша, пригажа.
Узялъ бы замужъ за сибе—
Нарядиў бы я яе и палуччи для сибе.

18.

(С. Даньково, Смол. у.).

Не охота молиться, лучше гулять съ молодежью, да орѣшки щипать.

Спасиба таму блядину сыну,
Што мнѣ, малыдѣ, чарнушки падстрыхъ.
Не маё дѣла къ абѣдни хадить,
Къ абѣдни хадить, малебны служить;
А маё дѣла по саду гулять,
По саду гулять, арѣшки щипать.
Якъ выщипну я да сушильца сваё;
Я кала сушильца пахаживаю,
Я на сушильца пасматриваю.

19 а).

(С. Даньково, Смол. у.).

Величаніе пивного котла. Разгулъ. Свекоръ и свекровь журятъ молодую, мужъ ласкаетъ ее и заботится объ жениной постели.

А ў катлѣ мидяноя дно,
Абручъ пазалоченая,
Чарычка да сяребреныя.
Ой, тутъ пить, да ня тутъ начувать,—
Начувать, да падъ вишинкыю.
Вишинка шумить, дакъ шумить,
Свекырька журить, дакъ журить,
Свякрова да паджуриваеть.
А мужикъ дакъ за ручку вядеть:
— Душка мыя, ти мякка падушка твыя,
Ти крута изгалоўя твае,
Ти тёпла адіяла твае?
—«Ой, мякка падушка мыя,
Ой, крута изгалоўя маё,
Ой, тёпла діяла маё»

19 б).

(С. Злотово, Ельн. у.).

У катлѣ мидяноя дно,
У Пятрушички дарагой абычай:
Идѣ пьеть, идѣ гуляить,
Самъ у дворушку идеть,
Хвіону за ручку вядеть:
— «Хвіона, ты, душа мыя,
Ти мякка пастеля твыя,
Ти крута ўзгалоўя тваё,
Ти тёпла адіяла тваё?»
— Мякка пастеля мыя,
Крута ўзгалоўя маё,
Тёпла й адіяла маё.

20.

(С. Даньково, Смол. у.).

Зелена въ полѣ близко воды трава; жена хозяина молода, потому что въ полѣ не была. (Срв. стр. 252, № 2).

Ой, зелена, зелена по лугамъ трава,
Аттаго йна зелена, што близка вада.
Ой, молыда у Рамана жена,
Аттаго йна молыда, што ў поли не была.
Запряги-ка, Раманичка, ворына каня,
Мы паѣдемъ у поля, прагуляемся,
Съ маладыми жнейками павидаемся,
Ти ўсё жита пажали, ў копы паклали?

21 а).

(С. Шиловичи, Духовщ. у.).

У голубя сизая голова, у голубки позолоченая. У хозяина молодая жена; не грѣхъ такую жену возить лѣтомъ въ каретѣ, а зимою катать на Питерскихъ саняхъ, исполнять всѣ ея прихоти.

А ў галуба, галуба да сизая галава,
А ў галубки пазалоцоная;
У Фёдыра молыйца маладая жена.
Какъ намъ ба молоцамъ да тыкая бъ жена,
Мы бъ её па лѣтку ў карети вазили,
А зимою ба ў Питерскихъ саняхъ,
На емскихъ лашадяхъ.
Вы пріударьти-тка, ребяты,
Па варонымъ лышадёмъ,
Вы утѣшьте-ка, ребяты,
Маладую маю жану—
Свѣтъ и Марьичку душу.

21 б).

(С. Пречистое, Духовщ. у.).

Литалъ голыбъ, литалъ сизый
И зъ галубышкыю,
А ўдалой маладецъ
Съ красный дѣвушкою.
Если бъ етыму малайцу
Малада твая жана,
Я бы золытымъ усыпалъ,
Зимчугомъ унизалъ,
Я ба лѣтнію парой
Ва каляски качалъ,
А зимою халаднóю
На лисовыхъ на саняхъ,
На ямскихъ лашадяхъ.
Пасажу голыба на ручушку—
Ня ўспыхнитца,
На другую пасажу—
Никуда ни ўлятить.
Скажу: шишъ, голубъ, далой,
Палитай, сизый, за мной,—
Распращаемся съ табой.

21 в).

Па ячинню, па гарохыўю.
Ходить голубъ и зъ галубышкыю,
А ў голуба да сизыя галава,
А ў галубки пазалачивана.
Якъ увидѣў Захарьичка съ терима:
—«Кали бъ мыя Варычка такыва,—
А я жъ бы ей и талокъ, и малоў,
Я жъ бы ей пу вадицу хадиў,
Я жъ бы ей и дитятухну калыхаў,—
Я бъ яе и душою называў!

22.

(С. Даньково, Смол. у.).

„Лазорлевые“ цвѣты осенью мало напоминаютъ собою Петровскіе цвѣты; дѣвица, ставъ замужнею женщиною, утрачиваетъ дѣвичью прелесть.—Жена проситъ мужа дать ему волю батюшкину, нѣгу матушкину, а онъ соглашается если она родитъ ему девять сыновей, себѣ десятую дочку; но пусть онъ состроитъ ей девять городовъ, десятый высокій теремъ—тогда его желаніе исполнится.

А твѣтики, твѣтики мае,
Твѣтики лазорлевыя,
Што жъ вы тяперь ни таковы,
Икавы вы ў Пятроў день были?
— Ты, жина жъ мыя, злюбленная,
Што жъ ты тяперь ни такова,
Икыва у свайго батюшки была?
— «Мужъ ты мой, мужъ, мужанекъ,
Дай волю батюшкину, 2
Дай нѣгу матушкину:
Буду жъ я тяперя я такова,
Икава у свайго батюшки была!»
— Ты, жина жъ мыя злюбленная,
Ты ради-тка мнѣ девить сыноў,
Дисятую дочку сябѣ!
«Мужъ ты мой, мужъ, мужанекъ,
Ты састрой-ка мнѣ девить гарадоў,
А дисятый високій тяремъ:
А ражу жъ тябѣ девить сыноў,
А дисятую дочку сябѣ!

24.

(С. Никола-Ядреичъ, Дух. у.).

Мужъ требуетъ настоятельно отъ жены, чтобы она ему сына родила. (Срв. стр. 100 № 40).

Чія ета горница на гарѣ,
Чія ета новыя на гарѣ?
Горница навáя,
Дворница маладая.
Када сына родишъ,
Я жъ тибѣ, шубыньку сашью,
А када дачку родишъ,—
И ету сыму.

25 а).

(С. Злотово, Ельн. у.).

Хорошій у хозяина обычай съ пирушекъ домой возвращаться; жена не встрѣчаетъ его у воротъ: занята убаюкиваньемъ „перемѣнушки“ сына. Сынъ грамотѣй, дочка златошвея.

У чарычки у сяребреный
Залатой вяночикъ,
У Васильички у Ягорывича
Дарагой абычай,

Гдѣ іонъ ходить, идѣ гулянить,
Парой двору ѣдить,
Ки варотамъ падъижжаить,
Аксютку гукаить:
—„Выди, Аксютычка,
Ка мнѣ за вароты!“
— Я жъ ба рада, сударь, вышла:
Я сына качаю, 2.
Пирямѣны чаю,—
А сына граматѣя,
Дачку златашвею.
Куда жъ мы ни паѣдимъ,
Мы къ дочки заѣдимъ.

25 б).

(С. Никола-Ядреичъ, Духовщ. у.).

Ужъ ты, рюмычка, ты сяребриная.
Залатой у тябе вѣньчикъ.
Ужъ ты, Ванична,
Дарагой у тябе абычай:
Идѣ пьёшъ, идѣ гуляишъ,
Дамой идешъ начувать.
— Ужъ ты, Хрузычка,
Сустрикай сваиго друга!
— Ужъ я сына качаю,
Сябѣ пирямѣны чаю.

26.

(С. Самохотовка, Смол. у.).

Надъ криницею стояла кудрявая береза; молодуха воду брала и вздыхала. Отъѣздъ милаго дружка; совѣтъ подружки не пить „кавитую горѣлочку“, не любить чужихъ женъ; молодецъ остается вѣренъ своему обычаю. (Срв. стр. 139, № 108).

Кабы ў поли крынишинька халодная;
Надъ крыничинькый бярёзанька стыяла,
Надъ крыничинькый кудрявая стыяла,
Маладўшка, маладая ваду брала;
Ина браўши вадичиньку ўздыхала,
А у яе бярезанька кудрявая пытала:
— „Малодушка маладая, чаго ўздыхаишъ“?
— Ой якъ жа мнѣ, бярезанька, ни ўздыхати:
Атъяжжаить мой милинькій далеча,
Ай, я свайму миламу гаварила:
— Ты не пей-ка, мой милинькій, гарѣлачки,
Ты не пей-ка, мой милинькій, кавитую [1]),
Ты не люби-ка, мой милинькій, чужихъ жоныкъ!
— „Гарѣлачку кавитую я пить буду;
Чужихъ жоныкъ размалодыхъ любить буду!“
— Гарѣлачку кавитую чаркыю пьють,
Чужихъ жоныкъ размалодыхъ палкаю бьють.

27.

(С. Никола-Ядреичъ, Духовщ. у.).

Заботливая жена, наставляющая на путь мужа, до солнца постель постлала, мужа съ улицы позвала.

На ямкѣ кисель варитца,
А Хомка жаной хвалитца:
— Мыя жина дасужа,
Да сонца пастелю паслала;
Мяне, молыйца,
Зъ вулки пазвала.

(Отъ Нестера Никитина).

---

[1]) Срв. польск. okowita (aqua vitae). *Н. Я.*

28.

Супружеская невѣрность. Побраночка мужа съ ревнивою, угрюмою женой; мужъ хочетъ убить жену, любовница заступается за нее.

Шумѣла-гарѣла воску ярага свѣча,
Сядѣла дяўчонычка поздна вечерымъ адна:
Ждала-дажидала къ сябѣ милыга дружка;
Не даждаўшись милага, лажилась спать адна,
Ня услышала дѣвушка, какъ милъ па горенки прайшолъ,
Любезную пѣсеньку на свисточекъ прасвисталъ.
— «Зачѣмъ, зачѣмъ, миленькій, позна вечерымъ ня былъ?»
— Ня гнѣвайся, дѣвушка, мнѣ ня время была;
Зъ ряўнивыю жонушкаю у насъ пабранычка была:
Тябе заветь сукыю, мяне борзымъ кабялемъ.
Убью, убью, дѣвушка, сваю ўрюмую жану!
— «Ня бей, ня бей, молыдецъ, сваю ўрюмую жану:
Намъ съ табою, миленькій, адинъ часокъ пастыять,—
Зъ нялюбыю жонушкыю табѣ вѣкъ вѣкувать!»

29.

Воробей летитъ въ погоню за соловьемъ: а то садъ совсѣмъ опустѣлъ, птицы не поютъ; сынъ посланъ за хозяиномъ, безъ котораго въ дворѣ пусто, гости пріуныли.

Ай у саду было, а ў садочку, 2.
Пѣли пташки, распѣвали, 2.
А тяперь жа яны пиристали. 2.
Чаго жъ то яны пиристали? 2.
Ай, ай, утёкъ, утёкъ салавейка. 2.
Каго жъ мы пошлимъ у пагоню? 2.
Мы пашлёмъ, пашлёмъ вырабейку. 2.
— «Ты вярнись, вярнись, салавейка: 2.
Бизъ тябе ў саду ўсё пустенька, 2.
А ўси пташки призаўныли». 2.
Ай, у пиру было, а у Валодьки, 2.
Пили гостики и гуляли, 2.
Тяперь жа яны перистали. 2.
Чаго жъ то яны пиристали? 2.
Ай, утёкъ, утёкъ самъ хазяинъ. 2.
Каго жъ мы пошлимъ а ў дагоню? 2.
Мы жъ пошлимъ, пошлимъ яго сына: 2.
— «Ты вярнись, вярнись, мой батюшка, 2.
Безъ тябе ў дварѣ ўсе пустенька: 2.
А ўси гостики призаўныли». 2.

30 а).

(С. Злотово, Ельн. у.).

Веселая бесѣдушка, гдѣ батюшка (милый) пьетъ; онъ за младой шлетъ, а она, млада, замѣшкалася за утями, за гусями... Четыре кумы въ слободкѣ бросили въ воду вѣнки, свитые ими для себя и для молодухи. Молодухинъ вѣнокъ потонулъ,—не пришолъ изъ Москвы ея дружокъ. (Срв. стр. 206, № 49).

Ня вясёлая бясѣдушка,
  Гдѣ батюшка пьеть;
Вясёлая кампанія,
  Гдѣ миленькій живеть.
Іонъ пьеть, ня пьеть, галубчикъ мой,
  За мной, за младой, шлеть.
А я, млада-младешанька,
  Забавилася,
За утими, за гусими
  Замѣшкалася,
За вольныю за пташкыю,
  За жираўкыю.
Жиравушка па бережку
  Пахаживаить,
Шалковую листъ-травушку
  Сащипываить,
На тотъ берегъ, за рѣчушку,
  Пасматриваить.
На томъ баку, за рѣчкаю,
  Слабодка стаить,
Слабодушка нибальшая—
  Чатыри двары,
У тыхъ у дварахъ, у дворикахъ.
  Чатыри кумы.
Вы, кумушки, галубушки,
  Падружки маи,
Пайдите вы ў зялёный садъ,
  Вазьмите-й мяне,
Сарвёте вы па цвѣтику,
  Сарвите и мнѣ,
Савьётя вы па вѣнчику,
  Савейтя и мнѣ;
Панясётя на Дунай-ряку,
  Зняситя вы й мой;
Вы броситя на ваду,
  Вы бросьтя и мой!
Уси вянки паверьхъ вады,
  А мой патанулъ;
Всѣ жъ дружки зъ Масквы пришли,
  А майго дружка нѣтъ.
Прислалъ письмо нерадастная,
  Нивясёлыя:
Атстаюся я, мыя милыя,
  Тута зимывать;
Я, млада-младешанька,
  Горя гаревать.

30 б).

(С. Радошково, Ельн. у.).

Вяселая бясѣдушка,
  Гдѣ батюшка пьеть,
Іонъ пьеть, іонъ пьеть,
  За мной, младой шлеть;
А я млада-младешанька
  Замѣшкалася:
Да вутими, за гусими,
  Забавилася,
За мелкыю за пташкыю
  За жираўкыю.
Журавушка па бережку
  Пахаживаить,
Крыничныю вадичкыю
  Прихлебываить,
Зяленую травушку
  Сащипываить.—
За рѣчкаю за быстраю
  Крутая гара,
А па тэй на горушки
  Чатыри двара,
А у тыхъ жа у дворикахъ
  Чатыри кумы.
Кумушки-галубушки,
  Падружки мае,
Кумитеся, любитеся,
  Любитя й мяне;
Пойдите вы ў зяленый садъ,
Сарвите вы па твѣтику,
  Сарвите и мнѣ,
Савьете вы па вѣнчику,
  Савейте и мнѣ;
Палозьтя вы на галовушку,
  Палозьтя и мнѣ;
Пойдетя вы на Дунай-ряку,
Пуститя вы сваи вѣнки,
  Пуститя и мой.
Ваши вянки паверхъ пашли,
  А мой патануў;
Ваши мужье съ вайны пришли,
  А майво нѣту.

31 а).

Въ лужку семьсотъ соловьевъ; всѣ они пьютъ-ѣдятъ, поютъ пѣсни,—только одинъ соловей, не имѣющій теплаго гнѣздечка, сидитъ молча, не ѣстъ и не пьетъ: также точно молодецъ сирота безучастно глядитъ на шумную бесѣду.

А ў лужку, лужку, ў калинывымъ кружку,
Тамъ сидять, сидять семьсотъ салаўёвъ,
А ўси сылавьи и пьють, и ядуть,
И пьють, и ядуть, и пѣсенки пяють,—
Адинъ сылавей іонъ ни пьеть, ни ѣсть,
Іонъ ни пьеть, ни ѣсть, пѣсенъ ни пяеть.
Кабы у сылыўя теплыя гнѣздечка,
Ни летаў бы іонъ рана па зари,
Ни аббиваў бы іонъ зямчужный расы!
А ў пиру, пиру, да ў бясѣдушки,
Тамъ сидять, сидять семьсотъ малайцоў.
А ўси молыдцы и пьють, и ядуть,
И пьють, и ядуть, и пѣсенки пяють,—
Адинъ молыдицъ іонъ ни пьеть, ни ѣсть,
Іонъ ни пьеть, ни ѣсть, пѣсинъ ни пяеть.
Кабы у молыйца атецъ-матушка,
Ни сядѣў бы іонъ па канецъ стыла,
Ни глядѣў бы іонъ, людёмъ у глаза!

31 б).

А ўси жъ молыйцы и пьють и ядуть,
Да и пьють и ядуть, пѣсенки пяють,—
Адинъ молыдицъ іонъ ни пьеть, ни ѣсть,.
Іонъ ни пьеть, ни ѣсть, пѣсень ни пяеть.
Яго молыйцы стали спрашивать:
— «Што жъ ты, молыдецъ, ни пьёшъ, ни яси,
Ни пьёшъ, ни яси, пѣсень ни пяешъ:
Ти у тябе, молыдецъ, батюшки нѣту?»
— Якъ бы быў въ мяне родный батюшка:
Ни сядѣлъ бы я падъ канецъ стала,
Не глядѣлъ бы жъ я людёмъ у глаза!

32.

(С. Самохотовка, Смол. у.).

Соловей безъ теплаго гнѣздечка летаетъ рано по зарѣ и обиваетъ жемчужную росу. Дочь-сирота безъ отца, безъ матери, поздними вечерами проливаетъ горькія слезы.

Салавей ты мой, ты, салоўюшка,
Э-э-эй, не летай-ка ты рана па зари,
Не атбивай жа ты зямчужный расы!

— «Э-э-эй, кабы у мяне, салаўя, теплыя гняздечка,
А да ни летаў бы я рана й па зари,
Э-э-эй, не аббиваў бы я зямчужный расы!
Ахъ, ты, Хадосычка, ты, малодая,
А ты чаго сядишъ позна вечарымъ,
Ты чаго плачишъ слезна, жаластна?
— «Э, кабы у мяне, маладѣ, родный батюшка,
Не сѣдѣла бъ я позна вечарымъ,
Ахъ да я, э да я й не плакала бъ я слезна, жаластна!»
(Отъ старухи Лукерьи Бѣляёвой).

33.

Худо жить на свѣтѣ безродному, худо молодухѣ живется на чужой сторонѣ: за неимѣніемъ близкихъ родныхъ, кромѣ милаго дружка, не согрѣтая ихъ ласкою и любовью, проситъ она вѣтры буйные осушить ее, жаркое солнышко обогрѣть ее, дождики дробные обмочить ее.

Пейтя, гости, гарѣлычку,
Сѣры гуси ваду!
Латвѣй таму на свѣти жить,
У каго роду многа;—
Худа мнѣ, маладэй,
На чужей старанѣ!
Дожжики дробные,
Абмачитя мяне;
Вѣтрики буйнэя,
Абсушитя мяне;
Соўнихка жаркая,
Абагрѣй ты мяне!
Дружочикъ миленькій,
Пажалѣй ты мяне:
А што я, мыхыда,
На чужей старанѣ!

34.

Пила жъ бы я да гарѣлычку, 2.
Хмель мяне не бяреть; 2.
Ѣла жъ бы я да салодкій мёдъ,
На душу ня йдетъ.
Ай, дворъ вяликъ, дабра многа,—
Не съ кимъ млайцу жить;
Ложа бѣла, стѣна нѣма,—
Не съ кимъ гаварить.
Туда, сюда дарожинька,
А третія ў садъ;
Туды ишли два брахниньки,
Третія систра.
Пашли яны па дарожиньки,
Каторая ў садъ;
Сащипнули па вишинки,
Сащипну и я;
Палажили на блюдечка,
Палажу на сваё;
Паняситя къ атцу, къ матушки,
Няситя й маё;
Вы сядитя за тисовый столъ,
Помяните й мяне:
Икаво жа нашей да гарюшички
На чужей старанѣ,—
Падъ вакномъ сядить, у вакно глядить,
Да слёзки ильлеть.
(Отъ Матрены Григорьевой).

35.

Дочь замужняя стремится въ отцовскій домъ.

Котитца, котитца мѣсицъ на нёби, 2.
Хочитца, хочитца къ батюшки ў гости.
Майго батюшки дворъ падъ гарою,

Дворъ падъ горою, садъ надъ рякою.
Пайду я, батюшка, ў твой садъ пагулять,
Ня буду я тваихъ я вишинъ щепать;
Выщиплю, выщимлю вынаградачку,
Пайду къ батюшки на парадушку:
— «Батюшка жъ ты мой, а ти тутъ мнѣ жить,
А ти тутъ мнѣ жить, ти дворушку йдить?»
— Живи, дѣтитка, живи, милоя!

36.

Дочь въ гостяхъ у отца.

Въ майго батьки пьють,
Мяне й ни завуть.
Якъ выйду я да на ганычки,
Якъ зайграю да ў гусильки;
Ти ни пазавуть? 2.
Хвачуся-ка я ума:
Пайду жъ я сама!
— «Частуй, частуй, мой батюшка,
А я гостя твыя;
Частуй, частуй, мой родниньвій:
Но я гостя твыя!»
(Отъ кр. Матрены Антоненковой).

37.

Батюшка не ѣдетъ въ гости къ дочери.

Въ канцы гребли стаить верба зилина,
Люли, люли, лялёшиньки, зилина.
Туда ѣхыў мой батюшка родненькій,
Ай, я свайго да й батюшку прасила:
— «Заѣдь, заѣдь, мой батюшка, ка мнѣ ў дворъ:
Ай, іость у мяне стыканъ мёду, ли тябе».
Ни заѣхаў мой батюшка ка мнѣ ў дворъ.
Сусѣдушки-падружички пупришли,
И мёдъ-вино, й гарѣлычку пупили,
А мнѣ, младѣ, зазнобушки зыдали.

38.

Дочь ждетъ отца въ гости; онъ научаетъ ее норовить всѣмъ въ домѣ мужа и себя беречь.

Листымъ дароживька западала,
Листымъ широкая западала
А я свайго батюшку ў гости ждала.
—«Пріѣдь, пріѣдь, мой родненькій, не забаўся!
Пагляди, мой батюшка, майго горя,
Пагляди, мой родниньвій, майго горя!»
— Ты, дочка же, ты, мая дачушка,
Ты живи, да нарави, да здароўя биряги,
Якъ и Богъ даў, якъ и Богъ даў!

39.

Отецъ печалится о горестномъ житьѣ дочери въ далекомъ замужествѣ.

Ай, висока, висока
Клёнъ-дерива атъ моря,—
Ну, хуть жа іонъ висока,
Хуть листочикъ атпадеть,
Да па морю пуплыветь.
А далеча, далеча
Мой батюшка атъ мяне,
А хуть жа іонъ далеча,
Дакъ іонъ мяне ўспумянеть,
Тижалешенька ўздыхнеть,
Сильнешенька заплачеть:
— А якъ маё дититка,
Якъ маё милоя,
Ти живеть, ти гарюить,
Ти слезкыми атливаить?
Вѣрна, мае дититка
Ни живеть, а гарюить,
И слезкыми атливаить!

40.

Нѣтъ ни отъ кого утѣхи солдаткѣ.

Плыветъ вутка съ силязнёмъ тихыю вадою,
А сказали младешеньки быть мнѣ й удавою,
Удавою маладою, салдатскыю жаною.
—«Када, милая, сташнитца,—прайди, прагуляйся,—
Пади, пади, прагуляйся ки батюшки ў гости!»
Ни батюшки, ни матушки дома ни случилось;
Асталася младешинька горя гарювать.

(Отъ Лукерьи Бѣляёвой).

41.

Въ садѣ-виноградѣ соловьи поютъ, зазнобу даютъ.

Ужъ вы, слёзы мае да гарючіи!
Пакатились слёзы зъ глазъ.
Какъ у насъ сянни ненастный день:
Нельзя ў поли рабатать.
Какъ у нашимъ жа ў садикѣ,
У садикѣ, ў винаградикѣ,
Салаўи-пташки пяють,—
Ай, намъ съ табою, раздушенька,
Зазнобушки задають!

42.

(Дунаево, Бѣльск. у.).

Чужая сторона разлучила съ милымъ; думы о немъ не даютъ покоя.

Думаю пра милыва,
Ня милъ мнѣ бѣлый свѣтъ,
Ня милъ не милешаникъ
Ни матушка, ни атецъ.
Я съ таски бальшой, дасадушки,
Збижала у темный лѣсъ.
У тямномъ лясочаку,
У лясу, лясу пользы нѣтъ,
И думаю пра милыва,
Ня милъ мнѣ бѣлый свѣтъ,
Ня милъ не милешаникъ
Ни матушка, ни атецъ.
Шумять-гримять листика,
Пра бярёзу гаварять.
Разлука мая чужая старана,
Чужая дальнія старонушка
Разлучила, развила
Са милымъ дружкомъ мине.
Я пайду жъ зъ горя
У въ атцовскій д'садъ гулять...

43.

Пращай, пращай, мой бѣлый свѣтъ!
Я зъ горя пайду ву тёмный лѣсъ.
Въ тимномъ лису салавей паёть,
Салавей паёть жаластнёшенька,
А мнѣ маладцу жить ташнёшинька.

(Тамъ-же).

44.

(С. Каблуково, Красн. у.).

Лавровый вѣнокъ безъ вѣтру шумитъ, сердце безъ перца знобитъ...

Гуляла я, дяўчиница, въ зеленымъ саду,
Щипала дѣўчонычка лаўровый листокъ.
Маё листя лаўровая бязъ вѣтру шумить;
Маё серце ретивоя бязъ перцу знобить,
Зазнибѣла, пачарнѣла, якъ чорная грязь.

45.

Не „хмелинушка и не красная дѣвчинушка" свели съ ума молодца,—погубила его чужая сторонушка.

Вой и ў поли дубочакъ,
Вой и ў поли зялёный,
Падъ дубочкамъ бѣлъ шатёръ,
Падъ шотрикымъ ворынъ конь,
На конику моладецъ,
Іонъ звѣсиў галовушку,
Іонъ звѣсиў галовушку-й
На праву старонушку.
Пришла къ яму бабушка,
Дый родныя матушка.
— «Ты, молыдицъ, молыдицъ,
Во хто тябе съ ума звёў,
Зъ вяликыга разуму:
Ти тая хмялинушка,
Ти красна дяўчинушка?»
— Ты, бабушка, бабушка,
Дый родныя матушка,
Вотъ хто мяне съ ума звёў,
Зъ вяликыга разума:
Ни тая хмялинушка,
Ни красна дяўчинушка—
Во звила мяне съ ума,
Зъ вяликыга разума,
Чужая старонушка!

(Отъ Екатерины Подгрудковой).

46.

(С. Каблуково, Краснинск. у.).

Не громкія гусли,—чужая сторона, многочислинныя дѣти сводятъ съ ума молодуху.

Мима майво териму,
Мима саду зелину,
Пралегала стежинька,
Торная дароженька.
Па той па стежиньки,
Па торный дароженьки
Ишоў, прайшоў молыдицъ,
У гусильки йграючи,
Пѣсенки ўспиваючи.
Услышала дѣвица
Зъ висакога терима:
— «Сударь, сударь, батюшка,
Пусти мяне на вулицу пагулять,
Громкихъ гусиль паслушать,
Пѣсинь перинять.»
— Глупа маё дѣтитка,
Глупа неразумна:
Ети тябе гусильки,
Молыду, састаріють,
Ети тябе пѣсинки
Звядуть съ ума, съ розуму.
— «Сударь, сударь батюшка,
Сударыня матушка,
Састаріють молыду
Сильны дробны дѣти,
Свядеть съ ума, съ розуму
Чужа старана.»

47 а).

(С. Свалы, Смол. у.)

Сестра-разлучница и мать-чаровница разлучаютъ любовниковъ.

Туманъ, туманъ на далини,
Широкій листъ на калини,
Шири, выши на дубочку.
Кличить голубъ галубочка:
— «Хади, голубъ, поцалую,
Не сваю жану—чужую!»
— На што чужихъ цалувати,
Жали серцу задавати?
Не задавай серцу жали!
Твая сестра—разлушница,
Мать—чараўница:
Разлучила насъ съ табою,
Якъ рыбку съ вадою.

(Отъ старухи Домны Мирёновой).

47 б).

Измѣна молодца.

Туманъ, туманъ, па далинки,
Широкій листъ на калинки,—
Ширій таго на дубочку.
Кличить голубъ галубачку,
Хуть ни сваю, дакъ чужую:
Приди, серца, й пацалую.
На што чужую й цалувати—
Серцу й жалысти дывати?
Мизъ кусточкаў лужочками
Тякёть рѣчка й ручайками, 2
Плачить дѣўка слезычками.
— Ни плачъ, дѣўка, не журися:
Я жъ, молыдицъ, ни жаниўся,
Кали жъ буду й жанитися,
Прашу й дива дивитися,
Мёду й пива, напитися!
— «А спасиба й, мой милинькій,
За твой мядокъ салоденькій:
Тваё пива намъ ня дива,—
Диўнѣйшія твае слова.»
Щука й рыба па Дунаю,
А я, млада, й пагуляю;
Щука й рыба за вакуньками,
А я й млада за мылайцами;
Щука й рыба пу пясочку,
А я й, млада, пу садочку;
Рыба-щука въ сваё мѣста,
А я тябѣ ни нявѣста.

48.

Между горъ высокихъ не бѣла заря занималась, у молодца кудри завивались. Вышла замужъ, потомъ покаялась, прокляла замужнюю жизнь.

Да што мезъ горъ, мизъ горъ, мизъ височиньких,
Не бѣла заря, заря занималась жа,
Ни жаркыя сонца, сонца закаталася:
Што жъ у молыйца кудри завивалися,
За яго дѣўка замужъ сабиралася;
Ина, сабраўшися, замужъ вышла;
Но ина вышиўши, сыпыкаилысь:
— «Распраклятая жизнь, жизнь замужнія,—
Распрекрасныя жизнь, жизнь и ў дѣвушкахъ,
Жизнь у дѣвушкахъ, да у родныга батюшки,
Да у родныга батюшки, у роднэй матушки!»

49.

Люди - „злокоманы“ разлучаютъ дѣвицу съ милымъ дружкомъ. Отъѣздъ милаго дружка; обѣщается не забывать свою подружку.

Ужъ вы, люди злакаманы,
Вы какую корысть-радысть палучили,
Што съ милымъ дружкомъ разлучили?
Какъ паѣхаў мой дружочекъ

Въ новый гарадочекъ,
А я ўдагонь за имъ гналась,
Гналась—не дагналась;
Громкимъ голысымъ кричала—
Мой милый ня слышаў;
Шаўковымъ платкомъ матала—
Мой милъ ни аглянуўся.
— «Ты ня бось, ня бось, милая,
Ня бось—ни пакину!
Я тагда тябе пакину,
Кагда самъ пагину;
Я тагда тябе забуду,
Кагда самъ жиў ня буду!
Какъ спишу я тваё личка,
Спишу на табличку!»

50.

Молодецъ гулялъ по шелковой травѣ, по жемчужной росѣ. Не змѣя молодца укусила—лукавый человѣкъ.

Хадиў, гуляў молыдицъ
По зяленыму лугу,
Хадиў, гуляў бѣленькій
Па шаўковый травѣ,
По зямчужный расѣ.
Й укусила молайца;
Тая лютая змія.
Не змія млайца ўкусила,
Тотъ лукавый чалавѣкъ:
Іонъ съ табою гаварить,
Іонъ гаварить за тябе;
Атайшоўши атъ тябе,
Іонъ гаварить пра тябе,
Пра ўдалога малайца.

51.

Злые люди наговорами ссорятъ милую съ милымъ. Она ласкается къ своему дружку—проситъ не слушать людскихъ наговоровъ.

Вы, сады маи, садочки зиляные,
Какъ у садикѣ цвѣточки вишневые.
Я не знаю, какъ мнѣ съ милымъ помиритца
Теперь люди злы, лукавы, не праўдивы:
Ня чуючи яны чують; ня видячи яны видють.
Памащу я крыватычку тесовую,
Пастелю я перинычку пуховую,
Падкачуся я къ милыму паближѣе.
—«Ты ня слушай, мой милый другъ, нагавору!»

52.

(С. Черепово, Росл. у.).

Сянни у насъ день суботній:
Нельзя ў поли рабатати,
Ни скародити, ни пахати,
Ни гўстыга жита жати.
Пайдемъ, пайдемъ, раздушеньки,
Мы ў зяленый садъ гулять.
А ў садику, а ў зяляниинькамъ
Кустъ ракитывый стаить,
А ў томъ кустѣ ў ракитавамъ
Салаўи пташки пяють;
Яны жъ пяють—распиваютъ,
Пра насъ съ табой гаварять:
Тябе, дявицу, ругають,
Мяне, молайца, бранять;
Тябе, дявицу за дѣла,—
Мяне жъ, молайца, за што?

53.

Кукованье кукушки въ зеленой дубравѣ даетъ зазнобу молодой вдовѣ, усиливаетъ ея печаль: всѣ поля попаханы и поскорожены, а вдовина полоска еще не тронута плугомъ.

Ни какуй, какушка,
Въ зялёпый дуброви,
Ни давай зазнобы
Маладэй й удови;

А мнѣ, маладеньки,
Бизъ тябе ташненька:
Чужая пашёнька
А ўсё папахана, 2
А ўсё паскарожена;
А мая ўдавина,
А ўсё ни пахана, 2
А ўсё ни скарожана.

54.

Парень спрашиваетъ дѣвицу, когда ему жениться; дѣвица говоритъ, что ей все равно: у нея есть другой. (Передѣлка съ малорусскаго).

Тякеть рѣчка нявяличка
Зъ вишнёвыга саду, 2.
Прасиў, прасиў парень дѣўку
Къ сабѣ на параду:
— «Парай, парай, красна дѣўка,
Када мнѣ жанитца:
Ти тяперя мнѣ жанитца,
Ти восени ждати?»
— Ну, я табѣ, красна дѣўка,
И раю й ни раю:
Я съ табою вечеръ сяжу,
Я другога маю!
— «Чаму жъ ты мнѣ, дяўчоначка,
Тады мнѣ ни сказала,
Якъ атъ мяне, атъ молайца,
Падарычки брала!»

55.

Туманы затуманились, подымались гуси-лебеди, отъ погодушки перья высыпались, отъ ненастья крылья примахались. Распрекрасная жизнь дѣвичья, распроклятая жизнь замужняя.

Да ни туманушки зъ моря затуманились,
Подымалися гуси-лебеди;
Атъ пагодушки перья высыпалася,
Атъ ненастьика крылья пріўмахалася.
За вадой ишла, ишла красныя дѣвица,
Да ина ишла, ишла, да ина думу думыла,
Думу думыла:—«Распрекрасная жисть,
Распрекрасная жисть, жисть, братцы, дявоцкая,
Распряклятая жисть, жисть, братцы, замужнія!»

56.

Въ саду распѣвали соловьи и не давали ночью уснуть. Немножко уснула, много видѣла во снѣ, будто ее посѣтилъ милый.

Якъ у сади, у гароди
Распѣвали салавьи;
Салоўюшки распѣвали,
Спакой ночи не давали.
Я нямножечка уснула,
Многа ва снѣ видила:
Будта мой милый
Па новымъ сѣнямъ прайшоў,
Къ каравати падайшоў,
Бѣлый полыхъ падымаў,
Варварушкый называў:
— «Варварушка-душечка,
Скажи мнѣ, не патой:
Вѣрна любишъ, или нѣтъ?»
— Я любитъ тябе ни люблю,
И 'тказатца не магу.

57.

(С. Каблуково, Красн. у.).

Трудное положеніе молодухи на чужой сторонѣ; горькая доля женщины противополагается ея красотѣ.

А худа мнѣ, молыдѣ,
На чужей старанѣ:
На чужей старонушкѣ
Нада ўмѣючи жить:

И старыму, и малыму,
Паднаравить,
Свекару съ свякроўю
Низкой паклонъ.
Лицо маё бѣлыя—
Бялѣй либидя;
Брови мае чорныя—
Чарнѣй варана;
Глаза мае ясныя—
Яснѣй сакала;
Доля мыя горькая—
Гарчѣй палыну.

58.

Береза кудрявая потеряла зеленые листья отъ лютыхъ морозовъ, буйныхъ вѣтровъ, дробныхъ дождей; молодуха состарѣлась отъ журьбы свекора, ревности мужа, заботъ объ дробныхъ дѣтяхъ.

Ты, бярёза, бярёза кудрявая,
Да чаго ты, бярёза, вяла стала,
Ты зялёныя листьтя патиряла?
— «Да случилыся на бярёзу три причины:
Первая причина—лютэя марозы,
Другая причина—дробныя дажжи,
Третія причина—буйныя вѣтры,—
Затымъ я, бярёза, вяла стала,
Я зялёныя листьтя патиряла.»
Ты, малодка, малодка маладая,
Ты чаго жъ ты, малодка, стара стала,
Ты румяныя лицо патиряла?
— «Да злучилыся на малодку три причины:
Первая причина—свёкыръ журливый,
А другая причина—мужъ ряўнивый,
А третія причина—дробныи дѣти,—
Затымъ я, малодка, стара стала,
Я румяныя лицо патиряла!»

59.

Хозяйкѣ не съ кѣмъ жать жито, вязать ячмень; мужъ съ плохимъ разсудкомъ не помощникъ въ хозяйствѣ.

Якъ пасѣю жита жменю, 2.
А другую я ячменю.
Не съ кѣмъ стати жита жати,
А ячменю пувязати:
Іость у мяне мой миленькій,—
Глупой разымъ у яво.

60.

Плохія стороны сиротской жизни, голоданье,—не до пѣсенъ сиротѣ.

— Сирата жъ ты мыя, ты сиротинушка,
Ты запой, сирата, зъ горя пѣсинку!
— «Харашо жъ пѣсни пѣть, да па'бѣдаўши,
А плахой жа то'бѣдъ, када хлѣба нѣтъ,
Што ни хлѣба, ни соли, ни кислыхъ щей:
Учора жъ то я лёхъ, я ня ужинаў,
Сяводни жъ то я й ни па'бѣдаўши,
Ну, прадетца жъ то й ленъ, ни вячериўши!»

(Отъ старухи Матрёны Антоненковой).

61.

(С. Починокъ, Ельн. у.).

Жена мужа прокляла—въ солдаты отдала. Тоска солдатки по мужу: шумъ листьевъ и скрипъ деревьевъ, голоса пташекъ даютъ зазнобу ея сердцу, раздражаютъ ее.

А зелина, зелина ў поли трава;
Молыда, молыда салдатска жена.

Зачѣмъ ина, молыда, замужимъ ни жила?
Жена мужа пракляла: ў салдаты атдала;
Атдаўши ў салдатушки, справаживать пашла.
Мима лѣсу, лѣсу ишла —дружка ни знашла;
А ў лѣси и тёмнымъ груша стаить,
А на той грушицы листьика шумить,
А на томъ жа листику пташечки пяють,
А мнѣ, маладёшиньки, зазнобу дають.
— «Ня скрипъ, ня скрипъ, липинка:
Мнѣ и такъ лихинька;
Ня скрипъ, ня скрипъ, сосанка:
Мнѣ и такъ тошнинька!» (Отъ кр. Ганны Семеновой).

62.

(С. Самохотовка, Смол. у.).

Олицетвореніе горя, которое отъ рожденія неотступно преслѣдуетъ дѣвицу.

У гори Машинька нарадилася,
Ки ей горюшка приключилася.
Машинька ў люлички,
Горя маё ў падушички.
Машинька у люлички калыхалася,
Маё горе красувалася;
Машинька па лаўки иду,
Горе маё кала лаўки идеть,
Кала лаўки идеть, падъ пашки вядеть:
Стой, Машинька, пувалисьтя—
Болій горюшка прибавитца.

63.

(С. Злотово, Ельн. у.).

Трава, не шатайся; молодецъ, не скучай по дѣвицѣ! Вѣсти молодцу съ далекой родины о замужествѣ молодой жены, о нездоровьѣ отца.

Ты ни шатайся,
Права, ни валяйся
Въ полюшки траўка,
Въ поли зелиная!
А ты ни ташнуй-ка,
А ты ни гарюй-ка,
Молыдицъ, па дѣўки,
Па дяўчонки!
Ни скушнѣй таго,
Толька ни груснѣя,
Маладому гусару,
Што гусару.
Ахъ, іонъ стаскуваўся,
А іонъ сгарюваўся
Роўна три дянечка.
Палучилъ расписачку
Съ родимый сваей старонки,
Съ радимый старонки,
Са старонушки:
Мой батюшка болинъ,
Очинь нездаровый,
Жена маладая
Замужъ вышла
За сваяго сасѣда.

64.

(С. Новоселье, Вяземск. у.).

Плыветь утка-силезенька
Па синему морю,
За утинькаю силезенька
Бьеть ваду валною.
— «Ты скажи, скажи, утинка,
Ты майму милому:
Астаюсь, млада, горькый сиратою,
Ни салдаткый, ни вдавою,
Ни мужнію жаною.»

65.

Положить бѣду въ зеленомъ саду, подъ грушею. Измѣна любовника. Незаконно прижитое дитя.

Ты жъ, бѣда мыя, бѣдынька,
Бѣда мыя, небальшая.
Палажу бяду ў зиляномъ саду,
Падъ зяленыю грушею,
А сама пайду, маладешенька,
На ўсю темную ночь гулять,
Свайго милыга дружка искать.
Я знайшла милога
У свайго сасѣда дарагога:
Ляжить мой милый на крава-
тушкѣ,
Ни славечушка ня мовить,
Передъ имъ стаить красная дѣвушка,
Сваи бѣлы руки ломить,
Гарючіе слезы ронить.
А ў святличенькѣ ў навешеньки
Калубень дѣўка качаеть,
Ина качаеть, ина махаеть,
Свайго дитя праклинаеть:
— «Кали бъ жа ты, мае дѣтитка,
Съ калыбелюшки упала,
Да на вѣки запрапала:
За табою, сиратою,
Вся гульня мыя прапала!»

Хозяинъ и гости упились виномъ; клонитъ ихъ ко сну.

66.

(С. Злотово, Ельн. у.).

Дѣвица напоила добра молодца пивомъ пьянымъ и спать положила подъ грушею, потомъ будитъ его: въ садѣ вишеньѣ вороной конь поломалъ всю калину съ малиной, черну ягоду—смородину. (Срв. стр. 256, № 18).

Пайду я ў зялёный садъ,
Нащиплю я хмѣлю ярыва,
Наварю я пива пьяныва,
Напаю я добрага молайца,
Напаиўши яго, спать палажу
Въ зяленымъ саду, подъ игрушію.
— Ашнись, ашнись, добрый мо-
лыдицъ!
Атарваўся твой вароный конь,
Палумаў іонъ въ сади вишиння,
Всю калину зъ малинуй,
Чорну ягыду-смародину!

67 а).

(С. Крутиловка, Ельн. у.).

Голубь зоветъ голубку въ сады зеленые; хозяинъ зоветъ хозяйку въ „горенки новыя, за столы дубовые, скатерти бѣлевыя“.

Висако й на терими сижу,
Дыляко съ-падъ зориньки слышу,
Якъ голубъ съ галубкуй гаркуить:
— «Пылятимъ, галубка, са мною:
У мяне привольля-давольля,
У мяне сады зиляныя,
А ў садахъ травы шилкавыя,
На травѣ тьвяты гылубыя,
Ны тьвитахъ рыса мидо́выя!»
Висако на терими сяжу,
Дыляко съ-падъ зориньки слышу,
Якъ Прохыръ съ Алёнуй гаво-
рить:
— «Ты пайдёмъ, Алёна, са мною:
А ў мяне горинки новыи,
У горницы сталы дубавыя,
На стылахъ скатерти бялявыя!»

67 б).

Голубь зоветъ голубку „въ гнѣздечко изъ тростечка“, хозяинъ зоветъ хозяйку „на кровать тисовую, перины пуховыя“. (Срв. стр. 257 № 21).

Висако я ў теримѣ сяжу,
Далеча я па зари слышу,
Якъ голыбъ галубку гукаить:
—«Подь, пади, галубушка, двору!

Ти ў тябе гняздечка съ тры-стечка?»
— А ў мяне гняздечка съ трастечка,
А ў мяне падъ крылышкимъ тяпленька.
Висако я ў теримѣ сяжу,
Далеча я па зари слышу,
Якъ Маша Ваню гукаить:
— «Подь, пади, Ванюшенька, двору,
Подь, поди, Микалаевичъ, двору:
А ў мяне кравать тисовая,
А ў мяне пярины пуховыя!»

68.

Жена—„пьяночка", пропиваетъ свое добро въ отместку мужу за его гнѣвъ, брань, и совсѣмъ одурачила хозяина.

Пьяничка, пьяничка
Дай Паўликыва жина:
Прапила дярюжку
За Паўлыву наружку!
Пьяничка, пьяничка
Паўликыва жоничка:
Прапила бярдечка
За Паўлыва сярдечка!
Пьяничка, пьяничка
Паўликыва жоничка:
Прапила андыракъ,—
Ходить Павелъ, какъ дуракъ!

69.

Богатый мужикъ не знаетъ своего добра, не знаетъ счета скотинѣ, чѣмъ ловко пользуется разгульная жена, прокучивающая мужнино добро.

А спасиба багатыму мужуку,
А спасиба багатыму дураку!
Яго коники не ў лику:
Аднаго коника продали,
А другога коника на гыцыньки атдали.
Якъ гоцъ, якъ гоцъ на ўсю ночъ, да бядога свѣту;
Приду двору, работушки нѣту.
А спасиба багатыму мужуку,
А спасиба багатыму дураку!
Яго каровушки не ў лику:
Адну каровушку прадали,
А другую на гыцыньки атдали.
Якъ гоцъ, такъ гоцъ, и т. д.

70.

(С. Самохотовка, Смол. у.).

Козакъ упрекаетъ долю, что она „не такая, какъ людская". Отвѣтъ доли козаку: въ своемъ несчастьѣ пусть онъ винитъ себя, свою любовь къ горѣлочкѣ, къ красной дѣвочкѣ, къ танцамъ и играмъ. (Срв. малорусск.).

А йшоў казакъ съ Дону, 2
Іонъ и съ Дону да дому, 3
Іонъ сѣлъ надъ рякою, 3
Падпёрся рукою, 3
Аблиўся слязою, 3
Праклинаить сваю долю: 3
— «Што ты, мая доля, 3
Ни такая, якъ людская!»
Атгукнулася доля, 2
Сярядъ синига моря:
— Казача-бурлача, 2
Ня ўвесь розумъ маешъ, 3
Долю праклинаешъ; 3
А твая жъ то доля 3
Ина такая, якъ людская. 3
Не хади, казакъ, въ рандо, 3
Ня пей-ка гарѣлки, 3
Не люби красный дѣўки, 3
Не наймай мазукантаў. 3
Тэя тябе игры, 3
Увядуть, казакъ, въ злыдни;
Тэя тябе танцы 2
Увядуть малайца ў старцы!

(Отъ Лукерьи Бѣляёвой).

71.

Чумакъ съ чумачихой только и думаютъ о томъ, какую вещь изъ своего имущества стащить въ кабакъ; источникъ для выпивки уже изсякъ, а мысли у чумака съ чумачихой все тѣ-же.

Прапиў чумакъ кабылу,
Чумачиха жирябёнка.
  Польна, чумакъ, пить,
  Польна гулять!
Пайдёмъ двору, порадимся,
Што заўтря прапить,
Што намъ прагулять.
Прапиў чумакъ карову,
Чумачиха тялёнка.
  Польна, чумакъ, пить... и т. д.
Прапиў чумакъ авечку,
Чумачиха ягнёнка.
  Польна, чумакъ, пить... и т. д.
Прапиў чумакъ свинью,
Чумачиха парасёнка.
  Польна, чумакъ, пить... и т. д.
Прапиў чумакъ андыракъ,
Чумачиха—якъ duракъ.
  Польна, чумакъ пить... и т. д.

72.

Синичушка упилась до-пьяна, положилась на воробья; упилась до-пьяна хозяйка, положилась на уходъ за нею заботливаго мужа.

Упилась синичушка, упилась.
На каго синичушка, спадѣвалась?
— «На тябе, варабеичка, на тябе».
Упилась дай Уличка, упилась.
На каго, Уличка, спадѣвалась?
— «На тябе, Восипка, на тябе,
На тябе, Лаўринывичъ, на тябе».

73.

(С. Злотово, Ельн. у.).

Хозяинъ охмелѣлъ на пиру и пріуснулъ, а гости пріуныли безъ него; посылаютъ сына разбудить хозяина для привѣта гостей.

У пиру пирочку,
Пятрушкинымъ у дварочку,
Якъ уснуў, якъ уснуў самъ хазяинъ.
Мы каго пашлёмъ разбудить?
Пашлёмъ, ни пашлёмъ яго сына:
— „Ты ўстань, устань, мой батюшка:
Бизъ тябе ў доми все пустенька,
Вси гостики приўзаўныли:
И хлѣба и соли всяго многа,—
Привѣту имъ добрыга нѣту!“

74 а).

Пьяная баба проснулась во время пирушки и смотритъ на мужа изъ-подъ ручки; а мужъ, держа въ рукахъ ребенка, другою рукою хочетъ жену бить нагайкою. Жена бросается мужу въ ноги и проситъ простить ей первую вину.

Ляжу, ляжу, младёшинька,
Люли, люли, лялёшиньки,
Съ-падъ ручиньки гляжу:
А ўсѣ жъ то мае гостики
За столикымъ сидятъ,
А милинькій дружокъ
Па канецъ стыла станть,
На лѣвый жа іонъ ручиньки
Дитятушку дяржить,
На правый ручиньки
Нагаичку дяржить.
А я жъ ня стерпила,
У ноженьки бросилась:
— „Прасти, прасти, мой миленькій,
А мнѣ первую вину!“

74 б).

Ахъ, учера я, младёшенька,
Пьянёшенька была,
А сяводня я, младёшенька,
Съ пахмельика ляжу.
А ляжу, ляжу младёшенька,
Съ-падъ рученьки гляжу:
Да ти ўся мыя сямеюшка
За столикамъ сядить?
Ахъ, й адинъ жа то мой милый
Па канецъ стыла стаить,
А на правый жа то вонъ рученьки
Малютычку дяржить,
А падъ лѣвый падъ палою
Іонъ нагаичку дяржить.
— «А ня бей жа ты, мой миленькій,
Пьянешеньку меня,
А пабей ты, мой миленькій,
Тварёзую мяне!»—

Хозяинъ и гости проспались, опомнились послѣ сна; пошла въ хатѣ пляска, и веселое настроеніе снова овладѣло всѣми участвующими въ бесѣдѣ.

75.

Мужикъ предъ своей семейкой скачетъ, красуется.

Тутъ и я, тутъ и я;
Тутъ и жонка мыя,
Тутъ и мае дѣти,—
Люба паглядѣти!

76.

Гуляй, гуляй, гулія!
Куда дѣўки, туды я:
Дѣўки ў ранду па гарѣлку,—
Я за ими пумаленьку;
Дѣўки ў клѣть пу мядокъ,—
Я за ими, какъ катокъ!

(Отъ Матрёны Антоненковой).

77.

Жена мужа продала. (Срв. стр. 64, № 106, и стр. 214, № 68).

На вулицы рымыда́,
  Рымыда, рымыда, 2
Жина мужа прыдыла,
  Прыдыла, прыдыла,
  Прыдалики, прыдыла.
Ина ня дорга узила,
  Узила, узила,
  Узялики, узила:
Зы питашный, зы кылачъ,
  Зы кылачъ, зы кылачъ,
  Зы кылачъ, зы кылачъ.
Пайду мужа вырачу,
  Вырачу, вырачу,
  Варотики, вырачу.
Вазьму зъ мужа три рубля,
  Три рубля, три рубля.
  Три рублики, три рубля;
Куплю сабѣ три кыня,
  Три кыня, три кыня,
  Три коники, три кыня.

78.

(Починокъ, Ельн. у.).

Жена мужа не боится.

И сдаў ни бывала,
А тяперя станавитца—
Жана мужа ни баитца.
Када мужъ жану ударить,
Яго черти задавють;
Жана мужа ударить,
Богъ здаровья прибавить.
Ты мужикъ, ты мужикъ,
А я твыя жонка;
Ты ссохъ, ты здохъ,
А я, якъ пряжонка.
Ты дѣдъ, ты дѣдъ,
А я твыя бабка,—
Карми мяне калачами,
Штобъ я была гладка.

(Отъ кр. Матрёны Яковлёвой).

79.

Три дни хаты не мела, сметья не носила.

Чимъ я мужу ни жана,
Въ домѣ ни хазяйка?
Ну, я яго не радила,
А мнѣ яго жалка.
Три дня хаты ни мела,
Сметья ни насила.
Я вымету разкомъ,
Я вывезу вазкомъ.
Купи ты мнѣ, миленькій,
Сивую кабылу:
Я вывезу сметьё
На тваю магилу.

80.

(С. Свалы, Смол. у.).

Дѣвица хочетъ утопиться или задавиться, чтобъ люди знали, что она стараго не любитъ.

Зарадилась Дуня хараша,
Лѣпшій матери атца.
Спалюбила Дуня купчика,
Старога старика.
Кажуть яму дивяноста лѣтъ.
Въ роти ў яго зубоў нѣтъ.
Пайду, Дуня, ў садъ, задаўлюся,
Въ Дунай-рѣчки затаплюся,
Пущай мяне люди будуть знать,
Што я старыга, Дуня, ни люблю!

(Отъ Домны Мирёновой).

81.

Дѣвица по бережку гуляла, шила изъ лопуха сарафанъ,—кому хочу, тому дамъ.

Чія Дуня, чія Дуня?
  Хамина, Хамина.
Па берижку, па берижку,
  Гуляла, гуляла.
Пайдёмъ, Дуня, 2
  На лужокъ, на лужокъ;
Сарвёмъ, Дуня, 2
  Лапушокъ, лапушокъ;
Сашьёмъ, Дуня, 2
  Сарахванъ, сарахванъ:
Пу вашему пу вашему
  Сарахванъ, сарахванъ,
Па нашему, па нашему,
  Чемуданъ, чемуданъ:
Каму хачу, каму хачу,
  Таму дамъ, таму дамъ:
Багатыму за питакъ,
  А бѣдныму хуть и такъ.

82.

(С. Свалы, Красн. у.).

Хата дѣвицы близъ воды, изъ высокаго дерева-лебеды. (Срв. малор.).

Добрый вячо̀ръ, дяўчина! куды йдешъ?
Скажи, скажи праўдоньку, йдѣ живешъ!
— А вотъ мая хатынька скрай вады,
Съ высокага дерива, съ либяды;
Ящо къ къ таму сѣнюшки припляты
Съ мудрага дерива, сы 'саки.

83.

Накопала коренья, сварила на меду, очаровала милаго.

Божа мой, Божа мой,
Харошъ мальчикъ, да ня мой!
Накапаю каряшкоў
Съ-падъ бѣлыга камушка,
Я намыю на вадѣ,—
Палажу я на ляду,—
Наварю я на мяду...
Ни дашла я да варотъ,
Ломять руки па животъ;
Ни дашла я да пячи,
Бягить милый бизъ рячей.—
— «А чаго жъ ты прилятѣлъ?
Любить мяне не хатѣлъ!»
— А я радъ бы не летать,—
Ты умѣешъ чарувать!
А я мальчикъ ня бѣдный,
Мальчикъ багатый:
Стада валоў на лугу,
Табунъ коній у кругу,
Стада гусей на мори,
Сундукъ денегъ у камори!

84.

Дѣвицы пололи ленъ; парень со льна цвѣты срывалъ, въ Дунай рѣчку побросалъ. (Срв. 158 стр. № 142).

Пасѣили дѣўки лёнъ, 2
Стой пряма, сматри брава,
Гавари, што дѣўки лёнъ.
Пасѣиўши, палоли, 2
Стой пряма и пр. (послѣ каждаго стиха).
Бѣлы руки калоли. 2
Аткуль узяўся сыкалокъ, 2
Иванюша щагалёкъ, 2
Са льна твяты сарываў, 2
У Дунай-рѣчку пабрасаў. 2
Дунай-рѣчка, ни примай, 2
Ки берижку прибивай. 2

85 а).

Богатый мужикъ матку и жонку запрягалъ, матку погонялъ дубиной, а жонку былиной.

Ти видили чудяоу—
Быгатыга мужука,
А ну, ну, ну, ну,
Быгатыга мужука?
А быгатый мужикъ
Матку й жонку запригаў;
Матку й жонку запригаў,
Дубиныю пагуняў.
А па матушки дубиныю,
А па жонушки былиныю.

(Отъ Матрены Антюненковой).

85 б).

Загадалъ мужикъ на матушкѣ снопы возить, молоду жену на пристяжкѣ водить.

Загадаў я на матушки снапы вазить,
Маладу жану у пристижи вадить.
Я на матушку панукываючи,
Маладу жану паддерживаючи:
— «Тпру, пру, пру, ты жанўшка мыя,
Но, но, но, ты, матўшка мыя!»
(Отъ Евфросиньи Антоненковой).

86.

Хозяйка торопитъ хозяина домой съ пирушки ѣхать, а то скотъ безъ корма останется.

Голубъ мой сизый,
Другъ мой милый,
Пара да двара:
Наши коники иржуть,
Яны ѣстюхны хатять.
Голубъ мой сизый... и т. д.
Наши каровки рявуть,
Яны ѣстюхны хатять.
Голубъ мой сизый... и т. д.
Наши авечечки бляютъ...
Голубъ мой сизый... и т. д.
Наши свинычки рёхчуть, и т. д.

87.

Разумъ совѣтуетъ итти домой, безумъ совѣтуетъ попировать; хозяйка сама оставляетъ на ночь гостей.

Розумъ кажить, што пара да двара;
А бязумъ кажить: ящо посядимъ,
На людей паглядимъ!
Калина, малина, а чяму ни гулять,
Какъ хазяюшка дабра?
Ина й пауживать дала
И постели паслала
И спать паклала.

88.

Старый старичище, не доведя до двора свою жену, хочетъ ее бить.

Тирязъ тынъ, тирязъ тынъ, ну, тиризъ дуброўку,
Вядеть старый старичища маладую жонку;
Ни давёўши да двыра, хочить яе бити;
Пытаетца у людей нагайку купити.
Вы ляжитя, прападайтя, вы, старыя кости,—
Ни сушитя, ни крушитя маей маладости.
Якъ я была малада, такъ я была рѣзва,—
Я наѣлась агурцоў, три дни на печъ лѣзла.
(Отъ Матрёны Антоненковой).

89.

Баба пила на пиру горѣлочку изъ полнаго ведра; пришла домой—пошатнулася, за верeюшку ухватилася. Милый везетъ грамотку.

Не ў пиру, ни ў бясѣдушки,
Я ня медъ пила, ни гарѣлычку,
Я пила, нила сладку водычку, [1])
Я ни рюмычкый, ни стаканчикымъ,
Я пила, пила сы пална [2]) видра,
Я ни чарычкый, а чирпашичкый;
Па улицы йшла, ни шаталася,
Ки двару пришла, пашатнулася,
За вяреюшку я хватилася:
— «Верія мыя, ты дубовая,
Сыдяржи мяне, бабу пьяную,
Бабу пьяную, шельму хмельную!
Ня здержишъ мяне, я зрублю тябе,
Я зрублю тябе, у печки спалю,
У печки спалю, пирагоў напяку,
Пирогоў напяку, гастей зызаву!».
Какъ па Питерскый па дарожиньки,
Па Твярской-Ямской, съ калакольчикымъ,
Тамъ бяжить, бяжить шпарка троичка,
Тамъ ѣдить, ѣдить миленькій дружокъ,
Іонъ вязеть, вязеть ка мнѣ грамытку,
Ка мнѣ грамытку, ясну, радысну.

90.

(С. Радошково, Ельн. у.)

Возвращеніе пьяной бабы съ пира, журьба свекора, намѣреніе свекрови побить невѣстку, заступничество мужа.

Я ўчора ў пиру была,
Ягада маяналиўная!
Пьяненька дамой пришла.
Свёкырька журить-бранить,
Свякрова пабить хатить,
А милинькій пичалитца,
У ножинькахъ качаитца.
— «Радимый ты мой батюшка,
Ня бей ты жану пьяную,
Бей жану тврёзыю
Бѣлыю бярёзыю,
Штобъ дашла да розыма!»

91 а).

(С. Каблуково, Красн. у.).

Жена всю ночь прогуляла, увѣряя стараго мужа, что дома была; единственную рубаху выстирала—и ту украли. Мужъ продаетъ соху и борону и покупаетъ кофейникъ.

Самапрялычку ўзяла,
Я ў пасядѣлычки пашла.
Адны куры папѣли,—
Я дамой ни шла;

---

[1]) Въ с. Пречистомъ (Дух. у.) послѣ этого прибавляютъ стихъ:
„Су ўсяго видра ни пьяна была“—и на томъ кончаютъ пѣсню.

[2]) Вар.: са ўсяго.

А другеи папѣли,
Я ни думала итить.
Какъ зарянка ўзышла,
Я дамой пашла.
— «Ты, старый чортъ,
Атчиняй варата!»
— А ты, душка жанушка,
А йдѣ ночку была?
— «Ты, старый чортъ,
За тобой лижала,
На тибе рученьки клала».
Пазабыла малада,
Што ў середу постный день:
Наварила буракоў,
Накладала салаўёў,
Адна была рубашка—
И тую замарала;
Павѣсила на калокъ,—
А хто жъ яе пувалокъ?
Пувалокъ диряренскій мужучекъ,
Іонъ бальшой затѣйникъ:
Прадаў саху й барану,
Іонъ купиў кавейникъ.

91 б).

А я, млада, (2) у грибы пашла,
Зъ грибоў пришла, я й у пиръ зайшла.
Въ пиру млада всяе ночъ была;
Пятухъ запѣлъ, я домой ни йшла;
Другой запѣлъ, я й ня думыла;
Заря ўзыйшла, я дамой пайшла.
— Гдѣ жъ ты, жена, всяе ночъ была?
— Ти ты жъ, мой друхъ, адурачиўся,
Адурачиўся, ни варочиўся?
Всяе жъ я ночъ за табой спала,
Ручки, ножки на тябе клала.

(Отъ Матрёны Антоненковой).

92 а).

(С. Каблуково, Красн. у. и с. Злотово, Ельн. у.).

А ня дорга намъ, братцы, пива пьяная,
Толька дорга бясѣдушка вясёлая.
А ў бясѣди сидять мужи, мужи честныя,
Яны радють, радють раду, раду добрую:
— «Атчиво наша свѣтъ-Масква загарѣлася?
— Загарѣлася свѣтъ-Масква отъ удовушки.
Нащипала удоўка хмелю ярыва,
Наварила удоўка пива пьяныва,
Разливала удоўка у бочечки,
Станавила удоўка у погребы, погребы стюдёныи,
Запалила пукъ лучиницы,
Пукъ лучиницы сасновыя,
Заранила ина искырку й агнёвую,—
Аттаво свѣтъ-Масква загарѣлася.

Дѣвушки собираются отдѣльно во время пивного праздника и поютъ веселыя пѣсни:

93.

1) Дѣвушки вазвали къ себѣ „нелюбъ—гостя“ и невѣжливо съ нимъ обходятся.—2) Похвала чужимъ женамъ, порицаніе своей жены.

Зъ-вячоръ дѣўки пива варивали,
Звали дѣўки нялюбъ-гостя къ сябѣ.

Стали дѣўки (3) пиряшоптывати:
— «Ой, чимъ гостя (3) чиствувать будимъ?»
Съ избы гостя (3) на кулачикахъ нясуть,
Съ сянецъ гостя (3) на выспятычкахъ нясуть;
Съ двара гостя (3) какъ мятелычкый мятуть.
Якъ пашоў жа гость (3) ўдоль па вулицы ў канецъ.
Въ канцы гребли (3) нова кузенька стаить,
А ў тэй кузни (3) маладэя кузняцы,
Кують, куюоть, (3) да й насталиваюоть,
Чужихъ жоныкъ (3) да й пахваливаюоть:
— «Чужи жоны, (3) якъ лябёдушки, бялы,—
Мыя шельма (3) жина, якъ цыганычка, черна;
Чужи жоны (3) и къ абѣденки идуть,
Чужи жоны (3) и на свѣчиньки нясуть,
Мыя шельма (3) хварастинушку нясеть;
Чужи жоны (3) Богу молютца,
Мыя шельма (3) съ папомъ бронитца;
Чужи жоны (3) и съ абѣденки идуть,
Мыя шельма (3) папу кукиши даетъ.»

94.

1) У молодухи много лакомствъ, которыя приноситъ ей мужъ, не живущій дома.—2) Свекровь сохнетъ, замѣчая, что соперница-невѣстка толстѣетъ и здоровѣетъ, въ то время какъ ея собственныя силы начинаютъ „подбираться“.

Ни спрасили мы ў малодки,
Ни балить въ яе животъ?
  Ай люли, да люли,
  Ни балить въ яе животъ?
Милый дома ни живёть;
Іонъ приходить ни рана,
Принясеть дабра ни мала:
Два карманчики ряшкоў,
А наверьхъ пиражкоў,
Кислыхъ яблычикъ,
Сладкихъ пряничкыў;
Атъ пряничка тошна станить,
Атъ яблычка скулка сядить.
Ахъ, и киснить дижа,
На палу стыючи;
Ахъ, и сохнить свякроў,
На нявѣстку гледючи,
На яе жжипяю;
А у яе жжипія
Ина шуракимъ-шурака
И глубакимъ-глубака,
А на 'днэй палавинки
Хуть ты сѣна накаси,
На другей палавинки
Хуть ты каня напаси,
Пасярёдъ жжипяи
Хуть калодиси капай.

(Отъ кр. Матрёны Антоненковой).

XVII. ПОСИДѢЛОЧНЫЯ.

а) Отношенія между супругами.

Собравшись на посидѣлки, дѣвушки коротаютъ долгіе вечера безконечными пѣснями самаго разнороднаго содержанія, захватывающими всѣ стороны семейной и домашней жизни. Этотъ обширный отдѣлъ мы постараемся сгруппировать по нѣкоторымъ основнымъ темамъ, хотя строгаго распредѣленія на группы здѣсь, конечно, быть не можетъ [1]).

1.

Нѣжный супругъ возвращается домой и не коритъ супругу за пропажу коней изъ стойла и исчезновеніе соколовъ.

Якъ паѣхаў мой милый
  Въ дальнію дарогу,
Якъ пакинуў жа мнѣ милый
  Бальшую заботу:
Дивятёрка сивыхъ коній
  Са стоинки увядёна,
Двинаднать жа сыкалочкыў
  Съ двыра улятѣла.
Якъ пріѣхаў жа мой милый
  Сы дальній дароги:
— «Ти жива, ти здарова
Безъ мяне милая?»
— Ни бальшая жъ то здароўя
  Бизъ тябе, мой милый:
Дивятёрка сивыхъ коній
  Са стоинки увядёна;
Двинадцыть жа сыкалочкыў
  Съ двара улятѣла.
— «Ты ня тужъ, мыя милая,
  Пы маёмъ падворью:
Дивятёрку сивыхъ коній
  Да мы пакупляимъ,
Двинадцыть жа сыкалочкыў
  Да мы пупаймаимъ.»

2.

Мужъ не отпускаетъ жену въ гости къ родителямъ.

Пила бъ я, гуляла, да мнѣ не съ кимъ:
Вся моя радина на Украини.
— Охъ, ты, миленькій, дарагенькій,
Запряги-ка каня варанога:
Паѣду по батюшку раднога!
— «Охъ, ты, милая, дарагая,
Мнѣ табѣ каня не ўпригати,
Па вѣкъ табѣ батюшки не видати!»
  Пила бъ я, гуляла... и т. д.
— Паѣду по матушку радную!
— «Охъ, ты, милая, дарагая,
Мнѣ кабылу не ўпрягати,
Па вѣкъ табѣ матушки не видати!»

3.

(С. Лѣтошники, Росл. у.).

Свекоръ не даетъ невѣсткѣ подремать и упрекаетъ въ лѣности; мужъ жалѣетъ жену, чтобъ она выспалась.

Спитца мнѣ, младэй, дремлитца:
Кланить маю галавушку
На падушку спать.
Адинъ милый гаварить:

[1]) Пѣсни, при которыхъ не отмѣчена мѣстность, записаны въ с. Даньковѣ, Смол. у.

— «Спачивай, душа, лажись!»
Ходить свекоръ па навымъ синямъ,
И стучить, и грючить, пагавариваить:
— «Невѣстушка—ни ткачища,
Ни прячуща—дурячища!»
— Свекоръ батюшка, ни ругай мине:
Я и ткачища, я и прячуща:
Я й съ рубашками...

4.

Единственное счастье въ чужой семьѣ—любящій мужъ.

Ахъ, ты, горя маё, горя,
Маё горя великоя;
Съ горя ножиньки ня ходють,
Съ рукъ работушка валитца,
Съ плечъ галовушка катитца.
Атдають замужъ малую,
И малую, и глупую,
Ни ў нялюбую дяреўню,
Ни ў сагласную сямейку.
Нихто ў семьи ня любить:
Ни свёкаръ, ни свякрова,
Ни девирь, ни залоўка,—
Тольки любить другъ Ванюша.
Паѣхаў Ваня на таржочекъ,
Купиў Маши пиражочекъ,
На галовушку платочекъ
И на шейку зимчужочекъ,
А на ножки полсапожки.
— Наси, Маша, ни хваляся:
Если будишъ выхвалятца,
Пиристану съ табой знатца.
(Отъ Егора Кублина).

5.

Молодуха за старымъ мужемъ испытываетъ отъ него суровое наказаніе за малую вину.

Ты, тонкая, невысокая бярёза,
Глупая дѣўка, неразумная дяўчонка:
Не любила да малойчика бравага,
Спалюбила да казачиньку старага!
Ина вела да за рученьку пьянага,
Палажила на тесовую каравать,
Забыла да салоўюшкѣ приказать:
— «Ня пой, ня пой, салоўюшка, во саду,
Не буди-ка майго милага ў терему!»
Я жъ думала, што мой милый ня чуить;
Ажну милый нагаичку гатуить;
Я жъ думала, што нагаичка шутычка,—
Какъ сиканеть, раскочитца шкурычка!
Я жъ думала, што нагаичка са пера,—
Ажна жъ ина сы пастылыга ременя;
Я жъ думала, што нагаичка жоўтый твѣтъ,—
Якъ сѣканеть, такъ ня любъ жа бѣлый свѣтъ!

6.

(С. Лѣтошники, Росл. у.).

Мужъ поздно возвращается домой, заставляетъ жену ухаживать за нимъ, а самъ вспоминаетъ пріятельницъ, съ которыми онъ гулялъ.

Вы, дѣвушки, попляшитя,
Малодушки, ни спяшитя,
Ахъ, ляли, ахъ, ляли!
Мнѣ, маладой, мужъ ряўнивый,

Разбестія, клапатливый:
Долга вечира гулянить,
У палночъ двору приходить,
На краватушки садитца,
У перинахъ спать лажитца,
Тижилёшинька ўздыхаить,
Трехъ-чатыри поминаить:
— «Кали были бъ три-чатыри,
И разули, и раздѣли,
И распамали бы младца:
Рукавицы на палицу,
Чорна шляпа на крюку,
И Ванюша на слуху,
Красна дѣўка на виду!»

7 а).

Мужъ ненавидитъ жену, все время гуляетъ съ пріятельницами, а дома старается уединиться отъ жены: ему противны ея ласки; несмотря на то, жена хочетъ быть старшею надъ всѣми его пріятельницами, такъ какъ она въ церкви съ нимъ „законъ принимала“.

А мнѣ скушна, а мнѣ грусна;
Ташнѣй етыга мнѣ ня будить,
Но какъ мужъ жину ня любить:
Іонъ сы вечира гулять ходить,
Ка бялу свѣту приходить, 2
На 'днаколи кравать мастить,
Па 'диноты спать лажитца.
— «Сюда жъ, милинькій, я васъ раздѣну,
Синь кахтаничикъ я й развѣшу.
— А ты йди прочъ, нелюбая,
Нелюбая, немилая:
Іость у мяне кроми тябе,
Кроми тибе три-чатыри.
— «Нада ўсѣми жъ я старшàя,
Я старшàя, я бальшая».
— Но, скажи мнѣ, нелюбая,
Нелюбая, немилая:
Атчаво, шельма, старшая,
Атчаво, шельма, бальшая?
— «Аттаво жъ то я старшая,
Аттаво жъ то я бальшая:
Ва 'дной церькыўки вѣнчались,
На 'дномъ рушничкѣ стыяли,
Злоты кольцы поминяли,
'Днаму жъ Богу присягали».

7 б).

(С. Каблуково, Красн. у.).

Ужъ ты горе мае, горя,
Горя великоя,
Што гарчѣй таго ня будить,
Што мужъ жаны ня любить,
Іонъ ня любить, ни жалѣить:
Сы вячоръ кудри чешить,
Сы паўночи гулять ходить,
Ки бѣлу свѣту приходить,
Стучить-грючить у вароты,
У варотики тисавыя:

— «Атчини, жина, вароты,
Вароты тисавэя,
Тисавэя, кленавэя,
Заряшотистыя;
Гатуй, мати, вячерю,
Вячерю пасмашнѣе;
Стяли, жана, пастелю,
Скарѣя, памякчѣя!»
— Ты ляжи, мужъ!
Я разую и раздѣну,
Зиляной кахтанъ развѣшу.
— «Бизъ тябе у мяне
Іость три-чатыри—
И разують, и раздѣнуть,
Зилянэй кахтанъ развѣшуть».
— Хуть у тябе три-чатыри,
Я надъ усими
И старшая и бальшая:
У въ аднэй церькыўки бывали,
На аднымъ рушнику стыяли,
Аднаму Богу присигали!

7 в).

А вохъ и што жъ ета за такоя,
А што мужъ жану ня любить?
Іонъ ня любить, ни жалѣить:
Са вячоръ, вячоръ кудри чешить,
Сы палўнычи гулять ходить,
Ки бялу свѣту двору ѣдеть.
— «Оттваряй, жана, вароты,
Аттваряй, жана, щитовы:
Я ня 'динъ иду,—сы друзьями,
Са радными, сы брытьями
Ты стяли, жана, пастелю,—
Я съ табою спать не ляжу:
Есть у мяне три-чатыри».
— Хуть у тябе три-чатыри,
А я надъ тыми надъ усими
Я старшая, я бальшая.
— «Почаму ты, шельма,
И старшая, и бальшая?»
— Патаму я, милый, старшая,
Патаму, милый, я бальшая:
Въ аднэй церкаўки винчалися,
Аднаму мы Богу присягали,
Мы залотый хрестъ цулували,
Съ аднаго кубка вино пили.

(Отъ кр. Лукерьи Бѣляёвой)

8.

Ревнивый мужъ везетъ женѣ подарокъ—шелковую плетку; она не знаетъ за собою большой вины,—только подносила въ бесѣдѣ вино мужчинамъ, при чемъ получала изъясненія въ любви.

Сакатися со бѣла лица далой:
Ѣдить, ѣдить мой ряўнивый мужъ дамой,
Вязёть, вязёть мнѣ падарыкъ дарагой—
Шаўковую плётку тоненьку;
Іонъ хатить мяне нямножка паучить,—
Я не знаю, я ня вѣдаю за што,
Я ни знаю ни вины, ни бяды,
Толька знаю ўсю вину, ўсю бяду:
Вячоръ молыда ў бясѣдушки была,
Халастому стыканъ водки паднисла,
Ой, жинатыму зялёныга вина,
А жинатый нявѣжлива приняў,
Бѣлы руки ки стыкану прижимаў,
При людяхъ мяне сястрою называў,
Безъ людей мяне Надеждечкаю:
— «Надёжычка, малюванычка мыя,

Спадабала мнѣ паходушка твыя,
Паходушка твыя частинькая,
Гаворычка твыя ласкавыя!»

9.

Не гостинецъ мужъ везетъ—ременную плеть; жена не показывается къ нему, пока гнѣвъ его не пройдетъ.

Шаўковая травушка разстилаитца,
Въ дарогу мой миленькій сабираитца,
Са ўсѣми мой милинькій іонъ пращаитца,
Са 'дной, са мной, Машею, ни пращаитца.
Куда, Маша, ни пайду я,—ўсё горя за мной,
Каму, Маша, ни скажу,—ўсё плакыть вилять:
— «Пуплачъ, пуплачъ, Машанька, па сваёмъ горю,
Па сваёмъ па горюшку па вяликаму,
Па сваёмъ па милинькамъ па Иванюшки!»
Паѣхыў мой миленькій, паѣхыў на часъ,
Пріѣдить мой милинькій, пріѣдить сычасъ,
А мнѣ, мыладёшаньки, гастинца вязёть,
Гастинца, гастинчака—ряменную плеть.
А я, маладёшанька, дагадалася,—
Въ новую каморушку я схувалася,
Пакуль яго сердичка ўгамувалыся,—
Тады свайму милыму паказалыся.

10.

(Къ Могилевской губерніи).

Журливый мужикъ платитъ женѣ кулаками за ея ласки и заботы о немъ.

Дабрый вечиръ, хазяюшка мая!
Ти здарова сямеюшка твая?
— «Ни пытайтя жъ сямеюшки маей,
А пытайтя журливыга мужика:
Я жъ яму вячерю гатую,
А іонъ мяне журить маладую;
Я жъ яму кашулицу шію,
А іонъ мяне кулакомъ у шію.

11.

Страстная любовь женатаго къ дѣвицѣ, которая въ бесѣду „всѣ утѣхи“ ему приноситъ.

Ни баюсь я, мальчикъ, расподлый жаны:
Пайду я, мальчикъ, на ўсю ночъ гулять.
Прагуляў я, мальчикъ, всю ночъ да зари,
Яснымъ сокылымъ мальчикъ леталъ,
Прилеталъ жа сокылъ ки двару,
Іонъ садился сокылъ на спакой.
Толька іость жа молыйцу заботушка адна:

Зарадилась дѣўка хараша,—
Ина не ў матерь, ни ў атца,
Ина ў удалога малайца.
Ни ў бясѣдѣ дѣўка сядѣла,
А ў гастёхъ дѣўка гастила,
Вси утѣхи дѣўка принесла.

12 а).

(С. Лѣтошники, Росл. у.).

Молодецъ не исполняетъ желанія дѣвицы—не соглашается убить угрюмую жену (срв. стр. 270, № 23).

Сказали пра молайца,
Да што безъ вѣстей пропалъ,
Айно добрый моладицъ
Вдоль па улицы прайшолъ,
Любезнаю пѣсенку
На свисточку прасвисталъ,
Души красный дѣвушки
Въ теримъ голасъ падавалъ.
Журила—бранила
Свайго милыга дружка:
— «Зачѣмъ, зачѣмъ, милый, друхъ,
Долга вечира ня былъ?»
— За тымъ, за симъ, дѣвушка,
Усё ня времичка была:
Съ угрюмаю жаною
Побранычка была.
— «Даўно й тебѣ, милый друхъ,
Даўно тябѣ я гаварю:
Убей сваю угрюмую жану,
Вазьми, вазьми, милый друхъ,
Мнѣ красную дѣўку!»
— Ня рѣчъ, ня рѣчъ, дѣвушка,
Ня рѣчъ ты мнѣ гаваришъ:
Съ урюмаю жонкаю
Я ў церькви стыялъ,
Золытъ крестъ палучалъ;
Съ табой, красный дѣвушкый,
Я крапивушку лумалъ,
Свиней у хлѣвъ закуталъ.

12 б).

(Свалы, Красн. у.).

Любовница заступается за жену (срв. стр. 285, № 28).

Сказали, што добрый молыдицъ прапаў,—[1])
Іонъ па улицы прайшоў,
Сваю любезную пѣсенку
На свисточекъ прасвистаў,
Красный дѣвушки ў теримъ голысъ падавалъ:
— Ти спишъ, красна дѣўка, али ни спишъ?
Если спишъ, красна дѣўка, прашнися,—
А ня спишъ, атчинися!
— «Зачимъ, зачимъ, добрый молыдицъ,
Доўга вечирымъ ня былъ?»
— Ну, за тымъ я не былъ доўга вечерымъ:
Сваю жину урюмую пабилъ.
— «Ня бей, ня бей, молыдицъ,
Сваей урюмый жины:
Тибѣ съ урюмый жаной
Вѣкъ вѣковать,
А са мной, красной дѣўкой,
Адну ночъ начувать!»

13 а).

Женитьба по неволѣ; хожденія женатаго къ дѣвушкамъ и желаніе смерти жены; по исполненіи желанія онъ влюбляется въ сестру жены.

Ваня ў гори радиўся:
По няволи жаниўся,
Ни па 'бычаю жану ўзялъ,
Ни па разуму сваяму.

---

[1]) Варіантъ: Якъ сказали молыдицъ што бязъ вѣсти друхъ прапалъ.

— «Я ня буду съ жаной жить,—
Буду къ дѣвушкамъ хадить,
На жану смерти прасить!»
Пашолъ Ваня къ абѣдни,
Сталъ Богу малитца,
На жану смерти прасить:
— «Охъ, ты смерть мая, смерть,
Варатися, смерть, назадъ:
Умари маю жану, 2
Апрыстай маю галаву!»
Не паспѣла жана умереть,
Пакрылъ глазы пылатномъ,
Самъ на вулицу пашоў,
Въ карагодъ дѣвыкъ пашоў.
А ўси дѣвушки яны весела стыять,
Яны пѣсенки пяють;
Адна дѣўка луччи ўсихъ,
Въ касѣ лента ширши ўсихъ;
Ина ня весела стаить
И пѣсень не пяеть.
— «Охъ, и тая жъ то дяўчонка
И жанѣ маей рыдня,
Небальшая жъ то рыдня,
Толька родная сестра!»

13 б).

(С. Злотово, Ельн. у.).

Ни ва ўремичка жаниўся,
Ни па 'быччику жану ўзяў:
Я ня буду съ жаной жить,
Расканалію любить.
Выйду, выйду за вароты,
Гляну ў бѣлый свѣтъ,
Ти ня йдеть жа мыя смерть:
— «Ты, смерть мыя страшная,
Ни мари мяне, млайца,
Замари маю жану!»
Ни васпѣў жа мужъ сказать,
Жана яво помирла.
Палажиў жину падъ лаўку,
Закрыў глаза палатномъ,
Самъ на вулицу пашоў,
Карагодъ дѣвыкъ нашоў:
Висялёшинька стыять,
Слаўны пѣсинки пяють;
Адна дѣўка-раскрасаўка
Приўзадумаўшись стаить,
Слаўныхъ пѣсинъ ни пяеть.
Знать ета дѣвица
Ни маей жанѣ радня,—
Ина дваюрыдна систра.
— «Ты гуляй, гуляка!
Къ чаму ў дворушку придёмъ?
Жаны дома ни найдёмъ».

13 в).

Самлюваўся самъ дятинка,
Што ни холыстъ, ни жанатъ.
Хатять молыйца жанить,
Нисагласныю жану дать.
Я ня буду съ жаной жить,
Я буду смерти прасить.
Жена мужу атвѣчала:
— «Ужъ я смерти ни баюсь,
Я низенька пакланюсь».
— Ужъ ты, смерть мыя прекрасна,
Умертви маю жану!
Ужъ вы, дѣвушки, падружки,
Памерла мыя жана!
Пашоў молыдецъ гулять.
Я пашоў, молыдецъ,
На ўсю цѣльную ночъ;
Я пришоў дамой
У самую у палночъ.
— «Атваряй, мати,
Атваряй варота:
Идеть молыдецъ,
Позна 'на съ работы».

14 а).

Болѣзнь и смерть молодой жены. Затруднительное положеніе вдовца съ малыми дѣтьми.

Атъижжаить милый въ дарогу,
Пакидаить жену низдарову;

Пріѣзжаеть милый со дароги:
— «Што жъ ты, жена, больна-низдарова:
Ти я тябе больниньна ударпў,
Ти я табѣ здароўя прибавиў?»
Пріѣжжаить милый со дароги.
— Паѣжжай-ка, милый, ў гарадочикъ,
Закупи-ка, милый, кляновыхъ дасточекъ!
— «А ў горыдѣ клянинушки нѣту,—
Закуплю я дубовый грабочекъ,
Закапаю жану у садочку!»
А во садику калина й малина.
Я жъ думала, што жарка солнышка ўсходить,
Ажну милый па магилкѣ ходить,
Дитятычку на рученькахъ носить
И другую за ручиньку водить.
— «Устань, Маша, пакарми дитятку!»
— Кали жалка, й найми няньку й мамку,—
А ни жалка, клади ка мнѣ ў ямку!»
— «Ни найму я ни няньку, ни мамку,
Пакладу я табѣ ўсѣхъ у ямку!»

14 б).

Што ў маемъ доми нивясёла?
Маладая жина бойка нездарова.
— «Ѣдь-ка, милый, въ новый гарадочекъ,
Купи, милый, кляновый грабочекъ!
А ў гароди зялёный садочекъ,—
Паложъ мяне ў зялёнымъ садочку,
Абсодь калиный и малиный,
Штобы пташечки летали,
Штобы жалыстна вспѣвали,
Штобы весела мнѣ была лежати!
Я жъ думыла, што сонцка всходить,—
Ажно милый на магилки ходить,
Малютычку на рученькахъ носить:
— Устань, Саша, пакарми дитятку!
— «Кагда жалка, вазьми няньку й мамку,
А ни жалка, брасай ка мнѣ ў ямку!»

15.

(С. Шаталово, Смол. у.).

Уѣхалъ милый въ городъ, она гонится за нимъ, сторожитъ его во время проѣзда.

Хадила бъ я, молыда, па далинки,
Скалола бъ я ножаньку на былинку,

Балить мыя ножанька да ня больна,
Любиў паринь дѣвушку ни надолга,—
Ни на долгая времичка—на часочекъ.
Паѣхаў мой милинькій въ гарадочекъ,
Я за имъ, молыда, у слядочекъ.
Гналась, гналась молыда—ни дагналась,
Сиряди дарожаньки станавилась,
Падъ кустикымъ спатиньки я лажилась.
Вярнулся мой милинькій зъ гарадочку,
А я къ яму, молыда, съ-падъ кусточку.

(Отъ Ѳеклы Боборычихи).

16.

1) Разлука дѣвицы съ молодцемъ: его женятъ, ее замужъ отдаютъ. 2) Житье съ угрюмой женой; ревнуетъ она мужа ко вдовкѣ, къ солдаткѣ молодой, къ душѣ красной дѣвицѣ.

Польна соўнику па-за лѣсику хадить,
Польна жаркыму въ сади яблынку сушить.
Не бѣла заря-день акошечка увнила,
Не ясенъ мѣсикъ вдоль па улицы святилъ:
Сама Машинька што незваная пришла,
Бѣлу ручку ў акошичка падала,
Правыю ручкуй увѣряла малайца:
— «Охъ, ты, милый, чернабрывый, душа мой,
Намъ нямножка съ табою ў любви пажить:
Тябе женють, мяне замужъ атдадуть»

. . . .

Накасалася шельма ўрюмая жина:
Не пущаеть на вулицу пагулять,
А хуть пустить у въ акошечка смотрить:
— Ни гуляить ли мой ряўнивый мужикъ съ кимъ:
Ти су ўдоўкый, ти съ салдаткый маладой,
Ти съ красный дѣвицый душой?

17 а).

(С. Шаталово, Смол. у.).

Неровня - мужъ вѣкъ завязалъ, да еще любовницу завелъ, которую жена бьетъ по лицу въ присутствіи мужа.

Ой, вишинка-чиремшанка
  Бязъ соника звяла,
Няроўная дружинушка
  Мой вѣкъ завизала.
Таплю сѣни, таплю хату,
  На припечку жаръ, жаръ;
Хуть я мужа ни радила,
  Такъ мнѣ яго жаль, жаль.
Забью курку, забью гуску,
  Третьтію тятерьку;
Прашу, прашу свайго милыга
  Къ сабѣ на вячерьку.
Тякеть рѣчка мутна-брудна,—
  Нильзя вады пити;
Сядить бл... зъ маимъ мужимъ,—
  Нильзя яе бити.
А я ў тую ваду-бруду
  Па калѣни ўвязну;
А я жъ тую бл... разлушницу
  Па личинню брязну.

(Отъ Лукерьи Бѣляёвой).

17 б).

Што вишинка-черемшинка
  Сильна затвитала.
Ай рыбушка-платичушка
  Бязъ соўника зьяла.
Нялюбыя шельма-дружинушка
  Вѣкъ мой завизала.
Таплю хату, мяту сѣни,
  На прйпичку жаръ, жаръ,
Пакинула бъ дружка нялюбыга,—
  Дробныхъ дѣтыкъ жаль, жаль.
Тякеть рѣчка брудна-мутна,—
  Нильзя зъ яе пити.
Станить б...а зъ маимъ мужимъ,—
  Нильзя яе бити.
А я ў тую брудну ваду
  Пы калѣни ўвыйду,—
А я тую разлушницу
  Па лйчинню брязну. (Тамъ-же).

(Отъ Ѳеклы Боборычихи).

17 в).

Ой, рыбушка-платичушка
Бязъ соўника звяла,
Нялюбыя дружинушка
Мой вѣкъ завизала.
Каму вечиръ, каму вичарочикъ,
А мнѣ вичарища;
Каму милый, каму чернабрывый,—
Ну, мнѣ дурачища.
Тякеть рѣчка брудна - мутна...
и т. д.

б) Мужъ-пьяница

(не воръ, не разбойничекъ, дѣтямъ своимъ—безпокойничекъ, женѣ своей—горькій пьяница).

18.

(С. Каблуково, Красн. у.).

Спрашиваютъ соловья, кому воля, кому нѣтъ воли. Навяжется противный женихъ, велитъ разувать, раздѣвать, да начнетъ плеткой постегивать. (Срв. стр. 22, № 14).

Якъ паймаю салаўя-палеўя,
Якъ засажу я ў клѣтачку,
За сяребрину ряшотачку.
— «Ты скажи, салавей-палявэй,
Каму воля, каму нѣтъ воли гулять?»
— Воля красным дѣвушкамъ гулять,
А малодкамъ мужоўя ни вилять.
Пагуляйтя, красны дѣвушки,
У родныга свайго батюшки:
Нираўно жаних навяжитца:
Либа воръ, либа пьяница,
Либа с. с. разбойничикъ, муракъ,—
Іонъ ня пустить на вулицу гулять,—
Вялить разувать, раздивать,
Налѣва распаясывать,
Часты пугавицы растягывать.
Ни ли таво я была замужъ атдана,
Штобъ разувать, раздивать,
И налѣва распаясывати,
Часты пугывицы растягывати.
Якъ пашоў жа мой милой другъ у навую клѣть,
Якъ нясеть жа мой милэй другъ да ряменную плеть.
Якъ и стаў маладу па бялыхъ плечахъ сѣчь,—
Буду, буду разувать, раздивать
И налѣва распаясывать,
Часты пугывицы растягывати!

19.

Пьяный мужъ валяется въ ногахъ жены и проситъ разуть его.

Ужъ ты, травушка-муравушка, зялёненькій лужокъ!
Кто тябе, травушка, притаптаў, приламаў?
Притаптали, приламали Данскія казаки.
Кабы кто у насъ пьянешенекъ быў?
Пьянешенекъ быў дай Микитушка душа;
Онъ качаетца, валяетца ў Химиныхъ ныгахъ:
— «Ужъ ты, Химычка душа, ты разуй малайца!»

20 а).

(Дер. Самохотовка, Смол. у.).

Мужъ-пьяница пропиваетъ коня и все добро и тиранитъ жену.

Въ поли бярёза ни вялыя;
На ей вѣття кудрявыя,
На ей лисьтя шурокыя.
Казали, мой мужъ ни пьяница,
Зайшоў у кабакъ, ни каитца,
Прапиў каня варонага,
Двору пришоў, хвалитца:
— «Жанидба мая любезная,
Забирай-ка трубки, намётки,
Выручъ каня варо́нага:
Кали выручишъ—люблю тябе,
А ня выручишъ—убью тябе!»
— А мнѣ ўжу твой бой ня грозинъ быў:
Илбомъ дверюшки атчиняла;
На дварѣ ночку начувала.
Вирябеюшка чирыкъ, чирыкъ!
Маё сердичка якъ ныкъ, дакъ ныкъ.

20 б).

А чаво жъ то мнѣ старитца, 2
Када мой мужъ ни пьяница? 3
Прапиў каня,—ни каитца, 3
Пришоў двору,—ни кажитца.
Ты, жина мыя малодая, 2
На́ табѣ капу денигъ. 3
Выкупи каня майго, 3
Выкупи́шъ—дамой вяди, 3
Ня выкупишъ—дамой ня йди!
Охъ, ты, мужъ мой, мужъ, мужичокъ, 2
Мнѣ ета ня первый разъ, 3
Падъ стрѣшкаю начувать, 3
Салаўями щабитать.
Салавейка тиликъ, тиликъ! 2
Маё серца ныкъ, ныкъ!

20 в).

(С. Свалы, Красн. у.).

Соснушка мыя кудрявая,
Долюшка мыя нищасная!
Казали люди: да мой мужъ ня пьётъ,
А онъ съ кабака ня йдётъ.
Прапиў каня варанога
И пасылаетъ мяне па другога.
Ну, я ни разъ, ни два выручала,
Палой хату вымитала,
Пличами двери атчиняла,
Да ў садъ-винаградъ утикала.

20 г).

Бярёза мыя кудрявая,
А вѣтьтимъ бярёза високая,
А листьтимъ бярёза широкая,
Кареньнимъ бярёза глубокая.
Казали, мужъ ни пьяница.
Прапиў коника съ абротычкый,
Пришоў двору ў палночушку:
— «Прадавай, жана, намётычки,
Выкупляй каня съ абротычкый!»

21.

(С. Злотово, Ельн. у.).

Напрасно мужъ клянетъ свою жену: въ злосчастьѣ его виноваты кабакъ да любовница.

За рѣчкаю, рякой
Конюхъ кони пасеть,
Іонъ вóгнища кладеть,
Сваю жану клянеть:
— Зъѣла мяне жина,
Слова лютая змія
Зъ ракитывыга куста!
— «Ни я тибе зъѣла,—
Зъѣла тябе ранда,
Чужая шельма жина,
Надбошница твая!»

22.

Мужъ пришолъ изъ кабака—не воръ и не разбойничекъ, женѣ беззаконничекъ, дѣтямъ своимъ горькій пьяница.

Бярёза мыя, ты, кудрявая,
Ня стой, бярёза, близка къ бережку:
Каряни у тябе да вада мыить,
Серяди тябе да чирвякъ точить.
Якъ жили-были да два братчика,
Якъ были-жили да два роднинькыхъ.
Вохъ и большій братъ горькій пьяница:
Въ кабакъ идеть, іонъ шатаитца,
И съ кабака идеть, іонъ валяетца.
Іонъ сваей жаной выхваляетца,
Іонъ стукнуў-грюкнуў у варотики,
Іонъ стукнуў-грюкнуў у тясовыя:
— «Ватчини, жина, новы вароты:
Я ня воръ пришоў, ни разбойничикъ,
Я сваей жанѣ беззаконничикъ,
Я сваимъ дятёмъ горькый пьяница!»

23.

Безнадежное письмо отъ мужа съ дальней стороны.

Чужея мужья далёка живуть,
Жонамъ письмы шлють;
А мой жа то мужъ дальши ўсихъ живеть,
Дальши ўсихъ живеть, мнѣ письма ня шлеть,
А прислаў письмо-бумажичку,
А ў бумажички да рубашичка.
— Ты вымый, жина, мнѣ рубашичку!
Ня мый жа, жина, на быстрэй рякѣ,
Ня вѣшай, жина, ты на вѣтрику,
Ни качай, жина, на качалычку:
Вымыишъ, жина, гарючми слязми,
Ты высушишъ ваздыханьникымъ,
Выкачаишъ на бялыхъ грудяхъ!

(Отъ Матрёны Григорьевой).

в) Неудачливая жена.

24 а).

Неудалая жена, непутныя дѣти у добраго молодца—кара Божья; жена удалая, дѣти путныя—благословеніе Божье, Божій даръ.

У лузи калиница стыяла,
У лузи малиница стыяла;
На тэй калини салавейка,
На тэй малини салавейка

Жаластна пѣсни успѣваить:
—«Богъ тябе, молыдицъ, караеть
Тэю жаною неўдалою,
Тыми дѣтками непутными!»
У лузи калиница стыяла... и т. д.
На тэй малини салавейка,
Радостна пѣсни успѣваеть:
—«Богъ тябе, молыдицъ, жалуеть
Тэю жаною маладою,
Тыми дѣтками ўсё путными!

24 б).

Въ лузи калиница стыяла,
Въ лузи малиница стыяла,
Бѣленькымъ твѣтымъ затвитала.
На тэй калини салавейки
Жаластна пѣсенки ўспѣвали,
Молыйцу вѣсти падавали:
Богъ тябе, молыдецъ, караеть
Тэю жаною неўдалою,
Тыми дѣтушками ўсё драбными.

(Отъ Лукерьи Бѣляёвой).

25.

Неудачливая жена, лѣнивая на работу.

Въ калодеси вада закипѣла, (2)
А ў малайца серца зазнибѣла.
А ў людей жоны малодыя,
А мыя жъ то сука неўкарызна,
На работу сука независна:
Люди ў поля, мыя сука дома;
Люди пашуть, мыя сука пляшить;
Люди косють, мыя сука галосить;
Люди вяжуть, мыя сука ляжить.
Якъ бы знаў бы, мальчикъ, ни жаниўся,
Пашоў бы я, мальчикъ, у салдаты,
Заслужилъ бы сябѣ винэральства,—
А тада бы я, мальчикъ, ажаниўся,
Узялъ бы я маіорскую дочку!

26 а).

Женившись не по своей волѣ, молодецъ старается сбыть жену: строитъ „корабль" и отправляетъ ее по рѣкѣ или на море.

Ажаниў мяне (2) сударь батюшка,
Іонъ узяў мнѣ жану (2) ни па 'быччику майму,
Ни па 'быччику, (2) ни па розаму свайму.
Икъ пайду жъ я, младецъ, (2) у навэй горыдъ гулять,
Якъ куплю жъ я, младецъ, якъ куплю младецъ,
 Три сякирушки вострыхъ,
Якъ найму жъ я, младецъ, якъ найму, младецъ,
 Трёхъ плотничкыў маладыхъ,
Якъ зрублю жъ я, младецъ, якъ зрублю, младецъ,
 Я караблюшка навой,—
Пасажу я жану шельму (2) я ў новинькій карабъ,
Якъ пущу жъ я карабъ, якъ пущу карабъ,
 Я на быструю й ряку,
Ахъ, и самъ стану, а я самъ стану
 На крутенькымъ бирягу,—
Охи я жъ во жъ, во жъ гляну на Волгу й на ряку:
А ти хораша (2) мой карабъ лягко бягить,

А ти весила (2) малада жина сядить?
А карабъ бягить (2), якъ ясенъ саколъ лятить;
А грябцы грябуть (2), пѣсенки пяють;
А жана жъ сядить (2), якъ и хмарный день,
А ў яе слёзы (2), якъ и сильный дробный дождь.

26 б).

(Д. Слобода, Смол. у.)

Маладóсть мыя маладецкая,
Увидаў я тябе, када маладость прыйшла,
Съ тэю жаною ниўкарысныю.
Я пастрою карабъ, карабъ на синёмъ мори,
Съ тонкихъ дубавыхъ дастокъ,
Съ дубавыхъ дастокъ, на синёмъ мори,
Карабъ абъ двинадцати парусахъ,
Пасажу жану сваю гасударыню.
Якъ пущу карабъ на синё моря,
Якъ взыйду, маладецъ, на круту гару,—
Пасматрю: ти плуветь карабъ, ти сядить жана?
Плыветь карабъ, и сядить жана;
Плыветь карабъ, якъ саколъ лятить.
—«Варатись, жана гасударыня:
Будимъ жить съ табою луччи прежнига».
—Што ня грѣть ли сонцу луччи прежнига,
Што ня жить намъ съ табою луччи прежнига.

(Отъ Ѳедосьи Сиваёвой).

26 в).

Пракатилась мыя маладость
Што ни ў разумѣ маемъ!
Якъ нажиў я сябѣ жану,
Шельму ўрюмую,
Што ни жить жа мнѣ съ сваей жаной,
Ни ў залогъ жа мнѣ яе залажить,
Ни тыварышу мнѣ яе удружить.
Якъ пайду жъ я, добрый молыдицъ,
Я ў Китай-горыдъ гулять,
Закуплю я, молыдицъ,
Карабъ синенькій сябѣ,
За карабъ я заплачу
Роўна пятьсотъ рублей,
А гребцамъ я заплачу
Полтараста рублей.
Пысажу я сваю жану
Въ карабъ новенькій яе;
Карабликъ я спущу
На синё моря,
Я самъ, молыдицъ, пайду
На крутую гару,
Пыгляжу я, добрый молыдицъ,
Якъ кырабличикъ плыветь:
Кырабличикъ плыветь,
Якъ стрѣла ў поли лятить;
А дитё маё сядить,
Якъ свѣча гарить;
А жана мыя, шельма, сядить,
Якъ рѣка илылеть.

26 г).

Ахъ, маладость, ты, мыя маладость,
Маладость маладецкая,

Куда мыя маладость пракатилася,
Назадъ мыя маладость ни варатилася?
Патиряў я сваю маладость тиризъ урюмую жану.
Какъ пайду, маладецъ, я ў горадъ на базаръ;
Какъ куплю я, маладецъ, да тисовинькай карабъ.
За карабличикъ заплачу да я сто рублей;
За гребцоў малайцоў заплачу роўна тысичу.
Усажу жъ я ў тотъ карабъ шельму ўрюмую жану.
Какъ пущу жъ я тотъ карабъ па Дунаю па рякѣ,
А самъ я, маладецъ, какъ пайду жъ я на крутую гару,
А и буду я смотрѣть, какъ караблачикъ идеть:
А караблачикъ идеть, точна сокалъ летить;
А гребцы малайцы гребуть, точна сокалъ крыльлимъ бьеть;
А жана мыя сядить, точна барыня ина.
— Узваратись, мая жана, на сваю старану,—
Паживемъ-ка мы съ табой мы па прежниму.
— «Паживи-ка, мой милой, да аднэю галавой!»

26 д).

Ай, горя, горя, што жана дура.
Закуплю жанѣ я новый карабль,
Нагружу карабль усё таварами,
Да ўсё разными:
Я куницами, я лисицами,
Я паверхъ таго гарнастаями;
Пасажу жану я ў навой карабль,
Я пущу карабль па синиму морю;
А дасматрю, молыдицъ, якъ карабль бягить:
А карабль бягить, какъ арёлъ лятить;
А жана плачить, какъ рика тякеть.
— «Варатись, жена, распращаемся,
На колечки мы размѣняимся!»
— Ужъ и рада я варатилася,—
Маё сердца закатилася!

26 е).

У бясѣди два брата сидять,
Промижъ собе рѣчи гаворять:
— «Ти ўдалася, братъ, жанитба твыя?»
— Ни ўдалася, братъ, жанитба мыя:
Накасалася шельма, ўрюмыя жина.
Якъ сдѣлаю я лягешенькій кырабъ,
Пысажу я шельму, урюмую жану,
Якъ пущу я на Волгу на ряку,
Я самъ пайду я, я на крутую гару:
Ти висока ясна зоринька взышла,

Ти далёка шельма ўрюмыя атплыла?
А далёка ясна зоринька взышла,
Ай, далёка шельма ўрюмая атплыла.
— Сакатися, ясна зоринька, далой,
Выратися, шельма ўрюмая, дамой,
Забяри жъ ты дробныхъ дѣтушекъ съ сабой!—
Ни сыкатилася ясная зоринька далой,
Ни вернулася шельма ўрюмая дамой!

26 ж).

Ты, жанитьба мыя, ты, нисчасныя!
Ахъ, узяў я жану ни па совѣсти, ни па 'бычею.
Какъ паѣхыў я, молыдицъ, у навой горыдъ,
Какъ купиў я, молыдицъ, я навой карабъ,
Какъ пасадиў я, молыдицъ, я жану сваю ў навой карабъ,
Какъ крикнуў я, молыдицъ, громкымъ голысымъ...

26 з).

Хадиў, гуляў добрый молыдецъ па крутэй гарѣ,
Завивались русы кудерьки на буйнэй галавѣ.
Надаѣли, надакучили завиваючи,
На чужихъ дальнихъ малодушекъ заглядаючи.
Чужея малодушки, якъ розовый твѣтъ,
Ну, маей жа то ниўдашеньки хуже ў свѣти нѣтъ.
А куплю я, добрый молыдецъ, карабль новенькій,
Палажу сваю неўдашеньку въ карабль новенькій,
Я пущу сваю неўдашеньку на синё моря.
Поплыла мая неўдашенька, — толька вада лялѣить;
А у мяне жъ, у малойчика, ретиво сердца млѣить.
Самъ я пайду, добрый молыдицъ, къ тещи ў гости.
— «Здрастуй, тёща, здрастуй, матушка!»
— Здраствуй, князь маладэй!..

(Переговоры съ тещей объ неудашечкѣ; теща не отдаетъ ея. Сама бы она назадъ воротилася,—ея сердце закатилося).

27.

Молодецъ бросаетъ немилую жену съ крутого берега въ Дунай-рѣку и идетъ къ тещѣ просить другую дочь замужъ.

Хадилъ, гулялъ добрый молыдецъ па крутой гарѣ,
Чесалъ, чесалъ русы кудерьки.
Надаѣла, надаскучила русы кудри чесать,
На чужихъ, на харошихъ заглидать:
— «Чужэе, да харошія, якъ розавый твѣтъ,
Хуже да маей Еўлашечки ў свѣти нѣтъ».
Пайду я, молыдицъ, я на крутую гару,

Вазьму сваю Еўлашичку за праву руку,
Брошу я Еўлашичку на Дунай-ряку:
Плыви, мая Еўлашичка, да ўдоль па рякѣ!
Астаетца добрыму малайцу пара коній вараныхъ,
Пара коній вараныхъ и калясычка.
Паѣду къ сваей тещи ў гости:
— «Теща мыя, матушка,
Атдай мнѣ сваю дачку паненку!»
— Не тапить была таню ў рякѣ,
А больши была жить съ тою!

28 а).

Неудалую жену мужъ ведетъ топить, или прогоняетъ къ тестю. Безъ нея живется плохо, онъ проситъ у тестя жену назадъ, но тесть не отдаетъ.

Худа, худа жить на свѣти заўныванюче,
На чужихъ малодушикъ заглядаюче,
Якъ чужее малодушки, слоўна макаў тьвѣтъ,
Хужи маей неўдашички въ бѣлымъ свѣти нѣтъ:
Павяду я ниўдашечку къ-и Дунай рякѣ...
Худа, худа жить на свѣтѣ безъ удашечки:
Чатвёртая нядѣлюшка бизъ рубашечки.
Якъ пайду я, добрый молыдецъ, я на тстёвый дворъ:
— «Здрастуй, здрастуй, мой стёвушка, здрастуй, добрый день,
Атдай дачку неўдашечку хоть на адинъ дянёкъ,
На адинъ дянёкъ, на адинъ часокъ, на нядѣлюшку!»
— Ни атдамъ дачки, ни атдамъ неўдашечки я на адинъ дянёкъ,
На адинъ часокъ, (2) на нядѣлюшку.

28 б).

(С. Шаталово, Смол. у.).

Худа (3), братцы, жить на свѣти, заўныванючи,
И на чужихъ-то (2) малодушакъ да заглядывати.
Што чужея (2) то малодушки—но какъ макаўки,
Хужій нѣту (2) въ бѣлымъ свѣти, што неўдащеньки.
Какъ вазьму я (2) неўдашиньку, я за ручиньку,
Пувяду я (2) неўдашиньку да я къ быстрэй рякѣ,
Вкину, ўброшу (2) да неўдашиньку да я ў виръ галавой:
Плови, мыя (2) неўдашинька, ты ни ўскряснуючи!
Во самъ сяду (2), добрый молыдецъ, я на бережку;
Во я, сѣўши, (2) добрый молыдецъ, ды падумаю:
Худа, (3) братцы, жить на свѣти бизъ неўдашиньки,—
Чатвертую (2) нядѣлюшку бизъ рубашечки!

(Отъ Ѳедосьи Абрамовой).

29.

Зажуриўся бѣлъ моладицъ, што молыдъ жаниўся.
Чужи жоны на вулицы, якъ макъ раствитаютъ,

Мая шельма, ниўдалая съ избы ни выходить.
Вазьму я жану ниўдалую падъ бѣлыя плечки,
Пихну я жану ниўдалую у быструю рѣчку:
— «Ты йди, жана ниўдалая, ў ряку за вадою,—
Ни нажиўся бѣлъ молыдицъ ды я за табою».
— Ты наслушай, мой миленькій, што я пинять буду:
Ня пить было, мой миленькій, дый горькій гарѣлки,
Ня ѣсть было, мой миленькій, салодкага мёду;
А вить ты знаў,—на што жъ ты браў съ бальшога роду?!
Што ня сѣчъ, ни зрубить зяленыга гаю;
А вить ты знаў,—на што жъ ты браў ни съ чужога краю?!
Ня сѣчъ, ни зрубить бѣлыя бярезы;
А вить ты знаў,—на што жъ ты браў ни пьяный, ни тварёзый?!
Ни сарвать, ни щипать у поли травы личжи;
А вить ты знаў,—на што жъ ты браў, што я нивяличка?!
Ни сарвать, ни щипать у гароди травы мяты;
А вить ты знаў,—на што жъ ты браў, што я нибагата?!
Ни сарвать, ни щипать у гароди розы;
А вить ты знаў,—на што жъ ты браў, што я нипригожа?!
Ни сѣчъ, ни зрубить зялёныга дубу;
А вить ты знаў,—на што жъ ты браў, што я жить ня буду?!

30.

1) Запропала дѣвица съ черными бровями. 2) Не сѣчь было зеленаго дуба, не брать было дѣвицу, когда она нелюба.

Ужъ вы, броўки мае, бровушки чарнэя,
Запрапала дѣўка зъ вами, чорными бравами:
Нильзя младѣ на улицу выйдить, выйдить прагулятца.
А ўсѣ ўраги спать палажуть;
Пайду прагуляюсь па тихымъ Дунаю.
Пада мною маладою Дунай скалыхнуўся.
О я свайго любезнага въ гости запрасила:
Прибудь, прибудь, мой милинькій, ка мнѣ падъ-вячоръ,—
Ни раниньки, ни поздниньки,—ка мнѣ на вячерю.
Ня гнѣвайся, мой миленькій, што буду пиняти;
Ня сѣчъ было, мой миленькій, зялёныга дуба;
Не брать было, мой миленькій, када я нялюба!

г) Перевѣсъ вліянія на сторонѣ жены.

31.

Мужъ исполняетъ всѣ желанія жены и обсыпаетъ ее ласками. Жена гордится такимъ мужемъ и не промѣняетъ его ни на кого.

Валодина жонка сваяволка:
Привязала Валодю къ каравати,
А сама пашла гуляти.

Пріѣхыли купцы тургувати,
—А што табѣ, Дуня, за яго дати:
Ти коника варанога,

Ти сядельца залатоя?
— «Мнѣ съ коникымъ ни вадитца,
Мнѣ съ сядельцымъ ни наситца,—
Мнѣ Валодичка пригадитца:
Па избѣ прайдеть—дитя калышеть,
Время будить—вады принясеть,
Сдобритца—избу падиятеть,
Кйўнеть, миргнеть, пацалуить,—
Ета маяму сердичку-ўсё пануить».

32.

Якъ спляту я жанѣ лапытки
Новы, часты, симяристинькія,
Панясу я ети лапытки
Въ Питирь-горыдъ да на ярмылыкъ;
Якъ прадамъ я ети лапытки
За чатыри за капеички;
Я за етыя за денюжки
Якъ куплю сябѣ куръ-курицу.
Мая курычка нясущая была:
По три кокычки ина й у день несла,
Па чатвертымъ па бальшомъ па яйцу.
Палажу я ету куръ-курицу,
Я на тэя на яиньки;
Якъ вывидить куръ-курица
Да и малую типуньку,
А жина ли родить дѣтитку,
А жена мужу приказывала,
Жидавину выгаваривала:
— «Ты змяли-ка, мужъ, пшаничаньки мяшокъ,
Разбаўтай-ка, мужъ, смитанушки гаршокъ,
Сыпаси-ка, мужъ, малу типуньку,
Калыши-ка, мужъ, малу дѣтитку!»

33.

Простакъ мужъ, трепещущій предъ женой своей, во всемъ ей повинуется и исполняетъ бабью работу.

Я адной рукой пшаничаньку малолъ,
А другой рукой смитанушку балталъ,
Я глазами малу типуньку стярёгъ,
Я нагами малу дѣтитку качалъ.
Прилятѣў ка мнѣ каршинъ-маршинъ съ аршинъ,
Якъ ударилъ са ўсѣхъ сваихъ силъ,
Іонъ разсыпаў пшаничаньки гаршокъ,
Іонъ разбиў іонъ смитанушки гарщокъ,
Задавиў малу типуньку,
Разабиў малу дѣтитку.
Якъ пришла жина-барыня,
Ина съ суда, ина съ бясѣдушки;
Якъ и стаў жа мужъ каятца,
У славахъ усё мѣшаитца.
—«Охъ, ты, мышъ ты балотная,
Ты лягушка падкалодная!»

34.

Хотѣлось за умнаго и пригожаго, попала за нелюба.

Кравать мая, краватушка,
Кравать мая тисовая,
Суножички малюваныя.
Падамлѣли мае ножички
На краватушки стоючи,
Зъ нялюбымъ гаворючи.
Прашу тябе, мой нялюбый другъ:
Мнѣ за тябе не хатѣлыся,—
Мнѣ хатѣлыся за гожига, за пригожига,
За вумныга, за разумныга.

(Отъ Василисы Исаковой).

35.

Жена осмѣиваетъ своего мужа—овсяное „видѣнье“, ячный носъ.

Гурная наша дѣвушка,
Ина па улицахъ гуляла,
Усихъ ребятыў судила:
«Уси ребяты грибаты,
Адинъ мой маладецъ луччи ўсихъ:
Іонъ ни рылатъ, ни грибатъ,
Тольки бѣленекъ, кудреватъ;
Іонъ жа на ноженки щегалёкъ,
На гаворычку гаварокъ,
Аўсяныя видѣнья,
Яшный носъ.
—Ня чортъ тябе, дѣвычка,
За няго нёсъ!
—«Я сваяму горю дагажу:
Зъ яшныга видѣньня крупъ надяру,
Зъ аўсяныга видѣньня блиноў напяку».

36.

Нелюбому мужу полуночной воды дала.

Ахъ, ты, вулица широкая,
Трава-мурава, ты зялёная,
Пы табѣ хажу,—я ня выхажу,
Я канёмъ ѣзжу,—я ня выѣзжу,
Я пяромъ пишу,—я ня выпишу!
Крывать мыя, краватушка,
Хто тябе, крывать, мастиў, грымастиу?
Мастиў, грымастиў мой нялюбый мужъ,
Мастиў, грымастиў, гылаву зламиў,
Гылаву зламиў, вады пупрасиў.
Я сы вечера по ваду пышла,
Сы палуначи ваду черпала,
Къ-и бялу свѣту ваду принесла.
Мой нялюбый мужъ на кутѣ ляжить,
Передъ имъ стыять папы-дзяканы,
Папы-дзяканы, черти-дзявылы,
Адна слеза пакатилася—и тая назадъ варатилася.

37.

Жена измѣняетъ мужу въ его отсутствіи, потомъ дурачитъ его, желая скрыть любовника.

Паѣхыў мужъ у поля,
Я съ гостимъ гуляти,
  Ой люлюшки люли,
  Я съ гостимъ гулять.
Пагляжу ў акошка:
Мужъ ѣдить са поля.
—Дѣти мае, дѣти,
Гдѣ мнѣ гостя дѣти?
Й усажу ў лукошка,
Накрыю жупанымъ, 2.
Назаву баранымъ!
—«Душка жанушка,
Што ў тябе ў лукошку?»
—Катилася авечка,
Катилася рана,
Катила чорныга барана.
—«Душка жанушка,
Пазволь пагляд́ѣти!»
—Ай, дуринь мужъ, дуринь,
Дуринь, ниразуминъ:
Ня вышла й барану
Три дни, три нядѣли,
Штобъ люди глядѣли!
—«Душка жанушка,
Идѣ-жъ нашъ барашка?»
—Я жъ таго барана
У поля прагнала, 2
Пастуху ни приказала:
Нашъ жа барашка
Бязъ рожикъ катиўся, 2
Ваўку пригадиўся!
(Отъ кр-ки Матрены Григорьевой).

38.

Жена ставитъ алтынную свѣчу, чтобъ мужъ дуракъ умеръ.

Якъ пайду я на торгъ таргувать,
Якъ куплю я алтынную свячу,
Я пастаўлю пирядъ пятницыю:
Ты гари, гари, алтынная свича,
Ты ўмари ты майго мужа-дурука!
А згарѣла да алтынная свича,
Не ўмарила майго мужа-дурука!

39.

Не сокрушается молодка по поводу болѣзни мужа, лишь бы была здорова ея родня; мужъ лежитъ какъ „тясница", она какъ „брусница".

Ты святи, святи, ясёнъ мѣсицъ,
И ваду, и зямлю, и мяне, мыладу.
А я къ батюшки й у гости йду,
Я дарогыю широкаю,
Я зъ гастинцами зъ вяликами;
На дароженьки староженька,
Я староженьку правѣдаю,
Свайго батюшку атвѣдаю,
Свайго родныга й атвѣдаю.
— Ой, ти добръ, здароў мой батюшка,
Ой, ти ўси дабры, ти здаровы?
Ай уси дабры, ўси здаровы,
А милый ляжить, якъ калода,
А я, молыда, якъ лябёда;
А милый ляжить, якъ тясница,
А я, молыда, якъ брушница.

40.

(Къ Могилевской губерніи).

Жена—пьяница, пропиваетъ хозяйское добро; дѣти и мужъ потворствуетъ ей.

Якъ паѣхаў мой миленькій а ў поля пахать,
А я млада, младёшанька у карчму гулять.
Якъ пріѣхаў мой миленькій съ поля съ пахаты,
А я, млада, младёшанька ўкинулась у клапаты.
—«Дѣти мае, дѣти, гдѣ ваша мати?»
—Наша мати на кравати легла спачивати.
—«Тиши, дѣти, тиши, дѣти, ни гаманитя,
А вы сваей матулиньки да ни будитя,
А якъ придуть три шинкарики, дакъ вы заплатитя».
—Тата родный (2), мы заплатили:
Атдали скарбончики тридцать чатыри.
—«Устань, устань, мая милинька, устань, ашнися,
А на табѣ скарбончикъ—ты пахмялися!»
—Ни хачу я скарбончика, ни хачу я два,—
Вчора пила на каровушку, сянни на вала.
—«Была бъ мая миленька здарова была».
—Я выпила три кварты съ палавиныю—
На тую тялушичку, на буриную.

41.

Жена ходитъ по кабакамъ и, по возвращеніи, угощаетъ побоями мужа; страхъ мужа передъ прутомъ жены, и радость его, что отдѣлался легкими побоями.

Ни пайду я двору,
Гарѣлки ня пиўши,
Я ни ляжу я спать,
Мужа ни пабиўши.
Вазьму за чупрыну,
Я ўкину ў пярину:
Паляжи-ка, мужа, тута,—
Паищу паду прута.
Мужа прута забаяўся,
Падъ лаўку схуваўся:
—«А спасиба табѣ, мила,
Што ня больна била;
Што ня больна мяне била,
Ни на̀ худу ўчила!»

(Отъ Ефросиньи Антоненковой).

42.

(Къ Могилевской губерніи).

Лѣнивая и разгульная баба ябедничаетъ пану на мужа, одурачивъ его, и со смѣхомъ хвалится подружкамъ.

Самъ я ни знаю,
Что чинити маю.
Люди кажуть жанитися,
А я ни думаю.
Ажанёмшися
Треба тоя знати,—
Треба жонку кармить,
Треба дятей гадувати.
А ў мяне жонка,
Якъ добра нявѣста:
Мужикъ ѣдить ў поля арать,
А жонка на мѣста;
Мужикъ арѐть, арѐть,
Ды пагукываить:
Жонка зъ мѣста идеть,
Ды пагуливаить;
—А мой мужичища
У поли араў,
А я была на игрищи.
—«Ты, мая мила,
Идѣ ты хадила?»
—Я ни знала, гдѣ ты аралъ,—
Па полю блудила.
—«Ты, мая мила,
Ни кажи то́га,—
Дай вячерить,
Ти ни маишъ чо́га?»
—А ты жъ, мой мужичища,
Въ поли араў,
А я была на мѣсти.
—«Якая шельма мати,—
Ни варила ѣсти!»
Мужичища ўзяў дубинища,
Пашоў зъ жонкый гайдучища.
Пашла жонка къ пану—
Скарѣй раскладати:
Приказали мужику
Жонку цалувати.
Тады вышла жонка
Падругамъ хвалитца:
—«Я свайго мужичка
Паўчила гайдучка:
Ни пиўши, ни ѣўши,
Скачить ашалѣўши!»

43.

(С. Крутиловка, Ельн. у.).

Отчаянная жена готова утопить мужа въ проруби.

Пайду, млада, за вадою,
Лёли, лёли, лёлюшиньки за вадой,
Вазьму я старыга съ сабой,
Ввалю, старыга ў пролубъ галавой,
Сама 'тстануся ўдавой,
Дѣти мае сиратой.

(Отъ Христёны Головнёвой).

44.

Милый отговариваетъ любовницу убивать нелюбаго мужа.

На дубчику два галубчики
Пили ѣли, да ўрозь палятѣли,
Сѣли-пали, стали гуркувати:
— «Тошна таму, о хто нялюбъ каму;
Ташнѣй таму, хто съ кимъ разстряётца!»
Разстриваўся парень са дяўчонкаю,
Іонъ ноченьки а не ўсыпаитъ,
Частешенька къ сударушкѣ ѣздитъ,
Зъ вырана коня онъ ни ссѣдаитъ,
Съ стремень ножикъ не вымаитъ,
Подъ красно вакошка подъѣзжаитъ;
Іонъ стукъ-пастукъ у красна вакошка:
— «Ти спишъ, душа, ти такъ ляжишъ?
Кали спишъ, душа, Гасподь Богъ съ табою,—
А ня спишъ, душа, а гавари са мною!»
— А я рада бъ съ табою гаварити:
Няўрюмый мужъ на рукѣ ляжитъ,
Лютэй свекорька ў изгалоўику,
Лютая свякрова ай у бялыхъ ногахъ.
Убью, убью, ай нялюбыга мужа!
— «Ня бей, ня бей нялюбыга мужа:
Табѣ са мной адинъ часъ пастыять,
Зъ нялюбымъ мужимъ табѣ вѣкъ вѣкувать!»

45 а).

(С. Егорье, Дорогоб. у.).

Съ милымъ дружкомъ мужа удавила. (Срв. стр. 142 № 114).

Ужъ я прялычку купила,
Въ пасядѣлычки пашла,
Я сядѣла малада да первыга питуха.
Ужъ и первый куръ запѣлъ,
Я ня думала идить;
А другой куръ запѣлъ,
Бѣлый день—заря;
Ужъ и третій куръ запѣлъ,
Я дамой пашла.
Ужъ я прялку падъ лаўку,
Башмачки падъ кравать,
Сама завалилась
За старога мужа спать.
Ужь и мой старой прашнуваитца:
— «Ты, душка жанушка,
Ти даўно ли ты пришла?»
— Я даўно, даўно пришла,
Даўно выспалась!
— «Уставай-ка, жанушка,
Пара печку тапить, 2
Старыму кашу варить!»
Ужъ и мой жа старой,
Іонъ и добръ да мяне,
А и я да старога,
Я удвоя хараша:
Я на шеюшку пятелюшку ўскинула,
Я канѐчикъ милому
У акошечка падала.
Милой патянулъ,
А старой захрипѣлъ,
Слова спать захатѣлъ;
Языкъ высулупилъ,
Слоўна дражнитца,
А высулупилъ глаза,
Слова старая каза.

45 б).

Ожъ я прялычку падъ лавычку,
Сама къ старыму иду.
— «Охъ, душка жанушка,
О йдѣ жъ ты была?»
— Охъ, старый чортъ,
У ва сну гаваришъ!
Ужъ я рана ўстаю,
Хачу избу тапить, 2
Круту кашицу варить.
Я на шею вярёўку закидывала,
Я ў вакошечка милому
Канецъ падала:
Ты тягни, тягни, милой,
Патихошеньку:
А пяньковый жа гужъ
Да ня пòрвитца!
А старый чортъ захрапѣлъ,
Будта спать захатѣлъ,
Зубы выскалилъ, будта смяетца,
Языкъ высулупилъ, будта дражнитца,
Нагами забрыкыў, будта й чортъ завидиў.

(Отъ Матрены Лаврентьевой).

46 а).

По приговору бабъ (или по своему рѣшенію), жена мужа повѣсила въ зеленомъ саду.

Якъ жина зъ мужимъ ня ў люби жила,
Якъ жина мужа на судъ привила.
Присудили ей старыя бабы
Мужа павѣсить въ зялёнымъ саду,
Да й на яблынки, на кудрявинькій.
Ой, сама пышла ў нову горинку,
Якъ сѣла жъ ина пыдъ вакошечкымъ,
Якъ стала жъ ина думу думыти,
Думу думати, сильна плакати.
— «Якъ пайду-тка жъ я да ў зялёный садъ,
Якъ крикну, гукну свайго милыга:
Што жъ ты, миленькій, ни 'тгукаишся?..
Па́лизай далоў, ты ступай дамой,
Ти салоўихъ пѣсенъ ни наслухыўся,
Ти сахòрныхъ яблыкъ ни накушиўся?

46 б).

Зима мыя, зима лютая,
Баюсь тябе: не смарозь мяне;
Лѣта маё, лѣта теплыя,
Баюсь тябе: не ссуши мяне!
Жана мужа распатѣшила:
Пувила ў садъ, да падвѣсила;
Пришла дамой, сѣла пыдъ вакномъ,
Сѣла пыдъ вакномъ, да заплакала.
— «Худа была зъ нялюбымъ мужимъ,—
Хужи таго, якъ нѣтъ яго!
Якъ пайду ў садъ, атчаплю назадъ.

— «Ахъ, ты, милый мой, палѣзай далой!
Ти ты сладкихъ вишенъ ни накушаўся,
Салаўёвыхъ пѣсинъ не наслушаўся?»
А іонъ, с. с., наругаитца.
Глазы вылупиў (3) и языкъ высунуў.

46 в).

(Бочарово, Юхновск. у.).

Ты, марозъ-зима,
Марозливая была,
Халадна была.
Ни марозь мине
Добра молодца.
Какъ съ мужимъ жина
Въ доми гаспожа,
Ни ў ладу жила,
Ни ў сагласицы:
Въ зелёнымъ саду
Мужа павѣсила;
Павѣсимши мужа.
Пашла къ и двару,
Сѣла на скамью,
Слезна сплакнула:
— «Праклятая жисть—
Съ чужимъ мужимъ жить;
Бязъ мужа жана—
Горька сирата!»

д) Мужъ малолѣтній, недоростокъ, неопытный, жена бойкая.

47.

Мать женила противъ воли малолѣтняго сына. Супруги не сходятся между собою во взглядахъ и привычкахъ; невѣстка не хочетъ знать приказаній свекрови, сама вѣчно въ горѣ и слезахъ, осыпаетъ проклятіями мужа.

На што мяне матушка
На горе парадила,
Малалѣтныга жанила!
Панила моя матушка
Мнѣ нялюбую жану,
Што нялюбую жану,—
Не па 'ббычику майму,
Ни па розыму свайму:
Куды шлеть мыя матушка,
Ина шлеть—ни дашлетца;
Аткуль жжеть мыя матушка,
Ина жжеть—ни дажжетца.
Ина пастелюшку стелить,
Сильнёшинька плачеть;
Узгалоўя складаить,
Сильнёшинька узрыгаить;
Ина спатиньки лажитца,
Мяне, млайца, праклинаить.

48.

Жена не взлюбила малолѣтняго мужа—свалила съ кровати, сломила ему руку и ногу, потомъ лѣчитъ его.

Што жъ ты, Ванюшка, нявесилъ,
Буйну голыву павѣсилъ,
Пухавой шляпый накрылся,
Гарючими слязами аблился?
— Ахъ, ты, матушка радима,
Нашто на горя радила,
Малалѣтнига жанила?
Жина, шельма, ни ўзлюбила,
Съ караватушки звалила,
Ручку, ножиньку зламила.
Стала ножинька балѣти,
Стала милая жалѣти,
Стала ванюшку тапити,
Стала ножиньку лячити.
— Ты ня тужъ, ни плачъ, милая,—
Заживетъ нага бальная!»

(Срв. стр. 264, № 5).

49.

Жена бьетъ недоросточка, онъ грозитъ все ей выместить, когда выростетъ.

А на гарѣ ива, ива,
Падъ гарою дива, дива!
Жина мужа била, била,
Не на худа учила. 2
— «Жина мыя, сударыня,
Честная княгиня!
Ты бей мяне, жури мяне,
Якъ я малёшенекъ: 2
Якъ выpасту, все павымищу—
И, права й, ни забуду!» 2

50.

(С. Шоптово, Бѣльск. у.).

Мужъ-дуракъ охотно идетъ въ солдаты, отпускаетъ жену на волю.

Ты, игра мая, картежная игра,
Ты, судьба мая, разнисчасная судьба мая,
Никакой судьба серцу атрады ни дала,
Толька больши судьба къ агарченню, судьба, призвила.
Съ агарчення вадалялась дѣўка а здѣшнихъ мѣстъ,
Присилялась во пустыни дѣўка жить адна.
Пра то знаючи, па мнѣ некаму плакать, тужить.
Я пайду зъ горя я ва зелинъ садикъ пагулять,
Я сарву, сарву сибѣ алыхъ два твиточка,
Панясу цвяты я на рыныкъ, рыныкъ, на базаръ,
Я куплю, куплю двухрублёвую свѣчу.
Ты гари, гари, двухрублёвая свича,
Прападай мая вся дивичья гульба-красата,—
Нажила сибѣ мужа, мужа—дурака;
Іонь дуракъ, дуракъ, никуда дуракъ нигадёнъ.
— Пагади, жана, самъ ахотыю ва салдаты иду,
А тибе, жана, на волю атпущу.

51.

Орѣшковъ разсыпанныхъ не собрать, въ компаніи не гулять. Наѣхала компанія и взяла мужа въ полонъ. Жена боится, чтобы онъ не вернулся и не побилъ ее (Срв. стр. 238 № 3а).

Хадила я, младешинька, по бару,
Щепала я арѣшики на бару,
Разсыпала арѣшики на бару;
А знать жа мнѣ арѣшикыў ни сабрать,
А знать жа мнѣ ў калпаніи ни бувать!
Наѣхала кулпаніи повинъ дворъ,
Взяли, взяли майго милыга ў палонъ.
Ня 'бъ тымъ плачу, што й милыга узяли,—
Абъ тымъ плачу, што ня крѣпка звизали.
Баюсь, баюсь: каналія увыйдеть,
Баюсь, баюсь: маю душу пагубить.
Ни разъ, ни два па пастрѣщу хадила,
Ни разъ, ни два вярёбьюшкыў лавила.

(Отъ старика Тимофея Григорьева Михалёва).

52.

(С. Самохотовка, Смол. у.).

Жена привязываетъ мужа-недоростка къ сыру дубу и не отпускаетъ его до тѣхъ поръ, пока онъ не даетъ слова быть ея угодникомъ, исполнять всѣ желанія.

Вы прядитя, красны дѣўки, прядитя,
На мяне, красну дѣўку, не глядитя:
А ужо красна дѣўка заручона
За такога за малога, недаростка небальшога!
А мнѣ недаростка гдѣ падѣти?
Въ галавахъ палажити—приплевати,
Дли боку палажити—притушити,
Въ нагахъ палажити—притаптати,
Прадавать—никто майго недаростка не купляеть!
Павяжу я недаростка ў чисто поля,
Привяжу я недаростка къ сыру дубу.
Три нядѣли недаростка ни глядѣла,
На чатвёртую нядѣлю пагдядѣла:
— «Какаво тябѣ, недаростыкъ, въ чистомъ поли?»
— Сударыня-барыня, тута худа, очень худа:
Дубовыя кареньня прiѣлыся,
Махóвыя вадиченька припилася! [1])
— «Ти пустишъ, недаростыкъ, къ маткѣ [2]) ў гости?»
— Жена мыя, быярыня, хуть въ Масквy! [3])
— «Ти запрягешъ, недаростыкъ, пару кони?»
— Жена мыя, быярыня, хучь чатвёрку!
— «Ти сустрѣнешъ, недаростыкъ, у варотахъ?»
— Жена мыя, быярыня, сярёдъ поля!

(Отъ Лукерьи Бѣляевой).

53.

Неудалый мужъ не умѣетъ приняться за работу по-людски.

Запрапала галава, за неўдалымъ живучи.
Якъ пашоў мой неўдалъ далатомъ дровы рубить,
Панясу-тка я неўдалыму абѣдать.
Ахъ, ты брось-ка, неудалъ, далатомъ дровы рубить,—
Павази-тка, неудалъ, вострую сякѣру:
Болiй дровъ насякешъ, болiй скирту накладешъ.
Запрапала галава, за неўдалымъ живучи.
Якъ пашоў мой неўдалъ шилымъ сѣна касить,
Панясу-тка я неўдалыму абѣдать.
Ахъ, ты брось-ка, неудалъ, шилымъ сѣна касить,—
Ты вазьми-ка, неудалъ, ты вострую касу:

---

[1]) Вар.: Мидавая расица мнѣ припилася, камары плечухны абъѣли.
[2]) Вар.: къ батьки.
[3]) Вар.: хуть сяводни.

Болій сѣна накосишъ, болій скиртыў накладешъ.
Запрапала галава, за неўдалымъ живучи.
Паѣхаў мой неўдалъ питухомъ поля пахать,
Панясу-тка я неўдалыму абѣдать.
Ахъ, ты брось-ка, неўдалъ, питухомъ поля пахать,
Брось-ка, неудалъ, питухомъ поля пахать,—
Запряги-ка, неудалъ, сивую кабылу:
Болій поля упашишъ, болій хлѣба засѣишъ.

54.

(С. Каблуково, Красн. у.).

Темно березѣ въ лѣсу, скучно молодкѣ за неудалымъ; она поджигаетъ его спящимъ на постели.

Бярёза бярезанька, 2
Бярёза кудрявая,
Ти ня темнинька табѣ
У тёмнымъ лѣси стоючи.
Малодка малодая,
Ти ня скушна табѣ
Съ неудалицыю жить.
Наскипаю пукъ лучиницы,
Лучиница сасновая,
Запалю я пукъ лучиницу,
Падпалю я караватушку,
Каравать тисовую.
У краватушки
Ниўдалица ляжить.
Выйду на вулицу,
Ускрикну рятуницу:
— Вы, кумушки галубушки,
Ти чули вы, ти видили вы:
Майго мужа пярунъ забилъ!

е) Отецъ и сынъ; отецъ и дочь.

55.

Обязанность сына приберегать старость отца, прикопать его косточки.

По двару, дворику, двару-тираму,
  Лёлёшки лёли, двару-тираму,
Ходить-гарюить то Андреичка,
  То Лаврентьевичъ,—
Па свaeй старысти да іонъ гарюить:
— «Хто жъ маю старысть ды прибирягеть,
Хто жъ мае костыньки ды прикапаить?
Якъ зачуў, пачуў больщій сыночикъ:
— «Ты ня тужъ, ни плачъ, да мой батюшка:
Я жъ твaю старысть ды прибирягу,
Я жъ твае костыньки ды прикапаю!»

56.

Соловей облеталъ всѣ лѣса, ища кукушки; молодецъ объѣздилъ все войско, отыскивая отца.

А што жъ то быў салавей, 2
Залётная пташичка,
Уси лясы вылитаў,
Какушички іонъ искаў?

Іонъ ни нашоў какушку,
Тольки нашоў гняздечка.
А што жъ то быў маладецъ,
А што жъ то быў бѣлинькій,
Удалая галава?
Усю войску выиздиў,
Свайго батюшки искаў.
Іонъ ни нашоў батюшку,
Тольки нашоў галаву, 2
Широкыю бараду.
Якъ вазьму я галаву,
Укладу я галаву,
У правыю у палу,
Панясу я галаву,
Я на сваю старану,
Я выкыпаю ямычку
На батькину галаву,
На широкую бараду,
Я састрою каплічку
На батькиный галавѣ:
Нярушъ буду вѣдати
Идѣ батькина галава,
Широкая барада.

57.

(С. Злотово, Ельн. у.).

По торной дорожкѣ идетъ добрый молодецъ, въ гусельки играетъ, пѣсни воспѣваетъ; дѣвица просится у отца на улицу пѣсенъ попѣть, гуслей послушать. (Срв. стр. 250, № 34).

Мима майго терима,
Кала саду зелина,
Тама лёжала стёжинька,
Торная дароживька.
Што па той жа стёжиньки,
Па торный дароживьки,
Ишоў добрый молыдицъ,
У гусильки йграючи,
Пѣсенки ўспиваючи.
Завидила дѣвица
Зъ висакога терима,
Прасилася у батюшки,
У сударыни матушки:
—«Сударь ты мой батюшка,
Пусти мяне, молыду,
На вулицу пагуляти,
Пѣсенькъ папивать,
Гусиликъ паслухать!»
— Тыя тябе гусильки,
Молыду, спадманиваюць!

58.

(Срв. стр. 208 № 52).

Што ў лузи трава шалковыя,
На тэй травѣ да я хаживала,
За сабою каня важивала;
На тэй травѣ каня выкырмлю;
Павяду я каня къ батюшки,
Скажу я батюшки слова ласкывая:
—«Ни 'тдай мяне, батюшка,
За старыга замужъ!»
Што ў лузи трава шалковыя, и пр.
—«Ни 'тдай мяне, батюшка,
За малыга замужъ!»
Што ў лузи трава шалковыя, и пр.
—«Атдай мяне, батюшка,
За роўниньхыга замужъ!
Я роўниньхага люблю,
Въ карагодъ зъ имъ пайду,
Пастелю пастялю
И спать зъ имъ ляжу!»

59.

Листокъ клена, далеко стоящаго отъ воды, изрѣдка уносится вѣтромъ и приплываетъ по морю. Отецъ, живущій далеко отъ дочери, иногда проливаетъ по ней горькія слезы.

А висока-далёка 2
Клёнъ-дерива атъ моря,—
А хуть ино далёка,
Дакъ листочикъ атпадеть,

Да па морю приплыветь!
А далече-далёка
Мой батюшка ать мяне,—
А хучъ жа іонъ далёка,
Дакъ іонъ мяне ўспумянеть, 2
Тижалёшынька ўздыхнеть, 2
Сильнёшинька заплачеть:
—«А якъ маё дитятка
Да на чужей стыранѣ:
Ти живеть, ти гарюить,
Ти смажиньку смагуить?»

60.

(С. Егорье, Дорогоб. у.).

Вѣтры несутъ вѣсть отъ дочери къ отцу о грубомъ обращеніи съ ней мужа.

Вы спавѣйтя, вѣтры, изъ поля ў поля,
Ой лёли, лёли,—
Вы няситя, вѣтры, майму батьки вѣсти,
Вѣсти, вѣсти, вѣсти нивясёлы,
Што намъ съ милымъ савѣту нѣту,
Савѣту нѣту, ни ласкыва слова.
Ряменная плетка ўсю ночъ праввизжѣла
Окала бѣлава тѣла:
Са вечера тѣла, какъ сыръ, была бѣла;
Къ бѣлыму свѣту, какъ катёлъ, пасинѣла.

61 а).

Отецъ—рѣдкій, но дорогой гость у дочери.

Зелянѣйся, мой садочикъ,
Зелянѣйся, мой зялёный!
По саду дѣўка гуляла,
По саду сладки вишенки щипала,
На дароженьку брасала,
Мелкихъ пташичекъ гукала:
— Вы запойтя, мелки пташки,
Вы запойтя пограмчѣя,
Взвесялитя майго гостя,
Майго гостя дарагога,
Майго батюшку раднога!
Іонъ не часта ў гости ходить,
Па нямножечку гастюить,
Па аднэй ноченьки начуить,—
А хуть жа іонъ заначуить,
Іонъ и тую пратаскуить:
Падъ акошкымъ спать лажитца,
Часта ў окна паглидаить,
Ти ня зоринька зарянить,
Ти ня свѣтушка свитаить:
Дочка батьку прав,важаить,
Па горенки са слезами,
Па сѣнюшкамъ са рѣчами,
За вароты са свѣчами.

61 б).

(Долгія Нивы, Красн. у.).

Зилянись, мой зяленый садокъ!
У томъ жа садочку мелки пташки канарейки.
Ужъ вы, пташки канарейки,
Запойтя вы жаласненька,
Звисялитя майго гостя,
Майго гостя дарагога,—
А свѣтъ батюшку раднога! и проч.

62.

Дочка проситъ отца погостить у нея: много звѣрья и много рыбы у нея подъ рукою; тутъ же, вблизи, синее море.

Ягыдка при гарѣ расла,
Я, малада, на чужей старанѣ.
— «Батюшка, пубывай у мяне,
Родниньκій, пагастюй у мяне:
Іость у мяне три утѣхи ли тябе:
Ваўки, мядьвѣди на привязи стынть;
Синія моря у варотыхъ разлилось;
Малая рыбица, якъ кашица, кишить!»

63.

Просьба молодухи къ соловью не будить утреннею пѣснею отца; короткое пребываніе отца въ гостяхъ у дочери.

Салавейка й пташечка, й пташечка, салавейка пташечка,
Не летай-ка раненька, раненька, не летай-ка раненька,
Не буди-ка гостика, гостика, не буди-ка гостика!
Мой гостичикъ дарагой, дарагой, мой гостичикъ дарагой—
Мой батюшка родненькій, родненькій, мой батюшка родненькій;
Вчора пришоў позниньκа, позниньκа, вчора пришоў позниньκа,
Сянни пойдеть раниньκа, раниньκа, сянни пойдеть раниньκа,
Ня ждеть маяго абѣду, маяго абѣду, ня ждеть маяго абѣду,
Ни раннига заўтрику, заўтрику, ни раннига заўтрику,—
Толька мой дворъ наслядиў, наслядиў, толька мой дворъ наслядиў,
Мяне, младу, разслязиў, разслязиў, мяне, младу, разслязиў.

(Отъ Христёны Головнёвой).

64.

Дочка высказываетъ гостю-отцу свое горе: свекоръ побилъ ее, да еще выхвалялся этимъ.

Ня пыль въ поли запылилася,
Сами варóты расчинилися,—
Знать мой татухна ка мнѣ ў гости ѣдеть.
Стрѣну татухну сиряди двыра,
Вазьму татухну я надъ ручечки,
Пасажу татухну супрати сябе,
Раскажу татухнѣ пра сваё горе:
— А ўчора мяне свекырька пабилъ,
Пабиўши мяне, самъ у пиръ пашолъ,
А ў пиру сѣдя, выхваляетца:
— Я ўчора сваю нявѣстку пабилъ!

65 а).

(Сельцо Самохотовка).

Дочка въ гостяхъ у отца; совѣтуетъ онъ ей мириться съ обстоятельствами и не уходить „прóчки“ отъ нелюбаго мужа.

Котитца, котитца мѣсицъ па нёби [1]),
Хочитца, хочитца къ батюшку ў гости.

[1]) Въ с. Даньковѣ первый стихъ поется такъ:
Спитца-дремлитца падъ куделію, 2.

У маяго батюшки дворъ надъ гарою,
Дворъ надъ гарою, садъ надъ рякою,
Пайду я, батюшка, ў твой садъ пагулять;
Ня буду тваихъ я вишинъ щипать,—
Выщиплю, вылымаю виныградычку,
Панясу къ батюшки на парадычку:
— «А, батюшка мой, ти тутъ мнѣ жить,
Ти прочушки итить?»
— Живи, дѣтитка, живи, милыя:
Миски, латушки, ўсё клапатушки,
Дровы, лучина—ўсё кручина,
Гаршки, ложечки—да ўсё слёзычки!

(Отъ Лукерьи Бѣляёвой).

65 б).

(Д. Слобода, Смол. у.).

Вы падуйтя, вѣтры, мезу горъ далека,—
Вы няситя, вѣтры, майму батюшки вѣсти.
—Батюшка радимый,
Ти тутъ мнѣ жити, ти прочъ идити?
—«Дачушка, ли Бога, паживи нямнога,—
Паживи нямнога, падажди малога!»
—Батюшка радимый, ни па мнѣ гаворишъ!
Пакуль сонца взыйдить, раса вочи выбьитъ:
Пакуль малъ вырыстить, а я стара буду.

(Отъ Пелагеи Демьяновой).

65 в).

Листымъ дарожинька западала,
Листымъ шурокыя западала,
А я свайго батюшку ў гости ждала,
А я свайго роднинькаго ў гости ждала:
—«Пріѣдь, пріѣдь, мой родненькій,—не забаўся;
Пагляди, мой батюшка, майго горя!»
—Ты, дочка жъ, ты, мая дачушка,
Ты живи, да нарави, да здароўя биряги:
Якъ и Бохъ даў, якъ и Бохъ даў!

(Отъ Матрёны Антоненковой).

66 а).

Молодуха скинулась сѣрой зязюлей (кукушкой), прилетѣла въ отцовскій садъ, гдѣ ее увидѣли родные.

Атдаў мяне батюшка далече замужъ, (2)
Ни вялѣў мнѣ батюшка часта ў гости хадить.
Я семъ гадоў у батюшки ў гастёхъ ни была,
На восимый гадочикъ мнѣ сташнилыся,
А мнѣ къ свайму батюшки захатѣлыся.

Якъ скинуся я, молыда, сѣрыю зязюлію,
Палячу я, молыда, я ў батюшкинъ садъ,
Сяду я, молыда, я на яблынушку;
А батюшка родниинькій по саду ходить,
А большинькій брахнинька падъ ручки водить,
Сяредній брахнинька шляпушку носить,
А меньшинькій брахнинька ружейца носить:
—«Пазволь, пазволь, батюшка, зязюлю убить!»
—Ня бей, ня бей, дѣтитка, сѣру зязюлю:
Можа ета зязюля—наша горькая;
Кали наша горькая, ляти къ намъ на дворъ,
А ни наша горькая,—шуги ў луги!
—«Кали наша сястрица, ляти ў святлицу,
А ни наша сястрица,—шуги ў луги!»
Якъ стану я, молыда, думыть и гадать,
Думыть и гадать, куды мнѣ 'тлитать.

(Отъ Аўдули Гуковой).

66 б).

Калина зъ малиный въ адно время затвила,—(2)
Въ тую пару-времячко мяне мати радила,
Не наўчомши розуму, въ чужее люди атдала.
Не вялѣў мнѣ батюшка часта ў гости хадить,
Не вялѣў мнѣ родненькій часта ў гости хадить.
А на чатвёртый гадочикъ аднэй мнѣ сташнилыся:
Э, мнѣ къ сваяму батюшки захатѣлыся.
Какъ скинусь я, маладёшанька, сѣрый зязюлюй,
Палячу я, молыда, къ батюшки у дворъ,
Какъ сяду я, молыда, въ зиляномъ саду,
Въ зиляномъ саду, на яблынки,
Закукую, малада, слезна-жаластна:
А ў майго батюшки пиры пирують,
А ў майго родныга пиры пирують;
А родненькій батюшка по двару ходить,
А большенькій брахненька падъ ручку водить,
Сяреднинькій брахненька ружейца носить:
—«Убью, убью, батюшка, сѣру зязюлю!»
—Ня бей, ня бей, дѣтитка, сѣрый зязюли:
Ета ни какушенька,—ета гарькуша наша,
Атдадёная дѣтитка въ чужее люди.

66 в).

Была у батюшки одна дочъ на раду,
Атдаў мяне батюшка даляко замужъ,
Ни вялѣу мнѣ батюшка часта ў гости быть.
Ни была я годичекъ, ни была другей,
А на третій годичикъ мнѣ саскучилась.

Скинусь я, молыда, сѣрый зязюлей,
Палячу я, молыда, ў батюшкинъ садокъ,
А сяду я, молыда, я на вишинку:
—Ня скрипъ, ня скрипъ, вишинка: мнѣ й такъ лихинька!
Й-а гляну я, молыда, на батюшкинъ домъ:
Й-а роднинькій батюшка по двару ходить,
А большинькій брахнинька падъ ручки водить,
Сяреднинькій брахнинька шапычку носить,
А меньшинькій брахнинька съ ружейцымъ ходить:
—«Убью, убью, батюшка, сѣру зязюлю!»
—Ня бей, ня бей, дѣтитка, сѣру зязюлю:
Можа, сѣра зязюля—люба дочъ мая;
Кали дочка ты мая—хади ка мнѣ ў домъ,
Кали сѣра зязюля—шугі ў луги!
Й а скинусь я, молыда, сѣрый зязюлей,
Палячу я, молыда, шугі ў луги,
Й а сяду, я, молыда, я на кўпинку,
Я слёзками, молыда, луги потаплю,
Я жалыстью, молыда, лясокъ усушу!

67.

Мужъ не хочетъ отпустить молодуху къ роднѣ.

Пила бъ я, гуляла, да мнѣ не съ кимъ:
Вся мая радина на Украини.
—«Ай, ты, милинькій, дарагенькій,
Запряги мнѣ каня варанôга,—
Паѣду пу батюшку раднога!»
—Мая милая, дарагая,
Мнѣ табѣ каня ни ўпригати,
Табѣ батюшку ни сыскати!

68 а).

Дочка у отца дорогая гостья; отецъ покупаетъ коня и отвозитъ ее домой.

Тирязъ поля, полюшка
Сѣрыя гуси лятѣли, (2)
Литучи, гаварили
Пра салодкыю ягыдку.
Салодкыя ягыдка,
Што ў бару брушничушка,
Чорная чарничинька.
Дарагей жа гостичикъ,
Што дачка къ батюшки.
Дачка къ батюшки на дворъ,
Батька кубычки на столъ.
—«Ужъ ты пей, гуляй, дачка,
День да вечира ў мяне,—
Сы вечора да паўночи.»
—Ахъ, ты, батюшка радной,
Я бъ рада бъ гуляти:
У мяне коничекъ ня свой,
И павозничикъ чужей.
—«Я коника куплю,
И павозничка найму,
Дачку двору давязу.»

68 б).

(С. Радошково, Ельн. у.).

Баравая ягыдка,
Што ў бару брушничушка;
Дарагой гостичикъ,
Што дачушка ў батюшки.

Дачка къ батюшки на дворъ,
Батька кубычки на столъ.
—«Ты гастюй, гастюй, дачка,
Ты гастюй, зарянычка!»
—Я бъ и рада гастювать—
Мяне коничикъ ня свой (2)
И павощичикъ чужой.
—Ужъ я коника куплю,
Я павощичка найму;
Ужъ я буду гастювать
Цѣлый день да вечира
Въ свайго родныга батюшки.

69.

Дочка, незваная, идетъ на пирушку къ отцу.

У майго й батьки пьють,
И мяне ни завуть.
Якъ выду я ды на ганычки,
Якъ зайграю да ў дудычки,
Ти ни пазавуть!
Хвачуся я ўма:
Пайду я сыма:
—«Частуй, частуй, мой батюшка,
Ды я гостя твыя!»

70 а).

Дочка въ бурю - грозу не доѣхала до своихъ родителей, прислонилась къ сыру дубу, посылаетъ на родину вѣстника соловья съ вѣстями о своемъ тяжеломъ положеніи на дальней чужой сторонушкѣ.

Зъ-за лѣсу, лѣсу темныга
Нахадила туча грозная,
А другая нипагодливая.
Въ тую пару, ў тоя времичка,
Дачка къ батьки ў гости ѣхала,
Ина ѣхала, ни даѣхала,
Сярёдъ лѣса станавилася,
Къ сыру дубу присланилася
И съ сылыўями думу думала,
И зъ маладыми разгаваривала.
—«Ты ляти, ляти, салоўюшка,
На маю радимую старонушку,
Няси, няси, салоўюшка,
Майму батюшки низкой паклонъ,
А матушки челобетчика!
То-та горюшка-няволюшка,
Чужа дальнія старонушка:
Пасылають мяне, молыду,
Скрозь ночку ў Дунай по ваду,
И халодную, и галодную,
Ни прибутую, ни придѣтую!»

70 б).

(С. Каблуково, Красн. у.).

Дочка ѣхала—не доѣхала домой, посылаетъ къ родителямъ соловья съ поклономъ и съ извѣстіемъ, что ей живется плохо.

Ахъ, зъ-за лѣсу, лѣсу, зъ-за тём-
ныга,
Ахъ, зъ-за садику зялёныга,
Выхадила туча грозная,
А другая нипагодливая,
А третія са снѣгами, са марозами.
Пагодушка разбиралася,
Дачка къ матки сабиралася,
И на дабра каня садилася,
Сярёдъ лѣсу станавилася,
Къ дубчику прикланилася,
Съ салаўями думу думала:
—«Салавей ты мой, салоўюшка,
Салавей мой, вольна пташичка,
Ты жъ ляти, ляти, салоўюшка,
На маю дальню старонушку,
Ты паклонься майму батюшки,
Сударыни маей матушки.
Што няволюшка—баярьскей домъ:
Пасылають мяне скрозь ночиньку
Въ Дунай па ваду;
А я, молыда, замѣшкалася:
Лятѣли гуси-лебеди,
Охъ, змутили ваду свѣтлую».

70 в).

(С. Дунаево, Бѣльск. у.).

О зъ-за лѣсу, лѣсу тёмнывa,
Зъ-за садику зелёныва,
Захадили тучи грозныи,
А другіи нипагодливыи,
Са дажжами са марозами,
Са снигами са глыбокими.
Собиралась дочка къ матири,
На худинькый лашадёнычки,
На навозный тиляжёначки,
На ралейнымъ хаматёнычки.
Ина ѣхала, ни даѣхала,
Сиредъ лѣсу станавилася,
Ки дубику прикланилася,
На дыбу сидить салоўюшка,
Съ салавьями выгаваривалась:
—«Салавей жа мой, саловьюшка,
Салавей мой, вольная пташичка,
Ты лити-ка, мой саловьюшка,
На радимую старонушку,
Къ майму батюшки ва широкій домъ,
Къ маей матушки во зилёный садъ,—
Ты скажи-ка, мой саловьюшка,
Майму батюшки чилабитика,
Родный матушки низкой паклонъ».

71.

(С. Даньково, Смол. у.).

Маленькая пташка, уплывающая по озеру; дочка, далеко отданная замужъ и не навѣщаемая родителями.

Охъ, и што жъ то за пташка,
Што па возиру плыветь?
  Охъ и люлюшки, люли,
  Што па возиру плыветь?
Сама жъ ина малёшенька,
Крылышка быстрёшинька.
Охъ, и што жъ то за батюшка,
Што далеча атдаеть,
Атдаеть маладу
На чужую старану;
Атдаўши мыладу,
Ни спратвѣдаить мяне!

72.

(Къ Могилевской губерніи).

На сухомъ деревцѣ Богъ листьевъ не далъ,—батюшка далеко отдалъ дочку замужъ.

Якъ пайду я, молыда, кыла лѣсику,
  Гей, гей, кыла лѣсику,
Паслушаю, молыда, што лѣсъ гаварить:
На сухомъ то дериўцы Богъ листоў ни даў,
Ахъ, да мяне батюшка даляко замужъ атдаў,
Даляко, далеча семьсотъ за Маскву.
  Гей, гей, семьсотъ за Маскву.

73.

Молодуха наломала смородины: свекоръ жалѣетъ смородину, отцу жалко дочери.

Какъ пайду я па лужочку,
Па крутинькамъ биряжочку;
Налумаю смародины,
Ня чорный, а зялёный,

Панясу я на батькинъ дворъ,
Кину-брошу сярёдъ двыра,
Сама пайду паслухаю,
Што мой батюшка гаворить:
Ти мене, младу, жалѣить,
Ти смародину зелёну.
—«А свѣтъ мае дитятища,
Што ено рана зануждона,
Въ чужея люди атдадёна!»
Какъ пайду я па лужочку, и проч.
Панясу я на свёкырыў дворъ, и проч.
Што мой свёкырька гаворить, и проч.
—«А свѣтъ мая смародина,
Што ина рана палумàна
И па двару раскидана!»

74.

(С. Самохотовка, Смол. у.).

Дѣвица упрашиваетъ отца не жениться, не брать въ домъ лихой мачехи.

Ахъ, вы, ночи мае, ночи тёмныя,
Я ўси ночи пирясѣдѣла,
Уси думы пирядумала,
Адна жъ то дума ня йдеть съ ума, съ розуму—
Пра сваю старонушку.
На маей старанѣ, на маимъ падворьики,
Тамъ стаить висакой тярёмъ;
У тымъ тирямѣ живеть сударь батюшка;
Пирядъ имъ стаить красная дѣвушка,
Ина стаить, сильна плачить узрыгаючи,
Сваего батюшку упрашаючи:
—«Ни жанись, ни жанись, сударь батюшка,
Ни бяри лихей мачихи:
Лихая мачиха бизъ агня пякёть,
Бизъ агня пякёть, бизъ полыми!»

(Отъ Ѳедосьи Максимовой).

ж) Мать и дочь.—Мачеха.

75.

У воротъ озеро, на немъ селезни; дѣвица просится у матери погулять, посмотрѣть на селезней (добрыхъ молодцевъ).

Какъ у нашихъ у варотъ,
Какъ у нашихъ ширакихъ
Улица шурака, озера глубака.
Па томъ па озеру три силязни плывуть,
Три силязни плывуть три касастые.
Завидѣла дѣвица съ высакòга терима,
Падъ вакошечкымъ сѣдючи, шуринычку шiючи.
Прасилася дѣвица у матушки пагулять
На силизня пасматрѣть.
—«Дочерь мыя умная, дочирь мыя разумная,
То ня сизы силязни, то добрые молыдцы!»

76.

Дѣвица проситъ свою мать, чтобы она выдала ее замужъ не за стараго и не за малаго, а за ровнаго мужа.

Охъ, ты, бѣлая кудрявая бярёза,
Проти сонца на холыди стыяла.
А тамъ матка съ дочкый размуўляла,
Размуўляла сударыня, размуўляла:
—«Ни 'тдавай мяне, мати, за старога:
А я съ старенькимъ ночку нучувала,—
Какъ мядьвѣдица ў мярлоги пралижала,
Пралижала, сударыня, пралижала!»
Охъ, ты, бѣлая кудрявая бярёза, и проч.
—«Ни 'тдавай мяне, мати, за малога:
А я съ маленькимъ ночку нучувала, и проч.
Охъ, ты, бѣлая кудрявая бярёза, и проч.
—«Ни 'тдавай (sic) мяне, мати, за раўнога:
А я съ роўненькимъ ночку нучувала,—
Слоўна барыня ў пярини пралижала,
Пралижала, сударыня, пралижала!»

77.

По просьбѣ дѣвицы, мать ея даетъ нелюбу хлѣба пушнаго, воды болотной, а милому—хлѣба чистаго, воды криничной.

Въ лóзѣ, матушка, сылавей свищеть;
Сылавей то, мыя матушка, ни салавеюшка,—
Мой нялюбъ плачить, пить и ѣсть просить.
Дайтя яму, матушка, хлѣба пушнага,
Хлѣба пушнага, вады балотнэй,
Вады балотный, падкалодный!
У лози, матушка, сылавей свищеть,
То, мыя матушка, ни салоўюшка,—
То, мыя матушка, мой милóй плачить,
Мой милой плачить, пить и ѣсть просить.
Дайтя яму, матушка, хлѣба чистыга,
Хлѣба чистыга, вады крынишный!

78.

(С. Пречистое, Духовщ. у.).

Мать хочетъ разлучить дочку съ милымъ дружкомъ.

У цистомъ поли, при ў далини рябина стыяла,
Падъ той жа падъ рябиницай дяўчоначка гуляла,
Дяўчоначка гуляла, рябину лумала.
За ей ходить, (2) за ей бродить удалой малойчикъ;
Іонъ и ходить, іонъ и носить кумачъ и китайку.

Кумачу я ни хачу, китаичку вытку.
Мяне мати дамой заветь вадицу насить, зъ милымъ разлучить.
—Пей, мати, тую воду, што я нанасила;
Частуй, мати, тога зятя, што я палюбила.
—Буду, буду ваду пить, буду праливать;
Буду зятя цистувати, дачку праклинати.

79.

Дѣвицу отдаютъ замужъ въ далекую сторонушку; печальная разлука дочери съ матерью, какъ тѣла съ душой.

Гарямышная кукуша, (2)
А ина день-ночъ какуить,
Сабѣ гнѣздичка гатуить,
Ина гатуить, ни чимъ ни сгатуить.
Разнищасная дяўчонка,
А ина день-ночъ плачить,
Даляко замужъ заходить,
За три новы гарадочки,
За чатвёртый низнакомый,
Што нихто туда ня ходить,
Што нихто туда ня ѣздить.
Залятѣли да три галубочки,
Яны сѣли на новымъ крылечки,
Ины прамовили дѣўки, дѣўки славечка.
Якъ душа съ тѣлымъ разстряётца,
Такъ дачка атъ матки астаетца.

80.

(Къ Могилевской губерніи).

Если бы мать посѣтила дочку—день и ночь говорили бъ онѣ и не наговорились о домашнихъ заботахъ.

Дума жъ мыя, дума!
Кабъ къ маей думѣ
Да мыя мамычка ка мнѣ,
Гаварила бъ я зъ ёю
Весь день зъ начою:
— «Мамычка мыя,
Парай мнѣ раду,
Якъ мнѣ жити
И мужу наравити,
Мужу наравити,
Дятей гадувати!»
— Гарюй, дачка, горя;
Нарави мужу,
Якъ наравила;
Гадуй дятей,
Якъ гадувала...

81.

Своя родня ходитъ по лугу среди калины-малины и не заходитъ къ молодухѣ. Въ горѣ молодуха, скинувшись птичкой, садится перемѣнно на липѣ, елкѣ и соснѣ; ихъ скрипъ еще увеличиваетъ тоску ея: тугою лѣсы усушила, слезами луги утопила.

А ў лузи калина,
А ў лузи малина,
А ўвесь лухъ акрасила.
Кала тэй калинѣ,
Кала тэй малинѣ,
А ўсё стежки-дарожки.
А па тыхъ жа стежкахъ,
Па тыхъ па дарожкахъ,
Тамъ мой батюшка ходить,
Тамъ мой радимый ходить;
Туды-сюды ходить,
Туды-сюды ѣздить,
А ка мнѣ не заходить,
А ка мнѣ не заѣздить.

А ти я жъ дужа бѣдна,
Ти я нипривѣтна,
Што ка мнѣ ни заходить,
Ка мнѣ ни заѣздить?
  А ў лузи калина, и проч.
Тамъ мыя матушка ходить,
Тамъ мыя радимая ходить,
Туды-сюды ходить, и проч.
  Палячу я, молыда, шуги ў луги;
Якъ сяду я, молыда, я на сосанку:
—«Ня скрипъ, ня скрипъ, сосынка,—
Мнѣ и такъ тошнинька!»
Якъ сяду я, молыда, я на липинку:
—«Ня скрипъ, ня скрипъ, липинка,—
Мнѣ и такъ лихинька!»
Якъ сяду я, молыда, я на ёлушку:
—«Ня скрипъ, ня скрипъ, ёлушка,—
Мнѣ и такъ горюшка!
Я сваею тугóю лясы усушила,
Я сваими слёзкыми луги утапила!»

82.

(С. Каблуково, Красн. у.).

Дочка провожаетъ гостившую у нея мать и долго сидитъ подъ яблонкой „печалью прикошена", „слезами прирошена".

Ты, сонца маё, сонца жаркыя,
Чаго рана за лѣсъ котисься?
Въ мяне ў гостёхъ родная матушка.
Сонца за лѣсъ закатилася,
Мыя матушка атгастилася.
Праважу я сваю матушку
Чиризъ три поли широкія,
Чиризъ три мори глыбокія,
Чиризъ три лясы тёмныя;
Сама сяду я падъ ябланкай,
Сама сяду падъ кудрявую,
Ти ни глянить мая матушка.
Аглянулась мая матушка,
Аглянулась гасударыня:
—Чяму сядишъ, маё дѣтитка?
Ти касою ты прикошена,
Ти расою ты прирошена?
—«Ни касою я прикошена,
Ни расою я прирошена:
Прикошена я пичалію,
Прирошена гарячми слезми!»

83 а).

Долго мать не видала замужнюю дочку, потомъ навѣщаетъ ее и спрашиваетъ, куда дѣлась краса ея и добро ея.

Ахъ, и 'тдаў мине батька
Да и далечинька замужъ,
  Ахъ и люлюшки люли,
  Да и далечинька замужъ.
Ня хадила дачка къ матки
Роўна, роўна три гадочки;
На чатвёртый гадочикъ
Пашла мати къ дочки ў гости.
—«Ты, дачка мыя, дачушка,
Ну, йдѣ жъ твыя краса дѣлась?»
—Ахъ, ты, мати мыя, мати,
Якъ ты хоча, мать, пытати?
Ахъ, будишъ, мати, плакать,
Якъ я буду казати!
А йдѣ жъ мыя краса дѣлась—
Въ нялюбыга ў нарави!
—«Ты, дачка мыя, дачушка,
А йдѣ жъ твыя руса коса?»
—Ахъ, ты, мати мыя, мати, и проч.
А йдѣ жъ мыя руса каса—
Въ нялюбыга пыдъ нагами!
—«Ты, дачка мыя, дачушка,
А йдѣ саяны заламаны?»
—Ахъ, ты, мати мыя, мати,
Якъ ты хоча, мать, пытати?
Ти ня будишъ, мати, плакать,
Якъ я буду казати?
А саяны заламаны
Всё ў жидовычки ў ранди!

(Отъ Матрёны Антоненковой).

83 б).

Спустя три года послѣ свадьбы, дочка приходитъ въ гости къ матери, и оказывается, что ея крали, шубы, жупаны—все въ закладѣ.

Не была дочка у матки
Роўна три гадочки,
На чатвёртый годъ
Дочка къ матки ѣдить.
—«Ахъ, дочка, ты дочка,
А йдѣ жъ тваи крали?»
—Ахъ, мати, мати,
Ахоча ты пытати!
Крали, сарахваны
Въ шинкаркѣ ў закладѣ!
—«Ахъ, дочка, ты дочка,
А йдѣ жъ тваи шубы?»
—Ахъ, мати, ты, мати,
Ахоча ты пытати!
А шубы да жупаны
Въ шинкаркѣ ў закладѣ!

84 а).

Мать провожаетъ дочку за лѣсъ; остановилась и прислушивается къ ея грустной пѣснѣ или плачу.

Справажу дачку сваю
Я за щирый боръ,
Сама стану—паслухаю,
Якъ салавейка пяёть:
А якъ маё дитятушка
На чужей старанѣ.

84 б).

Справажу дачку (2) я зарянычку, я за тёмный лѣсъ;
Справадёмши дачку я зарянычку, зарянычку я й паслухаю.
Думала, дачка да зарянычка пѣсинки пяеть,
Ажъ ужъ жа дачка да зарянычка слезнинька плачить.

85.

Собиранiе ягодъ для своихъ родителей и для свекора со свекровью.

Хажу млада по бару, сильны ягыды бяру,
Салоўюшка чокъ, малоденькiй чокъ, чокъ, чокъ;
Я бяру, бяру, бяру, я ни знаю я каму:
Ти батюшки родныму, ти свёкыру лютóму.
Батька ягыдъ ня любить, мяне, младу, галубить,
Свёкыръ ягыдъ любить, мяне, младу, пажурить.
Хажу млада по бару, сильны ягыды бяру, и пр.
Ти матушки родненькiй, ти свякрови лихенькiй.
Матка ягыдъ ня любить, мяне, младу, галубить;
Свякрова ягыды любить, мяне, младу, пажурить.

86 а).

Отецъ, мать и мачеха. Мачеха посылаетъ красну дѣвицу на високъ теремъ постелю стлать.

Харашо таму на свѣти жить,
У каго iость атецъ, матушка,—
У мяне, молыдѣ, лиха мачиха.
Пасылаеть красную дѣвушку
На високъ теримъ пастелю слать.
А ўжу на дварѣ ни ранинька,—

Красный дѣўки съ терима нѣту;
А ўжу на дварѣ къ абѣду йдеть,—
Красна дѣўка съ терима йдеть;
У яе глазаньки заплаканы,
У яе личинька замарана,
У яе косынька й усклычана.

86 б).

Мачеха посылаетъ сироту на высокъ теремъ постелю стлать тремъ князьямъ, тремъ полковничкамъ.

Харашо таму на свѣти жить,
А ў каво жъ та й атецъ, матушка,
А у мяне жъ то лиха мачиха:
Пасылаеть мяне, молыду,
На високъ тярёмъ пастелю слать
А трёмъ князимъ, трёмъ палкоў-
ничкымъ.
Ай на дварѣ питухи пяють,—
Красный дѣўки съ терима нѣту;
Ай на дварѣ заря бѣлая,—
Красный дѣўки съ терима нѣту;
Ай на дварѣ люди гўтырють,
Красна дѣўка съ тирима идеть, 2
Твѣтна платьика разорвана,
Русыя косынька растрёпана,
Ясныя глазынки заплаканы, 2
Бѣлыя руки пасащипыны, 2
Залотыя перстни пуўпаломыны.

з) Мать и сынъ.

87.

Молодецъ одинъ съ конемъ и соколомъ ночуетъ подъ дубомъ, и его убиваетъ обломившаяся верхушка дерева.

Адинъ я пы дароги ѣду,
Са мною тыварыша нѣту,—
Тыварышъ коникъ вараненькій,
На рукѣ саколе ясненькій,
На рямни хортичикъ лютенькій.
Абняла мылыйца да тёмная ночка.
Якъ стаў молыдицъ думати-га-
дати,
Идѣ ночку нучувати:
—Ляжу, молыдицъ, я пыдъ сы-
рымъ дубымъ.
Аткуль узялись да буйные вѣтры,
Сырвали са дуба вярьхушку,
Прыламили молыйцу макушку.
Не пава по пылю летала,—
Матушка сыночка искала,
Ищучи, поля прыклинала:
—«Кали-бъ ета поля запрыпала,
Якъ майго сыночка не стала!»

88.

Молодецъ умираетъ отъ любви; по совѣту матери, чтобы залучить любимую дѣвушку, велитъ онъ выкопать поочередно криницу въ своихъ воротахъ, потомъ баню, церковь, а дѣвица не идетъ; онъ притворяется умершимъ: пришли люди мертвеца глядѣть, пришла и любимая дочка вдовиная.

—Умру, умру, мыя матушка, умру, жиў ня буду--2
Тирязъ тую любимую дачку удавиную!
—«Не ўмирай-ка, мой сыночикъ, не ўмирай, дитятка!
Выкапаимъ крыничиньку у сваихъ варотыхъ:
Будуть люди прихадити, вадицу черпати,—
Ти ня придеть любимая дачка ўдавиная».
Пупришли добрыя люди, вадицу черпали,—

Аднэя нѣту любимыя дачки ўдавиныя.
—Умру, умру, мыя матушка, и проч.
—«Мы выстрыимъ банюшку проти свайго двыра:
Папридуть добрыя люди у банюшку мытца,—
Ти ня придеть любимая»... и проч.
—Умру, умру, мыя матушка, и проч.
—«Мы выстраимъ церькыўку сирядѣ свайго двыра:
Будуть люди прихадити Божиньку малитца,—
Ти ня придить любимая»... и проч.
—Умру, умру, мыя матушка, хуть на адинъ часочикъ:
Папридуть добрыя люди мертвица глядѣти,—
Ти ни придить любимая дачка ўдавиная?
Папришли добрыя люди мертвица глядѣти,—
Пришла, пришла любимая дачка ўдавиная:
Якъ ускочить мой сыночикъ съ лаўки на землю...
(Отъ Матрёны Григорьевой).

89.

Дѣвица умираетъ отъ любви къ казаченьку, а онъ, расчесавъ кудри, пошелъ на рѣку и утонулъ.

—Умру, матушка!
—«Не ўмирай, дитятка!»
—Иди-ка привяди,
Каго я вѣрна люблю.
Люблю я казаченьку,—
Чешеть казакъ кудерьки,
Разчесаўши іонъ кудерьки,
На быстрў ряку пашолъ;
На той рѣчушки пиряходу нѣтъ:
Утанулъ казаченька.

Завидѣла дѣвица
Зъ висакога терима;
Заплакала дѣвица:
—«Вымый, вымый рѣчушку
Да жолтага песка!
Какаво табѣ, рѣчушка,
Безъ крутога берижка;
Такаво мнѣ, дѣвицы,
Безъ милыга безъ дружка.»

90.

Мать женила насильно сына, потомъ сдѣлалась врагомъ невѣстки: по ея вліянію, сынъ жестокими истязаніями доводитъ до смерти жену.

Мати сына нáсильмя жанила;
У пиръ пышла, нявѣстку асудила,
Съ пиру пришла, сына й научила:
—«Вазьми, сынку, ряменныя вожки,
Звяжи жанѣ бѣлы руки й ножки,—
Привяжи жану къ тисовой крывати!»
Сы вечера кырывать скрипѣла,
Сы палунычи пужинька звизжѣла,
Ки бялу свѣту жанѣ души нѣту.
Люта свякроў пы сѣнюшкахъ ходить
И малютычку на рученькахъ носить:
—«Ты ўстань, нявѣстка, ты ўстань, милая,—

Пакарми сваё дитя малоя!»
А мужъ па дворику ходить,
Да на матку гаворить:
—«Табѣ, мати, съ-пыдъ кнута ни встати,
А мнѣ, малайцў, Сибирь ни минути!»

91.

(С. Полуево, Росл. у.).

Сынъ укоряетъ мать, что женила его на дѣвушкѣ не по его нраву.

Хадиў-гуляў добрый молыдицъ
Па тёмнымъ лясочку,
Приблудиў добрый молыдицъ
Ки бѣлый бярёзи, къ зялёныму дубочку.
На томъ дубочку какушичка какуить.
— Какушка, какушка, лисавая птушка,
Пакажи ты мнѣ, какушка, путь—дарожку,
Пишаходную стёжку:
—Вѣкъ свой литаю, дарожиньки ни знаю,—
Усе на поля вылитаю.
Якъ удариўся буйный молыдицъ
Абъ сыру мать-зямельку:
—«На што мяне матушка на горя радила,
Малалѣтнига жанила,
Горькый долій надялила!
Ина ўзила мнѣ жанушку,
Ни па 'быччику майму,
Ни па розуму свайму:
Ина пастелюшку стелить,—
Тижалешинька ўздыхаить;
Ина ўзгалоўика ўскладаить,—
Ина слязнёшинька плачить».

92.

(С. Пречистое, Дух. у.).

Мать разлучаетъ дочку съ сосѣдскимъ сыномъ.

Соньца ясная, дѣўка красная,
Ты чаво, дѣўка, вячоръ плакала, горя мыкала?
—А какъ жа мнѣ, дѣвицы, ды ни плакати?
Ни пускаить мати дый на вулицу,
Ни вялить глядѣть на сусѣдній дворъ;
А сусѣдыў дворъ—сахута мая,
А сусѣдній сынъ—то душа мая,
Душа ягыда винаградная,
Винаградная нинаглядная:
Сукрушиў маю буйну голаву,
Усушиў маё ретиво серца.

93 а).

Мать не женитъ сына, а отдаетъ его въ военную службу.

Задумала матушка сыночка свайго жанить,
А посли раздумала гасударю паслужить.
—«Вярнись, вярнись, мой сынокъ, варатися ты назадъ!»
Ни вярнуся, матушка, ни вярнуся, родная:
Тяперь воля ни мыя, тяперь служба царская,
Воля царская, служба гасударская!

Дажидай-ка, матушка, черизъ тридцать три гады,
На тридцать чатвертый годъ саколикымъ прилячу:
Икъ сяду я, матушка, на краснымъ крутымъ вакнѣ,
Икъ сяду я, родная, на красныпъ крутымъ вакнѣ...

93 б).

(С. Радошково, Ельн. у.).

Ай, лѣсъ лѣсу клонитца,
Да макушички ломютца.
А сынъ матки молитца,
Низёшенька клонитца:
—«Ажани мяне, матушка,
Ажани, гасударыня;
А ня женишъ мяне, матушка,—
У службу атпусти;
Закупи мнѣ, матушка,
Да три трубы мидяныя,
Чатвёртаю золыта:
Я ў первыю затрублю,
Коника сидлаючи;
У другую затрублю,
Сы двара саѣзжаючи;
У третію затрублю,
Падъ войскъ падъизжаючи;
У чатвертую затрублю,
Сиряди войска стоючи!
Заслышала матушка,
У заутрени стоючи:
—Ти й ни маё дѣтитка
У трубушку трубить?
А вялѣй бы я, молыда,
Свайго сына жанила,
Чимъ у служебку атдала!

93 в).

Лѣсъ лѣсу клонитца, да макушичка ломитца.
Завидѣла матушка зъ висакаго терима:
—«Ти ня мой жа ета сыночекъ
Да ў три трубы мидяны играить?»
—А ў первую зайграю—коника абратаю,
А ў другую зайграю—коника асидлаю,
А ў третьтію зайграю—съ маменькыю пращаюсь,
А ў чатвёртую зайграю—на каня сажусь!

94.

Молодецъ совѣтуется съ матерью и конемъ, жениться ли ему.

Зялёный дубочикъ, куда нахинуўся,
  Куда й нахинуўся?
Удалэй малойчикъ задумаў жанитца:
—«А, маменька мыя, пазволь мнѣ жанитца!»
—А, сынка мой, сынка, сынка мой, Василька,
  Сынка й мой, Василька,
Спраси-тка ты, сынка, у каня варанога!
—«А, ко̀ня мой, коня, пазволь мнѣ жанитца!»
А коникъ ня мовить, капытымъ шаволить.
—«А што табѣ, коня, да што табѣ тяжка:
Ти мыя сермяжка, ти мѣдныя гроши,
Ти мѣдныя гроши, ти парень харошій?»

—Ни тяжка, ни тяжка мнѣ й твыя сирьмяжка,
Ни твыя сирьмяжка, ни мѣдныя гроши,
Ни парень харошій,
А тяжка мнѣ, тяжка частыя запряжка,
Нычная паѣздка:
Ноччу паизжаить, карчмы ни минуить.
Ай, табѣ жъ то, млайцу, мёдъ-вино ня пьетца,
Охъ, и мнѣ жъ то, каню, сѣна ни кладетца;
А ты жъ то й ляжишъ да ны мяккій ложи,
А мяне жъ то пустишъ да ў чистыя поля.
А ў лѣси, ў лѣси сѣры ваўки выють,
А ў мяне жъ то, кони, сярдечушка ныить,
Сярдечушка й ныить.

(Отъ Ѳеклы Боборычихи).

95.

Сынъ уходитъ въ военную службу,—матери остается въ утѣшеніе дочь.

Па гародамъ ай да твили маки,
Па дарогамъ ай да шли салдаты.
Мати сына, сына сустрѣкала,
Ина сустрѣўши, ина узнавала,
Ина узнаўши, къ сабѣ дамой звала:
—«Хади, сынка, мой сынка, да дому:
Змыю, сынка, я табѣ галоўку,
Расчашу, сынка, я табѣ кудри!»
—Ни пайду, мати, я къ табѣ да дому:
Іость у тябе, мати, нѣга—дачушка,—
Змый-ка, мати, ей буйную галоўку,
Расчаши, мати, ты ей русую косу!

96.

Одинъ сынъ у матери пошолъ въ солдаты; по возвращеніи его мать клевещетъ на невѣстку; сынъ вѣритъ ей и убиваетъ жену, но, убѣдившись въ неправдѣ, проклинаетъ мать.

А я адинъ былъ сынъ у матушки,—
И таго атдали ў салдатушки.
А я годъ служить и другей служить,
А на третій годъ іонъ дамой идёть;
Яго мать стрѣла сярёдъ вулицы,
А сестра стрѣла на крылечушку,
Маладая жена ў новый горенки.
Якъ и стала жъ то мать сыну жалитца:
—«Охъ, ты, сынъ мой, сынъ, сынъ излюбленный,
А твыя вотъ жена за гульнёй пашла,
Вароныхъ каней всѣхъ распродала,
Сладкея мяды ўсѣ пыразлила,
Зиляныя сады ўсѣ паизсушила!»
Якъ узялъ жа сынъ востру шабельку,
Якъ снялъ жа жанѣ съ плечъ галовушку.
Якъ пашоў жа сынъ да ў канюшенку:
Вароные кони ўсѣ на стойли стыять,

Сладкія мяды ў новый горенки стыять,
Зиляныя сады ўсѣ расцвёўши твитуть...
—«Охъ, мать мыя, ты—не матушка,
А ты іость мнѣ, мать, ты—лютая змѣя:
Но я двѣ души да я загубилъ,
Ну а третію асиратилъ!»

98.

(Д. Слобода, Смол. у.).

Мать отпускаетъ сына на полную свободу; онъ соскучился на чужой сторонѣ и возвращается.

Мать сына парадила,
На коника узсадила,
Сыну волюшку дала:
—«Гуляй, гуляй, мой сынокъ,
Въ маёмъ зелинымъ саду!
На маёмъ дабрымъ каню,
Чиркасьскыя сядельца,
Сяребрины стрўмина,
Пазалочина вузда,
Шаўкòвыя уплётычки».
Якъ паѣхаў мой сынокъ,
Іонъ нямножка пагуляў.
Захатѣлыся заснути,—
Іонъ нямножичка васнуў,
Многа ў ва снѣ видаў.
Худа жить-быть малайцу
На чужой на старанѣ
Ядиныю галавой—
Варачуся я дамой.

(Отъ Абрама Сиваёва).

99.

(Д. Холощово, Красн. у.).

Мать вооружаетъ сына противъ невѣстки; онъ истязаетъ жену до смерти, сиротитъ малое дитя.

Мати сына, сына пырадила,
Спарадёмши, сына ажанила.
У пиръ пышла—нявѣстку судила,
Съ пиру пришла—сына навучила:
— Иди, сынокъ, у новыю клѣтку,
Вазьми, сынокъ, ряменную плетку,
Вучи жану зъ вечира да свѣту.
Са вечира камора стучѣла,
А ки свѣту нагайка звизжѣла,
А ки свѣту—ў жаны души нѣту,
Малò дитя ў кылыбели плачить.

(Отъ Маріи Кравцовой).

100.

Сынъ прогоняетъ со двора родную мать, потомъ, когда несчастье у него случилось, посылаетъ за нею. (Срв. стр. 222 № 21).

Гомынъ, гомынъ на вулицы:
Сынъ зъ маткыю бронитца,
Іонъ бронитца, супоритца:
—«А йди, мати, далоў съ двыра:
А ты ўже мнѣ наскучила,
Жану маю пагудила,
Дятей маихъ панудила!»
Пышла мати заплакаўши;
Пéряшоўши полюшка,
Ина стала, паслухала:
Ти ни шумить дубровушка,
Ти ня стогнить дароженька,
Ти ня бягить пагонюшка.
Шумить, шумить дубровушка,
Стогнеть, стогнеть дароженька,
Бягить, бягить пагонюшка:
—«Вярнись, мати, назадъ дамой:
Въ мяне дома бѣда сдѣялась:
Мыя жина дочъ приспала,
Вароный конь на стойли ўпалъ!»

и) Братья.—Братъ и Сестра.

101.

Друзья не приходятъ на помощь къ потопающему,—спасаетъ его родной братъ.

Якъ жили-были да два браты,
Адинъ былъ бага́тэй, другѐй бѣдный.
Быгатыга брата пирушки-гулюшки.
Якъ пайду, братецъ, у лясочикъ,
Якъ высѣку, братецъ, чаўначочикъ,
Якъ пущу, братецъ, пу Дунаю;
Пу Дунаю вѣтеръ пудумаить,
Чаўначочикъ выда набиваить,
А я, добрый маладецъ, патонаю,
Я къ сабѣ на рятунучку гукаю.
Друзьё-побратимы па бережку ходють,
Мяне жъ то, молыйца, не рятують.
При винный жа чарѣ друзьёў многа,
При злэй жа гадинѣ нѣтъ никога!
Аткуль узялся жа родный братецъ,
Па шеюшку въ воду паступаеть,
Шаўковый шнурочикъ закидаеть:
—«Бярись-ка, мой братецъ, за шнурочекъ,
Хади-тка, мой братецъ, да на биряжочекъ!»

102.

(С. Лѣтошники, Росл. у.).

Братъ убиваетъ брата изъ ревности къ дѣвицѣ.

У полѣ стаить три дуба,
Падъ тѣми дубами стаить три дома,
А ў тыхъ жа дамочкахъ стаить три палки салдатъ.
У первымъ палку кони зарзали;
У другомъ палку братъ брата убиў,
Братъ брата убиў, галоўку срубиў.
Срубёмши іонъ галоўку, сталъ письмо писать,
Сталъ письмо писать, да матушки слать:
—«Прибудь, прибудь, матушка, сына хувать,
Аднаго хувать, другога карать!»
Пріѣхала матушка сына ховать,—
Аднаго ховати, а другога карати.
—«За што жъ ты, сыне, братъ брата убиў?»
—Служили жъ мы, матушка, ў адномъ палку,
Любили жъ мы, матушка, дѣвушку адну.
Вароненькій коникъ на ножку ступилъ,—

Я жъ яму, матушка, галоўку срубилъ.
Кукала зязюля, барами литучи;
Плакала матушка, сына винючи.

103 а).

Братъ не принимаетъ сестру голодную и холодную, за что Богъ его караетъ несчастьемъ въ домѣ и хозяйствѣ. (Срв. стр. 353 № 100).

Во и ў поли, при ў дарози,
Сядить братъ съ сястрою.
А братъ сядить, листы пишить,
Систра шіить, вышиваеть,
Слеза слезу пашибаеть:
—«Охъ, ты, братецъ, мой братецъ,
Во й адна насъ мать радила,
Да не адну намъ долю дала: [1])
Табѣ дала пару коній,
А третію каровычку,
А мнѣ дала иголычку,
Нисчасливый заработыкъ!
Ты, братицъ, быгатый,
А я, систра, мизэрная.»
Пышла систра къ брату въ гости;
—«Вярнись, сестра, назадъ дамой:
Мянѣ дома бѣда стала:
Братъ сядить, въ акно глядить:
—«Примай, жана, хлѣбъ-соль съ стала:
Идёть сестра галодная,
Галодная й халодная!»
Сестра ета услышала,—
Сярёдъ двара варатилася,
Ишла поля и другоя,
На третьимъ астанавилася:
Ти ни шумить дубровушка,
Ти ня стогнеть дароженька,
Ти ня гонить пагонюшка.
Шумить, шумить дубровушка,
Стогнеть, стогнеть дароженька,
Гонить, гонить пагонюшка:
—«Жана мыя дочь приспала,
Варо́ный конь на стойли ўпалъ!»

103 б).

(С. Крутиловка, Ельн. у.).

У лѣсѣ сасна калыхалыся, 2
Сестра къ брату сабиралася
Ѣхать поля и другоя;
Стукнуў, грюкнуў у варотики,
Стукнуў, грюкнуў у тисовыя.
Охъ, и братъ сядить, у вакно глядить, 2
—«Сабирай, жина, ты хлѣбъ и соль,
Сабирай, жина, ложки, миски ў столъ:
Идёть сестра галодная,
Идёть сестра й халодная!»
Сестра ета да заслышала:
Завратя каня, ина далоў съ двыра.
Якъ пашоў жа братъ на канюшенку,
У са стойла жирябецъ упалъ,
Малада жина дочь приспала,—
О тады жъ то братъ удагонь пабижаў:
—«Варатись, систра, ты, Масеевна:
А ня поля насъ да присѣина [2]),
А ня полюшка ў насъ да присѣина:
Ты у мяне, ахъ, и я у тябе!»
—А спасиба, братъ, слова вѣдала:
Я сѣла дома, да па'бѣдала!

---

[1]) Вар: Не адну долю надялила.
[2]) Народная поговорка, означаетъ: не много насъ,—надо любить другъ друга.

103 в).

Дарогаю шурокыю, дубравыю зялёнаю,
Сестра къ брату въ гости шла,
А братъ сядить, въ акно глядить.
—«Примай, жина, хлѣбъ соль съ стыла:
А йдёть систра галодная й халодная,—
Паѣсть нашу всю хлѣбъ и соль!»
Сестра ета дачулася и назадъ вярнулася.
Идёть поля и другоя,
На третіе вступаючи.
Якъ стала ина, паслухала:
Ти ни шумить дубровушка,
Ти ня стогнить дароженька,
Ти ня гонить пагонюшка.
Шумить, шумить дубровушка,
Стогнеть, стогнеть дароженька,
Гонить, гонить пагонюшка,
Пагонюшка вяликая:
А братъ сяструу дыганяить:
—«Вярнись, сестра, къ майму двару:
Въ мяне, сестра, бѣда стала:
Жина мыя дочъ приспала,
Вароный конь на стойли упалъ,—
За то мяне Гасподь скаралъ,
Што я сяструу зъ двыра сыгналъ!»

103 г).

(С. Иньково, Порѣч. у.).

Новы сѣни на падмости.
Ай, шла систра къ брату ў гости.
Ай, братъ багатъ падъ акномъ сядити
И ў вакно глядити:
—«Примай, жина, хлѣбъ соль съ стыла:
Идёть систра ўсё бѣдная,
Папьёть, паѣсть наша добрая».
Систра ета слова слышала,
Пасяредъ двара варатилася.
Ай, шла поля, шла й другоя.
Шумить, шумить дубровушка,
Шумить, шумить зялёная,
Гримить, гримить дарожинька,
Гримить, гримить широкая,
Лапатять, лапатять капытики,
Лапатять, лапатять лашадиныи,
Бризжать, бризжать стрименушки,
Бризжать, бризжать же сиребреныи.
Ай, братъ сястру даганяить:
—«Вярнись, систра, Масеиўна:
Ня поля насъ пасѣина.
У мине ў дварѣ да три бяды:
Перщая бида—авинъ згарѣлъ,
Вароный конь изъ нохъ упалъ,
Малодая жина на кутѣ ляжить.
—Живи, мой братъ, якъ и Бохъ тябѣ далъ!
А я жъ ета слова вѣдала, сѣла да па'бѣдала.

103 д).

(С. Плоское, Смол. у.).

Я ў горюшки нарадилася,
Я съ горюшка замужъ вышла.
Я жъ думала: горюшка мнѣ паменшіить,
Ажно горюшка мнѣ пабольшила,
Мнѣ пабольшила, мнѣ пагоршила:
Накасалися дробны дѣтушки.
Ни была у брата девить гадоў,—
На дисятый годъ сташнилыся,
Къ брату ў гости захатѣлыся:
—«Охъ, друхъ жа ты мой миленькій,
Паѣдимъ къ братку ў гости!»
—Жена мыя, ты душа мыя,
Сядимъ у дварѣ, да па'бѣдаимъ,
Тады брата атвѣдаимъ!

Пріѣзжаимъ къ братываму двару,
Мой жа братъ за сталомъ сядить,
За сталомъ сядить и ў вакно глядить:
— «Снимай, жена, хлѣбъ-соль съ стыла:
Ѣдеть сестра галодная,
Галодная й халодная!»

А систра жъ ета услышала:
—«Охъ, брахнинька, ты, мой роднинькій,
Охъ, и я жъ ета слова вѣдала,
Сѣла въ дварѣ, да па'бѣдала,—
Тады брата атвѣдала.
Живи, братицъ, за гарою,
Охъ, и я къ табѣ ни нагою!»

(Отъ солдатки Матрены Михалёвой).

104 а).

Различный пріемъ у братьевъ богатой сестрѣ и бѣдной.

И наварили два браты пышанишнага пива
И вызвали два браты да усю рòдину сваю.
Па багатыю сястру да па три паслы пасылають,
А па худую, бяднýю чирязъ люди наказывають·
А багатая систра на шастёрычки ѣдить;
А худая, биднàя—ина пяшечкымъ, зъ мяшечкымъ;
А багатую сястру на три начи унимають,
А худую, бядную скрозь ночъ пасылають.
Икъ пышла жъ то худàя, икъ пышла жъ то биднàя
  Скрозь ночъ у чистоя поля,
Икъ завыла жъ то худая, икъ завыла жъ то бидная
  Сирядѣ чистага поля:
—«Сыбирайтися, звярьё, сыбирайтесь, лютэя,
  На маё тѣла бѣла;
Разарвитя жъ, звярьё, разарвитя жъ, лютэя,
  Вы маё тѣла бѣла!»
Икъ зачула жъ то систра, икъ зачула жъ то родная,
Ина на кутѣ сѣдючи, у вакошка гледючи:
—«Ухъ, вы, братцы мае, запригайтя вы шастёрычку маю,
Охъ, вы ѣдьтя, вы, братцы родные, вы вдагонь за сястрою;
Вы пасодьтя, братцы родные, павыше за мяне,
Вы частуйтя жъ, братцы родные, палуччій за мяне!»
Быгатую сястру виномъ, мёдымъ частують,
А худую, бяднную—горькыю гарѣлкыю.

104 б).

Якъ жили жъ то были да два брахненьки родныхъ;
Яны пива наварили и гастей пызывали:
Па багатыю сястру тройку коній пыслали,
А худую жъ, бяднную, да людьми наказали;
А быгатую сястру на три ночи ўнимають,
А худую, бяднную, да скрозь ночъ пасылають:
—«Ты иди-ка, сястрица, ты иди-ка, бѣднàя,
А скрозь ночиньку двору;

Твае дѣтушки плачуть, пити-ѣстиньки хочуть!»
Якъ пышла жъ то сястрица, якъ пышла жъ то худая,
  Да скрозь ноченьку двору;
Якъ крикнула, гукнула тонкимъ, громкимъ голысымъ,
  Маладецкимъ посвистымъ:
— «Охъ, вы, сѣрые воўки, раздрыгайтя жъ вы мяне
А па чистыму полю, пу шурокый далини!»
Якъ зачула сястрица, да й на ложи лежучи:
—«Уступайти-тка, братцы, вы сѣдлайте-ка коній:
Ета жъ нашу сястрицу сѣрые воўки зъѣли
Па чистыму полю, па шурокій далини!»

104 в).

Наварили два браты пшанишнага пива,
Якъ зазвали да два браты ўсю родину сваю:
За багатыю сястрою на шастёрычки ѣдуть,
За худэю, бяднэю тирязъ люди наказали;
А багатую сястру на дарогѣ сустрѣли,
А худую, бядную на парогѣ не ўвыйзнали;
А багатую сястру на кутѣ пасадили,
А худую, бядную проти печки на запечки;
А багатую сястру пивымъ-мёдымъ частують,
А худэй, бяднэй горькій гарѣлки нѣтъ.
—Бывай, братецъ, ка мнѣ ў гости:
Буду, братицъ, хлѣбъ-соль зарабляти,
Тябе, братицъ, угащати!

105 а).

Братъ сестру отдаетъ замужъ, потомъ встрѣчаетъ холодный пріемъ со стороны ея новой семьи.

Братецъ сястрицы галоўку чешеть.
—«Расти, сястрица, расти скаренька:
Атдамъ я тябе замужъ далёка,
Не ў вясёлую да й дирявенюшку,
Не ў сагласную да й ў сямеюшку,
Не за милыга, а за пастылыга!»
Пріѣхыў братецъ къ сястрицы ў гости;
Іонъ стукъ-пастукъ у варотики:
—Атчини, сястрица, атчини варота:
Пріѣхаў къ табѣ гостикъ дарагей,
Гостикъ дарагей, брахненька раднэй!
—«Пастой, брахнинька, за варотами:
Пайду спрашуся ў свайго свёкара.
—Ты, свекырька, мужнинъ батюшка,
Пріѣхаў ка мнѣ гостикъ дарагей,—

Ти можна спустить брата на вашъ дворъ?»
—А йди, нявѣстка, а йди, нялюба:
Якъ ты мнѣ нялюба, такъ и гостикъ твой!
Пашла сястрица, да й заплакала.
—«Пастой, брахненька, за варотами:
Пайду спрашуся ў сваей свякрови.
—Ты, свякровушка, мужна матушка,
Пріѣхаў ка мнѣ гостикъ дарагей, и проч.
—«Пастой, брахненька, за варотами:
Пайду спрашуся ў свайго милыга.
—Ты, миленькій, чернабровенькій,
Пріѣхаў ка мнѣ гостикъ дарагей, и проч.
—А йди, милая, иди, нялюба:
Якъ ты мнѣ нялюба, такъ и гостикъ твой!
Пашла милая, да й заплакала.
—«Ты ѣдь, брахненька, ты ѣдь дворушку;
Ни кажи, брахненька, што ў сястрѣ ня быў,—
Скажи, брахненька, што ў сястрицы быў,
Въ сястрицы быў, да гарѣлычку пиў!»

105 б).

А и братецъ и сястрицу па галовушкѣ гладить:
Я й атдамъ тябе, сястрица, я ў вясёлую дяреўню,
Я ў вясёлаю дяреўню, я ў багатэй дварочекъ,
Я ў багатэй дварочекъ, я ў сагласныю сямейку.
Ни хадилъ братъ къ сястрѣ восемъ гадоў ў гости,
На дивятый жа гадочекъ якъ паѣхаў къ сястрѣ ў гости;
Пріѣзжаю къ-и варотамъ—варотики пазапёрты;
Маладая маладица ина по двару ходить, 2
Маладая маладица — но то родная сястрица.
Якъ пайду я, я спрашу я, я у свайго у свекра:
—«Ты, свёкырька, мужній батька, дарагей гость пріѣхаў,
Дарагенькій гость пріѣхаў,— то мой родненькій братицъ!»
—Атчаснися, нялюбая: ты сама мнѣ нялюба,
Ты сама мнѣ нялюба, и гость твой нялюбый!
Якъ пайду я, я спрашу я, я ў сваей у свякрови:
—«Свякровушка, мужня матка, дарагей гость пріѣхаў, и пр.
Якъ заплакаў-жа й братецъ да іонъ сильнёшенька:
—«Прибувай-ка, сястрица, прибувай ка мнѣ ў гости,
Прибувай-ка, й сястрица, прибувай ка мнѣ ў гости!»

105 в).

Ай, у горинки, пыдъ вакошичкымъ
Братицъ сястрицы галоўку чешить;
Чисаўши галоўку, рѣчи гаво́рить:
—«Сястрица мыя, расти скоринька:

Атдадимъ тябе замужъ далеча!»
Ни хадиў братъ къ сястрѣ раўна три гады,
На чатвёртый годъ мнѣ сташнилыся;
Мнѣ къ сваей сястрицы захатѣлыся.
Якъ пашоў жа братъ къ сястрѣ й у гости,
А пришоў братицъ къ новымъ варытамъ:
—Аттваряй, систра, новы й варата:
Къ табѣ гость идеть, гостикъ дырагой!
—«Пастой, брахнинька, й зы варотыми:
Пайду я спрашу ў свайго свёкыра:
—«Свёкырька жъ ты мой, ка мнѣ гость пришоў!»
—Кали жъ ты нялюба, дакъ и гостикъ твой!
—«Пастой, брахнинька, й зы варотыми:
Пайду я спрашу ў сваей свякрови:
—«Свякроўка жъ мыя, ка мнѣ гость пришоў!»
—Кали жъ ты нялюба, дакъ и гостикъ твой!
—«Пастой, брахнинька, й за варотыми:
Пайду я спрашу ў свайго милыга:
—«Милинькій ты мой, ка мнѣ гость пришоў!»
—Кали жъ ты нялюба, дакъ и гостикъ твой!
—«Иди жъ ты, мой братицъ, паскарѣй дамой,
Скажи жъ ты, мой братицъ, што я ў гыстяхъ быў,
Што я ў гыстяхъ быў и мёдъ-вино пиў!»

106 а).

Единственный братъ рѣдко бываетъ въ гостяхъ у сестры, гоститъ понемногу, ночуетъ по одной ночкѣ. Сестра провожаетъ брата со слезами.

Вой, адинъ у мяне братицъ
Да и тэй въ гости не буваить,—
А хуть жа іонъ пабываить,
Пыдъ вакошкымъ спать лажитца;
Панямножежку гастюить,
Па 'днэй ноченки начуить,—
Іонъ и тую праташнуить;
Пыдъ вакошкымъ спать лажитца,
Часта ў окны паглидаить:
Ти ня зоренька зарянить,
Ти ня свѣтынька свѣтаить.
А ўжо зоренька зарянить,
А ўжо свѣтынька свѣтаить;
Братицъ коника сѣдлаить,
Сестра брата прыважаить
А сы двара слезами,
Въ чистымъ поли съ гылысами,
Въ тёмнымъ лѣси сы свѣчами.
Пріѣхыли къ-и Дунаю:
—«Падумаимъ, пагадаимъ!
Вотъ тяперь жа намъ, братицъ,
Съ табою разстриваньня,
Слезамъ нашимъ разливаньня!»

106 б).

(С. Крутиловка, Ельн. у.).

Охъ, адинъ жа ў мяне братицъ,
Тэй ни разу ни буваить,
Майго горя ни ўвидаить,—
А хуть жа іонъ пріѣдить,
Па нямножечку гастюить, и проч.
Братецъ коника сидлаить,
Систра брата справажаить:
—«Ты паѣдишъ жа, мой братицъ,—
Ты вазьми маю кручину,
Увяжи маю кручину

Вараному каню ў гриву;
Ты засѣй маю кручину
Въ чистымъ поли о раздольли;
Запаши маю кручину
Ты дубовыю сахою;
Заскародь маю кручину
Зялѣзныю бараною.
Заради жъ, мыя кручина,
Синимъ тьвѣтымъ-пустатьвѣтымъ,
Штобы дѣвушки ни рвали,
Ну ў вяночки не ўвивали,
И ў вяночки не ўвивали,
На галоўку ни ўскладали!»

106 в).

Адинъ быў у мяне братецъ,
Мима двара ходить, ка мнѣ не
заходить,
Падъ вакошкымъ спать лажитца,
Часта въ акошка паглидаеть:
Ти ня свѣтъ жа то свѣтаеть, 2
Ти ня зоринька зарянить.
Сестра брата праважаить,
Ой съ избы со свѣчами,
А съ сѣней со рѣчами,
Са двыра со слезами:
—«Паѣзжай жа ты, мой братецъ,
Паѣзжай жа ты съ Богымъ;
Ты вазьми маю кручину,
Упляти каню у гриву,
Ты разсѣй маю кручину
Да па чистыму полю,
Заскародь маю кручину
Ты клецами-баранами,
Штобъ мыя кручина
Па вѣкъ вѣшный не ўсхадила
И твяточками ни твила,
Штобы дѣвушки ни рвали
И ў вяночки ни ўвивали!»

к) Родъ—племя.—Родня по мужу.

107.

Соловей красной дѣвушкѣ голосъ подаетъ на высокъ теремъ. Красная дѣвица шила шириночку тремя узорами: первый узоръ — красное солнышко (родная матушка), второй узоръ—ясенъ мѣсяцъ (родной батюшка), третій узоръ—мелки звѣздушки (сестрички).

Ты заслышъ, заслышъ,
Ты, мой разлюбезный другъ,
Раздуша ль мыя,
Што я табѣ буду сказывати,
Па славечушку разгаваривати,
Што ў нашемъ саду зелёненькымъ
Нонечи дѣетца!
Тамъ паётъ, паётъ,
Вольна пташечка—
Салавеюшка,
Падаётъ голысъ
На високъ терёмъ
Красный дѣвушки.
Красна дѣвушка
Шила шурынычку
Тремя узорами:
Што и первый узоръ—
Жаркыя солнышка;
Што и другой узоръ—
Ясёнъ мѣсичикъ;
А третій узоръ—
Мелки звѣздушки.
Жаркая солнышка—
То родная матушка;
Ясёнъ мѣсичикъ—
То родный батюшка;
Мелки звѣздушки—
То сястриченьки.

108.

(С. Васьковка, Росл. у.).

Па гарамъ, гарамъ, ой, гарахъ крутенькыхъ, гарахъ крутенькыхъ,
Пу пискахъ, пискахъ, ой, пискахъ жолтинькахъ, пискахъ жолтинькахъ.
На палётъ саколъ литалъ, на палётъ саколъ литалъ, висако литалъ, висакешенька;
Маладой салдатъ да на чисахъ стаялъ, да на часахъ стаялъ, да тижало ўздыхалъ, тижалешинька:
Што ни жаль житьтя-быттья—богатества, толька жаль мнѣ зилянога саду, зиляного саду, зиляненькага.
Што й у томъ саду стаять три древа, три зиляненькихъ:
Первая древа—охъ, да купаресъ-древа, купаресъ-древа;
Другоя древа—да сладкая ябланка, саладенькая;
Третія древа—да зилина груша зялене́нькая.
Купаресъ-древа—да родинъ батюшка, родинъ батюшка;
Сладка ябланка--да родная матушка, родная матушка;
Охъ, зилина груша—да малада жина, маладенькая;
Эхъ, што атростычки—да дробны дѣтушки, драбненькія.

109.

Три брата раздѣлились: старшіе взяли золото и серебро, младшій взялъ родителей; у младшаго въ домѣ порядокъ, и дѣти въ путь идутъ, и онъ доволенъ своей судьбой, а у старшихъ въ домѣ безпорядокъ, и дѣти въ путь не идутъ, и жалуются они на свою участь.

Якъ жили-были да три брахненьки,
А жиўши-быўши, раздялилися:
Большій братъ узяў рыжа золыта,
Сяредній братъ узяў чиста серебра,
Мяньшой братъ узяў атца съ матушкый.
А ў нядѣлюшку, паранёшеньку,
Большій братъ идеть вдоль па улицы,
Вдоль па улицы, слезна плачучи:
— «А на што жъ я ўзяў рыжа золыта,
А чаму ни ўзяў атца съ матушкый!
А ў дварѣ ў маимъ нипырядычикъ,
Дѣтки мае мнѣ ў путь ня йдуть».
Въ нядѣлюшку, паранёшиньку,
Сяредній братъ идеть вдоль па улицы,
Вдоль па улицы, слезна плачучи:
— «А на што жъ я браў чиста серебра,
А чаму ни ўзяў атца съ матушкый!
А ў дварѣ ў маимъ нипырядычикъ,
Дѣтки мае мнѣ ў путь ня йдуть».
А ў нядѣлюшку, паранешеньку,
Мяньшой братъ идеть вдоль па улицы,

Вдоль па улицы, ў гусли йграючи:
— «А, слава Богу, и славимъ Яго,
Што я ни ўзяў рыжа золыта,
А што я ўзяў атца съ матушкый:
А ў дварѣ ў мяне ўсё пырядычикъ,
И дѣтки мае мнѣ ў путь идуть».

110 а).

(С. Злотово, Ельн. у).

Разговоръ матери съ сыномъ. Сынъ говоритъ матери, кто для него милѣе. Жена мила мужу для совѣта; теща мила зятю для заѣзда; мать мила сыну ради вынесенныхъ изъ-за него мукъ рожденія и ради безсонныхъ ночей, проведенныхъ надъ его колыбелью.

Якъ у сади калинаца стыяла,
Тамъ бѣлымъ цвѣтымъ разцвитала; [1])
Тама матушка съ сынымъ размоўляла:
— «Ты, сынку мой, сынка, сыночикъ.
Ты скажи-ка ты мнѣ, сыня, усяе́, ўсю праўду:
Кабы кто жъ тябѣ, сыня, помилѣя:
Ти теща, ти жонка, ти матка?»
— Ни тибѣ бъ еты рѣчи гаварити,
Но ня мнѣ бъ добрыму молайцу паслушати:
А жена жъ то мнѣ мила дли савѣту,
А теща мнѣ мила дли заѣзду;
Ты мнѣ, матушка, мила, што радила,
Ты насила мяне ли, што й балѣла,
Но радила мяне, матушка, умирала,
Ты гарючаю кроў да праливала,
Темненькый ночки не ўсыпала,
Съ калыбелюшки ножки ни выймала,
Всё мяне, добрыга молыйца, калыхала.

110 б).

У горенки, ў свѣтличкѣ мать сына ўбирала, 2
Мать сына ўбирала й кудри завивала,
Кудри завивала й праўдыньки пытала:
— «Ахъ, ты, сынку мой, сынку излюбленный,
А скажи жъ ты мнѣ, сынку излюбленный,
А скажи жъ мнѣ, сынку, ўсяе праўду,
Ай, хто жъ табѣ, сынку, за ўсихъ милѣй:
Ай, ти теща, ти жонка, ти матка?»
— Ахъ, и мать мыя, матушка родная,

---

[1]) Варіантъ:
Есть у лузи калина,
Есть у лузи малина—
Бѣлымъ твѣтымъ затвила.

А скажу жъ табѣ, мати, ўсю праўду:
Ахъ, и теща мнѣ люба ли привѣту,
А жонка мнѣ люба ли савѣту:
А ты жъ, мыя матушка родная,
А гарѣла, балѣла и ўмирала,
А гарючу кроўю сваю разливала,
А тямную жъ ты ночку ни ўсыпала,
Зъ калюбелюшки ножекъ не уймала.

111.

Три ласточки (мать, сёстра, жена) оплакиваютъ смерть молодца.

Ужъ вы, горы мае Вирябьёўскія,
Ничаво ль вы, горы, ни спарадили,—
Спарадили слёзы бѣлъ-гарючія.
Што съ-пыдъ таго съ-пыдъ камня
Тякеть рѣчка быстрая,
Рѣчка быстрая, крута-биряжистая;
Што надъ тою надъ рякою
Стаить кустъ ракитывый,
А на тымъ на кустѣ сядить младъ сизой арёлъ,
А ў кагтяхъ іонъ дяржить, дяржить чорнага ворана,
Чорныга ворына, брата свайго родныга;
Іонъ ня бьеть, ни дяреть, славесна распрашіить:
— «Ну, йдѣ былъ, прабывалъ, идѣ што видывалъ?»
— Ну, я былъ, прубывалъ, ну я видывалъ тѣла грѣшныя,—
Ну, нихто къ тѣлу, тѣлу ни приступитца;
Приступили къ тѣлу, къ тѣлу три ластаўки:
Первая сѣла протиў сердечка,
Другая сѣла, сѣла ў галавахъ яго,
Треттія сѣла, сѣла ў бѣлыхъ нагахъ;
Проти сердечка—да то мать яго,
А ў галавахъ яго—да то систра яго,
А ў бѣлыхъ нагахъ—то жина яго.
Гдѣ мать плакала, тамъ рѣчка пратикла;
Гдѣ систра плакала, тамъ калодись стаить;
Гдѣ жана плакала, тамъ рыса стаить,—
Сонца выблиснить, рыса высыхнить.

112.

Привѣтъ молодцу отъ матери, привѣтъ отъ жены.

Вохъ, вы падуйти-тка жъ, буйны витярочки,
Пы зялёный рощи!
Вохъ, што па рощицы молыдицъ гуляить,
Іонъ у гусильки йграить,

Вохъ, іонъ у гусильки молыдицъ играить,
　　Дамой паспишаить,
Ахъ, ки варотикамъ молыдицъ приходить,
　　Калечкымъ бряскочить;
Вохъ, да іонъ стукъ-пастукъ у новыя двери:
— «Атчини, мати, да новыя двери,
　　Вохъ, и пусти малайца ў сѣни!»
Ахъ, ни на пастелюшку молыдицъ лажитца,
　　Ахъ, къ стѣни варатитца.
Вохъ, пастель бѣла, стина нѣма,—
　　Не съ кимъ гаварити.
Вохъ, што па рощицы молыдицъ гуляить, и проч.
—«Атчини, жана, да новыя двери,
　　Вохъ и пусти малайца ў сѣни!»
Вохъ, на пастелюшку молыдицъ лажитца,
　　Къ жанѣ варатитца.
Вохъ, пастель бѣла, жина мила,—
　　Іость съ кимъ гаварити.

113.

Сизаго голубка не пускаютъ въ садъ летать буйные вѣтры и дождикъ; милаго дружка не родъ-племя не пускаетъ на тайное свиданіе,—молода жена сильно плачетъ, дробныхъ дѣтокъ ему самому жалко.

Ужъ ты, сизенькій, сизенькій галубчикъ,
Ты чаму, чаму ў садикъ ни летаешъ:
Ти буйные вѣтры тябе не пущаютъ,
Ти дробный дожжикъ быстры крыльля мочить?
— Ужъ ты, милый, миленькій дружочекъ,
Ты чаму ка мнѣ ў гостики не ходишъ:
Ти родъ-племичка тябе не пускаеть?
— «Малада жена слезнешенька плачеть,
Дробныхъ дѣтыкъ мнѣ самаму жалка».

114.

Туманы, сильные дробные дожди; пора туманамъ сойти на синё море. Вся семья бранитъ дѣвицу за свиданія съ милымъ дружкомъ.

Вы, туманы, вы, туманы,
Сильны, дробныя дажди,
Не пара ли вамъ, туманы,
На синё моря сайти?
Знаю, знаю, разумѣю,
Какъ дружка Ваньку любить,
Поздна вечира хадить:
Всѣ вароты заперты,
Перелазы висаки,
Всё лучинушка гарить,
И ўся сямеюшка сядить,
И ўсѣ Дуняшеньку бранять;
У ней галовынька балить,—
Полъ ведра вина купить,
Ей галовыньку лячить.

А скажу жъ табѣ, мати, ўсю праўду:
Ахъ, и теща мнѣ люба ли привѣту,
А жонка мнѣ люба ли савѣту:
А ты жъ, мыя матушка родная,
А гарѣла, балѣла и ўмирала,
А гарючу кроўю сваю разливала,
А тямную жъ ты ночку ни ўсыпала,
Зъ калюбелюшки ножекъ не уймала.

111.

Три ласточки (мать, сёстра, жена) оплакиваютъ смерть молодца.

Ужъ вы, горы мае Вирябьёўскія,
Ничаво ль вы, горы, ни спарадили,—
Спарадили слёзы бѣлъ-гарючія.
Што съ-пыдъ таго съ-пыдъ камня
Тякеть рѣчка быстрая,
Рѣчка быстрая, крута-биряжистая;
Што надъ тою надъ рякою
Стаить кустъ ракитывый.
А на тымъ на кустѣ сядить младъ сизой арёлъ,
А ў кагтяхъ іонъ дяржить, дяржить чорнага ворана,
Чорныга ворына, брата свайго родныга;
Іонъ ня бьеть, ни дяреть, славесна распрашіить:
— «Ну, йдѣ былъ, прабывалъ, идѣ што видывалъ?»
— Ну, я былъ, прубывалъ, ну я видывалъ тѣла грѣшныя,—
Ну, нихто къ тѣлу, тѣлу ни приступитца;
Приступили къ тѣлу, къ тѣлу три ластаўки:
Первая сѣла протиў сердечка,
Другая сѣла, сѣла ў галавахъ яго,
Треттія сѣла, сѣла ў бѣлыхъ нагахъ;
Проти сердечка—да то мать яго,
А ў галавахъ яго—да то систра яго,
А ў бѣлыхъ нагахъ—то жина яго.
Гдѣ мать плакала, тамъ рѣчка пратикла;
Гдѣ систра плакала, тамъ калодись стаить;
Гдѣ жана плакала, тамъ рыса стаить,—
Сонца выблиснить, рыса высыхнить.

112.

Привѣтъ молодцу отъ матери, привѣтъ отъ жены.

Вохъ, вы падуйти-тка жъ, буйны витярочки,
Пы зялёный рощи!
Вохъ, што па рощицы молыдицъ гуляить,
Іонъ у гусильки йграить,

Вохъ, іонъ у гусильки молыдицъ играить,
Дамой паспишаить,
Ахъ, ки варотикамъ молыдицъ приходить,
Калечкымъ бряскочить;
Вохъ, да іонъ стукъ-пастукъ у новыя двери:
— «Атчини, мати, да новыя двери,
Вохъ, и пусти малайца ў сѣни!»
Ахъ, ни на пастелюшку молыдицъ лажитца,
Ахъ, къ стѣни варатитца.
Вохъ, пастель бѣла, стина нѣма,—
Не съ кимъ гаварити.
Вохъ, што па рощицы молыдицъ гуляить, и проч.
—«Атчини, жана, да новыя двери,
Вохъ и пусти малайца ў сѣни!»
Вохъ, на пастелюшку молыдицъ лажитца,
Къ жанѣ варатитца.
Вохъ, пастель бѣла, жина мила,—
Іость съ кимъ гаварити.

113.

Сизаго голубка не пускаютъ въ садъ летать буйные вѣтры и дождикъ; милаго дружка не родъ-племя не пускаетъ на тайное свиданіе,—молода жена сильно плачетъ, дробныхъ дѣтокъ ему самому жалко.

Ужъ ты, сизенькій, сизенькій галубчикъ,
Ты чаму, чаму ў садикъ ни летаешъ:
Ти буйные вѣтры тябе не пущаютъ,
Ти дробный дожжикъ быстры крыльля мочить?
— Ужъ ты, милый, миленькій дружочекъ,
Ты чаму ка мнѣ ў гостики не ходишъ:
Ти родъ-племичка тябе не пускаеть?
— «Малада жена слезнешенька плачеть,
Дробныхъ дѣтыкъ мнѣ самаму жалка».

114.

Туманы, сильные дробные дожди; пора туманамъ сойти на синё море. Вся семья бранитъ дѣвицу за свиданія съ милымъ дружкомъ.

Вы, туманы, вы, туманы,
Сильны, дробныя дажди,
Не пара ли вамъ, туманы,
На синё моря сайти?
Знаю, знаю, разумѣю,
Какъ дружка Ваньку любить,
Поздна вечира хадить:
Всѣ вароты заперты,
Перелазы висаки,
Всё лучинушка гарить,
И ўся сямеюшка сядить,
И ўсѣ Дуняшеньку бранять;
У ней галовынька балить,—
Полъ ведра вина купить,
Ей галовыньку лячить.

115.

(С. Злотово, Ельн. у.).

Надзоръ рода-племени за дѣвицей: парень украдкой видится съ нею, когда ея родители въ гостяхъ у сосѣдей, братья за стрѣльбою, сестры за гульнёю, невѣстушка хоть дома, не скажетъ.

Ваня бѣлый, кудряватэй,
Моладицъ харошій!
Я й за то Ваньку любила,
Што бѣленька Ванюша ходить,
Па времю й гуляить.
Прихади, Ваня, парою,
Прихади-ка, Ванюша, вячернюй зарёю:
Штоба люди, люди ни видали,
Злы сабаки штоба ни брихали,
А батюшки ни сказали!
А батюшки дома нѣту:
Мой батюшка съ матушкый,
Съ матушкый у сасѣдей,
Мае братья за стряльбою,
Сестры за гульнёю,
Невѣстушки-галубушки,
Хужъ дома—ни скажуть!

116 а).

Не хочетъ—стыдится дѣвица спасать утопающаго парня: со стороны смотрятъ не чужіе люди—все свои (отецъ-матушка родная).

Якъ сяду я падъ вакошечкымъ
Бѣлый кужалёчикъ прясти,
Тонки нити вывадити.
Якъ гляну жъ я ў акошка:
Тамъ мой милый каня поить,
Каня поить, іонъ самъ тонить,
На ряту̂ милую гукаить:
— «Ты рятуй, мая милая,
Душа-радысть дарагая!»
— Ну, рада бъ я рятувати,
Съ стараны люди глядяти,
Ни чужія, да ўсё свае:
Атецъ, матушка радная,
Душа-радысть дарагая!

116 б).

Якъ устану я раненька, 2
Я памыюся бяленька, 2
Пумалюсь Богу вярненька; 2
Якъ сяду я падъ вакошкамъ 2
Бялешинькій кужиль прясти, 2
Тонки нити вывадити; 2
Якъ гляну я у вакошка: 2
Тамъ мой милый каня поить, 2
Каня поить, іонъ самъ тонить, 2
— На рятунучку гукаить: 2
— «Ты рятуй, рятуй, милая, 2
Рятуй, радысть дарагая!» 2
— Што я рада бъ ритувати, 2
Рада жъ ба я ритувати: 2
Съ стараны люди глядять, 2
Ни чужея да ўсё свае,—2
Атецъ, матушка радная. 2

117 а).

Дѣвица слюбилась съ парнемъ тайно отъ матери, потомъ разсталась съ нимъ.

Бражка пьяна и хмельна,
Вясёлая галава, 2
Не хади мима сада,
Не накладывай сляды, 2
Дароженьки не тари, 2
Худэй славы не наси,
Атцу-матери безчестья,
Роду-племени пазоръ:
Мнѣ нельзя прайти домой,
Сказать матери радной.
Я ня ўмѣла, якъ сказать,—
Научилася салгать:

Скажу: ў садику была,
У зялёнымъ гуляла,
Сладки яблычки щипала,
На бѣлыя блюда клала,
На високъ тярёмъ хадила,
Милыму яблычки насила;
Милый яблыкъ не примаеть,
Галавы не паднимаеть.
Вохъ, и топнула нагой,
Качанула галавой:
— «Атставайся—прахъ съ табой:
Не ругайся нада мной,
Надъ дявичью красатой!»

117 б).

Ужъ ты, бражка мыя, бражка,
Бражка пьяныя была.
Висилая гылава,
Ни хади мима сада,
Дароженьки ни тари,
Худой славы ни клади:
Худа славушка—пазоръ,
Роду-племенью парокъ: 2
Мнѣ нильзя придить дамой, 2
Сказать матушкѣ радной.
Скажу такъ, скажу сякъ,
И ву этакъ, и вотъ такъ:
Я па садику гуляла,
Сладко вишання щипала,
На бялоя блюда клала,
На сяребряный падносъ,
На високъ теримъ насила,
Свайго милага частила.
Милый вишень не примаить,
Іонъ ничóга ни 'твичаить.
Ужъ я топнула нагой,
Катанула галавой,
Пышла съ териму далой 2
Къ атцу, къ матери радной.

118.

Цвѣтики призавяли въ травѣ. Осталась ни дѣвушка, ни вдова, ни замужняя жена, своему роду не родня.

Ужъ вы, цвѣтики маи,
Приўзаўяли ва травѣ!
Ужъ ты, сердца маё,
Приўзаўныла ты ў ва мнѣ!
Я засталась, малада,
Ни дѣвушка, ни ўдава,
Ни замужняя жена,
Свайму роду ни радня!

119.

Нераздѣленная любовь дѣвицы, ея горе: наполнила слезами рѣки-озера до крутыхъ береговъ.

Уздумый, дружокъ, уздумый пры мяне!
Я пры тябе, мой другъ, кажинъ разъ тужу,
Всякій часъ и минутую горькія слёзы ильлю,
Сопыўняла я слёзкыми рѣчки вазира,
Усѣ рѣчки-вазира, круты берига!
Што на тымъ на берижку зелинъ садъ стаить,
Што па тымъ пы садику дарожка ляжить,
Што па тэй па дароженьки дяўчонка бяжить;
Бѣгучи крысавица думу думыла.
Есть у лузи травушка падкошиныя,
Тужить-плачить дѣвушка заручоныя:
Атдаеть крысавицу судырь-батюшка.

120.

(С. Пречистое, Дух. у.).

Почитаютъ дѣвицу не по батюшкѣ, не по матушкѣ—по милому дружку.

Па чомъ мине люди знають,
Па чомъ пачитають?
Ни пу батюшки,
Ни пу матушки,
Ни па милыму па дружочку,—
Па Ванюшки сакалочку.
Иванюша ў горыдъ ѣздилъ,
Іонъ закупачки закупаить,
Красныхъ дѣвушикъ надиляить,
Усё закупычки—алы ленты;
Усё лентычки пазлиняли,
Адна лентычка ни злиняла;
Адна дѣвушка ни слиняла,—
Тая дѣвушка дай Катинька.

121.

Рано по зарѣ щебечетъ ласточка на морѣ, сидя на бѣленькомъ камушкѣ, проситъ снять ее съ бѣлаго камня; отецъ и мать не исполняютъ просьбы ласточки, а исполняетъ милый.

А ранинька, ранинька, пы зари
Щибитала ластыўка на мыри,
На бѣленькымъ камушку сѣдючи,
На крутэе берюжки гледючи.
Па берижку батюшка гуляиць.
— «Гуляй, гуляй, батюшка, для Бога,
Сыми мяне съ камушка бялога!»
А ў батюшки жалысти нямнога:
Не сымаить съ камушка съ бялога.
А раниньке, раниньке, пы зари, и проч.
Па берижку матушка гуляиць.
— «Гуляй, гуляй, матушка! и проч.
А раниньке, раниньке, пы зари, и проч.
Па берижку миленькій гуляиць.
— «Гуляй, гуляй, милинькій, для Бога,
Сыми мяне съ камушка съ бялога!»
А ў милыга жалысти многа:
А сняў мяне съ камушка съ бялога.

122 а).

Невеселыя стороны положенія замужней женщины: брань, побои, насмѣшки со стороны новой родни; надежда быть со временемъ хозяйкой дома примиряетъ нѣсколько женщину съ ея участью.

Взыди, взыди, сонца,
Ты ни низка, ни высока
Насупрати майго падворья!
А ў маимъ жа падворьи
Да чатыри гори,
Пятыя небальшоя:
А што первыя горя —
Свёкырька журливый,
А другоя горя—
Свякрова хлапатлива,
А што третіе горя—
Девяри прасмяшливы,
А чатвёртыя горя—
Залоўки-калатоўки,
А пятыя небальшоя—
Мужикъ мой ряўнивый.
— Пагарюй, мыя сястрица,
Пагарюй, мыя родная!
А што свёкырька журливый
Скора ў землю пойдеть;
А свякрова хлапатлива
Сабѣ дабра хочеть;
Девяри прасмяшливы—
Самимъ люди нада;
А залоўки-калатоўки
Сами ў люди пойдуть;
А мужикъ мой ряўнивый
Іонъ другую ня возьмить!

122 б).

Взыйди, взыйди, сонце,
Ты ни низка, ни висока,
Серяди майго падворья!
А систра жъ то брата
Къ сабѣ ў гости ждала:
— «Заѣдь, заѣдь, братицъ,
Ка мнѣ ў гости,
Пагляди маей кручины!
А ў маемъ жа доми
Чатыри гори, 2
Пятая мая кручина.
Первая горя—
Свёкырька журливый;
А другоя горя—
Свякрова хлапатлива;
А третее горя—
Залоўка-мухлёўка;
Пятая мая кручина—
Мужъ жану ня любить».
— Ни гарюй, мыя сяст рица,
Ни гарюй, мыя рыдная!
Свёкырька журливый
Скора ў землю пойдеть;
Свякрова хлапатлива
Сабѣ дабра хочеть;
Девяры прасмяшливы—
Самимъ люди нада;
А залоўки-мухлёўки
Сами ў люди пойдуть,
Самимъ ета будить.

122 в).

— Малодка ты, да ты, маладая,
О што ты, малодка, нявесила сядишъ?
— «О якъ жа мнѣ, малодки, вясёлинькій быти?
Було на мяне, малодку, було три причины:
Первая жъ то причина—свекырька журливый,
Другая причина—свякроў клыпатлива,
А третьтія причина—мужъ мой урюмый.
Свёкырька мой журливый не на худа учить,
Свякровушка клапатлива сабѣ дабра хочить,
Мужъ жа то мой урюмый пабить мяне хочить.

123.

(С. Шаталово, Смол. у.).

Въ болотѣ крапива стрыкливая, у невѣстки свекровь журливая. Свекровь посылаетъ невѣстку жать день до вечера. Молодуху обнимаетъ въ полѣ темная ночь, а къ ея ребенку, оставшемуся на межѣ, вдали отъ матери, безъ присмотра, приходятъ волки и разрываютъ дитя на части, дѣлятъ: кому ручку, кому ножку, а головку оставляютъ на печаль матери, для укора свекрови.

У балоти крапива стрыкливая,
Стрыклива крапива, стрыкливая,
Журлива свякрова, журливая,—
Журлива свякроў—ня родна мать:
Пасылаеть нявѣстку ў поля жать:
— «Ты жни, к...е, день да вечира,
Нажни, к...е, семъ копъ чатыри!»
Я жала, млада, день да вечира,
А у мяне, младѣ, малая дитя,
А у мяне, младѣ, нянички нѣту.
Я жала, млада, день да вечира,—
Абняла младу темная ночка.
Якъ пришли къ ёй чатыри няньки́,
Чатыри няньки́—сѣрыя ваўки́,
И взяли у яе малдя дитя,

Прамижъ сабою рѣчъ гаварили:
— «Нуте-ка, братцы, мы дитя дялить:
Каму рученьку, каму ноженьку;
Родный матушки хоть галовуньку:
Родный матушки на ўздыханьника,
Лютэй свякрови на ўпиканьника!»

(Отъ старухи Лукерьи Бѣляёвой).

124.

Притѣсненія свекора и свекрови, не дающихъ невѣсткѣ вольно дышать, заставляющихъ ее бодрствовать за пряжею днемъ и ночью. Заботы объ женѣ нѣжнаго супруга: за зеленой конопелькой будетъ смотрѣть сторожъ, бѣлый кужель будетъ прясть наймича-попрядуха, малое дитя убаюкаетъ няня.

Мнѣ спать ни дають
И дримать ни велять,
Охъ, и тольки жъ то велять
Патихоничку ступать.
Ай, и милинькій па сѣнюшкыхъ
Пахаживаеть:
— «Ой, спи жъ ты, жанушка,
Ты, душка мыя!
На зялёны канапли
А я сторыжа найму,
Я на бѣлы кужалёкъ
Пупрядуху пысажу,
Я къ малыму дитя
А я нянюшку пынайму.

125.

(Къ Могилевской губерніи).

Изъ новой родни молодуха любитъ только своего мужа, остальныхъ родственниковъ ненавидитъ: уморила бъ свекора—свекоръ не умираетъ; свекрови земля не примаетъ. Горячую любовь къ роду-племени молодуха выражаетъ слѣдующими словами: своему роду по шею въ воду опущусь, такъ обсушусь, со своимъ родомъ нáговорюсь, отъ рода отойду—слезами обольюсь.

На гарѣ ива,
Падъ гарою дива—
Каршóбка стыяла,
А ў тэй жа каршóбки
Весь мой родъ гуляить,
Мяне поминаить:
— Знать жа наша систра
Горькую долю маить—
У гастёхъ ни бываеть.
— «Тады ў гости буду,
Якъ горя забуду.
Прасилыся бъ у свёкра,—
Свёкыръ ни пущаить;
Прасилыся ў свякровы,—
Свякроў ни пущаить.
Умарила бъ я свёкыра,—
Свёкыръ ни ўмираить;
Умарила бъ я свякрову,—
Зимля ни примаить;
Умарила бъ я мужа,—
Жалѣю дужа;
Я жъ свайму роду
Па шыю ў воду:
Хуть пумачуся,
Дыкъ абсушуся,
Съ сваимъ родымъ
Нагаварюся,
Атъ роду атыдуся—
Слизами абальюся».

126.

Свекоръ, свекровь журятъ-бранятъ невѣстку, видятъ въ ней всѣ дурныя качества, прерываютъ ея сладкій сонъ; отецъ и мать въ ласкѣ и нѣгѣ воспитываютъ дочь свою: довольны ея работою, даютъ ей выспаться.

Спитца мнѣ, да ня дремлитца;
Кланить, кланить галовушку

У новую каморушку, пы правую старонушку,
Ны падушку спать.
Ходить пы сынямъ мой лютэй свёкыръ,
Іонъ стучить, іонъ грючить, іонъ и грозитца:
— «Встань-ка, нявѣстка, встань-ка, нигадяй,
Санливая, дрямливая, журливая, бранливая, ни работница!»
Спитца мнѣ, да ня дремлитца, и проч.
Ходить па синямъ ды свякрувушка,
Ина стучить, ина грючить, ина й грозитца, и проч.
Спитца мнѣ, да ня дремлитца, и проч.
Ходить пы синямъ мой батюшка,
Ни стучить, ни грючить, и ня грозитца:
— «Спи-тка, дитятка, да спи-тка, маё,
Ня санлива, ни дрямлива, ни журлива, ни бранлива, ты работница».

127 а).

Худа чужа сторона. Тяжелое положеніе молодухи: брань свекора, покушенія побить со стороны свекрови, частыя посылки на синё море по воду; заступничество со стороны золовки, собирающейся выйти замужъ и призадумывающейся о своей судьбѣ. Дѣвица красна, какъ ягодка, бѣла, какъ лебедушка; болѣзненная бѣлизна молодухи, словно липины; сохнетъ она, какъ былиночка.

Худа, худа чужа старына,
Люта, люта лиха свякрова:
Пасылаить мяне, молыду,
На синёе моря по ваду;
А я, молыда, баюсь, баюсь,
Съ синига моря вярнусь, вярнусь.
А й адинъ я часъ прастоила,
А другей я часъ прадумала,
А я третій часъ праплакала.
Мяне свёкырька журить-бранить,
А свякровушка пабить вялить;
Толька адна ў мяне заловушка,
Словна бѣлая лябёдушка,
За мяне слова закинула:
— «Сударь, сударь родный батюшка,
Сударыня родна матушка!
Ета чуўши, ета видиўши,
Па вѣкъ па свой замужъ ни пайду:
Буду я жить млада ў дѣвушкахъ,
Буду чисать буйну голыву,
Буду плести русу косыньку!
Взяла яе, якъ ягодычку,
Была красна, якъ ягодычка,
Была бѣла, якъ лябёдычка,—
Тяперь ссохла, якъ былиначка,
Тяперь бѣла, якъ липи́нычка!»

127 б).

(С. Шаталово, Смол. у.)

Загарися, чужа старана,
Безъ агня и бязъ полыми!
Пасылають мяне скрозь ночь по ваду,
А я, млада, адна баюся.
Якъ пайду я ў нову горинку:
«Девирь, девирь, мужнинъ брахнинька,
Вазьми-ка новыи гусильки,
А я, млада, тисавэя ведра;
Якъ пайдёмъ мы ў Дунай по ваду!
Аткуль ўзялись гуси-лебеди,
Вазмутили ваду свѣтлую.
Охъ, и первый часъ мы прасто́или,
А другей часъ мы прыплакыли,
Въ третьтимъ часу ваду черпали,
Въ чатвертымъ часи ки двару пашли.

Я иду, иду, прислухаюсь,
Што пра мяне люди гаворють:
Охъ, и свёкыръ журить-бранить,
Свякровушка пабить вялить,
Дивярьё, варьё, кнутоўя нясуть;
Адна за мяне заловушка,
Слова бѣлая лябёдушка;
Ина па горенки пахаживаеть,
Атца зъ матирью упрашiить:
—Судырь, судырь родинъ батюшка,
Сударыня родна матушка!
Узяли мы яе слова вишинку,
А высушили слова липинку.
Ужъ я, чуўши ета, видѣўши,
Па вѣкъ жа я замужъ ни пайду;
Ужъ я буду жить у батюшки,
Красуватца буду ў матушки:
Буду часать я галовушку
Частымъ рыббимъ грибяшкомъ,
Буду плетать русу косу
Да шаўковыга наяса́, 2
Да сивыга да вылыса́!

(Отъ Ѳеклы Боборычихи).

128.

Плохо расти травѣ безъ корня; плохо молодухѣ сиротѣ живется замужемъ безъ прибѣжища и утѣшенія въ родной семьѣ. Свекоръ то хвалится на пиру побоями, наносимыми невѣсткѣ, то жалѣетъ ее только для вида, подарками прельщая ее не разсказывать предъ людьми о своемъ горькомъ житьѣ-бытьѣ.

Растеть трава ўся бязъ кориня,
А я, малыда, безуродная:
Пабить мыладу мяне іость каму,
Пажалѣть мыладу, мяне некаму.
Пабьеть, пажурить мяне свёкырька,
Пажалѣить мяне сударь батюшка;
Іонъ пабиўши, іонъ у пиръ пайдеть,
У пиръ пайдеть, выхваляитца:
—«Харашо ў пиру зиляно вино пить,
Луччій дома чужоя дитя бить.
Нявѣстушка, мыя ластушка,
Сшію табѣ шубу новаю:
Наси шубу, ни разнашивай,—
Гарюй горя, ни разсказывай!
Шуба твыя скора зноситца,
Житьтё-бытьтё пирямѣнитца!»

129.

Продала бы свекора за три шеляга, купила бы батюшку втридорога.

На гарѣ, на горычкѣ садочекъ стаить,
Якъ у томъ жа садику пташечки пяють,
А мнѣ, мыладешеньки, зазнобы дають.
Прадала бъ я свекыра за три шиляги,
Купила бъ я батюшку у три дараги,
А сказала бъ батюшки ўсё горя сваё,
Што у насъ жа съ милинькимъ савѣту нѣту.

130.

(С. Иньково, Порѣч. у.).

Свекровь „крутитъ помочу“ (клевещетъ сыну) на невѣстку, но онъ не слушаетъ.

А якъ то люди живуть,
Што люди людямъ ухаживають,
Свякрови спанараўливають.
А у мине, младѣ, свякровушка лиха,
Лиха, лиха, ниласкавая,
Расканалья, ниривѣтливая;
Разсылаить и туда и сюда,
Въ тёмный погрибъ па зялёныя вино.
А я ў погриби замѣшкалася,
Зиляна вина натресвалася,
Сладки вотычки барисывый.
А краватушки расписаныи,
А пяринушки разосланыи.
На пяринкахъ дятинка ляжить,
На дятинки рубашичка дрыжить.
—«Ни магу, мати, да вечира дажить,
Я да вечира да заўтрива,
Свайго сына дамоў даждать.
Накручу я сыну намачу
Пра нялюбую нявѣстушку:
— Ай, сынъ, мае дѣтитка,
Ай, сынъ, дарагоя дитя,
Ты иди-тка ў новую клѣть;
Ты няси-тка ряменную плеть,
Ты паўчи-тка урюмую жану,
Вай, душку Катюшку».
—Вай, душка Катюшка мая,
Спадабала мнѣ паходачка твая,
Паходачка тихинькая,
А гаворычка мякинькая:
Ты пройдишъ—утѣшишъ мине,
А прагаворишъ—пакормишъ мине.

131.

(С. Злотово, Ельн. у.).

Невѣстка стелетъ постель для свекора со свекровью и тяжело вздыхаетъ; охотно исполняла она ту-же работу дома для милыхъ родителей.

У варотъ пиряпёлка
Каравать мастила,
Маладая малодка
Пастелюшку слала,
Слаўши пастелюшку,
Тяжóла вздыхала:
— Ня мнѣ на ей спати.
Ня родныму батьки,
Ня съ родныю маткуй,—
Спать, ни спать лютóму свёкыру
Са лютэй са свякроўю!

132.

Неохотно невѣстка топитъ баню для свекора, щелочитъ щелокъ, мочитъ вѣникъ.

На вѣтрѣ Дуня стыяла,
Вѣтиръ голаву раздуў;
Балить у Дуни галава,
Балить сердца и душа.
Зативаить свекыръ-батька
Дуню банюшку тапить.
Я, ходя, баю, баю,
Быдта банюшку таплю.
На вѣтрѣ Дуня стыяла, и проч.
Зативаить свекаръ-батька
Дуню щёлакъ щилачить;
А я, ходя, щеки, щеки,
Будта щёлакъ щилачу.
На вѣтри Дуня стыяла, и проч.
Зативаить свекаръ-батька
Дуню вѣничикъ мачить;
А я, ходя, вѣю, вѣю,
Будта вѣничикъ мачу.

133.

(С. Плоское, Смол. у.).

Зелененькіе листья березы подверглись дѣйствію буйныхъ вѣтровъ, дробныхъ дождей, жаркаго солнышка: почернѣло лицо молодухи и сдѣлалось угрюмымъ отъ журьбы свекора, брани свекрови, отъ плетки суроваго мужа. (Срв. стр. 295, № 58).

Бярёза, ты, бярёза, да ты, зелиная,
О што жъ ты, бярёза, ня зелина стаишъ?
—Якъ жа мнѣ, бярёзи, зялёненькій быти?
Було на мяне, бярёзи, три пригоды:
Первыя жъ то пригода—вѣтрики буйныя,
А другая жъ то пригода—дождики дробныя,
А третяя пригода—да жаркыя сонца.
Ой, буйныя жъ то вѣтры вѣтьтики, ай, аббили,
Ой, дробныя жъ то дожжи карення й абмыли,
А жаркыя жъ то сонца бярёзу ўсушила.
Малодка, ты, малодка, да ты, малодая,
О што ты, малодка, нявесила сядишъ?
—Якъ жа мнѣ, малодки, вясёленькый быть?
Было на мене, на малодку, три причины:
Ой, первая жъ то причина—свёкырька журливый,
А другая жъ то причина—свякроў хлапатлива,
А третія жъ то причина—мужъ мой урюмый;
Свёкырька журливый не на худа учить,
Свякровушка хлапатлива сабѣ дабра хочить,
Мужъ жа мой урюмый пабьеть мяне плетью.

(Отъ Матрёны Михалёвой).

134.

Молодецъ чувствуетъ себя сиротой на чужой сторонѣ,— хочется ему навѣстить родъ-племя, посмотрѣть родные луга, поля.

Галовушка пабѣдная!
А ў родину мнѣ хочитца,—
Дарожиньки ня вѣдаю, 2
Роду-племени атвѣдаю.

Якъ пайду жъ я лугымъ, лугымъ-
А ўси луги пакошены, 2
Пакошены, пагребины, 2
И ў копушки пазложены.

135.

(С. Починокъ, Ельн. у.).

Никто не навѣститъ дѣвицу на чужой сторонѣ.

Гарямышная наша какушка:
День и ночъ кукушка кукуить,
Ина кукуить, гняздечка гатуить,
Ина грѣить, ничѣмъ ни нагрѣить.
Ва ўсёмъ свѣти дѣўка параждона,
Ина далеча замужъ атдадёна,

За три новыхъ, новыхъ гарадочки,
За чатвёртый горыдъ незнакомый,
Нихто къ дѣўки ни йдеть, ни заѣдить,—
Залятѣла да три галубочки...

(Отъ Ганны Семёновой).

л) Теща и Зять.

136 а).

(С. Самохотовка, Смол. у.).

Теща проситъ зятя ласково обходиться съ женою.

Сысна зъ вѣтрымъ гаварила: 2
— «Охъ, ты, вѣтря мой, вѣтря, 3
Не шуми ты нада мною, 3
Нада мною, надъ зялёныю сасною,
Ни лумай майго вѣтьтя; 2
А хуть жа ты палумаишъ, 3
Пакладн жъ ты пада мною, 3
Падъ зялёныю сасною!»
Теща зятю гаварила: 2
— «Охъ, ты, зятя мой, зятю, 3
Ты ня родныя дитятя!
Не жури майго дитятю: 2
А ино днёмъ на работи, 3
Вичариныю ў клапоти!»

(Отъ Лукерьи Бѣляёвой).

136 б).

(С. Шаталово, Смол. у.).

Сысна зъ вѣтрымъ гаварила:
— «Ужъ ты, вѣтиръ, ты, мой вѣтиръ,
Ни бушуй ты нада мною,
Надъ зялёныю сасною!»
Теща съ зятимъ гаварила:
— «Ужъ ты, зятька, ты, мой зятька,
Ты ня бей майго дитяти!
Маё дитя й низдарова:
Дянёкъ пройдеть—на работи,
Вечеръ пройдеть—на ташноти:
Ни дитятю калыхати,
Ни милога присыпати.»

(Отъ Өеклы Боборычихи).

136 в).

А што ўчора са вечера
Сасна зъ вѣтрымъ гаварила:
— Охъ, ты, вѣтря, ты, мой вѣтря,
Ни шугукай нада мною, 2
Надъ зялёныю сасною!
А што ўчора са вечера
Теща съ зятимъ гаварила:
— О, ты жъ, зятя, ты, мой зятька.
Ты ня бей майго дитятя:
А маё жъ то дититя
День стаить на работи,
А ў вечери—на варкоти,
Ночка придеть—на ташноти.

137.

(С. Даньково и с. Медвѣдовка, Смол. у.).

Зять пробираетъ тещу, зазвавъ ее „въ пиво“.

Паѣхалъ Ахремъ
За десять миль хмелю;
Ни купилъ хмелю,
Да купилъ ярыга ячменю;
Наварилъ пива
На ўсю нядѣлю,
И зазвалъ калицэю [1]).
Пашелъ Ахремъ

---

[1]) Устроилъ пиръ. (польск. kolacya?). *Н. Я.*

Звать тещу ў пива:
— «Тещухна, мыя матухна,
Хади ка мнѣ ў пива!»
— Ахъ, зятюхна, мой батюхна,
А мнѣ што-то не съ чѣмъ,
А мнѣ што-то й не ў чемъ!
Хамутъ на плети,
Дуга на павѣти,
Рубашка у швачки,
Намётка у прачки!
Пасадилъ Ахремъ
Тещу на лаўки,
Къ стѣни ачами,
А на йзбу пличами.
— «Садись-ка, мыя тещухна,
Къ стѣни ачами,
А на йзбу пличами!»
А самъ сталъ визанку парить,
Да па спинѣ тещу жарить:
— «Вотъ табѣ, тещухна,
Вотъ табѣ, матухна!»
Зятнея пива
У спину ўступила.
Сталъ лазину парить
Да па спи́нѣ тещу жарить,
Па спи́нѣ жарить
Да й пригаваривать:
— «Вотъ табѣ, тещухна,
Вотъ табѣ, матухна!»
Зятнея пива
Въ спину ўступила.
Атарвалась тёща
Атъ стѣны ачами,
Съ избы плечами;
Не пупала туды,
Куды люди ходють,
А пупала туды,
Куды сабаки лазють.
— «Бяри, Ахремъ, тупицу,
Атсикай гузни́цу!»
Пришла тещухна двору,
Да сѣла на лаўцѣ.
Сучонушка вяхъ, вяхъ,
А бурёнушка ляпъ, ляпъ.
— Ай, дѣтухны, мае нявѣстухны,
Паглядитя ў аконца:
Ти ня ѣдить Ахремъ
Тещу ў пива звать?
Я й такъ ракымъ настыялыся,
Ср...й навилялыся!

138.

(Къ Могилевской губ.).

Зять въ гостяхъ у тещи—и теща въ гостяхъ у зятя.

Теща ли зятя пирогъ пикла:
Соли, муки за чатыри рубли,
Перцу-имберцу за пять рублей.
Тэй пирогъ у печи ня мѣститца.
Пасадила зятя да за столичикъ,
Стала угащать пирагомъ;
Тады сама сябѣ па горинцы пахаживаить,
А на зятя паскоса пасматриваить:
— «Я думыла пирыга симярымъ ня зъѣсть,
Ажно жъ етый пирогъ адинъ зять убяреть!»
— Спасиба, теща, за твой пригаворъ:
Прашу жъ я тябе ввеликій дню къ сабѣ.
Тёща таго ни даждала—
На заўтрига прибѣгала;
Якъ стаў тэй зять тёщу ахаживать:
Три дубины паламалъ,
Бярезину стулувалъ.
Пабѣгла теща, не аглядаючись;
Сѣла сабѣ на печи, ў самымъ углышку:
— «Паглядити-ка, дѣтки,
Чаво варотики скрипять:
Ти ня йдеть жа мой зять
На пахмѣльлика звать.
Дай Бога ни пайду,
Да души ни пайду!»

139.

Семь зятьевъ у тещи, и одинъ изъ нихъ любимецъ ея.

Было у тещи семъ зятьёў:
Вотъ и Тишка зятёкъ,
И Микишка зятёкъ,
И Захарька зятёкъ,
И Макарька зятёкъ,
И Дементій зятёкъ,
И Елементій зятёкъ,
Ай Ванюша [1]) луччи ўсѣхъ.
Пріѣхали зяти ў гости:
И Тишка пріѣхаў,
И Микишка пріѣхаў, и проч.
Ай Ванюша ўпярёдъ усѣхъ.
Вотъ и Тишки стаканъ,
И Микишки стаканъ, и проч.
Ай Ванюшѣ стаканъ мёду.
Стала тёща закуску давати:
Вотъ и Тишки ляпёшку,
И Микишки ляпёшку, и проч.
Ай Ванюшѣ гарячій блинъ.
Стала тёща зятёў спать класти:
Вотъ и Тишку на полъ,
И Микишку на полъ, и проч.
Ай Ванюшу на кутѣ.
Стала тёща напрятки давати:
Вотъ и Тишки дярюжку,
И Микишки дярюжку, и проч.
Ай Ванюши адіяла.
Стала тёща зятёў праважати:
Вотъ и Тишку дубинкый,
И Микишку дубинкый, и проч.
Ай Ванюша пускай тутъ.

140.

(С. Хохлово, Смол. у.).

Семь дочерей у чечотки, семь жениховъ къ ея дочерямъ.

Парадила чачотычка семъ дачокъ:
И Ганнульку, Марюльку,
И Кулинку, Рипинку,
И Яўченку, Пырашку,
И Настульку сибѣ.
Парадёмши, чачотычка да узрастила.
Пріѣхали къ чачотычки семъ жанихоў:
И Дянисъ, и Барисъ,
И Тырасъ, и Пынасъ,
И Ванька, й Макарька,
И Микитка яé.
Якъ привязли къ чачотычки семъ пирагоў:
И Дянисъ, и Барисъ,
И Тырасъ, и Пынасъ,
И Ванька, й Макарька,
И Микитка яе.
Якъ стала чачотычка Богу малить:
—«А святэй Спасъ,
Ни пакинь Бохъ насъ,
Ни дятей, ни людей,
Ни пріѣзжихъ гастей!»

141.

(С. Лѣтошники, Росл. у.).

Про чечотку и ея поколѣніе.

Какъ паймали чечотку,
Какъ паймали лебёдку
И на панскымъ на дварѣ;
Пасадили чечотку
У нову клѣтачку.
Прижила сибѣ чечотка,

---

[1]) Или: А Иванюша? *Н. Я.*

Прижила сибѣ либёдка
Семъ дачокъ:
И Марью, и Дарью,
Анисью, Федосью,
Акулину, Степаниду,
А седьмую Катерину,
Душу Катюшу.
Прижила сибѣ чачотка,
Прижила сибѣ либёдка
Семъ сынавей:
И Ивана, и Рамана,
Дементья и Клементья,
Ялисея, Силифея,
А седьмова Алексѣя,
Душу Алёшу.
Прижила сибѣ чичотка,
Прижила сибѣ либёдка
Соракъ унучатъ:
Два сѣдни, два лежни,
Два попалзни;
Два на печки сидять,
Два учитца ходють;
Двѣ Акульки ў люльки качаютца;
Двѣ Дарьюшки па краюшкамъ падвигаютца.
У пасудини сметана,
У сметани два Стипана.

м) Вдова и ея положеніе.

142.

Лучше любить вольную солдатку, чѣмъ дѣвушку, вдовушку или мужнюю жену.

Што са вечира пароша,
Ки бялу свѣту снѣгъ, снѣгъ;
Што па тэй жа пароши
Шоў паринь харошій;
Іонъ изъ снѣгу камки комчить
И ў стѣну брасаить,
Самъ сабѣ разсуждаить:
—Ахъ, и якъ жа мнѣ быти,
Каго мнѣ любити?
Мнѣ стать дѣвушку любити—
Щёгальна хадити;
А ўдовушку любити—
Хлѣбушкымъ кармити;
А мужняю жану любити—
Убитыму быти;
Мнѣ любити, не любити
Вольную салдатку:
А йна стрѣнить и праводить,
Пра ўсё разгаворить.

143.

(С. Злотово, Ельн. у.).

Сынъ жалуется на отца, что заставилъ жениться на вдовѣ.

Ты, сизинькій касатинькій галубчикъ,
Чаго рана съ типла гнѣзда слитаишъ,
На каго мяне, галубицу, кидаешъ?
Мнѣ ня спитца, добрыму молайцу, ня спитца,
Въ галовушкахъ падушичка вяртитца:
Приняволиў сударь-батюшка жанитца,
Што на тэй жа на нисчасный на ўдавицы.
А ўдавичій абычій ни дявичій:
Пастелюшку стелитъ—слезна плачитъ,
Узгалоўица ўскладаитъ—узрыгаитъ,
На прежнига друга ўспуминаитъ.

144 а).

У вдовы пашня не пахана; вдова пригонъ выгоняла — мосты мостить изъ калиновыхъ досточекъ, прибивать досточки еловыми шишками.

Ни кукуй, кукушка, у зялёный дубровѣ,
Не давай назóлы мыладэй удавѣ!
Мыладэй удавѣ безъ тябе скушненька.
А ўси ў поли пашенки ўси попаханы,
А ў мыладэй удавѣ пашня непахана.
Й у варотъ стыяла, зъ двыра не зъѣзжала,
Пригонъ выгыняла ўсё масты мастить:
—Маститя масточки—калиновыя дасточки;
Прибивайтя гвоздьдя—яловыя шишки!

144 б).

(С. Злотово, Ельн. у.).

Ни кукуй, кукушка, въ зялёный дуброви,
Ни давай зазнобы маладэй удóви!
Чужая пашенюшка ўся пупахана,
Вдавиная сошка съ двара не зъѣзжала,
Съ двара не зъѣжала пашни ни пахала.
Маладая ўдовушка плакыла-рыдала:
Хто то мнѣ будить пашеньку пахати,
А хто жъ то мнѣ будить дробныхъ дѣтушикъ питати?
(Срв. стр. 293, № 53).

145.

Не хочетъ вдова итти замужъ за удалого молодчика: не замѣнитъ онъ ей перваго мужа, а ея дѣтямъ отца.

Харомы, харомы, харомушки,
Высакія, новыя тярёмушки, 2
А што вы, харомушки, нипакрытыя доўга стаитя:
Ти у васъ жа, харомушки, хазяина дома нѣту?
Хадила, тужила ўдовушка малодая,
За сабою вадила сваихъ дѣтушикъ драбненькихъ;
На ўстрѣчу къ удовушки разудалый малойчикъ:
—«Ни плачъ-ка, ўдовушка, ни плачъ, удава малодая:
Я жъ у тваихъ харомушкахъ хазяинъ въ домѣ буду;
Тваимъ дробнымъ дѣтушкамъ буду батюшка радимый,
А табѣ, малоденькій, буду миленькій дружочикъ!»
—Ня быть тябѣ, молыдицъ, хазяинымъ у маемъ доми,
Маимъ дробнымъ дѣтушкамъ ня быть батюшкомъ роднинькимъ,
А мнѣ, маладешинькѣ, ня быть милинькимъ дружочкомъ!

146.

(С. Каблуково, Красн. у.).

— Гуси мае, лебеди, куда вы литали?
—«Литали мы на синія моря,
На синія моря плавать».
—Што вы тамъ на синимъ мори видили?
—«Видили мы на синимъ мори
Маладую ўдоўку въ караблѣ:
Ножками новый карабликъ прабила,
Ручками синія моря ўзмутила.
Трудниньна-бѣдниньна рыби бялуги бизъ вады;
Труднѣя-бяднѣя маладой удоўки бязъ мужа.

н) Безродный молодецъ.—Сирота.

147.

Безродный молодецъ; отецъ у него—ясенъ мѣсяцъ, а мать—жаркое солнце.

Іость у лузи калина,
Іость у лози малина,
Бѣлымъ твѣтымъ затвила, 2
Листьтимъ моря услала. 2
Якъ пріѣхаў маладецъ
Съ чужей дальній стараны;
Нихто яго ни знаить, 2
Пярёдъ яго пытаить: 2
—«Скажи, скажи, маладецъ,
Ти іость тябе батюшка?» 2
— А іость у мяне батюшка,
Ясёнъ мѣсицъ на нёби: 2
А іонъ мяне асвѣтить,
И коника, и мяне
Да на чужей старанѣ.
Іость у лузи калина, и проч.
—«Скажи, скажи, маладецъ,
Ти іость тябе матушка?» 2
— А іость у мяне матушка,
Жарка сонца на нёби: 2
Яно мяне агрѣить,
И коника, и мяне
Да на чужей старанѣ.

(Отъ Аўдули Гуковой).

148.

Встрѣча сироты съ Богомъ. Голосъ умершей матери къ сиротѣ изъ гроба. Попеченія лихой мачехи объ сиротѣ сопровождаются проклятіями и пинками.

Я дарогаю шурокаю, 2
Тамъ бягить, бягить сиротушка,
На сустрѣчу къ ей самъ Гасподь Богъ. 2
—«Ты куда бягишъ, сиротушка,
Ты куда бягишъ, маленькая?»
—Я бягу, бягу, сваю матку йщу.
—«Ты бяги, бяги, сиротушка,
Ты бяги, бяги, маленькая!
Іость у поли капличанька, 2.
Въ той каплицы грабничанька, 2
Въ тэй грабницы твая матушка» 2
Ты атчапися, капличанька, 2
Ты ўзвярнися, грабничанька, 2
Ты атгукнися, мая матушка, 2
Ты памый галоўку бялёшанька, 2
Ты дай кашўлю танёшаньку! 2
—«Ты бяги, бяги, маё дѣтятка,
Ты бяги, бяги, маё милинька!
Іость у тябе лиха мачиха: 2
Змыить галоўку бялёшанька, 2
Дасть кашулю танёшаньку, 2
Змыить галоўку прискубаючи, 2
Дасть кашулю праклинаючи» 2.

XIX. ЛЮБОВНЫЯ ПѢСНИ [1]).

1.

(С. Пречистое, Дух. у.).

На горѣ жито, внизу пшеница; около жита дорожка набита. Любовь холостыхъ парней къ дѣвицѣ; она проситъ ихъ не топтать ея руту-мяту, посаженную для милаго дружка.

Й-а на гарѣ жита, жита,
 У низу пашаница,
Кала това жита, жита,
 Стежинька набита,—
Все хадили, все гуляли
 Халасты рибяты,
Все любили-пачитали
 Маладую Катю.
Кати дома ни бывала,
 Канапельки брала.
— Выйди, Катя, за вароты,
Выйди, Катя, за навыи.
Катюшинька выхадила,
 Рѣчи гаварила:
— Ни хадитя вы, рибяты,
 Вакрухъ маей хаты,—
Ни тапчитя вы, рибяты,
 Маей руты-мяты:
Ни дли васъ я садила,
Ни дли васъ паливала:
Дли таво я садила,
 Каво я любила;
Дли таво я паливала,
 Каво цалувала.
Люблю, люблю кавалера,
Люблю, люблю маладова.
Я васъ люблю, 2.
 Я жъ васъ пацалую,
Пуховую падушичку
 Я вамъ падарую.

2 а).

По шелковой травкѣ идетъ паня (дѣвица), за нею панъ (молодецъ); не сдается дѣвица молодцу: она еще батюшкина и матушкина.

Што за нашимъ за дваромъ, 2
 Ай люли, за дваромъ, 2
За садикымъ зиляномъ,
Растеть траўка шаўкава:
Па тэй траўки паня йшла;
За панею панъ идётъ.
— Здрастуй, панюшка мыя!
— «А я, сударь, ни твыя,
А я батюшкина, 2
Батюшки, батюшки, 2
Ящо матушкина, 2
Матушки, матушки».

2 б).

(С. Каблуково, Красн. у.).

По лужку, зеленой травушкѣ, молодецъ не находится, на дѣвушку не насмотрится. Дѣвица не отворяетъ воротъ парню, пришедшему не во-время, когда она причесывается.

Травушка-муравушка, зялёный лужокъ:
Я па тябѣ, травушка, ни нахажуся,
Я на тябе, милый другъ, ни нагляжуся.

---

1) Мѣсто записи не обозначено при тѣхъ пѣсняхъ, которыя записаны въ с. Даньковѣ, Смол. у.

Пашоў, пашоў мой миленькій а ўдоль па сялу,
Пайшоў милинькій ко крайниму двару.
А у крайнимъ дворику дѣўка хараша,
Дѣўка хараша—Катюша душа.
— Танюшинька душинька, аттвари варата!
— «Ванюшинька душинька, ня время маё:
Галоўку чашу, косыньку пляту,
Косыньку пляту, ленту выплитаю».
На то лента куплина, штобъ яе насить;
Ты, дѣўка, рощина, штобъ яе любить.

3.

(С. Шаталово, Смол. у.).

Взаимная любовь парня и дѣвицы, и любовь сѣрой кукушки и сизаго голубка; тоска и мысли другъ объ дружкѣ приходятъ къ нимъ одновременно.

Што зъ-вячоръ, зъ-вячоръ я свайго милыга зъ-вячоръ дажидала,
Сы палýначи я свайго я милыга назадъ атсылала.
Што пашоў, пашоў да мой миленькій, іонъ слезна заплакыў,
Што ў слезахъ, у слизахъ я свайго милыга въ слизахъ пажалѣла,
Сы путинушки, сы торнэй дарожаньки назадъ зваратила:
«Ты вярнись, вярнися, ты, мой миленькій, варатись, надёжда!»
Ни кукуй, ни гуркуй, сѣрая зязюлинька, въ зелянымъ садочку:
Што я самъ па тябѣ, сизенькій галўбчачекъ, самъ сгаркуваўся;
Ни таскуй, ни бядуй-ка ты, мой миленькій, миленькій дружочекъ:
Што сама я па табѣ, я малада малодушка, сама стаскувалась.

(отъ Ѳеклы Боборычихи).

4.

Парень и дѣвица полны взаимной любви; нѣтъ имъ дѣла до прочихъ людей.

Твили, твили, пустатьвѣти,
  Адинъ бѣлинькій твятокъ;
А ўсё люди, ўсё бязлюддя,
  Адинъ милинькій дружокъ.
— «Дѣ жъ ты, милыя, бувала,
  Што ня слышиў я тибе?»
— Я хадила ў новый горыдъ,
  Я глядѣла на людей:
Што жа люди пьють, гуляють,
  А мнѣ не съ кимъ пагулять.
Якъ заслышаў мой любезный
  А сяводня павутру:
— «Ни ўнывай, мыя милая:
У тябе горинка навая,
  Крывать нова тисыва,
Пяринушка пухóвыя,
Діялушка шаўковыя».

5 а).

Желаніе парня, чтобы соловей, летая рано по зарямъ, не будилъ его подружку; сожалѣніе о томъ, что некого послать къ сударушкѣ.

Не летай-ка, салавей,
Да ты рана па зарѣ,
Не буди-ка, салавей,
Да ты сударушки маей!
Сударушка-дѣвушка
Приўдалѣла атъ мяне:
Ужъ мнѣ некыга нанять
За сударушкый паслать;
Ужъ мнѣ малага нанять,—
Малъ не знаеть, што сказать.

5 б).

Старый, малый посланецъ не доходятъ до любушки, ровный доходитъ до нея и умѣетъ объясниться съ нею.

По Масквѣ мальчикъ гуляў,
Слезна плакаў, гарюваў,
Извощичка нанимаў:
——Ты, извощикъ, братецъ мой,
Сядь, падумаемъ съ табой,
Каго къ любушкѣ пашлёмъ.
Ужъ мы старага пашлёмъ,—
Старъ ня дойдеть да няё,
Полъ-дарожки упадёть,
Мятелица занясёть.

По Масквѣ мальчикъ гуляў, и проч.
Ужъ мы малага пашлемъ,—
Малъ ня дойдеть да няё,
Іонъ не знаеть, какъ сказать.
По Масквѣ мальчикъ гуляў, и проч.
Ужъ мы роўныга пашлёмъ,—
Роўный дойдеть да няё:
Роўный знаеть, какъ сказать,
Какъ сударушкый назвать.

6.

(С. Каблуково, Красн. у.).

Дѣвица вздыхаетъ и плачетъ отъ любви къ молодцу и утираетъ слезы шелковымъ платкомъ; мать бранитъ ее за платокъ.

Уздыхи мае, уздыхи,
Тижалыи маи!
Уздыхни, мой милый,
Хуть разокъ абайми!
А я пы табѣ, мой милый,
Сакрушаюсь завсигда,
Абливаюся слизами,
А ўтирала слёзыньки
А шолкавымъ платочкамъ.
`Журить, бранить матушка
За шелкавой платокъ.
Не жаль мнѣ, матушка,
Шелкавóга платка,
А жаль мнѣ, матушка,
Свайго милыга дружка.

7.

(С. Плоское, Смол. у.).

Дѣвица мылась въ рѣкѣ и хвалилась красотой своей. Надоѣло дѣвицѣ смотрѣть на свое горе въ отцовскомъ домѣ; она въ поле идетъ цвѣты рвать, сдѣлала вѣнокъ и положила милому дружку на голову.

Што съ-падъ горыньки, што съ-падъ крутенькый
Пратикала тамъ рѣка быстрая,
Рѣка быстрая, биряжистая.
Што ў тэй ряки Дуня мылася,
Дуня мылася, умувалыся,
Крысатой сваей выхвалялася.
Туда йшоў, прайшоў Дунинъ батюшка:
— «Ни хвалися, Дуня, красатой сваей,—
Пысяди, Дуня, въ свайго батюшки,
Въ свайго родныга,
Пыгляди, Дуня, свайго горюшка!»
— Я ўжу ў батюшки насядѣлыся,
Я ўжу ў родныга насядѣлыся,

Я ўжу горюшка наглядѣлыся!
Я пайду съ горя я ў чисто поля:
Й а ў чистымъ поли тамъ тваты твитуть,
Тамъ тваты твитуть усё лазорлевы.
Я сарву твятокъ, я саўю вянокъ,
Я свайму дружку на галовушку:
— Ты наси, мой друхъ, ты ня скидывай,
Ты любить мяне ни пакидывай!

8.

Вѣтры буйные, не надуйте снѣга бѣлаго подъ сѣни новыя! У безродной молодой женщины вся родня—одинъ милый. Въ гнѣвѣ онъ хуже гада поползучаго, хуже змѣя полетучаго, а въ добромъ настроеніи онъ лучше отца-матушки, лучше брата, лучше сестры.

Охъ, вы. вѣтры буйныя,
Ни надуйтя снѣгу бѣлага
Падъ мае жъ то сѣни новыя!
Якъ и я, млада, безродная:
Нѣту у мяне ни атца-матушки,
Ни брахненьки, ясныга сокыла,
Ни сястрицы, свѣтъ лябёдушки,—
Толька есть у мяне адинъ милинькій.
Якъ разсердитца мой милый другъ—
Хуже гада папалзучага,
Хужи змѣя палятучага.
Якъ и ўдобритца мой милый другъ—
Луччи атца-матушки,
Луччи брата, ясныга сокыла,
Луччи сястры, свѣтъ лябёдушки.

9.

(Село Иньково, Порѣч. у.).

Влюбленнымъ парню и дѣвицѣ нѣтъ иного утѣшенія, кромѣ взаимной любви. Взглядъ и походка дѣвушки, ея богатый выѣздъ и проч.

Я ня думала, дяўчоначка, хварѣть—
Стала съ вечира галовушка балѣть,
Ай люли, ай лешеньки мае.
Засинѣли сини ўгары ў галавѣ,
Загуляли трахтирушки ў трахтирѣ,
Закипѣли самувары на сталѣ.
Што ня можить мине нихто звиселить,
Ни сада, ни зяленыя луга,—
Звиселить мене любезныя мыя.
А ў любезный вясёлыи глаза,
Ина ходить, якъ и ўдикая каза,
Выши лѣсу, выши каминныхъ палатъ.
Ѣдить барыня на лакавыхъ саняхъ,
А коники усё каринькіе,
Пристёжычки буланинькіе,
Сидять кучиры малодинькіи,
На ихъ шляпыньки пуховинькіи,
Щигалина ў щигалину хараша;
У щигалина ни кала, ни двара,
Толька нова краватушка тисава,
А ў краватки ножки точиныи,
Яны новы, пазалочиныи,
А пяринушки разосланыи.

10.

Милаго во снѣ видѣла.

Камары-мухи гудуть,
Раскамарики мае,
Приўзаютныя мае,
Спакой-ночи ни дають

Да бѣлинькій да зари.
Толька зорьку уснула—
Никаросца видила:
Быдта 'къ мой милый пришоў,
Па новыхъ синяхъ прайшоў,
У нову горинку зайшоў,
Ки крывати пыдыйшоў,
За бялы руки узяў,
Лябёдушкый называў:
-- «Лябёдушка бѣлыя,
Бялѣй снѣгу зимнига,
Краснѣй маку красныга,
Пахудала бизъ мяне».

11 а).

Неразумная любовь дѣвицы къ старому казаченьку.

Тёмная, да ня видная ночушка, (2)
Глупа̀я, ниразумная дяўчонка:
Спалюбила да казачиньку старога;
Спалюбёмши, ина да за ручиньку й узяла,
Пувила ина ў новую камору,
Палажила на тисовыю крывать,
Пазабыла жъ я салоўюшки приказать:
—Ня пѣй, ня пѣй, салоўюшка, на зари,
Не буди ты майго старыга ў камори!
Я жъ думала, што мой милинькій спить, ня чуить,
Ажно мой милый да нагаичку гатуить;
Я жъ думыла, што нагаичка шутычка,—
Гдѣ ни сѣканеть, разсидаитца шкурычка.

11 б).

Не любила молодчика браваго—полюбила казаченька стараго.

Несчастная Машинька зарадилась:
Куда Маша пойдеть, всё Машу бранять,
Всё Машу бранять, всё плакать велять:
—Плачъ, поплачъ, Машенька, па горю сваему,
Па горю вяликыму, па милымъ дружку.
Не любила да малойчика бравага,—
Палюбила да казаченьку старага.

12.

Дѣвушка слегла въ постель отъ любви; потомъ, выздоровѣвъ, отправилась въ зеленъ садъ оплакивать свою разлуку.

Ты скажи, скажи, милая,
  Скажи вѣрную любоў:
Атчево серца страдаить
  И пылаеть въ лицы кроў?
Сердце знаеть, чѣмъ страдаеть:
  Яно чуўствуеть любоў.
Разгарѣлась ва мнѣ кроў;
Я бальнымъ стала бальна,
Я ў пастелюшки слегла;
Я лежала я ў пастели,
Я лежала три нядѣли;
На чатвертую нядѣлю
Аздараўляти стала;
Ай, на пятую нядѣлю
У зяленый садъ пашла.
Па лугамъ твяты твитуть,
Па далинамъ ключи бьють;
Жалка птички тамъ пяють,
Намъ разлуку намъ дають.
Разлучила, развела
Чуже-дальня старана
Са любезнымъ наўсегда.

13.

Дѣвица въ разлукѣ съ милымъ дружкомъ; уединяется въ темный лѣсъ: пѣнье пташекъ и шумъ листьевъ раздражаютъ ее; тяжело ей на чужой сторонѣ.

А што жъ ты, мой милый другъ, да што ты мнѣ ня милъ,
Ты мае сярдечушка да на вѣки ссушиў?
При табѣ, мой миленькій, всѣ минуты литять;
Бизъ тябе, мой миленькій, всё я плачу-тужу;
Пастелю пастелюшку—якъ ледъ халадна,
Крутоя ўзгалоўика патанула ў слезахъ,
Шаўкова адѣялушка прытоптана ў ныгахъ.
Я съ етыга горюшка пайду ў темный лѣсъ.
Листьтика шумить, шумить, пташечки пяють, пяють,
А мнѣ, мыладешеньки, ўсе назолу дають.
Назола, назолушка, ўсе чужая стырана!
На чужой старонушкѣ нада ўмѣючи пражить:
И старыму, и малыму нада гадить и наравить,
Старыму, старѣйшиму—ўсё низенькій паклонъ;
А мыя галовушка атъ паклоныў балить,
А мае сярдечушка атъ пакорнысти знибить.

14.

(С. Лѣтошники, Росл. у.).

Любовь дѣвицы; переписка съ милымъ дружкомъ.

Какъ пасѣю, маладенька,
Цвѣтикыў маленькыхъ.
Зарадили мае цвѣти—
Умильна глядѣти.
На цвѣти ўзирала—
Серца заўмирала,
Заўмирала мае сярдечка
Па милымъ дружочку,
Таскувала, гаривала—
Даўно ни видала;
Сы горя, сы кручины
Пайду у свѣтлицу.
У свѣтлицы тамъ дѣвицы—
Пташки успиваютъ.
Спишу, спишу пташкинъ голысъ
На листу, на бумаги,
На кляновымъ листочку.
Я пашлю тотъ листочекъ
У Питирь-гарадочекъ,
Велю пиридать Ванюши-дрожочку.
Пишить-пишить мой милый друхъ,
А мнѣ супратиўна:
Со пятницы пыдъ суботу
Вадой ни ўмывайся,
А придить-придить время—
Бялися, румянься;
Бялися, румянься,
У платокъ убярися,
Висялися, висялися, разгуляйся,
Съ дружкомъ повидайся!

15.

Съ горя дѣвица садится подъ окномъ: виднѣется ей чистое поле, темные лѣса, около лѣса туманъ,—въ сердцѣ чувствуется печаль.

Какъ хажу я, мыладёшенька, по падворью,
Какъ зайду я, мыладёшенька, въ нову гориньку,
Какъ сяду я, мыладёшенька, пыдъ вакошечкымъ,

Пасматрю я, мыладёшенька, ў вакошечка:
Но вотъ, братцы, ў вакошечкѣ чиста полюшка, ой темны лѣса,
Коло таго, коло лѣсику, всё туманъ, туманъ затуманиўся,—
На маемъ-то, братцы, сердичкѣ всё горе-печаль!

16.

Вслѣдствіе неудавшейся жизни дѣвица съ тремя подружками идутъ въ монастырь.

Ты, талань мыя, нисчасливая!
Всѣ люди живуть, какъ твяты твитуть,
Ну, я, мылада, какъ у поли трава:
Куда ни пайду, усё на бяду;
Съ кѣмъ савѣтъ свяду, ни ў чомъ счастя нѣтъ!
Кину, брошу міръ, пайду ў манастырь,
Я вазьму съ сабой трёхъ дѣвушекъ, падружикъ сваихъ,
Буду я тамъ жить, Богу малитца;
Выстрыю кельлю съ тремя акнами:
Первыя акно—къ Божьей церькыўки,
Другоя акно—на чиста поля,
Третьтія акно—на синя моря.
Какъ карабль въ морѣ, я, млада, ў горѣ;
Какъ карабль у пяскѣ, я, млада, ў таскѣ!

17.

(С. Шаталово, Смол. у.).

Въ горѣ родилась, съ горя замужъ пошла, въ замужествѣ горя прибавилось: „дѣти обсѣли“, мелюзга и все дѣвочки; проситъ состроить ей монастырь въ Москвѣ.

А я ў горюшки радилыся, 2
А зъ горюшка замыжъ пышла,
Я хатѣла горя сбавити,
Ажно горюшка паболила:
Накасались дробныя дѣтушки,
Да ўсё дѣвушки,
Не ядиныга добрыга молыйца.
Я безъ сына й нахадилыся,
Сабàченикъ надражнилыся.
Вохъ, вы, брацы мае, брахненьки,
Вы састройти-ка мнѣ келинку
Сиряди Масквы на площади,
Идѣ купцы-паны сыизжаютца,
Етый келенки дивувалися:
—«Охъ, и што жъ ета за келинка?»
—Вой у келинки чарнушичка,
Мыладёшинька спасаитца.
—«За каго жъ ина спасаетца:
Ти за 'тца ина, ти зы матушку,
Ти зы свае гряхи тяжкія?»
— Ни зы 'тца ина, ни зы матушку,
А зы свае гряхи тяжкія.

(Отъ Лукерьи Бѣляёвой).

18.

Дѣвица, гуляя, смотритъ въ ту сторонку, гдѣ милый другъ живетъ.

Идѣ хажу я, йдѣ гуляю,
Скушна серцу мыяму.
Выйду къ бережку крутому,
Прагуляюсь на часокъ;
Гляну, гляну ў ту старонку,
А йдѣ милый друхъ живеть.
Я бъ киўнула, я махнула
Яму правою рукой...

19.

(С. Каблуково, Красн. у.).

Несчастная любовь дѣвицы. По свѣжести вѣнка дѣвица заключаетъ о любви къ ней парня.

Я па садику па зяленымъ гуляла,
Я харошива, пригожива ждала;
Я харошива, пригожива люблю,
За харошива, за пригожива пайду.
Кала садику торна стёжичка ляжить;
Па тэй па стёжички разлюбезный другъ идеть.
—«Здрастуй, Машинька, здрастуй, душинька!
Чаго, Машинька, ты худа, блядна?»
—Якъ мнѣ, Маши, худэй, блѣдный ня быть?
Мае ножиньки па сырэй зямли ня йдуть,
Мае ручиньки работушки ни бяруть,
Мае глазыньки на бялэй свѣтъ ня смотрють!
Пайду, Маша, я са горя ў поля,
Сарву, Маша, зъ любэй травушки твятокъ,
Саўю, Маша, на галовушку вянокъ;
Пусть сохнить, вянить на галовушки вянокъ:
Ти тужить, ти плачить па мнѣ милинькій дружокъ?
Ня сохнить, ни вянить, на галовушки вянокъ:
Ни тужить, ни плачить мой милинькій дружокъ.

20.

Стремленіе дѣвицы къ милому дружку, съ которымъ она въ разлукѣ: готова слить изъ воску крылья и полетѣть къ нему.

Атъизжаить милый у дарогу,
Спакидаить съ руки перстень залатой.
День на ручушки перстинь насила,
На нычъ у голывы клала,
Поутру я рана устывала,
Абливалыся слизами.
Всѣ мае пуховые падушечки
Патанули во слизахъ;
Сабалиная мае дѣяла
Не сагрѣла маю бѣлу грудь.
Каба мнѣ, маладой, ярыга воску,
Слила бъ крылушки сябѣ,
Паднялась бы я, палятѣла
Къ свайму милыму дружку.
Присчастливый вылетъ мой—
На ўстрѣчу милый мой,
Разгавариваў рѣчи са мной.

(Отъ плотниковъ Краснободской волости Дорогобужскаго уѣзда).

21.

Молодецъ хотѣлъ бы летѣть на сизыхъ крылышкахъ, голубкомъ, къ любимой дѣвушкѣ, сѣсть ей на плечо, прочесть въ ея глазахъ, любитъ ли она его.

Ужъ ты, дѣвушка прелестна,
Лицомъ бѣла хараша;
Только жизнь наша несчастна,
Што ўлюбился я ў тябе.

Сколька мальчикъ не ласкался,
Но не могъ табой владать,
А владать буду иною—
Дяўчонкый маладою.
Не желалъ бы ў Бога счастьтя,
А сизыхъ крылышикъ сабѣ:
Ужъ я бы ўзнялся, палетѣлъ бы
Выши дремучихъ лѣсоў,
Ужъ я бъ ўзвился, апустился
У зелененькымъ саду,
Ка дяўчонкѣ на плечо,
Пасматрѣлъ бы я ў румяныя лицо.
—«Ужъ ты, дѣвушка прелестна,
Измѣнилася съ лица!»
—Нябось, нябось, мой другъ любезный,
Не смѣнюсь я никада!
Какъ любила, другъ любезный,
Не забуду никада.

22 а).

Молодецъ умираетъ отъ любви; велитъ выкопать въ саду криницу, не придетъ ли милая за водой. Криницу орлы замели своими крыльями, — окончательная разлука съ милой, выданной замужъ за другого.

Забалить мая галоўка, заноить маё сярдечка:
А-а-ахъ, можить быть, я памру;
Вы идитя, привядитя, каго я вѣрна люблю,
Вы паложтя подли боку на праву руку маю,
Вы капайтя крынишаньку ў маёмъ зеленымъ саду,—
Ти ня придеть мая любезная сюда па ваду.
А ўжу тую крыничиньку арлы замяли,—
А ўжу тую дяўчиницу къ вянцу павязли.
Аинъ вядеть за ручиньку, другой за другую,
Третьтій стаить, животъ-сердца балить.
А свѣтъ маи пакупычки, што вамъ накупаў,
Дарагея падарычки, што я вамъ дарuваў!

22 б).

Балить, балить галовынька: баюсь, я памру;
Вы схадитя, привядитя, каво я люблю;
Вы паложтя возли боку: можеть, я 'тживусь;
Выкыпаю крыниченьку въ зелёномъ саду.
Идёть, идёть дяўчонычка рана за вадой;
Вядеть, вядеть мой миленькій варана каня,
Іонъ снимаить вядёрки съ плеча.

23.

Разлука дѣвицы съ милымъ дружкомъ; бѣлые „лопушистые“ снѣга закрыли всѣ поля, но не прикрыли ея горе; завидуетъ она тому, кто незнакомъ съ любовью и ея тревогами.

Снѣжки ў поли лапушисты,
Приўзакрыли ўсѣ паля,
Аднаго яны не накрыли
Горя лютыга майго.
Што не адинъ кусточекъ
Приўзаўныўши стаить.
Хто ў насъ холыстъ, не женатъ,
Тотъ счастливый чилавѣкъ;
Хто съ любоўю незнакомый,
Тотъ спакоенъ ва весь вѣкъ.
Пайду, выйду маладенька
На крутъ биряжочекъ,
Пасматрю я ў ту старонку,
Гдѣ мой миленькій живеть;
Іонъ живеть, живеть далеча,—
Іонъ атселя не видать.

24.

Парень даритъ дѣвицѣ кольцо, самъ ѣдетъ въ Москву закупать товары. Дѣвица щелкаетъ въ лѣсу кленовымъ листкомъ и зоветъ къ себѣ своего милаго.

Ожъ ты, голубъ, голубъ мой,
Ни литай-ка, сизый мой,
Позна вечера адинъ!
Паринь къ дѣвушки хадиў,
Калечушка падариў,
Калечушка-сярдечушка,
Свой залȍтэй пирстянёкъ,
Ссушиў Маши живатокъ.
Какъ по матушкѣ Масквѣ
Тамъ парнишечка гуляў,
Іонъ тавары пакупаў,
Извощичка нанимаў;
Извощичка ни нашоў,
Самъ заплакаўши пашоў,
Ки сударушки зайшоў:
—«Ты, сударушка мыя,
Ты ни знаишь грусь-таски».
— Пайду въ тёмныя лѣски,
Какъ сарву я клёныў листъ,
Буду хлопать и щелкать,
Свайго милага гукать:
Аттукнися, дружина:
Я па тебѣ тужила.

25.

(С. Самохотовка, Смол. у.).

Дѣвка парня зазывала въ чисто поле гулять, шатры распинать; онъ проспалъ тамъ и дѣвку, и шатеръ, и коня.

Дѣўка парня падзывала
У чисто поля гулять,
Бѣлы шатры распинать;
Распинала бѣлъ шатёръ
На горушки на крутой,
На травушки зиляной.
Стаў мальчишка засыпать,
Пра ўсё горя забывать;
Якъ прашнуўся маладецъ,
Нѣтъ ни дѣўки, ни шатра,
Ни вароныга каня.

(Отъ Ѳедосьи Максимовой).

26.

Дѣвица зоветъ къ себѣ молодца; онъ не идетъ къ ней, а подаетъ голосъ, обманувъ ее. Она осталась въ безотрадномъ положеніи — ни дѣвушка, ни вдова.

На улицы нова горинка стаить,
Ай, у горенки душа Маша живёть,
На акошка къ себѣ Ваньку гукаить:
—Што жъ ты, Ванька, ка мнѣ ў горенку ня йдёшъ?
—Хуть я не йду, въ теремъ голысъ падаю.
А ў тереми тесовая кравать;
На кравати душа Маша сидѣла,
На ручинькахъ дитятыньку держала.
У таго дѣтя расчесаны волысы,
У души Маши приўзаплаканы глаза,
Приўзаплаканы, приўзатерты яны бѣлымъ платкомъ.
Я ня слухала ни матушки ни 'тца,
Паслухала Симіона падлеца,—
Засталася ни дѣўка, ни ўдава.

27.

(Буловицы, Смол. у.).

Измѣна молодца. Напрасно дѣвица кличетъ молодца, ходя по лѣсу: лѣсъ очень высокъ—не доходитъ до милаго голосокъ.

Што на утренный зарѣ
Тамъ дяўчонка каровушку даила;
Падаёмши малако ана цадила;
Працадёмши душу Ваню паила;

Напаёмши, угаваривала:
—Ни жанися, душа ль Ваничка!
Если женистя, пирямѣнистя:
Патиряешъ сваю молыдысть,
Сваю молыдысть-красу,
Между дѣвыкъ, между бабъ маладыхъ,
Межда вдовушикъ-сиротушикъ!
Стой, дуброва, стой, зялёная мая!
Па тябѣ ли я гуляла малада,
Я кликала свайго милыга дружка;
Я, кликаўши свайго милыга дружка,
Я, кликаўши, ни дакликалась яго.
Паказался мнѣ лясокъ очень высокъ:
Ни даходить да милыга галасокъ.

(Отъ рядового Бориса Демьянова)

28.

Милый при дорогѣ живетъ; подружка разбиваетъ въ полѣ шатры для ночлега на пути къ милому.

Пью я, гуляю, висялюся,
Абъ тёмный ночки клапачуся:
А йдѣ мнѣ ночиньку нучувать,
Ти ў поли шатры разбивать.
Мой живеть милый при ў дароги,—
Ужъ я ў милыва ночиньку заначую,
Яво я крѣпка пацалую.

29.

(С. Шиловичи, Дух. у.).

Въ лѣсу листья шумятъ безъ вѣтру, говорятъ молодцу рѣчь, совѣтуютъ ему жениться на дѣвушкѣ, съ которой онъ гуляетъ.

Дяўцоныцка изъ поля сла,
Уси дарожки приўзышла,
Сабѣ дружка ни знайшла,—
Заплакыла, ў лѣсъ пышла;
А ў лясу, ў лясу, ў темниинькымъ
Бязъ вѣтру листя шумить,
Добрыму молыйцу рѣци гаварить:
—«Жанись, жанись, молыдицъ,
Жанись удалой,
Бяри сабѣ, молыдицъ,
Каторыю хочишъ,
Съ каторый гуляишъ!»

30 а).

Подружка камнемъ мостить милому дорожку, посыпаетъ пескомъ, обсаживаетъ березничкомъ, ворочаетъ милаго дружка съ дороги.

Што твитить, твитить твяточикъ дарагой.
Ну, што два твятки па 'диначки вырысли.
Што сарветь твятокъ ну съ халодныю расой;
Што травянская ну халодныя рыса,
Праявилися ў чистымъ поли чудиса:
Шумять вѣтры, шумять буйныя паля,
Са таго шуму малалѣтній лѣсъ гудеть,
Вѣрна мой милый па щиромъ бару идеть.
Я милыму, любезныму свайму,
Я дарожку дикимъ камнимъ вымыщу,
Я па камушку жоўтымъ пяскомъ высыплю,
Кала краю бярезничкымъ высыжу,
Я милыга свайго съ дарожиньки вырачу.

(Отъ Егора Кублина).

30 б).

Кто сорветь твятокъ, тотъ съ халодный расой,
А халодная вастравянская раса,
Праявились у чистымъ поли чудеса:
Расшумѣлись буйпы вѣтры ў паляхъ,
Съ таго шуму малалѣтнiй лѣсъ гудётъ,—
Вѣрна, мой милый па щирымъ бару идётъ.
А я милыму, любезныму сваяму дароженьку убяру:
Па сярёдычки дикимъ каменимъ выстелю,
Па камышку желтымъ пяскомъ высыплю,
Кала краюшку бярезникымъ высажу!

31.

Дѣвушка бранитъ золотой перстенекъ и зажигаетъ широкую долину.

Далина жъ мыя, ты, далинушка, а ты ширакая,
А што па той жа па далинушки (2) дяўчонка гуляла,
Ой хадила ина и брадила ина,
И бранила ина залатой пирстянёчикъ.
За дасадушку и далинушку дѣўка й зажигала.
«Ой, гари, гари, ты, далинушка ты ширакáя!»

(Отъ старика Тимофея Михалёва).

32.

Горе навалилось на дѣвицу; кукушка выражаетъ его жалобнымъ кукованьемъ.

Горе маё, гарюванне мае,
Предъ мяне горюшка радилася,
Но й на мяне навалилыся.
Есть ли на свѣти такой чилавѣкъ,
Штобъ распароў маю бѣлую грудь,
Штобъ паглядѣў ретивога сердца?
На што пароть, на што пароть животъ?
Есть на поли какушичка—
Жаластнешинька какуитъ...

33.

Любящая женщина проситъ, чтобы птицы и звѣри собрались къ ней и разорвали бѣлое тѣло, оставили одно сердце. Милый, увидя обнаженное сердце, пойметъ, какъ глубока любовь.

Кто павѣритъ маей скукѣ,
Тотъ патужитъ аба мнѣ,
Абъ несчастный сиратѣ.
На чужой я старанѣ.
На чужой ли на старонкѣ
Нѣтъ ни мати, ни атца,
Ни любезнага дружка,—

Толька есть у мяне птичка,
Канареичка ў саду.
—Ужъ ты, пташка канарейка,
Прапой пѣсенку сваю!
Ужъ вы, пташки канарейки,
Салетайтись всѣ сюда!
Ужъ вы, звѣри, вы, лютэя,

Сабирайтеся сюда,
Ой, вазмитя, растерзайтя
Тѣла бѣлыя маё,
Толька 'тставтя ў маемъ тѣлѣ
Ретивоя сердца,—
Вы вазьмитя мае сердца,
Вы вазьмитя, вы палажтя
На сяребриный падносъ,
Пущай миленькій пасматрить,
Какава есть любоў:
Аблилося серца кровью
Па любезныму свайму.

34 а).

Треплетъ лихорадка милаго дружка: неправдивъ онъ въ любви.

Треплеть, треплеть лихарадка,
Треплеть разлюбезнага майго.
—А за што жа ана треплеть?
—Што непраўдыю живёть.
Въ панядѣльникъ пратрепала,
Весь аўторникъ прастрадалъ.
Пайду къ бабкѣ я къ атгадкѣ.
—Атгадай-ка—атчаго?
Стара бабка гаварила:
—Прастудился вичаромъ.

34 б).

Треплить, треплить лихарадка
  Разлюбезнага майго.
Пущай треплить, пусть калотить
  Разлюбезныга майго!
— Охъ, ты, бабка, ты, атгадка,
Атгадай-ка—атчаго!
Гаварять, я прастудился
  На гулянни вичаромъ.
На гулянни мы гуляли,
  Парень дѣвушку абнялъ,
Дяўчонычки стыдна стала,
  Стала плакать-гарювать,
Мальчишишки жалка стала,
  Сталъ дяўчонычку абнимать:
— Ни плачъ, дѣўка, ни плачъ, красна,
  Ни раняй слёзъ напрасна:
Если буду я жанитца,
  Вазьму замужъ за сябе!
— «Можна ета статца,
  Штобъ была я за табой!
Ты багатый, а я бѣдна,—
Раскрасаўчикъ самъ сабой».

35.

Дѣвушка желаетъ, чтобы роса пала на темные лѣса, на „дремучую траву“,— чтобы тоска пала на сердце любимаго молодца (чтобъ въ немъ зародилась къ ней любовь).

Напади-ка, рыса, рыса на темныя лѣса,
Рыса на темныя лѣса, на траву дрямучую!
Напади, грусть таска, таска на майго дружка,
Каторыга я люблю, съ каторымъ гулять хажу,
Гулять у слабодушку, за быструю рѣчушку,
За быструю рѣчушку—любить парня бравыга,
Бѣлыга, кудрявыга, сгожига-пригожига,
Сгожига-пригожига, чистыга, рячистыга!

36.

На умѣ и на сердцѣ милый,—работа на умъ нейдетъ.

Што нихто таго не вѣдаить,
Што на маёмъ серцы дѣитца:
Мнѣ ни пить, ни ѣсть ня хочитца,
Работушка на умъ ня йдёть,
Тольки милинькій съ ума ня йдёть.

37.

Несчастная, неразделенная любовь дѣвушки; подружки утѣшають ее, выставляя на видъ темныя стороны жизни съ мужемъ пьяницей или воромъ.

Абъ чомъ Маша пріуныла,
  Ни слыхать тваихъ рѣчей?
Прежди пѣла, распивала,
  Роўна ў сади салавей,
А тяперя пріуныла
  Не слыхать тваихъ рѣчей.
Не ўнывай, мая милая,
  Што за пьяницу пашла;
Ну, и тая ни ўскряснула,
  Што за ворика зайшла.
Ну, и пьяница праспитца,
  А дуракъ жа никагда.
Мнѣ й падружки гаварили:
— «Полна, глупая, тужить:
  Тябе ўсякъ будить любить».
Пускай мяне ў свѣти люди любють,
  А я ў свѣти никаво!
  Улюбилася ў 'днаго.
Я любила, я страдала,
  Я страдала за яго;
Я страдала, я не знала,
  Што милъ бросилъ, позабылъ—
  Іонъ иную полюбилъ,—
Іонъ иную, іонъ другую,—
  Іонъ забыў пра мяне.

38.

(С. Шоптово, Бѣльск. у.).

Солнце красное сушитъ въ саду яблонку,—красивая дѣвица сушитъ сердце молодцу.

Полна солнышку па залѣсу хадить,
Полна красныму ў саду ябланку сушить;
Полна моладцу па дѣвушкамъ тужить.
Какъ мнѣ, моладцу, ни плакать и ни тужить—
Мнѣ жъ па вѣкъ такой сударышки ни нажить,
Што ни ростамъ, ни пригожствамъ, красатой,
Маладецкый ухватычкый, чистатой.
Заря бѣлая - день въ акошичка взышла,
Ка мнѣ Машинька названая пришла,
Всѣ утѣхи, всѣ забавы принисла,
Да ў вакошичка правый ручкый падала,
Другою ручушкый увиряла малайца:
— Ай, да тибѣ, молыдицъ, ни жанитца бизъ мине,
А мнѣ, дѣвицы, ня йдить замужъ за тибе!

39.

Выкопали вдвоемъ черемшенку подъ корешокъ, посадили ее подъ окномъ, поливаютъ ее.

Таня мыя, Танюшинька, падружка мыя!
Па горинки Таня ходить, галоўку чешить,
Галоушку Таня чешить, косыньку плятеть,
Шаўковую ў касу ленту уплетываить,
А треттію разнага цвѣту на шейку кладеть.
Вотъ Ванюша у Танюши распрашиваить:
— «Скажи, скажи, Танюшинька, хто ленты купиў».

— А первую, шаўковую, батюшка купиў,
А другую, гулубую, матушка дала,
А треттію, разпатвѣтную, сама дабыла.
Вотъ Ванюша Танюшиньку за ручку бяреть,
За ручку бяреть, ў тёмный лѣсъ вядеть:
— «Пайдёмъ, пайдёмъ, Танюшинька, ў темнинькій лясокъ,
Выкапаимъ чарёмшинку да падъ каряшокъ,
Мы пасодимъ чарёмшинку ў сади падъ вакномъ,
Будимъ тую чарёмшинку часта паливать:
— Расти, расти, чарёмшинка, ў сади пыдъ акномъ».
(Отъ Егора Кублина).

40.

Нелюбый тяжелъ на рукѣ, какъ камень; милый легокъ, какъ перо; дыханіе его пріятно.

Ты святи, святи, вясёлъ мѣсицъ,
Ты зямлю-ваду,
Зямлю-ваду, мяне, мыладу,
На высокымъ тиряму,
Ни зъ любымъ мужимъ на кравашки!
Тяжолъ, тяжолъ каминь на вадѣ,—
Тижалѣй таго нялюбъ на руцѣ.
Ты святи, святи, и проч.
Зъ милымъ мужимъ на краватушки!
Ой, легкò, легкò пяро на вадѣ,—
Ой, лягчѣй таго милый на руцѣ;
На мяне дышить, якъ сахаръ сыплить.

41 а).

Зарожденіе любви у молодца: переходъ по жердочкѣ черезъ рѣку; онъ тонетъ, а дѣвица ловитъ его шляпу и проклинаетъ рѣку.

Ой, матухна, тошна мнѣ, тошна мнѣ,
Сударыня, тошна мнѣ, тошна мнѣ,
Самъ не знаю пачаму.
Чисаў парень кудерьки,
Чисаў парень русэя,
Сваи русы валаса.
Расчесаўши кудерьки,
Расчесаўши русыя,
Іонъ къ дѣвачкамъ пайшоў.
Приходить къ рѣчушки,
Приходить іонъ жа къ быстрый;
Яго рѣчка заняла.
Лежала жъ то жёрдачка,
Лежала жъ то тонкая,—
Добрый молыдецъ пашоў:
Абламилась жёрдачка,
Абламилась тонкая,—
Добрый молыдецъ тануў;
Тануў добрый молыдецъ,
А пухава жъ яго шляпушка
Да ина жъ то поплыла;
А паймала шляпушку,
А паймала пуховую
Красна дѣвица душа;
Праклинала рѣчушку,
Праклинала быструю:
— Штобъ тябе, рѣчушку,
А штобъ тябе, быструю,
Трускомъ-пяскомъ занясло
И красками затвѣло!

41 б).

Чисаў милый кудирьки,
Чисаў милый русыя
Чистымъ рыбьбимъ грибяшкомъ;
Расчисаўши кудирьки,
Пухаву шляпу надѣў;
Надѣўши іонъ шляпушку,

Надѣўши пуховую,
Ки сударушки пашоў.
Ни дайшоўши да сударушки,
Быстра рѣчка заўняла;
Тирязъ тую рѣчушку,
Тирязъ тую быструю,
Тонка жердачка ляжить
Пашоў милъ па жердычки,
Пашоў милъ па тоненькый,—
Жердачка зламилася,
Мой милóй другъ утануў.
Тануў, тануў милинькій,
Тануў чернабрывенькій,
Пухава шляпа плыветь.
Завидѣла дѣвушка,
Завидѣла красная
Зъ висакóга терима.
Схапёмши вядёрычки,
Схапёмши тисовыя,
Схапёмши каромысилъ,
Схапёмшя дубовенькій,
За вадой дѣўка пашла;
Размахнула ширако,
Пачарпнула глубако.
На гару дѣўка узыйшла,
Стала красна дѣвушка
Тую рѣчку праклинать:
—Кали бъ тябе, рѣчушка,
Кали бъ тябе, быстрая,
Трускомъ-пяскомъ занясло,
Беряжки крутенькія
Все травою-муравою!
Икаво табѣ, рѣчушка,
Бизъ крутога берижка,
Такаво мнѣ, молыди,
Бизъ милыга бизъ дружка.
(Отъ Екатерины Подгрудковой).

41 в).

Плыветь, плыветь шляпушка,
Плыветь што ўсё пуховая
Съ либядиными са пяромъ.
Увидала дѣвушка
Съ висакога терима,
Хватала каромысилъ,
На плячо вядёрычки—
По выду пашла.
Размахнула ширако,
Почарпнула глубако,
Стала думать и гадать,
Быстру рѣчку праклинать:
—«Богъ дай тябе, рѣчушка,
Богъ дай тябе, быстрая,
Трускомъ-пяскомъ занясло!
Икаво табѣ, рѣчушка,
Икаво табѣ, быстрая,
Бизъ крутога біряжка,
Такаво жъ то мнѣ, дѣвушкѣ,
Такаво мнѣ, красненькый,
Бязъ милага мнѣ безъ дружка!»

41 г).

Забалить галовушка,
Да занонть сярдечушка,
Маё ретивоя:
Идѣ мыя сударушка,
Идѣ мыя любезная
Машинька живеть.
За Дунаимъ за рякой.
Чисаў бы я кудирьки,
Чисаў бы русэя
Свае волыса;
Разчесаўши кудерьки,
Разчесаўши русыя,
Пухаву шляпу надѣў,
Ки сударушки пашоў;
Пашоў ки сударушки
Къ Машиньки души,—
Быстра рѣчка заўняла.
Пашоў милъ па жердычки,
Пашоў милъ па тоненькый
Тирязъ быструю ряку;
Жердычка киўнулыся,
Ножинька звихнулыся,
Малойчикъ утануў.
Утануў, утануў молыдецъ,
Утануў, утануў бѣлинькій,—
Тольна шляпа поплыла.

42 а).

Дѣвица, почерпнувъ воду, поставила ведра, призадумалась и заплакала о миломъ дружкѣ (вар.: о своей судьбѣ: съ кѣмъ ругалась, тому досталась).

Ой, да вылетаў саколъ, саколъ са тёмныхъ лѣсоў,
Ой, да ранымъ раненька, па бѣлый па зориньке,
Па бѣлый па зориньке дѣўка прасыпалыся;
Дѣўка прасыпалыся, по ваду сабралася,
По ваду сабралася, вядерычки черпала;
Вядерычки черпала, пачерпнуўши ставила,
Пачерпнуўши ставила, сильнешенька плакала;
Сильнешенька плакала дѣўка—не па матушкѣ,
Дѣўка не па матушкѣ, дѣўка не па батюшкѣ,
Дѣўка не па батюшкѣ—па добрыму молыйцу;
А ў добрага молыйца павились кудёрушки,
Павились кудёрушки па буйный галовушкѣ.

42 б).

Висако саколъ литалъ 2
Падъ ясную зориньку.
Въ тую пару-времячка
Дѣўка прашнувалася,
Бѣленька ўмывалася,
Сухинька ўтиралася,
По ваду збиралася;
Свѣтлу ваду черпала,
Черпаўши паставила,
Стала да падумала,
Думаўши, заплакала:
—«У комъ я кахалася,
Таму ни дасталася;
Съ каторымъ ругалася,
Таму я дасталася:
Съ падляцомъ ругалася,
Падляцу дасталася!»

42 в).

Висако саколъ лятить,
Вышій узнимаитца,
Падъ ясную зориньку,
Падъ жаркыя сонійка.
Тую пару-времійка, и проч.
—«А у комъ я кахалася,
Таму ни дасталыся;
Съ кимъ разругалыся,
Таму я дасталыся:
Я ў милымъ кахалыся,
Милыму ни дасталыся,
Съ падляцомъ ругалыся,
Падляцу дасталыся!»

43.

Са вечера дробинъ дождикъ,
  А къ свѣту туманъ,
А майму сярдечушку
  Бальшая печаль.
Паѣхаў мой миленькій,
  Паѣхаў на часъ,
Паѣхаў на часъ, на часъ:
  —Зварачусь сейчасъ.
—«Кагда ни зваротисься,
  Распращаемся.»
Какъ пайду я, млада,
  Въ нову горенку,
Какъ сяду я, малада,
  А ўсё падъ вакошечкамъ.
Гляну я, малада,
  У вакошечка:

Са чистыга полюшка
Гусарики йдуть,
Маего любезнага
Падъ руки вядуть;
А я, маладёшинька,
Старапилася,
Са бѣлыга личинька
Я смянилася.
Краса мыя, красычка,
Йдѣ дѣвалася?
Съ падляцомъ ругалыся,
Падляцу дасталыся.

44.

(С. Буловицы, Смол. у.).

Жилъ молодецъ въ своей деревнѣ и не зналъ радости, только въ одинъ праздничный день взглядъ дѣвушки, идущей за водой, освѣтилъ на моментъ его существованіе.

Какъ о жилъ я, маладецъ, я во сваей диревнѣ, 2
Ни видалъ я, разудалый, радости-висельля, 2
Толька видѣлъ я вясельля въ адно васкрисеньня: 2
Па загорьицу дяўчонка вадицу насила: 2
Каромысилъ купарисный, вобручи дубовы, 2
Вобручи дубовы, видерцы кляновы. 2
Каромысилъ тонка гнётца, свѣжа вада льётца, 2
Свѣжа вада льётца, мой милый смяётца. 2

(Отъ Бориса Демьянова).

45.

(С. Радошково, Ельн. у.).

Дѣвица выходитъ къ рѣчкѣ, для свиданія съ милымъ. На ея окнѣ лежитъ примѣточка—виноградная вѣточка.

Выйду я на рѣчиньку,
Пасматрю на быструю:
Ня ўвижу я сваго милыга,
Сярдечныга прежнива,
Сваяго любезныга.
Какъ са вечира мой милой
Вдоль па улицы прайшолъ,
Шибка, громка прасвисталъ,
На акошка ўзиралъ.
На маёмъ-то краснымъ акошки
Лижала примѣтычка—
Съ виныграда вѣтычка.

46.

Дѣвушка въ бору заблудила, потомъ вышла на берегъ Дуная и зоветъ къ себѣ перевощика; онъ за перевозъ не беретъ денегъ, а хочетъ взять ее замужъ.

Каба ў насъ то было ў нонишнимъ гаду,
Зарадились, зарадились сильны ягыдки ў бару,
Заблудила красна дѣўка дѣўка й у лясу.
Выхадила на край съ тёмныга дѣўка лѣсу;
Прихадила ко Дунай быстрой дѣўка ряки;
Разстилала гарнитурывый дѣўка платокъ,
Стынавила сладкій водки, водки палуштофъ,
На закуску бѣлъ-крупичистый дѣўка пирогъ,
На забаўку сладкихъ яблычкыў дѣўка пятокъ.

Кличить, кличить пирявощичка дѣўка сябѣ:
—«Пирявощикъ, пирявощикъ, паринь маладой,
Пиривязи красну дѣўку на ту сторыну дамой!»
— Красна дѣўка, пирявозъ жа вочинь дорыгъ,
Красавица, вочинь дорыгъ, дорыгъ пирявозъ!
—«Да я жъ, табѣ, паринь, вочинь дорыга плачу,
Угодна золытымъ, угодна золытымъ, угодна сирябромъ!»
—Мнѣ ни нада, мнѣ ни нада тваё злата, дѣўка, сирябро,—
Пойдишъ замужъ, красныя дѣўка, дѣўка за мяне?
—«Парнишечка, парнишечка, паринь маладой,
Въ етымъ воля, въ етымъ воля, воля ни мыя,
Въ етымъ воля, въ етымъ воля, воля батюшки майго.»

47.

(С. Иньково, Порѣч. у.).

Удачный пореходъ по жердочкѣ,—взаимная любовь; шутливая насмѣшка парня надъ подружкой.

Я па жердачки ишла,
Я па тонинькій, па яловинькій,
Тонка жердачка гнеца, ня ломитца,
Харашо зъ милымъ гулять, да ня стошнитца,
Хуть и стошнитца, разгуляитца.
Выду, выду, малада, за навыи варата.
Ай, щастливый выхыдъ мой—на сустрѣчу милый мой.
Цѣлуваў-милуваў, Надежинькый называў:
— «Ты, Надежинька мая, у тебе адежа ни свая,
Рубашичка кумина, панёвычка систрина».

48.

Сѣропереренькій соловей поетъ въ зеленомъ саду, чтобъ милый дружокъ узналъ о любви къ нему милой. Влюбленные садятся рядомъ и раздѣляютъ свое горе.

Экъ, да салавей мой, салавей сѣрапереренькій,
Э, эй, да сѣрапереренькій, шельма маладой,
Э, эй, да прилетай-ка, салавей, во зелёный садъ,
Ранёшенька, другъ, ранёшенька по зарямъ.
Эхъ, да ты запой-ка на разны лады,
Э, эй, во зелёненькамъ саду,
Эхъ, да ты паграмчѣя, дужа харашо,
Штобъ заслышаў тябе мой миленькій дружокъ!
Якъ да мы засядемъ съ миленькимъ рядкомъ.
Ну, раздѣлимъ горе свае папаламъ.
Якъ да занимала дружка ни мятель, ни ўюга,
Якъ да занимала дружка быстрая рѣченька,
Всё крутыя бережки.

49.

(С. Шаталово. Смол. у.)

Дѣвица поддерживаетъ парня на калиновомъ мостикѣ. Свиданіе любовниковъ; парень требуетъ съ дѣвицы долгъ. Дѣвица гуляла въ рощѣ, солдатъ поджидала.

А ў лясу, ў лясу, ў лясу
При жоутынькимъ при пяску
Калинъ мостикъ быў, 2
Калинъ мостикъ абламиўся,
Дятинушка праваливўся,
Дяўчонычка пыдбигала,
За ручиньку пыдиржала,
Звала у лясокъ:
— «Пайдёмъ, милинькій, ў лясокъ,
Пастаимъ съ табой часокъ,
Пакуль соўнышка узойдить,
Твѣтна платьтика абсохнить!»
Ни дайшоўши ды двырца,
Цулувала й малайца:
— «Прыщай, мой милэй,
Прыщай, милинькій харошій!»
— За табой денигъ два грапши:
Пыра табѣ 'тдать
Пыра й заплатить.
Ни 'тдаси жъ ты маихъ денигъ,
Палюблю я сями дѣвыкъ
Акроми тибе.
За стиклянными двирями
Ляжить пушка сы кнутами,
Хочуть Катю драть.
— Ужъ вы бейтя маё тѣла;
Я ни знаю пра то дѣла:
Я па рощицы ишла,
Я быялыся й адна.
Оглянулась, млада, назадъ:
Идётъ вармія сылдатъ—
Нада пыдыждать...

50.

(С. Сухой Починокъ, Ельн. у.).

По калиновому мостику прошолъ разряженный дѣтинка съ платочкомъ, подареннымъ ему его сударушкой

Какъ и по масту, масту
По калинывымъ масту,
Тамъ ишолъ-прайшолъ дятинка
Свѣтъ малоденькій.
Галубой на ёмъ кахтанъ,
Полы машутца—расхитаютца;
А ў ручинки трасниживычка букетавая;
На тростычки калечушка сяребряная;
На шеюшки платочикъ,
Слова алинькій твяточикъ,
У карманчику другой—
Итальянскій галубой.
Тота ала, тота ала,
Мнѣ сударушка давала,
Ина пожалавала.

51.

Рыбу ловила, да не шатровала; молодца любила, да не цѣловала. Дѣлитъ рыбу: черноусому—кусокъ, рыжебородому—ничего, безусому—кукишъ.

Кала рѣчки хадила,
Бѣлу рыбу лавила;
Рыбу лавила,
Да не шатрувала;
Молайца любила,
Да не цалувала.
Буду рыбу лавити,
Буду шатрувати;
Буду молайца любити,
Буду цалувати.
Каго чорный усокъ;
Таму рыбы кусокъ;
Каго рыжа барада,
Таму полиўки ни нада;
А у каго усъ недаросъ,
Таму кукишъ падъ носъ.

52 а).

Субботній день—не для работы, а для гулянья; въ саду соловьи поютъ про влюбленныхъ; бѣдной не быть за богатымъ. (Срв. стр. 293 № 52).

А ў насъ севодни день суботній,
Нельзя ў поли рабатать,
Ни скародить, ни пахать.
Пайдёмъ, пайдёмъ, раздушинька,
Мы ў зелёный садъ гулять.
А ў садику ў зелёнинькамъ
Салавеи-пташки пяють,
Яны пяють-распиваютъ,
Пра насъ съ табой гаварять.
Стыдна, стыдна дяўчоначки
Позна вечера гулять;
Дяўчоначки стыдна стала,
Палилися слёзы зъ глазъ;
Мальчишички жалка стала,
Стаў дяўчонку унимать:
— «Ни плачъ, дѣўка, ни плачъ, красна,
Ни плачъ, душинька мыя:
Разгаритца ў млайца серца,
Вазьму замужъ за сябе!»
— Можна, можна таму статца,
Штобъ ты замужъ мене ўзяў!
Ты багатый, а я бѣдна,—
Раскрасаўчикъ самъ сабой,
Ни нуждаюсь я табой,
Што не быть мнѣ за табой!

52 б).

Парень на гуляньѣ обнялъ бѣдную дѣвушку и тѣмъ оскорбилъ ее.

На гуляньи при кампаньи
Парень дѣвушку абняў,
Дяўчонки стыдна стала,
Палилися слезы зъ глазъ:
Мальчишечки жалка стала,
Сталъ дяўчонку унимать;
Выниў розывый платочекъ,
Стаў іонъ слезы утирать:
—« Не плачъ, душечка мыя:
Вясною буду я жанитца,
Вазьму замужъ за сябе!»
— Полна, полна, другъ, сміятца,
Ну й смѣятца нада мной:
Ты багатый, а я бѣдна,
Ты—красаўчикъ самъ сабой!

52 в).

Бѣдная дѣвушка, разсердясь на насмѣшки богатаго молодца, говоритъ подружкамъ, чтобъ не любили его.

Здраствуй, милая красотка,
Гдѣ находишься—живёшъ?
—«Я живу я на воли, я на воли, на привольли,
Я на тэй на старанѣ».
—Кабы мѣлъ бы я, я й да легкую лодку,
Переѣхалъ бы я на ней,
Накапаў бы зла кареньня,
Насадиў ба я ў саду;
Я бъ хадиў ба утѣшаўся
У красотушки сваей.
Здраствуй, милая красотка,
Луччи тябе ў свѣтѣ нѣтъ:
Я вясной буду жанитца,
Вазьму замужъ за сябе.
— «Полна, полна, другъ, смѣятца,
Ну й смѣятца нада мной!
Ты багатый, а я бѣдна,
Ты й красавицъ самъ сабой.
Я сама за тябе ня йду,
Всѣмъ падружкамъ разскажу:
— Ужъ вы, дѣвушки-падружки,
Не любитя вы яго,
А й у прочимъ, какъ хатитя—
Я й сказала пра няго—
За тваи слава, й за насмѣшки,
За злавредныя слава».

53.

Не вызнавши красну дѣвицу, нельзя замужъ брать.

Падуй, падуй, пагодушка,
Нибальшенькая, 2
Раздуй, раздуй ты рябиницу кудриватыю!
Ня вызрѣўшу рябяницу, нельзя раздумать,
Ня вызнаўши красну дѣвушку, нельзя замужъ брать.
Я вызнаю красну дѣвушку, вазьму за сябе!
(Отъ Егора Кублина).

54.

Мать бранила дѣвицу за свиданія съ молодцемъ, а она всё-таки не боится любить парня.

Ходить Ваня кала саду,
Іонъ у гусильки играить,
Кличеть дѣўку на параду:
— «Выйди, дѣўка, выйди съ саду,
Выйди съ саду на параду!
Ой, ти тябе мати била?»
— Ни такъ била, што журила:
«Ни хади, дѣўка, па ночи;
Ни люби, дѣўка, Ванюшу!»
Я хадила, хадить буду,
Я любила, любить буду.

55.

(С. Шоптово, Бѣльск. у.).

Мать бранитъ дѣвицу за свиданія съ милымъ дружкомъ.

Галубыи тваи глазки,
Курносинькій твой насокъ,
Ни разсказывай мнѣ сказки,
Пасиди са мной часокъ.
Вотъ на горинки праталинка,
Прапутный витярокъ,—
Прихади ка мнѣ, миленькій,
На паслѣдній вичарокъ.
Гдѣ будуть спать лажитца,
Тамъ акошка растварю;
Станить маминька бранитца,
Я маминьку ўгаварю.
— Брось, мамаша, ни бранись:
У мине галава очень балить.
— «Врёшъ, падлянка, ни балить—
Хошъ милёнка приманить».
— А, маминька, золытца,
Ни бранись за молыдца!

56.

Молодецъ посылаетъ товарища къ дѣвицѣ съ предложеніемъ; дѣвица сожалѣетъ, что онъ не ея суженый.

Што за рѣчкаю, за рякой
Бѣлъ молыдицъ гуляить, 2
Тывариша гукаить:
— «Ты, таваришъ, братицъ мой,
Ти ня пойдишъ ты са мной?
Скажи дѣўки, й абъяви,
Што я мальчикъ хыластой, 2
Ящо къ таму багатой:
Тройка коній на стойли,
Стада гусей на мори».
Ета дѣўка услышила,
Ина руками ўспляснула:
— «А Божа мой, Божа мой,
Харошъ мальчикъ, да ня мой, 2
Ящо къ таму быгатой:
Тройка коній на стойли,
Стада гусей на мори».

57.

Дѣвица проситъ парня не жениться вовсе или, женившись, не забыть ее. Онъ къ другой дорожку проторилъ.

Ахъ, и я свайму дружку
Гаварила заўсигда:
— «Ни жанись, ни жанись,
Ты, мой миленькій дружокъ;
Если женисься,
Не забудь жа пра мяне, 2
Ни пакинь любить мяне!»
Я съ таго горя
Пайду у чистыя поля,
Я съ тае таски
Пайду у тёмные ляски.
А ў чистымъ поли
Три ракитывыхъ куста;
Кала кустикыў
Тамъ дароживька тарна,
Ина тарна, тарна,
Ина прабита да песка.
Ахъ, и хто жъ тамъ
Дарожаньку тарнў?
Разудалый маладецъ
Къ красный дѣвушки хадилъ,
Дарагея ей падарычки насиў.
Якъ бы знала я,
Знала, вѣдала яго,
Не любила бъ я,
Я такога дурака,—
Спалюбила бъ я
Иванюшу сакала:
У Иванюши сакала
Бизращотная казна!

58.

Построеніе города по веснѣ. Парень къ дѣвицѣ ходилъ, подарки ей носилъ

Надакучила намъ халодная зима:
Замарозила ўсѣ рѣки, вазера.
Якъ даждёмся мы теплага лѣта и вясны,
Паразойдутца ўсѣ рѣки, вазера.
Какъ пастроимъ мы слаўпый горыдъ и Масвву.
Што й у той Масквѣ нѣтъ ни ходу, нѣтъ ни ѣзду.
Разудалый маладецъ къ красный дѣвушкѣ хадилъ,
Дарагея ей падарычки насиў.

59.

(С. Пречистое, Дух. у.).

Мать упрекаетъ дочку, зачѣмъ она взяла отъ милаго дружка въ подарокъ ленту; лента куплена, чтобы носить,—дѣвка рожена, чтобы любить.

Святи, святи, солнышка, куда милъ пайдёть.
Прашолъ, прашолъ милинькій ўдоль па сялу,
Зайшолъ, зайшолъ милинькій у самый крайній домъ,
  Къ Танюши на дворъ.
Танюшинька, душинька изобку мятёть,
Ала лентычка у ней папыхываить,
У ней радна матушка папытываить:
—«Танюшинька, душинька, гдѣ ты ленту ўзила?»
—Маминька радимая, милый падарилъ.
—«Танюшинька, душинька, на што была брать?»
—На то лента куплина, штобъ у касѣ насить;
На то дѣўка рóжина, штобъ парня любить.

60.

(С. Хохловка, Смол. у.).

Молодецъ зоветъ дѣвицу ночевать, сулитъ подарки. (Срв. великор. въ сборникѣ Лопатина и Прокунина).

—Дуня бѣла, румяна,
На што любишъ Ивана?
Какъ яго ни любить:
Ваня бѣлый, румяный,
Іонъ чистый и рячистый — рѣчи гаварить.
Падзываў къ сабѣ Дуняшу ночку начевать:
—«Хади, Дуняша, ка мнѣ ночку начевать,
Падарю табѣ, радысть, сярёжички,
А другіе залатые съ падвѣсачками.»
Лажилася Дуня спать
На Ванюшину кравать...

61.

(С. Иньково, Порѣч. у.).

Молодецъ ночуетъ у дѣвицы темную ночку; дѣвица провожаетъ его. (Срв. стр. 261, № 37).

Ты, заря жъ мая, заря-зоринька,
Ты аткуль, заря, узнималася?
Дѣўка молыйца дажидалася.
— «Ты приди-тка, приди, добрый молыдицъ,
Заначуй, заначуй у мяне починьку,
Заначуй у мине тёмную!»
—Я бъ и радъ начувать, да баюсь таго,
Я й баюсь, што зарю засплю.
—«Ты нябось, ты нябось, мой милинькій!
Я й сама ўстану ўсё ранешинька,
Я й тибе ўзбужу паранѣй сябе,
Праважу тябе да свайго двара.
Ай, у горыди ў барабаны бьють,
А ў дяреўни жъ ба пятухи пяють».

62.

Молодецъ ходитъ къ дѣвушкѣ черезъ дуброву, просится у дубровы на ночлегъ.

А травушка-муравушка,
Зялёный твяточикъ,
А хтожъ тябе, мыя травушка,
А приўбиў, приўталочиў?
—«А прибиў мяне, приўталочиў
Удалой малойчикъ,
Частёшенька къ сударушки
У гости хадёмши,
Дарагея падарычки
Да іонъ къ ей насёмши.
Абняла жъ добрыга молайца
Да й тёмная ночка,
А прасиўся добрый молыдецъ
У дубровушки на нычъ.
—«Ты пусти, пусти, дубровушка,
Мяне й начувати!»
—Начуй, начуй, добрый молыдецъ,
Съ Богымъ, сы пакоемъ!
А вотъ табѣ ў изгалоўи—
Крутоя кургання,
А вотъ табѣ й пастелька—
Сырая зямелька,
А вотъ табѣ напрятка—
Зялёныя листя,
А вотъ табѣ старажёчки—
Сѣрыя ваўчочки.

63.

Подъ осинкою орѣшки рвала. Гусей гонитъ домой, на дорогѣ заигрываетъ съ нею офицеръ, а дома догадаются, отчего у ней разгорѣлось лицо.

Паласа мая, налосынька,
Паласа мая нипаханая,
Не пахана, не скарожена,
Баранáми ни карёжина.
Зарасла мая палосынька
Частымъ ельничкымъ, бярезничкымъ,
Маладымъ горькимъ асинничкымъ.
Падъ асиныю молыда арѣшки рвала,
Я рвала, рвала, саирвывыла,
Никаво ў лясу не видывала,
Толька видѣла: паринь дѣвицу бьеть,
Іонъ бьеть, бьеть, пригавариваетъ...
  Я па берижку нахаживала,
Чернабыль-траву заламливала,
Гусей-либядей заманивала:
—«Тегу, гуси, тегу, сѣрые, дамой!
Ни пара ли вамъ наплаватца,
А мнѣ, молыдѣ, наплакатца?»
Наплакалась, нарыгалыся,
Даўно съ милинькимъ видалася,
Хать видалась, не пращалася.
Паганю я гусей-либядей дамой;
На ўстрѣчу афицерикъ маладой;
Начиў шутачки пашучивать,
На праву нагу наступливать,
За бѣла лицо пахватывать.
—«Ни хватай, паринь, за бѣлыя лицо:
Мае личинька разгарчистыя,
Мыя маминька дагадливая:
Приду двору, дагадаетца сейчасъ,
Чаго лицо разгаряетца:
Или атъ пива, или атъ зелина вина,
Сладку водычку-наливычку пила;
Сладка водычка анисывая,
Тесава кравать расписаная,
Выписана, разрисовыная».

64 а).

(С. Иньково, Порѣч. у.).

Молодецъ угрожаетъ дѣвицѣ побоями за ея слезы; бить перестанетъ — любить не будетъ.

Што каму да дѣла,
Што въ милымъ сѣла?
Сѣла, пасидѣла,
Пѣсенки запѣла;
Молыдицъ заплакаў
Па сваей старонки,

Па красный дяўчонки.
Выйду за вароты,
Выйду за другеи—
Лужки зиляныи,
У лужочкахъ траўка
Стелетца-плятетца,
Ваньки серца бьетца,
Бьетца, трипячетца,
Назадъ варачетца.
У поли, при ў далини,
Тамъ стыяла древа—
Бярёзанька бѣла.
На той на бярёзи
Сядѣў сизъ галубчикъ;
То ня сизъ галубчикъ—
Удалэй малойчикъ.
Пирядъ ёмъ стыяла
Красная дяўчонка,
Сильнёшинька плачить,
Тяжка уздыхаить.
—«Ни плачъ ты, дѣўка,
Ни плачъ-ка ты, дура:
За етыи слезы
Буду больна бити;
Я бить пиристану,—
Любить я ня буду».

64 б).

Выду я, выду за вароты,
Выду й за навыя:
Всё махи, ўсё балоты.
Выду, выду за новыя лужка,
За навыя лужка, зеленыя.
Што на тымъ на лужочку
Вырастала древа;
Тонка древа вырастала
Бярёзынька бѣла.
Што на тэй жа на бярезѣ
Сядить сизинькій галубчикъ:
То ня сизинькій галубчикъ,—
Удалой малойчикъ.
Пирядъ молыйцымъ дяўчонка
Сильнешинька плачить;
Младецъ дѣўку унимаить,
Слёзы утираить.
— «Ни плачъ, дѣўка, ни плачъ красна,
Ня лей слезы напрасна:
Если будишъ аслушатца,
Буду больна бити
При ўсемъ при народи,
Въ бальшомъ карагоди;
Табѣ дѣўка будить стыдна,
А другимъ навука,—
А намъ съ табою, сударушка,
Живая разлука».

64 в).

(С. Шиловичи, Дух. у.).

У поли, при ў далини,
Стыяла тамъ древа,
Тоя древа ни прастоя—
Бѣлая бярёза.
На тэй на бярёзи
Сядѣла тамъ птица,
Тая птица ни прастая—
Сизинькій галубцикъ,
Дальненькій малойцикъ.
Пирядъ молайцымъ дяўцонка
Слязнёшинька плацить.
— «Не плацъ, дѣўка, не плацъ, красна,
Ня ронь слёзъ напрасна:
Будешъ, дѣўка, больна бита
При ўсёмъ, при ўсёмъ при народи,
Бальшомъ карагоди.

65.

(Сухой Починокъ, Ельн. у.).

Молодецъ ударилъ дѣвицу въ хороводѣ по лицу, такъ что серьга разсыпалась, и ее же называетъ невѣжею за то, что она расплакалась: она его будущая жена. (Срв. стр. 214, № 67).

Ва лужкахъ, лужкахъ,
Во зелененькихъ лужкахъ
Стаять дѣвушки ў кружкахъ,
А по другую старану

Разудалы малайцы.
Ишли наши рабяты
Вдоль па кругу гулять,
Красныхъ дѣвыкъ забаўлять.
Эхъ, какъ ударилъ паринь дѣўку,
Па бѣлыму лицу, па румяный па щекѣ,
Па румяпый па щакѣ, па зямчужный па сярьгѣ.
Зямчужная сярежичка разсыпалась,
Передъ молыйцымъ дяучинычка расплакалась.
— Ни плачъ, дѣўка, нявѣжа: ни жина ли ты мыя?!

66.

Парень любилъ дѣвицу, а потомъ покинулъ и опозорилъ онъ ее при всемъ народѣ: сорвалъ съ нея платокъ, сломалъ колечко, ударилъ по румяному лицу.

А што твили твили,
Твили ў поли твѣтики,
Твили, да й пувяли,
Во што любиў, любиў паринь дѣвушку,
Любиў, да й пакинуў;
Припазориў жа паринь дѣвушку
При ўсёмъ при народѣ,
А што при ўсемъ, при ўсемъ при народи,
Въ бальшомъ карагоди:
А што сарваў, сарваў паринь у дѣвушки
Шаўковый платокъ,
Зламаў паринь у дѣвушки,
Паринь золыта калечка;
Охъ, якъ удариў паринь дѣвушку
Па румянымъ личку,
А што зъ румяныга личинька
Кроў пабижала.

67.

(С. Войнино, Мстисл. у., Могил. губ.).

Дѣвица сорвала на межѣ синій цвѣтокъ, вплела въ вѣнокъ, положила на голову. Молодецъ ударилъ дѣвицу по правому плечу, по румяному лицу.

А што за трава, што на мяжѣ
У поли расла,
Синимъ твѣтымъ затвила.
Нихто траўки ни знаить
И твяточка ни сарветь.
Абабралась дѣвица
Гожа-пригожа,
На личинька бяленька;
Ина къ траўцы падыйшла,
Синій твяточекъ сарвала,
У вяночикъ увила,
На галоўку усклала,
Ки дварочку пашла.
Якъ завидиў молыдицъ
Зъ висакóга терима,
Якъ удариў дѣвицу
Пу правыму плячу,
Пу румяныму лицу,
Катилыся слиза
Сы ясныга глаза.

68.

(С. Потапово, Ельн. у.).

Ребята гуляютъ въ хороводѣ, дѣвокъ выбираютъ; одна отказывается отъ угощенія; парень оскорбляетъ ее ударомъ по лицу за отказъ въ любви.

Во зялёненькихъ у лужкахъ
Да сидять дѣўки ва кружкахъ.
Вохъ да пу правый старанѣ,
По правый старанѣ,
По правый па старонки,
Удалыя малайцы,
Удалыя маладыя,
Нижинатыя, халастыя.
Вохъ да вотъ пашли наши рыбяты
У бальшой карагодъ гулять,
Красныхъ дѣвыкъ выбирать.
Охъ, да вотъ выбралъ парень сибѣ дѣўку,
Охъ, выбралъ парень сибѣ красну,
Нивяличку, нималую,
Вохъ да нивяличку, вохъ нималую:
—«На, пей, шубушка навая,
Вохъ да выпей, шубушка навая,
Душагрѣичка красная!»
Вохъ да дѣўка парню гаварила,
Дѣўка парню гаварила:
Што я, паринь, ни твая!
Вохъ да ўдарилъ, ударилъ паринь дѣўку красну
Вдоль па бѣлымъ па лицу,
Вохъ да па бѣлыму па лицу,
Да па румяный па щякѣ,
Вохъ да па румяный па щякѣ,
Па румяный па щакѣ,
Да па зямчужный па сярьгѣ.

69.

(С. Рудня, Ельн. у.).

Лѣкарь въ гошпиталѣ лѣчилъ дѣвицу и заинтересовался ею. Потомъ она встрѣчаетъ въ лѣсу парня, который бьетъ ее по лицу за невѣрность: отъ удара изъ ушка выпала сережка, изъ глазъ потекли слезы ручьемъ.

При дарожки ширакой,
У васпитальни у навой
Живеть лѣкарь маладой,
Лѣчить дѣвушки руку.
Іонъ выличиў руку,
Сталъ спрашивать у яе:
—Ты скажи-тка, ты, дяўчонка,
Чійго роду, чійго дому,
Какъ па именню завуть?
—«Маё имя—Катярина,
Багатага купца дочъ».
Абнимала тёмна ночъ
У зялёниинькымъ лужку,
На крутенькымъ биряжку.
Чиризъ малинькій часокъ
Пашла дѣўка у лясокъ;
На стрѣчу красный дѣвушки
Идеть парень маладой.
—Здрастуй, дѣўка, здрастуй, красна,
Здрастуй, душинька мыя,—
Ты скажи-тка ты, дяўчонка:
Вѣрна любишъ ты мяне?
—«Я по праўди я скажу:
Аднаво тябе люблю;
Я па истини разскажу:
Симярыхъ съ табой люблю».
Якъ удариў паринь дѣўку
У правоя вушка:
Сы правыга сы ушка
Вылизала сярёжка,
Сы ясныхъ маихъ ачей
Пратикалъ быстрый ручей.

(Отъ старухи Марьи Никифоровой).

70.

(С. Егорье, Дорогоб. у.).

Дѣвка парня поборола въ дѣвичьемъ собраньи; онъ жалуется матери, мать бранитъ его, а онъ ее успокаиваетъ.

Вышиў моладицъ на гулянния,
Ой да лёли, лёли, на гулянния,
Іонъ на дѣвичча сабрання:
—«Нѣтъ ли дѣвицы поумнѣя,

На славахъ зъ рячой паскладнѣя,
Са мной съ молыйцымъ пабарот-
ца?»
Дѣўка къ молыйцу выхадила,
Дѣўка молыйца избарола,
Ина синь кахтанъ измарала,
Кушакъ шолкавый разарвала,
Пухову шляпу съ кудирь збила,
Кудри русы успухлила,
Трость камышиву ина зламила.
Пайду къ маминьки, пупиняю:
—«Ужъ ты, мать мая, мать родная,
На што на горя зарадила,
Худэй долію надялила?»
—Я тябѣ, мой сынъ, гаварила:
Зъ етый дѣвицый ни ватайся!
—«Пастой, маминька, ни сярдися:
Наша дѣличка ўсё сыйдетца,
Кахтанъ сининькій абатрётца,
Кушакъ шолкавый іонъ сашьётца,
Пухова шляпа ина знайдетца,
Кудри шолкавы мы причешимъ,
Трость камышева зрастетца!»

71.

Парень спутилъ надъ дѣвицей шуточку: наступилъ ей на ногу. Дѣвка приняла шутку: зазвала парня въ гости, виномъ-медомъ поила, пирогами кормила, а онъ уже девятую любитъ.

Хадиў Ванька, гарюваў,
Па дяўчонки таскуваў:
Якъ къ дяўчонки падыйдить,
Дѣўкѣ шутучку спутить?
На праву нагу наступиў,—
Дѣўка шутку принила,
Парня ў гости зазвала,
Виномъ, медымъ паила,
Пирыгами кармила.
Кабы што жъ то быў за другъ,
Симярыхъ любиў падругъ,
А васьмую к... б...,
Дивятую мяне, мыладу!

72.

Въ саду цвѣтетъ „сладко вишинье“, лежатъ частые слѣды парня къ дѣвушкѣ; она согласна любить его изъ-за угощенія и гулянья съ нимъ въ городѣ.

А ў маёмъ жа саду
Сладка вишиньня твитеть,
Часты слѣдики лижать,
Кабы жъ тыя сляды
Давадили да бяды,
Да славушки худэй.
Чимъ ся славушку диржать,
Луччи такъ дружка любить;
А яго жъ та палюбить,
Па рынычку пахадить,
Зелина вина папить,
Сладкихъ вишенъ пупаѣсть!

73.

(С. Новоселье, Вяземск. у. и С. Даньково, См. у.).

Милый ходитъ мимо садика своей подруги и не заходитъ къ ней. Обговорили дѣвушку; но она надѣется сойтись опять съ своимъ дружкомъ.

Ахъ, ты, садъ, ты, мой садъ, зялененькій садочикъ,
Ни на мѣсти садъ, садокъ высыжинъ,—
Што ў чистымъ полюшки, мижъ дароженьки,
Куды милинькій гулять ходить;
Ка мнѣ къ дѣўкѣ ни заходить,

Што па 'бидушки бальшэй, па слави па худэй.
Я худую хударьбу вакругъ яе абыйду,
Вакругъ яе абыйду, пыцалую абниму.

74.

(С. Шаталово, Смол. у.).

Взаимная любовь парня и дѣвицы; люди осуждають ихъ за ночныя свиданія.

Дуринь, дуринь, дурачища,
Разудалый маладецъ,
Ты ни знаешъ, дурачища,
Охъ, пары-времичка ў сибе,
Якъ къ сударушки хадить,
Якъ сударушку любить.
Я сы вечира пашоў ба,—
Жаръ лучинница гарить,
Вся сямеюшка сядить ли,—
Охъ, яны рѣчи гаварять—и
Вси сударушку бранять—и
Вохъ, за худыя за дѣла,
За худыя за дѣла ли,
За паздныя вечира;
Сы палынычи пашоў ба,—
Жаль сударушку будить,
Жаль сударушку будити:
Въ яе голыва балить,
Въ яе голыва балить ли,
Самъ ни знаю, чимъ лячить,—
Палуштохъ вина вазьму я,
Я галоўку палячу.

(Отъ Ѳеклы Боборычихи).

75.

(С. Шоптово, Бѣльск. у.).

Всѣ кутятъ-мутятъ, разлучить дѣвицу съ милымъ хотятъ. Подарки дѣвицѣ отъ разныхъ ухаживателей—съ шуточнымъ оттѣнкомъ.

Либидень мой, либидень,
Лебёдушка бѣлая,
Па камушкамъ бѣгала,
Ни пра насъ ли, сударушка,
Люди баютъ-гаварять,
Всѣ кутять, всѣ мутять,
Разлучить зъ милымъ хатять.
Ни баюсь я вѣшный муки,—
Баюсь зъ милинькимъ разлуки,
Баюсь, баюсь батюшки,
Апасаюсь матушки.
Радимая мая мать,
Да табѣ мине ни ўнять,
Када я пашла гулять,
Сибѣ пару выбирать,
Сибѣ роўницу Симиёнушку,
Симиёна Кудриша—
Нѣту денихъ ни граша,
За то слава хараша,
Пахотка паўлиная,
Рѣчъ либядиная.
Зъ гару, на гару, ишла,
Тижало ў рукахъ нисла:
Карамысилъ да валёкъ,
Ящо милыва платокъ,
Ящо вѣстушку
Падабѣлиную.
Я хатѣла дабѣлить—
Пазабыла пазалить,
На камушку калатить.
Нихто Дуничку ня любить,
Нихто замужъ ни бяреть.
Палюбилъ Дуню Ванюша,
Падарилъ Дуни палушу,
А Мартинъ питялтынъ,
Сидаръ денюжку,
А Ягоръ падъ задоръ
Палтара рубля на столъ,
А Яхимъ бросилъ
Гривинъ восимъ
На визёныи чулки.
Я туды-сюды ступилъ,

Сибѣ тысичу скапилъ,—
Я за сту тысичу
Сибѣ голуба купилъ.
Пасажу я на вакошка—
На вакошки ни сяди;
Пасажу я на кравать—
Стой мой голубъ гарювать;
Пасажу я на кутъ—
Пригадиўся голубъ тутъ.

76.

Дѣвица не соглашается провожать дружка, съ которымъ проводила ночь: боится пересудовъ, назовутъ ее фабричною.

Ахъ, дума думу пашибаить,
Милъ на вѣки ну іонъ пакидаить,
Къ кырывати припыдаить,
Дяўчонычку разбужаить.
—«Ты устань-ка, красная дяўчонка:
На дварѣ бѣла заря,—
Прывади дружка съ двара!»
—Я бъ и рада дружка прывадить:
Будуть люди гыварить,
Будуть дурую ўзывать:
—Дура, дура, красныя дяўчонка,
Съ фабричныга двыра,
Падбитыя яе глаза,
Пызатёрты рукува.

77.

Дѣвица, вернувшись со свиданія съ охотникомъ, не говоритъ матери правды, гдѣ она проводила время.

Ишла дѣўка, приўпатѣла,
Атдыхнути захатѣла,
Сѣла дѣўка на лужочикъ,
Падъ любовинькій кусточикъ.
Два сабачки набѣжали,
Красну дѣвицу спужали;
На то время, на тотъ часъ—
Ахотничикъ сыйчасъ.
— «Польна, милинькій, чудить,
Время двору атпустить!
Будить маминька бранить,
Будить бить и бранить,
Вѣрна спрашивыть:
— Идѣ, идѣ, к.... дочъ,
Идѣ да етыга была?
— «А я ў тетиньки сядѣла,
На дядюньку сматрѣла,
Пива-меду ни пила,
Вина ў ротъ ни брала;
Толька зъѣла пиражокъ,—
Пиражокъ сердца абжогъ!»

78.

Пришелъ молодецъ ночью въ крайній дворъ на свиданіе,—милая не можетъ впустить его.

Святи, святи, мѣсячекъ, усю темну ночъ,
Асвяти дароженьку, куда милъ пашолъ.
Какъ зайшоў жа молыдецъ да ў крайній дварокъ;
А ў крайнимъ дворикѣ да й дѣўка хараша, Катюша душа.
—Катюшенька душа, атваряй варата!
— «Ванюшенька миленькій, ня время маё!»
— Катюшенька душа, нисчастья жъ тваё!

79.

(С. Хотьково, Сыч. у.).

Мать и сестра молодца разлучаютъ его съ дѣвушкой; она рѣшаетъ вести вольную жизнь съ холостыми молодцами. (Срв. стр. 292, № 47).

Туманъ въ поли при ў далини,
Широкъ листикъ на калини,—
Чуть пашири таво на дубочки.
Манилъ молыдицъ диўчонку,
Ни сваю манилъ онъ—чужую:
— «Пади, радысть, пацалую!»—
Зачѣмъ чужу цалувати,
Сваёй тольки назолу давати?
Сталъ малодчикъ дѣўку цалувати,
Стала красна дѣвица рыдати:
— «Ни плачъ, дѣўка, ни плачъ, красна:
Самъ я холыстъ, нижинатый.
Если я ўздумаю жанитца,
Просимъ милысти на свадьбу:
На маёй будить на свадьби,
Пива-вина будить многа,
Хлѣба-соли ещо болій».
— Мнѣ ни нада, милый, тваё пива,—
Диўнёшиньки твае рѣчи!
Твая маминька зладѣйка,
Систра твая лихадѣйка—
Разлучаить насъ съ табою,
Роўна рыбица съ вадою.
Щука-рыба живеть въ мори,
Ну, я, дѣвка, на всей воли;
Щука-рыба съ карасями,
Ну, я, дѣвка, съ маладцами,
Са такими да я съ удальцами,
Съ рибятами халастыми.

80.

Парень посылаетъ чужого отца сватомъ къ невѣстѣ-сиротѣ. Согласіе дѣвушки: приказала пріѣзжать къ церкви.

Мнѣ ня спитца, добрыму молыйцу, ня спитца,
А ў галавахъ яго кручинушка вяртитца.
Якъ задумалъ добрый молыдицъ жанитца,
Пасылаить чужога батюшку й у сваты:
— Ты ѣдь, паѣдь, чужой батюшка, й у сваты,
А къ-и тэй жа къ-и дяўчонки, къ-и сиротки,
А ти 'ткажить красна дѣўка, ти прикажить?—
Ни 'тказала красна дѣўка,—приказала,
Приказала вароныхъ коній гатувати.
Приказала красная дѣўка пріѣзжати
А къ-и тэй жа къ-и церкови, ко сабору.

81 а).

(С. Шоптово, Бѣльск. у.).

Милъ уѣхалъ, не простился, довелъ дѣвушку до худой славы.—Сынъ проситъ у отца позволенія жениться на любимой имъ дѣвушкѣ; отецъ не позволяетъ; сынъ лишаетъ себя жизни.

Распатѣшная канарейка,
Утѣшай зъ горя мине.
Маё горя ўсѣмъ извѣсна:
Милъ уѣхалъ атъ мине,
Милъ уѣхалъ, ни прастился,
На пращенья ни зайшолъ,

Знать, што іонъ мине пазабылъ.
Пайду—выйду, маладенька,
У навую клѣтачку ядна,
Аттварю я ў клѣти двери,
Пущу пташку на волю,
Два славечка прикажу,
Два славечка патайныи:
— Злити къ милыму майму,
Сядь на яблапку кудряву,
Сядь на вѣтку зиляну,
Запой пѣсенку наву,
Раскажи дружку майму
Пра жисть-горя пра маё.
Маё горя ўсѣмъ извѣсна:
Милъ уѣхалъ атъ мине,
Милъ уѣхалъ, ни прастился,
Знать, што іонъ мине спазабылъ.
Какъ у нашимъ у Смаленски,
У виселый слабады,
Лѣтъ 17-ти мальчишка—
Нижинатый, халастой;
Іонъ уздумалъ ажанитца,
Дазваления сталъ прасить:
— Пазволь, тятинька, мнѣ жанитца,
Пазволь взять, каво люблю!
Атецъ сыну ни павѣрилъ,
Што какая есть любоў:
— «У насъ на свѣти на примѣти,
Далжно всѣхъ равно любить!»
Атвернулся сынъ атъ атца,
Іонъ заплакалъ да й пашолъ,
Къ сваей любушки зайшолъ:
— Выйди, Саша, выйди, Маша,
Выйди, любушка мая:
.Два славечка я скажу.
Ужь ты, вучасть, мая вучасть,
Вучасть горькая мая,
Да чаво жъ ты давила!
Давила ты мине, вучасть,
Да горюшка, да бяды,
Да славушки да худой.
Ни на то мальчикъ радился,
Што жъ ба горя гаривать,
А на то мальчикъ радился,
Што жъ ба зъ дѣвушкый гулять.
Падарилъ Маши калечка,
Съ правый ручки пирстянёкъ.
Ишоў лѣсымъ. пирялѣскымъ,
Ишоў дарожкый сталбавой,
Какъ и выниў вострую саблю—
Снялъ галовушку далой.
Вотъ тада батька павѣриў,
Што на свѣти іость любоў.

81 б).

Ужъ ты, пташка канарейка,
Звисяли горя маё!
Маё горя ўсѣмъ извѣсна,—
Забыў милый пры мяне;
Іонъ забытца, ни забыўся—
Даляко 'тъ мяне живеть,
Письма грамыты ня шлеть.
Аттварю я пташки клѣтку,
Пущу пташичку на волю:
— «Ты ляти, мыя пташка,
А ў зялёныя сада,
Сядь на вѣтку зилянүю,
Запѣй пѣсинку навую.
А што ў нашій у дяреўни
У вясёлый слыбадѣ.
Лѣтъ семнадцати мальчишка,
Нижинатый, хыластой,
Ни магеть жа іонъ спраситца
У вытца зъ матушкый раднэй;
Іонъ съ угрозый къ имъ падходить,
Начинаить гаварить:
— «Пазволь, батюшка, жанитца,
Каго хачу, таго ўзять!
Хачу ўзять сибѣ Катюшку,
Викавѣшную душу».
Ни пазволиў атецъ сыну,
Каго хочить, таго ўзять.
— Съ таго горя, съ тэй дасады,
Пайду ў зелинъ садъ гулять! 2
Сняў галоушку іонъ съ плечъ,—
Тады батюшка павѣриў,
Што на свѣти іось любовь.

81 в).

Ужъ ты, пташка канарейка,
Звесяли горя маё!
Маё горя ўсѣмъ извѣстна,—
Милъ уѣхаў атъ мяне;
Милъ уѣхаў, ни спрасиўся,—
Знать іонъ мяне пазабыў,
Пайду, схажу у каморку,
Да я ў пташечки спрашусь:
— Трудна ль табѣ, пташка,
За ряшоткаю жить?
Атварю я ў клѣтки двери,
Пущу пташку на волю:
— «Ляти, пташка канарейка,
Къ майму милыму ў садокъ,
Сядь на яблынку кудряву,
Сядь на вѣтку зиляну,
Прапой пѣсинку адну—
Всё пра участь пра маю:
— Ужъ ты, участь мыя, участь,
Да чаво ты миня давила?
Давила ты меня, участь,
Всё да горя, да бяды,
Да славушки да худой.
Худа славушка прайдеть,
Нихто замужъ ни вазьметь.
Какъ у нашей у дяреўни,
Развясёлый слабадѣ,
Паринь съ дѣвушкый спазнаўся,
Іонъ не могъ её забыть.
Пайду ў батюшки спрашуся
Баславѐньня пупрашу:
— «Пазволь, батюшка, мнѣ жанитца,
Ету дѣўку замужъ брать».
— Ни пазволю, сынъ, жанитца
Ету дѣўку замужъ брать:
А у свѣти дѣвыкъ многа,
Многа луччи за няе.

(Отъ плотниковъ Красноболотской волости, Дорогобуж. у.).

82.

Зеленый яворокъ нагнулся; молодецъ скученъ: не позволяетъ ему мать жениться на любимой дѣвушкѣ. Для коня тяжелы частыя ночныя поѣздки молодца къ своей сударушкѣ.

А зялёненькій яварокъ, чаго нахилиўся?
Малоденькій мыладецъ, чаму ни жаниўся?
Ни вялѣла мати пары-время ждати,
Па рынку гуляти, Марусеньку ўзяти.
Маруся маленька, личикымъ бяленька,
Очень пригаженька.
Какъ паду я, мыладецъ, у новую стайню,
Какъ вазьму я, мыладецъ, кыня выранога,
Какъ паѣду, мыладецъ, па тёмныя ночки,
Па тёмныя ночи, па торнэй дарожки;
Пріѣжжаю, мыладецъ, къ-и тёмныму лѣсу,
Къ-и бѣлый бярёзи, къ-и навэй карчёбки;
Привяжу я каня къ-и бѣлый бярёзи,
А самъ пайду, молыдицъ, у новыю карчёбку,
У новыю карчёбку къ дѣўки на пярины.
Выхажу я, молыдицъ, сы новэй карчёбки:
— «А што жъ ты, мой коня, скушинъ, нивясёлый?
Ти табѣ жъ то тяжка ды мыя сирмяжка?»
— Ни тяжка, ни тяжка мнѣ твыя сирмяжка,
А тяжка мнѣ, тяжка нычная паѣздка:
А ты самъ, молыдицъ, и пьешъ, и гуляешъ,
А на мяне, кыня, кыня забываешъ!

83 а).

Дѣвицу ведутъ къ вѣнцу съ нелюбимымъ человѣкомъ, и не можетъ она переглянуться съ любимымъ дружкомъ: глаза ея закрыты, брови позатерты отъ слезъ. Сожалѣніе молодца о своей любви, о подаркахъ дѣвицѣ.

Што мыя сударушка замужъ идеть.
Пайду жъ то я, добрый молыдецъ, въ новую горенку,
А ужу мыя сударушка за сталомъ сядить.
— Махни, махни, мыя сударушка,
Махни, махни правыю рукою!
— «Я бъ и рада, другъ, махнути,—за руку диржать!»
— Миргни, миргни, ты, мыя сударушка,
Миргни, миргни, чорными браўми!
— «Я бъ и рада миргнути,—брови позатёрты!»
— Узглянь, узглянь, милыя сударушка, ясными глазми!
— «Я бъ и рада, другъ, взглянуть,—глазы пазакрыты!»
А свѣтъ маихъ паходушекъ, што я къ ей хадиў,
А свѣтъ маихъ сапожикыў, што я патаптаў,
А свѣтъ маихъ гастинчикыў, што я пакупляў:
Хуть ба ина дасталыся падругу майму,
А то жъ ина дасталася зладѣю майму!

83 б).

Съ-падъ рощицы, съ-падъ зялёный вѣтрики шумять;
Съ таго дварца, съ таго крыльца дяўчонычку вядуть:
Адинъ вядеть за ручиньку, другей за другую,
Третьтій стаить, животъ-серца балить:
— «Свѣтъ маихъ пакупычикъ, што я ей купляў;
Кармиў, паиў дяўчонычку, чаиў за сябе.
Хучъ ина дасталася бъ другу маяму,
А то ина дасталася зладѣю маему,
Зладѣю-лихадѣю, брату родныму!»

83 в).

Кала майго кала садику дарожка ляжить широкенькыя,
А ў маемъ жа садику пташечки пяють,
А мнѣ, а мнѣ, мыладёшеньки, зазнобу дають.
Слышу-вижу пра сударышку, што замужъ идеть:
А свѣтъ мае пакупычки, што я накупляў,
А свѣтъ мае да пыдарычки, што я даруваў,—
Дыстаетца сударушка зладѣю, ня мнѣ!

83 г).

Листы мае лавровыя бязъ вѣтру ўсё шумять.
Ни шумитя, абаждитя на ядиный часъ!

Часы мае минутныя... У садѣ сылавей...
Ня пой, ня пой, саловьюшка, рана по зари,
Не давай-ка зазнобушки серцу мояму:
А ўжу маё сярдечушка зныла ў ва мнѣ,
Яно зныла й забалѣла, якъ жолтый интарь.
Съ-падъ камушка-кремяшочка ручаёкъ тякеть;
За рѣчкаю за быстраю пѣсенки пяють:
А знать маю сударыню къ винчальни вядуть:
Адинъ вядеть за рученьку, другей за другую;
Третій стаить—серца балить: любиў да ни ўзяў.
—«А свѣтъ маей сударушки, што я любиў;
А свѣтъ маихъ пакупычекъ, што я ей купляў;
А свѣтъ маихъ падарычкыў, што я ихъ дариў.
Дысталась сударушка людямъ, да ня мнѣ,
Ина людямъ—ня мнѣ,—зладѣю мыяму,
Ина зладѣю-лихадѣю, брату родныму!»

84.

А што жъ ты, голабъ, сянни нявесилъ?
— Ну, и якъ жа мнѣ вясёлому быть?
А я ўчора вячоръ съ галубкай литаў,
Сянни пó вутру стряльцы ўзъѣхали,
Стряльцы ўзъѣхали, галубку ўбили.
Мнѣ ни жаль таво, што яе ўбили,
Тольки жаль таво, што кроў разлили.
А што жъ ты, парень, сянни нявесилъ?
— Ну, и якъ жа мнѣ висёлыму быть?
Охъ, а я ўчора зъ-вячоръ зъ дяўчонкый гуляў,
Сянни по вутру сваты ўзъѣхали,
Сваты ўзъѣхали, дяўчонку ўвязли.
Мнѣ ни жаль таво, што яе ўвязли,
Тольки жаль таво—косу распляли,
Косу распляли, слёзы разлили.

85 а).

(С. Злотово, Ельн. у.).

Несчастная любовь. Проснулся голубокъ, ищетъ голубки, а она лежитъ подстрѣленная подъ грушей, подстрѣлилъ ее капитанскій сынъ (вар.—панскій слуга).

Што жъ ты, галубчикъ, смутенъ нивясёлъ?
—«Якъ жа мнѣ, галубчику, вясёлыму быть?
Я ўчора са вечира съ галубушкый спалъ,
Я правымъ жа крылышкымъ галубушку абнялъ,
Я лѣвыя крылышка падъ галоўки клалъ,
Я сваю галубушку душой называлъ.
—Душа мой галубчичикъ, биряги мяне,

Биряги мяне, ни ўпусти мяне!»
Прашнуўся галубчикъ—галубушки нѣтъ.
Метаўся, брасаўся па ўсимъ старанамъ,
 Пу бальшимъ садамъ;
Нашолъ іонъ галубушку ў бальшомъ саду,
У бальшомъ саду падъ игрушію:
Ужу мая галубушка падстрялёная,—
Падстрялиў яе капитаньскій сынъ,
Капитаньскій сынъ, винэральскій чинъ.

86 б).

Што жъ ты, гулинька, скушо́нъ, нивясёлъ,
Скушо́нъ нивясёлъ, приўгарюниўся, приўзадумаўся?
—«Во якъ жа мнѣ, гулиньки, вясёлыму быть:
Йа ўчора, са вечира, галубка была,
Да галубушка сизая на крыльцѣ была, на крыльцы пала;
Паўши на крылечушки, лапками абнила;
Й абняўши лапками, (2) абняўши ина лапками, разгаварі-
ить:
—«Спи жъ ты, мой гулинька, ни праспи зари,
Ни праспи жъ ты зориньки, ни прапой мяне!»
Якъ прашнуўся гулинька,—галубушки нѣтъ.
Кидаўся, брасаўся жъ іонъ па щирыхъ барахъ,
Па щирыхъ барахъ, па щирыхъ барахъ, па тёмныхъ
па лѣсахъ,
Па ў тёмныхъ лѣсахъ, па зеляныхъ садахъ.
Знашоў сваю гулиньку въ зиляномъ саду,
Ну ў зялёнымъ садику, падъ игрушію,
Падъ игрушею падъ зялёнэю падстрялёнэю...
А хто жъ тябе, гулинька, падбиў, падстрялиў?
Падбиў мяне, падстрялиў мяне
Съ панскыга двара панава слуга».

87.

(С. Рудня, Ельн. у.).

Милый голубкомъ слетаетъ въ садъ къ своей подружкѣ; охотнички хотятъ стрѣлять его, а подружка заступается за него.

Скушна, грусна мнѣ, млайцу,
Въ тёмнымъ лѣси, ў тёмнымъ
лѣси,
Въ лѣси начувать,
Въ тёмнымъ лѣси, лѣси начувати,
Любезнаю сваю дажидать.
Ни пуспѣў я сѣсть за кустокъ,
Любезная бягить у лясокъ.
Я любезный сваей узрадуваўся,
Выши рощи узняўся,
Сыпущаўся сизымъ галубочкымъ
На сладкую ў саду ябланку.
Завидили ахотнички, парни маладыя,
Хатять голыба, голыба стрилять;
Завидила яго сударыня зъ висакога
терима,
Кричить скора, скора сы балкона,
Сы красныга ина сы вакна:

—«Ахотнички, вы, парни маладэя,
Ни стриляйтя вы сиза голуба майго са лука:
Пущай голыбъ, пущай мой сизый галубочикъ,
Въ маёмъ саду, іонъ у саду паживеть,
Іонъ сладкихъ яблыкъ, яблыкъ паклюеть!»

(Отъ Марьи Никифоровой).

88.

(С. Плоское, Смол. у.).

Охотнички поймали перепелку съ руками, съ ногами, съ русою косою.

Кала тихыга Дунаю добрый молыдицъ гуляить,
Добрый молыдицъ гуляить, въ звонки гусли играить;
Въ звонки гусли играить, красныхъ дѣвыкъ спадманяить.
Вы дѣўки, дявочки, ўсё Иваныви дочки,
Усё Иваныви дочки, сами замужъ захатѣли,
Сами замужъ захатѣли за Иванюшу, Пятрушу.
А Иванюша и Пятруша ўсё ахотнички были,
Усё ахотнички были, ўсё па ахотушки хадили,
Усё па ахотушки хадили, пиряпёлыкъ лавили;
Паймали пиряпёлку са руками, са нагами,
Са руками, са нагами, са буйною галавою,
Са буйною галавою, са русыю са касою.

(Отъ Матрёны Михалёвой).

89.

(Д. Слобода, Смол. у.).

Дубу не жалко, что березу рубятъ, лишь бы ее въ печку не кидали; парню не жалко, что дѣвицу любятъ, лишь бы ее въ лицо не цѣловали.

Ты, зялёнинькій дубочикъ,
Ти ни жаль тябѣ бярёзы.
Што сякуть яе, рубають?
—«Пущай сякуть и рубають,
Тольки ў печку ни кидають».
Ты малодинькій парнишка,
Ти ни жаль тябѣ дяўчонки,
Што иныя парни любють?
—«Пущай любють и жалѣють,
Тольки ў личка ни цалують:
Яе личка, якъ брушничка,
Сама дѣўка ни вяличка.
А ихъ рожа ни пригожа,
На любоў шельма ня схожа».

(Отъ Өедосьи Сиваёвой).

90.

Болѣзнь и смерть невѣсты молодца.

Што не агонь гарить, ни смала кипить,
Раскипѣлася у молайца сердечка:
Не па атцу яно, ни па матушкѣ,
Но па тэй душѣ, краснэй дѣвушкѣ.
Красна дѣвушка незмажна, бальна,
Незмажна, бальна—переставилась.

Какъ пайду, маладецъ, въ канюшеньку,
Асѣдлаю я каня ворана,
Паѣду я къ Божій церькыўки:
Сама церькыў растварилася,
Сами званы зазванилися,
Сами книги зачиталися,
Сами свѣчи загарялися.
Какъ пайду я, молыдецъ, на магилачку,
Привяжу каня къ платинычки:
—«Ты устань, дѣўка, распращаемся,
На падарычки размѣняемся:
Ты падай, дѣўка, тальянъ-платокъ,
Ты на, дѣўка, зылато́ калечка!»

91.

(С. Каблуково, Красн. у.).

„Стрепенулось“ у парня сердце по прежней сударушкѣ. Парень проситъ дожди размыть пески до гробовой доски, хочетъ размѣняться съ умершей дѣвицей подарками—платочкомъ и кольцомъ.

Ни сине море скалыхнулыся,
Ни бѣла рыба стрипянулыся,
Стрипянулыся въ парня сердечка
Ни па 'тцу свайму, ни па матушки,
Што па прежній па сударушки.
Вы устаньти-ка, буйныя вѣтрики,
Вы ни гоньти-ка тучу грозную;
Вы прайдити-ка, дробны дажжи,
Вы размойти-ка жалты пяски,
Жалты пяски да грабавэй даски!
Ты ўстань, ўстань, красная дѣвушка,
Разминяимся на падарычки:
Ты атдай маё залато кальцо,
Ты прими свой шалкавэй платокъ,—
Шалкавэй платокъ—толька 'бносычки,
Залато кальцо—толька 'бломычки.

92.

(С. Крутиловка, Ельн. у.).

Отсутствіе милаго дружка и вѣстей о нёмъ, одиночество дѣвушки. Разговоръ дѣвушки съ могилой, гдѣ покоятся два дружка,—и тамъ нѣтъ милаго: онъ въ тюрьмѣ.

Скушнѣй маей долюшки ў бѣлымъ свѣти нѣтъ,
Ну, што зы няволюшка, бязъ милова жить!
Ны гарѣ високій два христа стаить;
Падъ тыми христами два гроба стаить;
Падъ даской дубовыю два дружка ляжить.

Часта сы слизами я спрашивала:
—Нѣтъ между вами дружка мыяво?
Магила 'твичаить: «тута, здѣся нѣтъ»;
Ящо пуўтырянть: забыть пры яво!..
Зялёныя рощица ня времимъ твитеть;
Сыма рощу садила, сыма буду паливать;
Сыма дружка любила, буду гурювать.
Якъ жиў я ў Расеюшки, ў сильный, быгатый,
Тяперя ў няволюшки, якъ у темный тюрьмѣ;
Всё дружьё пріятили ня ходють ка мнѣ,
А дробныя дѣтушки плачуть аба мнѣ.

93.

Подозрѣніе въ измѣнѣ милаго, стремленіе летѣть къ нему на крыльяхъ, побывать у него на могилкѣ, прибрать его косточки, схоронить и оплакать ихъ.

Была мнѣ, была время дарагоя,
Када милый другъ любиў,
Ну, теперя варваръ позабыў,
Вѣрна, иную спалюбиў.
Ни желала бъ да я ў Бога счастя,—
Быстрыя крылушки себѣ;
Я бъ взнилася бъ, да я палетѣла,
Идѣ мой милый вбитъ ляжить;
Я жъ ба костаньки яго прибрала,
Увязала бъ у платокъ,
Палажила бъ у грабокъ;
Палажиўши у грабочекъ,
Правадила бъ правадочекъ;
Правадиўши бъ да я правадокъ,
Пратянула бъ галасокъ:
—«Зарастай-ка ты, мыя магила,
Всё травою-муравой,
Да ўсё алами цвѣтми!»

94.

(С. Свалы, Смол. у.).

Два коршуна говорятъ правду о непріятныхъ сторонахъ любви и разлуки.

На рѣчушки два вьёнчушка вьютца,
Вились, вились и ўрозь палятѣли;
Палятѣли у чистыя поля,
Сѣли-пали ў поли при ў дарози,
У поли при ў дарози, на бѣлый бярёзи.
Мижда сабе рѣчи гаварили:
—«Тошна, тошна, хто каго любить,
А ташнѣй таго разстреетца:
Разстряетца милый са милою,
Якъ братицъ съ сястрою».

(Отъ Остапа Яковлева).

95.

(С. Иньково, Порѣч. у.).

Неотвязное горе въ разлукѣ съ милымъ. Воспоминаніе о прежней любви: сходились подъ малиной, расходились подъ осиной.

Ватвяжися, ваткаснися, мое горя,
Хать я трошачку бязъ горя пагуляю,

Красату сваю дявоччу пувидаю.
Идѣ жъ, идѣ жъ бы любезныга увидати?
Я бъ и пташкаю къ миламу палятѣла,
Я жъ ба спѣла любезнаму ету пѣсню:
Ай, ти спомниў, друхъ любезный, ти забыўся,
Якъ мы ў зеленымъ садочку мы гуляли,
Падъ зяленыю игрушію сядѣли?
Ва схадили, друхъ любезный, а мы тайна,—
Расхадились, друхъ любезный, людёмъ яўна;
Ва схадились, друхъ любезный, падъ малинкай,—
Расхадились, друхъ любезный, падъ асинкай.

96.

Птички жалостно поютъ—разлуку даютъ дѣвицѣ съ милымъ дружкомъ.

Никакъ ниўвазможна ноничи пражить, 2
Дружка любить можна, ни 'бъ чомъ ни тужить.
Думаю, й падумаю: нямилъ бѣлый свѣтъ;
Бижала бъ я ў тёмный лѣсъ, въ лясу пользы нѣтъ:
На кустику пташечки жаластна пяють,
А мнѣ, мыладёшеньки, разлуку дають,
Такую-й разлучиньку—разлучають насъ,
Разлучають насъ са милымъ дружкомъ.

97.

(С. Крутиловка, Ельн. у.).

Дѣвица пренебрегаетъ молодцемъ; прежде была имъ занята, теперь не хочетъ знать его.

Са горки, горки, са Дунаю,
Тамъ пагуливаў адинъ милый мой,
Сы харошею дѣўкый, са мной,
Да іонъ мной, дуракъ, выхваляўся.
—«Ни выхваляйся, да милый мой, мною:
Ни нуждаюсь я, дѣўка, табою:
Ни зынята я, дѣўка, табою:
Выда была бъ я, да дѣўка, занята,
Я жъ бы слушала, дѣўка, тябе,
Но тяперя я ни зынята,
Дыкъ ня слушаю тябе».

98 а).

Дѣвушка посадила подъ окномъ горькую калину,—разлука ея съ молодцемъ. Поливаніе калины, воспоминаніе объ молодцѣ; пишетъ она письмо горькими слезами, отсылаетъ буйными вѣтрами.

А ўвсѣ дѣўки замужъ попавышли,
Адна я 'тстаюся,
Адна, й адна дѣўка застаюся,
Горя набяруся.
Пайду зъ горя я ў чистоя поля,
Я ў чистоя поля.

Въ чистомъ поли, ў широкымъ
раздолли,
Стаить кустъ калины.
Выкапаю горькую калину
Въ самый каряшочикъ,
Пасажу я горькую калину
Милму падъ вакошка.
Милъ калину да іонъ паливаить,
Тижало вздыхаить.
—«Если станеть, станеть табѣ
тошна,
Пиши ка мнѣ письмы!»
—Писать, писать, писать я ўмѣю,—
Писарёў ня мѣю!
Напишу я ета тваё письмо
Горьками слезами;
Аташлю я ета тваё письмо
Буйнами вѣтрами:
Буйныя вѣтры, вѣтры зашумѣли,
Письма загримѣли,
Буйныя вѣтры, вѣтры станавились,
Письмы разламились.

98 б).

Молодецъ обманываетъ дѣвицу: напрасно ждетъ она его на свиданіе. Выкопала она червону калину и посадила подъ окошкомъ.

Нисчасливая тая путь-дарожинька,
Куда милъ задумалъ.
А я, млада, дома атстаюся,
Дома атстаюся, горя набяруся.
—«Ты не плачъ-ка, мыя милая,
Не плачъ, ни пичалься!
Придеть празникъ-васкрясення,
Бялися, румянься 2, мяне дажидайся!»
Ждала день, и ждала дружка два
дни,
Ждала ўсю нядѣлю,
Да й ждать перистала.
Пайду зъ горя я ў чистоя поля,
Пайду прагуляюсь,
Выкапаю, млада, червону калинку
Падъ самый каряшочикъ,
Пасажу я чарвону калинку
Въ садѣ падъ акошкомъ.
—«А расти, расти, чарвона калина,
Расти, ни ўсыхайся,
Живи, мыя милая,
Ни абъ чомъ ни пичалься!»

99.

(С. Хохловка, Смол. у.).

Парень зоветъ дѣвицу въ темный лѣсъ рябину ломать; срубилъ рябиницу, посадилъ въ саду, поливаетъ ее, чтобъ принялась.

Заветь паринь дѣўку
Въ тёмный лѣсъ гулять,
Рябину лумать.
—«Стяку, срублю рябиницу
Падъ самый каряшочикъ,
Пасажу рябиницу
Въ садѣ, ни ў гародѣ,—
Буду тую рябиницу
Часта паливать:
—«Расти, расти, рябиница,
Расти принимайся,
Живи, мыя любезная,
Ни абъ чомъ ни пичалься,—
Ни абъ чомъ ни пичалься,
Пиши ка мнѣ письма!»
—«Писать писемъ я ни ўмѣю
Писарёў ня ймѣю!»—
Напишу адно письмо я
Буйными слизами,
Аташлю я письмо
Буйными вѣтрàми...
Милый по саду гуляить,
Письмо принимаить.
(Срв. предыдущій №).

100.

Дѣвица садится въ горѣ подъ окномъ: подъ лѣсомъ всѣ лебедушки сѣли по парѣ, она сидитъ одна. Грустная разлука съ милымъ дружкомъ, который не отвѣчаетъ на письма.

Прахади-тка, маё скушныя время!
У гористяхъ дѣўка спать лажилась,
Прасыпалыся ў слизахъ
Падъ вакошичкымъ дѣвушка садилась,
Ина ў акошичка сматрѣла,
Што съ-падъ лѣсу, съ-падъ лѣсочку,
Пралетала стада либядей,
Всѣ лябёдушки сѣли по парѣ,
Ужъ я, красна дѣўка, сяжу я адна.
Сколька я, сколька дружку писимъ пасылала,
Вѣрна милый ни читаў;
Сколька я, сколька паклонъ пасылала,
Вѣрна милый ни слыхаў.
Атстаюсь я, дѣвушка нисчасная,
Горькыю сиратой.

101.

1) Молодку беретъ грусть-тоска объ дружкѣ, живущемъ далеко отъ нея 2) Охотнички хотятъ бобра бить, дѣвкѣ шубу шить.

Малодка, малодка, ты, малоденькая,
Галоўка твыя пабѣдненькая,
Съ кимъ жа мнѣ, малодки, спать будить начувать?
Ляжу спать адна безъ мила дружка.
Абъ нёмъ грусть таска, грусть таска бяреть:
Даляко милъ живеть,
Далеча, даляко, да на той старанѣ,
На той старанѣ, ня близка ка мнѣ.
Ходить мой милой да тою старанoй,
Машить мой милой правыю рукой,
Ручку правую, да шляпый чорную.
Купаўся бабёръ, купаўся чарной,
Ня выкупаўся, іонъ вымыраўся.
Ахотнички ходють, хочуть бабра бить,
Хочуть застрялить,
Хочуть застрялить, да дѣўки шубу шить,
Дѣўки шубу шить, бабромъ абпушить.
Апушка баброва, дѣўка чернаброва.

102.

Мѣсяцъ и солнце—свидѣтели горя дѣвушки; дѣвушка, стоя надъ рѣкой, прощалась съ молодцемъ.

Ясный мѣсицъ, будь свидѣтиль, што ни сплю;
Красна сонца пра то знаить, што тярплю!

Въ маемъ доми нѣтъ заботы никакой,
Я съ тае таски стыяла надъ рякой,
Слезна плакала, размоўляла съ малайцомъ.
Еслибъ милыга вальною принясло,
И ўсе бъ горя и зъ таскою разнясло!
Милъ паѣхаў, ни сказаў: душа, пращай!
Толька милинькій слизами агарчиў!

103.

Катились съ горы сани и остановились,—любились, да перестали по легкомыслію молодца.

Катилися съ гары сани, при ў далини стали.
Любилися мы три года, тяперь перистали.
Дли чаво была влюблятца, када разставатца?
Малодага мальчишечки во разумъ расхожій:
Куда вѣтиръ павѣить, туда вѣтицу нагнеть.

104.

Дѣвицу сокрушаетъ невѣрность молодца, и она не хочетъ говорить съ нимъ. Голубка роняетъ перья,—плохая жизнь дѣвицы на чужбинѣ.

Што ня сизъ голубъ па галубничку литаить, [1])
Добрый молыдицъ па вулицы гулянть,
Частёшанька падъ вакошка падъизжаить, [2])
Іонъ сваю ли душу Машу прабужаить:
— «А ти спишъ ты, мыя радысть, ай ня слышишъ,
Што са мною, мая радысть, ни гаворишъ?»
— Ужъ я рада съ табою, мой другъ, гаварила,
Ну, твая мяне невѣрнысть сакрушила,
Што такога тирана спалюбила.
Ты ня любишъ, зладѣй-варвалъ, толька й мучишъ,
Никакой съ тябе карысти ни палучишъ,
Толька палучишъ, зладѣй-варвалъ, злэй напасти,
Атъ каторый жа напасти запрапасти, [3])
Атъ которыя пагибели пагинуть...
А лятѣла галубушка съ Украины,
Уранила сиза пяро на далини,—
Таково мнѣ, красный дѣўки, у чужбини.

105.

Развились кудри молодца по плечамъ, разошелся онъ съ сударушкой по рѣчамъ.

Ужъ ты, мальчикъ, мальчишка, другъ ты мой,
Кучурявыя галовушка твыя,
Кабы хто жъ тябе, мальчишка, парадиў?

---

[1]) Вар.: Ни галубушка у галубничку литаить.
[2]) Вар.: ...ў акошичка паглидаить.
[3]) Вар.: Атъ напасти красный дѣўкѣ запрапасти.

Пырадила мяне маминька рыдна;
Узрастила чужа й дальня стырана,
Бѣла вымыла вальнистая выда,
Завила кудри сударушка толька мыя,
Виўши кудри, пригываривала:
Кагда рѣчушки разойдутца,
Тыгда й кудирьки разовъютца.
Разливались быстры рѣки пу лугамъ,
Ахъ, и развивались русыя кудри пу пличамъ;
Разыйдемся мы съ милинькимъ пы ричамъ.

106.

(С. Шаталово, Смол. у.).

Разлука парня съ дѣвицей.

А што твили, твили ў поли твѣтики, 2
Твили, ды й пувяли, 2
Што любиў, любиў паринь дѣвушку
Долга пары время,
Любиў, да й пакинуў.
На праходи пары время 2
Съ дружкомъ растривання,
Съ милымъ дружкомъ растривання,
Слизамъ разливання.
Пращай, горадъ, пращай, Питирь, 2
Съ крутыми гарами,
А ты, мая любезная,
А ты жъ, мая любезная,
Съ чорными бравями.
Запригай, милый, карету, 2
Сяду я, ды паѣду;
Запригай, милый, другую, 2
Садися ў любую.
У насъ кони вараныя, 2
Слуги маладыя;
На слугахъ платья нямецки, 2
Сукны дарагея;
А у ихъ сукны дарагея, 2
Шляпы пухавэя,
А у ихъ шляпы пухавэя, 2
Кудри завитэя;
А зъ раскоши кудри вьютца, 2
А зъ пичали сякутца.

(Отъ Ѳеклы Боборычихи).

107 а).

Престалъ купчикъ любить дѣвицу и сталъ несчастливъ,—хочетъ снова съ нею сойтись. Дѣвица кладетъ милому вѣнокъ на голову, проситъ не сбрасывать вѣнка и не переставать любить ее.

Ахти, горя вяликыя,
Печаль таска несносная!
Пайду съ горя ў чисто поля,
Пайду съ таски ў тёмны ляски.
Въ чистымъ поли, падъ кустикымъ,
Сядитъ дѣўка ой съ купчикымъ.
Купецъ дѣўку угавариваитъ:
— «Ты, дѣвица-красавица,
Какъ тябе любиў, счастливъ я быў;
Атъ тябе атстаў, несчастлиў стаў!»
— Пайду ў садокъ, сарву твятокъ,
Сарву твятокъ, саўю вянокъ,
Палажу вянокъ на галовушку,
На галовушку свайму милыму:
— Наси вянокъ, ня скидывай,
Люби мяне, не пакидывай!

107 б).

Въ чистымъ поли, падъ дубчикымъ,
Тамъ сядить дѣўка сы купчикымъ.
Купецъ дѣўку згавариваў:
— «Ты, дѣвушка-красавица,
Да ты, дѣвушка-красавица,
Мая прежнія забаўница,
Када я любиў, счастлиў быў:
Перистаў любить, нисчастный стаў!»
Пайду съ горя въ чисто поля;
Пайду съ таски, въ тямны ляски.
Въ тямныхъ лѣсахъ кусты густы;
На кустикахъ всё пташечки,
На кустикахъ всё мелкіе.
Въ чистомъ поли твяты твятуть.
Сарву твятокъ, саўю вянокъ
Свайму дружку на галовушку:
Наси, мой другъ, ни збрасывай,
Пра ўсё горя ни сказывай!

108 а).

Кукушка, кукуя въ зеленомъ саду, даетъ зазнобушку сердцу дѣвицы, забытой милымъ дружкомъ.

Забыў, забыў мой милой другъ,
Забыў шельма пра мяне,
На чужой на старанѣ,
У чужихъ, братцы, людяхъ!
Ужъ я съ горя, са таски
Пайду ў темныя ляски!
А ў тёмнымъ лясочку
Не слышна ничаго;
Сучча зъ вѣтьтимъ гаварять,
Мелки пташечки паютъ.
Не кукуй, кукушенька,
Въ зялёнымъ во саду,
Не давай зазнобушки
Майму сердцу-живату!

108 б).

Дѣвушка, забытая дружкомъ, проситъ канарейку утѣшить ее въ горѣ.

Охъ, да ты, пташка-канарейка,
Канареичка мыя утѣшная,
Ватѣшай съ горюшка мяне!
Маё горе была яно извѣстна:
Забыў милый дружокъ пры мяне.
Охъ, да можетъ быть ли дружокъ ни забылъ,—
Дыляко мой милинькій живеть.
Ахъ, да й аттварю я сваю злату клѣтку,
Канареичку съ горя й пущу:
— Ты ляти-ка, пташка-канарейка,
Ляти ў зелинъ садичикъ гулять,
Ты запой-ка, пташка-канарейка,
Запой громкымъ жалкамъ гыласомъ!

109.

Дѣвица птичкой полетѣла бы къ милому, чтобы пропѣть ему пѣсню про старую забытую любовь.

Атвяснися, маё горя, атвяжися!
Хужъ нямножечка я безъ горя пагуляю,

Маладость сваю буйную да я павидаю!
Ужъ я птичкый канарейкый палятѣла бъ,
Ужъ я сяду къ милыму на калѣни,
Запяю я милыму ету пѣсню:
—Да ти помнишъ, милый другъ, ти забыўся,
Какъ мы съ табой въ зялёнымъ садику гуляли,
Падъ зялёными грушами садились,
Тайныя рѣчи гаварили? (Срв. № 95).

110.

(Д. Слобода. Смол. у.).

Дѣвица пеняетъ на измѣну дружка,—напрасно она любила.

Ну, прайшли мае вясёлые часы,
Скора ўскрыитца охъ и злость маей красы.
Вужъ и тая правужтàкая любоў,
Аттаво распалила ў лицы кроў;
Я ни знала, што на свѣти есть любоў,—
Во вужъ вѣрна я спазнала я яе.
Удругъ сярдилася: любила я тябе,
Я ни знала, што спакинишъ ты мяне.
Ужъ и вѣрна ты ипую спалюбиў,
На маю любоў на вѣки пазабыў.
Пазабудишъ, другъ, и спомнишъ аба мнѣ,
Сакрушалась я давольна абъ тябе.

(Отъ Ѳедосьи Сиваёвой).

111.

(С. Свалы, Красн. у.).

Дѣвица не спитъ темными ночами,—жалѣетъ, что парня любить бросила.

Ночи тёмныя,
Усѣ васъ присѣдила,
Думы пирядумыла,
Што сама я, дѣўка,
Глупа сдѣлала,
Но то, што парня
Любить бросила.

112.

(С. Иньково, Порѣч. у.).

Писарь дѣвицу любить не любитъ, отказаться не можетъ.

Кала саду стежинька,
Па стежюньки дѣўка йшла,
Па стежюньки красна йшла,
Ина дароживьки не знашла.
Тольки знашла адинъ слядокъ,
Ина високій тирямокъ;
А ў терими за сталомъ
Сядить писарь маладэй,
Въ канцы столу дѣвица,
Въ канцы столу красная.
На писаря мирьгаить:
— Кали любишъ, дакъ люби,
А ня любишъ, аткажи!
—«Я любить ни люблю,
Атказатца ни магу,
Што ты, дѣўка, хараша,
Русая каса,
На шеюшки платокъ,
На галовушки другой,
Драгацѣнный дарагой».

113.

(Д. Слобода, Смол. у.).

Измѣна въ любви: молодецъ покидаетъ дѣвицу, оставляя ее въ горѣ, какъ рыбинку въ морѣ, какъ корабль въ пучинѣ.

Нажила я сабѣ друга,
Што ва вѣки разлюбезныга.
Харошъ, пригожъ милый, ласкыў,
Якъ іость табѣ сокылъ ясный.
Висако саколъ литаитъ,
Далеча милъ атъизжаитъ,
А съ кимъ мяне пакидаитъ?
Пакидаитъ мяне ў гори,
Якъ рыбинку ў мори;
Пакидаитъ у кручини,
Якъ карабль у пучини.
При разлуки, мыя радысть,
Пиши, радысть, ка мнѣ письмы.
Напишу письмо слизами
И пашлю письмо друзьями,
Тыми буйными витрами.
Ты павѣй, витярочикъ,
На любезныга садочикъ!
Па саду милый гуляитъ,
Мае письмы палучаитъ,
Двѣ-три строчки прачитаитъ,
Іонъ слизами заливаитъ,
Назадъ письмы атсылаитъ:
—«Ты живи, мыя милая,
Живи сабѣ, якъ ты знаишъ,
Люби каго хочишъ.
Если луччи мяне найдишъ,
Пра мяне другъ забудишъ;
А пахужи мяне найдишъ,—
На мяне, другъ, успумянишъ».

(Отъ Ѳедосьи Сиваёвой).

114.

(С. Шиловичи, Дух. у.).

Дѣвица всякій разъ думаетъ объ молодцѣ, проливаетъ слезы; съ тѣхъ слезъ рѣчка протекла.

Уздумай, молыдецъ, уздумай пра мяне!
Я жъ по ўсякій разъ пра тябе думаю;
Горьки слезы ильлю.
Якъ са тыхъ са слезъ рѣцка пратекала;
Окыла рѣцушки дарожка ляжитъ;
Кылы дароженьки пастушокъ пасётъ, пасётъ,
Стада бирягётъ.
Іонъ полъ цасика праплясалъ,
Іонъ полъ стада патерялъ;
Іонъ часокъ праплясалъ,
Усё стада патеряў;
Бросиў пастушокъ плясать,
Пашоў каровыкъ искать.

115.

(С. Иньково, Порѣч. у.).

Измѣна молодца: дѣвица наполнила слезами рѣки, озера; протекалъ ручей въ зеленый садъ, тамъ соловьи поютъ громко, жалостно.

Дѣўка зъ лѣсу ишла, думу думала,
Слезна плакала, рѣчи баила
Пра свайво дружка:
—«Ахъ, мой милинькій, забыў на мяне
На чужей старанѣ!
Па табѣ жъ, мой друхъ, кажный часъ тужу,
Горьки слезы льлю,—

Супаўнила жъ я рѣчки-изира,
Всѣ рѣчки-зира, круты берюжки.
Што съ-падъ берюжку, што съ-падъ крутыга
Пратикаў ручей а ў мой зелинъ садъ.
А ў маёмъ сади салавьи пяють
Громка, жаластна (2)—слухать радастна».

116.

(С. Иньково, Порѣч. у.).

Несчастная любовь: Ваня не ходитъ, Маша на богатой постели плачетъ.

Па вулицы бѣдна Маша гуляла,
Ина гуляла, Иванюшу гукала:
—«Што жъ ты, Ваня, друхъ, ня ходишъ да мине?»
—Я й ни хажу,—громкій голысъ падаю.
Сяредъ двара стаить горинка нава,
А ў горинки краватушка тисава,
На краватушки пярины пухавы,
На пяринахъ засилушки шаўкавы,
На засилахъ бѣдна Маша лижала,
Ина лижала, ина й плакала-рыгала.

117.

(С. Радошково, Ельн. у.).

Дѣвица старается пересилить свои страданія, забыть измѣнившаго дружка.

Выйду, выйду за вароты,—
Мине вѣтрами кланитъ;
Пасматрю я ва ту старонку,—
Твиты алыи твитуть.
Вы твититя, алыи,
Алы розавы твяты,
Вы твититя виселѣя,
Висилитя вы, дружки!
Пусть другія висялятця,
Ну, я буду слёзы лить;
Вотъ такъ буду я страдати,
Штоба варвара забыть;
Вотъ такъ мнѣ яго можна забыть,
Во какъ онъ мине забылъ!

(Отъ старухи Прасковьи Сафоновой).

118.

Высохла дѣвица, какъ кленовый листокъ; ея упреки глубоко ранятъ душу молодца,—лучше бъ она его лишила жизни.

Нищасная Машенька,
Нищасная душенька,
Въ гори зарадилась.
Сохнить, сохнить Машинька
На клёнаў листочекъ.
Луччи жъ ба, душинька,
Ты мнѣ пи гаварила,
Луччи ба, Маша,
Луччи жъ ба, душинька жъ,
Ружьёмъ застрялила.
Вайди, вайди, Машинька,
Вайди, вайди, душинька,
Ты въ мой кабинетъ,
Въ мой кабинетикъ,
Вазьми, вазьми, душинька,
Ты мой писталетикъ,—
Ударь, ударь, Маша,
Ударь, ударь, душинька,
А ў бѣлыя груди,
Штобъ ни сміялися
Всѣ добрыя люди!

119.

Измѣна молодца: не хочетъ онъ знать и помнить о прежнихъ сердечныхъ отношеніяхъ къ любимой женщинѣ; тихій и горькій упрекъ ея за забвеніе. Ей снится и грезится недавнее счастье,—тѣмъ живѣе и ближе къ сердцу принимаетъ она, проснувшись, реальное горе.

Якъ сизыя голубы салётывались,
Тады мы съ табою, друхъ, савѣтъ имѣли;
Якъ сизыя голубы гнездечка звили,
Тады мы съ табою, друхъ, ў савѣти жили;
Якъ сизыя голубы яечка знясли,
Тады жъ мы съ табою, друхъ, дятей прижили!
—Ти вѣдаешъ, миленькій, якъ мы жъ то съ табой?
—«Аткаснися, шельма,—нялюба ты мнѣ!»
Бутца мой миленькій въ галавахъ стаитъ,
Въ галавахъ стаитъ, за руку дяржить,—
Іонъ за рученьку, за праваю,
Іонъ за калечушка, за сяреблина;
А ўжу мае пяринушки пяскомъ занясло,
Шаўковы діялушки слязми заплули.

120 а).

(С. Каблуково, Красн. у.).

Туманы, дробные дожди падаютъ на синё море. Измѣна милаго дружка и любовь его къ супротивницѣ.

Вы, туманы, вы, туманы,
Ахъ, вы, дробныя, дробныя, дажжи,
Не пара ли вамъ, туманы,
На синё море ападать?
Абищаўся другъ любезный
Сярёдъ лѣта ў гости быть,—
Тёпла лѣта на праходи,
А милога дружка ў гости нѣтъ.
Знаю, знаю, панимаю, зачѣмъ нѣтъ:
Ахъ и есть у яго яво прежнія любоў,
Яво прежнія любоў, супратиўница мыя,
Супрати майго дварочку,
На зялёнымъ на лужку,
Стыять дѣвушки ў кружку.

120 б).

Ни туманушка й у поли,
А да силинъ, силинъ, дробинъ,
Силинъ, дробинъ дождь идёть.
Ни пара ли вамъ, туманы, въ сине море,
Въ сине море ухадить?
Абищаўся друхъ любезный сярёдъ лѣта,
Сярёдъ лѣта ў гости быть;
Ну, ўжа лѣта, лѣта на праходи,
Уси празднички пpашли.
Знаю, знаю, друхъ любезный, зачимъ тябе,
Зачимъ тябе долга нѣтъ:
Далинóю съ Алинóю
Ай да са Вульянаю,
Са Вульянаю душой.
Ты, Ульяна, ты, Ульяна,
Ай, да супративница мыя,
Супративница мыя,
А да супрати майго двыра,
Супрати майго двыра,
Да проти краснага вакна!

121 а).

Парень измѣняетъ дѣвицѣ. Пришелъ онъ къ ней и проситъ позволенія жениться на другой.—„Женись на волочащей“ (дѣвушкѣ дурного поведенія),— она тебѣ пара будетъ.

Ни сядѣла бъ я, да красная дяўчонка,
Што ня жгла бъ я свячи воску ярыга,
Што ни ждала бъ я дружка къ сабѣ милага,
Што ня гость пришоў, да гость сы гастинчикымъ,—
Што пришоў милый, пришоў распраститися:
— Што пазволь, пазволь, мыя разлюбезная,
Ты пазволь жа мнѣ, пазволь мнѣ жанитися:
— «Ты жанись, жанись, шельма, расканалія,
Ты бяри шельму, шельму валачащую,
Што па ўсёмъ свѣту шельма валачилася,
Йна табѣ, мой другъ, мой другъ пригадилася».

121 б).

(С. Самохотовка, Смол. у.).

Дѣвица примиряется съ тѣмъ, что милый покидаетъ ее,—требуетъ только, чтобы онъ женился на ея подружкѣ.

— Ни сяди, Дуня, позна вечирымъ,
Ты ня жги свячи воску ярыга,
Ты ня жди, Дуня, гостя милыга!
Я ня гость пришоу, ни ўгащай мяне,—
Пришоў, душинька, праститца къ тябѣ:
Пазволь, милая, жанитца ты мнѣ!
— «Ты жанись, жанись, разбязсовѣстный,
Ты бяри, бяри, каго я вялю,
Каго я вялю, каго пазволю,
— Ну, хужъ ни мяне—падружку маю!»

(Отъ Лукерьи Бѣляёвой).

122.

Молодецъ измѣняетъ милой, женится на другой; прежняя приходитъ къ нему на свадьбу, онъ велитъ напоить, накормить ее сиротину и проводить домой.

А што ў поли при ў далины стыять двѣ ялины,
  Ой ли, ой ли, ой лялёшеньки, стыять двѣ ялины.
Што падъ тыми падъ ялинами голыбъ со галубкай,—
То жъ ня голабъ са галубкай, милый са милэю.
Тамъ милый са милэю рѣчи гаварили:
— «Пазволь, пазволь, другъ мой миленькій, милыму жанитца!»
— Жанись, жанись, другъ мой миленькій, бяри, каго хочешъ,—
Кидай, брасай, другъ мой миленькій, мяне часавую,
Бяри, бяри, другъ мой миленькій, сабѣ вѣкавую!
Сабиралася мая милая къ милыму на свадьбу:
Скидывала мая милая парчавоя плаття,

Надивала мая милая шалкавоя платтяа;
Прихадила мая милая, милая къ милыму на свадьбу,
Станавилась мая милая, милая ў пароги.
Якъ завидѣў другъ мой миленькій мяне ў пароги:
— «Накармитя, напаитя ету сиратину,
Накармёмши, напаёмши, яе правадитя,
Вы сабаками, хартами яе ни травитя!»

123.

Молодецъ измѣняетъ дѣвицѣ, размѣнивается съ нею подарками и уѣзжаетъ въ дальнюю сторону; дѣвица съ горя утопилась.

Адинъ купецъ расказываў злучай:
Адинъ паринь красну дѣўку аблыскаў,
Аблыскаўши, абищаўся замужъ брать.
Патомъ ета дѣўка вышла на лицо,
Атдаў перстинь, палучиў сваё кальцо.
Самъ вышиў на паратныя крыльцо,
Крикнуў, свиснуў на лакеиў, кучароў.
— «Ужъ, вы, слуги, вы, лакеи, кучура,
Вы падайтя мнѣ тройку лашадей!»
Сѣў въ калясычку, быстры кони пынясли,
Самъ паѣхаў ў чужу дальнію сторану.
Разбищасныя стала плакать, гарювать,
За дяўчонкыю стали люди замичать,
Атецъ съ матирью пра дочку гаварять:
— Разбищасная наша дочка раждина,
У такога гардирона ўлюбилась.
Красна дѣўка стала плакать, гарювать,
Узяла вёдры сама по ваду пашла,
Зачарпнула, паставила падъ гару,
Сама скрылась падъ шумячію ваду.

124.

(С. Войнино, Могил. г. и у.).

Несчастная любовь. Молодецъ потопаетъ; дѣвица сохнетъ съ печали въ одиночествѣ.

Стаить явыръ надъ вадою,
  Нима яму змѣны;
Любиў паринь дяўчонычку,
  Няйми жъ яму вѣры:
Іонъ дятюкъ глума:
Іонъ свядеть зъ ума,
  А любить ня будить.
Рыбалоўщички бѣлъ-малойщички
  Бѣлу рыбу ловють,
Рыбалоўщичикъ,
Бѣлъ-малойщичикъ
  На дно патанаитъ.
Ширинычка вышивана
  На верхъ усплываитъ.
Ни жаль тэя ширинычки,
  Жаль мнѣ вышиваньня;
Ни жаль мнѣ таго дятинушки,
  Жаль мнѣ залицаньня.
Ходить дѣўка па берижку,
  Бѣлы руки ломитъ:
Са ташниньня, са бядниньня
  Ссохла на былинку.
Було личка, какъ брушничка,
  Стала, якъ папера;
Были вочички, якъ у сокылки,
  Стали, якъ у соўки;
Семиаршинная падпаясычка
  Стала каратенька.

125.

(С. Иньково, Поръч. у.).

Милый не хочетъ любить—хочетъ застрѣлить, а самъ уѣзжаетъ на ямщикѣ.

Горинька гарюить,
Што милый ня любить,
Ня хочить любити,
Хочить загубити,
Зъ ружа застрялити.
Ай, выду за вароты,
Выду за навыи.
А ти ня мой то милый
Па улицы ходить,
Трубачку курить,
Й-а трубачку курить,
Имщачка будить:
— «Ты ўстань, имщачёкъ,
Устань, маладенькій,
Забратай-ка, милый,
Пару вараненькихъ,
Тройку гняденькихъ,
Увизи-ка, милый,
Карету навую,
Ай, карету навую,
Увизи другую,
Я сяду ў любую».

126.

Молодецъ не знаетъ дороги къ милой, боится посылать товарища изъ ревности; она его не дождалась, пошла гулять, уснула, увидѣла дружка во снѣ и просила его лучше застрѣлить ее изъ пистолета, чѣмъ покидать.

Мнѣ ня спитца, ни ляжитца,
  Сонъ мяне ужъ ня бяреть;
Пашоў ба я ки сударки.—
  Я ни знаю, йдѣ живеть;
Спрасиў ба я ў таварыша,—
  Я баюся, што 'табьеть.
Я вячоръ, млада, гуляла
Па зялёныму саду,
Дажидала, дажидала
  Дружка ў гости я къ сябѣ;
Ни даждаўшись я милова,
  Я вонъ съ садику пашла,
Я вячоръ, млада, приўснула,
  Я приўснула ва слизахъ,
Я приўснула у слизахъ жа,
  Дружка видѣла ва сняхъ;
Друхъ смяетца нада мной,
  Надъ дяўчонкай сиратой.
— «Если тибѣ ни спанараўлюсь,
  Аташли мяне ў маю старану,
Ты вазьми-тка писталетикъ,
  Прастряли-тка грудь маю:
Я табою, друхъ, давольна,
  Што ты коньчишъ жисть маю.»

(Тамъ-же).

127.

Молодой парень, узнавъ о несочувствіи къ нему любимой имъ дѣвушки, хочетъ лишить себя жизни.

Выйшоў мальчикъ за вароты,
Снарядиўся харашо,
На каня мальчикъ садиўся,
Падъ нимъ коня разыграўся,
Вдариў грудьдю абъ заборъ,
У Машинькинъ калидоръ.
— Здрастуй, Саша, здрастуй, Маша,
Здрастуй, душенька мыя!
Скажи, Саша, скажи, Маша,
Скажи, душенька мыя,
Вѣрна любишъ, или нѣтъ?
— «Я любить тебе ни люблю,
Атказатца ни магу.»
Я са той жа са любови
Вазьму въ руки писталетъ,
Прастрѣлю я грудь сваю.

128 а).

1) Дѣвица провожаетъ и ворочаетъ дружка; бросаетъ на дорогу пучки калины и примѣчаетъ примѣты.

2) Купеческая дочка вышивала рубаху школьнику; мать не позволяетъ сыну любить дѣвицу, онъ проситъ ее приковать его не къ каменной палатѣ, а къ дѣвичьей кровати.

При Путиўли, при дарогѣ,
Калина стыяла,
Я калинушку лумала,
Я ў пучки яе визала,
На дароженьку я клала,
Примѣты примѣчала, 2
Дружка варачала:
—«Ты вярнись, вярнись, мой миленькій,
Вярнись, разлюбезный!
Не варотишься, мой милый,
Махни правый ручкый,—
Ну, ты правыю ручкый,
Шляпый пухавой!»
Съ удалины, съ Украины
Ѣхалъ младой школьникъ,
На школьничку рубашечка
Тонка-палатняна,
Ина тонка, палатняна,
Шоўкымъ расшивана,
Ни матушка яму шила,
Ни систра яму краила,—
Яму шила, вышивала
Купеческа дочка,
Купеческа дочка,
Таничка дявочка;
У няго матушка была Арина,
Вонъ выхадила, рѣчи гаварила:
—Не хади-ка, мой сыночекъ,
Къ купеческый дочки,—
Я вялю тябе паймати,
Вялю тябе свезати,
Вялю тябе прикувати
Къ каменный бѣлый палати!
—«Вы ня куйтя мяне, мати,
Къ каменной бѣлый палати,—
Вы прикуйтя мяне, мати,
Къ дѣвичей кравати:
Дли дѣвичей кравати
Хушъ вѣкъ вѣкувати».
Дѣўки пляшуть, дѣўки скачуть,
Дѣўки висилятца.
Дѣвичья вичаринка
Усигда висяленька.

128 б).

(С. Шаталово, Смол. у.).

При ўдалиницы стыяла,
Калинку лумала;
Я калиницу лумала,
У пучёчки визала,
Я ў пучёчки пувизала,
На дарожку клала;
На дароженьку я клала,
Придметъ примѣчала,
Я примѣты примѣчала,
Дружка варачала:
—«Варатися, другъ любезный,
Варатись, надежда!
Ни варотисься ли, другъ,—
Махни чорнуй шляпуй,
Махни чорнуй шляпый,
Шляпуй пухавой,
Ну, ты шляпый пухавою,
Правыю рукою!»

128 в).

(С. Лѣтошники, Росл. у.).

Въ чисти полѣ, при ў далини
Стаить кустъ калины.
Тамъ, тама дѣвушка гуляла,
Калинушку лумала,
У пучочки визала,
Я ў пучочки визала,
На дружкоў я клала,
Примѣтушки примѣчала.

129.

(С. Шаталово, Смол. у.).

Дѣвица ворочаетъ милаго дружка съ дороги, хочетъ наглядѣться на него въ запасъ.

Размалойчики, 2
Размалоденькія дружки ўсё мае,
Ти ня вы, мае дружки, ти ня вы, мае дружки,
Да мае мысли пó пылю разнясли?
Каба хто жъ майму 2
Да майму горю, горюшку памохъ?
Каба хто жъ майму 2
Да вяликыму горю пасабилъ?
Каба хто жъ майго 2
Любезныга дружка зваратилъ?
Сы путинушки, 2
Сы дарожаньки я назадъ зварачу:
—«Ты вярнись, вярнись, 2
Ты, мой миленькій дружочакъ, назадъ!
Наглядитеся 2
Да мае глазы, глазаньки ў запасъ,
А ў запасъ 2
На ў весь кругленькій гадокъ!
Ни сядѣла бъ я 2
Поздна вечера ў горинки й адна,
Ни лижала бъ я 2
Да бѣлыю грудью, грудью на вакно,
Ни раняла бъ я 2
Да гарючія слезы за вакно,
Ни ругала бъ я 2
Чужу дальнію, дальню старану!»

(Отъ кр. Өеклы Боборычихи).

130.

Дѣвица провожаетъ молодца за „щитовы" вороты, за горы крутыя, за рѣки быстрыя.

Выйду, выйду я за варотики,
Выйду, выйду я за щитовыя,
Што за тэя горы, горы крутыя.
Охъ, маё сердичка взрадувалыся,
Са милымъ дружкомъ лувидалыся.
Правaжу дружка за варотики,
Правaжу дружка за щитовыя,
Што за тыя горы, горы крутэя,
Што за тэя рѣки, рѣки быстрыя.

131.

Молодецъ уѣзжаетъ отъ дѣвицы и покидаетъ ее одну зимовать зиму и дожидать теплаго лѣта. (Срв. ниже № 163).

Ужъ ты, Ванька, разудалый маладецъ,
Разудалыя галовушка твыя!
Што жъ ты, Ванька, атъижжаишъ даляко?
Съ кимъ ты, Ванька, пакидаишъ, другъ, мяне?
Какъ мнѣ, Ванька, люту зиму зимувать?
Съ кѣмъ мнѣ, Ванька, тепла лѣта дажидать?

132.

Дѣвица провожаетъ молодца до того мѣста, гдѣ скончалась ихъ любовь. Разлучили дѣвицу съ молодцемъ друзья-пріятели молодца. (Срв. стр. 261, № 37).

—Што жъ ты, Маша, й заприўныла,
Не слыхать тваихъ рячей?
Вчора й пѣла, й распѣвала,
Какъ у сади салавей.
—«Какъ мнѣ, Машѣ, вясёлый быть

Даўно́ дружка видѣла,
Я й даўно й да й ни да́ўна,
Я й учора съ вечира
Унимала ночевати:
— Начуй, начуй, мой милый другъ!
—«Яжъ ба й радъ ба начувати,—
Баюсь зориньку засплю!»
— «Нябось, нябось, мой милый другъ!
Я ранёшинька ўстаю,
Тябе раньши пубужу,
Я й далеча правяжу.
Я й да тыхъ поръ правадила,
Идѣ сканчалася любоў,
Идѣ скончалась, распращалась...
Жизнь съ разлукый тяжела:
Разлучають насъ съ табою
Не чужея—ўсё свае,—
Всё таварищи твае
И пріятели мае.

133.

Сизенькій голубочекъ сѣлъ на дубочкѣ, собирался къ отлету, провожаетъ его пава; дѣвица провожаетъ молодца, утирая слезы русою косою.

Сизинькій галубчикъ 2
Сядить на дубочку,
У яво вочи ясны,
У яго брови чорны.
Крылышка сизенька.
Прилетала пава,
Среди двара пала,
Ана пра то знала,
Што миленькій робить:
Па дворику ходить,
Коника сѣдлаеть,
Са двара съѣжжаить.
Заслышала Дуня
Пра милыга друга;
Плакыла, рыдала,
На ножки ўпадала,
Слёзы вытирала
Правыю рукою,
Русыю касою,
Лентый галубою.

134.

(С. Каблуково, Красн. у.).

Подружка „пытаетъ правды" у отъѣзжающаго молодца, собирающагося жениться на другой.

Маладэй малойчикъ
Коника сидлаить;
Маладая маладуха
Яму плеть пыдавала,
У яго праўды пытала:
—«Куда ты паѣдишъ?
Ти скора пріѣдишъ?»
—А далёка паѣду,
Ня скора пріѣду:
Тамъ жанитца буду.
—«Ни дай табѣ, Божа,
Ни путя, ни дароги,
Ни щастя, ни доли»!

135.

Дѣвица перенимаетъ коня молодца, упрекаетъ его самого въ измѣнѣ.

А дѣвица й у варотъ, у варотъ,
Ой ли, ой люли, люли, люли,
Красавица у калитушки стаить, 2
Кала яе конь вароненькій бяжить.
— «Охъ, ты, дѣвица, красавица мыя,
Пиряйми майго варо́ныга каня!»
—Периймý, другъ, вароныга каня,
Попиню, попиню, другъ, тибѣ,
Што ня любишъ, што ня любишъ,
Што ни жалуешъ мяне:
Бизъ тибе, другъ, пастеля халадна,
Адѣяла приўзаинѣла,
Падушечки патанули у слезахъ!

136.

(С. Лѣтошники, Росл. у.).

Прощанье молодца и дѣвицы. Голосомъ звала—милъ не слышитъ; платкомъ махала—не видитъ; тяжело вздохнула—послышалъ.

Пріятель, пріятель, друхъ сярдешный,
Ой ляли, ляле шеньки, друхъ сярдешный,
Позабылъ сваё прежнія пріятства,
Какъ смѣнилъ же сваё вѣрныя славечка.
Приказалъ жа мнѣ милый нарядитца,
Да й у чистыя поля восхадити,
Да у чистыя поля, у дуброву,
Да падъ бѣлую, кудрявую падъ бирёзу.
День да вечира стыяла, дружка ждала:
Ой, я голасамъ гукала—милъ ня слышить;
Шалкавымъ платкомъ махала—милъ ня видить,
Тижалёшинька ўздыхнула—милъ паслышалъ,
Милъ паслышалъ, ка мнѣ вышилъ,
Ка мнѣ вышилъ, сталъ пращатца:
—«Ай, прасти, пращай, милая, радасть дарагая!
Какда луччи мяне найдешъ, пра мяне спамянешъ;
Спамянуўши, мая радасть, самъ слезна заплачешъ!»

137.

Дѣвушка, прощаясь съ молодцомъ, подозрѣваетъ, что онъ ищетъ новой любви и не вернется къ ней.

Ты, заря мыя, заря бѣлыя!
Занималысь заря свѣту бѣлыга.
Дѣўка зъ молыйцемъ застыялыся;
Застыяўшись дѣўка, рѣчи гыварила:
— «Ты куда жъ ты, мой другъ, сабираешься,
Ты ў каторую, другъ, дальню сторыну:
Ти за мёдымъ, другъ, ти за сахарымъ?»

138.

(С. Инькова, Порѣч. у.).

Молодецъ подъ вліяніемъ сосѣдей бросаетъ свою подружку; она помнитъ объ немъ вѣчно.

Атлитаитъ мой саколикъ
Висачѣй сваихъ угловъ,
Атъизжаитъ друхъ любезный
Все далеча атъ мяне,
Все далеча даляченька,
У слаўный горыдъ Питянбургъ.
У слизахъ дружка прасила:
— Хучъ нямножачка паживемъ,
Хуть нямножичка, маленька,
Да хужъ минутку, хужъ часокъ,
Да хужъ минутку, хужъ часочикъ,
Адинъ круглинькій гадочикъ.
—«Да нильзя, да нильзя, любезная,
Нильзя часику пажить:
Да ўси сусѣди—люди злыи,
Ни савѣтыють любить—
Апять бросить, пазабыть».

— Да во тады дружка забуду,
Када скроютца глаза,
Якъ палажуть мае тѣла
Падъ кастёшая акно,
Якъ закрыють маи глазы
Тонкимъ, бѣлымъ палатномъ,
Якъ уложуть мае тѣла
Да ў дубовинькій грабокъ,
Якъ засыпють мае глазы
А ўсё жоўтинькимъ пяскомъ;
Зарастеть мая магила
Усё травою муравою,
Шурокаю—лапухомъ.

139.

(С. Никола-Ядреичъ, Духовщ. у.).

Прощаніе парня съ дѣвицей.

Ты, зялёнинькій дубочекъ,
Съ кимъ бярёзу пакидаишъ?
Можна дагадатца,
Хто ли каво любить,
Тиризъ поля гулять ходить,
Ки сударушки заходить,
Наўпрати яе садитца:
—«Изволь, Маша, насматрѣтца
На мае лицо бялоя,
На бялоя, румяноя,
Лицо бѣла, брови чорны».
Кала саду зилянова
Дѣўка парня праважала,
Праведёмши, пастаяла,
Пастаяўши, рѣчъ сказала:
—«Ты ти будишъ, милъ, у гости?»
—Када буду, ни забуду.

140.

(С. Лѣтошники, Росл. у.).

Прощаніе съ милымъ дружкомъ и ожиданіе его.

Счастливая тибѣ путь-дарожка,
Куда, куда милъ желаешъ.
Я дома, дома застаюся,
Горя, горя набяруся.
Слезами зальюся,
Платочкамъ утруся,
Съ миленькамъ прастюся:
— Прасти, пращай, да мой разлюбезный!
Када ка мнѣ ў гости будишъ?
— Жидай, мая любезная,—
Скарёханька ў гости буду:
Ни я лѣтамъ, ни зимою,
Па первымъ путику,
Па бѣленькамъ па сняжочку.

141.

(С. Иньково, Порѣч. у.).

Милый рѣдко бываетъ въ гости, недолго гоститъ, при прощаніи обѣщаетъ вѣрно любить. (Срв. стр. 336, № 61 и стр. 360, № 106).

Дума думу спашибаить,
Милый ходить-гуляить,
Ка мнѣ ў гости ни бываить,
Да хуть и зайдеть на часочикъ,
Адну ночиньку начуить,
Тую лёжа праташнуить;
Да падъ акошкамъ спать лажитца,
Акошка атчиняить,
Свѣту дажидаить.
Доўга, доўга свѣту нѣту,
Знать яво ня будить.
Да раненька уставала,
Бѣленька умывалась,
Бодренька убиралась,
Дружка праважала,
Дружочка праважала
У поля, за вароты,
Идѣ мхи, балоты,

Гдѣ, гдѣ имхи, кусты, балоты,
Идѣ зялёныи лужочки.
Да тамъ сѣла—пасидѣла,
Зъ милымъ рѣчи гаварила:
—— Ты ня бось, ты ня бось, милый,
Ня бось, дарагой!
— Я тады тибе пакину,
Какъ идѣ самъ пагину;
Я тады тябе забуду,
Кали ў гостиньки ня буду.

142.

Молодецъ разстается съ прежней подругой и жалѣетъ, что много ей дарилъ; она увѣряетъ его, что не найдетъ онъ такой, и жалѣетъ, что мало брала отъ него.

— Даўчонычка, чарнабровычка мая,
Люди кажуть, што ня будишъ ты мая.
Вялю мальцамъ пару коній запригати,
Я паѣду себѣ луччую искати.
—«Хуть ѣдь, ня ѣдь, ты лучча мяне ни найдешь,
Толька жъ мяне, чарнабровычку, утратишъ».
—Дуракъ я быў, што па многа я дармў!
—«Дура была: па нямножку брала:
Я семъ паръ я бушмачикыў стаптала,
Васьмыя сахьяныя пулсапожки.»

143.

(Тесово, Сыч. у.).

Милый другъ не простился; обиженная пренебреженіемъ дѣлится съ подружкою своею печалью.

Ишли прашли веселые наши деньки,
Навязалися плахіе воры гаспада,
Сушуть-крушуть жонъ харошихъ худыя мужья,
Красныхъ дѣвыкъ пубратимыў прежнія дружья.
Слышу, вижу, милъ, дасаду сама я ў сибе,
Никаму жъ я пра ту дасаду ни скажу:
Ни батюшки скажу, ни матушки сваёй я радной,
Скажу, скажу я падружки сваей патайной:
—«Ты, сястрица ль мая, падружке, галубка мая,
Ты ни знаишъ пра горя, што пришла за бида:
Разсердился мой любезный дружокъ на мине.
Онъ паѣхалъ, ни прастился дружокъ са мною,
Онъ жа ходить па широкимъ сваяму двару,
Онъ биреть, биреть исьменную новую узду,
Онъ биреть, биреть чуркальская новая сядло,
Онъ заходить у канюшню новую сваю,
Онъ сидлаить ворына каня,
Онъ съизжаить са широкыва свайво двара,
Онъ становитца ли проти краснына, краснына вакна:
— Пасматри-ка, мая радысть, радысть на мине!
Ти жаладна твае серца, серца да мине?»

144.

Садъ зеленый осыпается, милый прощается со всѣми, а съ подругой бранится и уѣзжаетъ на службу царскую, оттуда не пишетъ ей.

Охъ ты, садъ, ты, мой садъ, садъ зилёненькій, [1])
Зачѣмъ рана цвѣтешъ—асыпаисьтя?
Далеча, милый мой, сабираисьтя,
У путь, ли ў паходъ, у дароживьку?
Са всѣми, милый мой, ты пращаисьтя,
А са мной маладой усё ругаисьтя.
Ни ругайся, ни бранись—скажи: милая, пращай!
Какъ летѣла тамъ пава черезъ синія маря,
Уранила пава съ крыла пёрушка.
Мнѣ ни жалка крыла—жалка пёрушка;
Мнѣ ни жалка атца, мать—жалка мо́лыдца:
Пристыяла къ маладцу́ служба чарская,
Служба чарская, гасударская.
Служилъ годъ, служилъ два,
Служилъ три, служилъ три года,—
На чатвертый годъ сталъ письмо писать
Къ атцу съ матирью.

145.

Дѣвица посѣщаетъ тѣ мѣста, гдѣ ея дружокъ прежде бродилъ,—грустное чувство обнимаетъ дѣвицу.

Выхадила дяўчоначка за навыя й варата,
Кленавэя, за рѣшотистыя;
Станавилась дяўчоначка,
Станавилась красна дѣўка
Ки тачонаму сталбу,
Закладала красна дяўчоначка
Бѣлы руки й у карманъ,
Вынимала красна дяўчоначка
Свае золыты ключи,
Вытымкала красна дяўчоначка
Свае новы сундуки,
Вынимала красна дяўчоначка
Гарнитурывый платокъ,
Вытирала красна дѣўка
Свае ясныя глаза,
Ня ўгледила красна дѣўка,
Куда милый другъ пашоў:
Нѣту слѣду па пароши,
Гдѣ милъ ахоту ганяў;
Нѣту стуку по лясочку,
Гдѣ милъ съ ружейца стриляў;
Нѣту гласу по барочку,
Гдѣ милъ пѣсинки ўспивалъ.

146.

Соколъ отлетаетъ, милый уѣзжаетъ; милая желаетъ „списать его личко на нову табличку“.

Атлетаить ясный саколъ, атлитаить,—
А съ кимъ мяне саколачку пакидаить?
Пакидаить саколачку съ сакалинятками.

---

[1]) Варіантъ:

Ты, мой садъ, садъ зелененькій,
Садъ зелененькій, развеселенькій.

Атъизжаить мой милэй другъ, атъизжаить,—
А съ кимъ мяне, младёшиньку, пакидаить?
Пакидаить младешиньку съ дробными дѣтками.
Спишу, спишу сваё личка на нову табличку,
Я на новую табличку, на бѣлу бумагу,
Прибью, прибью сваё личка къ тисовый кравати.
А я спатиньки лажуся, нагляжуся,
Сы палуначи прашнуся, пригарнуся,
Ки бѣлу свѣту й устану, слезами абальлюся:
А ўсякъ разъ свайго милога, ўсякъ разъ спаминаю.

(Отъ Матрены Григорьевой).

147.

Дѣвица моется въ рѣкѣ, выступившей изъ береговъ; она упрекаетъ молодца, что заставилъ страдать её молодую, неопытную. Отъѣздъ милаго; созерцаніе ею тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ гулялъ, и отсутствіе какихъ бы то ни было слѣдовъ его наполняетъ скорбью ея сердце.

Быстра рѣчинька Палтаўка,
Вочинь быстра, глубука,
Разливалыся вальною
Па крутинькимъ бирижкамъ.
Якъ на тэй жа быстрый рѣчки
Красна дѣўка мылыся.
Ина мыла, вымувала
Сваё бѣлыя лицо,
А съ кармана вынимала
Ливантынывый платокъ;
Ина, мыўшись, вымуваўшись,
Зъ милымъ рѣчи гыварила:
— «Ахъ, ты, варвыръ, призвадитиль,
Ды чаго дѣўку призвёў:
Лѣтъ симнадцыти дяўчонка
Навучилыся стрыдать!»
— Ни стрыдай, мыя милая,
Када молыда ў литахъ:
Я сажуся на коника,
Атъизжаю дыляко!
Нѣту слѣду пу парошки,
Йдѣ милъ у санычкыхъ изжаў:
Нѣту стуку пу лясочку,
Йдѣ милъ пташичикъ стриляў;
Нѣту звону пу пакою,
Йдѣ милъ у гусильки граў;
Нѣту гласу пу садочку,
Йдѣ милъ пѣсни распиваў.
Ни видать майго милога
Ни ў далиныхъ, ни ў лузяхъ,—
Толька стѣнь майго милога
Заўсигда ў маихъ глазахъ.

148.

Молодецъ уѣзжаетъ отъ дѣвицы; она не слѣдуетъ совѣту сосѣдей, не перестаетъ думать о дружкѣ и хочетъ остаться ему вѣрной по гробъ; только на бѣломъ надгробномъ камнѣ на своей могилѣ она напишетъ завѣтъ своимъ подружкамъ не любить никого. (Срв. выше № 138).

Кто павѣрить маей скукѣ,
Тотъ патужить аба мнѣ
На чужей старанѣ,
Абъ нещасный сиратѣ.
Атлитаить другъ любезный,
Атлитаить мой сакола
Въ чужи дальни гарада.
Я ў слизахъ дружка прасила:
— Хужъ нямножка паживи —
Адинъ нынишній гадокъ!
— «Нельзя, душечка милая,
Нельзя, радысть дарагая:
Ня толь году гадувати,
Ня толь часу часувати.
А здѣсь люди, ўсё сасѣди
Не савѣтують любить, 2
Велять бросить пазабыть».
— Я тада дружка забуду,

Када закроютца глаза;
Какъ закроють мае глазки
Тонкимъ, бѣлымъ палатномъ,
Приўзасыплють мае глазы
Што съ горъ жолтымъ пяскомъ;
Зарастеть мыя магила
Всё травой-муравой.
Я на тэй жа на магили
Бѣлый каминь палажу,
Я на камнѣ нарисую,
На бумагѣ напишу, 2
Всѣмъ падружкамъ разашлю.
— «Ужъ вы, дѣвушки-падружки,
Не любитя никаво!
Ой и съ естый жа любови
Приключаетца балѣзнь,
Но и съ естый жа балѣзни
Пристигаеть скора смерть!»

149.

(С. Сухой Починокъ, Ельн. у.).

Любовь женатаго къ замужней женщинѣ, „сухота" его жены, стоны и плачъ.—Любовь дѣвицы къ женатому парню и невыгодныя стороны этой любви; любовь къ холостому парню и выгодныя стороны этой любви.

Хадилъ Ваня по базару,
Іонъ искалъ тавару;
Ни нашомши Ванюша тавару,
Купилъ востру косу.
Касилъ Ваня чужу траўку,
Свая сохнить-вянить;
Любилъ Ваня чужихъ жоныкъ,
Свая стонить-плачить
Ни любить было душѣ, красный дѣўки,
Жинатыва парня:
Жинатый, шельма распраклятый,
Па мнѣ нипагадлиў:
Идѣ ни ходить, идѣ ни гулянить,
Пра дворъ ни забудить;
Придеть дамой, на кравати ляжить,
Усё жанѣ раскажить.
Палюбить было душѣ, красный дѣўки,
Халастова парня:
Ну, халостый, душинька харошій,
Чернаброў пригожій,
Идѣ ни ходить, идѣ ни гулянить,
Пра дворъ забылъ думать:
Придеть дамой,
За столикымъ сядить
И никаму ни скажить.

150.

(С. Свалы, Смол. у.).

Любовь къ женатому или сговоренному. Гнѣвъ законной жены

Польна солнику съ-за лѣсу выхадить,
Польна жаркыму ў сади яблыння сушить,
Польна дѣвушки па молыйцу тужить!
Якъ мнѣ, дѣвушки, па ёмъ ни плакать, ни тужить?
Што мнѣ еткага па вѣкъ дружка ни нажить:
Што іонъ ростамъ и пригожствамъ, чистатой,
Всё сваею младецкый красатой.
Пра майго дружка бязгодушка прашла,
На бязгодушки сударыня гнѣўна,
Ина гнѣўна, гнѣўна—разсердилась на мяне:
Идѣ стрѣнитца, атваротитца атъ мине,
Атваротитца атъ мине и ни скажить ничаво.
Святилъ мѣсицъ, святилъ ясный и ва ўсю ночъ,

Часты звѣзды па вутреннимъ па зарямъ.
Па зориньки мая милая пришла,
Лѣву руку ў вакошечка падала,
Ина, падаўши, за шіючку абняла,
Правыю ручкый увѣряла малайца:
— «Ты паѣдишъ, мой милый, ки вянцу,
Ты заѣдь, заѣдь къ маей маменьки, къ атцу!»
— Радъ ба, душинька жа, заѣхать, ти зайтить,—
Накасалась нялюбая жина!..

(Отъ Остапа Яковлева).

151.

(С. Свалы, Красн. у.).

1) Береза кудрявая потеряла вѣтья; дѣвица потеряла свою долю. Оторванная отъ своего рода-племени, вышла она замужъ за худую дружинушку.— 2) Мать не хочетъ пить пива, что наварила дочка; не хочетъ „честить" зятя.—3) Всѣ сады цвѣтутъ, что раскидались; всѣ дѣвки вышли замужъ, что „залицались".—4) Помутилась криница, гдѣ голубь купался; вышла замужъ дѣвица, въ которую влюбился парень.

Бярёзынька кудрявая,
Идѣ вѣтьтя падивала?—
Дяўчинычка красавица,
Идѣ долю патиряла:
Ти ў лѣси заблудила,
Ти ў мори патанула?
Кали ў лѣси заблудила,
Выйди на краёчикъ;
Кали въ мори патанула,
Плыви къ биряжочку.
Сухая лясинушка
Дарожку заламила;
А худая дружинушка
Атъ роду атлѣшила
Пей, мати, тоя пива,
Што я наварила,
Частуй, мати, тога зятя,
Што я спалюбила.
А ни буду пива пить,
Буду праливать;
А ни буду зятя частить,
Буду праклинать.
Ти ўси тыя сады твитуть,
Што раскидались;
Ти ўсѣ тыя дѣўки замужъ вышли,
Што залицались?
А ўси тыя сады твитуть,
Што раскидались,
А ўси тыя дѣўки замужъ вышли,
Што залицались.
А йдѣ тая крыничинька,
Што голубъ купаўся,
А йдѣ тая дяўчинычка,
Што парень кахаўся?
А ўжу тая крыничинька
Даўно замучана,
А ўжу тая дѣўка
Даўно заручона,
Заручона, заручона
Й замужъ атдадёна.

152.

Несчастное супружество: неволя и худая доля женили молодца. Надругательство любовницы надъ счёсками съ кудрей дружка.

Если зналъ бы, мальчикъ,—не жанился,
Па вѣкъ вѣшный холыстъ валачился.

Ажанила малайца няволя,
Всё няволя да худая доля.
Какъ пайду я, молыдицъ, на таржочекъ,
Закуплю я сябѣ гребяшочекъ,
Расчашу я сваи русы кудри,
Палажу я счёски на акошки.
Аткуль узялись да буйныя вѣтры,
Сдули, смели счески да съ акошка.
Если бъ знала, што милыга счески,
Узяла бъ я да ў грязь патапила;
Ящо сверьху да й грязью налажила!

153.

1. Мутная вода—несчастное супружество, потерянные для счастья годы. 2. Женщина закидываетъ два шатра: одинъ шатеръ откатился (жизнь въ дѣвушкахъ, беззаботное пребыванiе въ отцовскомъ домѣ), другой далеко остался (измѣна любовника, мужа). Ѣдетъ она къ батюшкѣ догонять свои годы—не нагнала!

Неясная пагодушка ваду замутила,
Нищасная мяне доля замужъ закрутила;
Я не ўпила, я не ўѣла, добре не ўхадила,
А толька многи лѣти, лѣти спагубила.
Закину два шатры зялёныхъ:
Первый шатёръ далеча аткатился,
Другей шатёръ далеча атстаўся,—
Знать мой милый съ другею спазнаўся.
А у майго жъ то батюшки кони варанэя,—
Якъ сяду, якъ паѣду лѣти нагыняти.
Нагыняла, нагыняла,—лѣти ни нагнала!

154.

(С. Иньково, Порѣч. у.).

На синемъ морѣ воронъ пилъ воду, помутилъ ее и съ мутной водой говорилъ. Досталась дѣвка старику; она его не любитъ и жестко стелетъ ему постель.

Якъ на сининькимъ на мори,
Ай люли, на мори,
Чорный ворынъ ваду пиў,
Iонъ напиўшись памутилъ,
Зъ мутный вадой гаварилъ:
— Да каму дѣўка дасталась,
Да каму красна дасталась?
Дасталася старыму.
Я старыва ни люблю,
Пастелиньки ни стялю;
Хуть пастелю,—ни мякка.
Дасталася роўныму,
Я роўныга ўсё люблю,
Пастелиньку пастялю,
Ай, три ряды падушки.

155.

(С. Шаталово, Смол. у.).

Молодуха проклинаетъ замужнюю жизнь.

Вылитаў арёлъ сы тямныхъ лясоў,
Приламаў крылушки атъ сырэй пагодушки,
Атъ сырэй пагодушки, атъ дробныга дожжа.
Дружка у Ванюшки кудри завивалися;

Люди дивувалися, дѣўки любувалися.
Дяўчоначка съ парнемъ сознавалася,
Да ина съ нимъ савинчалася,
Жизнь сваю пракаила:
—«Распраклята жизнь замужняя,
Распрекрасна жизнь дявоччая!»

(Отъ Домны Мирёновой).

156.

(С. Свалы, Красн. у.).

Парень жалѣетъ, что женился: ему лучше нравится беззаботная, разгульная, холостая жизнь.

За рѣкою за быстрою
Стаить братъ съ сястрою,
Стаяли, калодись капали,
Калодись кипучій,—
Што кипѣла у молайца серца,
Серца, серца ретивоя,
Серца заўнавоя.
Кабъ я зналъ, кабъ я вѣдалъ
Сваю горькую долю:
Па вѣкъ ба ни жаниўся,
Халастэй ба правадиўся,
Красныхъ дѣвыкъ навадиўся,
Маладухъ налюбиўся!

157.

Опасныя стороны увлеченій любви для дѣвушекъ: не даромъ родители предостерегаютъ дочерей. Жучокъ надѣлалъ хлопотъ, что не сходится капотъ.

Лѣтъ семнадцати дѣўчонка
Пашла Лиса ў лѣсъ гулять,
Жучка чорныга искать;
Ина нямножка прахадила,
Жучка чорныга найшла,
Со руками, со нагами,
Со буйнэю галавой.
—«То, кажитца, дружокъ мой!»
Увязала у платочикъ,
Принясла яго дамой,
Пасадила на вакошка,
Дала сахару кусокъ.
Атецъ съ матерью сматрѣли,
Разбранились на яго,
Строга, строга приказали,
Штобъ выкинуть за вакно;
Ина ня слухала таго,
Ни кидала за вакно.
Тёмна ночка настаеть,
Жукъ спакою ни даеть:
Жучекъ поўзаить па мнѣ,
Ищить дирычки ва мнѣ,
Іонъ надѣлыить клапотъ,
Што ня сходитца капотъ.

158.

Саколикъ мой ясный,
Молыдицъ прикрасный,
Ни крути ты мною,
Якъ вихыръ гарою, 2
Марозъ далиною, 2
Салдатъ диўчиною!
— Матусинька мыя,
Идѣ дочка твыя?
—«Пашла мая дочка
У чистыя поля
Пшаничиньку жати!»
Казакъ да пшанички,
Тамъ нѣту дявички.
— Матусинька мыя,
Идѣ дочка твыя?
—«Пашла мая дочка,
Пашла да крынички
Стюдёный вадицы!»
— Матусинька мыя,
Идѣ дочка твыя?
—«Пашла мыя дочка
У нову камору 2
Бѣлу ложу слати».
— Ты, дѣўка-сиротка,

Не стяли широка,
Пастяли узе́нька,
Пригарнись близенька,—
Будимъ гаварити,
Якъ на свѣти жити.

(Отъ Матрены Григорьевой).

159.

Паденіе дѣвицы: брала ленъ, добралась до сѣраго волка, который повелъ ее въ лѣсокъ...

Дѣўка лянокъ брала,
Брала, выбирала,
Зямлю 'на 'ббивала,
Гарстями кидала.
Баялыся дѣўка
Да сѣрыга воўка,—
Ни таго баялась,
Што по лѣсу ходить,
А таго баялась,
Што по пылю рыщить,
Красныхъ дѣвыкъ ищить.
Узяў дѣўку папярёкъ
За шаўковый паясокъ,
Павёлъ дѣўку у лясокъ,
За пень, за калоду, 2
За бѣлу бярёзу.
—«Ты стой, паринь, ни валяй.
Сарахванъ ни марай!
Сарахванъ мой синій,
Сама яго скину, 2
Падъ сябе падлажу.
Сарахванъ кумашный,
Работы дамашній».

160.

Молодецъ на чужой дальней сторонѣ, куда его завела чарочка хмѣлевая, да дѣвка чернобровая.

Ни камышъ въ поли травушка шаталася,
Зашатался добрый молыдецъ
На чужей дальней старонушки.
Што ни самъ я на тябе ўзышолъ,
Завела мяне кручинушка,
Ни кручинушка—дяўчинушка,
Тая чарычка хмялёвая,
Тая дѣўка чарнабровая,—
Ена па горенки пахаживала,
На молыйца брывями памирыгивала.

161.

Баранъ въ шкодѣ: ночныя посѣщенія любовника.

Ахи, матушка, баранъ,
Гасударыня, баранъ
Па улицы ходить.
— Ахи, пусть хадачи[1]),
Не замай хадачи!
Не кричи, дача, маўчи!
Пусть баранъ начуить,
Пусть іонъ привыкаить.
Ахи, матушка, баранъ,
Гасударыня, баранъ
У сѣнюшки ўходить.
— Ахи, пусть хадачи,
Не замай хадачи,
Не кричи, дача, маўчи!
Пусть баранъ начуить,
Пусть іонъ привыкаить,
— Ахи, матушка, баранъ,
Гасударыня, баранъ
На краватку лажитца.
— Ахи, пусть хадачи,

---

[1]) Сокращ. изъ „пусть иго (его), дочи!“ (?). *Н. Я.*

Не замай хадачи,
Не кричи, дача, маўчи!
Пусть баранъ начуить,
Пусть іонъ привыкаить.

162 а).

Падшая дѣвушка, покинутая дружкомъ, совѣтуется съ сосѣдями, какъ вѣкъ ей прожить съ повязанной головой.

Судьба мыя, жизнь нищасная была.
Куда ня йду, судьбы сваей не мину.
Ночъ настанить, я ўсю ночушку ня сплю;
День настанить, я ў дасади прахажу.
Куда, Ваня, атъизжаишъ, другъ ты мой?
Съ кѣмъ ты, Ваня, пакидаишъ другъ, мяне?
Съ кѣмъ мнѣ, Ваня, ету зиму зимувать?
Съ кѣмъ мнѣ, Ваня, тепла лѣта ажидать?
Выйду, выйду за навэя варата,
Стану, стану ли дубовый виряи,
Гляну, гляну у чатыри стараны,
Пайду, пайду я ў сасѣда спрашуся:
—«Сасѣдушки, добрые люди мае,
Савѣтыйтя, якъ мнѣ, младѣ, вѣкъ пражить,
Якъ вѣкъ пражить, таску, скуку правадить?
Тяперича ни дѣвушка, ни ўдава,
Толька мая пувязана галава».

162 б).

Судьба мыя, жизнь нищасная была:
Я день хажу, сваей скуки ни прайду;
Ночъ настанить, я ў пастели прыляжу,
Узгалоўка ўсё слизами абальлю,
Діялушки пытанули у слизахъ,
Паслышу я пры насъ люди гывырять.
Якъ пайду я ки сусѣду ки свайму:
—«Вы, сусѣди, люди добрыя мае,
Пиристаньтя пры насъ разгывариватъ,—
Паучитя, якъ на бѣлымъ свѣти жить!
Ни сядѣла бъ за убраныиъ сталомъ,—
Ни 'бливала бъ гарючими слязьми столъ:
Ня слушала бъ я ни матушки, ни атца,
Патѣшила я ўдалога малайца:
Я жъ думала, што адинъ сынъ у атца.
Галубчикъ мой, што жъ ты сдѣлаў нада мной!
Я жъ тяперя пи сылдатка, ни ўдава,
Только мыя пакрытыя галава!»

163.

(С. Лѣтошники, Росл. у.).

Дѣвица пеняетъ на молодца за то, что приневолилъ ее вѣкъ худу славушку терпѣть, а самъ уѣхалъ въ чужую сторону; она утѣшается тѣмъ, что найдетъ лучшаго.

Размалодчикъ маладой,
Не съ адной да старонушки мы съ табой.
Што я, горькая, на свѣти раждена,
Ка любови призышла.
Спалюбила я такога малайца,
Съ тиха Дону казака.
Казакъ малешаникъ, драбнешаникъ,
Разудалый маладецъ;
Спалюбилъ іонъ мине,
Да самъ у чужу сторану жить пашолъ,
Воръ иную палюбилъ,
А мине, зладѣй, на ў вѣти [1]) спагубилъ,
Заставилъ, дуракъ, вѣкъ у дѣвушкахъ сидѣть,
Приняволилъ, зладѣй, худу славушку тярпѣть.
Худа славушка ина ня очинь хараша:
Атъ худэй славы дѣўка замужъ ни пашла.
Пашла дѣўка вдоль па улицы прайтить,
Къ карагоду падайтить.
Падайду я паближи, пакланюсь я панижи.
Люди мае, вы, свидѣтели,
Ни пайдете ли вы на рынычикъ гулять,
Ня ўвидите ль майго варвара?
Скажитя яму, штобъ ни плакалъ, ни тужилъ:
Я, дѣўка, яму насмѣшечку насмяю,
Я палуччи спалюблю,
Я такога маладога калужскага купца.
Калужскій купецъ—разудалый маладецъ.

164.

(Къ Могилевской губерніи).

Дочь вымышленными оправданіями напрасно старается отклонить подозрѣнія матери.

— Дуня мая, чаго стёжки натарёны?
—«Сѣры волки прабѣгали,
То жъ яны дарожки натаряли».

---

[1]) На вѣки? *Н. Я.*

— Дуня мая, чаго варотики скрипѣли?
— «Маминька, буйны вѣтрики шумѣли».
— Дуня мая, чаго вакошичка дрыжала?
— «Сѣра котика пущала».
— Дуня мая, чаго саяникъ ни схадиўся?
— «Маминька, краўцы шили, да вузили».
— Дуня мая, чаго хвартукъ надумáўся?
— «У крыхмалику ни удаўся».
— Дуня мыя, чаго ў клѣтычки кричала?
— «Маминька, дитятычку наражала».
— Дуня мыя, ета табѣ наука!
— «Калыши-ка свайго внука!»

166.

Прижила незаконно мальчика,—онъ одинъ безмолвный свидѣтель ея страданій.

Я малёшенька, драбнёшенька была,
Выхадила за вароты за навы.
Выкатались буйныя слёзы,
Буйны слёзанки са глазъ.
— «Не катитесь, буйны слёзаньки, са глазъ,
Не мачитя майго бѣлага лица:
Въ маёмъ домѣ нѣтъ никóга, никагò,
Толька іость адинъ мальчишка,
Іонъ не знаеть ничаво,
Іонъ не скажеть никаму!»

167.

(С. Плоское, Смол. у.).

Нашла себѣ голубя: незаконная связь вѣковухи съ парнемъ.

А са вечира сняжокъ, ки палынычи дажжокъ,
Ки бялу свѣту пароша приўмараживаить.
Што па той жа па пароши троя санычикъ бяжить:
Адны сани съ падрѣзами, двоя съ вырѣзами;
Што на тыхъ жа на санычкыхъ Аўдотюшка сядить.
Нихто Аўдотюшку ня любить, нихто замужъ ни бяреть.
Ина туда-сюда скачила, паўтара рубля схватила,
Паўтара рубля схватила, сибѣ голубя купила.
А ина голубю пшанички, іонъ пшанички ни клюеть;
А ина голубю вадицы, іонъ вадичаньки ня пьеть;
Іона голубя на ручки, іонъ на ручкахъ ни сядить;
Ина голубя на ножки, іонъ на ножкахъ ни стаить,
Ина голубя на кутъ,—пригадиўся голыбъ тутъ.

(Отъ Матрёны Лаврентьевой).

168.

(С. Иньково, Порѣч. у.)

„Сѣренькому коту“ достается за любовныя похожденія.

А ў варотъ дѣўка стыяла,
Рукавомъ дѣўка махала,
Къ сябѣ малыйца гукала—
Ни прастога, халастога,
Свѣтъ маіора палкавога.
Маіоръ па торгу гулялъ,
Свинцу-порахъ закупалъ,
За Няву ряку стрилялъ.
За Нямою за рякою
Права нѣту никаво:
Ни кала, ни двара,
Ни милога живата,
Тольки шѣринькій катокъ,
Кудривальтинькій лабокъ,
Кала шеинки платокъ,
Какъ іость голинькій твятокъ.
Якъ унадиўся катокъ
У слабодку, у дварокъ,
И къ удоўки, ки ўдавѣ,
Ки сиржанскей ки жанѣ.
Якъ паймали ката
На сянёхъ, на двярёхъ,
Якъ ударили ката
Абъ сыру матку-зямлю:
— «Полна, котинька, хадить,
Полна, шѣринькій, дурить!»

169.

Три дочки у вдовы; къ одной изъ нихъ молодецъ ходитъ съ деньгами и подарками.

Што на горки, на пригорки,
Тамъ сялилася дяреўня,
Ай, дяревинька Слабодка,
А ў Слабодки жила ўдоўка,
А у вдоўки три дачушки:
Адна Марья, друга Дарья,
Третя душичка Катюша;
У Катюши друхъ Ванюша.
Іонъ пачаста ў гости ходить,
Панямножку денихъ носить:
Кали рубъ, кали палтину,
Кали синію бумашку,
Пястритиную рубашку.

(Тамъ-же).

170.

Дѣвица кормитъ коней и угощаетъ кучеровъ своего милаго, пріѣзжающаго въ „калитарочкѣ“ на парѣ вороныхъ.

Гуляла дяўчонычка
Высимнадццыти лѣтъ,
Злюбила парнишичку
Дивитнадццати лѣтъ,
Такога харошига—
У свѣти лучча нѣтъ.
Выйду за варотики—
Дарожиньки нѣтъ.
Гляну я падъ ноживьки—
Дарожка ляжить,
Па тэй па дарожиньки
Кылитарычка бяжить.
У тэй кылитарычки
Пару коній выраныхъ, 2
Два кучира й мыладыхъ.
Варониньнымъ коникамъ
Дай па мѣрычки аўса;
Мыладымъ кучарикымъ
Дый па рюмычки винца.

171.

(С. Хотьково, Смол. у.).

„Дуня“. Иванъ уговариваетъ Дуню ночевать съ нимъ за дорогіе подарки.

Адинокая Матрёна
У адиночастви жила.
Рана хату затапила,
Сама по ваду пашла,

Сама по ваду, ваду,
На Самару, на ряку.
На Самарѣ, на рѣкѣ
Сѣры гусики сидять,
Воду свѣжую мутять.
Али я, малада,
Варавитая была?
Размахнулась широко,
Пачарпнула глыбако,
Паднила вёдры, пашла;
А на ўстрѣчу ка мнѣ
Идеть кумъ да кума,
Ищо кумыва жина.
Ана стала у Дунюшки
Супрашивати:
—«Што ты, Дуня, румяна,
Зачѣмъ любишъ Ивана?»
—Я за то люблю Ивана:
Яво личинька румяна—
И харошъ, и пригожъ.
Таки рѣчи гаварилъ,
Падгаваривалъ Дуняшу
Съ сабой ночку начувать:
—Начуй, начуй, Дуняша,
Паначуй, галубушка;
Паначуишъ у мине,
Падарю, радысь, тибе,
Падарю Дуни серёжки серебреныи,
А другіи залатыи съ паднивѣстыч-
кый.

172.

(С. Хотьково, Смол. у.).

Голубь кличетъ голубку, молодецъ—дѣвицу.

По лугу, лугу, па зелёныму лугу,
Тамъ ходить, гуляить сизаглинистый галубчикъ,
Кличить-выкликаить сизаглинисту галубку:
—«Подь-пади, сизаглиниста галубка:
Я тибе люблю да за палётачку тваю,
За палётливаю».
По двару, двару, по широкаму двару,
Тамъ ходить, гуляить Иванушка дружокъ,
Кличить-выкликаить Варварушку душу:
—«Подь-пади сюда, да Варварушка душа,
Да Лексѣеўна:
Я тибе люблю за паходачку за паходливую».

173.

Соловей кукушку зоветъ гнѣздо вить; парень дѣвицу соблазняетъ ѣхать въ Казань-городъ жить.

Салавей кукушку падгаваріить,
Падгаваріить іонъ, спадманіить:
Палятимъ, кукушка, у щиры бары,
У щиры бары, у тямны лясы,—
Мы савьёмъ, кукушка, па гнѣздечушку,
Мы знясёмъ, кукушка, па яечечку,
Вывидимъ, кукушка, пу писклёнычку;
А мой сылавей будить щибитать,
А твая какушка будить какувать.
Молодецъ дяўчонку падгаваривалъ,
Падгаваривалъ іонъ, спадманивалъ:

—«Паѣдимъ, дяўчонка, а ў Казань-гарадъ:
А Казань-гарадъ на гарѣ стаить,
На гарѣ стаить, на сухимъ мѣсти;
Тамъ тякуть рѣки ўсё мядовыи,
Малы ручаёчки всё сахарныи.»
— А ня лги жъ ты такъ, маладэй казакъ:
А Казань-гарадъ въ лащини стаить,
Въ лащини стаить, на мокрымъ мѣсти,
Тамъ тякуть рѣки всё крававыя,
Малы ручаёчки всё слезавыя.

174.

Разлука парня съ дѣвицей, сиза голуба съ голубкой, бѣлой рыбы со свѣжею водой, молодого чумака со своей стороной.

Раскрасавица дяўчонка по саду гуляла,
Ина гуляла, съ Дону вѣсти ждала.
— Слышна, слышна: намъ, ребяты,
Будить пирямѣна,
Салдатская смѣна.
Жалка, жалка мнѣ таго,
Хто безъ смѣны служить;
Ну, жалчѣй же мнѣ таго,
Хто съ кѣмъ разстряётца.
Разстряётца сизъ галубчикъ
Со съ сизой галубкый;
Разстряётца бѣлъ малойчикъ
Съ красныю дяўчонкый;
Разстряётца бѣла рыба
Са свѣжей вадой;
Разстряётца маладой чумачекъ
Со сваей страной,
Іонъ съ сваею стараною,
Съ матушкый радною,
Съ маладою жаною,
Съ дѣтками драбными.

175.

Скучная жизнь соловья въ золотой клѣткѣ, тоска по зеленой рощицѣ. Неудачная любовь парня къ дѣвицѣ; отъ тоски парень бѣжитъ на заработки въ Москву.

— Што-же ты, салоўюшка, скушонъ, нивясёлъ,—
Павѣсилъ галовушку, пѣсенъ ни пяёшъ?
—«Пѣлъ бы я, салоўюшка, ў рощицы лясной,
Прилыжа галовушку къ вѣткѣ зиляной:
Зялёныя вѣтычка жизнь маю висялить,
Залотыя клѣтычка жизнь маю каратить,
Сяребрена полычка къ смерти варатить!»
— Што же ты, мальчишечка, скушонъ, невясёлъ,
Павѣсилъ галовушку, пѣсенъ не пяёшъ?
—«Ну, какъ мнѣ, мальчишечкѣ, висялому быть?
Влюбился я ў дѣвушку, свизался съ таскою:
Што ў яе ни прашивай, все ина маўчить.
Брошу диряненюшку, пайду ў Маскву жить,
Па етахъ дароженькахъ ня буду хадить!»

176.

(С. Каблуково, Красн. у.).

Чужая сторонка, Московская дорожка разлучаетъ влюбленныхъ.

Ты, пріятиль мой, пріятиль,
Милинькій дружокъ,
Ты кляўся, другъ, бажиўся,
Што вѣкъ ни пакину,
А тяперь, другъ любезный,
Мяне пакидаишъ, 2
А другую маишъ.
Якъ у лѣси, у лясочку
Парень съ дѣўкыю ходить, 2
Бѣлы руки ломить:
—«Намъ съ табою, дѣўка, стыдна,
Всѣмъ людямъ навука,
Намъ съ табою разлука:
Разлучаить насъ съ табой
Чужая старонка, 2
Маскоўска дарожка».
А са ўсѣми мой милой другъ распращаўся,
А са мною, съ маладою, ни пращаўся:
Сиряди пути-дарожки варатиўся,
Са мною, зъ маладою, распрастиўся.

177.

(С. Проверженка, Ельн. у.).

Молодецъ съ горя, что измѣнила ему его кралечка, уходитъ въ Москву. Заросла травой-муравой дорожка, по которой ходилъ молодецъ къ дѣвицѣ.

—Ты а чёмъ, Ваня, плачешъ,
Ты абъ чёмъ слёзы льлёшъ?
—«Якъ же мнѣ не плакать,
И-и, да якъ же мнѣ не плакать,
Слёзыньки не лить?
Была ў мяне краличка,—
Перестала любить.
Кину-брошу краличку,
Самъ пайду жить въ Маскву.
Въ Масквѣ жить приўкрасна—
Я ня буду тужить,
Па прежней дарожкѣ
Я ня буду хадить.
Зарастёть мая дароженька
Вся травою-муравой,
Да зялёнымъ лужкомъ.
Вздумала дяўчоначка
Па Иванькѣ гарювать.
Пайду я, выйду
Въ тую рощицу гулять,
Дѣ мой разлюбезный
Мяне перва ласкалъ,
И-и, да дѣ мой разлюбезный
Мяне перва ласкалъ,
Ласкалъ раскрасавицу,
У щочки цалувалъ,
Разсказываў мой миленькій:
—«Ня буду забывать!»

(Отъ кр. Евдокима Иванова).

XX. ПРИПѢВКИ, ПѢСНИ ПЛЯСОВЫЯ, ВЕЧЕРИНОЧНЫЯ и КАРАГОДНЫЯ.

Веселое настроеніе духа во всякомъ собраніи молодежи, будетъ ли это вечеринка, или просто уличное сборище въ праздничный день, выражается въ пляскѣ, сопровождаемой особаго склада пѣснями,

такъ называемыми «припѣвками», обыкновенно небольшими по объему, нерѣдко съ сатирическимъ оттѣнкомъ, наподобіе великорусскихъ «частушекъ» въ формѣ коротенькихъ, по большей части четырехстопныхъ стиховъ [1]).

Соберутся дѣвушки, хочется имъ повеселиться, потанцовать,— вотъ онѣ и начинаютъ выражать свое нетерпѣніе:

1.

Ни сѣдитца!
Ни терпитца! (С. Бехтеево, Сычевск. у.).

Одна изъ нихъ, мастерица танцовать, начинаетъ похаживать вокругъ хаты, или въ уличномъ кружкѣ, начинаетъ притопывать, приплясывать, а другія подзадориваютъ ее:

2.

Скачитца, пляшитца,
Пиўца, винца хочитца.
Авось дадуть, авось догадаютца.
(Тамъ же).

3.

Врёшь—ни вароҗъ!
Мой мужъ нихарошъ;
Я на улицу пайду,
Симярыхъ себѣ найду! (Тамъ же).

Когда пляска разыграется, ее сопровождаютъ различными припѣвками, которыя иной разъ тутъ же слагаются экспромтомъ, въ родѣ нижеслѣдующихъ:

4.

(С. Скугарево, Гжат. у.).

Передъ Пётрушкый
Пайду рёбрушкымъ,
Передъ добрыми людьми
Пайду бѣлыми грудьми,
Передъ мальчиками
Пайду пальчиками.

5.

Суди люди, суди Бохъ,
Каво я любила!
Танцуй, Матвѣй,
Ни жалѣй лаптей!
Батька будить,
Лапти купить,
Батька новыи сашьеть.
(Тамъ же).

6.

За тынымъ, за тыно́мъ,
Стаить молыдицъ съ виномъ,
Дѣвица зъ закускый—
Съ бѣленькый капусткый. (Тамъ же).

7.

Кузьминишна, Савишна,
Вчирашняя давишна,
Узила тябе лихая—
Вазьмётъ тибе бѣшеная. (Тамъ же).

---

[1]) Больше всего припѣвокъ записано въ с. Хотьковѣ, Сычевск. у. №№ 10—45.

8.

Полна Маши модитца,
Гавари, какъ водитца:
Чиста ходишъ, гдѣ бярёшъ?
Дай расписку, съ кѣмъ живёшъ?

(Тамъ же).

9.

Какъ у Кати мужъ гуляка,
Онъ гуляка, запивака,
Ой, барыня ты мая,
Сударыня ты мая.
Калина, малина,
И черёмха, ребина. (Тамъ же).

10.

Ты падуй, падуй пагода,
Падуй бѣлыи сниги,
Заниси маю Васильиўну
Невѣдама куды.

11.

Давай, миленькій, пубаимъ,
Рѣдьки съ квасымъ пахлибаимъ,
Друхъ на дружку пасматримъ,
Ни харчиста ль мы ѣдимъ.

12.

Вилика наша салома—
Нѣту на ней каласа́;
Бирягу свайго милёнка,
Ни услышу галаса́.
Палажилъ бы ево за душу́
Баюсь милёнка притушу

13.

Наша вулица широка:
Двѣстя сажинъ пупярёкъ.
У милёнка кони гладки—
Онъ пра свадибку бирёгъ.
Вотъ мы сядимъ да паѣдимъ—
На насъ скажуть: гаспада!

14.

Мнѣ севоднишній день скука—
Сама ни знаю атчаво.
Есть парнишка на примѣти—
Ну, неўжели ета аттаво?

15.

На вясу канфетку вѣшу,
Я сваю милашку тѣшу.
Васъ тѣшу ли таво,
Штобъ любила аднаво.

16.

Скушна ў горинки навой
Бизъ милёначка мнѣ аднова.
Вавьму новыя видро,
Пайду, млада, за вадой. 2.
Милъ гуляить за рякой
Сы Анютычкыю адной.

У маей миленькай
Платочикъ малинькій,
Размагатаў галаву—
Дѣла нѣту никаму.

Касиў тятька диситину,
Павѣсилъ пиджакъ на 'сину;
Дѣвка ўранни грибы брала,
Пиджачокъ съ асинки сняла.

У поли камушикъ бѣлѣю,
Ну, билѣя его нѣту,

На улицы дощъ идётъ,
Са стрихи та каплитъ;

Охъ ты, милинькій, милой,
Чорнинькіи глазки,
За тибе мине бранять,

У майво у Васиньки
Ласкавыи глазаньки:
Слова скажитъ,
Глазкомъ глянитъ,
И гаваритъ—
Серца балитъ.
Ни кукуй, кукушичка,

Ну, мой миленькій хваранитъ,
На той сторани живётъ,

Звѣздачка небёсная,
Дѣвычка прелестная,—

17.

М(и)не не сушитъ дирявушка,—
Сушитъ новинькій дамокъ:
Засушилъ мине, сасѣдку,
Чернабровенькій парнёкъ.

18.

Касила, касила,—
Касу на ёлку бросила,
Насилачку падъ ёлочку,
Сама пашла къ милёначку.

19.

Ну, милёначикъ на вулицы,
Ну, милѣя его нѣтъ.

20.

Мой милёначикъ харошъ—
Яблачками пахнитъ.

21.

Держатъ на привязки,
На привязычки такой,
На лентычки шалкавой.

22.

У лѣсу на камушки,
Ни гарюй дивчоначка
По милёнку Ванички.
Мине денихъ пупрасилъ:
Палажила восимсотъ,—
Мой милёнакъ—первый сортъ!

23.

Какъ маленичка палуччѣй—
Съ Татянычкый пайдётъ.

24.

Прияьстила маладца
Луччи матери-атца.

25.

Падавилася кукушка
У поли жирнымъ каласо́мъ;
Забрыють майво Ванюшу—
Я пуплачу галасомъ.
Я пу братцу пуплачу,
Па миломъ сайду съ ума.

26.

Сиредъ полюшка стаю,
Свайво милёнка признаю.
Пачиму я признаю?
Пу платочку сваяму.
Сириди поля-камушка
Стрѣнь мине, сударушка;
Сриди поля чистыва,
Стрѣть мине фарсистыва.

27.

Я на етый на дарожки
Растаптала полсапожки.
Купи милинькій калошки:
Атпраўляюсь я къ Алёшки.
Наши красны дѣвачки
Толька на припѣвачки;
На работу ни хачу,
Баюсь шубку замачу!

28.

Панапрасну, Ванька, ходишъ,
Сапаги дарамъ дирёшъ;
Панапрасну дѣўку любишъ,
Чаво замужъ ни бярёшъ?
Дѣвычка Матрёшичка,
Пасматри ў вакошичка:
Твой милёныкъ женитца,
Женитца, винчаитца,—
Сичасъ любоў канчаитца.

29.

Развалилася палѣнница:
Ни колана дрива;
Разсярдилася падляначка
Да первая мая.
Раскалю я, раскалю
Асинавую плашку;
Кину-брошу, пазабуду
Первыю милашку.

30.

Мине солнышка ни грѣить,
На галовушки туманъ;
Мине милый ни жалѣить,
Усё дѣлаить абманъ.
Пу деревни тучи ходють,
Въ Питирбурги громъ гримить,
Пу миломъ серца балить.

31.

Каму радыстны диньки,
А мнѣ тимна ночка;
Абманула, правила
Дѣвычка парнёчка.
Мой милёнакъ багачёкъ:
Лѣтамъ носить пинджачёкъ,
А зимой сибирачку,
Пьёть винцо-наливачку;
Онъ и пьёть—падпиваить,
И мине съ сабой жилаить.

32.

Наша возира широка,
Птица вьётца надъ вадой.
Па глазамъ милёнка вижу,
Што смѣётца нада мной.
Смѣйся, смѣйся, мой любезный,
Смѣйся глупасти маей!

33.

Палажу горя падъ каминь:
Пущай горя паляжить;
Падамъ вѣсть на тилиграму:
Пущай милый прибяжить.

34.

Гуляй, гуляй, маё дититка,
Атстатнія лѣтичка;
Въ салдаты атдадуть—
Такой воли ни дадуть.
Я гуляю день и ночъ,
Атъ салдатчины ня прочъ;
Я гуляю, хлапачу—
У салдаты ни хачу.

35.

Какъ чужіи крыши крыимъ,
А сваи ня крытіи;
Какъ чужихъ жоныкъ любимъ,
А сваи забытіи.
Растварились варата—
Мы не будимъ затварять;
Разсердились наши жоны—
Мы не будимъ уважать.

36.

Сѣла бъ я на ёлычку —
Баюсь я высаты;
Спалюбила бъ я салдата—
Баюсь я кислаты.

37.

Закатилась красная сонышка —
Ни стала болій грѣть;
Какъ уѣхалъ мой милёначикъ—
Ни сталъ больши мине жалѣть.

38.

Раскатилися калёсы,
Размутилася вада;
Разругался я съ милёнкамъ—
Нѣтъ мнѣ ходу никуда.
У майво ли хварсуна
Рубашка нова, ширстяна,
Платочикъ бѣленькій съ каймой—
Разстаётся милъ са мной.

39.

У маёй родниинькай
Сарахванчикъ модниинькій:
На падоли галуны—
Панашили хварсуны.

40.

Людскіе наговоры на дѣвицу.

Што за ноничи за народъ,
Што задумалъ, то й арётъ:
Я стыяла съ роднымъ братымъ,
А сказали, што съ салдатымъ;

Я стыяла на гарѣ,
А сказали—падъ гарой;
Я стыяла—ни сміялась,
А сказали—цѣлувалась.

41.

Бабьи пересуды надъ дѣвушками.

Охъ, вы, главы, главушки,
Залатыи главушки!
Паживитя, дѣвушки,
Хуть гадокъ бизъ славушки.
Вы купитя горькый водки,
Пазалейтя бабамъ глотки,
Штоба бабы ни судили,—
Сами бабы въ дѣвкахъ были,
Пра дявотчину забыли.

42.

Надзоръ отца и матери за дочерью.

Варобьюшка, варабей,
Атлётная пташичка,
Гарямышна кукушичка!
Варобушка, варабей,
Куда лёталъ-атлиталъ,
Куда ѣздилъ-атъизжалъ?
— А я съ сила да сила,
Да стёва да двара,
Да Палагеинывa терима.
Палагеюшка душа,
Аткрый, радысь, акошка,
Середнива немножка.
— Я бы рада аткрыла,
Буёнъ вѣтиръ косы дмётъ,
Красна сонца лицо жгётъ;
Буёнъ вѣтиръ—батюшка,
Красна сонца—матушка.

43.

Предостереженія матери, ея упреки еще болѣе усиливаютъ чувство дочери къ любезному.

Мине маминька ласкала,
На вулицу ни пускала:
— «Дититка, збалуисьтя,
Съ парнимъ пацалуисьтя».
А я маминьки бажилася:
— Мая душа чиста —
Никаво я ни люблю,
Кромѣ трубачиста.
Вотъ я мылася, бѣлилася,
Мамаши въ ножки пакланилася.
— Маминька мая, золытца,
Ни ругай мине за молыдца;
Если ты мине будишъ бранить,
Я на зло буду любить.

44.

Укоръ дѣвицы молодцу, что не ходитъ съ ней гулять.

Травушка, муравушка,
Зелёненькій ты, лужокъ,
Мнѣ на етый травушки
Ни хаживати,
На сваю ли мнѣ харошую
Ни сматривати.
А мая ли расхарошая
У новый горницы сидить,
Скрозь стиклянныя вакошички
На моладца сматрить,
Съ удалымъ са малойчикымъ
Рѣчи гаварить:
— «Што жа ты ни ходишъ
На вулицу гулять,
Што жа ты ни становишъ
Напрати мине сибе?
Или я, малада,
Варавитая была?»

45.

Насмѣшка надъ подарочками милаго: подавилась дареной бараночкой.

Я, бѣдная дѣвчоначка,
Сидѣла у вакнѣ,—
Слышу милыва свистокъ:
Какъ мой милый свистанулъ,
Маё серца здраганулъ.
Дѣвычка-билянычка,
Ни хочитца ль баранычка?
Мой милёначикъ скупой,
Далъ баранячки сухой;
Вотъ я ѣла, тарапилась,
Бараначкай падавилась;
Чѣмъ бараначкый давитца—
Лучши зъ милымъ разыйдитца!

46.

(Тесово, Сычев. у.).

Взаимное дареніе парня и дѣвицы; онъ ей конфетку съ барынькой, она ему поясокъ съ кисточками.

Милинькій, кудрявинькій,
Купи канфетку съ бàранькай!
Ты ня дорга давай
И съ патретымъ выбирай.
Купилъ милинькій канфетку
Ни заверчиную,
Палюбилъ мине дивчонку
Не замѣченую.
Онъ замѣтилъ на рѣкѣ
Шесть калецъ на рукѣ:
Два витыи, три литыи,
Два серебренаи.
Наша вулица широка—
Восемъ саженъ поперёкъ,
Всё по ямочкамъ песокъ.
Абмишенилась дявчонка:
Дала парню паясокъ,
Пазабыла наказать,
Штоба костычки [1]) назадъ.

47.

Вліяніе городской моды на костюмъ.

Жилъ мой милый на заводѣ,
Сулилъ ситцу новый моди,
Онъ сулилъ сулёнава,
На кохту зелёнава.
Въ Масквѣ кофтачку краили,
Полачки укарòтили,
Дѣвка парня палюбила,
Серца азаботила.
Скажу тятиньку пра то:
Нада на зиму пальто;
Скажу маминьки пра ета:
Нада кофтачка на лѣта.
При пальтѣ буду ходить,
При часахъ буду любить;
Часы звонють, часы бьють,
Мнѣ спакою ни дають. (Тамъ же).

48.

Любила Петю за конфетку: конфета растаяла, любить оставила.

Нѣту ябланки панижи—
Негди яблачка сарвать;
Нѣту милыва паближи—
Не съ кимъ словичка сказать.
Нѣтъ на свѣти лучши Пети—
Уважитильный такой!
Я любила Петиньку
За’днае канфетиньку.
Канфетинька стаила,
Любить Петю атставила. (Тамъ же).

---

[1]) Подъ Москвой поютъ: кисточки. Пѣсня великорусская, какъ и многія изъ этихъ припѣвокъ. *Н. Я.*

49.

(С. Пречистое, Духовщ. у.).

Невѣрность парней: не слѣдуетъ вѣрить ихъ божбамъ и клятвамъ.

Ѣхалъ милинькій съ Казани—
Палтараста рублей сани,
Семисотенный конь,
Съ падзалочиный дугой.
Вы не вѣрьтя малайцамъ!
Яны божутца вамъ,
Яны божутца, клянутца,
Посли ў глазы насмяютца.
Я не слушала васъ—
Цѣлувала дружка разъ,
И задумаю ипять—
Пацалую двадцать пять. (Тамъ же).

50.

(Дунаево, Бѣльск. у.).

При назначеніи въ средину хоровода.

Тама дымъ, тама чадъ,
У печушки каша,—
Акалѣють багачи,
Будить воля наша.
У карагодъ пастаўлю,
Выбирать застаўлю.

(Запис. у раскольниковъ).

51 а).

Дворянинъ выбираетъ дѣвушку въ хороводѣ.

Фёдурушка дворянинъ
Сталъ барышню атсылать,
Атаслать онъ ни атыслалъ,
Цвяточкамъ называлъ:
«Цвяточикъ мой малинькій,
Розавый, наливный.
Репейнюшка волытца,
Цалуй мине молыдца!»
Ета пара хараша,
Пакланилась—прочъ пашла.

(Тамъ же, у раскольниковъ).

51 б).

(С. Шоптово, Бѣльск. у.).

Лаврушка дварянинъ... и т. д.
— «Твяточикъ мой алинькій,
Розавый мой, малинывый,
Три раза наливаный,
Три разочка наливанъ,
А семъ разочкыў цалуванъ».

52.

Лаврушинька дварянинъ,
Іонъ гуляить ни адинъ—
Съ барышній сударыній,
Съ Наталій Ануфриўный
Ета пара хараша,
Аттуляла, прочъ пашла. (Тамъ же).

53.

Дѣвка машетъ платкомъ молодцу, другая тоскуетъ по своемъ дружкѣ.

Ходить дѣўка па крыльцу,
Машить платкомъ маладцу,
Другая па горницы
Таскуить па моладцу.

Прихадили къ ней падружки,
Ни вялѣли тускувать,
Тужить-плакать, гарювать.

Я ня слушала васъ,
Цѣлувала адинъ разъ.

(Тамъ же).

54.

(С. Хотьково, Сычев. у.).

Молодецъ изъ компаніи выбираетъ себѣ дѣвицу; величаніе танцующихъ паръ.

Гуляй, гуляй, добрый молыдицъ,
Выбирай, выбирай себѣ дѣвицу.
Изъ кампаньицы,
Хто наравитца.
Гаспада, вы, синатōры,
Изъ каторой вы канторы?
— А мы съ Новыва сила.—

Вы пажалуйтя сюда!
У Ивана галава
На пумади была,
У Варвары галава
На причосачки была.
Ета пара хараша—
Атгулялась, прочъ пайшла.

55.

(С. Шоптово, Бѣльск. у.).

Круговая. Завивается капуста; гуляетъ милая; молодецъ выбираетъ себѣ пару.

Вейся, не вейся, капуста,
Завювайся, билая,
Въ садику зилиная!
Гуляй, душичка милая!
Какъ жа капусты ня витца,
Какъ жа вялой ни ламатца?
Сливной дощъ паливаить,
Бѣлаю, зеленаю ламаить.

Въ крухъ моладицъ гуляить,
Сибѣ пару выбираить:
Ну, каторая палуччи,
Ну, каторая пачищи.
Лицомъ пабѣлѣе,
Бравямъ пачарнѣе.
Па сагласію Настасья,
Па савѣту Лисавета,
Па згавору Митрадора.

56.

Мальчикъ въ зеркальце смотрѣлся и самъ собой хвалился.

Мальчикъ въ зеркальца сматрѣлся,
Самъ сабой хвалился:
Какой я харошенькей,
Какой я пригожинькей!
Рубашка хранцуская,
Жалетка съ часами,

Галава съ кудрями—
Цалуватца зъ вами.
Двожжи, трожжи,
Девить разъ
Пацалую, сударь, васъ.

(Тамъ же).

57.

(Тесово, Сычев. у.).

Милому дружку служба давно сказана... Милому сказано „напередъ идить, хороводъ водить“.

Какъ усимъ цярямъ
И служба яўлина,

Маяму дружку
Даўно сказана,

Ой ли, ой лели!—
Да напирётъ идить,
Да караводъ вадить,
Пѣсню запивать,
Да дѣвыкъ выбирать.
Кружокъ дѣвушикъ малодушикъ,
Мы пайдёмъ съ дружкомъ,
Размитёмъ лужокъ,
Завидёмъ кружокъ,
Кружокъ дѣвушикъ
Да ўсё маладушикъ.
Ты, милый друхъ,
Раздуша ль мая,
Да добрый молыдицъ,
Ты заложъ мине
И купи каня—
Паизжай да ты ў службу,
У службу царскую
Да гасударскую.
Служба вывидить,
Дениxъ вывизить, 2
Мине выкупить,
Съ няволюшки
Мине выручить.
Какъ уси цари
Пупріѣхали,
Маяво дружка
Слыху нѣтути,—
Адинъ конь бяжить,
На ёмъ яў ляжить—
Пахувà шляпа.
Какъ у той шляпи
Мой шалкоў платокъ,
Какъ у той шляпи
Мой платокъ носитца,
Какъ са мной любезный,
Са мной ссоритца,
А са другой водитца.

58.

(С. Пречистое. Дух. у.).

Любовь дѣвицы; молодецъ привозитъ ей три подарка: на ручку перстенекъ на шею жемчужекъ, еще шалевый платокъ.

Я вячоръ, малада,
При ў кампаніи была,
Расхарошива малойчика
У любоў сибѣ ўзяла.
Мнѣ ня стыдно зъ имъ прайдитца,
Можна радастью назвать.
Милъ за ручку крѣпка жалъ,
Разгарѣлся ў лицѣ жаръ.
Пайду-выйду на крыльцо,
Разстужу сваё лицо.
Я ня ўспѣла выйдить вонъ,
Стаить милый прида мной,
Гаварить рѣчъ са мной:
—Ты ни плачъ, ни тужи:
У етый часъ буду сюды;
Я пріѣду, прикачу,
Три падарки привязу:
Первый падарыкъ—
На ручушку пирстянекъ,
А ўтарой же падарыкъ—
Падъ шеюшку земчужокъ,
А третій падарыкъ—
Бальшой шаливый платокъ;
Я за етытъ за платокъ
Пацалую разъ пятокъ,
Пирядумаю апять—
Пацалую двадцать пять.

59.

(С. Лѣтошники, Росл. у.).

Соловей, не летай долго вечеромъ одинъ... Парень дѣвушку любилъ, колечушка подарилъ; самъ уѣхалъ въ Москву.

Салавей мой, салавей,
Саловьюшка маладой!
Ни литай, мой салавей,
Долга вечира адинъ.
Парень дѣвушку любилъ,
Калечушка падарилъ,
Калечушка-сярдечушка,
Мой залóтый пирстянёкъ,

Засушилъ мой животокъ:
Даляко мой милый живётъ—
А у матушкѣ ў Масквѣ,
На Смаленскый улицы;
Тамъ дѣвушки харaши,
Малодушки пригажи;
Адна дѣўка луччи ўсихъ,
Въ касѣ лента шири ўсихъ,
А другая бравая,
Въ касѣ лента алая.

60.

(Дунаево, Бѣльск. у.).

Ожиданіе милаго. Любовь къ дѣвицѣ. Петербуржецъ проситъ прислать денегъ, хотя бы пришлось распродать скотъ.

Падъ акошичкымъ сидѣла,
Пряла бѣленькій лянокъ,
У вакошичка сматрѣла,
Аткуль солнышка взыйдётъ,
Аттуль милый друхъ идётъ,
Гармонь новую нисётъ.
—Ты чаво, гармонь, ни граишъ,
Или тону ў тибе нѣтъ?
Атчаво, душа, ни ўстрѣнишъ,
Или дома тибе нѣтъ?
—«Если бъ дома я была,
Ну я стрѣла, правила
Да ракитыва куста.»
Уси дѣўки на'твячорки,
Адной маей милый нѣтъ.
Балить серца и пячонка—
За рякой живётъ дяўчонка;
Балить серца и животъ—
Даляко милый живётъ.
Нѣтъ ни лодки, ни двисла—
Лихарадка пернисла.
Прадай ложки и тарелки,
Пришли денихъ па капѣйки;
Прадай бурыю карову,
Пришли денихъ на дарогу;
Ящо двухъ ни жилѣй—
Пришли денихъ паскарѣй;
Ящо сивую аўцу—
Пришли денихъ маладцу.
Вотъ варотушки скрипятъ,
Вси сусѣдушки глядятъ:
Идётъ нашъ питянбурецъ,
Іонъ абодраный, абшорпаный.
Ахъ, сабаки жъ то и лаютъ,
Ня ўси сусѣди жъ то и знаютъ.

61.

(С. Шоптово, Бѣльск. у.).

Величаютъ жену молодца.

А ў голаба залатая галава,
А ў галубки шейка низаная;
Тама ѣхали таварищи
И завидали яму:
— Каба намъ, маладцамъ,
Ды такая жина,
Мы жъ ба лѣтнію парину
Ва калясачки вазили,
Мы ба зимнію дабину [1])
На саначкахъ вазили,
На ямскихъ лашадяхъ.
Извощички маладыя,
Поганяйтя пажасчѣй,
Штоба кони шибчи шли,
Маладу жану визли
Ка цареву кабаку
Зилянова вина пить,
Маладу жану любить.

---

[1]) Отъ—„доба“—пора, время. *Н. Я.*

62.

(С. Хотьково, Сыч. у.).

Жена по платку узнаетъ шапку мужа.

Черна шапка са пирами
На бережки пралижала,
На крутенькимъ прасыхала.
Никто къ шапки ни падойдить,
Къ сабалини ни падступить.
Настасьюшка падхадила,
Фёдырыўна падступала,
Пу платку шапку признала:
— Ета шляпа майво друга,
Майво друга, да ўсё Петра.
Пётрушка мой дружочикъ,
Питроў живаточикъ,
Скажи праўду ўсю былую,
Хто у насъ съ табой ўсё милѣе,
Хто у насъ дарожи.
— Наталья ўсѣхъ милѣе,
Фёдырыўна падарожи,
На яе начотъ надёжи.

63.

Жена расплясалась въ отсутствіи мужа; братъ позволяетъ ей это.

У варотъ, у варотъ, у макольцистыхъ,
А у другихъ у варотъ, у растворчистыхъ,
Тамъ Настасьюшка разгулялася,
Тамъ Фёдырывна расплясалася.
Ее братъ радной на крыльцѣ стаить,
Да на систру сматрить:
— «Пагуляй, систра, пагуляй, радная:
Твой суженый мужъ у Масквѣ живётъ,
Давастружки стружить». (Тамъ-же).

64.

(Дунаево, Бѣльск. у.).

Молода вырѣзала звончастыя гусли, супругъ играетъ на нихъ, она пляшетъ подъ его игру.

Ну, какъ пайду я, маладенька,
Въ зилёную рощу,
Какъ я вырижу, маладенька,
Званчастыи гусли.
А каму жъ та въ ихъ играти,
А каму жъ та въ ихъ плисати?
А и Хвёдару играти,
Авдотьи плисати.

65.

(С. Хотьково, Сыч. у.).

Нѣжная супружеская любовь. На шелковой бородѣ супруга меды медились, на кудрявой головушкѣ рои роились, сундуки въ амбарѣ полны меда.

Баяринъ да Пётрушка!
Гульни ево барыня
Настасья Фёдырывна
Ничаво ни ўзлюбила.
Ана ня пьетъ пива пьянывва, 2
Ни вина зилёныва,
Тольки любить да съ Пётрымъ спать,
Тольки любить живатомъ назвать:
— Живатокъ да Пётрушка,
Када спишъ, 2, дакъ Бохъ съ табой,

А ни спишъ, 2—гавари са мною,
Прамолви славечушка,
Взвисили сирдечушка. 2
Серца мае ретивоя,
Галава кудрявая
Барада шалковая.
На кудрявый галовушки
Тамъ раи раилися;
На шалковый барадушки
Сладки мяды медились.
Устамилась Настасьюшка
Па гародахъ ходючи,
Ина раи грибаючи;
Сладкій мёдъ сымаитца,
У бересникъ кладаитца,
Въ амбаръ катаитца,
У сундуки вставляитца

66.

Величаніе супруговъ; красивая наружность ихъ возбуждаетъ общее удивленіе: родились они въ воскресный день.

Винаградъ расцвитаить,
Зиляной расцвитаить,
Ягада паспиваить;
Винаградъ да Пётрушка,
А ягада, ягада Настасьюшка.
Всѣ имъ люди дивувалися,
Што харошъ, што пригожъ—паражалися.
Ни дивуйтися, люди,
Сами дагадайтись,
Сами выражайтись:
Мы ни буденъ день радилися,—
Мы радились въ васкрёсный день,
Въ васкрисенння—зъ нявисельня.

(Тамъ-же).

67.

Величаніе хозяина, красующагося на конѣ.

Каба хто у насъ харошъ?
Вой люли, люли,
Каба хто у насъ харошъ?
Нашъ Пётрушка харошъ,
Васильевичъ пригожъ.
Идѣ мы ужинали,
Идѣ кушали,
Онъ по двару ходить,
Манерна ступаить,
Чибатоў ни лумаить,
Чулкоў ни мараить;
На каня садитца —
Падъ имъ конь бадритца;
Іонъ плётачкой машить—
Падъ имъ конь пляшить,
Са двара съизжаить —
Народъ разступаить;
Па вулицы ѣдить —
Вся вулица стогнить;
Па дароги ѣдить —
Дароживька пыльна;
Къ палямъ падъизжаить —
Поли ширачѣють;
Къ лугамъ падъизжаить —
Луги зеленѣють;
Къ рѣкамъ падъизжаить—
Рѣки разливають;
Къ авсамъ падъизжаить—
Аўсы высыпають;
Къ садамъ падъизжаить—
Сады расцвѣтають
И пташки распивають. (Тамъ-же).

68.

Бояринъ зоветъ жену въ зеленъ садъ гулять. Величаніе супруговъ.

Па сѣнимъ, па сѣнимъ,
Па навымъ па сѣнимъ,
Тамъ ходить-гулянть
Гаспадинъ-баяринъ,
Иванъ Никалаевъ;
Іонъ ходить—гулянть,

У гусилицы граить,
Жону ўзвисиляить:
Гуляй, мая жона,
Гуляй, маладая,
Варвара милая!
Мы пойдемъ съ табою
Въ зеленъ садъ гуляти —
Вишинья щипати.
Зеленая вишня —
Варварушка душка,
Аленькій цвѣтокъ —
Иванъ живатокъ. (Тамъ-же).

69.

(Дунаево, Бѣльск. у.).

Милый съ заработковъ пришелъ, денегъ принёсъ.

Слышали мы,
Антонушка Харламавичъ
Нидавна да зъ Масквы пришолъ,
Многа денегъ принёсъ —
Да три закрамы:
Первый закрымъ—всё рублёвики,
Другой закрамъ—всё палтиннички,
Третій закрамъ—всё гривиннички;
Рублёвички ли сибе дяржить,
Палтиннички—на малебинки,
А гривиннички — насъ игрецъ дарить.

70.

Приглашеніе въ хороводъ.

Ты лети, лети, агняннная стрила,
Ты убей на палёти сакала.
Сѣрая вутица ў ракитывымъ кусту.
Сѣрая вутица павѣстка мая,
Красная дѣвушка невѣста мая.
Благародный народъ,
Пажалуйтя ў карагодъ!
А, Ванюша, братицъ,
Чаво жа ты плачишъ?
Лошать вараная,
Жана маладая.
Благародный народъ,
Пажалуйтя ў карагодъ! (Тамъ-же).

71.

Невѣрность жонъ. Мужъ съ сокрушеніемъ сердца бьетъ жену за пьянство.—Свиданіе любовниковъ. Невыгодныя стороны любви къ замужней женщинѣ, ко вдовѣ и красной дѣвицѣ.

Какъ ноничи куры дуры—
Піють питухами;
Какъ поничи жоны дуры—
Брекають мужьями;
Ани брекають мужьями,
Даражать анѣ дружьями.
Мижу двухъ бѣлыхъ бирёзъ
Рѣчка пратикала, 2
Вада ключавая.
У старава зладѣя
Жина маладая.
Вотъ я билъ жану часъ,
Самъ плакалъ недѣлю;
Я за то жану билъ,
За то ее вучилъ:
Прапила жина уснову,
Усновушку прапила,
Утокъ на пахмелья, 2
Сваё рукадѣлья, 2
Тонкава пряденья.
Ишолъ Ванюша далиною,
Чужою онъ мижою,
Онъ чужою, ни сваею —
Сусѣднимъ гародымъ;
Набираить, нажимаить
Комъ бѣлыва снѣгу,
Онъ кидаить, онъ брасаить
Ка Дуни въ акошка:

То въ акошка, то въ стѣну —
Пряма Дуни на пастелю.
— Душа, Дуня, дагадайся,
Радасть, дамякайся!
Дуня къ Вани выхадила,
Рѣчи гаварила:
— «Мнѣ типерь, Ваня, ни ўремя,
Пришолъ ка мнѣ бизъ уремя:
У батюшки гастять гости,
У маменьки маей сёстры,
У майво братца малодцы,
У мине падружки —
Все красныи дѣвки».
Пашолъ Ваня'дъ акошка,
Галавой Ваня качаить,
И руками онъ махаить:
— «Давай, мать, гарювать:
Некыва мнѣ болій любить!
Чужу мужнію любить —
Мнѣ битыму быть;
Маладу ўдаву любить—
Мнѣ щёгальна хадить;
Красну дѣвицу любить —
Дорга ее нужна дарить:
Кажная вутра мнѣ два съ палтиной,
Вичаромъ цалковый».

72.

(С. Вырье, Гжатск. у.)

Сажаніе капусты—выборъ дѣвушки и приглашеніе ея замужъ.

Я на стульчики сижу
И топоръ въ рукахъ дяржу,
Востры колушки тяшу,
Изгародку гаражу,
И хрѣнъ-капустку сажу,
Часты гряды загребать,
Качаникыў ни ламать,
Красныхъ дѣвыкъ выбирать.
Выбралъ дѣўку, выбралъ красну,
На вулицу вывадилъ,
Проти сибе становилъ,
За сибе замужъ манилъ:
«Пади, дѣўка, пади, цвѣтъ,
Пади замужъ за мине
На работу рабатать,
Са мной спать-пачивать
На тисовую кравать.»
Кравать нова—тисава,
Пяринушка пухава,
Изгалоўя висако,
Адіялица тяпло.
Вставай, милая, рано:
На дварѣ бѣла заря;
Уставай, милый цвѣтъ:
На улицѣ саўсѣмъ былый свѣтъ!

73.

(С. Хотьково, Сыч. у.).

Земляничка хороша по мѣсту взрастанія; невѣстушка по матери разумна.— Пролеталъ соколъ, обронилъ золотъ колоколъ: къ молодой вѣсть пришла.— Дѣвушка выбираетъ жениховъ, стоя въ хороводѣ.

Чиво ягадка сладка,
Зимляничка хараша,
Да отчаво ина сладка,
Атчаво ина хараша?
Пу пригорачкамъ расла,
За кустикымъ расцвила,
Супроти сонца узрѣла.
Чаво, нивѣстушка, вумна?
Пу матушки разумна.
Черезъ батюшкинъ тирёмъ
Пралиталъ ясёнъ саколъ,
Абранилъ золытъ калаколъ,
Пазалачиванъ, литой,
Па краюшкамъ аблитой,
Па сиредушки блестушки,
Ко мнѣ, младѣ, вѣступки.
Я па сѣнюшкамъ хажу,
Я на вулицу спишу
Въ караводи пастаять,
Женихоў выбирать.

Што ва синимъ, ва зилёнымъ—
То ни мой женишокъ;
Што ва бѣлымъ балахони—
То на смерть ни люблю;
Што ва плисавый паддёвки—
То мой женишокъ,
Да Иванюша дружокъ.

74.

(Новоселье, Вязем. у.).

Не выходящихъ замужъ дѣвицъ стращаютъ отдачей поневолѣ за солдатъ.

У насъ па рѣчушки сѣрый селе-
зень плывётъ,
Краснымъ дѣўкамъ вѣсть несётъ
Ай да люли, да люли,
Вѣстушку нирадыстную,
Другую невесёлую:
Дѣвыкъ во Ризань гонють,
Красныхъ за салдатъ замыжъ.
Ни пужайтись, дѣвушки,
Ни пужайтись, красныи:
У насъ-та есть молыдцы,
Рибята харошіи:
Пярвой молыдицъ—
Молыдицъ Пётрушка,
Другой молыдицъ—
Молыдицъ Иванушка.
Выбирай, Пятрушинька,
Нивѣсту харошую!
Да мы сойдимся—паклонимся,
Урозь пойдемъ—расцалуимся.

75.

(С. Хотьково, Сыч. у.).

Братъ выдаетъ сестру замужъ въ большую деревню, въ богатую семью, потомъ навѣщаетъ замужнюю сестру, а она жалуется ему на семейное горе; братъ совѣтуетъ сестрѣ не итти въ „отходъ", а терпѣть бѣду: обстоятельства измѣнятся сами собой. (Срв. стр. 374, № 133).

На вулицы дощъ бальшой,
Сильной праливаить,
Ой лешеньки, лели,
Сильной праливаить.
Вывиду систру на вулицу
На сильной на дожжикъ:
—Ты расти, систра, бальшая:
Атдадимъ мы тибе замужъ
У бальшую тибе дireўню,
Въ багатую семью.
Взайди, взайди, сонца,
Ни низка ты, ни висока,
Взайди, взайди, братицъ,
Ка сяcтрицы сваей въ гости,
Паспраси ты ка, мой братицъ,
Пра маё большоя горя!
У мине, мой братицъ,
У мине читыри горя,
Пятая у мине кручина.
Первая у мине горя—
Свёкарь мой журливый;
Втарое въ мине горя—
Свекрова въ мине хлапатливая;
Третія въ мине горя—
Залоўки въ мине смутлянки;
Читвертыя у мине горя—
Дивирья въ мине насмѣшники;
Пятая у мине горя—
Мужъ жаны своей ни любить.
—Паживи, мая сястрица,
Патерпи, мая родная:
Свекарь твой журливый
Скора ў сыру землю пойдить;
Свякрова твоя хлапатлива—
Двора ина ў дворъ хочить;
Залоўки твае смутлянки
Сами у люди пойдуть;
Дивирья твае насмѣшники—
Сами ани ў людёхъ возьмуть;
Мужъ твой тибе ни любить —
Другой онъ жаны ни возьмить.

76.

(Граница Юхновскаго и Медынскаго уѣздовъ).

Начинался карагодъ,
Взвиселился весь народъ.
Адна дѣўка висила
Ва крухъ гулять пашла,
Маладца серца зажгла
Въ малодчика-дѣтинки
Разгарѣлися глаза,
Чія дѣвушка хараша?

77.

Мижду двухъ бѣлыхъ бирёзъ
Вада пратикала,
Вада ключивая.
Нильзя ваду пить,
Нильзя зачерпнуть;
Нильзя жану бить,
Нильзя паучити.
У старыва зладѣя
Жина была баба маладая;
Прапила жана аснову,
Асновушку прапила,
Свой уточекъ на пахмелья,
Свайво рукадѣлья.
Тонкава пряденья.

(Тамъ-же. Срв. № 71).

78 а).

Не поймалъ перепелки—поймалъ лунька съ руками, съ ногами и пр., и не знаетъ, куда посадить. (Ср. стр. 418, № 88).

Ни пумалъ я пирепёлки,
Паймалъ сизыва лунька,
Лунька сизинькыва,
Сизакрылинькыва,
Съ руками, съ нагами,
Съ буйный галавой
И съ русыю касой.
Я не знаю гдѣ лунёчка пасадить.
Пасажу лунёчка
Ва гароди, во саду
Въ шалковую траву.
Присядь-ка, мой лунёчикъ,
Присядь, бѣлый, маладой,
Ты панижи, панижи,
Ящо нижи таво;
Абаймись, мой лунёчикъ,
Абаймись, бѣлый маладой,
Ты пакрѣпче, пакрѣпче,
Ящо крѣпчи таво;
Пацалуйся, мой лунёчикъ,
Пацалуйся, бѣлый, маладой,
Ты паслащи, паслащи,
Ящо слащи таво.

78 б).

(С. Новоселье, Вяз. у.).

Сама дѣвка-самаволька,
Сама волюшку имѣла,
Сама замужъ захатѣла
За Яхима, за Трахима,
За купеческыва сына.
Купеческій сынъ
Ахочъ по лѣсу хадить,
Часты плёнки станавить,
Пиряпёлычикъ лавить.
Ни паймалъ онъ пирипёлку—
Паймалъ сизыва лунька,
Лунька сизинькыва,
Сизакрылинькыва.
Ты присядь-ка, мой лунёчикъ,
Ты панижи, панижи,
Ящо панижи таво;
Пададвинься, мой лунёчикъ,
Ты паближи, паближи,
Ящо ближи таво;
Абыймися, мой лунёчикъ,
Ты пакрѣпчи, пакрѣпчи,
Ящо крѣпчи таво!

78 в).

Ужъ вы, дѣвки-сваяволки,
Сваю волюшку тварили,
Долга ў дѣвушкахъ сидѣли,
Сами замужъ захатѣли
За баярскыва лакея,
За лакея за Матвѣя,
За добрыва челавѣка.
Какъ лакей-та Матвѣй
Ахочъ по лѣсу хадить,
Пиряпёлушикъ лавить.
Ни паймалъ іонъ пирепелку,—
Паймалъ сизыва лунька,
Лунька сизинькыва,
Сизакрыленькава.
Каба дѣ жъ то лунька дѣть,
Кабы гдѣ сизава пасадить?
Пасажу лунька ва гародѣ, ва саду,
Ва гародѣ, ва саду,
Ва шалковую траву.
Ты присядь-ка, мой лунёкъ,
Присядь, милый, маладой,
Сядь паниже, паниже,
Ящо ниже таво;
Акунемся, мой лунекъ,
Акунемся, маладой;
Пададвинься, мой лунекъ,
Пададвинься, маладой,
Ты паближи, паближи,
Ящо ближи таво;
Абыймимся, мой лунекъ,
Абыймимся, мой маладой:
На насъ дѣвушки глидять,
Всѣ малодушки смотрять, 2
Цаловатца намъ вилять.
Пацалуйся, мой лунекъ,
Пацалуйся, маладой,
Паслащи, паслащи,
Ящо слащи таво. (Тамъ-же).

79.

Парень ленъ притолокъ, головки посорвалъ и предлагаетъ дѣвицѣ выйти за него; она сомнѣвается на счетъ его поведенія.

Дѣўки ў поли гуляли,
Лёли, лёли, ў поли гуляли,
Дѣўки пашню пахали;
Пахаўши, лянокъ сѣяли,
Да пасѣяўши, лянокъ палоли,
Да бѣлы ручки калоли.
Какъ повадился паренёкъ
Въ этотъ во лянокъ,
Душа Ваня щигалёкъ,
Паринь маладой,
Да парнишичка,
Прўиталокъ весь бѣлый ленокъ,
Галовочки ва льну пасарвалъ,
Въ быстру рѣчку пабрасалъ,
Быстру рѣчку загрузилъ,
Да парень дѣўки гаварилъ:
«Да ни пойдешъ ли замужъ за мине,
За такова жъ парня—маладца?»
— Да я жъ бы рада за тибе пашла,
Да худу славу слышала,
Да будта паринь — паринь матавецъ,

Часта ходишъ во царёў кабакъ,
Закладаишъ свой синій халатъ,
Падпаясачку—шолкавый кушьякъ,
Чорну шляпу со пяромъ,
Пирщатычки чисты сирябромъ.
—«Да ты ня слушай-ка, дѣвушка (2), людей:
Да на мнѣ синій свой халатъ,
Падпаясычка — шолкавый кушьякъ». (Тамъ-же).

80.

(Ср. стр. 405—408, №№ 65—69).

Па рѣкамъ, рѣкамъ
Разливалася вода,
Па лугамъ, лугамъ
Растилалася трава, 2
Расцвили ў поли цвѣты;
Всѣ дѣвушки хараши,
Адна дѣўка луччи ўсѣхъ,
Въ касѣ лента ширій ўсѣхъ,
Въ карагодъ гулять пашла,
Младцу сердца разажгла.
Балить сердца и душа,
Што дяўчонка хараша.
Ударилъ парень дѣўку
Па бѣлыму лицу,
Па румяный па щакѣ,
Па зямчужный па сярьгѣ.
Какъ зямчужная сярёжачка раз-
сыпалася,
Пирядъ моладцымъ дяўчоначка
расплакалася:
«Ты ня бей, паринь-малодчикъ:
Ни твая, сударь, слуга!
Кабы я была твая,
Я бы слушала тибе;
А типерь ни твая
И не слушаю тибе:
Гуляю · висялюсь,
Тибе, мой друхъ, ни баюсь.»
(Тамъ-же).

XXI. ДѢТСКІЯ ПѢСНИ И ИГРЫ.

а) Пѣсни и прибаутки.

Въ то время, какъ взрослая молодежь и подростки отдаются веселью на улицѣ, въ хороводѣ или на вечеринкахъ, дѣтская жизнь течетъ своимъ особымъ кругомъ, съ своими припѣвками, пѣснями и играми. Матери укачиваютъ ребятъ, напѣвая имъ про гуленьку, котика, играютъ съ ними въ ладушки. Начнутъ дѣти бѣгать, они сами выдумываютъ себѣ развлеченія, которыя сопровождаются уже пѣснями и приговорками самостоятельнаго дѣтскаго творчества, напоминающаго первобытную поэзію; таковы обращенія къ солнцу, огню, дождю и т. п. Далѣе слѣдуетъ купанье, хожденіе по грибы, по ягоды и первая помощь въ хозяйствѣ — пасеніе скота. Особый отдѣлъ составляютъ дѣтскія игры въ болѣе широкомъ смыслѣ, съ ихъ характерными пріемами «считаться», при болѣе или менѣе значи-

тельномъ числѣ участвующихъ. По такой приблизительно схемѣ мы и расположимъ собранный матеріалъ [1]).

1.

Баю, баю, дѣтитка!
Паспи, дѣтитка, паспи,
У Бога щастя пупраси!
Божа счастица даеть,
Тябе ў люлиньку кладеть.

2.

Баю, баю, Питрачокъ,
На лѣта шесть дачокъ;
Баю, баю, Петирка,
На лѣта будить семирка.

3.

Баю, баю, баиньки!
Люли, люли, люлиньки!
Салиталисъ гулиньки,
Сѣли гульки на люльки,
Стали жъ яны гуркувать;
Сядѣли, сядѣли,
Узнялись—палятѣли;
Лятѣли, лятѣли,
Апять сѣли—пасядѣли.

4.

Люли, люли, люлиньки!
Салитались гулиньки;
Сѣли гульки на люльки,
Стали яны гуркувать,
Якъ Николю гадувать:
Будимъ кармить кашкыю,
Будимъ паить бражкыю.

5.

Баю, баю, баюшки!
Люли, люли, люлюшки!
Прилетали гулюшки,
Яны стали гуркувать,
Майго Ваню забаўлять.
А нашъ Ваня маленькій
Будить въ золыти хадить,
Чиста серебра насить.
Нянькамъ, мамкамъ абноски,
Краснымъ дѣвкамъ абрѣзки.

6.

Баю, баю, люлюшки!
Прилятѣли гулюшки,
Садилися ў люлюшки.
Яны стали гаркувать,
Малютычку калыхать.
Ле котика варката,
На малютачку сонъ-дримата.
Ты спи, ляжи, малютка!
Приди, котикъ, начувать,
Малютачку калыхать.
Ишоў котикъ па лаўки,
Нёсъ малютки баранки;
Ишоў па дарожки,
Нёсъ сапожки;
Ишоў котикъ съ заморья,
Нёсъ малютки здароўя.

---

[1]) Первые десять номеровъ записаны въ Духовщ. у., въ селахъ Никола Ядреичъ и Пречистомъ, большинство остальныхъ — въ с. Даньковѣ, Смол. у.; впрочемъ, всѣ пѣсенки этого отдѣла употребительны повсемѣстно.

7.

Баю, баю, баюшки!
Люли, люли, люлюшки!
Пашоў котикъ на рынычекъ,
Принёсъ Вани бараначекъ;
Пашоў котя на таржокъ,
Принёсъ Вани пиражокъ.

Ай, брысь, котя, не варчи
А ты, Ваня, замалчи,
Закрой глазки и засни.
Баю, баю, баюшки!
Люли, люли, люлюшки!

8.

— Баю, баю, баянёкъ,
Приди ка мнѣ на дянёкъ!
— А я тютьки баюсь.

— А я тютьку привяжу,
Краецъ хлѣба падлажу.

9.

Пашолъ котя на рыныкъ,
Принёсъ котя пяриныкъ;
Пашолъ котя на таржокъ,
Принёсъ котя пиражокъ;
Ишолъ котя па лаўки,
Принёсъ котя баранки.

На котю варката,
А на майго рабёнычка
Сонъ-дримата.
Паспи, мае дѣтитко,
Паспи, паспи, паляжи!

10.

А брысь, котикъ, за моря,
Приняси Маши здароўя;
А брысь, котикъ, на таржокъ,
Приняси Маши пысокъ.
А брысь, котикъ, падъ мостикъ,
Пыймай рыбку за хвостикъ.
А брысь, котикъ, кашку паѣў,
Маей Маши спати вялѣў.
Баба мядокъ злизала.
На котика скызала.

А ты, котикъ сѣринькій,
Твой хвостичикъ бѣлинькій.
Ходить кыска пы лаўки
Водить кошку за лапки.
 А баю, баю, баю,
Кылатушикъ надаю,
Кылатушикъ двадцыть пять,
Тады Маша будить спать.
 Баю, баю, баиньки!
 Люли, люли, люлиньки!

11.

— Котынька, рысынька,
Идѣ жъ ты быў?—«У пруди».
— Што жъ ты ѣў?—«Мучицу».

— Што жъ ты пиў?—«Вадицу».
Ни ласый котикъ, ни ласый, ни ласый!

12.

А, котичикъ сѣренькій,
Твой хвостичикъ бѣленькій,
Пабѣгъ, пабѣгъ котикъ
А ў поля гулять
И ў пиръ пирувать;

За имъ вдагонь кошка,
За имъ бѣланожка:
Вярнись, вярнись, котикъ,
Да ты варатися,
Да съ чистыга поля. (Тамъ же).

13.

— Чяго ты, катулинька, такъ маркочишъ,
Ти пить, ти ѣсть ты хочешъ?
— «Я ни пить, ни ѣсть ни хачу,
Я па сваёмъ нисчастьтику клапачу:
Мѣўся мнѣ панъ лапки атсѣчъ,
Штобъ я ў ловы ни хадиў,
Штобъ я й дѣтыкъ ни карміў».

(Тамъ же).

14.

А, ладычки, ладычки!
Паповы рибятычки
Гарохъ малатили,
Цапы паламали,
За авинъ пакидали.
Попъ свариўся,
Съ палать зваліўся;
Пападя—съ печи,
Пабила плечи.
Пятухъ на ямки
Пабиў склянки;
Котъ на пячи
Прадаеть калачи;
Іонъ зваліўся съ пячи,
Іонъ пабилъ калачи. (Тамъ же).

15.

Гари, гари, ярка:
Пріѣдить Захарька
Въ красный шапки,
Самъ на лашадки,
Жена на каровки,
Дѣти на тилятках,
Слуги на сабачкахъ,
Казелъ у кахтани,
Каза ў сарахвани,
Вутки ў будки,
Тараканы̆,
Битя ў барабаны!

(Отъ Аўдули Гуковой).

16 а).

Сонца, сонца,
Выблесни ў аконца!
Я тваю матку видѣла:
На камушку сидѣла,
Иголычки истрила,
Мяшечки шила.
Наметычки бялила.

16 б).

Мядьвѣдь, мядьвѣдь,
Разгонь тучу:
Дамъ табѣ
Аўса кучу.

17.

Гнилая калода,
Ти будить заўтри пагода?
Кали будить, аттукнись;
А ня будить—заикнись!

18.

Даждёкъ, (2) припусти:
Мы схуваемся ў кусты!

19.

Дождикъ, (2) рубани
На чатыри грибяни!

20.

Руби, руби, дожъ,
На бабину рожъ,
На дѣдыва сѣна,
Кабъ яно дёўбымъ сѣла!

21.

Зуби, зуби, дожъ,
На бабину рожъ,
На дѣдыву плѣшъ,
Дѣтямъ на кулѣшъ!

22 а).

Дождикъ, дождикъ,
Пиристань, пиристань!
Я паѣду ў Диристань
Богу малитца,
Христу пакланитца.
А у Бога сирата
Аттварила варата
Шолкавымъ платочкымъ,
Новинькимъ замочкымъ.

22 б).

Даждёкъ, даждёкъ, перестань:
Куплю табѣ халастанъ;
Астанутца деньги,
Куплю табѣ серьги.

Когда дѣтей купаютъ, то приговариваютъ:

23.

Ангелы купалися,
А намъ астатычки аставалися.
Вадица ў мóря,
А Николя расти ў гóру.

Передъ ныряньемъ дѣти кричатъ:

24 а).

Кума-галуба, прасти мяне!

24 б).

Кумки-галубки, праститя мяне!
—Чортъ проститъ!
—Богъ проститъ!

24 в).

Макыўка, макыўка,
Заглядь галоўку гладенька,
Якъ яечечка!

Дѣти послѣ купанья выходятъ изъ воды на берегъ и приговариваютъ:

25.

Чортъ у воду
Съ-падъ калоды,
Я зъ вады.
Хто ли батьки,
Таго Богъ спалюбиў;
Хто ли Гришки,
Таго чортъ задавиў.

Дѣти послѣ ныряньи скачутъ на одной ногѣ, вытряхаютъ воду изъ ушей и кричатъ:

26 а).

Каза, каза, дай малака!
Казёлъ, казёлъ, дай дёгтя!

26 б).

Семёныва кроў, выди вонъ!

27.

Отправляясь за грибами, подбрасываютъ лукошки, загадывая объ удачномъ или неудачномъ сборѣ:

— «Дай Бохъ поўна и роўна, штобы ў верьхъ набрать!»

Когда лукошко станетъ на донушкѣ—къ прибыли:

— «Ахъ, наберу!»

Если же опрокинется кверху дномъ—дурная примѣта:

— «Ахъ, абаратилась маё лукошка: ничога ни набяру, а ў дёнушку ничого ня будить!»

28.

Въ поискахъ за грибами приговариваютъ прибаутки и поютъ подходящія пѣсенки:

а)

Грибъ на грибу,
А мой на вярьху.

б)

Грибокъ, выстаў лабокъ:
Я тибе пацалую.

в)

Жили были мужуки,
Брали грибы рыжики...

г)

А сыравѣжки—ўсё грибы.
А грибъ-грибавикъ,
Што падъ дубомъ баравикъ,
Надъ грибами палкавикъ:
Заказалъ усимъ грибамъ
На вайну идить.

29.

Дѣдъ пашоў у грибы,
А баба ў апёнки;
Дѣдъ свае прасушилъ,
А бабины макреньки.
— А дѣдъ-дядулинька,
А йдѣ твыя бабулинька?
— «Нѣту, нѣту, да нима-жъ,
Паѣхала на кирмашъ».

А ти чортъ яе панёсъ,
Не падмазаўши калёсъ!
Дѣдъ пашоў дарогыю,
Баба вулицыю,
Дѣдъ трясеть пѣтухомъ,
Баба курицыю;
Дѣдъ пашоў падъ асеть,
А баба блиноў принясеть;
Дѣдъ блиноў ня хочить,
А кала бабы рягочить.

30.

Ишолъ Ягоръ и съ Мариныю.
Вы—Ягоръ, а я—Марина:
Вамъ чашка, а мнѣ малина.
Ишолъ Гаўрикъ и съ Ходорыю,
Нашли лапыть и съ аборою;
Ты—Гаўрикъ, а я - Ходора:
Мнѣ лапыть, а вамъ абора.
Ишолъ пастухъ и съ пастушкыю,
Нашолъ лапыть и съ свистушкыю;
Ты—пастухъ, а я—пастушка;
Вамъ лапыть, а мнѣ свистушка.

31.

— Сасна, сасна,
Атчаго ты красна?
— «Аттаго я красна:
Идѣ расла—
Аттаго я красна».

32.

Хто ў лѣсѣ храпочить?
А попъ на сябе дровы валочить.
Што на улицы шумить?
Сарафаны бабы дѣлять:
Каму задъ, каму перидъ,
Каму весь сарафанъ,
Каму падбиўка—
Старымъ бабамъ на павойникъ,
Попадьямъ на чепчикъ.

33 а).

Съ пасеніемъ скота связанъ цѣлый рядъ приговорокъ, припѣвокъ и пѣсенъ о домашнихъ животныхъ, о звѣряхъ и насѣкомыхъ; пастушки коротаютъ ими свой досугъ, а то разсказываютъ разныя небылицы, подсмѣиваются другъ надъ другомъ, особенно хлопцы надъ дѣвочками, отъ скуки пляшутъ подъ частыя припѣвки, тутъ же пріучаются курить, повторяютъ причеты стариковъ-нюхальщиковъ, наконецъ затѣваютъ разныя игры и т. п.

Ты, Уласъ, Уласъ,
Ты наймися у насъ
Скоту пастивить!
Наши каровычки
Кала дубровычки;
Наши авечки
Кала рѣчушки;
Наши свинычки
Кала 'синычки;
Наши козычки
Кала лозычки.

33 б).

Пашли каровычки кала дубровушки,
Авечечки, кала рѣчечки,
Свинычки кала нивычки,
А конички кала горычки.

34 а).

Ужъ ты, бысинька, бычокъ,
Закали тябе ваўчокъ
Но ў маемъ ляску,
А ў бярезничку.
А лятѣли сыкалы
Пытиряли сыпаги;
А Саўка йшоў,
Сапогъ нашоў,
А Кулина йшла,
Другой ни найшла.

34 б).

Ахъ, ты, бысинька, бычокъ,
Задяри тябе ваўчокъ
А ў маимъ ляску,
У бярезничку.
А лятѣли сакалы,
Уранили сапаги.
— Охъ, ты, Сёмушка,
Симіонушка,
Ты падай сапаги!
— А мнѣ некада:
Нада мостъ мастить,
Сирябромъ гваздить; [1])
А маё жъ сирябро
Падъ калодыю ляжить,
Въ катлѣ варитца.
Ахъ, и царь на кани
Утѣшаетца,
А царица ў святлицы
Нарижаитца.
Ахъ, вы, вутки [2]), ни гудитя,
Майго батьку ни будитя:
Ахъ, мой батюшка
За чарыю [3]) водку пиў,
Іонъ рёбрушка зламиў.
Муха банюшку тапила,
Гнида вѣничикъ визала,
Вошка парилыся,
Съ полку ўдарилыся;
Бѣла гнида пыдскачила,
За ручаньку пыдхватила:
Суди, суди выявода,
Пыжалый ликарства!
Папы свярщки,
Тырыканы бырыбаны,
Мухи голысымъ кричали,
Раскричалися.

35 а).

(С. Шоптово, Бѣльск. у.).

Туру, туру, пастушокъ
За рѣчушкый трубить,
Дли горыду заинька,
Стаить мае родима,
На родиму дубъ стаить,
На дубу сава сидить,
Сава—мая тёща,
Пашка падуроста (?).
А у нашива князя
Новыи харомы,
Тёсамъ аббиты,
Дронымъ пакрыты.
Какъ летѣли сакалы,
Уранили сапаги.
Прасkоўюшка дружокъ,
Падай-ка сапажокъ.
— А мнѣ некада:
Нада мостъ мастить,
Сирябромъ гваздить,
Штобы мыши ни скакали,
Мае сѣна ни таптали.
Кошка ўскачила,
Полъ абламила;
Коза узышла,
На рыгахъ паднила.

[1]) Вар.: А я мостъ мащу,
Сирябромъ гважжу.
[2]) Вар.: пушки.
[3]) Вар.: за гарою.

35 б).

(С. Никола-Ядреичъ, Дух. у.).

Туру, туру, пастушочикъ,
Асинывый тильпушочикъ,
Кіева ды Кіева,
Морива да морива.
Што царь дѣлаить?
Туру нагу пишить
На залатымъ блюди,
На сяребринымъ стули.
Яво жина Марья
Парадила сына.
Какъ яму имя?
Царя Кастянтина.

36.

Ты, каза, каза,
Лубяныи глаза,
Ты, каза, идѣ была?
—«Я, каза, каней пасла».
—Идѣ кони?—«Николка укралъ».
—Идѣ Николка?—«У клѣть ушолъ».
—Идѣ та клѣть?—«Вадой пазалила».
— Идѣ вада?—«Быки выпили».
— Идѣ быки?—«Падъ гару ушли».
— Идѣ гара?—«Черви вытычили».
— Идѣ черви?—«Гуси пакливали».
— Идѣ гуси? — «У трасникъ пу-
плыли».
— Идѣ трасникъ?— «Дѣўки пала-
мали».
— Идѣ дѣўки?—«Замыжъ пашли».
— Идѣ мужьё? — «Пашли сѣна
касить». (Тамъ же).

37.

Ужъ ты, братъ Матвѣй,
Ни печальса 'бъ насъ:
Вотъ тебѣ палтина,
Тваей жанѣ халстина,
Твайму сыну варана каня
И залатая узда. (Тамъ-же).

38.

Пабоўся баранъ съ казломъ,
Памутилася вада съ пяскомъ,
Разбранилась старуха съ старикомъ,
Патиряла рогъ съ табакомъ.
(Тамъ же.).

39.

На дварѣ не рана:
Забиў Ваничка барана,
Рожки, ножки у гаршки,
Кишки, требушки ў пиражки.

40.

(С. Пречистое, Дух. у.).

Адинъ Донъ, другой Донъ,
Сѣла баба на баранъ,
Паѣхала па гарамъ,
Стрѣлися гости,
Ударили ў кости.
Радивонъ пади вонъ!
Ѣхали жиды зъ Драгабузи,
А кони ня дужи,
Адна кабылка пристала;
Мы яе абадрали,
Кишки на крышку,
Трябухъ на падушку,
Кала на саладушку
Ж... на трубу,
А стасейка на машну,
Шкура на рямени,
Кости на грябени,
Галава на кадила,
Хвость на крапила.

41.

А пашоў казёлъ у гародъ,
Пулумаў казёлъ лукъ-часнокъ.
Вазьму казла за рага,
Павяду казла на таржокъ;
Прадала казла на таргу,
Ина прасила три рубля,
А ў придачи три каня;
Пришла дамой скаялась,
Што дёшива атдала.

42 а).

Какъ пашоў казёлъ дарогый,
Какъ пашоў казелъ шурокый,
Падскакаючи, падпрыгаючи.
На ўстрѣчу казла
Сѣрый заинька.
Охъ, и тотъ жа казелъ
Пріустрашивался,
Припалахтывался;
Іонъ за кустичикъ пупаў,
Галавою пакаталъ,
Барадою патрёсъ:
«Ня смерть ты мая?
Ня зъѣшъ ты мяне?
- Ты ня бойся, казелъ,
Ты ня бойся, дуракъ!
Ужъ я заинька,
Ужъ я сѣринькій,
Я капустки стирягу
Падъ иную пару.
Охъ и тотъ жа казелъ,
Охъ и тотъ жа дуракъ
Приўзрадавался.
Якъ пашоў казелъ дарогыю,
и т. д.
На сустрѣчу казла
Сѣрый волчинька, и т. д.
— Ня смерть ты мая?
Ня зъѣшъ ты мяне?
Мнѣ лижать, ни ўлижать,
Мнѣ бижать, ни ўбижать,
Ахъ и луччи казлу
Самаму чаломъ атдать.
— «Ты нябойся, казёлъ,
Ты нябойся, дуракъ:
Ужъ я волчинька,
Ужъ я сѣринькій,
Ужъ я гусыкъ стирягу
Падъ иную пару», и т. д.
Якъ пашоў казелъ дарогыю,
и т. д.
На сустрѣчу казла
Да и семъ ваўкоў,
Ахъ, адинъ жа воўкъ, —
Яго аблѣзлый бокъ,
Іонъ и семъ гадоў лижаў,
Іонъ казлятинки бажаў;
Якъ и ўзяў жа казла
Пупярёкъ живата,
Якъ удариў казла
Абъ сырую мать-землю,—
Яго ножиньки
При ў дарожиньки,
Галава да языкъ
Падъ калодыю ляжить,
Яго тулуўца
Да и сѣрыму ваўку.

42 б).

Якъ пашоў казёлъ дарогую,
Якъ пашоў казелъ шурокую,
Ой люли, ай люли,
Якъ пашоў шурокую;
На сустрѣчу казлу сѣрый заинька;
А нашъ жа казелъ пріужахнуўся,
Іонъ за кустикъ схаранiўся,
Галавою закатаў:
— «Ти ня смертухна мыя?
Ти ня зъѣсть мяне хатять?»
— Ты нябось, нябось сѣра заинька!
Я ў хазяина живу, капусту стирягу:
Хазяинъ на гародъ, я съ гароду далоў.

Якъ пашоў казёлъ дарогую,
Якъ пашоў казёлъ шурокую,
На сустрѣчу казлу сѣра лисанька,
и т. д.
— «Ти ня смертухна мыя?»
и т. д.

— Ты нябось, казёлъ, сѣрый лисыньки!
Я ў хазяина живу, я типлятыкъ стирягу:
А хазяинъ на дворъ, я съ тыплятыкъ далоў.

43 а).

(С. Даньково, Смол. у.).

Пашла каза у 'ряхи,
Нащипала три мяхи,
А чатвёрты шалухи.
Гаварить ей казёлъ:
—«Каза, каза, пайдёмъ двору!»
—Не, ни пайду!
—«Пагади, каза:
Нашлю на тебе ваўкоў!
—Воўки, воўки,
Идитя казу ѣсть!»
—«Не, ни пайдёмъ!»
—Пагади, воўки:
Нашлю на васъ стряльцоў!
—Стряльцы, стряльцы,
Идитя ваукоў бить!
—«Не, ни пайдёмъ!»
—Пагади, стряльцы:
Нашлю на васъ чарвей!
—Черви, черви,
Идитя стряльцоў тачить.
—«Не, ни пайдёмъ!»
— Пагади, черви:
Нашлю на васъ курей!
—Куры, куры,
Идитя чарвей клевать!
—«Не, ни пайдёмъ!»
—Пагади, куры:
Нашлю на васъ ястребоў!
— Ястрябы, ястрябы,
Идитя курей драть!
Ястребы пашли курей драть,
Куры пашли червей клевать,
Черви пашли стряльцоў тачить,
Стряльцы пашли ваукоў бить,
Ваўки пашли казу ѣсть.

(Отъ Матрены Антоненковой).

43 б).

(Д. Самохотовка, Смол. у.).

Пашла каза у'ряхи,
Нащипала три мяхи,
А чатвёртый шулухи.
Казёлъ кажить: «пайдёмъ двору!»
Каза кажить: «Ни пайду!»
—«Ну, падажди, каза:
Я на тебе нашлю ваўкоў:
—Ваўки, ваўки, идитя казу ѣсть!»
—«Не, ни пайдёмъ».
—«Ну, падаждитя ваўки:
Я на васъ стряльцоў нашлю:
—Стряльцы, стряльцы, идитя ваўкоў бить!»
—«Не, ни пайдемъ.»
—«Ну, падаждитя стряльцы:
Я на васъ пашлю смерть:
—Смерть, смерть, иди стряльцоў марить!»
—«Не, ни пайду».
—«Ну, падажди, смерть:
Я на тябе агонь нашлю:
—Агонь, агонь, иди смерть палить!»
—«Не ни пайду».
—«Ну, падажди, агонь:
Я на тябе нашлю ваду:
—«Вада, вада, иди агонь тушить!»
—«Не, ни пайду».
—«Ну падажди вада:
Я на тябе нашлю валоў:
—Валы, валы, идитя ваду пить!»
—«Не, ни пайдёмъ».

—«Ну, падаждитя, валы:
Я на васъ даўбень нашлю:
— Даўбни, даўбни, идитя валоў бить!»
—«Не, ни пайдёмъ».
—«Ну, падаждитя, даўбни,
Я на васъ червей нашлю:
—Черви, черви, идитя даўбни тачить!»
—«Не, ни пайдемъ».
—«Ну, падаждитя, черви:
Я на васъ нашлю курей:
—Куры, куры, идитя чарвей клюйтя!»
—«Не, ни пайдемъ».
—«Ну, падаждитя, куры:
Я на васъ нашлю арлоў:
—Арлы, арлы, идитя курей бить!»
Пашли арлы курей бить,
Куры пашли чарвей клювать,
Черви пашли даўбень тачить,
Даўбни пашли валоў бить,
Валы пашли ваду пить,
Вада пашла агонь тушить,
Агонь пашоў смерть палить,
Смерть пашла стряльцоў марить,
Стряльцы пашли ваўкоў бить,
Ваўки пашли казу ѣсть;
Каза на'синку, волкъ за спинку;
Каза падъ мостъ, воўкъ за хвостъ.

(Отъ Нестера Никитина).

Какъ у бабушки казёлъ,
Какъ у старой казёлъ,
Іонъ на лавочки лижаў,
Іонъ мучицу идаў,
Іонъ вадицу пиваў,
Муку сѣйную,
Воду цѣжиную.
Попросиўся казёлъ
У чисто поля гулять.
Какъ пашоў жа казелъ
У чисто поля гулять,
Какъ сустрѣлысь съ казломъ
Семъ ваўкоў;
Охъ, и сёмый воўкъ—
Іонъ гарѣлый бокъ,
Какъ узяў воўкъ казла
Пупярёкъ живата;

44.

Какъ удариў воўкъ казла
Абъ сырую зямлю,—
Яво роги при ў дароги,
Галава па лугамъ.
Тама дѣвушки гуляли,
Яны ямычки капали,
Бабушки вѣдама давали:
—«Охъ, ты бабушка,
Ты Варварушка,
Ты вари клёцки—
Пуминай казельку!»
—Ужъ ты, Ванька сынокъ,
Ѣдь за казелькуй!
Ванька былъ глухъ,
Заѣхаў у лугъ:
Кабылку атдаў ваўкамъ,
И самъ пяшкомъ примкалъ.

45.

А ў бабушки быў казёлъ,
У Масеиўны быў казёлъ,
Пади права, быў казёлъ.
Скачиў казёлъ на гародъ,
Зламиў казёлъ качашокъ,
Руты-мяты ни дастаў.
Рута-мята зелина,
А я, млада, весила,
Взяла казла за рага,
Пувила казла на базаръ,
Прадала казла на таваръ,
Да на тэй таваръ дарагой:
Да на бѣлыя бялила,
На красныя красила,
На чорныя чарнила.
Да на тую пору мужъ зъ Масквы.
—«А йдѣ, жана, бѣлъ казелъ?»
— Скачиў казелъ на гародъ,
Буйну голыву зламиў.
—«А йдѣ, жана, галава?»
—У ямычку зарыла.
—«А йдѣ, жана, могилка?»
—Хади, мой другъ, пакажу,
Да тябе туды ўсажу.

46 а).

Ого-го каза, ого-го сѣрая!
На далини воўкъ
Зъ ваўчинятыми;
На гарѣ каза
Съ казлинятыми.
Узила сярпокъ,
Пабѣгла ў садокъ,
Нажала травицы
Цѣлинькій снапокъ;
Ина падкармила
Да падгадувала
Сваихъ дѣтушикъ;
Шувила паить
Усе ў тоя сяло,
Да ў Данькава;
А ў Данькыви
Усё люди стряльцы;
Стали казу бити,
Стали застрялити.
Тама каза пала,
На вѣки прапала

46 б).

Ого-го, каза, ого-го, сѣрая!
А йдѣ жъ прубувала,
А йдѣ жъ праживала?
—Праживала я ў вяликей Масквѣ,
А ў доўгей Касьмѣ.
А йдѣ каза зъ рогымъ,
Тамъ житушка стогымъ;
Идѣ каза съ хвастомъ,
Тамъ жита кустомъ.
А выскачиў воўкъ:
—Ты кыза, казища,
Ты сваимъ дитямъ ни памащница!
Схватила сярпокъ,
Пабѣгла ў садокъ,
Нажала траўки снапокъ.
Ина падкармила ихъ, падгудувала,
А воўкъ выскачиў и стаў ихъ ѣсть
Казиняты на ўтёкъ,
А іонъ палавиў,
А іонъ паѣў.

47.

Сядить мядвѣдь на калоди,
Боты падшиваить;
А заинька работничикъ
У скрипычку йграить;
А варона старажона
Ана припиваить;
А сарока бѣлабока
Пашла танцуватъ;
А лисица маладица
Пашла ў поля жать;
Лятить сокылъ съ красным вокымъ
Колысъ падбирать.

48.

Ай, чукъ, чучки,
На гарѣ стручки;
Тамъ бѣгали зайчики,
Атарвали яйчики.

49.

Ахъ, ты, мыя птушечка,
Ахъ, ты, мыя щибятушечка,
Харашо ты пѣла,
Куды жъ ты атъ нась атлятѣла?

50.

Ужъ вы, куры, ужъ вы, дуры,
Прихадитя на хаўтуры.
Варабейка памёръ,
Три недѣли по нёмъ.

51 а).

Сиўка-варонка,
Да ли гойда! (Послѣ кажд. стиха).
Куды палятѣла?
На Йваныў дворъ.
Што Йванъ дѣлаить?
Косы клепить.
На што яму косы?
Сѣна касить.
На што яму сѣна?
Кароў кармить.
На што яму каровы?
Мылачка сабирать.
На што яму мылако?
Дятей кармить.
На што яму дѣти?
Жолуды збирать,
На што яму жолуды?
Свиньней кармить.
На што яму свиньни?
Горы кыпать.
Што ў тѣхъ гарахъ?
Макывыя зярно.
Идѣ то зярно?
Пятухъ склюваў.
Идѣ тотъ пятухъ?
За мыря ўлятѣў.
Идѣ тоя моря?
Краскыми парасло.
Идѣ тэя краски?
Дѣўки парвали.
Идѣ тыя дѣўки?
Замужъ вышли.
Идѣ ихъ мужья?
Пашли ў липья.
Тамъ и ўлипли
Да ли гойда! *)

51 б).

Другой конецъ:

А йдѣ жъ ихъ мужуки?
Пашли ў липья,
Тамъ яны ўлипли;
Пашли ў карцы,
Тамъ имъ канцы,
Палѣзли на ёлку
Зламили галоўку.

51 в).

Варіантъ окончанія:

На што яму горы?
Ды ли гойда! (Послѣ кажд. стиха).
Земчугъ сбирать.
На што яму земчугъ?
Дачокъ выдывать.
Идѣ ихъ мужьё?
Пашли ў липья,
Тамъ и ўлипли.
Ды ли гойда!

52.

А дуду, дуду, дуду,
Сядить жорыў на дубу,
Да играеть у трубу
Патихоничку, памаленичку.
Прилятѣла синица —
То жорава сястрица:
— Жорыў, жорыў, батюшка,
Каго будишъ жанити?
— Паповича Василя.
Василь кажить:—утяку!
Жорыў кажить: даганю!
Какъ іость жа у мяне

---

*) Междом. „гойда!“ употребляется при качаніи колыбели, качелей, откуда глаг. „гойдать“—качать. *Н. Я.*

Три каня вараныхъ,
Три сѣдла залатыхъ,—
Какъ сяду жъ я,
Какъ паѣду жъ я
На панскій дворъ,
На баярскій дворъ:
Тамъ бьютца-дярутца,
Сумычки трясутца,
Кастыльки гаварять;
Кошка ў лукошки
Пякеть ляпёшки;
Баранъ съ пуни
Парваў струны;
Муха банюшку тапила,
Блаха парилася,
Съ полку ўдарилася,
Бѣла гнида падскачила,
За рученьку падхватила.
Пакатилыся зярно
На Мартинывa гумно;
Мартинъ зъ мяшкомъ,
Мартиниха зъ гаршкомъ;
Мартинята-чертенята
Съ палуситычками.

53 а).

Чи, чи, чи, сарока!
Прилятѣла здалёка,
Сѣла-пала на таку,
У чарвонымъ калпаку;
Пришла къ ей паненка,
Ета . . . . . маленька,
Пришла къ ей другая,
Ета . . . . . такая,
Пришла къ ей третія...
— «Ня бей, паня, по баку:
Буду табѣ служити,
Въ поля саху насити».

53 б).

Чи, чи, чи, чи, сарока!
Прилятѣла здалёка,
Сѣла-пала на таку
У чарвоннымъ калпаку,
Ня бей, паня, па баку,—
Буду табѣ служити:
У поля саху насити;
Прійду ў поля—сахи нѣту,
Прійду двору—жаны нѣту.
— А йдѣ жана?—Въ мякини.
— Што радила?—Якима.
— Хто кстилъ?—Кульбака.
— Чимъ завуть?—Сабака.

54.

Индыкъ, индыкъ.
Спусти кишку,
На 'дну мяшку—
Дамъ денижку.

55.

Сяводнишній день—субота,
Тараканава работа.
Тараканъ дровушки рубилъ,
Сябѣ голыву 'трубилъ;
Блошка банюшку тапила,
Гнида щолычь щалачила;
Вошка парилася,
Съ полку ўдарилася;
Ина бокымъ, нинарокымъ
Рябро выламала.
Ужъ ты, вошъ наша раба,
Ни схадить намъ по папа,
По папа (2), па духовныга й атца?

56.

(С. Каблуково, Красн. у.).

Камаръ дровушки рубилъ,
Муха банюшку тапила,
Гнида щолыкъ щилачила,
А вошь парилася,

Съ полку ўдарилася,
Рябро выламила.
Схадитя за папомъ
За запешнымъ, за клапомъ!
А матушка пупыдьдя
Парадила вирибья
Даўганосинькыга,
Даўгахвостинькыга.
Какъ унадиўся тотъ вирябей
За пагребицу литать,
Съ красный дѣвицый гулять.
Паймаимъ вирибья
За пагребицыю,
Пувядёмъ вирибья
Мы на паньскій дворъ,—
Мы прикажимъ вирибья
Наказать яго кнутомъ.
Ни сякитя мяне кнутомъ,
Абстрыгитя мяне кругомъ,
Абстрыгитя кругомъ,
Вы пастаўтя папомъ.
Хто ня ѣдить, хто ня йдёть,
Вирибья папомъ заветь.
Што жъ ты, батюшка, папокъ,
Што ты служишъ бизъ партокъ?
У мяне были партки,
Партки строчиныя,
Партки дѣўки страчили,
Пупа пранцы тачили.

57.

Муха баню тапила,
Камаръ воду насилъ,
Въ грязь ноги утапилъ,
Блаха щёлыкъ щелачила,
Вошъ парилася,
Съ полку ўдарилася,
Зашумѣла вашица,
Закричѣла блашица:
— «Гукните-ка папа,
Запешнаго клапа;
Причаститя вашицу,
Причаститя блашицу!»
На тымъ на дубу
На дубовенькымъ,
На тымъ на кляну,
На кляновенькымъ,—
Тамъ сядѣла сава,
Сава барыня;
Нихто саву ни зазналъ,
Нихто саву ни завѣдалъ.
Какъ зазнали саву,
Какъ завѣдали саву
Два луни бѣлыхъ,
Два други милыхъ.
Какъ засватали саву,
Какъ забратали саву
Да за луня бѣлыга,
Да за друга милыга.
Сабиралися, саѣзжалися,
Бальшее члены къ савѣ на свадьбу:
Жорыў маіорымъ,
Арёлъ капитанымъ,
Сычъ засѣдатиль,
Конюхъ губернатыръ.
Ястребъ былъ поваръ,
Семъ курей гатовилъ.

58 а).

Смерть комара.

Палятѣў камарочикъ на дубочекъ,
Іонъ съ дубочку на тачинку,
Прилажиў галовушку ни листочку.
Аткуль взялись буйны вѣтры,
Растрёсъ, разнёсъ камаровы кости.
Мухи-гарюхи сабиралися,
Камаровы кости сабирали,
У грабницу ины складали;
Павязли камарочка ды на мары,
На сустрѣчу ўсё быярья:
— А што ета ў васъ за пакойникъ?
— «Ни князь, ни панникъ,
Ни кароль, ни палкоўникъ—
Самый бѣдный камарочекъ».

58 б).

(Д. Радошково, Ельн. у.).

Женитьба и смерть комара.

Сабиралися гаспада—ўсё быяри,
Стали тулкувати-гаварити:
— Съ кѣмъ будимъ мы каморика жанити?
Аженимтя каморика мы на мушки!
Бестія муха за нявѣсту.
По двару муха литывáла,
Въ погреби муха зимувала,
Зъ гарлачикыў вяршинычки снимала,—
Тымъ ина каморика прапитала;
Выпитала каморика великога,—
Палятѣў камаръ въ чиста поля.
Какъ сѣў камаръ на дубочку,
Прилажиў галовушку ки листочку.
Аткуль взялся буйный вѣтиръ,
Іонъ дубищу завалилъ,
Камарищу разабилъ,
Растрёсъ, разнёсъ буйны кости.
Охъ, и тамъ тясорики тясували,
Камару жъ то гробъ гатували,
Разными стружками выстругали,
Разными сукнами выкладали.
Сабиралися гаспада—ўсё быяри,
Яны таму диву дивувалися:
— Охъ, што жъ ета за пакойникъ,
Ни князь, ни маіоръ, ни палкоўникъ, —
Ажну-жъ ета камарища,
Іонъ сѣў на коника прибадриўся.

59 а).

Куколка.

А кукылка, кукылка,
Прабитая галава,
Чаму дома ни жила?
Лузгановы дѣти
Хатѣли лятѣти
Ны Иваныў дворъ.
— Што Иванъ дѣлаить?
— Записычки пишить,
А дѣвица кричить.
А дѣвица малада,
Маладушка малада,
Парадила сына.
Тэй сынъ Максимъ
Пятьдесятъ аршинъ.
А, барыня, барыня,
Лѣзь на дубочикъ,
Паймай галубочекъ!

59 б).

(Д. Самохотовка, Смол. у.).

— А, кукалка, кукалка,
Чаму дома ни жила?
— Баялася диргуна.
— Дергунъ табѣ ни судця.
Судця табѣ владыка.
Владыкины дѣти
Палятѣли на моря,
А на мори тетушка Арина
Кашицу варила,
Дѣтушикъ карьмила.
Манахъ жиў двадцать пять лѣтъ,
Учудиў ўвесь бѣлый свѣтъ,
И полы засукаў,
И мазурку паскакаў.
Чуки, чуки, чукалычки,
Ѣдить баринъ на палычки,
А барыня на тялѣжки,
Лускаить арѣшки.

60.

Слава Богу, кароўка Божжія вылетѣла!
Кароўка, кароўка, ляти къ Богу: Бохъ тябе ищить!

61.

Небылица.

Пазвольти-ка, братцы, небыльницу спѣти,
Небыльницу, блицу, небывальницу.
Чаго не було, таго ня будить.
На павѣти куры сѣна косють
И грябуть и ў стаги кладуть.
А ўсё ета, братцы, небыльница, блица й небывальница;
Чаго не було, таго й ня будить.
Пазвольти-ка, братцы, небыльницу спѣти, и т. д.
На печки аўца гняздечка звила, яечка знесла,
Тупаносыя, криваносыя.
А ўсё ета, братцы, небыльница, блица й небывальница;
Чаго не було, тагой ня будить.
Пазвольти-ка, братцы, небыльницу спѣти, и т. д.
На дуби свиння парасилася,
Пятьдесятъ парасятъ,
Да ўсё свинычки, ды ўсё Химычки;
Адинъ вапрючокъ, и тэй Паўлючокъ,
А ўсё ета, братцы, небыльница, и т. д.
Пазвольти-ка, братцы, и т. д.
Якъ идеть мядвѣдь пу паднебессю,
Іонъ идеть, идеть, іонъ нясеть, нясеть,
Іонъ каровицу, іонъ буреницу,
Бальшая й галава, чорта-дявала.
А ўсё ета, братцы, небыльница, и т. д
Пазвольти-ка, братцы, и т. д.
Паѣхыў Хремъ у targи на хмель,
Ни купиў хмелю, купиў ячмяню съ цѣлую жмяню.
Съ тога ячмяню навариў солыду, напёкъ пирагоў.
А ўсё ета, братцы, небыльница, и т. д.
Пазвольти-ка, братцы, и т. д.
Зазваў тещухну къ сабѣ ў гости.
Пасадиў тещу къ стянѣ глазами, въ избу плечами;
— «Считай, тещухна, ти ўси клопы, ти ўси прусы!»

62.

Якъ я живў у барина
Перша лѣта,
Якъ дала жъ мнѣ барыня
Курычку за ета.
Мая курычка
Хахлушечка
По двыру ходить,
Типлятъ водить,
Хохолъ надумаеть,
Паноў утѣшаеть.
Якъ я живў у барина
Другоя лѣта,
Якъ дала жъ мнѣ барыня
Утычку за ета.
Мая уть
Ваду муть,
Кря, кря, кря;
Мая курычка
Хахлушечка
По двыру ходить,
Типлятъ водить,
Хохолъ надумаеть,
Паноў утѣшаеть.
Якъ я живў у барина

Третія лѣта,
Якъ дала жъ мнѣ барыня
Гусика за ета.
Мой гусь
Ребятъ кусь,
Га, га, га,
Мая вуть
Ваду муть,
Кря, кря, кря,
Мая курычка
Хахлушечка
По двыру ходить, и пр.
Якъ я живу у барина
Четвертая лѣта,
Якъ дала мнѣ барыня
Индюка за ета,
Мой индюхъ
Шулды-булды,
Мая уть
Ваду муть, и проч.
Якъ я живу у барина
Пятыя лѣта,
Якъ дала жъ мнѣ барыня
Барашку за эта.
Мой баранъ
Па гарамъ
Бя, бя, бя,
Мой индыкъ
Шулды-булды,
Мая уть
Ваду муть, и проч.
Якъ я живу у барина
Шостыя лѣта,
Якъ дала жъ мнѣ барыня
Вапрючка за ета.
Мой вапрюкъ
Хрюкъ, хрюкъ, хрюкъ,
Мой баранъ
Па гарамъ
Бя, бя, бя, и проч.
Якъ я живу у барина
Сёмыя лѣта,
Якъ дала жъ мнѣ барыня
Жеребка за ета.
Жеребокъ брыкъ, брыкъ, брыкъ,
Игигиги, игогого, игогого,
Мой вапрюкъ
Хрюкъ, хрюкъ, хрюкъ, и проч
Якъ я живу у барина
Восьмыя лѣта,
Якъ дала жъ мнѣ барыня
Козлика за ета.
Мой казёлъ
Въ гародъ пашоу
И нашкодзиу тамъ,
Ня у насъ—панамъ.
А у тоя лѣта
Якъ лишила жъ барыня
Всѣхъ дароу за ета.

63.

(С. Никола-Ядреичъ, Дух. у.).

Малыи рибятки
Лѣзли падъ грядки,
Звалились далоу съ грядки,
Звалились и забились.
Матка съ батькый
Давай плакать,
Ды къ батюшки;
А батюшка сказываитъ:
— «Какъ жа вы ня углядили сваихъ дятей:
Ета такъ нигадитца
Пастолька дятей битца!»
Стали калыхать,
Вадой абливать,
Дѣти стали дыхать:
Атецъ съ матерью стау радуватца,
Што дѣти стали атживатца.

64.

Самъ ѣду, самъ,
А дѣти тамъ.
Ай, дѣти, дѣти,
Дѣ васъ падѣти?

Ти громъ пазабилъ,
Ти дождь пазалиў.
Я сваихъ дѣтушикъ
Шаўковымъ невыдымъ
Пазвалачилъ.

65.

Черный ў рыжига спрасилъ:
— «Чимъ ты борыду красилъ?»
— Я ни краскый, ни замазкый,
Я на солнышкѣ лежалъ,
Кверьху борыду держалъ.

66.

(С. Долгія Нивы, Красн. у.).

Съ паповый лазни дымъ казломъ,
За рибятыми чортъ зъ ражномъ,
А за дѣуками попъ съ хрястомъ.

67.

Охъ, сядѣў я на пню,
Охъ, нюхаў табáку.
Охъ, пришоў татаринъ,
Охъ, табаки прасить.
Охъ, табаки ни даў,
Охъ, по вуху задаў.
Охъ, пашоў да пана.
— «Охъ, суди насъ, паня,
Охъ, за што у насъ стала!»
(Панъ:)
— Охъ, за што у васъ стала?..

68.

— Скажи семъ снягоў!
— Мятелица, крутилица
И дмётъ, и мятётъ,
Макравата, хлапавата,
Сёмыя крупки—
Падай, баба, трубки!

69.

Ягоръ, Ягоря, Ягорушка,
Не я скачу—няволюшка!
А хто мяне затѣваў,
Кабъ тэй свѣту не видаў!
А дай яму Божа
Лубяная кожа,
Вочи нà лыбъ,
Языкъ нà быкъ!

70.

Закурдай мой, закурдай,
Харошенькій закурдай,
Пригожинькій закурдай,
Не хади-ка па улицы,
Не люби-ка чужихъ жоныкъ.
Люби мяне самую,
Што я тябе шаную
И усики цалую!

б) Дѣтскія игры [1])

71.

(С. Пречистое, Дух.. у.).

Счетъ при началѣ игръ.

Саломинка,
Ярёминка,
Прѣла,
Гарѣла,

[1]) Большинство игръ записаны отъ Андрея Исакова.

На маря
Лятѣла.
Кастюкъ,
Мастюкъ,
Радивонъ
Пади вонъ!

72.

— Заяцъ-мѣсицъ,
Идѣ быў?
— У лѣси.
— Што дѣлаў?
— Лыки драў.
— Куды клаў?
— Падъ калоду.
— Выди вонъ изъ карагоду!
(Тамъ же).

73 а).

При игрѣ въ жмурки и проч.

Пиривички,
Дружички,
Камарики,
Карачики,
Хто попъ,
Хто журакъ.
Радивонъ,
Пайди вонъ!
Хто ў печи,
Хто за драва.
Што у печи?
У печи квасъ.
Лови мышей,
Да не насъ!
(Тамъ же).

73 б).

Друженьчики,
Бярьвеньчики,
Я шишиў,
А ты вышиў.
(Тамъ же).

74 а).

Кони на выгони.

Чіи кони на выгони,
Чѣмъ яны папутаны?
Залатымъ путцымъ
Подъ капутцымъ.
Брязь калечка,
Вонъ сярдечка!
(Тамъ же).

74 б).

А шли кони па вулицы,
Чимъ яны папутаны?
Залатымъ путымъ
Падъ капытымъ.
Зайка йдёть,
Травку рвётъ—
Што вырвить,
То въ пучёкъ.
(Тамъ же).

Дѣти, спѣвъ эту пѣсню, присѣдаютъ; кто не поспѣетъ присѣсть, тотъ «квачъ-бальмачъ, черные глазы».

75.

Калачики.

Я на го́ради стаю,
Калачики прадаю
Мой горадъ.
(Суютъ одинъ въ о́дныга).

76.

Блинъ.

Ай, дыль, дыль,
На палицы блинъ.
Не хачу блина,
Дай чарку вина,
Тады на закуску блина!

77.

Волосянка.

Мы давайти-ка, рибяты,
У валасянку играть:
Хто патянить,
Да ни датянить,
Таго зá власы будимъ драть.

(Тамъ же).

78.

Нути-ка, рибяты,
Валасень тянуть;
А хто ни датягнить,
Таго за хохолъ тягнуть,

(Тамъ же).

Уси загудуть: «у!» Хто утомитца тягнуть, тога ўси даруть.

79.

Волкъ.

Дѣти садятся въ кружокъ. «Нянька» ходитъ около дѣтей и поетъ слѣдующую пѣсенку:

Дѣтки мае, галубятки,
На што я васъ кармила,
На што я васъ паила:
Ти на сѣрыга ваўчищу,
Ти на бѣлыга звярищу?
Воўкъ пришоў, дитя укралъ,
А я, маладенька, заснула
Надъ маленькимъ дитёнкымъ,
Надъ красненькымъ яечкымъ.

Тады воўкъ: «Гоўкъ!»

Выходитъ волкъ и уводитъ одного за другимъ всѣхъ ребятишекъ; нянька грозитъ ему, а потомъ пересчитываетъ дѣтей:

Нянька. Воўча, воўча, ти ни видалъ ты маихъ авецъ?
Волкъ. Якея твае воўцы: чорныя, бѣлыя, сивыя?
Нянька. Сивыя.
Волкъ. Пабѣгли па бѣлый дарожки, па чистыму па сасонничку.
Украденный мальчикъ (пищитъ за печкой):—«Ти, ти, ти»!
Нянька. Што у васъ сипитъ у печи?
Волкъ. Квасъ варитца.
Нянька. Дайтя мнѣ пакушать.
Волкъ. Мышъ увалилась: нельзя пить.
Украденный мальчикъ. Кы, кы, кы!
Нянька. Што у тябе трящитъ?
Волкъ. Гарохъ пряжетца.
Нянька. Дай же мнѣ пакушать!

Волкъ. Сухъ дужа: зубы пулуманшъ.
Украденный мальчикъ. Ссс...сссс...ссс!..
Нянька. Што у тябе варитца?
Волкъ. Пива варю.
Нянька. Дай мнѣ пакушать!
Волкъ. Таракант увалиўся.
Нянька. Ти ня тутъ жа мае кытычки? Кыть, кыть, кыть!
Дѣти выбѣгаютъ къ нянькѣ навстрѣчу съ крикомъ, «бигуть и бляють»

80.

Воронъ.

Когда летитъ воронъ, дѣтишки кричатъ:

«Крикни, ворынъ,
На сухей коринь;
Коринь сохнить,
Ворынъ здохнить».

Если воронъ кружится надъ чьей-нибудь избой, та это считаютъ предвѣстьемъ о какомъ-либо несчастіи, которое должно посѣтить семейство того крестьянина, надъ дворомъ котораго кружился воронъ. Вышеписанный заговоръ служитъ крестьянамъ отстраненіемъ несчастія, накликаемаго ворономъ.

81.

Журавли.

Собираются дѣтишки и выбираютъ изъ среды своей дѣвочку, постарше и посильнѣе — «матку», берутся за зипуны сзади одинъ у другого, образуя такимъ образомъ цѣпь. «Жорыў» сидитъ на землѣ и копаетъ ямочку. «Матка» ходитъ со своими «дѣтьми» вкругъ журавля и говоритъ:

— Жорыў, жорыў, што дѣлаешъ?
— Ямычку кыпаю.
— На што табѣ ямычка?
— Камушки собираю, ды кладу ў ямычку.
— На што табѣ камушки?
— Тваимъ дѣтычкамъ губы, зубы выбивать.
— За што?
— А на што яны маю капусту паѣли?
— А ты бъ згароду здѣлыў!
— А я гырадиў, гырадиў, дый зымариўся.

Тогда беретъ «матка» щепочку и подкидываетъ вверхъ и говоритъ:

— Такая была твыя згарода?
— Нѣтъ, павышій!
— Ну, а какая?
— А во какая!

И «журавль» показываетъ какъ высока была его загорода. Потомъ хватаетъ заднихъ дѣтей, сколько ему возможно; «матка» же

защищаетъ своихъ дѣтей, т.-е. не даетъ ихъ журавлю. Когда «журавль» переловитъ всѣхъ дѣтей, тогда ловятъ и журавля и щиплютъ его. Ловятъ и матку, и ее тоже скубутъ.

82.

Пересѣчки.

Игра: «Горѣлыши» унасъ въ деревнѣ называется «пересѣчками».

83.

Елá.

Если у мальчиковъ зимой выдастся свободное время, они собираются на улицу, или на ледъ, «гололедицу». Выбравши изъ среды своей двухъ «матей», они расходятся по парѣ, «сговариваясь» втайнѣ отъ «матей». Вотъ подходятъ рядомъ два мальчугана къ «матямъ» и говорятъ: «мати, мати, что вамъ дати: дубъ или березу»? Одинъ изъ матей говоритъ: «березу», и мальчикъ, который сговорился съ товарищемъ, что одинъ изъ нихъ дубъ а другой береза, подходитъ къ требующему «березу», а дубъ подходитъ ко второй «мати». Такъ по очереди подходитъ каждая пара съ подобными же обращеніями къ «матямъ», только «дубъ» и «береза» послѣдовательно смѣняются другими предметами, напр.: «замокъ» и «ключъ», «огонь» и «вода», «рама» и «стекло» и т. п., покуда всѣ будутъ распредѣлены.

Тогда всѣ играющіе въ «елу», берутъ палки, и каждая «мати» со своимъ отрядомъ становятся одинъ противъ другого; тогда назначаются для каждой партіи разстоянія: для одной — въ одну сторону, для другой—противъ этой, такъ шаговъ на 100 и болѣе, какъ пожелаютъ; назначенное мѣсто называется «кила». Играютъ такимъ образомъ: кидаютъ шарикъ величиною съ яблоко, и каждая партія старается палками закатить шарикъ къ «килѣ» второй партіи, не желая допустить до своей, а вторая защищаетъ свою «килу» и старается шарикъ загнать въ первую «килу»; такимъ образомъ они играютъ до тѣхъ поръ, пока которая-нибудь партія возьметъ верхъ, т.-е. докатитъ шарикъ до противоположной «килы»; тогда побѣдители кричатъ: «кила, кила»! И игру, если пожелаютъ, начинаютъ снова.

84.

Засѣчки.

Собравшіеся парни и дѣвки становятся кругомъ; каждый играющій ставитъ задомъ къ себѣ одного человѣка; кое-гдѣ становятся и трое. Такимъ образомъ образуется двойной кругъ. Одинъ изъ играющихъ беретъ въ руки хворостинку и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стоятъ трое, засѣкаетъ самаго задняго. Заднiй, завидя, что его хочетъ засѣчь, бѣжитъ (только не между паръ) и становится впереди какой-

либо пары,—и въ этой парѣ засѣкаютъ подобнымъ образомъ задняго, если тотъ не успѣетъ перебѣжать въ какую-либо пару. Засѣченный проворно беретъ изъ рукъ перваго засѣкающаго хворостинку и бросается въ свою очередь засѣкать вышеописаннымъ образомъ.

85.

Веревочка.

Собравшіеся парни и дѣвки связываютъ длинную веревку и берутся за нее такъ, что образуется кружокъ. Въ середину этого круга впускаютъ парня или дѣвку. Этотъ «средній» старается поймать кого-нибудь изъ окружающихъ, не выбѣгая изъ веревки. Окружающіе парни и дѣвки стараются проворно отбѣгать на два-три шага отъ веревки, въ то время, когда «средній» направится поймать кого-нибудь; пойманный парень или пойманная дѣвушка должны идти въ середину круга и ловить такимъ же образомъ, какъ и предъидущій.

86.

Горлачики.

Сбираются весной дѣти и садятся кружкомъ. Выбираются дѣйствующія лица: «матка, дочка и котъ». «Матка» идетъ въ поле жать, а «дочка» стережётъ отъ «кота» горлачики (горшечки). Котъ подкрадывается и оборачиваетъ всѣ горлачики. Приходитъ «матка» домой и, видя горлачики «обернутыми», говоритъ: «Божа мой, хто ета пубыратиў гырлачики? А знать жа ета прихадиў котъ?» Потомъ «матка» ругаетъ свою дочку:—«А ты, куды глядѣла, сукина дочка, куды глядѣла?» И бьетъ свою дочку. Игра продолжается такимъ порядкомъ до трехъ разъ: мать уходитъ въ поле, котъ опрокидываетъ горлачи, а мать наказываетъ дочку. За третьимъ разомъ матка бросается искать кота, который убѣгаетъ; матка, нагнавъ кота, наказываетъ его для виду.

87.

Перстни.

Дѣвки весной собираются къ банѣ и садятся на мялы. Одна изъ дѣвокъ даетъ перстень подругѣ, она его положитъ на колѣни. Потомъ подходятъ дѣвки и отгадываютъ, у кого перстень.

88.

Лысая гора.

На ночлегѣ спящему мальчику товарищи зацѣпятъ за ноги оброть и вдвоёмъ потащатъ его по лугу и спрашиваютъ: «Видалъ ли ты Лысую гору?»

89.

Баба.

Въ «бабу» играютъ мальчики, пасущіе коней. Втыкаютъ въ кочку «пугавьё» (палку, кнутовище), вѣшаютъ на пугавьё шапку, становятся на небольшомъ разстояніи отъ него и разбѣгаются «шпарко» по очереди, перепрыгивая черезъ шапки. Вотъ одинъ сбросилъ хотя одну шапку. Тогда каждый беретъ свой картузъ, и всѣ становятся въ одну линію, «раскарачивъ» ноги. Виновный «ракомъ» ползетъ между ногами стоящихъ мальчиковъ, а товарищи бьютъ его картузами.

90.

Чичары.

Если мальчишкѣ случится поневѣжничать вслухъ въ присутствіи товарищей, то послѣдніе кричатъ: «чуру, маё зиляно́!» и поспѣшно берутъ лепестокъ травы зеленой, или листъ съ дерева. Виновнаго окружаютъ со всѣхъ сторонъ и по очереди таскаютъ его за волосы приговаривая:

А чачары, чачеры,
Сабирайтесь, ганчары!
Хто ня будить драть
Таго самаго драть!
Сѣнцы вѣнцы,
Што ў тыхъ сѣнцахъ?
Куры кудакчуть,
Нѣмцы скачуть.
Дерявень, дерявень,
Падскочъ падъ лёдъ,
Паймай рака!
А што ў таго рака?
— Чарвонная [1]) срака.
«Ти сукъ, [2]) ай качанъ?»
— Качанъ.
На́ нава пачалъ.
— «Сукъ!»
— У голыву стукъ.

Виновнаго спрашиваютъ: «ти лукъ (сукъ), ай кычанъ?» Виновный скажетъ: «лукъ», его за это по головѣ «стукъ»; скажетъ: «кычанъ»,—его опять таскаютъ: «ипять пычаў».

Потомъ у виновнаго спрашиваютъ: «ти папонка, ай авёсъ?» Если виновный скажетъ: «овёсъ», его продолжаютъ драть, говоря вышеописанный припѣвъ; если же виновный скажетъ: «попонка»,—его опять таскаютъ, приговаривая:

Припапонивай, нябось,
Пы сями гривинъ авёсъ,
А грячиха пу рублю,
Прочъ къ х.ю—ни люблю!

Вотъ еще припѣвъ:

Пацѣнка, пацѣнка,
Къ чаму ты прицѣнка?
Ни курка бздь,
Ни пятухъ пярдь;
Ласка, ты, ласка,
Ны читырехъ ножкыхъ,
Пятый хвостикъ,
Пабѣгъ на марозикъ,
За калину, за малину,
За чорную смыради́ну.

И долго еще, такимъ образомъ, таскаютъ за волосы невѣжу.

[1]) Вар.: казинныя.
[2]) Вар.: лукъ.

91.

Жмурки.

Жмурки—то-же, что въ другихъ мѣстахъ прятки.

Зимой собираются мальчики и дѣвочки въ избу. Одного изъ нихъ закрываютъ жупаномъ, чтобы ему не было ничего видно, всѣ начинаютъ прятаться. Когда всѣ попрячутся, одинъ закричитъ «годъ!» Тогда закрытый встаётъ и начинаетъ искать спрятавшихся; кого впередъ найдетъ, тотъ долженъ также искать, какъ и первый. Лѣтомъ эта игра бываетъ и на дворѣ.

92.

Пастарнакъ.

Этой игрой занимаются мальчики на ночлегѣ. Если одинъ изъ мальчиковъ уснетъ ранѣе другихъ, тогда берутъ длинную палку, расколотую на одномъ концѣ, у спящаго развязываютъ одну изъ «оборъ», засаживаютъ въ расколотый конепъ палки, крѣпко его завязываютъ и вбиваютъ этотъ конецъ въ землю. Просыпаясь мальчикъ начинаетъ тянуть ногу и не можетъ поворотить, покуда кто-нибудь изъ товарищей не подастъ ему помощи.

XXII. БЫТОВЫЯ ПѢСНИ.

1.

(С. Даньково, Смол. у.).

Войтъ выгоняетъ на пригонъ.

Войтъ.
На сгонъ, на пригонъ,
Па семира зъ двара вонъ!
Дѣвка.
Пани, пану войтя,
Хади, пану, ў хату:
Матка яешню спригла,
А можа гарѣлки румку найду.
Войтъ.
Ладъ, ладъ: троя назадъ!..
(Опять кличетъ на работу):
На сгонъ, на пригонъ,
Па семира зъ двара вонъ,
А дяўчины на легкую работу:
Глину мясить!
Дѣвка изъ болѣе бѣднаго двора.
Пану, пану войтя,
Хади, пану, въ хату:
Матка горохъ варила.
Войтъ (съ пренебреженіемъ).
Наср... на горохъ,
А на пригонъ всё-таки трогъ!
(Продолжаетъ звать на работу):
На сгонъ, на пригонъ,
Па семира зъ двара вонъ,
А дяўчины на легкую работу:
Глину мясить!..
(Отъ Матрены Антоненковой).

2.

Работа на пригонѣ. Потеря дѣвства.

А у нашига у старысты
Кужельнэя 'нучи,
Што кужельнэя 'нучи,
Ряменнэя аборы;
А у нашига й у барина
Врямённы пригоны:
Якъ загонють съ панядѣлку,
Диржать да суботы,
А ў суботу на работу,
А ў скрысеньня на варту.
Выйду, выйду за вароты,—
Разсыпаны карты;
Патиряла младёшанька
Дявоцкія й жарты.
Выйду, выйду за вароты,—
Разсыпаны иглы;
Патиряла младёшанька
Дявоцкія игры.
Выйду, выйду за вароты,—
Разсыпаны перстни;
Патиряла младёшанька
Дявоцкіе пѣсни! (Тамъ-же, отъ той-же).

3.

(Д. Слобода, Смол. у.).

Тѣлесное наказаніе во время крѣпостного права.

Слаўный празникъ васкрисення,
Намъ хочитца пагулять,—
Гаспада намъ ни вилять.
Мы нямножка пагуляли—
Да бѣлинькый да зари;
На заўтрига па утру
Нясуть розакъ па пуку.
Ни вилять намъ апраўдатца,—
Вилять скора раздиватца;
Ни вилять намъ бажитца,—
Вилять скоринька лажитца.
Глянимъ, глянимъ па бакахъ:
Толька палычки лижать;
Хуть и палычками бита,
Дыкъ сударушка нажита,
Хуть спинушки тярпѣть больна,
Къ сударушки ходить вольна.
(Отъ Пелагеи Демьяновой)

4.

(С. Злотово, Ельн. у.).

Милый измѣняетъ дѣвицѣ,—беретъ замужъ господскую ключницу-разлучницу

Я свайму милыму
Шутя слова смовила, 2
Жанитца пазволила:
—Жанись-ка, мой милинькій,
Жанись, чернабрывенькій,
Бяри сябѣ лѣпшую,
Мою сястру меньшую,
Гасподскую клюшницу,
разлушницу!

5.

(С. Свалы, Смол. у.).

Разъѣзжичкомъ нанялся.

Спарадила Дуня ядиныга сыныўя,
Наричалъ попъ имичка Ванюшинька, сынокъ мой.
Сыну волюшку дала, ў разъѣзжички нанила:
—«Гуляй, гуляй, сынокъ мой, гуляй, дѣтитка маё,

Гуляй, дѣтитка маё, ў маёмъ зе́линымъ саду,
У маёмъ зелинымъ саду, на варо́нымъ на кани,
На варонымъ на кани, а сѣдлушка черкасская,
А сѣдлушка черкасская, нова узда кована,
Нова узда кована, паводья шалковыя!»

(Отъ Остапа Яковлева).

6.

(Граница Медынскаго и Юхновскаго уу.).

Вы васпомнитя, рибяты,
Какъ мы рожъ варавали,
Рожъ на пряники мѣняли,
А салому на табакъ,
А денежки у кабакъ.
День работу рабатали,
Ночъ па улицы гуляли—
Всё пасвистывали,
За калечушка брались—
Мы пакрикивали:
Варварушка, пади, выди,
Пади замужъ за мине, 2
За ўдалова малайца,
За ўдалова, висялова,
Будишъ барыня мая.

7.

(С. Данько́во, Смол. у.).

Одинъ изъ 3-хъ кравцовъ проигралъ въ карты золото, другой ворона коня, третій свою дочку.

А хто й у насъ будить завадить пѣсню новую,
Пѣсню новую завадить будить?
Завадили пѣсню новую краўцы да глаўцы,
Краўцы да глаўцы, добрыя малайцы.
Малодинькій, кучмаринькій за сталомъ сядить,
За сталомъ сядить, у карты граить.
Першій кинуў, тутъ пракинуў, золыта прайграў,
Золыта прайграў, чиста сирябро́;
Другей кинуў, тутъ пракинуў, коника прайграў,
Коника прайграў варо́ненькага;
Третій кинуў, тутъ пракинуў, іонъ дочку прайграў,
Іонъ дочку прайграў сваю ро́дную.
Стаить конь падъ вакошечкамъ, якъ воронъ чарной,
Якъ воранъ чарной, ящо пачарнѣй;
Сядить дѣўка за столикамъ, сильненька плачать,
Сильненька плачать, узрыгаючи;
А йна да свайго батюшку клянёть, батюшку клянёть,
Батюшку клянёть, свайго ро́дныга:
—«На што мяне, красную дѣўку, й у карты прайграў,
У карты прайграў у новенькія!»

(Отъ Аўдули Гуковой).

8.

(С. Свалы, Смол. у.).

Картежница.

У горыди на базари,
А ў Пачинку на вакзали,
Тамъ маменька гуляла,
Тамъ душенька гуляла,

Сями картами играла,
Казырями казыряла,
Падказыривала.
Туда йшоў яе батюшка,
Туда йшоў яе родниньків:
—«Польна, Машинька, гулять,
Польна, душинька, гулять,
Сяма картами играть,
Казырями казырять,
Падказыривать!»
Не ўнимай мяне, батюшка,
Не ўнимай мяне, родниньків;
Я маіора абыграю,
Палковничка абыграю!
А маіоръ маладенькій,
Падъ имъ конь вараненькій,
Полы строчиныя,
Пирястрочиныя,
И смазнэя сапаги,
Табакерка съ табакомъ,
Пирщатычка съ сирябромъ.

9.

(С. Даньково, Смол. у.).

Бой-баба.

Мяне мати пляшучи радила,
А бабушка у хмялю спавила.
Кумъ былъ паручикъ маладой,
Кума была винакурыва жина.
Зарадилась наша Дуня хараша,
Нещасливая й неталанливая,
Чарнабровая й угадливая.
Нельзя Дуни ў абѣдню прайдить:
Папы, дьяки заглядаютца,
Читать забываютца.
Панамарь всѣ вочи паламалъ.
Священникъ прасвирку даётъ.
—Не хачу я прасвирки ѣсти,
Хачу, хачу на папа вярьхомъ
усѣсти,
Хачу папа за хахолъ згрести!

10.

Пѣсня батрака.

Всю нядѣлю батракъ рабатаить,
Придётъ двору, хазяинъ ругаить:
—«А йдѣ шляўся, батракъ, ва-
лачиўся,
На вячерю, батракъ, апазниўся?
Кагда хочешъ, батракъ, дакъ вя-
черій,
А ня хочешъ, спать лажися!»
Хазяюшка, шельма, прашнаетца:
—«Ставай, батракъ, дми лычину,
Бяри вобувъ, абывайся,
Бяри коўшикъ, амывайся,
Бяри рушникъ, абтирайся,
Бяри пугу, валоў гани!»
Валы рявуть, съ хлѣву ня йдуть.
Яны сваю судьбу чують:
Нажи иструють валоў рѣзать,—
За тымъ яны съ хлѣва ня йдуть.

(Тамъ-же).

11.

Нищіе въ заработокъ идутъ.

Затужилася милая,
Што не при чимъ стала жить.
—«Не ўнывай, мая милая,
Што не при чимъ стала жить:
А ужъ мы сумычки пашьёмъ,
Дятей по міру пашлёмъ;
Назбираимъ хлѣбу многа,
Будимъ хлѣбымъ таргувать;
Затаргуимъ денигъ многа,
Мы хватерушку наймёмъ!»
Што съ-падъ лѣсу, съ-падъ у горъ,
Нахадила туча-громъ,
Са бальшимъ, бальшимъ даждёмъ:
Не праѣхать, не прайдить,
Нельзя слѣду палажить.
Туда милая ишла,
Тижало ў рукахъ несла:
Каромыселъ да валёкъ,
Яще милыга платокъ.

(Тамъ-же).

12.

Дѣвки за старыхъ замужъ повышли.

Афицеръ ѣдить са паручикымъ.
Дѣўкамъ вѣсть вязётъ нивясёлую,
Штобъ пабрать дѣвыкъ у Казань-горыдъ,
У Казань-горыдъ, за салдатъ замужъ.
Наши дѣўки пупужалися,
За старыхъ замужъ пахвыталися,
А послѣ дѣўки сыпыкаялись:
—Було намъ идить у Казань-горыдъ,—
Пили бъ мы, ѣли ўсё харошее,
Насили бъ платьтя разнатьвѣтная! (Тамъ-же).

13.

Питерщикъ.

Лѣтъ питнадцати мальчишка
Іонъ у Питиръ пашоў жить;
Ни дажиўши новый годъ,
Попрасиў мальчикъ ращотъ;
Іонъ ращотамъ ращитаўся,—
Адинъ питачокъ атстаўся.
На машинушку садиўся,
Абъ ращоти таскуваў,
Кулакомъ слёзы ўтираў.
Какъ и прибылъ іонъ дамой
Весь аборваный, худой,
Въ яго дѣдушка спрасиў:
—А дѣ жъ ты денюжки падѣў?
—«Богу гриўна, дѣўкамъ рубъ,
Маладухамъ рубъ на двухъ».
Какъ таварышы приходють,
Па триста рублей приносють:
Шестьдисятъ въ аброкъ атносють,
Двѣстя сорыкъ на расходъ.
Ну, тебе мы ни видали гадоў пять,
Гадоў пять мы ни слыхали ничаво;
Намъ нидавна разсказали,—
Тяперь знаимъ атъ чаво...
Полна, Ванька, балуватца,
Всё съ харошими гулять!..
Наконецъ мене жанили,
Абъ чомъ большій талкувать?
Апять въ Питиръ атпраўляюсь
Большій денегъ наживать.
Первый годъ я пастараўся,
Сотъ пятокъ рублей дастаў;
Тада въ доми милъ атстаўся
И жану сваю ласкалъ.
Случилася са мной нищастя:
Я па Неўскаму прайшоў,
Сваю прежнію знашоў,
Я ничаянна сыйшоўся,
Паздароўкаваўся.
—«Я слыхала, ты жаниўся».
(Разгаворъ не тотъ пашоў):
—«Спомни, Ванюшка, дружокъ,
Спомни рощу и лясокъ:
Какъ мы ў рощицы гуляли,
Ты съ Катюшей балувался.
Ну, Катюша уставала,
Поправляла хвартукъ свой.
Всѣмъ падружкамъ разсказала,
Бизпакойный плутъ какой!»
(Тамъ-же).

14.

(Д. Холощево, Красн. у.).

Мужъ запивака приноситъ женѣ лакомства.

Ти мой жа мужъ ни пьянюга,
Черви, бубни, виноградъ,
Чимъ мой милой винуватъ?
Іонъ пьянюга.

Прихадиў ка мнѣ ни рана,
Принасиў жа іонъ барана,
Сы рыгами, сы ныгами,
Черви, бубни виныградъ,
Чимъ мой милый винуватъ?
Сы ныгами!
Ти мой жа то мужъ гуляка,
Іонъ гуляка, запивака.
Сударыня ты мыя,
Быярыня ты мыя.
Прихадиў ка мнѣ ни рана,
Принасиў жа іонъ ни мала:
Арѣшикыў два карманы,
Чирназюму ў вузялочку,
Пипрянничкыў у пирщатки.
Мнѣ съ арѣшикыў ташненька,
Пупрянничкамъ я раденька;
Съ чирназюмцу раздумáить,
Дуить, дуить, раздумаить,
Вышій носа падымаить:
Нильга Богу пумалитца,
Сусу Христу пакланитца.

15.

(Д. Слобода, Смол. у.).

Рѣшительный, отчаянный характеръ пьяницы.

У кабакъ паринь идёть,
Слова липинка твитёть;
Съ кабака паринь идеть,
Слова липинка гала,
У чомъ матушка радила.
Якъ завидила ина
Зъ висакога терима:
—«Ступай, пьяница, дамой,
Расканалія ты мой!»
—Ни бранися, жонушка,
Ни бранися, милая:
Мы падолій паживёмъ,
Мы паболій наживёмъ:
Либа повинъ дворъ,
Либа коринь вонъ.

(Отъ Палагеи Демьяновой).

16.

(С. Бехтеево, Смол. у.).

Пьянаго раздѣлъ обирало; онъ прибѣжалъ къ женѣ; баба хочетъ мужа къ старостѣ вести, чтобъ онъ его за пьянство проучилъ.

Шолъ Савинъ ночной парою,
Онъ ишолъ къ своей жанѣ
Съ пьяный галавою.
Збился онъ съ дароги,
По нисчастной злой судьбы
Падкасились ноги.
Онъ упалъ —захрапѣлъ,
Саженъ на сто слышна.
Вдрухъ являетца къ нему
Начной абирала.
Абашолъ его кругомъ,
Талканулъ бидняжку,
Снялъ онъ оба сапоги
И фалатъ, фарашку.
Аташолъ онъ отъ него,
Взглянулъ на бидняжку:
—«Все равно ему лижать—
Скину и рубашку!»
Савинъ спалъ—пачивалъ,
Атъ сна прабудился,
Онъ, увидя свой изъянъ,
Самъ сибѣ дивился.
Савинъ всталъ, побижалъ,
Бижалъ безъ аглядки,
Толька видна давича,
Какъ свиркали пятки.
Видя церковь и село,—
Ета мая хата!
Прибижалъ Савинъ дамой,
Сталъ онъ у парожки,
Ввесь трисетца и дражить,
И молитца Богу.
Жана ево ни узнала,
Думала: угодникъ.

Разсматрѣла: ета мужъ!
—Ай-ка грихаводникъ!
—«Ни ругай мине, жана!
Куда жа мнѣ дѣтца?
Ты пусти мине, жана,
На печку пагрѣтца!»
--Ладна, плутъ краснорожій:
Я тибе заўтра пу утру
Свяду къ старости Антону.
Онъ тибѣ пиримѣны двѣ задастъ,
Ты будишъ баятца,—
И ни будишъ, плутъ краснорожій,
Пьяна напиватца.

17.

(Дудкино, Бѣльск. у.).

Кто ни адинъ живётъ на свѣтѣ,
Имѣя милою въ придметѣ,
Вдваемъ и радась, и веселья,
И легче намъ терпѣть бѣды,
Вдваёмъ пакой для насъ милѣе,
Не такъ намъ тягасны труды.
Въ комъ грусь, какъ снѣгъ,
А серца камень—
Тотъ не знаетъ любви пламень.
И такъ, вы милѣе, Алексѣй Александровъ.

18.

(Могилевская губ., Мстиславскій у., д. Селезеньки).
Хомка и Яремка. (Срв. стр. 149, № 127).

Здраствуй Хомка, здраствуй Ярёмка,
Здраствуй, малый тилялёхъ!
Тотъ папиўся, спатьки лёгъ.
А Микита ихъ жа будить:
Уставайтика, рибяты!
Ну, рибяты, розна, кому куды можна.
Нашъ урядничикъ идётъ.
А Микитку за хахолъ,
А Ерёмушка падъ полъ,
А Хомычка падъ кутъ.
Якъ и пычали дялить,
Усимъ па сотенки валить,
Зачалася съ хмелю драка
И пришлось тяреть табѣ с...а
(Отъ крестьянина Максима Захарова).

19.

(С. Бехтеево, Смол. у.).
Восхваленіе горѣлки при разгулѣ въ при компаніи.

О, прекрасная горѣлка,
Многострадальная сивуха,
Пройшла ты еси
Скрози агни и воды
И мѣдныи трубы,
Ни убаялася еси
Ни огненныга запаленія,
Ни кательнаго варенія.
Мы за твое то терпѣнія
И аккуратныя ачищенія
Къ тебѣ усердна прибигаимъ,
За паслѣднію капѣйку пакупаимъ,
Па рюмычки выпиваимъ,
И тебе, страдалицу, паздравляемъ.

20.

(С. Даньково, Смол. у.).
Мѣщанинъ беретъ мѣщаночку, оказавшуюся плохою хозяйкой.

Абищаўся мищанинъ
Мищанычку ўзяти,
А йна яму й аткызала:
—«Я ня ўмѣю жати,—
Будить твыя пшаничинька,
У поли зимувати!»
—А ў ва вторыкъ снапоў сорыкъ
Пшанички нажала,
А ў чатверыгъ змалатила,
А ў пятницу вѣила,
А ў суботу мѣрила,
А ў скрысеньня прадала
И денюжки прапила.

21 а).

(С. Злотово, Ельн. у.).

Разные женихи сватаются къ Катенькѣ; она идетъ замужъ за мужичка съ дудой, или скомороха.

Сядѣла Катюшинька
Позна вечира й адна,
Гарѣла ў Катюшиньки
Воску ярыва свича,
Вышивала Катинька
Кесейныя й рукава,
Вышиўши рукаўчики,
Въ теримъ къ батюшки пашла:
—«Сударь ты мой, батюшка,
Ахъ, ты падумай, пагадай,
Какъ жа мнѣ, батюшка,
Мнѣ ў дѣвушкахъ пражить.
Присватаўся къ Катиньки
Зъ Новыга горыда купецъ.
— «Ахъ, выди, выди, Катичка,
Выди замужъ за мяне:
А ў мяне, Катюшинька,
Палтараста караблей»
Думаю, падумаю,—
За етыга ни пайду.
Присватаўся къ Катиньки
Ахъ, съ-падъ Бѣлый гаспадинъ:
—«Выйди, выйди, Катинька,
Выйди замужъ за мене.
Ну, ў мяне, Катюшинька,
Сто питьдисятъ душъ кристьянъ!»
Думаю, падумаю,
Ахъ, за етыва ни пайду.
Присватаўся къ Катиньки
Ахъ, и съ дяреўни мужучокъ:
—«Выйди, выйди, Катинька,
Выйди замужъ за мяне:
Но у мяне, Катюшинька,
И скрипычка и дуда».
Думаю, падумаю,
Ахъ, и за етыва пайду:
Ахъ, ти сыта, ти голыдна,—
Ахъ заўсегда я висила!

21 б).

(С. Даньково, Смол. у.).

Сватылися Катиньку
Са синя моря купецъ.
—«Іость у мяне, Катинька,
Іость у мяне, Катюшенька,
Паўтараста караблей;
Кали жъ мала, Катинька,
Кали мала, Катинька,
Яще сотиньку куплю!»
—«Думыю, падумыю, 2
Я за етыга ня йду!»
Сваталися Катиньку
Санáтой санатóръ.
—«Іость у мяне, Катинька,
Іость у мяне, Катюшенька,
Паўтараста душъ христьянъ;
Кали жъ мала, Катинька,
Кали мала, Катинька,
Яще сотиньку куплю!»
—«Думаю, падумыю, 2
Я за етыга ня йду!»
Сваталися Катиньку,
Са дяреўни скамарохъ.
—«Ты ти пóйдешъ, Катинька,
Ти пайдёшъ, Катюшенька,
Замужъ за мяне?
Іость у мяне, Катинька,
И скрипычка, и дуда».
Думаю, падумаю, 2
Пайду замужъ за тябе!
Сыта-галаднёшинька 2
Скамарохыва жина,
Выйду жъ я на улицу, 2
Заўсигда я весила!
Зайграить мой милинькій, 2
Я зъ горя плисать пайду!

22.

(С. Даньково, Смол. у.).

Па улицы мятель пиряпырхываеть,
За мятелицый мой милинькій пагуливаеть.
Завидѣла барыня зъ висакога терема,
Съ свайго красныга вакна.
—«Ужъ ты, сукинъ сынъ, лакей,
Гдѣ ты быў-прабываў?»
—Сударыня-барыня,
Съ вашей дочерью гуляў.
—«Ужъ ты, сукинъ сынъ, лакей,
На што сказываешъ?»
—Сударыня-барыня,
На што спрашиваешъ?
—«Ужъ ты, сукинъ сынъ, лакей,
У салдаты тябе сдамъ!»
—Сударыня-барыня,
Самъ ахотыю пайду, 2
Три бяды сатварю:
Ужъ я первую бяду—
Тройку коній увяду;
А другую бяду—
Вашу дочку забяру;
Ужъ я третью бяду—
Вашу дочку увязу.
—«Ужъ ты, сукинъ сынъ, лакей,
Паживи-ка ты ў мяне,
Паработай на мяне,—
Выйду замужъ за тябе!»

23.

(С. Свалы, Смол. у.).

Родня хочетъ отдать Мархвиду за жида; она не хочетъ и, чтобы избѣжать свадьбы, тонетъ въ Дунай-рѣкѣ.

Прасватали Мархвиду
За жидывыга сына.
Якъ пашла жъ то Мархвида
У горенку ў навую;
Тамъ жа яе батька
Зиляноя вино гонить.
—«На што жъ ты, мой батька,
Зиляноя вино гонишъ?»
—Ты диўная ты, Мархвида,—
На тваё жъ на вясельля!
—«Ня быть жа Мархвиди
За жидовымъ сынымъ!»
Якъ пашла жъ то Мархвида
У горенку ў навую;
Тамъ жа яе матка
Пирожики утваряить.
—«На што жъ ты, мыя мати,
Пирожики учиняишъ,
Пшонныя утваряишъ?»
—Ты диўная ты, Мархвида,—
На тваё жъ на вясельля!
—«Ня быть жа Мархвиди
За жидывымъ сынымъ!»
Якъ пашла жъ то Мархвида
У горенку ў навую;
Тамъ жа яе сёстры
Шуриночки вышиваютъ.
—«Ня быть жа Мархвиди
За жидывымъ сынымъ!»
Якъ пашла жъ то Мархвида
У станнку ў навую;
Охъ, тамъ яе братицъ
Варана каня сидлаишъ.
—«Охъ, што жъ ты, мой братецъ,
Варана каня сидлаишъ?»
—Да дивная ты, Мархвида,
Да на тваё жъ то на вясельля!
—«Ня быть жа Мархвиди
За жидывымъ сынымъ!»
Якъ пашла жъ то Мархвида
У горинку ў навую,
Якъ и сѣла ў горенки,
У горенки падъ вакошкымъ,
Якъ и ѣдить жидавочикъ

Сы звонкими сы гуслями.
Якъ ухватила Мархвида
Тисовы вядёрычки,
Якъ пашла жъ то Мархвида
Въ тихій Дунай за вадою.
А за нею жидавочикъ
Сы звонкими сы гуслями.
Вядёрычки узмахнула,
Сама въ Дунай патанула.
—О, дивная ты, Мархвида,
Никаму ни заўрядила,
Сама сыби вѣкъ укаратила!

(Отъ Домны Мирёновой).

24.

(Д. Холощево, Красн. у.).

Гайдамаки наругаются надъ жидомъ и жидовкой.

Што съ-падъ гары, гары,
Ѣдуть гайдамаки, 2
Данскея кызаки,
Шурокія борыды,
Високія шапки,
Ѣдуть на лашадки,
Держуть пы ныгайки,
Ли жидоўки Хайки.
Зативають жида
Шабусъ танцувати.
Жидъ кажить: «ня ўмѣю»,
Жидовычка: «ня смѣю»,
Жидъ кажить: «трыпычка»,
Жидовычка: «казачка».
А ў насъ сянни кучки,
Рябинки на сучки.

(Отъ Петра Винокурова).

25 а).

(С. Даньково, Смол. у.).

Ванька (москаль) увозитъ Хайку съ добромъ и топитъ ее.

Спалюбиў Ванька жидоўку Хайку,
Ой, вэй, вэйма, мамуля,
Ой, зонъ-зонъ, на-на-на, жидоўку Хайку [1]).
Вялѣла Хайка пріѣзжать Ваньки:
—«Пріѣзжай, Ванька, ў суботу рана,
Привади, Ванька, тройку лашадей:
На первый лошадь—злата, сирябра,
На другой лошадь—скрыны, пярыны,
На третій лошадь—мы сами сядимъ!»
Паѣхаў Ванька, павёзъ жа Хайку,
Зъ гары висакó, ў воду глубакó.
Бѣлыя руки абгладали щуки.
Не хатѣла Хайка батьки слушати,
Изволь-ка, Хайка, вады кушати.
Ой, Ванька съ дабромъ паѣхаў дамой.

(Отъ Аўдули Гуковой).

---

[1]) Припѣвъ послѣ каждаго стиха.

25 б).

А у Брестѣ, ў Брестѣ,
На прекраснымъ мѣстѣ
Стыяла карчомка;
А у тэй карчомки
Жидовычка Хайка 2
Виномъ таргувала, 2
Маскаль падманяла.
—«Пріѣзжай, маскаля,
А ў суботу рана,
Пріѣзжай, маскаля,
На трёхъ жа и парахъ.
А ў суботу рана
Наши жидоўя
Вси пойдуть у школу.
Пріѣхыў маскаля
И на трехъ жа парахъ.
И на первую жа пару—
Скрыны да пярыны,
На другую пару—
Зо́лыта да срѐбра
На третьтію пару
Сама Хайка сѣла
И пѣсенки запѣла:
—«Паѣзжай, маскаля,
Да ты паскарѣя,
Штобъ наши жидоўя
Да насъ ни дагнали, 2
Хаичку не 'тняли».
Пріѣхаў маскаля
Къ рякѣ ки Дунаю:
—А вотъ табѣ, Хайка,
На двѣ воли да́на:
Хошъ назадъ вярнися,
Хошъ ў Дунай тапися!
—«Я назадъ ни вярнуся,
А ў Дунай утаплюся!
Пускай маё тѣла
Рыба-щука съѣла,
Пускай мае́ руки
Ѣдять бѣлы щуки!

(Тамъ-же, отъ той-же).

25 в).

(С. Боровское, Ельн. у).

Казаки лестными обѣщаніями подманили съ собой ѣхать шинкарочку, потомъ завезли ее въ темный лѣсъ и пыткою вымучиваютъ у нея деньги.

Ужъ ты, Польща, ты, Польща, бязмозглая тварь,
А ўпярёдъ жа ты, Польща, богата была,
Тяперь жа ты Польща праматалася.
Чиризъ тябе да ты, Польща, дарожка ляжить
На тый жа на дарожки дворики стыять,
Утыхъ жа у дворикахъ шинкарка живётъ.
Таргувала шинкарычка пивымъ да мядомъ.
Пріѣхали къ шинкарычки троя казакоў.
Адинъ турыкъ, другой палякъ, и съ Дону казакъ.
Данской казакъ мёдъ вино пьетъ талеры кладётъ,
Русскій казакъ вина ня пьетъ, шинкарку завётъ:
— «Сабирайся, шинкарычка, паѣдимъ съ нами;
Паѣдимъ съ нами съ казаками да на Донъ гулять!
На нашій на старонушки ни пу вашиму:
У насъ ни пашуть, ни скародють, бѣлый хлѣбъ ядуть,
У насъ ни шіють, ни мыють, да рубашички носють,
У насъ ни ткуть, ни прядуть, бѣленька ходють».—
Падманили шинкарычку, взяли, пувяли съ сабой,
Увадили шинкарычку за тёмный жа лѣсъ,

Развѣшали шинкарычки бѣлинькій шатеръ,
Раскладали на шинкарычки магучій агонь,
Закричала шинкарычка громкимъ галасомъ:
Ужъ вы братцы робятушки, рятуйтя мяне.
Данской казакъ спрашиваеть: идѣ гроши тваѐ?—
— Наши гроши на ярмырыкъ, у ярмырыкъ гулять...

(Отъ дѣвочки Евфросиніи Абрамовой).

25 г).

(С. Даньково, Смол. у.).

Три молодца подманили шинкарочку съ собой ѣхать, привязавъ къ соснѣ, хотятъ ее сжечь; спасаетъ шинчарочку молодой матросъ.

Ты, карчма жъ мыя, карчма польская,
Карчма польская, каралеўская!
Стыяла карчомушка на крутой гарѣ,
На крутой гарѣ, на ўсей красатѣ.
Што ў тэй жа ў карчомушки шинкарка живеть.
Шинкуить шинкарушка пивымъ и виномъ,
Пивымъ и виномъ, салодкимъ мядомъ,
Якъ пришли ў карчомушку да три маладцы:
Казакъ, да палякъ, да третій салдатъ.
Казакъ вино пьётъ, манеты кладётъ,
Салдатъ съ горя пьётъ, денигъ ни кладётъ,
Денигъ ни кладеть, іонъ рѣчь гаварить,
Шинкарку манить:
Шинкарка, шинкарушка малодинькая,
Паѣдимъ, шинкарушка, ў маю старону:
Што ў маей старонушки ни па вашиму:
Ни ткуть, ни прядуть, хорыша ходють,
Хорыша й ходють, адёжу носють.
Сдавалась шинкарушка на ласки-слава,
Садилась шинкарушка на добра каня,
Диржалась шинкарушка млайцу за плячо.
Якъ завётъ жа молыдицъ шинкарку младу да во щирый боръ,
Привезаў шинкарушку ки сухей саснѣ,
Запалиў сасонычку зъ вярыху й карешка.
Паглядитя, люди, якъ сасна гарить,
Паглядитя, добрыя, якъ дѣўка стаить!
Закричала дѣвица й громкимъ галасомъ:
О хто во бару, о хто за баромъ?
Кали маладой якой—братымъ назаву,
Кали пастарѣй мяне—роднымъ батюшкый!
Аткуль жа ўзяўся маладой матросъ,
Атвязаў жа дѣвушку атъ сухой саснѣ.

(Отъ Тимофея Григорьева Михалева).

26.

(С. Шоптово, Бѣльск. у).

Навстрѣчу дѣвицѣ донской-ямской зайка.

Какъ пайду я маладенька,
Какъ пайду я удалёнька
Удоль далинòю,
Удоль ширакòю.
А на ўстрѣчу удаленькай
Данской ямской зайка,
Данской ямской сѣрый;
Напирёдъ забигаить,
У глаза заглидаить.
— Низаскакывай, зайка,
Ни заскакывай, сѣрый!

27 а).

(С. Даньково, Смол. у. и с. Потапово, Ельн. у.).

Дѣвица дитя губитъ, рыболовы его выловили, и виновная поплатилась.

Якъ пашли наши рыбалоўщички
Рыбушку лавить, 2.
Ни паймали анѣ бѣлу рыбушку,
Паймали линя, 2
Якъ разгледили рыбалоўщички—
Малыя дитя!
Панисли дитю рыбалоўщички
Ва казенный домъ;
Палажили дитю рыбалоўщички
На тисовый столъ.
А на заўтрига якъ ударили рыбалоўщички
У бальшéй въ калаколъ:
«Сабирайтися, красны дѣвушки,
Усѣ ў казенный домъ,
Признавайтися, красны дѣвушки,
Хто дитю радилъ?»
Расприкрасная да Настасьсюшка
Дитю радила,
Ни пущала дитю на бѣлый свѣтъ,
У рѣчку бросила,
А на заўтрига поутру рана
Пашла дитю тапить.
А на заўтрига пувутру рана
Всѣ званы гудуть,
Расприкрасную Настасьсюшку
Падъ наказъ вязуть.
Расприкрасная Настасьсюшка
Ни пичалитца,
За ней идеть родна матушка,
Слезна плачитца.
—«Ты ни плачъ па мнѣ, да родна мать:
Тябѣ ў доми пять,—
Ни пускай, мая матушка,
Па зарямъ гулять!»

27 б).

(С. Шаталово, Смол. у.).

А ў горыди ў Саратыви
У ва ўси званы бьють:
Дивяти лѣтъ жидовычка
Дитя й радила;
Пырадёмши дитятушку,
У Сожъ атнисла.
Мыладэя рыбаловы
Рыбу лавили,
Яны жъ тога дитятушку
У Сожи пыймали;
Яны жъ тога ребёнычка
На ручкахъ нясуть,
Мыладую жидовычку
Падъ ручки вядуть;
А ў слѣдъ идеть старáя мать,
Слезненька плачеть.
—Ни плачъ, ни плачъ, старая мать:
Ни 'дна я ў тябе,
А іость у тябе три Сарычки
Акроми мяне!

— «А іость у мяне пять перьстинкыў,
А ўси мнѣ бальны:
Ай. вы жъ, мае дый Сорычки,
А ўси мнѣ раўны!»

— Ни пущать було, старáя мать,
У кабакъ па вино:
Тоя вино съ ума звяло,
Дитя й радило.

(Отъ Ѳёклы Боборычихи).

27 в).

(С. Данько̀во, Смол. у.).

А ў горыди, а ў Кричави
Праява праявилася:
Десяти лѣтъ жидовычка
Дитя радила.
А ина таго жъ то дитёнычка
Въ Дунай бросила.
Въ тую пору рыбаловы
Рыбу лавили,
А ины жъ таго дитёнычка
Крыломъ паймали.
А ины жъ таго маленькыга
Крыломъ паймали,
А ины жъ тую жидовычку
Падъ пашки ўзяли,
Пувяли тую жидовачку
У тюрьму крѣпкаю,
За ёю идёть матусинька
Старёшанькая,
А ина плачить, матусинька,
Жаластнёшинька.
—«Ни плачъ, ни плачъ, матусинька,
Старёшанькая:
Во іость у тябе двѣ дачушечки
Памима мяне;
Ни пущай ихъ, матусинька,
У кантору за виномъ:
Канторщички вино дають,
Денегъ не бяруть!»

28.

Казакъ сватается ко вдовѣ.

Ѣхала ўдава да зъ Магулёва 2
На первымъ таргуючи; 2
За ею казакъ, за ею удалой,
На кани гарцуючи. 2
—Пастой-ка, ўдава, пастой, малада,
Мы съ табой пагаворимъ! 2
Взяў бы я тябе замужъ за сябе,
А ў тябе коній многа. 2
—«Дуринь казачокъ, дуринь маладой,
Дуринъ, ни разуминъ. 2
Коники мае, паѣздки твае,
Я—твая милая». 2
—Пастой-ка, ўдава, пастой, малада,
Мы съ табой пагаворимъ:
Взяў бы я тябе замужъ за сябе,
А ў тябе денигъ многа!
— «Дуринь казачокъ, дуринь маладой,
Дуринъ, ниразуминъ:
Денижки мае, пакупки твае,
Я—твая милая».
—Пастой-ка, ўдава, пастой, малада,
Мы съ табой пагаворимъ:
Взяў бы я тябе замужъ за сябе:
А ў тябе дятей многа!
—«Дуринь казачокъ, дуринь маладой,
Дуринъ, ниразуминъ:
Дѣтушки мае—служички твае,
Я—твая милая».

(Тамъ же).

29.

Гости у Марусеньки.

—Ты скажи, мыя Марусенька,
Не утой, мыя душенька:
Аткуль у тябе были гости безъ мяне?
—«Генералъ былъ зъ Смаленску,

Маіоръ съ Питенбургу,
Паручикъ-галубчикъ
Былъ гусарскага палка».
—Ты скажи, мыя Марусенька,
Не утой, мыя душенька:
А што ў тябе пили гости безъ мяне?
—«Генералъ пилъ водычку,
Маіоръ пилъ сладкую,
Паручикъ-галубчикъ
Пилъ наливычку са мной».
—Ты скажи, мыя Марусенька,
Не утой, мыя душенька:
А што ў тябе ѣли гости безъ мяне?
—«Генералъ ѣлъ гусычку,
Маіоръ ѣлъ вутычку,
Паручикъ-галубчикъ
Кушалъ рябчика са мной».
—Ты скажи, мыя Марусенька,
Не утой, мыя душенька:
А идѣ жъ у тябе спали гости безъ мяне?
—«Генералъ спалъ въ спаленкѣ съ мамушкый,
Маіоръ спалъ на кравагушкѣ съ нянюшкый,
Паручикъ - галубчикъ спалъ въ спаленки са мной».
—Ты скажи, мыя Марусенька,
Не утой, мыя душенька,
А што тябѣ дали гости безъ мяне!
—Генералъ далъ цалковый,
Маіоръ далъ палтинникъ,
Паручикъ-галубчикъ
Далъ семнадцать залатыхъ.

(Тамъ же).

30 а).

Смерть Марьяны, отказавшейся любить офицера.

Якъ пашла наша Марьяна
Ина ў мѣлъ по муку,
Афицеръ яе за руку:
—«А ти будешъ ты, Марьяна,
Афицера любить?»
Я любить не люблю,
Атказатца не магу.
Якъ ударилъ Марьянушку
Па бѣлыму плячу,
Па румяныму лицу.
Не хатѣла Марьянушка
Ахвицера любить,
Захатѣла Марьянушка
Жалты пески сапалнить.
А ў ва ўси званы бьють,
Какъ Марьянушку нясуть;
А ў ва ўси званы званять,
Какъ Марьяну харанять.
Палажили яé ў грабокъ,
Паставили у пясокъ,
Пратянули голосокъ.

(Тамъ-же).

30 б).

На прикраси на такой
Стаить хвабричикъ навой,
А у томъ жа ў хвабрику,
Хвабричныя мастера;
Яны воють, гывырять,
Всё хызяина бранять:
—«Прыпади жъ то, нашъ хызяинъ,
И зъ заводыми сваими,
Са тываркмъ сы гнилымъ!»
Ящe воють, гывырять
Пры Калувьскыга купца;
А ў Калузьскыга купца
Была дочка харыша,
Свѣтъ Марьянушка душа.
Какъ пашла наша Марьяна
Въ мѣлъ пу муку,
А афицеръ яе за руку:
—«Ты скажи, Марьяна,
Скажи, душинька мыя,
А ти любишъ ты мяне?»
—Ни люблю жъ я тябе,
Ни пайду за тябе!

(Тамъ же).

31.

Проза жизни. Различныя хозяйскія дѣла и мелочи мѣшаютъ бабѣ въ церковь сходить въ воскресный день.

Дѣла кишить,
Бураки нада крышить,
А тутъ къ абѣдни звонють,
А тутъ стáтэкъ на пóля гонють,
А тутъ лапыть растаптаўся,
А тутъ и дитёныкъ умараўся.

(Тамъ-же).

32.

(С. Даньково, Смол. у.).

Женщина отъ семейныхъ заботъ бѣжитъ въ келейную спасаться за свои грѣхи.

Я ў гори нарадилася,
Я сы горюшка замужъ вышла;
Я жъ думыла, што горя паменшіить,
Ажно горюшка паболила:
Накасались дробныя дѣтушки,
Дробны дѣтушки, ўсё дѣвушки.
— «Ужъ вы, братцы мае родныя,
Вы пастройти-тка мнѣ келенку
Сиряди Масквы, на площади,
Куды купцы сабираютца,
Куды паны саижжаютца,
Маей келенки ўдивляютца:
—«Ахъ, и што жъ ета за келенка,
Ахъ, и што жъ ета за манашенка,
Што малодая спасаитца,—
За чае гряхи спасаитца:
Ти за батькины, ти за маткины,
Ти за свае гряхи тяжкія?»
Ни за батькинъ грѣхъ, ни за маткинъ,
А за свае гряхи тяжкіе.

(Отъ кр-ки Матрены Антоненковой).

33.

(С. Радошково, Ельн. у.).

Обида на хозяйку.

Охъ, и наша хазяюшка
Добринька была:
Наварила гарщокъ каши,
А намъ ни дала;
Паставила на припечку,
Муха разлила;
Охъ, и за то ина разлила,
Што намъ ни дала.

34.

(С. Даньково, Смол. у.).

Разгульные ребята идутъ въ Москву къ цѣловальнику кутить.

Тякеть рѣчка пу пяску,
А ў матушку у Маскву,
Къ намъ!
У матушку у Маскву,
Ки паштовыму двару,
Къ имъ!
На паштовымъ на дварѣ
Тамъ рибята хараши—
Яны.
Тамъ рибяты хараши,
Вочинь мудриныя,
Да!

Вочинь мудриныя,
Кудри путриныя
У ихъ.
А на то яны пудрили,
Штобы дѣвушки любили
Ихъ;
Штобы дѣвушки любили,
Маладухи пачитали
Ихъ.
Сабярёмтися да кучи,
И пайдёмтя ўси ў кабакъ—
Мы.
— «Цулуванникъ маладой,
Атваряй кабакъ новой
Намъ!»
Цулуванника па вуху,
Цулуванницу па брюху
Мы.

(Отъ кр. Матрены Антоненковой).

35.

Дѣвица на сѣнокосѣ.

Вохъ, да што на томъ баку ряки
Стаить жарыкъ, жарыкъ синакосъ.
Вохъ, да красна дѣвица, дѣвица
душа!
Вохъ, да притупилыся яе,
Яе вострыя, вострыя кыса,
Вохъ, да растрипалыся, растрипалыся,
Яе русыя, русыя кыса.

(Тамъ-же).

36.

Уходъ за льномъ, обработка его.

Какъ палола Ульяница лянокъ,
Какъ палола Сяргѣеўна лянокъ,
Ина палола, пригаваривала,
Чаботами прикалачивала:
—«Ты удайся, удайся, лянокъ,
Ты удайся, лянокъ бѣлинькій!
Какъ слала Ульяница лянокъ,
Какъ слала Сяргѣеўна лянокъ,
Ина слала, пригаваривала,
Чаботами прикалачивала:
—«Ты удайся, удайся, лянокъ»,
и т. д.
Ну, какъ мяла Ульяница лянокъ,
Ну, какъ мяла Сяргѣеўна лянокъ,
и т. д.
Ну, какъ пряла Ульяница лянокъ,
и т. д.
Ну, какъ матала Ульяница лянокъ,
и т. д.
Ну, какъ снувала Ульяница лянокъ,
и т. д.

37.

(Дунаево, Бѣльск. у.).

Спѣшная и дружная деревенская работа въ страдную лѣтнюю пору. Мать посылаетъ сына жито жать. Сынъ порѣзалъ руку серпомъ, а сударушка платкомъ завязала ему рану.

Што за скука, што за забота,
Дирявенская работа!
Друхъ пирядъ дружкый яны тарапятца,
Штоба съ полюшка паскарѣй
убратца,
Штоба тучи ни хадили,
Частымъ дождимъ ни мачили,
Всё да й бальшимъ дожжимъ.
Пасылаитъ Ванюшу мати
Иравова жита жати.
Ни хатѣлась Ваньки йдить,—

Пашолъ Ванюшка нивесилъ,
Буйну голаву дружокъ павѣсилъ,
Самъ пичаленъ, хлапатёнъ;
Онъ ишолъ, тарапился,
Сиредъ нивы станавился,
Ня ўспѣлъ Ванька снопъ жита нажати,
Сярпомъ ручку Ваня абризати—
Пралила ручьёмъ кроў.
Сударушка увидала,
Громкимъ голысымъ вскричала:
—«Падыйди, дружокъ, сюда!»
Платкомъ ручку Ваньки завизала,
Штоба кроў ни бижала,
Свайво лица ў дружка ни зминяла
У сирдешныва ў маиво.

38.

(С. Даньково, Смол. у.).

Попъ отыскиваетъ попадью; она не хочетъ любить бородатаго.

Ня вырыстить луччи либида,
Ня будить краши пупыдьдя.
Попъ мыладыхъ винчаить,
Паподьдюшка па вулицы гуляить.
О звинчаўши попъ младыхъ,
Іонъ скора дамой пубижаў,
Паподьдюшки дома ни напаў.
Надиваить шурокую рясу,
Идёть шукать паподьдюшку нашу;
Па вулицы кудрими махаить,
Съ кимъ стрѣнитца, паподьдю пытаить.
Шукаў, шукаў паподьдюшку, ни напаў,
Зачапиўся рукавами, ды й упаў.
—«Штобъ тябе, паподьдюшка, чортъ узяў:
За табою ўси рукавы пупырваў.
Брошу я паподьдюшку искати,—
Пайду луччи ляжу на печъ спати».
Прибигаить паподьдюшка у начи,
О попъ ляжить якъ кожаный на пячи.
—Устань, попъ: я на тябе пагляжу,
Падумаю я на тябе—разсмяюсь:
А у тябе шурокая барада,
Пущай тябе чортъ любить, а ни я.

39.

(Д. Шимановка, Росл. у.).

Похожденія дурня.

Якъ пашоў жа дуринь,
Якъ пашоў жа валинь
А ўдоль па дарожки,
А ўдоль пу шурокій;
Якъ зайшоў жа дуринь
На папова гумно.
Паповы рибяты
Гарохъ мылатили;
Я жъ имъ скызаў:
—«Дай жа вамъ, Божа,
На сорыкъ пысадыў,
Ды на сорыкъ зярёнъ!»

Ай, тамъ дурня били,
Ай, тамъ дурня вылачили.
Якъ пашоў жа дуринь,
Якъ пашоў жа валинь
Ки матушки Лиси,
Къ сястрѣ Василиси.
—А, матушка Лиса,
Систра Василиса,
Тамъ мяне били,
Тамъ мяне вылачили!
—«За што жъ тябе били,
За што вылачили?»
—Я й ишоў пы дарожки,
Я й ишоў пы шурокій,
Зайшоў жа я ны папова гумно.
Паповы рибяты гарохъ мылатили,
А я жъ имъ скызаў:
—«Дай жа вамъ, Божа,
На сорыкъ пысадыў,
Ды па сорыкъ зярёнъ!»
—Мала тябе били,
Мала тябе вылачили.
Ты жъ ба имъ скызаў:
—Дай жа вамъ, Божа,
Ды па сорыкъ пысадыў
Ды па сорыкъ читвяртей;
Насить ба вамъ—ни знасить,
Вазить ба вамъ—ни звазить!
Якъ пашоў жа дуринь,
Якъ пашоў жа валинь,
А ўдоль пы дарожки,
А ўдоль пы шурокій.
На сустрѣчу къ дурню,
Ды вязуть хаўтуры.
Я жъ имъ скызаў:
—«Дай жа вамъ, Божа,
Насить ба вамъ—ни знасить,
Вазить ба вамъ—ни звазить!»
Тамъ дурня били,
Тамъ дурня вылачили.
Якъ пашоў жа дуринь,
Якъ пашоў жа валинь
Къ матушки Лиси,
Къ сястрѣ Василиси.
—«А, матушка Лиса,
Систра Василиса,
Тамъ мяне били,
Тамъ мяне валачили».
—За што тябе били,
За што тябе вылачили?
—«Я йшоў пы дарожки,
Я йшоў пу шурокій.
На сустрѣчу ка мнѣ
Ды вязли хаўтуры,
Я жъ имъ скызаў:
—Дай жа вамъ, Божа,
Насить—ни знасить,
Вазить—ни звазить!»
—Мала тябе били
Мала тябе вылачили.
Ты жъ ба имъ скызаў:
Дай жа вамъ, Божа,
Вѣшная памить,
Вѣшный пакой!
Якъ пашоў жа дуринь,
Якъ пашоў жа валинь,
Да ўдоль пы дароги,
Да ўдоль па шурокій;
На сустрѣчу къ дурню,
На сустрѣчу къ вальню,
Да ѣдить сватьба.
Я жъ имъ скызаў:
—«Дай жа вамъ, Божа,
Вѣшныя памить,
Вѣшный пакой!»
Тамъ дурня били,
Тамъ яго вылачили.
Якъ пашоў жа дуринь,
Якъ пашоў жа валинь
Къ матушки Лиси, и т. д.
—Мала тябе били,
Мала тябе вылачили.
Ты жъ ба имъ скызаў:
—Дай жа вамъ, Божа,
На любоў, на савѣтъ,
Да на доўгій вѣкъ!
Якъ пашоў жа дуринь,
Якъ пашоў жа валинь,
А ўдоль пы дарожки,
А ўдоль пу шурокій.
На сустрѣчу къ дурню
На сустрѣчу къ вальню,
Сыбаччая свадьба.
Я жъ имъ скызаў:
—«Дай жа вамъ, Божа,
На любоў, на савѣтъ, 2

Да на доўгій вѣкъ!»
Й а й тамъ дурня грызли,
Й а й тамъ вылачили.
Якъ пашоў жа дуринь,
Якъ пашоў жа валинь
Къ матушки Лиси,
Къ сястрѣ Василиси, и т. д.
—Мала тябе грызли,
Мала тябе вылачили.
Ты жъ ба имъ скызаў:
—Бяги, бѣсъ, стыраною,
Няси хвостъ кычарьгою!
Якъ пашоў жа дуринь, и т. д.
На сустрѣчу къ вальню
Да ѣдить архирей;
Я жъ яму сказаў:
—«Бяги, бѣсъ, стараною,
Няси хвостъ качарьгою!»
Тамъ дурня били, и т. д.
Мала тябе били,
Мала тябе валачили.
Ты жъ ба сказаў:
—А, батюшка архирей,
Благаславляй паскарѣй!
Якъ пашоў жа дуринь, и т. д.
Ды идеть мядвѣдь.
Я жъ яму сказаў:
—А, батюшка архирей,
Благаславляй паскарѣй!
Якъ пашоў жа благаславлять,
Такъ и кости храпотять.
Тамъ яму, дурню, и аминъ.

(Отъ Катерины Ивановны Рыбаковой).

40 а).

(С. Свалы, Смол. у.).

Птичья свадьба.

На̀ мари синичка ня пышна была,
Ня пышна была, да пива варивала;
Охъ, и старый сычъ пивуварымъ былъ,
Старая варона кахуварычкыю.
Дай жа намъ Богъ пива выварити, } 2
Охъ, и пива выварити, вино выкурити! }
Зазвали жъ то усихъ пташичикъ,
Совушка й увдовушка низваная пришла.
Сѣла ўдава да па канецъ стыла,
Сѣла жъ, надулася, да разгнѣвалася.
Стали жъ яны да прамежъ сабой гаварить:
—«Што жъ ты, снигерюшка, ня женистя?»
—Радъ ба жъ я жаниўся, да мнѣ некыго узять:
Взяў ба варону,—даўганоса;
Взяў ба сароку,—щикатлива;
Взяў ба я синичку,—сястричка мыя;
Взяў ба вырабейку,—родна дядинка;
Взяў ба чачотку,—то тётка мыя!
А есть на мори пиряпёлычка,—
Тую люблю, за сябе вазьму!

(Отъ старухи Домны Мирёновой).

40 б).

(Могилевская губ., Мстисл. у.).

За̀ моримъ синичка ня пышна жила,
Ни пышна жила, пива варивала:
Солыду ина ў займы ўзяла;

Чорный дроздъ пиваварымъ быў,
Сизый арёлъ винакурымъ быў.
Дай жа намъ, Божа, намъ пива зварить,
Намъ пива зварить и вина накурить!
Сазавёмъ гастей—мелкихъ пташичикъ.
Совушка ўдовушка низваная пришла.
Цо снигирюшка па сѣнюшкымъ пахаживаеть,
Совушкѣ галовушку паглаживаеть.
Стали пташки миэъ сабою гаварить:
—Што жа ты, снигирюшка, ни женисься,
На каго, снигирюшка, надѣисься?
Радъ ба я жанитца, да некыга ўзять:
Узяў ба я чачотку,—то тётка мая,
Узяў ба я пирнатку,—то мать мыя,
Узяў ба я сароку,—щибятливая ина,
Узяў ба я варону,—карчаногій чортъ.
Іость за моримъ пиряпёлычка—
То ни тётушка, ни матушка мнѣ,—
Тую люблю, за сябе вазьму.

41.

(С. Сухой Починокъ, Ельн. у.).

Сова.

Сава ль мыя, совынька,
Зарѣцкая баранька,
Гарацка́ княгинька!
Хто жъ маю совыньку,
Хто маю барыньку
Спазнаить?
Въ тёмнымъ лѣсищи,
Въ старымъ дубищи,
Стали засватати
За луня сиза,
За милыга друга.
Лунь жа мой сизый,
Друхъ жа мой милый,
Сабирай-ка жъ ты
Два суды вуѣзда,
Два губернскыхъ,
Третій Смаленскій!
Жорывъ маіорымъ,
Детелъ засѣдатель,
Канюкъ губернатыръ.
Стали величати,
Пу батюшки вызывать,
Большига брата
Савиныга свата;
На стулъ сажають,
Пу батюшки величають.
Сава ни ўзлюбила,
Палятѣла ина дамой,
Прилетала ки двару,
Садилася на калу,
Павѣсила галаву
На правую старану.
Щипянуўси-тка
Лунь жа мой сизый,
Друхъ жа мой милый,
Саву даганять:
Семъ каравёныкъ,
Восемъ лашадёныкъ,
Дивятый жа воликъ,
Салавей кучиръ,
Вирябей хвалетаръ;
Преизжають ки двару,
Ки савиныму калу.
Сядить сава на калу,
Павѣсивши галаву;
Какъ расплакалась,
Разжалилась
Свайму сизыму луню,
Свайму милыму другу:
—Лунь жа мой сизый,

Друхъ жа мой милый,
Што жъ то за люди,
Што жъ то за татары:
Носики вастреньки,
Крылушки быстреньки,
Глазы касыи,
Ноги кривыи,
Чортыва рожа,
Глядѣть нипригожа?
—Сава ль мыя, совынька,
Зарѣцкая барынька,
Гарацка княгинька,
То жъ то не люди,
То жъ то не татары,—
Всё маи христьяне,
Всё работнички:
За мырамъ бывали,
Шилымъ сѣна касили,
Далатомъ дровы рубили,
У стаги митали,
Дамой прилитали.
Волъ вадавощикъ,
Конюхъ пирявощикъ,
Синичка—вярбичка,
Жаўна—мастяричка,
Сарока—скакуха,
Варона—стряпуха,
Ворынъ—поваръ,
По двару ходить,
Курей сабираить,
Вужинъ гатовить:
Муху на юху,
Камаръ на закуску.
Полъ затрясетца,
Сава засмяетца,
Расплакалась,
Раскудахталась
Свайму сизыму луню:
—Али я бязрукая,
Али я базногая,
Али я бяз....я
Али я бяз...дая?

41.

(С. Сухой Починокъ, Ельн. у.).

Птицы на Руси.

Есть на свѣти гусь-вертагузъ. По мырю ўсплаваить, самъ себѣ разсуждаить:—«Што я есть у Бога за птица? хатя па вадамъ усплаваю, а Бога въ глаза не видаю». Есть птица жаваронычикъ,—прилетаить, и давай етыга гуся ругать:—«Ахъ, ты, гусь-вертагузъ, я рана вставаю и зори выпиваю, и то Бога въ глаза не видаю».—Есть птица перепилъ, прилетаить и ругаитъ жаваронычка:—«Жаваронычикъ, дурной ты, страмной, худая твая задница: я раньше тебе встаю и у господъ па комнатамъ летаю».—Есть птица сарока, прилетѣла здалёка и гаварить:—Чаво, каво, каторая? я у Бога была, я съ нимъ гаварила, и знаю, каму мука, каму рай.—Есть птица сокылъ. Началъ ругать сароку:—«Щеколдычка ты, шельмовычка, смѣишъ ли ты арловскимъ именимъ выхвалятца?»—Есть птица ворынъ, скувалъ сароку съ сокылымъ, и связалъ, и атправилъ въ село Травкина Муравкина, по-русску въ балота, и сѣдить на саснѣ арёлъ, кричить:—«Приварачивайтись сюды: я разсужу!»—Грозна на нихъ вскидывался и скора взмилавался, пустилъ ихъ; анѣ палетѣли, висока ваввились, низка пакланились,—кады што дварянскыва чина дабились. Есть птица квакуха-насѣда, по-русску курица, сачинила на хазяйку просьбу. Прилетаить къ арлу:—«Батюшка царь арёлъ, разсудите мене съ сукиный дочерью, съ хазяйкый: всё мене журить и бранить, гаварить на мене:—Кышъ, раставщиха, кышъ, разариха, кышъ

ширакабѣдница!» Есть птица галубокъ и гаварить:—«Батюшка царь арёлъ, какъ ее ни бранить и какъ ни журить?! снесеть ина тридцать яицъ и выведить тридцать циплёнкыў; хазяйка сохни и бали, все за ними хади! хазяйка пасѣить рѣпки и марковки, а ина роить да капаить, да еще етимъ давольна не астаетца, и на чужой агародъ забяретца, а черезъ ета бываить шумъ, крикъ, драка—нихарашо». Есть птица варона, сочинила просьбу на варабья:—«Батюшка царь арёлъ, разсуди мене съ с. сыньмъ, съ варабьемъ: избилъ мене, дыханіе закладаить!» Арёлъ весьма асерчалъ, крикнулъ громка:—«Варабей, пади сюда!» Варабей падбѣжалъ, сталъ пряма, и картузъ скинулъ, и гаварить:—«Чаво изволите, царь арёлъ?» Гаварить арёлъ: —«Ты за што, братицъ, варону такъ избилъ и искалатилъ, што ее дыханье закладаить?» Варабей гаварить:—«Батюшка царь арелъ, какъ её не бить и какъ ее, дуру, ни калатить? Мужичекъ встаёть рана, бѣжить—тарапйтца, я ржичку выстилать-малатить баитца; а ина сѣла на калу и распущаить сваю глатавню, кричить: либа будить дождь, либа будить мятель,—такъ у мужичка и праходить весь день, а гумно было ни накрыта!» Есть птица цапля, прилетаить къ арлу и гаварить:—«Батюшка царь арёлъ, налажи на мяне питинью: я прагрѣшила!» Арелъ спрашиваить:—«А именна чѣмъ жа?» —А во время полый воды, вясною, мужички становять ерши, рыбу ловить, а я прилячу и большую рыбу прочъ атганю,—ета мине и мучить.—Есть птица галычка, манашинка, давай ету цаплю ругать: —«Долгіе тваи ноги, ахъ, ты, синебутылыя, ахъ, ты, хадакастая, ты ище на калаколинки не сиживала, Гасподнива колыкыла не слыхывала, а хочишъ въ манашенки паступить?! Вотъ я, галычка-манашенка, на калаколинки сиживала, и Гасподній колыкылъ слыхывала, а Бога въ глаза не видавала.—Въ Навалачковскомъ большомъ бару жила-была горькая какушичка, свела себѣ на дубу гнѣздышка, снесла два яичка и вывила двухъ дитёнычкыў; прилетѣла къ ней варона Филиппьевна, двухъ дитенычкыў яе зарѣзала и два съ палтиный узила. Палетѣла горькая какушичка къ царю арлу и грачу прикащику, и гаварить:—«Батюшка царь арёлъ, ни прикажитя, царь арёлъ, вароны Филиппъивны такъ непакойна въ лясу праживать и насъ мелкыхъ пташекъ абижать! я свела себѣ на дубу гнѣздычка, и снисла два яичка, и вывила двухъ дитенычкыў; а варона Филиппъивна ихъ зарѣзала и прадала, два съ палтинай узила!» Царь арелъ и грачъ прикащикъ весьма асердилися, сабрали лехкыхъ варабьёў и сносныхъ курупатыкъ, а паслали пу варону Филиппъивну. Прилитають лехкые варабьи и сносныи курупатки къ вароны Филиппъевны, гаварять:—«Варона Филиппъивна, царь арелъ и грачъ прикащикъ спрашивають тебе на глаза къ себѣ». Ана гаварить имъ: —Чаго, чаго?—«Ни павѣстилъ насъ абъ етимъ, а приказалъ, штобъ ты сичасъ явилась». Прилетѣла варона Филиппъивна къ царю арлу и грачу прикащику, и гаварить:—«Здаровъ, здаровъ!» Гаварить ей царь арелъ:—«Ты што жъ, варона Филиппъивна, въ лѣсу нипакойна праживаешъ и мелкыхъ птичекъ абижаешъ?!»—Нипpавда, Нипpавда!—А тетеревъ глушакъ, въ брушнички сѣдючи, гаварить:—

«Ана варона плутовка, варона шальмовка: по пылю литаить и снапы разбиваить; куры нясутца, ана яйцы таскаеть и старухъ на смѣхъ падымаеть!» Ина гаварить на него:—Глушакъ, глушакъ!.. И разсудилъ царь арёлъ и грачъ прикащикъ вывести варону въ чистыя поля, вывести яе въ поля, палажить на баразну и паднять сарафанъ на галаву и атпустить ей 25 ударовъ.

(Отъ Фёдора Макѣева).

XXIII. ПѢСНИ МОЛОДЕЦКІЯ, ЧУМАЦКІЯ.

1 а).

(С. Даньково, Смол. у.).

Добрый молодецъ, умирая на чужбинѣ, посылаетъ коня къ отцу съ матерью. Въ головахъ убитаго—мать сыра земля, подъ бокомъ—полынь горькая трава, напрятка—темная ноченька, водица—росица, полотенце—кленовый листокъ.

Ужъ ты, поля маё, поля чистыя,
Ничаво жъ ты ни спародила:
Зарадила поля частъ ракитывый кустъ.
Што на кустику сизъ арёлъ сядить;
Падъ кустомъ жа малодый салдатъ,
Малодый салдатъ—палковый сиржантъ;
Іонъ убитый ляжить, весь изранитый,
Въ галавахъ-то яго знаменца царьская,
Одли боку яво шабля вострыя,
Што ў нагахъ у яго конь варонинькій.
А съ канёмъ гаварить сваими рѣчими:
—«Ужъ ты, конь мой, конь, конь таварышъ мой.
Ты бяжи-тка, мой конь, къ атцу, къ матушки,
Ты скажи-ка, мой конь, атцу-матушки:
—«Атецъ-матушка, ажанитца хачу!
Ажанила мяне куля быстрая
Куля быстрая, сабля вострая;
Што ў галавахъ у мяне мать сыра зимля.
Што падъ бокымъ мяне палынъ горька трава,
Што напрятка ў мяне тёмна ночинька,
Што вадица ў мяне то расица,
Што палатенца ў мяне—то кляновый листокъ»

1 б).

(С. Алексино, Смол. у.).

Уподобленіе смерти женитьбѣ: оженился казакъ на чужбинѣ; свашечки—пташечки, дружки—зеленые лужки, попы—черны вороны, жена—мать сыра земля, квартира—желтый песокъ, одѣяло—шелкова трава.

Ужъ ты, поля маё, поля чистыя,
Ничаво поля ни спародила,
Урадила поля часть ракитлывый кустъ;
А на томъ жа кустѣ сизъ арёлъ сядить,
Сизъ арёлъ сядить, даляко глядить;
А падъ тымъ жа кустомъ салдатъ ўбитый ляжить,
Салдатъ убитый ляжитъ, а увесь ранитый,
Подли боку ў яго востра шабилька,
А ў бялыхъ у нагахъ конь варонинькой,
Конь варониньвой, конь малодинькой.
—«Ты бяги-тка, мой конь, у маю сторану,
Ты няси-тка паклонъ майму батюшки,
Майму батюшки, сваей матушки,—
Ни кажи жъ ты, мой конь, што я ўбитый ляжу,
А скажи жъ ты, мой конь, што я добръ-здароў,
Ды я жаниўся:
Вольны пташички—мае свашички,
А дружки мае—чорны вораны;
А жина й мыя—мать сырая зимля;
А квартера мыя—жаўтэй пясокъ;
Адіяла мае—шилкава трава».

(Отъ старухи Акулины Гаврильевой).

1 в).

(С. Николо-Ядреичъ, Дух. у.).

Вѣтка калинки, пущенная на Дунай-рѣку, извѣщаетъ родителей о смерти казака. Изголовье его—круты бережки, одѣяло—темная ночь, сваты—черные вороны, дружочки—соколочки, свашечки—пташечки.

Кала рѣчки хажу,
Да калинку ламлю;
Зламлю калинку
Па самыю сукалинку,
Пущу калинку
На Дунай-рѣку:
—Ни гавари, калинка,
Што я залиўся,
А скажи, калинка,
Што я жаниўся:
Была жонычка
Тёмная ночинька;
Была пастеля
Сырая земля;
Было ўзгалоўя
Крутыя бирижка;
Была адіяла
Тёмная ночъ;
Были сватоўя
Съ поля гракоўя;
Были дружочки
Съ вѣтру сакалочки;
Были свашички
Съ лѣсу пташички.

1 г).

(С. Даньково, Смол. у.).

Казакъ камышъ-траву рвалъ, коня кормилъ, перевязывалъ свои раны, коня домой отсылалъ съ вѣстью о смерти. Уподобленіе смерти женитьбѣ.

За Кубаю за ракой
Тамъ казакъ гуляў,
Іонъ гуляў-гуляў,
Іонъ прагуливаўся,
Камышъ травушку ирваў,
Іонъ каню паткладаў,
Іонъ каня гадуваў,
Іонъ бальшой аганёкъ
Іонъ раскладавалъ,
Свае больныя раны
Пиривязавалъ:
—«Охъ, вы, раны мае,
Раны больныя,
Охъ, вы, раны мае,
Вы тяжолыя,
Раны кроўю пасашли,
Близка къ смерти падышли.
—Охъ, ты, конь, ты, мой конь,
Конь варонинькій,
Идѣ твой хазяинъ
Ну малоденькій?
—«За Кубаю за ракой,
Ажанился на другой:
Ажанила молайца
Чужа дальня старана,
Куля быстрая,
Шабля вострая».

1 д).

У чистымъ поли при ў далини
Пасётъ казакъ варонага каня;
Стаў съ шабельки агонь крысать,
Агонь крымсать, раскладавать,
Раны свае перевяртывать:
—«Раны мае парубаны,
Парубаны, кровью зайшли,
Кровью зайшли, къ грудямъ пришли.
Конь ты мой, конь вароненькій,
Ты бяжи, конь, дарогыю,
Дарогыю широкыю,
Широкыю, биржáвскую,
Салдатскыю, аршавскую,—
Прибѣжай, конь, ки варотикамъ,
А ударь, кóня, капытикымъ,—
Ни спужай, коня, старый бабы:
Старая баба—то мать мыя;
Ни скажи жъ, коникъ, што я ўбитъ ляжу,—
Скажи, коня, што царю служу:
Выслужиў сабѣ паненычку—
У чистымъ поли магилычку!» (Тамъ же).

1 е).

(С. Шаталово и с. Даньково, Смол. у.).

Умирающій казакъ отсылаетъ коня на родину, къ женѣ своей: хочетъ она, пусть вдовою живетъ; хочетъ, пусть замужъ идетъ.

За Дунаимъ за ракой
Тамъ казачинька гуляў,
Іонъ гуляў, іонъ гуляў,
Іонъ разгуливаўся,

Іонъ малёшинькій
Агонюшикъ раскладывалъ,
Свае больныя
Раны пирявёртывалъ.
Яны кроўю сыйшли,
Близка къ серцу падышли.
—«Охъ, ты, коня мой, коня,
Конь вароный мой,
Ты бяжи-тка, мой коня,
На дарожкѣ сталбавой,
Ты няси-тка паклонъ
Атцу-матушки радной,
Маладой жа жанѣ
На-двыяки скажи:
Хочешъ—такъ паживи,
Хочешъ—замужъ иди!»
На сустрѣчу къ каню
Размалодая жина:
—«Ужъ ты, коня мой, конь,
Конь вароный мой,
Скажи ты, мой конь,
Гдѣ казакъ маладой!»
—За Дунаимъ за рякой
Ажаниўся на другой;
Ажанила яго
Куля быстрая, 2
Сабля вострая, 2
Поля чистыя.

1 ж).

(С. Хохлово, Смол. у.).

Смерть молодца на полѣ битвы. Оженился на другой: сваха—острая сабля; жосткая пуля" прошла около сердца, словно лютая змѣя.

Вьетца, вьетца чорный ворынъ.
Сяць, падумай, чорный ворынъ,
Абъ радинушки свасй.
Напишу я письмо крававыя,
Сашѣ й Машиньки пашлю,
Пущай Маша ўстанеть, прачитаить,
Што ня буду я дамой,
Ажаниўся на другой,
Взяў сабѣ нявѣсту—
Въ чистымъ поли магилычку;
Была ў мяне сваха
Вострая шабля—
Йна звинѣла харашо;
Пуля жосткая, раскалена,
Пранзила грудь маю,—
Прашла пуля кала майго сердца,
Слова лютая змѣя,—
Сакрушила мяне, малайца.

1 з).

(С. Каблуково, Красн. у.).

Молодецъ, умирая, пишетъ своей кровью письмо матери и женѣ: оженила его дальняя сторона, приданое дали зеленые луга.

Ускричаўся чорный ворынъ
Надъ маей буйный галавой,
Упаяў іонъ свае востры когти
У маю буйну галаву.
Завяжу я сваю буйну галаву
Сваимъ дареныхъ платкомъ,
Напишу я сваей свѣжей кроўю
Сваей матушки паклонъ,
Й-а сваей жанѣ-супругѣ
Я славесна разскажу:
—«Ты, жана мая, супруга,
Я тяперича ня твой,—
Ажаниўся на другой:
Ажанила малайца
Чужа дальня старана,
А приданая дали
Усё зялёныя луга».

2.

(С. Радошково, Ельн. у.).

Раненый молодецъ выздоравливаетъ послѣ тяжелой болѣзни и возвращается на родину, но не застаетъ никого дома: родители померли, жена замужъ вышла, дѣти, горькія сироты, разбрелись по міру.

А за лѣсымъ, братцы, за лясочкымъ,
Да тамъ агонюшикъ, братцы, гарить,
О ли тога да ли агонышка
Сѣрый войлычикъ, братцы, ляжить,
А на томъ жа да на войлычку
Добрый молыдицъ, братцы, ляжить.
Прихадили къ молайцу тавариши,
Два тавариши—братцы радныя.
—Ты, таваришъ, братицъ нашъ радной,
Ты пайдёмъ-ка ты зъ нами дамой!
—«Вы, тавариши, браты радныя,
Ни пайду я съ вами дамой!
Атцу съ матерью маимъ скажитя:
Пущай яны мяне пуминають;
А жанѣ маей, братцы, скажитя:
Засталася ина ўдавою;
Дробнымъ дѣтушкамъ маимъ скажитя:
Засталися яны сиратами».
Чиризъ девить гадоў на дисятый
Аздараўливать мальчишечка стаў.
А ўси думы пирядумаў,
Какъ дворычку молыйцу прибыть.
Пришоў молыдицъ што двору—
Дома нѣту, нѣту никаво:
Атецъ зъ матерью маи памёрли,
Жана замужъ, замужъ увыйшла,
Дробны дѣти, горькія сироты,
Дѣти по міру наши пашли.

3.

(С. Даньково, Смол. у.).

Добрый молодецъ убитый лежитъ въ дубровѣ: черезъ его ноги дорога прошла, сквозь ушей змѣя шипитъ, черезъ глаза рѣка течетъ, сквозь зубы цвѣты цвѣтутъ.

Што ў дубровушки стучить-грючить,
Што ў зялёненькый стучить-грючить?
Добрый молыдицъ пахаживаить
И ў дубровушки папытываить:
—«Ты скажи, скажи, дубровушка,
Ты скажи, скажи, зялёная:

Ахъ, идѣ жъ мой братъ убитъ ляжить?»
—А ни спрашивай, добрый молодецъ!
Ахъ, и твой жа братъ убитъ ляжить:
Тирязъ ноженьки дароженька,
А скрозь ушухны змія сипить,
А скрозь глазыхны рика тякёть,
А скрозь зубыньки твяты твитуть.

4.

Казацкая могила въ зеленой дубровѣ.

—Охъ, ты, дуброва, дубровушка, да ты зелиная.
Охъ, охъ, и чимъ ты, дубровушка, украшина?
—«Охъ, и тымъ гальёмъ, зилянымъ дубьёмъ, украшина,
Охъ, укращина дубровушка курганчикомъ».(Тамъ же).
(Отъ Тимофея Григорьева Михалёва).

5 а).

Дубровушка даетъ молодцу ночной пріютъ: постель—шелкова трава, изголовье--коренья, одѣяло—темная ночь.

Якъ прасиўся добрый молыдицъ
У дубровушки на нычъ:
—Ты пусти, пусти, дубровушка,
Да й ночъ начувати!
—«Начуй, начуй, добрый молыдицъ,
Начуй сыпакоинъ!
А во табѣ, добрый молыдицъ,
Мяккая пастелюшка шаўковая травушка;
А во табѣ, добрый молыдицъ,
Сырая кареньника ў въ изгалоўица;
А во табѣ, добрый молыдицъ,
Адіялица—дый тёмная ночка!
Начуй, начуй, добрый молыдицъ,
Начуй сыўпакоинъ!» (Тамъ же, отъ того же).

5 б).

(Д. Слобода. Смол. у.).

Ночлегъ молодца въ зеленой дубровѣ: мягкая постелька—сырая земелька, изголовье—гнилая колода, одѣяло—бѣлая пороша, платочекъ—кленовый листочекъ, побудочка—сѣрая зязюля, засвѣточка—ясныя звѣзды.

Пабита, сталочина шаўковая траўка.
Каба хто жъ тую травушку пабиў, паталачиў?
Пабиў траўку, сталачиў удалэй малойчикъ.
А прасиўся бѣлъ молыдицъ у дубровы на нычъ:
—«Дубровушка зелиная, пусти начувати?»
—Начуй, начуй, бѣлинькій малойчикъ, ты ў чистинькымъ поли:
А вотъ табѣ мяккыя пастелька—сырая зямелька;

А вотъ табѣ узгалоўя—гнилая калода;
А вотъ табѣ адіяла—бѣлая пароша;
А вотъ табѣ старажочки—сѣрыя ваўчочки;
А вотъ табѣ платочикъ—кляновый листочикъ;
А вотъ табѣ пабудычка—сѣрая зязюля;
А вотъ табѣ засвѣтычка—ясны звѣзды.

(Отъ Пелагеи Демьяновой).

6.

(С. Шоптово, Бѣльск. у.).

Подъ калиною, подъ малиною спитъ добрый молодецъ; передъ нимъ стоятъ слуги вѣрные и будятъ его, увѣдомляя, что на синемъ морѣ корабли плывутъ съ товарами, съ холостыми ребятами.

Падъ калинаю, падъ малинаю,
Ли, ай лели, падъ малинаю,
Тамъ и спалъ-дрималъ добрый молыдицъ.
Пирядъ имъ стыять слуги вѣрныи,
Слуги вѣрныи, пирямѣнныи,
Да пабуживали:
—«Ты жъ устань, праснись, добрый молыдицъ,
Пасматри-ка жъ ты на сине моря:
На синемъ мори карабли плывуть,
Корабли плывуть сы тыварами,
Сы тыварами, сы рибятами,
Сы рибятыми сы халостыми!»

7.

(С. Даньково, Смол. у.).

Не полынь-трава зашаталась, зашатался добрый молодецъ; прощанье молодца съ родомъ-племенемъ предъ смертью на дальней сторонушкѣ, куда завела его хмелинушка, еще красная дѣвчинушка.

За рѣчкаю, за быстрыю,
За крутэю биряжистыю,
Ни палынъ-траўка ў поли зашаталася, 2
Зашатаўся добрый молыдецъ, 2
На варонымъ кани сѣдючи, 2
Сваю старану, старану гледючи. 2
Іонъ не пьянъ сѣдя шатаетца, 2
На ўсѣ сторыны скланяетца, 2
Съ атцомъ, съ матушкый пращаетца: 2
—Пращай, пращай, атецъ-матушка,
Яще пращай, маладая жина, 2
Млада жина, дробныя дѣтушки! 2
Што ни самъ я сюда заѣхаў, 2
Завила мяне хмялинушка, 2
Яще красная дяўчонушка! 2

8.

Добрый молодецъ шатается на сѣдлѣ; дѣвица спрашиваетъ, зачѣмъ онъ пьяно напивается и долой съ коня валится.

Што па полю, полю чистыму,
Па раздольлику широкыму,
Бягить, бягить конь варониньккй.
А на конику сядёлушка,
На сядёлушки струменика,
У струменихъ добрый молыдицъ,
Іонъ ни пьянъ сядить, шатаетца.

Завидила красная дѣвица
Зъ високыга терима:
—Дуринь, добрый молыдицъ,
На што пьяна напиваитца,
Далоў съ коника валяитца,
За струменика хватаетца.

(Тамъ же).

(Отъ Василисы Исаковой).

9.

(С. Радошково, Ельн. у.).

Подъ липкою столикъ: тамъ молодецъ и дѣвица: молодецъ чинитъ узду, дѣвица шьетъ рубаху.

Какъ у поли,
Якъ у поли липинка,
Падъ липкаю столичакъ,
За столикамъ дѣвушка
Шіить кашулю малайцу,—
Ни па малайцў,
Ни па мöлыйцу кашуля.

Какъ у поли,
Какъ у поли липинка,
Падъ липкаю столичакъ,
За столикамъ молыдицъ
Чинить вузду на ворына каня,—
Ни па конику,
Ни па конику вуздахна.

10.

(С. Даньково, Смол. у.).

Молодецъ проситъ дѣвицу подержать его коня при водопоѣ.

А ў нашихъ варотичкахъ
Вазёрушка стыяла;
Дѣвица ваду брала,
Молыдицъ кыня паиў.
—«Дѣвица красавица,
Пыдяржи майго каня,
Коника вароныга,
Груздила залотыя,
Повада шалковая,—

Здалеча привезина,
Дорыга заплочина,
Ванюши падорина!»
—Ужъ ты, Ваня, Ваничка,
Чаму ты ня женисься,
На каго спадѣисься?
—«Надѣюсь на денежки,
Ажанюся на дѣвушки!»

11.

Дѣвица воду брала, поставила ведра и упрекаетъ молодца въ „сухотѣ“ своей: взялъ какъ малинушку, а изсушилъ на былинушку.

Ли калодися, ли стидёныга,
Тамъ паиў добрый молыдицъ каня ворына,
Іонъ паиў, паиў, ды привязываў,

Іонъ привязываў, іонъ приказываў.
Красна дѣвица да ваду брала,
Ваду брала, вёдры ставила:
—«Сухата жъ ты мыя, добрый молыдицъ!
Самъ жа ты ссохъ и мяне ссушилъ.
Охъ, узяў ты мяне, якъ малинушку,
А ссушиў мяне на былинушку». (Тамъ же).

12.

„Вихрь крутитъ горою, морозъ долиною, солдатъ дивчиною". Козакъ отыскиваетъ дѣвицу въ пшеничкѣ, потомъ около кринички, наконецъ въ новой коморѣ.

Саколикъ мой ясный,
Молыдицъ прикрасный,
Ни крути ты мною,
Якъ выхыръ гарою, 2
Марозъ далиною, 2
Салдатъ дяўчиною!
—Матусинька мыя,
Идѣ дочка твыя?
—«Пашла мая дочка
У чистыя поля,
Пшаничаньку жати!»
Казакъ да пшанички,
Тамъ нѣту дявички.
—Матусинька мыя,
Идѣ дочка твыя?
—«Пашла мая дочка,
Пашла да крынички
Студёный вадицы».
—Матусинька мыя,
Идѣ дочка твыя?
—«Пашла мая дочка
У нову камору, 2
Бѣлу ложу слати».
—Ты дѣўка сиротка,
Ня стяли широка,—
Постяли узенька,
Пригарнись близенька,—
Будимъ гаварити,
Якъ на свѣти жити!

(Тамъ же).
(Отъ Матрены Григорьевой).

13.

Въ полѣ три дорожки идутъ розно. Казакъ ходитъ къ дѣвчонкѣ; про него и про нее худая слава. Дѣвица не боится любить, не боится худой славы.— Вдовушка свою дочку била, не на худо учила.—Казакъ молоденькій сломалъ на дѣвушкѣ вѣнокъ золотой.

Эй, у поли три дарожки розна.
Ухъ, ни хади-ка, казакъ, къ дяўчоначки позна,
Ухъ, не хади, маладой, къ дяўчонычки позна:
Ухъ, пра тябе слава, славушка худая.
А я да той славы, славы не баюся,
А съ кимъ я люблюся, сяду, абнимуся;
А и съ кѣмъ я знаюсь, съ тымъ я и вѣнчаюсь.
Ухъ, удовушка сваю дочку била,
Не нахуда учила:
—Ухъ, идѣ ты, шельма, вѣнокъ заламила?
—«Ухъ, на Дану я толька бяльлё мыла,
Ужъ я мыла, валькомъ калатила;
Ухъ, туда ѣхаў казакъ маладенькій,
Заламилъ на мнѣ вянецъ залатенькій!» (Тамъ же).

14.

Дѣвица, боясь худой славы, съ трудомъ соглашается пустить казака къ себѣ на ночь, потомъ полюбила его,—и ужъ не будитъ его трое сутокъ.

Казачинька па вулицѣ ѣздиў,
Малодинькій па вулицы ѣздиў,
Дяўчонычка ў варотыхъ стыяла,
Красавица ў варотыхъ стыяла.
Казачинька прасиўся іонъ на нычъ:
—«Красавица, ли ня пустишъ на нычъ?»
—Кызачинька, баюсь худэй славы,
Малоденькій, баюсь худэй славы!
—«Дяўчонычка, ня бось, ни 'пысайся,
Крысавица, ня бось, ни 'пысайся:
Вароный конь, стоя, ни прастоить,
Младэй казакъ, лежа, ни пралежить!»
Ой, спить казакъ сутки и другея,
На третія казакъ прашнуўся:
—«Дяўчонычка, чаму ни будила,
Красавица, чаму ни будила?»
—Казаченька, вѣрна спылюбила,
Малоденькій, вѣрна спылюбила! (Тамъ же).

15.

(С. Лѣтошники, Росл. у.).

Молодецъ заснулъ подлѣ сырой сосны, проснулся—не стало коня и дѣвицы, его спутницы.

Я ни полемъ ишла, ни другимъ ишла,
Я на третіе узъѣзжаючи,
Началъ сонъ млайца тамить,
И съ нохъ дрима валить.
Какъ паѣду, маладецъ, я ў темный лѣсъ.
У темнымъ лѣсѣ я каня привяжу
Зли дароженьки ки сырэй саснѣ,
А самъ ляжу спать падъ сасною.
Ни сырая сасна раскачалася,—
Ни мине ль, млайца, прабужала?
Ачнулся маладецъ—каня нѣтути;
Нѣтъ ни каня, ни сѣдла, ни тисмовенькій,
Ни тисмовенькій узды, красный дѣвушки души,
Все турчанычки, агличанычки.

16.

(Къ Могилевской губ.).

Чумакъ сѣялъ гречку.—Черноморецъ съ 7-ю конями тонетъ въ Дону и напрасно умоляетъ милую свою спасать его.

Якъ пасѣиў чумакъ гречку,
Сѣиў, сѣиў—ни ўрадила;
Якъ устали шуры-буры,
Чумакову гречку сдули.
Якъ устану я раненька,
Якъ умыюся бяленька,
Прибяруся чапурненька,
Якъ сяду я падъ ваконца,

Противъ жаркага сонца,
Ти ня ўвижу чирнаморца.
Чирнаморицъ, мати, ѣдить,
Сямярыхъ коній вядеть;
Іонъ ѣдить ни да дому,
Іонъ да тихага Дону.
Стаў іонъ коній напувати,
Стала вада прибувати,
Чирнаморицъ патанати,
На рятунку гукати:
—«Рятуй, рятуй, мыя мила,
Кали вѣрна любила!»

—Рада бъ я ритувати,
Кабъ мнѣ коника паднруга,
Ритувала бъ свайго друга;
Кабъ мнѣ лотычка, вясельца,
Ритувала бъ сваё серца.
Плыви, милый, за вадою,
Астаюся я ўдавою;
Плыви, милый, беригами,
Астаюсь я са врагами;
Плыви, милый, рѣчичкыю,
Астаюсь я съ дѣтычками.

17.

(С. Даньково, Смол. у.).

Добрый молодецъ, садясь на ворона коня и прощаясь съ матерью, уронилъ перчаточку; онъ считаетъ это дурнымъ признакомъ, но проситъ мать не горевать заранѣе.

По садику по зялёниньнамъ,
На варонымъ добрымъ конику,
Всё чиркасская сѣдло,
Залатыя струмина,
Позалачина узда,
Шалковыя повада.
Какъ садиўся добрый молыдицъ
На варонага каня,
Ураниў жа добрый молыдицъ
Зъ рукъ пирчатычку далой.
А знать жа мнѣ, добрыму молайцу,
Пирчатычки ни найдить,
Па вѣкъ вѣшный нисчасныму быть,
А знать маей хазюшки

Па вѣкъ салдаткую быть,
А радимый маей маминки
Па вѣкъ плакать и тужить.
Ня тужъ, ни плачъ, мая маминька,
Всё таперичка при мнѣ,—
Наплачисьтя, мая маминька,
Ва ўсю ахоту безъ мене:
Какъ пагонють насъ, добрыхъ молыйцоў,
Да за синія маря,—
Вотъ тагда жъ ты, мая маминька,
Ты патужъ, поплачъ па мнѣ!

18.

(Бочарово, Юхновск. у.).

Садъ зеленый рано цвѣтетъ, осыпается; милый, уходя въ царскую службу, со всѣми прощается, съ дѣвицей ругается; она жалѣетъ его, и остается ему вѣрною до его возвращенія.

Ты, мой садъ, мой садъ,
Садъ зелёненькій, развесёленькій,
Зачѣмъ рана твитишъ, асыпаисьтя?
Далече ль, милый мой, сабираисьтя
У путь, у паходъ, у дароженьку?
Са всѣми, милый мой, распращаисься,
А са мною съ маладою ўсё ругаисься.
Ни ругайся, ни бранись,—скажи: милая, пращай!

Тамъ летѣла пава́ черезъ синіи маря,
Уранила пава́ съ крыла пёрушка.
Мнѣ ни жалка крыла,—жалка пёрушка;
Мнѣ ни жалка мать, атца,—жалка мо́лыдца.
Приступала къ маладцу служба царская.
Служилъ годъ, служилъ два, служилъ три гада,
На четвёртый годъ у пабыўку пришолъ,
Сваю прежнію нашолъ.

19.

(С. Самохотовка, Смол. у.).

Казакъ гуляетъ по Дону, дѣвушка плачетъ: цыганка предсказала ей, что она потонетъ въ морѣ въ день свадьбы; милый черезъ море строитъ мость на тысячу верстъ.

Гуляить па Дону казакъ маладой,
Сядить Маша, плачить надъ быстрый рякой,
—Чяго, Маша, плачишъ, абъ чомъ слзёы льлёшъ:
Ли каня тябѣ жалка, ли сбруи залатой,
Ли 'тца тябѣ жалка, ли матушки радной?
—«Ни каня мнѣ ни жалка, ни сбруи залатой:
Цыганка падлянка на ручки брала,
На ручки брала, галавою трясла,
Казала цыганка:—«нищасная ты,
Нищасная ты: патонешъ у мори
Въ день свадьбы сваей!» ..
Весь поиздъ сабрался, ўси коники ў рядъ,
Напярёдъ пашло триста, назадъ пятьдесятъ,
Падъ нявѣстыю коникъ спаткнулся, упалъ.
—«Падайтя гитару званчасту маю:
Размачу я горю Дунайскай вальной!..
Ты ня тужъ, мая милая, ня тужъ ни па чомъ:
Я вымыщу мостъ чугунный, предлинный,
Чугунный, предлинный—на тысячу вёрстъ
У длинки, у ширки, а сто по бакахъ!»

(Отъ дѣвочки Прасковьи Якушовой).

20.

(С. Каблуково, Красн. у.).

Счастливое возвращеніе милаго дружка съ плаванія на стругахъ.

Збушувалися вѣтра,
Раскачалися лѣса,
Звальнувалася вада
Съ крутымъ беригымъ раўна.
Пайду, выйду малада
За навыя варата,
Туда-сюда пасматрю
На низову старану;
На низовый старанѣ
Ня вижу никаво,
Только вижу малада:
Бялѣитца паруса.
Выплували, выплували стружка,
Стружка, милыя дружка.

Стружки ѣдуть и плывуть,
Грябцы пѣсенки пяють,
Въ теримъ голысъ падають,
Штоба слышила ина,
Разлюбезная мая,
Штобъ ни спала, ни дримала,
Къ сябѣ ў гостики ждала.
На утренній на зари
Ѣдить милый друхъ на кани,
На черкасскымъ на сядлѣ.

21.

(С. Шаталово, Смол. у.).

Казакъ за невѣрность лишаетъ жену свою жизни.

Адинъ я съ казакыў наѣздникамъ быў,
Капьёмъ, востру меччу сыпастата биў,
Ня кончиўши убивства, паѣхыў дамой.
Прихажу къ двару, старикъ у варотъ.
—Здарова, старикъ! здарова симья?
—«Здарова, мой сынка, здарова симья,
Толька жа у тибе бида й у дварѣ:
Младая жина змянила тибѣ,
Змянила тибѣ, сына радила».
Богу пямалиўся, на ўсихъ пасматрѣў,
Младая жина змянилась зъ лица,
Змянилась зъ лица, диржаўши дитя,
Брасалася ў ноги мужу сваему:
—«Прасти жъ ты мнѣ, друхъ, праступленія маё!»
Паднилася мечь въ магучій рукѣ,
Пакатилась галава па сырэй зямлѣ.
—Главу падымаю, на быблю кладу,—
Сматритя, народы, праступленія маё!

(Отъ Ѳеклы Боборычихи).

22.

(С. Данькoво, Смол. у.).

Казакъ донецъ срубилъ вдовѣ головушку съ плечъ; его посадили въ тюрьму. Отецъ, мать и жена не желаютъ жертвовать своимъ добромъ и выручать донца изъ неволи.

Какъ па Дону, па Дону
Малюваный карабель;
Што у томъ жа карабли
Да три Данцы малайцы:
Первый Данецъ молыдецъ
Харашо пѣсни пѣеть,
Другей Данецъ молыдецъ
У скрипачку йграить,
Третій Данецъ молыдецъ
Са ўдовушкый жартуить:
—«Ты, ўдовушка, удава,
Пабѣдная галава,
Ти пойдешъ ты за мене?»
—Я Данца ни люблю,
За Данца я ни пайду.
Ну, какъ вынуў жа Данецъ
Вострый шабильки канецъ,
Какъ сняў жа Данецъ
Вдавѣ галовушку съ плечъ,
Взваратиўся на Данецъ.
Тама Данца паймали,
Ручки, ножки связали
И ў темничку сажали.
—«Прадай, батя, жиребца,

Да выкупи малайца!»
—Прападай, сынъ, у тюрьмѣ:
Пусть жирябочки при мнѣ.
—«Прадай, мати, ўсё волы,
Да выкупи зъ неволи!»
—Прападай сынъ въ неволи:
Пускай при мнѣ ўсѣ волы.
—«Прадай, жена, саяны,
Да выкупи съ тюрьмы!»
—Прападай, мужъ, у тюрьмѣ,
Пусть саянчики при мнѣ!

23.

(Д. Холощово, Красн. у.).

Добрый молодецъ подъ шатромъ пускаетъ сокола домой развѣдать, помнятъ ли объ немъ. Отецъ и мать больны отъ печали, шельма жена гуляетъ по пирушкамъ.

У поли бѣлый шатеръ,
Падъ тымъ шатромъ
Добрый молыдицъ,
Пущаить сыкыла
Изъ правыга рукыва:
—«Ляти, ляти, сокылъ,
На радиму стырану,
Идѣ батюшка живеть,
Идѣ родна матушка.
Ты сядь, сокылъ,
На вышнія вакно.
Паслухый, сокылъ,
Ти тужуть аба мнѣ:
Батюшка тужить—
Сы таски ноги ня йдуть,
Матушка плачить—
У пастелюшки ляжить,
Но жина шельма
Ботиными скачить.

(Отъ Авдули Латутиной).

24 а).

(С. Даньково, Смол. у.).

Соколы извѣщаютъ вдову о прибытіи казаковъ съ войны; вдова узнаетъ о смерти милаго дружка.

Налятѣли сыкалы съ чужей дальній стыраны, 2
Сѣли-пали на ўдавинымъ на дварѣ,
Крылышками ўдавиный дворъ умяли,
Лапычками яны ганычки abламили,
Глазынками святличеньку асвятили,
Гыласками удовушку будили:
—«Встань, встань, удовушка мылада,
Выйди, выйди за навэя вырата,
Приляжъ, приляжъ къ сырэй матушкѣ зямли:
Ти стогнеть дароженька шурыка,
Ти шумить дубровушка зилена,
Ти брезжать падковушкы зылаты,
Ти ѣдуть казаченьки сы вайны?»
—Стогнеть, стогнеть дароженька шурыка,
Шумить, шумить, дубровушка зилена,
Ѣдуть, ѣдуть, казаченьки сы вайны,—
Майго дружка якъ и нѣтъ, дакъ и нѣтъ;
Майго дружка толька коничекъ бяжить,

Подли боку востра шабелька ляжить,
На конику кашулица ляжить,
Рубашечка ўся кроўю аблита,—
Вотъ тяперь я па вѣкъ вѣшный удыва,
Дѣти мае па вѣкъ вѣшный сирыта!

24 б).

(С. Дунаево, Бѣльск. у.).

На Балканскихъ горахъ
Салучилася бида:
Тамъ убили маладова казака,
Харанили при ў широкай далини,
Закрывали тонкимъ бѣлымъ палатномъ,
Засыпали жалтымъ меленькимъ пяскомъ.
Тамъ летѣли саколики-сакалы,
Сѣли-пали на широкымъ на дварѣ,
Крылышками дворъ размяли,
Галасами удовушку ўзбудили:
Устань, праснися, маладая удава,
Пойди, выйди за навыи варата!
Люди бають 2, удовушку ругають.
Пущай бають 2, ящо больши ругають.

25.

(С. Шоптово, Бѣльск. у.).

Казаки ѣдутъ въ походъ и тоскуютъ о покинутыхъ дома семьяхъ. Смерть одного изъ казаковъ. Конь извѣщаетъ ржаньемъ родъ-племя о смерти хозяина. Красна дѣвица слышитъ ржанье коня и порывается на крыльяхъ летѣть на могилу дружка.

Па дароженьки да пыль, пыль,
Ѣдуть, ѣдуть казачо́шки,
Ѣдуть—паганяють,
Назадъ паглядають.
Астаютца у насъ дома
Жоны маладыи,
Наши жоны маладыи—
Горькіи сироты;
Ящо у насъ астаетца дома
Конь варо́ный 2
Помиръ, помиръ казачошка,
Нидѣлюшка ровпа.
Мы палковничку даложимъ,
Вырынмъ магилку,
Гиниралу придаставимъ,
Здѣлаимъ гробницу.
Мы магилачку роимъ, роимъ,
Усе глинычку тешимъ;
Тѣла везуть, коня ведуть;
Конь галоўку клонить,
Клонить, клонить конь галоўку
Ка сырой зимельки.
—Ты пражжи-ка, конь вароный,
На сваю старонку,
Штобъ атецъ съ матерью слыхали
Съ каминной палаты.
Паслыхала красна дѣўка
Зъ високыва терима:
—Еслибъ были быстры крыльля,
Была бъ я галубкый,
Стрипянулась—палитѣла,
Идѣ братицъ закапанъ,
Онъ закапанъ, запичатанъ
Бѣлыю извёскый,
Онъ засыпанъ, іонъ присыпанъ
Жолтинькымъ пясочкымъ.

26 а).

Смерть чумака вдали отъ семьи; волы извѣщають мать о смерти сына.

Жили чумаки
Тридцать три гады,
Не видали чумачиньки
Надъ сабой бяды.
Злучилась бида
Сяредъ гарада:
Забалѣла ў чумачиньки
Буйна галава.
Ляжить чумакъ день,
Ляжить и другой,
А нихто жъ къ чумаченьки
Ни приступитца,
Нихто жъ то къ малодыму
Ни привернитца.
Приходить къ яму
Атаманъ яво:
—«Атаманушка,
Мой батюшка,
Напиши письмо, 2
Къ атцу, къ матери:
А Бохъ знаить,
А Бохъ вѣдаить,
Ти живы яны!»
Сивыя валы
Разумны были:
Сы горыда сы й-Аршава
Всѣ дамой пришли.
Чумакова мати
Валоў сустрикати;
Туда-сюда й аглянулась,—
Чумачиньки нѣтъ.
Сивый жа волъ
Ряўнуў на ўвесь домъ:
Померъ, померъ чумачинька
На чужой старанѣ! (Тамъ же).

(Отъ Матрёны Антоненковой).

26 б).

Жили чумаки тридцать три гады,
Не видали чумачиньки надъ сабой бяды.
Сдѣлалась бѣда сяредъ гарада:
Забалѣла ў чумаченьки буйна галава,
Ляжить чумакъ день, ляжить и другой,—
Нихто къ таму чумаченьки не приступитца.
Приступиў къ яму таварышъ яго,
Бяреть, бяреть за ручиньку, жалѣить яго:
—«Таварышъ ты мой, другой мой дарагой,
Бяри у мяне еты деньги, которыя іость,
Напиши ты письмо, аташли ты дамой,
Што наши валы ўсѣ разумны были,
Съ самый горыда Варшавы ўсѣ дамой пришли!»
Вышла яго мать валоў заганять,
Туды-сюды аглянулысь,—чумачиньки нѣтъ;
А сивый жа волъ ряўнуў на ўвесь дворъ:
— Померъ, померъ чумаченька ў чужей старанѣ!
(Тамъ же).

27.

(С. Каблуково, Красн. у.)

Смерть хозяина-чумака въ далекой Москвѣ.

Ни пора ли намъ, братцы-рибяты, Ни пара ли намъ, братцы-рибяты,
Охъ, ясны зори, зори засыпать? Сивыхъ волыў, волыў выгынять?

Якъ пагонимъ мы, братцы-рибяты,
Сивыхъ волыў у Маскву,
Попристали наши сивы волы:—
Полъ дарожки ины ни ўвыйшли;
Затужили всѣ наши рибяты
Па хазяину свайму:
—Помиръ, помиръ нашъ, братцы, хазяинъ
У слаўнымъ горади, братцы, ў Масквѣ.
Закапали мы, братцы, хазяина.
Зарастай, наша магила,
Всё травою-муравою,
Затвитай твяточкими
Усё зялеными!

28.

(С. Даньково, Смол. у.).

Чумакъ доли себѣ ищетъ.

Зялёный дубочекъ
На ель нахинулся,
Маладой чумачекъ,
Абъ чомъ зажурился?
Абъ томъ зажуриўся,
Што я ни жаниўся.
Батька съ маткый померъ,
А я ни жаниўся, 2
Безъ доли радиўся.
Пайду чумачекъ,
Пайду съ горя я,
Я ў чистоя поля
Искать сабѣ доли.
Ни нашоў жа доли,
Нашоў рыбалова.
—«Рыбалоўчикъ-хлопчикъ,
Удалой малойчикъ,
Закинь жа ты сѣти
Тиризъ быстры рѣки,—
Ты паймай-ка долю
Чумаку младому!»
Ни пыймаў іонъ доли,
А пыймаў іонъ рыбу.
Рыба-щука йграить,
Сабѣ пару маить,
А ў чумака пары—
Адны вочи яры.

29.

(С. Каблуково, Красн. у.).

Доля козака въ морѣ потонула, погорѣла.

Якъ ишоў казакъ зъ Дону,
Іонъ зъ Дону да дому;
Іонъ сѣў надъ рякою,
Аблиўся слязою,
Паминаў сваю долю:
—«Охъ, идѣ жъ мая доля?
Ти на тымъ баку моря,
Ти на мори патанула,
Ти на мори пагарѣла?
О, мыя доля
На тымъ баку моря:
На мори патанула,
На мори пагарѣла».

30.

(С. Шаталово, Смол. у.).

По Молдавской степи идетъ „Волховскій полкъ"—извощики съ рыбой; одинъ изъ нихъ смертельно заболѣлъ и поручаетъ товарищамъ свезти отъ него три тысячи—отцу, матери и сыну по тысячѣ рублей, а женѣ поклонъ и полную свободу.

Ужъ ты, степъ мая, степъ,
Степъ мая Малдоўская,
Да степъ Малдоўская,
Э, да широка, ну ты бойка,
Степъ, пратинулася,
Э, пратинулася, да пратинулася,

Эхъ, да вотъ Тиличина,
Эхъ, да князя Вяличина,
Эхъ, да Вяличина,
Эхъ, што да Вяличина.
Эхъ, што па той жа степи
Ни ходу, ни ѣзду,
Охъ, да што ни ѣзду,—
Ахъ, толька шоў ли, прашоў,
Толька Валхоўскій полкъ,
Што Валхоўскій полкъ—
Эхъ, малады извощики,
Што извощики;
Што вязли жъ то яны,
Што яны вязли,
Вязли дарагой таваръ,
Дарагой таваръ,
Дарагой жа но таваръ—
Эта бѣлую рыбицу,
Эхъ, бѣлу рыбицу.
Эхъ, што случилася надъ ими
Толька надъ ими
Вялика о нещастица,
Э, што нищастица:
Загарѣў, ну забалѣў,
Извощикъ каломицкій,
Эхъ, што каломецкій.
Да забалѣла у иво
Буйная галовушка,
Э, о. што галовушка.
—«Да ужъ вы, братцы вы мае,
Вы братцы, таварищи,
Эхъ, и о таварищи,
Ужъ ни кидайтя вы мяне
Да при худомъ времички,
Да што при ўремички.
Ахъ, ужъ іость у мяне,
Іость, братцы, три тысячи,
Э, э, э, да во три тысячи:
Э, да вадну тысячу—
Во маему родныму батюшки,
Родныму батюшки;
Другу тысичу—
Маей родный матушки;
Родный матушки;
Охъ, третію тысичу—
Э, э, што маей малютачки,
Э, эй, што малютачки,
Охъ, што маей малютачки,
Сыну Иванюшички,
Иванюшички;
Охъ, и маладой маей жанѣ—
Толька низкай паклонъ,
Э, эхъ, што низкой паклонъ:
Охъ, и тамъ ана живёть,
Ахъ, хучъ така ина вуживётъ,
А хучъ ина замужъ идёть!»

XXIV. ПѢСНИ СОЛДАТСКІЯ.

1 а) *).

Стрѣльцамъ-бойцамъ служба сказана; подружка съ милымъ въ походъ собирается, несмотря на его уговоры и запугиванія.

Въ нядѣлюшку паранёшенька,
А ў нядѣлюшку паранёшенька,
Всимъ стрильцамъ-байцамъ служба сказана,
Да майму милому даўно жъ то 'бъяўлена.
Мнѣ ни спалыся, ни дрималыся,
Я ўсе ночушку съ милымъ выбиралася.
Праважу свайго дружку, свайго милыга,
Я далече далёка, я ў чисто поля,

*) Пѣсни, оставленныя безъ помѣты, записаны въ с. Даньковѣ, Смол. у.

Я сама стану, я паслухаю,
Што мой милинькій дружокъ будить сказывать:
— «Ты вярнись, жана, вярнись, душичка,
Варатись, мыя сѣрая какушичка!
Ныпярёдъ у насъ што лясы стынть,
А стынть у насъ лясы, лясы тёмныя».
— Ни спадманивай мяне, дружокъ миленькій,
Ни спадманивай мяне, чернабрывенькій:
Я сыма ета даўно вѣдаю,
А сыма жъ то ета даўно вѣдаю.
Ни лясы стынть и ня тёмныя,
А стаить наша горюшка вялікыя.

Въ нядѣлюшку паранёшенька, и проч.
— «Ты вярнись, жина, вярнись, душичка,
Варатись, мая сѣрая какушечка!
Напярёдъ у насъ што рика тякеть,
А тякеть жа тамъ рѣчка, рѣчка быстрая!»
— Ты ни 'бманывай, дружокъ миленькій,
Ни спадманивай мяне, чернабрывенькій:
Ни рика тякеть и ня быстрая,
Ды тякуть наши слёзы и гарючія.

А ў нядѣлюшку паранёшенька,
А ў нядѣлюшку рана паранёшенька, и проч.
— «Ты вярнись, жина, вярнись, душичка,
Варатись, мыя бѣлая лябёдушка:
Напярёдъ у насъ што ваўки гудуть,
А гудуть жа то ваўки, ваўки сѣрыя!»
— Ты ни 'бманывай, дружокъ миленькій,
Ни спадманывай мяне, чернабрывенькій:
Я сама ета даўно вѣдаю,
А сама жъ то ета даўно вѣдаю:
Ни ваўки гудуть и ня сѣрыя,
А плачуть наши дѣтушки малинькія.

(Отъ Матрёны Григорьевой).

1 б).

Та же пѣсня поется и сокращенно, именно послѣ первыхъ восьми стиховъ продолжаютъ такъ:

— «Ты вярнись, жана, вярнись, душинька,
Ты вярнись, мыя бѣлая й лябёдушка:
Тамъ стынть лясы, лясы тёмныя,
Тамъ стынть жа то лясы, да ўсё тёмпыя;
Тамъ гудуть звяри, звяри сѣрыя».
— Ты ня лги, мой другъ, ни спадманивай,
Ты ня лги жъ то, мой милый, ни спадманивай!

2.

Войтъ съ ключникомъ совѣтуются, кого въ рекруты отдать.

Што лужкомъ, лужкомъ,
И крутымъ биряжкомъ,
Ишоў войтъ, ишоў клюшникъ,
Ишоў старый старшина;
Ани стали размоўлять,
Каво ў некруты атдать.

3.

(Сельцо Свалы, Красн. у.).

Два молодца заносятъ въ „вербовыя“ книжки приговоръ, что молодцу въ солдаты итти.

Не бялыя сняжочки
Въ поли забилялися,
Права, забилялись,
Забилялись у майго любезныга
Камянны палаты.
Падъ тыми палатами
Висять два шотрики,
Падъ шатрами два столики,
На сталахъ лижать
Двѣ скатерти бѣлявэя,
За сталомъ сидять
Два малойцы маладэя,
Пирядъ ими лижать
Двѣ книжки вербавэя,
А краёчки залатэя,
Ины держать
Па пёрушку либядиныму,
Яны и пишуть, и пишуть
На бѣлу бумагу,
На тонкій листочикъ,
Што ня быть 2
Добрыму молыйцу ў сваёмъ доми,
А што быть 2
Добрыму молыйцу въ някрутскимъ
паборн,
Што служить 2
Бѣлыму царю.

4 а).

(Д. Селезеньки, Могил. г., Мстисл. у.).

Отецъ предлагаетъ тремъ сыновьямъ бросить жребій, которому изъ нихъ итти въ солдаты; за отказомъ старшихъ, идетъ въ службу меньшой братъ.

Якъ и жиў жа то быў
Да багатый мужикъ;
Было ў яго три любимыхъ сынавья;
Заказали яму ў службу йдить.
—«Сынаўя жъ мая любезная,
Вы каторый на службу пайдёть?»
— Ай, атецъ, родный батюшка,
А каторыга пасылаешъ?
— «Дѣти мае разлюбезныя,
Вы идитя ў зялёный садъ,
Вы вазьмитя па прутичку,
Вы киньтя па жеребью,
А каторыму ў салдаты йдить».
А большій кажить, что дѣти малы,

А сяредній—жина хараша.
Во йдить ня йдить брату малыму.
Малый братъ пращаетца съ атцомъ и съ матерью,
Большиму брату атказываеть:
— «А, братъ мой большинькій,
Ты гадуй, гадуй дятей маихъ,
Ты жалѣй, жалѣй, лялѣй, лялѣй».
— А, брахнинька ты мой меньшинькій,
Луччи бъ я ў салдаты пашоў,
Чимъ ся мнѣ тваихъ дятей гадувать,
Чимъ ся мнѣ тваихъ дятей узрастать.

(Отъ кр. Максима Захарова).

4 б).

Што съ-падъ лѣсу, лѣсу,
Ахъ, да што съ-падъ лѣсу, лѣсу тёмныга,
Што съ-пыдъ садику зялёныга
Тамъ лижала слѣдъ-дарожинька,
Шурокая, пріубитыя,
Охъ, да шурокая, пріубитыя,
Слёзыньками пріулитыя.
Ахъ, да туды ишоў-прайшоў някруцкій наборъ;
За наборымъ, ахъ, да за наборымъ,
Ахвицерикъ мыладой—
Й на конику выхвыляитца,
Листъ бумаги высмытряитца,
Листъ бумаги (2) высмытряитца,
Што у тэй бумаги (2) написына.
Ахъ, написына, ахъ, да написына, намалёвына,
На трёхъ братыў распаложина:
Каторыму (2) брату ў службу йдить:
Ти старшаму, старшаму, ти пастаршаму,
Ти самыму, ти самыму брату меньшаму.
Ахъ, да большій братицъ, старшій братицъ аткупляитца;
Наполъ старшій атмыляитца;
Самый меньшій сабираитца,
Со тцомъ, съ матирью, прыщаитца:
—«Пращай, пращай, атецъ-матушка;
Пращай, пращай, вси пріятели мае!»

5.

Сынъ отъ стараго отца добровольно идетъ царю служить, не простившись съ родителями, и обѣщаетъ сестрамъ прислать подарки.

Журиў-браниў сударь-батюшка, самъ не вѣдаю абъ чомъ,
Я съ тае таски-кручинушки, я пайду царю служить.
Састрой, састрой, сударь-батюшка, изъ черна дуба карабль,
Найми, найми, сударь-батюшка, ты малоденькихъ грябцоў!

Грябцы грябуть, якъ пяромъ аны машуть;
Карабь плывётъ, якъ ясный сокылъ лятить,
А матушка гусударыня да й па бережку идётъ:
—«Пастой, прасти, маё дѣтитка, пупращаемся съ табой!»
— Ни вярнуся, мыя матушка, я пращатца я съ табой,
Ни вярнуся, гусударыня!..
А сястрёчкамъ сваимъ родненькимъ пу падарычку пришлю:
А большинькей сваей сестрынки кунью шубычку съ бабромъ,
А меньшинькей сваей сестрынки пирщатычки съ сирябромъ!

6.

Добрый молодецъ гуляетъ въ царевомъ кабакѣ, напрасно мать зоветъ его домой: онъ отправляется царю служить, обѣщая вернуться черезъ 33 года и принести подарки отцу съ матерью, сестрѣ и женѣ.

Некыму мнѣ добрыму молыйцу
Пра дасаду разсказать,
Пайду, пайду добрый молыдицъ
У царёў кабакъ гулять.
Придётъ, придётъ мыя матушка
Съ кабака да домику звать:
— «Хади, хади, маё дитятка,
Са мною дамой!»
— Ни пайду, ни пайду, мыя матушка,
Я съ табою дамой,—
Пайду, пайду, мыя матушка,
Я царю вѣчна служить.
Я приду, приду, мыя матушка,
Черезъ тридцать три гады,
Принясу, принясу, мыя матушка,
Падарыкъ тябѣ дарагей,
А батюшки свайму родныму—
Чорну шляпу съ пяромъ,
А сястрицы сваей родный—
Галубу ленту ў касу,
А жанѣ сваей барыни—
Съ караблёмъ на дворъ.

7.

(С. Свалы, Смол. у.).

Мать разгнѣвалась на сына и отдала его въ солдаты; потомъ хочетъ назадъ его вернуть, да уже поздно.

Сы вечира сынъ Данилушка
Да іонъ запиўся и загуляўся,
За то яго родная матушка
Журила-бранила,
Да пожурёмши-побранёмши,
У салдаты атдала.
Полъ дарожки ни вайшолъ,
Пишитъ матушка письмо:
— Вярнися, вярнися, сынъ Данилушка,
Вярнися, дѣтитка маё!
—«Ни вярнуся, родная матушка,
Да няволюшка ни мыя,
Да я—я ня служичка твыя,
Што я да ни работникъ на тябе:
Нада мною, надъ Данилую,
Камандеры всё зладѣи,
Ни давиряють и сматрять:
Да ни пущають насъ рибятушикъ
На улицу пагулять,
Да на дѣвушикъ пасматрѣть».

8.

(С. Каблуково, Красн. у.).

Молодецъ за свои любовныя похожденія отданъ въ солдаты.

Парадила Ваньку мать
Да на горя, на бяду,
Да на горя, на бяду,
Да на вяликую пичаль.

Разадраў Ванька кахтанъ,
Па заборамъ лазючи,
Узгнаиў Ванька картузикъ,
Падъ каплями стоючи.
Капелюшки капали,
Па ёмъ дѣўки плакали,
Капелюшки перистали,
Малодушки плакать стали
И пагодушки желали.
Пагодушка съ крутыхъ горъ,
Да пабѣдушка къ намъ на дворъ:
Да скора Ваньку ўзяли,
Ручки, ножки свизали,
Да ў салдаты атдали.

9.

Молодцу предстоитъ разлука—солдатчина.

Танюшинька па горинки хадила,
Танюшинька Ванюшиньку будила.
— Устань, Ванька, эй, ўстань, Ванька,
Устань, милинькій дружокъ,
Ты памойся халодный свѣжуй вадой,
И ўватрися тонкымъ бѣлымъ пылатномъ!
Пра насъ, Ванька, эй, худа славушка идёть,
Худа слава, эй, нибыльнэя слывиса:
Хочуть Ваньки, эй, бѣлы ручиньки звизать,
Хочуть Ваньки, эй, буйны ножиньки скувать,
Хочуть Ваньку, эй, да ў Рыслаў горыдъ сыслать,
Хочуть Ваньку, эй, у сылдатушки атдать.

(Отъ Екатерины Подгрудковой).

10.

Изъ трехъ сыновей вышелъ жребій старшему итти въ солдаты; онъ проситъ родителей не покидать его дробныхъ дѣтушекъ.

Какъ у Питирихъ на площади
Ну, тамъ жиў мужикъ багатый,
Ну, въ яго было три сына,
Да три сына ўсё малойчики,
Усё малойчики малодыя.
— Ну, вы киньти-ка, братцы, на жребья:
Ну, катораму у салдаты идить?
Давадилось большему брату идить.
Большій братъ расплакаўся, разжалиўся:
— Гасударь мой батюшка,
Гасударыня родная матушка,
Ни кидайтя маихъ дробныхъ дѣтушакъ,
Дробныхъ дѣтушакъ сиротушикъ!

11 а).

(Сельцо Починокъ, Ельн. у.).

Прощанье новобранца съ молодой женой.

Ужъ ты, поля маё, поля, поля иравоя,
Пріусохла, призавяла маё поля, поля иравоя:
Пріўзаныла маё серца безъ милога, пріўзаныла ретивоя,
Што 'тдають маго милога у салдаты.
Справажу свайго милога я далеча.
Іонъ са ўсими, мой милой друхъ, распращаўся,

А са мною, зъ маладэю, пазабыўся,
Сириди путя-дарожки назадъ варатиўся,
У варотъ стаўши, шляпу сняўши, низка пакланиўся:
—«Ты пращай, мая милая, пращай, дарагая,
Ты гуляй, мыя милая, якъ гуляла,
Ни гуляй, мыя милая, съ казаками:
Й-а казаки маладэя руки палумають,
Руки палумають, перстни пасымають;
А гуляй, мыя милая, съ малайцами:
Съ казаками гулять будишъ—пра мяне забудишъ!
(Отъ кр. Ганны Семёновой).

11 б).

Новобранецъ позабылъ проститься предъ уходомъ въ войско со своею подружкою.

Якъ заныла маё серца, серца рятивоя:
Повязли майго милога у салдатики.
Ну, са ўсѣми мой миленькій распращаўся,
А са мной младой позабыўся.

12.

(С. Сухой Починокъ, Ельн. у.).

Дѣвушка жалуется барину на измѣну молодца; его забрили въ солдаты.

На горычки калина,
Падъ гарою малина.
Тамъ какуша сидѣла,
Громка—жалка кукнула,
Дѣвка пу парню плакала:
Любиў, любиў—спакинуў,
Послѣ дурую назвалъ.
Дѣвка въ горыдъ скачила,
Листъ бумаги купила,
На писемцы списала,
Свайму барину саслала:
—«Ужъ ты, баринъ, судья нашъ,
Разсуди-ка зъ Ванькый насъ!»
Пувязли Ваньку въ пріёмъ,
Станавили на кружокъ,
Примиряли у станокъ:
Ванька ростымъ ни дайшолъ,
Красатою пиряйшолъ.
Какъ сказали Ваньки «лобъ»—
Дѣвчинина серца ёкъ!
Сказали Ваньку брыть,
Дѣвчинина серца ныть.
Кабы знала, вѣдала,
Етакый бы савы ни дала,
Зъ имъ разлука тижала,
Чужа дальня старана.

13.

Взяли въ рекруты единственнаго сына вдовы, а большія семьи остались нетронутыми.

У нашега караля праявилась навина,
Кличуть Ваньку да двара
Нуте, думать и гадать,
Каго въ некруты атдать.
Идѣ десить, тамъ няйзвѣсинъ,
Идѣ девить, тамъ ня дѣлють,
Идѣ восимъ, тамо бросимъ,
Идѣ семъ, тамъ и сѣлъ,
Идѣ шесть. тамъ честь,
Идѣ пять, тамъ ни ўзять,
Идѣ чатыри, тамъ забыли,

Идѣ три, ни знайшли,
Идѣ два, тамъ нильзя,
Адинокыга ни ўзять,
А у вдовушки адинъ сынъ—
И тотъ пашолъ падъ аршинъ.
Якъ узяли Василёчка,
Якъ узяли сакалочка,
Пасадили у вазокъ,
У саменькій задокъ,
Пувяли у гарадокъ,
Паставили у станокъ,
Какъ сказали яму: лобъ!
Яго серца ёкъ, ёкъ, ёкъ!

14.

Печаль родни, провожающей рекрута.

Завивайся, хмялинушка: заўтри марозъ будить,
Сабирайся, ўдоўкинъ сынъ: заўтря наборъ будить!
— Я набору ни баюся: заўтря сыбяруся! 2
Вы мятитя дароженьку, штобъ ина ня пыльна,
Унимайтя удовушку, штобъ ина ня выла.
Мяли, мяли дароженьку, а ина всё пыльна,
Унимали удовушку, а ина всё выла.
На дарожки на шурокей ляжить бѣлый камень,
А на тымъ жа на камушку сидять двѣ сястрицы;
Яны шіють, вышиваютъ шуринки навыя,
Яны шіють, вышиваютъ разными ўзорами,
Яны плачуть и гарюють, брата справажають.

15.

Невѣста, мать и отецъ далеко со слезами провожаютъ солдата.

Ни ясёнъ саколъ съ типла гнѣзда слитаить,
Маладэй салдатъ са хватеры саѣжжаить;
Атецъ яго, мати праважаить,
Праважаить душа красная дявица,
Ина ня родная—названная сястрица.
Путь-дароженьки за слёзками ня видють,
За ўзрыганьникамъ славечка не прамовють.
— Варатитись, наши матушки раднэя,
Ни схадить вамъ па бѣлу свѣту за нами,
Ни змачить вамъ сыру мать-землю слезами,
Ни супоўнить синя моря гарючами!

(Отъ Матрены Карнеевой).

16.

Родъ-племя снаряжаетъ и далеко провожаетъ рекрута.

—Бярёзынька бѣла, ти баишся марозу? 2
—«Етыга марозу па вѣкъ ни баюся, 2
Па вѣкъ ни баюся, листьимъ устялюся!»
—Маладэй парнишка, ти баишся набору?
—«Етыга набора па вѣкъ ни баюся,
Па вѣкъ ни баюся, харашо суряжуся!

Спасиба маей родный матушки,
Што счастлива нарадила,
Спасиба майму родныму брахниньки,
Што коника запригаў,
Спасиба маей родниськiй сястрицы,
Што даляко справадила!»

17.

Три сестры снаряжаютъ и провожаютъ рекрута. Онъ не надѣется на возвращенiе: когда сухая груша отросточки пуститъ, тогда молодецъ вернется домой.

Вы, сусѣди, вы, сусѣдушки, нядобрые люди,
На каго жъ вы, сусѣдушки, зялѣзы кували:
Ти на вора, ти на разбойника, ти на мяне, сиратину?
А у мяне жъ то, у сиратинушки, ни роду, ни племя,
Толька у мяне, сиратинушки, три родныхъ сястрицы:
Ой, большая мыя сястриченька брата суряжаить,
А другая мыя сястриченька коника сѣдлаить,
Ай, третiя мыя сёстрынька брата праважаить;
Праважаючи, мыя сёстрынька у брата пытаить:
—«Кали жъ ты, родненькiй брахненька, къ намъ у гости будишъ?»
— Ай, у садику ў зялёненькымъ iость сухая й груша:
А кали жъ тая сухая й груша атростычки пустить,
А тады жъ я къ вамъ, мае сёстрыньки, къ вамъ у гости буду!

18.

(С. Боровское, Ельн. у.).

Разлука павы съ сизымъ голубкомъ, подружки—съ милымъ дружкомъ, уѣзжающимъ въ войско.

Сизинькiй галубчикъ 2
Сядѣў на дубочку;
Прилятѣла пава,
Ана дли яго пала,
Шила, вышивала,
Плакыла, рыдала,
Кулакомъ слёзы ўтирала,
Сама пра то знала,
На што вышивала:
Ни на плута-вора,
Ни на душагуба,—
На друга милыга.
Што мой милый робить?
Iонъ по двару ходить,
Коника сидлаить,
Са двара съѣзжаить,
Царскую службу знаить.

19.

Взаимная любовь парня и дѣвицы. Ждетъ — не дождется дѣвица своего дружка. Не скоро дали отпускъ солдату; дѣвицу, любящую его, принуждаютъ выйти замужъ за другого.

Дявочка сухотычка была;
Сама сохнить, мяне, молайца, сушить.
Якъ пайду я на вайну служить,
А ти будишъ па мнѣ тужить?

--Тужить буду, а плакать ня буду:
За слезами слова не прамоўлю,
За жалыстію дарожки не вижу.
Якъ пайду въ нову святлицу,
Якъ сяду падъ краснымъ акошечкымъ,
Якъ гляну въ красная вакно:
Вонъ мой милый па гароду ходить,
У рученькахъ пухову шляпу носить,
Въ отпускъ пана палкоўничка просить.
—Якъ атпущу у тую суботу!
Када тая субота придеть,
Красна дѣўка за другога выйдеть.

20.

(С. Войнино, Могил. губ., Мстисл. у.).

Дѣвица хочетъ итти замужъ за солдата, сопровождать его, несмотря на всѣ трудности походной жизни.

Далина, далинушка,
На тябѣ, далинушка,
Ничаво ня родитца,
Ни жита, ни ярица.
Туманъ растилаетца,
Заря занимаитца,
Сонца выкатаитца.
Грѣить, грѣить солнушка,
Грѣить ни па лѣтниму,
А ўсё пу вясенниму.
Любить паринь дѣвицу,
Любить, ни падманыить—
Замужъ падгаваріить:
—«Ти пайдёшъ ты, дѣвица,
За мяне, за молыдца,
Малойчика бравыга,
За Йваню кудрявыга?»
Ни пайду, я, дѣвица,
За тябе за молыйца,
А пайду за прежнига,
За салдата ваенныга:
Салдатъ ў паходъ пайдётъ,
Мяне съ сабой вазьмётъ;
Іонъ будить ваювать,
А я буду гарювать;
Іонъ будить съ пушки бить,
А я буду слёзы лить;
Салдатъ будить ранцы тресть.
А я буду пранцы ѣсть.

21.

Отъѣздъ солдата съ квартиры; проводы его дѣвушкой.

Вы ня думáйти-ка, да вы ни бушуйти-тка, вѣтры со вихрами,
Ни сдумáйти-ка вы снѣгу бѣлыга сы майго падворья!
Али такъ ли мае широка падворьика даўно запустѣла;
Зарасло ли маё широка падворьика траўкыю, мураўкыю,
А широкимъ жа лапошничкымъ;
А широкій жа лапошникъ весь дворъ устилаеть.
Не ясинъ сокылъ съ тепла съ гнѣзда слетаеть,—
Мыладой сылдатъ со хватеры соизжаить,
Што ни 'тецъ яго, ни матирь сылдата правыжаить,
Правыжаить яго красныя дѣвушка:

—«Я спишу (2) тваё бѣлыя личиньня на бѣлу бумагу,
Я прибью (2) тваё бѣлыя личиньня къ сваей крывати:
Якъ зайду я, мыладёшинька, на ўсю ночъ читати,
Я кажную строчиньку слизами абальлю».

22 а).

Кудри рекрута посылаются матери на память (или: матери на слезы, женѣ на пересмѣшки).

Ахъ, съ-падъ гаю, гаю,
Гаю зилянога,
Дарожка лежала,
И кузенка стыяла.
Кузнецы кували,
Тижало ўздыхали,
Крѣпка зрабатали.
На каго зялѣзы:
Ти на вора-плута,
Ти на душагуба?
Ни на вора, ни на плута,
На мяне, дятинку,
Горьку сиратинку.
Нямножка ладили,
Молайца славили,
Рученьки связали,
Ноженьки скували,
Въ вазочикъ сажали;
Въ вазочикъ садили,
У горыдъ вазили, 2
Въ пріемъ увадили, 2
Въ станокъ станавили, 2
Кудерьки забрыли, 2
Въ платокъ увязали, 2
Матушки атсылали:
Матушки на слёзы,
А жанѣ на радысть.
Молыдицъ ачнуўся,
Кудрими ўстрипянуўся.
— Гаспада быяри,
Идѣ кудри дивали? 2
—«Въ платочикъ ввизали
Матушки 'тсылали».

22 б).

Кала гаю, братцы, гаю, 2
Гаю зилянога,
Гаю, братцы, зилянога 2
Дарожка лижала;
Дарожка, братцы, лижала, 2
Кузинка стыяла.
Кузинка, братцы, стыяла, 2
Кавали кували,
Кавали, братцы, кували, 2
Тижало вздыхали,
Тижало, братцы, вздыхали: 2
Тижалы зялѣзы
— На каго жъ вы, мае братцы, 2
Зялѣзы кували:
Ти на вора, братцы, плута, 2
Ти на душагуба?
—«Ни на вора, братцы, плута, 2
Ни на душагуба,—
На таго, братцы, дятинку, 2
Горьку сиратинку».
Вячоръ молайца узяли, 2
Ручиньки звизали,
Ручиньки, братцы, звизали, 2
Ноженьки скували,
Ноженьки, братцы, скували, 2
Въ вазочикъ сажали,
У Смаленскъ Ваню вазили, 2
Въ станокъ станавили,
Въ станокъ Ваню станавили, 2
Кудирьки 'брывали,
Кудирьки, братцы, 'брывали, 2
Въ платочикъ визали,
Въ платочикъ, братцы, визали, 2
Къ матушки 'тсылали,
Къ матушки, братцы, на слёзки, 2
Къ жанѣ на прасмишки.

22 в).

Што и ў поли, ў поли, при ўдарози,
Барёза стыяла,
Ина тонка, висакая,
Листымъ ширакая.
Во на той жа на барёзи
Пташечки сядѣли,
Яны пѣли, распѣвали
Жаластными галасами,
Што й учо́ра, са вечора,
Молайца узяли,
Яму ручиньки звизали, 2
Ножиньки скували;
Пасадили малойчика
Въ новинькій вазочикъ,
Яго въ новинькій вазочикъ,
Въ саменькій задочикъ.
Сами сѣли съ пирядочку,
Яны пѣсенки запѣли;
Яны гонють, паганяють,
На молайца паглидають;
Ки пріему привазили,
Въ станочикъ станавили,
У станочикъ станавили,
Русы кудри выстрыгали,
Пивымъ, медымъ напаили,
Малайца спатьки палажили.
Тиризъ часъ Ваня пращнуўся,
Кудирь щипянуўся:
— Гаспада наши быяри,
А идѣ кудри дивали?
—«Въ платочикъ увязали,
Матушки паслали».

(Отъ кр. Екатерины Подгрудковой).

22 г).

А што ў поли, (2) при ў дарози,
Барёза стыяла,
Но ина тоненька, братцы, висока,
Листикымъ шурока.
Што на тэй жа на бѣлый барёзи
Пташичка сядѣла,
Но йна сѣла, жалыстна запѣла,
Славесна сказала:
А што ўчора, ўчора са вечора
Молайца узяли,
Ай узяли, ноженки скували,
Ноженки скували, рученки звизали;
Пасадили жъ да добрыга молыйца
Въ новенькій вазочикъ,
Пувязли да добрыга молыйца
Въ новый гарадочекъ;
Станавили да добрыга молыйца
Въ новенькій станочекъ.
Яны пьяна яго напаили,
Кудирки й аббрыли.
Якъ устаў жа молыдицъ, ашнуўся,
Кудрими стряхнуўся:
—Вы скажитя мнѣ, братцы быяри,
Идѣ кудри дивали?
—Мы ў платочикъ кудирьки ўвизали,
Матушки 'тсылали.

23.

Взяли въ солдаты молодца отъ красной дѣвицы.

Во и ў поли, ў поли, при ў дарози,
Барёза стыяла,
А йна тонка, тонка, галинняста,
Листьикымъ широка.
Што на тэй жа на бѣлый барёзи
Пташички ўспивали;
Яны пѣли, пѣли, успивали
Разными галасами.
Ва сказали на бѣлу барёзу:
Заўтри марозъ будить,
Ва сказали вдавиныму сыну:
Заўтри паборъ будить.
Взяли, взяли да добрыга молайца
Въ новинькій святлицы,
Во й у новинькій святлицы
Атъ красный дѣвицы,
Во й узяли, ручиньки звизали,
Ножиньки скували.

24.

(Сельцо Буловицы, Смол. у.).

Мать посѣтила сына своего, рекрута, въ платочекъ собрала на память его волосы.

Радимая маминька,
Слышу я вѣсть нирадысну—
Осенью сылдатчину:
Атбяруть насъ, малайцоў,
Атъ матирій, атъ атцоў.
Воль наша вольная,
Служба бизпакойная!
Пасадили насъ, малойчикыў,
И ў губернскую пувязли,
У трахтиръ насъ пувяли,
Вядро водки ставили.
Воль наша вольная,
Служба бизпакойная!
Изъ трахтира мы пашли,
Насъ падъ мѣру ставили.
Воль наша вольная,
Служба бизпакойная!
Насъ падъ мѣру ставили,
Закричали адинъ разъ,
Закричали принять насъ.
Вотъ цурульницикъ идётъ,
Брытву, ножницы нясётъ.
Пагади-ка, дядька, брыть:
Дай-ка матери придить!
Во и маминька идётъ,
Бѣлъ платочикъ принясётъ, 2
И кудирьки сабярётъ,
И заплачитъ—прочъ пайдётъ.

(Отъ Бориса Демьянова).

25.

Соловей веселитъ сердце новобранца.

Ты успой-ка, запой,
Ты, мой салавеюшка,
Успой при ў далинушки,
Спой при ў далинѣ,
Звисили ка мине,
Е, о, а, добрыга молыйца,
При гори, маей кручинушки,
При бальшей печали!
Призакрыта ль маё,
А маё сярдечушка,
А бѣлыю груддю,
Приўпечатывана
Маё сярдечушка
Гарючію кроўю,
А визуть то 'тдать
О да добрыга молыйца
Атдать, атдать у салдаты.
А пабыть ли, пабыть
А добраму молайцу,
Пабыть у никрутахъ,
А служить то, служить
А добрыму молайцу
А бѣлыму царю!

26.

Пташки своимъ пѣньемъ извѣщаютъ объ отправленіи солдата въ походъ; съ похода конь возвращается одинъ, покрытый трауромъ.

Въ калинывый рощицы пташечки пяють,
Знать душу Ванюшу сбирають въ паходъ.
На каго ты, Ваня, аставляешъ мяне?
—«Черезъ годъ, гадочекъ, самъ буду къ тябѣ;
Если самъ ня буду, буду письма слать!»

Я зъ естыга горя, пайду на гару:
Придамъ себе смерти, яўлюся къ нему!
Бѣжить конь вароный, троурымъ пакрытъ, —
Вѣрна мой друхъ Ванюша падъ туркымъ убитъ.

27.

Опытный солдатъ уговариваетъ своихъ товарищей примириться со своею участью—не сокрушаться о семьѣ.

А, роща, ты, роща зиленая,
Што жъ ты, роща, рана ўсохла,
Ни даждаўшись пары-время,
Пары-время, тёплыга лѣта?
Уси салдаты сильна плачуть,
Адинъ салдатъ іонъ ни плачить,
Сваю братьтю іонъ унимаить:
—«Абъ чёмъ жа вы, братцы, сильна плачитя?»
—Якъ жа намъ, братицъ, сильна ни плакать?
Жоны наши заўдавѣли, дзѣци наши засиратѣли;
Жонымъ нашимъ мужьё будить,
Дитёмъ нашимъ батикъ ня будить,
Хуть жа будить—ни родныя!

28 а).

(Село Плоское, Смол. у.).

Новобранцы примиряются съ разлукой съ роднымъ домомъ, съ солдатскою жизнію, веселятъ себя виномъ да пѣснями.

Польна бялу снѣжку да на сырой зямли лижать,
Охъ, польна намъ, салдатушкамъ, горя гарювать,
Ой, будимтя, служивыя, мы пѣсню воспѣвать!
Забывай, салдатушки, атца, и матерь, и жану,
Вы ўспомнетя, служивыя, тисакъ, ружьё, суму:
Ой, съ матерью, съ атцомъ не видатца будимъ,
А съ ружьёмъ, съ сумою намъ скончанія будить.
Встанимъ рана—поутру, слязми умоимся,
Слязми умоимся, а кручинаю уватрёмся, Богу молимся:
А дай намъ Богъ, салдатушкамъ, и пажить, паслужить,
На чужей дальній старонушки галовушку палажить!
Охъ, есть у салдатушикъ крупа и мука,
А мы хлѣба напячёмъ, густый каши наваримъ,
Скинемся па денежки, купимъ винца,
Выпьемъ па рюмычки, падзаўтрикаимъ;
Выпьемъ па другой, разгуляимся;
Разгуляимся, съ кручиный, съ печалью пазабавимся;
А мы выпьемъ па третій, сами пѣсни запяёмъ,
Сами пѣсни запяёмъ, мы ў трахтиръ гулять пайдёмъ!

(Отъ Матрены Лаврентьевой).

28 б).

Солдатское горькое житье.

Полна, снѣжочки, на талой земли лижать,
Полна, салдаты, горя гарювать:
Забувай, салдатушки, атца й матирь, жану,
Спомнитя, служивыя, ружьё, тисакъ, суму.
Салдацка житьё луччи ў свѣтти усяво.
Мы ходя наядимся, а стоя выспимся,
Встанимъ рана, слезми умоимся,
О кручиныю уватрёмся, Богу молимся.
Сложимся па денюжки, винца пушлёмъ;
Выпьимъ па рюмычки, пахмялимся;
Выпьимъ па другой, разгуляимся;
Выпьемъ па третій, новы пѣсни запаёмъ.
Трахъ, тарарахъ, тарарушички
Гдѣ жъ наши дивались прежни душички?

29.

Береза не боится морозу,—молодецъ не боится набора, надѣваетъ нарядное платье, клонитъ свою голову.

— Ты стой, ты, бяреза,
Ты стой, ни шатайся:
Заўтри марозъ будить.
—«Я жъ таго марозу
Да я ни баюся:
Вѣтьтимъ абгарнуся, 2
Макушичку схину». 2

— Ты стой, ты, мальчишка,
Ты стой, не ўбирайся:
Заўтри наборъ будить.
—«Я таго набору
Ну, я ни пабаюся:
Луччи прибяруся, 2
Галоўку скланю». 2

(Отъ Матрены Антоненковой).

30.

Молодецъ, садясь на коня, уронилъ перчатку—считаетъ это дурнымъ предзнаменованіемъ, но утѣшаетъ свою мать.

Въ зялёненькымъ у садику,
Во зялёненькамъ лужку,
На варонымъ добрымъ конику
Черкасскыя сядло,
Черкасскыя сяделышка,
Залатыя стремена.
Какъ садиўся добрый молыдицъ
На ворына кыня,
Абраниў жа добрый молыдицъ
Зъ рукъ пирщатычку далоў.
Вѣрна, добрыму молыйцу
Пирщатычки ни найдить,
Вѣрна, добрыму молыйцу
Въ салдатушки идить,
А жанѣ маей, хазяюшки,
Салдаткую быть,
А радимый маей матушки
Плакать и тужить.
Не плачъ жа ты, мыя матушка,
Всё таперича при мнѣ,—
Наплачишься, мыя матушка,
У ахоту бизъ мяне:
Какъ пагонють насъ,
Добрыхъ молыйцыў,
Вонъ за синія мыря —
Наплачесься, мыя матушка,
У въ ахоту бизъ мяне,
Вотъ таперя бизъ мяне!

31.

(Сельцо Лѣтошники, Росл. у.).

Солдаты вспоминаютъ въ пѣснѣ родимую сторонушку, отцовъ, матерей, молодыхъ жонъ.

Мима лѣсу, мима тёмныва,
Кала садику зялёныга,
Тамъ лижала путь-дароженька,
Ни широкая, ни прабойниста;
Што нихто па ей ни хаживалъ,
Нихто слѣду ни накладывалъ,—
Толька йшли, прайшли салдатушки.
На паходи пѣсни гаркнули,
Пра сваю старонушку здумали:
Старана наша, старонушка,
Старана наша радимая,
Радимая, спракладливая!
Ни дала намъ разгулятца,
Съ атцомъ, съ матирью пупращатца,
Съ маладыми жанами пувидатца!

32.

Мать между молодыми солдатами видитъ своего сына, хочетъ помыть ему голову и расчесать кудри; сынъ отказывается: пусть она это сдѣлаетъ его сестрѣ.

Па гаро̀дамъ твили маки,
Па дарогамъ шли салдаты,
Шли малодэя.
Мати сына сустрикала,
Ина, сустрѣўши, сына узнавала;
Ина, узнаўши, да домику звала:
—«Пайдёмъ, сынку, мы пайдёмъки дадому:
Я памыю буйныю галоўку,
Охъ, я расчашу да русэя кудри!»
— Памой, мати, своей большій дочки:
Мнѣ памоють да дробныя дожжи,
Мнѣ расчешуть да буйнэя вѣтры!

33 а).

Солдатская жизнь въ полку.

Харашо салдатамъ жить,
Да имъ не па кимъ тужить.
Салдатъ бронють, салдатъ бьють,
Салдаты пѣсенки пяють.
Салдатъ службу сапалняить,
Три денюжки палучаить,
По три денюжки въ день,—
Куда хочишь, туда дѣпь:
Хужъ прапей, прагуляй,
Хужъ сударушки атдай,
Хужъ ня пей и ни гуляй,
Сударушки ни 'тдавай.
Купи мѣлу, купи клею,
Да вычисти партупею:
Партупея чиста, бѣла,—
Во салдата спина цѣла.
Мужикъ празничка даждётца,—
Іонъ пивца, винца напьётца;
Салдатъ празничка даждётца,—
Кровью серца абальётца.
Стой пряма, держи права,
Ружьёмъ дѣлай харашо!

33 б).

(Сельцо Радошково, Ельн. у.).

Сядимъ, братцы, на лужочикъ,
Выпьемъ винца мы шташочикъ.
Гоцъ калина, гоцъ малина!
Разскажемъ, братцы, хвацка
Про житьё-бытьё мужицка.
Гоцъ калина, гоцъ малина!

Мужикъ празничку даждётца,
За жану іонъ забярётца,
И вина допьяна напьётца.
Разскажимтя, братцы, хвацка
Пра житьё-бытьё салдацка:
Во салдацкыя житьё—
Хужи нѣту за ўсяго.
Салдатъ празничку даждётца,
Ни слязми, кроўю абальлётца.
Мала жáланья даётца:
По три денюжки у день,—
Куда хочишъ, туда й дѣнь.
Купи мыла, купи клею,
Вычисти сваю партупею;
Пачистиўши, пубялиўши,
Калауры станавиўши.
Калауры бьють па шкури,
На вученьи палкый бьють;
Када палками ни дастала,
Тисаками гдѣ пупала;
Пальцы рубють, зубы рвуть,
Атъ набору въ лѣсъ идуть.

(Отъ Семёна Медвѣдя).

34.

Капитанъ загулялъ и проштрафился.

Въ какой-то кадеми,
Во гдѣ я служилъ,
Я царскую службу
Я страсна любилъ.
Мандеры, палеты
Всѣ на мнѣ блистять;
Маладая агличанка
Въ миня влюблина.
Пашоў на ученьня,
Пазазвалъ гастей,
Купилъ кварту водки
И пару сяльдей.
Пили да гуляли,
Висилó сидѣли;
На заўтря ўсталъ рана,
Галоўка балить.
Глянулъ я ў рюмку,
Рюмка налита;
Хатѣлъ яе выпить,
Другую налить,
Но старшій хвилетыръ
Брязнулъ падъ вакно:
—«Пажалуйтя, баринъ:
Васъ князь требуеть!»
Кликнулъ Антошку,
Антошка былъ пьянъ.
—«Падай, слушай, саблю!»
Онъ суить стаканъ;
Ткнулъ я яму въ рожу,
А самъ пабижалъ.
Прихажу я къ казарми,
О князь во дварцѣ.
—«Какой ты начальникъ,
Какой капитанъ—
Цирульникъ нябрытый
Стаить, какъ балванъ!»
Я съ умомъ смишался
Ни зналъ, што сказать.

(Отъ Семена Кравчонкова)

35.

Выпивка „до-отвала“ изъ муравленой бочки.

Крухъ я бочки хажу,
Крухъ мураўлиныя,
Я на бочку сматрю
На мураўлиныю.
Атмыкайся гваздокъ,
Наливайся мядокъ,
Напивайся душа,
Душа Ванюшкина!
Я напиўся, какъ быкъ,
Самъ не знаю, какъ быть.

36.

Подружка на крыльяхъ полетѣла бы на солдатскую квартиру дружка своего. (Срв. стр. 545, № 15).

Ты, далинъ мыя, далина ширака̀я,
Шираѝая, Маскоўская, сталбавая!
Што па той жа па далини йшли салдаты,
Шли салдаты маладэя, всё уланы.
А за ими идуть матушки раднэя,
Яны идуть, идуть, дарожиньки ня видють,
За узрыганьикамъ славечка не прамовють.
— Варатитись, наши матушки раднэя!
Ни схадитца нашимъ матушкамъ за нами,
Ни змачить сырэй зямелюшки слизами,
Ни супоўнить синя моря гарючами!
Ни ясёнъ саколъ съ типла съ гнизда слитаить,
Маладэй салдатъ са хватеры саижжаеть,
Што ни 'тецъ яго, ни мати праважаить,—
Праважаить яго красная дявица.
—«Кабы мнѣ да, младёшиньки, прежнія воля,
Прежнія воля—быстры крыльля,
Узнилася младешинька, палятѣла-бъ,
Гдѣ салдацкая хватера—тамъ ба й сѣла,
Гдѣ майго дружка пастеля—тамъ ба й пала,
Тамъ ба й пала, я й на вѣки запрапала!»

37 а).

Садъ не во время расцвѣтаетъ, милый въ походъ собирается и ночуетъ у подружки; она его будитъ: пора ему вставать и трогаться въ походъ.— Варіанты имѣютъ различное начало.

Ужъ ты, садъ, ты, мой садъ, садъ зялёненькій,
Ни во время мой садъ разцвѣтаешься!
Ты куда, мой мило́й, сабираешься:
Ты ти ў ходъ, ти ў паходъ, ти ў дарожиньку,
Ты ти ў царску вѣрну служебку?
Заѣзжай-ка, мило́й, заначуй у мяне!
Уставай, мой милой, ужу свѣтъ бялой:
У нашимъ сялѣ пѣтухи пяють,
А салдатушки ў барабаны бьють,
У барабаны бьють, у паходъ идуть!

37 б).

(Сельцо Злотово, Ельн. у.).

Заря вячернія, ты чаво рана занимаисься?
Занималася заря са бялова дня,
Патухала заря съ дажа дробныга.

— Ты куды, мой милой, сабираестя,
У каторыю дальнію стыранў,
За якими, мой другъ, за таварами:
Ти за бѣлыми за бумагами?
Ты начуй-ка ў мяне адну ночиньку!
— Радъ ба начувать,—я зарю прасплю.
— Ты ня бось, ня бось, ты, мой милый другъ:
Я сама ўстаю я ранёшинька,
Я тябе разбужу чуть на зореньки:
Ты ашнись-ка, мой другъ,
Дирявенскія питухи пяють,
Барабанщички ў барабаны бьють,
Уси палки́ у паходъ идуть;
Твая рота сурижаитца,
Всё тябе, мой другъ, дажидаетца.

37 в).

Ахъ, вы ня дуйти-тка, а да вы ни бушуйти-ка,
У поли витяры!
А ни здума́йти-ка вы твѣтъ рябиныvый,
Твѣтъ рябинушки, твѣтъ кудрявыя.
Пыдъ рябинкыю крывать тисовая,
А на крыватушки пярины пуховыя,
У пяринушкахъ ляжить добрый молыдицъ,
Пирядъ имъ стаить да красныя дѣвушка;
Красныя дѣвушка сильнёшинька плачить:
—«Ты устань, устань, добрый молыдицъ,—
Устань, прыбудися:
Всѣ салдатушки ўсѣ въ страю стыять;
Барабанщички ўсѣ въ барабаны бьють,
Въ паходъ идуть!»

37 г).

(С. Хохловка, Смол. у.).

Травушка-муравушка, зялёный лужокъ,
Па табѣ, травушка, не нахажуся,
Каго вѣрна люблю, не нагляжуся,
Каго ненавижу—ўсегда на глазахъ.
Люблю, мати, чорнага, чернабровага,
Яго кудерки ў чатыри ряда,
Пятый рядочикъ на плечахъ ляжить,
Слоўна жаръ гарить—жанитца вялить:
—«Жанись, молыдецъ, жанись, удалэй,
Бяри удаву, салдацку жану».
Салдацка жана при палка́хъ жила;
Горя видѣла, парня злюбила,
На нычъ пустила, рана ўзбудила:

—«Уставай, милой, уже свѣтъ бялой;
Всѣ роты и палки ў паходъ пашли;
Адна ротушка заставаитца,
Тябе, мой милинькій, дажидаитца».

38.

(С. Полуево, Росл. у.).

Салавей мой, салавей, разсалоўюшка,
Ты куда лятишъ, куды думаишъ?
Я лячу, лячу на ту сторану,
 У зялёну рощу.
У зялёный рощи гиныралъ гуляў,
 Зъ гиныральшію;
Размалодинькій салдатъ на часахъ стыяў,
На часахъ стыяў, сабѣ змѣны ждаў,
Сабѣ змѣнушки, пирямѣнушки,
Паказалися яму часы доўгія,
Часы доўгія, ночи тёмныя,
Тучи грозныя, вѣтры буйныя,
Вѣтры буйныя, дажжи дробныя.

39.

Дѣвица голубымъ платкомъ даритъ молодого солдата.

По сади дяўчонычка гуляла,
Черезъ садичикъ дарожинька лижала;
По садику дяўчонычка гуляла.
Туда йшли, пращли салдаты маладыя;
Во па садику дяўчонычка гуляла,
Галубымъ платкомъ салдата дарувала.
А ни жаль мнѣ платочка галубога,
А жаль мнѣ салдата маладога.

40.

Любовныя похожденія солдатъ.

Наши ребятушки-салдатушки
На ученія идуть, разгавариваюгь;
Со ученія идуть, всё пасвистываюгь;
За калечка бярутца, пабрясниваюгь.
—«Ти дома Ѳядосья, ти дома серца маё?»
Ѳядосья ў чулани, заперта тремя ключами.
Двери палумали, увяты (?) выставили,
Хадосью выманили.

41.

Сестрица Алена варитъ для трехъ солдатъ лакомыя кушанья.

Дяревня Альхоўка,
А ў тэй дяреўни
Стыять три сылдаты,
Стыять три сылдаты—
Всё родныи браты:
Аднъ жа Яшка,

Другей воръ Игнашка,
Третій братикъ—
Максимка салдатикъ.
Алёна сястрица
Избушку тапила,
Три вѣсти варила;
Ахъ, первыя вѣста—
Слажоныя тѣста,
А другая вѣста—
Пиражокъ съ гарошкымъ,
А третія вѣста—
Кулага да брага.

42.

Дѣвица хочетъ идти съ солдатомъ въ походъ, назвавшись его сестрою; онъ отвѣчаетъ, что женатъ.

Дѣвица крапивицу жала,
Кажитца, ни съ кѣмъ ни стыяла,
Толька жъ я зъ милымъ гаварила:
—«Милинькій, вазьми мине съ сабой,
Назави сваей родный сястрой!»
Вси ў палку начальнички знають,
Што у мине родный сястры нѣту;
Есть у мине матушка радная,
А ящо жана маладая.

43.

(С. Плоское, Смол. у.).

Солдаты гуляютъ съ дѣвицами, не думая о женитьбѣ.

Каба ў нашимъ горыди
Были дѣўки харашы:
День ходють па рынычку,
А у вечиръ въ кабачокъ;
Пьють анѣ гарѣлычку,
Салдатъ висилять,
Жанитца вилять:
—«Жанитися, салдатики,
Жанитися, малайцы!»
—Рады бъ мы жанитися,
Намъ некыва была брать;
Наварили пивушка,
Не съ кимъ было яго пить;
Пили бъ мы салодкій мёдъ,
Сказали, братцы, ў паходъ!

(Отъ Матрёны Михалёвой).

44.

Молодецъ ушолъ съ караула, пришолъ посмотрѣть на свое подворье; отецъ не пустилъ его во дворъ.

Што вились, вились да ў добрыга молайца
Да русыя кудри,
Чули, чули русыя кудерьки,
Чули худоя время,
Што быть, што быть добрыму молыйцу,
Што быть у салдатыхъ,
Служить, служить добрыму молыйцу,
Служить да бѣлыму царю,
Стыять, стыять добрыму молыйцу,
Стыять пыдъ калаурымъ.

Ушоў, ушоў да добрый жа молыдицъ,
Ушоў съ калауру;
Пришоў, пришоў да добрый жа молыдицъ,
Пришоў на сваё падворья,
Іонъ стукъ-пастукъ у варотики,
Іонъ стукъ у щитовы:
—«Атчинись, атчинись, батюшка,
Щитовы вароты!»
— Ни 'тчиню, ни 'тчиню, маё дитятка,
Щитовы вароты,
А сотнички, десятнички
Съ-падъ вакона не выходють.
Пашоў, пашоў да добрый жа молыдицъ
Да й слезна заплакыў:
—«Загарись, загарись майго батюшки
Ширако падворья!»

45.

Мимо зеленаго садика идутъ солдатики и вспоминаютъ въ пѣснѣ свою родину, своихъ женъ и дѣтей.

Кала садику, садику зялёныга,
Кала териму, териму високыга,
Пралигала тамъ дарожка
Шурака, байка, раскатиста.
Туда йшли, прайшли три палки салдатъ:
Упярёдъ идуть—то ружейнички;
Пасярёдъ идуть—то нявольнички,
Назади идуть—барабанщички;
На гару ўзыйшли, ружьёмъ брязнули,
Пѣсню сгаркнули:
«Старана наша, старонка вясёлая,
Ты, земля наша, земла хлибародная,
Ты, луга наша, луга синакосная,
Ты, жина наша, жина чернабровая,
Ты, дитя маё, дитя дробныя!»

46 а).

Солдатъ выслужилъ 25 лѣтъ, вернулся домой и никого изъ родни не засталъ.

Паслушайтя, братцы, савѣту майго:
Савѣтъ мой прикрасный дарожи ўсяго!
Во першій савѣтъ мой: садъ зиляной;
Во садъ жа зялёный ва время твитёть.
А другой савѣтъ мой: салдатъ въ гори живу;
Куда яго пóшлють, туда іонъ идёть.
Ступай, братъ, на службу, забирай парадъ!
Я ў томъ жа паради салдатъ-воинъ быў,

Разбиў сорыкъ пушикъ и хрёстъ залатой.
Атбиў ручку, ножку, ступай, братъ, дамой!
Што мнѣ йдить да дому? дома й роду нѣтъ,
Толька ўсяго роду—жина малада.
Прихажу я къ дому, жаны дома нѣтъ;
Сѣў я, задумаўся, падпёрся рукой;
Падпёрся рукой, аблиўся слязой.
Во служиў 'я службу о двадцать пять лѣтъ,
Тяперь я нищастный на ўвесь бѣлый свѣтъ.

46 б).

Великіе подвиги, совершаемые солдатомъ. Неравный жребій: одному судьба шлетъ побѣду и награду за нее, другому смерть или увѣчье. Несмотря на сознаніе, что бѣлый свѣтъ принадлежитъ ему, лично для себя солдатъ не пріобрѣтаетъ ничего: безродному некуда возвратиться, убитому въ сраженіи неоплаканная могила.

Сматритя, маи падружечки, какъ ноничи свѣтъ!
Во 'динъ салдатъ бѣдный ва гористи живётъ,—
Куда иво пошлють, туда іонъ идётъ.
Разбить государства—ступай, братъ, туда;
Атбиў сорыкъ пушекъ, —шлють хрестъ зылатой;
Атбиў ручку, ножиньку,—ступай, братъ, дамой!
А у мине жъ дома въ мине роду нѣтъ!
Вотъ табѣ награда—увесь бѣлый свѣтъ.
Што въ лѣсѣ дереўня, у поли плыда!
Кто ў дереўни пóмрить, закапàть даской;
Кто на поли помрить, закапать пяскомъ;
Што па старшимъ брату служить архирей,
Па бѣднымъ салдату свищить сылавей.

47.

Старые солдаты не надѣются возвратиться на родину; жалко имъ отцовъ, матерей, дѣтушекъ-сиротъ, а молодыхъ женъ не жалко: онѣ найдутъ себѣ мужей.

Й-а ў лужкахъ, лужочкахъ зялёныхъ,
Прахадили тамъ стружки кленавыи,
За стружочками лотки кленавыи,
Й-а ў тыхъ лотычкахъ старыи салдаты,
Яны 'дуть, ня йдуть, тижало вздыхають,
Пра сваю яны радиму старонку а спаминають.
Охъ, и знать то намъ на сваей старонки ни бувати,
Атца съ матерью въ глаза ни видати, ни видати,
Зъ маладымъ жонамъ ночи ни ўсыпати, ни ўсыпати,
Маладымъ жонамъ многа мужья будить, многа будить,
Дробнымъ дѣтушкамъ батюшакъ ня будить, што ня будить.

48.

Печаль новобранца: безъ него мать не справится съ хозяйствомъ, луга останутся неубранными.

Устывай-ка, мыя матушка, ранёшинька,
И-и ты ранёшинька,
Утвыряй-ка ты дѣжичку паўнёшенька,
Ты пяки-ка, мая матушка, блины, пираги;
А прiѣдуть жа къ намъ гостики нялюбыя,
И што й нямилыстивыя,
Ахъ, и будуть мяне, матушка, кувать и визать,
И-и въ вазочикъ сажать.
Ахъ, и ты жъ, мыя матушка, ня тужъ па мнѣ и ни плачъ
Па удалыму мо́лайцу,
Па удалыму малайцу́, па румяныму лицу.
Якъ и выйдишъ, мыя матушка, ў чистоя поля,
И-ихъ въ чистоя поля,
А во чужоя жъ полюшка попахана
И-е поскарожена,
А и наша, мыя матушка, ни пахана,
И-и ни скарожена:—
И во тады жъ, мая матушка, патужъ, поплачъ
И-е по удалыму мо́лайцу,
По удалыму малайцу́, па румяныму лицу,
И-и па румяныму лицу.
Яще выйдишъ, мыя матушка, за навыя варата,
И-и за навыя варата,
Якъ и глянишъ, мыя матушка, у зялёныя луги,
И-и у зялёныя луги,
Во ў чужiя рязочки, пакошиныя, й-ай пагребиныя,
И-и пагребиныя,
И пакошеныи, и пагребиныи, й-ай перевоженыи,
И-и перевоженыи;
Ахъ, и нашъ, мыя матушка, ня кошеный стаить,
И-и што нягребиный,
И ня кошенъ, и ня гребинъ, и ня воженый,
И-и ня воженый:—
А тады жъ ты, мыя матушка, патужъ и поплачъ
И-и по удалому молайцу,
По удалому малайцу, па румяныму па лицу,
И-и па румяпыму лицу!

49.

Солдата безпокоитъ безпомощность покинутой имъ семьи.

Вохъ ты ня стой, бярёза, надъ рѣчкую,
Вохъ ты ня стой, бярёза, надъ быстрыю!
Съ кариня бярёзу вадой мыить,
Сиряди бярёзу чарьвякъ точить,

Зверьху бярёзу бурюй зломить.
Да ты стой, бярёза, сиряди лугу,
Сиряди лугу зялёныга!
Падъ бярёзыю вармія салдатъ;
Уси сылдатушки висялёшиньки,
Ай, ядинъ салдатъ скушанъ, нивясёлъ.
— Ну, якъ мнѣ, братцы, висялому быть,
Што мой батюшка старёшаникъ,
Мыя матушка ящо старшій,
Но сястрёшинька малёшинька,
Мылыдая жина глупёшинька!
(Отъ Екатерины Подгрудковой).

50.

Солдатъ посылаетъ своими товарищами поклонъ на родину.

Внизъ па рѣчушки лебёдушка плывёть,
Не мыя ли радна матушка идёть?
Ты пади-ка, гусударыня,
Пасматри да на горькыга мяне:
Какаво я ў чужихъ людяхъ я мальчикъ живу,
Ни па плису, ни па бархыту я мальчикъ хажу!
Я хажу, хажу па широкыму свайму двару.
Какъ у насъ, за широкимъ за дваромъ,
Разливалась Волга матушка, рѣка,
Затапляла ўсѣ зялёныя луга,
Тольки атставался адинъ маленькій лужокъ.
Ахъ, станавилися усѣ Неўцы у кружокъ.
—Не пайдеть ли хто ў будущимъ гаду дамой?
Вы няситя майму батюшки ой низкой паклонъ,
А матушки—панижѣй таго!

51.

Солдатскіе поклоны и подарки съ дальней сторонушки молодой женѣ, роду-племени.

На гарѣ дубокъ зилянёшинькій,
Іонъ бязъ вѣтрику платаитца.
Быў у батюшки адинъ сынокъ,
Тотъ на вайну сабираитца,
Зъ атцомъ, зъ матушкый пращаитца,
Маладэй жанѣ пращення нѣтъ:
—«Ни плачъ, жана, ни плачъ, душенька:
Када жиў буду, дамой приду;
А ня жиў буду, письмо пришлю,
Родныму батюшки низкой паклонъ,
Родный матушки куньнію шубычку,
Родныму брахниньки каня ворына,
Родный сястрицы шалковый платочекъ,
Маладэй жанѣ залотэй перстинёчекъ».

52.

(С. Каблуково, Красн. у.).
Солдаты во время похода зашли ко вдовѣ.

Вы, салдатушки уланы,
Ваши коники буланы,
А йдѣ были-прабували?
Мы падъ горыдымъ стыяли,
Падъ Мажаимъ ваивали,
Чиризъ Маскву прахадили,
Къ удовушки захадили;
—«А, ўдовушка маладая,
Пусти ночку начувати!»
А ўдовушка ни пускаить,
Варотики запираить.
Гости на то ни ўпували,
Сильна двери аббивали,
Вси въ избушку вабралися
И сѣли гости вси на лаўкахъ,
Вси па лаўкамъ па прилаўкамъ.
Адинъ гость сѣлъ павыши,
А ўдава стала возли печки,
Прижаўши ручки къ сярдечку.
—«Даўно ли ўдава заўдавѣла?»
—Заўдавѣла лѣтъ питнацать,
А бизъ малыва съ годымъ двацать.
—«Ти многа ли, ўдава, дятей?»
—А ў мяне дѣтыкъ чатвёрка.
—«А ти многа, ўдава, хлѣба?»
—У мяне хлѣба асьмина.
—«А ти многа, ўдава, денигъ?»
—А денигъ у мяне палтина.

53 а).

Сынъ и отецъ возвращаются изъ солдатъ на родину, заходятъ въ домъ свой, неузнанные хозяйкой, но по своему полотенцу она признаетъ ихъ.

Какъ падъ деревымъ высокимъ,
Вотъ тамъ хиженка стаить,
А у тэй у хиженки
Всё салдацкая жана живётъ.
Какъ и ўдругъ жа пастучались
Два героя падъ акно.
—«Ты, любезная хазяюшка,
Пусти на нычъ начувать насъ!»
—Ужъ я, права, передъ Богамъ
Усю праўду вамъ скажу:
Три дня хаты ни тапила,
Ни варила ничаво.
—«Ты, любезная наша хазяюшка,
Намъ не нада тваё ничаво:
Мы съ пахода пріустали,
Мы желаемъ атдахнуть.»
—Кагда будетъ вамъ угодна,
Прашу милысти къ сябѣ.
Яны ў хату ўхадили,
Но малились абразамъ;
Памалёмшись анѣ Богу,
Яны садились па мѣстамъ.
Но любезная хазяюшка
Прочъ и къ печи аташла,
Прочъ и къ печи аташла,
Ина слезами залилась.
—«Ты, любезная наша хазяюшка,
Абъ чомъ плачешъ и грустишъ?»
—Ужъ и какъ жа мнѣ не плакать?
Но не меньше, какъ лѣтъ двадцать,
Сдали сына и мужа маяго.
Но какъ выниў іонъ палатенца:
—«Не тваё ли ета рукадѣльица?»
—Тяперь вижу мужа й сына сваяго!

53 б).

Закаталысь жаркыя соўнышка
Што за тёмныя лѣса;
Уси пташечки пріўзаўныли,
Ены садились по мѣстамъ,
Всё па дереўцамъ, па метлицамъ,
Па ракитывамъ кустамъ;
Ну, на двухъ жа на дереўцахъ,
Ну, на двухъ жа толька,
Нѣту пташки никакой.
Между двухъ тыхъ дереўцоў
Стаить хижинка нава,
Кала тэй жа кала новэй хижинки
Тамъ дароженька прашла.
Какъ па тэй жа па дароженькѣ

Два салдатики ишло,
Падхадили яны къ тэй хижинки,
Ены стучались падъ вакно:
—«Разлюбезная наша хазяюшка,
Пусти на нычъ начевать:
Мы съ дарожиньки пріўстали,
Мы желаемъ атдахнуть!

54.

Пріѣздъ милаго дружка; угощеніе щедрою рукою для него и для прислуги; кормъ лошадямъ его.

Думаю, надумаю: безъ пичали не пражить.
Гляну ль я падъ ноженьки—дарожка ляжить,
Къ той дароженьки каляска бяжить,
А у тэй калясычки мой милый сядить.
Коники вароныя ня можуть стыять,
Кучеры-хвалетыры ня можуть диржать,
Коникамъ вароненькимъ па мѣрки аўса,
Кучерамъ-хвалетырамъ па рюмки вина.

55.

Молодая вдова сорвала макушку зеленой ольхи, провожая милаго дружка. Потомъ ожидала его, всходя на гору и смотря на море, но не вернулся милый назадъ.

Ахъ, ты, вальха, вальха, ты зялёныя мыя!
Охъ, и хто жъ табѣ, вальха, макушечку сарвалъ?
Мнѣ сарвала, сарвала маладая удава,
Праважаючи свайго милага дружка.
Я ўзыйду, я ўзыйду я на крутэю гару,
А я гляну, а я гляну на синя моря, на дно:
А ти бьёть, а ти бьёть па синимъ морю вална,
А ти йдёть, а ти йдёть да мой миленькій дружокъ?
А ня бьеть, а ня бьеть па синимъ морю вална,
А ня йдеть, а ня йдеть ка мнѣ миленькій назадъ.

56 а).

Съ вечера дождикъ, а къ свѣту туманъ. Отъѣздъ милаго дружка на войну; ведутъ его съ чистаго поля, тяжело раненаго. Жена безъ памяти повалилась на тесову кровать.

Са вечира дождичекъ, а къ свѣту туманъ,
А мнѣ, маладёшенькѣ, ўсё горе, печаль,
Ахъ, ну, ўсё горе, печаль.
Паѣхаў мой милый другъ, паѣхаў на часъ,
Гавариў мнѣ милый другъ: варачусь сейчасъ!
Если не взваротишься, махни хуть рукой,
Не махнёшъ рукой,—ступай, чортъ съ табой!
Пайду младёшенька въ новую гореньку.
Якъ сяду младёшенька падъ акошечкамъ,
Атчиню акошечка касятчатыя,
Якъ гляну младёшенька въ чистыя поля:

Ахъ, въ чистымъ жа поли казаки ѣдуть,
Майго разлюбезнага падъ ручки вядуть.
Ну, я, маладёшенька, я сумилася,
На тесову краватачку завалилася.

56 б).

Напрасно подружка дожидаетъ милаго дружка: гусары уже вернулись и ведутъ коня убитаго дружка.

Са вечера дождь, дождь, са утра туманъ, туманъ,
А мнѣ, маладёшеньки, все таска-пичаль,
Такая пичаль: дружка дома нѣтъ.
Паѣхаў мой миленькій, іонъ съ двара на часъ,
А двору нѣту сейчасъ.
Када ни зваротишься, распращаемся.
Пайду маладёшинька въ нову горенку,
Сяду маладёшинька падъ вакошичка,
Падъ тоя вакошичка падъ растворчистая.
Сматрю маладёшинька въ чисто́ поля:
Въ чистомъ поли гусары идуть,
Майго разлюбезныга коника вядуть:
Знать мой разлюбезный другъ убитый ляжить.

57.

Сѣрые волки несутъ „стрѣлечью" голову и спрашиваютъ у нея, есть ли у нея отецъ и мать.

А съ-падъ гары, гары крутэя
А бягуть ваўки, ваўки сѣрыя,
А нясуть гылаву чилавѣччію,
Чилавѣччую, ўсё стрялеччію;
А яны ў гылавы дый папытыють:
—«Іось у тябе, гылыва, атецъ, мать радна?»
— Якъ бы ў мяне гылавы, атецъ-матушка,
Ни качалысь ба я па чисту полю,
А схували бъ гылаву папы и дьяки,
И папы и дьяки, усё вобчиства.

58.

(С. Радошково, Ельн. у.).

Жена въ убитомъ на полѣ сраженія узнаетъ мужа.

Въ чистымъ поли стояла ракита.
Какъ падъ етый падъ ракитый салдатикъ убитый;
Онъ убитъ, принакрытъ чорныю китайкый.
Къ нему паня прихадила, жана маладая,
Китаичку аткрывала, лицо признавала,

Лицо ў лицо признавала, уста цалувала.
Ты устань, устань, прашнися, салдатикъ убитый,
Твой конь вараной па лугамъ гулянить,
Мяне, молыду жану, дамой ажидають.

(Отъ солдата Ивана Тихонова Кондрашова. Такой-же текстъ былъ записанъ и въ с. Буловицахъ, Смол. у. отъ кр. Бориса Демьянова).

59.

(Сельцо Медвѣдовка, Смол. у.).

Конь извѣщаетъ молодую жену о смерти ея мужа [1]).

Салдатъ съ горюшкымъ стрѣчаитца...
Што ў поли, на високымъ курганѣ,
На кургонышку тамъ престоличикъ стаить,
На престолику тѣла бѣлая ляжить,
У галоўкахъ хрёстъ сяребриный ляжить,
У ручинькахъ свѣча ярая гарить,
У ножинькахъ конь варонинькій стаить,
Капытами сыру зямлю выбивалъ,
Свайго пана-хазяина прабужалъ:
—«Ты устань-ка, панъ-хазяинъ маладой,
Ты устань-ка, хучъ галоўкый пакачай,
Свайму каню путь-дарожку пакажи!»
— Ужъ ты, коня, конь вароненькій мой,
Ты бяжи-ка па дарожки сталбавой,
Па дарожки сталбавой на сталишны гарада,
Ты сматри-ка, гдѣ навэя варата.
На сустрѣчу малада ево жана:
—«Ужъ ты, коня, конь вароненькій ты мой,
Ты скажи-ка, идѣ казакъ маладой?»
— Казакъ маладой ажанился на другой:
Ажанила малайца поля чистыя,
Сабля вострая, пуля быстрая.

(Отъ кр. Тита Евменова).

60.

Казакъ посылаетъ конемъ на родину извѣстіе о своей смерти: оженили молодца поле чистое или востра сабелька, пуля быстрая, обручилъ мечъ булатный.

На край мори й-аганёкъ гарить, 2
Й-аганёкъ гарить, кавёръ посланый;
На томъ каўрѣ тѣла бѣлая,
Тѣла бѣлая, ўсё салдацкая.
Й-а ў рукахъ дяржить конь варонинькій.
—«Ты, хазяинъ мой, садись на мяне,

---

[1]) Къ №№ 59—61 близко подходятъ нѣкоторыя пѣсни изъ отдѣла молодецкихъ и чумацкихъ, въ которыхъ развивается та-же тема.

Садись на мяне, я звязу тябе,
Я звязу тибе ў тваю сторыну!»
— Матушки скажи, што я ўбитъ ляжу,
Й-ажанилъ мяне вострa шабелька,
Й-абручилъ мяне мечъ булатная.

61.

Конь убитаго солдата несетъ на родину его отцу и матери низкій поклонъ, молодой женѣ всю волю.

Ужъ ты, поля маё, (2) поля чистыя,
Ну, раздольля маё всё висёлыя.
Ну ты чимъ, поля, привукрашина,
Ни тваточками—василёчками.
Ничаво жъ ты, поля, ни спарòдила,
Зарадила поля частъ ракитывый кустъ;
Но падъ тымъ кустымъ тѣла мертвыя ляжить,
Тѣла мёртвыя чилавѣчискыя,
Чилавѣчискыя, всё салдацкыя.
Но салдатъ маладой—стиржантъ палкавой,
Іонъ убитъ ляжить, но ўвесь зранитый.
Сподли боку ў ниго шабля вострыя иво;
Въ галавахъ у ниго шляпа чорныя иво;
Но ў нагахъ у иво конь вароный стаить.
—«Но ты, конь, конь мой, конь, таварыщъ мой,
Ты бяжи жъ, мой конь, къ майму батюшки радному,
Но няси жъ, мой конь, во жъ низкòй паклонъ
Майму батюшки, маей матушки,
Маладой жанѣ—всяе волюшку:
Пусть мине ня ждётъ, нярушъ замужъ идётъ.

62.

Когда бъ имѣла быстрыя крылья, полетѣла бъ къ милому на войну, чтобы собрать его кости и похоронить.

Урадилась Маша хараша,
Балитъ сэрца па тябѣ, душа.
Вѣрна, Маша, табой не владати.
Па вѣкъ вѣшный въ глаза не видати,
Выбирали дружка у палки,
Охъ, и ўбили, ўбили милыга майго.
Кабы мѣла, мѣла да быстрыя крыльля,
Палятѣла бъ къ милыму свайму,
Я бъ сабрала костычки яго,
Палажила бъ въ новенькій грабокъ,
Атслужила бъ па ёмъ правадокъ,
Закапала бъ у сыру зямлю!
Памерла мыя надежда,
Паканчалася любоў.

63.

(С. Плоское, Смол. у.)

Смерть солдата; печаль его подружки, хочетъ она размѣняться хоть съ мертвымъ дружкомъ колечками.

Ни дымы у поли задымилися,
Салдаты зъ Масквы у паходъ пашли,
А майго жъ то дружка якъ нѣтъ, дакъ нѣтъ.
Охъ, и мой жа друхъ, іонъ убитъ ляжить,
Ретивомъ серцымъ ки сырэй зямли,
Ружьё царьскыя пазаржавиўши.
Падбѣжала къ яму красна дѣвушка,
Яго прежнія палюбоўница:
—«Устань-ка, ўстань-ка, мой сярдешный друхъ,
А прамоў-ка мнѣ хучъ славечушка,
Разминяемся съ табой на калечушка!»

(Отъ Матрены Михалёвой).

64.

(С. Радошково, Ельн. у.).

Смерть полковника; конь ржаньемъ на родину вѣсть подаетъ.

За гарами агонь гарить, а ў полюшки видна.
Померъ, померъ, памираить палкоўникъ сваей скору смертюй.
—«Ни кладитя мяне, братцы, на траўки-мураўки,
А паложтя мине, братцы, ў святлицы на лаўки!
Заржи, заржи, конь, вароный, на маю старонку:
Ни паслышить мая матя у сваей святлицы, што я помираю!»
Матя ложки мыла, голысымъ завыла.

(Отъ старухи Прасковьи Сафоновой).

65.

Смерть полковника. Предчувствіе, потомъ печаль жены, плачъ дѣтей; конь понурилъ голову безъ хозяина.

Ждала, ждала дяўчонычка
Палкоўничка ў гости.
Ни даждаўшись дяўчонычка
Лажилась спать адна.
Поутру рана ўставала,
Серце занывала.
Ноеть, ноеть маё серца,
Ноеть, занываеть.
Померъ, померъ палкоўничекъ
Сваей скорый смертью.

Аставался ў палкоўничка
Конь вароный адинъ.
Атставалась у палкоўничка
Жена маладая, дробныя дѣти.
Каня вядуть, тѣла вязуть,
Конь галоўку клонить;
Маладая палкоўница
Бѣлы руки ломить.

66.

Хорошее начальство у солдатъ,—они веселы и довольны; полковникъ ихъ любимецъ.

Развясёлыя салдаты,
Аднемъ словымъ, маладца:
Сколь на службѣ ни трудятца,
Аднемъ словымъ, висилятца,
Всякея нужды пиряносють,
Абъ здаровьи Бога просють:
—Саздай, Божа, намъ здароўя,
Камандирамъ нашимъ тожъ.
Нашъ ротный камандиръ,
Нашъ маіоръ гаспадинъ,
Онъ ни спалъ, ни дрималъ,
Батальонъ свой абучалъ 2
Для прибытія царя.
Вдругъ явился нашъ начальникъ,
Ки ўсяму палку атецъ, 2
Нашъ палкоўникъ, маладецъ,
Съ правыга фланку заѣзжалъ,
Слова ласкывыя сказалъ:
—«Вы, рибяты, прибадритись,
Гасударю пакажитись,
Царь васъ палетымъ надялить
И деньгами наградить!»
—Мы за здравія царя
Пьёмъ па крышички винца.
—«Но за вашу, братцы, службу
Ящо больши атъ миня!»

67 а).

Солдаты, спасшіе генерала, отказываются отъ денежной награды: просятся только въ домовой отпускъ.

Мы спяёмъ, спяёмъ, братцы, пѣсню новую.
Па синёмъ морю тамъ плыветь тонкая достычка,
Тамъ плыветь достычка караблиная,
Што на достушкѣ гиниралушка заливаитца,
Кличить, кличить сваимъ громкимъ голысымъ:
—«Вы, салдатушки, вы, маи ребятушки,
Порятуйти-ка вы, рибятушки, янипалушку!
Вы тягнити-ка яниралушку на сухой бирягъ, на сухой бирягъ!..
Салдатушки жъ, вы, маи ребятушки,
Охъ, и чимъ жа мнѣ васъ пожалывать:
Ахъ, ти золытымъ, а ти сéребрымъ?»
—«Што ни нада намъ ни золыта, намъ ни серебра,—
Ты пусти-ка насъ въ дамовый въ отпускъ,
Къ атцамъ, къ матушкамъ, къ атцамъ, къ матушкамъ,
Къ атцамъ, къ матушкамъ, къ маладымъ жанамъ,
Къ маладымъ жанамъ, къ дробнымъ дѣтушкамъ!»

67 б).

А да што па морюшку, што па морюшку, морю синиму,
А да што плывётъ, плывётъ тонкая достычка караблиная.
Што на достычки винираль сядить, сядить, заливаетца,
Іонъ кричить, вапить громкимъ голысымъ:
—«Вы, салдатушки, дробны дѣтушки!»...

— Виныралушка, грозинъ батюшка,
Атпусти-тка насъ въ дамавой отпускъ;
Къ маладымъ женамъ, къ дробнымъ дѣтушкамъ!

67 в).

Запяёмъ мы, братцы, пѣсню новую,
Тую самую, якъ на синёмъ мори
Да плыветь достычка карабельная,
На тэй достычки ай да ганиралушка
Плыветь, заливаитца,
Вонъ кличить, кличить сваимъ громкимъ голысымъ:
— Вы, салдатушки, мае добрыя дзѣтушки,
Вы закидайтя тенёты шалковыя,
Валакити-тка на крутэй биряжокъ,
На жолтенькій на пясокъ:
Ужъ я тама буду жалавать 2
И златамъ и сёрибрамъ!
—«О, не нада жъ намъ ни злата, ни серибра,—
Распусти-тка насъ въ дамавой отпускъ,
Въ дамавой отпускъ, къ маладымъ жонамъ,
А да къ маладымъ жонамъ и да дробнымъ дзѣтямъ!»

XXV. ТЮРЕМНЫЯ ПѢСНИ [1]).

1.

Кукушка кукованіемъ на березкѣ говоритъ правду: молодца взяли, ручки сковали, ножки связали, хотя онъ не плутъ, не мошенникъ, не горькій пьяница, только до дѣвушекъ охотникъ, молодушкамъ разлучникъ.

Якъ у поли, ў поли, при ў далини, стыяла бярёза,
А ина тонка, тонка, ни висока, карянёмъ глубока,
Карянёмъ ина глубока, листикымъ шурока.
Якъ на тэй жа на бярёзи сядѣла кукуша,
А ина жалка, жалка кукувала, праўду казала:
Якъ учора, учора вячора молайца узяли,
Молайца, братцы, узяли, ручиньки скували,
Ручиньки, братцы, скували, ножиньки звизали,
Ножиньки, братцы, звизали, ручиньки скували,
Пасадили, братцы, парня й а ў новый вазочикъ,
А ў новинькій вазочикъ, въ саменькій задочикъ.
Сами сѣли, сѣли загримѣли, пѣсенки запѣли,
Пѣсенки, братцы, запѣли, молыдицъ заплакаў,

[1]) Мѣстность не обозначена при записяхъ въ с. Даньковѣ, Смол. у.

Молыдицъ, братцы, заплакаў: «Нашто мяне мати радила,
Нашто мяне мати радила, въ бѣлый свѣтъ пустила!
Я ни плутъ, ни плутъ, ни машенникъ, ни горькая пьяница,—
Я да дѣвушикъ ахотникъ, да малодушикъ разлушникъ».

2.

Проклятіе тюрьмѣ.

Далина, далинушка,
Далина широкая.
На тэй на далинушки
Стыяла рябинушка 2
Тонкая, високая, 2
Листикымъ широкая.
На тэй на рябинушки
Сидять мелки пташечки,
Сидять тихошинька,
Пяють жаласнёшенька.
Въ горыди, на рынычки,
Стыяла тюрёмушка,
Новая дубовая,
Крѣпка заключоная.
У тэй тюрёмушки
Сядить добрый молыдицъ,
Іонъ сядить тихошинька,
Плачить жаластнёшинька.
Пришла къ яму дѣвушка,
Пришла къ яму красная.
— «Ты, молыдицъ, молыдицъ,
Ти я тябе ссушила, 2
Ти тёмна тюрёмушка?»
— Ты, дѣвушка красная,
Ня ты мяне ссушила,—
Ссушила тюрёмушка 2
Новая дубовая,
Крѣпка заключоная;
Ну съ тэй жа тюрёмушки
Ни выйдить, ни выѣхыть, 2
Ни сокылымъ вылетить!
Кабы тябѣ, тюремушка,
Агнёмъ загарѣлыся, 2
Полымимъ запыхала,
Якъ съ тябе, тюрёмушка,
Ня выйдить, ня выѣхать!

(Отъ Катерины Подгрудковой).

3.

Уля платочекъ на базарѣ украла; ее поймали, въ острогъ посадили.

Вуля мыя, Вуля,
Вуля дарагая,
Дяўчоначка маладая.
По саду Уля гуляла,
Калинку да лумала,
Въ пучочки ина визала,
Въ Маскву горыдъ атсылала,
Калинкуй Вуля таргувала,
Платочикъ жа украла;
Вулюшку да пыймали,
У вастрогъ да ўсадили.
Кала таго, братцы, астрогу
Тамъ ни ходу, тамъ ни ѣзду,
Тольки ходють, тольки ѣздють
Паны да двыряни,
Мужуки да кристьяни.

4 а).

(С. Каблуково, Красн. у.).

Истязаніе арестантовъ. Бродяги спаиваютъ конвой, сами убѣгаютъ.

Ужъ вы, старые брадяги,
Польна горя гарювать!
Якъ пришли зимы-марозы,
Атлишилися гулять;
На улицу выхадили,
Станавились у шарбнгъ,

Ручки къ ружью привязали,
За прикладъ насъ пувяли;
Упереди на насъ гразятся,
Пазади по плечамъ бьють;
Плечи, спину сустебали,
У гашпиталь насъ пувяли;
Разували, раздѣвали,
Насъ на коечки кладуть,
Мокрымъ тряпьимъ выкладали:
Насъ вѣрна вылѣчить хатять.
Мы су коечки ўставали,
Станавились у шаронгъ,
Другъ на дружку паглядали,
Каторымъ куда идить:

Каму идить къ Навабруйску,
А каторааму ў Мажай.
Въ Навабруйску идить не хочемъ,
А ў Мажайску намъ не быть.
Путь-дароженька лежала,
По путю насъ повели.
Возлѣ лѣса деревушка,
На канцы яе кабакъ,
Цѣлувальникъ намъ знакомый—
И со тыхъ со брадягъ.
Набяремъ вина паболій:
Мы напоимъ винвалидъ;
Другъ на дружку пасматрѣли,
Каторымъ куда уйдить.

4 б).

(Къ Могилевской губерніи).

Старыхъ бродягъ въ полонъ забирали.

Вохъ вы, старые брадяги,
Польна ў рощи зимувать:
Настаёть зима, марозы.
Мы пайдёмъ, рибятушки,
Мы съ ахотушки гулять.
Насъ ба, братцы, забирали,
А ў палонъ насъ пазабрали,
Спину, плечи сустигали

И мокруй тряпкуй прикладали,
Знать выличить насъ хатять,
Значить выличить хатѣли—
На Сибирь атпраўляли,
Насъ жа, братцы, выличали.
Пращай атецъ, пращай мати,
Пращай жоны маладэя,
Пращай дѣтушки драбнэя!

(Отъ Максима Захарова).

4 в).

Безпрашпорныя, братцы, брадяги,
Польна горя гаревать!
Намъ придётъ времечка худоя,
За прикладымъ насъ павядуть.
Напярёдъ ли насъ, братцы, гразятца,
Па спинѣ больна сякуть,
Сустигають, братцы, спину, плечи,
У шпиталь насъ атвядуть.
Разували, братцы, раздѣвали,
Всё на коечки кладуть,
Мокрыю тряпкый плечи прикладають,
И, вѣрна, вылѣчить хатять.
Вывадили, братцы, на лужокъ насъ,
Станавили у кружокъ,
Стали, братцы, молыйцыў разбирать,
Каго куда пасылать.

5.

Взяли молодца изъ царева кабака въ тюрьму; при винной чарѣ было много побратимовъ, при худой годинушкѣ нѣтъ никого.

Ахъ, ты пей-гуляй, добрый моладицъ,
Висялися галава!
А ну, якъ придеть худа времячка,
Атвичать маей галавѣ.
А якъ узяли добрага молайца
А ў царевымъ кабакѣ,
Ай, садили добрыга молайца
А ў няволюшку ў тюрьму.
Ай, што при винный жа при чари
Друзья й побратимы,
А што при худэй при гадинушки
Нѣтъ никóга, никагó.

6.

(Д. Плоское, Смол. у.).

На рябиницѣ поетъ жалобно соловей. Въ темницѣ жалобно плачетъ узникъ, проклинаетъ тюрьму.

Далина, далинушка,
Далина шурокая,
Што на тэй далиницы
Стыяла рябиница.
Што на тэй рябиницы
Сядить салавеюшка,
Іонъ сядить тихошинька,
Пяёть жаласнёшинька.
У горыди на рынычку
Стыяла тюрёмушка,
Тюрёмушка новая,
Ина заключоная.
Што у тэй тюрёмушки
Сядить добрый молыдицъ,
Іонъ сядить тихошинька,
Плачить жаластнёшинька, 2
Сказаить вярнёшинька:
— «Кабъ ету тюрёмушку
Агнёмъ яе выпикла, 2
Жаркымъ сонцымъ выжигла,
Што зъ етый тюрёмушки
Ни выйдить, ни выѣхать, 2
Ни сокылымъ вылетить!»

(Отъ Матрены Михалёвой).

7.

(С. Шоптово, Бѣл. у.).

Молодецъ въ тюрьмѣ скучаетъ по роду-племени.

Долга, долга буду знать,
Какъ на волюшки гулять.
Я на волюшки гулялъ,
У въ астрохъ каминный пупалъ.
Радимая мая мать,
Ни дай въ астроги прападать!
Застаў мине, радная матушка,
Круты горушки капать.
А я горушки капаю,
Да я сяду—пасяжу,
Пра жисть-горя ўспамяну.
Скують ручки, скують ножки,
У чужу старану сашлють,
Двохъ салдатикыў дадуть.
Вы, салдаты-навубранцы,
Ваши ружьи за штыкомъ;
Здѣся лѣсу кругомъ нѣтъ,
Мнѣ жъ и невуды бижать.
Ужъ ты, пташка канарейка,
Лети вгору висако,
Знеси матушки паклонъ
И скажи батюшки абъ томъ,
Што я ужъ óтъ раду далёка,
На чужей дальнїй старонки,—
Нѣтъ ни матери, ни 'тца,
Ни приласкають маладца.
Етытъ молыдицъ удалъ
Мнѣ канфетыкъ многа далъ;
За канфетъ бальшой атвѣтъ,
За пряники суду нѣтъ,
За баранки бьють у ялки.

8 а).

(С. Каблуково, Красн. у.).

Узникъ, попавшій въ острогъ, братается съ орломъ, который клюетъ кровавую пищу у него подъ окномъ, но потомъ очутился за крутыми горами на каторгѣ.

Литаитъ па воли
Арёлъ маладэй; 2
Литаўши па воли,
Въ тямницу пупаў.
Сижу я ў тямницы,
Въ тямницы сырой;
Крававаю пищу
Клюю падъ акномъ.
Клюитъ вонъ, брасаитъ,
Самъ сматритъ въ акно.
Раскармиў мнѣ волю
Арёлъ маладой.
Пайдёмъ мы, братицъ,
За круты гара.
Пирипалъ таварищъ
За круты гара,
Гдѣ мѣсицъ ня свититъ,
Сонца никада.
Тамъ красотыкъ нѣту,
Некыга любить;
Мы съ табою, братицъ,
Будимъ вмѣстѣ жить.

(Отъ Гришки Попа).

8 б).

(С. Боровское, Ельн. у.).

Сядѣў я ў астроги,
Сядѣў я ў тямницы.
Прилетаў ка мнѣ ворынъ,
Арёлъ маладой.
Іонъ сѣў на вакошки,
На новымъ стяклѣ,
Пищи яму нѣту—
Нечига клювать.
Русскій нашъ таварищъ
Рукою махаў:
— Здѣсь красотыкъ нѣту,
Некыва любить;
Соўника ня ўсходитъ,
Жаркая ни пякётъ;
Тучи ни заходютъ,
Гразою ня бьётъ.

—

На мори на синимъ
Казакъ каня поитъ,
Дѣўка ваду брала,
Казака падбивала:
— Казача малодый,
Паѣдимъ са мною
Да горенки новэй...

9 а).

Сынъ, бросивъ старика-отца, ушелъ изъ дому и загулялъ на свой „капиталъ“, а потомъ попалъ въ острогъ.

Сядѣлъ воранъ на берёзѣ,
Гласиў князь нашъ на вайнѣ:
«Ты зачимъ, бѣдный мальчишка,
Въ чужу сторану ўбѣжалъ?
Прападать табѣ, бѣдный мальчишка,
Въ чужой дальній старанѣ!
Ни ў каго ты, мальчикъ, ни спрасиўся,
Кроми сердца сваяго;
Ты пакинулъ мать старушку,

Атца старо́га старика!..»
Живў я, мальчикъ, прежде, весялиўся,
Когда имѣлъ свой капиталъ,
У няволю жить пупалъ,
У такую, братцы, ў няволю—
Бѣлый каменный астрогъ.
Вамъ ня видна за бялыми за стѣнами,
Какаво, братцы, тутъ намъ жить!
Салдатъ двери атпираить,
Писарь съ требаваніемъ идётъ.
Мы узяли свае сумки,
Богу пумалились,
Мы сѣли, братцы, на курганѣ,
Пакатились падъ гару;
Мы паспѣли, братцы, къ-и суду;
Прочитали намъ указъ,
У радныхъ сердцахъ забилась,
Пакатились слезы зъ глазъ—
Разставаться пришоў часъ.

9 б).

Сидѣлъ ворынъ на бярёзи,
Свищить воинъ на кани.
— «Прападай, бѣдный мальчишка,
Въ чужей, дальней старанѣ!»
Ты зачимъ, зачимъ, мальчишка,
Въ чужу сторыну бѣжалъ?
Ты атставилъ дома мать старушку
И атца сваяго старика,—
Ни ў каго ты, мальчикъ, не опра-
сился,
Кроми сердца сваяго!..
Прежде жилъ я, висялился,
И имѣлъ я бальшой капиталъ:
Капиталъ я праматалъ
И ў няволю жить пупаў.
Хараша, братцы, няволя,
Хто не знаетъ пра няе:
За стѣнами насъ не видять,
Какаво мы здѣсь живёмъ;
Но Гасподь-Богъ пра то знаеть,
Но нигдѣ мы не прападёмъ.
Плѣнникъ двери атваряеть,
Барабанъ зарю прабьётъ.
Па краямъ стыять двѣ башни,
И сяредъ ихъ Божжій храмъ.

9 в).

Сядить ворынъ на бярёзѣ,
Іонъ кричить на вайну:
—«Прападай, бѣдный мальчишка,
Ну, ў несчастный судьбѣ!»
Вдругъ съ радными распрастился
И ў няволю жить пупаў.
Намъ въ няволи жить ня скушна,
Толька денежкамъ ня водъ;
За стѣнами здѣсь ня видна,
Какаво мы здѣсь живёмъ.
Унтеръ двери атваряеть,
Писарь съ требованьемъ идёть,
Всѣхъ па имени вскликаить:
— «Станавитесь всѣ ў кружокъ!»

10.

Побѣгъ арестанта изъ тюрьмы и поимка его.

Звенить званокъ,—на щотъ сбирайся!
Ланцо задумалъ убижать.

Ни стаў зари юнъ дажидатца,
Праворна ль печку сталъ ламать,
Въ трубу іонъ тѣсную варваўся
И на церькоўный на чардакъ
Па стѣнки тиха пракрадался,—
Са града страсть была сматрѣть.
Паслѣдній разъ назадъ взглянулъ я,
Пирикрястился, сталъ спускатца—
Салдатъ увидиў, закричаў,
Въ казармахъ здѣлалась тривога,
На ввахти пробилъ барабанъ;
Казакъ на сѣрымъ сваимъ кони
Съ канвертамъ къ князю паскакаў.
Три года іонъ па воли шляўся,
Іонъ пиў и ѣў, іонъ што хатѣў,
Зъ... дѣвушкуй связался.
Ланцова взяли у палночъ.
Ну, што-жъ больши Ланцову дѣлать?
Начаў сикреты призвадить:
Въ сямихъ душахъ іонъ павиниўся,
Патомъ падъ слѣдствіе пашоў.

11.

Друзья-побратимы забыли объ узникѣ; только помнитъ объ немъ красна дѣвица и выручаетъ его изъ тюрьмы. (Срв. выше № 5).

Вохъ, ты пей, гуляй, добрый молыдецъ,
Висялися галава!
Какъ узяли добрыга молыйца
У царевымъ кабакѣ,
Вохъ, садили добрыга молыйца
Да ў няволюшку тюрьму;
Тады были друзьё-побратимы,—
Всѣ забыли на мяне.

Какъ зачула красна дѣвица
Зъ висакога терима:
— «Вохъ, какъ вазьму я, красная дѣвица,
Сваё зо̀лыты ключи,
Вохъ, атамкну я, красная дѣвица,
Несчисленную казну—
Якъ выручу я добрыга молыйца
Я й зъ няволюшки-тюрьмы!»

12 а).

Подруга груститъ о миломъ, подобно гуленькѣ безъ пары; ласточка приноситъ вѣсть, что милый въ тюрьмѣ.

Што жъ ты, гуленька, по полю летаешъ, летаешъ,—
Вѣрна, ты, гуленька, парычки сабѣ не маешъ, не маешъ?
Или ты, гуленька, домика майго не знаешъ, не знаешъ?
Или ты, гуленька, голысу майго ня слышишъ, ня слышишъ?
Мой громкій голысъ вѣтяркомъ атноситъ, атноситъ.
Ти ни ластыўка по̀ пылю литаитъ, литаитъ,
Ни касаеться къ зямлѣ припадаитъ, припадаитъ?
Ина павѣстычку милыму призноситъ, призноситъ,

Будта мой милый въ бальшой въ няволи, въ няволи,
Въ крѣпкымъ каменнымъ астроги, астроги;
Въ томъ астроги ни дверь, ни аконъ, ни аконъ,
Толька іость тамъ печка муравая, муравая,
Тамъ праведина труба мѣдяная, мѣдяная;
Съ мядяной трубы дымокъ пашибаить, пашибаить,—
Знать мой милый другъ, дружокъ пагибаить, пагибаить.

12 б).

Жена пытается освободить мужа изъ тюрьмы.

Ужъ ты, голубъ мой, сизый галубочекъ,
Размалоденькій ты мой гыркуночикъ,
Ты зачимъ, голыбъ, на палётъ ни литаишъ:
Ой, ти ты, голабъ, палёту ни знаишъ,
Ти табѣ, голабъ, въ поли воли нѣту?
Ужъ ты, милый мой, милый разудалый,
Што жъ ты, милинькій, въ гости ни буваешъ?
Ти табѣ, милэй, въ доми воли нѣту,
Ти тябе, милэй, жана ни пущаить?
Пишить милый, пишить разудалэй:
Што сяжу, мыладецъ, сяжу я ў няволи,
Я ў няволюшки, а я ў Смаленскымъ астрожку.
Въ томъ астрожку ни дверь, ни акошакъ,
Толька іость труба дымывая,
А съ тае трубы дымокъ пашибаить,
Майго милыга серца заўнываить.
Якъ вазьму я, вазьму ключи залатыя,
Атамкну, атамкну сундуки навэя,—
Якъ вазьму я, вазьму сорыкъ тысичъ денигъ,
Якъ пайду я, пайду дружка выручати,—
Тамъ маихъ денигъ, денигъ ни примають,
Майго милыга съ тюрьмы ни пущають,

13.

Цыганка отворяетъ скрыни дубовыя, беретъ сорокъ тысячъ, выручаетъ цыгана изъ неволи.

Ты, цыганка, ты, мыя каханка,
Вздумала, вздумала, вздумала-падумала.
Вси цыгани ни пьють, ни гуляють,
На цыганку скоса паглидають:
— «Ты бяри-ка ключи залытыя,
Аттваряй-ка скрыни дубовыя!»
Вси цыгани и пьють, и гуляють,
Адинъ цыганъ ни пьётъ, ни гуляить,
На цыганку скоса паглидаить:

— «Ты бяри-ка, ключи залатыя,
Аттваряй-ка скрыни дубовыя,
Ты бяри-ка сорыкъ тысичъ денигъ,
Выручай-ка цыгана зъ няволи!»

14 а).

Отецъ и мать отрекаются отъ узника; жена съ дѣтьми идетъ выручать его.

Ты запой, зайграй, жираўлёначикъ,
Да ты сѣдючи на праталинки!
Ты затужъ, заплачъ, добрый молыдецъ,
А ты сѣдючи ў тёмный тямницы,
У тёмный тямницы и ў тюрёмницы.
Іонъ пишить письмо къ атцу, къ матери:
— «Атецъ-матушка, выручай мяне
Съ тёмный тямницы, су тюрёмницы!»
Атецъ-матушка атрекаютца:
— А ў нашемъ жа раду не было вароў,
Ни було вароў, ни разбойничкыў!
Ты запой, зайграй, жираўлёначикъ, и пр.
Іонъ пишить письмо къ мыладэй жанѣ,
Къ мыладэй жанѣ, къ дробнымъ дѣтушкамъ:
— «Мылада жина, выручай мяне,
Выручай мяне съ тёмный тямницы,
Съ тёмный тямницы, су тюрёмницы!»
Мылыда жина признаваетца:
Ой, жина идёть—тысячу нясёть,
Дѣтушки идуть—па сотки нясуть.

14 б).

Ты запой, запой, младо̀й жа̀ўранакъ,
На калинушки да ты сѣдючи,
На праталинки!
Ты успой, успой, добрый молыдицъ,
Въ темный тимнатѣ, въ камянной тюрьмѣ,
Въ слаўный въ крѣпасти!..
(Отъ Матрены Антоненковой)

15.

Молодецъ проситъ коня своего „вызволить изъ горя-бѣды, изъ крѣпкой каменной тюрьмы“.

Ось, ты, садъ мой, виныградъ!
Пы саду Ваня гулялъ
И ў бяду пупалъ,
У тую бяду—
Крѣпку, каменну тюрьму!
У тюрьмѣ Ваня сядить,
Въ акошичка сматрить,
Въ рукахъ ворына каня дяржить.
— «Ось, ты, конь мой выраной,
Вызвыль мяне съ горя, сы бяды,

Съ крѣпкый каменный тюрьмы!»
Жарка солнышка на ўсходъ,
Кличуть Ванюшку на смотръ,
Впиряди пылачъ съ плятьми,
А пызадѣ жана съ дятьми:
— «Ось, ты, свѣтъ мой, Ванюшка дружокъ,
Свѣтъ купеческій сынокъ,
Пыбядиў жа ты мяне,
Сваихъ дробныхъ дятей!»

XXVI. ПѢСНИ РАЗБОЙНИЧЬИ, БАЛЛАДНЫЯ.

1 а).

(С. Даньково, Смол. у.).

Похищеніе дѣвицы (корабельщиками, казаками, бурлаками). Синее море зацвѣло кораблями; просила дѣвица прогуляться, корабельщики ее похитили.

Не тьвитами синя моря затьвитала, 2
Затьвитала синя моря караблями.
Прасилася дачка·ў матки прагулятца:
—Пусти, пусти, й атецъ, мати, мяне пагуляти,
Зъ маладымы карабщичками павидатца.
—Мы складёмси-тка, рибяты, па палтини,
Набярёмти-ка, рибяты, пива-мёду,
Мы напоимъ дяўчоначку пьянёшинька,
Мы паложимъ дяўчоначку спать съ сабою!
Прашнулася дяўчоначка сярёдъ моря,
Заплакала дяўчоначка жаластненька,
Што й ни мати мяне сюды выдавала,
Што ня 'тецъ ли мяне сюды благаславиў,
Што ня сёстры мяне, братья праважали,—
Выдавала красную дѣўку тёмная ночка,
Благаславляў красную дѣўку ясёнъ мѣсицъ,
Праважали красную дѣўку дробныя звѣзды.

1 б).

(С. Радошково, Ельн. у.).

Надъ моремъ казачій станъ ночью; на морѣ диво: синее море расцвѣтало синенькимъ цвѣточкомъ василечкомъ—кораблями; на корабляхъ похищенная дѣвица: по поясъ въ золотѣ, по плечи въ серебрѣ, на головкѣ „орловъ“ вѣнокъ.

По лугу, лугу зялёныму,
Тамъ гарить агонь калинывый,
Дымочикъ идёть малинывый.
Тамъ казаченьки абѣдъ варють;
Поварёмши абѣдъ, абѣдали,
Паабѣдавши, спать палягли.
Адинъ казачинька ни пьёть, ни ѣсть,
Іонъ по лугу, лугу пахаживаить,
Сваихъ тывариштыў пабуживаить:
— «Устаньтя вы, братцы, таваришы,
Ужъ я видѣў дива вяликыя,
Какъ синія моря расцвитала
Синенькимъ цвяточкамъ василёчкымъ.
Синенькимъ цвяточкымъ карабли ишли,
На тыхъ карабляхъ красна дѣўка,
Па поясъ дѣўка ў золыти,
Па плечи красная ў серебри,
На галоўки у дѣвицы арлоў вянокъ».

1 в).

(Д. Слобода, Смол. у.).

„Бурлаченьки“ увозятъ дѣвицу въ море въ новой лодочкѣ.

Ни чарно ли вараннё ў поли салиталысь,
Знизу, знизу бурлачиньки саизжались.
Саизжалися бурлачиньки прати 'строгу,
Садилися бурлачиньки па крылечкамъ,
Яны думали, бурлачиньки, думу крѣпкую,
Думу крѣпкую, бурлачиньки, ўсё ядиную:
—Мы складёмся, бурлачиньки, пу палтини,
Мы вазьмёмти-ка, бурлачиньки, горькый вотычки,
Мы напоимъ, бурлаченьки, красну дѣвушку,
Мы пасодимъ красну дѣвицу въ нову лотычку.
Якъ прашнулася красная дѣвица сиряди моря,
Якъ и стала красная дѣвица плакать и тужить,
Якъ и стали бурлачиньки дѣўку унимать:
—«Ни плачъ, дѣўка, ни плачъ, красная:
Ни раднэй жа тябе батюшка замужъ выдаваў,
Ни радная тябе матушка сабирала,
Ни раднэя тябе брахниньки атвазили:
Выдавала красну дѣвицу сладка вотычка,
Снарижала красну дѣвицу нова лотычка,
Атвазила красну дѣвицу нова вясельца».

(Отъ Пелагеи Демьяновой).

2.

(С. Даньково, Смол. у.).

Добровольный уходъ дѣвицы къ казакамъ.

Што ў поли дымна, курна,
За туманымъ свѣту ня видна.
Казачинька каня поить,
Дѣўка ваду падливаить,
Казакъ дѣўку спадманяить:
—«Мы паѣдимъ, дѣўка, зъ нами,
Зъ нами, зъ нами, съ казаками,
Съ казаками, зъ малайцами»...
Стала дѣўка, падумыла,
Съ казаками паѣхыла;
Ѣдуть [1]) поля и друґоя,
На третіе узъизжають,
Дробинъ дождикъ пачинаить.
Казачиньки станавились,
Стали шатры распинати,
Синія агни раскладати,
Стали вячерю гатувати:
—«Ты гатуй, дѣўка, вячерю,
Стяли мяккую пастелю!»
Стала дѣўка, задумалась,
Сильнёшинька заплакала:
— «Ни плачъ, дѣўка, ни плачъ, красна!
Ни мать тябе выдавала,
Ни батюшка благаславлялъ,
Ни сястрицы праважали:
Выдавала тёмная ночка,
Благаслаўлялъ ясёнъ мѣсицъ,
Прывыжали жаркія звѣзды.

[1]) Вар.: Ѣхать.

3.

За лѣсомъ, подлѣ синяго огня три брата разбойника; одинъ будитъ крѣпко спящихъ братьевъ и зоветъ ихъ на разбой, возы догонять, казну дѣлить.

Што за лѣсымъ, за лясо̂мъ,
Гарить синь агонь,
Да два братца крѣпка спять;
Адинъ братицъ ночъ ня спить:
— Я синій агонь спатыкалъ,
Я васъ, братцы, прабуждалъ:
«Встаньтя, братцы, прашнитеся!
Пашли вазы за лясы;
Пайдёмъ, братцы, вазы даганять,
Будимъ казну дялити:
Каму сотня, каму двѣ,
Мнѣ, молайцу, хуть и три,
Што я ночку ни ўсыпалъ,
Синь агонь спатыкалъ,
Я васъ, братцы, прабуждалъ».
(Тамъ же).

4 а).

Молодецъ чесалъ кудри у Дуная, дѣвица поймала ведромъ чески съ его волосъ, но не тужитъ по молодцу. Онъ наругался надъ нею: раскладалъ синій огонь на спинѣ, качалъ горючъ камень на грудяхъ, вырѣзалъ тросточки съ борзыхъ ногъ, строгалъ стружечки съ бѣлыхъ рукъ.

Хадиў, гуляў молыдицъ па крутой гарѣ,
Часаў жа іонъ кудирьки рыббимъ грибяшкомъ,
Пускаў іонъ чосычки паверьхъ Дунаю:
—«Плувитя вы, чосычки, паверьхъ Дунаю,
Гдѣ мая любезная вадицу брала,
Вадицу брала, брала, кудри паймала.
Кудирьки мае, мае, спраситя ў яе,
Спраситя ў яе, ў яе, ти тужить па мнѣ!»
— Пущай абъ ёмъ тужить агонь да вада,
Агонь, агонь да вада, ни я малыда.
А іонъ нада мною наругаитца:
Раскладаў синёй агонь на маей спинѣ,
Качалъ бѣлъ гарючъ камень на маихъ грудяхъ,
Выризаў жа тростычки съ маихъ боздрыхъ нохъ,
Стругаў жа іонъ стружички съ маихъ бѣлыхъ рукъ!
—«Сударушка мыя, мыя, нипраўда твыя:
Раскладаў синёй агонь на крутой гарѣ,
Качаў бѣлъ гарючъ каминь съ гары на гару,
Вырызаў я тростычки съ калинъ-дерива,
Стругаў жа я стружечки съ малинъ-дерива!» (Тамъ же).
(Отъ старухи Матрёны Антоненковой).

4 б).

Па гарамъ, гарамъ, гарамъ молыдицъ гуляў, 2
Молыдицъ гуляў, гуляў, кудирьки часаў,
Расчасаўши кудирьки, на ряку пущаў:
—«Плувитя вы, кудирьки, й у низъ пы рякѣ,
Внизъ па рякѣ, па рякѣ ки крутэй гарѣ,

Идѣ мыя милая вадицу брала,
Вадицу брала, брала, кудри паймала.
Кудри мае, мае, спрасите ў яе,
Спрасите ў яе, ў яе, ти тужить па мнѣ!»
—Пущай па ёмъ тужить агонь да вада,
Агонь да вада, вада, ни я, малыда:
На маей іонъ спинушки агни раскладаў,
Зъ маихъ бѣлыхъ ручениkъ тростку вырызаў,
Гарючій жа камушикъ на грудяхъ качаў.
—«Милая мая, мая, нипраўда твыя:
Раскладаў я синь агонь у щирымъ бару,
Вырызаў я тростычку ў зилянымъ саду,
Качаў гарючъ камушикъ съ гары на гару»...
(Отъ Матрёны Григорьевой).

5 а).

(Боровское, Ельн. у.).

Сестра брата собиралась отравить; онъ привязалъ ее къ лошадиному хвосту.

Якъ хадиў-гуляў добрый молыдицъ, 2
Добрый молыдицъ,
Іонъ стругаў стружки съ кленавэй даски, 2
Съ кленавэй даски,
За имъ ходить красна дѣвица,
Бярёть стружки, да на агонь кладёть;
На томъ агни змія лютая, падкалодная,
Я съ тэй змяи серца вырижу,
Серца вырижу, зельля сдѣлаю,
Зельля сдѣлаю, пива выварю,
И ни ли друга, ни ли милыга,
Ли свайго брата радимыга.
Сестра съ братымъ сярёдъ поля сустрѣчалися,
Сестра брата виномъ угащалася.
Братъ ня пьёть, каню ў гриву ильлёть,
Сестра ня пьёть, у рукаў ильлёть:
У каня грива разгарялася,
У сястрѣ рукаў раздумаитца.
—«Ты ня ѣшъ [1]) систра—змія лютая,
Змія люта, падкалодная!
Поприважу сястру къ каняччиму хвасту,
Пущу каня въ зиляныя луга, 2
Въ зиляны луга:
Пущай мой конь нагарцуитца,
Пущай систра нагарюитца!»
(Отъ дѣвочки Ефросиньи Абрамовой).

---

[1]) Есь? (=еси). Срв. слѣд. вар. *Н. Я.*

5 б):

(С. Свалы, Красн. у.).

Хадиў, гуляў молыдицъ па зялёный дубровушки,
Стругаў стружки исъ кленовый даски.
Ну, за нимъ ходить красная дѣвушка;
Ина берёть стружки да на 'гонь кладеть, и т. д.
Сестра брата угащала,
Злога зелья наливала.
Братъ ня пьёть, къ каню въ гриву льёть.
У каня грива загарѣлася,
У брата серца раскипѣлася:
—«Ты жъ мнѣ ни систра, ну, й ни родная,
А змія ты лютая, падкалодная!
Привяжу сястру къ коньскаму хвасту
И пущу каня въ чисто поле.
У каня хваста ни шарстиначки,
У маей сестрѣ ни кастинычки!»

6 а).

(С. Даньково, Смол. у.).

Сестра съ любовникомъ отравляетъ брата и сама погибаетъ.

А й у поли крыничанька,
Халодная вадичанька;
Ай, тамъ дѣўка ваду брала,
Съ парнемъ рѣчи гаварила:
—«Ужъ ты, дѣвица-дѣвица,
Спалюби мяне, дятинку!»
—Я жъ бы й рада спалюбити,—
Баюсь брата: будить бити...
Ты парай-ка ты мнѣ, паринь,
Чимъ мнѣ брата спагубити?
Братецъ съ лѣсу вызжаить,
Систра брата сустрикаить,
Стаканъ вина наливаить:
—«Ужъ ты выпій, братецъ, стаканъ!»
— Выпій, систра, перва сама!
Братецъ стаканъ выпиваить,
Іонъ на ноженьки ўпадаить.
Павязли брата да хаты:
Пакуль брата исхували,
А ўжу сястру закапали.

6 б).

Пашла дѣўка за вадой, 2
За халодный ключавой,
Съ тисовыми вёдрами, 3
На сустрѣчу къ дѣвушки
Бѣлъ, удалый маладецъ.
—Скажи, скажи, дѣвица,
Скажи, скажи, красная,
Пайдёшъ замужъ за мяне?
—«А іость мяне брахнинька,
А іость мяне родниныкій—
За тябе замужъ ни 'тдасть».
—Глупа, глупа, дѣвица,
Глупа, глупа, красная!
Іость у поли купина,
На купини ивинка,
На купинки ивинка,
А ў ивинки гибинка,
А ў гибинки гаданька,

Галовушки звѣсила, 3
Ина расицу пустила. 3
Вазьми тую расицу,
Ты дай братцу напитца!
Братъ вадицы напиўся,
Іонъ съ коника зваливўся.
Глупа, глупа, дѣвица,
Глупа, глупа, красная:
Зъѣла свайго брахниньку
За ўдалога малайца! (Тамъ же)
(Отъ Матрены Григорьевой).

7 а).

(Сельцо Шаталово, Смол. у.).

Сестра зарѣзала брата-атамана.

Ахъ, ты взыйди, взыйди, жаркыя соннійка,
Вохъ, надъ дубровую, надъ зялёнаю,
Ахъ, надъ далинаю, надъ шурокаю,
Ахъ, абагрѣй жа ты сиротъ, бѣдныхъ людей,
Ахъ, сиротъ бѣдныхъ, салдатъ бѣглинькыхъ!
Ва што съ-надъ камушка съ-падъ бѣлыга,
А што съ-падъ кустика съ-падъ ракитывыга,
Ахъ, прытикала тамъ рѣчка быстрая,
Ахъ, да рѣчка быстрая й биряжистыя;
Ахъ, пы рякѣ плывётъ два кыраблюшки,
Два кыраблюшки, третія лотычка,—
Тамъ казна нясмѣтная;
На казнѣ сядить красныя дѣвушка,—
Ина туманыва систра родныя;
Ина зарѣзыла брата родныга,
На нажи ина серца вынисла;
На нажи серца стрипянулыся,
Красныя дѣвушка усмихнулыся:
—«Ни прагнѣвыйся, мой брахнинька:
Што ни я жъ тибе зарѣзыла,—
Зарѣзыла й шабля вострыя,
Шабля вострыя турецкыя!»

7 б).

(С. Даньково. Смол. у.).

Какъ съ-падъ камушка съ-падъ бѣлага
Пратекала рѣчка быстрая,
Крутъ-бережистая.
Вотъ падъ тыми берегами
Тамъ стыяла три судёнушка;
Тыя судны не парожнія:
Яны ружьями нагружены,
Яще вострыми саблями.
Вотъ за той ли вотъ за рѣчкаю,
Вотъ за той ли вотъ за быстраю,
Сестра брата зарѣзала,
Зарѣзаўши, серце вынила,
Тоя сердце встрепенулыся;
А йна, шельма, усмѣхнулася.
— «Не прагнѣвайся, мой братецъ:
Не сама тябе зарѣзала—
Зарѣзали твае шаблики,
Застрялили твае ружейки,
Што забили твае камышки».

8.

(Сельцо Шаталово, Смол. у.).

Сынъ женился противъ воли матери; мать ядомъ изводитъ нелюбую **невѣстку**, а вмѣстѣ съ нею сына, не исполняетъ послѣдней воли сына: **не** хоронитъ его въ одной гробницѣ съ нѣжно любимой женой. Яворъ **на** могилѣ сына и бѣлая береза на могилѣ невѣстки срослись и свились **вмѣстѣ**. Такое сочувствіе деревьевъ на могилкахъ дѣтей служитъ упрекомъ разлучницѣ матери.

Охъ, мати сына да й пырадила;
Пырадёмши, ина да ня жанила.
Якъ паѣхаў сынъ самъ жанитися:
Охъ, и годъ нима (2) и другей нима, 2
А на третій годъ ѣдить сынъ на дворъ
И зъ нявѣсткую (2) и зъ нялюбую. 2
Охъ, и сынъ мати рѣчи гавариў:
— «Ты выйди, мати, дятей витати; 3
Охъ, ты вынеси да три кубычки,
Да три кубычки, (2) три налиўчастыхъ:
Въ первымъ кубычку—зиляно вино,
Въ другимъ кубычку да салодкій мёдъ,
Въ третьемъ кубышку дай атрутушка».
Охъ, и мать сына да й паслышала:
Выхадила ина дятей витати,
Вынасила ина да три кубычки:
Въ первымъ кубычку—то зиляно вино;
Въ другимъ кубычку—то салодкій мёдъ;
Въ третимъ кубушку—то атрутушка.
Сыну паднесла зелена вина,
А сама й выпила да салодкій мёдъ,
А нявѣстушка да й атрутушки.
А сынъ напиўся, съ кыня звалиўся;
Нявѣстка пила, за животъ узялась.
Охъ, и сынъ мати рѣчи гывариў:
— «Ня ўмѣла, мати, дятей витати,—
Ты умѣй, мати, дятей хувати:
Ты паложъ, мати, прыти церькыўки,
Прыти церькыўки, въ аднэй грабницы,
Ты накрый, мати, аднэй пиляной!»
Охъ, мать сына ни паслышала:
Сына схувала прыти церькыўки,
Нявѣстушку дай за церькуўкый.
Не была мати девить лѣтъ въ церькви;
На десятый годъ пышла въ церькуўку.
А ина ишла, ишла, стынавилыся,
Таму дивушку дивувалася:
На сыну растеть зеляной явыръ,
На нявѣстушки да бѣлыя барёза;

Яны расли, расли, сырысталися,
Черезъ церькуўку сывивалися.
— «Ну, ня іость я мать, ня іость родная,—
Я жъ тая змія пыдкалодная:
Пылажила жъ бы ихъ я въ аднэй грабнички,
Накрыла бъ я адной пеляной,
Закапала бъ я ихъ прыти церькыўки!»

9.

(С. Киселевка, Смол. у.).

Свекровь посылаетъ невѣстку въ поле ленъ брать. Вслѣдствіе заклятія свекрови невѣстка обращается въ ель. Зять возвращается домой и хочетъ рубить елку—изъ елки кровь течетъ; за третьимъ ударомъ елочка рѣчь промолвила, что она его жена.

Пасылала матушка сына ў дарогу,
Большую нявѣстушку въ поля лёну брать:
—«Ня выбраўши лёну, ня йди ты да дому,—
Ты йди далиныю, стань ялиныю,
Тонкую, високую, кучурявую!»
Пріѣхаў Ванюшинька, Ванька съ дароги;
Стала ў яго матушка всё распрашивать:
—«Идѣ жъ ты, мой Ванюшинька, идѣ быў-прабываў?»
— Идѣ ня ѣзживаў,
Я такога дивушку, я ня видываў!
Што на нашимъ полюшки ялина стаить,
Тонкая, високая, кучирявая.
Пайду-тка я, маминька, ялину рубить.
Первый я разъ рубануў,—руда патикла;
Другей я разъ рубануў,—кроў патикла;
Третій я разъ рубануў,—рѣчъ прамовила:
—«Не сяки, мой миленькій: я жина твыя».

(Отъ краўца Никанора Иванова).

9 б).

(Д. Слобода, Смол. у.).

Сына мати радила, сына сокыла;
Спарадёмши сына, справадила ў дальнію дарогу,
Маладую нявѣстушку въ поля лёну брать:
— «Кали выбиришъ лёну, иди да дому;—
А ня выбиришъ лёну, ня йди да дому:
Ты иди далиныю, стань ялиныю!»
Якъ пріѣхаў сыночикъ съ дальній дароги:
—«Идѣ ни буваў, идѣ ня ѣзживаў,
Еткыга дивушка ня видываў:
Што на нашимъ полюшки ялина стаить,

Тонкая, високая, кучурявыя»!
Пасылаить мати сына ялину рубить:
— Иди, сыночикъ, ялину рубить!
Іонъ первый разъ рубануў—щепы лятѣли;
Другей разъ рубануў—руда патикла;
Третій разъ рубануў—рѣчъ прамолвила:
— «Пиристань, милинькій, ялину рубить:
Я ни ялинушка—я твыя жана,—
На што твыя матушка мяне праклила!»
— «Ня есть ина матушка,—есть люта змія».

(Отъ Пелагеи Демьяновой).

10.

(С. Шаталово и с. Даньково, Смол. у.).

Жена хочетъ отравить мужа; мужъ казнитъ жену. (Срав. № 5).

Польна молыйцу 2, польна пить, гулять,
Пыра молыйцу, пыра добрыму сыпыкаитца!
Есть у молыйца, есть у добрыга атецъ зъ матушкай.
Атецъ зъ матушкай 2, мылада й жина,
Мылыда жина 2, дѣти дробныя.
Пришоў молыдицъ 2 ки сваяму двару.
Яго мать стрѣла 2 у варотикыхъ,
А жина стрѣла 2 сиряди двыра,
Сиряди двыра, 2 чару держучи [1]).
Вокыла чары 2 синь агонь гарить,
Сиряди чары 2 лютый змѣй сипить.
Ой ти пить чару 2, ти на землю лить?
Вылить мнѣ чару 2—жану рызгнявить;
Выпить мнѣ чару 2—живому ня быть.
Я выльлю чару 2 сиряди двыра,
Штобъ сыра зимля 2 растварилыся,
Лютыя змія 2 прывалилыся!
Во самъ я пайду 2 на канюшинку,
Вазьму коника 2 ниизжалыга,
Привяжу жану 2 къ коньскаму хвасту,
Пущу коника 2 въ чистыя поля:
Пусь мой [2]) коничикъ 2 нагарцуитца,
Мылада жина 2 нагарюитца!
Прибѣгъ коничекъ 2 съ чистыга поля,
А ў хвастѣ ў яго 2 ни шарстинычки;
У мыладэй жанѣ 2 ни кастинычки.

(Отъ Θедосьи Абрамовой).

---

[1]) Вар.: Ина сы чарыю 2, ина су полнаю.
[2]) Вар.: Нярушъ.

11 а).

(С. Каблуково, Красн. у.).

Молодецъ послѣ смерти жены съ горя ищетъ утѣшенія въ винѣ; горе будитъ его утѣшать маленькихъ дѣтей; онъ собирается жениться на другой женѣ; дѣти клянутъ мачеху.

Спасиба ни свату, ни брату,
Спасиба зялёныму кукшину,
Што развёў молыйцу кручину!
А кручиница по двару хадила,
Добрыва молыйца будила:
— «Ты ўстань, добрый молыдицъ, ашнися:
Тваи дробны дѣтки сильна плачуть!»
— Вы ни плачтя, дѣтушки драбнэя:
Я пастаўлю горенку навую,
Я складу печку камянную,
А сальлю вамъ двери мидянэя,
А пастаўлю окны склянниэя;
Я вазьму вамъ мачеху маладую!
— „Загарись наша горенка навая,
Завались наша печка каменная,
Разыйдитись двери мидянэя,
Вы пабейтись окны стеклянныя:
Ты прапади наша матушка маладая,
Устань матушка радная!»

11 б).

(С. Даньково, Смол. у.).

Спасиба зялёныму кукшину,
Што развёў добрыму молыйцу кручину!
Ни кручинушка по двыру хадила,
За сабою дробныхъ дѣтушикъ вадила:
— Вы ни плачтя, мае дробны дѣтки,
Я пастаўлю вамъ харомушки навэя,
Сальлю жъ я вамъ двери склянниэя,
Залажу жъ я вамъ печку камянную,
Я жъ вазьму вамъ матку мыладую!—
— «Зыгаритися харомушки навэя,
Вы разбейтися дверюшки склянниэя,
Завалися наша печка каминная,
Прыпади, наша матка мылыдая,—
И ўсврясни наша матушка рыдная:
Ина па костыньки адёжыньку шивала,
Ина часта намъ ѣстиньки давала!»

12 а).

(Сельцо Радошково, Ельн. у.).

Донской казакъ губитъ „сы палыначи" жену свою; несмотря на укрывательство отца, дѣти узнаютъ о смерти матери; молодая мачеха и роскошная обстановка дома не замѣнятъ имъ родной матери.

Съ-падъ камушка, 2 камня бѣлага,
Съ-падъ кустика съ-падъ ракитава,
Тякеть. бѣгить быстра рѣчушка.
На той рѣчушки казакъ каня паиў,

Таку рѣчъ гаварилъ:
— «Охъ ты, конь мой, конь, конь вароненькый,
Какъ жить, какъ быть, и жану загубить?!.»
Жана мужа упрашивала:
—«Ожъ ты, мужъ мой, мужъ, мужъ данской казакъ,
Ни губи жъ ты меня 2 скора звечира:
Загуби ты мяне 2 охъ, да сы палыначи!
Добрыя людишки 2 спать паўляжутца,
А дробныя дѣтушки 2 паўгамуютца.
Ранинька прошнютца, аны у батюшки спросютца:
— Радёнъ нашъ батюшка,
Ужъ ты, батюшка нашъ, ты данской казакъ,
Ты скажи-тка, скажи, гдѣ наша матушка?»
— «Ваша матушка пашла ў боръ па ягыдки,
Па краснэй па брушничушки».
— Ни спадманивай 2, радёнъ батюшка:
Наша матушка 2 да ў тямномъ лясу,
У щиромъ бару ляжить падъ калодыю,
Падъ калодыю 2, падъ дубовыю.
— «Ни платьтя-ка вы, дѣтушки,
Ни платьтя вы, дробныя:
Я пастрою вамъ горенку навую,
И складу я вамъ печку зилянную,
Вазьму я вамъ матку маладую!»
— Загарись тая 2 горинка навàя,
И завались тая 2 печка зелинàя,
И прапади тая 2 матка маладая,
Ты ашнись-прашнись 2, радимая матушка!

12 б).

(С. Данькково, Смол. у.).

Казакъ каня паилъ, дѣва ваду брала,
Ина ўзяўши ваду, вышла на гару,
Аглянулася, диву видѣла:
Мужъ жану губилъ, ина яго прасила:
— «Не губи мяне, мужъ, скора зъ вечира,
Згуби мяне со палыначи:
Скора зъ вечира дѣти прошнутца,
Ани матери хватютца:
— «Сударь батюшка, гдѣ наша матушка?»
— Ваша матушка въ новый горницы
Мыетца, румянитца, гастей ажидаить.
— «Сударь батюшка, не абманай насъ:
Наша матушка во щиромъ бару,
Во щиромъ бару ляжить убитая
Падъ калодыю».

12 в).

Молодецъ ради своей полюбовницы убиваетъ жену, беретъ къ дѣтямъ своимъ мачеху.

Красная дяўчонычка по саду пагуливыла,
По саду пагуливыла, пѣсенки паигрывала,
Пѣсенки паигрывала, молайца пагукывала,
Ты, молыдицъ, молыдицъ 2, забей сваю жонушку, 2
Вазьми мяне, дѣвычку, ближнію сусѣдычку,
Ближнію сусѣдычку, прежнюю любоўницу.
Забей жану съ поўнычи, якъ люди пыўляжутца,
Якъ люди пыўляжутца, но дѣтушки прóшнутца,
А дѣтушки прошнутца, пры матушку спросютца,
—«Сударыкъ нашъ батюшка, но гдѣ жъ наша матушка?»
— Ну, ваша жъ то матушка 2
По саду пагуливаитъ, пѣсинки паигрываитъ!
— «Сударикъ нашъ батюшка, 2
То ни наша матушка, 2
То наша разлушница: разлучила насъ съ табой,
Разлучила насъ съ табой, слова рыбушку зъ вадой!»
(Тамъ-же).

13 а).

(С. Даньково, Смол. у.).

Жена вора-разбойника упрекаетъ мужа за убійство своихъ родственниковъ, за похищеніе ихъ собственности.

Я ўсю ночиньку ни спала,
Я ўсё думала, за каго замужъ идить:
Ти за пана за Рамана,
Ти за разбойничка.
Якъ и вышла дяўчонка
За разбойничка,
А на первую жъ ночъ
Іонъ табунъ коній вядеть.
— «Ета кони вараныя
Майго батюшки раднóга».
— Пасматри-ка, жана,
Чіе халсты билявыя!
— «Ета халсты билявыя
Маей матушки родный!»
— Пасматри-ка, жана,
Чіе узды залатыя!
— «Ета узды залатыя
Майго брахниньки раднога!»
— Пасматри-ка, жана,
Чіе платки шалкавыя!
— «Ети платки шалкавыя
Маей сястрицы раднэя!
Толька я увижу батюшку,
Я ўсё батьки раскажу.»
—Сматри, жана, ни кажи:
Скипишъ, жана, на нажи!
— «Хоть скиплю, ни скиплю,
А ўсё батьки раскажу!
Толька ўвижу я матку,
Я ўсё матки раскажу».
Сматри, жана, ни кажи:
Скипишъ, жана, на нажи!
— Хоть скиплю, ни скиплю,
А ўсё матки раскажу.
Толька ўвижу я брата,
Я ўсё брату раскажу».
— Сматри, жана, ни скажи,
Скипишъ, жана, на нажи.
— «Хуть скиплю, ни скиплю,
А ўсё брату раскажу.
Толька ўвижу я сястру,
Я ўсё сястрѣ раскажу».
— Сматри, жана, ни скажи,
Скипишъ, жана, на нажи.
— «Хуть скиплю, ни скиплю,
А ўсё сястрѣ раскажу!»

13 б).

Вячоръ дѣвушки сядѣли,
Думу думали,
Што ня быть красный дѣвушки
За баяринымъ;
Ну, быть красный дѣвушки
За разбойничкымъ.
Поздна вечира рибяты
Ружья чистили,
Сы палунычи рибяты
Падъ разбой пашли,
Къ пѣтухамъ рибяты
Ины двору пришли.
Уси такъ идуть,
Никаво ни вядуть;
Ну й мой мужъ идёть,
Дивяти кониў вядёть,
На дисятымъ самъ сядить.
— «Атпирай, жана,
Новы сѣни, варата;
Ты узнай-ка, жана,
Чіе кони вараны, 2
Чіе сёдлы залаты?»
— Ета кони вараны—
Майго батюшки,
Мае сёдлы залаты—
Маего братчика.
—«Ты малчи-ка, жана,
Табѣ нѣштачка привёзъ!
Ты иди-ка, жана,
На купальную ряку,
Спаласни-ка, жана,
Не развёртываўши!»
Спаласнула, разгарнула,
Слезна плакала.
— Ужъ ты, сукинъ сынъ разбойникъ,—
Ты ня 'тецкій сынъ!
Вы й убили, загубили
Майго батюшку,
Вы й абидили
Майго братчика!

(Тамъ же).

13 в).

Што ня быть мнѣ за панымъ, за баяринымъ,
А быть мнѣ за ворымъ, за разбойничкымъ!
А сы вечеру разбойнички раду радили,
Со палынычи разбойнички падъ разбой пашли,
Ко бялу свѣту разбойнички съ-падъ разбоя пришли,
Ани стукъ-пастукъ у щитовыя варата.
— «Аттвари-ка, жина, щитовыя варата,
Ты прими-ка, жина, ты васьмёрку лышадей,
А дивятыга майго притамлёныга каня.
Вотъ тябѣ, жина, тьвѣтна платьтя,
Ты няси яго на Дунай рѣку,
Ни развертываўши, ни разгарнываўши»!
А я, мыладёшанька, ня стёрпила,
Развяртѣла, паглядѣла, да й заплакала:
— Ахъ, ты, воръ, ты разбойничекъ,
Загубилъ ты майго брахниньку,
Майго брахниньку, свайго шурина!
— «Малчи, жина, ни кажи,
А то скипишъ на нажи!
Мы пайдёмъ, жина, ў зелинъ садъ гулять,

Мы нащиплемъ, жина, хмелю ярыга,
Мы наваримъ, жина, пива пьяныга:
А на ету мнѣ стрѣчъ хуть жа батюшка радной,
Хуть жа батюшка радной—руби голыву далой!»

(Тамъ же).

13 г).

Якъ атдаў жа мяне батюшка,
Іонъ за ворика, за разбойника.
А сы вечера разбойники ружьи чистили,
Сы палыночи у разбой пашли,
Ки бялу свѣту съ разбою идуть.
— Аттваряй, жина, ты варотики,
Аттваряй, жина, ты щитовыя,
Прими коника примарёныга,
Востру шабильку притуплёныю,
Ты прими платьтя ты кравянόя,
Памой рубашку, ни развяртывай!
А я, млада, ня стярпѣла:
Я рубашичку я развяртѣла,
Развяртѣла й ажну заплакала:
— «Охъ, ты сукинъ сынъ, разбойничикъ,
Загубиў жа ты майго ты брахниньку,
Майго ты брахниньку, свайго ты шурина!»
— Ты ни плачъ, жина, ни плачъ, душинька:
Мы пайдёмъ съ табой ў зялёный задъ,
Мы нарвёмъ, жина, мы хмелю ярыга,
Мы наваримъ съ табой мы пива пьяныга,
Мы пумянемъ, жина, твайго мы брахниньку,
Твайго мы брахниньку, майго мы шурина! (Тамъ же).

13 д).

(Сельцо Злотово, Ельн. у.).

Ну, ня быть мнѣ за панымъ, за баяринымъ,
А быть мнѣ за ворымъ, за разбойникымъ.
Сы вечира разбойнички сабиралися,
Сабиралися, ружьи чистили,
Сы палунычи падъ разбой пашли,
Ки бялу свѣту съ-падъ разбою идуть.
— «Атваряй, жена, щитовыя варата,
Ты прими, жена, платья кровныя,
Ты няси яго на Дунай ряку,
Ты памой платья, ни развярчивай!»
А ина ня стярпѣла, развяртѣла,
Паглядѣла, да й заплакала:
— Ты воръ, ты разбойникъ!

Ета платья—майго брахненьки,
Вараныя кони—майго батюшки!
— «Маўчи, жена, ни кажи:
А то скапишъ на нажи!»

14.

Девять сыновей вдовы—разбойники; они зарѣзали мужа сестры своей, племянника въ водѣ потопили.

Якъ у горыди была ў Кіеви, 2
Якъ жила была маладая ўдава,
Якъ було жъ у яé девить сыноў,
А дисятая дочъ нищасная.
Сынаўё яе ў ахоту сабиралися;
Яны матири сваёй да приказывали:
— «Ни 'тдавай ты бизъ насъ ты сястры замужъ!»
Ина годъ ни 'тдавать, ина два ни 'тдавать,
А на третьтій годъ ина замужъ ватдала,
Ина за барина за багатыва.
Яны годъ пражили, яны два пражили,
А на третьтій жа годъ яны дѣтё прижили.
Якъ праѣхыли яны, яны къ матири;
Станавилися сиряди жъ лѣсу
Лашадей кармить, сабѣ кашу варить.
Якъ ѣдуть жа къ имъ да разбойники,
Яны барина да зарѣзали,
Вотъ и малыя дитя ў ваду́ бросили.
— «Раскажи ка ты намъ, да ты, барыня,
Да ты, барыня, ты якога роду?»
— Вотъ я жъ роду маладой ўдавѣ,
Въ маей матири была девить сыноў,
А я дисятая, дочъ нищасная.
— «Што мы, братцы, да мы сдѣлали:
Свайго шурина мы зарѣзали,
А плимянника ў вóди залили!» (Тамъ же).

15 а).

(С Данькова, Смол. у.).

Жена мужа зарѣзала и хотѣла скрыть это отъ деверьевъ.

Висако заря занималася—
Выши ельничку, бярезничку,
Выши горькыга асинничку.
Кабы ў нашимъ слаўнымъ горыди
Прыявилася прыявушка.
Жена мужа распатѣшила—
Вострымъ ножичкымъ зарѣзала;
Ина складала у навэя сундуки,
Ина спускала ў халаднэя пагрябы,

Ина замкала залóтыми ключми.
Прилетали два лебеди на дворъ,—
То ня лебеди, то девери мае.
— «Ты, нявѣстушка, галубушка наша,
Ты скажи ка, гдѣ Ванька, большій братъ!»
— Іонъ пашолъ у чиста поля гулять,
Свайго милага гостя правáжать.
— «Ты ўрёшъ жа ты, нявѣстушка наша,
Ты ўрёшъ жа ты, галубушка наша:
Любый гостикъ у навэй горинки ляжить,
Вароный конь іонъ на стойли стаить;
Ты нявѣстушка, ты галубушка наша:
Ты скажи ка, гдѣ нашъ Ванька, большій братъ!»
— Ахъ, вы, девери, вы, лебеди маи,
Какъ пашолъ жа вашъ большій братъ
У зялёный садъ сладка вишиньня щипать.
— «Ты, нявѣстушка, галубушка наша,
Што жъ ета ў тябе ў новыхъ синяхъ кроў?»
— Ахъ, вы, девери, вы, лебеди маи,
Я платала мелку рыбицу сваю.
— «Ты, нявѣстушка, галубушка наша,
Пакажи намъ мелку рыбицу сваю!»
— Ахъ, вы, девери, вы, лебеди мае,
Я складала у навыя сундуки,
Я спускала у зялёны [1]) пагрябы.
— «Ты, нявѣстушка, галубушка наша,
Аттвари-ка намъ навэя сундуки,
Пакажи-ка мелку рыбицу сваю!»
— Ахъ, вы, девери, вы, лебеди мае,
Патиряла я залóтые ключи.
— «Ты, нявѣстушка, галубушка наша,
Мы скуёмъ тябѣ залотые ключи.»
— Ахъ, вы, девири, вы, лебеди мае,
Вы ня куйтя залóтыя ключи,
А вы скуйтя залотенькую мечъ,
Сымитя мнѣ галовушку съ плечъ!

15 б).

Выши ельничку, бярезничку,
Выши горькуга асинничку,
Праявилася праявушка:
Жена мужа распатѣшила—
Вострымъ ножичкымъ зарѣзала.
На нажи серца стрипянулася—
Малада жена усмѣхнулася;
Панисла серца ў халадёнъ погрибъ.
У халадёнъ погрибъ, у жаўтэй пясокъ.
Пришоўши двору, ина заплакала:
«Кали бъ я знала ета, да вѣдала,
Я бъ свайго мужа я ня рѣзала».
(Тамъ-же).

1) Вар.: хладные.

16 а).

(С. Даньково, Смол. у.).

Дѣвица злымъ кореньемъ изводитъ дружка своего.

Па лужкамъ дѣўка гуляла, 2
Зло каренья капала, 2
Ина, нарыўши, накапаўши,
На Дунай ряву пашла, 2
Но йна мыла зло карення
Бѣла-нáбила яво, 2
Ина крышила зло карення
Дробна-надрабна яво, 2
Ина тапила зло карення
Въ мяду-патыки яво. 2
Натапёмши зло карення,
Дружка ў гости зазвала; 2
Ина зазваўши дружка ў гости,
На кравати пасадила; 2
Пасадёмши на кравати,
Стаканъ мёду паднисла. 2
Ина, паднёсши стаканъ мёду,
Ну, я ў милыга спрашу: 2
— «Ты скажи-ка, другъ любезный,
Што на серцы на тваёмъ!»
— На маёмъ жа на сярдечки 2
Слова камушекъ ляжить. 2
Вы тирзайтя маё тѣла
Ну, па мелкимъ па частямъ,
Вы схароньтя й маё тѣла 2
Мижда трёхъ бальшихъ дарогъ: 2
Межда питерскій, маскоўскій,
Третій кіеўскый бальшой!

(Отъ Матрены Антоненковой.)

16 б).

(Сельцо Шаталово, Смол. у.).

Ужъ я хадила, я гуляла
Па щиромъ бару й адна, я адна;
Ужъ я рыла, я капала
Зло кареньника яго;
Ужъ я нарыўши, накапаўши,
Я памыла на рякѣ, на рякѣ;
Охъ, я тапила зло кареньня
У мяду-патаки яго;
Охъ, натапёмши зло кареньня,
Дружка ў гости зазаву, зазаву;
Я, зазвавши любезнага,
Чаимъ-кохвіимъ напаю, напаю иго;
Напаёмши любезныга,
Я ў свайго дружка спрашу иво:
— Охъ, какаво жъ табѣ, любезный,
Сярдечушку тваяму, тваяму?
— «Охъ, майму жъ то сярдечушку
Очинь тяжка, тижало, тижало:
Ахъ, ты ўмѣла, разбестія,
Ты кармить, паить мяне, мяне,
Охъ, ты, ты умѣй-ка, разбестія,
Тѣла бѣла схаранить, схаранить!»
— Схараню я бѣла тѣла,
Я мизъ тыхъ мизъ трехъ дарогъ, дарогъ:
Мижда кіеўскій, смаленскій,
Слаўный горыдъ Питенбургъ, Питенбургъ!

(Отъ Ѳеклы Боборычихи).

17.

(С. Даньково, Смол. у.).

Дѣвушка жестоко мститъ астраханскому купцу за пренебреженіе къ ней.

Ты, купецъ, ты, мой купецъ,
Астраханскій маладецъ,
Ты паслушій-ка, купецъ,
Астраханскій маладецъ!
Ни саўсѣмъ я, дѣўка, бѣдна,
Ни саўсѣмъ я сирата:

Іость у мине, красный дѣўки,
Іость атецъ, іость и мать;
Іость два брата сакала,
Іость два ворана каня!
Ни хатишъ ты мине ўзять—
Я вилю тибе, купецъ,
Сиряди пути дагнать, 2
Душу съ тѣламъ растирзать.
Я са тваей жа са крыви
Пива-мёду наварю,
Я съ тваихъ жа съ ясныхъ глазъ
Я двѣ рюмычки салью,
Са тваихъ я пичаней
Пирагоў напяку,
Са твайго ли бѣла тѣла
Ну, я свѣчичикъ нальлю,
Я съ тваихъ кастей, съ мащей
Високъ теримъ састрою!
Я на миленькимъ сяжу,
Я на милыга сматрю:
Ва свичахъ милый гарить,
Милымъ подчуюся.

18 а).

(Леонпольской вол., Дисн. у., Вилен. губ.).

Маруся послала Ясю за заморскимъ зельемъ и въ его отсутствіе собралась выйти за другого; Яся перехватилъ свадебный поѣздъ и снялъ Марусѣ головку.

Расцвитѣла у гароди макоўка,
Забалѣла у Маруси галоўка:
Захатѣла заморскага зелья.
Іось у Яси три кани на стайни:
На 'днымъ кани да мора даѣдить,
На другимъ мора пираѣдить,
На третимъ да зельля даѣдить.
Стаў Яся зельлика капати,
Прилетиў чорный воранъ грункáчъ:
—«Кидай, Яся, зельлика капати:
Тамъ паѣдуть Марусины сваты!»
Кинуў Яся зельлика капати,
Да стаў Яся шатромъ пры дарози,
Да ўзяў Яся шибеличку ў руки,
Пырыняў Марусиныхъ сватыў,
Да узяў іонъ Марусю за ручку,
Да сняў Яся Маруси галоўку:
— «Вотъ, Маруся, заморская зельля,
Вотъ Маруси другоя вясельля!»

18 б).

Отецъ и братъ отказываются ѣхать Марусѣ за зельемъ, только милый соглашается.

А хто ў сади раненька ўспиваить?
Салавейка раненька ўспиваить.
А хто ў доми раненька ўстываить:
А ти ўдоўка, ти мужняя жонка?
Ай, удоўка раниньке ўстывала,
Ина ўстаўши, пырядку ни знаўши.
Мужняя жонка поздненька ўстывала,
А ўстаўши, ўвесь пырядыкъ знала.
Зашумѣла да ў бару сасонка,
Забалѣла ў Маруси галоўка.
Каму жъ ѣхать Маруси за зельемъ?
Батюшки ѣхать Маруси за зельемъ.
Батюшка кажить: «Коника ни маю,
Ящо къ таму дарожки ни знаю».

Зашумѣла да ў бару сасонка, и проч.
Брахниньки ѣхать Маруси за зельемъ.
Брахнинька кажить: «Коника ни маю,
Коника ни маю, дарожки ни знаю».
Зашумѣла да ў бару сасонка, и проч.
Милыму ѣхать Маруси за зельемъ.
Милинькій кажить: «Я коника маю,
Ящо къ таму дарожку знаю». (Тамъ же).

18 в).

(Д. Рудня, Ельн. у).

Загуляла Маруся на рынку,
Чорнымъ шоўкымъ галоўку звизала.
Пріѣхыли три кызаки съ полку,
Развизали Маруси галоўку.
Адинъ кажить: «я Марусиньку люблю;»
Другей кажить: «за сябе замужъ вазьму;»
Третій кажить: «я за стòрушку пайду!»
Загадала Маруся загадку:
— «Хто за моримъ зельлика дастанить,
За таго я выйду замужъ».
Адинъ кызакъ выхваляўся:
— «А іось у мяне три коники на стойли:
Первый коникъ—якъ ворынъ чарненикъ,
Другей коникъ—якъ голубъ сизеникъ,
Треттій коникъ—якъ лебидь бяленикъ.
На чорниминькимъ поля пирядѣду,
На сизинькимъ моря пириляччу,
На бѣлинькимъ зельля накапаю».
Якъ стаў казакъ зельлика кыпать,
Пирядъ имъ какушичка кукувать:
— «Пиристань-ка, казакъ, зельлика кыпать!»
— Пиристань-ка, какушичка, кавувать!
— «А ўжу твыя Маруся ў вясельли!»
А ў кызака шабля загримѣла,
А ў Маруси галоўка злятѣла:
— А во жъ табѣ, Маруся, за тоя:
Ни 'бмыняй-ка кызака данскога!»

19.

(С. Даньково, Смол. у.).

Сирота, солдатскій сынъ, казну собиралъ съ иголочкой во щиромъ бору подъ елочкой.

Сирата жъ ты мыя, ты, сиратинушка,
Сирата мая, ты, салдацкій сынъ,
Ты запой, сирыта, съ горя пѣсинку!

— «Харашо пѣсни пѣть да паабѣдаўши!
Э, о, а я, сирыта, да й не заўтрикала,
И ўвчера спать легла, да ня ужинала».
— Ты йдѣ, сирыта, казну сабраў?
— «А я сабраў казну я ў щиромъ бару,
А ў щиромъ бару я падъ ёлычкыю,
Я падъ ёлычкыю съ иголычкыю!»

20.

Парень зоветъ дѣвицу на разбоинку къ себѣ.

Запой, запой, сылавейка,
На далинѣ сидючи.
Кличеть, кличеть парень дѣўку
На разбоинку къ сябѣ:
— «Ты стой, пастой, мальчишечка:
Я вячерю сгатую, 2
Пастéлю бѣлую застялю!»
— Латвѣй тябѣ, дяўчонычка,
Па горенки ходючи,—
Худа, худа мальчишечкѣ
У чистымъ поли стыять:
Марозъ ножки паджимаеть,
Мятель глазки засыпаеть.

(Тамъ-же).

21.

Мужъ-разбойникъ, разгульный, въ охотнички нанялся.

Дробинъ дождикъ праливаить,
Парень дѣвушку 'жидаить;
Сы вячоръ, вячоръ кудри чешить,
Сы палыначи ў разбой идёть,
Ки бялу свѣту зъ разбою йдёть.
— «Ты 'ттваряй, жана, варотики,
Ты 'ттваряй щитовы!»
Жана къ мужу выхадила,
Варотики аттваряла, 2
Ина яго больна 'бругала.
— Ты, жана мая прекрасная,
Ни ругай мяне напрасна:
Я ў ахотнички наняўся,
За́ ста рублей запрадаўся!
Никаму худа ня сдѣлалъ,
А сябѣ—хужи ни нада!

(Тамъ же).

22.

(Сельцо Плоское, Смол. у.).

Добрый молодецъ—не воръ, не разбойничекъ, а гулять охотничекъ, уговариваетъ дѣвицу за себя замужъ, хотя любитъ не по прежнему и обманываетъ ее.

Далина, далинушка, далина широкая,
Раздольля вяликыя,
Што на тэй далиницы ништо ни ўрадилыся:
Ни грибки, ни ягыдки, ни чорна смародина,
Толька зарадилася рощица бярёзывыя.
Што съ-падъ тэй съ-падъ рощицы заря занималася,
Заря занималася, сонца выкаталася;

Выкаталась сонца зимой ни па лѣтниму,—
Любиў парень дѣвицу, любиў не па прежниму,
Любиў-падгавариваў, дѣвушку абманываў.
—«Пайдёшъ, красна дѣвица, пайдёшъ за мяне замужъ,
Пайдёшъ за мяне замужъ, за добрыга молыйца.
Што я, добрый молыдицъ, ни воръ, ни разбойничикъ,
Ни воръ, ни разбойничикъ, гулять быў ахотничикъ.»

(Отъ Матрены Михалёвой).

XXVII. ПѢСНИ ИСТОРИЧЕСКІЯ.

Алеша Поповичъ [1]).

1 а).

(С. Даньково, Смол. у.).

Ахъ, кабы ў нашива сасѣда
Висила была бясѣда, 2
Хвалилися два браты 2
Сваей рóдную сястрою: 2
—«Іость у насъ сястрица, 2
Ина съ териму ня ходить, 2
Бѣла лица ни кажить». 2
Якъ выискыўся Паповичъ: 2
— «Ни хвалитися, два браты, 2
Сваей родную сястрою: 2
Я ў вашій сястрицы быў, 2
Двѣ ночиньки нычуваў, 2
Двѣ вячери вячериў, 2
Два абѣда й абѣдыў, 2
Два заўтрики заўтрикыў!» 2
Братъ брату гавòрить: 2
—«Выйдемъ, братицъ, пы сялу, 2
Вазьмёмъ снѣгу пы каму, 2
Кинимъ сястрѣ у теримъ: 2
Што намъ систра згавóрить.» 2
— «Ти шутишъ ты, Паповичъ? 2
Ступай пряма у теримъ!» 2
Братъ брату гавóрить: 2
— «Пайдёмъ, братецъ, къ кывалю, 2
Скуёмъ сабѣ пы нажу, 2
Снимимъ сястрѣ гылаву!»

(Отъ кр. Екатерины Семенковой).

1 б).

На сладкымъ на рынку
Хвалилися два браты
Сваею сястрою:
—«Іость у насъ сястрица
За трёми замками,
За четырьмя старажами».
— Ни хвалитесь вы, братцы:
Я ў вашій сястрѣ быў, 2
Двѣ ночиньки начуваў,
Два заўтрики заўтрикаў.
Якъ ускочить большій братъ,
Іонъ ухватить вострую мечъ,
Зрубиў сястрѣ галаву съ плечъ;
Галовушка пакатилась,
Бѣла тѣла завалилась. (Тамъ-же).

(Отъ Матрены Григорьевой).

---

[1]) См. „Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ". Вып. 2, стр. 64.

Терентій гость.

2.

(С. Самохотовка, Смол. у.).

Была жонка харошая, а мужикъ плашѣй; ня хочить съ мужикомъ жить: другихъ пазнашла харошихъ. Такъ ина притваритца, захвараить, ина яго пасылаить за зельимъ, и пасылаеть яго падáлій, штобъ іонъ даўжѣй былъ, а іонъ са ўсѣхъ силъ выбиваитца. Какъ іонъ зелья принясеть, ина знова притваритца; тады яще далій пашлеть, знова яму закажить урокъ, да какова дня. Іонъ знову принёсъ.—«Нѣтъ, душичка, кали бъ ты дастаў мядвѣжьива малака, я бъ и была здарова». Іонъ идеть, а сусѣдъ стаить.—Игдѣ ты быў? —«Да хадиў жа жонки за зельимъ: жонка мыя ляжить». А іонъ гаварить: «Дуракъ, дуракъ, ни выбивайся ты са ўсѣхъ силъ: ина у тябе ляжить, а балѣсти водить съ другами.» А іонъ пупирядиў таво дня идить, каторый ина приказала.—«Хади-ка ты къ намъ: мы научимъ, што тебѣ дѣлать ей, какъ яе атхадить. У мяне начуить старецъ са скрипкыю.» (А ана такихъ людей ищить, штобъ были съ музыкый). Пришолъ іонъ сюды къ сусѣду, ани ево ў мѣшокъ всадили да саломый заторнули. Тады хазяинъ памогъ узять мѣшокъ на плечи и приходить; у яе гуляють.—«Галубушка, ти ня пустишъ на нычъ?»— Не, у мяне гости, бясѣда.—«Галубушка, када бясѣда, я и съ музыкуй хажу».—А, дѣдычка, еты жъ и харашо, што ты зъ музыкуй ходишъ... Во тады гаворить:—«няси мяшокъ, у тую избу пастаў»!..—«Не, галубушка, я тутъ ли углушка пастаўлю.» А самъ паставилъ мяшокъ падъ лаўкуй у вуглушку.—«Ну, дѣдушка, ладь-ка ты сваю музыку. Играй, дѣдушка!» И пригаваріить:

Хто па яблычки пашоў,
Штобъ тэй вѣкъ ни пришоў!

Скамарохъ завядеть и играить; іонъ тоя праиграить, а тада:

Ти чуешъ ты, салома,
Ти видишъ ты, салома,
А што дѣитца дома?..

— Да не, дѣдушка, ты такъ скажи:

Хто па яблычки пашоў,
Штобъ тэй вѣкъ ни пришоў!..

А хазяинъ сусѣдъ научилъ, када іонъ вылѣзить изъ мѣшка: «перша другоў хватай, а тады яе атходишъ и хваробу атгонишъ, а ня будишъ хадить за лѣкарствомъ.» Вылѣзъ изъ мѣшка мужикъ и атхваталъ перва яе другоў, а ина стаить руки сащеня.—«Сусѣдъ, вазьми яе харашенька, атгонь хваробу!» (Сусѣдъ пришолъ палюбапытствовать). Такъ атхадилъ мужикъ, што и тяперь живуть вмѣсти.

Король-королевичъ.

3 а).

Якъ паѣхаў каралевичъ на прагуляньня,
Іонъ пакинуў Марусиньку на гарюваньня.

Нямножичка іонъ праѣхаў, астанавиўся;
Іонъ пустиў жа свайго коника ў зялёный лугъ,
Іонъ пустиў жа свайго ворына ў зялёный лугъ,
Самъ жа лёгъ каралевичъ у бѣлъ шатёръ.
Сколька время ни васнуў іонъ, ва снѣ навидаў:
Съ-падъ правый жа съ-падъ ручяньки саколъ вылитаў,
Съ-падъ лѣвый жа, съ-падъ бѣлый жа—сѣра зязюля.
Прашнаетца й каралевичъ, приўзадумаўся;
Іонъ бяреть жа свайго коника за шаўковыю вузду,
Іонъ бяреть жа свайго ворына за шаўкову вузду,
Іонъ паѣхаў каралевичъ ки свайму двару.
На вустрѣчу каралевичу стара бабушка:
—«Ты, бабушка, старушечка, разгадай мнѣ сонъ!»
—А я жъ то вамъ, каралевичъ, славесна раскажу:
А ѣдь, паѣдь, каралевичъ, да дому свайго;
Въ вашемъ домѣ, каралевичъ, нищастика есть:
Ваша жина, каралевичъ, сына радила,
Сына ина парадила, сама памирла.—
Пріѣзжаить каралевичъ ки свайму двару,
А ўжу жъ яво варотики растварёная,
И красныя вакошички ўсѣ паўтворены,
А ўсѣ жъ мае лакеюшки а ў чорнымъ стаять,
Адна жъ мыя Марусинька ў чирвонным ляжить.
Якъ удариўся каралевичъ абъ тисовый столъ:
Што жъ ты, мыя Марусинька, ни встричаишъ мяне,
За бѣлу й за шіюшку ни хвытаишъ мяне,
А сладками жъ да устами ни цалуишъ мяне»?..

3 б).

(С. Даньково, Смол. у.).

Якъ паѣхаў каралевичъ на прагуляння,
Пакинуў іонъ Марусиньку на гарювання;
Нямножка іонъ праѣхаўши, астанавиўся,
Пустиў свайго дабра каня ў зиляны луга,
А самъ іонъ лёгъ ды спатиньки падъ бѣлымъ шатромъ.
Призвидиўся каралеўцу дяйствительный сонъ.
Съ-падъ правый жа съ-падъ ручиньки саколъ вылетаў,
Съ-падъ лѣвыя, съ-падъ бѣлыя—сѣрая вутица.
Саколъ, саколъ, іонъ вылитаў, усю праўду казаў:
—«Ты ѣдь, паѣдь, каралевичъ, ки свайму двару!
Твая жана Марусинька сына й радила,
Сына, сына парадила, сама памерла».
Пріѣзжаить каралевичъ ки свайму двару,
Щитовыя й варотики парастворены,
Касастыя вакошечки паразслонены,
Вси маіоры, капитаны а ў чорнымъ стаять,

Адна жъ мая Марусинька ў чарвонымъ ляжить.
А ўдариўся каралевичъ абъ тисовый столъ:
—«А што жъ мае боздрыя ножки ня стрѣли мяне,
А што жъ мае бѣлыя ручки ни 'бняли мяне?»

3 в).

Какъ паѣхаў каралевичъ на ваюваньица,
Асталася каралеўна на гарюваньица;
А какъ лёгъ жа каралевичъ на спачуванія,
Какъ сасниўся каралевичу нипріятный сонъ;
А якъ стаў жа каралевичъ разсказывати:
—Охвицеры, винирады, разгадайти-ка сонъ!
А съ-падъ правый съ-падъ рученьки сокылъ вылитаў,
А съ-падъ лѣвый съ-падъ рученьки сѣра вутица.
—«Ты ѣдь, паѣдь, каралевичъ, ки свайму двару,
А ўжу твыя жъ то Марусинька сына радила,
Эй, сына жъ то родила, сама помирла!»
Какъ паѣхаў каралевичъ ки свайму двару,
Воротики щитовыя раствориныя,
Охвицеры, винирады ў жалыби стыятъ,
А ўжу мыя Марусинька ў ва грабницы.
Якъ удариўся каралевичъ объ тяжолый гробъ!...

3 г).

Ай, сынъ жа ў матки ночку начувалъ,
Ай, сынъ жа матки свой сонъ разсказалъ:
— «Матушка мыя, видѣў я ва снѣ:
Съ-падъ правый руки саколъ вылеталъ;
Пришоў я двору,—жина памерла,
Глянуў я на печку,—тамъ дитя кричить».

Ванька-ключникъ.

4 а).

(С. Даньково, Смол. у.).

Кабы рана была, рана па зари,
Били, били ў званы, ва ўси калакалы,
Кабы слышна была, што па ўсей Масквѣ,
Што па ўсей Масквѣ, па ўсей варміи,
Какъ и живў сабѣ князь са княгинію,
Какъ нываў сабѣ князь Ваньку клюшничка.
Какъ и злёхся Ванька са княгинію,
Іонъ нямножка живў—роўна тридцать лѣтъ.
А какъ стаў жа князь узнывать ета:
— Охъ, вы, слуги мае, слуги вѣрныя,
Вы бярития лупатки зялѣзныя,
Вы капайтя ямки вы глубокія,
Станавитя стаўпы вы притачоныя,

А вы силяйтя вишильницу здаровую!
Охъ, вы, слуги мае, слуги вѣрныя,
Ой, идити-ка, привядити-ка,
Привядити-ка Ваньку клюшничка!
Вядуть Ванюшку шурокимъ дваромъ,
Ванька клюшничикъ насмихаитца,
Маладая княгиня стаитъ, слезна абливаитца.
— «Вы, харомы мае, вы, высокія,
Папита жъ што у васъ, што паѣдина,
Многа тайныхъ рѣчъ пагаворина,
Што за бѣлую грудь многа держина!»
— Охъ, вы, слуги мае, слуги вѣрныя,
Ой, вядитя Ваньку ки вишильницы,
Вы павѣсьтя Ваньку вы на вишильницу!
Ванька клюшничикъ упинаитца,
Маладая княгиня насмихаитца.

4 б).

(Д. Слобода, Смол. у.).

Якъ и жиў-праживаў князь Валаходинскій,
Якъ и была у яго соракъ да три дѣвушки,
Ванюшинька клюшничикъ съ дѣўками разсориўся,
Са 'днэю Машинькый Ваня пазнакомиўся.
—«Ахъ вы, слуги мае. слуги мае пошлинныя,
Вы бяритя, слуги. лупатычки востринькія,
Вы рыйтя й капайтя ямычки глубокинькія;
Станавитя, слуги, стоўбичкн тачоныя,
Вы ўбейтя, ўкалатитя калечки залотенькія,
Вы чипайтя, слуги, петли шаўковенькія,
Калышитя вы, слуги, Ваню патихошиньку!»
Ванюшинька клюшничикъ на релихъ качаитца,
А яго княгиня ў горинки канчаитца.

(Отъ Пелагеи Демьяновой).

4 в).

(Сельцо Сухой Починокъ, Ельн. у.).

Пастроина пастроичка, пастроичка новая,
У той жа ў пастройки живётъ князь Валхонскій.
Какъ у тога жа у князя воръ Ваня клюшничекъ.
Іонъ и годъ живётъ Ванюша, Ванюшка другой живётъ,
На третій годъ Ванюша, Ванюша сувѣдался.
— Во, слуги мае, слуги, слуги мае вѣрныи,
Вы идити-ка, бяритя лапаты жялѣзныи,
Вы ройтя, капайтя двѣ ямы глыбокія,
Вѣсьтя, павѣсьтя двѣ пятли шалковыи;
Вы идити-ка, бяритя вора Ваню клюшничка,
Пускай жа іонъ накачаитца,
Малада иво княгиня пущай пупечалитца!

4 г).

Кабы ў нашей Маскве̂, въ славнымъ горыди,
Какъ ударили ва ўси званы,
Ахъ, у ва ўси званы, въ бальшей колыкылъ,
Штоба слышна було но па ўсей Маскве̂,
А па ўсей Маскве̂, па ўсей варміи.
Тама жиў-праживаў князь Валхоўскій сынъ,
А у князя жъ то быў Ванька клюшничикъ.
Іонъ ня многа жиў, ни мала—роўна девить лѣтъ.
На дисятымъ гаду князь давѣдыўся,
Іонъ давѣдыўся, іонъ давѣриўся,
Охъ, и стаў жа Ваньку крѣпка спрашивать:
— «Ты скажи-ка, скажи, Ванька, скажи, варвылъ мой,
Ай, да ти многа ты лѣтъ жиў съ княгинію?»
— Я й ни многа, я й ни мала—роўна десять лѣтъ.
— «Ахъ, вы, слуги мае, слуги вѣрные,
Вы бярити-тка лопатычки зялѣзныя,
Вы капайти-тка ямычки глубокія,
Станавити-тка столбики дубовыя,
Вы чипляйти-тка арелюшки шаўковыя,
Вы вядити-тка жъ Ваньку широкимъ дваромъ!»
Идётъ Ванюшка, усмихаитца,
Маладая княгинюшка въ пастелюшки качаитца;
Охъ, и Ванюшка на 'релюшкыхъ качаитца,
Маладая княгинюшка кынчаитца.

4 д).

Кабы у насъ то было што на Дзьмитраўку:
Якъ ударили а ў ва ўси званы,
А ва ўси званы, больши ў колаки.
Кабы слышна було што па ўсей Маскве̂,
Што па ўсей Маскве̂, па ўсей варміи.
Кабы жиў клюшникъ сы княгинію,
Іонъ ня многа, ни мала, роўна восемъ лѣтъ,
На дивятымъ гаду князь давѣдаўся,
На малóдыга клюшника разгнѣваўся.
— «Ахъ, вы, слуги мае, слуги вѣрныя,
Вы вазьмити-тка Ваньку клюшничка,
Вы вазьмитя яго за бѣлыя плечи,
Вы вядитя яго да на висильницу,
Вы павѣсьтя яго за бялыя й ноги!»
Висить Ванька, іонъ качаитца,
Маладая княгиня канчаитца.
— Кабы знаў я ета, вѣдаў ба,
Я ня вѣшаў ба Ваньку клюшничка!

4 е).

(С. Бочарово, Юхн. у.).

Зимляничка дарагая
Па закрытію расла;
Ты, княгиня маладая,
Съ князимъ въ терими жила.
Какъ у князя былъ Ванюша,
Ваня клюшникъ маладой.
Ваня клюшникъ, мой разлушникъ,
Чужу сторану спазналъ.
Какъ ударилъ онъ [1]) княгиню,
Онъ ни злáтымъ, ни кальцомъ.
Но княгиня къ нему льнула,
Какъ сарочка на плечахъ.
«Ты пайдёмъ, пайдёмъ, Ванюша,
Спать на княжинску кравать».
Па славеснымъ разгавору
Князь дазнался да жаны.

— «Ужъ вы, слуги маладыи,
Слуги вѣрныи маи,
Вы падитя, привядитя
Ваню клюшника ка мнѣ!»
Какъ вядуть, вядуть Ванюшу,
На нёмъ вѣтрымъ кудри вьють.
— «Ты скажи, скажи, Ванюша,
Сколька лѣтъ съ княгиній жилъ?»
— Пра то вѣдала падушка
Са пяриный съ пухавой,
Ящо зналъ пра то Ванюша...
Какъ павѣсили Ванюшу
На шалковымъ паясѣ,
Ваня ножками зáбрекалъ,
Атъ княгини жисть сканчалъ.

Татарщина.

5.

(С. Даньково, Смол. у.).

Татары полонъ дѣлили; теща зятю доставалась.

Ай, у поли, ай, у чистинькамъ, 2
Тамъ тытары палонъ дялили:
Таму-сяму паланянычка,
Тёща зятю даставалася.

— «Атваряй, жина, щитовы ва-роты:
Вязу табѣ пирямѣнушку,
Дятёмъ тваимъ—ўскармленицу!»

6.

(Сельцо Самохотовка, Смол. у.).

Теща зятю, татарину, доставалась. Бабушка внучка, татарченка, въ колыбели колышетъ.

Наѣхали 2 ўсё татарины,
Наѣхали ўсё татарины, 2
Стали яны 2 дяльбу дялити,
Стали яны дяльбу дялити: 2
Таму-сяму 2 па татарину,
Таму-сяму па татарину; 2
Дасталася 2, ой, теща зятю,
Дасталася ой теща зятю. 2
Загадаў зятька 2 три дѣлы дѣлать,
Загадаў зятька три дѣлы дѣлать: 2

---

[1]) Подъ Москвой поютъ: „Онъ не дарывалъ“... *Н. Я.*

Первыя дѣла 2—бѣлый кужиль прясти,
Первыя дѣла—бѣлый кужиль прясти; 2
Другоя дѣла 2—сѣрыхъ гусей пастивить,
Другоя дѣла—сѣрыхъ гусей пастивить; 2
Третія дѣла 2—дитя калыхать,
Третія дѣла —дитя калыхать. 2
Я ручками 2 бѣлый кужиль пряду,
Я ручками бѣлый кужиль пряду; 2
Я глазками 2 сѣрыхъ гусей пасу,
Я глазками сѣрыхъ гусей пасу; 2
Я ножками 2 дитя калышу,
Я ножками дитя калышу: 2
— «Баю, баю, 2 баю, маё дѣтитка,
Баю, баю, маё дѣтитка: 2
Па матушки 2 мой унучечекъ,
Па матушки мой унучечекъ; 2
Па батюшки 2 мой Татарьевичъ.
Па батюшки мой Татарьевичъ!» 2

(Отъ Лукерьи Бѣляёвой).

7 а).

(С. Даньково, Смол. у.).

Молодая жена съ татариномъ гуляетъ. Мужъ изъ ревности лишаетъ жену жизни.

Пьеть молыдицъ гади́нку,
Спить молыдицъ другую.
Якъ ашнуўся молыдицъ—
Варанога каня нѣту:
Варо́ный ко́ня увядёнъ,
И карета залатая запряжона,—
Млада жина увязёна.
—«Слуги мае вѣрныя,
Запрягайтя карету новую,
Залатую другую.
Я паѣду, младецъ,
Въ чужу дальнію старонку!»
Ѣду поля и друго́я,
На третія узъизжаю.
Іость у поли бѣлъ шатёръ;
А ў тымъ шатрѣ татары,
Мизъ татаръ младая жина,
Съ татаринымъ гуляить,
На мяне платкомъ махаить:
—«Ни наѣзжай, мой милинькій,
На чужу дальнію старонку:
Паложишъ сваю буйныю галоў-
ку!»
Якъ выню я востры мечъ,
Сыму жанѣ галаву съ плечъ!

7 б).

(С. Даньково и с. Свалы, Смол. у.).

И сонъ молайца скланяить: 2
Вароныму каню ў гриву,
А съ капытьтя ву далинку.
Спить молыдицъ гадинку,
Спить молыдицъ другую.
Якъ прашнуўся: каня нѣту;
Пришоў двору: жаны нѣту.
— Ужъ вы, слуги вѣрныя,
Запригайти карету,
Ужъ я сяду, да й паѣду!
Ѣду поля, другоя,
На третія узъизжаю,

Вижу ў поли бѣлъ шатёръ;
У томъ шатрѣ татары;
Мизъ татарыў мая милая;
Милая гуляить,
На мяне платкомъ махаить:
— Ни наѣзжай, миленькій,
На чужу дальнію старонку:
Патиряешъ, миленькій,
Сваю буйную галоўку!

— «Я татарыў ни баюся:
Я татарыў всѣхъ парублю,
Тябе, шельму, пачвяртую;
Выхвачу вострую мечъ,
Сыму жанѣ галаву съ плечъ:
Ни 'тставайся, милая, ни мнѣ, ни татару,—
Даставайся, милая, сырой матушкѣ-зямельки»!

7 в).

Какъ бы и ў поли, падъ лясомъ,
Агонь сининькій гарѣў;
Вокала таго агня
Тамъ татары гуляли;
Мижъ тыхъ жа татарыў
Тамъ и милая мыя.
Навяду я, маладецъ, стряху,
Я на милую на сваю:
— «Старанись, мая милая,
Я татарипа убью»!

— Я не старанюси-тка:
Я татарина люблю.
Ни пупаў я ў татарина—
Пупаў я ў милую.
Пакатилась галава.
У татарина па калѣнихъ.
Ни дасталыся милая
Ни мнѣ, ни татарину,
Дасталыся милая
Сырэй матушки-зямельки.

7 г).

(С. Хохлово, Смол. у.).

Съ вечера дождь, къ утру туманъ; отсутствіе милаго дружка, уѣхавшаго на войну. Изъ окошечка жена видитъ, что татары ведутъ его коня, заключаетъ о смерти мужа, оплакиваетъ сиротскую участь дѣтей и свою вдовиную долю.

Са вечира дождь, ки утру туманъ,
А мнѣ, маладёшинькѣ, всё горя пичаль.
Дружка дома нѣтъ, паѣхаў мой милинькій,
Іонъ ўздумаў на часъ, іонъ будить сей-часъ,
Ажну майго милага дружка дома нѣтъ.
Пайду, маладёшинька, въ нову горенку,
Сяду, маладёшинька, падъ вакошичкамъ,
Гляну, маладёшинька, у вакошечка.
Па улицы, улицы татары идуть;
Майга милинькага коника вядуть.
Знать жа мой милый убитый ляжить,
А мнѣ маладёшиньки удавою быть,
Маимъ дѣтушкамъ горькый сиратою.

8.

(С. Даньково, Смол. у.).

Татары за вдовою гонятся и хотятъ ее сгубить. Она обѣщаетъ выкупъ, но отецъ и мать отрекаются отъ нея, только милый выкупаетъ ее у татаръ.

Што па полю либяда,
Туда ишла удава,
А за ею татары,
А за ею лихея;
Хочуть вдаву загубить,
При ўдарозѣ палажить.
—«Вы, татары мае,
Не губитя мяне!
Іость у мяне батюшка,
При ў дароженьки живёть,
Ти ня выкупить мяне,
Ти ня выручить мяне!»
Охъ, я къ батюшкѣ на дворъ,
Батька кажить:—«Ня мой родъ!»
А, худая гадина,—
Атрикаитца радина!
Што па полю либяда, и т. д.
Іость у мяне матушка,
При ў дароженьки живёть:
Ти ня выкупить мяне,
Ти ня выручить мяне».
Ахъ, я къ матушки на дворъ,
Матка кажить: «Ня мой родъ»!
А, худая гадина:
Атрикаитца радина!
Што па полю либида, и т. д.
Іость у мяне милый другъ,
При ў дароживьки живёть:
Ти ня выкупить мяне,
Ти ня выручить».
Ахъ, я къ милыму на дворъ,
Милый кажить: «Вотъ мой родъ»!
А, харошая гадина:
Признаетца радина!

9 а).

(С. Даньково, Смол. у.).

Татары увели коня у спящаго молодца; дѣвица будитъ его.

На дарожку лясокъ нахинуўся,
На молыйца тамъ сонъ навалиўся;
Туды ишла красныя дяўчонка.
— «Устань, устань, младецъ, прабудися:
Твайго кыня тытары узяли»!
— Аткаснися, красныя дяўчонка:
Люди скажуть, што я тябе люблю!
— «Кабы ни любила, дакъ бы й ни будила;
Кабы я ни знала, такъ бы ни гукала»!

9 б).

На дарожку лясокъ нахинуўся,
На молайца да сонъ навалиўся.
Пустиў каня да іонъ на далину,
А самъ жа лёхъ на 'дну на часину.
Аткуль ўзилась красная дяўчонка,
Стала млайца ина прабужати:

— «Ты й устань-ка, удалой малойчикъ!
Наѣхали да злые татары,
Варона каня твайго узяли,
Тябе, малайца, да хочуть звязати!»
— Атких сися, красная дяўчонка!
Люди скажуть, што ты любишъ мяне.
— «Кабы я тябе, малайца, не любила,
Дакъ бы я тябе, малайца, не будила!»

10.

(Сельцо Радошково, Ельн. у.).

Добрый молодецъ убитъ въ войнѣ съ татарами и калмыками.

Вохъ ты, ёлка, ялинка,
Принадобная дреўца.
А стаяла тамъ ёлка,
А стаяла ялинка
При пути, при ў дароги,
Близъ прибойныга гастинца.
Во падъ тэй жа ёлкый
Кравать тисавая;
А на тэй жа кравати
Да пярина пухавая;
А на тэй на пярини
Добрый молыдицъ ляжить;
Іонъ ни ўбитъ, ни зарѣзанъ;
На ёмъ рубашечка
Ина тонка, палатняна,
И таненька, и бяленька,
Уся кроўю скипѣла.
А ня шила матушка,
Ни страчила сястрица:
Вохъ и шили татары,
А страчили калмыки;
Вохъ и шили татары
Вострыми мичами,
Страчили калмыки
Залатыми штыками.

(Отъ старика Михаила Ильича Тюри).

11.

Темрюкъ-Кастрюкъ.

(С. Даньково, Смол. у.).

Вохъ вы, люди, люди старыя,
Мужуки вы прувуслаўныя,
Охъ, вы братцы, да вы слушайтя,
Во што я буду и-и-сказывати,
Разгаворы разгаваривати,
Во што была при старому царю,
При царю Ивану Васильевичу,
При блаженный яго памяти.
Якъ задумалъ царь жанитца сябѣ,
Іонъ изволилъ іонъ и сватати ся,
Маладую іонъ Черкасиницу,
Іонъ и первую амператарницу,
Іонъ и Марію Диментьевну,
Іонъ и многа и приданага бяреть:
Гарады́ съ пригаро̀дачками,
Яще сёлы и съ присёлачками,
О деревни и съ памѣщичками;
Іонъ и многа да іонъ пивушка варилъ,
Іонъ и многа зелена вина курилъ,
Іонъ и многа іонъ гастей за прасилъ,
Іонъ и многа князей пазазвалъ.
Уси гости пазъѣхались,
Уси князи пасабралися,
За столики пасажалися,

За столики за тесовенькіе,
За скатерти за набѣльчатыя;
Аднаго жъ таго и нѣтути
Да и большига и шурина.
Пріѣзжаить іонъ апослѣ ўсихъ,
Іонъ садитца павыше ўсихъ,
Хлѣба-соли іонъ ня кушаеть,
Бѣла лебядя ня рушаеть,
Зелена вина и ў ротъ ня берётъ,
Тольва жостка выхваляетца.
Якъ скочеть нашъ царь-государь
На сваё красна крылечушка,
Якъ и свиснеть на Волгу-ряку,
А сы Волги на Острахню,
Сы Острахни въ камяную мать Маскву,
Съ камянной мати Масквы на тихой жа Донъ:
— «Сабирайтесь съ татаръ и съ быярь,
Яще сы Данскихъ казаковъ,
Яще да съ найлучшихъ маладцовъ,
Яще сы дваровыхъ людей!»
Выхадили два брата Андреи да й Андреевичи:
Яны сами-то малёшеньки,
На калѣнушкахъ низёшеньки,
На языкъ пришяпётываютъ,
Адинъ на аднаго паглядываютъ,
Усы за усы закладываютъ.
Якъ узялся жъ и меньшій братъ,
Якъ и скочеть чрезъ семьдесятъ сталоў,
Іонъ и семьдесять татаринаў убилъ летучи:
— «Охъ, и съ кѣмъ тольва сохвачусь,
Охъ, и съ кѣмъ тольва я пабарюсь.
Сваей силушки правѣдуюсь?»
Якъ и хватить іонъ за правую руку,
Метанётъ яго объ землю:
На имъ платьица палопалась,
И сапажонки попалопались,
И шатанёнки далой спалзли.
Выхадила й Марья Дементьевна,
Выхадила на крылечушка,
Выхадила са високага терема,
Гаварила славечушка:
— «Ты, мужикъ, ты мужичій сынъ,
Ты, крапиўныя сѣмечка!
Ой, и многа бъ тябе сѣилась,
Да и мала урадилася!
Што не брать было за правую руку,
Не метать было объ землю,
Не марать было платьтя твѣтныга,
Не пазорить лица бѣлага!»

(Отъ 70-лѣтняго старика Тимофея Григорьева Михалёва).

Усы.

12 а).

(Сельцо Радошково, Ельн. у.).

Многа, братцы, люди знали,
Нигдѣ усоў ни слыхали,
Ни ў Казани, ни ў Рязани,
Ни ў Новымъ горадѣ.
А праявилися усы,
Сярёдъ матушки Масквы:
И на печки усы,
И падъ печкый усы
На лавычки сидять.
Ихъ сапожиньки скрипять,
Ликсандрійскія рубахи—
Всё касыя варата;
Въ нихъ мурыя кахтаны,
Златы пугывицы,
Сиряки-армяки
Кумакомъ аблажаны,
Ихъ борыды, какъ борыны,
А вусы, какъ кнуты.
—Пайдёмтя за ряку,
Къ багатыму мужику,—
Вы па полю идитя,
Да ни гаркайтя.

Ки двару падхадитя,
Ни шумаркыйтя,
Бяритися за заборъ,
Вы мячитися на дворъ,—
Адинъ па 'дномъ,
Повинъ дворъ найдёмъ!
Ки синямъ жа вы идитя,
Да ня стукайтя;
У въ избу жъ ухадёмши,
Да вы паслушайтя,
Ти спить ли хазаинъ
И съ хазяюшкай.
— Здрастуй, хазяинъ
И съ хазяюшкый,
Мы ни тябе пришли пытать,
Ни хазяюшки тваей:
Гавари-ка ты, хазяинъ,
Многа ль денигъ у тябе!
Хазяинъ гаварить:
—«Денигъ нѣту у мяне.»
А хазяюшка за квашней гаварить:
—«Ни капѣички за душой.»
А дуракъ на печи
Іонъ сваё гаварить:
—«У клѣти, ў сундукѣ,
Засыпаны у мукѣ,
Ящё на дварѣ
Нова горинка стаить,
А у тэй жа горинки
Дубавой сталокъ стаить,
А у томъ жа ў сталѣ
Читвярикъ серибра, 2
Да мелычи три ведра.»
Тымъ жа вусъ
Нидаволинъ стаў, 2
Къ сасѣду паслаў.
—«Закидайтя сѣть
Падъ сасѣднюю клѣть, 2
Да што-нибудь пупадёть:
Либа кактанъ, либа свита,
Либа мѣхъ жита!
Закидайтя невадокъ
Падъ сасѣдній хлявокъ,—
Вы лавитя ситра,
Ситра чалинькава, 2
Сивагривинькава!
Паймали мы ситра
У мужика у Питра.
Ситра ў лапти абували,
Штобъ слѣдоў яго ни ўзнали,
Пувяли ситра
Да на торгъ прадавать,
Питярыхъ прадавали
И самихъ было пахватали.
(Усы ушли и гаворять):
—«Моль таму ў ротъ,
Хто насъ ворымъ назавётъ.
Мы ни вары и ни плуты,
Ни разбойнички,
А гусударевы люди—
Рыбалоўнички.
Па клѣтямъ, па хлѣвамъ
Рыбу лавливали;
Мы лавили щукъ,
Да што шубы шьють;
Мы лавили сятроў,
Да што сала краять;
Мы лавили акунёў,
Да што крутыя рыгá.
Люди пашиньку пахать,
А мы коникыў хватать;
Люди рожъ малатить,
А мы замки калатить;
Люди житушка вѣить,
А мы мѣрками мѣрить;
Люди ў засѣки насить,
А мы съ засикыў вазить.

(Отъ кр. Семена Григорьева Медвѣдя).

12 б).

(Д. Медвѣдовка, Смол. у.).

А ня чуть было усоў,
Не слыхать было усоў,—
Какъ прачулися усы,
Праявились малайцы
На ўсёдный нядѣли,
Проти масленицы.
Хараши наши ребяты,
Толька славушка худа;

Хараша наша дяревня,
Толька вулица грязна.
Ни вары, ни зладѣи —
Гусударевы рибяты.
Пу сухимъ ины путямъ
Рыбу лавливали,
Пу сухимъ пу путямъ—
Всё па 'мбарамъ, па канюшин-
камъ.
Аны свинычку паймають,
Яе ў торбычку схувають;
Яны утычку паймають,
Тожа ў торбычку схувають;
Какъ заставють сятей,
Прамежъ чужихъ клятей:
Какъ паймали ситра,
Вотъ и ў дядюшки Петра,
Вотъ и сивыга каня,
Бѣлагривыга каня.
Люди пойдуть малатить,
Яны замки калатить;
Люди поля пахать,
Яны сохи разувать;
Люди поля касить,
Яны косы насить.
—«Ухъ, вы, нути-ка, рибяты,
Сабирайтесь-ка, рибяты,
Вусъ па вусу!»
Какъ сабралася вусоў
Сорыкъ восемъ чилавѣкъ.
—«Мы пайдёмти-ка, рибяты,
Мы за Волгу-ряку, 2
Къ багатыму мужику:
Тамъ багатъ мужикъ живётъ,
Іонъ самъ денюжки куётъ,
Чисту рожъ прадаётъ;
А у таго жъ та мужика
Мидянэя варата,
Зялѣзная вирія,
Дубовыя замета.
Сабиралися усы
Во къ таму-та двару,
Межда сабой усы
Разгаваривали:
—«Вы бяритесь-ка, рибяты,
Вы за дядюшкинъ заборъ,
Вы брасайтися, рибяты,
Къ майму дядюшки на дворъ!»
Накладалась, набрасалась
Саракъ восемъ челавѣкъ:
И у хати усы,
Па ўсѣхъ лаўкахъ вусы,
И падъ лаўкый усы,
И на палатяхъ вусы,
Падъ палатими вусы:
Па лавычкахъ сидять,
Ихъ сапожики скрипять,
Альксандрійскія рубахи—
Всё касэя варата.
Охъ, и старшій ихъ усъ
Ничаво іонъ не гаворить,
Толька вусикымъ шаволить.
—«Охъ, и ну-ка, ты, Андрей,
Бярись за дядю скарѣй!
Охъ, и ну-ка, Тарасъ,
Ты ударь дядю разъ!
Охъ, и ну-ка, Силиванъ,
Сяки синій агонь!
Охъ, и ну-ка, Азаръ,
Валаки дядю на жаръ!»
Охъ, хазаинъ идётъ,
Іонъ шкатулычку нясётъ;
Патомъ жонка идётъ,
Сундучокъ валакётъ;
Охъ, и дѣтки идуть,
Аны паслѣдычки нясуть.
— Ты живи, мужикъ, па воли,
Сабирай денигъ паболій:
Мы аттуль къ табѣ зайдёмъ,
Твае кубки запясёмъ,
Табѣ кости патрясёмъ!

(Отъ кр. Семена Аѳанасьева).

12 в).

(С. Радошково, Ельн. у.).

Зъ разныга рода
Урадилася ихъ парода;
Въ гарада ни ўѣзжають,
Многа людей абирають.

Сиряди пу́стышъ лѣсу—
Увяздѣ во имъ путь:
Куда хочуть, вертають,
На воздухыхъ литають,
И на вадѣ ни танять,
Черисъ горы и паля
Имъ дарога весила.
Во ня чуть было усоў
Ни ў Казани, ни ў Резани,
Ни ва въ устьихъ гарадахъ,—
Праявилися вусы
Сярёдъ матушки святой во Руси.
Во яны выйдуть во и ў хату,
Слова яны къ свайму брату;
Ани сядуть па мѣстахъ,
Па мѣстахъ, всѣ по лавачкамъ;
Ничаво яны ни гаво́рять,
Толька вусами шаво́лять.
А адинъ во та усъ—атуманища:
Іонъ ничаго ни гаво́рить,
Толька вусикымъ шаво́лить,
Іонъ, іонъ шаволить, 2
Пашиваливаить,
Іонъ приказываить:
«Во жъ вы полю идитя,
Ни гаркайтя;
Па салонки идитя,
Ни шумаркыйтя;
Подъидитя подъ акошечка,
Паслушайтя:
Во ти спить хазяинъ
И съ хазяюшкый.
—«А здрастуй, хазяинъ
И съ хазяюшкый,
Ни тябе пришли сматрѣть,
Ни хазяюшки твaей,—
Гавари-ка ты, хазяинъ,
Многа-ль денигъ у тябе?»
А хазяинъ гаварить:
— «Нѣту денигъ у мяне!»
А хазайка гаварить за квашнёй:
—«Нѣту гроша за душой!»
Дурачища на пячи
Іонъ гаварить всё въ адно:
— «Наши деньги у клятѣ ў сун-
дукѣ,
Засыпаны у мукѣ,
Ещё у насъ нова горенка стаить,
Нова, нова, выстрыяна,
А у тэй горенки дубовенькій ста-
локъ,
А ў томъ сталѣ
Четверикъ серибра,
Па мелычи три рубля.»
Етымъ жа 'туманъ
Нидаволинъ стаў, 2
Ки сасѣду паслаў:
—«Закидайти-ка сѣть
Падъ сасѣднію клѣть,
Закидайтя нивадокъ
Падъ сасѣдній хлявокъ;
Пупадетца што ў сасѣдній клѣти,
Либа сита, либа свита,
Либа мяшокъ жита;
Што пупадетца у клѣти,
То на дворъ всё мечи!»
А ў Питра, у мужука,
Мы паймали васитра,
Крутарожинькава,
Сивялёзинькава.
Абывали мы сятровы
Новы лапытки;
Ли таво мы абували,
Штобы слѣда ни ўвызнали;
Пувяли мы да ситра
Мы на рыныкъ прадавать;
О мы ситра ни прадали,
А насъ тама пахватали.
В а н х в е р х т ъ таму дать,
Хто насъ м о р х ъ н а х а в е т ь!
Ни вары мы, ни плуты,
Ни разбойнички,
А гусударевы были
Рыбалоўнички.
Па клѣтяхъ, па хлѣвахъ
Рыбу лавливали;
Мы лавили щукъ,
А што шубки шьють;
Мы лавили пискарей,
А што сала, рямень;
Кала пёнышкыў—
И сямёнышкыў.
Люди пашиньку пахать,
А мы коникыў хватать;
Люди коникыў дамой,
Мы лямешики далой;

Люди сѣна касить,
Мы имъ косы насить;
Бабы житушка жать,
Мы падъ межичкый лижать, 2
Зипуники прибирать;
Бабы холстъ бялить,
А мы аршинами дялить;
Люди рожъ малатить,
А мы замки калатить;
Люди рожъ давай вѣить,
А мы её давай мѣрить.

(Отъ старика Михаила Ильича Тюри).

12 г).

(Сельцо Киселёвка, Смол. у.).

Собралося насъ вусоў,
Цѣлый корпусъ малайцоў—
Многа!
Вохъ, да вусы! 2
Вусы, вусы, развальчистыя!
Во ў насъ красныя рубахи—
Усё касэя варата,—
Красна!
Вохъ, да вусы! и проч.
Во мы пó лису ишли,
Ни шумархыли,
Змирна!
Вохъ, да вусы! и пр
Мы къ забору падхадили,
Мы згаваривались
Дружна!
Вохъ, да вусы! и пр.
За заборъ мы брались,
На дворъ брасались,—
Страшна!
Вохъ, да вусы! и пр.
Мы ў хату ўхадили,—
За сталомъ сядить вусища;
Іонъ ничога ни гавóрить,
Толька вусикымъ шавóлить:
Змирна!
Вохъ, да вусы! и пр.
Къ намъ хазяинъ идёть.
Іонъ и вотычки нясётъ—
Пить намъ!
Вохъ, да вусы! и пр.
Къ намъ хазяюшка идёть,
Часть гавядины нясётъ—
Кушать намъ!
Вохъ, да вусы! и пр.
—Вохъ, ты, старый вусища,
Ты расплачивайся!
—«У мяне денигъ нѣтъ ни гроша».
—Вздоръ!
Вохъ, да вусы! и пр.
Рибяты, деньги іость!
Малалѣтній мальчишка,
Іонъ и слóва прамолвиў:
—Деньги іость!
Вохъ, да вусы! и пр.
У добовымъ сундуки,
У новымъ закладнымъ,
Закапаны у муки,
Пылна!
Вохъ, да вусы! и пр.

12 д).

(С. Егорье, Дорогоб. у.).

Какъ и ноничи усы
Праявились на Руси.
Ай, братцы, вусы,
Удалыи маладцы!
Ужъ вы по пылю хадитя,
Вы ня свистыйтя;
Ужъ вы по лѣсу хадитя,
Вы ни хряпайтя;
Падъ заборы падхадитя,
Ни шумаркыйтя!
Падайдити-ка, рибяты,
Падъ вакошичка,
Што хазяинъ съ хазяюшкый
дѣлають.

Яны вужинають,
Разгаваріють:
—«Какъ и нашига дабра
Ни папить, ни паѣсть
Нашимъ дѣтушкамъ!»
Хазяйка нясёть
Бирястень малака,
Хозяинъ нясёть
Читвярикъ талакна .
—Нука жъ ты, Азаръ,
Валаки яго на жаръ!
Нука жъ ты. Фядосъ,
Ты патисни за носъ,
Штобъ іонъ денежки нёсъ!
Мы ня воры, мы ня плуты,
Ни разбойнички—
Гусударевы рыбалоўщички:
Па хлѣвамъ, па клѣтямъ
Рыбу лаўливали,
Кала пёнушкыў—
И сямёнушкыў.
Люди пахать,
Мы руками махать;
Люди жать,
Мы падъ кустомъ лижать:
Ужъ и люди малатить,
Мы замки калатить;
Люди спать.
Мы тилятъ таскать.
Што вары мужики—
Крутыўскіе,
На пахвали скамарохи—
Хвалинскіи,
Нагало́ скакуны—
То Ягорьиўскіи.

12 е).

(С. Иньково, Порѣч. у.).

Што съ-падъ горки,
Съ-падъ гары,
Дули вѣтры халадны
На гасподскіи двары.
Са гасподскага двара
Ишла Маша рижана:
На ей юпка зелина,
Падпаяска шалкава;
На галовушки платокъ,
А у карманчики другей.
Въ рукахъ прялычку нисла,
Вирятенца ўтиряла;
Варатилася назадъ,
Вирятенца ни нашла,
Да й заплакаўши пашла.
Хараша наша дяреўня,
Тольки вулица грязна,
Да па ей прайти нильзя;
Хараши наши рибяты,
Тольки славушка худа:
Люди сѣнушка касить,
Мы гатовая вазить;
Люди пахатку пахать,
Мы лямешики 'тбивать;
Люди на токъ малатить,
Мы замочки калатить.

13.

Стенька Разинъ.

(С. Радошково, Ельн. у.).

Разлилася матя Волга
Пу широкыму раздолью,
Пу ўсимъ па мхамъ, пу балотамъ,
Па сяннымъ, братцы, пакосамъ.
Мы устанемтя, рибяты,
Па утру, ранымъ-ранинька,
Мы умынися, рибяты,
Ключавой вадой халодныю,
Мы утрёмтися, рибяты,
Тонкимъ бѣлымъ палатномъ,
Мы памолимся, рибяты,
Стараверскыму чудатворцу,
Мы паѣдимтя, рибяты,
Ки горыду Астрахану,

Ки горыду Астрахану,
Ки заутрени, сабору!
Нихто насъ ня услышить,
Нихто насъ тамъ ня увидить,—
Вотъ и ўслышить, вотъ и ўвидить
Адна дѣўка Астраханка.
Приказалъ намъ ваявода
Варотики запирати, 2
На развалъ пушки катати,
Сеньку Разина стрѣляти.
—«И вы палитя, ни палитя,
И сваей силы ни губитя.
Мяне пушичка ня вóбьеть,
Мелкая ружичка ня возьметь:
А толька вобьеть и возьметь
Адна дѣўка Астраханка,—
Вотъ она мяне ссушила
И животъ-серца сукрушила».

(Отъ кр. Семена Григорьева).

Князь Василій Васильевичъ Голицынъ.

14 а).

(С. Даньково, Смол. у.).

(См. Пѣсни, собранныя *П. В. Кирѣевскимъ,* вып. 9, стр. 39).

Ни каличанька ў поли каликала,
    Въ поли каликала, [1])
Князь Галичинька по лугу гуляить,
По лугу гуляить, думаить-гадаить,
Думаить-гадаить, пра ўсё размышляить,
Пра ўсё размышляить, куды князю ѣхать;
Ѣхать князю лугымъ—лугымъ очень траўна;
Ѣхать князю лѣсымъ—лѣсымъ вочинь тёмна;
Ѣхать князю дарогаю—дарожинька пыльна;
Дарожинька пыльна, князю вочинь стыдна.
Ѣхать князю стараною, дальней слабадою!
Быяри пыўстали, шапычки пасняли,
Шапычки пасняли, на спакой узяли.

(Отъ Матрёны Антоненковой).

14 б).

(Д. Слобода. Смол. у.).

Ни куличинька ў поли куликаить,
Ни князь, братцы, по Масквѣ гуляить.
Іонъ думаить, братцы, гадаить,
Куды князю ѣхать:
Лисами, братцы, князю ѣхать:—
Яму вочинь страшна;
А палями яму ѣхать,—
Яму вочинь пыльна;
Но Масквою яму, братцы, ѣхать,—

[1]) Такимъ же образомъ повторяется вторая половина каждаго стиха.

Яму вочинь стыдна.
Ну, зачимъ жа яму, братцы, стыдна?
Ну, затымъ жа яму, братцы, стыдна:
Худэя лисоры.
Іонъ паѣхаў вулычкый Маскоўськый,
Дарожкый Тврярьськoю.

(Отъ Ѳедосьи Сиваёвой).

Походы Петра Великаго.

15 а).

(С. Сухой Починокъ, Ельн. у.).

(См. Пѣсни *Кирѣевскаго,* вып. 9, № 9).

Какъ съ-подъ лѣсу, лисочку,
Лѣсу тéмныва,
Выхадила, выступала
Сила войская—гусары,
Царя бѣлыва гусары,
Петра Петрыва:
Напяредъ идуть гусары
Са знаменами,
Ва втаромъ идуть гусары
Съ барабанами.
Барабанщики прабили
Па паходныму,
Мазуканщички прайграли
Па висёлыму,
Два указа прачитали
Па печальнаму:
Во втаромъ палку гиниралъ памёръ,
Гиниральчичикъ.
Гусары на рукахъ нясуть ево;
Маладую супругу шастярнёй вязуть.

15 б).

(Д. Радошково, Ельн. у.).

Какъ съ-падъ горъ, братцы гусары,
Заря занималася,
Занимала, пувивала, братцы,
Царя Бѣлыва, Петра Первыга.
У ва втаромъ, братцы, палку, гусары,
Сдѣлалась нещастьица:
Виниралъ памёръ, ящё самъ палкоўничикъ.
Винираньскую лашадку у павадахъ вядуть,
Винираньшію шастярней вязуть,
Винирала на галавахъ нясуть.
Музыканты праиграли пу пичальныму,
Барабанщички прабили пу пахонныму.
Прайграйтя, музыки, пу пичальныму:
Помиръ, помиръ царскій винэралъ сваей скорый смертью!

(Отъ старика Михаила Ильича Тюри).

Графъ З. Г. Чернышовъ и король Шведскій.

17.

(С. Даньково, Смол. у.).

(См. Пѣсни, собранныя *П. В. Кирѣевскимъ,* выпускъ 9, № 12, стр. 143).

Надъ Кистринымъ слаўнымъ горыдымъ,
Надъ Кистринскими варотами,
Тамъ стыяла д' нова свѣтилка;
У той свѣтилки нявольничикъ,
Чернышовъ Графъ Захаръ Григорьевичъ.
Іонъ па горенки пахаживаить,
Буйную го́лывыю пакачиваить,
Іонъ талань сваю пахваливаить:
—«Ты, талань мая, худая талань,
На раду талань написаная!»
Злучилыся туда ѣхати
Самаму да каралю Шведскому:
—«Прикажи, сударь, кармить, ли паить,
Прикажи, сударь, хуть выпустить!
А ня выпустишъ нявольничка,
Напишу письмо къ сваей матушки,
Къ благавѣрный гасударыни,
Къ Катярини Аляксѣевны:
—Ты пришли, пришли, мыя матушка,
Благавѣрныя гасударыня,
Катярина ты Аляксѣевна,
Ты пришли, пришли три палка ой салдатъ!
А мы выйдимъ у чистоя поля,—
У чистомъ поли пaборимся;
А мы со́йдемся й разо́йдемся,
На вострыхъ мечахъ памечимся!»

(Отъ старика Тимофея Григорьева Михалёва).

Атаманъ Краснощековъ и король Прусскій.

18 а).

(Сельцо Шаталово, Смол. у.).

(См. Пѣсни, собранныя *П. В. Кирѣевскимъ,* выпускъ 9, № 19, стр. 150).

Якъ расплакаўся што Пруськой король, што Пруськой король,
Да іонъ стоючи на прикрасушки, на крутой гарѣ,
Ахъ, да іонъ гледючи на сваю пакрѣпушку,
На Вялижъ горыдъ іонъ гледючи,
На сваю пакрѣпушку, на Вялижъ горыдъ.
—Ахъ, што жъ каму, каму, каму мая крѣпушка ина дастанетца?—

Эхъ, ина дастанетца мая паврѣпушка Царю Бѣлыму,
Да яще жъ таму яныралушки Краснащокаму, Краснащокаму. 2
—Эхъ, Краснащокій князь, князь гиныралушка, гдѣ Пруськой кароль живётъ? 2
Эхъ, дѣ вамъ знати, эхъ, дѣ вамъ вѣдати, гдѣ Пруськой кароль живётъ! 2
На карабъ идётъ Пруськой кароль чорнымъ ворынымъ, чорнымъ ворынымъ, 2
Ахъ, да у новымъ гoради сизымъ голабамъ, сизымъ голабамъ. 2
(Отъ Ѳеклы Боборычихи).

18 б).

(С. Даньково, Смол. у.).

(См. Пѣсни, собранныя *П. В. Кирѣевскимъ,* вып. 9, № 21, стр. 171).

Што зъ-за лѣсу, лѣсу тёмнага,
Нахадила туча тёмная.
Охъ, што й ня тучина, братцы, нахадила,
А нахадила сила варжія,
Сила варжія—государева.
Напярёдъ бягить маладой хуруръеръ.
На царёў кабакъ набѣгаючи,
Іонъ бягить, бягить, іонъ не здрогнетца,
Русы кудерьки на плечахъ лежать—не зварохнутся.
—«А вы, здравствуйте, цѣловальнички государевы!
О, ти іость у васъ да винца стольки?»
—Маладой хуруръеръ, многа-ль надаби?
—«Што ни многа, ни мала, братцы цѣловальнички,
Што ни многа, ни мала—на семьсотъ рублей,
Што закусычки, братцы цѣловальнички, на семьдесятъ».
Цѣловальнички гусударевы пуругалися,
Да за кусты за ракитовые пухувалися.

Танька Растокинская.

(Отрывокъ).

19.

(С. Даньково, Смол. у.).

(См. Пѣсни, собранныя *П. В. Кирѣевскимъ,* выпускъ 9, стр. 191, 192).

Пращай, прасти, д' мыя Марьина роща й зелиная:
Да видна й што мнѣ па рощицы о знать ни гуляти,
Ой, съ дубовыю съ иголкаю да знать ни стыяти!
Ой, яще прасти, пращай, Пятрова кружала:
А видна, што й добрыму молайцу на кружали ня быти,
Ой, винца съ пиўцомъ добрыму молайцу да знать не пивати,
Ой, калачикыў добрыму молайцу да знать ни ѣдати!...
(Отъ Тимофея Григорьева Михалёва).

Смерть В. А. Лопухина.—Войны съ поляками.

20.

(С. Даньково, Смол. у.).

Василій Абрамовичъ Лопухинъ убитъ 19 августа 1757 года, въ кровопролитномъ сраженіи подъ Гроссъ-Егерсдорфомъ. Пѣсни, собранныя *П. В. Кирѣевскимъ*, вып. 9, стр. 95).

Яны билися, рубилися четырныцыть часоў,
На питнацытый часъ стали тѣла разглядать.
Лапухинъ ляжить убитый, толька рѣчъ гаварить:
—«Вы падайтя листъ бумаги, чарнильницу са пяромъ,
Напишу я таку раду ки сударушки свaёй:
—«Хочишъ, мыя сударушка, хочишъ—вдовушкый живи,
Живи, вдовушкый живи, хочишь—замужъ иди!»
Загадали паляки съ маскалями ваивать;
Садилися за лисами, станавились за кустами,—
Пастарались маскали, вси чупики стаскали.

Суворовъ.

21.

(Сельцо Свалы, Красн. у.).

Польна пароши
На талой зямли лижать,
Польна, рибяты,
Намъ горе гаревать!
Есть у насъ и крупа, и мука;
Съ крупы каши навaримъ,
Съ муки хлѣба напякёмъ.
Мы зложимся, ребяты,
На пал'смушички винца;
Выпьимъ па рюмычки,
Разгуляимся;
Выпьимъ па другой,
Сами пѣсни запяёмъ,
Мы ни сами пра себе,
Пра салдацкыя житьё,
Ета вочинь харашо.
Яны, ходя, наѣдятца,
Стоя, выспютца.
Ни пташки, ни касатки
Въ зиляномъ саду пяють:
Маладэя рибятки
Пѣсни згукывають.
А Суворыў гиниралъ
Па карпасымъ разъѣзжалъ,
Всимъ приказы приказалъ:
Арнадеры, мушкатеры,
Удалэя малайцы, 2
Штобъ стройненьки были,
Штобъ крямни были вастрэя,
Штыки точиныя,
Шабля клёпаная.

Костюшко.

22.

(С. Даньково, Смол. у.).

(См. Пѣсни, собранныя *П. В. Кирѣевскимъ*, в. 9, стр. 391).

Шли паляки на три шляхи,
Маскаль на чатыри,
Пыталися дарожиньки
На мѣста Кракова.

Атъ Кракова да Бубнова
Ня щотаны мили;
Тамъ лижали казачиньки
Па сто̀ й па чатыри,
По̀ ста, по̀ ста, па чатыри,
На кажный вярстечки.
А й у поли при ў далини
Ляжить бѣлый каминь,
А дли таго жъ та кампя
Ляжить панъ Кастюшка;

Перядъ имъ жа стаить
Паня маладая,
Ина плачить и рыдаить,
На пана гадаить:
— «Ти я табѣ, панъ Кастюшка,
Дый ни гаварила:
Польна, польна, панъ Кастюшка,
Зъ Масквой ваюватца:
А намъ Масквы не зваювати,
Главу патиряти»!

23.

(С. Даньково, Смол. у.).

Засвистали казаченьки
Въ паходъ съ палуночи,
Заплакала Марусенька
Свае ясны очи.
Ни плачъ, ни плачъ, Марусинька:
Мы вазьмёмъ съ сабою,
Мы вазьмёмъ тябе съ сабою,
Назавёмъ сяестрою,
Мы сяестрою—ни радною,
Салдатскый жаною.
Салдатская жина
У паходи бывала,
Ина ў паходи бывала,
Всё горюшка знала.
А йшли ляхи на три шляхи,
Маскаль на чатыри,
Пыталися дароженьки
Да мѣста Кракова;

Атъ Кракова да Бубнова
Шалёныя мили,
А падъ самымъ Бѣлымъ Стокомъ
Ляжить панъ Кастюшка,
Пирядъ имъ жа стаить пани,
Паня маладая.
Ина плакала, рыдала,
Рѣчи гаварила:
«Ти я табѣ, панъ Кастюшка,
Да ни гаварила:
Польна, польна, панъ Кастюшка,
Съ Масквой ваюватца:
А Маскоўськая войска
Приўстрашна вялика,
Ина приўстрашна вялика,
Ина вочинь хвабра,
Іость у Вильни, іость у Мильни
Іость у Биластоки.

24.

Раздѣлъ Польши.

Ти я табѣ, панъ Панятоўскій,
Ти я тибѣ ни казала:
— Польна, польна, панъ Панятоўскій,
Съ Масквой ваивати,
Што съ Масквой ваивати
И Польшу разаряти!
Якъ разбили Польшу
На чатыри части:
Адна Руссу, другая Пруссу,
Третія Хранцузу,

Чатвёртая часть даставалась
Да Бѣламу царю;
Салдаты ў Вильни, салдаты ў Гродни,
Салдаты ў Бѣлымъ Стоки,
Въ слаўнымъ горади Варшави
Караулы сняли,
Близка къ гораду Варшаву
Па хватерамъ стали,
Паляка дурака па шеи прагнали.

25 а).

А ў Польшы агонь гарить,
А на Украини видна,
Какъ пашли наши ребяты
Польшу рятовати;
Што за пылымъ, што за дымымъ
Ничаго не видна,—
Толька видна—синѣютца
Шляпы пухавэя,
Шляпы пухавэя, сабельки вастрэя.
А ў нядѣльку, параненьку,
Казакъ умираеть,
Таварищей просить:
—«Не кладитя мяне, братцы,
На траўкѣ-мураўкѣ,—
Вы паложтя мяне, братцы,
Въ святлицы на лаўки;
Ужъ вы сдѣлайтя мнѣ, братцы,
Грабницу дубовую,
Сдѣлайтя мнѣ, братцы,
Грабницу дубовую
И выкыпайтя мнѣ, братцы,
Яму глубокую;
Въ галавахъ вы мнѣ паложтя
Шляпу пуховую,
На грудяхъ вы мнѣ пасодьтя
Калиницы квѣтку,
А калиницы квѣтка—
То матки примѣтка.
А ў ныгахъ мнѣ пастаўтя
Каня варанога!
Ты заржи, заржи, мой коня,
У ноженькыхъ стоя,
Штобъ заслышаў атецъ-мати
У новенькый хати!»
Сядить батька за столикымъ,
Бѣлы руки ломить;
Ходить мати па горенки,
Дробны слезы ронить.
—«Какъ бы йимѣла старешенька
Да быстрыя крылья,
Устряпнула бъ, палетнула бъ
Да милыга сына!
Я бы ўсѣ бы я чужея
Магилы й аблитала;
Аблитаўши я чужея,
На сыньню пала;
Ускрикнула бъ я, гукнула
Да милога сына:
—«Ужъ ты, сыне мой, сыночекъ,
Ясный сакалочекъ!»

25 б).

(С. Шаталово, Смол. у.).

А й у Польщи агонь гарить,
На Краиня видна.
Шли казаки сы палону,
Толька шабли видны.
Загарѣў жа, забалѣў жа
Казача малодый,
А іонъ сваихъ таваришыў
Да іонъ ўпрашаить:
—«Ужъ вы, братцы мае, братцы,
Братцы таварышы,
Ни кладитя мяне, братцы,
У поли на траўцы,
Вы паложтя мяне, братцы,
У святлицы на лаўцы;
У галовушкахъ паложтя
Пярину пухавую,
Подли боку мнѣ паложтя
Шабильку аструю,
А ў бялыхъ ныгахъ пастаўти
Каня варанога!
Ты заржи, заржи, мой коня,
Нада мною стоя,
Штобы заслышала мая мати,
Сѣдючи у хати!»
Сѣла мати ўвичаряти,
Ложки раскладати,—
Пакатилися ў матулиньки
Гарючія слёзы.
Лятѣў пятухъ чиризъ ряку,
Іонъ пѣлъ кукареку,
А знать жа мнѣ свайго сынка
Ни видать да вѣку!

(Отъ Ѳеклы Боборычихи).

Французъ войну объявилъ.

(См. Пѣсни *П. В. Кирѣевскаго*, вып. 10).

26 а).

(С. Даньково, Смол. у.).

А ў двѣнадцатомъ гаду,
Абъявилъ хранцузъ вайну
На матушку на Маскву,
На Рассеюшку на ўсю:
—«Мы Рассеюшку ўсигда вазьмёмъ,
Живыхъ усихъ у плѣнъ пубярёмъ!»...

(Отъ плотниковъ Краснoболотской вол., Дорогобуж. у.).

26 б).

(Сельцо Крутиловка, Ельн. у.).

Якъ у нонишнимъ гаду
Зыявиў Хранцузъ вайну,
Ды зыявиў Хранцузъ вайну
Ны Рассеюшку на ўсю,
Ды на Рыссеюшку на ўсю,
Ны матушку на Маскву.
Вотъ мы падъ Речею стыяли,
Многа голыду приняли;
Намъ и тридцать и два дня
Да ни дывали клась агня.
А мы съ тога сы марозу
Мы ня можимъ гаварить,—
Стали водкый насъ паить:
Ды мы па крышки водки пьёмъ,
У паходъ сичасъ идёмъ.
Мы паходы прыхадили,
Ки Дунай-рѣчки пыдхадили,
Ки крутому д' биряжку,
Ки зялёныму лужку.
Къ намъ матросы пыдъѣзжали,
Лёгку лодку пыдгыняли: 2
Мы ў лодычку пасѣли. 2
Слаўну пѣсинку запѣли;
Дунай-рѣчку прыѣзжали,
Ки берижку пыдъѣзжали,
Ки бальшому ки двару,
Да на хранцузскыю зямлю.
Нашъ маіоръ Капылоў
Па ту сторыну стаить,
Яго бѣла грудь гарить:
—«Ужъ вы, братцы, скиньтя ранцы
Вы лажитись атдыхать,
А я буду ваювать!»

26 в).

(С. Каблуково, Красн. у.).

Въ двинацатымъ была ў гаду
Абъявилъ французъ вайну
На Расеюшку на ўсю,
На матушку на Маскву.
Но Расейскій толька царь,
Александра гасударь,
Александръ сядить на трони,
Въ рукахъ держить вострый мечъ;
Вострый мечъ въ рукахъ яво блистаить,
Онъ стращаеть всѣхъ врагоў,
Всѣхъ туркыў, палякоў:
—«Охъ, вы, турки, вы, паляки,
Пакаряйтеся вы намъ!
Ни пакòритися вы намъ,
Всѣхъ васъ парубимъ, пасякёмъ
И ў палонъ васъ забярёмъ».
Александра нашъ атецъ:
Мы сплятёмъ ему вѣнецъ
Атъ сваихъ чистыхъ сердецъ,
На галовушку вянецъ надѣнемъ
И слаўны пѣсни запяёмъ...
Ахъ, ты с. сынъ хазяинъ:
На крылечка выхадилъ,
Кашéль денигъ вынималъ
И па цалковымъ раздавалъ.

26 г).

(Д. Романовка, Росл. у.).

Хранцузъ беригъ заступилъ,
Астаёмся ни при чомъ.
За границыю стыяли,
Мы ни 'бъ чомъ ни гаревали,
Толька думали адѣтца,
Привубратца харашо.
Ни паспѣли привубратца,
Въ барабаны стали бить;
Били, били ў барабаны,
Мы паходами пашли;
Прихадили къ Вишни-рѣчки,
Пиряходу ни нашли;
Ни васпѣли пиряйдить,
Выступиў съ-падъ горъ туманъ:
Антилерія гримить,
Слоўна туча грозная;
Какъ ударили—картечью,
Роўна съ неба синій градъ;
Какъ ударили—народу,
Роўна ляда темный лѣсъ;
Мижда битыга народу
Челавѣку негди стать.
Са таго та са народу
Зъ руды рѣчка пратикла;
А на той жа на рѣчушки
Бѣлы лебиди плывуть,
А па крутымъ биряжочку
Родны матушки идуть.

Мародерство французовъ.

27 а).

(С. Лѣтошники, Росл. у.).

Когда французскія войска вторглись въ Россію и проходили къ Смоленску, то бѣлорусскіе крестьяне, желая избавиться отъ притѣсненій со стороны французскихъ мародеровъ, въ глазахъ ихъ восхваляли Наполеона слѣдующими словами:

Апричъ Бога
Нѣтъ никога,
Толька іонъ—
Напаліонъ,
Да матка яго
Лятучея!

27 б).

(С. Сухой Починокъ, Ельн. у.).

Подружка будитъ добраго молодца, чтобы французы, бродящіе повсюду, не взяли его коня и его самого не убили.

Тёмна ночка, да туманиста.
Нѣту друга, нѣту галубочка.
Якъ мнѣ ночку въ лѣсѣ ночевати,
Якъ мнѣ длинную въ страху каратати?
Волки ў лѣси, на поли хранцузы!
Пущу каня на далинушку,
Самъ жа ляжу падъ ялинушку,
Падъ зорюшку падъ румяную.
Пришла милая падруженька,
Будить, будить добра молайца:
Устань, устань, скарѣй прабудися:
Ой, хранцузы на насъ наступають;
Каня возьмуть, — другога дастанешъ;
Тябе забьють,—на каго застанусь?!

28.

(С. Лѣтошники, Росл. у.).

Когда французы подошли къ Смоленску и открыли бомбардировку Смоленской крѣпости, то крестьяне, находившіеся при русской арміи въ качествѣ подводчиковъ, увидѣвъ въ первый разъ разорванную бомбу, кричали:

—«Хапайця, лапайця! будиць у чимъ таба́ку тярѐць!»

Бомба еще разъ лопнула и поранила одного изъ разсматривавшихъ ее съ большимъ любопытствомъ.

—«Ана якъ шпокнить, якъ лопнить—да пряма войтыву сыну у лобъ!»

Платовъ въ гостяхъ у француза.

(См. Пѣсни, собранныя *П. В. Кирѣевскимъ,* вып. 10).

29 а).

(Сельцо Шаталово, Смол. у.).

Мать Рассея, мать Рассея,
Мать Рассейская зимля,
Пра тябе то, мать Рассея,
Худа славушка прайшла,
А не токма пра Рассею
Што пра Бѣлага царя,
Пра Платова казака.
А ў Платова казака
Нябрытыя барада,
Нястрыжиные вусы.
Плȯтовъ бораду аббрылъ, 2
Вусы на̀-гала абстрыгъ, 2
У Парижъ горыдъ прибылъ, 2
Ко хранцузу подхадилъ.
Хранцузъ яго не узналъ,
За купчика защиталъ, 2
За бѣлы руки хваталъ,
За тисовый столъ сажалъ,
Гаворками занималъ:
— «Каба хто Платова указалъ,
Злата, сѐребра таму далъ».
—На што злата, сирябро́ класть?
Его такъ можна узнать:
Яго личка бѣлая,
Словна братицъ мой радной.
А ў хранцуза, ў дурука,
Была дочка хараша, 2
Ана славечка молвила:
— «Ужъ ты, купчикъ, сизъ галубчикъ,
Пакажи-тка свой патретъ!»
Купецъ патретъ вынимаить,
У тисовый столъ кладѐть,
Самъ вонъ зъ горинки идѐть:
—Не умѣлъ хранцузъ, варона,
Ясна сокала диржать.
То ня сокылъ, то ня сокылъ,
А Платовъ жа казачекъ.
Платовъ на каня садился,
Выѣзжалъ онъ на паля:
— Номерѣча(?) ты, хранцузъ,
Выѣзжай-ка на паля:
Мы папляшемъ-ка съ табой!
Яму стала ни да пляски:
Па'тарвалися падвязки.

(Отъ Сергѣя Голосова).

29 б).

Мать Расея, мать Расея,
Мать Расейская земля,
Даляко ли, мать Расея,
Славушка прайшла,
Даляко слава прайшла,
Да Бѣлага да царя,
Пра Платова казака.
Но Платоў жа казакъ

Первый воинъ ў царя быў,
Усы, бораду й аббрыў,
У хранцуза ў гастяхъ быў.
Хранцузъ яго не узнаў,
За купчика пачитаў,
За бялы руки хватаў,
За тисовый столъ сажаў,
Рюмку й водки наливаў:
—«Выпій рюмку, выпій двѣ,
Скажи праўду ўсяё мнѣ:
Хто начальничкамъ въ Масквѣ?»
— Я й ў Масквѣ рѣдка буваў,
Ня ўсѣхъ дварянъ, купцоў спазнаў.

29 в).

(С. Даньково, Смол. у.).

Отрывокъ.

Сы хранцузскыга двара
Выхади, хранцузъ, на пòля,
Пагуляимъ мы съ табой!
Видить хранцузъ—ни да пляски,—
Растирялъ партки, падвязки,
Закричалъ: «пардонъ, пардонъ!»
Ты сарока, ты варона,
Ты, хранцузскій кароль,
Ты ня ўмѣла, сарока,
Въ рукахъ сокала диржать!..

30.

Пожаръ Москвы.

Што ня пыль ў поли запылялыся,—
Каменна Масква загарялася,
Загарялыся каминна Масква,
Ина съ канца ў канецъ занималася;
Ядна лáвушка заставалася,
А ў тэй лавушки маладэй купецъ,
Маладэй купецъ, дарагей таваръ;
А ў тэй лавушки да три лентычки:
Ядна лентычка роўна сто рублей;
Друга лентычка роўна тысичу;
Третьтя лентычка—смѣты нѣту;
На мяне млайца смерти нѣту.

Бѣгство Наполеона.

31.

(Сельцо Радошково, Ельн. у.).

Разарёная дарожка
Атъ Мажая да Масквы!..
Каба хто яё разорилъ?
—Нипріятель воръ, воръ хранцузъ;
Да разарёмши путь-дарожку,
Въ сваи земли жить пашолъ;
Ки Парижу падыйшоў,
Вахваляўся Порижóй:
—«Ты, Парижъ мыя, Парижокъ, Парижокъ,
Слаўный горыдъ, гарадокъ, гарадокъ!»

—Ни хвалися, воръ-хранцузъ,
Сваимъ слаўнымъ Порижой:
Какъ у нашига во царя й
Да есть, есть палуччи,
Палуччи, пачищи, пачищи Порижа,—
Есть жа матушка жисть-Масква!
Харашо Масква строина, строина,
Бѣлымъ камнемъ выбита, выбита,
Жалтымъ пяскомъ всыпана, всыпана!

(Отъ старухи Прасковьи Сафоновой).

Смерть Имп. Александра I.

32.

(С. Даньково, Смол. у.).

(См. Пѣсни *П. В. Кирѣевскаго*, вып. 10, стр. 198).

Якъ паѣхаў Александра
Сваю вармію сматрѣть.
Абѣщаўся Александра
Къ Ражаству дамой прибыть,
А ўси празнички праходють,
Аликсандры дома нѣтъ.
Яво маминька радная,
Йна и день, и ночъ ня спить,
Каралеўна маладая
День и ночку слёзы льётъ.
—Якъ пайду я на ту башню,
Каторая выши ўсѣхъ,
Пасматрю я ў ту старонку,
Идѣ вармія стаить.
Якъ па Питирскый па дарожки
Што ня пыль стаўбомъ стаить,
Па Маскоўскый па широкый
Маладой курьеръ бяжить.
—Ты, курьерчикъ, ты, малодый,
Ты куда скора бяжишъ?
—«Скидавай-ка, платьтя твѣтны,
Надивай-ка травуръ чорный,—
Тябѣ праўду всю скажу:
Вотъ дивятый день, дянёчекъ,
Якъ сраженія пашло,
А дисятый день, дянёчикъ,
Якъ Ликсандра ўбитъ ляжить;
А двинадцать гениралыў
На главахъ яго нясуть;
Но чатыри но вуланы
У павадахъ лошидь вядуть».

33 а).

Пребываніе тѣла государя (безъ имени) въ Москвѣ.

У святой та Расеи, въ камянной Масквѣ,
Въ слаўный крѣпасти,
Маладой-то салдатъ на часахъ стаить,
На часахъ стаить, іонъ ружьё дяржить.
Якъ удариў ружьё абъ сыру мать-зямлю:
—«Растварись, растварись, сыра мать-зимля,
Ты устань-ка, устань, правуслаўный царь,
Пасматри-ка жъ ты на сваю вармію:
Увси салдатушки у страю стыять,
У страю стыять, па ружью диржать,
Па ружью диржать, ни камандують».

(Тамъ же).

33 б).

Ахъ, какъ ба у насъ, братцы, была на святэй Русѣ,
На святой Русѣ была, ў крѣпкій крѣпасти,
Ахъ, во грабницы ли была ў гасударевый,
Ахъ, имянной салдатъ, салдатъ на часахъ стаитъ,
Ахъ, на часахъ стаитъ, стаитъ, Богу молитца,
Ахъ, Богу молитца, слязми заливаитца:
—«Ахъ, да ты ўстань, праснись, да нашъ правуславный царь
Да ты пасматри-ка ты да на сваю армію,
Ахъ, да на любезнаю на сваю на гвардію,
Ахъ, какаво ина, ина у страю стаитъ,
Ахъ, у страю стаитъ, яны па ружью диржать.

(Тамъ-же).

33 в).

(Та-же пѣсня, съ именемъ имп. Елисаветы).

Какъ у насъ была на старой Руси,
Ва старой Руси, въ камянной Масквѣ,
А ў Ивана було у Вяликава,
Ай, да ўдарили ў бальшой колакалъ,
Штоба была слышна па ўсей Масквѣ,
Па ўсей Масквѣ, па ўсей вармія,
Па ўсей варміи, па ўсей гвардіи.
Во сабори було, во Успенскомъ,
Ды ва Успенскимъ маладой салдатъ
На часахъ стаитъ, Богу молитца,
Богу молитца, низка кланитца,
Бьётъ штыкомъ мать сыру зямлю:
—«Разступися, мать сыра зимля,
Ускройся, грабава даска,
Развярнися, залата парча,
Устань, матушка гасударыня,
Лизавета Аляксѣнўна,
Пасматри-ка на сваю вармеюшку:
Вѣдь армеюшка во страю стаитъ,
Во страю стаитъ, па ружью дяржитъ,
Приўзамлѣли ихнія ножиньки,
Ихнія ножиньки ки сырэй зямли,
Ты устань, наша гасударыня,
Распусти насъ па хватерушкамъ!» (Тамъ же).

34.

(С. Даньково, Смол. у.).

Смерть казака въ Таганрогѣ; соколы извѣщаютъ объ этомъ его подругу.

Въ Таганроги салучилася бѣда:
Схаранили маладога казака,

Схаранили на шурокій далини,
Пумянули на високій магили,
Пуставили купаресный бальшей крестъ.
Стараною саколики лятѣли,
Сѣли-пали на ўдавинымъ на дварѣ,
Крылушками ўдавинъ дворъ абняли,
Лапычками крылечушка абламили,
Глазынками святличиньку асвятили,
Галасками удовушку будили:
—«Устань, устань, удовушка малада,
Выйди, выйди за навыя варата,
Приляжъ, приляжъ къ сырэй матушки-зямли:
Ти ня стогнить дарожинька ширака,
Ти ни шумить дубровушка зелина,
Ти ня ѣдуть казаченьки са вайны.
Стогнить, стогнить дарожинька ширака,
Шумить, шумить дубровушка зелина,
Ѣдуть, ѣдуть казаченьки са вайны,—
Майго дружка якъ и нѣтъ, дакъ и нѣтъ.
Майго дружка толька коничикъ бяжить,
На конику чорна шляпушка ляжить».

Аракчеевъ.

35 а).

(Сельцо Радошково, Ельн. у.).
(См. Пѣсни *Кирѣевскаго,* вып. 10, стр. 213, № 4).

А ў насъ па морю, морю,
Морю сининькаму, 2
Тамъ плыветь жа, выплывавть
Паўтараста караблей. 2
Вотъ на жоднымъ карабли
Пу питисотъ малайцоў,
Грябцоў-пѣсенничкаў;
Харашо грябцы грябуть,
Слаўна пѣсенки пяють, 2
Разгаворы гавырять,
Всё Ракчеива бранять: 2
—«Во разс. с. Ракчеевъ,
Раскыналья дварянинъ;
Всю Расею пагубилъ,
Онъ кыналы пакыпалъ,
Бярёзками восажалъ!» 2

(Отъ старухи Прасковьи Сафоновой).

35 б).

На мори на синёмъ
Да пятьсотъ караблёў,
Што на жоднымъ карабли
По пятьсотъ малайцоў.
Харашо грябцы грябуть,
Слаўну пѣсинку пяють,
Пра Ракчея гаварять:
—«Аракчовскій гиниралъ
Три дни пить-ѣсть ни даваў,
Всё Расею сапалнялъ»...

Имп. Николай I.

36 а).

(Сельцо Плоское, Смол. у.).

(См. Пѣсни, собранныя *П. В. Кирѣевскимъ,* вып. 10, 477 стр., № 1).

Во жъ ты, царь мой, царь,
Милысливый гасударь
Па ўсей варміи гулялъ,
Сорыкъ пушикъ зарижаў,
А ў рибятушикъ пытаў:
—«Харашо ли вамъ, рибяты,
Царю Бѣлыму служить?»—
—Намъ ня очинь харашо
Царю Бѣлыму служить:
Па калѣни у мундерѣ,
Мы па поисъ у крави,
На камышевый травѣ;
Камышъ-травушка гарька,
Многа горя приняла,
Многа крови разлила!
—«Вы ня тусьти-тка, рибяты,
Ни заботьтися ни 'бъ чомъ:
Слаўный восени дажжёмъ,—
Някрутушикъ пабярёмъ;
Пабярёмъ мы малайцоў
Атъ матушикъ, атъ атцоў,
Атъ жонычикъ маладыхъ,
Атъ дѣтушикъ атъ драбныхъ!
Што жанатыга вязуть,
Дробны дѣтушки идуть,
Яны плачуть и гудуть;
А халостыга вязуть,
Красны дѣвушки идуть,
Яны скачуть и пяють.
—«Атkаснитесь, дѣўки, 'тъ насъ:
Намъ тяперя ни да васъ—
У салдаты вязуть насъ!»
(Отъ Матрены Михалёвой).

36 б).

(Д. Медвѣдовка, Смол. у.).

Ехъ, ты, батюшка царь,
Микалай, нашъ Государь,
Па ўсей арміи хадилъ,
Во ребятовъ спрашивалъ:
—«Какаво ли вамъ, ребята, } 2
На сраженіи стыять?» }
На сраженіи стыяли
Мы на правымъ на крылѣ, 2
О на камышъ-горькый травѣ;
Камышъ-горькая трава
Многа горя приняла, } 2
Многа слёзы разлила. }
—«Падажжити-ка, рибяты, } 2
Слаўный восени дaждя, }
Славный восени дажжомъ,
У Расею жить пайдёмъ;
Мы ў Расею жить пайдёмъ, 2
Някрутикыў набярёмъ,
Някрутикыў малайцоў 2
Атъ батюшкаў, атъ атцоў!
(Отъ Семена Афанасьева).

Походъ въ Польшу.

37.

Слава, слава Микалаю,
Слава Бѣлыму Царю!
Слаўный храбрый хранцузъ воинъ
Астаётца ни при чёмъ.
На границы мы стыяли,
Мы ня думали ни абъ чомъ,
Толька были у насъ думы
Снарядитца харашо,
Снарядитца, приўбадритца,
Разгулятца малайцамъ.

Вдругъ паслѣдывали ўказы,
Намъ назначенъ былъ паходъ.
Мы и день, и ночъ не спали,
Скорымъ маршемъ въ паходъ шли,
Къ быстрый рѣчкѣ падхадили,
На пясочку стыяли.
Стаўши, стаўши на пясочку,
Пирявозы сымали;
Снямши, снямши пирявозы,
Палякъ беригъ занималъ;
Занялъ, занялъ палякъ беригъ,
Зъ нимъ сраженіе пайшло:
И шумѣла, и гримѣла,
Какъ сильна, грозна туча шла.
Летять ядры и картечи,
Абсыпаеть сильный градъ;
Лежать ранятые. ўбиты,
Съ трудомъ была прайдить;
Между ранятыхъ, убитыхъ
Тамъ ручьемъ ли кроў бяжить.
Спомни, спомни, Рассіяне,
Што несчастны мы тяперь:
Мы безвинна здѣсь страдаемъ,
Многа бѣдныcти нясёмъ;
Мы и хладу принимаемъ,
Ну, й адежды на насъ нѣтъ;
Мѣста мягкія пастели,
Намъ саломки была ў часъ;
Вмѣста пухавыхъ падушекъ,
Бѣлый камень въ галавахъ.

(Тамъ же).

38.

(С. Даньково, Смол. у.).

Ночи тёмны, тучи грозны
По паднебесью идуть,
Наши храбры гранадеры
Са ученьница идуть.
Ане идуть, маршируютъ,
Прамежъ сабой гаварять:
—«Какъ ба непріятеля ў палонъ узять!
Мы ў палонъ яго забярёмъ,
Да ў Расею жить пайдёмъ.
Вы праклятыя шельма паляки,
Пакаритеся вы намъ!
Ни пакоритися вы намъ,
Да мы парубимъ васъ, пабьёмъ,
Да мы ў Расею жить пайдёмъ».

Гр. Паскевичъ.

39 а).

(Сельцо Радошково, Ельн. у.).

Ни са моря туманъ падымаўся, } 2
Ни съ тучи громъ прагримѣў: }
Сабирался нашъ и графъ Пашкевичъ
У Варшаву горыдъ ваивать
Са сваими любезными палкáми,
Съ салдатами страивыми.
—Ожъ ты, батюшка, графъ нашъ Пашкевичъ,
Съ кѣмъ ты будишъ толька ваювать?
—«Ожъ вы, глупыи шельмы паляки,
Ниразумны дураки,
Толька іость жа у мине на падмогу
Всё Данскіи казаки,
Ане стóють, на ихъ кони дрожжуть,
Ждуть приказу маиво ани.
Закричали ане, завапили,

Слышна была о ўсё ў нибисахъ:
—«Атцоў-матушакъ спагубимъ,
А дѣтушикъ ссиратимъ!»

(Отъ Прасковьи Сафоновой).

39 б).

(С. Даньково, Смол. у.).

Што ня съ моря туманъ падымаўся,
Ни зъ бальшихъ ли тучъ и громъ,—
Падымаўся графъ Пашкевичъ
Аршаў горыдъ зваювать.
Графъ Пашкевичъ Эриванскій
Роўна съ Богымъ гаварить:
—«Разарю гнѣздо палякыў
И мятежныхъ астрямлю
Сы сваими любезными палками,
Съ салдатушками страявыми».

40.

(Д. Невѣдомка, Смол. у.).

Наша дѣла съ кѣмъ падратца,
Съ непріятилимъ всигда.
Мы сами къ няму пайдёмъ,
Во прахъ яго разабьёмъ;
Разабиўши поляка, станемъ,
Идѣ намъ скажуть атдыхать,
Сваю храбрысть испамянемъ,
Всю Расею праславимъ.
Ночи темны, тучи грозны
Пу паднебесьсю идуть,
Наши храбры гранадеры
Идуть всё паспѣшнымъ маршимъ,
Мизъ сабою гаварять:
—«Намъ ни страшна ўзять Варшаву
И паляка пубядить.
Када графъ Пашкевичъ съ нами,
Намъ и смерть съ нимъ ни страшна:
Онъ атецъ намъ, тѣмъ салдатамъ,
Намъ и служба съ нимъ красна!»
Сабивай калы, спущайся!
Падъ Аршавыю ўстращаў,
Аставиў, самъ атправиў
Къ Радивилыму письмо.
Радивилъ письмо читаить,
Сабѣ горда атвичаить:
—«Прихади ка мнѣ на штурмъ,
А я буду утвирждать:
Дакажи сваё искусства!»
У мяне есть у примѣти
Въ рощи Марьиный трахтиръ.
Если хочишъ пракатитца,
Вазьми дѣвушикъ съ сабой,—
Дѣўки знають, идѣ денюжки дивать:
Бизъ сибирьки, бизъ шинельки
Привязуть тибе дамой.

(Отъ крестьянина Стефана Ярашова).

Взятіе Варшавы.

41.

Ночи тёмны, тучи грозны
Па поднебесью ишли,
Наши храбры гринадеры
Со ученьика ишли.
Яны идуть, маршируюсь,
Промижъ сабой гаварять:
«Трудна, трудна намъ, ребяты,
Намъ Аршаў горыдъ узять,
Патруднѣй таго нямножка
Намъ падъ пушки падбѣжать.
Мы падъ пушки падбѣжали,
Закричали ўсѣ: ура!»

(Тамъ-же).

Крымская кампанія.

42 а).

(Сельцо Шаталово, Смол. у.).

Ахъ, спомнимъ, спомнимъ, братцы, сыжалѣимъ,
Какъ мы были, были у Крыму:
Охъ, на насъ пушки ядры васыпали,
Роўна ў поли, ў поли буйный градъ.
—Ахъ, пушки, ядры намъ, братцы, знакомы,
Картечи были ни па чомъ!
Охъ, турыкъ, турыкъ, што іонъ агличанинъ,
Іонъ намъ перидъ заўнималъ,
Ахъ, захватиў насъ на Чорнымъ на мори,
Ахъ, пазаставиў вси пути-дароги,—
Хатѣў съ голыда насъ умарить:
Ахъ, рагавую мы, братцы, скатину
Мы пріѣли яе усяе,
Мы канину, братцы, лашадину
Мы варили яе и пякли,
Ахъ, межда соли, соли мы салили
Съ патронъ мелкамъ, мелкамъ парахо́мъ,
Ахъ, сѣна ў трубычку, братцы, курили,
Распращались да мы съ табакомъ.

(Отъ Ѳеклы Боборычихи).

42 б).

(Сельцо Свалы, Смол. у.).

Спомнимъ, сдуманимъ, братцы рибяты,
Какъ стыяли мы ў зиляныхъ лугахъ!
Мы ни разъ, ни два «ура» пракричали,
Забярёмъ турецки гарада.
Распраклятый турыкъ басурманинъ
Здумалъ шутычку съ нами шутить,
Приўзаставилъ всѣ пути-дарожки,
Хочить съ голыду ўмарить.
Мы пріѣли ўсю мелку скатину,
Начинаемъ мы ѣсть лашадей.
О, мы ѣли лашадинку,
И варили, и пякли,
Мѣсто соли мы яе салили
Изъ патроныў мелкымъ парашкомъ,
Зиляно листья ў трубкахъ курили,
Распрастились съ дружкомъ съ табакомъ.
Нужду горе притерпѣли,
Мы холыду приняли,
На насъ пули съ ядрами литали,
А картечи роўна сильный градъ.

(Отъ Остапа Яковлева).

42 в).

(Сельцо Радошково, Ельн. у.).

Хушъ и турыкъ, турыкъ басурманъ,
Здумалъ шутычки шутить:
Пирябиў наши пути-дарожки,
Хатѣў съ голыду ўмарить.
Мы рыгатыю скатину
Мы паѣли начиста,
Ящо ѣли лашадину,
И варили, и пякли,
Вмѣста соли салили
Съ патроныў парашкомъ;
Сѣна ў трубычкахъ курили,
Распрастились съ табачкомъ,
Кожей ноги абували
Вмѣста чорныхъ сапагоў,
Мы рагожій адѣвались
Вмѣста сѣрыхъ шинилѣй.

(Отъ Ивана Никифорова).

Освобожденіе крестьянъ.

43.

(С. Даньково, Смол. у.).

Слава Богу, слава Богу,
Што я вольный стаў!
Будить сала, будуть крупы,
И Кулинки башмачки,
А Пракопу сапажки,
А Дорички шляпка,
А Лёваньки скрипка.

(Отъ Матрёны Антоненковой).

Война съ Турціей 1877—78 гг.

44.

Взятіе Плевны.

Ни туманъ съ моря, братцы, падняўся,—
Дробный дождикъ, дождичикъ идётъ;
Князь да вяликый толька са палками
Атпраўляитца скора ў паходъ.
Мы ишли долга, братцы, паходымъ,
Приўтуманились у насъ глаза;
Намъ за ета гасударь дазволилъ
На три часа, часа, пагулять.
Мы гуляли, братцы, три часа,
Да пра то знали, знали пибиса;
Бомбами, ядрами Плеўну пакрывали,
Намъ за дымымъ была ничаво.
Заплакала наша мати Плеўна,
Застагнали ўсѣ яе миста;
Запрапала турецкая слава,
Што ня будить яе никагда.

(Тамъ же).
(Отъ Сидора Ивинкова).

45.

Русскіе близъ Константинополя, около Мраморнаго моря.

Мы падъ Евирымъ стыяли
Очинь близка ка врагамъ.
Быстра смотримъ мы на мо́ря,
Ажидаемъ каждый часъ.
Гдѣ мы стрѣтились съ врагами,
Мы пам̀рёмъ сряди палей,
Вотъ ня полна, басурманинъ,
Намъ уремя намъ вести?
Ты атстаў-ка свае дулка,
Варатись, зладѣй, назадъ:
Ты ня пробывалъ русскый пули
Или вострыга штыка;
У насъ войски очень многа—
И лихея маладцы;
Мы надѣившись на Бога
И на вострыи штыки. (Тамъ же).

46.

(С. Данькова, Смол. у.).
Стычки съ турками.

Поля чистыя турецкыя,
На томъ поли, на томъ чистенькымъ,
Мы сашлися съ непріятелимъ,
Са такою ирдой нявѣрныю,
Са прикраснымъ слаўнымъ корпусымъ.
Злэя турки напивалися,
Атъ хмелюшку пуваляліся.
Мы Расеюшку наскрозь прайдёмъ,
Мы Туречину ў палонъ вазьмёмъ!

47.

(С. Буловицы, Смол. у.).

Мы пра службу пра сваю
Пѣсни распѣвали...
Спомнимъ, рибяты,
Спомнимъ пра дистанцію
День двадцатый октября!
Вотъ и турки,
Турки ўзбунтавались,
Хатять русскихъ въ плѣнъ узять...
(Отъ Невскаго полка рядового Бориса Демьянова).

48.

Русскіе на Балканахъ.

Спомнимъ, братцы, пра былоя,
Какъ мы ў Турціи были,
Троя сутыкъ прастыяли,
Дажидали мы вайны.
Гремить слава трубой,
Мы дрались, турыкъ, съ табой,
Па гарамъ тваимъ Балканскимъ
Раздалась слава абъ насъ.
Утрымъ рана на зарѣ
Ѣхылъ турыкъ па гарѣ.
Близъ дяреўни падъѣзжалъ,
Насъ, армейцыў, не видалъ:
Кони сѣрыя лихея
Бѣгли, бѣгли, устались,
Тамъ и турки праклятэя
Все валялися ў крави.
Гремить слава трубой,
Мы дрались, турыкъ, съ табой;
Па гарамъ тваимъ Балканскимъ
Раздаётца слава 'бъ насъ.
(Тамъ же).

Запис. отъ Невскаго полка рядового Бориса Демьянова, а онъ слышалъ ту пѣсню подъ Балканами, въ Черкіови, близъ дубовой рощи, у кладбища).

49.

Чѣмъ я волинъ, былъ даволинъ,
Нужды горюшка ни зналъ,
Но таперя я узналъ:
Я ў туретчини бывалъ.
Турыкъ душить, серца грушить
Пламимъ, ȯгнимъ и капьёмъ.

(Отъ того же).

50.

(С. Даньково, Смол. у.).

Трудности и лишенія во время Балканскаго похода.

Када бъ въ нонишнимъ гаду
Заявилъ турыкъ вайну
На Расеюшку на ўсю,
На ўсю матушку Маскву.
Мы падъ Речею стыяли,
Многа голыда приняли:
Намъ па тридцать по три дня
Ни давали класть агня;
Мы са тога са мароза
Мы ня можимъ гаварить,—
Стали водкый насъ паить;
Мы па крышки водки пьёмъ,
Мы ў паходъ сейчасъ идёмъ.
Мы праходы прахадили
Ки крутому биряжку,
Ки жолтыму пяску.
У насъ маіорка была,
Па ту сторыну стаить;
Яе бѣла грудь гарить,
Яе бѣлая рубашечка
Вся падъ потымъ стаить.
—«Скидывайтя, братцы, вранцы,
Вы лажитесь атдыхать,—
Ну, мы будимъ ваювать
Свайму бѣлыму царю!..»

51.

(Буловицы, Смол. у.).

Переходъ черезъ Дунай. (Отрывокъ.)

Пайдёмъ, братцы, за Дунай,
Ты, зладѣй нашъ, ни думай!
Будимъ битца и разитца,
Супастата усмирять...

(Отъ солдата Бориса Демьянова).

52 а).

За Дунаемъ.

Лѣта ў лагирихъ стыяли,
Гасударь явиўся къ намъ.
—«Вы здарова, мае дѣти,
Здрастуй, егарьски палка!»...
Мы Дунай пирипрувлялись,
Гасударь намъ дила вёлъ,
За сабою, вслѣдъ насъ велъ:
—«Ужъ вы, братцы, ни рабѣйтя:
За марями знають насъ».

(Отъ того же).

52 б).

Полна намъ, братцы, крушитца,
Перестанимъ гарювать,—
Луччи будимъ висялитца,
Съ горя пѣсню запаёмъ,—
Запаёмъ, братцы, съ горя пѣсню
Пра салдацкыя житьтё:
Какъ мы, братцы, ўмѣсти жили
За Дунаимъ за рякой!
Дунай рѣчка нивяличка;
Пиряходу на ней нѣтъ;
Мы на ета пи ўзирали,
Брали плѣнныхъ за сабой.
Лѣтымъ въ лагери стыяли,
Государь явился къ намъ,

Пиридъ нами разъизжалъ,
Пиридъ нами, игарями,
Слова ласкава сказалъ:
—«Вы здаровы, гранадеры,
Здрастый, дѣти игаря!
Вы скажитя, мае дѣти,
Пра паходы пра свае,
Какъ паходы прахадили
Па дикымъ па стипямъ,
Какъ вы кроў сваю пралили
Падъ Сялистрый на штыкахъ!»

53.

Попытка къ дезертирству.

Дерявенскея ребяты
Пашли й у салдаты,
Яны думали-гадали
Съ Масквы й убѣжать;
Прибѣжали къ Дунай-рѣчки—
Пирявозу на ей нѣтъ.
Вы падайте-тка легкую лодку,—
Сядимъ, дай паѣдимъ на саму сярёдку,
На сваю старонку!
На нашей старонки,
Ребяты ў шаронки
Салдаты ў шаронки,
Яны ходють маршируютъ,
И плачуть, и гарюють;
Генеральскій жа сыночикъ
Ходить унимаить:
—«Вы не плачти-ка, ребяты:
Если намъ Госпыди паможить
У Расею увыйдити,
У Расеюшку увыйдити,
На хватеры стати;
А хватерушки навэя,
А хазяйки маладэя!»

Прибавленіе къ историческимъ пѣснямъ.

54.

(Граница Юхновск. и Медынск. у.).

Упоминаніе объ обычаѣ объявлять войну въ Москвѣ. Остальное содержаніе срв. съ пѣснею на стр. 462, № 57.

Ать Масквы заря занимаитца,
Ать царя вайна падымаитца.
Какъ усѣмъ князьямъ на вайну итить,
Майму дружку напярёдъ итить;
Всѣмъ князьямъ па каню дали,
А майму дружку каня не дали;
Всѣ князья са вайны ѣдуть,
Майго дружка въ завѣти нѣту 2
Тольна адинъ конь бяжить,
На каню явъ ляжить,
Чорна пухава шляпа.
Въ этый шляпушки ляжить
Мой шалкоў платокъ.
Мнѣ ни жаль платка,
Што онъ въ шляпи носитца;
А мнѣ жаль дружка,
Што съ другей видитца;
Са мной, младой, ссоритца
И съ ней пацалуитца.

55.

(С. Даньково, Смол. у.).

Пашоў Ваня на Русу вайну,
Яго Таня ўсяе ночку ня спить,
Усяе ночку ня спить, писемцы пишить,
А матушка яго пирялисываить:
—«Ты прибудь, Ваня, са Русэй вайны:

Твая Таня сбулывалыся:
Вароныхъ коній пазаѣздила,
Плисы-бархаты раздаривала,
Мяды-сахары распаивала».—
Якъ пришоў Ваня са Русэй вайны,
Узыйшоў Ваня ў нову горенку,
Якъ хватиў Ваня да вострый мечъ,
Іонъ сняў Тани галовушку съ плечъ;
Пашоў Ваня на канюшенку наву,
Варонымъ канямъ сдержу нѣтъ...
(Срв. стр. 352, № 96).

56.

(Сельцо Плоское, Смол. у.).

Ахъ, да ужъ я выстрыю слаўный горыдъ Слабаду.
Што па тэй Слабадѣ нѣтъ ни ходу, ни язды;
Туда йшоў, прайшоў разудалый маладецъ,
Іонъ нёсъ, пранёсъ іонъ калёную стрялу.
—«Ни стриляй, стрила, вышій щирыга бора,
Вышій щирыга бора, вышій матушки Масквы,
Ты ня бей, стрила, сѣру вутку на мори:
Сѣра вутица—родна матушка мыя,—
Ты забей, стрѣла, красну дѣўку ў тирямѣ:
Красна дѣвица—то разлушница мыя:
Разлучила ина съ атцомъ съ матерью мяне,
Съ атцомъ съ матерью, съ маладою жаною,
Съ маладою жаною, съ дробными дѣтками.
(Отъ Матрены Михалёвой).

57.

(Сельцо Шаталово, Смол. у.).

Што ў поли курганъ, курганъ,
Люли, люли, курганъ, курганъ, [1])
На курганѣ бѣлъ камушекъ,
На камушку сядить сокылъ;
Яго ножки сыкованы
Зялѣзами нямецкими,
Яго ручки завязаны
Шнурочками шаўковыми,
Яго глазки завѣшаны
Зяленыю китайкыю.
Зъ-за лѣсу за тёмныга,
Што зъ-за бору зъ-за щирыга,
Што зъ-за моря зъ-за синига
Вылитала саколушка,
Садилася на камушку,
На камушку дли сокыла.
—Сокылъ, сокылъ, мой брахнинька,
Ти я жъ табѣ ни казала:
Ни садися на камушку:
Етый камушикъ зрадничикъ,
Люли, люли, іонъ зрадничикъ:
Іонъ зрадиў іонъ девить братыў,
Десятую мяне, сястру!

(Отъ Ѳеклы Боборычихи).

---

[1]) Повтореніе второй части каждаго стиха.

58.

(Сельцо Буловицы, Смол. у.).

Какъ па улицы была па Шведскый,
Какъ па той жа была па нямецкый,
Хадилъ гулялъ (2) нѣмицъ,
Онъ са нѣмкый, 2
Прасилъ нѣмку (2) съ сабой прагулятца:
—Пайдемъ, нѣмка (2), са мной прагулятца!
Но таперя (2) будитъ насъ здѣсь двоя,
Третій вѣрный (2) былъ слугою.

(Отъ рядового Бориса Демьянова).

XXVIII. ДУХОВНЫЕ СТИХИ.

Калѣки перехожіе.

1.

(Д. Самохотовка, Смол. у.).

Убогіе калѣки, просящіе милостыню, отказываются отъ хлѣба, блиновъ и лепешекъ,—хочется имъ говядинки.

Вы, убогія, криваногія,
Што вамъ дать, ти хлѣбушка?—
—«А на што намъ хлѣбъ?
Намъ ни свиней карьмить!»
—Убогія, криваногія,
Што вамъ дать, ти блиноў?
—«А на што намъ блины?
Намъ ня крыши крыть!»
—Убогія, криваногія,
Што вамъ дать, ти ляпёшикъ?
—«А на што намъ ляпёшки?
Намъ ни масты мастить!»
—Убогія, криваногія,
Што вамъ дать, ти гавядинки?
—«Давай паскарѣй!»

(Отъ Нестера Никитина).

Егорій Храбрый.

2 а).

(Сельцо Плоское, Смол. у.).

Якъ жила-была премудрая Софья,
Якъ пардила жъ ина сабѣ сына Ягорья.
Аткуль узяўся Адиманища,
Адиманища басурманища.
Якъ стали Ягорья доўга мучить,
Доўга мучить и тапарами рубить,—
Тапары жъ тыя пулумалися,
Хвабрыму Ягорью вреды ни дали.
Якъ стали Ягорья доўга мучити,
Доўга мучить и ў яго спрашивать:

—Ты ти будишъ, Ягорья, нашу вѣру диржать,
Нашу вѣру диржать адиманскую,
Адиманскую басурманскую?
—«Атыди жъ ты прочъ, Адиманище!
Буду вѣру диржать христіянскую!»
Якъ стали Ягорью да пилами пилувать,—
Пилы жъ тэя пулумалися,
Хвабрую Ягорью вреды ни дали.
Якъ стали жъ Ягорью доўга мучити,
Доўга мучити, а ў катлѣ варить:
Вокала катла синь агонь гарить,
Сиряди катла халодная вада,—
Хвабру Ягорью вреды ни дали.
Якъ стали Ягорью доўга мучити,
Доўга мучить и ў яго спрашивать:
—Ты ти будишъ, Ягорья, нашу вѣру диржать,
Нашу вѣру диржать адиманскую,
Нашу вѣру диржать басурманскую?
—«Атыди жъ ты прочъ, Адиманища!
Я ня буду, Ягорья, вашу вѣру диржать,
Вашу вѣру диржать адиманскую,
Адиманскую, басурманскую!»
Якъ стали Ягорью глубокей погрибъ капать,
Засадили Ягорью у глубокей погрибъ,
Засыпали жаўтыми писками,
Прилажили зиляными дирнами,
Накатили дубовыя брусья.
Якъ зачула жъ яго матушка,
Яго матушка-парадитилка,
Парадитилка, премудрая Софья;
Якъ стала жъ ина слезна плакать,
Слезна плакать, узрыгаючи,
Ки сырэй зямли припадаючи:
—«Охъ, Божа жъ мой, Спасъ Миласливый!
Саздай, Божа, вѣтры буйныи,
Вѣтры буйныи и са вихрыми;
Раскатися дубовыи брусья,
Пуўзарвися зимляпэя дярны,
Разнясися пяски жоўтыя,
А выниси, Божа, майво дѣтитку,
Майго дѣтитку, хвабру Ягорью!»
Якъ устали вѣтры буйныи,
Вѣтры буйныи и са вихрыми:
Раскатили дубовыя брусья,
Пуўзырвали зиляпэя дярны,
Разнасили пяски жоўтэя,
А вынесъ Божа яе дѣтитку,
Яе дѣтитку, хвабру Ягорью.

Якъ стаў Ягорья слезна плакать,
Слезна плакать, изрыгаючи,
Ки сырэй зямли припадаючи:
—«Охъ, Божа жъ мой, Спасъ Милысливый!
Саздай, Божа, мнѣ буланыга каня,
Мнѣ буланыга каня са шаблiю острыю;
Ну, пазволь, Божа, снять галовушку съ плечъ,
Снять галовушку съ плечъ Адиманищи,
Адиманищи, басурманищи!»
Саздаў Божа да буланыга каня,
Да буланыга каня, шаблю вострую.
Якъ зачуў-пачуў Адиманища,
Iонъ загуў-зарюў паваўчиныму,
Запищеў-завищеў па зміиныму:
—«Охъ, Божа жъ мой, Спасъ Миласливый!
Ожъ вы, горы мае, горы крутинькiе,
Вы сыйдитеся, пазраститеся,
Штобъ не праѣхалъ хвабрый Ягорья,
Хвабрый Ягорья на буланымъ каню,
Штобъ не зняў жа мнѣ съ плечъ галовушку!»
Якъ стаў жа Адиманища слезна плакать:
—«Ужъ вы, рѣки мае, рѣки быстрыя,
Вы сыйдитеся, пасплывитися,
Штобъ не праѣхаў хвабрый Ягорья,
Хвабрый Ягорья на буланымъ каню,
Штобъ ни сняў жа мнѣ съ плечъ галовушку!
Охъ вы, звѣри маи, звѣри лютыи,
Вы сыйдитися, пасбягитися,
Штобъ ни праѣхыў хвабрый Ягорья,
Штобъ не сняў жа iонъ мнѣ
Съ плечъ галовушку!»
Якъ сѣў Ягорья на буланыга каня,
Якъ узяў Ягорья востру шабильку:
«Ужъ вы, горы маи, горы крутинькiя,
Разыйдитися й разраститися:
Охъ, я жъ то вамъ мѣста ўгожiя дамъ,
Охи, будить жа вамъ мѣста ўгожiя:
Будимъ строить церкву Божую!
Ужъ вы, рѣки маи, рѣки быстрыи,
Разыйдитися, расплывитися:
Будить жа вамъ мѣста угожiя,
Мѣста угожiя, Ирдань Божая!
Ужъ вы, звѣри маи, звѣри лютыи,
Разыйдитися и разбягитися:
Охи, я жъ то вамъ да хазяина дамъ!»
Якъ сѣў Ягорья на буланыга каня,
А паѣхыў Ягорья да 'диманищи;
Якъ сняў жа iонъ Адиманищи съ плечъ галовушку,
Пакатилась съ плечъ галовушка.

2 б).

При томъ при царю при Ѳёдыру
Жила царица благувѣрная,
Дочъ Ликсандрыва.
Ана сабѣ паносъ панасила,
Панасёмши, пырадила,
Сабѣ три дочири любимыя,
Чатвёртыга сына Ягорію,
Ягорію хваброга.
Радиўся Ягорій хвабрый
Па калѣна ў чистымъ золыти,
Па локыть руки ў чистымъ серибри,
Ва лбѣ у яво сонца красныя,
Па макушички часты звѣзды,
Патылка у Ягорьи—свѣтилъ мѣсицъ,
Падъ правый мышкый заря утрённа,
Падъ лѣвый мышкый заря вячерня,
На грудёхъ у Ягорьи саборъ-церьква
Усяму міру пруваслаўныму.
Знаў зладѣй царища,
Димьянища-бусурманища,
Ягорьива награждэння,
Вяликыя пахаждэння,
Бяреть Ягорья ў сваю землю,
Стаў абъ Ягорьи крѣпка спрашивыть:
—«Скажи, Ягорья, хвабрый мучинникъ,
Каторую вѣру будишъ вѣрувáть:
Будишъ ли вѣрувáть Димьянскую?»
Ягорья правищаў: «Зладѣй царища!
Не буду вирувáть я Димъянску,
Буду вирувать я христіяньску,
Но табѣ, царища Димьянища,
Не буду вирувàть я тваю вѣру,
Буду вирувать я Присвятэй Бугуродицы,
Ядинный Тройцы нираздѣльный».
Зладѣй царища Димъянища
Яво крѣпка стаў мучить,
Іонъ ўсё мукыми разными:
Прикызаў царища Димъянища
У пилы яво пилити:
Нядóбре Ягорью пилы бяруть,—
У пилыхъ зубцы абсыпалися,
Мастяроў руки апущалися,
Ва лбѣ глазы пабращалися.
Ета мука минувалыся,
Ничаво Ягорью ни спадѣилыся,
Ничаво яму ни ўрядилыся.

Зладѣй царища, воръ Димъянища
Пувялѣў Ягорью крѣпка мучить:
Пувялѣў Ягорью ў тапары рубить,
Нядобри Ягорью тыпары бяруть,—
У тапарахъ рязьё пу'тламалыся,
Ничаво Ягорью ни спадѣилысь,
Ничаво святому ни ўрядилыся;
Мастяроў руки апущалися,
Ва лбѣ глазы абращалися.
Пувялѣў Ягорью ящо мучити,
Усё іонъ мукыми разными:
Пувялѣў Ягорью на вадѣ тапить,—
Паверьхъ Ягорья святэй плавыить,
Паёть стихи хурувимскыя,
Гласымъ гласить пы-ивангильску,—
Ничаво Ягорью ни спадѣилысь,
Ничаво святому ни ўрядилыся.
Зладѣй царища Димъянища, басурманища,
Пувялѣў Ягорью на смалѣ тапить:
Смала кипить, якъ у громъ гримить,
Агонь гримить, якъ мыладня́ блищить,—
Ничаво Ягорью ни спадѣилысь,
Ничаво святому ни ўрядилыся.
Пувялѣў Ягорью пагрябы кыпать:
Глубины погрибъ сараку сажонъ,
Пупярёкъ яго двадцати пяти,
Закрываў царища зялѣзными дысками,
Забиваў гвоздимъ палужоным'ь,
Замыкаў замками ва нямецкими,
Засыпаў писками крутажолтыми,
Притаптываў царища сваею нагою:
Ни хадить Ягорью па сырэй зямли,
Ни пу бяломъ свѣту,
Ни видать Ягорью сонца красныва,
Ни слыхать Ягорью пѣнья Божжига.
Съ-пыдъ таго съ-пыдъ града съ-пыдъ Чарнигыва,
Выхадила Присвитая Бугуродица
Са тучами са дрямучими,
Сы витрами, сы дыжжами сы буйными,
Палумали гвозьдя палужоная,
Разуверзили доски зялѣзныя,—
Вышиў Ягорій самъ на бѣлый свѣтъ,
Увидаў Ягорья сонца красныя,
Услыхаў Ягорья пѣння Божжія.
Пашоў Ягорій ў Чарьнигыў градъ,—
Чарнигыў градъ весь разориный,
Нѣтъ ни старыва, ни малыва,
Толька стаить адна церькаў саборныя.

Уходить Ягорій у ту церькаўку,—
Стаить яво матушка на малитвахъ на Исусывыхъ:
—«Здрастуй, мыя маминька, дочъ Ликсандрыва,
Дайтя, мыя маминька, быславенія,
Книгу Ангыла ничитаныга,
Дайтя лошадь быгатырскую».
—На што жъ вамъ, дитё маё пыражоныя?
—«Пайду я къ царищи Димъяницы,
Пральлю яму кроў гарючую:
Мѣў іонъ нада мною насмихатильства,
Мѣў іонъ нада мною наругатильства!»
—Дитё-ль маё паражоныя,
Двинадцыть табѣ застаў застаўлина,
А заставы усё розныя:
Ни прайдить табѣ ни конныму, ни пѣшиму.
—«Матушка мыя, дочъ Ликсандрыва!
Дайтя мнѣ багаславенія:
Вашимъ я багаславеніимъ вездѣ прайду!»
Падала ина яму крестъ и знаминня,
Книгу Вангыла нячитыну:
—«Пади жъ, маё дитё, на поля Сарачинскыя,
Вазьми кыня быгатырскыга!»
Ли таво ли стаўба, ли тачонывa,
Ли калечушка залачонывa,
Садиўся Ягорья на дабра кыня,
Наѣзжаў Ягорья на тѣ горы, на Сябрійскія:
Идѣ гара съ гарой сойдутца и ни разойдутца
Ягорій хвабрый тамъ становитца,
Книгу Вангыла самъ прачитывыить:
—«Горы вы високія, разыйдитися,
Разыйдитися, разступитися,
Разступитися, раскачнитися,
Станьтя вы, горы, вы на сторыну,
Будтя вы горы благаславёны:
Парублю я церькви саборныи
Усяму міру прувуслаўныму».
Ета застава минувалыся,
Уся Руськая зимля ачищалыся.
Наизжаў Ягорій на ты лиса,
Идѣ лѣсъ зъ лѣсымъ сойдитца,
Кареппя съ кареннимъ сарасталыся,
Сарасталыся макушка зъ макушкыю:
—«Станьтя вы, лиса, пы старыму,
Падымитя вы голывы буйныи,
Дайтя мнѣ путь-дарожку!
Будитя, лясы, благаслаўлёны
Бизъ мяне Ягорья хвабрыга:
Парублю я зъ васъ церькыви

Усяму міру правуслаўныму!»
Ета застава минувалыся,
Уся Руськыя зимля ачищалыся.
Наизжаў Ягорій на то стада на звяриныя,
У таво стада три пастыри;
На яво ўси ваўки зваратилися,
Хочуть яво шпатребувать.
Книгу Вангыла прачитываў,
Зрячиў Ягорья: «Ваўки вы сѣрыя,
Разыйдитися пы тямнымъ лисамъ,
Пы тямнымъ лисамъ, пы чистымъ пылямъ,
По два, по три, пы ядиныму,
Ну, будитя вы сыты бизъ мяне Ягорья хвабрыва,
Багаславённыга и пувялённыга!
Ну вы, пастухи, вы, пастыри,
Чійво вы рода, чійво вы племя?»
—Ну, мы роду-племя . . . . . . [1])
—«Кажитца, пастухи вы, пастыри, вы мнѣ родны сёстры,
Вотъ вамъ крестъ и знаминня:
Тѣла на васъ—кара дубовыя,
Лицо на васъ—кара яловая,
Валасы на васъ, якъ камышъ-трыва,
Сматритя вы пы звяриныму,
Вѣруйтя вы вѣру Димъянскую.
Падитя вы на Ирдань-рику,
Сакупайтися—абмойтися
Тэю вадою сывастошныю,
Будитя вы вѣрувать христіянскую,
Самаму Христу, Царю Нябесныму,
Матири Святэй Бугуродицы!»
Ета застава минувалыся,
Уся Руськыя зимля ачищалася
Наизжаить Ягорій ки таму морю,
Ки таму морю ки синиму,
Ни прайдить Ягорью ни конныму,
Ни прайдить Ягорью ни пѣшиму;
Синя-мори звалнувалыся,—
Ну, паѣхаў Святэй Ягорья пò мыру,
Усё раўно якъ пò суху.
Наизжаў Ягорій на тѣ ўрата на Сябринскія:
На варотахъ стыять слуги вѣрныя,
На старанахъ лижать звѣри-левы.
Падъизжаў Ягорья, самъ станавиўся,
Книгу Вангыла прачитываў,—
Ета застава минувалыся,
Уся Руськыя зимля ачищалыся.

---

[1]) Въ оригиналѣ недостаетъ слова. *Н. Я.*

Наизжаить Ягорій на ту птицу—зялѣзный носъ,
Хатить яго шпатребувать:
«Ляти-ка, птица, на синя-моря,
Вади-ка ты дятей пу бяломъ камню,
Пей-ка ты, ѣшъ синё моря,
Будишъ ты сыта бизъ мяне,
Бизъ мяне Ягорья хвабрыга».
Падъизжаить Ягорья ки таму дварцу
Ки Димъянскыму бусурманскыму.
Выхадиў царища, воръ Димъянища съ хлѣбымъ-сольлю:
—«Прашу тябе, Ягорья хвабрый, у свой домъ,
У домъ свой пубясѣдывыть са мной,
Хлѣба-соли са мной пакушать'»
—Ну, ни съ тѣмъ я къ табѣ пріѣхаў, штобъ бясѣдыть,
Атплачу табѣ дружбу прежнію:
Имѣў ты нада мной наругатильства,
Имѣў ты нада мною вяликыя насмихатильства!
—«Дай жа мнѣ, Ягорьюшка, сроку хуть на тридцыть лѣтъ!»
—Ни дамъ табѣ сроку ни три часы!
—«Дай жа мнѣ, Ягорьюшка, сроку хуть на три гады!»
—Ни даю табѣ ни три минуты!
Вынимаить Ягорій книгу Вангыла, прачитываить,
Вынимаить Ягорій копія булатныя,
Зрубиў царищи бусурманищи буйну голыву,
Засипѣў царища пу гусиныму,
Зарюў царища пу ваўчиныму;
Стаў Ягорья паижжать у рудѣ,
Сакликаў Ягорья воўки сѣрыи:
—«Сабирайтись сы чистыхъ палёў,
Сы чистыхъ палёў, сы тямныхъ лясоў,
Пажритя кроў басурманскую,
За нашу вѣру христіянскую,
Зы законы Божіи!»

Лазарь и Богатый.

3 а).

(Сельцо Плоское, Смол. у.).

Якъ зимля съ вадою суснувалася.
Тада жъ то два брахниньки наражданися:
А большій жа братицъ—братицъ Аврамій,
А другей жа братицъ—да Лазарюшка,
Аврамъ—сильнымъ, багатымъ,
А Лазарюшка—нищимъ убожиствамъ.
Якъ пашоў жа Лазарь Богу малитца,
Богу малитца ў чужую зямлю,
А ў чужую зѐмлю, а ў чужую губернію.

Хадиў жа тамъ Лазарь тридцать три гады;
Якъ уздумаў Лазарь у сваю зямлю,
А сваю жа іонъ зѐмлю, а ў сваю губернію,
А у сваю губерню, къ свайму брату.
Падходить Лазарь падъ вакошичка:
—«А, братицъ мой, братицъ, ты, Аврамій,
Саздай жа мнѣ, братицъ, три милыстинки:
Первую миластину—прапитанія,
Другую миластину—прикрыванія,
Третію миластину—пребыванія!»
Якъ паслаў жа Аврамія сваихъ вѣрныхъ слугъ:
—«Вы, слуги, вы, слуги, вы, слуги вѣрные,
Схадитя, спуститя са псарни лютыхъ псоў,
Растравитя нищиму и руки и ноги:
Пущай маимъ братымъ ни ўзываитца;
А укиньтя жъ вы яво да ў пагноища,
Нярушъ жа іонъ тамъ да вѣку прапалъ!»
Якъ были у багача два гнѣзнички;
Яны пу падстольлику пахаживали,
Дробныя крошички сабёрывали,
А Лазарю душиньку прапётывали,
А больныя ранычки зализывали.
Лижаў жа тамъ Лазарь іонъ безъ памити.
Якъ стаў жа Лазарь да памити дахадить,
Да памити дахадить, іонъ Бога прасить:
«Охъ, Божа мой, Божа, Спасъ Милысливый,
Прими маю душиньку да хвалы сваей:
А ўжу мая душинька засмагувалася,
Голыду и холыду натярпѣлася,
А ўсякій жа сквернысти напринималася!»
Якъ услышалъ Господь Богъ малитву яво,
Якъ паслаў жа Гасподь Богъ да двухъ янгилиў:
—«Лятитя вы, янгыли, па тую, тую душу,
А па тую душиньку па Лазариву,
Вазьмитя жъ вы яе патихеничку,
Няситя жъ вы яе пумаленичку,
Паложтя жъ вы яе ў раи свѣтлымъ,
Нихай жа ина тамъ да вѣку ляжить!»
Якъ стаў жа Абрамій да выхвалятца:
—«Цари да карали—то браты мае;
Не баюсь никога, и самаго Бога:
Атъ смерти умирущей казной аткуплюсь,
Атъ злага челавѣка ротыю атабьюсь,
Атъ лютыга звѣря псами аттраўлюсь!»
Якъ паѣхаў багачъ поля паливать:
Напяредъ яго идётъ рота-пяхота,
Абапалъ яго бягутъ всё лютыя псы,
Пазади яго вязуть всё злата и сребра.

Аткуль узялась чорна хвароба,
Смахнула багача съ ворына каня,
А ударила багача абъ сыру зямлю.
Лижаў жа тамъ багатый іонъ бизъ памяти;
Якъ стаў жа багатый іонъ да памяти дахадить,
Да памяти дахадить, іонъ Бога прасить:
—«Охъ, Божа мой, Божа, Спасъ Милосливый,
Прими маю душиньку да хвалы сваей!
А ўжу мыя душинька накрасувалася:
Напиткыў-наѣдкыў насвушалася,
Харошея адежды нанасилася».
Якъ услышаў Гасподь Богъ малитву яго,
Якъ паслаў жа Гасподь Богъ двухъ апеканыў:
—«Лятитя вы, апеканы, па тую душу,
Па тую жъ вы душиньку па багачову,
Силяйтя жъ вы яё падъ рёбры крюччимъ,
Няситя жъ вы яе падяргиваючи,
Паложтя жъ вы яе у смалу кипучую:
Нярушъ жа ина тамъ да вѣку кипить!»
Якъ увидилъ Абрамій сваяго брата:
—«А, братицъ мой, братицъ, ты, Лазорюшка,
Памачи жъ ты, братицъ, свой мязённый перстъ,
Памажъ жа ты, братицъ, мае вусики:
А ўжу мае усики засмагувалися».
—А, братицъ мой, братицъ, ты, Абрамій,
Ни мая тутъ воля—самóга Бога!

(Отъ Матрены Лаврентьевой).

3 б).

А единый былъ чылавѣкъ, ядинъ багатый,
Каторый зъ раскоши пилъ, ѣлъ,
Дарагую адежду онъ радъ былъ насилъ,
Нищую братію ни кармилъ, ни дарилъ,
Въ свой домъ не принималъ,
Сваего брата Лазаря онъ за брата не мѣлъ,
Въ свой домъ не принималъ.
Пашолъ братъ па милыстыни,
Падашолъ къ брату багачу,
Началъ у яго Лазарь милыстыни прасити:
—«Братецъ мой, братецъ, Авраміе,
Саздай мнѣ милыстыню,
На маю жъ то душеньку прапитанія!
Не прашу я у тебе ни злата, ни сребра,
Ни злата, ни сребра, ни дарагой адежды,—
Прашу я у тебе хлѣба и соли,
Хлѣба и соли, што Бохъ тебѣ даў;
Ни я тебѣ атдача,—Христосъ заплата!»
Какъ зачулъ багатый, слова прамолвилъ:

—«Какимъ ты мнѣ братымъ узываешся?
Есть у мяне братія, какой бы я самъ:
Мѣю у себѣ золыта, больше серебра!»
Крикнуў на слугъ на сваихъ:
—«А гдѣ маи тэе слуги вѣрныя?
Вазьмитя, выведьтя Лазаря ў чистоя поля,
Затравитя Лазаря лютами псами,—
Пусть яго лютэя псы разарвуть,
Па чистыму полю мощи разнясуть!»
Вывели Лазаря во чистоя поля,
Затравили Лазаря лютами псами,—
Усяго Лазаря пупарвали.
Тамъ лежалъ Лазарь день цѣлый.
Какъ выѣхалъ багатый онъ за сваи вароты
И завидѣлъ багатый брата Лазаря,
Велѣлъ слугамъ сваимъ:
—«Вазьмитя Лазаря, заняситя ў новую стайню,
Палажитя Лазаря ва тлѣнным гнои—
Нярўшъ маимъ братымъ ня ўзываитца»!
Тамъ лежалъ Лазарь семъ лѣтъ у гнаи.
Не́ была ў тэмъ доми набыжный души,
Толька была ў тэмъ доми два лютыхъ пса;
Заўжда пу падстолью ани хадили,
Хлѣбныя корки сабирали,
Убогаму Лазарю въ новую стайню въ акно насили—
Тымъ яго душу питали, 2
И крававыи раны зализывали.
Семъ лѣтъ атлижаўши у гнаи Лазарь,
Началъ Лазарь Богу малитца:
—«Госпыди Божа нашъ!
Выслушай, Госпыди, праведны малитвы Лазаревы,
Прими маю душу да хвалы сваей!
А ўюжъ мыя душа усяго приняла:
И холыду, и голыду натярпѣлася,
И ўсякія люди назругалися,
И басаты, и нагаты нанасилася!»
Выслушалъ Гаспоть праведный малитвы Лазаревы,—
Ссылаеть Гаспоть святыхъ ангалоў:
—«Пайдитя, вазьмитя у Лазаря душу,
Пасадитя Лазаря ў прасвѣтлымъ раи:
Нярушъ тамъ Лазарь онъ ня смутитца,
Херувимскими гласами онъ веселитца!»
Нямнога время таго спадѣялысь,
Выходить багатый онъ за свае вароты,
Вялѣлъ асѣдлать варанэхъ каней сваихъ:
—«Паѣдимъ мы ў поля»!..
Началъ багатый выхвалятца,
Предъ самимъ Госпыдымъ наругатца:

—«Што я у бѣлымъ свѣти никаго ни баюся:
Атъ смерти умирущей златамъ аткуплюся,
Атъ злога челавѣка ружьёмъ атабьюся,
У прасвѣтлый рай зъ друзьями я вайду».
Ня ўспѣлъ багатый слова сгаварить,
Стрѣлася съ багачемъ злая хвароба,
Злая хвароба, грозные вѣтры:
Ударился багатый зъ вароныга каня,
Тамъ лежалъ багатый зъ рання да вечера:
Не зналъ багатый ни дня, ни начи:
Вся яго пяхота разашлася,
И лютэя псы ў блудъ пупашли,
Всё яго добрыя ў прахъ разнясло,—
Узналъ багатый; када день, када ночъ.
Тада багатый онъ Бога спазналъ,
Іонъ Богымъ назвалъ:
—«Госпыди Божа нашъ,
Прими маю душу до хвалы сваей!
Мая душа хорыша ўхадила,
Злата, серебра нащиталася,
Дарагея адежды нанасилася,
Всякіе люди назважалися,
Смашныга кушанья накушалась.»
Услышалъ строгій дявылъ пахвалки яго,—
Ссылаитъ строгій дявылъ трёхъ пякельникыў:
—«Вазьмитя зялёзныя крючча,
Лумайтя у багача съ лѣва бока рябро,
Съ правыга бока душу вымайтя,
Кидайтя багача ў пекло глыбако,—
Нярушъ тамъ багатый пакрасуетца,
Нярушъ багатый заглядаитъ кверьху высако,
Ти ня ўвидитъ багатый каго роднyга сваяго!»
Какъ багатый глазымъ зазрилъ, слова прамолвилъ:
—«Братецъ мой, братецъ Лазарь,
Адна насъ съ табою мати радила,
Адинъ атецъ гадувалъ,
Не адну намъ съ табою Бохъ долю далъ:
Тябѣ Бохъ далъ долю—ниства [1]), ўбожества,
А мнѣ Бохъ далъ долю—слаўныя багатства;
Твае убожества въ прасвѣтлымъ раи,
Маё багательства въ пекельнымъ агни.
Ти ня можна, братицъ Лазарь, сыйти съ вышняго неба,
Пумачить въ моря мязинный перстъ,
Пакрапить пекельный агонь?
Ужъ мыя душа сжиглась, спеклась,
Сластныя уста пасмажились»!..

[1]) Ниство—нищенство, нищета. *Н. Я.*

Што яму зрячѣлъ святэй Лазарь:
— «Братецъ мой, братецъ Аврамiе,
Ни мая тутъ вина—самаго Бога!
Я дли сваяго брата усею рукою!»
Што яму зрячѣлъ Аврамiе:
—«Братецъ мой, братецъ Лазарь,
Праси-тка ты у Бога Духа святога!
Ти ня пустять мяне атсель живымъ прарокымъ:
Я тяперь тамъ прароковалъ бы,
Всё бъ свае золыта на церкви раздалъ бы,
Нищую бъ братiю кармилъ бы, дарилъ,
Такихъ бы научалъ, якой я самъ былъ,
Тябе, брата Лазаря, што день пуминалъ»!
Што яму зрячѣлъ святэй Лазарь:
—«Братецъ мой, братецъ Авраамiе,
Не хадить атсель живымъ прарокымъ:
Iость тамъ научители, атцы духовныя,
Iость тамъ писанiе Божiя,—
Нярўшъ яны будуть писанiе читать,
Всѣхъ православныхъ паучать!..»
Аминь.

Алексѣй человѣкъ Божiй.

4 а).

Въ прислаўнымъ гради при у Римѣ
Жилъ Алхимiанъ князь
Са сваею абручныю княгинiю;
Атъ роду у нихъ чадаў не бывала.
Славинъ вяликiй Алхмiонъ князь
Да церькви Божiй даступаить,
Малебны пирядъ Богымъ закупляить.
— «О, Госпыди, самъ Исусъ Христосъ!
Саздай намъ чаду хуть ядиную
При младысти лѣтъ на утѣшенiе,
При старысти лѣтъ на сбяряженiе,
При паслѣднемъ канцы жизни на спамниъ души!»
Што нарекали святыя ангылы:
— «Славенъ вяликiй Алхмiонъ князь,
Пади ты ў свой домъ блогочестный,
Да сваей абручный княгини:
Ужу твыя княгиня забрямéнила».
Забряменила княгиня Святымъ Духамъ,
Нямнога паносу панасила,—
Скора сабѣ чаду парадила,
Парадила сабѣ чаду молоденца.
Славенъ великiй Олхимiонъ князь

Етыму дѣлу зрадувался:
Священникыў у домъ къ сабѣ призываитъ,
Младенцу имя нарекаить.
Нарекли яму имѐньня святоя.
Святоя имя Аляксѣемъ,
Аляксѣемъ Божжимъ челавѣкомъ.
Каторый растётъ семнадцать лѣтъ,
Аляксѣй вырысъ за семъ лѣтъ.
Атдаётъ яго батюшка ў школу,
Государыня матушка ў науку
Царькоўныя граматы абучатца,
А ўсякыхъ разныхъ языкыў,
А ўсякыхъ Гасподнихъ малитвыў.
Ня столька Аляксѣя научили,
Больши Аляксѣй іонъ самъ знаитъ,
Іонъ старую книгу прачитаитъ,
Рукуписанія часта пишитъ.
Дазнаўся яго сударь батюшка,
Славенъ великій Алхиміонъ князь:
Любимаго сына са школы выймаитъ,
За яго княгиню заручаитъ.
Брали княгиню съ Русалиму,
Хатѣлъ яго батюшка жанить,
Гасударыня матушка абручить;
Ляксѣюшка Божій челавѣчи
Іонъ силна жанитца ня хочитъ;
Сударь яго батюшка няволію,
Государыня матушка ня 'хотыю.
Пувяли Аляксѣя къ Божій церькви,
Ки Божій ки церькви, ки сабору,
Подъ златъ вянецъ станавили,
Перяпойную чару воспивали,
Залатыми перстнями пуминяли,
Златъ крестъ цалували,
Единыму Богу присигали,
Штобъ и другъ друга ни кидали.
Скорысти Аляксѣя абручали,
Пувяли то Аляксѣя съ Божьей церькви,
У 'тцоўськи каменны палаты;
Садили Аляксѣя за сталами,
За тыми сталами тисовыми,
За скатертями за браўными,
Станавили Аляксѣю хлѣба-соли,
Вищували [1]) яго винную чарыю.
Частуитъ яго матушка родная:
— «Кушай, маё дитя дарагоя»!..

---

[1]) Вм. виншували (?) — поздравляли, привѣтствовали. *Н. Я.*

Ляксѣй хлѣба-соли не скушаить,
Ни винную чару спиваить,
Ядиную іонъ думу думаить:
Штобъ то Богу пумалитца,
При младысти лѣтъ патрудитца.
Въ пярвомъ было часу ночи,
Пувяли то Аляксѣя до лажницы,
Въ атводныя ў каменны палаты,
На тэя лажницы тисавэя,
Падъ тэя діялы шалкавэя,
На тыя пярины пухавэя.
Втаромъ была часу ночи,
Уставалъ жа Аляксѣй сы лажницы,
Прабужалъ сваю абручную княгиню:
— «Свѣтъ мая абручная княгиня,
Ти спишъ, ти ня спишъ, прабудися,
Атъ бальшога сну аташнися,
Сними зъ мене твѣтныя платьтя,
Кругавой мой шолкывый поисъ
И съ правый руки золытъ перстень,—
Пусьти мяне Богу пумалитца
При младысти лѣтъ путрудитца
За сваяго за сударя батюшку,
За сваю гасударыню матушку,
За тибя, абрученную княгиню!»
Напроти княгиня ўсё маўчала,
Ни 'твѣту-привѣту ни сказала;
Сымала зъ яго твѣтныя платьтя,
Кругавой яго шолкавый поисъ
И съ правый руки золытъ перстинь;
То ана рѣчъ гаварила:
— «Жанихъ мой, жанихъ абручёный,
Ляксѣюшка Божій челавѣча,
Што рана ў пакуту паступаишъ?
Съ кѣмъ мене, младу, пакидаешъ?
Ти 'тецъ тибѣ, матушка ни жалыкъ,
Ти твыя абручённая княгиня,
Княгиня, княгиня абрученная?!»
— Када шолкывый поисъ расплятетца,
Золытъ перстинь разыйдетца:
Тагда мы съ табою переставимся,
Въ ядину грабницу спаложимся,
Ядинымъ пакрывалымъ пакрымися,
Ядинымъ провыдымъ правадимся!
Въ трятёмъ была часу ночи—
Уступаў жа Аляксѣй съ атцоўськага дому
Щипянулся яго сударь батюшка,
Славенъ великій Олхміонъ князь,

Рабоў сваихъ, слугъ разсылаить,
Штоба Аляксѣя дагнали,
Штоба Аляксѣя варатили.
Рабы яго. слуги даганяли;
Яны яго ў свѣти не ўвызнали,
Аляксѣю милыстыню уздаряли.
Аляксѣй милыстиню принимаить,
Карысти себѣ ни ўручаить,
Па нищій пу братьти раздѣляить,
На Божія храмы накладаить.
Прихадиў Аляксѣй къ синиму морю,
Бягить къ няму карабля;
Ляксѣй у той карабль ни садиўся,
Пашоў жа Аляксѣй сухапутьтимъ,
Прихадиў Аляксѣй у въ Адестъ градъ,
Іонъ молитца Богу са трудами,
Са гарючими іонъ са слезами.
Малиўся іонъ Богу ни многа, ни мала,
Ня многа, ни мала—тридцать три года.
Услышала Божжія Матирь
Ляксѣюшкина многамаленія,
Ляксѣюшкины многатруждэнія:
— «Рабя ты, рабя, труждэникъ,
Полна тибѣ Богу малитца!
Дастоинъ ты Госпада Бога,
Наслѣдываў нябесныга царствія.
Пади ты ў свой градъ у ва ў Римскій,—
Ни 'тецъ тебе, ни матушка ни ўвазнаить,
Ни твая абручённая княгиня!»
Пашоў жа Аляксѣй съ Адесту граду,
Прихадиў Аляксѣй къ синиму морю:
Бягить то къ яму карабля.
Ляксѣй у тэй карабъ садился,
Пудунули карабля буйныя вѣтры
У Аляксѣя па дароги,
Прибивали карабля ки Риму граду.
Ляксѣй са карабля вaступаить,
Ва ў Римскую землю паступаить;
Ня йшоу жа Аляксѣй къ атцу, къ матери,
Ни къ сваей абручный княгини,
Пашоў жа Аляксѣй ки Божей церкви,
Ки Божей церкви, ки сабору,
Станавиўся Аляксѣй на притвори,
Прамизъ нищей братьи у шаронку.
Гаспадни службы атхадили,
Міръ съ Божей церькви выступаить,
Ляксѣю милыстиню уздаряить;
Ляксѣй милыстиню принимаить,

Карысти сибѣ ни ўручаить:
Па нищей по братьи раздѣляеть,
На Божьи храмы накладаить.
Напроти Аляксѣя сударь батюшка,
Славенъ великій Олхміонъ князь.
Ляксѣю милыстиню ўздаряить,
Ляксѣй милыстыни ни принимаить.
Ляксѣй батюшки укланялся,
Славесами яму предвѣщался:
— «Славенъ великій Олхміонъ князь,
Ни нада мнѣ твая миластыня:
Пастрой ты мнѣ убогаму келну,
Тую-то кельню-багадѣльню,
У правый рукѣ на крылечкѣ,
Вышій, крашій каменныхъ палатыў,—
Ни ради майго усё прашенія,
Ради сына Алексѣя!»
Славенъ великій Алхиміонъ князь
За жалыстію слова ни прамовить,
За слезами іонъ не праглянеть.
— «Калѣка, калѣка ты убогій,
Какую мнѣ радысть возвѣщаешъ!
Я самъ яго ў свѣти ни знаю,
А йдѣ іонъ, мой свѣтъ, прабываить,
У каторымъ сабори Богу молитца,
Какихъ іонъ языкыў научаитца,
Каторую вѣру садержаить.»
— Славенъ великій Алхиміонъ князь,
Чаму мнѣ тваяго сына ни знать,
Ляксѣюшку Божжига челавѣка?
У ядиный мы школи научалися,
Да ядиную грамытку читали,
Зъ ядиныга блюдичка кушали,
На ядиный лажницы спачивали.—
Славенъ вяликій Алхиміонъ князь
Пастроилъ убогыму кельню
По лѣвый рукѣ на крылечки
Нижій и хужій каменныхъ палатоў,
Идѣ яго слуги-рабы хадили,
Пасуду, памыи умували,
Падъ убогыга кельню выливали.
Стаў жа Аляксѣй въ кельни жити,
Съ радостью нужду принимать,
Кажный пятницы спавидался,
Кажный суботы прачищался;
У нядѣлюшку прасвирычку скушáить,
Іонъ и сытъ и даволинъ тымъ биваить.
Узнаў жа Аляксѣй судъ-сканченіе,

Паслѣднее время представленіе,
Списалъ Аляксѣй приражданіе,
Списалъ Аляксѣй похождэніе,
Списалъ Аляксѣй многамаленіе.
Какъ у гради Аляксѣй переставился,
Званы-калакалы зазванили.
Пастаўныя свѣчи затяплилися,
Книги-псалтири зачиталися,
Царькоўныя двери атверзалися. [1])
Паўслышали папы пратаярхи,
Вяликыму князю дакладали:
— «Славенъ вяликій Олхиміонъ князь,
Либа у насъ святой нарадился,
Либа святой переставился.»
Славенъ вяликій Алхиміонъ князь
Рабоў, слугъ сваихъ разсылаить
Па ўсяму граду пу ў Риму,
Па ўсѣмъ кельнямъ багадѣльнямъ.
Рабы яго, слуги хадили,
Пра убогыга кельню забыли.
Уздумаў яго сударь батюшка:
— «Ти ня мой то ета убогій переставился»?
Самъ у тую кельню ўступаить:
Стаить грабница залатая,
А ў тэй жа грабницы лижать мощи,
А ў рукахъ диржать рукописаніе.
— Мощи вы, мощи святэя,
Явитя сваё приражданіе!
Мощи тэя яму ни здалися,
Сдалися мощи протоярху.
Протоярхъ письмо принимаить,
Чудасу на міръ абъиўляить,
Вяликыму князю дакладаить:
— «Славенъ вяликій Алхиміонъ князь,
Есть твой сынъ нарождэнный,
Есть жа твой сынъ возлюблѐнный,
Аляксѣюшка Божій челавѣча:
Тибѣ сваяго сына схоронить,
Со славый мощи правадить».
Славенъ вяликій Алхиміонъ князь
На калѣначкахъ припадаить.
Руками грабницу абнимаить,
Слезами лицо абливаить,
Ричами Аляксѣя предвѣщаить:
— «Чаду маё наражданнуя,

---

[1]) Срв. эти 4 стиха съ соотвѣтственными стихами любовной пѣсни на стр. 419, № 90. *Н. Я.*

Чаду мой узлюблённая!
Чаму тѣ мнѣ ўпредь ни сказаўся,
Ради сваей славы ни явиўся!
Пастроилъ бы кельню ни такую,
Пастроилъ бы кельню зылатую,
У правый рукѣ на крылечки,
Вышій, крашій каменныхъ палатыў!»
Патомъ таго слезна плачить
Свѣтъ яго матушка радная,
На кулѣнычкыхъ припадала,
Руками грабницу абнимала,
Слизами лицо абливала,
Руками[2]) Аляксѣя предвѣщала:
— «Чаду маё нарождэнноя,
Чаду маё узлюбленноя,
Аляксѣюшка, Божій челавѣча!
Чаму ты мнѣ ўпредь ни сказался,
Ради сваей славы ни явился?
Кармила бъ, паила бъ сваимъ кушствымъ,
Насиў бы у насъ ризы не такея,
Насиў бы у насъ ризы залатэя,
Насматряла бъ сваимъ глазымъ!»
Свѣтъ яго абручная княгиня
На калѣначки припадала,
Руками грабницу абнимала,
Слезами лицо абливала,
Рѣчами Ляксѣя придвѣщала:
— «Жанихъ мой, жанихъ абрученный,
Ляксѣюшка, Божій челавѣча!
Чаму ты мнѣ ўпредь ни сказался,
Ради сваей славы ни явился?
Я бы къ табѣ ўтайны прихадила,
Пирямѣнную адежду принасила,
Малилась бы Богу за-ядина,
Прамизъ насъ было бъ усё святоя!..
Проси, Аляксѣй, Христа Бога,
Штобы мнѣ съ табою переставитца,
Въ едину грабницу спалажитца,
Ядинымъ пакрывалымъ пакрытца,
Ядинымъ праводымъ правадитца!»
Ня ўспѣла княгиня слова змовить,—
Шолкавый поисъ расплёўся,
А золытъ перстинь разышоўся;
Назаўтри княгиня переставилась,
Явились мощи святэя.
За мірымъ мащей ни праносютъ:

[2]) Ошибочно, вм. рѣчами. *Н. Я.*

Нясли тэя мощи трое сутыкъ.
Уздумаў яго сударь батюшка:
Бальшую казну расчислянить,
Па тѣмъ па дарогамъ разсыпаить,
Народъ атъ мащей атманяить:
Ти ни каснетца народъ за казною.
Нихто за казною ни кидаўся,
Усякій ки святымъ прикладаўся.
Даваў Богъ міру на пращэніе:
Сляпымъ Богъ даваў приўвазрѣніе,
Бязумнымъ Богъ даваў святой разумъ,
Глухимъ Богъ даваў праслушэніе,
Бизъязыкымъ Богъ даваў праглаголэніе,
Бязрукымъ Богъ даваў ниўладаніе,
Бязногымъ Богъ даваў прахождэніе
Атъ виликыга князя Аляксѣя,
Аляксѣя, Божжига челавѣка.
Яму слава да вѣку!

4 б).

Въ преславномъ преградѣ при у Риму
Какъ жилъ сабѣ славенъ Алхміанъ князь,
Да Божьей церкви онъ даступался,
Малился Богу со трудами,
Сы гарючими со слезами:
— «Госпыди Божа нашъ!
Услыши маленіе маё,
Саздай мнѣ чаду хуть ядиную,
При младысти лѣтъ на утѣшенье,
При старысти лѣтъ на сбереженіе»!
Услышалъ Гасподь всё маленіе яго:
Ссылаеть Гасподь святыхъ ангелыў;
Што нарекають яму святые ангелы:
— «Пади ты, славенъ великій Алхміанъ,
Пади ты ў свой домъ благачестный:
Ужу твыя княгиня забременѣла!»
Скорысти княгиня парадила.
Парадила сабѣ сына младенца.
Славенъ великій Алхміанъ князь,
Онъ етыму дѣлу ўзрадовался,
Священника въ домъ призываеть,
Младенцу имя нарекають,
Нарякли яму имя святоя:
Аляксѣй Божжый челавѣкъ.
Каторый растётъ семнадцать лѣтъ,
Аляксѣй вырысъ за семь лѣтъ.
Атдаётъ яго батюшка ў науку

Царьковныя грамыти абучатца,
Гасподнихъ малитвовъ.
Ня столька Аляксѣя научають,
Онъ самъ больши знаеть.
Дазнаўся сударь батюшка
И сударыня матушка,
Любимыга сына са школы вымають.
Аляксѣй на ўзрости,
Хочеть яго батюшка ажанить,
Сударыня матушка абручить.
Ляксѣй сильна жанитца онъ ня хочеть,
Сударь яго батюшка няволею,
А сударыня матушка не ахотыю.
Брали княгиню яму съ Русалима,
Пувяли Аляксѣя къ Божьей церкви,
Падъ златъ вянецъ станавили,
Пиряпойную чару воспивали,
Ядиныму Богу присигали,
Штобъ другъ друга не кидали,
Штобъ другъ за друга застыяли,
Золыта-перстни пуминяли,
Ядиный крестъ цалували.
Скорысти Аляксѣя абручили,
Пувяли Аляксѣя съ Божьей церкви
Въ атцоўскія каменныя палаты,
Садили Аляксѣя за сталы;
Частувала яго матушка родная:
— «Кушай, маё дитя дарагоя,
Частуй сваю абручную княгиню!»
Ляксѣй хлѣба-соли не скушаеть,
Невинный чары не воспиваеть,
Ядину думу онъ думаеть,
Штобъ при младысти лѣтъ Богу помалитца,
Штобъ при младысти лѣтъ патрудитца,
За сваего сударя за батюшку,
За сваю сударыню матушку,
За сваю абручную княгиню.
Въ первымъ была часу ночи —
Повели Аляксѣя у асобенныя каменныя палаты,
Клали Аляксѣя на лажницы.
Ляксѣй на лажницы не лажитца,
Онъ на краюшку присадился.
Втаромъ была часу ночи —
Прабуждалъ сваю абручную княгиню:
— «Княгиня мыя, княгиня абрученная!
Прашнися, сними съ мяне цвѣтныя платья,
Кругавой мой шолкавый поясъ,
Съ правый руки золытъ перстень!

Пайду я Богу пумалюся,
При младысти лѣтъ потружуся!»
Княгиня яму проглаголила:
— «Жанихъ мой, жанихъ возлюбленный!
Чяго рана въ пакуту паступаешь:
Ти атецъ тябе, ти матушка не жалуеть,
Ти твыя абручная княгиня?»
Въ третьемъ была часу ночи—
Сбросилъ Аляксѣй съ сябе твѣтныя платья,
Надѣлъ Аляксѣй на сябе худое платья,
Пашолъ Аляксѣй къ синиму морю,
Малился іонъ Богу со трудами,
Со трудами, со гарючими со слезами.
Садился Аляксѣй у карабъ,
Паѣхалъ Аляксѣй у Адесъ градъ,
Вступаеть Аляксѣй въ Божую церкыў,
Малилса іонъ Богу тридцать лѣтъ.
Услышала яго маленія Божія Матерь, сказала яму:
—«Ра́ба ты, ра́ба, Аляксій Божжый челавѣкъ!
Дастоинъ ты у Бога, у пресвятэй Богародицы!
Пади ты въ свой домъ благачестный:
Не атецъ тябе, ни матушка не узнаеть,
Ни твыя абручная княгиня.
Пашолъ Аляксѣй у Римъ градъ
Къ атцу сваему батюшкѣ.
Приступалъ Аляксѣй къ Божьей церкви,
Станавился Аляксѣй у притвора,
Промижъ нищый братьи у шаренку.
Божьи абѣдни атхадили,
Міръ съ церкви выступаеть,
Нищимъ милыстыню дорють.
Аляксѣй милыстыню премаеть,
Карысти сябѣ не жалаеть,
По нищый по братьи раздѣляеть.
Выходить яго сударь батюшка,
Ляксѣю милыстыню дорить;
Ляксѣй милыстыни не примаеть,
Ляксѣй батюшки укланиўся:
— «Славенъ великій Алхміанъ,
Не нада мнѣ твыя милыстыня!
Пастрой ты мнѣ кельню
По правэй рукѣ, на крылечку,—
Не ради маего прошенія,
Ради сваего сына, Аляксѣя!»
Славенъ великій Алхміанъ
Ня могъ за слезами праглянуть,
Ня могъ за жалыстію рѣчи змолвить:
— «Калѣка, калѣка ты убогій!

Пачаму маяго сына знаешь?»
Ляксѣй Божій челавѣкъ згаварилъ:
— Какъ жа мнѣ тваяго сына не знать?
У ядиный мы школи абучалися,
Ядину мы грамату читали,
Съ ядиныга мы блюдичка кушали,
На ядиный лажницы спачивали [1])...
Малился Богу семнадцать лѣтъ;
У нядѣлю онъ по прасвирычкѣ зъѣдалъ,
Каждый іонъ пятницы сповидался,
Каждый суботы пріабщался,
Узналъ Аляксѣй жизнь сканченіе.
Списалъ Аляксѣй сваё пахаждэніе,
Списалъ Аляксѣй сваё прираждэніе.
Скорысти Аляксѣй переставился,
Узнали пратаярхи, што ли былъ у нашемъ горыди
Святой нарадился или переставился.
Дакладають славныму князю Олхміану:
—«Паищи, славенъ великій Олхміанъ князь,
Паищи святога челавѣка!»
Славенъ великій Олхміанъ князь
Слугъ сваихъ разсыляеть па ўсему горыду па Риму,—
Про убогыга кельню онъ позабылся.
Славенъ великій Олхміанъ князь
Уздумалъ пра убогыга кельню:
— «Ти ня мой то ета убогій переставился?»
Приступаеть убогыга кельню.
Святыя яму мощи не здалися.
Дакладаеть священникомъ, протоярхомъ:
—«Есть мой убогій переставился, соупакоился.»
Протоярхъ къ святымъ мащамъ приступаеть,
Рукаписаніе зъ рукъ принимаеть,
Славныму князю возвѣщаеть:
— «Есть ета твой сынъ возлюбленный,
Есть ета твой сынъ прираждэнный!»
Славенъ великій Алхміанъ князь
За слезами іонъ не праглянеть,
За жаластію слова не прамолвитъ,
Дарагую адежду на сябѣ абдерзалъ,
Къ святымъ мащамъ приступаеть,
Руками грабницу абнимаеть,
Рѣчами Аляксѣя повѣщаеть:
— «Сыне мой, сыне возлюбленный,
Што ты мнѣ впредь не сказался,
Ради сваей славы не явился?
Пастроилъ бы я тябѣ келью не такую,

[1]) Здѣсь въ оригиналѣ пропускъ нѣсколькихъ стиховъ. *Н. Я.*

Пастроилъ бы я тябѣ кельню залатую,
Выше сваихъ каменныхъ палатоў!»
Патомъ приступаеть яго матушка,
Лицо сваё слезами абмываеть,
Рѣчами Аляксѣя павѣщаеть:
—«Есть ты мой сынъ возлюбленный!
Што ты мнѣ впредь не сказался,
Ради сваей славы не явился?
Я къ тябѣ бъ прихадила,
Сваимъ бы глазымъ паглядала»!..

5.

Θедоръ Тиронъ.

А ў той была старанѣ ў васточнэй,
Тамъ жиў-праживаў Кастянтинъ царь Самуйлавичъ.
Хадиў бы ка абѣдни, ка утрени,
Служиў ба малебны ўсё вяликіе, ўсё й жа малые.
Нахадила туча сильна гримучая,
Упыдала калиная стрила вогненная,
Станавилыся ина на ноженьку усё на правую,
Падъ яво падъ ретивоя а ўсё сердичка;
Написана, прописана а ўсё грозныя.
—«Хто пойдёть проти царя а ўсё Аўдейскага,
Хто пабьёть силу а ўсё нявѣрную,
Усё жидоўскую, ўсё смярдоўскую?»
Усѣ маўчошенька, да ўсѣ патстоилися:
За старымъ ни видать была малыга,
За малымъ не видать была а ўсё старыга.
Аткель узяўся младъ Θёдаръ Тèринь,
Іонъ и двинацыть лѣтъ:
—«Батюшка мой радимый, Кастянтинъ царь Самуйлыў,
Ты дай мнѣ сваё благаславеніе,
Ангельскую книгу ўсё нячитанаю,
Арудію ўсё ваенную,
Дай мнѣ лошадь добраю, ўсё няѣзжинаю!»
—Младъ Θёдаръ Терень, ты, ты двинацыть лѣтъ,
Ты па сильнымъ воинствамъ ты ня ѣзживалъ,
Крававыхъ ранъ ты ня терплюваў:
Ты жъ какъ увидишъ, ты жъ спугаишся,
Съ добрыя лошади ты зваляишься.
— «Ня бойся жъ, мой батюшка радиминькій,
Ня бойся, Кастянтинъ царь Самуйлыў!»
Какъ паѣхаў младъ Θедаръ Теринъ іонъ на воинства,
Биўся іонъ три дня и три ночиньки,
Ни ўпиваючи, ни уйидаючи,
Темный ночиньки ни ўсыпаючи,

Съ стреминъ ножикъ ни вымаючи.
Пабиў, парубиў усю силу нявѣрную,
Усё жидоўскую, усё смярдоўскую.
Па калѣни младъ Ѳёдаръ Теринъ у крави стаить,
Па шоўкаў поисъ у трупу стаить.
Какъ паѣхаў младъ Ѳёдаръ Теринъ іонъ сы воинства,
А строиў іонъ домъ Пресвятэй Дѣвѣ Багародицѣ.
Пріизжаить младъ Ѳёдаръ Теринъ ки свайму двару,
Привязаў іонъ добрую лошадь ки булать-кальцу.
Какъ пашоў младъ Ѳёдаръ Теринъ у сваи ў бѣлыя палаты;
Яго родный батюшка сустрюкаючи,
Яго добрую лошадь усё праглидаючи;
Садиў іонъ яго ўсё за столиками,
За скатертями за избранными;
Яго родная матушка жалѣючи,
Добрую лошадь усё салюбуючи,
Пувила ина добрую лошадь на Хвалавинъ-моря,
Карьмить, паить, руду-печень абмыть.
Аткель жа ўзяўся Змѣй Гарыница,
Абъ двинацыть галоў, абъ двинацыть хабатей;
Іонъ узяў яго матушку радиминькую,
Узяў іонъ Ѳядору ўсё Микитиную,
Какъ панёсъ іонъ яе за Хвылавинъ-моря,
За тыя за топкія за балотвины,
А ў тую ў глубокаю ў пящеру ў сваю,
Пысадиў яе іонъ на камушки,
Абсысаить іонъ бѣлы грудь яе.
Аткеля ўзилася птица ластушка,
Сѣла ина, пала на вакошечки:
—«Младъ Ѳёдаръ Теринъ, ты двинацыть лѣтъ,
Пьешъ ты, яси, распаклыдаишся,
Свайму атцу добрыми рячми ухвыляишся,
Зъ сабой бяды ты ня чуўствуишъ,
Што надъ вами бида салучилася:
Тябе твая родная матушка жалѣючи,
Тваю добрую лошадь ина салюбуючи,
Пувила ина яе на Хвалавинъ-моря,
Кармить, паить, руду-печень абмыть:
Аткеля узяўся Змѣй Гариница,
Абъ двинацыть галоў, абъ двинацыть хабатей;
Узяў іонъ тваю матушку ўсё радимую,
Узяў іонъ Ѳядору ўсё Микитиную;
Какъ панёсъ яе за Хвылавинъ-моря,
За тыя за топкія балотвины,
А ў тую ў глубокую пящеру сваю,
Пасадиў іонъ яе іонъ на камушки,
Абсысаить іонъ бѣлы грудь яе.»
—Батюшка Кастянтинъ царь Самуйлавичъ,

Ты дай мнѣ сваё благаславеніе,
Ангильскую книгу ўсё нячитанаю,
Арудію ўсё ваенную,
Дай мнѣ лошадь доброю, ўсё няѣзжинаю,
А ў тую ў глубокую пящеру яго!
Зарыдала жъ яго матушка радиминькая,
Зарыдала Өядора ўсё Микитишныя:
—«Младъ Өёдаръ Теринъ, ты двѣнадцать лѣтъ,
Чада жъ маё раждэное, чада жъ маё вазлюбленое,
Паложишъ жа ты сваю галовыньку!»
—Ня бойся, мыя матушка радиминькая,
Ня бойся, Өядора ўсё Микитишныя!—
Змѣй ты, Змѣй, Змѣй Гаринища,
Атдай маю матушку ўсё радиминькую,
Атдай Өядору ўсё Микитишную,
Бязъ шуму, бязъ драки, бизъ бальшога кравалитія!
—«Младъ Өёдаръ Теринь, ты двинацыть лѣтъ,
Ни атдамъ тваей матушки усё радиминькія,
Ни атдамъ Өядоры ўсё Микитишныя
Бязъ шуму, безъ драки, безъ бальшога кровапралитія.»
Какъ пустиў младъ Өёдаръ Теринъ
Камянную стрялу вогненную,
Какъ удариў младъ Өедаръ Теринъ
Абъ сырую зямлю:
Што падъ имъ неба ўскалыхнулася,
Падъ имъ сыра зимля ўздриганулася,
Збиў іонъ яму ўсѣхъ двинацыть галоў,
Узялъ сваю матушку радименькую,
Узяў іонъ Өядору усё Микитьишнаю,
Пасадиў іонъ на темичка,
Дяржить іонъ яе падъ пашечку усё падъ правую,
Какъ панёсъ іонъ яе ки Хвалынъ-морю,
За слезами писанія іонъ ня вызріить,
За раданіемъ читанія іонъ ня вычитаить.
Усё жъ то па Божьяму пувялѣнію,
По маладымъ жа вотракамъ прашэнію,
Аткеле ўзялась Китрая рыба.
Какъ пашоў младъ Өёдаръ Теринъ
Пупярекъ моря какъ бы й по масту.
Завидила жъ яго матушка радименькая,
Зарыдала Өядора усё Микитьишная:
— «Чада жъ маё знараждэнное,
Чада жъ маё вазлюбленное!
Ня дорга маё параждэніе,
Дароже тваё святое пахаждэніе!»
— Матушка мая радимая,
Өядора усё Микитьишная,
Дароже тваё параждэніе,

Чимъ маё святое пахаждэніе.
Кроў ты сваю праливала аба мнѣ,
Серца сваё сазнабила аба мнѣ.
Какъ завидѣлъ Канстянтинъ царь Самуилывичъ;
—«Знать жа маё чада вазвратилась,
Выручиў сваю матушку радимую,
Выручиў Өядору ўсё Микитьишную!
Гостики мае усё пріѣзжія,
Гостики же мае, а ўсё любые,
Помнитя етытъ день:
Первую пятинку послѣ сырный нядѣли!
Вяликага поста ўсё на Өёдаравый,
Славимъ тебе, Христе, Боже нашъ!

6.

Василій Кесарійскій.

(С. Парфеново, Масальск. у., Калуж. губ).

А слава Богу паёмъ,
Василю Великыму и Кесарымскыму чудатворцу.
Молитца Василій Госпаду Богу
Атъ желанія серца сваяго,
Съ теплыми сердецами
И съ гарючими са слезами.
Былъ яму гласъ атъ честной, атъ святой атъ иконы.
Двадцать пять лѣтъ у Василія
Хмельнаго ў роти не бывала.
Аднажды Василій спилъ ядиную чару
Зля друга, и зля брата. зля пріятеля:
Тридцать пять лѣтъ злыя карення
У Василія изъ галавы не выхадили.
—«О, прости мнѣ, мать Пресвятая Богородица,
О Василія и Великыга, Кисаримскага чудатворца!
Ежели не прастишъ и не памилуешъ
Василія Великыга къ Божей церкви,
Руки и ноги пасшибаю,
Буйную галаву да крави праламаю».
Видя пьяница волны марскея,
Самъ у судны станавитца,
Валны ни баитца,
Самъ себѣ скорую смерть предаеть—
Пьяница,
Хто на бой, на драки прибылъ—
То жё пьяница;
Престароннимъ свидѣтелимъ станавитца—
То жё пьяница;

Пьяница ложна божитца—
То жё пьяница;
Хто ня мымши Божій даръ принимаеть—
То жё пьяница;
Пьяница обливамши,
И пьяница абхаркамши;
Пьяница слизаливецъ,
Пьяница кровапіецъ;
Пьяница сердитца—нажомъ зарѣжить,
Либа древомъ убьёть;
Пьяницу на дабро рѣчью ни научишъ,
А больше таго што раздразнишъ;
Пьяница идеть около Божей церкви—
Мима ни абходить;
Самъ возли страху суда Божива стаить,
Священника асуждаить—
Паче пьяный сагрѣшаить,
Сибѣ грѣхъ на душу принимаить.
Славу паёмъ Василію, Кусаримскому чудатворцу.

7.

Варлаамъ и Іоасафъ.

Съ пустыни старицъ въ царскій домъ приходить;
Іонъ принёсъ съ сабою столь приўкрасный
Любезный камень дарагой;
А Восипъ царевичъ просить атца Варлана:
—«Пакажися камень, я й увижу и узнаю цѣну яго!»
—А яще ты ня можешъ сонца узять рукою,—
Патаму й ня можешъ аценити камень
Ва ўсю жизнь сваю.
— «Пачаму ты можишъ аценити камень
Ва ўсю жизнь сваю?»
— Паложенъ былъ въ ясли,
Іонъ явиўся и спастиўся пастори [1]);
Прячистая мати явилася ў камни.
А Сохвинъ сынъ царевичъ вазлюбилъ іонъ старца,
Заўсигда сталъ плакать:
— «Не магу я здѣсь пражити безъ старца.
Астаўляю царства, пайду я ў пустыню,
Тамъ я ўзыщу старца,
Буду служить и любить, какъ атца,
А я жить желаю, какъ тебѣ й угодна.
Затварюсь вяртепамъ,

[1]) Можетъ быть слѣдуетъ читать: „и спасти ўся пастыри". У Безсонова параллельнаго мѣста не находится. *Н. Я.*

Буду плакать и малитца по пастахъ».
Пустынникъ звѣщаить отраку маладому:
—Трудна ва мнѣ жити, горька ва мнѣ жити:
Нужна плакать и малитца во грѣхахъ.

8.

Св. Дмитрій Солунскій и Мамай.

(Тироновка, Мстисл. у).

Сы первыга вѣку сы начала
Тамъ жилъ царь и Мамай,
И нявѣрный, и бязбожный.
Іонъ стаяў на сваей на границы.
Іонъ къ граду Русалиму приступаить:
Хочить градъ Русалимъ разабити
И царькоўныя двери пупалити.
Іонъ злавиў двѣ дявицы,
Свѣтъ русьскія паланянки:
—«Вы жъ яси двѣ дявицы,
Свѣтъ русьскія паланянки,—
Вы скажитя, ня тойтя ўсю праўду:
А хто ў етымъ гради Русалими праживаить,
Терезъ каменную стяну пралитаить?»
—Ужъ ты, царь и Мамай,
И нявѣрный, и бязбожный,
Мы ни скажимъ тибѣ ўсюю праўду:
Хто ў гради Русалими праживаить,
Терезъ каменную стяну пралитаить,
Тваю силу нявѣрную пубиваетъ!
Разсярдиўся іонъ на ихъ, распылиўся,
Вынимаить іонъ сваю марзавецкую шаблю,
Хочить іонъ имъ буйныя голавы
Пасняти па магучіи плечи.
Пирядъ имъ двѣ дявицы праслязилися,
На калѣначкахъ яны выпадали,
Усё царя нявѣрныга вапрашали:
—«Ужъ ты, царь и Мамай,
И нявѣрный, и бязбожный,
Ни сячи, ни руби наши буйныя голавы
Па магучія плечи:
Мы скажимъ тибе усюю праўду,
Хто й у гради Русалими праживаить,
Терезъ каменную стяну пралитаеть:
Въ етымъ гради Русалими
Святой Змитрій Салынскій праживаеть,
Са двамя ангалами са Христовыми харабрунить:
Терезъ каменную стяну пралитають,

Тваю силу нявѣрную пабиваютъ.
Іонъ пабиў, пурубиў тваей силы
Ни многа, ни мала—двѣ сьмы и три тысичи,
Охъ, и етый сили смѣту нѣту».
—«Вы яси двѣ дявицы,
Свѣтъ руськія паланянки,
Вышійтя кавёръ на вузлоти,
Атмалюйтя лицо Салынскага чудатворца,
Запрадайтя лицо на спаругання!..»
—Ожъ ты, царь и Мамай,
И нявѣрный, и бязбожный,
Мы ня вышіимъ кавёръ на вузлоти,
Ни 'тмалюимъ лицо святога Дмитрія,
Салынскага чудатворца,—
Ни запрададимъ лицо на спаругання!..
Разсярдиўся іонъ на ихъ и распылиўся:
Вынимаетъ іонъ сваю мерзавецкую шаблю,
Хочитъ іонъ имъ буйныя голывы
Пасняти па магучіи плечи.
Пирядъ имъ двѣ дявицы праслязилися,
На калѣначкахъ яны упадали,
Усё царя нявѣрнага вапрашали:
—«Ужъ ты, царь и Мамай,
И нявѣрный, и бязбожный,
Ни сячи, ни руби наши буйныя голавы.
По магучіи плечи:
А мы вышіимъ кавёръ на вузлоти,—
Атмалюимъ лицо святога Дмитрія,
Салынскага чудатворца,
Прададимъ лицо на спаругання!»
А сы вечира кавёръ вышивали,
Сы палночи лицо малювали,
Ки бѣлу свѣту на каўрѣ призаснули.
Паднялися буйныя вѣтры са вихрами,
Панясло жъ то кавёръ да Спаса,
Да милосливый Богародицы;
Охъ, и сами жъ то званы зазванилися,
Васковыя свѣчи затиплялися,
И книги-псалтири зачиталися,
И царькоўныя двери атверзалися.
Шоў дьяканъ заутреню званити;
Іонъ отъ страху отъ сабору отступиўся:
Якъ пашоў священника будити:
—«Вожъ ты, попя, и священникъ и духоўный,
Научитель нашъ іость царкоўный,
Ты устань-ка, ты са сну прабудись,
Ты атъ крѣпкаго сна пращнися:
Іость у нашимъ толька гради праявлення!»

Іонъ усталъ и са сну прабудился,
Іонъ атъ крѣпкаго сна ачнулся.
Іонъ и боздрыя нози абуваить,
Іонъ и бѣлыя лицо амуваить,
Шалковую ризу надиваить,
Іонъ золытъ хрѣстъ у руцы принимаить,
Іонъ у страху ў саборъ выступаить.
Завидохомъ: ляжить кавёръ на вузлоти,
На томъ каўрѣ дявицы,
Свѣтъ русьскія палонянки спачиваютъ:
—«Вы яси двѣ дявицы,
Свѣтъ русьскія паланянки,
Вы й устаньти-ка са сну, прабудитись,
Вы атъ крѣпкыга сна ашнитись!»
Якъ й устали яны, са сну прабудились,
Яны атъ крѣпкыга сна ашнулись,
На калѣначкахъ яны выпадали,
Усё царя нявѣрныга вапрашали:
—«Ужъ ты, царь и Мамай,
И нявѣрный, и бязбожный,
Ни сячи, ни руби наши буйны голывы
По магучіи плечи!»
—Вы жъ яси двѣ дявицы,
Свѣтъ русьскія паланянки,
Вы ня бойтися и ни ўликайтися:
Я ни царь и ни Мамай,
И ни нявѣрный, й ни бязбожный,
А я попъ и священникъ духоўный,
Научитель есть вамъ царькоўный!

9.

Свв. Борисъ и Глѣбъ и Святополкъ Окаянный.

Й-астошная диржанія,
Какъ у слаўнымъ жа гради
А ў Кіеви, 2
Тамъ жиў, праживаў, й-а Владиміръ князь,
Іонъ у сваемъ доми благачестнымъ,
У сваихъ каменныхъ палатахъ;
Іонъ мѣлъ сабѣ двинацыть сыноў,
А ўзлюбиў іонъ тольки трёхъ чадыў,
Первыга сына—Бариса,
Другога—Глѣба,
А третьива—Святага Полхву [1]).
Узлюбёмши іонъ ихъ, узрастёмши,

[1]) Святэй Полхва—Святополкъ. *Н. Я.*

Дялиў жа іонъ градъ на три части:
Каба Кіеў градъ, Чарнигыў градъ—
То святому Глѣбу-Барису;
Придвижинь градъ—то святому Полхви,
То мязённыму сыну на владѣнія.
Раздялёмши іонъ ихъ, расчислёмши,
Владиміръ князь пириставиўся,
Іонъ у сваемъ доми благачестнымъ,
Іонъ у сваихъ каменныхъ палатахъ.
Святой Полхва пишить листы
Іонъ да сваихъ братиў Глѣба-Бариса:
—«Братья маё узлюблённая,
Братье маё нараждэнная,
Прашу я васъ къ сабѣ ў гости;
Будимъ, будимъ пиръ пирувать,
Атца свайго съ матирью пуминать!»
Глѣбъ-Барисъ у листы смотрить,
Яны сваихъ слугъ пасылаючи,
Вароныхъ кони засидлаючи,
Чарвоныя каўры разстилаючи,
Яны садились на добрыхъ лашадей;
Ѣдуть поля и другоя,
Тольки на третія поля узъизжаючи
Вароныя кони аткладаючи,
Чарвоныи каўры разстаўляючи,
Калинывый агонь раскладаючи;
На сустрѣчу имъ святэй Полхва,
Іонъ су думами, сы быярыми,
Са сваими вѣрными слугами,
Са сваими вострыми мечами.
Хочуть, хочуть двухъ братыў загубить:
И Глѣба, и Бариса,
Братья наша вазлюбленная.
—«Святэй Полхва, ня зри, ня зри превузрѣніе,
Не губи ты юню маладога,
Не разливай крови гарючея!..»
Нягадливый сынъ, ненавистный,
Ангалскага слова ня слушаить,
Царькоўныга писанія не читаить:
Бариса іонъ капьёмъ забилъ,
А Глѣба нажомъ закалыючи,
А ў топкія балоты звалакаючи,
А ў топкія балоты затапляючи,
Надъ тыми мащами спаругаючи;
Самъ садиўся на добрую лошадь,
Іонъ су думами, іонъ сы быярами,
Са сваими вѣрными слугами,
Са сваими вострыми мечами;

Падъ имъ зимля сдриганулася,
И падъ имъ неба скалыхнулася,
Й-а ў нути-дароги пумишалася.
Съ-придъ святога Глѣба-Бариса
Лижать мощи кабы тридцать лѣтъ и три лѣты,
Ни баялися мощи ничога:
Ни вотъ таго жаркага сонца,
Ни вотъ таго сильнага дòжжу,
Ни вотъ таго буйныга вѣтру,
Ни вотъ таго лютыга марозу:
Ничога мащей ни ўрядуючи.
Нихто мащей ни справѣдываить:
Ни 'тецъ, ни мати,—
Справѣдываў мощи самъ Сусъ Христосъ.
Станавилися стаўбы залатыя
Сы вышнига неба дай да земли,
Ангалы съ неба салитаючи,
Іонъ тыя мощи забираючи,
Падъ Кіеў падъ градъ паднашиваючи,
А ў Кіеви ў гради спакладаючи:
Састроилась и садвигнулась
Прасвященная каменная церкыў
Съ прасвятога Глѣба-Бариса,
Престолъ яго звиличаючи,
Алилуя воспиваючи.

10.

Осада Почаева турками.

Якъ ўзышла. ўзышла вячерня заря,
    Надъ Пачаивымъ стала;
Якъ вышла, найшла турецка войска
    Якъ чорная хмара.
Якъ вышли, вышли турки-нявѣрки
    Манастырь ваювати;
Якъ вышиў, вышиў чарнецъ Василій, [1])
    Іонъ слизами аблиўся:
—«Ой, рятуй, рятуй, Божжія Матирь Пачаиўская:
    Манастырь пагибаить!»
Ой, рячить рѣчи Божжія Матирь Пачаиўская,
    А ина гласымъ глаголить:
—«О, ня бось, ня бось, чарнецъ Василій: [1])
    Манастырь ни пагибнить.
Якъ я выйду, свой чудъ пакажу,
    Манастырь зарятую».

---

[1]) Обыкновенно здѣсь упоминается „отець Зализо, Желѣзо“ (Іовъ Почаевскій). См. „Калѣки“ Безсонова и др. *Н. Я.*

Якъ вышла, вышла Божжія Матирь Пачаеўская,
И на вóблыцыхъ стала,
Пули вертала, блимене бликувала, (?) [1])
Й а ўсихъ туркыў пубивала.
Йа ўзнали турки, ўсѣ недавѣрки,
Што іость Божжія Матирь,
Абряклися турки, усѣ недавѣрки
Божжій Матири Пачаиўськый
Кажинъ годъ дань давати.
Вы есть турки, вы—недавѣрки,
Худу славу чинили:
Въ слаўнымъ горыди Предвижинни [2])
Кроў съ пяскомъ смясили;
Вы есть люди, вы христіяни,
Вы малитися Богу,
Божжій Матири Пачаиўській
Вы малебны служитя:
Божжія Матирь Пачаиўская
Будить васъ сахраняти,
Атъ усякыхъ атъ бѣдъ, атъ усякыхъ скарбей
Будить васъ приўкрывати:
—«Я сахраню и памилую
Усѣхъ па милости».

11 а).

Сонъ Богородицы.

На поли Яни, на гарѣ Сіяни,
Перядъ атцомъ Микылаимъ,
Мати Марея ни спала, ни дремала,
Пра Суса Христа ў ва снѣ видала,
Какъ Суса Христа жиды брали,
Жиды брали, кануру [3]) снимали,
Капьёмъ серца прабивали,
Гарючую кроў разливали.
Соника заходить,
Мати Марія Суса Христа за ручку водить,
Повела ина яго у вячерню,
Зъ вячерни ў вутреню,
Зъ вутрени въ абѣдню,
Зъ абѣдни на шпáтерь, [4])

---

[1]) Изъ извѣстныхъ въ печати варіантовъ это мѣсто не выясняется. См. Безсонова, Калѣки перехожіе, вып. III, стр. 680; *Лисенко,* Збірникъ украинськ. пісень, 1-й вып., № 1. *Н. Я.*

[2]) Въ другихъ вар. здѣсь упоминается городъ Вишневець. См. тамъ-же. *Н. Я.*

[3]) Можетъ-быть, вм. „каруну"—корону. *Н. Я.*

[4]) На прогулку, польск. spacer, съ нѣм. Spazier. *Н. Я.*

Зъ шпатера на синё моря.
На синемъ мори бялой каминь,
На бяломъ камни пристолъ,
На пристоли Сусъ Христосъ,
Пришоў къ няму Пётра-Павелъ:
—«Божжа мой, жалую тябе!»
—Када ты мяне жалуишъ,
Иди ты по ўсяму свѣту,
Па ўсяму свѣту и па ўсяму міру,
Закажи старымъ, малымъ,
Старымъ, малымъ, храмымъ, сляпымъ,
Штобъ яны етытъ сонъ знали,
Рана ў утрени читали:
Скольки на неби звѣздъ,
На лясу листу, у мори пяску,—
Столька будить гряхоў атпуску!

11 б).

(Д. Слобода, Смол. у.).

—Охъ ты, Мать наша, Матушка Марея,
Идѣ ты сяе ночку начувала?
—«Начувала я ночку ў гарадочку,
А ў тымъ у гради Русалими,
А ў тымъ у святымъ у сабори,
А на тымъ на святымъ на пристоли.
Нямножичка я первый сонъ заснула,—
Диўнёшинькій сонъ мнѣ сасниўся:
Што ў маёмъ чреви Христосъ нарадиўся.
Ну ня быть жа Христу што живому,
Быть жа ему, Христу, распятомъ,
Што на тэй жа горѣ на Сіяньській,
Што на тымъ жа на древи кунариси,
Што за тэй за народъ христіянскій».
Заплакала Матушка Марея,
Заплакала Дѣва Прысвитая:
—«Охъ, ты, Сынку мой, Сынку, Царь Нябесный,
Какъ мнѣ видить тябе, Сынку, распятога!
Каба мы съ табой, Сынку, были святы!
Охъ ты, Сынку мой, Сынку, Царь нябесный,
За што муку сяе принимаишъ,
Панапрасну святу кроў праливаишъ?
Ты съ кимъ мяне, Сынку, пакидаишъ,
Каво на дазоръ свой астаўляишъ?»
—Ни плачъ, Матушка Марея,
Ни слязи свайго красныга личка,
Ни ўскорьби свайго рятивыга сердца,—
Ни адну, тябе, Матушка, пакидаю:

Пакидаю тябе съ Святымъ Духымъ,
Сы Святымъ Іанымъ Бугусловымъ,
Нарикаю табѣ, Матушка, на Сына.
Сажди, мыя Матушка, мала ўремя,
Пака я ўсяе муки атмучуся,
Я за ету за вѣру христіянську;
У мяртвыхъ, Матушка, спалажуся,
Изъ мяртвыхъ, Матушка, васкресну
У тридневныя васкрисення,
И нá небу узнясуся
Изъ грозными хурувимами,
Изъ страшными сирахвимами,
И на неби абсялюся,
И нá зимлю, Матушка, спущуся,
Самъ тваю душу изъ тѣла приму,
Самъ твае мощи успакою,
Спишу твой ликъ святэй на иконахъ,
Пастаўлю твой ликъ святэй ў сабори,
И па ўсихъ пу цирьквахъ, пу пристолахъ,
Будуть къ табѣ люди прихадити,
Будуть ярыя свѣчи станавити,
Зямнэя паклоны аткладати,
Тябе, Мать Марея, упрашати,
Мяне, Суса Христа, праслаўляти.
Будить Ангылъ сядѣть на пристоли,
Будить крыльлимъ сваимъ трипитати.

(Отъ старухи Ѳедосьи Сиваёвой).

11 в).

Свѣтъ Мати Марія Просвитая,
Съ-вячоръ Мати Марія спачивала,
Нямножка Марія пріуснула,
Больше таго ў ва снѣ видала:
—«Што здаётца, што я сына спарадила,
Да ў бѣлы пелены спеленила,
Силковымъ паясомъ увивала,
Залатымъ крястомъ акрещала.
Хто мой сонъ етытъ разгадаеть
И хто мой сонъ расчитаеть,
Дастаёнъ іонъ будить Госпыду Богу».
Іонъ, Христосъ, а-рѣчаеть éй:
—«Мати Пресвятая,
Не рѣчи свой сонъ никому:
Я самъ етытъ сонъ даўно знаю:
Што быть мнѣ, Матушка, спойманнымъ и запроданнымъ,—
Запрадасть мяне Іуда беззаконный
Тымъ явреямъ нехрящённымъ

За тридевять сяребреникыў,
У томъ домѣ запавѣденнымъ
И за тайную вячерію!»
Тады яны ўзяли яго за тайную вячерію
И пувяли Исуса Христа на муку;
И на древѣ яго руцѣ распинали,
И гваздёмъ-капьёмъ яго прабивали,
Въ главу тярновый вѣнецъ воскладали
И кроў изъ яго праливали.
Тады Мати Марія заплакыла слезна:
—«Сыне мой вазлюбленный!
На што ты врестъ—муку бальшую принимаешъ,
Понапрасну святую кроў праливаешъ?
Съ кимъ Мати Марію пакидаешъ,
Каму на дазоръ астаўляешъ?»
А Іонъ рячилъ ей:
—«Свѣтъ Мати Марія Пресвятая!
Не приняўши муки, не быть святому,
Не праліўши крови, не быть разгрѣшныму!»
Тады Мати Марея, Пресвятая Багародица наша:
—«Съ кимъ мяне пакидаешъ,
Каму на дазоръ астаўляешъ?»
—Пакидаю я тябе не ядину,
И со святымъ Иванымъ Багасловымъ;
Нарицай, Мати, Ивана сваимъ сынымъ,
Сваимъ сынымъ, маимъ братымъ.
Пакуль съ муки атмучуся,
Всѣхъ грѣхоў смертныхъ аттерплюся,
Пакуль маё тѣла со креста сыйметца,
Въ новымъ гробѣ спалажусь, [1])
Плащаницыю пакрыюсь [2]),
На третій день, Матушка, васкресну,
Васкресныя будить васкресенья,—
Тады, Матушка, яўлюся
И къ мащамъ прикладуся,
Тады съ Матушкый попращаюсь
И слажу твой ликъ на икону,
На икону на древѣ кипариснымъ,
Пастаўлю икону ў церькви Божьей,
У церькви Божьей, у сабори,
Передъ царскими варотами,
Передъ чудовными абразами:
Будуть туды міряни прихадити,
Каноны, прасворы принасити,
Низки паклоны атбивати,

[1]) Вар.: пакладетца.
[2]) Вар.: пакрыетца.

Тябе, Пресвятая Богородица Мати, величати,
Мяне, Исуса Христа, праславляти!—
Сонъ Багародицы хто запоминаеть и хто воспѣваеть,
Въ царствіи небесномъ пребываеть,
Раю пресвѣтлага увидаеть;
И ў томъ домѣ атъ агня, атъ памору,
Гасподь Бохъ избаўляеть,
Пресвятая Богородица сама ў домѣ пребываеть.
И славимъ тябе, Христе Боже,
Вяликыя тваё похожденіе,
И больше таго—претярпѣніе! Аминь.

11 г).

У слаўнымъ горыди ў Русалими,
У тэй церькви, у сабори,
Што и была на пристоли,
А нямножичка Мати спачивала,
А придвидиўся Мареи
Привустрашный сонъ и приўчудный.
Съ таго жъ то ўремя Мать Марея забременѣла,
А нямножка паносу пынасила,
А нямножка, ни мала—сорыкъ нядѣль;
Ангильскимъ параждэніимъ парадила
Дѣва Марея сабѣ чаду—
Исуса Христа, Царя нябесныга;
У бѣлыю пялену пилинали,
Шаўковымъ паясомъ савивали,
И, кажитца, яго жиды ўзяли,
А и кажитца, яго мучить стали:
На тэй жа гарѣ на Сіянскій,
Надъ тою рякою Йирданню,
А на тымъ жа на древи купариси,
Тамъ жа яны яго распинали,
Распинали яго, мучить стали,
Гваздёмъ руки прибивать,
На галаву вянецъ ускладать,
Капьёмъ яму сердца прабивать,
Да гарючую кроў разливати.
Тады жъ заплакала Матушка Марея,
Заплакала Дѣва Прысвитая:
—«Сынку мой, Сынку узлюбленный,
Сынку мой, Сынку, Царь нябесный!
Бязвинную ты муку принимаишъ
И гарючую кроў разливаишъ,
А съ кимъ ты мяне, Сынку, пакидаишъ?»
А іонъ жа ей гаворить:
—«Ни плачъ, мыя Матушка рыдная,

Ни взрывай сваё сердца ритивоя,
Ни 'бливай сваё личинька бялоя:
Ни адну я тябе, Мати, пакидаю:
Пакидаю тябе съ Пятромъ-Паўлымъ,
Еще, Мати, съ Иванымъ Бугусловымъ:
Пачитай, Мати, Ивана Бугуслова,
Умѣста свайго Сына, майго брата.
А я жъ, мыя Мати, съ эстый муки праслаўлюся,
Да на нибиса узнясуся,
А злажу свае мощи ў плащаницу,
Палажу я свае мощи ў сабори на пристоли,
Пирядъ чудными абразами:
Будуть жа къ намъ люди прихадити,
Малебны, абѣдни закупляти,
Будуть ярыя свѣчи принасити,
И низкія паклоны аткладати,
А насъ съ табою. Мати, праслаўляти».
И славимъ Тябе, Христе Божа нашъ!

12.

Рождество Христово.

На неби Спаситель,
Вѣрнымъ душамъ прасвятитель,
Врагамъ супустатамъ пубядитель,
Нарадиўся Христосъ Царь нябесный
Въ тэй старанѣ Іудейскей,
Во святомъ градѣ во Виѳлееми.
Хатѣў Ирыдъ Христа ў гради ўбити,
Су високый звяздой правадити.
Вѣрныи цари Христа узнали,
Нясуть за имъ честныя дары,
Іонъ приняў миласерденъ, самъ заплакаў.
Ангылы на нибисахъ успиваюь,
Яны Исуса Христа Бога звеличають.

Страсти Христовы.

13 а).

Ай же Христе зъ нами Исусе!
Ядиный апостылъ былъ Іуда,
Запрадаў Христа на распятихъ,
На святоя древа кипариса.
Расплачетца Мати Пресвятая:
—«Чада мая, Царь Нябесный,
Напрасную муку принимаешъ,

Бязвинна святу кроў праливаешъ!»
—Не плачъ, мая Мати Пресвятая:
Мнѣ ета мука—животъ вѣчный,
Вѣрнымъ дарую на спасеніе,
Бязвѣрнымъ на вѣчную муку.

13 б).

(С. Войнино, Мстисл. у., Могил. г.).

Кабы ў нашимъ слаунымъ горыди, на базари,
Исуса Христа спаймали,
Били яго, рабували
За народъ христіянскій,
Чорный вѣнчикъ Исусу Христу
На галоўку ўсклали.
Кабъ на тэй жа гарѣ ва Сіянскій
Купаресъ древо расло,
Кабъ падъ тымъ жа древымъ купареснымъ
Мать Прячистая стыяла,
Суса Христа Спасителя
На хрястѣ признала:
—«Ахъ, ты, Сынку, Спаситилю!
Вяликую муку маишъ,
Бажаственную кроў святую разливаишъ!»
Зняли Христа съ плащаницы,
Ва гробѣ палажили:
Уси святые ўзрадувалися,
Уси славу чинили.
Нѣту славы, нѣту вѣры,
Што на мори бѣлый каминь...

14.

Вознесеніе Господне.

Канунъ Божій, праздничикъ частнѣйшій,
Тада на святога Узнясенія,
Када Исусъ Христосъ на небеса узнасился,
Справаждала нищая братія.
Стали яны плакыти и рыдати,
Христа на небеси праслаўляти:
—«Вой, гой яси, самъ Сусъ Христосъ!
Самъ ты на небеса усхаждаешъ,
Съ кимъ нашу нищую братію пакидаишъ?
Хто жъ насъ кармить, паить будить

И грѣшныя тѣла придивати,
Атъ тёмныя ночи прикрывати?»
Што рячить жа Христосъ, царю Нябесный,
Іонъ на сваю нищую братію:
—«Вы ни плачьтя, ни ридайтя,
Мая нищая братія:
Атпишу я вамъ гару залатую:
Будить вашимъ душамъ прапитанія
И грѣшныму тѣлу придиванія,
Атъ тёмныя ночи прикрыванія.»
Што рячить Иваня Багаслова:
—«Гой яси, самъ Сусъ Христосъ!
Ниправедны суды разсуждаишъ
Усё пра сваю нищую братію:
Ни пиши ты имъ гару залатую,—
Имъ тою гарою ни саўладати,
Прамижда сабою ни раздялити,
Быть ихъ душамъ пагубленнымъ;
Ня будить ихнымъ душамъ прапитанія,
А грѣшныму тѣлу придиванія,
Атъ темныя ночи приукрыванія.
Атпиши ты имъ міръ прувуслаўный:
Пущай яны по міру ходють,
За увесь міръ Бога молють!»
Што рячить жа Христосъ, царь Нябесный,
На увесь міръ праваслаўный:
— «Кармитя и паитя нищую братію
И грѣшныя тѣла придивайтя,
Щитовы вароты ни затваряйтя,
Атъ тёмныя ночи пріукрывайтя!
Хто жъ будить кармить, паить нищую братію
И грѣшныя тѣла придивати,
Атъ тёмныя ночи пріукрывати,—
Атпишу я тымъ душамъ царства нябесная,
Имъ атныни, имъ и да вѣку;
Хто жъ ня будить кармить, паить нищую братію
И грѣшныя тѣла придивати,
Атъ темныя ночи пріўкрывати
И ў пути дароги ни пакажить,—
Будить тымъ душамъ агонь вѣшный,
Имъ атнынѣ, имъ да вѣку!
А вотъ тябѣ, Иваня Багаслова,
Мѣешъ сибѣ уста залатыя
За свае суды справядливы,
Алилуія, алилуія, алилуія,
Слава тибѣ, Боже нашъ!

15.

Грѣхопаденіе первыхъ людей.

(С. Хорошково, Уперянской волости).

Плачъ Адама.

Гасподь Адама
Твариў руками
Па вобразу славителю;
Дараваў яму Богъ жану
На имя Еву
Атъ боку ребра;
Дараваў Богъ Евѣ
У раскоши, ў раи
Жить и праживать;
Ни вялѣў Гасподь Богъ Евѣ
Райскага древа
Сладкага куштать.
А ўрагъ зласливый,
А ўрагъ змусливый
Іонъ Еву змустилъ:
—«Вазьми-тка, Ева,
Райскага древа
Сладкага куштать!»
Ева ўзила ў руку,
Искусила ина ету штуку,
Адаму падаéть:
Адамъ куштаить
И нагату спазнаеть.
Ева спазнала,
Што й нага стала,
И свой стыдъ спазнала.
Ангылъ литаить,
Гукамъ гукаить
И меччу махаить;
Адамъ са страху ўнываить.
Гасподь приходить,
На ихъ жа рячеть:
—«Што вы здѣсь тварили?»
Адамъ выходить,
Руки склыдаить,
На калѣны ўпадаить,
Предъ Богамъ радаить.
— «Иди-тка, Адаме,
На земный край
Жить и праживать,
Зямлею ўлыдать,
Ранный расицы,
Зимляного плоду!»
Даваў Богъ имъ чаду
Адаму зъ Евую.
Адамъ вапіющій
Твариў расписки,
Пускаў на моря;
Ишоў затворецъ,
Нашоў расписки,
Увесь вадъ разрушиў.

16.

Стихи о жизни и смерти.

О горе мнѣ, грѣшнику сущему,
Горе благихъ дѣлъ ни имущему:
Какоў предъ судъ Божжій яўлюся,
Како со святыми абсялюся?
Атступиў атъ Бога са злабою,
Грѣхъ вазлюбиў самъ предъ сабою.
Чѣмъ найпаче ў свѣтѣ кахаюсь,
Въ свѣти благадати ни маю.
Аблекохся я перьвый надеждый,
Божжія лишиўся надежды.

Уся ль мая надежда и дѣло
Пріукрашають бренное тѣло;
Бренное предпачитають,
Яго славы вѣшный ни чають.
Што имамъ тада сатварити,
Када сыйдить самъ Гасподь Богъ судити?
Бѣда мнѣ: грѣхъ, плачъ предвяликій.
Атыду далече на страны,
Атрѣшаться пищи я стану,
Дамучуся я вѣшныму Владыки.
Неўдастоинъ жить я съ челавѣкомъ,
Пайду я и ряку къ атцу смѣла:
—«Сагряшиў я, отче, й дѣламъ,
Прійми мя заблуднага сына,
Како есь наемника ядина.»

17.

Сматри на смерть, каковъ образъ сухой,
Будешъ, человѣче, и самъ ты такой.
Никада смерти ни спадивайся,
Но ўсигда у раскоши праживай
На семъ благимъ свѣтѣ:
Зри, челавѣча, и ужасайся,
Каждую гадину смерти спадивайся.
Ходить Богъ тайна, наглидаеть,
Всѣхъ дѣлъ нашихъ рассматряить,
Какъ еси живешь.
Ни узрить ни на просьбы, ни на дары,
Минутъ вмигъ уси раскоши,
Якъ вазьмутъ на мары.
Велять ступать у дарогу,
Какъ багату, такъ убогу,
Да на тотъ свѣтъ скора.
О, свѣте мой предлестный,
Какъ и скора мене звёлъ!
Абѣщалъ жить многія лѣта,
Скора къ смерти праизвелъ.
Я на свѣти ни нажиўся,
Ну, я къ Богу ни прислужиўся:
О горя мнѣ грѣшныму, да ня пакаянныму!
Прастітя мнѣ, братья, всѣ милэя друзья.
Пали, халмы, ўсѣ дубравы,
Усѣ зяленыя луга,—
Видна мнѣ й по васъ ни гулять,
Часъ приходить мнѣ ўмирать.
Да прашу я васъ: мя праститя,
Вы Богу аба мнѣ малитя,

Штобы й мяне Богъ прастиў,
Што я ў свѣтѣ сагряшиў,
При храмѣ, при о щедронѣ (?)
И съ праведными душами
Штобъ мяне узвисялиў!

18 а).

Жиў челавѣкъ заўсигда іонъ биэстатэчна;
Іонъ живучи мысливў, мысливў,
Што я ещо младъ,
Спакаюся прежди смерти,
Не пайду я ў адъ;
За имъ ходить предлукавый,
Іонъ мысли носить,
На блудъ, на саромъ, на разбойства
Яго прінзводить.
Прихадили грѣшныя души—
Атецъ и мати,
Признасили добрыя мысли
Сваяму дитяти.
А іонъ бягить, какъ лютый звѣрь:
Ячей ня любить.
Якъ стаў іонъ, праклятый сынъ,
Часы змекати:
Приходить тэй часъ-гадина,
Што мати радила.
— «Чаму мяне, малинькыва,
Ни научивала,
На добрыя мысли ни навадила?»
Приходить той часъ-время,
Што въ адъ ступати.
А въ адъ бягить праклятый сынъ
И, схватавши смутки,
Въ адѣ сядить праклятый сынъ,
Кричить рятунку:
— «Рятуй мяне, атецъ-мати:
Я вашъ дитяти.
Луччи было бъ маимъ кастямъ
Червямъ паѣсти,
Чѣмся мнѣ па вѣкъ вѣшный
Въ пекли сѣсти.»

18 б).

Якъ жиў сабѣ чилавѣча грѣшный,
Іонъ ни статэшный,
Зайшоў жа іонъ,
Іонъ на карчомный дворъ,
Іонъ хлѣбу купиў,
Хмѣлю купиў,
Іонъ свой умъ загубиў;
Іонъ бяжить,

Якъ громъ грямить,—
Грямить іонъ мусить;
Пришоў жа іонъ къ атцу, къ матцы,
Рятунки просить:
—«Рятуй мяне отецъ, мати:
Буду паважати!»
Отецъ-мати руку атрясаить
Атъ свайго дитяти:
—«Ни нашъ ты сынъ!»

— Чаму мяне малинькага ни наўчали,—
Частенька розычкыю
Ня стёбывали,
Да Божій абѣдни
Ни пасылавали,
Низкихъ уклоныў
Ни застаўляли укланять,
Акафестыў-малебныў
Ни застаўляли закуплять?!.

18 в).

(Д. Слобода, Смол. у.).

Какъ живў сабѣ чилавѣча,
Іонъ самъ сабѣ ни статэшинъ:
Бягить, якъ лютый звѣрь,
Сматрить, якъ лютый змѣй;
Пызадѣ у яво атецъ-мати
Слезна плачуть, увищають;
Іонъ атца, сваю мать ни слушаить,
Якъ лютый змѣй узглидаить.
Іонъ и думаў жа чилавѣча:
—«Я самъ ища младъ,—

Ни пупаду ў адъ.»
Какъ вѣку яго укаратилыся,
Смерть яво приближилыся,—
Вядуть душу яго ў адъ.
Какъ стаў жа іонъ (3) микать гадины,
Када яво атецъ-мать радила:
—«Чаму жъ мяне атецъ-мать ня ўчила,
Да крывавыга бою ня била?!»

(Отъ старухи Федосьи Сиваёвой).

19.

Ещо сонца ни заходить,
А я спать палажуся:
Я къ спавѣди гатуюся,
Богу ни малюся.
Якъ успомню про тяжкій грѣхъ,
Слезами абальлюся.
Успомни, ўспомни, паштэнный чилавѣча,
На прежнія дары,

Якъ зазвонють ва ўси званы
Къ пасмертный гадини.
Есть у мяне й злато й сребра,
И дарагія шаты.
Ну, хатѣлъ я ўзять съ сабою—
Тамъ, кажуть, ня треба,—
Толька треба одинъ сажинь зямли
И спасэнія въ неба.

20.

Житье маё бѣдное!
Прожилъ я свой вѣкъ
Не такъ, какъ челавѣкъ,
Вѣкъ свой живучи,
Бяду тирплючи.
Карабъ у мори,
А я стражду ў гори;

Карабъ у пучини,
Такъ я у кручини;
Какъ вольны бьютца,
Такъ слёзы льютца.
Атстаўлю весь міръ,
Пайду въ манастырь;
Тамъ буду жить

И Богу малить,
И тѣла нурить.
Я тѣла знурю
И кости ссушу,
Кости ссушу,
Ва гробъ спалажу:
— Кости маи,
Ляжитя тута,
Ждитя къ сябѣ
Страшныва суду.

О, страшный судъ
Всѣмъ пакажить путь:
Праведнымъ душамъ—
Царства нябесная,
Грѣшнымъ душамъ—
Мука вѣшная,
Тьма скрамёшная:
Ни съ исподу дна,
Ни зъ боку акна.

21.

Три чернушечки.

Разставаніе души съ тѣломъ.

Три чарнушачки,
Три сяструшачки,
Валилуй, Госпыди памилуй! [1])
Первая ишла,
Золытъ хрестъ нисла;
Другая ишла,
Кадила нисла;
Третея ишла,
Кануну нисла.
—Три чарнушачки,
Три сяструшачки,
Ай, идѣ жъ вы бували,
А што жъ вы видали?
А мы жъ то бували,
А мы жъ то видали,
Якъ душа съ тѣлымъ
Разстривалыся, 2
Распращалыся:

—«Ты прыщай-ка, тѣла,
Ты прыщай-ка, бѣла,
Табѣ жъ, тѣла,
А ў землю идити, 2
А ў землю гнити,
А мнѣ жъ то, душечки,
Да Бога идити,
Пирядъ Богымъ стати,
Усю праўду скызати.
А што жъ тѣла
У пятницу ѣла,
А ў суботу рана
Да ўсходу сонца,
А ў выскрясення
Да Божжига гласу.
Чаму жъ ты, душачка,
Да ты ни тярпѣла?..

Михаилъ Архангелъ.

22 а).

Страшный судъ.

Свѣтъ Михайла, свѣтъ Архангэль, судья праведный,
Узнесетса свѣтъ Михайла на Сіяньскую гару,
Какъ затрубить свѣтъ Михайла ў семигласную трубу
И пабудить свѣтъ Михайла и живыхъ, и мертвыхъ.
Со вастоку жаркага сонца пратикала рика вогненная.
Во па тэй жа во па рѣчкѣ свѣтъ Михайла идеть,
Свѣтъ Михайла, свѣтъ Архангэль, судья праведный,

---

[1]) Послѣ каждаго двустишія.

Іонъ и праведныхъ душъ и грѣшныхъ видеть.
Во и праведныи души идуть па вогненный рѣки, якъ по масту,
Воспиваютъ стихи хурувимскіе
Усё по вангельскаму, усё по архангельскаму;
Самъ Исусъ и Христосъ имъ радаетца,
Прасвѣтлый имъ рай растваряетца.
О грѣшныя души, беззаконная раба,
Яны на берегу ўсё й атсталися,
И кричать, и сапять, какъ и темный лѣсъ шумить,
Яны лицы свае и тарзаючи,
Валаса й свае ўсё шарпаючи,
Яны ў вогненную ряку ўсё й брасаючи,
Вой атцоў сваихъ, матерь праклинаючи:
—«Вой а чаму жъ насъ атцы да ня учивали,
Вой ранёшанька ня буживали,
Вой частёшанька розачками усё ня стёбывали,
Вой божихъ малитваў не научивали,
Да божихъ церквоў да и храмоў не пасылывали!
Свѣтъ Михайла, свѣтъ Архангэль, судья праведный,
Ты сымай ты зъ насъ злата и серибра,
И ўсё сильныя багатества!»
—«О, вы, грѣшныи души, беззаконная раба,
Вы не знали ни сяредъ, вой ни пятницеў,
Ни прасвѣтлыхъ жа воскресенникыў,
Ни гадавыхъ жа частныхъ праздничкыў.
Мнѣ ни нада й ваша вой ни злата, ни вой серебра,
Ни ўсё сильная вой багатества:
А я іость я судья праведная,
Ни закупленая и ни запрошеная,
Я сужу передъ Богамъ усё й по праведнаму;
То на бѣлымъ свѣти жили судьи были,
И судили ины васъ ни по праведнаму:
Правага судили, винаватымъ станавили;
Винаватава судили, правымъ станавили.
Вы, грѣшныи души, беззаконная раба,
Идите-ка вы ўдоль па вогненный рякѣ,
Вы ищите броду мелкага:
А ня будить жа вамъ вой и не пекла, и не рай,
Вой атцамъ вой жа вашимъ пригатоўлина тьма,
Тьма крамёшная!»
    Вой мы ета пяёмъ грѣшницу,
Мы старымъ людямъ на спакаяння,
А младымъ людямъ мы на разумъ даёмъ.
А славимъ тебе, Христе Боже нашъ!

22 б).

Какъ придетъ намъ время препаслѣднее,
Будить грѣшнымъ душамъ разсуждэніе,

Тябе, Пресвятая Богородица Мати, величати,
Мяне, Исуса Христа, праслаўляти!—
Сонъ Багародицы хто запоминаеть и хто воспѣваеть,
Въ царствіи небесномъ пребываеть,
Раю пресвѣтлага увидаеть;
И ў томъ домѣ атъ агня, атъ памору,
Гасподь Бохъ избаўляеть,
Пресвятая Богородица сама ў домѣ пребываеть.
И славимъ тябе, Христе Боже,
Вяликыя тваё похождэніе,
И больше таго—претярпѣніе! Аминь.

11 г).

У слаўнымъ горыди ў Русалими,
У тэй церькви, у сабори,
Што и была на пристоли,
А нямножичка Мати спачивала,
А придвидиўся Мареи
Привустрашный сонъ и приўчудный.
Съ таго жъ то ўремя Мать Марея забременѣла,
А нямножка паносу пынасила,
А нямножка, ни мала—сорыкъ нядѣль;
Ангильскимъ параждэніимъ парадила
Дѣва Марея сабѣ чаду—
Исуса Христа, Царя нябесныга;
У бѣлыю пялену пилинали,
Шаўковымъ паясомъ савивали,
И, кажитца, яго жиды ўзяли,
А и кажитца, яго мучить стали:
На тэй жа гарѣ на Сіянскій,
Надъ тою рякою Йирданню,
А на тымъ жа на древи купариси,
Тамъ жа яны яго распинали,
Распинали яго, мучить стали,
Гваздёмъ руки прибивать,
На галаву вянецъ ускладать,
Капьёмъ яму сердца прабивать,
Да гарючую кроў разливати.
Тады жъ заплакала Матушка Марея,
Заплакала Дѣва Прысвитая:
—«Сынку мой, Сынку узлюбленный,
Сынку мой, Сынку, Царь нябесный!
Бязвинную ты муку принимаишъ
И гарючую кроў разливаишъ,
А съ кимъ ты мяне, Сынку, пакидаишъ?»
А іонъ жа ей гаворить:
—«Ни плачъ, мыя Матушка рыдная,

Ни взрывай сваё сердца ритивоя,
Ни 'бливай сваё личинька бялоя:
Ни адну я тябе, Мати, пакидаю:
Пакидаю тябе съ Пятромъ-Паўлымъ,
Еще, Мати, съ Иванымъ Бугусловымъ:
Пачитай, Мати, Ивана Бугуслова,
Уместа свайго Сына, майго брата.
А я жъ, мыя Мати, съ эстый муки праслаўлюся,
Да на нибиса узнясуся,
А злажу сваe мощи ў плащаницу,
Палажу я сваe мощи ў сабори на пристоли,
Пирядъ чудными абразами:
Будуть жа къ намъ люди прихадити,
Малебны, абѣдни закупляти,
Будуть ярыя свѣчи принасити,
И низкія паклоны аткладати,
А насъ съ табою, Мати, праслаўляти».
И славимъ Тябе, Христе Божа нашъ!

12.

Рождество Христово.

На неби Спаситель,
Вѣрнымъ душамъ прасвятитель,
Врагамъ супустатамъ пубядитель,
Нарадиўся Христосъ Царь нябесный
Въ тэй старанѣ Іудейскей,
Во святомъ градѣ во Виѳлееми.
Хатѣў Ирыдъ Христа ў гради ўбити,
Су високый звяздой правадити.
Вѣрныи цари Христа узнали,
Нясуть за имъ честныя дары,
Іонъ приняў миласерденъ, самъ заплакаў.
Ангылы на нибисахъ успивають,
Яны Исуеа Христа Бога звеличають.

Страсти Христовы.

13 а).

Ай же Христе зъ нами Исусе!
Ядиный апостылъ былъ Іуда,
Запрадаў Христа на распятихъ,
На святоя древа купариса.
Расплачетца Мати Пресвятая:
—«Чада мая, Царь Нябесный,
Напрасныю муку принимаешъ,

Бязвинна святу кроў праливаешъ!»
—Не плачъ, мая Мати Пресвятая:
Мнѣ ета мука—животъ вѣчный,
Вѣрнымъ дарую на спасеніе,
Бизвѣрнымъ на вѣчную муку.

13 б).

(С. Войнино, Мстисл. у., Могил. г.).

Кабы ў нашимъ слаунымъ горыди, на базари,
Исуса Христа спаймали,
Били яго, рабували
За народъ христіянскій,
Чорный вѣнчикъ Исусу Христу
На галоўку ўсклали.
Кабъ на тэй жа гарѣ ва Сіянскій
Купаресъ древо расло,
Кабъ падъ тымъ жа древымъ купаресным
Мать Прячистая стыяла,
Суса Христа Спасителя
На хрястѣ признала:
—«Ахъ, ты, Сынку, Спаситилю!
Вяликую муку маишъ,
Бажаственную кроў святую разливаишъ!»
Зняли Христа съ плащаницы,
Ва гробѣ палажили:
Уси святые ўзрадувалися,
Уси славу чинили.
Нѣту славы, нѣту вѣры,
Што на мори бѣлый каминь...

14.

Вознесеніе Господне.

Канунъ Божій, праздничикъ частнѣйшій,
Тада на святога Узнясенія,
Када Исусъ Христосъ на небеса узнасился,
Справаждала нищая братія.
Стали яны плакыти и рыдати,
Христа на небеси праслаўляти:
—«Вой, гой яси, самъ Сусъ Христосъ!
Самъ ты на небеса усхаждаешъ,
Съ кимъ нашу нищую братію пакидаишъ?
Хто жъ насъ кармить, паить будить

И грѣшныя тѣла придивати,
Атъ тёмныя ночи прикрывати?»
Што рячить жа Христосъ, царю Нябесный,
Іонъ на сваю нищую братію:
—«Вы ни плачьтя, ни ридайтя,
Мая нищая братія:
Атпишу я вамъ гару залатую:
Будить вашимъ душамъ прапитанія
И грѣшныму тѣлу придиванія,
Атъ тёмныя ночи прикрыванія.»
Што рячить Иваня Багасловя:
—«Гой яси, самъ Сусъ Христосъ!
Ниправедны суды разсуждаишъ
Усё пра сваю нищую братію:
Ни пиши ты имъ гару залатую,—
Имъ тою гарою ни саўладати,
Прамижда сабою ни раздялити,
Быть ихъ душамъ пагубленнымъ;
Ня будить ихнымъ душамъ прапитанія,
А грѣшныму тѣлу придиванія,
Атъ темныя ночи пріукрыванія.
Атпиши ты имъ міръ прувуслаўный:
Пущай яны по міру ходють,
За увесь міръ Бога молють!»
Што рячить жа Христосъ, царь Нябесный,
На увесь міръ праваслаўный:
— «Кармитя и паитя нищую братію
И грѣшныя тѣла придивайтя,
Щитовы вароты ни затваряйтя,
Атъ тёмныя ночи пріукрывайтя!
Хто жъ будить кармить, паить нищую братію
И грѣшныя тѣла придивати,
Атъ тёмныя ночи пріукрывати,—
Атпишу я тымъ душамъ царства нябесная,
Имъ атныни, имъ и да вѣку;
Хто жъ ня будить кармить, паить нищую братію
И грѣшныя тѣла придивати,
Атъ темныя ночи пріўкрывати
И ў пути дароги ни пакажить,—
Будить тымъ душамъ агонь вѣшный,
Имъ атнынѣ, имъ да вѣку!
А вотъ тябѣ, Иваня Багасловя,
Мѣешъ сибѣ уста залатыя
За свае суды справядливы,
Алилуія, алилуія, алилуія,
Слава тибѣ, Боже нашъ!

15.

Грѣхопаденіе первыхъ людей.

(С. Хорошково, Уперянской волости).

Плачъ Адама.

Гасподь Адама
Твариў руками
Па вобразу славителю;
Дараваў яму Богъ жану
На имя Еву
Атъ боку ребра;
Дараваў Богъ Евѣ
У раскоши, ў раи
Жить и праживать;
Ни вялѣў Гасподь Богъ Евѣ
Райскага древа
Сладкага куштать.
А ўрагъ зласливый,
А ўрагъ змусливый
Іонъ Еву змустилъ:
—«Вазьми-тка, Ева,
Райскага древа
Сладкага куштать!»
Ева ўзила ў руку,
Искусила ина ету штуку,
Адаму падаеть:
Адамъ куштаить
И нагату спазнаеть.
Ева спазнала,
Што й нага стала,
И свой стыдъ спазнала.
Ангылъ литаить,
Гукамъ гукаить
И меччу махаить;
Адамъ са страху ўнываить.
Гасподь приходить,
На ихъ жа рячеть:
—«Што вы здѣсь тварили?»
Адамъ выходить,
Руки склыдаить,
На калѣны ўпадаить,
Предъ Богамъ радаить.
— «Иди-тка, Адаме,
На земный край
Жить и праживать,
Зямлею ўлыдать,
Ранный расицы,
Зимляного плоду!»
Даваў Богъ имъ чаду
Адаму зъ Евую.
Адамъ вапіющій
Твариў расписки,
Пускаў на моря;
Ишоў затворецъ,
Нашоў расписки,
Увесь вадъ разрушиў.

16.

Стихи о жизни и смерти.

О горе мнѣ, грѣшнику сущему,
Горе благихъ дѣлъ ни имущему:
Какоў предъ судъ Божжій яўлюся,
Како со святыми абсялюся?
Атступиў атъ Бога са злабою,
Грѣхъ вазлюбиў самъ предъ сабою.
Чѣмъ найпаче ў свѣтѣ кахаюсь,
Въ свѣти благадати ни маю.
Аблекохся я перьвый надеждый,
Божжія лишиўся надежды.

Уся ль мая надежда и дѣло
Пріукрашають бренное тѣло;
Бренное предпачитають,
Яго славы вѣшный ни чають.
Што имамъ тада сатварити,
Када сыйдить самъ Гасподь Богъ судити?
Бѣда мнѣ: грѣхъ, плачъ предвяликій.
Атыду далече на страны,
Атрѣшаться пищи я стану,
Дамучуся я вѣшныму Владыки.
Неўдастоинъ жить я съ челавѣкомъ,
Пайду я и ряку къ атцу смѣла:
—«Сагряшиў я, отче, й дѣламъ,
Прійми мя заблуднага сына,
Како есь наемника ядина.»

17.

Сматри на смерть, каковъ образъ сухой,
Будешъ, человѣче, и самъ ты такой.
Никада смерти ни спадивайся,
Но ўсигда у раскоши праживай
На семъ благимъ свѣтѣ:
Зри, челавѣча, и ужасайся,
Каждую гадину смерти спадивайся.
Ходить Богъ тайна, наглидаеть,
Всѣхъ дѣлъ нашихъ расматряить,
Какъ еси живешь.
Ни узрить ни на просьбы, ни на дары,
Минутъ вмигъ уси раскоши,
Якъ вазьмутъ на мары.
Велять ступать у дарогу,
Какъ багату, такъ убогу,
Да на тотъ свѣтъ скора.
О, свѣте мой предлестный,
Какъ и скора мене звёлъ!
Абѣщалъ жить многія лѣта,
Скора къ смерти праизвелъ.
Я на свѣти ни нажиўся,
Ну, я къ Богу ни прислужиўся:
О горя мнѣ грѣшныму, да ня пакаянныму!
Праститя мнѣ, братья, всѣ милэя друзья.
Пали, халмы, ўсѣ дубравы,
Усѣ зяленыя луга,—
Видна мнѣ й по васъ ни гулять,
Часъ приходить мнѣ ўмирать.
Да прашу я васъ: мя праститя,
Вы Богу аба мнѣ малитя,

Штобы й мяне Богъ прастиў,
Што я ў свѣтѣ сагряшиў,
При храмѣ, при о щедронѣ (?)
И съ праведными душами
Штобъ мяне узвисялиў!

18 а).

Жиў челавѣкъ заўсигда іонъ бизстатэчна;
Іонъ живучи мыслиў, мыслиў,
Што я ещо младъ,
Спакаюся прежди смерти,
Не пайду я ў адъ;
За имъ ходить предлукавый,
Іонъ мысли носить,
На блудъ, на саромъ, на разбойства
Яго пріизводить.
Прихадили грѣшныя души —
Атецъ и мати,
Признасили добрыя мысли
Сваяму дитяти.
А іонъ бягить, какъ лютый звѣрь:
Рячей ня любить.
Якъ стаў іонъ, праклятый сынъ,
Часы змекати:
Приходить тэй часъ-гадина,
Што мати радила.
— «Чаму мяне, малинькыва,
Ни научивала,
На добрыя мысли ни навадила?»
Приходить той часъ-время,
Што въ адъ ступати.
А въ адъ бягить праклятый сынъ
И, схватавши смутки,
Въ адѣ сядить праклятый сынъ,
Кричить рятунку:
— «Рятуй мяне, атецъ-мати:
Я вашъ дитяти.
Луччи было бъ маимъ кастямъ
Червямъ паѣсти,
Чѣмся мнѣ па вѣкъ вѣшный
Въ пекли сѣсти.»

18 б).

Якъ жиў сабѣ чилавѣча грѣшный,
Іонъ ни статэшный,
Зайшоў жа іонъ,
Іонъ на карчомный дворъ,
Іонъ хлѣбу купиў,
Хмѣлю купиў,
Іонъ свой умъ загубиў;
Іонъ бяжить,

Якъ громъ грямить,—
Грямить іонъ мусить;
Пришоў жа іонъ къ атцу, къ матцы,
Рятунки просить:
—«Рятуй мяне отецъ, мати:
Буду паважати!»
Отецъ-мати руку атрясаить
Атъ свайго дитяти:
—«Ни нашъ ты сынъ!»
— Чаму мяне малинькага ни наўчали,—
Частенька розычкыю
Ня стёбывали,
Да Божій абѣдни
Ни пасылавали,
Низкихъ уклоныў
Ни застаўляли укланять,
Акафестыў-малебныў
Ни застаўляли закуплять?!.

18 в).

(Д. Слобода, Смол. у.).

Какъ живў сабѣ чилавѣча,
Іонъ самъ сабѣ ни статэшинъ:
Бягить, якъ лютый звѣрь,
Сматрить, якъ лютый змѣй;
Пызадѣ у яво атецъ-мати
Слезна плачуть, увищають;
Іонъ атца, сваю мать ни слушаить,
Якъ лютый змѣй узглидаить.
Іонъ и думаў жа чилавѣча:
—«Я самъ ища младъ,—
Ни пупаду ў адъ.»
Какъ вѣку яго укаратилыся,
Смерть яво приближилыся,—
Вядуть душу яго ў адъ.
Какъ стаў жа іонъ (3) микать гадины,
Када яво атецъ-мать радила:
—«Чаму жъ мяне атецъ-мать ня ўчила,
Да крывавыга бою ня била?!»

(Отъ старухи Федосьи Сиваёвой).

19.

Ещо сонца ни заходить,
А я спать палажуся:
Я къ спавѣди гатуюся,
Богу ни малюся.
Якъ успомню про тяжкій грѣхъ,
Слезами абальлюся.
Успомни, ўспомни, паштэнный чилавѣча,
На прежнія дары,
Якъ зазвонють ва ўси званы
Къ пасмертный гадини.
Есть у мяне й злато й сребра,
И дарагія шаты.
Ну, хатѣлъ я ўзять съ сабою—
Тамъ, кажуть, ня треба,—
Толька треба одинъ сажинь зямли
И спасэнія зъ неба.

20.

Житье маё бѣдное!
Прожилъ я свой вѣкъ
Не такъ, какъ челавѣкъ,
Вѣкъ свой живучи,
Бяду тирплючи.
Карабъ у мори,
А я стражду ў гори;
Карабъ у пучини,
Такъ я у кручини;
Какъ вольны бьютца,
Такъ слёзы льютца.
Атстаўлю весь міръ,
Пайду въ манастырь;
Тамъ буду жить

И Богу малить,
И тѣла нурить.
Я тѣла знурю
И кости ссушу,
Кости ссушу,
Ва гробъ спалажу:
— Кости маи,
Ляжитя тута,
Ждитя къ сябѣ
Страшныва суду.

О, страшный судъ
Всѣмъ пакажить путь:
Праведнымъ душамъ—
Царства нябесная,
Грѣшнымъ душамъ—
Мука вѣшная,
Тьма скрамёшная:
Ни съ исподу дна,
Ни зъ боку акна.

21.

Три чернушечки.

Разставаніе души съ тѣломъ.

Три чарнушачки,
Три сяструшачки,
Валилуй, Госпыди памилуй! [1])
Первая ишла,
Золытъ хрестъ нисла;
Другая ишла,
Кадила нисла;
Третея ишла,
Кануну нисла.
—Три чарнушачки,
Три сяструшачки,
Ай, идѣ жъ вы бували,
А што жъ вы видали?
А мы жъ то бували,
А мы жъ то видали,
Якъ душа съ тѣлымъ
Разстривалыся, 2
Распращалыся:

—«Ты прыщай-ка, тѣла,
Ты прыщай-ка, бѣла,
Табѣ жъ, тѣла,
А ў землю идити, 2
А ў землю гнити,
А мнѣ жъ то, душечки,
Да Бога идити,
Пирядъ Богымъ стати,
Усю праўду скызати.
А што жъ тѣла
У пятницу ѣла,
А ў суботу рана
Да ўсходу сонца,
А ў выскрясення
Да Божжига гласу.
Чаму жъ ты, душачка,
Да ты ни тярпѣла?..

Михаилъ Архангелъ.

22 а).

Страшный судъ.

Свѣтъ Михайла, свѣтъ Архангэль, судья праведный,
Узнесетса свѣтъ Михайла на Сіяньскую гару,
Какъ затрубить свѣтъ Михайла ў семигласную трубу
И пабудить свѣтъ Михайла и живыхъ, и мертвыхъ.
Со вастоку жаркага сонца пратикала рика вогненная.
Во па тэй жа во па рѣчкѣ свѣтъ Михайла идеть,
Свѣтъ Михайла, свѣтъ Архангэль, судья праведный,

[1]) Послѣ каждаго двустишія.

Іонъ и праведныхъ душъ и грѣшныхъ видеть.
Во и праведныи души идуть па вогненный рѣки, якъ по масту,
Воспиваютъ стихи хурувимскіе
Усё по вангельскаму, усё по архангельскаму;
Самъ Исусъ и Христосъ имъ радаетца,
Прасвѣтлый имъ рай растваряетца.
О грѣшныя души, беззаконная раба,
Яны на берегу ўсё й атсталися,
И кричать, и сапять, какъ и темный лѣсъ шумить,
Яны лицы свае и тарзаючи,
Валаса й свае ўсё шарпаючи,
Яны ў вогненную ряку ўсё й брасаючи,
Вой атцоў сваихъ, матерь праклинаючи:
—«Вой а чаму жъ насъ атцы да ня учивали,
Вой ранёшанька ня буживали,
Вой частёшанька розачками усё ня стёбывали,
Вой божихъ малитваў не научивали,
Да божихъ церкваў да и храмоў не пасылывали!
Свѣтъ Михайла, свѣтъ Архангэль, судья праведный,
Ты сымай ты зъ насъ злата и серибра,
И ўсё сильныя багатества!»
—«О, вы, грѣшныи души, беззаконная раба,
Вы не знали ни сяредъ, вой ни пятницеў,
Ни прасвѣтлыхъ жа воскресенникыў,
Ни гадавыхъ жа частныхъ праздничкыў.
Мнѣ ни нада й ваша вой ни злата, ни вой серебра,
Ни ўсё сильная вой багатества:
А я іость я судья праведная,
Ни закупленая и ни запрошеная,
Я сужу передъ Богамъ усё й по праведнаму;
То на бѣлымъ свѣти жили судьи были,
И судили ины васъ ни по праведнаму:
Правага судили, винаватымъ станавили;
Винаватава судили, правымъ станавили.
Вы, грѣшныи души, беззаконная раба,
Идите-ка вы ўдоль па вогненный ракѣ,
Вы ищите броду мелкага:
А ня будить жа вамъ вой и не пекла, и не рай,
Вой атцамъ вой жа вашимъ пригатоўлина тьма,
Тьма врамёшная!»
Вой мы ета пяёмъ грѣшницу,
Мы старымъ людямъ на спакаяння,
А младымъ людямъ мы на разумъ даёмъ.
А славимъ тебе, Христе Боже нашъ!

22 б).

Какъ придетъ намъ время препаслѣднее,
Будитъ грѣшнымъ душамъ разсуждэніе,

А праведнымъ васкресеніе.
Спродвѣщаеть грѣшнымъ душамъ свѣтъ Михайла:
—«Вы, грѣшные, беззаконные рабы,
Вы не имѣли ни среды, ни пятницы,
Ни Божжига дня васкресенія!»—
Прадвѣщаеть грѣшникамъ самъ Исусъ Христосъ:
—«Вы Божжихъ малитвъ‿ня слушивали,
Сваихъ тайныхъ гряхоў не спавѣдывали!»
Какъ узыйдеть Михайлу на Сіонскую гару,
Какъ затрубить свѣтъ Михайло въ семигласную трубу,
Всѣ мертвые паўстануть на страшный судъ,
Всѣ паўстануть.
Чараўницамъ и блудницамъ
Пригатовлена тьма неўкрамѣшная,
Кипить смала неуталимая,
Гарять агни неугасимые.
Тады черезъ рѣку черезъ огнянную перехажіють
Праведныя души по правый рукѣ,
Грѣшныя па лѣвый.
Праведныя пашли черезъ огненну рѣку,
Какъ по́ мысту и якъ по́ саду:
Какъ іость мѣсяцъ ясенъ на небесѣ,
Какъ пріясныя солнышка на закатѣ,
Пашли аны якъ по́ мысту,
И пашли аны якъ по́ саду;
Праваждаеть ихъ Гасподь Бохъ
До рая да прасвѣтлыга,
Да царства да нябеснага;
Имъ самъ рай растваряетца,
Самъ Исусъ Христосъ имъ радаетца.
Тады грѣшныя души пашли па огненной рякѣ,
Какъ іость хмара захморёмшись,
Такъ матерь земля занѣмѣўшись;
Тады грѣшныя души кричать:
— «Свѣтъ Михайла Архангилъ,
Бяри атъ насъ злата-серебра,
Всесильныя наша багачества!»
Михайла атвѣщаеть имъ:
— «Я іость судя, непадкупная душа,
Я іость судя праведный:
Да ни нада мнѣ здѣсь
Ни золыта да ни серебра,
Ни ўсё ваша сильныя да багатчества;
Я іость судя, непакупная душа,
Только мнѣ нада постъ и малитва,
А третія милыстыня подающая,
Ни абсуждэнья, ни абгаваренья,
Третія дѣла милыстыня подающая.

Вы живали, вы бывали на вольнымъ свѣтѣ,
Пили-ѣли, сами утѣшивались,
На сваю душу грѣхоў многа наключивали,
Судили суды неправедные:
Вы праведныга звинавачивали,
А виннага правымъ ставили,
Вы брали казну неисчисленную,
А клали казну ў сыру матерь землю!»
—Казна, казна, будешъ ли на ўтаромъ причествіи?
—«Буду черви неўсыпующіи на ўтаромъ причествіи.»
Яны ни пиряшли.

22 в).

Якъ ишоў молыдицъ кыла вогнинный ряки,
Іонъ искаў молыдицъ броду мелкыга,
Броду мелкыга, раю свѣтлыга.
На сустрѣчу къ яму Михаилъ Аргангилъ.
—«А ты, добрый молыдицъ, пыкарися ў грихахъ!»
А мае жъ то гряхи нивяликія были,
Нивяликія были, да й ни малинькіе:
Атца съ матирью абругаў.
Якъ ишоў молыдицъ кыла вогнинный ряки;
Іонъ искаў молыдицъ броду мелкыва,
Броду мелкыга, раю свѣтлыга.
Якъ ступиў молыдицъ пы калѣна ў ваду,
Въ ваду, ў кипучую смалу.
Я па полюшку хадиў и заломы заламляў,
Да и споръ вынимаў, а людей галодныхъ астаўляў.
Якъ ступиў молыдицъ да па поисъ у ваду,
У ваду, у кипучую смалу.
У кароў мылако атымаў,
Да падъ бѣлую бярёзу выливаў.
Якъ ступиў молыдицъ да па шыю ў ваду,
У ваду, у кипучую смалу.
Я законы разрушаў,
Гарючія слёзы праливаў.
Якъ ступиў молыдицъ—дыкъ и шапка пуплыла,
Да тамъ и патануў.

Аниконъ.

23 а).

Ой, сы горъ, сы дали, сы Сіянскый гары,
Туда йшолъ-прашолъ маладой Аниканъ,
Іонъ и плачучи и рыдаючи.
На сустрѣчу самъ Сусъ Христосъ.

—«Ты чаво плачишъ, маладой Аниканъ?»
—Охи, Госпади, самъ Исусъ Христосъ,
Какъ жа мнѣ ни плакать?
Залатэя ключи у моря ўпустилъ,
Царькоўныя книги утирялъ.
—«Ты ни плачъ, ни рыдай, маладой Аниканъ!
Сіянъ моря мы высушимъ,
Залатой ключъ мы вытащимъ,
Царькоўную книгу мы выпишимъ».

23 б).

Дарогаю широкау, 2
Туда йшоў-прайшоў мыладой Аникынъ,
Іонъ плачучи, ўзрыгаючи;
На сустрѣчу къ яму Самъ Господь Богъ:
—«Чаво плачишъ, мыладой Аникынъ?»
—А якъ жа мнѣ ни плакаўши:
Залату книгу самъ я ўтиряў,
Залатыя ключи ў моря ўпустиў.
—«Ни плачъ, ни рыдай, мыладой Аникынъ:
Зылату книгу сами выпишимъ,
Синія моря сами высушимъ;
Зылаты ключи самъ ты вазьмешъ,
Пріукрасный рай самъ ты атапрешъ,
У прикрасный рай самъ ты увайдешъ».

23 в).

(С. Шаталово, Смол. у.).

Ишоў старицъ,
Старицъ па дароги,
Старицъ па широкый,
Трыстиною апирался.
Трыстина абламилась,
Старицъ ужасныйся.
На сустрѣчу старцу
Самъ Господь Богъ:
—«Што жъ ты, старецъ,
Сильна плачишъ и рыдаешъ?»
—Пытиряў я злату книгу,
Бизъ царькоўныга бязъ причту,
Бизъ Господня павялѣньня...

24.

Молитва всѣмъ святымъ.

Братья далжны Богу малить,
Христа милысти прасить
За ўвесь домъ благадатный.
Сахраняй васъ и памилуй
Самъ Христосъ, Царь Небесный.
Васкресенія Христова,
Жиўначальная Тройца,
Пятница Праскавея,
Христатерпица Христова,
Скорая памощница,
Многая атъ бѣдъ заступница.
Сахраняй васъ и памилуй

Святителе вотче Никола
И великій чудатворецъ,
Свѣтъ Михайла Архангелъ
И Гавріилъ Архангелъ,
И вселенный учитель
Василій Великій,
И Григорій Богословъ,
Святой Іоаннъ Златоустъ,
И Арсентій преподобный,
И Антипе преподобный,
Іоаннъ Богустрадатель,
Антоній, Өядосій,
Пячерскіе святые,
Святой Милъ преподобный,
Святой Хролъ-Лаверъ,
И Власій Первосвященный,
Мамонтій преподобный,
И Василій Русаримскій,
Хванасій и Кириллъ,
Александрицкіе святые,
Василій Блаженный,
Даніилъ Заточникъ,
Игнатій Богоносецъ, 2
Симеонъ Богопріимецъ,
Андрей Первозванный,
На воздухахъ Богу молитца.
  Сахрани васъ и памилуй
Казьма Божій, Димьянъ,
Ягорій Храбрый,
Святой Сергивъ преподобный,
Засимъ и Саватій,
Салавимскіе святые.
  О избави, Госпади,
Атъ нужды, атъ печали,
Атъ великой злой кручины,
Лиха, злова челавѣка,
Атъ напраснува слова.
Ферувимъ и серафимъ,
Богъ-атецъ Акимо́нъ—
Усё небесная сила.
О Степанъ, Божжій папутчикъ,
А Микита заступщикъ,
  Сахрани васъ и памилуй
Са ўсѣмъ домамъ благадатнымъ,
А падай вамъ, Госпади,
Всѣмъ тѣлеснага здравія,
Душамъ вѣчнага спасенія.
Святой Илья надилящій,
Надиляй васъ, Гасподь,
Хлѣбымъ-солью,
Благадатью Гасподней;
А падай вамъ, Гасподь,
На многія лѣта жить
Атъ нынѣ да вѣку!

21.

Молитва, чтобы скотъ былъ здоровъ и благополученъ.

Святый Хролій, Ягорій,
    Саблюди, Божа, лаша̀дъ вашихъ!
Святый Власій, Ахванасій,
    Саблюди, Божа, красуль вашихъ!
Святый Настасій приўкрасный,
    Саблюди, Божа, авецъ вашихъ!
Святый Василій Кусаринскій,
    Саблюди, Божа, свиныкъ вашихъ!
Святый Ягорій пріухрабры,
    Саблюди, Божа, и памилуй
Живата вашига, статку
Атъ всякыга упадку:
Атъ звѣря и атъ змѣя,
Атъ усякыга врага-супастата,
Атъ злога языка, атъ дурнога глаза!
    Сахраняй, Божа, и памилуй

На ранныхъ, на вучорныхъ,
На вячернихъ, на суборныхъ,
А йдѣ травушки зъѣдають,
Идѣ расицу сапивають,
Христа на помычь призывають.
Стань жа вамъ самъ Сусъ Христосъ на помычъ,
Святый вангелъ на радысть,
Багародица на милысть,
Святый Илья Богъ надилящій,
Спасъ Миколушка малящій,
Надѣляй домъ хлѣбымъ-сольлю,
Всякуй Божжу благадатьтю,
Госпади многамилысливый!

22.

Двѣнадцать пятницъ.

1. Вяликыя збранная ў гаду пятница на первый нядѣли посту вяликыга. Па чомъ ина збранная вяликая первая ў гаду пятница? Братъ брата бѣлымъ камнимъ убилъ, была многа на зямли акрававленія. Каторый челавѣкъ будить яе пастить ету пятницу пастами, малитвами, тотъ челавѣкъ атъ наносный хваробы сахраненъ будить и памилованъ.

2. Вяликыя збранныя ў гаду пятница проти празника Гаврила Благавястителя. Въ нее праўзышло зачатіе Духа Святога; каторый челавѣкъ яе пастить пастами и малитвами, низкими зямными паклонами, тотъ же челавѣкъ атъ двинацыти нутряныхъ балѣзниў сахраненъ будить и памилованъ.

3. Третія вяликыя збранная ў гаду пятница проти празника Пасхи Вяликый. Жиды Христа распинали са врагами са Пилатами, су ўсею силыю сваею. Тотъ челавѣкъ, каторый будить яе пастить пастами, малитвами, низкими зямными паклонами, тотъ челавѣкъ атъ бѣдвасти и скуднасти сахраненъ будить и памилованъ.

4. Проти празника Вазнясенія Христова вяликая и збранная ў гаду пятница. Каторый челавѣкъ яе будить пастить пастами, малитвами, тотъ челавѣкъ изъ женскага пола атъ причинушиў малалѣтнихъ сахраненъ будить, изъ мужекога полу—атъ вяликыга грѣха нападенія.

5. Проти празника Духа Святога Троицы вяликая и збранная ў гаду пятница. Сходиў Исусъ Христосъ съ неба на землю и свѣтилъ Христосъ на землю. Каторый челавѣкъ яе будить пастить пастами, малитвами, низкими зямными паклонами, тотъ челавѣкъ у лѣсихъ и балотихъ атъ нахальной смерти сахраненъ будить наўсигда и памилованъ.

6. Проти празника Ильи Прарока вяликая збранная ў гаду пятница. Каторый челавѣкъ будить яе пастись пастами, малитвами, низкими зямными паклонами, тотъ челавѣкъ отъ небесныва ўдару ў доми сахраненъ будить, а ў поли атъ люта звѣрья паяденія.

7. Проти празника Спаса вяликая збранная ў гаду пятница. Гасподь преабразился предъ учениками. Каторый челавѣкъ будить яе пастить пастами, малитвами, тотъ челавѣкъ безъ пакаянія ни умреть.

8. Проти празника Успенія Христовыга вяликая збранная ў гаду пятница. Каторый челавѣкъ будить пастить яе пастами, малитвами, низкими зямными паклонами, тотъ челавѣкъ избавленъ будеть и памилованъ отъ зубной боли и схажденія крави.

9. Проти Ивана Предтечи Посныга вяликая збранная ў гаду пятница. Каторый челавѣкъ будить пастить яе, тотъ челавѣкъ атъ 12-ти галавныхъ балѣзней залатухъ сахраненъ будить и памилованъ.

10. Проти Михаила Великыга Архистратига вяликая збранная ў гаду пятница. Хто ету пятницу пастить будить пастами, малитвами и низкими зямными паклонами, тотъ же челавѣкъ атъ звѣря шальнога и атъ сабаки сахраненъ будить и памилованъ.

11. Проти празника Ражества Христова вяликая збранная ў гаду пятница. Хто ету пятницу пастить будить пастами, малитвами и низкими паклонами, тотъ челавѣкъ въ лѣсахъ и балотахъ атъ бальшога пасѣку, заблудный смерти и атъ залиўный сахраненъ будить и памилованъ.

12. Проти Богоявленія Христова великая збранная ў гаду пятница: Исусъ Христосъ крестился съ апосталами и су ўсѣми нябесными силами. Не мѣйте вы, братцы, 12 избранныхъ у гаду пятницъ, памѣйтя, братцы, ету пятницу. Хто ня будить пастить яе, мужъ съ жаною пайдуть на беззаконія, народитца прамежда ихъ дѣтища нядобрая: либа воръ, ли сутимъ, ли кливятникъ, али вяликая пьяница, или бальшой чарадѣйникъ. Каторый челавѣкъ будить пастить ету пятницу, тотъ челавѣкъ на окончаніи сваей смерти увидитъ Божію Матирь са свячою, и зачислитца яго душа въ книгахъ іерусалимскихъ.

Штобы й мяне Богъ прастиў,
Што я ў свѣтѣ сагряшиў,
При храмѣ, при о щедронѣ (?)
И съ праведными душами
Штобъ мяне узвисялиў!

18 а).

Жиў челавѣкъ заўсигда іонъ бизстатэчна;
Іонъ живучи мыслиў, мыслиў,
Што я ещо младъ,
Спакаюся прежди смерти,
Не пайду я ў адъ;
За имъ ходить предлукавый,
Іонъ мысли носить,
На блудъ, на саромъ, на разбойства
Яго пріизводить.
Прихадили грѣшныя души —
Атецъ и мати,
Признасили добрыя мысли
Сваяму дитяти.
А іонъ бягить, какъ лютый звѣрь:
Рячей ня любить.
Якъ стаў іонъ, праклятый сынъ,
Часы змекати:
Приходить тэй часъ-гадина,
Што мати радила.
— «Чаму мяне, малинькыва,
Ни научивала,
На добрыя мысли ни навадила?»
Приходить той часъ-время,
Што въ адъ ступати.
А въ адъ бягить праклятый сынъ
И, схватавши смутки,
Въ адѣ сядить праклятый сынъ,
Кричить рятунку:
— «Рятуй мяне, атецъ-мати:
Я вашъ дитяти.
Луччи было бъ маимъ кастямъ
Червямъ паѣсти,
Чѣмся мнѣ па вѣкъ вѣшный
Въ пекли сѣсти.»

18 б).

Якъ жиў сабѣ чилавѣча грѣшный,
Іонъ ни статэшный,
Зайшоў жа іонъ,
Іонъ на карчомный дворъ,
Іонъ хлѣбу купиў,
Хмѣлю купиў,
Іонъ свой умъ загубиў;
Іонъ бяжить,

Якъ громъ грямить,—
Грямить іонъ мусить;
Пришоў жа іонъ къ атцу, къ матцы,
Рятунки просить:
—«Ратуй мяне отецъ, мати:
Буду паважати!»
Отецъ-мати руку атрясаить
Атъ свайго дитяти:
—«Ни нашъ ты сынъ!»
— Чаму мяне малинькага ни наўчали,—
Частенька розычкыю
Ня стёбывали,
Да Божій абѣдни
Ни пасылавали,
Низкихъ уклоныў
Ни застаўляли укланять,
Акафестыў-малебныў
Ни застаўляли закуплять?!.

18 в).

(Д. Слобода, Смол. у.).

Какъ живў сабѣ чилавѣча,
Іонъ самъ сабѣ ни статэшинъ:
Бягить, якъ лютый звѣрь,
Сматрить, якъ лютый змѣй;
Пызадѣ у яво атецъ-мати
Слезна плачуть, увищають;
Іонъ атца, сваю мать ни слушаить,
Якъ лютый змѣй узглидаить.
Іонъ и думаў жа чилавѣча:
—«Я самъ ища младъ,—
Ни пупаду ў адъ.»
Какъ вѣку яго укаратилыся,
Смерть яво приближилыся,—
Вядуть душу яго ў адъ.
Какъ стаў жа іонъ (3) микать гадины,
Када яво атецъ-мать радила:
—«Чаму жъ мяне атецъ-мать ня ўчила,
Да крывавыга бою ня била?!»

(Отъ старухи Федосьи Сиваёвой).

19.

Ещо сонца ни заходить,
А я спать палажуся:
Я къ спавѣди гатуюся,
Богу ни малюся.
Якъ успомню про тяжкій грѣхъ,
Слезами абальлюся.
Успомни, ўспомни, паштэнный чилавѣча,
На прежнія дары,
Якъ зазвонють ва ўси званы
Къ пасмертный гадини.
Есть у мяне й злато й сребра,
И дарагія шаты.
Ну, хатѣлъ я ўзять съ сабою—
Тамъ, кажуть, ня треба,—
Толька треба одинъ сажинь зямли,
И спасэнія зъ неба.

20.

Житье маё бѣдное!
Прожилъ я свой вѣкъ
Не такъ, какъ челавѣкъ,
Вѣкъ свой живучи,
Бяду тирплючи.
Карабъ у мори,
А я стражду ў гори;
Карабъ у пучини,
Такъ я у кручини;
Какъ вольны бьютца,
Такъ слёзы льютца.
Атстаўлю весь міръ,
Пайду въ манастырь;
Тамъ буду жить

И Богу малить,
И тѣла нурить.
Я тѣла знурю
И кости ссушу,
Кости ссушу,
Ва гробѣ спалажу:
— Кости маи,
Ляжитя тута,
Ждитя кь сябѣ
Страшныва суду.

О, страшный судъ
Всѣмъ пакажить путь:
Праведнымъ душамъ—
Царства нябесная,
Грѣшнымъ душамъ—
Мука вѣшная,
Тьма скрамёшная:
Ни съ исподу дна,
Ни зъ боку акна.

21.

Три чернушечки.

Разставаніе души съ тѣломъ.

Три чарнушачки,
Три сяструшачки,
Валилуй, Госпыди памилуй! [1])
Первая ишла,
Золытъ хрестъ нисла;
Другая ишла,
Кадила нисла;
Третея ишла,
Кануну нисла.
—Три чарнушачки,
Три сяструшачки,
Ай, идѣ жъ вы бували,
А што жъ вы видали?
А мы жъ то бували,
А мы жъ то видали,
Якъ душа съ тѣлымъ
Разстривалыся, 2
Распращалыся:

—«Ты прыщай-ка, тѣла,
Ты прыщай-ка, бѣла,
Табѣ жъ, тѣла,
А ў землю идити, 2
А ў землю гнити,
А мнѣ жъ то, душечки,
Да Бога идити,
Пирядъ Богымъ стати,
Усю праўду скызати.
А што жъ тѣла
У пятницу ѣла,
А ў суботу рана
Да ўсходу сонца,
А ў выскрясення
Да Божжига гласу.
Чаму жъ ты, душачка,
Да ты ни тярпѣла?..

Михаилъ Архангелъ.

22 а).

Страшный судъ.

Свѣтъ Михайла, свѣтъ Архангэль, судья праведный,
Узнесетса свѣтъ Михайла на Сіяньскую гару,
Какъ затрубить свѣтъ Михайла ў семигласную трубу
И пабудить свѣтъ Михайла и живыхъ, и мертвыхъ.
Со вастоку жаркага сонца пратикала рика вогненная.
Во па тэй жа во па рѣчкѣ свѣтъ Михайла идеть,
Свѣтъ Михайла, свѣтъ Архангэль, судья праведный,

[1]) Послѣ каждаго двустишія.

Іонъ и праведныхъ душъ и грѣшныхъ видеть.
Во и праведныи души идуть па вогненный рѣки, якъ по масту,
Воспивають стихи хурувимскіе
Усё по вангельскаму, усё по архангельскаму;
Самъ Исусъ и Христосъ имъ радаетца,
Прасвѣтлый имъ рай растваряетца.
О грѣшныя души, беззаконная раба,
Яны на берегу ўсё й атсталися,
И кричать, и сапять, какъ и темный лѣсъ шумить,
Яны лицы свае и тарзаючи,
Валаса й свае ўсё шарпаючи,
Яны ў вогненную ряку ўсё й брасаючи,
Вой атцоў сваихъ, матерь праклинаючи:
—«Вой а чаму жъ насъ атцы да ня учивали,
Вой ранёшанька ня буживали,
Вой частёшанька розачками усё ня стёбывали,
Вой божихъ малитваў не научивали,
Да божихъ церквоў да и храмоў не пасылывали!
Свѣтъ Михайла, свѣтъ Архангэль, судья праведный,
Ты сымай ты зъ насъ злата и серибра,
И ўсё сильныя багатества!»
—«О, вы, грѣшныи души, беззаконная раба,
Вы не знали ни сяредъ, вой ни пятницеў,
Ни прасвѣтлыхъ жа васкресенникыў,
Ни гадавыхъ жа частныхъ праздничкыў.
Мнѣ ни нада й ваша вой ни злата, ни вой серебра,
Ни ўсё сильная вой багатества:
А я іость я судья праведная,
Ни закупленая и ни запрошеная,
Я сужу передъ Богамъ усё й по праведнаму;
То на бѣлымъ свѣти жили судьи были,
И судили ины васъ ни по праведнаму:
Правага судили, винаватымъ станавили;
Винаватава судили, правымъ станавили.
Вы, грѣшныи души, беззаконная раба,
Идите-ка вы ўдоль па вогненный рякѣ,
Вы ищите броду мелкага:
А ня будить жа вамъ вой и не пекла, и не рай,
Вой атцамъ вой жа вашимъ пригатоўлина тьма,
Тьма врамёшная!»
    Вой мы ета пяёмъ грѣшницу,
Мы старымъ людямъ на спакаяння,
А младымъ людямъ мы на разумъ даёмъ.
А славимъ тебе, Христе Боже нашъ!

22 б).

Какъ придеть намъ время препаслѣднее,
Будить грѣшнымъ душамъ разсуждэніе,

А праведнымъ васкресеніе.
Спродвѣщаеть грѣшнымъ душамъ свѣтъ Михайла:
—«Вы, грѣшные, беззаконные рабы,
Вы не имѣли ни среды, ни пятницы,
Ни Божжига дня васкресенія!»—
Прадвѣщаеть грѣшникамъ самъ Исусъ Христосъ:
—«Вы Божжихъ малитвъ ня слушивали,
Сваихъ тайныхъ гряхоў не спавѣдывали!»
Какъ узыйдеть Михайлу на Сіонскую гару,
Какъ затрубить свѣтъ Михайло въ семигласную трубу,
Всѣ мертвые паўстануть на страшный судъ,
Всѣ паўстануть.
Чараўницамъ и блудницамъ
Пригатовлена тьма неўкрамѣшная,
Кипить смала неуталимая,
Гарять агни неугасимые.
Тады черезъ рѣку черезъ огнянную перехажіють
Праведныя души по правый рукѣ,
Грѣшныя па лѣвый.
Праведныя пашли черезъ огненну рѣку,
Какъ пó мысту и якъ пó саду:
Какъ іость мѣсяцъ ясенъ на небесѣ,
Какъ пріясныя солнышка на закатѣ,
Пашли аны якъ пó мысту,
И пашли аны якъ пó саду;
Праваждаеть ихъ Гасподь Бохъ
До рая да прасвѣтлыга,
Да царства да нябеснага;
Имъ самъ рай растваряетца,
Самъ Исусъ Христосъ имъ радаетца.
Тады грѣшныя души пашли па огненной рякѣ,
Какъ іость хмара захморёмшись,
Такъ матерь земля занѣмѣўшись;
Тады грѣшныя души кричать:
— «Свѣтъ Михайла Архангилъ,
Бяри атъ насъ злата-серебра,
Всесильныя наша багачества!»
Михайла атвѣщаеть имъ:
— «Я іость судя, непадкупная душа,
Я іость судя праведный:
Да ни нада мнѣ здѣсь
Ни золыта да ни серебра,
Ни ўсё ваша сильныя да багатчества;
Я іость судя, непакупная душа,
Толька мнѣ нада постъ и малитва,
А третія милыстыня подающая,
Ни абсуждэнья, ни абгаваренья,
Третія дѣла милыстыпя подающая.

Вы живали, вы бывали на вольнымъ свѣтѣ,
Пили-ѣли, сами утѣшивались,
На сваю душу грѣхоў многа наключивали,
Судили суды неправедные:
Вы праведныга звинавачивали,
А виннага правымъ ставили,
Вы брали казну неисчисленную,
А клали казну ў сыру матерь землю!»
—Казна, казна, будешъ ли на ўтаромъ причествіи?
—«Буду черви неўсыпующіи на ўтаромъ причествіи.»
Яны ни пиряшли.

22 в).

Якъ ишоў молыдицъ кыла вогнинный ряки,
Іонъ искаў молыдицъ броду мелкыга,
Броду мелкыга, раю свѣтлыга.
На сустрѣчу къ яму Михаилъ Аргангилъ.
—«А ты, добрый молыдицъ, пыкарися ў грихахъ!»
А мае жъ то гряхи нивяликія были,
Нивяликія были, да й ни малинькіе:
Атца съ матирью абругаў.
Якъ ишоў молыдицъ кыла вогнинный ряки;
Іонъ искаў молыдицъ броду мелкыва,
Броду мелкыга, раю свѣтлыга.
Якъ ступиў молыдицъ пы калѣна ў ваду,
Въ ваду, ў кипучую смалу.
Я па полюшку хадиў и заломы заламляў,
Да и споръ вынимаў, а людей галодныхъ астаўляў.
Якъ ступиў молыдицъ да па поясъ у ваду,
У ваду, у кипучую смалу.
У кароў мылако атымаў,
Да падъ бѣлую бярёзу выливаў.
Якъ ступиў молыдицъ да па шыю ў ваду,
У ваду, у кипучую смалу.
Я законы разрушаў,
Гарючія слёзы праливаў.
Якъ ступиў молыдицъ—дыкъ и шапка пуплыла,
Да тамъ и патануў.

Аниконъ.

23 а).

Ой, сы горъ, сы дали, сы Сіянскый гары,
Туда йшолъ-прашолъ маладой Аниканъ,
Іонъ и плачучи и рыдаючи.
На сустрѣчу самъ Сусъ Христосъ.

—«Ты чаво плачишъ, маладой Аниканъ?»
—Охи, Госпади, самъ Исусъ Христосъ,
Какъ жа мнѣ ни плакать?
Залатэя ключи у моря ўпустилъ,
Царькоўныя книги утирялъ.
—«Ты ни плачъ, ни рыдай, маладой Аниканъ!
Сіянъ моря мы высушимъ,
Залатой ключъ мы вытащимъ,
Царькоўную книгу мы выпишимъ».

23 б).

Дарогаю широкау, 2
Туда йшоў-прайшоў мыладой Аникынъ,
Іонъ плачучи, ўзрыгаючи;
На сустрѣчу къ яму Самъ Гасподь Богъ:
—«Чаво плачишъ, мыладой Аникынъ?»
—А якъ жа мнѣ ни плакаўши:
Залату книгу самъ я ўтиряў,
Залатыя ключи ў моря ўпустиў.
—«Ни плачъ, ни рыдай, мыладой Аникынъ:
Зылату книгу сами выпишимъ,
Синія моря сами высушимъ;
Зылаты ключи самъ ты вазьмешъ,
Пріукрасный рай самъ ты атапрешъ,
У прикрасный рай самъ ты увайдешъ».

23 в).

(С. Шаталово, Смол. у.).

Ишоў старицъ,
Старицъ па дароги,
Старицъ па широкый,
Трыстиною апирался.
Трыстина абламилась,
Старицъ ужасныйся.
На сустрѣчу старцу
Самъ Гасподь Богъ:
—«Што жъ ты, старецъ,
Сильна плачишъ и рыдаешъ?»
—Пытиряў я злату книгу,
Бизъ царькоўныга бязъ причту,
Бизъ Гасподня павялѣньня...

24.

Молитва всѣмъ святымъ.

Братья далжны Богу малить,
Христа милысти прасить
За ўвесь домъ благадатный.
Сахраняй васъ и памилуй
Самъ Христосъ, Царь Небесный.
Васкресенія Христова,
Жиўначальная Тройца,
Пятница Праскавея,
Христатерпица Христова,
Скорая памощница,
Многая атъ бѣдъ заступница.
Сахраняй васъ и памилуй

Святителе вотче Никола
И великій чудатворецъ,
Свѣтъ Михайла Архангелъ
И Гавріилъ Архангелъ,
И вселенный учитель
Василій Великій,
И Григорій Богословъ,
Святой Іоаннъ Златоустъ,
И Арсентій преподобный,
И Антипе преподобный,
Іоаннъ Богустрадатель,
Антоній, Ѳядосій,
Пячерскіе святые,
Святой Милъ преподобный,
Святой Хролъ-Лаверъ,
И Власій Первосвященный,
Мамонтій преподобный,
И Василій Русаринскій,
Хванасій и Кириллъ,
Александрицкіе святые,
Василій Блаженный,
Даніилъ Заточникъ,
Игнатій Богоносецъ, 2
Симеонъ Богопріимецъ,
Андрей Первозванный,
На воздухахъ Богу молитца.
  Сахрани васъ и памилуй
Казьма Божій, Димьянъ,
Ягорій Храбрый,
Святой Сергивъ преподобный,
Засимъ и Саватій,
Салавимскіе святые.
  О избави, Госпади,
Атъ нужды, атъ печали,
Атъ великой злой кручины,
Лиха, злова челавѣка,
Атъ напраснывa слова.
Ферувимъ и серафимъ,
Богъ-атецъ Акимо́нъ—
Усё небесная сила.
О Степанъ, Божжій папутчикъ,
А Микита заступщикъ,
  Сахрани васъ и памилуй
Са ўсѣмъ домамъ благадатнымъ,
А падай вамъ, Госпади,
Всѣмъ тѣлеснага здравія,
Душамъ вѣчнага спасенія.
Святой Илья надилящій,
Надиляй васъ, Гасподь,
Хлѣбымъ-солью,
Благадатью Гасподней;
А падай вамъ, Гасподь,
На многія лѣта жить
Атъ нынѣ да вѣку!

21.

Молитва, чтобы скотъ былъ здоровъ и благополученъ.

Святый Хролій, Ягорій,
  Саблюди, Божа, лаша̀дъ вашихъ!
Святый Власій, Ахванасій,
  Саблюди, Божа, красуль вашихъ!
Святый Настасій приўкрасный,
  Саблюди, Божа, авецъ вашихъ!
Святый Василій Кусаринскій,
  Саблюди, Божа, свиныкъ вашихъ!
Святый Ягорій пріухрабры,
  Саблюди, Божа, и памилуй
Живата вашига, статку
Атъ всякыга упадку:
Атъ звѣря и атъ змѣя,
Атъ усякыга врага-супастата,
Атъ злога языка, атъ дурнога глаза!
  Сахраняй, Божа, и памилуй

На ранныхъ, на вучорныхъ,
На вячернихъ, на суборныхъ,
А идѣ травушки зъѣдаютъ,
Идѣ расину сапиваютъ,
Христа на помычь призываютъ.
Стань жа вамъ самъ Сусъ Христосъ на помычъ,
Святый вангелъ на радысть,
Багародица на милысть,
Святый Илья Богъ надилящій,
Спасъ Миколушка малящій,
Надѣляй домъ хлѣбымъ-сольлю,
Всякуй Божжу благадатьтю,
Госпади многамилысливый!

22.

Двѣнадцать пятницъ.

1. Вяликыя збранная ў гаду пятница на первый нядѣли посту вяликыга. Па чомъ ина збранная вяликая первая ў гаду пятница? Братъ брата бѣлымъ камнимъ убилъ, была многа на зямли акрававленія. Каторый челавѣкъ будить яе пастить ету пятницу пастами, малитвами, тотъ челавѣкъ атъ наносный хваробы сахраненъ будить и памилованъ.

2. Вяликыя збранныя ў гаду пятница проти празника Гаврила Благавястителя. Въ нее праўзышло зачатіе Духа Святога; каторый челавѣкъ яе пастить пастами и малитвами, низкими зямными паклонами, тотъ же челавѣкъ атъ двинацыти нутряныхъ балѣзниў сахраненъ будить и памилованъ.

3. Третія вяликыя збранная ў гаду пятница проти празника Пасхи Вяликый. Жиды Христа распинали са врагами са Пилатами, су ўсею силыю сваею. Тотъ челавѣкъ, каторый будить яе пастить пастами, малитвами, низкими зямными паклонами, тотъ челавѣкъ атъ бѣдности и скудности сахраненъ будить и памилованъ.

4. Проти празника Вазнясенія Христова вяликая и збранная ў гаду пятница. Каторый челавѣкъ яе будить пастить пастами, малитвами, тотъ челавѣкъ изъ женскага пола атъ причинушиў малалѣтнихъ сахраненъ будить, изъ мужскога полу—атъ вяликыга грѣха нападенія.

5. Проти празника Духа Святога Троицы вяликая и збранная ў гаду пятница. Сходиў Исусъ Христосъ съ неба на землю и свѣтилъ Христосъ на землю. Каторый челавѣкъ яе будить пастить пастами, малитвами, низкими зямными паклонами, тотъ челавѣкъ у лѣсихъ и балотихъ атъ нахальной смерти сахраненъ будить наўсигда и памилованъ.

6. Проти празника Ильи Прарока вяликая збранная ў гаду пятница. Каторый челавѣкъ будить яе пастись пастами, малитвами, низкими зямными паклонами, тотъ челавѣкъ отъ небесныва ўдару ў доми сахраненъ будить, а ў поли атъ люта звѣрья наяденія.

7. Проти празника Спаса вяликая збранная ў гаду пятница. Гасподь преабразился предъ учениками. Каторый челавѣкъ будить яе пастить пастами, малитвами, тотъ челавѣкъ безъ пакаянія ни умреть.

8. Проти празника Успенія Христовыга вяликая збранная ў гаду пятница. Каторый челавѣкъ будить пастить яе пастами, малитвами, низкими зямными паклонами, тотъ челавѣкъ избавленъ будеть и памилованъ отъ зубной боли и схажденія крави.

9. Проти Ивана Предтечи Посныга вяликая збранная ў гаду пятница. Каторый челавѣкъ будить пастить яе, тотъ челавѣкъ атъ 12-ти галавныхъ балѣзней залатухъ сахраненъ будить и памилованъ.

10. Проти Михаила Великыга Архистратига вяликая збранная ў гаду пятница. Хто ету пятницу пастить будить пастами, малитвами и низкими зямными паклонами, тотъ же челавѣкъ атъ звѣря шальнога и атъ сабаки сахраненъ будить и памилованъ.

11. Проти празника Ражества Христова вяликая збранная ў гаду пятница. Хто ету пятницу пастить будить пастами, малитвами и низкими паклонами, тотъ челавѣкъ въ лѣсахъ и балотахъ атъ бальшога пасѣку, заблудный смерти и атъ залиўный сахраненъ будить и памилованъ.

12. Проти Богоявленія Христова великая збранная ў гаду пятница: Исусъ Христосъ крестился съ апосталами и су ўсѣми нябесными силами. Не мѣйте вы, братцы, 12 избранныхъ у гаду пятницъ, памѣйтя, братцы, ету пятницу. Хто ня будить пастить яе, мужъ съ жаною пайдуть на беззаконія, народитца прамежда ихъ дѣтища нядобрая: либа воръ, ли суятимъ, ли кливятникъ, али вяликая пьяница, или бальшой чарадѣйникъ. Каторый челавѣкъ будить пастить ету пятницу, тотъ челавѣкъ на окончаніи сваей смерти увидитъ Божію Матирь са свячою, и зачислитца яго душа въ книгахъ іерусалимскихъ.

На ранныхъ, на вучорныхъ,
На вячернихъ, на суборныхъ,
А идѣ травушки зъѣдають,
Идѣ расину сапивають,
Христа на помычь призывають.
Стань жа вамъ самъ Сусъ Христосъ на помычъ,
Святый вангелъ на радысть,
Багародица на милысть,
Святый Илья Богъ надилящій,
Спасъ Миколушка малящій,
Надѣляй домъ хлѣбымъ-сольлю,
Всякуй Божжу благадатьтю,
Госпади многамилысливый!

22.

Двѣнадцать пятницъ.

1. Вяликыя збранная ў гаду пятница на первый нядѣли посту вяликыга. Па чомъ ина збранная вяликая первая ў гаду пятница? Братъ брата бѣлымъ камнимъ убилъ, была многа на зямли акрававленія. Каторый челавѣкъ будить яе пастить ету пятницу пастами, малитвами, тотъ челавѣкъ атъ наносный хваробы сахраненъ будить и памилованъ.

2. Вяликыя збранныя ў гаду пятница проти празника Гаврила Благавястителя. Въ нее праўзышло зачатіе Духа Святога; каторый челавѣкъ яе пастить пастами и малитвами, низкими зямными паклонами, тотъ же челавѣкъ атъ двинацыти нутряныхъ балѣзниў сахраненъ будить и памилованъ.

3. Третія вяликыя збранная ў гаду пятница проти празника Пасхи Вяликый. Жиды Христа раснинали са врагами са Пилатами, су ўсею силыю сваею. Тотъ челавѣкъ, каторый будить яе пастить пастами, малитвами, низкими зямными паклонами, тотъ челавѣкъ атъ бѣднасти и скуднасти сахраненъ будить и памилованъ.

4. Проти празника Вазнясенія Христова вяликая и збранная ў гаду пятница. Каторый челавѣкъ яе будить пастить пастами, малитвами, тотъ челавѣкъ изъ женскага пола атъ причинушиў малалѣтнихъ сахраненъ будить, изъ мужскога полу—атъ вяликыга грѣха нападенія.

5. Проти празника Духа Святога Троицы вяликая и збранная ў гаду пятница. Сходиў Исусъ Христосъ съ неба на землю и свѣтилъ Христосъ на землю. Каторый челавѣкъ яе будить пастить пастами, малитвами, низкими зямными паклонами, тотъ челавѣкъ у лѣсихъ и балотихъ атъ нахальной смерти сахраненъ будить наўсигда и памилованъ.

6. Проти празника Ильи Прарока вяликая збранная ў гаду пятница. Каторый челавѣкъ будить яе пастись пастами, малитвами, низкими зямными паклонами, тотъ челавѣкъ отъ небесныва ўдару ў доми сахраненъ будить, а ў поли атъ люта звѣрья наяденія.

7. Прoти празника Спаса вяликая збранная ў гаду пятница. Гасподь преабразился предъ учениками. Каторый челавѣкъ будить яе пастить пастами, малитвами, тотъ челавѣкъ безъ пакаянія ни умреть.

8. Проти празника Успенія Христовыга вяликая збранная ў гаду пятница. Каторый челавѣкъ будить пастить яе пастами, малитвами, низкими зямными паклонами, тотъ челавѣкъ избавленъ будеть и памилованъ отъ зубной боли и схажденія крави.

9. Проти Ивана Предтечи Посныга вяликая збранная ў гаду пятница. Каторый челавѣкъ будить пастить яе, тотъ челавѣкъ атъ 12-ти галавныхъ балѣзней залатухъ сахраненъ будить и памилованъ.

10. Проти Михаила Великыга Архистратига вяликая збранная ў гаду пятница. Хто ету пятницу пастить будить пастами, малитвами и низкими зямными паклонами, тотъ же челавѣкъ атъ звѣря шальнога и атъ сабаки сахраненъ будить и памилованъ.

11. Проти празника Ражества Христова вяликая збранная ў гаду пятница. Хто ету пятницу пастить будить пастами, малитвами и низкими паклонами, тотъ челавѣкъ въ лѣсахъ и балотахъ атъ бальшога пасѣку, заблудный смерти и атъ залиўный сахраненъ будить и памилованъ.

12. Проти Богоявленія Христова великая збранная ў гаду пятница: Исусъ Христосъ крестился съ апосталами и су ўсѣми нябесными силами. Не мѣйте вы, братцы, 12 избранныхъ у гаду пятницъ, памѣйтя, братцы, ету пятницу. Хто ня будить пастить яе, мужъ съ жаною пайдуть на беззаконія, народитца прамежда ихъ дѣтища нядобрая: либа воръ, ли суятимъ, ли кливятникъ, али вяликая пьяница, или бальшой чарадѣйникъ. Каторый челавѣкъ будить пастить ету пятницу, тотъ челавѣкъ на окончаніи сваей смерти увидитъ Божію Матирь са свячою, и зачислитца яго душа въ книгахъ іерусалимскихъ.

Прибавленіе къ стр. 262.

Пивныя пѣсни.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Порѣчскаго уѣзда, напр., въ Иньковщинѣ, къ большимъ праздникамъ варятъ общественное пиво. Такъ, по народному выраженію, справляютъ Покровщину, Михайловщину, Никольщину, Ягорьевщину. Бываютъ и частные случаи, когда варится пиво. Если во дворѣ что-нибудь не ладится, напр., скотъ не ведется, то даютъ обѣщаніе къ какому-либо небольшому празднику наварить пива и угостить имъ всѣхъ родственниковъ ближнихъ и дальнихъ, а также иногда и сосѣдей. Такое обѣщаніе называется *оброкомъ*. Заурядныя угощенія во время большихъ праздниковъ идутъ обычнымъ чередомъ; ихъ дѣлаетъ и бѣдный мужикъ, соображаясь со своими скудными средствами.

Если деревня большая, то для общественнаго угощенія каждый хозяинъ ссыпаетъ въ складчину мѣрку жита, изъ котораго растятъ солодъ и отдаютъ его пивовару, отличающемуся умѣньемъ приготовлять хорошее пиво.

Во время этихъ праздниковъ, какъ это случается и на всякой пирушкѣ, поются разгульныя пѣсни. Многія изъ нихъ относятся собственно къ весеннему или зимнему циклу, но пріурочились мало-по-малу къ веселымъ праздникамъ вообще и, наряду съ пирушечными пѣснями (см. стр. 276), получили въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ общее наименованіе *пивныхъ*.

СЛОВАРЬ[1]).

А.

Аба́палъ, нарѣч. — по обѣ стороны (647).

Абасо́дь—повел. накл. отъ обсадить (223); срв. пасо́дьтя (622).

Абгарну́тца, у́сь, — укрыться, обложиться (552).

Абгі́бычка, и—загнутый край пирога, лепешки, въ родѣ вотрушки (49).

Абдерза́ть, а́ю — обдергать, растерзать (661).

Аблачи́на, ы—облачко (174).

Абмишэ́нитца, нюсь—ошибиться, дать промахъ (460).

Абмыня́ть, я́ю—обманывать (597).

Аббра, ы—веревка, ремешокъ или лыко у лаптя для привязыванія его къ ногѣ и для обвязыванія онучъ отъ ступни до колѣна (214).

Абрата́ть, а́ю—надѣть оброть (351), отъ **абро́ть** (11). Срв. **забрата́ть**.

Абъерши́ть, у—опушить, обшить по краямъ шубу (257). См. **и́ршинька**.

Абыва́ть, а́ю — обувать (613); абувать (611).

Аграме́нный, — огромный (8).

Адима́нская вѣра; срв. царища Адиманища (640).

Акимо́нъ—сокр. изъ Іоакимъ и Анна (689).

Алиши́тца, у́сь—лишиться, потерять (1); срв. атлишитца.

Ампера́тарница, ы — императрица (609).

Ангалъ, а́нгылъ, а — ангелъ (649, 651); срв. вангылъ, янгиль.

Ангыла, ва́нгыла—евангеліе (644).

Андара́къ, андыра́къ, а — юпка (6, 298); отсюда: **андара́шница**—юпочница, любящая рядиться въ юпки, — признакъ зажиточности (194).

Апе́канъ, а—чортъ (648); срв. пекѐльный.

Аре́люшки, мн. ч., уменьш. форма отъ (а)**ре́ли**—первонач. качели (др.-русск. рѣли, отъ рѣяти), потомъ переносно: висѣлица (603, 604).

Арла́нъ (человѣкъ)—? (37); м. б. подобный орлу, бодрый, хватъ. Есть орлиной породы птица **орла́нъ** (Haliaëtus), но знакома ли она бѣ-

---

[1]) Этотъ списокъ составлялся мною по мѣрѣ печатанія текста. Сюда внесены менѣе обычныя по формѣ и по значенію слова, при чемъ значеніе пояснено главнымъ образомъ примѣнительно къ данному мѣсту. Знакъ вопроса означаетъ или предположительное толкованіе или совершенно неясный смыслъ слова. Числа указываютъ на страницы, гдѣ данное слово можно найти, но при этомъ не имѣлось въ виду указать всѣ мѣста употребленія каждаго слова. Слова̀, взятыя для сравненія у Носовича, каждый разъ отмѣчены (Нос.). *Н. Я.*

лоруссамъ, намъ неизвѣстно. Не принадлежитъ ли это слово къ составу условнаго языка?

Арлóў (**вянóкъ**)—? дословно: принадлежащій орлу, орлиный,—родъ похвалы. (579).

Арнадéръ, а—гренадеръ (620).

Арѣшка, **и** — орѣшина, орѣховый кустъ (216).

Аршáвскій—варшавскій (523).

Асéть, **асѣть**, **и**—овинъ (120).

Асóтъ, **у**—колючая трава, бурьянъ, чертополохъ (54).

Астрахáнъ, муж. р.—Астрахань (615); также Острахня (610).

Асьмётыкъ, **ашмётыкъ**, **тка**—соръ, тряпьё, все что должно быть сметено, выброшено (4, 5).

Аташнíся, повел. накл. — очнись проснись (653); ашнíтись (669).

Атвѣдать, **аю** — провѣдать, навѣстить (327).

Атвячóрка, **и**—вечернее собраніе молодежи; сокращ. 'твячóрка (464).

Атгукнýтца, **ýсь** — отозваться, откликнуться (298).

Атказáть, **жý**—отвѣтить (154).

Аткаснýтца, **ýсь**—отстать, отвязаться (609, 617).

Атлешúть, **шý**— отдѣлить, отрѣшить (41); срв. слѣд. слово.

Атлишúтца, **шýсь**—перестать, потерять возможность (571); срв. атлешить, алишить.

Атмылятца, **яюсь**—отмаливаться, отпрашиваться (541).

Атóпыкъ, **пка** — лапоть, башмакъ стоптанный (4); лапатки-растаплётки (267)—то же, что въ вр. стихѣ о Горѣ-злочастіи: лапотки-отопочки.

Атрýтушка, **и**, уменьш. отъ атрýта—отрава, ядъ (585).

Атумáнъ, **атумáнища** — атаманъ (613); сокращ. 'тумàнъ.

Атчинúть, **ню**—отворить, открыть (312).

Атыдýся, буд. — отойду, отдѣлюсь 370).

Ашмётыкъ—см. асьмётыкъ.

Б.

Багдáй (Богъ дай) — при восклицаніяхъ, проклятіяхъ: чтобы, кабы (225).

Багýнъ, **ý**—названіе болотной травы (63).

Бажáть, **áю**—сильно желать (481).

Бакúтывый (вм. блакитовый, блакитный? поль. błękitny, синій, голубой)—цвѣтъ ленты (40).

Балтунýть, **ý**—бултыхнуть въ воду (149).

Балтýха, **и**—1) кушанье изъ разболтанной муки, болтушка (254); 2) болтунья, говорунья.

Барúсывый—барбарисовый,—эпитетъ водки (373).

Бархóўка, **и** (вар. литаўка)—вм. бахурка? (Нос)., развратница? (104, 105); по мнѣнію составителя—бухарка, татарка.

Бать,—сокращ. зват. п., вм. батя, батька (7).

Баўты́,—см. боўтъ.

Бáхарь, **я** — 1) краснобай, волокита; 2) парень, играющій роль жениха на святочныхъ игрищахъ (5); то же, что бахуръ (Нос.).

Безпрашпóрный — безпаспортный (572).

Бéрда, **ы**; предл. пад. у бярдѣ—бердо въ кроснахъ, родъ гребешка изъ тростника или деревянныхъ пластинокъ, между которыхъ продѣваются нитки основы (18, 147); отсюда уменьш. **бéрдичка** (17), глаг. **бердúтца** (ониткахъ)—продѣваться, проходить въ бердо (148).

Береснúкъ, **á** — большой горшокъ, оплетенный иногда берестою (466), срв. бирястéнь (615), **берестень** (Нос.).

Бизстатэ́чный—безпутный (682); срв. статэ́шный.

Бизращо́тный—безсчетный, неисчислимый (403).

Бирвянцо́ — бревно (125), уменьш. отъ бервено, берно (Нос.).

Биржа́вская (дорога) — большая, по которой ѣздятъ биржевые извощики (523).

Би́рычка, и, уменьш. отъ бирка — палочка для счета (234).

Бирясте́нь — горшокъ (615); срв. береснинъ.

Би́тя, повел. накл.—**бейте** (475).

Благу́шка, и—поганка, грибъ (48).

Блимене бликувала—? испорч. мѣсто въ оригиналѣ (672).

Бло́нье, я (па бло́нью)—поле, равнина (19).

Бой, ю — побои (683); срв. **пабо́й** (219).

Бо́лози (срв. др.-р. болозѣ) — на благо, къ добру, хорошо (72).

Бо́рдики, мн. ч.—борти пчелиныя (174).

Бо́утъ, мн. ч. **бауты́**—болтъ, палка съ полымъ концомъ, которою загоняютъ рыбу въ снасть (7).

Бра́тчикъ, бра́хнинька—уменьш. и ласкат. формы отъ братъ (106...).

Бра́уныя (скатерти),—вм. браныя, тканыя узорами (652).

Бре́кать, аю—брезговать, пренебрегать (467).

Бру́дный—грязный, мутный (315).

Брушни́чка, и—уменьш. отъ брушни́ца—брусника (203, 520).

Брыкли́вый—эпитетъ комара, овода (194); заставляющій скотину брыкать, бѣгать.

Брыль, я́ — шляпа муж. съ полями, преимущественно соломенная (87).

Брязгота́ть, чу́—звенѣть (255).

Бури́ная (тялушичка)—бурёна, эпитетъ коровы (327).

Бури́ще, а— удалецъ, весельчакъ; гуляка (219); вѣроятно, въ связи съ глаг. бурмова́ць (Нос.), бушевать, шумѣть.

Бу́цца, бы́тца—будто (6...).

Бы́бля, и—библія, священная книга вообще (533).

Бязго́душка, и—невзгодушка (442).

Бярда́?—см. берда.

Бяре́мичка, ср. р. уменьш. отъ беремо (Нос.)—охапка (183).

Бяреше́чныи (шляпы) — вм. бережечныи, съ берегами, полями (55).

'бъ=объ, предл. (624); срв. **ибъ.**

Бы́синька, и—ласк. отъ быкъ (479).

В.

Вадли́вый—эпитетъ овода, неотвязчивый (194).

Ваде́нь, дня́—оводъ; мн. ч. вадни́, ёў, съ эпитетомъ брыкливые (194).

Вадъ, а—адъ (680).

Вайто́уна, ы—дочь войта (225).

Валача́щая—потаскуха (431).

Валаче́бни(че)къ,(ч)ка — поздравитель съ праздникомъ Рождества Христова (171...).

Ва́линь, льня — уваленъ, лѣнтяй (515).

Ва́лка, и—свалка, шумъ, гамъ (2).

Ва́нгыла—евангеліе; срв. а́нгыла.

Ва́нгылъ, ва́нгелъ (690), см. **ангалъ.**

Ванхве́ртъ — слово условнаго воровского языка, по мнѣнію составителя—ударъ, иначе манфертъ (613).

Вапе́рь, пря́—кабанъ (10); уменьш. **вапрючо́къ** (489), **вепрючо́къ, чка́** (36).,

Варабе́й варабе́ичка, варо́бушка, варо́бьюшка (459, 73) иначе: **вирябе́й, виро́бьюшка** (30, 518), **вяре́бьюшикъ** (332)—воробей, воробышекъ.

Ва́рвалъ, ва́рвылъ, а — варваръ (441...).

Варко́та, ы — воркотня, брюзжаніе (375).

Ва́рта, ы—караулъ, стража (499).

Варьё, я́—собират. отъ воръ (372).

Васпитáльня, и—госпиталь (408); срв. шпитáль.

Вастравя́нская (роса)—? (392); вѣроятно, отъ „трава“.

Вастру́жки, мн. ч. — 1) лодочки; 2) стружки отъ строганія (465).

Ватáтца, áюсь — ватажиться, водиться съ кѣмъ (409).

Вáхтаръ, а—вахтеръ, старшой, должностное лицо у помѣщиковъ при крѣпостномъ правѣ (4—5).

Ваювáтца— воевать, драться (621).

Ввеликий-дню — какъ нарѣчіе, на Пасхѣ (376).

Вербóвая (книжка)—вербовочная, со спискомъ рекрутовъ (540).

Вертагу́зъ, а—вертохвостъ, эпитетъ гуся (519).

Верядúть, жу́—вредить (64).

Вёска, и—деревенька (поль. wioska, отъ wieś) (219).

Видѣнья, ср. р.—лицо (326).

Визёный—вязаный (410); срв. вязеный.

Вилувáтый, вилывáтый (о сучьяхъ дуба) — раскидистый, вилообразный (145).

Винэрáлъ,-льша,-льскій; также гинерáлъ, гинирáльчичикъ; янырáлъ,-ушка—генералъ и т. д. (617, 619).

Вирія́, я́—верея (612).

Вирувáть, ую—вѣровать (642).

Вирябéй,—см. варабей.

Виръ, вирь—безъ особаго значенія, въ припѣвахъ (105).

Витáти, áю—привѣтствовать, встрѣчать, поздравлять (585).

Витáтца, áюсь—здороваться, кланяться (280).

Вичóрный—вечерній (26); также вячóрный (690); срв. вучóрный.

Вищувáть, у́ю—привѣтствовать, поздравлять (вм. винщувáть, польск. winshować) (652); въ этой же формѣ значитъ предвѣщать.

Вóбьеть, 3 л.—убьетъ (616).

Вóгнища, ср. р. — костеръ, огнище (318).

Водъ—размноженіе; «денежкамъ ня водъ»—деньги не водятся (575).

Вóйскій—воинскій, военный (617).

Вольнá, ы́—волнà (683).

Врáнцы, мн. ч.—ранцы (636).

Вредá, ж. р.—вредъ (639).

Вужлинятычки, мн. ч., вм. выжлинятычки—выжлята, легавые щенки (243).

Вучóрный—вечерній (690); срв. вичóрный.

Вы́капить, вм. выкупить; отсюда; **вы́капки**—выкупъ (153).

Вы́лу́зю—испорченное слово; вѣроятно смыслъ стиха: во лузяхъ, во зеленыхъ лугахъ (208); срв. юлу́зу.

Вымáть (са шкóлы) — брать домой (659).

Вытапки или вы́тапка—? (153); отъ вытоптать.

Вьéнчушихъ, шка—? названіе птицы (420).

Вѣста, ы—вѣсть? (558); уменьш. **вѣстушка**—? (410).

Вязёный—вязаный(267);срв.визёный.

Вялáя (капуста)—свивающаяся въ головки (462); срв. влр. вилàя.

Вялѣй—лучше (351); можетъ-быть и форму вялѣу́ (252) слѣдуетъ понимать въ смыслѣ нарѣчія, а не глагола; въ обычномъ употребленіи вялѣу́-велѣлъ.

Вярбíчка, и—эпитетъ синички, любящая порхать на вербахъ (519).

Вярéбьюшикъ, шка—см. варабей.

Вясéльля, ср. р.—свадьба (597).

Вяху-вяху, или вяхъ-вяхъ—междом. звукоподр. (о лаѣ собакъ); отсюда глаголъ: **вя́хать**—лаять, вякать (1,376).

Вячéрька, и, уменьш. отъ **вячéря**—ужинъ (278).

Г.

Гавóрка, и—разговоръ (625).

Гáданька, и—уменьш. форма къ сл. гадъ, гадина (583).

Гэдува́ть, у́ю — кормить, воспитывать, растить (345, 473, 650).
Гай, ю—лѣсъ (548).
Гакъ, а̀—гвоздь, крюкъ (5).
Галиня́стый — обыкновенно: голенастый, высокоствольный; здѣсь (549), м. б., обильный вѣтками (о березѣ)? Срв. слѣд. слово.
Гальѐ, я́, собир.—вѣтви, сучья (526).
Гамани́ть, ню́—говорить громко (327), срв. го̀мынъ.
Га́нки, мн. ч. — крыльцо (115); уменьш. га́нычки (160).
Гара́, мн. ч., въ значеніи собир.—горы (574).
Гарацко́й—городской (519).
Гардиро́нъ, а — укоризненное прозвище: гордецъ (432).
Гарьку́ша, и—горькуша, эпитетъ кукушки (339).
Гасти́нецъ, ица — большая дорога (609).
Ги́бинка, и—изгибъ (583).
Глатавня́, и́ — глотка (520).
Глатва́, глытва́, ы́—голытьба (225).
Глу́на ы, — насмѣшникъ, глумливый (432).
Гно́й, ю—навозъ (640); отсюда: пагно́ища (647).
Гнѣзнички, мн. ч.—собачки, щенки одного гнѣзда, выводка (647).
Го́йда—междом. при качаніи (485); гойдать—качать.
Го́мынъ, у—говоръ, шумъ (222); отсюда: гаманить (см. выше).
Горла́чикъ, а—горшечекъ (496).
Грамада́, сущ.,—шумъ, возня (268), вм. рамада́ (срв. малор. ромода́).
Гриба́тый — губастый, рыластый (326).
Гриба́ть, ю—грести, сгребать (466).
Грибяни́, мн. ч.—? (475).
Грузди́ла, мн. ч.—удила (41).
Грункачъ, а—звукоподраж. эпитетъ ворона (596).
Груши́ть, у́—вм. крушить, сокрушать (636).
Грымасти́ть, щу́—громоздить, высоко накладывать (возъ), стлать, (постель), готовить (326).
Грѣха́ нападеніе, — грѣхопаденіе, грѣхъ (690).
Гузни́ца, ы—то же, что жжипія (376).
Гука́ть, а́ю — звать, окликать (298).
Гуркува́ть, у́ю — ворковать (224).
Гы́цыньки, междом. въ смыслѣ сущ. мн. ч.—гулянье, пляски; собственно ласкат. форма глагольнаго междометія: гыцъ! или гоцъ! (298).

Д.

Д' вм. да (618, 619, 623); срв. ды.
Даби́на, ы, отъ доба — пора, время (464).
Дали́ница, ы, уменьш., долина (434, см. опечатки).
Даняка́тца, а́юсь— догадаться, смекнуть (468).
Дарабо́чикъ, чка, уменьш. отъ до̀рабъ—коробокъ, лукошко (7, 172).
Дарабча́стый — лубяной, плетеный (246).
Дасю́ль—доселѣ (218).
Дау́жина́, ы́—долгота, длина (275).
Дау́жѣ́й—дольше, длиннѣе (600).
Двисло́, а́—весло (464).
Дво́ру, нарѣч.—домой (602).
Дергу́нъ, р. п. диргуна́—1) дергачъ, коростель; 2) порывистый въ обращеніи, въ работѣ (488).
Дѣ́убымъ сѣсть (о промокшемъ сѣвѣ) —? (476); затянуться уборкой?
'динота, вм. адино̀та: **па'дино́ти**— по одиночкѣ (309); срв. 'дна́коли.
Дитю́къ, дятю́къ, а́—парень (120, 432).
Ди́у́ный—странный, чудной, удивительный (506).
Диу́бану́ть, у́ — долбонуть, клюнуть (5).
Дли предл.—подлѣ (621); срв. ли.
'дна́коли, вм. адна́коли: **на'дна́коли**—въ одиночку, отдѣльно (309); срв. д'инота.
Дро́бный—мелкій, маленькій (543).

Дронъ, у—дранка, тесъ (479); срв. дорница—дранка (Нос.).
Дрыбйть, блю — дробить, особый пріемъ въ пляскѣ (37).
Дрыжѣть, ў—дрожать (242).
Дунáть, áю—1) дуть, вздувать, задувать (547); 2) думать (636).
Дурвя́га, и,—бранное слово, дуракъ, дура (153).
Ды, союзъ—да (38, 623); также д'.
Дыкъ, союзъ—такъ, то (157).
Дѣ—гдѣ (619); срв. идѣ.
Дѣжá, й—квашня для тѣста (561); уменьш. **дѣжка** (145), **дѣжичка**-квашéничка (73).
Дя́вылъ, а—дьяволъ (650).
Дяльбá, ы́——дѣлежъ (605).

Е.

Ены́—они, онѣ (563); срв. іонъ, ина, яна, яны.
Етытъ, éта, éти—этотъ (674, 227, 325, 678), срв. эстый (677).

Ж.

Жáлабный — жалостный, имѣющій сожалѣніе (439).
Жáланье, я—жалованье (554).
Жáлыба, ы, чаще жалóба — трауръ (602).
Жанжáры, мн. ч.—? какое-то растеніе (268).
Жартъ, а—шутка, шалость (499).
Жáўна, ы—жолна, птица (519).
Жáўранакъ, нка—жаворонокъ (578), срв. жираўлёначикъ.
Жжипíй, й—pars posterior (306).
Жираўлёначикъ, чка — жаворонокъ (578), срв. жаўранакъ.
Жлýктить, чу—бучить, вываривать, вымачивать въ щелокѣ бѣлье, сложенное въ жлукто, т.-е. кадь безъ дна, обыкновенно выдѣлываемую изъ цѣльнаго комля (135).
Жмéня, и—горсть (295).
Жóдный—каждый (629).

Жбраў, ва—журавль (5,85).
Жóстка нарѣч. — сердито, жестоко (610).
Журьбá, ы́—печаль, огорченіе (133); отсюда: жури́тца,-юся (292), зажуритца (47).

З.

Заблýдная (смерть)—постигшая заблудившагося (691).
Забратáть, áю — надѣть оброть, взять на оброть (184). См. абратáть.
Завищéў, прош. вр. — завизжалъ (641).
Завѣтъ: въ завѣти нѣту — помину нѣтъ (637).
Загадáть, áю — задумать; задать работу (605).
Загнѣтка, и—мѣсто у печи, печурка для загребанія жара (73); уменьш. загнѣтычка, и.
Загукáти, áю — позвать, закричать кому (100).
Загýў-зарю́ў, прош. вр. —загудѣлъ, заревѣлъ, завылъ (641,646).
Зажури́тца, юсь — загрустить; см. журьбá.
Зазнибѣть: сéрдца зазнибѣла — сердце сжалось, защемило, заболѣло (319); срв. слѣд. слово.
Зазнóба, ы — тоска, скорбь, горе (242); срв. зазнибѣть.
Заивйнить, нію, ви. заинивить — заиндивѣть (14); отсюда: призайнивить (13).
Закугáкыть, ыю—заплакать (о новорожд. ребенкѣ), отъ звукоподр. междом. кугá! (251).
Закурдáй—франтъ, милашка (491).
Закутáть, áю — загнать, запереть скотъ въ закуту, хлѣвъ (312).
Залйвная (смерть)—происшедшая отъ утопленія (691).
Залицáння, ср. р.—ухаживаніе, любезность (432).
Залóмы заламля́ть—извѣстный спо-

собъ колдовства на растущемъ хлѣбѣ на полѣ (167).

Замéта, ы—снѣжный заносъ (612).

Заручи́ть, чу́—посватать, справить заручины (276).

Заря́нычка, и — утренняя зорька, эпитетъ къ слову «дочка» (341).

За́сила, заси́лушка (у постели) — занавѣсъ, пологъ, покровъ (429); срв. силя́ть.

Заскоби́ть, блю́—занозить (15).

Заскугли́ть, лю—завизжать, запищать жалобно (86).

Засмагува́тца, у́юсь — покрыться запекшейся слюной, истрадаться (647,648), срв. смагува́ть, пасма́житца.

Застрѣ́шиння, ср. р. — застрѣха, край соломенной крыши (195).

Затви́лить, лю—жалобно запищать, запѣть (251).

Затива́ть, а́ю—заставлять (507).

Заторну́ть—заткнуть, засунуть (600).

За́ужда, нарѣч.—всегда (649).

За́унаво́й—ноющій (о сердцѣ), унылый (445).

Зацвити́ть, чу́—зацвѣсти (227).

Зача́пливать, 3 мн. **зача́пліють** — зацѣплять (6); срв. чипля́ть.

Звизжа́ть, звизжѣ́ть, жу́—визжать, издавать свистъ (242,349 353).

Згало́уица ср. р. —изголовье (43).

Згаро́да, ы—загорода, изгородь (18).

Зграмасти́ть, щу́, стя́ть—накладывать высоко (43); срв. грымасти́ть.

Згу́кывать пѣсни — запѣвать, спѣваться, пѣть сообща (620).

Зду́мать, аю—вспомнить, подумать (553).

Зе́мчугъ, уменьш. **зимчужо́чекъ, а**—жемчугъ (308).

Зиляпу́шка, и, уменьш. отъ зеле́пуха (Нос.) —зеленая, недозрѣлая ягода (185).

Злакама́ны, мн. ч. — злые (люди), злодѣи (292).

Злёхся прош. вр.—вступилъ въ незаконное сожительство (602); лёгци—лечь (Нос.).

Зли, предл.—возлѣ (139); также вὸзли (666); срв. ли, ля.

Зли́шный—прекрасный, эпитетъ къ слову «панна» (251); поль. śliczny.

Злы́дня ж. р., съ эпитетомъ „лиха́я“ (1).

Зля, предл.—для, ради (665).

Змі́трій, ласк. **Змі́трушка**,—Дмитрій (667, 30).

Змусти́ть, щу́ — смутить, искусить (680), отсюда **змусли́вый** (ibid).

Знива́жить, жу, жатъ — унизить, оскорбить (259).

Зра́дить, жу — обмануть; отсюда: **зра́дничикъ, чка** — обманщикъ (638).

Зрѣ́лка, и—зрѣлая ягода (185).

Зрячѣ́ть, чу́ — то же, что рячи́ть (651).

Зуби́ть, вар. **рубить** (о дождѣ)—сильно идти (476).

Зы́бачка, и, уменьш. отъ зы́бка,—жердочка, на которой вѣшается люлька, и самая люлька (266).

Зъя́вють, 3 л. мн. вм. зьяють, зіяють, т.-е. сіяютъ, освѣщаются (115).

Зязю́личка, уменьш. отъ зязюля — кукушка (135).

И.

Ибъ, и́ба, предл.—объ, обо; срв. ’бъ.

Ивинка, и—ивушка (583).

Игаря́, мн. ч.—егеря (637).

Ивна (ягода)—съѣдобная (и=ѣ); см. и́у́ный, пиу́ный.

Идйти, йдить, йтить—неопр. накл., идти (195, 242, 236); срв. тить.

Идѣ, йдѣ—гдѣ (632, 274); срв. дѣ.

Изрыга́ть, а́ю—рыдать (641), срв. у́зрыга́ть.

Икаво́—каково (50).

Име́ньня ср. р.—имя (652).

Ина́, йна́—она (274, 124). Ино́—оно; айно—въ смыслѣ союза а

(77); ины́—они (685); срв. яна, ены, іонъ.
Иницый, вм. ницый— понившій, обвисшій, нижній,—эпитетъ лозы, вѣтки (207).
Ипя́ть—опять (5).
Ирда́, ы́, - орда (635).
Иршинька, и, уменьш. отъ **ирха, и**—шерсть на шкурѣ, нижняя сторона шубы (257); отсюда: **абъершить**.
Исьменная (узда) вм. **тисьменная**—тесьменная (439); срв. **тисьмо́винькій**.
Иу́ный—то же, что **ивный** (264); см. **пиу́ный**.
Ища—еще (683); **нé ища**—нѣтъ еще (28).

І.

Іонъ—онъ (579...); срв. **ина, яна, яно, ены** и пр.
Іость—есть.

К.

Каблу́къ, а́—клобукъ (54).
Кава́лда, ы—молотъ? (отъ **ковать**? срв. **кова́дло, наковальня**, Нос.). (18); или просто кусокъ желѣза, дерева? (отъ **кàвалъ, кава́локъ**—кусокъ).
Каву́рый—бурый, эпитетъ лошади (263).
Ка́вярзень, зня — лапоть; въ примѣненіи къ человѣку—бранное слово (17).
Ка́жинъ, жна—каждый (2, 17).
Каза́, ы́ — желѣзный приборъ для вкладыванія въ него лучины при ловлѣ рыбы „съ подсвѣтомъ" въ темныя ночи, иначе **казàнъ** или **тагàнъ** (7); также «**коза**» на игрищахъ (8).
Каза́ть, кажу́—1) говорить; 2) показывать (599).
Казёлька, и — уменьш. отъ **казёлъ** (483).
Какува́ть, кукува́ть, у́ю — куковать (597).
Каку́шка, уменьш. **каку́шична**— кукушка (597).
Ка́ла, ср. р.—калъ, нечистоты (480).
Кала, каля предл.—около (345, 217); срв. **кали**.
Калау́ръ, а—караулъ (554).
Кали — около (256); также неоднократно въ обычномъ значеніи: **коли**, когда, если.
Кали́кать и **кули́кать**: въ этихъ глаголахъ, а также въ сущ. **кали́чанька** и **кули́чинька**, повидимому, смѣшаны два понятія: о каликѣ-перехожемъ, пробирающемся по полю, и птицѣ куликѣ, кричащей въ полѣ (616).
Кали́нывый (агонь) — вѣроятно отъ **калить**, жечь (670).
Калицу́я, и—пирушка, собраніе (375).
Калпа́нія, и—компанія (332).
Калыбéнь, кулюбéль, и — колыбель (297).
Каля, предл. см. **кала**.
Каманийца, ы—куманика ягода (204).
Камéзый—камлатый, безрогій,— эпитетъ коровы (263).
Кана́шъ, а́ уменьш. **канашéчекъ, чка** — родъ хлѣба или пирога, кнышъ? или же здѣсь слѣдуетъ понимать примѣнительно къ людямъ, какъ оригинальное выраженіе ласки (**канашъ—каналья?**), въ значеніи: намѣченный женихъ, милашка (215).
Кано́нъ, а—поминальное приношеніе въ церковь (675); **кану́на** (684).
Капаты́, мн. ч.—копыта (17).
Капту́ръ, а́—шляпа, шапка, капоръ, капюшонъ (87).
Карагóдъ, а—хороводъ (3...).
Карба́чъ, а́—кривая палка, сукъ? (120).
Карёжить, жу — бороновать пашню (405).
Карпасы́, мн. ч. —корпуса войско? (620).

Карцы́, мн. ч. отъ каре́цъ, ковшъ (485).
Карчаногі́й—колченогій (518).
Карче́бинька, и—уменьш. отъ карчма́ (226); срв. каршо́бка.
Карче́бница, ы—корчемница, шинкарка (226).
Каршо́бка, и,—уменьш. отъ корчма (370); срв. карче́бинька.
Каря́уна и,—грубая, грязная тряпка, рогожа, мочалка (124).
Каса́стый—эпитетъ селезня (158).
Каснутца, у́сь—кинуться въ сторону (685).
Настёшій—косящатый, объ окнѣ (438).
Кастрама́, Кастраме́цъ, Кастрами́ть, въ игровой (?) пѣснѣ (61).
Кати́ть, чу́ (ягненка) / **Кати́тца, чу́сь** — объ овцѣ, производящей на свѣтъ (326), срв. кы́тычка.
Каутю́хъ, а́—калъ засохшій или замерзшій (2).
Каха́тца, а́юсь — любиться (397); каха́тца съ кѣмъ—любить другъ друга; каха́тца въ чемъ—пристраститься къ чему.
Кахува́рычка, и, уменьш.—кухарочка (517).
Кашу́ля, и,—рубаха (134); уменьш. кашу́лица, ы (311).
Кваку́ха, и—насѣдка (519).
Ке́льня, ке́лна—келія (655).
Кирма́шъ, а—ярмарка (477).
Кирува́ть, у́ю — вертѣть, поворачивать, направлять (8).
Клада́тца, а́юсь — накладываться, быть складываемымъ (466).
Клёцъ, тв. п. мн. ч. **клеца́ми и клица́ми**—зубъ у бороны (241, 361).
Клѣтка, и—клѣть у избы (265).
Коба, союзъ—какъ, какъ бы (78).
Ко́нычка, ср. р., уменьш.—яичко (325).
Ко́ликъ, а, уменьш.—колъ, бревно, жердь (7, 149).
Ко́мчить, у, (**камки́**)—дѣлать, лѣпить комки (напр. изъ снѣга) (378).
Ко́шикъ, а—корзинка (174).
Краве́цъ, уца́—портной (500).
Кра́ли, ей—кораллы, бусы (199).
Крамъ, а—вм. храмъ (241).
Кра́мка, и—лавка, преимущественно съ краснымъ товаромъ (234).
Красато́сть, и—красота, по аналогіи съ маладо́сть (113).
Кра́ска, и—цвѣтокъ; уменьш. **кра́сычка**, (160, 233).
Красна́, сёнъ, мн. ч. — кросна, тканкій станокъ (148); срв. кросны.
Красу́ля, и, уменьш. **красулька, и**—эпитетъ коровы (167, 689).
Кро́сны, енъ мн. ч.—ткацкій станокъ (17); срв. красна.
Крудамжёлтый—рудо-желтый (613).
Крути́ть пама́чу́, собств. вить веревки, см. накрутить.
Кручу́ся, 1 л., вм. крушу́ся — сокрушаюсь, кручинюсь (182).
Кружа́ла, ср. р. — кружало, мѣсто продажи питій (619).
Крыжъ, а—крестъ (179).
Крыса́ть, а́ю—кресать, высѣкать огонь (523).
Кры́шка (во́дки)—стаканчикъ (623).
Кряхте́ль, я́—коростель, дергачъ (92).
Кстины, инъ, мн. ч.—крестины (12); иначе хрёзьбины (ibid.).
Куко́бленье, я—уходъ, воспитыванье, лелѣянье (230); срв. скуко́бысть.
Кукши́нъ, а́—кувшинъ (193).
Кула́га, и—кушанье изъ муки (558)[1])
Кула́жища-неува́жища—первое слово увелич. форма отъ кула́га (см. выше), второе означаетъ неодобрительное отношеніе къ этому кушанью (216).
Куле́шъ и кулѣшъ, у́ — родъ супа съ крупой или мукой (476, 6).
Кули́ка́ть, см. каликать.
Кулюбе́ль, см. калыбень.
Ку́ля, и—пуля (523).
Кума́къ, у́—кумачъ (610).
Купаре́сный—кипарисный (629); срв. купаре́съ (678).

---

[1]) См. Шейна, Великоруссъ, I, 32.

Ку́пина, ы — кочка, копна (583); уменьш. **ку́пинка**, и (340).

Купля́ть, **я́ю**—покупать, купить (274).

Ку́рва, ы — развратная женщина (75); отсюда:

Курвя́га, и—бранное слово также по отношенію къ мужчинѣ (153).

Курнасе́йка, и—курносая, эпитетъ масляницы (74).

Курчи́шка, и—сукъ, обрубокъ (186).

Кусари́нскій — кессарійскій (Василій), иначе Русаримскій (689).

Кутъ, а́ — уголъ, особенно въ избѣ подъ образами (1,14,411,358).

Куча̀рикъ—ласкат. отъ кучеръ (450).

Ку́чки, чекъ, мн. ч. — еврейскій праздникъ кущей (507).

Кучма́ринькій—кучерявый, курчавый (500); кучма—шапка волосъ.

Кучуря́вый (о волосахъ и растеніяхъ)—кудрявый (245).

Ку́шства, ср. р.—кушанье (657).

Кушта́ть, **а́ю** — пробовать, вкушать (680).

Кушья́къ, а́—кушакъ (472).

Кылита́рычка, и, уменьш.—названіе экипажа (450).

Кы́тычка, и, уменьш.—овечка (494); отъ кѝтка—ягненокъ (Нос.); срв. выше катить.

Кыть-кыть! — междометіе, прилагаемое къ овцамъ (494).

Л.

Ла́дки, мн. ч.,—ладоши см. плеска́ть у ладки.

Лажни́ца, ы—постель, кровать, ложе (653, 659); срв. ло́жа.

Ла́зинка, и, уменьш. отъ ла́зьня—баня (256).

Лапатѣ́ть, **чу́**, **тя́ть** — лопотать, о листьяхъ (193).

Ласиня́ты, мн. ч.—лосенята, эпитетъ при словѣ телята; жирные, упитанные (270).

Ласкату́ха, и—болтунья (157).

Латвѣ́й, срв. ст. — легче, пріятнѣе (288, 598).

Лату́шка, и—мисочка (338).

Лень, я—линь рыба? олень? (150).[1]

Летучі́й—дѣеприч. отъ летѣть (610).

Ли, предл. съ р. п.—1) для, ради (27, 289); 2) возлѣ (219); срв. зли, дли, ля,

Ливанты́нывый (платокъ)—шелковый (441)[2].

Лиде́нь, тв. п. **лидянёмъ**—ледышка (120).

Ликъ, у—счетъ (298).

---

[1]) Очевидно, что въ пѣснѣ № 130, стр. 150, надо разумѣть оленя. Игра въ оленя въ старину была извѣстна въ Сибири; она описана въ старинной книгѣ: „Записки и замѣчанія о Сибири, соч. Е—ы......ой (Авдѣевой), съ приложеніемъ старинныхъ русскихъ пѣсенъ“. Москва. 1837. 8, 156 стр. Играющіе составляютъ кругъ; одинъ сидитъ въ кругу; ему поютъ:

Подъ кòренемъ олень,
Да подъ дỳбовымъ олень.
— Тепло ли те, олень?
Студено ли те, олень?
— Мнѣ не то тепло̀,
Мнѣ не то студено̀.
— Пріодѣнься, олень,
Пріокутайся:
Какъ со дѣвушки вѣнокъ,
Со молодушки платокъ,
Со старой бабы шлыкъ,
Со малаго ребеночка пеленочка,
Съ мужичка, бурлачка,
Полъ-кораблючка.

При этомъ сидящій въ кругу оленемъ собираетъ со всѣхъ платки, ленты, когда соберетъ, то ему поютъ:

Сиди, сиди, ящеръ—ладỳ, ладỳ!
На золотѣ стулѣ — ладỳ, ладỳ!
Грызи, грызи, ящеръ — ладу, ладỳ!
Орѣховы ядра—ладу! ладу! (Стр. 118, 119, № 6).

Срв. варіантъ изъ Курской губ. у Шейна, Великоруссъ, I. 51. *Н. Я.*

[2]) Левантинъ—шелковая матерія восточнаго происхожденія (levant—востокъ), теперь вышедшая изъ употребленія.

Ліпья ср. р. — собират. отъ липа (485). „Пойти въ ліпья"—то же, что пойти въ корьё — идти драть кору дубовую для дубильщиковъ, липовую—для лаптей и т. п.

Лисбра, ы, — рессора (617).

Литаўка, и—м. б. литовка; см. бархоўка.

Лічиння, ср. р.—лицо (316).

Лічка (трава)—? (324).

Лбжа, и—постель (445); срв. ложница.

Лбзи: у лбзи, вм. у лўзи? — нъ лугу (208); см. вылўзю.

Лбпнуть, ну—хлопнуть (259).

Лўка, и—лугъ, польск. łąka (160).

Лунёкъ, нька — уменьш. отъ лунь (279,470,487).

Лўскать, аю (арѣшки) — щелкать, лущить (488).

Лўсты—вм. тлустый, жирный? (47); слово лўста—ломоть, краюха (Нос.) здѣсь не подходитъ по синтаксической связи; срв. выраженіе: дѣўка якъ луста—толстая.

Лѣпшій—лучшій (499).

Любжа, и—любовь (49).

Люгáшка, и—лягушка (84).

Ля—возлѣ (219); срв. ли.

Ляда—лядо, мѣсто расчищаемое подъ пашню (28,624).

Лялéтка, и—мелкая мякина, отлетающая при вѣяніи (96).

Лясина, ы—палка, прутъ (267).

Лятўчея, ж. р.—эпитетъ или имя матери Наполеона (624)? по предположенію составителя, это личное имя—Летиція.

М.

Маёнтыкъ, тка—имущество, имѣнье (220).

Мазукáнтъ, а—музыкантъ (7); также **мазукáнщикъ**, уменьш. **мазукáнщичекъ**, чка (617); срв. музыка.

Макбльцистыя (ворота)—по объясненію собирателя, должно означать вращающіяся на колу (465).

Макрица, ы—мокрецъ, зелье растущее на сырыхъ мѣстахъ (219).

Малювáный, **мулювáный** — малеванный, разрисованный (104, 165).

Маркотàть, чў, б чуть,— воркотать (475).

Марзавéцкая шабля (667).

Марцбвый—1) мартовскій; 2) устарѣлый (7).

Мáры, мн. ч.—катафалкъ, носилки (487).

Марявый—морской (156).

Мастюкъ—въ смыслѣ молодецъ, парное слово къ Бастюкъ—Константинъ.

Масьнічки, мн. ч.—доски на мосту (204).

Мастіть, щў, тять—мостить мостъ (204); стлать постель (309).

Матавéцъ, вцá—мотъ, бездѣльникъ, пьяница (471).

Мáтя—мать (615).

Махбвыя (**вадіченька**) — болотная (вода), въ сырыхъ мѣстахъ, поросшихъ мохомъ (333).

Машбкъ, шкў—уменьш. отъ мохъ, болотистое мѣсто (63).

Метлица: **па мéтлицамъ**—по вѣтвямъ? (563).

Мечь—употр. и въ муж. родѣ (623) и въ женскомъ (599, 607, 680).

Мижда—между (624); срв. прамежда.

Мизъ—межъ, между (2); срв. прамизъ.

Микàть, àю—смекать, припоминать (683).

Милъ—Нилъ, имя личное (689).

Миргнўть, ў—моргнуть (325); срв. намирьгàтца.

Мирёница, ы—pars anterior femin. (19); срв. стàсейка.

Миханбша, и—мѣхоноша, носящій мѣшокъ съ подаяніями въ компаніи волочебниковъ (171...).

Мишáлка и **мяшўлка**, и—мѣшалка, лопатка (6, 273).

Мóжа—можетъ быть (339).

Мóрива да мóрива—кажется слова безъ значенія (480).

Морхъ—? слово условнаго воровского языка (613).

Мóщи, мн. ч.—въ смыслѣ мертваго тѣла вообще (649...).

Муздà, ы́ — узда (151); отсюда: **муздàть, помуздàть** — взнуздать (194).

Музы́ка, и—музыкантъ (617); срв. мазукàнтъ.

Му́лка, нарѣч.—жестко, твердо (51).

Мулюзáный,—см. малюваный.

Муруваный—построенный изъ камня, кирпича (165),

Му́рый (кахтáнъ)—желтовато-сѣрый, грязнаго цвѣта (610).

Мухлёука, и—эпитетъ золовки (369), вм. махлёвка, отъ махлевàть—хитрить, плутовать (Нос.).

Мыладия́, и́,—молнія (643).

Мы́чичка, и, уменьш. отъ **мы́чка**—ленъ, конопля для пряденья, кудель (136).

Мѣлъ—мельница (512).

Мѣсикъ, а—мѣсяцъ (315).

Мѣста 1) ср. р.— городъ (621); 2) нарѣч. вмѣсто (631).

Мяжéнный (**денёкъ**) — лѣтній, въ жаркую, страдную пору (261).

Мярлóга, и—берлога (51).

Мятéлица—укоризненное выраженіе о дурномъ мужѣ (213).

Мятлюхъ, á—трава метлица (154).

Мяшкá—вм. мяшокъ, складка? (486).

Мяшу́лка, см. мишàлка.

Н.

Нáбѣлки, локъ, мн. ч. (вѣрнѣе: нàбилки)—подвижная висячая рама въ ткацкомъ станкѣ со вставляемымъ въ нее бердомъ для прибиванія поперечныхъ нитокъ при тканьѣ (132).

Набѣльчатыя (скатерти) — выбѣленныя, изъ бѣлаго холста (610).

Награждэ́ння, ср. р., вм. **нараждэ́ння**—рожденіе, происхожденіе (642); срв. прираждэніе (656).

Надбóшница, ы — побочная жена, любовница (318).

На-двыя́ки, нарѣч. — надвое, неопредѣленно (524).

Назбла, ы, уменьш. **назблушка, и**—досада (379, 146).

Надгаткóви—неправ. форма твор. п. мн. ч.: ноготками цвѣтами (223).

Надиля́щій — надѣляющій, подающій (689, 690).

Накладáть, áю — дѣлать вкладъ (654).

Накасáтца, áюсь—навязаться, пристать, одолѣть (315, 443).

Накрутúть памачу́ — кому-нб. про кого-нб.—наклеветать, насплетничать; см. крутить (373).

Намéтычка, и — уменьш. отъ намѣтка, головная бѣлая повязка замужнихъ женщинъ, выходящая изъ употребленія (96).

Намирьгàтца — наморгаться (202); срв. миргнуть.

На-полъ-старшій — средній по возрасту (541).

Напрóти—1) насупротивъ, навстрѣчу (655); 2) въ отвѣтъ (653); срв. проти.

Напрянýтца, нýсь — накрыться, одѣться (209).

Напрятка, и—одежда, уборъ (377).

Наральля́, вм. ральля́ (см. это слово), подъ вліяніемъ выраженія въ той же пѣснѣ: на ральля́—на пашнѣ. (224).

Нарекáть, áю—1) давать имя (652); 2) изрекать, говорить (651).

Нарóзна, нарѣч.—врозь, въ разныя стороны (149).

Нару́жка, и — насмѣшка, задоръ, своенравіе (298).

Нáсильмя, нарѣч.—насильно, противъ воли (349).

Наскипáть, áю — нащепать, наколоть (лучины) (334).

Насматря́ти, я́ю—присматривать, наблюдать (657).

Насѣда, ы—насѣдка (519).

Нати́на, ы—ботва, зелень у овощей (69).

Нахаве́ть—? слово условнаго воровского языка (613).

Наха́льная (смерть)—нечаянная, насильственная (690).

Нахину́тца, ну́сь—нагнуться, наклониться (351).

Начо́вья, мн. ч. — ночвы, корыта (207).

Начо́тъ надёжи—выраженіе неясное, повидимому значитъ: разсчетъ надежнѣе (465).

Начо́ски мн. ч.—принадлежность или свойство чулокъ? (211).

Нашко́дзиць—напроказить, сдѣлать убытокъ (490).

Нёба—небо, небеса; вин. п. небу (165), на нёбу (81); до̀ неби (72); на небесѣ (686); на небесь (73).

Незмажиз́й—больной, слабый, кому неможется (418).

Не́йди—негдѣ, некуда (14).

Неўва́жища, см. кулажища.

Неўкары́зна (жена)—дурная, лѣнивая, отъ которой нѣтъ корысти, пользы (319).

Неўкрамѣшная (тьма)—кромѣшная; отрицаніе прибавлено подъ вліяніемъ слѣдующихъ стиховъ (686).

Нибыльнэ́й — небывалый, невѣроятный (543).

Низдивитца, влю́сь—не надивиться, удивляться (6).

Никаро́сца—испорченное слово (отъ нехорошій?) (385).

Нильга̀—нельзя (503).

Ни́ства, ср. р.—нищенство, нищета (650).

Нитъ, а—приспособленіе въ ткацкомъ станкѣ для раздвиганія нитокъ основы, состоящее изъ ряда петель, надѣтыхъ на прутья, въ которыя продѣваются нити основы; отсюда глаголъ **ни́титца** (147).

Ниўлада́ніе, я — владѣніе членами (658).

Иiха́й—пусть, пускай (647).

Нойды́, нарѣч. — иногда, случайно (84).

Немерѣча—? (625). **Нимирѐчча**, ср. р., употребляется въ знач. нѐпогодь, ненастье; у Нос. нѐмеречь ж. р.—лѣсная чаща, болотистое мѣсто въ лѣсу, заваленное хворостомъ.

Нури́ть, ю́—изнурять (684).

Нягадли́вый (сынъ)—негодный, негодяй (670).

Ня́рўшъ (собств. повел. накл.: не тронь) — пусть, пускай (335, 567, 587, 646—651).

О.

О̀страхня—гор. Астрахань (610); срв. Астраханъ.

П.

Па’ббы́чику, па’ббы́чію, па’бы́чику—по обычаю, по нраву (331, 350).

Паббли́ть, лію—увеличиться, прибавиться (387).

Паббу́ся, прош. вр.—пободался (480), отъ босць, боду—бодать (Нос.).

Паво́зничикъ, паво́щичикъ, чка—возница, кучеръ, погонщикъ (340).

Павюра́ть (щи́томъ)—? (274); см. щить.

Павѣтка, и—сарай, навѣсъ (73).

Павѣтлі́й, ср. ст. — попривѣтливѣе (209).

Пагно́ища, ср. р.—навозная куча, помойная яма (647); вар.: тлѣнный гной (649).

Пагриба́тца, а́юсь—грести, подпираться весломъ (7).

Падабѣ́линый—подбѣленный, не совсѣмъ выбѣленный (410).

Падби́ўка, и—подкладка, подшивка (478).

Падвóрьрика, ср. р.—подворье, дворъ (270).

Падивúтца, влюся—поглядѣть (46).

Падлѣстя, ср. р.—подлѣсье (114); см. опечатки.

Падля́нка, падля́ночка, и — подлая женщина (402, 457).

Падиáрь, я́—пономарь (10).

Паднивѣстычка, и—подвѣска, привѣска (451).

Падугóльница, ы—прячущаяся или часто стоящая съ компаніей за угломъ (195).

Падурбста—подростокъ? (479).

Пажасчѣй—пожестче, сильнѣе, больнѣе (464).

Пазалúть, лю—позолить, побучить (бѣлье) (410).

Пазю́кать, аю, поболтать, побесѣдовать (22).

Паизвóлить, пайзвóлить—позволить (1, 8, 185).

Паку́та, ы—покаяніе, епитимія (653).

Палàть, áю—вывѣивать зерно, подбрасывая его въ корытцѣ (38).

Палену́ть, ну́—полетѣть (622).

Палéтъ, а—эполетъ (569).

Паливáть, лю́ю—полевать, бродить по полямъ, дорогамъ (226); **пóля паливáть**— совершать подвиги въ полѣ, охотиться (647).

Паличúть, чу́—посчитать (237).

Палишѣть, ѣю—стать хуже, плоше (1).

Палявóй род. п. **палеу́я**—полевой, не домашній, дикій; употреблено въ родѣ пàрнаго слова при „соловей" (316).

Паляки́ страчóные (у рубашки)— родъ вышивки (267); ляховка?

Памачу́ крутúть, см. накрутить.

Памéчиться—сразиться мечемъ (618).

Памяльнúща, ср. р.—палка отъ помела, метлы (62).

Панажи́, бу́—приспособленіе у ткацкаго станка для раздвиганія „нитовъ" посредствомъ нажиманія ногами (147).

Панапéриный (улей) — снабженный перегородками для укрѣпленія сотовъ (174).

Панóсъ, а—зачатіе, беременность (642, 651).

Пану́дить, жу—привести въ нужду, бѣдственное положеніе (223).

Панчóшка, и—уменьш. отъ панчоха, чулокъ (267).

Паня́ть, паймý—взять за себя, въ жены (331).

Пáпарить—папороть (154).

Папéра, ы—бумага (432).

Папы́хивать, аю—развѣваться (402).

Парáда, ы—совѣтъ, помощь (294); срв. парáить.

Парадúтилка, и — родительница, мать (622); срв. родица.

Паражóный, выражóный—порожденный, родной (644).

Парáить, áю—посовѣтовать, помочь (345); срв. парáда, рàда.

Пáрень—паръ, земля подъ паромъ (196).

Парúна, ы—пора, время (464).

Пасáгъ, у—приданое (218).

Пасканни́, éй, мн. ч.—посконь, конопля-безсѣмянница; также пряжа изъ нея (2); отсюда прилаг. **пасканнэ́й**—сдѣланный изъ поскони, пакли (49).

Паскипáть, áю — пощепать, расколоть (30).

Пасмáкитца, усь—испечься, запечься (650); срв. засмагуватца.

Пасóдьтя — посадите (622); срв. абасóдь.

Пастáть, и—полоса хлѣба въ полѣ, занимаемая жнецомъ (255).

Пáстивить—пасти (3, 8).

Пастори—пастыри, пастухи? (666).

Пастрѣщина, ср. р., см. стрѣха.

Пáсѣкъ, у—порубка въ лѣсу, вырубленное мѣсто (691).

Пастыя́лка и—молоко стоялое, но еще не скисшееся (205).

Пасуриúтца (о бровяхъ)—нахмуриться (49).

Пасѣ́чь, ку́—порубить (28).

Паталёчить, чу—потоптать, помять (190).

Патылка, и—затылокъ (642).

Пахаждэння, ср. р.—происхожденіе (642); срв. похождэніе.

Пахо́нный—походный (617).

Пачвяртува́ть, у́ю—почетвертовать, разрѣзать, изрубить на куски (607).

Пачина́льникъ, пачина́льничикъ—запѣвало, коноводъ у волочебниковъ (174...); отсюда прилаг. пачина́льничковъ (172).

Пачо́пка, уменьш. **пачо́пычка, и**—дужка у ведра изъ веревки, ремня, дерева или желѣза (255, 38, 120); срв. почапить.

Пашани́шный (я́шини пышныи, пашани́шныи)—сытный, вкусный? (192); собств. пшеничный.

Пашаве́ньки, пашаве́нички (санки), мн. ч.—пошевни (296, 69).

Паше́нюшка, и—уменьш. отъ пашня (379).

Пашива́ливать, аю—пошевеливать (613); срв. шаволить.

Па́шки, мн. ч., въ выраженіи: падъ па̀шки—подъ мышки, подъ руки (296, 511).

Пеке́льный—адскій (650); отсюда **пяке́льникъ** (ibid.)—чортъ; срв. апе́канъ.

Пёряпо́йный—относящійся къ перепою, обычаю на свадьбѣ (652).

Пилува́ть, у́ю—пилить (640); въ переносн. смыслѣ—корить.

Пилясина, ы—полоса, полость (напр. свиного сала) (178).

Пирьха́ть, а́ю—перхать, кашлять, чихать (50).

Пирявб́дина, ы—перекладина, балка потолочная (12).

Пирапе́чечка, и,—уменьш. отъ пиряпеча—родъ пирога, лепешки (73).

Питинья́, и́—епитимья (520).

Пи́тички, неопр. накл.—пить (3).

Пі́уна-и́уна ягода—годная для питья (въ настойкѣ) и для ѣды (264); см. ійвна.

Плата́тца, а́юсь—качаться, шататься (562).

Плати́нычка,—уменьш. отъ плотъ, заборъ (419).

Плёнки, нокъ, мн. ч.—силки для ловли птицъ (470).

Плиска́ть, щу́, 3 мн. **плища́ть** (у ладки)—плескать, хлопать (въ ладоши) (11).

Плитяни́ца, ы—плетеный шнуръ, веревка, жгутъ (72).

Плыда́ ж. р. (отъ плодъ)—родня, потомство (560).

По́бычъ, нарѣч.—по бокамъ, подлѣ, рядомъ (7).

По́лиука, и—подлива, уха (400).

По́ликъ, уменьш. **по́личикъ, чка** (гарѣлки)—мѣрочка, чарочка (175, 172...).

По́лхва, см. Святый Полхва.

Полъ, у—1) полымя, пламя (156); срв. пылъ 2) полати (504).

По́лыхъ, а—пологъ, постель (269).

Помузда́ть, а́ю, см. музда.

Пона́у́женый ко́шикъ—плетенка для пчелъ съ подпорками для сотовъ (174).

По́палзень, зня—ползунъ, ползучій, ползающій (378).

Похождэ́ніе, я—происхожденіе (656); срв. пахаждэння, приraждэніе.

Почапи́ть, плю́—повѣсить, нацѣпить (27).

Прабо́йнистый (гасти́нецъ)—бойкій? укатанный? (553); срв. прибойный (609); польск. bity gościniec—шоссе.

Правужтако́й—изъ пра-ужъ-такой, или: право-ужъ-такой (427).

Прадава́ть гла́зы—глазѣть, таращить глаза (11); срв. малор. продавати вытрищки.

Прака́ить, а́ю—выбранить, пожурить (445), отъ каить—бранить, наказывать (Нос.).

Пралу́бычка, и—маленькая прорубь (73).

Праме́жда — между (691); срв. мижда.

Прамизъ, предл.—между (657); проміжъ (660); срв. мизъ.

Пра́ницы, мн. ч. — дурная болѣзнь (487).

Прапётывать, аю—пропитывать, кормить (647).

Прапу́тный (витярбкъ) — попутный (402).

Прасмяшли́вый — насмѣшливый, пересмѣшникъ (368).

Прастѣнь, прыстѣнь, род. п. мн.ч. праснёу—мѣра (стѣнка) пряжи, высновапной для тканья, также мѣра сотканнаго полотна (136, 18, 274).

Паратаярхъ, пратоярхъ, протоярхъ, а—патріархъ (656, 661).

Прать, пяру́—бить, ударять (пранікомъ) (6).

Прачища̀тца, а̀юсь — причащаться (655).

Праява, ы—1) привидѣніе; 2) явленіе, событіе, случай, курьёзъ (511).

Прегра̀дъ (пресла̀вный) — городъ (658).

Предвѣща́ть, предвѣща́тца — промолвить (656, 655).

Пречь, сокращ. вм. **пряжить** (яёшню) —жарить (84); срв. пряжитца.

Прибо́йный, то же, что прабойнистый.

Прибира́тца, прибра̀тца,—см. убиратца.

Прибу́ть, у́ю—пріобуть (341); прич. прибутый.

Привича́ть, а́ю—привѣтливо приглашать, угощать (262).

Привустра̀шный—престрашный (676).

Приганя́тый — пригонщикъ, сгоняющій крѣпостныхъ на пригонъ, т. е. на работу (253).

Пригарну́тца, — приблизиться, придвинуться, прижаться (441, 529).

Приго́да, ы—случай, приключеніе, несчастье (374).

При́гонъ, а — барщина, работа (9, 498).

Пригрусти́ть, щу́—пригрозить (140).

Придвиди́тца, жусь — привидѣться (о снѣ) (676).

Придви́жинь (градъ), соб. имя—? (670, срв. 672).

Придме́тъ, а—примѣта (434).

Придѣть, ѣну—пріодѣть (341).

Призайнивить,—см. заивинить.

Призвади́тиль, я—производитель, виновникъ, съ оттѣнкомъ брани („ды чаго дѣўку призвёў!“) (441); срв. „призвадить сикреты“ (576).

Примка́ть, а́ю—примчаться, прибѣжать (483).

Принадо́бный — отъ надобный, полезный? или отъ польск. nadobny—красивый? (609).

Припала́хтыватца, аюсь — всполошиться, испугаться (481).

Припыта́тца,—см. пытать.

Прираждэ́ніе—происхожденіе (656); срв. нагараждэння, пахаждэння.

Приўвазрѣніе, я — прозрѣніе (658).

Приўгалбу́юшка, ср. р. — изголовье (230).

Приўдалѣть—стать далекимъ, отдалиться; замѣшкаться (382).

Приўзаю́тный (о комарахъ)—живущій въ затишьѣ и надоѣдающій тамъ (384).

Причи́нуши малолѣтніе—малолѣтки, подростки? (690).

Проми́жъ, см. прамизъ, прамежда.

Про́ти, предл. — передъ (611,690); срв. напроти.

Протоя́рхъ, см. пратаярхъ.

Прыстѣнь, см. прастѣнь.

Пря́житца, жусь — жариться (493); срв. пречь.

Пряжо́нка, и — толстуха, жирная (301); обычное выраженіе: жо̀нка якъ пряжо̀нка; срв. пряжѐня—поджаренное кушанье, соусъ (Нос.).

Пря́льля, и—пряха (3).

Пря́чуща—пряха, прядущая съ охотою (308).

Псувáть, ую́—портить, изводить понапрасну (132).

Пувáга, и—серьезность, достоинство, уваженіе (195).

Пувялённый—повелѣнный, приказанный (645).

Пугавьё, я́—палка, кнутовище (497).

Пу́жинька, и, уменьш. отъ пуга — хлыстъ, кнутъ, кнутовище (27).

Пу́ня, уменьш. **пунька, и** — сарай, рига (81,96).

Пупрядýха и,—пряха (370).

Пусь пусть, пускай (587).

Пуўзырвáть, вý—посорвать (640).

Пусты́льня, чаще **пустэльня, и**—пустыня (169).

Путиўли: при Путиўли, по недоразумѣнію вм. при пути ли (434).

Пухувáтца, áюсь—попрятаться (619).

Пыбяди́ть, жý — довести до бѣды, бѣдности, обездолить (579).

Пылъ, у—жаръ, пламя (64); срв. полъ.

Пынажи́, см. панажи.

Пыражóный, см. паражоный.

Пырхáть, áю—порхать (14).

Пытáть, áю—спрашивать (346); отсюда: **припытáтца** (къ дому) — найти по разспросамъ (173).

Пякéльникъ, а, см. пекельный.

Пятрóчикъ, чна—ласк. отъ Петръ, иначе Петрукъ, Пётрушка (187, 454).

Р.

Рабувáть, ýю—обирать, грабить, снимать одежду (678).

Рáда, ы уменьш. **рáдачка, и** — совѣтъ (620, 245).

Рáдатца, аюсь—радоваться (113).

Радúха, и—родительница, роженица (12).

Ражéння, ср. р. собир. отъ рожóнъ (51).

Ражéўничакъ, чна—одинъ изъ членовъ компаніи волочебниковъ, носящій на рожнѣ (шестѣ) сало, колбасы, получаемыя за колядованіе и шедрованіе (176,180).

Развáлъ, а—валъ земляной (616).

Развáльчистый (объ усахъ) — развѣсистый, раскидистый (614).

Развихáтца, áюсь — развихляться, расшататься (276).

Разгáрчистый—легко разгорающійся пламенный (405).

Разгрѣ́шный— получившій прощеніе грѣховъ (675).

Раздружи́ть, ý—раздражить (64).

Раздрыгáть, áю — раздергать, разбросать (358).

Размагатáть—обезсилить не въ моготу? (456); м. б. по ошибкѣ вм. размазгатать—разбить, размозжить (Нос).

Разманéжитца — разнѣжиться, расчувствоваться (138).

Размоўля́ть, размуўля́ть, я́ю—разговаривать (344).

Разстривáтца, áюсь — разставаться (684).

Разувáть сахý — снимать лемеши (612).

Разувéрзить, зю—раскрыть (643).

Рáить, ю — совѣтовать (294); срв. рада.

Ракóўя, сибир.—раки (272).

Ралéйный — относящійся къ ралу, паханію, пашнѣ (раллё — пахота, вспаханная земля, Нос.), употребляемый при паханіи (342).

Ральля́ й—то же, что раллё (Нос.), вспаханная земля (224); см. наралья.

Рамóнъ, мнý—роменъ, ромашка (202).

Рáндо, вм. **рáнда**, соб. аренда, въ частности корчма, шинокъ (298)

Рáнятый страд. прич. — раненный (631).

Распря́тывать, аю—раздѣвать, разстегивать (23).

Растаплётки, см. атóпыкъ.

Расчиня́тца, я́юсь—растворяться, раскрываться (337).

Рéли, мн. ч.—висѣлица (603); см. арели.

Рижанá—ряженая, нарядная (615).

Ритува́ть, у́ю—см. рятовать.

Рвися—повел. накл.: **не рвися**—не безпокойся, не сердись (55); м. б. вм. не рвися, отъ рваться — надрываться, выходить изъ себя; срв. „ни взрывай свае серца“ (677).

Родина, ср. р. — родимое, родное, наслѣдіе (479).

Родица, ы — родительница, родная (236); срв. парадитилка.

Руда́, ы́—кровь (586,646).

Ру́жичка, ср. р.—ружьецо (616).

Русаримскій—вм. кессарійскій (689); иначе кусаринскій.

Ру́та, ы—растеніе пахучее, употребляемое для вѣнковъ; обыкновенно въ соединеніи: рута-мята (381).

Ру́шать, аю—починать, начать рѣзать (610).

Рыга́ть, а́ю—рыдать (35,429).

Ры́сынька, и — ласк. эпитетъ: котынька-рысынька (474).

Рысчаче́нитца, нюсь—расхорохориться (35).

Ряготать, чу́—громко смѣяться (478).

Рязбчекъ, чка, уменьш.—рядъ, полоса, покосъ (561).

Рязьё, я́—остріе, лезвіе (643).

Ря́та́, ы́—помощь, спасеніе (366); см. рятуница.

Рятова́ть, рятува́ть, и ритува́ть, у́ю — подавать помощь, спасать (366,622).

Ряту́ница, ряту́нка, ряту́ночка, и— то же, что рята (334, 366, 383).

Рячи́ть, чу́—говорить, сказать (167).

С.

Саградить, жу́—вознаградить? или оградить отъ бѣды (267).

Сазда́ть — дать, даровать (641, 648,651).

Сайрвывать, аю—срывать (405).

Саладу́шка, и отъ саладуша,—кушанье изъ ржаной муки, въ родѣ браги (480).

Салау́янка (пташка)—соловей (78).

Сало́нка, и—соломка (613).

Салавимскіе святые — Соловецкіе угодники (689).

Самаво́лка, и — живущая по своей волѣ, на свободѣ (270).

Самадёрга, и — ободерганная, оборванка (148).

Самато́ка, и—ткачиха; отсюда прилаг. **саматбшный** (3).

Сана́той—сановитый (505).

Сащапитца—сцѣпиться (193).

Сащепить руки—сжать руки, всплеснувъ ими (600).

Саяница—франтиха, носящая саянъ, т.-е. дорогое шелковое платье (194,140).

Сварйтца — ссориться, браниться (222,475).

Святый По́лхва—Святополкъ.

Сда́у, нарѣч.—издавна (301).

Се́лязе́нь, силязе́нь — 1) селезень (195); 2) селезенка (17).

Сивялёзинькій—сивый, сѣрый (613).

Силко́вый—шелковый (674).

Силя́ть, я́ю, — вѣшать, цѣплять (603,648).

Симяристинькій — эпитетъ лаптя, укцзывающій на особый способъ плетенья (325).

Синебуты́лый — бранный эпитетъ галки (520).

Скара́ть, а́ю — наказать, покарать (223).

Скарбо́нчикъ, чика—рубль (327).

Скинутца, усь — обернуться чѣмъ, прикинуться, сдѣлаться (225).

Скоблйтца, юсь—скрестись (26).

Ско́рысти—вскорѣ, скоро (652).

Скры́ня, и — сундукъ, особенно съ приданымъ (507,578).

Скрысе́ньня, ср. р. — воскресенье (504); также васкресе́ньня (675).

Скуко́бысть, и — то же, что кукобленье (230).

Ску́лка, и, уменьш. отъ скула — чирей (306).

Слажо́ный—слащоный, сладкій, сдобный (558).

Слатяинóю—испорч. слово (сватанною?) (151).

Сливнóй—проливной (26).

Слизалúвецъ, вца — заставляющій проливать слезы (666).

Слóва, нарѣч.—словно (27).

Смагувáть, ýю—чувствовать жажду отъ внутренняго жара; переносно страдать (336).

Смáжинька, и, уменьш. отъ смáга—запекшіяся губы отъ жара или жажды (336).

Смýтокъ, у—горе, печаль (682).

Снóсный — легко снимающійся съ мѣста (520).

Снытычка, и—уменьш. отъ сныть, сныдь—весенняя трава съ синими и красными цвѣтами, употребляемыя въ пищу, какъ ботвинья (197).

Сõника, ср. р., уменьш.—солнышко (672).

Сопиха—? (72).

Сóпуха, и — по Носовичу, сажа въ трубѣ, а **сопýха**—женщина, имѣющая привычку сопѣть; изъ контекста смыслъ не ясенъ (69).

Сопыýнять—наполнять (367).

Сóтка, и—сотня, сотенная бумажка (578).

Спавúвушка, и — пеленка, свивальникъ (230).

Спавидáтца, áюсь—исповѣдываться (655).

Спадабáть, áю — понравиться, вм. спадабàтца (311).

Спадѣвáтца, áюсь—надѣяться (299).

Спарышéнь, я, ласк. спарышéньчикъ, а—спорышъ, какъ олицетвореніе спорости въ работѣ, особенно на нивѣ (254); срв. споръ (687).

Спатребúть, блю—истребить (274).

Спатыкáть(огонь)—караулить?(581).

Спачувáнія, ср. р., вм. спачивання—покой, отдыхъ, сонъ (602).

Спинàтцаáюсь – сцѣпляться въ спорѣ, дракѣ; становиться на дыбы (222).

Спóръ, у—см. спарышèнь.

Спраклáдливый—покладистый, удобный, пріятный (553).

Спузáтца, áюсь—испугаться (4).

Стáинка, и, уменьш. отъ стáйня, конюшня (270).

Старчóўка, и—старуха, нищая, попрошайка (125).

Стáсейка, и—zulva, то же, что миpёница (имѣетъ ли отношеніе къ имени Стась, уменьш. отъ Станиславъ, или Стаська—Степанида? Нос.) (480).

Стáтэкъ, тку — домашній скотъ (513,689).

Статэ́шный—путный, хорошей живани (682).

Сташнúтцаюсь—встосковаться(357).

Стёвый—вм. тотёвый—тестевъ (459, срв. 323).

Стёгнушка, ср. р., уменьш. отъ стегнó, лодыжка ноги (259).

Стёжинька, и—уменьш. отъ стежка, стезя, тропинка (53).

Стóрушка, вм. сторожка—сторожъ, слуга? (597); срв. у Нос. (прибав.) сторожòвка—должность сторожа.

Стрыклúвый (о крапивѣ) — жгучій (369); срв. нарѣч. **стрыкна** (52).

Стрѣхá—соломенная крыша; отсюда: застрѣшинья ср. р., пастрѣщина, ср. р. (195,258).

Стулувáть, ýю—поломать, помять, избить, измочалить (376); срв., напр., выраженіе: кони стулувàли траву—измяли, выбили, вытоптали, сравняли съ землей; м. б. отъ слова столъ, дающаго представленіе о совершенно равномъ пространствѣ (стулувать-сстоловать?).

Стѣнь, и—тѣнь (441).

Су, сы, предл. — съ, изъ (578, 610, 670, 690).

Сувáлка, и—то же, что валка (2,216).

Сувѣдатца, аюсь — свѣдаться, спознаться (603).

Сукалúнка, и, сукалѣно, а—колѣнце въ стеблѣ (199); у кустарника (522).

Суийтца—поразиться до потери сознанія (565).
Сунбжка, и — подножка у стола, скамьи (177).
Сурныўка, и—мѣсто для сора, помойная яма (216); отъ суръ—соръ (Нос.).
Сусноватца, уюсь,—основаться (646).
Сустрикать, аю—встрѣчать (74).
Сутринбживать, аю—стреноживать, спутывать (117).
Суть-пересуть — судебный процессъ (10).
Сухута, ы — горе, печаль, забота, (200).
Сушйльца, ср. р.—предметъ причиняющій сухоту, заботу, изсушающій (281).
Суятйиъ, а—сутяга, суетливый (691).
Схамянутца, усь—опомниться (251).
Схапйть, плю—схватить (396).
Схинуть—склонить, нагнуть (552).
Схувать, аю—спрятать (612).
Счипянутца, счепянутца — спохватиться (148,251); срв. щипянутца.
Сы, см. су.
Сыньній,—сыновній (622).
Сыпасй, пов. накл., накорми (325).
Сыръ—сырь, сырьё, живое мѣсто (73).
Сьма, ы — тьма въ значеніи счета (668).
Сѣкѣрица, сякурушка—сѣкира, топоръ (237).
Сянни—сегодня (146,293,327).
Сянцб—сѣни, сѣнцы? или ошибочно вм. сяльцо? (125).
Сѣдень, дня—сидень (378).
Сядѣлка, и—скамейка? сѣдло? (8).
Сямёнышки, мн. ч.—? (613); **сямёнушки** (615), назв. какихъ-то животныхъ на воровскомъ языкѣ.
Сябрійскія горы (644); **Сябринскія урата** (645).
Сывастбшная вада—отъ сл. востокъ? или отъ истокъ—ключъ? (645).

Т.

Талань, и—таланъ, участь, судьба (387,618).
Талька, и—снарядъ для мотанія нитокъ въ пасма и мотки (8).
Тальяиъ (платокъ), сокращ. изъ итальянскій — дорогой, заграничный (419):
Танбкъ, нка — танецъ, хороводъ (24...).
Таня, и—тоня, сѣть (323).
Танять 3 л. мн. ч.—тонутъ (613).
Таранйтца, нюся — сторониться (269).
Тарбавать, вм. турбовать — безпокоить, мучить (110).
Ташнбта, ы—тоска, скука (375); **ташнувать ую**—тосковать (208).
Твисти, тьвисти, т(ь)вѣтъ, т(ь) вѣтный, раст(ь)витать и т. д.—цвѣсти, цвѣтъ и т. д. (20, 225, 242, 319...).
'твячбрка, и—см. атвячорка.
Тѣгу-тѣгу—окрикъ на гусей (405).
Терезъ, тиризъ, тирязъ — черезъ (667, 9,29).
Ти—вопрос. частица ли (1,611).
Тильпушбчикъ, чка, уменьш. отъ тильпухъ—палка, обрубокъ (480).
Тилялёхъ—телепень? но скорѣе это междометіе звукоподражательное (504).
Тимьё, я—темень, мракъ (121); см. опечатки.
Тисмбвинькій—тесмянный (530); срв. исьменный.
Тисувать, ую — тесать, плотничать (488).
Титарукъ, а—тетеревъ (260).
Тить—итти (189), срв. идити.
Токма—только (625).
Токъ, вм. утокъ—нитки, которыми перетыкается основа (148,470).
Тбрбычка, и, уменьш. отъ торба—сумка, мѣшочекъ (612).
Трастѣлки, мн. ч.—тростникъ, или названіе мѣстности (216).
Траўна, нарѣч. — травно, обильно травой (616).
Трѣба, нарѣч.—надо (328).
Трбпнуть — стукнуть, хлопнуть (259).

Трóшачку — крошечку, немножко (420).
Труждэникъ, а — труженикъ, подвижникъ (167).
Трыстинá, а — тросточка, посохъ (688).
Тстёвый, см. стёвый.
Тýга, и—горе, печаль; употреблено во множ. ч. «туги» для рифмы съ «луги» (77).
Тýлуўца, ср. р.—туловище (481).
'тумáнъ, см. атумáнъ.
Турбáція, и—безпокойство, хлопоты; споръ, драка (2).
Тýру-тýру—междом., подражаніе пастушьей трубѣ (480); по поводу выраженія: „туру нагý пишить" см. Словарь Архангельскаго нарѣчія, Подвысоцкаго, подъ сл. туръ, и у Шейна «Великоруссъ» и т. д. I, 18.
Тýсьти, съ отриц. **ни тýсьти**, повел.—не тужите (630).
Тюрёмница, ы—тюрьма (578).
Тютька, и—собака (474).
Тясни́ца, ы—доска, брусъ (327).
Тясбрикъ, а, уменьш. — плотникъ (488).

У.

Убирáтца — прибираться, одѣваться, прихорашиваться (552), то же, что прибиратца, прибратца (530).
Убрýсъ, а—скатерть (256).
Увичаря́ти, я́ю—ужинать (622).
Увыйдити, увыйдý—войти (637).
Увяты—? (557), вѣроятно описка.
Увяздѣ́—вездѣ (613).
Угамувáтца—успокоиться (311,589).
Угóжій—годный, хорошій (641).
Удали́на, ы — далекая сторона, по аналогіи съ Украина (434).
Ужу—уже (648); срв. уюжъ.
Узгнайть, ю—сгноить (543).
Уздаря́ть милостыню (654).
Узланóтки, мн. ч.—локти (177).
Узрóстъ, у—возрать (659).
Узрыгáть, áю—рыдать (156); срв. изрыгать.
Узрыдувáтца—возрадоваться (165).
Уклóмбы (низкіе), мн. ч.—вѣроятно вм. уклоны, поклоны, привѣтствія (37).
Укыхáный—любимый, возлюбленный (250).
Уликáться, áюсь—пугаться (669); **уликнýтца**, ýсь—испугаться, устрашиться (131).
Умирýщая (**смерть**)—умерщвляющая (650).
Унáдитца, жусь—повадиться, пристраститься (450).
Унимáть, áю—останавливать, задерживать у себя (357).
Упаять, я́ю — вонзить, запустить (524).
Упинáтца, áюсь—упираться (603).
Упикáньника, ср. р. — распеканье, укоры (370).
Упувáть, áю—полагаться, надѣяться; обращать вниманіе (563).
Урýга, и—1) мѣсто, отведенное для пастьбы скота, птицы (6); 2) укоръ (Нос.).
Урюмый — угрюмый, мрачный, злой (266).
Урядовáть, ýю—вредить (671).
Усёѣдныя (**нядѣля**) — сплошная (611).
Усклы́чаный — всклоченный, растрепанный (348).
Ускорьби́ть, блю—печалить, кручинить (673).
Успивáльничикъ, чка — запѣвало (176...).
Успря́цымъ буд. вр.—уберемъ, спрячемъ, отъ успрятать (153).
Устóрнуть, у—воткнуть (11).
Устряпнýть, ý—встрепенуться (622).
Устьи гарадá—? (613).
Утваря́ть, **утвыря́ть** (дѣжу, пирожки)—разводить, ставить тѣсто (73, 506, 561).
Уюжъ—уже (649); срв. ужу.

Ѳ.

Ѳерувúмъ, а—херувимъ (689), также хурувúмъ (674).

Х.

Хаданáстый—укоризненный эпитетъ галки (520).

Халастáнъ—принадлежность одежды? или скорѣе слово безъ смысла, образованное для риѳмы? (476).

Харахóня, и—хорохорящаяся, ревнивица (27).

Харчúста нарѣч. — обильно, вкусно (455).

Хаўтýры, ъ мн. ч.—похороны (484); см. объ этомъ словѣ у Шейна (Бѣлор. пѣсни, 502).

Хвàбрый—храбрый (640).

Хвалéтаръ, а—форрейторъ (518).

Хварóба, ы—болѣзнь (690).

Хвáцка, нар.—ловко, бодро, молодецки (553).

Хвýстка, **хýстка**, и — платокъ (121).

Хлопъ, а—охлопокъ, пакля (56).

Хлудóчикъ, чка—прутикъ (33).

Хляптýха, и—укоризненное прозвище (хозяйка-хляптуха), отъ междом. хляпъ, или хлёбъ? (254).

Хмáрниньна, нарѣч. отъ хмàрно—сумрачно, облачно (279).

Хóртичикъ, чка—уменьш. отъ **хортъ** род. п **хыртá** — борзая собака (348,40).

Храпотѣть (и **храпотáть**?), — хрустѣть, трещать (478,517).

Хрéзьбины, см. **кстины**.

Хрáпать, аю—шумѣть (614).

Хувáтца, áюсь—прятаться (4).

Хударьбá, ы́—худоба (410).

Хужъ, **хучъ**—хоть, хотя (431,37).

Хурувúмъ, см. ферувимъ.

Хурургéръ, а—курьеръ (619).

Ц.

Цапагú, бў, мн. ч.—сапоги (3,5).

Цапы́, бў мн. ч.—мотки? веретёна? (148); обычное значеніе молотильныхъ цѣповъ здѣсь не подходитъ.

Цýцела, ы—чучело (4).

Ч.

Чапéлычка, и — принадлежность кросенъ (132).

Чапурнéнька, нарѣч.— опрятно, нарядно (530).

Чарвóный, **чирвóнный** — красный (602,601).

Частувáть, ýю—угощать, подпаивать (289).

Челобúтчика, ср. р., уменьш. — челобитье, поклонъ (341).

Чéмирь, ж. р. — чемеръ, болѣзнь лошади (11).

Чилавѣкъ — 1) человѣкъ; 2) мужъ (255).

Чúмся, **чѣмся**, союзъ — **чѣмъ** (682).

Чипáть, áю, **чиплять**, áю—цѣплять, вѣшать (603,604); срв. зачàпливать.

Чипяльнúще, а—ухватъ, палка для выниманія горшковъ изъ печи (62).

Чирвóнный, см. чарвоный.

Чичары́—припѣвъ въ дѣтской игрѣ и самая игра (497).

Чóбытъ, а, мн. ч. **чабаты́**, р. п. **чабóтъ**, уменьш. **чабатóчикъ**, чка—сапогъ, башмакъ (267).

Чубъ-чабатóчикъ—см. чобытъ.

Чудасý (вин. п.)—чудо (656).

Чудóвный—чудотворный (675), также **чýдный** (677).

Чуки-чуки-чукáлычки—дѣтская прибаутка (488).

Чýпикъ, уменьш. отъ чупъ, чубъ, волосы (620).

Чуркàльскій (о сѣдлѣ),—черкасскій (439).

Чярéпать, аю—черпать (9).

Ш.

Ша́бля, и—сабля (641); съ эпитет. «марзаве́цкая» (667).

Ша́бусъ, а—шабашъ (507).

Шаволи́ть, ю—шевелить (613); срв. пашива́ливать.

Шалёный — сумасшедшій, бѣшеный, (621); также **шально́й** (691).

Ша́ливый платокъ—шаль (45).

Шалу́пачка, и—скорлупочка (260).

Ша́мать, **ша́мнуть**—шумѣть, шуршать (56).

Шанува́ть, у́ю—1) уважать, почитать (491); 2) поучать, наказывать (100).

Шараши́тца, у́сь—шарахаться (27).

Шаре́нка, **шаро́нгъ** и **шаро́нка**—шеренга, строй (660,571,637,654).

Ша́та, ы—риза, платье дорогое (14, 683).

Шатанёнки, уменьш. мн. ч.—штаны (610).

Шатрува́ть, у́ю (рыбу) — чистить, потрошить (400).

Шаўцы́, мн. ч. отъ швецъ—сапожникъ (500); въ текстѣ опечатка: глаўцы.

Ше́лигъ, а—шелягъ, грошъ (242).

Ширакабѣ́дница—укоризненный эпитетъ курицы, насѣдки (520).

Ширмува́ть, у́ю—шумѣть, бушевать (о вѣтрѣ) (100).

Шке́лный (шкелная, манерная)— веселый, насмѣшливый (40); срв. шкелить, шутить, насмѣшничать. (Нос.).

Шляхъ, у—дорога (620).

Шпа́рній—быстрый, горячій на бѣгу (304).

Шпа́терь, а—прогулка (поль. spacer, съ нѣм.) (672—3).

Шпатре́бувать, ую — то же, что спатребить (645).

Шпита́ль, ю — госпиталь (572); срв. вашпита́льня.

Шпо́кнуть, ну—лопнуть съ трескомъ хлопнуть (625).

Шпульну́ть, ну́—швырнуть (7).

Шташо́чикъ, чха (вина́)—штофчикъ (553).

Што́я—что-нибудь (8).

Шугаве́ица, ы — метель, вихрь; по отношенію къ мужчинѣ—бездѣльникъ, вертопрахъ (56).

Шу́гі—междом., означающее быстрое взлетаніе съ шумомъ, полетъ, отлетъ (339).

Шугу́кать, аю—шумѣть (о вѣтрѣ), бушевать (375).

Шу́ла, ы — столбъ въ заборѣ или стѣнѣ (179); отсюда собир. **шу́лья** ср. р. (204).

Шума́ркать, **шума́ркыть**, **шума́рхать**, аю—шумѣть (611,613,614).

Шу́ры-бу́ры, звукоподр. въ смыслѣ им. сущ. мн. ч.—буря, вѣтеръ (530).

Шѣрый — сѣрый (111); **шѣринькій** (450).

Щ.

Щамялёкъ, **лька́**; **щамялёчикъ**, **чка**— уменьш. отъ щаме́ль? (60). У Нос. щеме́ль—шмель.

Щекблдычка, и — бранное названіе сороки (519).

Щибялі́тычка, и—названіе растенія или травы, вѣроятно въ родствѣ съ словомъ щавель (197).

Щибятли́вый—много щебечущій, эпитетъ сороки (518).

Щигали́на, ы—щёголь (384).

Щипяну́тца — спохватиться (653, 518); срв. счипянутца.

Щи́рый — густой; щирый боръ — густой, дѣвственный лѣсъ (73,638).

Щитъ — циновка, мата, сплетенная изъ соломы для закрыванія зимою оконъ снаружи; насмѣшливое выраженіе «щи́томъ павюра́ла» вѣроятно имѣетъ въ виду сравненіе плохо сотканнаго полотна съ соломенной плетенкой (274).

Ы.

Ымбáръ, а—амбаръ (165).

Ѣ.

Ѣшъ (опис., вм. ешь, есь?) — 2 л., еси (582).

Э.

Эстый, р. п. ж. р., этой—см. éтытъ.

Ю.

Юлўзу: на юлўзу — ? испорч., можетъ быть на-й-у-лузи — на лугу? Срв. отъ того же корня испорч. слова: вылўзю, у лóзи (-вар. во лузяхъ) (208).

Юня? вин. п. ю́ню — юноша (670).

Юрбчикъ, чка—палочка съ развилками по концамъ для мотки нитокъ, уменьш. отъ юрóкъ (8).

Юхá, й—уха (519); уменьш. ю́шка.

Я.

Явъ, или яў, р. п. я́ва—примѣта, признакъ (54, 463).

Якій— какой (556).

Ялйнка, уменьш. отъ ялйна — ель, елка (609); ялинушка (624).

Ялки, мн. ч.—? (573); м. б. въ родствѣ съ польск. jelita, животъ, кишки (см. Linde).

Янá (64), янó (476), яны́ (144),— она, оно, они, онѣ; срв. іонъ, ина и пр.

Янгиль, я — ангелъ (647); срв. ангалъ.

Янырáлъ, а, см. винаралъ.

Ятрóўка, и—жена брата (220).

Яў, см. явъ.

Замѣченныя важнѣйшія опечатки и поправки.

Стран.	*строка*	*вмѣсто*	*надо:*
11	12 св.	другои	другоя
19	9 „	веселье-ка [1])	весельека
„	12 „	мазоли-ка [1])	мазолика
21	4 „	на	па
23	13—14 сн.	найгрищика	на йгрищика
24	6 „	васила	василя́
„	19 „	тонокъ	тано̀къ
32	12 св.	ин	ни
„	къ № 40 прибавить: (срв. стр. 29, № 34).		
35	10 св.	камару	камо́ру
40	15 сн.	Ралубой	Галубой
69	16 „	сапухый	со́пухый
70	4 „	катютпа	котютца
72	8 „	хмара	Хмара̀ (назв. рѣки)
80	9 „	молодомъ	холодомъ
81	4 св.	1 а)	1 б)
85	10—13 „	з'гарода	згарода
88	5 „	иа	на
„	14 сн.	совѣмъ	совсѣмъ
101	1 св. пропущена глава VIII (см. оглавленіе).		
104	2 сн.	верба. 2	верба,
113	вверху вмѣсто 2-го стиха въ лѣвомъ столбцѣ вставить:		За стараго идучи. А я жъ былъ и т. д. (съ нач.). Іонъ сталъ щебетать, Усю праўду казать,
114	15 и 17 св.	падъ лѣстю	падлѣстю
115	10 сн.	краска	красна
118	7 „	Канень	Камень
121	2 „	Тимья	тимья́ (темьё—темнота).
130	въ № 92 стихъ 4-й лишній.		
„	18 св.	зъ-вязора	зъ-вячо́ра
141	7 сн.	А жо	А ўжо́

[1]) такъ и въ рукописи.

Стран.	*строка*	*вмѣсто*	*надо.*
143	11 сн.	а иржи	а ў иржи
„	15 „	любить	любить
149	8 св.	сябе	сябѣ
152	6—7 „	слова: панижи—паближи надо переставить одно на мѣсто другого.	
164	7 сн.	врѣчаеть	встрѣчаеть
182	6 св.	ии	ни
183	9 сн.	шалковыя	шалковыя
210	13 „	у мѣсти	умѣсти
215	7 „	гярѣла	гарѣла
219	1 „	сосѣдей... Назаваніе	сосѣдней... Названіе
229	11 „	скраю	съ краю
239	4 „	койника	коника
248	9 св.	сытяли	стыяли
251	21 „	набялалась	набялилась
269	2 „	ширыи	щи́рыи
326	3 „	гурная	дурная
344	къ № 76 прибавить: (срв. стр. 50, № 82).		
375	13 сн.	дититя	дитятя
379	19 св.	зъѣжала	зъѣзжала,
392	13 „	бранить	обронила
395	1 сн.	Чистымъ	Частымъ
427	22 „	тябе	тябѣ
434	15 „	ўдалиницы	ў далиницы
439	13 „	падружке	падружка
471	10 св.	Прўиталокъ	Приўталокъ
478	19 „	сябе	сябѣ
500	23—24 „	глаўцы	шаўцы́
504	21 „	папиўся	напиўся
„	29 „	въ при	въ
506	12 сн.	сидлаишъ	сидлаить
519	19 св.	базногая	бязногая
532	15 „	слзёы	слёзы
687	3 „	наклеючивали	наключивали
688	при № 23 б) прибавить: (срв. вар. на стр. 169).		

Примѣчаніе: Здѣсь не отмѣчены нѣсколько случаевъ неправильной постановки краткихъ ў, й вм. у, и, или наоборотъ, напр.: ишоу, вайтоуна купйў и т. п.

Записки И. Р. Географическаго Общества по отдѣленію этнографіи.

Томъ.

I. Статьи и матеріалы *М. Н. Галкина, И. И. Носовича, А. П. Крыжина, А. Георгіевскаго, С. П. Микуцкаго, П. А. Муллова, П. А. Матвѣева, А. П. Дешко, Н. Я. Аристова, Л. Н. Майкова.* Спб. 1867 г. Ц. 2 р. Изд. под. ред. *В. И. Ламанскаго.*

II. Статьи и матеріалы *А. Н. Трунова, И. П. Хрущова. П. С. Ефименко, А. Ө. Гильфердинга, И. Носовича, Н. С. Щукина, А. Я. Кокосова, Л. Н. Майкова, Е. К. Огородникова, П. П. Чубинскаго, А. Н. Веселовскаго, Х. Е. Барона.* Спб. 1869 г. Ц. 2 р. 50 к. Подъ ред. *Л. Н. Майкова.*

III. Статьи и матеріалы *П. С. Ефименко, А. С. Іонина, В. В. Богишича, В. Якшича, П. И. Небольсина, И. С. Полякова, Е. В. Барсова, Л. Н. Майкова.* Спб. 1873 г. Ц. 2 р. 50 к. Подъ ред. *Л. Н. Майкова.*

IV. Матеріалы и изслѣдованія *Е. В. Барсова, Н. Н. Галкина, С. П. Микуцкаго, А. Полонскаго, Виллье́ръ-де-Лиль-Адама, В. Н. Майнова, архим. Леонида.* Спб. 1871 г. Ц. 3 р. 50 к. Подъ ред. *А. И. Савельева.*

V. Матеріалы и статьи *И. И. Носовича, П. В. Шеина,* и др. Спб. 1873 г. Ц. 2 р. 50 к. Подъ ред. *О. Ө. Миллера* и *П. А. Гильтебрандта.*

VI. Статьи и матеріалы *В. В. Радлова, В. М. Успенскаго, Н. Н. Пантусова, А. А. Куна, г. Насырови, А. И. Макшеева, В. Д. Аленицына, Ө. Ө. Буссе,* Спб. 1870 г. Ц. 2 р. Подъ ред. *Н. И. Веселовскаго* и *П. И. Лерха.*

VII. Изслѣдованія и матеріалы *Е. К. Огородникова, И. П. Калинскаго, Я. Ө. Головацкаго.* Спб. 1877 г. Подъ ред. *Л. Н. Майкова.*

VIII. Подъ редакц. д. чл. *П. А. Матвѣева.* Сборникъ юридическихъ обычаевъ. Спб. 1878. Ц. 3 р.

IX. Подъ редакц. д. чл. *Л. Н. Майкова*: 1) Извѣстія Константина Багрянороднаго о Сербахъ и Хорватахъ. *К. Я. Грота.* 2) Волжскій бассейнъ по книгѣ Большаго Чертежа. *Е. К. Огородникова.* 3) Изслѣдованія по каменному вѣку. *И. С. Полякова.* Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.

X. *Вып. 1.* Путешествіе черезъ Сибирь до границъ Китая Николая Спаѳарія въ 1675 г. Подъ ред. д. чл. *Л. Н. Майкова.* Спб. 1882 г. Ц. 1 р.—*Вып. 2.* Посольство къ Зюнгарскому хунъ-тайчжи Цэванъ Рабтану Ивана Унковскаго и путевой журналъ его за 1722—1724 годы. Спб. 1887 г. Ц. 1 р.—*Вып. 3.* Демонологическіе разсказы Киргизовъ. *М. Миропіева.* Подъ ред. д. чл. *Н. И. Веселовскаго.* Спб. 1883 г. Ц. 30 к.

XI. Подъ ред. д. чл. *Л. Н. Майкова.* Антропологическія изслѣдованія среди Мордвы-Эрзи. *В. Н. Майнова.* Спб. 1883 г. Ц. 3 р.

Томъ.

XII. Подъ ред. д. чл. *Л. Н. Майкова.* Сказки и преданія Самарскаго края, собр. *Д. Н. Садовниковымъ.* Спб. 1884 г. Ц. 2 р. 50 к.

XIII. Подъ ред. чл.-сотр. *Ѳ. М. Истомина. Вып. 1.* Угрорусскія народныя пѣсни, собр. *Г. А. де-Волланомъ.* Спб. 1885 г. Ц. 1 р. *Вып. 2.* Гомельскія народныя пѣсни. Запис. *З. Радченко.* Спб. 1888 г. Ц. 1 р. 50 к.—*Вып. 3.* Пинчуки. Этногр. сборникъ. *Д. Г. Булгаковскаго.* Спб. 1890. Ц. 1 р. 20 к.

XIV. Подъ ред. д. чл. *П. А. Соколовскаго. Вып. 1.* Очеркъ юридическаго быта Мордвы. *В. Н. Майнова.* Спб. 1885. Ц. 1 р. *Вып. 2.* Вотяки Сосновскаго края. *Гр. Верещагина.* Спб. 1886 г. Ц. 1 р.—*Вып. 3.* Вотяки Сарапульскаго уѣзда Вятской губ. *Гр. Верещагина.* Спб. 1888 г. Ц. 1 р.

XV. *Вып. 1.* Подъ набл. чл.-сотр. *П. А. Соколовскаго.* и *М. Ѳ. Истомина.* Матеріалы для Этнографіи латышскаго племени Витебской губ. Собралъ и снабдилъ объясненіями *Э. А. Вольтеръ.* Часть 1. Спб. 1890 г. Ц. 4 р.

XVI. Очерки быта буддійскихъ монастырей и буддійскаго духовенства въ Монголіи, *А. М. Позднѣева.* Спб. 1887 г. Ц. 3 р.

XVII. Подъ ред. д. чл. *Н. И. Веселовскаго. Вып. 1.* Таранчинскія пѣсни. Собр. и перевед. *Н. Н. Пантусовымъ.* Спб. 1890 г. Ц. 2 р.—*Вып. 2.* 1) Обитатели, культура и жизнь въ Якутской области. *М. С. Вруцевича.* 2) Матеріалы по антропологіи и этнологіи киргизъ. *В. Д. Тронова.* 3) Обычаи и обычное право киргизъ. *Его-же.* 4) Обряды и обычаи чувашъ. *В. И. Михайлова.* 5) Поѣздка въ Карагасамъ въ 1890 г. *Н. Ѳ. Катанова.* Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

XIX. *Вып. 1.* Подъ ред. д. чл. *В. И. Ламанскаго*: Соловки, *П. Ѳ. Ѳедорова.* Кроншт. 1889. Ц. 3 р.—*Вып. 2.* Подъ ред. чл.-сотр. *А. Н. Пыпина*: Народн. обычаи Саратовск. губ. Собр. *А. Н. Минхъ.* Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

XX. Подъ ред. д. чл. *В. И. Ламанскаго* и чл.-сотр. *И. Н. Половинкина*: Смоленскій Этнографическій Сборникъ. Сост. *В. Н. Добровольскій.* Ч. 1. Спб. 1891 г. Ц. 5 р.

XXI. *Вып. 1.* Подъ ред. чл.-сотр. *Ѳ. М. Истомина.* Сборникъ библіографическихъ матеріаловъ для географіи, этнографіи и статистики Литвы. Составилъ чл.-сотр. *С. Балтрамайтисъ.*

XXII. Македонско-славянскій Сборникъ. *П. Драганова.* 1894.

XXIII. Смоленскій Этнографическій Сборникъ. *В. Н. Добровольскаго.* Ч. II и III. Спб. 1894 г. Подъ ред. *И. Н. Половинкина.* Ц. 3 р.

XXIV. Записки о монгольскихъ кочевьяхъ. *Мэнъ-гу-ю-му-цзи.* Перев. съ кит. *П. С. Попова.* Спб. 1895 г.

XXVI. Путешествіе Марко-Поло. Перев. *И. П. Минаева.* Изд. подъ. ред. *В. В. Бартольда.* Спб. 1902 г.

XXVII. Смоленскій Этнографическій Сборникъ. *В. Н. Добровольскаго.* Ч. IV. Москва 1903 г. Подъ ред. *Н. А. Янчука.* Ц. 2 р.